

СПЕЦНАЗ ГРУ

АЛЕКСАНДР СЕВЕР

АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

Annotation

Спецназ – самое секретное оружие любого государства, «неприкосновенный запас» силовых структур, применяемый только в наиболее острых, смертельно опасных ситуациях. Спецназов много, но самый боевой, подготовленный, элитный – армейский спецназ.

В этой уникальной энциклопедии, посвященной истории российских Сил специального назначения с момента их зарождения до наших дней, впервые обобщены и систематизированы сведения обо ВСЕХ советских разведывательно-диверсионных группах, действовавших во вражеском тылу в годы Великой Отечественной (о многих из них прежде даже не упоминалось), о строго засекреченных «горячих» операциях спецназа ГРУ в период холодной войны, о боевой работе разведчиков-диверсантов в Афганистане и Чечне, а также о победах столь же героического и заслуженного, но гораздо менее известного спецназа ВМФ.

Кроме того, в энциклопедии приводится более 500 биографий героев спецназа и краткая предыстория российских сил специального назначения начиная с 1701 года.

-
- [Александр Север, Александр Колпакиди](#)
 - [Введение](#)
 -
 - [Рождение отечественного спецназа](#)
 - [«Военная тревога» для Иосифа Сталина](#)
 - [22 июня...](#)
 - [Спецназ после окончания Великой Отечественной войны](#)

- Часть первая

- Глава 1

- Глава 2

-

- Военные партизаны – кто они?

- Задачи военных партизан

- Глава 3

-

- По приказу Походного Атамана

- Почему молчали советские историки

- Кубанский особый конный отряд («Волчья сотня»).

- Конный отряд Особой Важности имени атамана Пунина

- Военные партизаны в Персии

- Биографии военных партизан Российской империи

- Часть вторая

- Глава 4

-

- Советские военные партизаны на территории Польши

- Варшава против «красных партизан»

- Боевики из городского подполья

- Взрыв Варшавской цитадели

- Когда закончилась война

- Краткий курс болгарской политистории

- Тайная помощь Москвы

- Последний бой болгарских партизан

- Гражданская война в Финляндии

- Советско-финляндские войны

- Отпор агрессорам

- Команда «ликвидаторов» задание не выполнила

- Дан приказ ему на северо-запад

- [Готовясь к будущей советско-финской войне](#)
- [Подготовка к вооруженному восстанию](#)
- [Накануне восстания](#)
- [Хроника коммунистического мятежа](#)
- [«Германский Октябрь»](#)
- [Коминтерн планирует восстание в Германии](#)
- [Служба подготовки восстания](#)
- [Предсказанное восстание: подготовка продолжается](#)
- [Вынужденное отступление](#)
- [«Рука Москвы»](#)
- [«Пятая колонна» в германской промышленности](#)
- [Сопrotивление австрийских социал-демократов](#)
- [«Лебединая песня» австрийских социал-демократов](#)
- [Революция в Бразилии](#)
- [Краткая хроника вооруженного восстания](#)
- [Итоги восстания](#)
- [«Активка» в Румынии](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Рождение Закордота](#)
 - [Организация партизанского движения в Крыму](#)
 - [Боевая работа на Волыни](#)
 - [Бессарабия и Буковина](#)
 - [Экспортеры оружия](#)
- [Глава 6](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 7](#)
 -
 - [Планы большевиков](#)

- [Первая экспедиция в Афганистан](#)
 - [Вторая экспедиция в Афганистан](#)
 - [Итоги операций](#)
- [Глава 8](#)
 - [Коминтерн и СССР в испанской войне](#)
 - [Рождение _____разведывательно-диверсионных подразделений](#)
 - [Тактика спецназа](#)
 - [Когда закончилась война](#)
- [Глава 9](#)
 - [Военная помощь Китаю](#)
 - [Накануне Второй мировой войны](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Саперно-маскировочные взводы](#)
 - [Если завтра война](#)
 - [На случай особого периода](#)
 - [В нейтральной Швеции](#)
 - [«Мориц» выходит на связь](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Рождение лыжных отрядов](#)
 - [О чем не сообщали газеты](#)
 - [Куда исчезла сводная бригада](#)
 - [Особый лыжный отряд 9-й армии](#)
 - [Разведчики из разведотдела штаба Северо-Западного фронта](#)
 - [Под грифом «сов. секретно»](#)
 - [Художник из Разведупра](#)
 - [Специальные подразделения во время советско-финской войны](#)

- [Биографии военных разведчиков \(1921-1941\)](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Ошибки военного и политического руководства СССР](#)
 - [На пути к Москве](#)
 - [Первая реорганизация](#)
 - [Реорганизация Разведупра](#)
 - [Операция «Багратион»](#)
 - [В Восточной Пруссии](#)
 - [Печальные итоги](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Химики из Третьего рейха](#)
 - [Военно-морская разведка на суше](#)
 - [«Черный» и его тачанка](#)
 - [На Украине](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Версия первая – военная разведка](#)
 - [Версия вторая – Лубянка](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Разведотряды Балтийского флота уходят на задания](#)
 - [Рождение роты особого назначения](#)
 - [Боевая премьера РОН](#)
 - [Морской спецназ на Черном море](#)
 - [РОН продолжает действовать](#)
 - [Ликвидация немецкой базы](#)
 - [Охота на вражескую субмарину](#)
 - [РОН в последний год войны](#)
 - [Итоги войны](#)

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Часть седьмая](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Финляндия](#)
 - [Норвегия](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Группа «Михал»](#)
 - [Когда началась Вторая мировая война](#)
 - [Другие разведчики](#)
 - [По партийной линии](#)
 - [Глава 21](#)
 - [«Подводники» и «парашютисты» в Болгарии](#)
 - [Подразделения спецназа в годы Великой Отечественной войны](#)
 - [Биографии командиров разведывательно-диверсионных групп, военных разведчиков – Героев Советского Союза, а также отдельных разведчиков](#)
- [Часть восьмая](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Спецназ остался без училища](#)
 - [Под личиной «партизан»](#)
 - [Офицерские кадры для спецназа](#)
 - [В последние годы существования СССР](#)
 - [Глава 23](#)
 - [После 1991 года](#)
 - [Герои морского спецназа](#)
 - [Глава 24](#)
 -

- [«Мусульманский батальон» начинает действовать](#)
- [Участие в боевых действиях](#)
- [Отряды спецназа в Афганистане](#)
- [Штатная структура группы специального назначения](#)
- [Места и время дислокации отрядов специального назначения \(1981-1989\)](#)
- [Биографии Героев Советского Союза – участников войны в Афганистане](#)
- [Соединения и воинские части спецназа \(1955-1991\)](#)
- [Отдельные батальоны специального назначения военных округов](#)
- [Отдельные бригады специального назначения \(обр СпН\) военных округов](#)
- [Отдельные роты специального назначения военных округов и армий \(ор СпН\)](#)
- [Часть 9](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
- [Приложение 1](#)
 - [Немецкое наставление по борьбе с партизанами](#)
- [Приложение 2](#)
 - [Организация и ведение оперативной разведки при обороне Ленинграда и в период боев по снятию блокады Ленинграда \(фрагменты\)\[665\]](#)
- [Приложение № 3](#)
- [Приложение № 4](#)
 -

- Особенности разведывательно-боевой деятельности частей и подразделений специальной разведки в условиях Афганистана (Фрагменты книги).
- Глава III. СПЕЦИАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА. ЕЕ РОЛЬ И МЕСТО В ОКАЗАНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РА В БОРЬБЕ С ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ.

- Список источников

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)

- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)

- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)

- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)

- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)

- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)

- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)

- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)

- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)

- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)

- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)

- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)

- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)

- [639](#)
 - [640](#)
 - [641](#)
 - [642](#)
 - [643](#)
 - [644](#)
 - [645](#)
 - [646](#)
 - [647](#)
 - [648](#)
 - [649](#)
 - [650](#)
 - [651](#)
 - [652](#)
 - [653](#)
 - [654](#)
 - [655](#)
 - [656](#)
 - [657](#)
 - [658](#)
 - [659](#)
 - [660](#)
 - [661](#)
 - [662](#)
 - [663](#)
 - [664](#)
 - [665](#)
 - [666](#)
-

Александр Север, Александр Колпакиди Спецназ ГРУ: самая полная энциклопедия

*Посвящается военным партизанам
Российской империи и военным
разведчикам специального назначения
Советского Союза и Российской
Федерации*

Введение

Понятие «спецназ» прозвучало впервые в начале пятидесятих годов прошлого века в Генеральном штабе Советского Союза. Предлагалось создать спецназ как составную часть оперативной разведки для выполнения особых задач как разведывательного, так и специального характера.

Понятие спецназ представляет собой совокупность мероприятий органов военного управления и действия соединений, воинских частей и разведывательных органов специального назначения (СпН), направленных на добывание разведывательной информации о противнике на операционных (стратегических) направлениях и воздействие на него с целью создания благоприятных условий в интересах решения задач силами и средствами наших войск.

Целью спецназа является своевременное обеспечение командования разведывательной информацией о противнике, необходимой для применения своих войск и снижения эффективности действия войск противника.

Выполнение боевых задач осуществляется специально обученным и подготовленным личным составом органов военного управления, соединений и воинских частей специального назначения с использованием специального оборудования, вооружения, технических средств разведки, связи и автоматизации.

Соединения и воинские части специального назначения имеются в каждом военном округе Российской Федерации, а координацию их действий осуществляет Главное разведывательное управление

Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (ГШ ВС РФ).

В своей книге мы нарушили традицию и рассказали не только о тех, кто имел и имеет отношение к соединениям и воинским частям специального назначения (далее – спецназа), но и отдали дань уважения их коллегам более раннего периода отечественной истории: героям Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, чью тактику действий спецназ взял на вооружение и усовершенствовал в ходе боевого применения конца XX – начала XXI века. Ведь из 57 лет существования 27 лет спецназ постоянно участвует в боевых действиях!

Мы с благодарностью вспоминаем прадедов, дедов и отцов, ковавших основу современного армейского спецназа России: корволантов Петра Первого, военных партизан и разведчиков, чьи подвиги служат ярким примером выполнения воинского долга и беззаветной любви к Отечеству.

Рождение отечественного спецназа

Свою историю отечественный спецназ ведет от подразделений корволантов, сформированных Петром Первым. Слово «корволант» происходит от французского словосочетания «corps volant» («летучий корпус») и обозначает войсковое соединение из конницы, пехоты, перевозимой на лошадях, и легкой артиллерии. Корволант предназначался для перехвата коммуникаций, действий в тылу противника, преследования его и решения других специфичных военных задач.

В России корволанты были созданы Петром Первым в 1701 году и наиболее успешно действовали под его личным командованием в битве у деревни Лесной 28 сентября 1708 года во время Северной войны^[1].

К сожалению, русские генералы после смерти Петра Первого не сумели вникнуть в смысл его новой идеи и оценить ее значение. В Семилетнюю войну действия русских войск в тылу противника и слабы по выделенным силам, и мелки по целям и задачам^[2].

В январе 1788 году по инициативе генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева в легкоконных полках российской армии были сформированы конноегерские команды, предназначенные для ведения разведки в тылу противника. Позднее конноегерские команды были переформированы в конноегерские полки.

Слово «егерь» происходит от немецкого слова «Jäger», что означает стрелок, охотник, специалист в охотничьем хозяйстве, обслуживающий охотников-любителей и следящий за соблюдением правил охоты. Военное значение слова «егерь» относится к воину

легкой пехоты или кавалерии в армиях большинства европейских государств.

Егеря как вид войск специального назначения впервые прекрасно проявили себя в ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 годов.

В русской армии первый экспериментальный батальон егерей был сформирован фельдмаршалом графом Петром Румянцевым в 1761 году. А в начале 1763 года в армии России уже появилась регулярная легкая стрелковая пехота, именуемая егерями.

Во время Отечественной войны 1812 года в российской армии было сформировано несколько десятков подразделений военных партизан. Самое известное из них – отряд Дениса Давыдова.

В 1867 году впервые в Европе опыт применения рейда был проведен на маневрах в Варшавском военном округе. Отряд полковника Рубашевского численностью в 600 кавалеристов, прорвавшись сквозь сторожевые посты и отряды условного противника, за 44 часа прошел 160 верст и далеко проник в тыл войск, прикрывавших линию Вислы и Варшавско-Брестскую дорогу. На тех же маневрах несколькими конными отрядами в опытном порядке были проведены нападения на отомобилизующиеся части. Генерал-инспектором конницы опыт был признан удавшимся^[3].

Во время Русско-японской войны было организовано несколько рейдов по тылам противника. Один из них вошел в историю как «набег на Инкоу». В нем участвовал отряд генерала Павла Ивановича Мищенко (75 эскадронов и сотен с 22 орудиями и четырьмя пулеметами, всего семь тысяч человек).

Главной целью рейда было разрушить железную дорогу, в том числе и железнодорожные мосты, на участке Ляоян – Ташичао – Дальний и тем самым затруднить переброску осадной 3-й японской армии из-под Порт-Артура. Вступая по пути в частые перестрелки

и непродолжительные стычки с японцами и хунгузами, 30 декабря 1904 года отряд беспрепятственно подошел к городу-порту Инкоу. По сведениям лазутчиков, там «было сосредоточено запасов на два, а то и на 20 млн рублей».

Для атаки, назначенной на вечер, выделялось 15 эскадронов и сотен, остальные находились в резерве. «Штурмовой колонне было послано приказание взорвать, что можно, и уходить». Перед атакой русская конная артиллерия обстреляла Инкоу и подожгла многочисленные армейские склады, которые горели несколько суток. Однако пламя пожара осветило местность, и японцы повели по атакующей русской коннице прицельный огонь и отбили атаку. Во время отступления в деревне Синюпученза отряд был окружен японскими войсками. В ходе последовавшего сражения японцы вынуждены были отступить. Отряд вернулся в расположение русской армии.

Итоги рейда. За 8 дней отряд проделал путь в 270 километров. Во время рейда было разгромлено несколько японских воинских команд, уничтожено до 600 обозных арб с воинскими припасами, подожжены склады в портовом городе Инкоу, в ряде мест нарушена телефонная и телеграфная связь противника, пущено под откос два поезда, взято 19 пленных. За время набеговой операции отряд в боях потерял убитыми и ранеными 408 человек и 158 лошадей^[4].

Значительно успешнее оказался Факумыньский рейд, который отряд Мищенко совершил в июне 1905 года. Будущий белый генерал Антон Иванович Деникин состоял в то время офицером связи при штабе генерала Мищенко. Вот что он вспоминает о Факумыньском рейде: «Отряд выступил, имея 45 сотен и шесть орудий. Прошли в четыре дня в глубь японского расположения на 170 км, дошли до р. Ляохе и окрестностей Синминтина... Сотник Чуприна погиб, спасая раненых.

Результаты рейда были таковы: разгромлены две транспортные дороги со складами, запасами и телеграфными линиями, уничтожено более 800 повозок с ценным грузом и уведено более 200 лошадей, взято в плен 234 японца, 15 офицеров и не менее 500 выведено из строя. Стоил нам набег 187 человек убитыми и ранеными». Все казаки за храбрость получили медали, а многие – Георгиевские кресты. На самом деле в ходе пятидневного рейда по вражеским тылам отряд потерял 37 человек убитыми и 150 человек ранеными^[5].

Следующая веха в истории отечественного спецназа – Первая мировая война. Были и там свои герои, вот только большинство из них после Октябрьской революции успешно воевали с Советской властью на стороне Белого движения. Достаточно назвать два имени: начальник Кубанского отряда особого назначения Андрей Григорьевич Шкуро и начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии Борис Владимирович Анненков.

Гражданская война в Советской России – период расцвета партизанского движения. Оно приобрело массовый характер не только в тылу у Белой армии и на оккупированной иностранными интервентами территории, но и там, где была установлена Советская власть. С большевиками активно воевали не только белогвардейцы, но и многочисленные отряды крестьян, которых принято называть «зелеными».

Если говорить о «красных партизанах», то на территории Екатеринославской, Киевской, Полтавской и Черниговской губерний Украины к лету 1918 года действовало около 300 тысяч партизан^[6]. В Сибири против Колчака и белочехов, поднявших мятеж, действовали целые партизанские фронты (Щиткинский, Северо-Канский), существовали и партизанские республики – Алтайская, Уссурийская, Забайкальская. В тылу деникинских войск сражалось свыше ста тысяч

повстанцев. Партизаны были столь сильны и активны, что противнику приходилось снимать с фронта и вводить в Донбасс отборные части генералов Якова Александровича Слащева и Андрея Григорьевича Шкуро^[7]. Порой крайне сложно разделить «красных партизан» на тех, кто выполнял указания командования Красной Армии, и тех, кто действовал самостоятельно.

В качестве примера рассмотрим ситуацию с организацией партизанского движения в Крыму в годы Гражданской войны. После Октябрьской революции местные большевики попытались захватить власть на полуострове. Им это не удалось. Местные коммунисты ушли в подполье, начали формировать отряды партизан. Когда поняли, что в одиночку им не справиться, то отправили эмиссаров в Москву. Им на помощь прислали краскома Алексея Васильевича Мокроусова, который во главе спецгруппы из девяти человек высадился в Крыму. В течение месяца он превратил разрозненные отряды в сильную партизанскую армию.

В годы Великой Отечественной войны активизация партизанского движения происходила по аналогичному сценарию. Центр присылал группу чекистов или военных разведчиков, и те из разрозненных отрядов народных мстителей создавали партизанские бригады и соединения.

Часто партизанские отряды создавались по инициативе и под контролем Советской Республики. Так, еще 12 февраля 1918 года Военная коллегия Наркомвоена решила «в случае наступления германцев вооружить все население Республики для оказания отпора и организовать отряды». Двумя неделями позже Петроградский отдел формирования и обучения Красной Армии разослал всем советам прифронтовой полосы циркулярную телеграмму с предложением «энергично формировать сильные партизанские отряды советских Р. К. и С. депутатов». Формирование партизанских отрядов

проходило достаточно успешно. Одним из доказательств этого является сводка штаба Московского военного округа за апрель 1918 года, согласно которой только в одном Сычевском уезде в это время испытывалась острая «нужда в 15 тысяч винтовок для партизанских отрядов»^[8].

Таких примеров особенно много в истории российской Гражданской войны 1918-1921 годов. В нашей книге мы не будем останавливаться на них подробно, т.к. это необъятная тема для отдельной толстенной монографии.

После окончания Гражданской войны появилось понятие «активная разведка», и за пределами Советской России сотрудники отечественной военной разведки занялись «активными мероприятиями», или, как ее еще называли, «спецработой». 4 апреля 1921 года приказом Реввоенсовета Республики № 785/141 были введены штат и Положение о Разведывательном управлении Штаба РККА (за много десятилетий своего существования отечественная военная разведка сменила множество названий^[9], мы в нашей книге ее будем именовать Разведупром), перед которым «ставились следующие задачи: организация стратегической агентурной разведки и организация активной разведки в тылу противника в зависимости от международного положения»^[10].

На практике это означало помощь местным коммунистам в организации революции (Германия, Эстония, Болгария); деятельность партизанских отрядов с целью дестабилизации обстановки и опять же провоцирования антиправительственных восстаний (Польша, Румыния) или помощь партизанским отрядам (Китай).

Последние попытки сотрудников Разведупра «поучаствовать» в организации антиправительственных

восстаний были зафиксированы в середине тридцатых годов прошлого века.

В Бразилии местная компартия попыталась организовать военный переворот, который завершился полным разгромом мятежников. Еще перед началом революции в страну прибыло несколько советских военных разведчиков, которые до этого участвовали в неудачной организации революции в Германии осенью 1923 года.

В столице Австрии, городе Вене, произошло вооруженное выступление местных рабочих. Москва срочно прислала военных инструкторов, но их помощь не потребовалась. Правительство подавило мятеж.

О роли Коминтерна в этих операциях написано достаточно много^[11], поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что в «экспорте революции» военная разведка играла более значимую роль, чем это принято считать.

Во-первых, большинство военных советников и инструкторов по организации партизанского движения, переворотов и т.п. были кадровыми офицерами Красной Армии. От них требовалось не только умение обращаться с оружием, знать тактику и стратегию, но также и умение организовывать и командовать людьми.

Во-вторых, мало кто обращал внимание, но среди ответственных сотрудников центрального аппарата Коминтерна не было действующих сотрудников ИНО (внешняя разведка). Чекисты были, но, скажем так, вышедшие в отставку. Зато было много кадровых офицеров Разведупра, которые не только получали зарплату и все льготы для военнослужащих, но и продолжали подниматься вверх по служебной лестнице. С рядовыми сотрудниками Коминтерна еще интереснее. Так, первый радист военного разведчика Рихарда Зорге работал в Китае по линии Коминтерна, а потом его переподчинили Разведупру.

В-третьих, с 8 по 11 декабря 1919 года в Москве прошло совещание сотрудников центрального и армейских аппаратов Региструпра (военная разведка) с участием представителей зарубежных бюро (ЗБ) РКП(б). На совещании была принята Инструкция о взаимоотношении Региструпра Полевого штаба РСФСР с зарубежными бюро РКП(б)^[12].

Согласно этой Инструкции ЗБ обязывались выполнять задания Региструпра, вербовать людей для его зарубежной работы, направлять ему добытые сведения и материалы. В свою очередь, военная разведка должна содействовать вербовке сотрудников для ЗБ, снабжать эти бюро деньгами, документами, техническими средствами и инструкциями, «допускать представителей ЗБ на свои съезды с правом решающего голоса»^[13].

«С 1 января 1920 года основными задачами Региструпра в сотрудничестве с Коминтерном стали: выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений стран, враждебно действующих против РСФСР, и нейтральных государств, а также их отдельных групп и классов, способных нанести тот или иной вред Советской Республике. Еще более секретной стороной деятельности Региструпра и ИККИ явилось проведение специальных боевых операций»^[14].

Об этой сфере деятельности советской военной разведки можно было бы не вспоминать в нашей книге, если бы мы решили проигнорировать три важных обстоятельства.

Первое: большинство инструкторов по организации революции участвовали в Гражданской войне в Испании в качестве консультантов и командиров разведывательно-диверсионных подразделений. Многих мы встретим во время Великой Отечественной войны, где они занимались уже ставшим привычным для них делом. После окончания Великой Отечественной войны

кое-кто из них возглавит различные подразделения отечественного спецназа.

Второе: накопленный в двадцатые-сороковые годы прошлого века бесценный боевой опыт активно использовался при обучении личного состава различных подразделений спецназа, а также при выработке рекомендаций по стратегии и тактике тайной войны.

Третье: операции «активной разведки», проводимые в двадцатые-тридцатые годы, стали прообразом будущих специальных операций, проводимых силами специального назначения России.

Конец двадцатых – начало сороковых годов можно условно назвать периодом «тестирования» методов деятельности советского спецназа.

Во-первых, отрабатывались различные организационные формы его существования. Достаточно назвать саперно-маскировочные взводы в Красной Армии, массовую подготовку будущих партизан, создание резидентур «активной разведки» в странах Европы и т.п. К концу тридцатых годов прошлого века все эти «программы» (по разным причинам) были свернуты, а вот когда началась Великая Отечественная война, то выяснилось, что идея была правильной. И все пришлось воссоздавать заново. Например, из-за репрессий 1937 года большинство резидентур осталось без связи с Центром. Сначала из-за того, что некому было с ними работать, а когда в центральном аппарате появились новые сотрудники, то возникла другая проблема – отсутствие радиосвязи. Если в первые два года Второй мировой войны связь с агентурой можно было поддерживать через нейтральные страны, то, когда началась Великая Отечественная война, пользоваться этим каналом стало крайне сложно.

Во-вторых, участие военнослужащих Красной Армии в боевых действиях в различных условиях. Понятно, что климат и специфика организации разведывательно-

диверсионной деятельности в Испании кардинально отличались от Китая или Карелии. Многие журналисты и историки, которые пишут на тему истории отечественного спецназа, справедливо указывают на богатый опыт по организации разведывательно-диверсионной деятельности, полученный в результате участия советских военных специалистов в Гражданской войне в Испании. При этом они забывают, что очень много ценного было извлечено из опыта советско-финской войны.

«Военная тревога» для Иосифа Сталина

Есть и еще один аспект, о котором не принято говорить. Почему-то принято считать, что в Советском Союзе всерьез о войне заговорили лишь в конце тридцатых годов прошлого века, когда Адольф Гитлер с молчаливого согласия Запада начал стремительное расширение территории Третьего рейха. На самом деле, за десять лет до аншлюса Австрии, Мюнхенского сговора и начала Второй мировой войны Советский Союз находился на грани войны с рядом европейских стран.

Великая Отечественная война могла начаться не 22 июня 1941 года, а, например, 1 июня 1931 года или на несколько лет раньше. В роли агрессора выступила бы не Германия, а союз западноевропейских стран во главе, например, с Великобританией. А союзниками Советского Союза стали бы... Италия с Германией и Японией. Так как Адольф Гитлер прекрасно понимал, что следующим после Советского Союза объектом атаки европейских держав будет Германия.

Это один из вариантов альтернативной истории. На первый взгляд звучит абсурдно, но если проанализировать все нюансы внешней политики Европы по отношению к Советскому Союзу в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, то такой сценарий развития событий реален. Другое дело, что европейские страны так и не смогли договориться между собой и создать единый фронт, сначала против Москвы, а потом и против Берлина. Результат всем известен. История не терпит сослагательного наклонения, поэтому вернемся к тому, что случилось.

Система международных отношений, сложившаяся в двадцатые годы прошлого века на основе Версальского

мира и деятельности Лиги Наций, предохраняла СССР, хотя и не слишком надежно, от военного столкновения с Западом. Укреплению безопасности СССР способствовал и выход из внешнеполитической изоляции посредством установления дипломатических и консульских отношений со всеми европейскими странами, в том числе с теми, где обосновалась русская белогвардейская эмиграция. Промышленно-финансовые круги Запада были заинтересованы в освоении необъятного российского рынка и потому сквозь пальцы смотрели на подрывную деятельность Коминтерна, морально и материально поощрявшего деятельность экстремистских политических группировок во всем мире, на несущиеся из Москвы призывы к мировой пролетарской революции, международной солидарности трудящихся и т. п.

По мере восстановления в СССР разрушенной Первой мировой и Гражданской войнами экономики и, следовательно, оборонно-промышленного потенциала Запад начал предпринимать усилия по укреплению обороноспособности граничащих с СССР государств. Фактически речь шла о создании «санитарного кордона». Правители большинства восточноевропейских государств не только не возражали против такой перспективы, но и всячески поддерживали ее. Ведь они мечтали принять активное участие в разделе территории Советского Союза, когда начнется война. Сейчас мы наблюдаем аналогичную картину. Если в годы «холодной войны» Советский Союз от стран – членов НАТО отделяла территория Восточной Европы, то сейчас – только государственная граница.

Уже в середине двадцатых годов прошлого века против СССР начал формироваться военно-политический блок, вошедший в историю под именем «Малая Антанта» (Польша, государства Прибалтики, Румыния и Финляндия). При условии поддержки этого блока в

случае пограничного или иного конфликта «Большой Антантой» (Англией, Францией и США) СССР действительно попадал в чрезвычайную военно-политическую ситуацию, многократно осложненную возрастающей вероятностью возобновления при затяжной или неблагоприятной внешней войне внутренней, гражданской войны.

Другое дело, что в силу множества причин члены двух Антант не только не смогли согласовать свои военные и политические планы в отношении Советского Союза, но и даже договориться внутри каждого из «блоков». Так, ближайшие соседи СССР – члены «Малой Антанты» – не имели общего стратегического и оперативного плана (на уровне генеральных штабов) внезапного нападения и разгрома «первого в мире социалистического государства». А у Великобритании не было общей с СССР сухопутной границы, и она не договорилась ни с одной из соседок Советской России о пропуске своих войск.

Хотя не только перечисленные выше факторы препятствовали агрессии западных держав против СССР в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Многие страны просто не были готовы к войне. В качестве примера можно вспомнить о событиях конца двадцатых годов прошлого века.

В Москве не без оснований считали Польшу потенциальным агрессором, готовым весной 1926 года напасть на Советскую Россию. Правда, могло произойти это, только если Варшаву поддержат в первую очередь военными поставками и специалистами Лондон и Париж. Аналитики из Разведупра утверждали, что в этом случае польская армия окажется сильнее Красной Армии. Другая причина, из-за которой Варшава не могла объявить войну Москве, – разрушенная в результате Первой мировой войны и войны с Советской Россией

экономика. Обо всем этом руководство Разведупра доложило Иосифу Сталину.

К концу июля 1926 года в Разведупр поступила новая разведывательная информация. Пришлось браться за подготовку новой аналитической записки для высшего военного руководства. Тон этого документа уже был тревожным:

«Вопрос о возможности вооруженного нападения на СССР со стороны Польши, Румынии и прибалтийских лимитрофов под влиянием и при поддержке капиталистической Англии в настоящее время становится все более и более актуальным и из области теоретических предположений переносится в сферу реальной возможности».

Аналитики утверждали, что за последние 8-9 месяцев, то есть с осени 1925 года, Англия вновь встала на путь политической борьбы с СССР. А это, в свою очередь, таило в себе опасность новой военной интервенции против страны.

Итоговый вывод звучал так:

«Непосредственной военной опасности для СССР со стороны Польши и лимитрофов в данный момент и на ближайший период (по крайней мере до весны 1927 года) не имеется».

Угроза военного выступления Речи Посполитой против Советского Союза отодвигалась почти на год.

В январе 1927 года руководство Разведупра на основе имеющихся в его распоряжении данных заявило о том, что войны в 1927 году тоже не будет^[15].

Хотя угроза иностранной интервенции дамокловым мечом продолжала висеть над СССР, Разведупр на нее «среагировал» специфично. Во многих европейских странах начали создаваться резидентуры «активной разведки». Они должны были начать действовать в случае начала войны европейских стран с СССР. Одновременно с помощью местных компартий на

крупных промышленных предприятиях начали создаваться подпольные организации. В мирное время они специализировались на научно-технической разведке, а в военное время занялись бы диверсиями и саботажем. В нашей книге мы расскажем об их специфической деятельности в мирное и военное время на примере Германии. Хотя в той же самой Франции позиции коммунистов в ВПК были достаточно сильны. Кто знает, как работала бы французская военная промышленность, если бы Париж решил объявить войну Москве.

22 июня...

О ратных подвигах сотрудников отечественной военной разведки в годы Великой Отечественной войны достаточно много писалось еще в годы существования СССР. Вот только большинство авторов публикаций всеми возможными силами старались скрыть, и достаточно успешно, принадлежность отдельных военнослужащих и разведывательно-диверсионных групп к военной разведке.

Если верить авторам большинства мемуаров, то в тыл противника целые отряды отправлялись по собственной инициативе. Отдельные авторы мемуаров умудрялись написать несколько сот страниц текста и ни разу не упомянуть о своей принадлежности к военной разведке. В результате большинство жителей СССР знали не больше десяти военных разведчиков, которые воевали за линией фронта. Например, Овидия Горчакова, Анну Морозову и еще несколько человек.

Еще меньше было известно об иностранных гражданах, кто после соответствующей подготовки был выведен в тыл противника по линии военной разведки.

Спецназ после окончания Великой Отечественной войны

Большинство авторов, которые решили рассказать историю спецназа ГРУ, начинают свое повествование с пятидесятих годов прошлого века^[16]. Формально они правы. Ведь спецназ в нашей стране появился только 24 октября 1950 года, со дня издания директивы военного министра СССР № Орг/2/395832 Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского и начальника Генерального штаба генерала Сергея Матвеевича Штеменко. Согласно этому документу в общевойсковых и механизированных армиях, а также в военных округах, не имеющих армейских объединений, под руководством Главного разведывательного управления Генерального штаба было создано сорок шесть отдельных рот специального назначения численностью сто двадцать человек каждая. При разработке руководящих документов широко использовался богатый опыт разведывательно-диверсионной деятельности советских партизан, а также опыт военных разведчиков, действовавших в интересах штабов фронтов и Генерального штаба^[17].

Кто-то из авторов, пишущих на тему спецназа, делает экскурс в предвоенный и военный периоды, но очень краткий. Понятно, что писать о событиях последних сорока лет проще, чем о том, что было семьдесят лет назад. Еще живы ветераны, которые могут сообщить что-то новое.

Еще больше публикаций в СМИ об участии спецназа ГРУ в боевых действиях на территории Северного Кавказа. Поэтому в данной книге мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе, а лишь сообщим

краткие биографии Героев Российской Федерации – ветеранов боевых действий на Северном Кавказе.

Часть первая
Военные партизаны
Императорской армии

Глава 1

Корволанты Петра Первого

В ходе Северной войны (ее вели Россия и Швеция за господство на Балтике с 1700 по 1721 год) в начале 1708 года армия Карла XII вторглась на территорию России и двинулась в направлении Смоленска. Принято считать, что шведский король планировал нанести основной удар в направлении Москвы. Положение русских осложнялось тем, что Петру Первому не были известны планы противника и направление его движения.

3 июля 1708 года Карл XII одержал победу в битве при Головчине (северо-западнее Могилева) над русскими войсками под командованием генерала Репнина. Это сражение стало последним крупным успехом шведской армии. Дальнейшее продвижение шведской армии замедлилось. Стараниями Петра Первого шведам приходилось передвигаться по опустошенной местности, испытывая острый дефицит провизии. Жителей призывали оказывать сопротивление завоевателям – прятать хлеб в ямы, уходить в леса и угонять скот, защищаться от врага с оружием в руках. Борьба против шведского нашествия приобретала характер войны за национальную независимость. К осени 1708 года Карл XII вынужден был повернуть на юг, в направлении Украины.

Потерпев неудачу 3 июля 1708 года у Головчина, русская армия отступила за Днепр и сосредоточилась в укрепленном лагере у местечка Горки. Не дождавшись прибытия корпуса генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта, выступившего в июне из Риги с большим транспортом продовольствия и боеприпасов (свыше семи тысяч повозок) на соединение с главной армией, Карл XII в августе двинулся из Могилева на Смоленск, но

был остановлен русской армией и повернул на Украину. В конце сентября шведы вышли к Костеничам (по дороге на Стародуб) и остановились в ожидании корпуса Левенгаупта.

Переправившись 19-21 сентября 1708 года через Днепр у Шклова, Левенгаупт выступил к Пропойску (ныне Славгород). Петр Первый решил разбить корпус Левенгаупта, для чего направил вслед за ним корволант (летучий корпус) А.Д. Меншикова в составе 10 драгунских полков и 10 батальонов ездящей пехоты (семь тысяч конницы и пять тысяч ездящей пехоты). Отряду придана была легкая полковая артиллерия. Обоз состоял из навьюченных лошадей. При этом численность противника, по данным разных историков, колебалась от 13 до 16 тысяч человек и 16-17 пушек. Одновременно Петр Первый приказал кавалерийскому корпусу генерала Р.Х. Боура, находившемуся в районе Кричева, оставив часть войск для наблюдения за армией Карла XII, основными силами (около четырех тысяч человек) идти на соединение с корволантом, а отряд численностью до одной тысячи человек выслать к Пропойску, чтобы не допустить переправы шведов через р. Сож.

27 сентября 1708 года корпус Левенгаупта достиг Лесной. Часть повозок под прикрытием трехтысячного отряда Левенгаупт направил на Пропойск. В то же время основные силы, используя выгодные условия местности, заняли севернее деревни Лесной позицию на высотах, опиравшуюся в тылу на реку Леснянка и вагенбург (военный лагерь). Чтобы затруднить русским войскам подход к Лесной и развертывание их в боевой порядок, шесть шведских батальонов были выдвинуты впереди главных сил. Оценив обстановку, Петр Первый решил начать сражение, не дожидаясь подхода отряда генерала Боура.

Следует заметить, что обе стороны из-за слабой разведки имели недостаточное представление друг о друге. В русской армии узнали о том, что у Левенгаупта очень большой отряд, а не просто охрана «движущегося магазина», лишь за два дня до столкновения войск. Шведы же считали корволант авангардом большой русской армии.

Сражение у деревни Лесной продолжалось в течение всего дня – с 8 часов утра и до 19–20 часов вечера.

Петр Первый атаковал так внезапно и сильно, что успел нанести противнику потери прежде, чем тот построился. Сильным пушечным огнем из леса русские заставили отступить сначала полки Делегарди, Сталя, затем Гензиуса и Левенгаупта.

Около 11 часов царь стал выстраивать гвардейскую бригаду вдоль опушки леса. Левенгаупт решил не допустить выхода всех русских сил из леса. Четыре батальона с десятью пушками и четырьмя конными полками по флангам атаковали русских гвардейцев: пять батальонов в резерве были готовы поддержать эту атаку. Интересно, что против шести батальонов преображенцев и семеновцев оказался их старый «знакомый» еще по боям в Лифляндии В.А. Шлиппенбах.

Шведская пехота правого крыла сбила Ингерманландский и Невский полки, захватила четыре пушки и грозила охватом с фланга, но развить успех не смогла: на помощь пришли преображенцы и семеновцы. Понесшие потери передние русские шеренги отводились за задние, а при надобности и в лес, как в укрытие. «Ежели б не леса, то б оныя выиграли, понеже их б тысяч болше было нас», – писал позднее Петр Первый адмиралу Ф.М. Апраксину. Когда наступление шведов выдохлось, царь снова приказал построить боевую линию для атаки. В ответ Левенгаупт выкатил тяжелые орудия, и русские вновь отступили.

Но к этому времени подтянулся весь корволант. После полудня бой возобновился. Русские начали очередную атаку, имея в первой линии восемь батальонов пехоты и четыре драгунских полка. За ними шла сильная кавалерия, во второй линии – шесть, а за ней еще два драгунских полка. И эта линия поддерживалась пехотой, хотя и в два раза меньшей числом, чем пехотная поддержка первой линии. Две линии вместе с кавалерией вышли из леса и стали огнем теснить противника к вагенбургу – поставленным впритык повозкам. С тыла на охрану обоза накатывались казаки. Залпы плутонгами (взводами) и батальонами гремели один за другим.

К трем часам дня неприятеля прижали к самым повозкам, отбив у него восемь пушек, среди которых были четыре свои, захваченные ранее. Тут получили известие, что на подходе драгуны Боура, и царь приказал прекратить огонь.

Первый период боя не склонил победы ни на ту, ни на другую сторону. Левенгаупт тоже послал за подмогой и вернул трехтысячный авангард. К пяти часам дня с прибытием Боура русские получили превосходство в силах и пошли вперед, используя огонь полковых пушек. Шведский генерал Штакельберг контратаками левого крыла с трудом сдерживал натиск гвардейской бригады.

До наступления темноты шведы выдержали десять атак и с честью вышли из тяжелого положения: два часа вели оборону и отвечали контратаками. Усиливавшийся снегопад с порывистым ветром и градом и темнота прервали бой около 19 часов.

Всю ночь Петр Первый держал армию под ружьем на расстоянии до 150 шагов от шведского вагенбурга, намереваясь утром повторить нападение.

Орудийная дуэль затихла около 22 часов.

Левенгаупт принял решение спасти хотя бы часть корпуса и незаметно оторваться от противника. Под

видом бивачных костров он поджег часть своих фур и, бросив больных, раненых, тысячу голов скота, посадил пехоту на обозных лошадей и приказал скрытно и спешно уходить через лес к Пропойску, увозя лишь порох и артиллерийские снаряды. Ночное отступление было кошмарным. Пушки вязли в разбитой тысячами колес колее, и их бросили в трясину. Части, блуждая в кромешной тьме и болотной жиже, теряли остатки сил. Отовсюду слышались стоны раненых, призывы умирающих, заблудившихся. Много рядовых и офицеров дезертировало назад, в Лифляндию.

Обнаружив утром покинутый вагенбург (военный лагерь), Петр Первый бросил в погоню драгун генерал-лейтенанта Пфлуга. Корволант же стоял на месте битвы три дня. 29 сентября Пфлуг настиг и порубил в Пропойске до полутысячи оставших и взял остатки обоза, правда, без военного снаряжения – порох и заряды Левенгаупт успел утопить в Соже. Потери шведов убитыми и ранеными составляли 6397 человек, из них 45 офицеров, около 700 солдат попали в плен. Русские потеряли 1111 человек убитыми и 2856 ранеными^[18].

Глава 2

«Дубина народного гнева» в Отечественной войне 1812 года

Считается, что в Российской империи инициатором создания армейских партизанских отрядов для действий на тыловых коммуникациях противника осенью 1812 года выступил командир Ахтырского гусарского полка подполковник Денис Васильевич Давыдов^[19]. На самом деле с аналогичным предложением выступили и другие офицеры российской армии. Зато Денис Давыдов был единственным из командиров военных партизан, кто написал не только подробные мемуары о своем участии в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе русской армии, но также и множество теоретических работ по данной теме. Достаточно назвать часть его литературного наследия: «Опыт теории партизанского действия» (1821); «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» (1835); «Разбор трех статей в записках Наполеона»; «Дневник партизанских действий» (изд. 1860) и множество других.

Партизанские действия впервые применил главнокомандующий 3-й Обсервационной армии Александр Петрович Тормасов, который в июле 1812 года выслал отряд полковника Карла Богдановича Кнорринга к Брест-Литовску и Белостоку. «Возложенные на него экспедиции к г. Белостоку выполнил как искус. и предприимч. партизан, разбив у Городечны detaшeмeнт франц. генерала Ферьера», за что и был произведен в генерал-майоры.

2 августа 1812 года Михаил Богданович Барклай-де-Толли сформировал «летучий корпус» генерала Фердинанда Федоровича Винцингероде.

28 августа 1812 года по приказу Александра Петровича Тормасова командующий 2-м резервным корпусом генерал Федор Федорович Эртель выслал к Пинску генерала А. В. Запольского, чтобы «тревожить неприятеля с тылу».

В августе 1812 года штабс-ротмистр Михаил Федорович Орлов, возвратившийся из Смоленска, куда он был послан для выяснения судьбы попавшего в плен командира 2-й бригады 17-й пехотной дивизии генерала Павла Алексеевича Тучкова, рассказал о беспорядках и беспечности, царивших во французской армии. Он заявил командованию, что достаточно и сотни казаков, чтобы нанести противнику много вреда. Его рассказ услышал Денис Давыдов, и идея ему понравилась. Он обратился с просьбой к командующему 2-й западной армией генералу Петру Ивановичу Багратиону разрешить ему организовать партизанский отряд для действий в тылу врага. Последний передал просьбу офицера вышестоящему начальству. Для «пробы» командующий всей русской армией генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов разрешил Денису Давыдову взять 50 гусар и 80 казаков и отправиться к Медыни и Юхнову. В «Дневнике партизанских действий» Денис Давыдов подробно рассказал об организации отряда и его боевых делах, впервые теоретически обобщил опыт партизанских отрядов в войне 1812 года^[20].

Хотя идея «малой войны» принадлежит не этим офицерам, а самому Михаилу Илларионовичу Кутузову. Да и активное участие в ее реализации принимало не меньше двух десятков военачальников – командиров военных партизанских отрядов. Кратко напомним, что происходило в сентябре – октябре 1812 года.

Оставив горящую Москву, но сохранив ядро русской армии, Михаил Илларионович Кутузов совершил знаменитый «Тарутинский маневр». Его войска скрытно,

обманув армейскую разведку Наполеона, совершили стремительный марш-бросок к югу от Москвы, в район села Тарутино. Тем самым основные силы французской армии в преддверии суровой зимы были отрезаны от не тронутых войной хлебных юго-западных губерний России и оружейных заводов в Туле. Кроме того, русская армия оказалась бы в тылу у французов в том случае, если бы Наполеон вдруг решил двинуть свои войска на северную столицу – Санкт-Петербург. Расчет Михаила Илларионовича Кутузова был абсолютно верен – не вступая в генеральное сражение, заставить армию Наполеона покинуть Москву и начать в зимнюю стужу отступление по Смоленской дороге, проходящей по уже разоренной войной местности.

Между тем под Тарутином русская армия очень быстро пополнялась новыми воинскими частями, оружием, боеприпасами, зимним обмундированием, провиантом. Одновременно М.И. Кутузов принял решение максимально широко развернуть так называемую «малую войну» против захватчиков^[21]. Вот как фельдмаршал в те дни сам писал об этом:

«Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армией делаются совершенно затруднительными, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отдаю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску»^[22].

Речь шла о начале партизанской войны, которая предполагала не только стихийные вооруженные выступления крестьян, но и, пожалуй, в еще большей мере – массированное использование в борьбе с противником подвижных армейских партизанских

отрядов. Для того времени это было новым словом в военном искусстве^[23].

Фактически Михаил Илларионович Кутузов самостоятельно принял решение об использовании отдельных подразделений своей армии для действий в тылу противника. Осталось лишь найти желающих для участия в такой войне. В них недостатка не было.

В своих воспоминаниях начальник Главного штаба 1-й Западной армии генерал Алексей Петрович Ермолов пишет:

«Вскоре по оставлении Москвы докладывал я князю Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер предлагал доставить сведения о состоянии французской армии в Москве и буде есть какие чрезвычайные приготовления в войсках; князь дал полное соизволение...

Князь Кутузов был весьма доволен первыми успехами партизанских его действий, нашел полезным умножить число партизан, и вторым после Фигнера назначен гвардейской конной артиллерии капитан Сеславин, и после него вскоре гвардии полковник князь Кудашев»^[24].

И действительно, командиры партизанских отрядов регулярно информировали Главный штаб русской армии о передвижении французских войск и их численности. Так, в одном из донесений Алексей Самойлович Фигнер сообщал дежурному генералу штаба главной армии Петру Петровичу Коновницину:

«Вчера я узнал, что Вы беспокоитесь узнать о силе и движениях неприятеля. Чего ради вчера же был у французов один, а сегодня посещал их вооруженною рукою, после чего опять имел с ними переговоры. О всем случившемся посланный мною к Вам ротмистр Алексеев лучше расскажет, ибо я боюсь расхвастаться»^[25].

Справедливости ради отметим, что, кроме названных выше, были и другие командиры армейских партизанских отрядов. Так, историк Николай Алексеевич

Троицкий в своей книге «1812: Великий год России» пишет: «Главным же образом армейские партизанские отряды, называвшиеся еще и партиями, начали создаваться в Тарутине: первым из них был отряд капитана А.С. Фигнера, вторым – капитана А.Н. Сеславина, адъютанта Барклая-де-Толли, третьим – полковника кн. Н.Д. Кудашева, зятя Кутузова. Всего еще до начала контрнаступления Кутузов сформировал в Тарутине 10 таких отрядов: кроме перечисленных, это были отряды генерал-майора И.С. Дорохова, полковников И. Ф. Чернозубова, И.Е. Ефремова и кн. И.М. Вадбольского, майоров С.И. Лесовского и В.А. Пренделя, поручика М.А. Фонвизина».

К этому списку следует добавить еще несколько фамилий командиров военных партизан.

1 сентября 1812 года командир корпуса генерал Петр Христианович Витгенштейн направил к Дриссе казачий отряд полковника Марка Ивановича Родионова 2-го, а 10 сентября 1812 года – отряд подполковника Непейцына.

Также не следует забывать, что в сентябре 1812 года, во время маневров русской армии, Михаил Кутузов приказывал оставлять отдельные казачьи разъезды, которые увлекали противника по ложному следу, скрывая путь движения русской армии. Так, 17 сентября 1812 года был оставлен отряд в составе двух казачьих полков под командованием полковника Ефремова. При движении армии к Подольску на Тульской дороге были оставлены три казачьих полка под командованием полковника Балабина. Эти отряды не только увлекали противника по ложному следу, защищали населенные пункты от неприятельских войск, но и сами переходили в удобных случаях к партизанским действиям. Казачьи разъезды поддерживались отрядами вооруженных крестьян, о которых французский офицер Брандт

говорил, что «эти отряды гораздо сильнее испанских гверильясов, хотя они и хуже их вооружены».

Примерно в это же время начали действовать отряды военных партизан. Так, 9 сентября 1812 года выступил со своим отрядом Иван Семенович Дорохов и на следующий же день на Смоленской дороге истребил обоз противника, взорвал 56 зарядных ящиков и захватил в плен более 300 человек. Через несколько дней отряд совершил новое нападение. Было сожжено 20 ящиков со снарядами, взято 200 человек в плен и захвачено двое курьеров с важными депешами. Два дня спустя отряд Дорохова заманил в засаду два эскадрона французских гвардейских драгун и совершенно рассеял неприятельский отряд, захватив при этом в плен 190 человек. С 9 по 14 сентября 1812 года отряд «совершенно истребил 4 кавалерийских полка, потом отряд из 800 человек пехоты и конницы, истребил пороку до 80 ящиков, перехватил немало неприятельских обозов и во все то время взял в плен до 1500 человек, в числе коих 48... офицеров». После этого отряд Дорохова на короткое время присоединился к главным силам Михаила Кутузова.

16 сентября 1812 года был сформирован отряд военных партизан под командованием полковника Вадбольского. В его состав вошли Мариупольский гусарский полк и 500 казаков. Отряду Вадбольского было предписано действовать в направлении к Можайску и на Ружской дороге.

Севернее Москвы действовали многочисленные партизанские отряды под командованием генерала Винцингероде. К этому отряду были присоединены отдельные части ярославского и тверского ополчений, которые «не уступали в храбрости линейным войскам». Михаил Кутузов поручил отряду Винцингероде не только охранять Ярославскую и Тверскую дороги, но и

совершать партизанские набеги на Смоленскую дорогу по направлению к Можайску и Гжатску.

29 сентября 1812 года Винценгероде сообщал Кутузову, что со времени его прибытия на Тверскую дорогу «в разных местах и случаях взято в плен 833 н. ч. и 8 оф. А убитыми неприятеля потеря весьма велика».

27 сентября 1812 года отряд полковника Кудашева (300 человек) напал в селе Никольском на отряд французских фуражиров (2500 человек) и обратил противника в бегство, причем убил более 100 и захватил в плен 200 человек. Среди убитых был генерал Бовье.

Подводя итоги партизанским действиям за период с 2 по 21 сентября 1812 года, Михаил Кутузов отмечал, что русская армия находилась в 30 верстах от Москвы 10 дней, что противник не предпринимал никаких важных действий, а «наши партии беспрестанно его беспокоят, и в течение всего времени взяли они в плен более 5 тыс. человек». К этому следует добавить уничтоженные боеприпасы и огромное количество убитых и раненых.

19 октября 1812 года Михаил Кутузов распорядился расширить начатую им в начале сентября «малую войну». В своем письме к старшей дочери в Петербург 13 октября 1812 года он так объяснял свое намерение: «Стоим уже более недели на одном месте (в Тарутино. – *Прим. авт.*) и с Наполеоном смотрим друг на друга, каждый выжидает время. Между тем маленькими частями деремся всякий день и поныне везде удачно. Всякий день берем в полон человек почти по триста и теряем так мало, что почти ничего...»

Но если Наполеон Бонапарт действительно ждал (и напрасно) мира с Александром I, то Михаил Кутузов действовал – он расширял вокруг Москвы «малую войну».

20 октября 1812 года отряд Дениса Давыдова, находясь на большой дороге между Гжатском и

Вязьмой, отбил у французов 70 транспортных фур, взял в плен 6 офицеров и 225 рядовых.

26 октября 1812 года отряд полковника Кудашева, перейдя Боровскую дорогу, отбил у неприятеля 100 фургонов с провиантом, захватил множество лошадей, уничтожил 280 солдат и взял в плен 400 человек. В тот же день в стычке у селения Шаликово было захвачено еще 400 человек в плен. При этом военные партизаны потеряли четверых убитыми и восьмерых ранеными.

28 октября 1812 года отряд Ефремова у селения Вишневого, около Подольска, встретил неприятельский отряд, полностью его уничтожил и взял в плен 500 человек.

В тот же день отряд Дениса Давыдова, действуя в глубоком тылу врага на Смоленской дороге в районе Вязьмы атаковал и разбил сильный неприятельский отряд, прикрывавший транспорт с артиллерийскими снарядами. Во время этой операции было убито 250 и взято в плен до 150 французов. Большая часть боеприпасов была сожжена, а лошади и оружие, отбитые у врага, розданы крестьянам.

Отряд Дениса Давыдова за период с 1 сентября по 23 октября 1812 года захватил в плен свыше 3500 рядовых и 43 офицера. Число убитых и раненых установить невозможно.

Действовавшим вблизи Тарутина отрядам Александра Самойловича Фигнера, Александра Никитича Сеславина и Николая Даниловича Кудашева было приказано с 20 по 27 октября 1812 года пройти по тылам наполеоновской армии – от Серпухова до Вязьмы – с небольшими маневренными отрядами, не более 100 человек у каждого. Главная задача – разведка, но не следует пренебрегать и боями. Командиры войсковых партизан так и сделали: громя по дороге отдельные воинские части и фуражирные команды противника (только отряд Николая Кудашева взял в плен 400

человек и отбил 100 повозок с продовольствием), они собирали ценные сведения о дислокации вражеских войск. Кстати, именно Николай Кудашев, просматривая найденные у одного из убитых французских штабных офицеров бумаги, обнаружил секретное предписание начальника штаба «великой армии» маршала Луи Александра Бертье об отправлении «всех тяжестей» (т. е. награбленного в Москве имущества. – *Прим. авт.*) на Можайскую дорогу и далее к Смоленску, на запад. Это означало, что французы намерены в скором времени оставить Москву. Кудашев немедленно переслал это письмо Михаилу Кутузову.

Оно подтвердило стратегический расчет великого русского полководца. Еще 27 сентября 1812 года, почти за месяц до оставления французами Первопрестольной, он писал старшей дочери (не без умысла – она являлась статс-дамой при дворе и была вхожа к жене царя): «Я баталию выиграл прежде Москвы (на Бородино. – *Прим. авт.*), но надобно сберегать армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, т. е. Тормасова, Чичагова, Витгенштейна и еще другие, станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет...»

Как мы видим, активное использование армейских партизанских отрядов было одним из элементов тактики Михаила Кутузова. Поэтому такие подразделения в русской армии в сентябре 1812 года начали бы создаваться вне зависимости от того, высказал бы эту идею Денис Давыдов или нет.

Справедливости ради отметим, что некоторые историки до сих пор продолжают спорить, кто создал первый армейский партизанский отряд – Денис Давыдов 3 сентября 1812 года по приказу Михаила Кутузова или генерал-майор Фердинанд Федорович Винцингероде 2 августа 1812 года по приказу Барклая-де-Толли. При этом большинство современников не признавали во втором подразделении армейский партизанский отряд.

Неофициальный статус первого партизанского командира Фердинанд Винцингероде получил значительно позже. К тому же он умер в 1818 году и не успел или не захотел написать мемуары, чего не скажешь о Денисе Давыдове. А еще педантичный и чопорный немецкий барон Фердинанд Винцингероде, несмотря на все его ратные подвиги, для большинства россиян оставался чужеземцем. Служил по очереди в австрийской и русской армиях, а после окончания военной кампании уехал к себе на родину в Австрию, где и умер в окружении многочисленных родственников.

Важность и необходимость войсковой партизанской разведки наиболее полно проявились в начале отступления французской армии из Москвы, когда Наполеон принял решение наступать на южные, не затронутые войной губернии России. Эпизод, когда 11 октября Михаил Кутузов получил от Александра Сеславина точные данные о движении главных сил французов на Малоярославец, приводится в каждой работе, посвященной войне 1812 года. Пересказывать его нет смысла. Достаточно будет привести выдержку из рапорта Кутузова Александру I о сражении при Малоярославце:

«...Партизан полковник Сеславин действительно открыл движение Наполеона, стремящегося со всеми его силами по сей дороге (Калужской. – *Прим. авт.*) к Боровску. Сие то побудило меня, не теряя времени, 11-го числа октября пополудни со всею армиею выступить и сделать форсированный фланговый марш к Малоярославцу...

Сей день есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебоброднейшие наши провинции»^[26].

Еще одним видом деятельности партизанских отрядов стал захват французских курьеров. При этом не только добывались важные сведения разведывательного характера, но самое главное – нарушалось управление в неприятельских войсках. Правда, некоторые французские участники войны 1812 года, в том числе и сам Наполеон Бонапарт, утверждали, что «ни одна эстафета не была перехвачена». Это убедительно опроверг Денис Давыдов, приведя большое количество конкретных доказательств от обратного. Вот только часть из них:

«В рапорте фельдмаршала к государю императору от 22 сентября (4 октября) сказано: «Сентября 11/23 генерал-майор Дорохов, продолжая действия со своим отрядом, доставил перехваченную им у неприятеля почту в двух запечатанных ящиках, а третий ящик – с ограбленными церковными вещами; 12/24 сентября поймано его отрядом на Можайской дороге два курьера с депешами», и прочее.

В рапорте генерала Винцингероде к государю императору из города Клина от 3/15 октября сказано: «На сих днях сим последним полковником (Чернозубовым) взяты два французских курьера, ехавшие из Москвы с депешами».

Фельдмаршал доносит также государю императору рапортом от 1/13 октября «о взятии 24 сентября (6 октября) курьера близ Вереи подполковником Вадбольским»^[27].

Поэтому мы не преувеличим, если скажем, что разведывательные операции партизанских отрядов существенно дополняли обычные войсковые разведывательные операции: агентурную разведку, разведку, проводимую разъездами и партиями казаков, опрос пленных и перехват курьеров. А в некоторых случаях информация, добываемая партизанами,

оказывала решающее влияние на принятие оперативных решений (донесение Сеславина 11 октября).

Военные партизаны - кто они?

Даже экспресс-анализ воинских званий (начиная от поручика и заканчивая генерал-майором) командиров армейских партизанских отрядов позволяет утверждать, что численность и состав подразделений были различными.

Армейские партизанские отряды создавались преимущественно из казачьих войск и были неодинаковыми по своей численности: от 50 до 500 человек. Так, в отряде Дениса Давыдова состояло 50 гусар и 80 казаков, в «партии» Фигнера – изначально «300 человек кавалеристов разной конницы», впоследствии увеличенные до 800 конных, а в уже упоминавшемся отряде Винцигероде – 1300 человек.

У каждого из командиров были свои стратегия и тактика, поэтому и большинство бойцов подразделения соответствовали своему руководителю. В противном случае они при первой же возможности старались уйти из отряда.

Так, Денис Давыдов в самом начале своей партизанской деятельности налаживал контакты с местными крестьянами. Вот как он сам пишет об этом: «Я хотел распространить слух, что войска возвращаются, утвердить поселян в намерении защищаться и склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля». Однако сразу же он сталкивается с трудностями, крестьяне зачастую путали его отряд с французами, и вместо хлеба-соли приходилось довольствоваться выстрелом из-за околицы.

Такое специфичное гостеприимство со стороны крестьян объяснялось просто. «За неимением русских

мундиров я одел их во французские мундиры и вооружил их французскими ружьями, оставя им для приметы русские фуражки вместо киверов», – писал позднее Денис Давыдов. Справедливости ради отметим, что если бы бойцы отряда Дениса Давыдова были бы одеты в форму русской армии, то это бы не изменило ситуацию. «Сколько раз я спрашивал жителей, – пишет Денис Давыдов, – ...«отчего вы полагали нас французами?», и каждый раз отвечали они мне: «Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежду схоже». – «Да разве я не русским языком говорю?» – «Да ведь у них всякого сбора люди».

Хотя дело было не только в форме, но и в малочисленности отряда. В сентябре 1812 года в его отряде было около двухсот человек. По своей численности и униформе он напоминал скорее шайку мародеров или дезертиров, чем подразделение русской армии.

Для преодоления этого разрыва Денис Давыдов стал принаравливать сам и приучать свой отряд к простонародной культуре и обычаям. «Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным». В скором времени такая политика дала результаты, Давыдов был принят крестьянами и получил от них всестороннюю поддержку. А вот как он предлагал крестьянам бороться с противником. «Примите их, – говорил я им, – дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда заметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу избы или на улице поставленное, и совершите то, что Бог повелел совершать с врагами Христовой Церкви и вашей родины.

Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте».

В отличие от Дениса Давыдова, предпочитавшего скрытые рейды по тылам противника, и Сеславина, предпочитавшего открытый бой, Александр Фигнер делал ставку на диверсии и хитроумные засады. Бывший по натуре авантюристом, Фигнер шел на любой риск. До того как стать партизаном, Александр Фигнер проник в Москву, прикинувшись простолюдином, умудрился наняться истопником к помощнику наполеоновского начальника штаба и даже предпринял попытку покушения на Наполеона. Когда эта попытка не удалась, он заманил в ловушку французского офицера с важным донесением и вернулся в армию. Конечно, такой неугомонный человек, как Александр Самойлович, не мог долго сидеть на месте и подался в партизаны.

Вот что о деятельности Александра Фигнера пишет подпоручик 2-й батарейной роты 11-й артиллерийской бригады 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса А.И. Остермана-Толстого Гавриил Мешетич в своей книге «Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.»: «Но он одной просил награды у главнокомандующего – чтобы иметь свою партию наездников, на что и воспоследовало согласие; дана была ему партия сначала 300 человек кавалеристов разной конницы, с которыми он, скрываясь ночью в лесу почти в тылу неприятеля, внезапно нападал на разные партии фуражиров по деревням, по дороге на обозы и подвоз провианта или фуража, останавливал и предавал огню».

Однако неугомонной натуре Фигнера было мало схваток с сопровождением обозов, и он, заполучив полное обмундирование французского офицера, начинает ходить во французский лагерь, разведывая планы противников. Вот что пишет все тот же Мешетич: «Наживши себе таким образом полное одеяние

французского штаб-офицера с фуражкой, надел на себя и небоязненно из лесу несколько раз отправлялся в стан неприятельской, на биваках у огней дружески разговаривал с ними, жаловался на недостаток всего в лагере, пытался, куда они намерены ехать – на фуражировку или за продовольствием, выправлялся, как велика их партия, просил позволения послать совместно с ними свою партию и внезапно их истреблял и брал в плен».

Фигнер и его отряд не раз попадали в сложные переделки. Однажды их с трех сторон окружили каратели. Казалось – все, выхода нет, надо сдаваться. Но Фигнер придумал блестящую военную хитрость: он переделал половину отряда во французскую форму и инсценировал бой с другой частью. Настоящие французы остановились, ожидая конца и готовя повозки для трофеев и пленных. Между тем «французы» оттеснили русских к лесу, а затем они вместе скрылись.

Небывалую храбрость и воинское умение Александра Фигнера отмечал и Денис Давыдов, однако осуждая другую черту этого офицера, а именно излишнюю жестокость. В отличие от Дениса Давыдова, всегда бережно обращавшегося с пленниками и за все время казнившего только двух предателей, Александр Фигнер убивал пленных десятками. Вот что пишет Денис Давыдов об одном из своих разговоров с Александром Фигнером: «Но едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я позволил растерзать их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены».

Задачи военных партизан

Перед ними ставились следующие задачи: уничтожать в тылу противника его живую силу, наносить удары по гарнизонам, подходящим резервам,

выводить из строя транспорты, лишать противника продовольствия и фуража, следить за передвижением неприятельских войск и доносить об этом в Главный штаб русской армии. О последнем направлении деятельности армейских партизан Денис Давыдов пишет следующим образом:

«Партизанская война имеет влияние и на главные операции неприятельской армии. Перемещение ее в течение кампании по стратегическим видам долженствует встретить неодолимые затруднения, когда первый и каждый шаг ее может быть немедленно быть известен противному полководцу посредством партий (партизанских. – *Прим. авт.*)»^[28].

Перечень решаемых армейскими партизанскими отрядами задач можно продемонстрировать на примере подразделения полковника Кудашева:

- истребление вражеских отрядов, конвоев, фуражиров;
- уничтожение или захват штабов, обозов, военных складов с боеприпасами, продовольствием и фуражом;
- захват в плен «языков», военных курьеров с донесениями, нарушение системы связи между французскими корпусами;
- освобождение плененных французами русских солдат и офицеров;
- пресечение разведывательной деятельности вражеских отрядов;
- вовлечение в борьбу с оккупантами местного населения;
- постоянный сбор и немедленный доклад командованию разведывательных данных о передвижениях частей армии противника.

Кроме организации засад, молниеносных налетов отряды партизан Кудашева в ряде случаев успешно участвовали и в открытых боях с противником^[29].

Пример того, как эти задачи решались отрядом Кудашева в конце сентября – начале октября 1812 года.

28 сентября 1812 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) полковник Николай Данилович Кудашев в своем донесении Петру Петровичу Коновницину сообщил, что 1-й Башкирский полк «расставляем будет большими пикетами; вместе с сим отправил я урядника с 25 казаками башкирскими в с. Высокое, сам же с полками Харитонов и Жирова, следуя к Подольску и окрестностям, оставлять буду сзади себя извещательные посты».

29 сентября 1812 года «...полковник князь Кудашев рапортует, что он прибыл с вверенным ему отрядом к Лопасне и к Чепелеву, откуда известил серпуховского исправника об успокоении жителей Серпуховского уезда. При сем рапорте доставил он 13 человек пленных».

30 сентября 1812 года «...полковник князь Кудашев двумя рапортами доносит: первым из села Молоди (ныне Чеховский район Московской области – *Прим. авт.*), препровождая 13 человек пленных, уведомляет, что император Наполеон выезжал на несколько дней из Москвы, но опять туда возвратился. Вторым – оттуда же, что посланная от него партия под командою адъютанта генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова капитана Кожухова, который, присоединясь к прежде посланной партии, переправился чрез реку Мочь и следовал за неприятелем в деревню Чегадаеву (ныне Подольский район Московской области. – *Прим. авт.*), откуда пехота неприятельская производила сильную пальбу. Потом, вышед из деревни, неприятель построил каре, на которое донские казаки, разделясь, ударили решительно, ворвались в каре, положили на месте 40, а взяли в плен 60 человек, в числе коих капитан Тубье, раненный в руку».

2 октября 1812 года «...полковник князь Кудашев отправляет партии с Серпуховской на Калужскую дорогу... Хорунжий Басов, встретив неприятельский обоз за Чириковым (ныне Подольский район. – *Прим. авт.*), напал на оный с 50 казаками, взял 20 человек в плен, 2 коляски и 3 брички... Князь Кудашев пошел к Лопасне».

На рассвете 2 октября Кудашев прибыл в село Лопасню и выяснил, что противник находится всего в 3 верстах. Для удержания неприятеля послал партизан в деревню Сергеевское (ныне дер. Сергеево Чеховского района. – *Прим. авт.*).

В течение трех дней – 2, 3 и 4 октября 1812 года – донские казаки из отряда Кудашева полностью «зачистили» окрестности Лопасни от оккупантов, опираясь на разведданные и помощь местных жителей.

«...Вторым рапортом, сего же числа (2 октября) полученным, полковник князь Кудашев доносит, что посланная от него партия открыла в селе Васильевском (ныне дер. Скурыгино. – *Прим. авт.*) фуражирующих кирасир, напала на них и прогнала до деревни Петровской (ныне дер. Большое Петровское на речке Челвенке. – *Прим. авт.*), где они предприняли оборону, но есаул Анафин, ударив на них, взял в плен 27 кирасир, 10 положил на месте, а остальные спаслись бегством».

3 октября 1812 года «...посланная партия от полковника князя Кудашева 3 октября к селениям Алферову и Никольскому (ныне Чеховский район. – *Прим. авт.*) для открытия неприятеля, не доходя до тех селений, встретила неприятельских фуражиров, из коих 21 конного взяла в плен, а прочие были преследованы до тех мест».

4 октября «...полковник князь Кудашев рапортует из Лопасни, что посланная от него партия встретила в селе Клеване (ныне дер. Хлевино Чеховского района. – *Прим. авт.*) в 5 верстах от Лопасни неприятеля, состоящего в

пехоте и коннице, прикрывавшего фуражиров, на коих казаки ударили, опрокинули их и захватили 16 кирасир».

«...полковник князь Кудашев, известясь от жителей о движении неприятеля в окрестностях Алферова, с двумя вверенными ему Донскими полками, в которых за откомандировкою не находилось более 300 человек налицо, решился его атаковать и, несмотря на несоразмерность сил, по жесткой перестрелке при селении Алферово уничтожил покушение 1500 неприятельской кавалерии (кроме того, в этом бою было взято в плен 70 французов. – *Прим. авт.*).

5 октября 1812 года. «Вчерашнего числа (4 октября) посланная партия от Башкирского полка майором Лачиным в окрестности Жохова (ныне Подольский район. – *Прим. авт.*) захватила 22 чел. неприятельских фуражиров, которые при сем препровождаются».

В тот же день (5 октября) казаками полковника Кудашева была проведена дерзкая и успешная диверсионная операция, которая, помимо прочего, дала возможность получить ценную разведывательную информацию:

«...адъютант генерал-фельдмаршала капитан Кожухов, 4 октября будучи послан с 80 казаками к селению Псеве (дер. Песье нынешнего Подольского района. – *Прим. авт.*), узнал, что в селениях Сатове и Сафонове находится неприятельская кавалерия, где лежит прямейшая дорога к Красной Похре, пробравшись мимо неприятельских пикетов к дороге, на рассвете ударил на его обоз, из коего отбил 12 повозок, взял в плен 3 офицеров, в том числе одного из штаба маршала Даву (посланный курьером из Москвы), а равно взял 40 кирасир и конных егерей».

За день до начала Тарутинского боя партизаны полковника Николая Даниловича Кудашева захватили предписание маршала Луи Александра Бертье одному французскому генералу об отправлении всех тяжестей

на Можайскую дорогу. Это позволило фельдмаршалу М.И. Кутузову принять правильное решение об отказе от преследования разбитого авангарда неприятеля под командованием маршала Иоахима Мюрата и сосредоточить основные силы на Калужской дороге, закрыв тем самым путь французам на юг.

Успешные боевые операции армейских партизан полковника Кудашева в окрестностях Лопасни привели к полному очищению местности от неприятеля и его разведывательных отрядов. Это дало возможность казачьим полкам генерала князя В.В. Орлова-Денисова в ночь с 5 на 6 октября 1812 года скрытно форсировать реку Нару, пройти через дер. Хоросино и село Стромилово (ныне с. Стремилово Чеховского района. – *Прим. авт.*) и на рассвете возле деревни Дмитровка неожиданным ударом разгромить левый фланг группировок и маршала Мюрата. В результате французы отступили на север, потеряв убитыми и ранеными около 2,5 тысячи человек, около одной тысячи сдались в плен. После этого начался исход войск Наполеона из Москвы, закончившийся их бесславным отступлением к западной границе России и полным разгромом ^[30].

2 сентября 1812 года отряд Дениса Давыдова разгромил крупный обоз неприятеля в районе Вязьмы. В плен было захвачено 276 солдат, 32 повозки, две фуры с патронами и 340 ружей, которые Давыдов передал ополченцам.

Французы не на шутку встревожились, видя успешные действия отряда Дениса Давыдова в районе Вязьмы. Для его разгрома был выделен двухтысячный карательный отряд, но все усилия были тщетны – местные крестьяне вовремя предупреждали Давыдова, и он уходил от карателей, продолжая громить обозы противника и отбивая русских военнопленных. Впоследствии Денис Давыдов обобщил и систематизировал военные результаты действий

войсковых партизан в двух своих работах 1821 года: «Опыт теории партизанских действий» и «Дневник партизанских действий 1812 г.», где справедливо подчеркнул значительный эффект этой новой для XIX века формы войны для поражения неприятеля.

Глава 3

Военные партизаны Первой мировой войны

25 августа 1915 года командующий Юго-Западным фронтом генерал Николай Иудович Иванов приказал командирам 8, 9 и 11-й армий развернуть активную партизанскую войну в районе Полесья. Партизанские отряды должны были задержать продвижение неприятеля к Днепру, пробраться в Полесье и оттуда действовать в тылах противника.

В сентябре 1915 года подобные части были созданы в 3-й и 4-й армиях Западного фронта. Численность партизанских отрядов была невелика – в каждом 3–4 офицера и 70–120 рядовых [\[31\]](#).

Одновременно начали формироваться партизанские отряды и на Северном фронте.

Их количество и общая численность были таковы:

Армия	Количество отрядов	Состав отрядов
Северный фронт		
5-я	3	5 офицеров, 125 строевых и 47 нестроевых рядовых
12-я	3	По 2 офицера и 55 рядовых
Западный фронт		
3-я	7	По 2 офицера и 70–80 рядовых
4-я	4	1–2 офицера и 10–25 рядовых

Партизанские отряды на Юго-Западном фронте создавались более организованно, чем на других фронтах. Штаб 8-й армии даже разработал «Общие указания для действий партизанских отрядов», в которых планировались действия отрядов в районе Ковель – Ровно. Всего на Юго-Западном фронте было организовано 11 отрядов различной численности [\[32\]](#).

К зиме 1915/16 года каждой кавалерийской и казачьей дивизией Западного и Юго-Западного фронтов было сформировано 50 отрядов численностью от 60 до 200 сабель, которые должны были оперировать во вражеском тылу в полосе этих фронтов^[33].

Генерал Алексей Алексеевич Брусилов крайне отрицательно отнесся к этой идее своего начальника, хотя уважал последнего как военного специалиста. Позднее в своих мемуарах Алексей Брусилов так напишет о попытке Иванова сформировать партизанские отряды:

«За эту зиму (1915/16 года. – *Прим. авт.*) пришлось мне много повозиться с партизанскими отрядами. Иванов, в подражание войне 1812 года, распорядился сформировать от каждой кавалерийской и казачьей дивизии всех армий фронта по партизанскому отряду, причем непосредственное над ними начальство он оставил за собой. Направил он их всех ко мне в армию с приказанием снабдить их всем нужным и двинуть затем на северо-запад в Полесье, дав им там полный простор для действий. Это и было исполнено. Хозяйственной части армии от всей этой истории пришлось тяжело от непомерного увеличения работы по снабжению партизанских отрядов вещами и деньгами. С самого начала возникли в тылу фронта крупные недоразумения с этими партизанами. Выходили бесконечные недоразумения с нашими русскими жителями, причем, признавая только лично главнокомандующего, партизаны эти производили массу буйств, грабежей и имели очень малую склонность вторгаться в область неприятельского расположения. В последнем отношении я их вполне оправдывал, ибо в Пинских болотах производить кавалерийские набеги было, безусловно, невозможно, и они, даже если бы и хотели вести конные бои, ни в коем случае не могли этого исполнить. Единственная возможность производить набеги, и то с

большими затруднениями, – это делать их пешком, взяв провожатого из местных жителей. При таких условиях в болотах, местами бездонных, можно было пробираться по тропинкам в тыл противника, но держаться там долго нельзя было, так как партизаны там уничтожались немцами. Соседняя со мной 3-я армия, входившая в состав Западного фронта, несколько раз жаловалась мне на безобразия, которые партизаны творили у нее в тылу, о чем я немедленно доносил главнокомандующему на распоряжение. Однако и Иванов с ними ничего поделаться не мог, ибо, наблудив в одном каком-нибудь месте, они перескакивали в другое и, понятно, адреса своего не оставляли. Единственное хорошее дело, которое за всю зиму они совершили, был наскок на Нобель, насколько мне помнится. Три команды партизан, соединившись вместе и оставив своих лошадей дома, пешком пробрались сквозь болота ночью и перед рассветом напали на штаб германской пехотной дивизии, причем захватили и увели с собой в плен начальника дивизии с несколькими офицерами. Этот злосчастный начальник дивизии, находясь в плену, сделал вид, что хочет бриться, и бритвой перерезал себе горло.

Думаю, что если уже признано было нужным учреждать партизанские отряды, то следовало их формировать из пехоты, и тогда, по всей вероятности, они сделали бы несколько больше»[\[34\]](#).

Слова военачальника оказались пророческими. Во время Великой Отечественной войны Пинские болота стали базой для нескольких крупных партизанских отрядов.

Если партизаны периода Великой Отечественной войны стали героями и потом часто вспоминали о своих ратных делах, то их коллеги, партизанившие во время Первой мировой войны и жившие в СССР, в большинстве своем старались лишний раз не говорить, чем они

занимались зимой 1915/16 года. Снова обратимся к мемуарам Алексея Брусилова.

«В конце концов весной (1916 года. – *Прим. авт.*) партизаны были расформированы, не принеся никакой пользы, а стоили они громадных денег, и пришлось некоторых из них, поскольку мне помнится, по суду расстрелять, других сослать в каторжные работы за грабеж мирных жителей и за изнасилование женщин»^[35].

Читая строки Алексея Брусилова, не следует забывать, что написаны они были старшим офицером Красной Армии и соответствовали официальной советской точке зрения на военных партизан Первой мировой войны. Большинство отрядов военных партизан действительно расформировали весной 1916 года, но по другой причине. Кавалеристам приходилось действовать исключительно в пешем строю. А это потребовало дополнительного обучения. В этой ситуации было бы разумнее использовать казаков-пластунов, пешие команды и части Черноморского, а затем Кубанского казачьего войска. Главная задача пластунов заключалась в том, чтобы уберечь станицы от внезапного нападения кавказских горцев. С этой целью им предписывалось вести непрерывное наблюдение за кордонной линией из потайных мест-секретов, залегать своеобразным живым капканом на путях возможного проникновения врага в глубь казачьих земель. На фронтах Первой мировой войны воевало 24 пластунских батальона^[36].

Может быть, в неудачной организации партизанских отрядов виноват исключительно генерал Иванов? Если бы этим делом занялся другой военачальник, то, как и в Отечественную войну 1812 года, партизаны совершали бы дерзкие рейды по тылам противника, добывали важные сведения и т.п.?

Увы, история свидетельствует об обратном. Снова обратимся к мемуарам Алексея Брусилова:

«К сожалению, этими злосчастными партизанами увлекся не один наш главнокомандующий. Вновь назначенный походный атаман великий князь Борис Владимирович последовал тому же примеру: по его распоряжению во всех казачьих частях всех фронтов были сформированы партизаны, которые, как и на нашем фронте, болтались в тылу наших войск и, за неимением дела, производили беспорядки и наносили обиды ни в чем не повинным жителям, русским подданным»^[37].

Снова придется возразить военачальнику. Большинство отрядов совершало набеги в прифронтовой полосе противника. А «обиды наносили» противнику. Так, в ночь с 20 на 21 октября 1915 года, соединившись между собой, отряды Оренбургской казачьей, 9-й и 11-й кавалерийских дивизий в составе 250 человек в пешем строю, имея проводников из местных крестьян, подготовили и осуществили налет на деревню Кухоцкая-Воля. Гарнизон противника состоял из двух эскадронов драгун, трех взводов егерей, рабочей роты, саперов и артиллерии. Партизаны незаметно подошли к Кухоцкой-Воле и без единого выстрела преодолели провололочные заграждения. Сняв часовых, они ворвались в деревню. Без стрельбы, орудуя исключительно штыками (так как шашки оставались при лошадях) и бросая гранаты, партизаны вырезали неприятеля без всякой пощады – в плен никого не брали. Немцы потеряли до 400 человек, тогда как у нас было 30 раненых, 1 убит и двое пропали без вести. Было уничтожено много двуколки, ящиков со снарядами и разное имущество обоза. За лихие действия в этом набеге более 100 партизан получили Георгиевские кресты и медали. Награды получили и офицеры^[38]. Справедливости ради отметим, что это был самый результативный рейд военных партизан осенью

1915 года – зимой 1916 года. В большинстве случаев из-за сильно укрепленной линии обороны военные партизаны просто не могли преодолеть первую линию окопов и проникнуть хотя бы на несколько километров в прифронтовую зону.

А теперь расскажем подробнее об инициативе великого князя Бориса Владимировича.

По приказу Походного Атамана

Для осуществления планов партизанской войны Верховное командование 30 октября 1915 года приказом Походного Атамана под № 2 объявило о начале формирования конных отрядов Особой Важности из добровольцев для действия в тылу противника.

В «Приказе Главнокомандующего армий Северного фронта. 27 ноября 1915 года, № 140» говорилось:

«Объявляю копию приказа Походного Атамана от 30 октября 1915 года за № 2. На основании п. 4 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного «Положения о Походном Атамане при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ» (Приказ начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 4 октября 1915 года № 3 секретно) объявляю прилагаемое при сем «Наставление для организации партизанских отрядов».

«Наставление

1. В каждом конном отряде (дивизии, отдельной бригаде) – распоряжением начальника выбираются охотники-партизаны (не более 5–10 человек от сотни и эскадрона, во избежание ослабления частей).

2. Выбор должен быть произведен особенно тщательно, отдавая преимущество людям, уже

доказавшим в боях свою отвагу и находчивость.

3. Выбранные партии сводятся в отдельные отряды силою 100-150 человек. Каждый отряд называется по фамилии своего начальника и для удобства управления делится по строевому расчету.

4. Начальником партизанского отряда назначается офицер, также охотник, обладающий необходимыми для партизана качествами. При выборе его главное внимание обращается не на старшинство в чине, а на доказанную выдающуюся боевую пригодность. Ему предоставляется выбор себе помощников из числа офицеров-охотников, а также и лично известных ему нижних чинов.

5. Партизанский отряд, составленный из охотников разных частей, может быть прикомандирован для денежного и других видов довольствия к одному из полков конного отряда, во избежание обременения начальника партизан сложной отчетностью.

6. Вооружать партизан желательно германскими и австрийскими винтовками со штыками, ввиду того что, действуя в тылу неприятеля, они легче могут добывать себе патроны.

Кроме того, им могут быть приданы подрывные средства, пулеметы и даже конно-горные орудия, хотя по роду деятельности партизан едва ли желательно обременять их артиллерией.

7. Кроме денежного аванса на покупку положенного от казны продовольствия людям и лошадям, начальник партизан должен быть снабжен также денежным авансом в размере 1000-2000 рублей из полковой экономии для

найма лазутчиков, проводников и другие непредвиденные расходы, необходимые для пользы дела. При первой возможности он представляет отчет об израсходовании этих денег.

8. Ввиду той громадной пользы, какую могут принести отважные партизаны, и крайней трудности и опасности их службы, все начальники частей, в районе которых они будут действовать, должны оказывать им полное содействие как боевой помощью, так и необходимыми сведениями о противнике и продовольствием для людей и лошадей.

9. Сведения о партизанских отрядах представить по прилагаемой форме в Ставку на имя Походного Атамана немедленно по сформировании отряда. Каждому начальнику партизанского отряда будет выдано особое удостоверение за подписью Походного Атамана.

10. Во время своей специальной деятельности партизаны подчиняются только Походному Атаману. Никто не должен задерживать их для исполнения задач, не соответствующих их назначению.

11. О своей деятельности, выдающихся подвигах партизан, трофеях и потерях начальники партизанских отрядов доносят Походному Атаману одновременно с донесением прямому своему начальству.

12. Отступления от настоящего постановления, ввиду местных условий допускаются, имея целью лишь пользу делу партизанской войны...

Подписал: Начальник Штаба Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Генерал- майор Богаевский».

Контролировал процесс организации партизанских отрядов великий князь Борис Владимирович совместно со штабом Походного Атамана, начальником которого и был назначен генерал-майор Африкан Петрович Богаевский.

Кроме того, приказом № 2 предписывалось называть все образованные партизанские отряды «отрядами Особой Важности»:

«Необходимо самое тщательное сохранение тайны партизанских действий, ибо только при этом условии можно рассчитывать на успех; начальникам партизанских отрядов надлежит объяснить это нижним чинам. В штабах армии тоже желательно принять самые тщательные меры к охранению секретов. В официальных сношениях партизан именовать «отрядами Особой Важности», для ограждения партизан от жестокой расправы противника, в случае захвата кого-либо из них неприятелем»^[39].

Есть основания утверждать, что Ставка при разработке пунктов приказа допустила ряд существенных ошибок.

Во-первых, не была определена численность формируемых партизанских отрядов.

Во-вторых, стремление сделать из них образцово-показательные части и комплектовать их в первую очередь георгиевскими кавалерами не способствовало повышению их боеспособности. Многие попадали в эти подразделения исключительно по приказу командиров, не имея при этом склонности к разведывательно-диверсионной работе в тылу противника. Ведь Георгиевским крестом награждали не только за успешно проведенную разведывательную операцию и добытого «языка», но и за другие ратные дела.

В-третьих, большой ошибкой была передача всех формируемых отрядов в подчинение исключительно Походному Атаману. Как показали дальнейшие события, Походный Атаман утратил власть над отрядами. Сношения командиров отрядов со штабом Атамана сделались практически невозможными, и постепенно отряды превратились в автономно действующие казачьи подразделения.

Нельзя сказать, что Ставка не замечала собственных ошибок и промахов. Разработав и внедрив проект партизанских отрядов, командование старалось исправлять оплошности, производило необходимые расчеты, совершенствовало и шлифовало свою идею.

В середине апреля 1916 года по ходатайству Походного Атамана начался перевод партизанских отрядов в подчинение генерал-квартирмейстерским частям соответствующих армий с условием координации действий с войсковыми штабами боевых участков, занимаемых партизанскими отрядами. С этого времени работа последних ограничивалась пределами армий с подчинением армейскому и корпусному командованию.

С учетом специфики линии фронта на вооружение партизанских отрядов начали поступать специальные средства. Так, «для выполнения частных задач, в зависимости от местных условий, распоряжением штабов армий партизан желательно временно снабжать плавучими средствами, моторными лодками, средствами передвижения (техническими и конными), ножницами для резки проволоки, адскими машинами системы «Летта», кинжалами, револьверами и проч...».

В первых числах мая 1916 года в штабе Походного Атамана произошло совещание, на котором анализировались данные о работе партизанских отрядов с сентября 1915 года по май 1916 года. Выводы, сделанные тогда, не радовали: за все время действий партизанских соединений боееспособными оказались

лишь 30% последних. Остальные отряды превратились в банды мародеров и грабителей или просто отказывались выполнять приказания. Низкая боеспособность отрядов была результатом также и крайне плохой организации связи между их командирами и штабом Походного Атамана. Это часто приводило к скученности отрядов в одном месте и бесцельной трате казенных денег.

Начальник штаба Походного Атамана генерал-майор Африкан Петрович Богаевский так охарактеризовал положение «партизанского дела» на фронтах:

«При настоящих условиях ведение отрядами чисто партизанских действий почти невозможно. Отряды, скучиваясь на немногих местах фронта, где недопустима возможность действий, мешают друг другу, стесняют войска, занимающие участок, забивают их в тыл, вызывая недовольство местных начальников; оставаясь при своих дивизиях, отряды или бездействуют, или им поручаются задачи боевой разведки с целью захвата контрольных пленных. И то и другое имеет отрицательные стороны – первое вызывает порицание и зависть частей, да тягостно и самим партизанам; второе заставляет отряды нести большие потери отборнейшими людьми, не окупавшие достигнутых результатов. Признавая настоящие условия неблагоприятными для партизанского дела, Великий Князь (Борис Владимирович. – *Прим. авт.*) находит вполне правильным (...) распустить партизан по их частям, держа их на учете для быстрого сбора в нужный момент».

Следствием этого стал приказ от 24 апреля 1916 года, который вступил в силу 9 мая. В нем говорилось о расформировании партизанских отрядов, но с оговоркой – не подлежали расформированию отряды с большим людским составом (250–350 человек), «смешанного характера и более сложной организации». Таким отрядам все тем же приказом предписывалось вести

партизанскую работу на участках расположения их армий. Партизаны получали полную свободу действий, строго руководствуясь при этом указаниями генерал-квартирмейстеров штабов армий, которым они непосредственно подчинялись. Переход из одной армии в другую без соответствующего приказа запрещался^[40].

В мае 1917 года все партизанские отряды по приказу, подписанному А.Ф. Керенским, формально были расформированы, хотя многие из них продолжали действовать до Октябрьской революции.

Почему молчали советские историки

Большинство советских военных историков старательно обходили стороной тему организации партизанского движения во время Первой мировой войны.

Так, М.А. Дробов в своей книге «Малая война: партизанство и диверсии» в главе «Применение форм малой войны во время Мировой войны 1914–1918 годов» достаточно подробно рассказал о происходившем на территории Европы. Например, о том, что «в Сербии, оккупированной австрийцами, малая война велась небольшими отрядами – четами, руководимыми особыми комитетами». Руководили этим движением «особые офицеры из армии, уже отступившей с территории Сербии. Офицеры, конечно, прибывали к повстанцам нелегально». Есть у него и упоминание о немецких «войсковых частях, действовавших по ближним тылам противника» на территории Африки^[41]. Зато о Российской империи почти ничего нет. Лишь в главе «Диверсии в Мировой войне» можно прочесть о нескольких авантюрных планах командования русской армии. Так, в январе 1916 года штаб главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта «поручил секретному сотруднику, некому Фарди,

приступить к организации в Турции «революционного движения», направленного против распоряжавшихся там германцев и младотурков»^[42]. Понятно, что план был обречен изначально на неудачу.

Полковник Красной Армии Петр Петрович Каратыгин в своей работе «Могучая сила партизанства» лаконично сообщает:

«На нашем фронте неоднократно создавались условия, благоприятные для широких партизанских действий. Возможности эти учитывались в войсках, и по частному почину в некоторых кавалерийских дивизиях – 1, 7, 12, 11-й, Оренбургской, Сводно-казачьей – были созданы небольшие партизанские отряды. Наконец, незначительные партизанские отряды (конные) формировались при Походном Атамане. Но все это так, между прочим!»

А затем он делает вывод:

«По-видимому, Ставка считала подобные приемы борьбы бесцельными и опасными – подрывающими дисциплину, основы и весь уклад регулярной армии. Идея маневров и смелых положений смущала тогдашнее высшее командование, оно шло на это неохотно и почувствовало себя наконец-то спокойно, когда «от моря до моря» протянулся сплошной окоп»^[43].

Насчет дисциплины, с позиции большевиков, отряды военных партизан действительно были очень плохо организованы. Наверное, это были едва ли не единственные из фронтовых частей русской армии, в которых до октября 1917 года любая попытка политической агитации против властей пресекалась на корню. А большинство офицеров военных партизан активно участвовали в Белом движении и успешно воевали с Советской властью. Так, командиру Кубанского особого конного отряда есаулу Андрею Григорьевичу Шкуро в 1945 году Москва присвоила статус «бывшего генерал-лейтенанта Белой армии,

одного из главарей вооруженных белогвардейских формирований в период Гражданской войны». Не лучше репутация была и у его коллеги и соратника по Белому движению, начальника партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии Бориса Владимировича Анненкова. Понятно, что с таким клеймом в Советском Союзе сложно было рассчитывать на славу Дениса Давыдова.

Советский Союз давно исчез с политической карты мира, а отдельные авторы упорно продолжают не замечать военных партизан Первой мировой примеры. В качестве примера можно сослаться на книгу Иосифа Борисовича Линдера, Сергея Александровича Чуркина и Николая Николаевича Абина «Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов». Для тех, кто не в курсе: Павел Судоплатов в годы Великой Отечественной войны руководил Четвертым управлением (разведка и диверсии на оккупированной территории) НКВД – НКГБ СССР. В начале данной книги авторы достаточно подробно рассказывают об истории «малой войны» с начала XIX века. Сообщают несколько интересных фактов из истории отечественных военных партизан, но, по их утверждению «в ходе Первой мировой войны серьезных попыток использовать преимущества диверсионных операций на коммуникациях противника высшим военно-политическим руководством Российской империи предпринято не было...»^[44]. Далее авторы справедливо указывают на упущенные возможности в первые два года войны. На этом их рассказ о Первой мировой войне заканчивается.

Другая причина игнорирования советскими историками темы «военного партизанства» Первой мировой войны носила более объективный характер. Нужно признать, что в отличие от Отечественной войны 1812 года воевавшим в тылу противника «военным партизанам» Первой мировой войны в большинстве

своем в силу объективных причин не удалось достичь значительных результатов.

Уже упоминавшийся нами в начале главы генерал царской армии Алексей Брусилов в своих мемуарах по этому поводу писал:

«Правду сказать, я не мог никак понять, почему пример 1812 года заставлял нас устраивать партизанские отряды, по возможности придерживаясь шаблона того времени: ведь обстановка была совершенно другая, неприятельский фронт был сплошной, и действовать на сообщения, как в 1812 году, не было никакой возможности. Казалось бы, нетрудно сообразить, что при позиционной войне миллионных армий действовать так, как сто лет назад, не имело никакого смысла...

Попасть же в тыл противника при сплошных окопах от моря и до моря и думать нельзя было. Удивительно, как здравый смысл часто отсутствует у многих, казалось бы, умных людей»^[45].

К этому нужно добавить, что вне зависимости от того, кому формально подчинялись отряды – Николаю Иудовичу Иванову или Походному Атаману, фактически воинские подразделения действовали в автономном режиме, зачастую не согласовывая свои действия с командованием армии. Выбор времени и объекта атаки чаще зависел от командира отряда, а не командования фронта.

Выше мы упоминали о том, что сформированные по приказу Николая Иудовича Иванова отряды иногда разлагались и деградировали, из боевых подразделений трансформировалась чуть ли не в банды мародеров и грабителей. Аналогичная ситуация наблюдалась порой и в подразделениях, формально подчиненных Походному Атаману.

В качестве примера можно процитировать приказ Командующего армиями Северного фронта генерала Н.

В. Рузского № 140 от 27 ноября 1915 года:

«Среди донесений о многих блестящих подвигах славного казачества (...), к великому моему сожалению, доходят до меня и печальные вести о неоднократных случаях воровства и грабежей, произведенных казаками у мирных жителей. Предупреждаю, что при повторении подобных случаев буду требовать самого строгого наказания виновных вплоть до военно-полевого суда и отрешения от должности командиров частей»^[46].

Хотя, конечно, больше было боеспособных партизанских отрядов. Расскажем о некоторых из них.

Кубанский особый конный отряд («Волчья сотня»)

В середине осени 1915 года есаул Андрей Григорьевич Шкуро написал рапорт на имя командующего Юго-Западным фронтом. В нем автор предложил «отрядить его с партией казаков терзать тылы и коммуникации противника». Идея пришлась командованию по душе. И вскоре Кубанский конный отряд особого назначения приступил к действиям за линией фронта.

Есаул сам отбирал бойцов в отряд. А служить под его командованием хотели многие казаки. Недостатка в желающих не было. Также Шкуро самолично ввел для отряда необычные отличительные знаки: к черным кубанкам его казаков был приторочен волчий хвост, а на самоучрежденном черном отрядном знамени красовалась оскаленная волчья пасть. Потому за подразделением сразу же закрепилось и неофициальное название – «Волчья сотня».

При первом налете кубанцы истребили полторы сотни немцев, захватили шесть пулеметов и три десятка пленных. Сдав трофеи, «Волчья сотня» ушла в более продолжительный рейд по немецким тылам, во время

которого среди прочих удачных наскоков под покровом сумерек и метели внезапно атаковала поселок Нобель, где располагался штаб германской пехотной дивизии, уволокла в зимнюю ночь ее командира и нескольких штабных офицеров. Немцев охватила паника. Срочно стали планироваться и предприниматься меры противодействия лихим партизанским набегам. Но Шкуро, несмотря ни на что, продолжал гулять по вражеским тылам в лесах Минской губернии.

В середине 1916 года (в обход запрета высшего начальства) на базе «Волчьей сотни» была сформирована специальная партизанская бригада особого назначения. Бригада стала проводить глубокие рейды в тыл противника и участвовала в знаменитом Брусиловском прорыве, разрушая и дезорганизуя тылы германцев и австро-венгров.

В начале февраля 1917 года отряд перебросили на Кавказский фронт. Прибыв к месту назначения, «Волчья сотня» сразу же была включена генералом Баратовым в авангард Кавказского кавалерийского корпуса, готовившегося к наступлению. Оно началось в последние дни февраля 1917 года. Разгромив османов в боях у Синнаха и под Мнантагом, казаки, совершив стремительный четырехсоткилометровый марш, соединились с английскими дивизиями генерала Мода у местечка Кизыл Рабат. Это было последнее крупное сражение Первой мировой войны с участием русских армий, в результате которого османская Порта потеряла всю южную часть Ирака^[47].

Конный отряд Особой Важности имени атамана Пунина

5 октября 1915 года поручик Леонид Николаевич Пунин написал письмо командующему Западным фронтом генералу Рузскому:

«Милостивый государь Николай Владимирович. Как известно Вашему Высокопревосходительству, германская армия помимо богатства вооружения и разного рода технических средств сильна организованностью своего тыла и прекрасной постановкой службы связи. Вместе с тем опыт современной войны ясно показал, сколь велико значение надлежащего обслуживания полевых армий тыловыми учреждениями и какое громадное количество вспомогательных средств требуется сим армиям для беспрепятственных и эффективных действий. Ввиду изложенного, если бы нам возможно было помешать правильному функционированию тыловой службы германских армий и внести в нее некоторое расстройство, то тем самым, по моему мнению, мы значительно приблизили бы время перехода перевеса на нашу сторону. Наиболее действительным средством для этого явилась бы организация партизанских отрядов для набегов в тыл неприятелю...

С одной стороны, партизанским действиям крайне способствовала бы благоприятная местность – Полесье с его болотами, могущими быть исходным пунктом для партизанских отрядов, с другой – врагу сейчас наиболее важны дороги в тылу, ввиду переброски части войск назад для отправления на Сербский фронт. Одной из ближайших задач партизанских отрядов могла бы быть перерезка всех вражеских железнодорожных магистралей от Полесья до Рижского залива и действие по сообщениям противника на этом фронте; в частности, они (партизанские отряды. – *Прим. авт.*) смогли бы наметить себе подрыв железных дорог в районах узловых станций: Волковыск, Гродно, Ново-Троки и Лодово. Кроме того, такие отряды вообще выполняли бы задачи, возложенные на них штабом того фронта, на котором отряд работает...

Каждый отряд состоит из 200–250 охотников при восьми офицерах и одном начальнике (8 офицеров с той целью, чтобы по разбитии отряда на партии в 20–25 человек каждая могла выполнить самостоятельную задачу). Отряды непременно конные, вооруженные холодным оружием и винтовками германского образца, так как единственно возможный вид снабжения патронами мог бы быть из патронных обозов и складов противника; обозов при отряде быть не должно; запас патронов только на вьюках; довольствие исключительно средствами страны и за счет противника, поэтому отряд необходимо обеспечить материально...»

Командование положительно отнеслось к идее поручика. 25 октября 1915 года ему разрешили начать формирование отряда^[48].

К 7 декабря 1915 года партизанский отряд Особой Важности был полностью укомплектован и состоял из 11 офицеров (начальник отряда, шесть поручиков, двое подпоручиков и двое прапорщиков), двух штатских, 17 урядников и унтер-офицеров, 296 рядовых казаков.

О боевых делах и повседневной деятельности этого подразделения лучше всего рассказано в цитируемом ниже документе: «Сводка о деятельности отряда с 1 ноября 1915 года по 15 сентября 1916 года»^[49].

Месяц	Число	Чем занимался
1915 год		
Ноябрь	1–30	Начало формирования отряда
Декабрь	1–19	Окончание формирования отряда
	19–23	Переброска в место дислокации отряда, отдых и обучение
	24–25	Мелкие разведки 3, 4 и 5-м эскадронами
	25	Переход на новое место дислокации
	25–29	Мелкие разведки 3, 4 и 5-м эскадронами
	29–30	Переход на новое место дислокации
	31	Отрядная разведка на санях
1916 год		
Январь	1–12	Серия разведок с целью прорыва
	13–19	Отдых
	20–26	Серия разведок с целью прорыва
	26–31	Отдых
Февраль	1–5	Отдых
	6–16	Корпусная разведка
	17	Отдых
	18–26	Разведка 3-го эскадрона и общего отряда с целью поимки пленного
	26–28	Отдых
Март	1–9	Отдых
	10	Демонстративная разведка
	11–13	Отдых
	14–19	Ежедневные унтер-офицерские разъезды по Лемпежской дороге
	16	Демонстрационная разведка
	17–24	Ввиду распутицы работы прекращены

Месяц	Число	Чем занимался
	25–27	Разъезды на предмет выявления проходимости
	28–31	Отдых
Апрель	1–30	Отдых, отрядные занятия
Май	1–14	Отдых
	14–24	Сторожевое охранение в Чаукцеме
	24–31	Отдых
Июнь	1	Отдых
	2–21	Охрана окопов пехоты
	21	Разведка
	22–30	Отдых и занятия
Июль	1–6	Приготовление к переходу на новое место дислокации отряда
	7	Переход к новому месту дислокации
	7–11	Отдых
	12	Переход к новому месту дислокации
	12–13	Отдых
	14	Переход к новому месту дислокации
	14–16	Отдых
	22–31	Отдых и переход к новому месту дислокации
Август	1–5	Отдых
	6	Разведка
	23	Переход к новому месту дислокации
	29	Охрана окопов пехоты

Военные партизаны в Персии

В конце XIX – начале XX века Российская империя вела напряженную дипломатическую борьбу с Великобританией, закончившуюся в 1907 году заключением договора о разделе Персии (так до 1935 года назывался Иран) на сферы влияния. Север страны стал русским, а юг – британским. Не изменила ситуацию и произошедшая в 1909 году революция, свергшая шаха Мохаммада Али.

Военно-политическая обстановка в регионе была очень нестабильная и сложная. На территории Персии наряду с некоторыми частями шахских войск, прорусски настроенных, подготовленных русскими инструкторами, действовали части регулярной турецкой армии, отряды турецкой кавалерии, состоявшей в основном из воинственных курдов, отряды, принадлежащие местным ханам и главам племен, периодически менявшим свою ориентацию в зависимости от складывающихся обстоятельств. Так, например, на севере Персии от Арарата до Ленкорани простирались земли воинственных кочевников-курдов (шахсевен), не признававших над собой никакой власти. Это были 45 племен, родственных между собой, но подчеркивающих свою независимость друг от друга. Наиболее воинственный предводитель одного из них, Мамед-кулихан, производил постоянные набеги даже на села, расположенные недалеко от резиденции персидского генерал-губернатора под Ардебилем. Все эти племена занимались контрабандой и грабежами, часто вступали в столкновение с пограничной стражей, как российской, так и персидской. Поэтому начиная с 1907 года, по просьбе персидского шаха и согласно военному договору, русские войска неоднократно входили на территорию Персии и принимали участие в военных действиях, ведущихся с мятежниками.

Когда началась Первая мировая война, то Турция и Германия сделали все, чтобы заставить Персию выступить против Российской империи и Великобритании. Хотя Персия формально соблюдала нейтралитет, но боевые действия на Кавказском и Месопотамском фронтах захватывали и ее территорию. Русская Кавказская армия заняла часть территории Персии для отпора рейдам курдских конных отрядов, находившихся на турецкой службе.

В 1915 году на территорию Персии был введен Экспедиционный корпус под командованием генерала от кавалерии Николая Николаевича Баратова. Это соединение действовало довольно успешно и сумело совместно с другими частями Кавказского фронта нанести несколько серьезных поражений турецким частям и, заняв при этом обширные территории, продвинуться на Запад. Весной 1916 года Экспедиционный корпус предпринял наступление на Багдадском направлении, чтобы помочь союзникам-англичанам, окруженным турецкой армией. Именно тогда произошел легендарный «рейд сотни Гамалия», наиболее подробно описанный уже в наше время историком казачества П.Н. Стреляновым в его замечательной книге «Казачество в Персии».

В конце апреля 1916 года наступление русской армии на Багдадском направлении было приостановлено. Одна из причин – по данным разведки, дальнейшее продвижение было почти невозможно из-за отсутствия воды. Другая причина – соединение выполнило свою задачу: турецкая армия в ходе боев понесла значительные потери в живой силе, лишилась четырех из одиннадцати артиллерийских орудий, «массы снарядов, огнестрельных припасов и запасов продовольствия и фуража...», была окончательно разбита и вытеснена из Персии. Также была неясна судьба английских войск. Пленные турецкие офицеры утверждали, что в Месопотамии «взято в плен 13 тысяч англичан, генерал Таусенд отправлен в Константинополь». Поэтому сотнику Василию Даниловичу Гамалию было приказано выяснить судьбу британских войск. Прочитываем письменный приказ, который прочел командир 1-й сотни 1-го Уманского полка утром 26 апреля 1916 года:

«Приказываю Вам с сотней с получением сего выступить на Зейлан, Каркой, Карозан и далее на

Хорбатию с задачей – войти в связь с британской армией, действующей в Месопотамии.

...Вам надлежит выяснить подробно состав, расположение и текущие задачи для действий англичан, а также – состав и расположение турок, действующих против них...

...Вам надлежит двигаться весьма осторожно и с большой осмотрительностью...»

В советское время об этом рейде казаков старались не вспоминать. А если и писали, то обычно полуфантастические истории о походе казаков «к вратам Багдада», больше напоминающем загородную прогулку. Так, в советской литературе Месопотамский поход был описан одним из его участников писателем Хаджи-Муратом Мугуевым в его книге «Рейд на Тигр». Конечно же, политическая конъюнктура во времена написания книги не могла располагать к документальной точности.

Непонятно, правда, за что тогда сотня 1-го Уманского полка Кубанского Казачьего Войска была поголовно награждена Георгиевскими крестами, а ее командир Василий Данилович Гамалий был награжден российским орденом Святого Георгия 4-й степени и британским Военным крестом. Сама сотня с этого момента стала именоваться Георгиевской.

Расстояние от Керманшаха до Али-Герби (предполагаемое место встречи с англичанами) по прямой – около 300 верст. Хотя с учетом рельефа местности (горы, пустыни, ущелья и обходные тропы) расстояние удваивалось. Добавьте к этому проблемы с питьевой водой – количество источников ее минимально, корма для лошадей, жаркий и сухой климат, и вы поймете, что преодолеть это расстояние крайне сложно. А ведь еще этот путь нужно было проделать в тылу турецкой армии, где истинными хозяевами территории были местные полудикие кочевые племена луров, для

которых оружие и лошади казаков были ценной добычей.

«Сотня Гамалия» покинула расположение русской армии ранним утром 27 апреля 1916 года в составе четверых обер-офицеров и 107 казаков (из них трое через сутки вернулись назад). В лагере англичан отряд появился в полдень 6 мая 1916 года.

Затем отряд успешно выполнил вторую задачу – провел разведку окрестностей Зорбатии.

И, наконец, третий пункт приказа – соединиться со своим полком. Обратная дорога была тяжелее. Местные племена предприняли все возможное, чтобы уничтожить отряд. Несмотря на все козни противника, 1 июня 1916 года «сотня Гамалия» вернулась в расположение полка. За время рейда погибло только 19 лошадей. Все военнослужащие остались живы [\[50\]](#).

Уникальность рейда «сотни Гамалия» в том, что подразделение во время многосуточного нахождения в тылу противника смогло избежать боевых столкновений и выполнить поставленные перед ним задачи. Любой бой автоматически означал гибель всего отряда и невыполнение приказа. Ведь местные кочевые племена были не только профессиональными воинами, но и лучше казаков были адаптированы к местным условиям. К тому же не следует забывать о многократном превосходстве противника.

А боевых рейдов по тылам противника у казаков в Персии было и так много. Ведь действия воинских частей Экспедиционного корпуса позволили сорвать инициативы существовавших в Персии турецко-немецких агентур по возмущению независимых воинственных племен не только в Персии, но и Афганистане.

В число превентивных акций входило создание генералом Николаем Николаевичем Баратовым специальных подразделений, занимающихся

обезвреживанием немецко-турецких групп, пытающихся пробраться от Месопотамии и побережья Персидского залива через пустыни и горы к независимым племенам. Для этого в Северо-Восточном Иране функционировал сводный отряд (отбор был произведен из 1-го и 2-го семиреченских казачьих полков) в составе 1000 человек при четырех орудиях. Отряд обезвреживал пытающиеся прорваться (в сторону Афганистана и Белуджистана) немецко-турецкие диверсионно-террористические группы. На северо-западе Ирана для обезвреживания различных шаек и диверсионных групп сначала создавались казачьи спецкоманды, а затем был сформирован отряд под командованием Лазаря Бичерахова численностью 2000 человек. Его основная задача – ликвидация отрядов воинственных племен курдов и луров (и это помимо постоянно просачивающихся в тыл российских войск различных турецких шаек), которые активно воевали против Экспедиционного корпуса^[51].

В апреле 1916 года в Экспедиционном корпусе началось формирование подразделений военных партизан. Согласно приказу Николая Николаевича Баратова от 16 апреля:

«Для ночных поисков, непрерывного тревожения тыла противника и для добывания языков безотлагательно сформировать в каждой дивизии партизанскую сотню (эскадрон), на формирование выделить из каждого полка один взвод (по 16 рядов) из самых лучших и смелых казаков (драгун) под командой соответствующему этому делу офицера».

Этим приказом было положено начало создания на Персидском фронте небольших мобильных подразделений. В первую очередь следует назвать отряды под командованием войскового старшины Лазаря Федоровича Бичерахова, есаула Василия Даниловича Гамалия и прибывшего весной 1917 года с

Западного фронта Кубанского отряда особого назначения войскового старшины Андрея Григорьевича Шкуро. Хотя партизанские отряды формировались не только в кавалерийских частях. Была, например, партизанская команда 1-го Кавказского пограничного пехотного полка [\[52\]](#).

Биографии военных партизан Российской империи

АННЕНКОВ Борис Владимирович

Начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии во время Первой мировой войны.

Родился 9 февраля 1890 года в семье отставного полковника, который имел около 70 десятин земли и имение в Волынской губернии. «По линии отца моя родословная идет от декабриста Анненкова», – писал Б.В. Анненков.

С 1897 по 1906 год учился в Одесском кадетском корпусе.

С 1906 по 1908 год учился в Александровском военном училище. Окончил его в чине хорунжего (соответствует армейскому званию поручика).

В 1908 году назначен командиром сотни в 1-й Сибирский казачий полк. Затем переведен в город Кокчетав в 4-й Сибирский казачий полк.

В 1914 году на почве недовольства офицерским рукоприкладством в казачьем лагере, вмещавшем три полка, вспыхнул бунт, во время которого были убиты многие офицеры, включая начальника лагеря. Взбунтовавшиеся сделали Анненкова своим временным начальником, хотя он непосредственного участия в выступлении не принимал. «Полагаю, что я пользовался среди них авторитетом за уважительное отношение к каждому казаку. Мне удалось восстановить порядок во многом благодаря тому, что вся сотня, которой я командовал, была полностью на моей стороне».

Анненков лично донес о случившемся сибирскому войсковому атаману. На требование от прибывшего с карательной экспедицией генерала Усачева назвать зачинщиков и лиц, причастных к убийству офицеров, он ответил отказом. По обвинению в укрывательстве и бездействии предан военно-полевому суду в числе 80 восставших. Оправдан военно-полевым судом. Предан вышестоящему окружному военно-полевому суду, который приговорил его к 1 году и 4 месяцам заключения в крепости с ограничением в правах. Отбытие наказания заменили направлением на германский фронт.

С 1915 по февраль 1917 года Анненков – начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В его частях бойцы и командиры носили отличительную нашивку, изображавшую черной с красным углом, череп и кости, а также значок с аналогичной эмблемой и надписью «С нами Бог». Своими действиями заслужил прощение за Кокчетавское восстание 1914 года, награды, в том числе кресты Святого Георгия и Святой Анны, почетное оружие, французский орден Иностранного легиона, английскую медаль «За храбрость». По мнению войскового атамана, Анненков был одним из самых храбрых офицеров Сибирского казачьего войска.

3 марта 1917 года Анненков и его отряд присягнули на верность Временному правительству.

С конца 1917 года действовал со своим партизанским отрядом в районе Омска.

С января 1918 года – в Сибири, базировался в районе станицы Шараповской.

В марте 1918 года в станице Атаманской (под Омском) на нелегально созданном войсковом круге Сибирского казачества Анненков избран войсковым атаманом Сибирского казачества.

12 марта 1918 года в составе своих Отдельных Стрелковой и Конной бригад поднял мятеж против Советской власти.

19 марта 1918 года совершил налет на Омск.

К маю 1918 года мятеж отряда Анненкова (300 штыков и 300 сабель) был подавлен, как и мятеж союзного с ним отряда полковника Волкова (около 500 штыков и сабель). Омск вновь перешел к большевикам.

С июня по ноябрь 1918 года принимал участие в боях против большевистских войск в Западной Сибири. Численность отряда Анненкова – 1500 штыков и сабель.

28 июля 1918 года Анненкову присвоено звание войскового старшины.

В августе 1918 года поднял восстание в Славгороде, разогнал совдеп и расстрелял большевиков.

23 октября 1918 года войска Партизанского отряда переданы в подчинение атамана Семиреченского казачьего войска.

С 23 по 30 октября 1918 года переформировал свой отряд в Партизанскую атамана Анненкова дивизию.

С середины 1919 года на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией.

С весны 1920 года – в эмиграции в Китае.

В июне 1920 года – арестован китайскими властями.

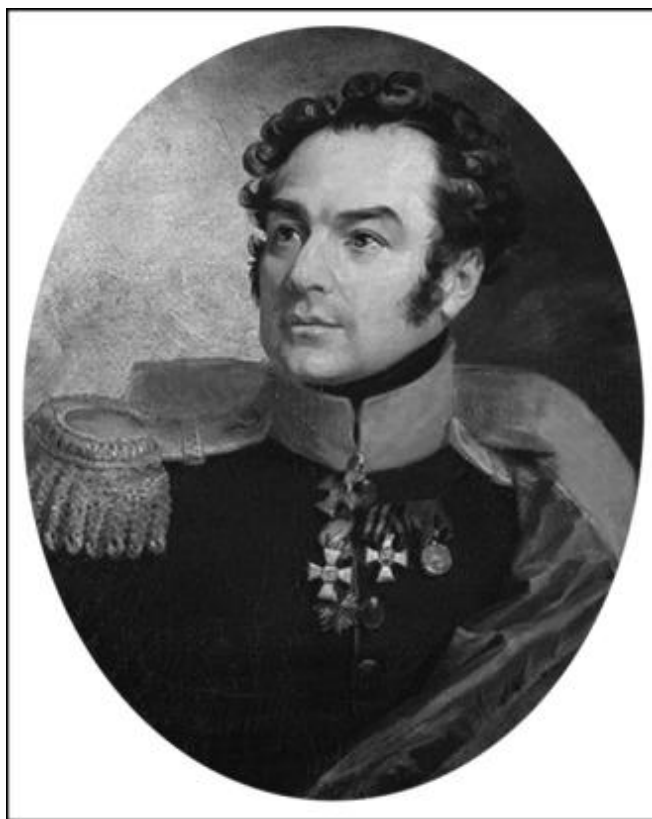
С июня 1920 года по февраль 1924 года находился в заключении в тюрьме китайского города Урумчи.

В феврале 1924 года при содействии японских и английских влиятельных лиц в Китае и за его пределами освобожден из заключения.

7 апреля 1926 года в результате спецоперации советской внешней разведки захвачен и вывезен из Китая в СССР.

24 августа 1927 года по приговору выездной сессии Верховного суда «за зверства во время Гражданской войны» Анненков расстрелян в Семипалатинске.

БАЛАБИН Петр Иванович

Генерал-лейтенант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года^[53].

Родился 21 апреля 1776 года в семье управлявшего Полтавской провиантской комиссией генерал-майора Ивана Тимофеевича Балабина.

В детстве был зачислен в списки гвардии. Образование получил в Англии.

В 1794 году начал военную службу в звание капитана.

Перешел на службу в Военно-морской флот.

С 1798 по 1800 год участвовал в морских походах Черноморского флота на Средиземном море.

В 1801 году был переведен в Балтийский гребной флот с определением в существовавший тогда Морской комитет для составления под руководством вице-адмирала Шишкова морских журналов.

В сентябре 1802 года возвращается в армию – поручик кавалергардского полка.

19 ноября 1805 года вместе со своим полком прибыл под Аустерлиц.

20 ноября 1805 года за ратные подвиги награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

18 сентября 1806 года присвоено звание полковника.

В 1807 году участвовал в военной кампании против корпуса маршала Нея 24, 25 и 26 мая между Гутштатом и р. Пассаргою, в сражении 29 мая под Гейльсбергом и в Фридландской битве 2 июня. В награду за проявленное при этом «отличное мужество» получил: золотое оружие, орден Св. Георгия 4-й степени и прусский орден «За заслуги».

В 1808 году участвовал в войне против Швеции в Финляндии. Участвовал в штурме города Тавастгуса и крепости Свартгольма.

1 октября 1808 года получил звание флигель-адъютанта. В кампаниях 1812-1815 годов на долю Балабина выпала обширная деятельность по выполнению самых разнообразных поручений; вместе с тем он находился во многих делах с неприятелем, в том числе в сражениях при Экау, Бауцене, Дрездене, Теплице и др.

Участвовал в Отечественной войне 1812 года.

15 сентября 1813 года получил звание генерал-майора.

7 января 1818 года вышел в отставку по состоянию здоровья.

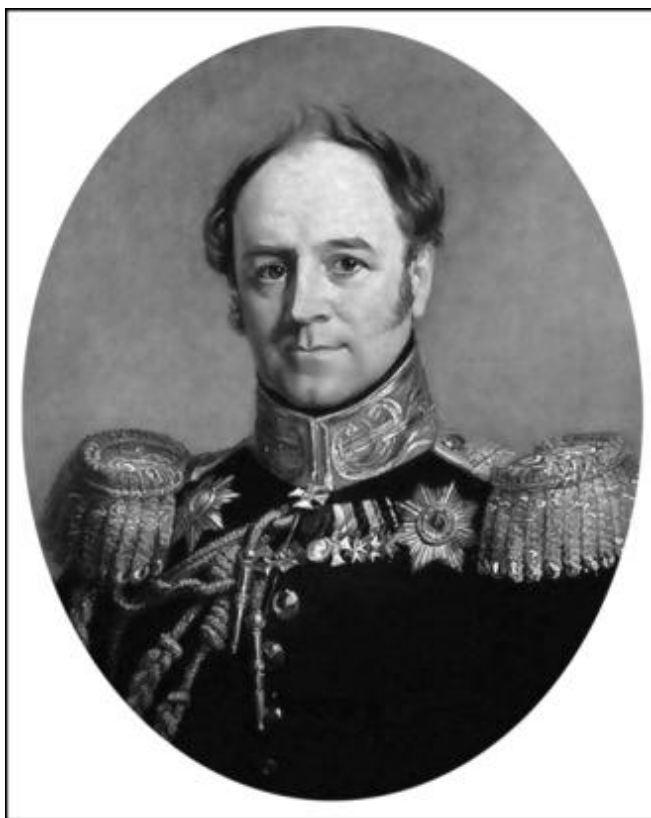
16 ноября 1826 года вернулся на военную службу – назначен начальником 1-го округа особого корпуса жандармов.

В 1827 году награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

10 февраля 1832 года снова был уволен в отставку по состоянию здоровья в звании генерал-лейтенанта.

9 октября 1855 года умер в Санкт-Петербурге.

БЕНКЕНДОРФ Александр Христофорович

Генерал от кавалерии, генерал-адъютант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился 23 июня 1783 года в семье генерала от инфантерии Рижского военного губернатора. Происходил из бранденбургского рода, переселившегося в XVI веке в Лифляндию. Мать (баронесса Анна Юлиановна Шиллинг фон Канштадт) была подругой детства императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) и вместе с ней приехала в Россию.

Образование получил в иезуитском пансионе (Петербург).

В 1798 году начал службу унтер-офицером в лейб-гвардии Семеновском полку.

31 декабря 1798 года произведен в прапорщики и назначен флигель- адъютантом.

В 1803-1804 годах участвовал в военных действиях на Кавказе.

В 1804 году командирован на остров Корфу, где сформировал туземный легион (100 чел.).

В кампанию 1806-1807 годов - адъютант при дежурном генерале графе П.А. Толстом. Отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау.

После Тильзитского мира 1807 года состоял при русском посольстве П.А. Толстого в Париже.

В 1809 году по собственной просьбе переведен в Молдавскую армию, командовал отдельными кавалерийскими отрядами. Участвовал в осаде Браилова и Силистрии.

22 июля 1811 года за отличия в сражении при Рущуке награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Во время Отечественной войны 1812 года воевал в партизанском отряде Ф.Ф. Винцингероде, командир авангарда.

27 июля 1812 года при Велиже провел блестящую атаку противника и в тот же день был произведен в генерал-майоры. Во время действия отряда от Звенигорода до Спасска заменял Винцингероде. Провел

большое число атак на коммуникации противника, взяв в плен около 8 тысяч солдат противника.

С 10 октября 1812 года, после того как французские войска покинули Москву, некоторое время состоял комендантом города.

Во время преследования отступающих французов находился в отряде генерала П.В. Голенищева-Кутузова; взял в плен трех генералов и более шести тысяч человек.

В 1813 году – командир летучего кавалерийского отряда. Нанес поражение французскому отряду под Тампельбергом, взял город Фюрстенвальд. Участник сражений при Лейпциге, Люттихе, Краоне, Лаоне и Сен-Дизье.

С 29 августа 1814 года – командир 2-й бригады 1-й уланской дивизии.

С 9 апреля 1816 года – командир 1-й уланской дивизии.

В 1816–1818 годах состоял в масонской ложе.

С 18 марта 1819 года – начальник штаба гвардейского корпуса.

В 1820 году руководил подавлением восстания в лейб-гвардии Семеновском полку.

20 сентября 1821 года произведен в генерал-лейтенанты и 1 декабря 1821 года назначен начальником 1-й кирасирской дивизии.

С 10 ноября 1824 года по 14 марта 1825 года, во время наводнения в Санкт-Петербурге, был временным военным губернатором Васильевского острова.

В 1825 году принял активное участие в подавлении мятежа декабристов в Петербурге.

17 декабря 1825 года был включен в состав Следственной комиссии.

С 25 июля 1826 года – шеф корпуса жандармов, командующий Императорской главной квартирой и главный начальник 3-го отделения Собственной Его

Величества канцелярии. Один из самых близких к императору Николаю I людей. Возглавлял политический сыск в империи.

С 6 декабря 1826 года – одновременно сенатор, а с 1827 года почетный член Петербургской Академии наук.

С 1826 по 1828 год участвовал в Русско-турецкой войне.

С 8 февраля 1831 года – член Государственного совета и Комитета министров.

В 1841 году руководил подавлением крестьянских беспорядков в Лифляндии.

В 1844 году выехал на лечение за границу и скоропостижно скончался на борту парохода «Геркулес» по пути из Амстердама в Ревель. Погребен в имении Фалль близ Ревеля (Таллина).

БЕНКЕНДОРФ Константин Христофорович.

*Генерал-лейтенант, генерал-адъютант, командир
военного партизанского отряда в Отечественную войну
1812 года*

С 1798 года служил по ведомству иностранных дел.

С 1812 года – камергер.

С началом Отечественной войны 1812 года по собственной просьбе принят на военную службу в чине майора и назначен в партизанский отряд генерала Ф.Ф. Винцингероде. Отличился в боях в окрестностях Москвы, под Смоленском и при взятии Вильны.

В кампанию 1813–1814 годов во главе небольшого отряда взял при Бельциге (близ Гамбурга) в плен вестфальский батальон и два знамени, а затем действовал в составе летучего отряда генерала Чернышева.

В 1813 году был произведен в подполковники, а затем полковники.

В 1814 году отличился при штурме Суассона и в сражениях при Краоне и Бриене. За отличие в «Битве народов» под Лейпцигом произведен в полковники.

В октябре 1814 года за взятие Парижа произведен в генерал-майоры.

В 1815 году назначен командиром 2-й бригады 4-й драгунской дивизии.

В 1816 году по болезни уволен в отпуск за границу.

С 1820 по 1826 год – чрезвычайный и полномочный посланник в Вюртемберге и Бадене.

С началом Русско-персидской войны 1826–1827 годов вновь вступил в действующую армию.

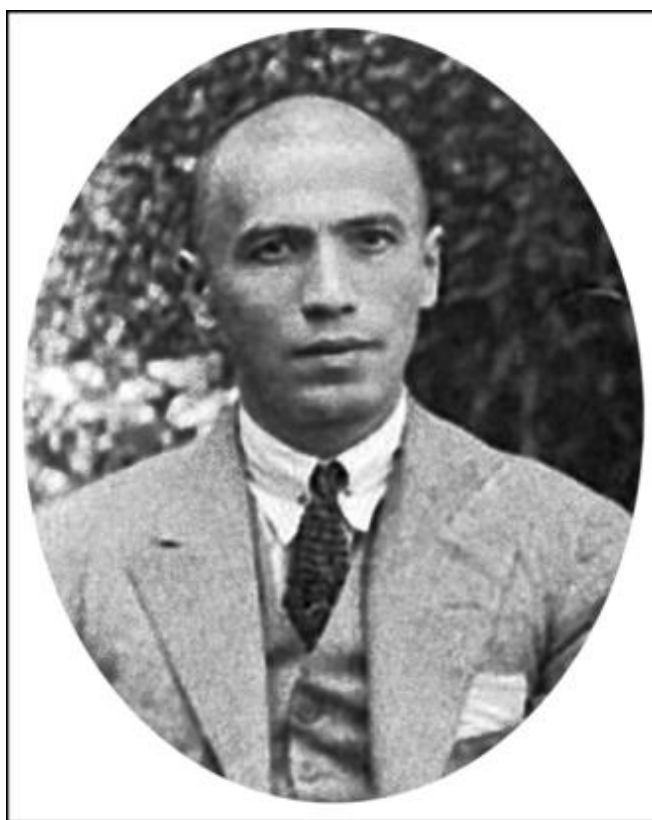
В начале 1826 года во главе авангарда вошел в Эриванскую область, перешел горы Акзибиюк и Безобдал и занял Эчмиадзин. Преследуя противника, вплавь форсировал Араке и Абиран, атаковал и разгромил крупный кавалерийский отряд Гассан-хана, угрожавший русским тылам. Во время Джеван-Булакского сражения отбил яростные атаки противника.

В Русско-турецкую войну 1828–1829 годов во главе легкого отряда вышел в тыл армии противника. Действуя на коммуникациях противника, уничтожал продовольственные магазины и обозы с боеприпасами.

7 июля 1828 года взял Праводы, находившиеся в тылу турецкой армии.

В августе 1828 года умер.

БИЧЕРАХОВ Лазарь Федорович

Командир партизанского отряда во время Первой мировой войны.

Родился 22 июня 1882 года.

Окончил 1-е реальное училище в Петербурге и Алексеевское военное училище в Москве.

С 1914 по 1915 год служил в 1-м Горско-Моздокском полку.

С 1915 по 1916 год – в Кавказской армии на Иранском фронте, командир Терского казачьего отряда. Это подразделение вело разведку персидско-турецкой границы, предупреждало возможность неожиданного появления турок на левом фланге русской армии и регулярно совершало рейды в тыл противника.

1 июля 1918 года десантировал свой отряд в станице Алят (в 35 км от Баку) и объявил о согласии сотрудничать с правительством (СНК) бакинской Коммуны (большевики) и одновременно с правительством Азербайджанской буржуазной Республики (образована 27.05.1918) во главе с мусавистами.

30 июля 1918 года открыл фронт приближающимся к Баку турецким войскам, уведя свой отряд в Дагестан, где захватил Дербент и Петровск- Порт (Махачкалу) при поддержке англичан.

В сентябре 1918 года, установив контакт с Деникиным и Колчаком, прочно обосновался со своими войсками в Петровск-Порте.

В конце ноября 1918 года первой ударной советской шариатской колонной под командой Мироненко части Бичерахова были ликвидированы; многие сдались добровольно. Советскими войсками было захвачено много судов, 52 орудия, 100 пулеметов и т.д. Бичерахов и его штаб бежали на Судак.

В феврале 1919 года перешел на службу в войска Западно-Каспийского района Дагестана ВСЮР генерала Деникина.

В 1920 году эмигрировал в Великобританию.

В 1928 году переехал в Германию. Возглавлял отдел северокавказских народов КОНРа.

22 июня 1952 года умер в Ульме, в Германии.

БОГАЕВСКИЙ Африкан Петрович

Генерал-лейтенант Генштаба, Войсковой атаман Всевеликого Войска Донского, ответственный за формирование партизанских отрядов Особой Важности в действующей армии во время Первой мировой войны.

Родился 27 декабря 1872 года в семье войскового старшины Войска Донского, участника Севастопольской обороны.

Окончил Донской кадетский корпус.

В 1892 году окончил Николаевское кавалерийское училище.

После его окончания служил в лейб-гвардии Атаманском полку.

С 1895 по 1900 год учился в Николаевской академии Генерального штаба.

В декабре 1908 года присвоено звание полковника.

Летом 1914 года – начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

С октября 1914 года по январь 1915 года – начальник штаба и командир 4-го гусарского Мариупольского

полка.

С января по октябрь 1915 года – командир лейб-гвардии Сводного казачьего полка.

В марте 1915 года присвоено звание генерал-майора.

С октября 1915 года по апрель 1917 года – начальник штаба Походного Атамана всех казачьих войск Великого Князя Бориса Владимировича.

С апреля по август 1917 года – командир Забайкальской казачьей дивизии.

В августе 1917 года – заместитель начальника штаба 4-го кавалерийского корпуса.

В конце 1917 года – начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

В декабре 1917 года прибыл на Дон.

В январе 1918 года – командующий казачьими войсками в районе Ростова (у атамана Каледина).

С февраля по март 1918 года – командир Партизанского полка Добровольческой армии.

С марта по май 1918 года – командир 2-й бригады.

С мая 1918 года по январь 1919 года – председатель Донского правительства (при атамане Краснове).

С января 1919 года по март 1920 года – председатель Южно-Русского правительства.

6 февраля 1919 года избран новым войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского, преемник Краснова.

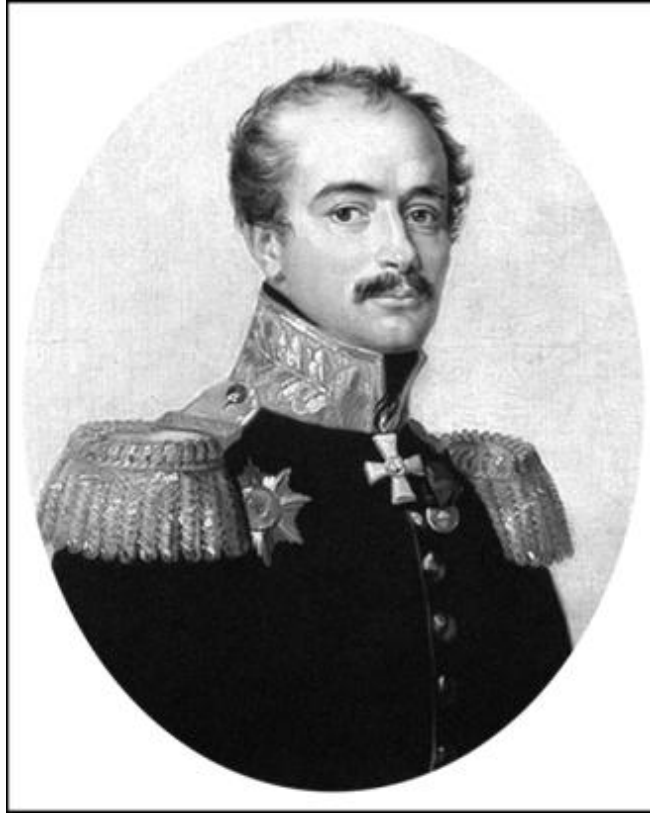
С марта по ноябрь 1920 года, после эвакуации из Новороссийска, – в Крыму у генерала Врангеля.

В ноябре 1920 года эвакуировался из Крыма вместе с Врангелем.

С ноября 1920 года в эмиграции.

21 октября 1934 года умер в Париже.

ВАДБОЛЬСКИЙ Иван Михайлович

Генерал-лейтенант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года[\[54\]](#).

Родился в 1781 году.

19 апреля 1790 года был зачислен сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк.

В 1796 году поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк.

В ноябре 1796 года переведен в Кавалергардский корпус.

В 1797 году произведен в унтер-офицеры лейб-гвардии Конного полка, где служил до 1808 года.

В 1805 году в чине ротмистра участвовал со своим полком в сражении при Аустерлице и получил золотую саблю за храбрость.

В 1807 году ранен под Фридландом.

В 1808 году назначен командиром Литовского уланского полка.

20 мая 1808 года награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении 2 июня (1807 года. – *Прим. авт.*) при Фридланде против французских войск, где с командуемым эскадроном врубился в неприятельскую конницу и произвел в ней великое поражение».

20 января 1812 года назначен командиром Мариупольского гусарского полка. В этой должности и в чине полковника он встретил Отечественную войну 1812 года. Мариупольский гусарский полк числился в составе 11-й бригады 3-й кавалерийской дивизии и в начале 1812 года входил в 3-й кавалерийский корпус 1-й Западной армии Барклая-де-Толли.

В первые месяцы Отечественной войны 1812 года участвовал в боях и сражениях под Ошмянами, Козянами, Бешенковичами, Витебском (награжден орденом Св. Анны 2-й степени), Смоленском (награжден орденом Св. Владимира 3-й степени).

Во время Бородинской битвы ранен картечью в голову (повторно награжден орденом Св. Владимира 3-й степени).

15 сентября 1815 года командовал отдельным летучим отрядом (численностью 500 человек), действовавшим на Новой Калужской и Можайской дорогах. За взятие Вереи награжден алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени.

Сражался при Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже и Красном.

В 1813–1814 годах участвовал в боевых действиях при Лигнице, Бунцлау, Кацбахе (ранен пулей в правую ногу, награжден орденом Св. Анны 1-й степени), Сен-Дизье, Бриенн-ле-Шато, Ла-Ротьере, где ранен палашом в правый бок.

21 мая 1813 года присвоено звание генерал-майора.

20 января 1814 года награжден орденом Св. Георгия 3-й степени «за отличное мужество и храбрость,

оказанные в сражении против французских войск 17 и 20 января при Бриенне и Ла-Ротьере».

29 августа 1814 года назначен командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии, с которой участвовал во 2-м походе во Францию в 1815 году.

С декабря 1816 года – начальник 3-й гусарской дивизии.

С началом Русско-турецкой войны 1826–1828 годов переведен в Отдельный Кавказский корпус.

2 октября 1827 года за ратные подвиги при осаде Аббас-Аббада (1827) было присвоено звание генерал-лейтенанта.

16 ноября 1828 года награжден орденом Св. Владимира 2-й степени Большого креста «в воздаяние отличного мужества и примерной храбрости, оказанных при осаде и взятии крепости Карса».

20 декабря 1833 года уволен от службы «за ранами с мундиром и полным пенсионом».

В 1861 году умер.

ВИНЦИНГЕРОДЕ Фердинанд Федорович

Барон, генерал от кавалерии и генерал-адъютант, командир военного партизанского отряда Отечественной войны 1812 года.

Родился 4 февраля 1770 года в Боденштейне (Саксония).

Службу начал в гессенской и австрийской армиях.

В 1797 году перешел на русскую службу майором Орденского кирасирского полка.

В 1798 году переведен в лейб-гвардии Измайловский полк, произведен в полковники и назначен адъютантом к Великому князю Константину Павловичу. Сделал с ним итальянскую кампанию 1799 года.

В 1802 году был возведен в звание генерал-адъютанта.

Во время войны 1805 года был послан Кутузовым для переговоров с Мюратом. Благодаря искусному ведению этих переговоров русская армия выиграла два перехода при своем затруднительном отступлении.

В 1809 году Винцингероде, опять перешедший в австрийские войска, ранен в сражении под Асперном, где картечная пуля раздробила ему ногу.

В 1812 году он снова поступил на русскую службу. В Смоленске он собирал войска, а после соединения 1-й и 2-й армий М.Б. Барклай-де-Толли выделил ему отряд (драгунский и четыре казачьих полка, всего около 1,3 тысячи человек) для действий на коммуникациях противника – это соединение стало первым партизанским отрядом в Отечественной войне 1812 года. Оставшись в тылу французов, Винцингероде занял Тверскую дорогу и развернул партизанскую войну (действовал в тылу и на флангах противника, проводил разведку, захватывал фуражиров и мародеров).

19 августа 1812 года во главе отряда совершил дерзкий налет на Витебск, во время которого взял 800 пленных.

Когда Наполеон выступил со своей армией из Москвы, Винцингероде двинулся к ней.

10 октября 1812 года со своим отрядом прибыл к Тверской заставе. Здесь, узнав о данном маршалу Мортье приказании взорвать Кремль, Винцингероде отправился к нему для переговоров, но был взят в плен и едва не расстрелян Наполеоном, который знал, что он родом из Гессена, входившего в состав Вестфальского королевства. Только угрозы императора Александра I спасли его от смерти. Из-за плена Винцингероде Кутузов получил сведения об оставлении Наполеоном Москвы лишь через 4 дня.

При следовании под конвоем к западным границам России он был освобожден партизанским отрядом Чернышева между Вильно и Минском.

В начале 1813 года командовал кавалерийским отрядом, а в сражении под Люценом – всей конницей союзников.

В ноябре – декабре 1813 года занял германские герцогства Берг и Ольденбург, а также Фрисладию.

В кампанию 1814 года отличился в сражениях при Суассоне, Лаоне, Сен-Дизьеи, при взятии Парижа. Затем получил в командование 2-й кавалерийский резервный корпус, с которым успел принять участие в кампании 1815 года.

С 1817 года – командир Отдельного Литовского корпуса.

В 1818 году выехал в Баварию к родственникам. В тот же год умер.

ДАВЫДОВ Денис Васильевич

Генерал-лейтенант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился 16 июля 1784 года в Москве в семье командира Полтавского легкоконного полка. Из древнего дворянского рода, ведущего свою историю от татарского мурзы Минчака, выехавшего в Москву в начале XV века.

В 1793 году он обратил на себя внимание самого Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка заметил резвого мальчика и благословил его, сказав: «Ты выиграешь три сражения».

В 1801 году начал службу эскадрон-юнкером Кавалергардского полка.

В 1802 году произведен в корнеты. Стал известен как поэт, автор «антиправительственных» стихов, создатель особого стихотворного стиля – «гусарской лирики».

В 1804 году за сатирические басни переведен поручиком в Белорусский гусарский полк. Ставшие широко известными стихи создали ему славу «пьяницы-гуляки», «сорви-головы», «рубахи-парня».

В 1806 году зачислен в лейб-гвардии Гусарский полк и назначен адъютантом генерала князя П.И. Багратиона.

В январе 1807 года получил боевое крещение при Вольсдорфе; будучи в передовой цепи, Давыдов смело повел ее в атаку и, увлекшись наступлением, едва не попал в плен. За смелые действия он получил свой первый орден – Св. Владимира 4-й степени. Затем Денис Васильевич участвовал в сражениях под Прейстиш-Эйлау, Гутштадтом, Деппеном, при Гейльсберге (орден Св. Анны 2-й степени) и Фридланде (сабля с надписью: «За храбрость»).

В 1808 году Давыдов вместе с Багратионом, командовавшим дивизией, отправился на Русско-шведскую войну, в составе авангардного отряда Я. Кульнева участвовал в походе на север Финляндии, затем в знаменитом переходе по льду Ботнического залива на Аландские острова к берегам Швеции.

В 1809 году, когда Багратион был назначен главнокомандующим русской армии в войне против Турции, Давыдов отправился с ним на берега Дуная, участвовал во взятии Мачина, в сражении под Рассеватом и в осаде Силистрии.

В 1810 году, уже под началом графа Н. Каменского (сына фельдмаршала), отлично действовал под Шумлой, за храбрость был удостоен алмазных подвесок к ордену Св. Анны 2-й степени.

В апреле 1812 года переведен подполковником и командиром батальона в Ахтырский гусарский полк. Участвовал в боях при Романове, Салтановке, Смоленске.

22 августа (3 сентября) 1812 года при подходе армии к Бородину (которое принадлежало Давыдовым) получил от Кутузова отряд (50 гусар и 80 казаков) для рейдов в тылу противника. Привлек к партизанскому движению крестьян, вооружил их и возглавил один из крупнейших партизанских отрядов в тылу Великой армии. После ряда успехов в подчинение Давыдову были переданы два казачьих полка, кроме того, его отряд постоянно пополнялся бежавшими из плена русскими солдатами и добровольцами. Затем Давыдов получил еще один казачий полк. Соединившись с партизанскими отрядами А.С. Фигнера, А.Н. Сеславина и В.В. Орлова-Денисова, Давыдов под Ляховом 28 октября (9 ноября) атаковал бригаду генерала Ж. Ожеро из дивизии генерала Л. Барагэ д'Илье и заставил его капитулировать (в т.ч. в плен попали 2 генерала и 60 офицеров).

4 ноября 1812 года под Красным взял в плен генералов Альмерона и Бюрта, большой обоз и много пленных.

9 ноября 1812 года разгромил под Копысом кавалерийское депо, которое охраняли 3 тысячи человек.

9 декабря 1812 года занял Гродно.

За отличия в 1812 году награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1813 году отряд Давыдова вошел в состав корпуса ген. Ф.Ф. Винцингероде. По собственной инициативе провел набег на Дрезден и заключил договор о капитуляции французского гарнизона. За это Винцингероде отстранил Давыдова от командования, расформировал его отряд и потребовал предания его суду. Однако Александр I вернул Давыдова в армию, но назначения он так и не получил.

Лишь осенью 1813 года Давыдов получил в командование два казачьих полка. Участник сражений при Калише, Бауцене, Рейхенбахе, Лейпциге, Касселе.

С 1814 года – командир Ахтырского гусарского полка в авангарде Силезской армии. Отличился в сражении при Ла-Ротьере и Бриене.

20 января 1814 года произведен в генерал-майоры, но из-за путаницы получил чин лишь 21 декабря 1815 года.

В 1815 году – командир бригады 1-й драгунской дивизии.

С 1816 года – командир 2-й гусарской дивизии.

В 1818 году – начальник штаба 7-го пехотного корпуса.

В 1819 году – начальник штаба 3-го пехотного корпуса.

В 1820 году отправлен в длительный отпуск.

В 1823 году, после того как ему не дали занять пост начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса (о чем просил и генерал А.П. Ермолов), Давыдов вышел в отставку. В этот период он издал ряд сочинений, получивших известность: «Опыт теории партизанских действий», «Дневник партизанских действий 1812 г.», «Разбор трех статей в записках Наполеона». Одновременно Давыдов не оставлял поэзии, писал стихи, подружился с Пушкиным, Вяземским, Языковым,

Баратынским. Пушкин подшучивал над генералом-поэтом: «Военные думают, что он отличный писатель, а писатели уверены, что он отличный генерал».

В 1826 году вернулся на службу.

Участвовал в Русско-персидской войне.

С 1830 по 1831 год командовал отрядом во время подавления Польского восстания. Ему был поручен отряд с задачей не допускать волнений в крае между Вислой и Бугом.

В апреле 1831 года за взятие Владимир-Волынского Давыдов получил орден Св. Анны 1-й степени, за последующие действия он был удостоен чина генерал-лейтенанта и ордена Св. Владимира 2-й степени.

В 1832 году вышел в отставку. Поселился в своем имении – деревне Верхняя Маза Симбирской губернии. Там занялся исключительно литературным трудом, лишь изредка посещая Москву и Петербург. Писал мемуары, боролся с цензурой, урезавшей его статьи. Прославился как «поэт-партизан», «певец вина, любви и славы».

Умер 22 апреля 1839 года в деревне Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии.

<i>ДОРОХОВ Иван Семенович</i>

Генерал-лейтенант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился 23 сентября 1762 года в семье секунд-майора.

Окончил Артиллерийский и Инженерный кадетские корпуса.

15 октября 1787 года начал военную службу поручиком Смоленского пехотного полка.

С 1787 по 1791 год участвовал в Русско- турецкой войне, отличился в сражениях под Фокшанами и Рымником.

В 1789 году переведен капитаном в Фанагорийский гренадерский полк.

13 сентября 1792 года переведен в Черниговский пехотный полк.

6 апреля 1794 года при начале восстания в Варшаве окружен мятежниками, во главе роты и одного орудия четырежды отразил натиск мятежников и, потеряв всех

канониров, сам стрелял из пушки. Будучи дважды ранен, удерживал позиции в течение 36 часов.

В 1794 году отличился в подавлении Польского восстания.

21 апреля 1795 года переведен в Воронежский гусарский полк.

9 апреля 1797 года переведен в Сумский гусарский полк.

12 сентября 1797 года произведен в полковники с переводом в лейб-гвардии Гусарский полк, но вскоре уволен в отставку.

13 марта 1802 года Дорохов вновь вернулся на службу в Сумский гусарский полк.

17 августа 1803 года произведен в генерал-майоры и назначен шефом Изюмского гусарского полка.

В 1806–1807 годах прославился в военной кампании как лихой кавалерийский командир. Отличился в сражениях при Гофе, Прейсиш-Эйлау, Фридланде. За Пултуск награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

В начале Отечественной войны 1812 года командовал арьергардом 4-го корпуса. Был окружен превосходящими силами противника, но сумел выйти из окружения и присоединиться к частям 2-й Западной армии.

Отличился в боях при Молевом Болоте, Смоленске и Лубине. В Бородинском сражении командовал 4-м кавалерийским полком.

После отступления из Москвы поставлен во главе армейского кавалерийского отряда, предназначенного для действия в тылу противника на Московской дороге.

6 сентября 1812 года разбил под Знаменским 4 кавалерийских полка противника.

15 сентября 1812 года разгромил отряд полковника Мортье.

29 сентября 1812 года неожиданно атаковал французский гарнизон города Верея, захватил его

врасплох и принудил к сдаче. В плен попали полковник, 15 офицеров и 177 солдат. За что получил от Александра I золотую саблю с алмазами и надписью «За освобождение Вереи». После этого прикрывал левое крыло армии и наблюдал за движением французов по Калужской и Смоленской дорогам. 7 октября 1812 года благодаря хорошо организованной разведке первым известил М. И. Кутузова о начавшемся отходе французских войск из Москвы.

Был тяжело ранен пулей в ногу навылет в сражении при Малоярославце. Долго болел.

26 апреля 1815 года умер в Туле от последствий ранения.

ИВАНОВ Николай Иудович

Генерал от артиллерии, генерал-лейтенант, инициатор создания партизанских отрядов на Юго-

Западном фронте во время Первой мировой войны.

Родился 22 июля 1851 года в семье сверхсрочнослужащего.

Окончил 2-ю Петербургскую военную гимназию.

Окончил Павловский кадетский корпус.

В 1869 году окончил Михайловское артиллерийское училище.

Служил в 3-й гвардейской артиллерийской бригаде.

С 1877 по 1878 год участвовал в Русско-турецкой войне в составе гренадерской артиллерийской бригады.

С 28 июля 1884 года – командир 2-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады.

С 3 марта 1888 года – заведующий мобилизационной частью Главного артиллерийского управления.

С 11 апреля 1890 года – командир Кронштадтской крепостной артиллерии.

С 14 декабря 1899 года состоял в распоряжении Великого князя Михаила Николаевича.

С 14 августа 1900 года по 11 января 1901 года – и. д. начальника артиллерии десантного корпуса.

С 22 апреля 1904 года – в распоряжении командующего Маньчжурской армией.

18 июля 1904 года, после гибели генерала графа Ф.Э. Келлера, назначен начальником Восточного отряда, который 15 сентября 1905 года переименован в 3-й Сибирский артиллерийский корпус. Командовал корпусом при отступлении к Ляояну и при обороне Ляоянских позиций. Блестяще отбил атаки японцев, умело применяя артогонь.

В сентябре 1904 года, во время боев на Шахе, получил задачу обойти левый фланг японской армии и отбросить ее к Корее, однако не смог овладеть Бенсиху и был вынужден отступить.

В 1905 году за боевые отличия во время Русско-японской войны награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

После окончания военных действий – начальник тыла Маньчжурских армий.

С 19 декабря 1905 года по 6 ноября 1907 года – командир 1-го артиллерийского корпуса.

С 20 апреля 1907 года – главный начальник Кронштадта и одновременно с 6 ноября 1907 года – временный Кронштадтский генерал-губернатор. Принял решительные действия к пресечению беспорядков в вверенных ему частях. Пользовался личным доверием Николая II.

В 1907 году присвоено звание генерал-адъютанта.

13 апреля 1908 года присвоено звание генерала от артиллерии.

С 2 декабря 1908 года – командующий войсками Киевского военного округа.

19 июля 1914 года назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, предназначенного для действий против Австро-Венгрии.

17 марта 1916 года был заменен генералом Алексеем Брусиловым и назначен членом Государственного совета и состоял «при Особе Его Величества».

27 февраля 1917 года Николай II назначил Иванова главнокомандующим войск Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями и с подчинением ему всех министров. Главная задача – прекратить волнения в столице. В его распоряжение был предоставлен находившийся в Ставке Георгиевский батальон, усиленный двумя пулеметными ротами; кроме того, с Северного и Западного фронтов должны были отправить в распоряжение Иванова в Петроград по два кавалерийских и два пехотных полка.

Около 13 часов 28 февраля 1917 года Иванов выехал из Могилева, где размещалась Ставка, вместе с Георгиевским батальоном.

Вечером 1 марта 1917 года Иванов прибыл в Царское Село.

В ночь с 1 на 2 марта Иванов получил телеграмму от Николая II: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать». Тогда же было приказано вернуть на фронт те части, которые были двинуты на Петроград для подавления восстания.

2 марта 1917 года Николай II отрекся от престола. Иванов был арестован и 18 марта 1917 года доставлен в Петроград.

В конце 1917 года освобожден и уехал на Дон в Новочеркасск.

В октябре 1918 года принял предложение генерала П.Н. Краснова возглавить Особую Южную армию (Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса).

7 ноября 1918 года был назначен комендантом Особой Южной армии.

11 февраля 1919 года умер от тифа.

<i>КАЙСАРОВ Паисий Сергеевич</i>

*Генерал от инфантерии, командир
отдельного «летучего отряда».*

Родился в 1783 году.

21 апреля 1791 года записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк.

22 января 1797 года произведен в прапорщики с переводом в Ярославский пехотный полк.

В начале 1805 года перешел на службу в Министерство коммерции.

14 августа 1805 года вернулся в армию штаб-ротмистром Изюмского гусарского полка и был назначен адъютантом генерала М.И. Кутузова, пользовался его покровительством.

30 января 1806 года переведен в лейб-гвардии Семеновский полк. Был тяжело контужен в сражении при Аустерлице.

С 1811 по 1812 год, во время войны с Турцией, руководил канцелярией Кутузова, а затем состоял при нем же секретарем мирного конгресса в Бухаресте.

В октябре 1811 года произведен в полковники.

В сентябре 1812 года произведен в генерал-майоры.

С 5 октября 1812 года – шеф Севастопольского пехотного полка. При преследовании отступающей Великой армии к Березине переведен в распоряжение генерала М.И. Платова и назначен командиром авангарда казачьего корпуса.

В 1813 году возглавлял летучий партизанский отряд. Отличился при Ханау и за отличия в кампании награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Взял Медон, перекрыв пути к отступлению Наполеона из Фонтенбло на Париж.

В 1814 году, командуя конным отрядом, проявил себя талантливым разведчиком, предоставив командованию ряд важных сведений о движении войск противника. Отличился в сражениях при Ханау и Арси-сюр-Об. Состоял при императоре Александре I.

29 июля 1817 года назначен командиром 2-й бригады 23-й пехотной дивизии.

С 6 апреля 1819 года – начальник штаба 1-го пехотного корпуса.

С 20 сентября 1821 года – начальник 14-й пехотной дивизии.

1 января 1826 года произведен в генерал-лейтенанты.

С 6 декабря 1826 года – сенатор.

С 22 марта 1829 года по 1831 год – исполнял обязанности начальника штаба 1-й армии.

С 13 марта 1831 года – командир 3-го (с 6 октября 1831 года – 5-го) пехотного корпуса. Участвовал в подавлении Польского восстания в 1831 году.

12 мая 1835 года назначен командиром 4-го пехотного корпуса.

В 1842 году вышел в отставку по болезни.

15 февраля 1844 года умер.

КНОРРИНГ Карл Богданович

Генерал-майор, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился 12 августа 1774 года.

1 января 1787 года в службу вступил вахмистром в лейб-гвардии Конный полк.

В 1796 году был выпущен из гвардии в полевые полки с чином капитана.

4 сентября 1805 года назначен адъютантом генерала И.И. Михельсона. Участвовал в походе против французов.

12 июня 1806 года был назначен командиром Татарского конного (с ноября 1807 г. уланского) полка, с которым принял участие в войне с французами, и под Пултуском разбил два французских пехотных полка и захватил много пленных, лихим налетом взял города Алленштейн и Бергфриде и сражался под Гейльсбергом.

12 декабря 1807 года произведен в полковники.

В 1809 году участвовал в походе русских войск в Галицию и занял Лемберг (Львов).

4 марта 1811 года назначен командиром 17-й кавалерийской бригады.

29 мая 1812 года назначен шефом Татарского уланского полка 17-й бригады 5-й кавалерийской дивизии и входил в кавалерийский корпус К.О. Ламберта 3-й Резервной Обсервационной армии.

В июле 1812 года во главе отряда отправился к Брест-Литовску и Белостоку. «Возложенные на него экспедиции к городу Белостоку выполнил как искусный и предприимчивый партизан, разбив у Городечны detachment французского генерала Фериера», за что и был произведен в генерал-майоры.

Во время кампании 1813 года особенно отличился в сражении при Кульме, где был тяжело ранен.

Умер 17 марта 1817 года.

КУДАШЕВ Николай Данилович

Командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился в 1784 году.

30 января 1801 года начал военную службу в звании унтер-офицера.

В 1805 году участвовал в военной кампании, включая Аустерлицкое сражение.

1 февраля 1806 года произведен в поручики.

В 1807 году отличился в боях под Гельсбергом.

В 1808–1809 годах участвовал в Русско-шведской войне. За ратные подвиги был назначен адъютантом к Великому князю Константину Павловичу.

15 февраля 1809 года награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. «В воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных в минувшую кампанию против шведов во время Куортанского сражения 19 августа, где был прикомандирован к авангарду, командовал эскадроном полковника Кульнева и по сожжении неприятелем моста бросился под неприятельскими

выстрелами в брод через реку и, атаковав неприятельский ретраншамент, врубился и разогнал пехоту, чем выиграл время для переправы нашей пехоты; 20-го дня находился при эскадронах майоров князя Манвелова и Силина, когда они проскакали под огнем неприятельских батарей, а 21-го числа, быв командирован от Куортане к Ландулакской дороге с двумя ротами егерей и встретясь с неприятелем, опрокинул и преследовал его до дороги, где соединился с авангардом, и потом при атаке на Сальми, вскочив с двумя ротами в неприятельское укрепление, много способствовал к одержанию победы».

13 октября 1811 года присвоено звание полковника.

В 1812 году состоял при штабе М.И. Кутузова. Участвовал в Бородинском сражении.

В начале сентября 1812 года был назначен командиром армейского партизанского отряда, действовал с ним под Москвой, затем участвовал в преследовании отступавшей французской армии в составе корпуса генерала М.И. Платова.

В ноябре 1812 года отличился в боях при Красном.

26 декабря 1812 года присвоено звание генерал-майора.

В 1813 году командовал кавалерийским отрядом.

25 марта 1813 года награжден орденом Св. Георгия 3-й степени «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях при преследовании французских войск от Малоярославца до Немана».

6 октября 1813 года смертельно ранен в бою под Альтенбургом во время Битвы народов.

МИЩЕНКО Павел Иванович

Генерал-адъютант, генерал от артиллерии, организатор рейдов в тыл противника во время Русско-японской войны.

Родился 22 января 1853 года в Дагестане.

В 1871 году после окончания 1-го Павловского училища назначен в 38-ю артиллерийскую бригаду.

В 1873 году участвовал в Хивинском походе.

В 1877-1878 годах участвовал в Русско- турецкой войне на Кавказском фронте. Командовал батареей 2-й гренадерской артиллерийской бригады.

С 1880 по 1881 год – в Ахал-Текинской экспедиции.

В 1899 году был назначен помощником начальника охранной стражи Восточно-Китайской железной дороги.

В 1900-1901 годах во время подавления Ихэтуаньского («боксерского») восстания показал себя храбрым и распорядительным командиром, был начальником южного отдела КВЖД. За успехи в Китайском походе награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Со 2 июня 1901 года по 9 марта 1902 года – командир 1-й бригады 39-й пехотной дивизии в Квантунской области.

С 23 марта 1903 года – командир отдельной Закаспийской казачьей бригады.

В Русско-японскую войну, командуя отдельной Забайкальской казачьей бригадой, произвел ряд смелых разведок. В начале войны он проник в Корею до Чонжю.

В мае – июне 1904 года сдерживал наступление японцев к Гайджоу и Сахотан.

В дни Ляоянского сражения прикрывал правый фланг российской армии и отступление к Мукдену.

В конце декабря 1904 года произвел набег на Инкоу.

Во время операции у Сандену Мищенко врезался в расположение противника, отбросил японцев к Ландунгоу и, вступив затем в бой с резервами армии Оку, остановил их движение к Суману. В этом бою Мищенко был ранен в ногу и в Мукденском сражении участия не принимал.

С 17 февраля 1905 года – начальник Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии.

30 августа 1905 года переведен в распоряжение главнокомандующего на Дальнем Востоке.

С 21 сентября 1906 года – командир 2-го Кавказского ЛК.

Со 2 мая 1908 года по 17 марта 1909 года – туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа.

С 23 февраля 1911 года – войсковой наказной атаман Войска Донского.

23 сентября 1912 года назначен состоять при войсках Кавказского военного округа.

В начале Первой мировой войны некоторое время командовал частями 2-го Кавказского армейского корпуса.

19 марта 1915 года получил в командование 31-й армейский корпус, действовавший на Юго-Западном фронте.

16 апреля 1917 года уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией.

В 1917 году уехал на родину в Дагестан.

В 1918 году, когда к нему в дом вломились большевики и при обыске отобрали погоны и награды, он застрелился.

ОЖАРОВСКИЙ Адам Петрович

Генерал от кавалерии, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился в 1776 году в Варшаве. Внебрачный сын графа Петра Юрьевича Браницкого, кастеляна Варшавского королевского замка, убитого в 1794 году мятежниками.

В 1793 году поступил на военную службу вахмистром лейб-гвардии Конного полка.

7 апреля 1796 года произведен в корнеты.

28 октября 1798 года неожиданно уволен от службы.

10 ноября 1798 года прощен и вновь определен в лейб-гвардии Конный полк.

В декабре 1798 года приказом Павла I он «за забвение всех должностей исключен из службы с лишением чинов и посажением в крепость», через день был вновь прощен.

В сентябре 1802 года получил чин полковника.

В 1805 году во время сражения при Аустерлице захватил французское знамя и за это был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1807 году отличился в сражениях при Гуттштадте, Гейльсберге, Фридланде и был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

22 июля 1807 года произведен в генерал-майоры.

В начале Отечественной войны 1812 состоял при Главной квартире 1-й Западной армии, руководил размещением войск в Дрисском военном лагере. Отличился в Бородинском сражении. В сражениях при Тарутине и Малоярославце командовал отдельным корпусом, который состоял из казаков и ополченцев. Занимал Красное (22–23 тыс. чел. со 120 орудиями), когда к нему подошел Наполеон.

16 ноября 1812 года выбит из города Молодой гвардией.

С 1813 по 1814 год, во время заграничных походов, сражался при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Бриене, Бар-сюр-Об, Фер-Шампенуаз, Париже.

15 сентября 1813 года произведен в генерал-лейтенанты. В бою при Сомпюи силами своего корпуса атаковал французскую артиллерию и взял 20 орудий.

После окончания войны состоял при Александре I, исполняя обязанности генерал-адъютанта.

С 6 декабря 1826 года – сенатор.

17 февраля 1827 года назначен командиром отдельного Литовского корпуса.

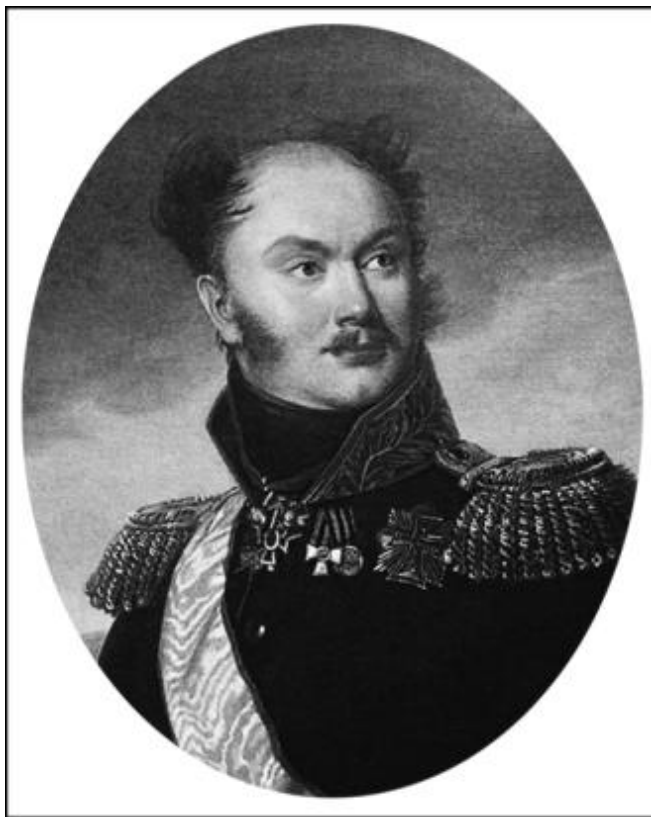
В октябре 1827 года вышел в отставку.

С 1831 по 1833 год участвовал в подавлении Польского восстания, вновь вернулся на службу и был назначен членом Государственного совета по управлению Царством Польским.

С 6 сентября 1841 года присутствовал в варшавских департаментах Сената.

30 ноября 1855 года умер.

ОРЛОВ Михаил Федорович

Один из инициаторов создания партизанских отрядов, командир военного партизанского отряда в

Отечественную войну 1812 года.

Родился 25 марта 1788 года. Внебрачный сын графа Федора Григорьевича Орлова. Мать – полковница Татьяна Федоровна Ярославова. Узаконен в правах вместе с двумя братьями после смерти отца указом Екатерины II от 27 апреля 1796 года (однако без титула). Воспитывался в частном пансионе аббата Николя.

27 августа 1801 года был зачислен «студентом» в Коллегию иностранных дел.

15 июля 1805 года перешел на военную службу с зачислением в Кавалергардский полк эскадрон-юнкером.

9 января 1806 года произведен в корнеты за отличие в сражении под Аустерлицем.

В 1807 году сражался под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом и был награжден золотой шпагой.

К началу Отечественной войны 1812 года состоял поручиком в Кавалергардском полку. Сопровождал генерал-адъютанта А.Д. Балашова в Вильно к Наполеону вскоре после начала войны.

2 июля 1812 года был назначен флигель-адъютантом императора Александра I.

Участвовал в обороне Смоленска и в сражениях при Шевардине и Бородине, потом находился в партизанском отряде генерала И.С. Дорохова.

16 ноября 1812 года за отличие при освобождении Вереи награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Сражался под Малоярославцем, Вязьмой и Красным, за что получил чин ротмистра.

В 1813 году находился в летучем отряде.

25 марта 1813 года за отличие под Калишем произведен в полковники. После Плесвицкого перемирия прикомандирован к отряду генерала Тилемана и участвовал при осаде и взятии Мерзебурга и в Лейпцигском сражении.

В 1814 году, будучи в отряде генерала В.В. Орлова-Денисова, сражался при Шампобере, Труа, Арси-сюр-Об. При взятии Парижа заключил конвенцию с французским командованием о сдаче города союзникам.

2 апреля 1814 года присвоено звание генерал-майора.

Был послан в Данию для урегулирования конфликта между Норвегией и Швецией.

В 1815 году участвовал во втором походе во Францию.

13 июня 1817 года назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса.

В 1817 году познакомился с А.С. Пушкиным, был членом литературного общества «Арзамас».

3 июня 1820 года получил в командование 16-ю пехотную дивизию.

Видный деятель декабристского движения. Один из основателей преддекабристской организации «Орден русских рыцарей», разрабатывал широкую программу либеральных реформ (конституция, отмена крепостничества, суд присяжных, свобода печати), сочетающихся на английский манер с властью аристократии и нарождающейся буржуазии. Руководил Кишиневской управой тайного общества.

За Орловым был учрежден секретный надзор, а затем под предлогом ослабления дисциплины в дивизии его лишили должности.

18 апреля 1823 года зачислен по армии.

В декабре 1825 года, после восстания декабристов, был арестован в Москве и заточен в Петропавловскую крепость. Благодаря заступничеству своего брата – генерал-адъютанта императора Николая I А.Ф. Орлова – не понес тяжелого наказания. Был лишь отставлен от службы и должен был жить в своей деревне с. Милятино Масальского уезда Калужской губернии под надзором полиции.

В 1831 году ему разрешено было жить в Москве.
В 1842 году умер.

ПРЕНДЕЛЬ Виктор Антонович

Генерал-майор, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился в 1766 году в Солурне.

Общее образование получил в коллегиуме братства св. Бенедикта.

В 1781 году бежал из коллегиума и отправился в Венецию и там поступил на службу в коммерческий дом одного знакомого банкира. Много путешествовал по Европе. Затем вступил в австрийскую армию.

В октябре 1804 года был принят в Черниговский драгунский полк штабс-капитаном.

В 1805 году был назначен для особых поручений к М.И. Голенищеву-Кутузову. За участие в сражении при Аустерлице был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и произведен в капитаны.

В 1806 году находился при генерале Мелиссино на турецкой границе.

В 1807 году отозван в главную квартиру корпуса российских войск, отряженного против французов к реке Нареву. Далее на военно-дипломатической службе.

В 1808 году поступил адъютантом к дивизионному начальнику генералу Левизу.

В 1809 году был назначен адъютантом же к князю Голицыну, командовавшему вспомогательным корпусом

в Австрии.

В 1810 году был послан в Вену.

В мае 1810 года был произведен в майоры с переводом в Харьковский драгунский полк и назначен адъютантом к генералу от инфантерии Дохтурову.

В сентябре 1810 года ему было поручено под видом адъютанта генерала Ханыкова, находившегося посланником при Саксонском дворе, отправиться в Дрезден и оттуда объехать Францию, Италию, Голландию и Германию.

В августе 1812 года вернулся в Россию.

С сентября 1812 года командовал отрядом военных партизан.

В 1813 году участвовал в заграничном походе русской армии.

В мае 1815 года был назначен комендантом Лейпцига.

С 1816 по 1818 год – комендант военной дороги в Альтенбурге, в Саксонии, и директор немецких лазаретов.

В 1819 году возвратился в Россию к Киевскому драгунскому полку.

В январе 1820 года был вызван в главную квартиру 1-й армии в Киеве и состоял для особых поручений при главнокомандующем графе Остен-Сакене.

В 1831 году был командирован в Галицию и произведен в генерал-майоры.

В июле 1835 года был уволен в отставку.

Умер 29 октября 1852 года.

ПУНИН Леонид Николаевич

Поручик, командир партизанского отряда в Первую мировую войну.

Родился 8 июля 1892 года в Павловске в семье военного врача. В августе 1901 года поступил в подготовительный класс Императорской Николаевской царскосельской гимназии.

В августе 1903 года выдержал конкурсный экзамен при кадетском корпусе императора Александра II и попал в Псковский кадетский корпус.

В сентябре 1903 года переведен во 2-й кадетский корпус.

После окончания корпуса поступил в Павловское пехотное училище.

В августе 1912 года окончил Павловское пехотное училище по 1-му разряду.

6 августа 1912 года в звании подпоручика прикомандирован в 94-й пехотный Енисейский полк.

В декабре 1912 года переведен в 8-й Финляндский стрелковый полк, с которым воевал в 1914–1915 годах.

Летом 1914 года в качестве представителя от 22-го армейского корпуса был откомандирован на Балтийский флот для ознакомления с морским делом. Плавал по Балтике на миноносце.

В августе 1914 года назначен в роту пеших разведчиков.

Осенью 1915 года сформировал и возглавил отряд Особой Важности.

1 сентября 1916 года погиб во время разведывательного рейда в тыл противника^[55].

СЕСЛАВИН Александр Никитич

Генерал-лейтенант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился в 1780 году в селе Есемово Ржевского уезда Тверской губернии. Сын ржевского городничего. Из древнего дворянского рода, известного с начала XVI века.

Образование получил в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусах.

18 февраля 1798 года начал военную службу поручиком лейб-гвардии артиллерийского батальона.

С 1805 по 1807 год участвовал в боевых действиях. Был ранен в сражении при Фридланде и после этого оставил службу.

В 1810 году поступил волонтером в Молдавскую армию, участвовал в боях против турецких войск.

Прославился выдающейся храбростью. Первым взошел на крепостной вал при штурме крепости Руцук.

12 декабря 1811 года назначен адъютантом генерала М.Б. Барклая-де-Толли.

В начале Отечественной войны 1812 года участвовал в боях при Кочергишках, Островне, Смоленске, Дубне, Гриднине.

Участвовал в Бородинской битве. Раненный в бою за Шевардинский редут, остался в строю и был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В сентябре 1812 года, после оставления русскими войсками Москвы, был назначен командиром армейского партизанского отряда в районе Боровска.

10 октября 1812 года первым получил данные об оставлении Великой армией столицы и ее движении на Малоярославец, о чем своевременно доложил генералу Д.С. Дохтурову. Провел несколько смелых рейдов по французским тылам.

28 октября 1812 года при Ляхове объединенные отряды Сеславина, Фигнера и Давыдова заставили сдаться бригаду генерала Ожеро (более 2 тыс. чел.).

16 ноября 1812 года Сеслаvinу удалось занять Борисов и взять в плен около трех тысяч человек.

23 ноября 1812 года ворвался в Ошмяны.

5 декабря 1812 года произведен в полковники, назначен флигель-адъютантом и командиром Сумского гусарского полка.

В 1813 году в составе Богемской армии сражался при Дрездене и Лейпциге.

15 сентября 1813 года произведен в генерал-майоры. Участник сражений при Бриен-ле-Шато, Ла-Ротьере, Лаферт-сюр-Об, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуазе. Был чрезвычайно популярен в народе, его портреты висели на постоянных дворах, почтовых станциях, в избах.

В 1814 году, после окончания кампании, долго лечился от последствий ранений, а затем окончательно оставил военную службу. Сеславин считал, что его заслуги не оценены по достоинству, и, поселившись в своем имении, жил затворником. Убежденный крепостник, Сеславин установил у себя жесткие казарменные порядки, что вызвало массовое бегство его крестьян, о которых Сеславин отзывался так: «Это злейшие неприятели, нежели те, которых я карал на русской земле в знаменательную эпоху 1812 года».

Умер 25 апреля 1858 года в селе Есемоно Ржевского уезда Тверской губернии.

ФИГНЕР Александр Самойлович

Командир военного партизанского отряда в Отечественной войне 1812 года.

Родился в 1787 году в дворянской семье.

В 1805 году выпущен из кадетского корпуса артиллерийским офицером.

С 1805 по 1806 год – участник англо-русской экспедиции на Средиземное море. Побывал в Милане, где великолепно изучил итальянский язык.

С 1810 по 1811 год – участвовал в Русско-турецкой войне (1806–1812) и отличился в битве под Рущуком. Получил назначение в 11-ю артиллерийскую бригаду, которая дислоцировалась рядом с Санкт-Петербургом.

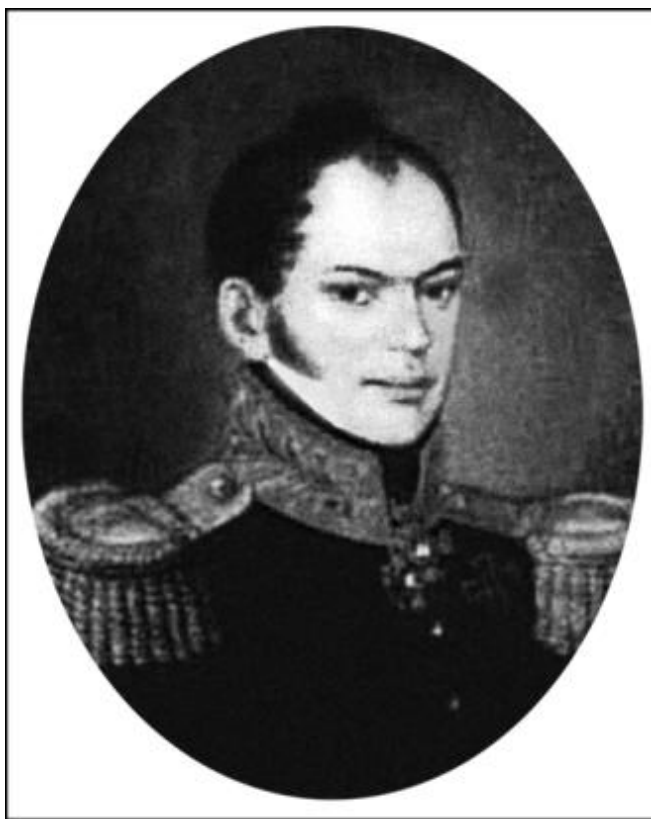
В начале Отечественной войны 1812 года в звании поручика командовал артиллерийской ротой. Участвовал в обороне Смоленска. За мужество и храбрость М.Б. Барклаем-де-Толли был произведен в штабс-капитаны на поле боя.

После Бородинской битвы впервые проник в тыл противника, одетый в мундир французской армии. Операция оказалась успешной. После этого Фигнер получил от русского командования три спецзадания: уничтожить огромный склад русских боеприпасов (порох, ядра и патроны, которые не успели вывезти из Москвы; создать компактный, но дееспособный партизанский отряд, специализирующийся на уничтожении мелких групп противника; обеспечить командование русской армии сведениями о состоянии и действиях войск противника. Первое задание он выполнил – склады боеприпасов были взорваны. Второе задание – тоже. Члены подпольной группы выясняли места ночевки небольших групп солдат противника. Редко кто доживал до рассвета. Успешнее всего он справился с третьей задачей. Используя различные «легенды», начиная от крестьянина и заканчивая богатым франтом, собирал сведения о французах и передавал их командованию.

В сентябре 1812 года покинул Москву, командовал партизанским отрядом (численность 500 человек), успешно действуя в тылу врага.

В 1813 году был произведен в полковники. По приказу П.Х. Витгенштейна Фигнер проник в крепость Данциг под видом итальянского купца и сообщал русской армии ценную информацию. Создал «Легион мести» из казаков, немцев, испанцев, итальянцев, с которым сражался против Наполеона. Окруженный превосходящими силами французов, Фигнер погиб при попытке переплыть реку Эльба в районе Дессау (Саксония)^[56].

ФОНВИЗИН Михаил Александрович

Генерал-майор, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился 20 августа 1787 года в семье полковника Александра Ивановича Фонвизина.

Воспитывался сначала дома, затем в училище св. Петра в Петербурге и в Московском университетском

пансионе, слушал лекции в Московском университете.

26 мая 1801 года записан подпрапорщиком в лейб-гвардейский Преображенский полк.

5 декабря 1803 года начал военную службу подпрапорщиком в лейб-гвардейском Измайловский полку.

10 января 1804 года присвоено звание портупей-прапорщика.

1 декабря 1804 года присвоено звание прапорщика.

В 1805 году участвовал в битве под Аустерлицем.

14 ноября 1806 года присвоено звание подпоручика.

7 ноября 1808 года присвоено звание поручика.

В 1808–1809 годах участвовал в военных действиях в Финляндии во время войны со Швецией (Аландские острова).

19 февраля 1812 года назначен бригадным адъютантом к генерал-майору А.П. Ермолову.

2 июня 1812 года назначен дивизионным адъютантом к генерал-майору А.П. Ермолову.

Участник Отечественной войны 1812 года (Витебск, Смоленск – ранен, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; Бородино – награжден орденом Св. Анны 2-й степени («посылался партизаном с казачьей командой» из Тарутинского лагеря); Малоярославец – награжден золотой шпагой за храбрость, Красное, Березина).

20 января 1813 года присвоено звание штабс-капитана.

Участник заграничных походов (Люцен, Бауцен – награжден алмазными знаками ордена Св. Анны 2-й степени; Кульм, Лейпциг, Бар-сюр-Об, под Бар-сюр-Об ранен, взят в плен и отправлен в Бретань, где участвовал в заговоре пленных и находился до окончания военных действий), награжден прусским орденом «За заслуги» и Кульмским крестом.

17 июля 1813 года присвоено звание капитана.

5 декабря 1813 года присвоено звание полковника.

1814 год – прикомандирован к 4-му егерскому полку для командования им.

С 1 июня 1815 года – командир 37-го егерского полка, был с полком на пути в Россию во время высадки Наполеона, вернулся во Францию и участвовал в военных действиях периода так называемых «Ста дней» (блокада Меца и Тионвиля).

До 1816 года оставался с полком в составе оккупационного корпуса графа М.С. Воронцова.

С 1817 года – масон, член московской ложи «Александра Тройственного спасения».

С 1817 года – член Союза спасения и Союза благоденствия (участник Московского заговора 1817 года, один из инициаторов и руководителей Московского съезда 1821 года, член Коренного совета), участник подготовки к восстанию в Москве в декабре 1825 года.

С 22 июля 1817 года – командир Перновского гренадерного полка.

В октябре – декабре 1817 года находился в оккупационном корпусе во Франции.

С 24 января 1818 года – командир 38-го егерского полка.

В сентябре 1819 года переведен с полком во 2-ю армию (Тульчин).

19 февраля 1820 года присвоено звание генерал-майора с назначением командиром 3-й бригады 12-й пехотной дивизии.

С 23 мая 1820 года – командир 3-й бригады 22-й пехотной дивизии.

25 декабря 1822 года уволен в отставку.

В 1825 году участвовал в подготовке восстания декабристов.

3 января 1826 года отдан приказ о его аресте.

9 января арестован в Крюкове.

11 января доставлен в Петербург в Главный штаб.

12 января переведен в Петропавловскую крепость («присылаемого г[енерал]-майора Фон-Визина посадить, где лучше, но строго, и не давать видеться ни с кем»).

10 июля 1826 года осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 12 лет.

22 августа 1826 года срок сокращен до 8 лет.

21 января 1827 года отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь.

7 марта 1827 года доставлен в Читинский острог.

В сентябре 1830 года поступил в Петровский завод.

13 февраля 1853 года разрешено возвратиться на родину и проживать в имении брата Марьино Бронницкого уезда Московской губернии с учреждением строжайшего полицейского надзора и воспрещением въезда в Москву и Петербург.

30 апреля 1854 года умер в Марьине.

<i>ЧЕРНЫШЕВ Александр Иванович</i>

Светлейший князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, командир военного партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года.

Родился 30 декабря 1785 года в Москве в семье генерал-поручика и сенатора, племянник бывшего фаворита Екатерины II А.Д. Ланского. Из древнего, известного с XVI века дворянского рода польского происхождения.

В детстве записан вахмистром в лейб-гвардии Конный полк.

С 13 октября 1801 года – камер-паж.

С 20 сентября 1802 года на военной службе – корнет Кавалергардского полка.

С 20 июня 1804 года – адъютант генерала Ф.П. Уварова.

В 1805 году отличился в сражении при Вишау и Аустерлице.

В 1807 году отличился в боях при Ланау, Акенсдорфе, Деппене, Вольфсдорфе, Гейльсберге.

20 мая 1808 года за отличия при Фридланде награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1808 году командирован во Францию с письмом к Наполеону.

В кампанию 1809 года находился при Великой армии во время сражений при Асперне и Ваграме.

В июне 1809 года награжден орденом Почетного легиона.

С 6 июня 1809 года – флигель-адъютант. Пользовался славой придворного фата и дамского угодника.

С января 1810 года – военный агент в Париже. Смог войти в доверие к людям из ближайшего окружения Наполеона. В том числе «далеко не была равнодушна к его ухаживаниям» сестра Наполеона – Полина Боргезе. Создал разветвленную разведсеть во Франции. Через Ш.М. Талейрана получил ценнейшие сведения о французской армии, в том числе мобилизационные планы, общую роспись войск Франции и ее союзников в Европе и т.д. Через подкупленного писца Военного министерства М. Мишеля получал копии «рописи» раньше, чем они представлялись Наполеону.

6 ноября 1810 года произведен в полковники.

13 февраля 1812 года покинул Париж. Сопровождал Александра I в Вильну.

В августе 1812 года сопровождал Александра I на встречу с Ж. Бернадотом.

В сентябре 1812 года направлен Александром I к М.И. Кутузову, а затем к адмиралу П.В. Чичагову с планом военных действий. В конце кампании командовал партизанским отрядом. Имел ряд успехов, в том числе освободил из плена «первого партизана» генерала Ф.Ф. Винцингероде.

22 ноября 1812 года произведен в генерал-майоры.

31 декабря 1812 года разгромил при Мариенвердере войска генерала Э. Богарне.

В начале 1813 года действовал на левом берегу Одера. За мужество при взятии Берлина награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Отличился при взятии Люнебурга и Касселя. Возглавил кавалерийский рейд в Вестфалию.

В конце 1813 года его отряд стал авангардом корпуса генерала Винцингероде. Отличился при штурме Суассона (где взял в плен более 3 тыс. чел., в том числе 180 офицеров и 3 генералов).

20 февраля 1814 года произведен в генерал-лейтенанты.

В 1814 году сопровождал императора Александра I на Венский конгресс.

В кампанию 1815 года командовал передовым отрядом и занял Шалон. По окончании войны вернулся к исполнению обязанностей генерал-адъютанта.

С 14 марта 1819 года – член Комитета о раненых.

С 29 января 1821 года по 26 мая 1835 года – председатель Комитета по устройству Войска Донского.

С 18 апреля 1821 года – начальник гвардейской легкой кавалерийской дивизии.

В 1822-1823 годах сопровождал императора на Веронский конгресс.

Находился при Александре I во время его кончины в Таганроге.

В декабре 1825 года командирован во 2-ю армию для следствия по делу декабристов, привел армию к присяге Николаю I.

В январе 1826 года включен в состав Следственной комиссии по делу декабристов.

22 августа 1826 года получил титул графа.

С 6 декабря 1826 года – сенатор.

С 3 февраля 1827 года – товарищ (заместитель) управляющего Главным штабом.

С 26 августа 1827 года до 26 августа 1852 года – военный министр.

С 11 апреля 1828 года – член Государственного совета.

16 апреля 1841 года возведен в достоинство князя.

С 1 декабря 1848 года по 5 апреля 1856 года – председатель Государственного совета и Комитета министров – это была высшая должность в империи.

8 июня 1857 года умер в Кастельмаре ди Стабия (Италия).

ШКУРО (ШКУРА) Андрей Григорьевич

Начальник Кубанского отряда особого назначения во время Первой мировой войны.

Родился 19 февраля 1886 года в Екатеринодаре, в семье полковника Кубанского казачьего войска. Через двадцать восемь лет, в самом начале Первой мировой войны, государь император, утверждая списки представленных к награждению почетным Георгиевским

оружием, посетовал на не совсем благозвучную фамилию героя, на которой невольно задержалось его внимание. И тут же высочайше повелел изменить ее.

Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В 1907 году он выпускается хорунжим в 1-й Уманский казачий полк, по прибытии в который сразу пишет рапорт и отправляется «охотником» на персидскую границу.

С 1908 года служит в 1-м Екатеринодарском полку.

В 1910 году было присвоено звание есаула.

В 1910 году он добивается перевода в Читу, в казачьи части, охранявшие золотые прииски. Ведет охоту за контрабандистами. Служба в Восточной Сибири продолжалась до 1914 года.

В 1914 году был мобилизован и назначен в 3-й Хоперский казачий полк, где он командует пулеметным взводом, затем командой конных разведчиков.

В декабре 1915 года сформировал Кубанский отряд особого назначения старшины Шкуро, который совершал рейды по тылам немецких войск на Румынском фронте с декабря 1915 года по март 1917 года.

С марта по декабрь 1917 года – со своим отрядом на Северном Кавказе в конном корпусе генерала Баратова Н.Н. (Кавказский фронт, Персия).

В декабре 1917 года присвоено звание полковника.

С декабря 1917 года по январь 1918 года – командир 2-го линейного полка на Румынском фронте.

В феврале 1918 года вернулся на Северный Кавказ.

В мае – июне 1918 года сформировал отряд, возглавил мятеж против совдепии в районе Кисловодска на Северном Кавказе. После кратковременного захвата Кисловодска и последовавшего затем поражения от частей Красной гвардии бежал на Кубань.

В июне – июле 1918 года сформировал новый («партизанский») отряд (около 10 000 сабель). Соединился с Добровольческой армией в районе

Ставрополя; совершал набеги на Ставрополь (на непродолжительное время даже захватил его), Ессентуки, Кисловодск.

В июле 1918 года командовал 2-й Кубанской дивизией (заменяя раненого генерала Улагая).

С августа 1918 года по май 1919 года – командир 1-й Кавказской казачьей дивизии, сформированной на базе отряда полковника Шкуро.

30 ноября 1918 года по решению Кубанской Рады присвоено звание генерал-майора.

С 15 мая 1919 года – командир 3-го Кубанского корпуса. Совершил рейд в тыл Красной Армии от Царицына до Воронежа, последний удерживал совместно с корпусом Мамонтова (с 1 по 24 октября 1919 года). Когда казаки Шкуро захватили Воронеж, то в качестве трофеев им достались 13 тыс. пленных, 35 орудий и многочисленные склады военной амуниции и боеприпасов.

В октябре – декабре 1919 года потерпел серьезное поражение в районе Касторная от конного корпуса Буденного, что ускорило общее отступление Добровольческой и Донской армий. Получил ранение (контузию).

С 5 января по 14 февраля 1920 года – командующий Кубанской армией, остатки которой фактически в боях не участвовали.

В феврале 1920 года сдал командование Кубанской армией генералу Улагаю.

С марта по апрель 1920 года – в резерве ВСЮР генералов Деникина и Врангеля.

С апреля по ноябрь 1920 года командирован представителем генерала Врангеля к союзникам для увеличения их помощи русской армии.

С мая 1920 года по июнь 1945 года – в эмиграции во Франции и Германии. Работал в цирке наездником, показывал вольтижировку.

В 1941–1945 годах сотрудничал с немцами, руководил формированием казачьих частей в Югославии.

1 июня 1945 года выдан англичанами вместе с генералом Красновым и другими казачьими генералами советским властям в Австрии. Арестован, отдан под суд. Приговорен к смертной казни.

17 января 1947 года казнен (повешен)[\[57\]](#).

Часть вторая
Активная разведка
Разведупра. 1919-1941 годы

Глава 4

Раздувая пожар мировой революции

Рассматривая действия советской активной разведки в Польше, Румынии, Германии и других странах в двадцатые – тридцатые годы прошлого века, авторы стремились показать вклад «активки» в формирование взглядов на будущность спецназа. Ведь спецназ и сейчас может использовать агентурные методы ведения разведки и получения (добывания) разведывательных сведений.

Методы активной разведки (далее – «активки») Разведупр Красной Армии начал широко использовать в конце 1919 года на Западном фронте. Там по инициативе члена РВС фронта Иосифа Станиславовича Уншлихта для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу польской армии была создана Нелегальная военная организация (НВО), которая появилась на свет в результате соглашения о совместных действиях против оккупантов между белорусскими эсерами и командованием Западного фронта, подписанного в декабре 1919 года в Смоленске^[58].

Вскоре к соглашению присоединились и другие организации. В деятельности НВО активно участвовали боевые отряды и группы Коммунистической партии Литвы и Белоруссии (КПЛ и Б), Белорусской коммунистической организации (БКО), Белорусской партии социал-революционеров (БПСР), Революционных народников-социалистов (РНС) и еврейской социал-демократической партии «Поалей Цион».

«Народная военная самооборона» (НВС). Ею руководил Белорусский повстанческий комитет (БПК), созданный весной 1920 года. А работу БПК направляла

НВО, возглавляемая военными разведчиками. Ее ответственным руководителем был Артур Карлович Сташевский, его помощниками – Бронислав Брониславович Бортновский и Семен Григорьевич Фирин.

К осени 1920 года НВО объединяла до 10 тысяч партизан, организованных в отряды, которыми командовали направленные в польский тыл краскомы – выпускники красных командирских курсов. Конспирация соблюдалась строжайшая: о деятельности организации не знал даже командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский.

Даже после подписания мирного договора Польша проводила откровенно враждебную политику по отношению к Советской России. В первой половине двадцатых годов прошлого века Польша считалась нашим наиболее вероятным противником. После окончания советско-польской войны НВО не только не прекратила своей работы, но и послужила основой для организации так называемой активной разведки, по-простому говоря, диверсионных действий в мирное время.

«В марте 1921 г. Разведупр начал создание и переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти вооруженные отряды станут ядром всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях, которое в перспективе приведет к их освобождению и воссоединению с Советской Россией. Подобная деятельность получила название «активная разведка». При этом надо заметить, что деятельность Разведупра по активной разведке была настолько тщательно законспирирована, что о ней не знали даже органы ОГПУ»^[59].

Советские военные партизаны на территории Польши

С лета 1921 года в областях, отошедших к Польше по Рижскому мирному договору, началось партизанское движение, а точнее – диверсионные операции. Особенно успешно активная разведка велась в Полесском, Вилейском и Новогрудском воеводствах Западной Белоруссии, где действовало несколько крупных партизанских отрядов под командованием бывших краскомов Кирилла Орловского, Станислава Ваупшасова, Василия Коржа, Александра Рабцевича и Софрона Макаревича.

Интересно, что все пятеро участвовали в подготовке партизан на территории СССР в конце двадцатых – начале тридцатых годов прошлого века, затем воевали на фронтах Гражданской войны в Испании, а в годы Великой Отечественной войны являлись виднейшими руководителями партизанского движения в тылу немецких оккупантов, за что все, за исключением Софрона Макаревича, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

По неполным данным, за период с мая 1922 года по ноябрь 1924 года только отрядами Кирилла Орловского и Станислава Ваупшасова, действовавшими в восточной части Полесского и южной части Новогрудского воеводств, были проведены 94 боевые операции.

Вот перечень операций только двух отрядов:

в мае 1922 года в районе Беловежской пущи был разгромлен полицейский участок;

11 июня 1922 года десять партизан захватили и сожгли имение «Доброе дерево» Грудницкого повета;

с 15 июня по 6 августа 1922 года на территории Гроднинского и Илицкого поветов было проведено девять боевых операций, в ходе которых партизаны разгромили три помещичьих имения, сожгли дворец

князя Друцко-Любецкого, взорвали два паровоза на узкоколейной дороге, принадлежащей французской фирме, и железнодорожный мост, уничтожили на большом протяжении железнодорожное полотно на линии Лида – Вильно. При этом в одном из боев было убито 10 польских улан;

14 октября 1922 года партизаны сожгли имение «Струга» Столинского повета.

В 1923 году партизанское движение усилилось:

в ночь с 19 на 20 мая 30 партизан разгромили полицейский участок и гминное правление в Чучевичах Лунинецкого повета;

27 августа аналогичную операцию провели в местечке Телеханы Коссовского повета. При этом были убиты два полицейских и войт (староста);

29 августа десять партизан напали на имение «Молодово» Дрогиченского повета.

Перечень операций указанных отрядов, проведенных в 1924 году, выглядит следующим образом:

6 февраля отряд численностью пятьдесят партизан при двух пулеметах захватил имение «Огаревичи» Круговичского гмина;

18 мая 1924 года двадцать девять человек разгромили полицейский участок в местечке Кривичи Велейского повета.

С апреля по ноябрь 1924 года партизаны провели 80 крупных боевых операций.

В августе 1924 года отряд Станислава Ваупшасова провел крупную операцию по разгрому польского гарнизона и захвату тюрьмы в городе Столбцы. Командир отряда вспоминал об этой операции:

«В ночь на 4 августа группы порознь вошли в Столбцы. Я с 18 бойцами встретил в условленном месте разведчика Алексея Наркевича и Петра Иоду. Они провели в городе неделю, уточняя ранее полученные сведения, и в дополнение к ним сообщили, что вся

территория тюрьмы с прилегающими к ней караульными помещениями и казармой освещается яркими прожекторами, кроме того, охрана располагает станковым пулеметом. Я поблагодарил их и сказал партизанам, что новые данные разведки потребуют от всех более слаженных и молниеносных действий. Малейшее промедление грозит нам потерями и провалом задания.

Группа передвигалась короткими перебежками и была уже вблизи вокзала, когда из постарунка (полицейского участка) вышел заспанный страж и стал вслушиваться в ночную тишину. По моему знаку Филипп Литвинкович и Иван Ремейко подкрались к нему сзади, набросили на голову мешок, скрутили ремнями. В кармане у него нашли револьвер. Обезвредив полицейского, ринулись на станцию. Жандармский пост был здесь невелик, и мы уничтожили его за несколько минут. Телеграфистам приказали выключить аппараты, не принимать и не передавать никаких депеш. Показали им оружие для убедительности и ушли, оставив в целости все оборудование. Это была наша ошибка, о последствиях которой стало известно позже.

Казарма находилась в 200 метрах от станции. Подбегая к ней, мы слышали стрельбу в районе полицейского управления и на дороге из пригорода. Последнее удивило меня: очень уж быстро пришло уланское подкрепление из Ново-Сверженя! Но задумываться не было времени – группа атаковала казарму, закидывала окна гранатами, расстреливала выбегающих из винтовок и ручного пулемета...

Мои ребята уже уничтожали тюремную охрану. Сопротивление солдат было сломлено, и мы ворвались внутрь тюрьмы, готовясь к схватке в коридорах, к взлому дверей камер. Но нас встретили безлюдье и брошенные связки ключей: надзиратели перепугались и

сбежали. За несколько секунд мы открыли камеры и освободили всех заключенных...

Бой на улицах города продолжался. Партизаны Яблонского и Дзика отбивались от полицейских и улан. Когда последняя атака врагов захлебнулась, все группы собрались в один «кулак» и стали организованно покидать Столбцы. Но тут из пригорода прискакал свежий эскадрон улан. Бойцы залегли и встретили конный строй винтовочными залпами и шквальным огнем из пулеметов. Встали на дыбы кони, полетели наземь убитые всадники. Впечатление у кавалеристов было такое, что против них дерется целый стрелковый батальон. Уцелевшие уланы повернули назад. Партизаны погрузили на коней четверых раненых товарищей, переправились через Неман и углубились в лес»^[60].

В результате нападения на тюрьму были освобождены тридцать политзаключенных, в том числе – руководитель военной организации Компартии Польши Стефан Скульский и руководитель Компартии Западной Белоруссии Павел Корчик^[61]. Ради этих людей и была затеяна вся эта операция. При этом восемь полицейских были убиты и трое ранены.

24 сентября 1924 года семнадцать партизан из отрядов Кирилла Орловского и Станислава Ваупшасова, устроив засаду на участке Парохонск – Ловча по железнодорожной линии Брест – Лунинец, напали на поезд. В результате они схватили воеводу Полесья Довнаровича. Проявив гуманизм, повстанцы не стали его расстреливать, а выпороли кнутом, после чего он вынужден был подать в отставку. Партизаны также захватили почту и разоружили ехавших в поезде солдат и офицеров.

В этот же день были разгромлены имение «Юзефов» в Пинском повете и имение «Дукшты» Свенцянского повета.

В ночь со 2 на 3 октября 1924 года тридцать человек разгромили имение и полицейский участок в Кажан-Городке.

14 октября партизаны сожгли железнодорожный мост в Несвижском повете.

Варшава против «красных партизан»

Однако не все действия партизан можно назвать безошибочными и удачными. Ощутимые потери партизанские отряды понесли в начале ноября 1924 года. 3 ноября 1924 года тридцать пять партизан захватили поезд на железнодорожной линии Брест – Барановичи. При этом они убили одного полицейского и ранили двух офицеров. В погоню за партизанами было брошено более тысячи человек. 6 ноября окруженные партизаны с боем прорвали оцепление и ушли. Однако в ночь с 12 на 13 ноября шестнадцать человек были схвачены, из них четверых расстреляли, а четверых приговорили к пожизненному заключению.

Осенью 1924 года Варшаве пришлось срочно реорганизовать систему пограничной охраны. Вместо малочисленной, плохо вооруженной и неэффективной пограничной полиции начал создаваться корпус пограничной охраны, состоящий из пяти бригад – по числу воеводств у советских рубежей. Бригады включали пехотные и кавалерийские части, укомплектованные добровольцами, прошедшими военную службу. До окончания формирования новых соединений в пограничную полосу перебрасывались значительные силы кавалерии. Уланы, прославившиеся схватками с бойцами Первой конной армии под Замостьем во время войны 1920 года, должны были использоваться для преследования и вылавливания повстанческих отрядов.

Последствия реформирования системы погранохраны Москва и Варшава ощутили очень быстро. Так, «Газета Варшавска» в номере от 7 января 1925 года опубликовала отчет о положении в восточных воеводствах в декабре 1924 года: отмечены 18 попыток повстанческих групп численностью от 5 до 30 человек перейти с советской территории на польскую, 14 случаев обратного перехода партизан с польской территории на советскую после совершения в Польше различных акций, 15 вооруженных нападений на объекты погранохраны. Приводятся и другие цифры: 14 убитых, 60 пленных бандитов, повстанцев и шпионов, 70 арестованных за нелегальный переход польской границы^[62].

Боевики из городского подполья

На территории Польши активно действовали не только переброшенные с территории Советской России партизанские отряды, но и местные подпольные боевые организации. В начале двадцатых годов прошлого века полпредом СССР в этой стране был Леонид Оболенский, из рода князей Оболенских, человек тихий, ленивый и пьющий. Именно так характеризовали этого дипломата в своих мемуарах советские перебежчики.

Полпредство располагалось в том же «Римском» отеле, где прежде было русское посольство. «Варшавское полпредство имело ужасный вид, – вспоминал советский разведчик Борис Лаго. – Все грязное, обвешанное внутри старыми побуревшими плакатами, знаменами и свернувшимися портретами «вождей», полпредство, сохранившее коридорную систему меблированных комнат, напоминало более дом свиданий, чем посольство такой большой страны».

В то же время советская разведка и Коминтерн в Польше были чрезвычайно активны. Первым легальным

резидентом советской военной разведки в Варшаве был работавший под прикрытием должности 2-го секретаря полпредства Мечислав Антонович Логановский, одновременно являвшийся резидентом ИНО ОГПУ – тогда был период объединенных резидентур.

Подробности о работе легальной резидентуры в Варшаве приводит в своей книге «На путях к термидору» бывший советский дипломат, невозвращенец Григорий Беседовский. С ноября 1922 года он занимал должности 1-го секретаря, затем поверенного в делах УССР, с сентября 1923 года советника полпредства СССР в Польше.

Григорий Беседовский писал: «В это время, то есть в первой половине 1923 г., во главе отдела ЧК и военной разведки при посольстве стоял Мечислав Логановский. Это был поляк по происхождению, бывший член польской социалистической партии, перешедший затем к коммунистам. Во время Гражданской войны Логановский отличился на фронте, имел орден Красного Знамени и пользовался личным расположением Дзержинского. Дзержинский, любивший окружать себя польскими коммунистами, предложил Логановскому перейти на работу в Чека, и Логановский принял предложение. Одновременно с этим он принял также предложение Уншлихта быть резидентом Разведывательного управления (Разведупра) в Польше. Эта работа давала Логановскому большое политическое влияние, так как Уншлихт руководил тогда не только военной разведкой, но и польской секцией Коммунистического Интернационала. От Уншлихта, а не от Наркоминдела зависело направление советской политики в отношении Польши.

Логановский был человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости. Человеческая жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Он готов был принести в жертву тысячи жизней, чтобы добиться

выполнения какой-либо, иногда чисто технической директивы...»^[63]

В 1923 году в Варшаву приехал представитель Коминтерна на Балканах Владимир Павлович Милютин. Вскоре после его отъезда полпред СССР Леонид Оболенский вызвал Григория Беседовского и сообщил под строжайшим секретом, что Логановский, по распоряжению Уншлихта, должен создать в Польше боевую организацию. Проводимые этой организацией диверсии и теракты должны были способствовать подъему революционной борьбы в Польше. Во главе организации должны были стать два польских офицера-коммуниста: поручик Валерий Багинский и подпоручик Антоний Вечоркевич. Последний был одним из руководителей военного отдела Коммунистической рабочей партии Польши.

Это сообщение не обрадовало Оболенского. Дипломат опасался бессмысленных террористических актов. Не то чтобы он был принципиальным противником террора, но ему было не по душе то, что эта деятельность будет направляться из полпредства. Если станет известно, что полпредство замешано в терроризме, то трудно было предсказать, чем все может обернуться. Последствия могли быть любыми, вплоть до войны с Польшей. Еще больше полпреду не нравилось то, что непосредственная связь резидента с Уншлихтом ставила Логановского в положение прямого подчиненного Коминтерна, минуя его, полпреда, а Коминтерн вел в Польше слишком самостоятельную политику, нимало не считаясь с государственными интересами СССР. Дипломата совсем не устраивало то, что его «крышей» будет пользоваться такой опасный жилец. Но поделаться он ничего не мог.

Террористическая организация была создана в короткий срок и скоро дала о себе знать. В помещениях польских политических и общественных организаций и

газет начали взрываться бомбы. Взрывы происходили без различия политической ориентации организации, как бы по принципу маятника – то взлетит на воздух контора правой политической организации, то левой. Создавалось впечатление, что появились две экстремистские политические организации, которые целенаправленно уничтожают своих противников. Некоторые публицисты называли этот период польской истории «бомбовым периодом». Впрочем, постепенно польская полиция начала выходить на след неуловимых бомбистов. И к сентябрю 1923 года часть руководителей организации арестовали, хотя основная масса террористов еще находилась на свободе.

Арестовали и лидеров террористической организации Багинского и Вечоркевича. Последнего обвинили в организации взрыва в Варшавском университете 24 мая 1923 года, во время которого погиб профессор Р. Оржецкий.

В ноябре 1923 года Багинского и Вечоркевича приговорили к смертной казни, но затем высшую меру наказания заменили пятнадцатью годами тюремного заключения. На процессе они вели себя мужественно. Эти два польских офицера были убежденными коммунистами. После их ареста их семьи жили в нищете, но Багинский и Вечоркевич не желали брать денег от советского полпредства, чтобы у польских властей не возникло тени подозрения, что они являлись платными агентами большевиков.

В начале 1924 года провалилась попытка Военного отдела Коммунистической рабочей партии Польши освободить их из тюрьмы.

По настоянию Советского правительства Багинский и Вечоркевич были помилованы польским президентом и впоследствии обменены на арестованных в СССР Лашкевича и Усаса. Но в вагоне, увозившем их в Советский Союз, 25 марта 1925 года у самой границы их

убил польский полицейский чиновник Мурашко. Первым версию гибели двух поляков в своем романе «Мертвая зыбь» озвучил писатель Лев Никулин. Современные отечественные историки и журналисты, когда рассказывают о деятельности советских спецслужб в Польше в первой половине двадцатых годов прошлого века, лишь повторяют ее. В жизни все было значительно сложнее.

В сентябре 1925 года в украинском городе Каменец-Подольском в честь Багинского был назван переулок. После войны этот переулок в некоторых документах фигурировал в качестве улицы, а в шестидесятые годы прошлого века снова стал переулком. В советское время местные краеведы пытались установить, в честь кого назван этот переулок, но так и не смогли. Ни в «Большой советской энциклопедии», ни в «Украинской советской энциклопедии» ничего не сообщалось о Багинском и Вечоркевиче, зато множество интересных подробностей можно узнать из напечатанных в 1925 году украинских и польских газет.

Так, 5 апреля 1925 года газета «Червонный кордон» на первой полосе опубликовала сообщение под заголовком «Новое зверство польских палачей. Политические заключенные Вечоркевич и Багинский убиты озверевшим польским полицейским в вагоне около советской границы». А вот сама новость:

«29 марта в польском местечке Столбы убиты политические заключенные Вечоркевич и Багинский. Их привезли в Столбцы для обмена на ксендза Усаса, а также польского консула Лашкевича.

Убийство произошло при таких обстоятельствах. Вагон, где находились Вечоркевич и Багинский, отъехал от Столбов и подъезжал к станции Колосово. В вагоне было много полицейских, а также представителей административной и судебной власти.

Внезапно один из полицейских выхватил револьвер и выстрелил в Вечорковича и Багинского. Вечоркевича он убил сразу, а Багинского смертельно ранил. Багинский умер позднее от ран.

Полицейский Мурашко, как написали потом газеты, после убийства заявил: «Я выполнил свой патриотический долг».

Польский министр иностранных дел сообщил советнику Советского посольства Беседовскому об этом событии и отметил, что польский посол в Москве также сообщит об этом событии в Советское правительство.

Багинский оставил после себя жену и троих детей, а Вечоркевич – жену и маленького сына».

В следующем номере «Червонного кордона», который вышел 10 апреля 1925 года, были опубликованы новые подробности этого убийства. Так, в материале под заголовком «Последние минуты тт. Вечоркевича и Багинского» сообщалось:

«Оказалось, что Багинский умер, когда его везли к госпиталю. Вечоркевич до последней минуты не терял сознания. Он умер 30 марта в госпитале. Перед смертью он сказал: «Передайте товарищам, что нас убили. Пусть напечатают в коммунистических газетах. Мой последний привет товарищам рабочим». Вдовам убитых власти отказались выдать тела. 1 апреля, в 5 часов утра, женщинам сообщили, что похороны уже состоялись. Когда они прибежали на кладбище, то застали уже засыпанные могилы».

В информациях «Реакция Польши» и «Растерянное настроение Варшавы» газета сообщила:

«Польские газеты переполнены сообщениями о демонстрациях в Москве, Харькове и по другим городам СССР по поводу убийства Вечоркевича и Багинского. Газеты приводят слова Петровского (председатель Всеукраинского ВЦИК Григорий Петровский. – *Прим. авт.*), который заявил, что украинское правительство

будет требовать принять решительные меры, чтоб получить подробные объяснения. Есть сведения, что о подготовке убийства знали польские министры Ратайский и Скульский.

В Варшаве в связи с убийством Вечоркевича и Багинского растерянное настроение. Часть членов правительства считают, что положение, которое образовалось в Польше в связи с этим убийством, является самым тяжелым моментом в политической жизни Польши за последние годы».

Из материала «Правительство Советского Союза требует кары убийцам» читатели узнали об официальной реакции СССР на событие в Польше:

«Народный комиссар иностранных дел Чичерин обратился к польскому послу в Москве с таким заявлением: «От имени Союзного Правительства я заявляю решительный протест против неслыханного преступления польской власти, которым является убийство Вечоркевича и Багинского лицом, которое есть на польской государственной службе, почти в момент обмена и на глазах специально посланных в связи с этим обменом польских правительственных чиновников». Товарищ Чичерин выражает определенность, что польское правительство накажет виновных за их тяжелое преступление.

Польское правительство, говорится в ноте товарища Чичерина, не выполняет своих обязательств относительно обмена арестованных в Польше революционеров на польских контрреволюционеров, задержанных в Советском Союзе. Следовательно, такое поведение польского правительства дает советскому правительству относительно лиц, предназначенных для обмена, полную волю в пределах законов Советского Союза».

12 апреля 1925 года газета опубликовала новую серию материалов. В одном из них она сообщила:

«Корреспондент РАТАУ, когда он находился в Столбцах, поставлен в известность: настоящая фамилия убийцы товарищей Вечоркевича и Багинского не Мурашко, а Мурашек. Оказывается, что Мурашек когда-то служил в польской армии под начальством Вечоркевича. Мурашек был главный провокатор, который организовал процесс против товарищей Вечоркевича и Багинского.

Сведения корреспондента РАТАУ подтверждает и часть польских газет. «Курер Поранни» пишет, что на процессе Багинского и Вечоркевича главную роль сыграл провокатор Мурашек. Свидетельства его на процессе были настолько запутаны, что защите легко удалось их опровергнуть. Несмотря на это, суд приговорил Вечоркевича и Багинского к смертной казни. Газета заявляет, что в Польше были лица, заинтересованные, чтоб подробности процесса Багинского и Вечоркевича не были широко известны. Можно уверенно заявить, что в убийстве Вечоркевича и Багинского было замешено много других лиц.

Газета «Курер Поранни» пишет: соучастники убийства были заинтересованы в том, чтоб раз навсегда закрыть уста Вечоркевичу и Багинскому. Газета ставит вопрос, убил ли Мурашек Вечоркевича и Багинского по собственной воле или, может, в результате приказа других лиц».

Последнее сообщение относительно событий вокруг убийства Багинского и Вечоркевича газета «Червонный кордон» поместила 1 мая 1925 года:

«Газета Варшавская» напечатала фельетон Свентоховского, который делает попытку оправдать Муравья – убийцу Вечоркевича и Багинского. Свентоховский заявляет, что убиты были опасные преступники: коммунистические шпионы и тому подобное. Он пишет, что убийство – благо для Польши и спрашивает: «И за это Муравей будет наказан?»

23 апреля 1925 года «Червонный кордон» сообщила о суде над ксендзом Усасом (одним из тех, на кого должны были обменять Багинского и Вечоркевича): «15 апреля Ленинградский губернский суд рассмотрел дело ксендза Усаса. Как известно, Усас, когда был польским представителем в Ленинграде, приглашал к себе в помещение сотрудниц представительства, а также и тех женщин, которые проходили по делам, и издевался над ними.

Усас – худощавый, совсем еще молодой человек, одетый в гражданское пальто. Он пытается сидеть к публике спиной и закрывает лицо руками.

После допроса свидетелей и речи государственного прокурора Крыленко суд объявил приговор. Усас осужден к лишению свободы на 6 лет с суровой изоляцией. Суд также постановил удовлетворить иск двух потерпевших девушек, что по вине Усаса были уволены из реэвакуационной комиссии, – выплатить каждой компенсацию в размере двух тысяч червонцев»[\[64\]](#).

Вернемся к событиям, происходящим в самой Польше. В советском полпредстве подозревали, что взрывы – дело рук организации Логановского, но «железный Мечислав» категорически отрицал какую-либо причастность к ним. Проконтролировать же его было невозможно – ведомство Логановского в полпредстве «было неприкасаемым». Логановский вел себя так, как будто полпредство существовало только для прикрытия деятельности резидента.

Взрыв Варшавской цитадели

Самым громким террористическим актом «бомбового периода» явился взрыв Варшавской цитадели в октябре 1923 года. Сила взрыва была так велика, что рота

солдат, стоявшая на плацу в полукилометре от цитадели, была сброшена ударной волной в Вислу^[65].

К тому времени Логановский уже покинул Варшаву, вместо него организацию курировал Еленский (настоящее имя – Стефан Узданский), ставший новым резидентом военной разведки. Григорий Беседовский, очевидец этих событий, так описывает случившееся:

«В ночь на 13 октября 1923 г. я лег спать очень поздно, так как пришлось приводить в порядок ряд разных дел, и около трех часов ночи заснул крепким сном. Утром меня разбудил неожиданный толчок. Дверь из комнаты на балкон распахнулась со страшным шумом. Стекла посыпались из окон и из дверей. Я почувствовал, что лежу на полу. Сильный ток воздуха ворвался в комнату, сбрасывая все на пути. Жена проснулась одновременно со мной. Мы подбежали к балкону. В это время часы показывали ровно девять часов пять минут утра. Вся улица была усеяна осколками битого стекла. Толпа народа в ужасе бежала от Краковского предместья по Трембацкой улице. Я сначала подумал, что кто-нибудь бросил бомбу у здания посольства, и мне невольно пришла в голову мысль, что вот настала, наконец, расплата за грехи Логановского. Но вдали, на Краковском предместье, виднелись также толстые слои битого стекла, и было ясно, что взрыв произошел где-то далеко и что до нас дошли только последние волны воздуха, приведенного взрывом в движение. Я выскочил из комнаты в коридор. Оболенский бежал по коридору в нижнем белье. Он был взлохмачен; с перекошенным от страха лицом, не переставая, повторял: «В нас бросили бомбу! В нас бросили бомбу!» С трудом удалось успокоить его и разъяснить, что никакой бомбы в посольство никто не бросал. Через час вышли экстренные выпуски газет, из которых мы узнали, что взрыв произошел в Варшавской цитадели, отстоявшей от посольства на расстоянии

нескольких километров. Взорвалась большая часть погребов цитадели, где хранился экразит (взрывчатое вещество большой силы действия. – *Прим. авт.*). Взрыв произошел сначала в одном погребе, а затем, вследствие детонации, взлетели на воздух и остальные. Лишь несколько погребов случайно уцелели. Сила взрыва была так велика, что рота солдат, стоявшая на плацу в полукилометре от цитадели, была поднята целиком на воздух и сброшена на середину Вислы, где утонуло несколько десятков человек. От взрыва пострадали сотни людей, и только счастливой случайностью можно было объяснить, что уцелели предместья и улицы Варшавы, расположенные вблизи цитадели. На этих улицах ютится, в гнилых и пыльных трущобах, еврейская беднота, и если бы взрыв захватил и погреб, расположенные в той части цитадели, которая обращена в сторону предместья, то десятки тысяч еврейских трупов усеяли бы Варшаву. Лишь чудом спаслись от смерти эти вечно полуголодные нищие еврейские ремесленники и торговцы!..

Взрыв породил массу толков в городе. Правительство Витоса (в то время премьер-министр Польши. – *Прим. авт.*) выпустило воззвание к населению, указывая, что «преступная рука» взорвала цитадель, но доказательств участия этой руки у правительства почти не было. Взрыв был произведен искусно. Только часовой, стоявший у первого взорвавшегося погреба и спасшийся чудом, показал, что сначала блеснул огонь в проходе в погреб, а затем раздался сравнительно слабый взрыв, вслед за которым последовал второй взрыв и самый погреб взлетел на воздух. Было ясно, что цитадель взорвалась от адской машины, спрятанной в проходе первого погреба...

Страшные дни потянулись в посольстве. Все понимали или догадывались, кто герой этого преступного акта, его инициатор и организатор»[\[66\]](#).

Добавим от себя, что дело с этим взрывом так до сих пор и не прояснено. Кто отдал приказ и зачем взорвали цитадель, остается загадкой.

Когда закончилась война

Активная разведка на территории Польши продолжалась до 1925 года, пока на границе не произошел инцидент, едва не завершившийся плачевно для и без того напряженных межгосударственных отношений. В ночь с 7 на 8 января 1925 года отряд советских партизан, преследуемый польскими войсками, перешел советско-польскую границу.

Партизаны были одеты в польскую военную форму и разгромили по пути советскую погранзаставу у местечка Ямполь. Подобного инцидента, вообще говоря, достаточно было для начала большой войны, тем более что ни армейское командование приграничных округов, ни ОГПУ не имели представления о секретных операциях Разведупра^[67]. Сообщение о наглой провокации поляков ушло в Москву, где, к счастью, сумели разобраться в том, что, собственно, произошло... а заодно и обратили внимание на деятельность военной разведки.

В феврале 1925 года комиссия во главе с председателем Центральной контрольной комиссии РКП(б) В.В. Куйбышевым представила в Политбюро проект постановления по этому вопросу, которым предписывалось:

«Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжение и руководство диверсионными отрядами на территории Польской республики) – ликвидировать.

Ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно

средства, указания и руководство. Вся боевая и повстанческая работа и группы, ее проводящие, – поскольку они существуют и целесообразно (что определяется в чисто партийном порядке) – должны быть руководимы и находиться в полном подчинении у национальных партий, действующих в данной стране. Эти группы должны выступать, руководствуясь и от имени исключительно их революционной борьбы, а не СССР.

Группы эти не должны ставить себе целью и заниматься разведывательными и другими заданиями в пользу Военведа СССР. Этими вопросами они занимаются для своих революционных целей.

Задача РКП и Коминтерна – помочь организовать при национальных партиях работу в армии по созданию своих боевых кадров – там, где это по положению необходимо. РКП и Коминтерн, однако, не должны иметь для этой цели помощи – специального органа или учреждения для руководства. РКП должна иметь только орган, изучающий боевые силы революции во всех странах, для чисто информативной цели. Никаких оперативных функций и непосредственных связей с военной работой в других странах иметь не должна.

Ликвидация разведупровских боевых групп на территории других стран должна быть проведена очень умело и осторожно. Для этого необходимо ассигновать средства.

Зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы. Их надо эвакуировать, никоим образом, однако, не озлобляя их, но, наоборот,

оказывая как им, так и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам помощь. Их в общем (кроме ненадежных) не надо распылять, а сводить в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал. Для этого необходимо ассигновать необходимые средства.

Для военных целей СССР вместо настоящей активной разведки должны быть организованы конспиративным способом в Польше и других соседних странах комендатуры по образцу польской П.О.В. Эти организации активны только на время военных действий. В мирное же время изучают военные объекты, весь тыл противника, изучают людей, завязывают всюду связи и т.д., т.е. готовят к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. С партией они никоим образом не связаны, работники их не состоят в партии. Во время революции они передаются в ее распоряжение.

На нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением. В случае занятия нашей территории противником их задача – дезорганизация вражеского тыла и партизанская война. Проведение всего вышеизложенного возложить на РВСР, с докладом в П/бюро.

Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ.

Проведение этой линии должно быть обусловлено и дипломатическим ее использованием, и проведением НКВД делом

твердой линии по отношению к Польше. Ямпольскому нападению и призывам в Польше к террору (Арцыбашев «За свободу») должен быть дан твердый отпор. Польша не имеет никаких прямых (кроме догадок) улик против нас. Этого нельзя забывать. Вместе с тем по отношению к Польше нет у нас проведения ясной ни политической, ни торговой линии, и необходимо этот вопрос поставить перед П/бюро.

Намеченные выше меры могут оказаться вредными, если не последует твердое и быстрое проведение линии в польской политике, уже намеченной Политбюро».

В итоге активная разведка Разведупра в Польше к концу 1925 года была свернута. Так, в июне 1925 года отряд Станислава Ваупшасова, успешно действовавший на территории Польши с 1921 года, расформировали. Такая же участь постигла и другие партизанские отряды. Часть партизан перевели на территорию Советской Белоруссии, некоторые бойцы остались в Польше и переехали на жительство в отдаленные от родных мест уезды^[68].

Разумеется, было бы неправильным считать, что активную разведку прекратили вести только из-за ямпольского инцидента. Во-первых, используя ошибки партизанского движения, польские власти перешли в наступление и уже в апреле 1925 года арестовали значительное число партизан и подпольщиков. Во-вторых, изменилась международная обстановка, и агрессивные планы Польши уже не представляли для СССР непосредственной угрозы. Однако ямпольский инцидент еще долго напоминал о себе советским спецслужбам.

Примером тому может служить следующий приказ по ОГПУ:

«т. МЕДВЕДЮ – П.П.О.Г.П.У. в Минске за организацию известного дела и отдачу приказа без получения на то разрешения или указаний со стороны его прямого начальника – объявить строжайший выговор (ввиду смягчающих вину обстоятельств – только такая мера взыскания).

Расконспирированных на границе начальников и руководителей научной разведки сменить немедленно, не дожидаясь общей ликвидации, которая требует более продолжительного времени.

18 ноября 1925 г. Ф. Дзержинский»

К концу 1925 года партизанские отряды, действовавшие в Западной Украине и Западной Белоруссии, были расформированы. Часть партизан перешла на территорию СССР, часть осталась в Польше на нелегальном положении.

* * *

В начале двадцатых годов на территории Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, кроме прибывших из-за границы партизанских отрядов и руководимых Москвой подпольных боевых организаций, действовала еще одна сила – местные компартии. Они тоже активно занимались боевой работой под руководством Разведупра.

Как уже говорилось, на территории Галиции и Волыни (Польша) всю партизанскую деятельность до февраля 1925 года контролировал Разведупр. Только в феврале 1925 года Политбюро ЦК РКП (б) постановило массовую военную работу (организация боевых сотен)

передать Компартии Польши – на польских территориях и Компартии Западной Украины – на западноукраинских землях. К этому времени территория Галиции была разделена «специалистами по активной разведке» Разведупра на четыре военных округа и девять районов:

1-й военный округ – Львовский – состоял из Золочевского, Рава-Русского и Рогатинского районов;

2-й военный округ – Тарнопольский – состоял из Тарнопольского и Чортковского районов;

3-й военный округ – Станиславский – состоял из Станиславского и Коломыйского;

4-й военный округ – Перемышльский – состоял из Перемышльского и Дрогобычского районов.

Центральное руководство осуществляли руководящая тройка и два инструктора. В каждом округе и районе был организатор. Таким образом, Разведупр имел в Галиции 16 освобожденных работников. Бюджет галицийской военной организации составлял 1300 долларов в месяц.

Волынь разделили на два округа и десять уездных организаций (Ковель, Владимир-Волинский, Луцк, Дубно, Ровно, Кременец, Здолбуново, Сарны, Горохов, Любомиль). Во главе центрального руководства также стояло три человека. Бюджет волинской организации составлял менее 1000 долларов в месяц. Таким образом, ведение боевой работы на территории Западной Украины обходилось Разведупру в 2300 долларов ежемесячно^[69].

В конце 1924 года руководители волинских коммунистов при поддержке Разведупра взяли непосредственный курс на подготовку вооруженного восстания. Повсеместно создавались десятки и сотни. Наготове было несколько тысяч боевиков. Начальником штаба военной организации являлся Виктор Крайц (Барвинченко)^[70].

Руководителем Волынской парторганизации и главным вдохновителем линии на вооруженное восстание являлся зловеший для польской полиции «Александр Форналь», известный также как «Рожанский». Настоящее его имя – Петр Иванович Кравченко^[71]. Второй руководитель повстанческого движения на Волыни – «Герман», настоящее имя – Энциель Соломонович Ступ^[72].

Как уже говорилось, руководители волынских коммунистов были сторонниками вооруженного восстания. Но их планы, судя по всему, расходились с планами руководства Компартии Польши и, что еще более важно, с планами советского руководства. Однако они отказались подчиняться как представителям ЦК ВКП (б), так и представителям ЦК КП Польши и тем самым навлекли на себя серьезную критику (появился даже термин – «форнальщина», означающий левацкий авантюризм). Поэтому, не решаясь самостоятельно начать восстание без одобрения в Москве, они в то же время держали организацию в состоянии постоянной боевой готовности, что не могло продолжаться долго. В результате весной 1925 года при помощи своего агента Бондаренко польская полиция произвела массовые аресты – 1500 человек. Среди арестованных были Крайц, Ступ, Марек Мандель, Нестор Хомин, Леон Пастернак и другие руководители организации. Кравченко удалось скрыться. Многие из них впоследствии обменяли по договоренности между польской и советской сторонами. Как это тогда практиковалось, среди обмениваемых были как чистые коммунисты, так и сотрудники Разведупра.

Интересно отметить следующее. Компартия Волыни насчитывала всего 2000 человек, в то время как военная организация была гораздо многочисленнее. Только военная организация Владимир-Волынского уезда

насчитывала свыше трех тысяч членов. Боевые сотни и десятки назывались «пролетарскими».

Примерно такая же ситуация сложилась и в Западной Белоруссии.

30 ноября 1924 года на 2-й конференции КПЗБ был выдвинут лозунг свержения правительства и принято решение о политической и организационной подготовке вооруженного восстания. После отмены этого курса в начале 1925 года, в связи с общим отказом от активной разведки за рубежом, часть местного руководства во главе с М. Гуриным (Морозовским) и Томашевским (Старым) вопреки мнению Москвы и польского ЦК выступила за вооруженное восстание, за бунтарско-эсеровские методы работы. Это привело к расколу в партии. Группа раскольников, так называемая «Сицессия», захватила центральный орган Компартии Западной Белоруссии – газету «Большевик». Однако подавляющее большинство белорусских коммунистов не решилось выступить против воли Москвы и подчинилось в 1925 году решению о прекращении боевых действий.

Руководителем военной организации западнобелорусской Компартии являлся представитель РККА Лазарь Аронштам, работавший в польской Компартии. В Польше он действовал под именем Якуб Черняк и имел кличку «Артур». В 1928 году с группой других польских коммунистов его обменяли по договоренности между Польшей и СССР. Интересно, что в эту группу вместе с Лазарем Аронштамом входили нелегальный резидент Разведупра в Польше Мария Скаковская^[73] и ее агент – бывший польский офицер Винцент Ильинич.

Можно было поставить точку в рассказе об организации Разведупром активной разведки на территории Польши в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, если бы не один малоизвестный эпизод. В конце двадцатых годов руководство Разведупра

рассматривало вариант военного союза с Литвой в области организации партизанского движения на территории Польши. Предполагалось, что Москва будет снабжать литовских партизан оружием, оказывать им моральную поддержку, а также в случае необходимости разрешит им укрыться на советской территории. План так и не был реализован из-за справедливого опасения руководства Советского Союза спровоцировать вооруженный конфликт с Польшей^[74].

Поддерживаемые Москвой партизанские отряды действовали не только на территории Польши, но и в других странах. Так, в начале двадцатых годов прошлого века в Болгарии активно действовали вооруженные партизанские отряды местной Компартии.

Краткий курс болгарской политистории

К 1917 году болгарские социал-демократы были разделены на две основные группы: «широких» (правых) и «тесных» – левых социалистов. Партия «тесных» социалистов, или «тесняков», стояла на позициях, близких российским большевикам. Декрет Советской власти о мире нашел глубокий отклик в сердцах болгарских солдат, тем более глубокий, что суровую зиму 1917/18 года болгарские фронтовики встречали в деревянных сандалиях вместо сапог и одеялах вместо шинелей. В сентябре 1918 года болгарские солдаты, воевавшие на стороне кайзеровской Германии, оставили позиции и с оружием в руках двинулись на Софию. Дезертиров рассеяли стоявшие в резерве кавалеристы и немецкие пулеметные заградительные отряды.

Согласно Нейискому мирному договору (27 ноября 1919 года) оккупированная войсками Антанты Болгария была полностью разоружена. Дивизии и полки, вернувшиеся в свои гарнизоны, были демобилизованы, а оружие без особого учета свозилось на военные и

гражданские склады. Хищения из небрежно охраняемых складов достигли баснословных размеров. Для революционно настроенных «тесных» социалистов это был настоящий подарок.

В середине мая 1919 года в зале софийского театра «Ренессанс» состоялся II съезд социал-демократической партии, вошедший в историю как I учредительный съезд Болгарской Коммунистической партии (БКП). Съезд принял программную декларацию партии, требованиями которой были насильственное свержение власти капитала путем вооруженного восстания, установление Советской власти как формы диктатуры пролетариата и объявление партии частью III Коммунистического Интернационала.

Сразу же после Учредительного съезда БКП приступила к реализации провозглашенных целей. Уже в 1920 году была создана нелегальная Военная организация партии. Ей активно помогали Коминтерн и Разведупр – начало двадцатых годов прошлого века было временем усиленного раздувания «пожара мировой революции». Болгарским коммунистам стали поступать значительные средства из Советской России, а вскоре добавилось и оружие. Доставляли оружие контрабандисты – большей частью сектанты-липоване, занимавшиеся рыболовством, что давало им возможность совершать дальние рейсы, в том числе и к побережью Советской России. Денег сектанты не брали, предпочитая получать плату натурой – продуктами и одеждой. Одним из тех, кто занимался организацией транспортировки оружия, был болгарский коммунист – знаменитый впоследствии советский военный разведчик Иван Винаров.

В мае 1922 года болгарская Компартия приобрела даже свой корабль. Для этого сотрудник Разведупра Христо Боев («Федор Русев») был командирован в Стамбул, где шла распродажа списанных американских

военных кораблей, и купил старый, но еще крепкий корабль – охотник за подводными лодками. После капитального ремонта судно, названное «Иван Вазов» и зарегистрированное как собственность болгарской акционерной компании «Матвеев, Кремаков и К°» с портом приписки в Бургасе, начало осуществлять регулярные рейсы между Болгарией и Россией. Помимо коммерческих грузов, он переправлял в СССР перешедших на нелегальное положение партийцев, делегатов конгрессов Коминтерна, русских солдат из армий Врангеля и Деникина, пожелавших вернуться на родину. Обратно в тайниках доставлялись литература и оружие. В конце 1923 года корабль был фиктивно продан и отплыл в Одессу.

9 июня 1923 года профашистская партия «Народный сговор» произвела в Болгарии государственный переворот. К власти пришел кабинет Александра Цанкова. Не признавший новой власти бывший министр земледелия Оббов возглавил восстание в сельских районах Плевена. Болгарские коммунисты и члены Болгарского земледельческого народного союза восприняли это восстание как долгожданную возможность захватить власть и взялись за оружие. Оружия было много. Рабоче-крестьянские отряды заняли Плевен, Карлово, Бяла-Слатину, Харманли, пригороды Шумена и Варны. Однако, несмотря на достигнутые успехи, Центральный Комитет БКП неожиданно объявил нейтралитет, заявив, что восстание это не что иное, как «борьба между городской и сельской буржуазией». Повстанцы-коммунисты получили приказ сложить оружие и разойтись по домам. 11 июня из Софии в Плевен было направлено несколько рот солдат, усиленных артиллерией. 12 июня начались аресты коммунистов и повстанцев-крестьян. Плевенская организация, одна из самых многочисленных в стране, понесла серьезные потери.

Исполком Коминтерна осудил тактику нейтралитета, и партия перестроилась на продолжение борьбы. 5-7 августа 1923 года было принято решение о подготовке вооруженного восстания. Однако время было упущено. 12 сентября болгарские фашисты провели массовые аресты коммунистов. Несмотря на потери, было решено выступить в ночь с 22 на 23 сентября 1923 года. Восстание быстро захлебнулось. Восставшие были разбиты, начался террор. Коммунисты укрывались в горах, бежали в Югославию, в Турцию, уходили на катерах в Советскую Россию. Это была первая волна болгарских политических эмигрантов. Коммунистическая партия Болгарии перешла на нелегальное положение.

Тайная помощь Москвы

В феврале 1924 года болгарская секция Коминтерна обратилась в ЦК ВКП(б) с просьбой об организации переброски оружия из СССР в Болгарию. Было решено поручить выполнение этой просьбы Разведупру и ИНО. В апреле 1924 года руководитель Разведупра Я. Берзин отправился в Севастополь, чтобы лично осмотреть оружие, которое предназначалось для болгарских товарищей. Еще несколько «болгарских товарищей» должны были отбыть в Бургас и Варну для создания приемно-перевалочных баз, с которых оружие распространялось бы по всей Болгарии. Связь нелегальных военных организаций с Москвой планировалось поддерживать через венского резидента военной разведки, а также... отдельными самолетами, «случайно» залетевшими на болгарскую территорию. Переброска оружия морем должна была осуществляться на шхуне неким «албанцем» сразу после прекращения сильных штормов. Жизнь внесла свои коррективы в эти планы.

К концу апреля 1924 года в Болгарию так и не отправили 80 пулеметов и 6 тысяч винтовок.

Весной 1924 года Военный центр БКП приступил к организации партизанского (четнического) движения за захват власти. Частично вооружение и обмундирование повстанцы добывали сами, но основная масса их поступала по нелегальным каналам из СССР. Этими операциями занимались получившие название «активная разведка» группы сотрудников Разведупра РККА. Одним из них был знаменитый боевик Христофор Салнын («Осип»).

Четниками принято называть представителей различных радикальных национальных движений на Балканах. Так, в XV – XIX веках четниками называли участников вооруженной национально-освободительной борьбы партизанских отрядов (чет) против османского ига на Балканах. Во время Второй мировой войны четниками назывались участники великосербского движения в Югославии во главе с генералом Дражей Михайловичем, которые боролись в период Второй мировой войны против руководимой коммунистами Народно-освободительной армии Югославии. В конце прошлого века непродолжительное время Сербская радикальная партия называлась Сербское четническое движение.

Христофор Салнын руководил группой болгарских коммунистов, которые на небольших рыбацких лодках переправляли оружие по Черному морю из Одессы в Варну и Бургас.

«Канал» действовал до 13 августа 1924 года. В тот день произошел «провал». Информационные агентства скупно сообщили:

«Военный патруль нашел у берега моря севернее Бургаса 20 ящиков с револьверами и патронами, 10 ящиков с гранатами и 40 ящиков ружейных патронов».

На самом деле спрятанные в растущих на побережьях кустах ящики с оружием обнаружили трое молодых людей. Они отдыхали в Несебре и решили совершить «романтическую прогулку» по побережью. Они случайно обнаружили контрабанду и сообщили о своей находке в полицию. Морская полиция забрала оружие и устроила в заливе засаду. Сотрудники правоохранительных органов справедливо решили, что владельцы груза не бросят его на произвол судьбы.

Сотрудникам правоохранительных органов повезло вдвойне. В организованную ими засаду попали не только те, кто пришел забрать груз, но и те, кто доставил новую партию. Задержание не обошлось без перестрелки. Причем если полицейские использовали винтовки, то находящийся на одном из судов сотрудник Разведупра Иван Винаров поочередно обстрелял засаду из двух пулеметов, которые были установлены на палубе судна.

Другая любопытная деталь инцидента – количество изъятого полицией оружия.

«Согласно протоколу морская полицейская служба обнаружила:

один тяжелый пулемет «Шварц-Лозе» (немецкий) с 12 лентами;

восемь легких пулеметов «Льюис» (английский) со 120 лентами;

95 винтовок с 5760 патронами;

21 600 патронов для французских карабинов;

150 револьверов «наган» с 40 500 патронами;

879 гранат – французских с соответствующими взрывателями»^[75].

Отсутствие в списке самих «французских карабинов» объясняется просто. Часть груза «контрабандисты» успели утопить в море до того, как были задержаны полицией.

Хотя любопытно не это, а объем поставок Москвы оружия и боеприпасов местным партизанам. Ведь это

был не единичный рейс. Корабли тайно приплывали к берегам Болгарии регулярно!

Спустя несколько дней после ночной перестрелки был арестован Г. Пеев, учитель в Гебедже, который указал на еще один склад, где был найдено 11 ящиков с взрывчаткой. К уголовной ответственности по делу о поставках оружия было привлечено 17 человек, из них 10 находились вне досягаемости болгарских властей.

На самом деле это был второй по счету «провал». О первом СМИ ничего не сообщили. Летом 1924 года одна из моторных лодок, оснащенных парусом, налетела на подводную скалу в небольшом заливе Паше-Де-ре. До берега оставалось несколько метров мелководья. Все ящики с оружием удалось снять и спрятать в надежном тайнике в трех километрах от места «кораблекрушения», а вот само судно снять с камней не получилось. Да и затопить его было невозможно – слишком мелко. Один из болгарских коммунистов – Тодор Димов, который участвовал в транспортировке ценного и опасного груза, потерял в темноте свое удостоверение личности. Обронил на берегу, около судна.

Местная полиция сначала обнаружила брошенный парусник, хозяин которого так и не объявился. Потом нашли удостоверение личности. Начали проверять владельца этого документа. И через десять дней начались аресты^[76].

26 августа 1924 года «Центр» получил сообщение из Болгарии от резидента:

«Я уже телеграфировал Вам о полном провале транспортов с оружием в Болгарии. Ликвидация людей, связанная с транспортами, принимает большие размеры. Цанков воспользуется этим случаем, чтобы доказать Европе нашу революционную работу. Если принять во внимание, что в числе транспортов было найдено большое количество «наганов» с клеймами русского

производства (Сестрорецкого и Тульского оружейных заводов. – *Прим. авт.*), то доказать наше участие будет нетрудно».

Это и произошло в конце августа 1924 года, когда болгарские власти продемонстрировали журналистам изъятое у контрабандистов оружие.

«Провал» не остановил поставку оружия. Только пришлось разработать новый маршрут и сменить исполнителей. Те, кто сумел избежать ареста, были тайно переправлены в Советский Союз.

Теперь оружие переправляли через сербскую и греческую границы. Кроме этого, усилилась и финансовая поддержка болгарских повстанцев. Часть оружия и боеприпасов они приобретали на «черном рынке» в самой Болгарии. За сентябрь – декабрь 1924 года они получили около четырех миллионов левов. Много это или мало? Решайте сами. Мы лишь сообщим, что пулемет стоил 13 тысяч левов, а 16 кг динамита – 120 тысяч левов.

В конце 1924 года Христофор Салнын по заданию Разведупра с транспортом оружия был направлен на юг Болгарии в партизанский отряд Янчева, где под псевдонимом «Осип» в течение четырех месяцев инспектировал партизанские силы БКП, участвовал в боевых действиях против правительственных войск.

Были и другие военные инструктора из Разведупра. Так, осенью 1924 года в Болгарию прибыли Михаил Чхеидзе и Владимир Карпов.

Дело не ограничивалось только отправкой в Болгарию военных инструкторов, оружия и боеприпасов. Москва разработала специальную инструкцию для ЦК Компартии Болгарии и нелегальной военной организации (НВО) партии по организации вооруженного восстания. Документ датирован августом 1924 года. процитируем его полностью.

«I. О выработке плана вооруженного восстания

1. Для уточнения работы по подготовке восстания и наиболее целесообразного использования организационных сил, а также материальных средств является необходимым немедленно выработать основные соображения об организации и проведении вооруженного восстания.

2. В основу выработки оперативного плана восстания должны быть положены следующие данные:

а) Социальная карта Болгарии с определением наиболее благоприятных нам районов по классовому составу населения, его организованности и степени революционной активности, т.е. с определением районов, которые являются и явятся базами революции, производящими главный первоначальный удар, в дальнейшем питающими силы восстания и революции.

б) Военно-географические данные Болгарии с определением выгодных для нас направлений в смысле наступления, обороны, а также с оценкой важности различных узлов путей сообщения и связи и горных перевалов, могущих иметь важное значение в предстоящих операциях.

в) Дислокация регулярных частей армии и полиции, а также фашистских отрядов. Однако дислокация частей может меняться, в зависимости от чего и должны вноситься коррективы в общий план восстания. Отсюда крайняя важность правильной работы разведки, своевременно сообщающей о происходящей или

предстоящей перегруппировке
правительственных сил.

3. Каждый центр НВО области, округа, района и города обязан выработать свои соображения о захвате власти на порученной ему территории.

4. На основании соображений местных центров НВО следующие вышестоящие инстанции должны вносить коррективы в свои соображения о том, чтобы силы тех районов, где власть может быть захвачена легко и быстро, своевременно, без задержки направлять в те районы, где соотношение сил не в нашу пользу.

5. При выработке планов восстания должны приниматься во внимание следующие стратегические и тактические положения:

а) 1. Противник силен своим вооружением, организованностью, военной выучкой и искусством управления в бою.

Слабые его стороны: отсутствие кровной заинтересованности (в массе в целом) в победе над повстанцами, нерешительность действий в бою, вынужденность действовать относительно крупными отрядами. Свои сильные стороны противник наиболее полно может использовать днем и на открытой местности.

2. Наши силы (повстанцы) относительно слабы вооружением, недостаточно обучены и уступают в искусстве управления боем. Наши сильные стороны: кровная заинтересованность в победе восстания, энтузиазм, готовность самопожертвования. Отсюда проявление максимума инициации каждым рядовым бойцом, возможность возложить выполнение дерзких нападений на небольшие группы бойцов; использование внезапности; действия ночью;

принятие решительных боев в городах, населенных пунктах и лесах; как правило, уклонение от решительных боев (в первоначальный период восстания) на открытом поле и т.д.

б) Главным резервуаром живой силы восстания служит беднейшее крестьянство. Одной из главных причин поражения в сентябре 1923 года является то, что города как центры буржуазно-государственного аппарата управления-принуждения остались в руках правительственных сил и не были заняты повстанцами. Поэтому необходимо обратить сугубое внимание на организацию и проведение захвата городов крестьянскими повстанческими отрядами (самостоятельно и с одновременным восстанием внутри города).

в) Во всех операциях, где только это возможно, полностью использовать внезапность (стратегическую и тактическую).

г) Проводить в жизнь «принцип Частной победы», в каждой конкретной обстановке определить, какой из объектов действия имеет наибольшую важность для нас, и на него направить максимум сил и средств с тем, чтобы по ликвидации его обрушиться на следующий наиболее важный объект. Одной из основных задач в первоначальный момент восстания является захват оружия для вооружения восставших масс.

д) Силы противника ликвидировать (разоружить, разбить, нейтрализовать и т.д.) на месте там, где застанет восстание, не давая возможности производить переброску и сосредоточение его сил.

Средствами для этого являются:

1. Внезапная решительная атака пр[отивни]ка (казармы, целые районы, занятые им) с целью его полной ликвидации. Этот способ борьбы наиболее решительный и в кратчайший срок может дать наибольший результат.

2. Если решительная атака не увенчается успехом – применить блокаду пр-ка (казармы, районы), используя баррикады, полевые укрепления. Задача изолировать пр-ка: прервать всякую связь его с внешним миром (порча средств связи и транспорта), лишить воды (водопровода), света и т.д. Беспрепятственно изматывать его физические и моральные силы, организуя дерзкие нападения мелких отрядов повстанцев, распространяя выгодные для нас слухи и т.д.

3. Если по каким-либо причинам и этот способ не дает результата, прибегнуть к партизанским действиям небольших отрядов, имея целью приковать к себе пр-ка и не дать ему возможности быть переброшенным в другие районы. Для этого организовать действия небольших крайне подвижных и дерзких боевых групп (пятерок) в городах и пр., производить порчу путей сообщения, транспортных средств, средств связи организовать засады на путях возможного движения пр-ка и т.д. Эти три основных способа борьбы могут применяться в конкретной обстановке каждый отдельно в чистом виде или комбинация их.

е) Действия восставших должны носить характер активного решительного дерзкого наступления. Не сидеть в своем районе после захвата власти, а немедленно искать пр-ка и добивать его. Особенно это касается

крестьянских (малоактивных) отрядов (опыт сентября 23 г.).

ж) Начало вооруженного восстания должно быть назначено и проведено по возможности одновременно не только в местном, но и государственном масштабе.

з) Вся энергия (физическая и моральная) повстанцев должна быть по возможности использована исключительно для боя. Поэтому с целью сохранения сил при переброске отрядов широко пользоваться транспортными средствами (обывательские подводы, автотранспорт и т.д.).

и) С целью дезорганизации сил пр-ка должен быть организован массовый террор по отношению к руководителям враждебных нам сил с тем, чтобы в начальный момент восстания ликвидировать «головки» аппарата управления-принуждения (в особенности руководителей полиции, армии и фашистов).

6. С выработкой оперативных соображений восстания определяются для нас наиболее важные районы, направления и объекты, на усиление и обработку которых необходимо будет сосредоточить максимум внимания имеющихся в нашем распоряжении сил и средств. В частности: а) оружие необходимо распределять по степени политико-военно-стратегической важности районов; б) организационные силы сосредоточивать по тому же принципу; в) разведать и подготовить к уничтожению и порче те центры путей сообщения и связи, уничтожение которых диктуется общим планом восстания, и т.д.

Выработка оперативных соображений по организации и проведению вооруженного

восстания должна дать нам возможность так направлять свои организационные и материальные усилия, чтобы в решающих пунктах и в решающий момент иметь возможный максимум наших политических и боевых сил.

II. Организация и подготовка живой силы восстания

7. Каждый член партии и комсомола, способный носить оружие, должен состоять членом военной организации.

8. Основной тактической боевой единицей является чета, состоящая из 3, 4 шестерок во главе с воеводой. Она в боевом отношении должна представлять достаточную самостоятельность.

9. Четы в промышленных районах организуются по предприятиям, а в сельскохозяйственных районах по месту жительства (территориально).

10. Четы должны являться кадром, которому предстоит взять на себя руководство массами в момент вооруженного восстания.

11. При наличии значительного числа чет они подчиняются начальнику района, а последний – военному руководителю округа. В организационных вопросах необходимо проводить тот принцип, что каждой инстанции подчиняется не менее 3 и не более 5–6 нижестоящих инстанций.

12. Создание активных партизанских чет в настоящее время (в августе) считается еще преждевременным. Они могут и должны приступить к действиям лишь незадолго перед восстанием, имея целью обострить классовую борьбу и поднять революционное настроение масс.

13. При обучении четников и начальников необходимо руководствоваться основным принципом: «Учить только тому, что нужно им знать и уметь в процессе вооруженного восстания».

14. Каждый четник должен быть обучен (программа минимум):

- а) владению оружием (винтовкой, револьвером, ручной гранатой);
- б) тактическому применению его;
- в) службе разведки и связи.

15. В каждой чете или в крайнем случае на 2–3 четы должна быть обучена группа пулеметчиков (для легкого и тяжелого пулемета).

16. Четники и их начальники должны заблаговременно ознакомиться с той местностью, на которой предполагается им действовать, и с теми объектами (тщательная разведка днем и ночью), против которых придется действовать (полицейские участки, казармы и т.д.). Особое внимание необходимо уделить разведке крестьянскими четниками подступов к городам и конкретных объектов возможных действий внутри города.

17. Обучение производить в одиночку и группами не более 5–6 человек. При обучении использовать все легальные возможности, участвуя в спортивных кружках, гимнастических обществах, союзах охотников и т.д.

18. На содержание чет никаких денежных средств не отпускается.

19. Для порчи путей сообщения и узлов связи в зависимости от оперативных соображений должны быть созданы специальные группы (5–6 человек) подрывников, подчиненные

соответственно военному руководителю. Группы эти должны заблаговременно произвести тщательную разведку объектов предстоящих действий.

20. Для проведения массового террора в момент восстания против руководящих лиц, возглавляющих враждебные нам силы (армия, полиция, фашисты и т.д.), создаются особо конспиративные террористические группы, непосредственно подчиненные военным руководителям не ниже окружного масштаба. Подбор людей в террористические группы должен производиться с особой тщательностью.

21. Необходимо заблаговременно разработать план массового террора против лидеров враждебных нам сил, связывая выполнение его с общим планом захвата власти. Террористические акты против крупных политических деятелей в настоящее время (в начале августа) считать преждевременными и нецелесообразными.

22. Всегда допускаются террористические акты против провокаторов внутри партии и представителей высших органов власти, выявляющих особо вредную контрреволюционную деятельность, но под ответственность и с ведома ЦК БКП.

III. Вооружение

23. Каждый коммунист должен твердо помнить, что он является не только на словах, но и на деле членом партии Гражданской войны и как таковой должен озаботиться приобретением для себя оружия.

24. Еще раз обращаем внимание ЦК БКП и НВО БКП на то, что главным источником вооружения должно являться приобретение

оружия внутри страны. Для чего необходимо немедленно:

а) Взять на учет все оружие, находящееся в распоряжении БКП.

б) Обнаружить склады скрытого от Антанты оружия; установить связь с правительственными складами вооружения и арсеналами, организовать в них комячейки с тем, чтобы в нужный момент захватить оружие.

в) Выработать конкретные планы захвата складов оружия и разоружения полиции и фашистов.

г) Использовать возможность получения оружия от оппозиционной части македонцев.

25. Оборудовать в промышленных центрах кустарные мастерские для производства ручных гранат и примитивных бомбометов (для атаки казарм).

26. Оружие, поступающее в распоряжение НВО, должно быть распределено главным образом по наиболее важным районам (в военно-политическом отношении).

27. Поступающими и могущими быть изготовленными ручными гранатами как оружием по преимуществу уличного боя следует в первую очередь и главным образом вооружать НВО в городах и четы, предназначенные для действий в городах.

28. Имеющееся и поступающее оружие должно быть использовано:

а) на немедленное вооружение всех членов НВО и коммунистов;

б) на вооружение особо преданных делу революции беспартийных;

в) оставшееся после этого оружие должно храниться на небольших складах (по несколько

десятков винтовок, 1-2 пулемета с соответствующим количеством патронов и т.д.) вблизи крупных предприятий или в особо революционно настроенных крестьянских районах.

IV. Разложение сил противника

А. Армия и полиция

29. Необходимо в первую очередь организовать комячейки внутри армии, жандармерии и полиции не только как пункты работы по разложению, но и как центры создания военно-революционной организации в войсках и полиции.

30. Установить тесную связь с частями армии, жандармерии и полиции и повести как печатную, так и устную агитацию, используя для этого женщин, комсомол и революционно настроенные элементы тех слоев населения, из которых укомплектован государственный аппарат принуждения. Особое внимание обратить на части в тех районах, которые для нас имеют решающее значение.

31. Обратить должное внимание на растущее недовольство среди запасных офицеров и унтер-офицеров с тем, чтобы оформить это недовольство и направить в выгодное для нас русло.

Б. Врангелевцы

32. Работу по разложению врангелевцев необходимо начать безотлагательно.

Для чего:

- а) БКП развить соответствующую агитацию;
- б) возобновить работу «Союза возвращения на родину»;
- в) произвести подбор лиц, популярных среди врангелевцев, для отправки в СССР.

33. Работа среди врангелевцев должна вестись не только по разложению, но и созданию боевых сил, могущих встать на стороне восстания. Эта возможность не исключена при перспективе предоставления (после победоносного восстания) возможности вернуться участникам восстания на родину.

В. Железнодорожники и работники связи

34. Принимая во внимание важность железных дорог и средств связи во время вооруженного восстания, необходимо вести систематическую работу среди работников железнодорожного транспорта и связи.

Для чего:

а) создать комячейки во всех важнейших учреждениях и службах, обращая особое внимание на узловые пункты ж.д. и связи;

б) потребовать от БКП развития агитации по укреплению революционных профсоюзов ж.д. и работников связи.

35. «Обработку» железнодорожников и связистов по своей важности считать стоящей наравне с работой по разложению армии.

36. Особое внимание по «обработке» обратить на те узлы ж.д. и связи, а также целые линии, которые имеют особо важное значение при проведении общего плана восстания.

V. Разведка

37. Органы разведки в первую очередь должны установить связи с армией, жандармерией и политической полицией, чтобы своевременно получать сведения о происходящих и предполагающихся перебросках сил противника и предполагаемых полицейских мероприятиях.

38. Необходимо заблаговременно достать схему связи Болгарии (телеграфная, телефонная и радиосвязь) с тем, чтобы иметь возможность определить узлы связи, с захватом которых парализуется связь пр-ка.

39. Вести разведки морального и политического состояния сил пр-ка, собирать и систематизировать факты, характеризующие степень надежности сил пр-ка, чтобы иметь возможность принять соответствующие меры по разложению и правильно учесть реальную силу пр-ка.

40. Установить места нахождения (квартиры) лиц, подлежащих ликвидации в момент восстания, и условия возможности совершения террористических актов»[\[77\]](#).

Кроме процитированной выше инструкции, в Москве была подготовлена программа шестинедельных курсов подготовки военных руководителей районного и местного масштаба.

Деньги на свое содержание отдельные отряды повстанцев добывали сами. Так, на создание террористической группы было потрачено 110 тысяч левов. Однажды члены группы совершили вооруженный налет на кассу железнодорожной станции. Добыча составила 100 тысяч левов. Хотя дело не ограничивалось только ограблениями. По счастливой случайности (отсырел бикфордов шнур) на воздух чуть не взлетел крупный склад с боеприпасами рядом с селом Бела Церква, где проживало около пяти тысяч человек. Было произведено несколько диверсий на железных дорогах.

К концу декабря болгарские коммунисты имели на вооружении более 800 винтовок, свыше 500 револьверов, значительное количество ручных гранат и свыше 150 килограмм аммонала. Примерно весь запас

взрывчатых веществ и треть вооружений находились в Софии. Еще большее количество вооружений хранилось на тайных складах – 1600 винтовок, 200 револьверов, 2000 гранат, 25 пулеметов и около тонны взрывчатых веществ. И это после того, как болгарской полиции удалось захватить крупные склады в Руссе и Видине.

Последний бой болгарских партизан

В феврале 1925 года пленум Исполкома Коминтерна принял решение: рекомендовать БКП отменить курс на вооруженное восстание. Решение было необычным для Коминтерна – эта организация не отличалась миролюбием. В работе пленума участвовал секретарь БКП Станко Димитров, который сразу после его окончания вернулся на родину, чтобы нормализовать обстановку в партии.

Однако Военная комиссия ЦК БКП, руководимая кадровыми офицерами болгарской армии, не собиралась складывать оружие. Столицу Болгарии и провинциальные города потрясали многочисленные теракты, апогей которых наступил в середине апреля.

11 апреля 1925 года боевики Военной комиссии согласно заранее разработанному коварному плану застрелили военного коменданта Софии генерала Георгиева.

13 апреля во время покушения (обстреляли машину на перевале) чудом уцелел сам болгарский царь Борис.

А 16 апреля во время отпевания генерала Георгиева в церкви Св. Недели боевики взорвали купол собора. Тонны железа и камня обрушились на головы собравшихся на панихиду, погибло около 150 человек. Целью теракта было убийство премьер-министра Александра Цанкова и членов его кабинета, после чего по замыслу организаторов должны были начаться вооруженные выступления, которые переросли бы в

революцию. Но результат не был достигнут. Ни Цанков, ни министры от взрыва не пострадали. Уже в ночь на 17 апреля начались облавы в рабочих кварталах. В стране было объявлено военное положение, коммунистов расстреливали без следствия и суда. Партия оказалась слишком слаба, чтобы вооруженным путем противостоять армии и полиции. Из Болгарии хлынула вторая волна политэмигрантов. Активная разведка в странах Восточной Европы была временно прекращена, чего нельзя было сказать о «просто разведке»^[78].

Идея использования партизанских отрядов была популярна и среди отдельных лидеров Компартии Финляндии, которые сразу же нашли поддержку у руководства Коминтерна и Разведупра. Выше мы уже рассказали о том, что происходило в Польше и Болгарии в начале двадцатых годов прошлого века. Не менее драматичные события происходили и на территории Финляндии.

Гражданская война в Финляндии

31 декабря 1917 года руководство Советской России во главе с Владимиром Лениным подписало декрет, которым фактически признавалось независимость Финляндии. Напомним, что в результате Русско-шведской войны (1808-1809) Финляндия была присоединена к территории Российской империи.

В 1917 году Финляндия сама дважды пыталась провозгласить свою независимость. Первая попытка в июле закончилась неудачей. Временное правительство объявило о роспуске сейма Финляндии, провозгласившего независимость страны. Второй раз это произошло 6 декабря того же года. Если летом 1917 года Петроград располагал хоть каким-то средствами воздействия на Гельсингфорс (старое название Хельсинки), то к концу года таких ресурсов уже не

осталось. Да и последующие события заставили надолго забыть о традиционных способах урегулирования территориальных споров.

В конце 1917 года первый премьер-министр Финляндии Пер Эвинд Свинхувуд уполномочил командование Белой гвардии (шюцкор) восстановить общественный порядок в стране. В середине января 1918 года Карл Густав Маннергейм был утвержден сеймом на пост главнокомандующего финской армии, которую ему еще предстояло сформировать.

В ночь с 27 на 28 января 1918 года в Финляндии произошла рабочая революция. 29 января было образовано правительство – Совет народных уполномоченных (СНУ), которое подписало с правительством РСФСР несколько соглашений (не имели практических последствий из-за скорого крушения СНУ). Левое крыло Социал-демократической партии захватило власть в Хельсинки и провозгласило Финскую рабочую социалистическую республику. Правительство во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом бежало в город Васа.

31 января 1918 года СНУ принял закон о передаче в собственность крестьян-арендаторов арендуемой ими земли. Через пару дней были приняты еще два закона: «О национализации Финляндского банка», «Временный закон о революционных судах». Прошло десять дней, и начался процесс национализации финских частных банков. В стране началась гражданская война. Она была значительно менее кровопролитной, чем в России.

Финскую Красную гвардию активно поддерживал Петроград, а их противника – войска под командованием Карла Маннергейма – Берлин. В ходе боевых действий гибли люди, уничтожались дома и имущество граждан.

Мы не будем подробно рассказывать о ходе гражданской войны в Финляндии. Отметим лишь, что в конце апреля 1918 года члены СНУ сбежали в Советскую Россию, а 16 мая 1918 года Карл Маннергейм

официально объявил об окончании гражданской войны в стране. Власть вновь перешла в руки правительства во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом. Хотя это не означало наступления мира в регионе. Уже несколько месяцев шла первая советско-финляндская война.

Советско-финляндские войны

Территориальные конфликты между Москвой и Хельсинки начались не в 1938-1939 годах, как это утверждала официальная советская история, а на двадцать лет раньше. Так, первая советско-финляндская война началась 15 мая 1918 года (правительство Финляндии официально объявило войну Советской России) и формально закончилась 14 октября 1920 года (был подписан мирный договор). Мы не будем рассказывать о ее ходе, отметим лишь, что причина вооруженного конфликта так и не была устранена. Одна сторона мечтала о включении Карелии в состав «Великой Финляндии», а вторая – о Финляндии советской. В ходе первой советско-финляндской войны обе стороны частично реализовали свои планы. Финляндия на непродолжительное время превратилась в советскую республику, а часть Советской России была оккупирована войсками буржуазной Финляндии.

Новая война началась в 1921 году, когда финские отряды, пользуясь немногочисленностью советских пограничных частей, неоднократно вторгались на территорию Карелии и проникали до железной дороги Мурманск – Петрозаводск. В октябре 1921 года финский партизанский отряд (около трех тысяч человек) захватил большую часть Северной Карелии. Они обратились за поддержкой к правительству Финляндии. 6 ноября 1921 года на территорию Советской России вторглись финские войска. Началась вторая советско-финляндская война. К концу декабря 1921 года финские

отряды общей численностью 5–6 тысяч человек вышли на линию Кестеньга – Суомисалми – Руг-озеро – Паданы – Порос-озеро.

Отпор агрессорам

На территории Карелии и Мурманского края было объявлено военное положение. Группировка советских войск в Карелии насчитывала 8,5 тысячи бойцов. У них на вооружении, кроме стрелкового оружия, имелись 166 пулеметов и 22 орудия. Командующим Карельским фронтом назначили опытного офицера (Первую мировую войну закончил в звании штабс-капитана, потом на командных должностях в Красной Армии) Александра Седякина.

План разгрома противника предусматривал закрытие финской границы, а затем окружение и уничтожение противника. Важная роль была отведена специальному лыжному отряду, которому предстояло совершить рейд по финским тылам по маршруту станция Масельская – Реболы – Кимас-озеро. Отряду ставилась задача уничтожить штаб группировки противника в районе Кимас-озера и встретившиеся по пути следования белофинские отряды, а также материальные запасы.

В начале января 1922 года специальный отряд (численностью 215 человек) был сформирован. Он состоял из пулеметной и двух стрелковых рот. Был укомплектован добровольцами – курсантами Петроградской интернациональной военной школы. Почти все они по национальности были финнами и карелами и успели повоевать в Гражданскую войну, в том числе и на территории Финляндии.

Особенностью Петроградской интернациональной военной школы и аналогичных ей командных курсов и школ периода Гражданской войны являлось то, что этим

военным учебным заведениям приходилось выполнять две функции: готовить командный состав и вместе с тем быть образцовыми частями Красной Армии. Курсы как ударные образцовые части нередко посылались на фронт для выполнения боевых задач на решающих участках. Понятно, что уровень профессиональной подготовки курсантов и выпускников был высоким. Фактически теорию они одновременно постигали с практикой.

Участвовали петроградские курсанты и в подавлении восстания в Кронштадте в конце февраля – марте 1921 года. Из них была почти целиком сформирована Северная группа войск, на которую возлагалось нанесение удара по Кронштадту со стороны Сестрорецка. В ночь на 17 марта по талому льду Финского залива Северная группа войск одновременно с Южной, действовавшей из района Ораниенбаума и Мартышкино, начала наступление на Кронштадт. К 5 часам утра части Северной и Южной групп уже подошли к Кронштадту и завязали рукопашные схватки на улицах города. К утру 18 марта мятеж был ликвидирован.

Командовал Красным партизанским отрядом (батальоном) Александр Александрович Инно^[79]. Все бойцы прошли тщательный медосмотр, получили новое обмундирование (шлемы, полушубки, ватные штаны, лыжи и маскхалаты). На вооружении батальона состояло 12 пулеметов, винтовки Мосина и автоматические винтовки Федорова. В то время последний вид оружия считался одним из лучших образцов штурмового оружия.

5 января 1922 года в 18 часов отряд погрузили в специальный состав, поданный на Московский вокзал. На путях стоял вагон главкома С.С. Каменева, где командир отряда и получил боевую задачу.

Эшелон шел без остановок и утром 6 января 1922 года прибыл в Петрозаводск. На вокзале командующий Карельским фронтом Александр Седякин вручил боевой

приказ, согласно которому отряду предстояло продолжить путь до станции Масельская Мурманской железной дороги. Получив дополнительно спирт, состав отправился по назначению.

Рано утром 7 января 1922 года эшелон прибыл на станцию Масельская и отряд выгрузился. По замыслу командования со станции на подводах по «зимнику» отряд должен был выдвинуться в район деревни Лисья Губа. Однако, прибыв на станцию, ни «зимника», ни подвод там не обнаружили.

Командир отряда выслал в деревню Лисья Губа взвод лыжников с задачей проложить след, собрать в деревне подводы и отправить их на станцию. Прошло время, но ни взвода, ни подвод не было. Тогда в 16 часов был отправлен начальник штаба с двумя лыжниками на поиск взвода. На окраине деревни Лисья Губа они встретили подводы и взвод, которые направлялись на станцию. К рассвету 8 января весь отряд с обозом сосредоточился в деревне Лисья Губа и после небольшого отдыха выступил в полном составе через петель Наволок по льду Сег-озера в деревню Паданы.

9 января 1922 года в деревне Паданы из состава батальона был выделен рейдовый отряд (136 человек с шестью пулеметами и автоматическими винтовками) во главе с командиром пулеметной роты Тойво Ивановичем Антикайненом^[80]. Задача подразделения – рейд по тылам противника по маршруту Паданы – Лазарево – Гонги Наволок – Печенга – Чолка – Реболы – Конец-остров – Кимас-озеро с выходом через фронт противника на Руг-озеро, где отряд должен был соединиться с 88-м стрелковым полком, действовавшим в составе центральной колонны Красной Армии (при невозможности пробиться через Кимас-озеро был предусмотрен запасной маршрут через Тикш-озеро на Руг-озеро).

Отряд состоял из двух рот. Командир 1-й роты – Иван Хейконнен, 2-й – Эрки Карьялайнен.

Оружие, включая патроны и гранаты, а также продовольствие на 15 суток весили около 25 килограмм, а у пулеметчиков – 35 килограмм. Продукты питания – шпик, сахар, консервы – каждый брал без ограничения, а шоколад и спирт строго по норме.

Второй отряд (79 человек с 6 пулеметами, обоз) во главе с Александром Александровичем Инно обеспечивал безопасность рейдового отряда с фланга. Он направился в сторону Руг-озера^[81].

Расскажем подробнее о боевой деятельности первого отряда.

9 января 1922 года в 18 часов лыжный отряд выступил из Падан в деревню Лазарево, где остановился на пятичасовой отдых.

10 января продолжили движение в направлении деревни Гонги Наволок. За 31 час отряд преодолел расстояние в 90 километров.

11 января после непродолжительного отдыха отряд выступил из деревни Гонги Наволок. Не доходя до деревни Пененга, захватили четверых финских диверсанта, которые показали, что в деревне находится сторожевая застава белофиннов в составе 15 человек во главе с поручиком Лассу, который утром 12 января должен идти в деревню Реболы с ценным донесением. Отряд совершил ночной пятнадцатикилометровый марш-бросок через Масельский кряж. Бушевала метель. Горную гряду пришлось преодолевать пешком, лыжи несли на руках. Ранним утром 2-я рота захватила Пененгу. Трофеи отряда – ценные документы и 19 пленных белофиннов. Из состава отряда была выделена группа в пять человек для сопровождения пленных и документов до ближайшей сторожевой заставы, выставленной штабом руководства отрядом.

Следующим объектом отряда была деревня Реболы. Началась совершенно безлюдная местность. В полночь отряд подошел к деревне, но противник уже покинул ее. С юга стремительно приближались подразделения Красной Армии. Поэтому белофинны спешно бежали из деревни.

Весь путь от Масельской до Реболы в 265 км отряд прошел за семь с половиной суток. Фактически средняя скорость отряда – 10–12 км/час. При этом нужно учитывать, что лыжникам приходилось постоянно тропить лыжню, отдельные участки пути преодолевать пешком (проваливаясь по грудь в снег). Также не следует забывать о грузе, который лыжники несли на себе.

После нескольких дней отдыха 17 января 1922 года лыжный отряд выступил из Реболы на Кимас-озеро через деревню Конец-остров, куда прибыл на следующий день. Группа разведчиков вышла на дорогу Конец-остров – Кимас-озеро, где захватила в плен несколько белофинских эстафетчиков, которые показали, что к Конец-острову движется отряд белых с целью создать там заслон против наших войск. Отряд совершил стремительный бросок и захватил белофиннов в плен (22 человека).

20 января отряд вышел к Кимас-озеру и сосредоточился на юго-западе от деревни. Замысел командира отряда заключался в полном окружении деревни и уничтожении гарнизона. Для атаки было определено два объекта – церковь и штаб, расположенные в разных концах деревни. Деревня была вытянута вдоль озера и состояла из небольших рыбацких изб. Отряд начал окружение деревни, но в это время в деревне раздался колокольный звон, удары которого курсанты ошибочно приняли за тревогу. Решив, что белофинны заметили атакующих, Т. Антикайнен подал команду, и курсанты бросились в атаку, не успев

еще полностью развернуться. Атака была проведена с фланга и в лоб, стремительно и, самое главное, внезапно для противника. Даже когда лыжники спускались с возвышенностей к озеру для атаки, некоторые белофинны кричали, принимая курсантов за своих: «Откуда вы?» Началась паника. Белофинны метались по деревне. Бой длился практически 20 минут, деревня была взята.

В этом бою, как и в предыдущем, отряд лыжников не потерял ни одного убитым и раненым. Белофинны понесли серьезные потери: 9 человек убитыми, 46 пленными, а также были захвачены большие запасы продовольствия, одежды, госпиталь, полковой обоз и около 500 тыс. патронов. Были освобождены 30 арестованных, которых белофинны приговорили к расстрелу. Главного штаба в Кимас-озере не оказалось, а был разгромлен штаб карельского лесного партизанского полка.

Пополнив запасы продовольствия и боеприпасов, отряд вернулся в деревню Конец-остров для отдыха.

Таким образом, первая часть задачи, поставленной перед отрядом, была выполнена. После разгрома белофиннов в Кимас-озере южная группа противника почти полностью утратила боеспособность, потеряла свои базы, понесла урон в живой силе и была деморализована.

После небольшого отдыха и строительства пятидесятикилометровой проезжей дороги Кимас-озеро – Конец-остров отряд получил новую задачу.

27 января 1922 года лыжники выступили в направлении деревни Барышнаволок, расположенной на Палх-острове, в 25 км к востоку от Кимас-озера. Эта деревня была хорошо укреплена сооружениями из бревен, облепленных снегом. Обороняли эту ледяную крепость 300 белофиннов. Лыжники называли ее «вторым Кронштадтом».

Отряд Антикайнена, несмотря на большой численный перевес противника, решил атаковать деревню. Оборона белофиннов была упорной, они защищали каждый дом, каждый сарай, но, не выдержав стремительного натиска, вынуждены были отступить.

1 и 2 февраля 1922 года лыжный отряд занял деревни Кондока и Лув-озеро. В Кондоке был расположен белофинский отряд в 400 человек, сдавший, однако, деревню без единого выстрела.

Всю первую половину февраля наши части очищали от белофиннов район деревень Вокнаволок и Войница. Главную роль в этих операциях играл отряд Антикайнена. После занятия Вокнаволока его отряд был временно разделен на две группы: одной была поставлена задача выбить белофиннов из Войницы, второй – двигаться на Ухту. Один из участников первой группы так рассказывает о ее действиях:

«Первая группа вышла в путь 5 февраля вечером. Погода была превосходная, дорога легкая, и настроение у ребят отличное. У деревни Понгалакши головная часть нашего отряда неожиданно столкнулась с дозором противника. Неприятель открыл огонь и сразу же поднял громкий крик, побежав в деревню, чтобы призвать на помощь свои главные силы, заночевавшие в Понгалакше. По имеющимся у нас сведениям, около Войницы не должно было быть более или менее крупных скоплений врага, и поэтому мы смело следовали за врагом до самой деревни. Но в деревне ночевало около 200 человек отступающих белых, между тем как наши силы состояли из 51 человека. Среди белых в деревне началась невероятная паника. После полчасового сильного боя мы оказались победителями. Во время боя среди белых был слышен сильный гомон, в котором трудно было что-либо разобрать: слышались крики, ругань, плач...

Финские офицеры ругались и кричали, стараясь восстановить в частях порядок, но их отряд в панике разбежался по полям, в лес, кто куда успел. Белые оставили на поле сражения троих убитых, раненых они взяли с собой. Мы забрали в плен 8 человек. После занятия деревни мы сразу же организовали группу для преследования врага. Она настигла его в трех километрах к югу от деревни Айенлакши. Ударив врасплох на осевших здесь белых, мы выбили их с позиций, после чего белые отступили в деревню Айенлакшу. Укрепив головку нашего отряда, мы вместе с нашей ротой двинулись в поход. Разведка продвинулась быстро, пробравшись с юга через залив в деревню. Белые впустили разведку в деревню и захватили троих в плен, убив одного на озере при попытке бежать. Против наших, следовавших за разведкой, белые открыли сильный огонь, что дало им возможность уйти. К тому же начальник нашей разведки был ранен. Двоих из взятых в плен наших разведчиков, тт. Суханена и Рихи Яко, белые зверски мучили и выкололи им, еще живым, глаза. Только после этого их расстреляли. Товарища Якселейнена они вели до Войниц, где впоследствии тоже расстреляли».

Советское государство по заслугам оценило героические подвиги Тайво Антикайнена и его товарищей. Интернациональная школа была награждена за эти боевые операции Красным Знаменем Карельской трудовой коммуны и орденом Красного Знамени. В приказе РВСР от 20 декабря 1922 года говорилось: «... Награждается орденом Красного Знамени для прикрепления к революционному Красному Знамени Интернациональная военная школа за совершенный ею во время карельской операции беспримерный лыжный рейд, продолжавшийся с 7 января по 22 февраля 1922 года, причем школа, имея около десяти боев с противником, захватила его опорные пункты и большие

трофеи, нанесла удар, положивший начало разгрому банд на этом фронте».

Позже советские историки утверждали, что рейд лыжного отряда был самым «тяжелым в истории Гражданской войны в Карелии. Каждый участник его на лыжах прошел около 1100 километров, а разведчики проделали путь по 1400 километров. После тяжелого дневного перехода приходилось брать деревню за деревней или ночевать в лесу, под открытым небом. А кому-то приходилось еще стоять на карауле, в дозоре или идти в разведку.

Потери отряда были сравнительно невелики – восемь человек убитыми и десять ранеными, хотя отряд был все время в боях.

Лыжники вывели из строя 117 человек убитыми и пленными, а ведь у белых было еще много и раненых. Красные захватили 150 винтовок и большой запас патронов, а также другие трофеи».

8 марта 1922 года приказом по войскам Карельского района была отмечена деятельность отряда Антикайна. 34 участника знаменитого похода были награждены орденом Красного Знамени, среди них командир отряда Тайво Иванович Антикайнен, начальник школы Александр Александрович Инно, командиры рот Иван Хейнконен и Эрки Карьялайнен, командиры взводов Эйнар Илмонен и Франц Гренлунд и другие герои беспримерного похода, а 65 – именными часами^[82].

Команда «ликвидаторов» задание не выполнила

21 апреля 1920 года в поезде Хельсинки – Выборг финской полицией были арестованы двое членов боевой группы – Александр Векман^[83] и Александр Суокас – оба выпускники уже упоминавшийся выше Петроградской

интернациональной военной школы. В марте 1920 года вместе со своим сокурсником Карлом Сало с фальшивыми документами они проникли в Финляндию, чтобы принять участие в операции по ликвидации командующего финскими вооруженными силами Карла Маннергейма.

На самом деле в операции участвовали не только они. В том же самом поезде ехали финский слесарь Теодор Сядервирте и рабочий Антон Лонка. Их тоже арестовала финская полиция, но их судьба сложилась по-другому.

На территории Финляндии остались еще несколько членов боевой группы – выпускник Петроградской интернациональной военной школы: Вяйно Луото, Эмилю Куутти, Яльмару Форсману, Александру Энтрох и Антти Поккинену. Все они, как и арестованные в поезде, прибыли в Финляндию нелегально. Об их дальнейшей судьбе мы расскажем ниже, а пока краткая хроника подготовки и неудачной реализации плана покушения.

В январе 1920 года в Финляндию проник Александр Энтрох. В его задачу входила подготовка группы обеспечения из числа местных жителей. Вскоре им был привлечен к операции Теодор Сядервирте, ставший главным помощником боевиков, и Антон Лонка. Тем временем другой член группы, Эмиль Куутти, получил задание доставить в Финляндию оружие. Первоначально планировалось использовать пулемет, но потом решили использовать пистолеты.

В марте 1920 года в Финляндию нелегально прибыли Александр Векман (он руководил операцией), Александр Суокас и Карл Сало. Совещание было проведено 1 апреля 1920 года на квартире Теодора Сядервирте. Жертву было решено ликвидировать 4 апреля 1920 года в городе Тампере во время парада щюцкора. С помощью жребия определили исполнителя – им стал Карл Сало. Предполагалось, что он застрелит военачальника из

пистолета, когда последний, следуя верхом во главе колонны, поравняется с боевиком. Александр Векман и Александр Суокас должны находиться рядом с исполнителем и применить оружие в случае необходимости.

4 апреля 1920 года покушение сорвалось. Карл Сало струсил и не смог выстрелить, а двое других боевиков потеряли его в толпе и упустили благоприятный момент.

13 апреля Карл Сало попытался повторить попытку, но снова струсил. Вечером он пришел на квартиру к Теодору Сядервирте, отдал ему пистолет и, не дожидаясь Александра Векмана, попытался скрыться где-нибудь в Финляндии, т.к. возвратиться в Советскую Россию он не мог. Однако 23 апреля был арестован финской полицией.

После этого Александр Векман принял решение прекратить операцию. О судьбе пятерых членов группы мы уже рассказали. Теперь об оставшихся четверых членах группы. Александр Энтрох, Эмиль Куутти и Вяйно Луото решили осесть в Финляндии. В июле - августе 1920 года Антти Поккенен побывал в Петрограде и получил инструкции относительно дальнейшей деятельности.

12 ноября 1920 года суд города Турку приговорил Александра Векмана к 12, Карла Сало к 10, а Александра Суокаса к 6 годам тюремного заключения. Так как покушение не состоялось, им инкриминировали антигосударственный заговор и измену родине. Антон Лонка за недоказанностью вины был оправдан, а Теодор Сядервирте освобожден от ответственности за сотрудничество со следствием. Правда, выйдя на свободу, последний был вскоре убит Александром Энтрохом. На улице боевик метнул в него гранату. В результате взрыва пострадало двое случайных прохожих (один из них умер от полученных ранений в больнице). По данному факту полиция провела

расследование и довольно быстро задержала Энтроха, Куутти и Лонка. Суд приговорил их за совершенные убийства, а также подготовку к убийству, измену родине и попытку свержения государственного строя к пожизненному заключению.

Впрочем, не все участники этой истории отбыли пожизненные сроки заключения. Так, 5 июля 1921 года Суокас вместе с шестью заключенными бежал из тюрьмы и благополучно добрался до Советской России. А 18 июня 1926 года на свободу вышли Векман и Энтрох. Их и еще шестерых финнов и двоих русских обменяли на финских белогвардейцев, находившихся в советских тюрьмах^[84].

Дан приказ ему на северо-запад

Летом 1919 года в Финляндии была провозглашена республиканская форма правления. Вскоре была объявлена амнистия для томившихся в лагерях военнопленных участников восстания. 14 октября 1920 года был подписан мирный договор, определявший государственные границы между СССР и Финляндией.

Несмотря на это, Москва начала активную подготовку вооруженного восстания. Попытка организации мятежа была предпринята в районе Салла – Куолаярви. Там активно действовал Янне Мюрюляйнен, бывший красногвардеец из Каяани, бежавший после падения СФУ в Советскую Россию. Летом 1921 года он организовал поставку оружия для так называемого «Северного красного партизанского батальона».

Восстание началось 29 января 1922 года, когда из Салла выступил отряд (23 человека), который сопровождал четыре тяжело груженные санные подводы (на них везли оружие и боеприпасы как минимум для 300 человек). К этому времени люди Янне

Мююрюляйнена уже провели необходимую разъяснительную работу среди местных лесорубов.

Целью отряда был лесозаготовительный пункт Варрие, где среди рабочих уже находилось 35 «верных людей», прибывших по приказу руководителя операции туда еще осенью. К тому же там находился еще и сейф, содержимое которого было решено использовать для оплаты услуг бойцов батальона. При вступлении в него пеший доброволец получал 150 финских марок, а с лошадью – 350. В тот день в Красную гвардию записалось около 300 человек^[85].

В середине февраля 1922 года планы Москвы изменились, и восстание постепенно угасло.

Готовясь к будущей советско-финской войне

Мы не будем останавливаться на деятельности финской Компартии в двадцатые годы прошлого века. Отметим лишь, что, как и в других европейских странах, в ее центральном аппарате существовали подразделения, ответственные за военное направление. Хотя в отличие от Польши или Германии они сыграли незначительную роль в организации революций.

В 1926 году военная линия Компартии Финляндии была реорганизована. В вооруженных силах страны предстояло создать партийную разветвленную организацию, построенную по принципу «троек». В каждой роте должно было действовать не меньше одной такой «тройки», руководители которых подчинялись председателю военного комитета (ими, как правило, были гражданские лица). Военные комитеты в числе прочего должны были заниматься и разведдеятельностью, особенно на оборонных предприятиях. Их работой руководили дивизионные организаторы, по одному на округ, которых в стране было четыре. Руководителем всей военной линии был

армейский организатор. Он же отвечал и за специальную линию, в которую входила разведка. Как видим, партийная военная линия строилась так же, как и сама армия, по строго иерархическому принципу.

В 1925 году отдел центральной сыскной полиции в Тампере установил слежку за одним из организаторов коммунистического движения. В результате 25 октября 1927 года был арестован армейский организатор Мартелин (настоящее имя Юхо Аллан Мартелиус, 1899 г. рожд., каменщик по профессии. После службы в армии в 1923–1925 годах он поддерживал связь с красным офицером С. Пакариненом, а в 1925–1927 годах сам учился в училище красных командиров в Ленинграде. После окончания училища был командирован в Финляндию, но почти сразу же арестован)^[86].

28 октября 1927 года полиция провела обыск на квартире одного из членов военной линии на ул. Фредриксбергинкату, 26, где в руки полицейских попали многие документы, в том числе секретная переписка, карты и схемы укреплений, железнодорожных путей и т.п. Дело закончилось громким судебным процессом. В провале подсудимых коммунисты винили координатора Ялмара Раси, который был арестован в ноябре 1927 года и дал подробные показания в полиции и которого считали провокатором. В отличие от других подсудимых, получивших от 4,5 до 7 лет лишения свободы, его приговорили к 3,5 года, а после 11 месяцев тюремного заключения он был амнистирован президентом.

После разгрома военной линии советская разведка в Финляндии прекратила совместную работу с Компартией и стала использовать только военных атташе, которым была переподчинена агентура.

В Эстонии в начале двадцатых годов прошлого века происходили не менее драматичные события. В этой буржуазной республике Москва решила организовать

революцию, тем более что местные коммунисты утверждали, что смогут захватить власть.

В течение весны и лета 1924 года члены ЦК Компартии Эстонии (далее – КПЭ) во главе с Яном Яновичем Анвельтом^[87] все больше склонялось к мысли, что эстонские коммунисты смогут успешно осуществить восстание, если сумеют как следует его подготовить.

В конце лета 1924 года ЦК Компартий Эстонии (далее – КПЭ), Латвии и Литвы опубликовали совместное воззвание «К трудящимся Эстонии, Латвии и Литвы», в котором предупреждали рабочих и крестьян Прибалтики, что буржуазия собирается установить еще более кровавый, фашистский режим и с этой целью организует свои ударные отряды. Коммунистические партии трех прибалтийских республик призывали трудящихся к борьбе с фашистской угрозой, разоблачая вместе с тем социал-демократов как предателей интересов трудового народа. «Только правительство рабочих и крестьян, – говорилось в воззвании, – сможет указать путь, ведущий к улучшению нашего положения... Это путь воссоединения с Союзом Советских Социалистических Республик, страной, с которой мы имеем общие экономические и политические интересы, с которой мы срослись в ходе экономического развития на протяжении десятилетий, но от которой мы были насильственно оторваны в интересах кучки паразитов».

Летом 1924 года состоялась Вторая конференция КПЭ, обсудившая решения Пятого конгресса Коминтерна. На конференции основными вопросами были международное положение и вооруженное восстание. Определение срока выступления было решено перенести на осень. Тогда же в «Коммунисте» – нелегальном органе КПЭ – было опубликовано составленное Яном Анвельтом воззвание ЦК КПЭ и ЦК комсомола Эстонии «К трудящимся Эстонии», в котором

подчеркивались неминуемое падение буржуазного строя и необходимость установления власти Советов.

Чтобы подвести массы к восстанию и сделать его всенародным, партия развернула широкую идеологическую и организационную работу. В ряде городов, а также в сельской местности состоялись собрания трудящихся, на которых революционные рабочие выступали с призывом к свержению буржуазного правительства и к созданию правительства трудового народа.

К подготовке трудящихся к восстанию призывала нелегальная и легальная печать партии. Делалось это весьма осторожно. Так, газета единого фронта «Мейелехт» («Наша газета») сообщала в номере от 19 июля 1924 года, что в редакцию поступил «Коммунист» № 3, посвященный в основном подготовке и организации революции. Тем самым внимание трудящихся привлекалось к опубликованным в нелегальном органе материалам – прежде всего упомянутому выше воззванию, а также статье Яна Анвельта «Будьте готовы!».

10 октября 1924 года политзаключенные таллинских тюрем выпустили воззвание «К трудящимся, солдатам и матросам о вооруженном восстании», в котором говорилось: «Настало время разогнать правительство, обрекшее вас на гибель! Настало время создать свое правительство – правительство рабочих и крестьян, которое может быть поставлено у власти лишь силой оружия... Товарищи, возьмемся за оружие!.. Да здравствует вооруженное выступление».

Подготовка к вооруженному восстанию

Одновременно с агитационной работой ЦК КПЭ с весны 1924 года приступил к организационной и военно-технической подготовке выступления. Она проводилась

в условиях строжайшей конспирации. Все распоряжения относительно восстания фиксировались только в зашифрованном виде, на планах и картах не разрешалось делать никаких пометок.

Прежде всего началось формирование вооруженных боевых групп. Первоначально они создавались в виде троек. Каждый член тройки знал только своего старшего, который был непосредственно связан с подпольной организацией. Кроме членов партии и комсомольцев, в тройки вступило много беспартийных рабочих. Боевые группы создавались не только в Таллине, но и в Нарве, Пярну, Тарту, Вильянде, Раквере, Выру, Валге, Кохиле, Кунде и в других местах. Тройки организовывались и в некоторых воинских частях. Одновременно с формированием боевых групп для них добывалось оружие и прочее снаряжение.

Число троек быстро росло. Осенью они постепенно слились в группы, состоявшие из десятка бойцов. За несколько недель до восстания ЦК КПЭ свел созданные в Таллине боевые группы в роты и батальоны, в батальон входило сто пятьдесят – двести человек. В ноябре в боевых отрядах насчитывалось около тысячи человек, из них в Таллине – четыреста. Эти силы должны были тотчас же после начала восстания пополниться за счет освобожденных политзаключенных, революционных рабочих и солдат.

Созданием подпольных вооруженных сил рабочего класса энергично занимались Иоханнес Юрна, Вальтер Клейн, Георг Креукс, Рудольф Пяльсон, Карл Римм, Николай Риухкранд, Арнольд Соммерлинг, Карл Тракман, Харальд Туммельтау и другие партийцы. В Тарту подготовкой к вооруженному выступлению руководили Ханс Хейдеман и Виллем Троммель, но они были арестованы еще до восстания. Общее руководство подготовкой восстания было возложено на Яна Анвельта, человека, имевшего богатый военный опыт.

При разработке плана вооруженного восстания чрезвычайно важен был реальный учет сил противника. Партия считала наиболее опасными для восставших объединенные военно-учебные заведения и унтер-офицерское училище в Тоньди, кавалерийский эскадрон и резерв конной полиции. Эти наиболее надежные воинские подразделения противника следовало разгромить в самом начале восстания. Одновременно нужно было захватить объекты, важные в военном отношении. Вооруженное восстание должно было начаться прежде всего в Таллине. ЦК придерживался мнения, что победоносное восстание в Таллине сразу же воодушевит на захват власти трудящихся в других центрах, где для этого созданы боевые отряды.

Чтобы хоть на время помешать маневрированию вражеских сил и, в частности, переброске базировавшегося в Тапа дивизиона бронепоездов, предусматривалось взорвать два железнодорожных моста на участках Таллин – Тапа и Тапа – Тарту. В случае успеха восстания предполагалось немедленно развернуть наступательные действия, во-первых, по направлению к Тапа и Нарве и, во-вторых, по направлению к Тарту и Вильянди, используя для этого находившиеся в Таллине транспортные средства. Революционное правительство, которое было бы создано в ходе восстания, должно было провозгласить диктатуру пролетариата, восстановить Советскую власть и объявить себя ее органом. Овладеть всей Эстонией планировалось не позднее следующего дня, а создать революционное правительство – сразу после овладения Таллином.

При Политбюро ЦК РКП(б) была создана Эстонская комиссия для оказания помощи КПЭ. В Советском Союзе проживали несколько тысяч коммунистов-эстонцев, из которых многие вынуждены были покинуть свою родину из-за участия в революционном движении. По некоторым

подсчетах, шесть тысяч семьсот эстонских коммунистов и комсомольцев были готовы в любой момент добровольно вернуться в Эстонию с тем, чтобы принять участие в борьбе за власть трудящихся. КПЭ расценивала эту силу как ближайший резерв, который в ответ на призыв революционного правительства сразу же придет на помощь. Парторганизации Латвии и Финляндии также подготовили сотни добровольцев для отправки в Эстонию.

Накануне восстания

29 ноября 1924 года на улице Кадака в доме № 9 состоялось объединенное заседание ЦК КПЭ и комсомола Эстонии, на которое были вызваны также командиры батальонов и руководители основных боевых групп. В заседании приняли участие Ян Анвельт, Иоханнес Юрна, Вальтер Клейн, П. Лээвальд, А. Лиллакас, Г. Креукс, В. Пуусь, Р. Пяльсон, А. Sommerling, К. Римм, Э. Тейтер и другие. На нем был создан Военно-революционный комитет в составе девяти человек во главе с Вальтером Клейном и утвержден план восстания. Выступить решено было в ночь на понедельник на 1 декабря 1924 года. Оживленное движение на улицах в воскресенье вечером должно было помочь членам боевых групп незаметно пробраться на место сбора.

Для боевых отрядов удалось найти конспиративные квартиры вблизи от намеченных к захвату объектов, среди которых одним из самых важных было военное училище. Примерно в полукилометре от него на конспиративной квартире с наступлением темноты 30 ноября 1924 года собралось около полусотни человек во главе с Яном Анвельтом, который, однако, назначив А. Ломбака комендантом дома, вскоре ушел.

И в других местах сбора были назначены коменданты с задачей следить за тем, чтобы никто из боевиков не покинул место сбора до начала всеобщего выступления. Тем самым, если какому-нибудь провокатору и удалось бы пробраться в боевой отряд, он был лишен возможности предупредить власти о начале выступления. Командиры (десятники) отрядов еще накануне оповестили членов своих отрядов о необходимости вечером 30 ноября непременно быть дома. Группами по два-три человека они привели в этот вечер людей в условленное место, откуда связные проводили их уже на конспиративные квартиры. С последней парой прибывал десятник. Затем доставлялись оружие и боеприпасы.

Хроника коммунистического мятежа

Восстание в Эстонии началось в пять часов пятнадцать минут утра 1 декабря 1924 года. Выступило около трехсот бойцов боевых дружин.

Ян Анвельт вместе с председателем ВРК Вальтером Клейном направились в главный штаб боевых отрядов, находившийся близ Балтийского вокзала на улице Теллискиви. Начальником штаба был советский военный разведчик Карл Римм. Вместе с ним в ноябре 1924 года в Эстонию нелегально прибыли Харальд Туммельтау, Ян Жигур и другие работники советской военной разведки, в основном эстонцы и латыши, а также группа эстонцев, служивших в период Гражданской войны в рядах Красной Армии и ставших гражданами СССР.

В соответствии с планом боевая группа, возглавляемая Иоханнесом Мяндо, взорвала железнодорожный мост возле Вазула, а боевая группа во главе с Вольдемаром Раэксоном – железнодорожный мост у Мустйыэ. Это помешало отправке бронепоезда из

Тапа и кавалерийского полка из Тарту в Таллин на подавление восстания.

Часть бойцов из боевой группы, собравшейся на улице Рахвакохту, напала на часовых, которые охраняли замок на Вышгороде, и обезоружила их. После захвата караульного помещения весь замок перешел в руки восставших. Остальные бойцы этой группы атаковали здесь же, на Вышгороде, резиденцию Государственного старейшины. Сняв часовых, они ворвались в здание. Государственный старейшина Ф. Акель бежал в задние комнаты, запирая за собой одну дверь за другой, а его адъютант выпрыгнул из окна, предоставив «главу государства» его собственной судьбе.

Боевая дружина во главе с Кристьяном Грюнбахом и Виллемом Рообахом (местом ее сосредоточения был дом № 61 по Нарвскому шоссе) заняла второй полицейский участок в Кадриорге, захватив в качестве трофеев одиннадцать винтовок и прочее снаряжение. Отсюда она предприняла атаку на авиадивизион и аэродром на Ласнамяги. Проникнув в казармы, дружинники прежде всего сняли охрану и захватили оружие. В руки повстанцев попало три самолета, четыре автомашины, несколько мотоциклов и пулеметов, сто винтовок. Затем был поднят гарнизон, которому сообщили, что в городе рабочие подняли восстание. Солдаты авиадивизиона, среди которых было много бывших металлистов, почти полностью (сорок человек) присоединились к восставшим. Им было выдано оружие. Избранный солдатами комитет принял командование дивизионом, тут же была организована охрана аэродрома.

Успешно справилась со своей задачей еще одна боевая группа – она заняла пятый полицейский участок и Балтийский вокзал. В полицейском участке восставшие захватили оружие и боеприпасы. На Балтийском вокзале движение поездов было приостановлено. В срочном порядке была организована охрана вокзала, всем

находившимся на вокзале пассажирам было предложено соблюдать порядок и подчиняться распоряжениям революционных бойцов.

Боевая группа, действовавшая с улицы Юурдевео, быстро овладела железнодорожной станцией Таллин-Вяйке и приняла меры к обороне вокзала.

Собравшаяся в доме № 25 по Нарвскому шоссе другая боевая группа без особых усилий заняла Главный почтамт и приостановила там работу.

В автотанковом дивизионе, где имелся свой партийный коллектив, восставшим удалось под командованием унтер-офицера Антона Лооренца захватить танковый парк с двенадцатью боевыми машинами. Была занята также часть казарм танковой роты. Лооренц на танке отправился к находившимся по соседству казармам батальона связи, чтобы помочь захватить их.

Однако среди повстанцев затесались предатели, которые предупредили врага за несколько минут до прибытия боевой группы. Провокаторами оказались фельдфебель из батальона связи Сааруп, а также рядовой Клеммер и моторист унтер-офицер Мадисон из танковой роты, включенные в боевой отряд по захвату танкового ангара. В результате группа уже не смогла выполнить свою задачу. В завязавшейся перестрелке погиб Лооренц. Противник перехватил инициативу и вытеснил повстанцев из автотанкового дивизиона.

Выделенный для штурма объединенных военно-учебных заведений в Тоньди боевой отряд ворвался на первый этаж одного из корпусов и захватил составленные в пирамиды винтовки. Однако кадетам военного училища удалось собраться с силами и благодаря своему численному перевесу принудить революционеров к отступлению.

Неудавшаяся атака против тоньдинских военно-учебных заведений явилась одним из существенных

факторов, помешавших успешному завершению восстания. Неудачей окончился также штурм казарм резерва конной полиции и казарм 10-го пехотного полка.

Группа восставших, атаковавшая военное министерство, проникла в здание, но закрепиться не сумела и была вынуждена отойти. Тем самым в руках противника остался весьма важный объект – «мозг» и центр связи вооруженных сил. Это позволило старшим офицерам буржуазной армии маневрировать силами, координировать их действия и подготовить переход от обороны к наступлению.

Опасаясь присоединения солдат к восставшим, власти не осмелились вывести ни одной регулярной воинской части. Для подавления восстания были спешно сколочены специальные карательные отряды из офицеров, кадетов военного училища, учебного батальона и полицейского резерва.

Революционные бойцы защищались с беспримерной стойкостью. На Балтийском вокзале повстанцы успешно отбили все атаки конной полиции. Лишь после того, как враг получил подкрепление – два взвода из унтер-офицерского училища, рабочие вынуждены были с боем отступить. Упорное сопротивление оказали повстанцы, оборонявшие здание Главного почтамта. Атака, предпринятая взводом курсантов унтер-офицерского училища при поддержке бронемашины, была успешно отражена. Только с прибытием второго взвода противнику удалось под прикрытием пулеметного огня вытеснить восставших из здания.

Боевая дружина, овладевшая авиадивизионом и аэродромом на Ласнамяги и захватившая здесь значительное количество вооружения, допустила серьезную ошибку – она не развернула вместе с присоединившимися к ней солдатами наступательных действий, а заняла оборону. В течение двух часов повстанцы мужественно вели здесь бой, отбивая атаки

конного отряда, бронемашины и взвода кадетов, пытавшихся вернуть аэродром. Лишь в одиннадцать часов тридцать минут бронемашине удалось прорваться на аэродром, и восставшим пришлось покинуть его.

Через шесть часов после начала восстания повстанцы оставили свои последние позиции и были вынуждены отступить.

Бои с отдельными группами повстанцев продолжались местами еще в течение двух недель. Исключительный героизм проявили коммунисты Э. Амбос, О. Пийр, А. Соммерлинг. 5 декабря близ Таллина, в Иру, они целую ночь огнем из пистолетов отражали атаки сорока пяти вооруженных до зубов карателей, пока все не погибли в неравном бою. Утром 7 декабря 1924 года в Таллине произошла схватка трех революционеров – В. Богданова, Г. Креукса, Р. Пяльсона – с отрядом полицейских. Революционеры сражались до последнего патрона.

После подавления восстания в Эстонии начался белый террор, жертвами которого пало больше коммунистов, чем в ходе самого восстания.

«Германский Октябрь»

Если в Эстонии была предпринята всего лишь одна попытка организовать революцию, то в Германии они предпринимались неоднократно. Наиболее подробно и точно рассказано о них в книге четырех немецких авторов во главе с Берндом Кауфманом «Разведывательная служба КПГ 1919–1937», изданной в Берлине в 1993 году. Ее мы и будем использовать в дальнейшем изложении.

Внутреннее положение Германии, потерпевшей тяжелейшее поражение в Первой мировой войне, в начале двадцатых годов прошлого века было чрезвычайно сложным. Страну раздирали политические

и классовые противоречия, время от времени перераставшие в настоящие вооруженные столкновения. Как и для России, война для Германии закончилась революцией и падением монархии. 3 ноября 1918 года матросы в Киле подняли восстание, и уже через несколько дней измотанная военными тяготами страна была охвачена революционным пожаром. Рабочие объявляли забастовки, захватывали заводы и шахты, брали штурмом казармы и полицейские участки, освобождали политзаключенных. В охваченных рабочими выступлениями областях по примеру России возникали Советы рабочих и солдатских депутатов. 1 января 1919 года на базе «Союза Спартака» и других леворадикальных групп была основана Коммунистическая партия Германии (далее – КПГ). Новая партия сразу же подняла восстание, однако уже 15 января 1919 года были зверски убиты ее вожди: Карл Либкнехт и Роза Люксембург. К маю 1919 года социалистическая революция была подавлена по всей стране.

14 августа 1919 года вступила в силу новая конституция, принятая Национальным собранием в Веймаре – образовалась так называемая «Веймарская республика». Незадолго до этого, в начале мая 1919 года, в Версале под Парижем был подписан мирный договор – «Версальский мир». Согласно договору территория Германии была урезана примерно на одну восьмую часть, ряд районов оккупирован иностранными войсками. Страна, охваченная экономическим кризисом, должна была выплачивать огромные репарационные платежи. (В январе 1921 года Парижская конференция держав-победительниц установила размер репараций – в 226 млрд золотых марок.) Германии запрещалось иметь армию более ста тысяч человек, производить современное тяжелое вооружение и военную авиацию. Национальное унижение, возмущение кабальными

условиями договора послужили основой для развертывания националистической пропаганды, что впоследствии привело Германию к фашизму, а поражение рабочих в Ноябрьской революции – основой для наступления на права трудящихся, на которое они тут же ответили новыми классовыми боями.

Вплоть до 1925 года Германию сотрясали перманентные революционные выступления, забастовки, стачки и другие выступления трудящихся. И не только трудящихся. В 1920 году была предпринята попытка правого военного переворота, вошедшая в историю под названием «капповского путча», впрочем, не поддержанная практически никем и почти сразу провалившаяся. Инфляция превзошла все мыслимые пределы. Даже у тех, кто имел работу, заработная плата была ниже прожиточного минимума, и экономический кризис продолжал нарастать. В 1923 году положение населения стало катастрофическим. В августе курс золотой марки составлял 1 млн, в сентябре – 23,5 млн, в октябре – 6 млрд, а в ноябре – 522 млрд бумажных марок. Популярный анекдот той эпохи – о старушке, которая везла в банк на тачке свои сбережения, а по пути ее ограбили. Деньги преступники оставили жертве, а тачку забрали себе.

По всей стране начались голодные бунты. Резко возросло влияние коммунистов, которые организовывали политические акции, направленные против взвинчивания цен, укрывательства продовольствия, работали в резко «полевевших» заводских советах. При помощи и под руководством Коминтерна германские коммунисты стали готовиться к вооруженному захвату власти.

Компартия Германии принимала активные меры по защите своих собраний, демонстраций и партийных мероприятий от праворадикальных элементов. В феврале 1923 года была создана партийная Служба

порядка (ОД)^[88]. Этот орган представлял собой зародыш нелегальной военной организации и впоследствии составил ядро военных отрядов КПГ, так называемых «красных сотен». Кроме того, началось усиление коммунистической пропаганды в Рейхсвере и в полиции безопасности.

С целью проведения в жизнь своих революционных планов Политбюро Компартии Германии приняло решение создать при Центре и окружных руководствах военизированные комитеты из трех человек. Под руководством Центра 11 марта 1923 года была образована центральная тройственная комиссия («тройка»). Она вступала в непосредственную связь с Коминтерном^[89]. Летом 1923 года Москва была довольна деятельностью КПГ в сфере «нелегальной работы» и «организации рабочей обороны». В отчете «Комиссии ИККИ по нелегальной работе» говорилось, что «Германская комиссия без постороннего содействия справляется с данной работой... Комиссия по нелегальной работе старается только быть в курсе того, что делается КПГ в этой области»^[90].

Первоначально комиссия КПГ выполняла три главные задачи: организация «пролетарских сотен» в составе единого фронта, образование партизанских групп и подготовка руководящих военных кадров. К 15 мая 1923 года было создано 337 сотен, причем 197 из них в составе единого фронта и 140 – партии. Однако «правые» социал-демократы (СДПГ) отказывались в дальнейшем от образования совместных сотен, которые состояли в основном из членов КПГ, СДПГ и беспартийных рабочих. СДПГ стало создавать свои собственные военные организации – громоздкие, но совершенно пассивные.

11 апреля 1923 года Служба информации руководства КПГ сообщила, что президент Германии Эберт принял решение о роспуске контрольных органов

и «пролетарских сотен» в Шубфахе. 12 мая 1923 года министр внутренних дел Пруссии социал-демократ Зеверинг запретил там «пролетарские сотни». Его примеру последовали правительства почти всех земель, за исключением левых правительств Саксонии и Тюрингии. Однако количество «пролетарских сотен» к 24 июля возросло уже до 730.

Когда летом 1923 года обострилась внутривнутриполитическая ситуация в государстве, руководство КПГ, которое в марте активизировало деятельность своих военизированных «троек», отказалось неспособным компетентно руководить ими. Вооружение «пролетарских сотен» практически не происходило. Что касается руководящих кадров партии, то они так и не начали формироваться. Служба информации КПГ, в свою очередь, не давала никаких сведений, которые могли бы пролить свет на развитие меняющейся политической обстановки в Германии.

8 августа 1923 года, «после возвращения из Москвы» (учеба в Военной академии РККА), Военный отдел КПГ возглавил некто Герхард Шотт («Роберт»). Он сразу же активизировал военно-политическую деятельность немецкой Компартии. Так, по его инициативе началось создание специальной библиотеки. Тематика хранящейся в ней литературы: «военная подготовка, владение оружием, руководство и организация небольших подразделений... подборка специальной литературы (броневики, железные дороги, радиотелеграфная аппаратура и т.д.)». Начался активный сбор различных карт. Так, в распоряжении Военного отдела КПГ имелось несколько комплектов «карт города Берлина со схемами, планами коммуникаций и карт Генерального штаба военных округов страны». Добавьте к этому списку карты дислокации подразделений рейхсвера^[91].

Кто такой Герхард Шотт, настоящее это имя или нет, до сих пор неизвестно. Возможно, это был бывший офицер кайзеровской армии Вольфганг фон Висков.

Действовал ли Герхард Шотт по своей инициативе, с немецкой педантичностью реализуя на практике полученные во время обучения в Военной академии РККА навыки, или выполнял указания Москвы? Он не только руководствовался указаниями, поступавшими из Советской России, но и активно взаимодействовал с направленным в Германию членом ЦК РКП(б) Карлом Радеком, а также другим присланным из Москвы коммунистом – Августом Гуральским («Кляйн»).

Коминтерн планирует восстание в Германии

Ситуация резко изменилась в августе 1923 года, когда Коминтерн и Москва решили «провести в Германии революцию» по российскому образцу. Советское руководство приняло решение о финансировании подготовки восстания КПГ и о поддержке его с помощью направленных в Германию военных и политических советников. Предпринимались шаги для поставок в распоряжение немецких коммунистов партий оружия и продовольствия. Рассматривался даже вопрос о возможности пресечения вмешательства со стороны соседних стран во внутренние дела Германии в случае начала в ней революции. Координацию такого рода мероприятий возложили на специальную комиссию. В ее состав входили: Карл Радек как эксперт по Германии и представитель ИККИ, заместитель председателя Совета народного хозяйства Георгий Леонидович Пятаков, заместитель председателя ВЧК – ГПУ Иосиф Станиславович Уншлихт, народный комиссар труда СССР Василий Васильевич Шмидт и советский полпред в Германии Николай Николаевич Крестинский. Все, кроме

дипломата, были снабжены фальшивыми паспортами и входили в состав секретной миссии, направленной в Германию.

Лица, стоящие у руководства германской Компартии, своевременно информировали обо всех изменениях обстановки в Москву через объединенную резидентуру Разведупра и ИНО ОГПУ, располагавшуюся в советском полпредстве в Берлине и возглавлявшуюся Артуром Сташевским и Брониславом Бортновским. Сопредседатель германской Компартии Генрих Брандлер получил от восьми до десяти инструкций, касающихся постановки чисто военных задач. 24 августа 1923 года в Берлине состоялось совещание представителей центра с секретарями округов и редакторами партийных газет. На нем Генрих Брандлер недвусмысленно заявил, что «в партии необходимо поставить вопрос о подготовке к гражданской войне». Далее он говорил о важности дальнейшего формирования «пролетарских сотен», Службы порядка и совершенствовании курьерской службы. В период массовой пропагандистской работы, рассматриваемой в качестве важнейшей задачи, ставился вопрос об усилении политической работы в рейхсвере, полиции и праворадикальных организациях. Далее Брандлер предлагал ввести институт политических комиссаров и организовать издание журнала «О гражданской войне». Одновременно он указал на необходимость подготовки партии к переходу на нелегальное положение.

28 августа 1923 года Политбюро германской Компартии наряду с сохранившимися диктаторскими полномочиями учредило особый центральный орган – «централе», призванный укрепить руководство по подготовке к восстанию. Его должен был возглавить «революционный военный совет» (далее – РВС), в состав которого вошли два члена ЦК германской Компартии –

Генрих Брандлер и Август Кляйн^[92], а также советский военный специалист комбриг Вольдемар Розе.

Отметим, что двое последних были эмиссарами Москвы. Август Кляйн и Вольдемар Розе специально прибыли из Советской России для организации революции в Германии. Генрих Брандлер в 1918 году был одним из создателей германской Компартии. После поражения восстания в марте 1921 года был арестован и осужден на пять лет. Сумел бежать и до 1923 года работал по линии Коминтерна в Советской России. В 1923 году был командирован в Германию для организации очередного восстания.

Членами РВС были руководители Комиссии по продовольствию (Иван Кац), Комиссии по транспортным средствам и связи (Фриц Геккерт, позднее Эрих Мельхер), Комиссии по политической разведке (советский эмиссар Феликс Вольф, он же Вернер Раков), по снабжению оружием (Вильгельм Пик) и так называемая политическая комиссия, созданная для развала и деморализации противника и политической обработке членов собственных отрядов (Гуго Эберляйн). Организационная работа проводилась Вальтером Ульбрихтом. За финансовые дела отвечал Вильгельм Пик.

Из всех членов РВС особенно интересен Феликс Вольф. Под этим именем скрывался советский военный разведчик Вернер Раков. Он с удивительной легкостью мог выполнить любое задание Москвы. Так, летом 1918 года вместе с Карлом Радеком и Эрнстом Рейтером (будущим бургомистром Западного Берлина в период Берлинского кризиса) под видом освобожденных австрийских пленных он прибывает в Берлин, где участвует в Учредительном съезде Компартии Германии. Именно в этот период он действует по паспорту некого Карла Феликса Вольфа, под именем которого и входит позднее в мировую историю. Участвовал Вольф и в

создании Бременской советской республики. А весной 1919 года его направляют в Кенигсберг, а затем в Гамбург. Здесь до конца 1920 года он является одним из руководителей Северного округа КПГ, одновременно возглавляя советскую военную резидентуру в Северной Германии. Вольф быстро создает сеть агентов, которые внедряются в различные структуры, в том числе в рейхсвер, полицию и другие государственные организации. В 1922 году под именем Владимир Инков он – резидент советской военной разведки в Вене. С 1924 года – резидент во Франции. С августа 1925 года – первый резидент советской военной разведки в США.

В соответствии с планом восстания вся территория Германии была разделена на военные сектора, сначала на пять, а позже и шесть верховных округов^[93]. Позже были созданы три особых округа^[94]. Возглавляли верховные округа комиссии, которые создали по образцу центральных учреждений. Существовали они на постоянной основе. Отряды округов формировались из местного населения. Они должны были готовить и проводить вооруженные выступления на относящихся к ним территориях, а также в тех районах, где были запланированы военные акции. В тех землях, где влияние партии было незначительным^[95], предусматривалось создание партизанских групп.

В сентябре и октябре 1923 года некоторых членов ЦК КПГ на продолжительный срок вызвали в Москву на совещание (совместно с ИККИ) по планированию восстания. Делегацию возглавил Генрих Брандлер. Левое, радикальное крыло партии представляли Рут Фишер, Аркадий Маслов и Пауль Шлехт. Все трое выступали за вооруженное восстание. Их пригласили на совещание с целью усилить давление на Генриха Брандлера и использовать ИККИ для поддержки своего курса. Обсуждая проблемы восстания, левые выступали против сотрудничества с социал-демократами и

требовали действовать в составе народного фронта. Кроме того, они хотели форсировать подготовку к восстанию. По их мнению, следовало объяснять, что непризнанное «рабочее правительство» равнозначно с «диктатурой пролетариата» и производственные советы должны быть заменены.

От имени ИККИ Григорий Зиновьев поддержал эти авантюрные предложения. Он утверждал, что нельзя допустить противоречий «между объективным революционным положением и настроениями масс, с одной стороны, и ориентированным руководством Коммунистической партии, с другой». Зиновьев огласил решение Центрального комитета РКП(б), где говорилось о «необратимом пролетарском перевороте в Германии, который наступит очень скоро»^[96]. Возражая Рут Фишер, Аркадию Маслову и Паулю Шлехту, Григорий Зиновьев заявил Генриху Брандлеру и большинству руководства КПГ, что пока нельзя говорить о революционной ситуации и для обозначения предпосылок к восстанию надо предложить какой-либо более конкретный термин. Члены ЦК КПГ Эрнст Тельман и Хуго Эберляйн указали на то, что восстание подготовлено недостаточно. Зиновьев же говорил о необходимости начать его 9 ноября, то есть в годовщину Ноябрьской революции в Германии. Лица, ответственные за проведение восстания в ЦК КПГ, полагали, что он хочет возложить на трех левых, то есть Пауля Шлехта, Артура Розенберга и Виррата, руководство восстанием. Григорий Зиновьев, очевидно, считал, что таким решением он сможет устранить разногласия.

В течение короткого времени нелегальный аппарат был выбит из колеи из-за положения, в котором оказалась вся Германия. Он убедился в том, что власть в рамках огромной военной операции сначала необходимо захватить и только после этого можно будет разделить. В аппарат было вовлечено примерно 350 платных и

несколько тысяч неоплачиваемых сотрудников. Количество пролетарских сотен возросло к 21 октября до 1331. Кроме того, было создано 300 партизанских групп.

Десять руководящих сотрудников аппарата были советскими гражданами, направленными в Германию Генеральным штабом РККА из Москвы^[97].

О планах Москвы по организации революции в Германии в 1923 году рассказал в своих воспоминаниях советский разведчик Борис Лаго. Он в сентябре 1923 года посетил советское полпредство в Берлине и удостоился достаточно откровенного разговора с руководством. «Не позже как через месяц во всей Германии вспыхнет революция, – объяснили ему. – Начнется она одновременно из Гамбурга и Дрездена. Сигналом послужит крупное вооруженное столкновение на улицах Берлина. Потом оно разольется по всей Германии. Есть полное основание думать, что Франция отправит свои войска для подавления революции. При первом же появлении хотя бы одного французского солдата в Германии – будут ли они отправлены по собственному почину Франции или же по приглашению одной из реакционных групп – Красная Армия, и в частности красная кавалерия, прорвется в Германию. Уже заключено соглашение с Литвой о пропуске советских войск. В случае если Польша заколеблется, она будет раздавлена...»^[98]

Служба подготовки восстания

Информационная служба германской Компартии была одним из важнейших инструментов по организации подготовки и проведения вооруженного восстания. Имея это в виду, КПГ предпринимала дальнейшие шаги по ее укреплению и привлечению к ее работе новых членов^[99]. Отделы информации на местах стали подчиняться

Центру информации (МЦ). Он делился на три подотдела: организационный, занимавшийся сбором сведений, а также контролем за работой руководителей округов и деятельностью окружных организаций; политический (МЦ/П), оценивающий политическую и экономическую информацию, и военный (МЦ/М), постоянно занимающийся оценкой всех материалов военного характера. Кроме того, существовало независимое ведомство – Специальный отдел, обрабатывающий сведения о противнике. Он же должен был заниматься охраной центра^[100].

На место Отто Франке, который, будучи руководителем Центра информации, не проявил себя, назначили Феликса Вольфа. К середине ноября 1923 года новому руководителю удалось улучшить работу Центра информации настолько, что ею оказались охваченными все партийные округа, вплоть до Данцига, Мекленбурга и одного из Рурских, и обеспечено руководство ими^[101].

В дальнейшем предусматривалось создать в Берлине под официальным названием «Республиканский отдел защиты» легальную организацию по борьбе с «праворадикальными предателями, сепаратистами и агентами иностранных государств»^[102].

Создание служб информации в партийных округах привело к новому притоку сведений по актуальным вопросам, а также информации о политических противниках в МЦ. Таким образом, партия сумела более эффективно реагировать на ежедневно меняющиеся политические события.

Осенью 1923 года секретный аппарат германской Компартии имел такую структуру:

Революционный военный совет;

Военный руководитель (ему подчинялись: пролетарские сотни, службы организации порядка (ОД); партизанские группы);

Руководитель отдела информации (ему подчинялись: организационный отдел; защита; паспортный отдел; международные связи; НЦ/П; НЦ/М и группы Т);

Центральный отдел;

Отдел транспорта и связи;

Отдел вооружений;

Отдел снабжения продовольствием;

Революционный комитет при ОБЛ;

Революционный комитет БЛ.

Предсказанное восстание: подготовка продолжается

Первоначально восстание, готовящееся КПГ, исходило из необходимости защиты правительств Саксонии и Тюрингии от нападения реакционных сил Баварии. Такая постановка вопроса, несомненно, приводила к расколу в среде социал-демократов. Однако когда наступление на эти правительства действительно началось, то это несколько изменило позиции правящих кругов СДПГ. И все же социал-демократы левого толка 21 октября 1923 года отказались участвовать в конференции производственных советов в Хемнице, когда зашел разговор о начале генеральной забастовки в защиту правительств Тюрингии и Саксонии. Социал-демократы покинули конференцию, не желая принять предложение представителей КПГ по вопросу о забастовке.

Решение об организации восстания было принято на заседании Берлинского партийного центра 20 октября 1923 года. На этом заседании как представитель Вольдемара Розе принял участие Геллер из отдела М. Однако в отличие от первого последний предложил любым способом остановить предполагаемое вступление рейхсвера в Саксонию. Вольдемар Розе же не был согласен с этим решением и предложил не

торопиться с предложением Геллера, которое он считал преждевременным, основываясь на своей прежней принадлежности к союзу Оберланд в качестве военного советника.

В этой исключительной для КПГ ситуации 20 октября 1923 года Генрих Брандлер нашел мужество выступить против предложения Вольдемара Розе и высказался за то, чтобы отложить начало восстания. Он отдал затем соответствующее распоряжение Берлинскому ЦК партии и таким образом нарушил планы Москвы [\[103\]](#).

Только в Гамбурге началось изолированное от остальной Германии восстание. Дело в том, что курьер не успел доехать до руководителей тамошнего округа и не передал им решение по этому вопросу ЦК КПГ [\[104\]](#). Всех членов КПГ так и не удалось мобилизовать. Несмотря на то что к этому времени в Гамбурге насчитывалось примерно 18 тыс. членов партии, борьба проходила лишь в трех предместьях. На передовом фронте находилось не более 150 коммунистов; примерно 1000 рабочих сооружали баррикады, обеспечивали восставших снаряжением, продовольствием и заботились о раненых. К началу борьбы все вооружение восставших состояло из 35 ружей и нескольких пистолетов. Вот почему в официальном сообщении тех дней утверждалось, что гамбургское восстание являлось «не массовой акцией, а всего лишь путчем». Утверждение левых партий о том, что «сами массы не желали оставаться пассивными», можно рассматривать как явно ошибочное.

Однако и лидер партии Генрих Брандлер, и большинство партийного руководства исходили из того, что если и нужно отсрочить восстание, то лишь на короткий срок. Поэтому ЦК КПГ принял решение 3 ноября 1923 года распустить революционный комитет и по возможности уклониться от вооруженных действий, но в то же время продолжать подготовку к восстанию

всеми возможными силами. Революционный комитет был преобразован в Военную комиссию (М-Комиссию), подчиненную руководству Политбюро^[105]. Во главе окружных комиссий стояли так называемые военные руководители (М-Leitern), которые, в свою очередь, находились в подчинении у «пролетарских сотен» ОД, службы по снабжению оружием и партизанских групп. Руководителем М-комиссии при ЦК был назначен Вольдемар Розе («Гельмут»), его замом стал Отто Штейнбрюк («Фукс»). Таким образом, весь особый аппарат КПГ впервые попал под непосредственное ведение советских представителей. Это положение переменялось лишь в 1926 году^[106].

Служба информации под предводительством Розе была в дальнейшем расширена. Удалось установить ряд новых тайных контактов. Так, из сообщения руководителя службы округа Галле-Мерзебург от января 1924 года следует, что с момента запрета партии, начиная с 23 ноября 1923 года, удалось установить целый ряд новых связей в полиции и рейхсвере, а также в организациях праворадикального толка^[107]. В Лейпциге и Дрездене также возникли доверительные контакты с полицией. В Дрездене удалось использовать в качестве источника информации уполномоченного секретаря Гросса, сотрудника ведомства информации (отдел III E) при министерстве внутренних дел Саксонии. Он передавал КПГ копии приказов и другие документы. К ним относились записи для внутреннего пользования рейхскомиссара по охране общественного порядка (РКО). Политотдел государственного полицейского управления Дрездена позже обнаружил, что коммунисты своевременно узнавали о тех мерах, которые касались их нелегальной деятельности и службы наблюдения за ними.

Новые каналы связи открылись и в самом Берлине. С их помощью поступала прежде всего информация о

деятельности Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и полицей-президиума. Из этих источников можно было извлекать ценнейшую информацию о запланированных полицией акциях. Поступали сведения и из тех полицейских учреждений, на которые были возложены обязанности действовать против КПГ. Таким образом, у ЦК партии появилась возможность информировать уже с 31 октября 1923 года руководство округов о запланированном проведении арестов ответственных работников КПГ и профсоюзов. Решение об этом было принято на совещании, проводимом министром юстиции Радбрухом (СПГ) с высшими государственными служащими и руководителями земель в ночь с 30 на 31 октября 1923 года. В руки КПГ попали также распоряжения РКО по ужесточению мер против Компартии.

Особое значение для политической деятельности КПГ в нелегальных условиях имели полученные документы об организации командованием рейхсвера IV политических отделов для упорядочения деятельности сотрудников полиции. Служба информации получила также брошюру, изданную еще 20 декабря 1919 года, о новых правилах работы информационной службы Саксонии, которую обязывали выполнять все служебные распоряжения полиции во время внутренних беспорядков. Ей также было передано закрытое издание «Действия охранной полиции в местах, где происходят мятежи». В дальнейшем Служба информации узнала о приказе берлинского полицей-президента, в котором содержалась инструкция о тактических действиях полиции во время демонстраций, а также получила записки, в которых давалась оценка гамбургского восстания берлинской полицией. Значительно улучшилась деятельность информационной службы по оценке получаемой информации, к тому же расширился и ее приток. Политические и военные отделы центра к

январю 1924 года добились организации постоянного сбора информации, предназначенной для руководящего состава партии.

Подготовка сведений по текущему положению осуществлялась, впрочем, не только Службой информации, но и другими отделами М-Комиссии. Так, отдел транспорта и связи должен был в случае вооруженного восстания поднимать боевой дух восставших, а также заботиться об их передвижении связи и своевременном получении информации по состоянию дел в стране. В его задачу входило проведение саботажа против лиц, осуществляющих антикоммунистические акции, и препятствие такого рода мерам противника. Его распоряжения, таким образом, касались не только обеспечения транспортом, но и снабжения восставших необходимой информацией. Уже установленные связи позволяли получать новые ценные сведения. Отдел Е должен был обеспечивать любые нужды восставших и своевременно получать сообщения из центрального ведомства, касающиеся снабжения продуктами питания, состояния запасов и положения в сельскохозяйственном производстве.

Служба информации и Отдел по дезорганизации противника (ЦЕР) тесно сотрудничали. Им вменялись обязанности вербовки сотрудников рейхсвера и полиции, а также политико-моральное разложение их вспомогательных отрядов. Причем и рейхсвер и полиция являлись важнейшими объектами внимания Службы информации. Оба отдела работали с засекреченными связными, причем сотрудничество с ними своевременно регулировалось особыми распоряжениями ^[108].

В конце октября – начале ноября 1923 года Центр информации отдал военному отделу КПГ распоряжение о создании так называемых Т-групп (исполнительных органов). Им не ставилось каких-либо ближайших задач, но с началом восстания они должны были избавляться

от особо опасных лиц, выступавших на стороне противника. Часть этих групп обеспечивалась необходимым количеством взрывчатых веществ. Таким образом, КПГ оказалась в опасной близости к террористическим объединениям.

Такие меры требовали специальных распоряжений центра, находившегося в большой степени под влиянием леворадикальных и путчистских элементов в берлинской и гамбургской партийных оппозициях. Центр с начала ноября старался не предпринимать особо опасных действий, но не отказывался от вооруженного противостояния. Так, в политическом обзоре № 2 от начала января 1924 года было сказано: «Любая попытка полиции разогнать наши демонстрации должна весьма решительно отражаться с активным применением оружия». Центр призывал к «проведению массовых демонстраций с целью перехода в кратчайший срок к уличным боям».

Не в меньшей степени в задачи Т-групп входило исключение из собственных рядов ненадежных людей и предателей. Акции пресловутых лиц из группы Т составили им довольно мрачную славу. В 1925 году члены Т-групп за убийство одного из провокаторов и за большое количество подготовленных совместно с Розе терактов на так называемом процессе против Германской ЧК были приговорены государственным судом в Лейпциге к различным срокам отбытия наказания.

23 ноября 1923 года Центр отдал распоряжение организовать помимо «стационарной» еще и службу фронтовой информации (СНД), в задачу которой входила организация единых повстанческих отрядов. Кроме того, ей вменялось в обязанность по возможности узнавать о вооружениях, дислоцировании, состоянии отрядов противника и отслеживать в них моральный климат. Были предусмотрены опросы пленных и перебежчиков,

определение ценности попавших в руки СНД документов, проведение военной и политической рекогносцировки и внедрение агентов к противнику. Но, как ни странно, это распоряжение осталось лишь на бумаге и скорее всего вообще не было реализовано. Во всяком случае, оно свидетельствует о том, что Служба информации КПГ строилась строго по советскому образцу.

Вынужденное отступление

С декабря 1923 года активность КПГ и ее информационной службы в подготовке к восстанию стала заметно снижаться. Однако это не привело Москву к расставанию с эйфорическими представлениями о проведении восстания. Отступление представлялось лишь делом случая. Об этом свидетельствует заключительная резолюция ИККИ от 19 января 1924 года «Уроки германских событий». В ней КПГ вновь утверждала, что «вопрос о восстании и захвате власти пока не стоит на повестке дня». «Вооружение рабочего класса и подготовка к решающей борьбе» должны были продолжаться «со всей твердостью». Политическая обстановка требовала соответствующих действий. Особенно это касалось возврата к прежнему, неуклюжему курсу конфронтации в отношении СДПГ. Леворадикальное крыло КПГ продолжало весьма неудачно проводить систематическую работу по ликвидации внутрипартийных разногласий, которые в те годы все еще продолжали оказывать массовое влияние на членов КПГ. Количество и персональный состав пролетарских сотен заметно сокращались^[109]. Их цели могли быть теперь реализованы лишь с очень большими усилиями, поскольку необходимо было привлечь в ОД по крайней мере 25 процентов членов партии.

Руководители отделов М в основном оказались «полководцами без армии».

Расстроенное финансовое положение вынудило КПГ начиная с декабря 1923 года перейти к характерным для нее ограничениям. Предоставленный советским полпредством в Берлине на нужды подготовки восстания особый фонд вскоре был исчерпан. Правда, после этого появились новые средства, которые приходилось расходовать весьма экономно, если вообще это следовало делать. Несмотря на все протесты В. Розе, пришлось пойти на некоторые финансовые ограничения и в М-аппарате. Примерно в середине декабря 1923 года центральная комиссия М, ссылаясь на свои источники, провела основательную проверку всего личного состава и вынуждена была прекратить оплату вознаграждения ее членам. Отдел Е был полностью распущен, и снабжение оружием прекращено. 22 декабря 1923 года Центр информации издал распоряжение о необходимости «проявить внимание к изменившемуся положению дел». Это касалось роспуска службы информации и уничтожения всех ее документов. Отдел транспорта и связи существенно сократил свой состав в январе 1924 года, но возобновил работу 28 февраля 1924 года. Таким же образом поступили и с отделом ЦЕР. Он вновь начал действовать в январе 1924 года.

После реорганизации остались лишь отделы: военный, информации и дезорганизации противника, а также редакция военно-политического журнала «О гражданской войне». В октябре 1925 года этот журнал активизировал свою работу одновременно с роспуском остатков ОД.

«Рука Москвы»

В августе – сентябре 1923 года в Берлин из Москвы была направлена «группа товарищей» из Разведупра.

Так, для помощи немецким коммунистам в числе других приехал «главный разведчик – спецназовец Разведупра», старый боевик Христофор Салнынь. Он занимался созданием отрядов нелегальной боевой организации КПГ в Тюрингии и оборудованием тайных складов с оружием. Вольдемар Розе стал организатором «немецкой ЧК» и «немецкой Красной Армии». Вместе с Артуром Сташевским («Гиршфельдом») он разработал план проведения восстаний в промышленных центрах Германии. Семен Фирин, находившийся в Германии под фамилией М. Петров и «прикрытием» военного агента полпредства СССР, организовал на советские деньги закупку оружия, якобы для Красной Армии, а на самом деле предназначавшегося для восставших. Узнав об этом, германские власти потребовали его выдворения из страны, и в начале 1924 года он был отозван из Берлина.

Советские инструктора располагались открыто, без конспирации – в здании советского представительства в Берлине. Их группа была известна как «аппарат на Унтер-дер-Линден», или как «группа Алоиза». «Алоизом» называли в Германии еще одного видного деятеля Коминтерна и Разведупра Стефана Жбиковского.

Ближайшими помощниками Стефана Жбиковского в Германии были латыш Август Гайлис и финн Тууре Лехен, зять одного из организаторов Компартии Финляндии, видного деятеля Коминтерна Отто Куусинена. Как известно, из германской авантюры ничего не вышло, однако следствием серьезной работы Коминтерна в этой стране стало создание мощного нелегального Военного аппарата Компартии Германии (М-аппарат) [\[110\]](#).

Этот аппарат был создан в 1923 году под руководством уже упоминавшегося Стефана Жбиковского и его помощников. Он включал в себя пять отделов («рессортов»): обучения, вооружения, разведки, абвера (фактически политической разведки и

контрразведки) и подрывной работы. Это была серьезная организация, бюджет которой составлял 15 тыс. долл. в месяц; только освобожденных работников в ней насчитывалось 90 человек. Военный аппарат имел 11 нелегальных школ и курсов, издавал тиражом 15 тыс. экземпляров подпольный журнал под достаточно выразительным названием «К гражданской войне», руководил 18 лабораториями и мастерскими по производству вооружения. Вся Германия была разбита на несколько крупных округов, те, в свою очередь, на области, области на районы и т.д. Ту же структуру имела молодежная организация. Руководителем Военного аппарата был первоначально комдив РККА Вольдемар Розе, затем, после его ареста немецкими властями в начале 1924 года, военный разведчик Семен Фирин, затем Стефан Жбиковский и некто «Оскар», с апреля 1925 года прошедший обучение в СССР сотрудник Разведупра Ганс Киппенбергер. Разведкой руководил Феликс Вольф (Вернер Раков).

Непосредственно с работой Военного аппарата КПГ был связан разразившийся в начале 1925 года громкий скандал, серьезно подорвавший авторитет германской Компартии. Речь идет о так называемом «деле ЧК», одним из главных фигурантов которого был советский военный разведчик Вольдемар Розе.

В 1923 году при подготовке «германского Красного Октября» Розе был главным военным советником при Военном аппарате КПГ. Тогда же при этом аппарате была сформирована специальная группа, так называемая «германская ЧК». По одним данным, она была создана по инициативе самого Розе, по другим, его убедил ее создать будущий руководитель группы Феликс Нейман. После поражения восстания первый не вернулся в СССР, продолжал работу в Германии, при этом жил в Польше на территории советского посольства.

В мае 1924 года был арестован Феликс Нейман. При аресте у него нашли адрес одной из конспиративных квартир, на которой полиция и арестовала Розе. Кроме них, были задержаны еще 14 членов «германского ЧК». Вскоре Нейман, тяжело больной человек, стал давать показания. Согласно им, «террористические группы под руководством Скоблевского (Розе. – *Прим. авт.*) должны были устранять всех лиц, которые были известны как враги коммунистов». «Готовилось убийство генерала фон Секта^[111], уничтожение Штиннеса, вюртембергского министра внутренних дел Больца, промышленника Борзига, криминаль-вахтмейстера Шлотера, оружейного фабриканта в Тюрингии, который обманул коммунистов, и 19-летней предательницы... Феликс Нейман, который руководил террористической группой, получил от Скоблевского поручение прикончить шпиона Рауша». Правда, планы группы были реализованы только в отношении Рауша, которого Нейман застрелил собственноручно. Следующим на очереди был генерал фон Сект, однако покушение на него не состоялось. Кроме того, Нейман показал на суде, что группа намеревалась использовать бактериологическое оружие. Им удалось достать бациллы холеры, тифа и дизентерии, которые затем были переданы одному из членов группы, Мерцису.

На суде трое обвиняемых – Скоблевский, Мерцис и Нейман – были приговорены к смертной казни, замененной тюремным заключением, остальные – к длительным срокам заключения.

Закончилась же история с процессом весьма своеобразно. В июне 1925 года в Москве были арестованы немецкие студенты – Карл Киндерман, Теодор Вольшт и Максим фон Дитмар. Они были обвинены в шпионаже и подготовке террористических актов. Все трое были приговорены судом к смертной казни, которую затем заменили тюремным заключением.

Таким образом, руководство СССР дало понять, что не остановится перед тем, чтобы брать в заложники находившихся в России немецких граждан. Ситуация обострилась настолько, что стоял даже вопрос о прекращении военного сотрудничества между Германией и СССР.

Однако германское правительство решило, что дружественные отношения с Советской Россией важнее политических демаршей. 20 августа 1926 года президент П. Гинденбург подписал указ о помиловании Розе. В сентябре 14 осужденных в СССР немцев были обменены на четырех советских граждан. Розе вернулся в СССР, был награжден вторым орденом Красного Знамени. Однако больше к разведывательной работе он не привлекался^[112].

Интересные подробности деятельности Феликса Неймана и «германского ЧК» можно узнать, прочтя текст доклада секретаря военной комиссии ЦК КПГ Вильгельма Кресса. Документ датирован 13 мая 1924 года. Прочитируем его полностью:

«Организована террористическая группа ГКП Феликсом Нейманом в ноябре или начале декабря. Относительно решения, вызвавшего организацию, я не совсем осведомлен, т[ак] к[ак] в середине декабря, когда я принял секретариат Воен[ной] Комиссии, она уже работала, и я до времени не занимался ей, полагая, что она не является частью воен[ной] организации. Однако я скоро узнал от разных не причастных к делу товарищей о задачах, возложенных на Феликса Неймана, а вскоре и он сам посвятил меня в свою работу, хотя я его никоим образом о том не спрашивал. По моему мнению, организация террористической группы произведена не без ведома ЦК, и тов[арищи] Брандлер и Гельмут (советский военный разведчик В. Розе. – *Прим. авт.*) являлись только лицами, обсуждавшими и поручавшими ей конкретные задания с согласия ЦК. Это

мнение опирается главным образом на то, что и после устранения т[оварища] Брандлера от председательства, при совещаниях с руководящими тогда товарищами] Ульбрихтом^[113] и Штекером^[114] обсуждались вопросы террористической группы, а в деле Секта, по моим данным, весь пленум ЦК голосовал за или против проведения плана. Дальнейшим доказательством согласия партии приведу одну директиву военного центра, разосланную только после осведомления и утверждения ЦК; в ней сообщалось областным военным управлениям, что разоблаченные шпики должны нами устраняться и округам воспрещается самостоятельно принимать меры против таких элементов ранее получения разрешения от нас. Из заседаний, на которых обсуждались дела террористической группы и устранения шпиков, я определенно помню одно: в ресторане Тухера у вокзала Уландштрассе, с участием Штекера, Ульбрихта и Дитриха. Другое – в квартире на Сольмштрассе, с участием Штекера и Ульбрихта, и третье – в квартире на Лихенерштрассе, в котором участвовали Ульбрихт, Штекер и тов[арищ] Феликс Вольф (советский военный разведчик Вернер Ракав. – *Прим. авт.*), на котором было определенно подтверждено, что устранение шпиков является задачей воен[ной] организации, при которой и создан соответствующий орган, а отдел разведки никакого отношения к этому делу не имеет.

Что касается самой террористической группы и особенно ее организатора, Феликса Неймана, то, как мне удалось установить, Нейман был взят товарищем Брандлером из имперской типографии, где он до того работал, и назначен на должность секретаря ЦК. Вскоре он стал секретарем Клейне и после того секретарем Ревкома. В качестве последнего он принял на работу в центральный военный аппарат Эриха Пеге из Лейпцига, как кажется, на основе старого знакомства. (Личная

политика Неймана вообще имела сомнительный характер, т[ак] к[ак] он почти всех людей для этого аппарата извлекал из круга своих личных знакомых, нисколько не пытаясь обсуждать назначения с надлежащими партийными товарищами).

В октябре он отправил Пеге в качестве адъютанта Нейбауэра^[115] в Веймар; после увольнения Пеге был некоторое время в Лейпциге, а в дни организации террористической группы был снова вызван Нейманом в Берлин. Задачи, поставленные Гельмутом террористической группе, но, как указано выше, в согласии с ЦК, были следующие: 1 – Сект; 2 – Рауш, 3 – Ветцель в Штутгарте. Других заданий, кроме установления местожительства и деятельности некоей Аннелизы Гербер, исключенной из КС молодежи за шпионство, Нейман не получал. Первое и последнее задания вообще были даны под условием принятия окончательного решения на основании произведенного обследования; в обоих случаях окончательное решение было отрицательное. Задание на устранение Рауша было дано после того, как было определено установлено, что он является оплачиваемым и по роду своей прежней партийной работы (сотрудник Берлинского аппарата по заготовке оружия, временно имперский курьер) чрезвычайно опасным полицейским шпином; основания для этого заключения: сводки Берлинского аппарата по заготовке оружия, развед. отдела, сведения из областей (в Ганновере он хотел выдать полиции покушавшегося на здание правительства). Установлено, что провал 3-4 складов оружия в Берлине является следствием его работы.

Дело же Ветцеля еще ясней, т[ак] к[ак] о нем неопровержимо доказано, что он получал от полиции 100 марок золотом в неделю и действительно выдал ей целый ряд товарищей. В заключение я хотел бы сказать, что, по моему мнению, организована была

террористическая группа по инициативе тов[арищей] Гельмута и Брандлера, ЦК был согласен с ее организацией и что после отказа от выполнения первого задания тов[арищ] Гельмут принял решение распустить террористическую группу, что явствует из письменного сообщения Феликсу Нейману, продиктованного мной по поручению Гельмута, в котором Нейман освобождался от всех заданий и вообще от работы. В том же смысле гласит и разъяснение, сделанное Феликсу Нейману, что он в дальнейшем не может располагать средствами на содержание аппарата. Это решение было аннулировано только после совещания с товарищем Брандлером, при котором, насколько мне известно, случайно присутствовал Феликс Нейман и во время которого дело дошло до кулачного нападения со стороны Неймана на Гельмута»^[116].

В Москве пришлось давать показания по делу «германского ЧК» не только функционерам КПГ^[117], но и руководству советской военной разведки. Процитируем доклад заместителя начальника Разведупра И. Уншлихта в ИККИ:

«Вопрос об отзыве и снятии руководителя М-аппарата в Германии тов[арища] «Володьки» (Вольфа)^[118] Международной Комиссией^[119] был решен уже в средних числах февраля месяца текущего года. Одновременно с этим соответствующее письменное приказание 16/II мною было послано товарищу, поддерживающему связь с ЦК ГКГР. 20/II мною были посланы официальные письма по этому же поводу на имя тов[арища] Клейна (Август Кляйн-Гуральский, член ЦК КПГ. – *Прим. авт.*) и самого «Володьки». Так как приезд «Володьки» по неизвестным мне причинам задерживался, я 11/III вновь телеграммой напомнил о необходимости немедленного снятия т[оварища] «Володьки» и откомандирования в Москву. Кроме того, мною через тов[арища] Бронекса^[120] 19.III, 25.III и 26.III в

категорической форме предлагалось немедленно выслать «Володьку» в Москву. Все вышеуказанные мои предложения не были исполнены, несмотря на то что времени для приезда «Володьки» (до провала) было более чем достаточно (почти 2 месяца).

Тов[арищ] Бронек, через которого я вел переписку по делам воен[ного] бюро, мне писал, что отправка «Володьки» в Москву задерживается ЦК КПГ, который, подчиняясь решению о снятии, все же хочет «Володьку», как хорошего работника, оставить для другой работы в Германии. Это упорное нежелание ЦК КПГ возвратить «Володьку» в Москву и привело его к провалу, ответственность за который целиком должна быть возложена на ЦК КПГ.

Что касается дела, в связи с которым был арестован «Володька», то оно заключается в следующем.

Помимо существующей партизанской организации, имеющей свои ударные боевые группы, тов[арищем] «Володькой» была с ведома и согласия ЦК КПГ организована своя террористическая группа. Целью этой группы, как впоследствии выяснилось, было уничтожение некоторых враждебных партии политических деятелей (ген[ерала] Секта, Ценфундта, Ветцеля и др.) и также провокаторов. Подготавливаемые покушения на Секта и некоторых других, как видно из переписки, окончились ничем. Группой было совершено всего лишь одно покушение на предполагаемого провокатора – некоего Рауша, который был ранен, но не убит. После этого группе было дано новое задание, и она почему-то на партийном автомобиле, без сомнения известном полиции, была направлена в Штутгарт, где один из группы в пьяном виде был арестован в ресторане, а затем по его указанию и другие. После провала этой группы и начавшихся других провалов, что было известно «Володьке», явки, известные отдельным

членам группы, однако, не были отменены и на одной из таких явок «Володька» и был арестован.

Подготовка террористических актов против Секта и других, а также покушение на Рауша было произведено с ведома если не всего ЦК КПГ, то, во всяком случае, с ведома отдельных его членов. Об этом свидетельствуют показания тов[арища] Фреда (Стерна)^[121].

Боясь увлечений террористическими актами со стороны ЦК КПГ, я в свое время при создании партийной организации не подчинил таковую военному руководителю и распорядился без моего ведома никаких актов не предпринимать. Тов[арищ] Степанов, которому была подчинена партизанская организация, все время отрицательно относился к террористическим актам и отказывался их исполнять. Я же в бытность тов[арища] П. в Москве ему в категорической форме указал на недопустимость террористических актов и просил не санкционировать таких дел, если вопрос о них кем-либо будет поднят. Очевидно, в связи с этим организация террористических актов со стороны «Володьки» конспирировалась от Москвы. Ни в одном из докладов тов[арища] «Володьки» террористическая группа не упоминается. Не знал о ее создании также руководитель партизанской организации тов[арищ] Степанов (советский военный разведчик Артур Сташевский. – *Прим. авт.*). Подбор членов группы, как теперь выясняется, был недостаточно серьезен, а отдельные члены недостаточно проверены.

В данное время существует предположение, что один из членов группы с самого начала ее создания состоял одновременно и в нац[ионал-]фашистской организации.

Как видно из прилагаемой сводки материалов по делу «Володьки», арестованные члены группы Нейман, Пеге, Кениг и Сон рассказывают все, что знали о деятельности и связях военной организации, а также

предают всех известных им деятелей. По их показаниям устанавливается связь военной организации с миссией и получение оттуда денег, хотя конкретных данных об этом в деле не имеется. Из всего материала видно, что конспирация в работе военного центра почти что отсутствует и руководители воен[ной] организации, в том числе и представитель ЦК ГКП, относились к делу весьма легкомысленно.

Докладывая об изложенном, я хочу подчеркнуть, что создание террористической группы и попытка организовать террористические акты против Секта и др[угих] произошли по инициативе «Володьки» с ведома и согласия ЦК ГКП, не считаясь с диаметрально противоположными директивами с нашей стороны...

2) что о существовании группы и ее целях, а также организуемых террористических актах тов[арищ] «Володька» мне ничего не сообщал и я об этом узнал лишь после провала;

3) что, несмотря на мои многократные и категорические требования об откомандировании «Володьки» в Россию, таковое по воле ЦК ГКП не состоялось;

4) что ответственность как за создание террористической группы, организацию отдельных актов и, наконец, за провал группы, а также «Володьки», целиком падает на ЦК ГКП, под непосредственным руководством и наблюдением одного из членов коего работал «Володька» и его аппарат»[\[122\]](#).

«Пятая колонна» в германской промышленности

В конце двадцатых годов прошлого века в германской промышленности наблюдалась очень опасная для обороноспособности страны ситуация. В постепенно возрождающемся военно-промышленном

комплексе Германии трудилось огромное количество немецких коммунистов, готовых выполнить любой приказ своей партии. А она, как мы писали выше, старалась четко выполнять все указания Москвы. Если бы Иосиф Сталин решил по какой-либо причине парализовать деятельность промышленности Германии, то выполнить приказ вождя в тот период было бы достаточно просто. Серия диверсий и забастовок, организованных германской Компартией под руководством советских военных инструкторов, наглядно бы продемонстрировала, кто в доме хозяин.

Затруднения, испытываемые КПГ, рост промышленного производства в стране вынуждали переносить на предприятия острие политических действий и перестраивать местные организации с уличных ячеек на производственные, переключая массы на энергичное сопротивление предпринимателям. Прежде всего это касалось предприятий тяжелой промышленности и средних производств. На рабочих местах следовало повышать активность КПГ, обеспечивая приток коммунистов на предприятия. При этом новые ячейки нуждались в организации охранных постов на производстве и вне его. На них возлагались задачи защиты от правосудия и руководства коммерческих предприятий.

В то же время промышленники оказывали КПГ активное сопротивление. Так, например, уже в конце 1923-го – начале 1924 года в Рейнско-Вестфальском промышленном районе, чтобы противостоять влиянию профсоюза горняков и угольного синдиката Эссена, была организована охрана на производствах ГмбХ и в цехах. Кроме того, образован «Центр обороны против коммунистов». В его задачи входила организация в противовес коммунистам «белых производственных ячеек».

В начале 1925 года была создана центральная комиссия. Помимо сотрудников цеховой охраны ГмбХ и доверенных лиц в нее вошли представители угольного синдиката, концерна «Сименс», алюминиевой и химических фабрик, объединения работодателей, промышленного союза, лиги по защите немецкой культуры, «вервольфа», Ордена молодежи Германии, «Стального шлема», РКО и рейхсвера. Смысл и цели этой комиссии состояли в координации действий, направленных против проникновения людей КПГ на предприятия, и усилении там государственных объединений.

Служба информации КПГ получала сигналы о том, что представители охраны на предприятиях внедрялись непосредственно в руководство КПГ. Поступали сведения о том, что на государственном угольном предприятии «Болен» охрана получила распоряжение обеспечивать защиту своих сотрудников и ликвидировать ячейки КПГ не только непосредственно на заводах, но и вне их. В свою очередь, члены КПГ и им сочувствующие вели активную работу среди работников предприятия. На производстве набирали силу коммунистические функционеры, обеспечивалась защита партийных собраний, совещаний и других подобных мероприятий, проводимых КПГ. На других предприятиях также создавались соответствующие органы охраны, действующие совместно с активистами из среды рабочего класса. У «Сименса» эти задачи выполнял социально-политический отдел, в АЭГ – производственно-охранное объединение. В противовес им предприниматели набирали охранников преимущественно из вышедших на пенсию сотрудников полиции и офицеров рейхсвера, которые, внедряясь в государственные системы, стремились налаживать их контакты с представителями промышленников (Рано) [\[123\]](#). Искали возможность посредничества и через

другие подобные организации. В дальнейшем на предприятиях появилось большое число частных (или замаскированных под них) рабочих посреднических объединений, куда входили в первую очередь сами охранники.

Частные сыскные бюро, служащие уголовной полиции, бизнесмены и бывшие офицеры секретной службы также включались в охранную деятельность. Они избавляли предпринимателей от чувства страха перед коммунистами, создавая для них основу нормальной деятельности.

После прихода к власти Адольфа Гитлера и милитаризации германской экономики активная деятельность коммунистических организаций на предприятиях промышленности ослабла, но не прекратилась. Так, в 1941 году берлинская организация КПГ имела свои группы на всех крупных военных предприятиях (свыше 60); число их членов превышало тысячу человек. Время от времени проводились совещания руководителей групп, которые маскировались под массовый выезд «на природу».

Были ли у них связи с советской военной разведкой? Ответить на этот вопрос однозначно сложно. Так, в июне 1940 года в Германию на рыбацкой лодке нелегально прибыл уполномоченный ЦК КПГ Р. Хальмеер. Он окончил Ленинскую школу в Москве, а затем работал в Чехословакии. Неясно, выполнял ли он только задания Коминтерна или еще и Разведупра. Следом за Р. Хальмеером в Берлин прибыл Г. Хенке («Свен»). Судьба их сложилась по-разному. Р. Хальмеер был арестован 24 августа 1940 года. Г. Хенке вернулся в Швецию, где был арестован через какое-то время местной полицией. 21 августа 1940 года в Берлин прибыл еще один эмиссар – А. Эммерлих^[124]. Его арестовали в мае 1941 года.

Деятельность ячеек германской Компартии на предприятиях можно условно разделить на два

направления. Первое – партийное (агитация, выпуск листовок и т.п.). Второе – военное. Мало кто знает, но уже в 1940 году на немецких военных предприятиях были зафиксированы первые серьезные случаи саботажа. Разумеется, происходили они и раньше, но до 1940 года носили единичный характер.

Так, в 1940 году один из руководителей берлинских коммунистов Роберт Уриг работал на военном предприятии фирмы «Геттварт». Вместе с другими антифашистами «сделал все, чтобы не допустить в серию запуска пулемета нового образца: результаты пробных стрельб оказались неудовлетворительными». Другой пример. «На заводе машин и арматуры в Берлине кузнец Ф. Краузе неправильной закалкой добивался брака изготавливавшихся здесь вентилях, что обнаруживалось большей частью уже после завершения обработки изделий».

Также антифашисты начали передавать в Советский Союз «информацию о новых видах оружия». Так, упоминавшийся выше Роберт Уриг «весной 1941 года добыл чертеж модернизированного пулеметного замка, которое осваивало предприятие, где он работал»^[125].

Если решение о проведении акций саботажа руководство германской Компартии могло принять самостоятельно, то приказ о сборе информации о новых видах вооружения мог исходить только от Разведупра.

Добычей военных секретов и акциями саботажа занимались одни и те же люди. А их руководители встречались с названными выше эмиссарами, которые прибыли из Советского Союза. С другой стороны, вся добытая антифашистами информация также попадала в Москву.

Если мы посмотрим, что происходило после июня 1941 года, когда вся агентура советской разведки на территории Германии осталась без связи с Центром, то мы увидим очень интересную картину. Москва перестала

получать информацию от своих информаторов – работников ВПК, но случаи саботажа продолжались.

«На заводе фирмы Клекнер-Гумбольт в Кельне саботаж проводила ремонтная бригада высококвалифицированных рабочих, возглавляемых коммунистом Э. Брикнером. Помимо затягивания ремонта, они создавали трудноуловимые изменения в машинах, отличающихся высокой точностью, результатом чего был брак.

На кельнском машиностроительном заводе фирмы Квестер, выпускающем гранаты, где уже с 1942 года работали преимущественно немногие кадровые рабочие, являвшиеся наладчиками, вели дело так, что брак обнаруживался в момент принятия продукции уполномоченными Вермахта. Из-за этого предприятие было в конце концов закрыто, хотя «виновных» выявить так и не удалось»^[126].

К 1942 году немецкой контрразведке удалось ликвидировать почти все агентурные группы советской военной разведки, которые действовали на территории Германии в первые годы Второй мировой войны. Об этом в современной отечественной литературе рассказано достаточно подробно, поэтому мы не будем останавливаться на этой теме. Отметим лишь, что частично была разрушена и инфраструктура германской Компартии в промышленности. Она возродилась только к 1943 году. Произошло это так. Руководитель организации движения Сопротивления в Берлине Антон Зефков^[127] вместе с Францем Якобом и Бернардом Бестлейном объединил группы, оставшиеся после провала подпольной группы Роберта Уриха в 1942 году, и большое число нелегальных ячеек и групп сопротивления, возникших самостоятельно. Зефков создал ячейки на 30 берлинских предприятиях и возобновил связи с другими крупными центрами страны: Гамбургом, Лейпцигом, Дрезденом, Магдебургом.

В 1944 году группа Зефкова - Якоба - Бестлейна была разгромлена. Согласно приговору трибунала:

«В 1941 году Якоб и Бестлейн установили в Гамбурге связь с бывшими руководящими работниками Компартии и другими антифашистами. Они решили создать в Гамбурге, в первую очередь на крупнейших предприятиях города, целый ряд антифашистских организаций и групп. Якоб и Бестлейн приняли на себя руководство ими. Созданные ими организации развернули активную деятельность. Вербовались новые члены, назначались функционеры, проводилось систематическое обучение кадров. Организаторы этих групп ставили своей целью ослабление военной промышленности (!), подрывную работу на фронте и в тылу в целях скорейшего заключения мира (!) и в конечном счете стремились поднять массы на революционное свержение национал-социалистского строя. В результате вмешательства гестапо в октябре 1942 года эта деятельность была прервана. В то время как Францу Якобу удалось бежать из Гамбурга, Бестлейн был снова арестован.

Якоб переехал в Берлин, где установил связь с Антоном Зефковым. Зефков тем временем налаживал в Берлине связи в целях борьбы против национал-социалистского государства. Оба они пришли к выводу, что после Сталинграда Германия уже не может выиграть войну, и приняли решение сделать со своей стороны все возможное, чтобы ускорить поражение Третьего рейха и установление мира. При этом предусматривались следующие мероприятия:

1. Создание на крупных берлинских предприятиях, и прежде всего на военных заводах, групп сопротивления или выделения своих уполномоченных.
2. Выделение подходящих функционеров, которые прежде всего должны возглавить подпольные группы.

3. Организация групп сопротивления среди солдат на фронте и в тылу, пересылка пропагандистского материала на фронт через полевую почту.

4. Создание специальной организации, которая должна была собирать информацию для находящихся на нелегальном положении антифашистов, а также снабжать их оружием и документами.

5. Составление и распространение пропагандистских материалов.

6. Установление связей с подпольщиками вне пределов столицы рейха.

7. Установление связей с другими коммунистическими группами сопротивления, точно так же как и с социал-демократическими, а также с антифашистски настроенными представителями буржуазии, артистами и другими лицами.

Целью этой работы было использование всех экономических и других трудностей, возникших в стране в ходе войны, и применение любых форм антифашистского движения Сопротивления для скорейшего окончания войны и свержения гитлеровского правительства».

Организации Антона Зефкова удалось создать в Берлине подпольные группы более чем на 30 крупнейших предприятиях, в том числе на таких важных предприятиях, как «Эрих и Грец», «Осрам», «Хассе унд Вреде», «Телефункен», «Аскания», «Сименс», машиностроительный завод Виттенауэра, авиазаводы Хейнкеля в Ораниенбурге, «Аргус-Моторен», «Алькетт», машиностроительные заводы Велтенера, «Тегелер Газверке» и заводы «АЭГ» в Вейсензее. Кроме того, были установлены связи со служащими интендантства военно-воздушных сил, Министерства военной промышленности, а также главного командования сухопутных войск. Удалось наладить связь также и с политическими заключенными концлагеря

Саксенхаузен, где, как и в других концлагерях, существовали подпольные организации.

Однако деятельность организации Антона Зефкова, от которой исходила инициатива создания внутри страны национального комитета «Свободная Германия», не ограничивалась пределами Большого Берлина. Из Берлина тянулись прямые нити к подпольным группам Вассерканте, Средней Германии, Рурской области; были возобновлены связи с подпольщиками Тироля, налаженные еще группой Уриха. Наибольшее значение имело сотрудничество организации Антона Зефкова с подпольщиками Тюрингии и Саксонии; при этом каждая из групп, связанных с организацией Антона Зефкова, в свою очередь, поддерживала связи с подпольщиками различных районов Германии^[128].

Несмотря на то что к власти в Германии в конечном итоге пришел Адольф Гитлер, а не Эрнст Тельман или кто-то еще из лидеров КПГ, Разведупр все же выиграл. На протяжении двадцатых-тридцатых годов прошлого века советская военная разведка активно использовала ресурсы германской Компартии для добычи секретной информации. С Австрией получилось все значительно хуже. После неудачной попытки революции в феврале 1934 года большинство местных социал-демократов и коммунистов были вынуждены бежать из страны. Многие из них потом воевали в Испании в рядах республиканской армии, в том числе подразделениях, действующих в тылу противника. Их военный опыт пригодился, но для Москвы было бы лучше, если бы они продолжали находиться в Австрии, которая была присоединена к Третьему рейху. Кратко расскажем о неудачной революции в Австрии.

Сопротивление австрийских социал-демократов

После кратковременного революционного подъема 1918-1919 годов положение в Австрии стабилизировалось. Страна превратилась в буржуазно-демократическую республику, а завоеванные трудящимися социальные гарантии сделали перспективу социалистической революции довольно призрачной. Это в общем понимали даже в Москве.

Произошедшее в феврале 1934 года вооруженное восстание было организовано не местной Компартией или советскими военными советниками, как это было в Эстонии, Болгарии и Германии, а австрийскими социал-демократами по собственной инициативе. Почему мы тогда решили рассказать об этом антиправительственном выступлении на страницах нашей книги? По двум причинам.

Во-первых, в создании и деятельности вооруженных формирований австрийских социал-демократов («Шуцбунда») принимали некоторое участие и местные коммунисты. Некоторые из них прошли спецподготовку в военных школах Коминтерна. В феврале 1934 года их роль была невелика, но после поражения восстания авторитет Компартии резко возрос, и в Австрию были направлены военные инструктора Коминтерна.

Во-вторых, многие участники вооруженного восстания эмигрировали в Советский Союз и приняли активное участие (в т.ч. по линии военной разведки) в Гражданской войне в Испании и в Великой Отечественной войне. Так, осенью 1944 года один из лидеров австрийских коммунистов Франц Хоннер в составе разведывательно-диверсионной группы был десантирован с советского самолета на границы Словении и Хорватии. Там он создал из бойцов движения Сопротивления и дезертировавших из Вермахта австрийцев первый австрийский «Батальон свободы». Командирами и комиссарами этого подразделения, которое вело кровопролитные бои до мая 1945 года,

были участники боев в Испании Макс Байр, Роман Фюксель, Леопольд Штанцель и Франц Гебхарт.

Другой пример. В конце весны 1944 года на территорию Словении был десантирован разведывательно-диверсионный отряд «Штирия». Его численность – 25 человек. Из них 15 воевали в Испании (11 австрийцев, 2 испанца и 2 итальянца). К концу войны ее численность выросла до 500 человек^[129].

Мы не будем рассказывать обо всем, что произошло в политической жизни Австрии с 1918 по 1934 год, т.к. это выходит за рамки данной книги. Отметим лишь, что весной 1934 года правительство страны было вынуждено подать в отставку из-за поразившего республику политического и экономического кризиса.

Главой восемнадцатого буржуазного кабинета Первой Австрийской республики 20 мая 1932 года стал Энгельберт Дольфус, бывший секретарь крестьянской палаты Нижней Австрии, министр сельского и лесного хозяйства, малоизвестный до этого как политик.

Этот энергичный человек из числа молодых руководителей Христианско-социальной партии, у которого малый физический рост (всего 1,53 м) компенсировался энергией и самоуверенностью (поэтому его иногда называли «злым карликом»), был исполнен решимости не сдавать своих позиций, ослабить влияние социал-демократов и национал-социалистов и ввести в Австрии авторитарный режим. До сих пор спорят, пришел ли он к власти, уже имея твердый план «обосновать и осуществить отделение правительства от парламента», или необходимость такого мероприятия он понял, когда занял пост канцлера.

Энгельберт Дольфус считал социал-демократов более опасным для Австрии врагом, чем национал-социалисты. С последними он, правда безуспешно, пытался договориться. А вот в отношении социал-

демократов сразу же после прихода во власть начал проводить целенаправленную запретительную политику.

Первым шагом стал запрет 31 марта 1933 года «Республиканского шуцбунда». Официальная причина этого решения – в Бруке-на-Муре шуцбундовцы силой оружия воспротивились обыску, организованному жандармерией. В переводе с немецкого «Шуцбунд» звучит как «Союз обороны». Так в двадцатые – начале тридцатых годов называли военизированные формирования Социал-демократической партии.

После запрета «Шуцбунда» состоялись стихийные уличные демонстрации. Однако лидер австрийских социал-демократов Отто Бауэр заявил: «Решение нам еще предстоит принять!» Социал-демократическое партийное руководство восприняло запрет без какого-либо сопротивления. «Шуцбунд» был замаскирован под организацию службы порядка в партии.

Следующий шаг правительства – запрет распространения печатного органа Социал-демократической партии Австрии – газеты «Арбайтер цайтунг». В ответ на это рабочие типографий всех газетных предприятий неожиданно провели 25 марта 1934 года стихийную забастовку. Однако впервые в истории газетных забастовок вопреки воле бастующих вышел полноценный номер одной из газет. При этом Социал-демократическая партия даже не отважилась лишить типографию этой газеты электрического тока. Когда же правительство проявило на словах готовность к переговорам, руководство Социал-демократической партии и профсоюзов прекратило забастовку, чтобы этим «не повредить» переговорам. Рабочие типографий, оставленные на произвол судьбы, больше уже не бастовали. Прошло несколько дней, и уже 1 апреля 1934 года в Вене регулярно выходили все газеты, за исключением «Арбайтер цайтунг».

Правительство выпустило указ о запрещении забастовок на всех жизненно важных предприятиях. Затем последовал новый запрет – теперь «вне закона» был объявлен праздник 1 мая. Социал-демократическое руководство решило не идти на конфликт с властями и организовало народные «гулянья» – прогулки возле улиц, огражденных колючей проволокой. Перед 1 мая 1934 года во всей Австрии были арестованы многие сотни функционеров Компартии.

В середине мая 1934 года правительство Австрии запретило «Союз рабочей обороны», руководимый коммунистами, и коммунистическую организацию «Роте хильфе» («Красная помощь»). Эта организация оказывала материальную поддержку и правовую помощь тысячам рабочих, преследуемых реакцией. А 26 мая 1933 года был издан чрезвычайный декрет о запрете Коммунистической партии Австрии «из-за неоднократно установленной нелегальной деятельности, враждебной государству»^[130]. Справедливости ради отметим, что через месяц была запрещена и австрийская Национал-социалистическая партия.

Социал-демократическое руководство по-прежнему призывало стоять «с ружьем к ноге». Правда, «Шуцбунд» усиленно закупал оружие за границей, прежде всего в Чехословакии (в то время один из ведущих производителей вооружения в Европе), и различными способами доставлял его контрабандным путем в Австрию – на грузовиках и легковых автомашинах, в железнодорожных вагонах, а большей частью на судах.

Однако Социал-демократическая партия возлагала больше надежд на дипломатическое вмешательство своих друзей, входивших в состав иностранных правительств. Так, французский посланник Габриель Пюо сообщил, что по поручению премьер-министра

Эдуарда Даладье он посетил 2 февраля 1934 года Энгельберта Дольфуса. Дипломат передал ему просьбу не применять насилие против австрийских социал-демократов. После 24-часового размышления канцлер ответил согласием, сказав, что не будет применять насилие против Социал-демократической партии, профсоюзов или же венского муниципалитета. Несмотря на военные приготовления со стороны Социал-демократической партии, правительство останется на оборонительных позициях. Разумеется, эти заверения были лишь дипломатической игрой. Они полностью потеряли свое значение после того, как 7 февраля 1934 года левое правительство Даладье во Франции было свергнуто.

Полицейские облавы в поисках оружия непрерывно продолжались. Одновременно полиция арестовала всех руководителей «Республиканского шуцбунда», кого она смогла захватить, например начальника военного штаба центрального руководства майора Александра Эйфлера, адъютанта Юлиуса Дейча, капитана Рудольфа Лёва и, несколько позднее, почти всех командиров «Шуцбунда» венских районов.

Планировалось также арестовать политического руководителя «Шуцбунда» Юлиуса Дейча. Поскольку Социал-демократическая партия не оказала сопротивления этим арестам, правительство Энгельберта Дольфуса пошло еще дальше. Утром 8 февраля 1934 года оно отдало приказ произвести обыски в поисках оружия в Партийном доме на улице Рехте Винцайле в Вене. Здание было окружено полицией и солдатами, вокруг него были поставлены пулеметы, организовано парное патрулирование, причем солдаты были в стальных шлемах, винтовки – с примкнутыми штыками. Члены правления партии не могли попасть в Партийный дом. Поэтому заседание правления, в котором принимали участие представители свободных

профсоюзов, пришлось перенести в ратушу, к бургомистру Зейцу.

На основе решения Совета министров 10 февраля 1934 года Энгельберт Дольфус лишил бургомистра Вены всех имевшихся у него прав и обязанностей в области общественной безопасности и передал их полицей-президенту Вены.

Правление Социал-демократической партии заседало в последний раз 8 февраля 1934 года. Оно, правда, назначило, как сообщил австрийский политический деятель Карл Реннер (в 1945 году он стал первым президентом Республики Австрия), следующее заседание на понедельник, 12 февраля, «исполненное решимости ни в коем случае не дать самим сигнала к гражданской войне». Но этому заседанию уже не суждено было состояться. В руководстве социал-демократии господствовало пораженческое настроение еще до начала борьбы. После ареста Реннер заявил следователю:

«В четверг, 8 февраля 1934 года, я был до обеда в парламенте, где состоялось заседание клуба... Все сообщения сводились к тому, что Фей в ближайшую неделю совершит государственный переворот. Неясно было только, с Дольфусом или без него... Мы не можем больше ничего предпринять и должны быть готовыми ко всему... Наша совесть чиста, историческую ответственность несут другие...»

«Лебединая песня» австрийских социал-демократов

Несмотря на пассивное поведение руководства Социал-демократической партии, ее рядовые члены желали бороться, хотя баланс сил был нарушен после всех предыдущих отступлений. Вот что написал одному из лидеров движения Отто Бауэру руководитель социал-

демократов Верхней Австрии Рихард Бернашек 11 февраля 1934 года:

«Я сегодня встретился с пятью надежными товарищами, и мы после обсуждения приняли решение, которое не отменим. Чтобы выполнить наш план, мы сегодня днем и вечером захватим оружие, которое у нас есть, и раздадим рабочим, которые желают сопротивляться. Если завтра правительство начнет конфисковывать оружие или арестовывать членов партии и Республиканского Корпуса Защиты, то мы начнем сопротивляться. Это решение невозможно отменить. Мы требуем, чтобы в случае такого развития событий Вы дали бы сигнал австрийским рабочим начать выступление. Мы больше не желаем отступать. Если венские рабочие не поддержат нас, то позор падет на их головы.

С наилучшими пожеланиями, R.V.»[\[131\]](#).

Это сообщение было перехвачено полицией города Линца. После короткого совещания было решено арестовать заговорщиков.

Хроника штурма отеля «Шиф» в городе Линце, с которого, собственно, и началось восстание, в советской литературе освещена крайне скупо. А между тем она иллюстрирует высокий уровень профессиональной военной подготовки вооруженных формирований социал-демократов. Если бы лидеры этой партии действовали более уверенно, то у них был бы реальный шанс захватить власть в стране.

Ранним утром 12 февраля 1934 года на площади перед зданием отеля появился полицейский отряд в составе 10 постовых и 10 сотрудников криминальной полиции. Стоящий у дверей часовой сразу же разбудил Рихарда Бернашека. Последний, оценив количество визитеров, приказал приготовиться к бою. Сам он заперся в своей комнате и спешно начал звонить главе правительства Верхней Австрии, члену Христианско-

демократической партии Иозефу Шлегелю. Разбуженный политик ответил, что ему ничего не известно об инициативе полиции, и пообещал навести справки. Тогда командир шуцбундецев позвонил в рабочую палату Линца и произнес набор условных фраз: «Немедленно выступайте на помощь! Объявить всеобщую стачку! Немедленно передать в Вену! Передать в Штейр!» Механизм восстания был запущен. После этого он сдался полиции, и его вывели из здания, осыпая пинками и ударами.

Шуцбундовцы засели в задней части здания. Пулеметчик Кунц держал полицейских под прицельным огнем. Его товарищи отражали атаки, пустив в ход винтовки и ручные гранаты. В 8.45 утра на помощь штурмующим прибыла пятая рота седьмого полка альпийских стрелков. Солдаты заняли позиции в находящемся напротив отеля монастыре кармелитов и Торговой палате. Попытка штурма здания окончилась неудачей.

В районе десяти утра поступило подкрепление в виде пулеметной роты. Только тогда нападавшие смогли занять правую лестницу и первый этаж здания. Затем им удалось проникнуть в столовую и кинозал. А дальше атака захлебнулась.

Один из шуцбундовских отрядов попытался прорваться к осажденным в отеле. Его бойцы приехали на двух грузовиках с пулеметами со стороны Торгового двора. Он не сумел прорваться через оцепление полиции и отступил.

А против отеля «Шиф» была применена артиллерия. Когда горные гаубицы выдвинулись на огневые позиции, то были обстреляны возле больницы – сначала с левого фланга, затем с правого и с тыла. Прежде чем орудия смогли открыть огонь, одному из снайперов, засевшему на колокольне, удалось смертельно ранить в голову пулеметчика Кунста. После этого огонь защитников

ослаб и солдаты смогли ворваться в зал заседаний. В 11 часов 45 минут шуцбундовцы сдались [\[132\]](#).

Руководство социал-демократов пыталось выйти из кризиса мирным путем, даже несмотря на то что правительство фактически объявило партию «вне закона». Формально она продолжала существовать, но фактически... После того как 8 февраля 1934 года полиция заняла Партийный дом, находившийся на улице Рехте Винцайле в Вене, вместо правления был создан небольшой исполнительный комитет. Один из его членов, руководитель «Республиканского шуцбунда» Юлиус Дейч опасался ареста. Другие руководители партии тоже старались избегать встреч с полицией.

На заседании исполнительного комитета, которое состоялось днем 12 февраля, было принято решение объявить всеобщую стачку и мобилизовать «Шуцбунд». При этом его командирам были даны строгие указания не предпринимать наступательных действий, а оружие применять лишь для самозащиты. Цель этих мероприятий – оказать давление на правительство и сместить Энгельберта Дольфуса со своего поста. Один из возможных кандидатов – руководитель нижнеавстрийского правительства Йозеф Рейтер (член Христианско-социальной партии). Оно закончилась неудачей. Руководители социал-демократов, которые занимались этим вопросом, были арестованы.

Отто Бауэр и Юлиус Дейч направились в венский район Фаворитен, где должен был находиться штаб центрального «боевого руководства». Он действительно дислоцировался в указанном месте, но из-за того, что его члены не знали о решении руководства партии о проведении всеобщей стачки, они ничего не сделали для остановки предприятий в Вене.

Стачка и мобилизация «Шуцбунда» начались по другой причине. Забастовали работники электростанции. В 11 часов 48 минут весь город остался

без электричества. Руководство социал-демократов заранее предупредило пролетариат, что такое ЧП – условный сигнал ко всеобщей забастовке. Хотя и здесь не обошлось без «сбоев». Многие не знали, что это – условный сигнал, акт саботажа или техногенная авария.

К восстанию не было готово и правительство. В первые часы боя в Ленце власти считали, что это – местное столкновение. О нем даже не проинформировали министра обороны князя Шенбург-Хартенштейна. А канцлер Энгельберт Дольфус с 8 до 12 часов находился на торжественном богослужении по поводу юбилея папы римского в соборе Св. Стефана. Там же находились все члены правительства, за исключением вице-канцлера Эмиля Фея и статс-секретаря безопасности Карвински.

Полиция была приведена в состояние боевой готовности только к 11 часам. Армия – чуть раньше. В 10 часов 15 минут венский полицей-президент доктор Ойген Зейдель передал сообщение о начале боев в Линце командующему венским гарнизоном генерал-майору Ойгину Лушински с просьбой «привести войска в полную боевую готовность». В 10 часов 45 минут командующий отдал приказ о возвращении солдат гарнизона в казармы.

В полдень было принято решение о необходимости привести в боевую готовность 16 артиллерийских орудий. Затем их количество было удвоено.

В 12 часов 15 минут вся полиция Вены уже была приведена в состояние боевой готовности. Было организовано патрулирование.

В 14 часов в полицей-президиуме состоялось совещание по вопросу дальнейших действий. Дирекция предложила, чтобы армейские части заняли электростанцию и газовый завод. Однако военные считали, что это только распылит силы. Было принято решение взять под усиленную охрану «внутренний

город» (зона, где находилось большинство правительственных учреждений) и защитить его от возможных атак шуцбундовцев.

Правительство объявило осадное положение. Оно распространило по радио (социал-демократы даже не попытались захватить радиостанцию), через печать и путем расклейки на стенах воззвание, в котором сообщалось, что «насильственная акция» в Линце подавлена. Далее в документе говорилось:

«В Вене часть рабочих – социал-демократов – прекратила работу на городской электростанции. Поэтому также в Вене введено осадное положение. Используя весь аппарат власти, правительство приняло все меры, чтобы в зародыше подавить эти заранее запланированные преступные акции большевистских элементов».

Во второй половине дня армейские части заняли мосты через Дунай. Примерно через час они оградили по периметру «внутренний город» колючей проволокой. Полицейские получили стальные шлемы и сменили резиновые дубинки на карабины.

После полудня Совет министров, заседавший в здании военного министерства на улице Штубенринг, разрешил ввести в бой занявшую позиции артиллерию и обстреливать жилые дома гранатами, а также из минометов. До сих пор не ясно, кто первым предложил это сделать. Согласно одной из версий, предложение исходило от военного министра, генерал-полковника Шенбург-Хартенштейна, бывшего немецкого офицера. Он обосновал это следующим: «Если мы хотим быстро и с наименьшими жертвами подавить восстание, необходимо применить артиллерию».

Его предложение не сразу нашло поддержку в правительстве. Канцлер якобы был против применения артиллерии и настаивал на использовании слезоточивого или раздражающего газа. Лишь сейчас он

узнал, что в соответствии с Сен-Жерменским мирным договором (подписан в 1919 году между Австрией с одной стороны и США, Францией, Англией и рядом других стран – с другой) в армии не было запасов слезоточивого газа. После этой новости он бросил телефонную трубку со словами: «Вот идиоты, это же сумасшествие!» Затем он с неохотой уступил настояниям Эмиля Фея применить артиллерию. Вице-канцлер воскликнул: «Ну, теперь мы им покажем!»

До 14 часов 30 минут у шуцбундовцев был реальный шанс захватить объекты, расположенные на территории «внутреннего города». Почему они не воспользовались им? Вспомним о приказе, который гласил, что первыми на правительственные войска не нападать.

Считать «пацифистами» шуцбундовцев сложно. Например, первой жертвой восстания стал районный полицейский инспектор Йозеф Шиль, который попытался задержать вооруженного рабочего Франца Хавличека. Это произошло в 11 часов 10 минут в XI венском районе (Зиммеринг).

А первые боевые столкновения начались в 13 часов дня в жилом массиве Зандлейтен (XVI венский район – Оттакринг). Полиция попыталась взять штурмом огромный комплекс домов, но была вынуждена отступить из-за сильного ружейного и пулеметного огня. Во второй атаке участвовала прибывшая в качестве подкрепления полицейская рота, вооруженная пятью пулеметами. В 16 часов дня на помощь атакующим прибыл 1-й моторизированный батальон 3-го пехотного полка с 8-й батареей горных орудий отдельного артиллерийского полка. Вместе с полицией солдаты подвергли Зандлейтен-хоф многочасовому обстрелу. В 18 часов вечера обороняющиеся внезапно прекратили стрельбу, якобы по указанию специальных курьеров. А когда наступила ночь, то скрытно покинули свои позиции.

В 14 часов дня правительственные войска попытались захватить муниципальный дом Рейман-хоф на улице Маргаретенгюртель (V венский район – Маргаретен). Неподалеку от этих домов в одном из отелей дислоцировалась рота «Шуцбунда» «Маттеотти». Взвод, которым командовал Эммерих Зайлер, получил приказ занять танцевальный зал в Рейман-хофе, который находился в подвале под лестницей. Подразделение было вооружено лишь пистолетами и так называемыми «вазами» – заполненными взрывчаткой трубками из чугуна или латуни, которые применялись в качестве ручных гранат. Бикфордов шнур около пяти сантиметров со специальным наконечником зажигался от спичек, после чего через пять минут следовал взрыв. Каждый боец получил по две такие самодельные гранаты.

Штурм Рейман-хофа начался в 14 часов дня и продлился до поздней ночи. Двадцать восемь шуцбундевцев (двое сбежало перед первой атакой) в течение более десяти часов сдерживали натиск превосходящих сил противника, сначала полицейских, а потом военнослужащих 4-го самокатного батальона егерей. Бойцы Эммериха Зайлера сдались лишь после того, как снова вспыхнул электрический свет, что означало провал всеобщей стачки. В 6 часов 20 минут утра 13 февраля солдаты вернулись в казарму, но окончательно подавить очаг сопротивления в Рейман-хофе удалось только к 14 часам. До этого времени шуцбундовцы вели огонь из соседнего Маттеотти-хофа, а также из Мейдлинга. Именно при штурме впервые были задействованы члены «Хеймвера».

Третий объект, где 12 февраля начались бои, которые продлились трое суток, – Рабочий дом в районе Отткринг. Здесь полиция впервые применила броневики, а шуцбундовцы возвели несколько уличных баррикад. Властям удалось установить контроль над этим

объектом только с помощью армейских частей: трех стрелковых рот, одной пулеметной роты с 12 легкими и 4 тяжелыми пулеметами, 2 минометами и 4 пулевыми гаубицами, которые произвели 21 выстрел.

После штурма Рабочий дом по описанию корреспондента одной из берлинских газет выглядел так: «Квартал домов возле Рабочего дома производит ужасное впечатление. На большом расстоянии нельзя найти ни одного окна, которое не было бы разбито. Пулеметными очередями прошиты фасады домов. Артиллерийские снаряды полностью разрушили Рабочий дом и нанесли тяжелые повреждения соседним зданиям». Большинство обороняющихся смогли покинуть свои позиции через канализационные каналы, по крышам и брандмауэрам.

Аналогичные бои происходили и в других районах Вены. Мы не будем подробно рассказывать о каждом из них. Отметим лишь, что против шуцбундевцев сражались сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие австрийской армии. Вопреки распространенному мнению члены «Хеймвера» почти не участвовали в этих боевых операциях.

Исключение составил штурм Энслейтена (один из пригородов Штейра – второго по величине города Верхней Австрии). В ночь на 13 февраля к армейским частям присоединились отряды хеймверовцев из Вены и Амштеттена, которыми командовал граф Эрнст Рюдигер Штаремберг. Вот только «Хеймвер» не сыграл какой-либо роли, хотя в газетах прославились его «геройские действия». Как говорилось в официальном сообщении, в атаке на Энслейтен участвовали только армейские части. Хеймверовцы вступили в поселок лишь после того, как туда вошли солдаты. Они особенно активно участвовали в обысках и грабежах. А в угольном районе Вольфсэгг-Траунтаь и в Эбензее местные шуцбундовцы разоружили и арестовали всех хеймверовцев.

Восстание было окончательно подавлено 18 февраля. На следующий день открылись школы. А 20 февраля состоялись государственные похороны военных, погибших во время боев. Правительство объявило, что было убито 118 военнослужащих (из них 55 в Вене) и ранено 486 (из них 302 в столице). Точное количество погибших полицейских и гражданского населения, а также шуцбундовцев неизвестно^[133].

Лишь немногим шуцбундовцам удалось уйти в горы и добраться до чехословацкой границы. Некоторые из них попали в СССР, где жили довольно долго. Еще в семидесятые годы прошлого века в Казанском университете, например, и других вузах Татарии преподавали несколько человек из той когорты^[134].

Многих из тех шуцбундовцев, что остались в Австрии, ожидала печальная судьба. Даже сумев уцелеть при австрофашистском режиме, они погибли после аншлюса (захвата Австрии нацистами).

Была еще одна категория шуцбундовцев – участники Гражданской войны в Испании. По официальным данным, их было 1700 человек. Большинство прибыли из Австрии, где «приобрели основы военных знаний в отрядах «Шуцбунда», в группах коммунистической рабочей самообороны; определенный боевой опыт имели участники февральских боев 1934 года». А один из руководителей «Шуцбунда» – член правления Социал-демократической рабочей партии Австрии Юлиус Дейч^[135] – вскоре стал генералом в испанской республиканской армии^[136]. С 1936 по 1938 год в Испании воевал один из инструкторов нелегального «Шуцбунда» в 1934-1935 годах – майор Йозеф Дицка («Курт»). В годы Великой Отечественной войны он был заброшен на территорию Польши в немецкий тыл, где и погиб^[137].

Многие граждане Австрии – ветераны войны в Испании – вернулись домой и приняли активное участие в вооруженной борьбе с фашизмом.

Бывший командир австрийского батальона в Испании Гуго Мюллер (Фишер) организовал в 1941 году, после нападения Германии на Советский Союз, партизанские группы в окрестностях Линца и нанес значительные удары по коммуникациям фашистов и военной промышленности. Другой ветеран испанской войны – начальник оперативной части штаба и командир XI Интернациональной бригады Эмиль Рейтер (Бергер) из Штирии – также в 1941 году организовал партизанские отряды в горах Штирии, взорвал несколько мостов и складов военного снаряжения^[138]. Оба в 1939 году, после возвращения из Испании, работали инструкторами Всесоюзной школы инструкторов альпинизма в ущелье Адыл-су на Кавказе.

Революция в Бразилии

В середине тридцатых годов коммунисты попытались совершить революцию не только в Австрии, но и в Бразилии. В отличие от Германии или Эстонии, когда прибывшие из Москвы военные консультанты занимали ключевые посты в местных компартиях, там роль Разведупра была минимальной. В той же Бразилии Москва ограничилась присылкой трех кадровых военных разведчиков, которые отвечали за технические аспекты подготовки восстания.

В 1934 году в Москве было принято решение об организации революции в Бразилии. Реализовать этот проект на практике поручили известному бразильскому политику Луису Карлосу Престесу^[139]. В помощь ему дали молодого бразильского коммуниста Сило Мейрелеса, который в течение нескольких лет жил в Советском Союзе и прошел подготовку в одном из

учебных центров Коминтерна. Также в операции участвовали советские военные разведчики: супруги Павел и Софья Стучевские, Ольга Бенарио, а также большая группа политических и военных инструкторов Коминтерна.

Павел Владимирович Стучевский и его супруга Софья Семеновна отвечали за организационно-техническую подготовку восстания – радиосвязь, шифры, финансы и прочее. «Аппарат Стучевского» сыграл важную роль в подготовке восстания.

Ольга Бенарио не только должна была сыграть роль супруги Луиса Престеса, но и организовать их поездку в Бразилию: выбрать оптимальный маршрут, подобрать гостиницы, подготовить «легенды» и т.п. К тому же она владела тремя европейскими языками (английским, французским и немецким), что значительно облегчало их перемещение по миру. Ее спутник говорил на португальском и чуть-чуть – на французском.

Путь в Бразилию был долгим и опасным. В декабре 1935 года с документами на имя португальского торговца Антонио Вилара и его жены, австриячки по рождению Ольги Бергнер Вилар, они выехали из Москвы. На поезде добрались до Хельсинки. Там сели на пароход, отправлявшийся в Копенгаген. Затем отплыли в Лондон и там в течение двух с половиной месяцев ждали новые паспорта. Из Англии они отплыли в Нью-Йорк, куда прибыли 26 марта 1935 года. Затем через Перу они добрались до Буэнос-Айреса. Там Ольге пришлось заниматься получением необходимых виз для въезда в Бразилию, а ее спутник «обложился газетами и готовился к нелегальной работе на родине». В конце апреля 1935 года они наконец достигли конечной точки своего многомесячного путешествия^[140].

Началась подготовка восстания. Время до ноября 1935 года Престес посвятил изучению обстановки, установлению связей с верными людьми, разработкой

плана действий. При этом он столкнулся с одной важной проблемой: одновременно с ним в Бразилии еще две организации занимались подготовкой восстания.

При ЦК КПБ существовал специальный Военный комитет. Его возглавлял лейтенант Мачако Каррион. В состав этой структуры входили Иван Раймос Рибейро (от Высшего военного училища), несколько коммунистов – представителей 3-го пехотного полка и других частей столичного гарнизона. Формально Военный комитет должен был координировать подготовку восстания по всей Бразилии, но фактически его деятельность ограничивалась столицей. Руководство этого органа демонстрировало повышенную самоуверенность и явно переоценивало обстановку в стране. Все предложения, высказанные эмиссаром Москвы о совместных действиях, ими игнорировались.

Параллельно с Военным комитетом на северо-востоке Бразилии действовал самостоятельный центр по подготовке восстания – Революционное командование. Возглавлял эту организацию первый секретарь обкома Каэтано Машадо и член ЦК, руководитель горкома Ресифи Паскасо Фонсека. В состав Ревкомандования входил прибывший из СССР Сило Мейрелес^[141].

Восстание началось спонтанно (без санкции ЦК КПБ и Москвы) на северо-востоке Бразилии. 23 ноября 1935 года бои начались в городе Натал, 25 ноября – в городе Ресифи. Когда произошло это событие, в Военном комитете ЦК КПБ никто не знал о произошедшем. Прошло несколько суток до того момента, когда было принято решение о начале вооруженного восстания в столице Бразилии. Произошло это в ночь с 25 на 26 ноября 1935 года.

Краткая хроника вооруженного восстания

В начале ноября 1935 года на северо-востоке Бразилии вспыхнула всеобщая забастовка железнодорожников. В знак солидарности начались стачки на фабриках и заводах. Были стычки между рабочими и полицией. Имелись жертвы.

23 ноября. В городе Натал взбунтовался 21-й батальон. До этого, в 1931 году, он уже дважды выходил из повиновения властям и неофициально именовался «красным батальоном». В тот вечер вопреки распоряжению Военно-революционного комитета в казармах батальона началось восстание. Без единого выстрела были арестованы все офицеры. К полуночи численность восставших (включая женщин и подростков) достигла трех тысяч человек (численность населения города 50 тысяч человек). После трехчасового боя восставшие захватили тюрьму и выпустили на свободу 300 политзаключенных. Затем были захвачены казармы, порт и телеграф. При этом повстанцы не арестовали высших чиновников и офицеров.

В течение нескольких дней в окрестностях города Натал шли кровопролитные бои. Повстанцы сформировали три колонны и начали наступление в глубь страны.

24 ноября. В городе Сокорро (рядом с городом Ресифи) в расположении 29-го пехотного батальона произошел бунт. Часть военнослужащих присоединилась к повстанцам, остальные остались верны правительству. Бой длился в течение трех с половиной часов. Повстанцам удалось захватить казарму и склад с боеприпасами. В течение дня в пятидесяти километрах от Ресифи повстанцы (1200 человек) вели ожесточенные бои с правительственными частями (10 тысяч человек). Попытки мятежников вооружить местное население и сформировать ополчение окончились неудачей. В итоге оставшиеся в живых повстанцы были вынуждены

отступить в глубь страны. Почти все погибли или попали в плен.

В самом Ресифи восстания как такового не было. Единственным героем здесь оказался сержант Грегорио Безерра. Планы мятежников о массовом участии в акции солдат и рабочих не оправдались. Сержанту пришлось воевать в одиночку. Он сумел в одиночку захватить один из арсеналов, застрелив при этом офицера и тяжело ранив сержанта, вот только оружие было выдавать некому.

В городе Масейо восстание было подавлено в течение нескольких часов.

26 ноября. В ночь с 25 на 26 ноября руководители восстания в Натале тайно бежали из города. Кольцо правительственных войск сжималось. В городе среди восставших началась паника. Случаи дезертирства стали носить массовый характер. Фактически город был сдан без боя.

27 ноября. Натал, не встречая сопротивления, захватили правительственные войска. В 1936 году трибунал общественной безопасности привлёк к ответственности за участие в восстании 371 человека, приговорив 66 участников мятежа к тюремному заключению на срок от 2 до 13 лет.

На рассвете 27 ноября должно было начаться восстание в самом Рио-де-Жанейро. Оно было обречено с самого начала. Во-первых, все антиправительственные выступления в провинции уже были подавлены. Во-вторых, власти нанесли ряд упреждающих ударов. Так, ещё 22 ноября были арестованы многие офицеры-заговорщики. В результате большинство военных частей остались верны правительству. В-третьих, ключевую роль в бунте отводилась 3-му полку, хотя он в силу места своей постоянной дислокации мало подходил на эту роль. Казармы подразделения с двух сторон окружали горы, с третьей стороны находился океан, а

единственная дорога проходила по узкому ущелью, которое легко можно было заблокировать.

Так оно и произошло. 3-й полк был блокирован в месте своей постоянной дислокации, для его уничтожения использовались авиация и артиллерия. По казармам было выпущено 118 артиллерийских снарядов и сброшено три фугасные бомбы. В результате строения почти полностью были разрушены. К часу дня сопротивление 3-го полка было полностью подавлено. Было арестовано около 600 человек.

Окончилось неудачей выступление курсантов авиаучилища. На рассвете 27 ноября 400 курсантов попытались атаковать казармы и аэродром 1-го авиационного полка. Они надеялись захватить самолеты. Повстанцы смогли прорваться на летное поле, но в баках самолетов не было горючего. Пришлось отступать в авиаучилище и занять оборону. Правительственные войска окружили училище и подтянули артиллерию. К вечеру мятежники сдались [\[142\]](#).

Итоги восстания

Репрессии властей против мятежников последовали незамедлительно. В течение двух месяцев было арестовано, по данным из разных источников, от 17 до 20 тысяч человек. Среди них почти все организаторы и руководители мятежа.

Сам Престес до своего ареста в марте 1936 года вел себя крайне пассивно. Он ушел в подполье и не пытался установить контакт с соратниками по Компартии. Его арестовали 5 марта 1936 года вместе с Ольгой на конспиративной квартире.

«Активка» в Румынии

Коммунистические антиправительственные восстания в двадцатые-тридцатые годы происходили во многих странах мира, хотя о них не всегда сообщали зарубежные СМИ. Понятно, что уличные бои в Вене или громкие, в прямом и переносном смысле слова, теракты в Болгарии, когда жертвой боевиков стало чуть не все руководство страны, – более интересная и сенсационная новость, чем бунт жителей нескольких деревень в Румынии. Да и доказать в последнем случае роль Москвы было более сложно. Однако в двадцатые годы СМИ очень подробно сообщали о событиях в Румынии. Ведь там местные антиправительственные левые подпольные организации, активно поддерживаемые Москвой, объявили настоящую войну властям и в случае захвата хотя бы части принадлежащей в то время Румынии территории и вооруженной поддержки повстанцев со стороны Советской России могли спровоцировать если не мировую, то европейскую войну.

В Румынии Разведупр пытался разжечь пожар мировой революции с помощью местных крестьянских национально-революционных организаций – «Союза революционных крестьян Бессарабии» (молдаване), Добруджанской революционной организации (болгары) и буковинской национально-революционной организации «Вызволение».

«Союз революционных крестьян Бессарабии» (СРК) был создан в 1925 году бессарабскими коммунистами на основе боевых групп, действовавших в крае со времени его оккупации в 1918 году буржуазно-помещичьей Румынией, а также местной Военной организации (ВО), которая в 1919–1920 годах имела цель помочь Красной Армии с тыла при освобождении Бессарабии. В том, что СРК имела промосковскую ориентацию, подтверждают ее программные документы. Так, манифест оргкомитета СРК ставил главными задачами: организацию крестьянства в союзе с рабочим классом для

освобождения Бессарабии от румынской оккупации; создание рабоче-крестьянского правительства; объединение с Молдавской советской республикой. СРК имел свои партизанские отряды и точно копировал НВО Западного фронта. В 1933 году СРК прекратил деятельность. В 1934 году на базе сохранившихся ячеек его был создан «Союз борьбы за освобождение Бессарабии от гнета румынских оккупантов».

Добруджанская революционная организация (ВДРО) была значительно меньше и своей структурой копировала СРК. Ее руководители контролировали около 130 сел. Территорию поделили на 7 районов, в каждом районе действовали четы, причем каждая чета насчитывала 10-12 человек во главе с воеводой. Таким образом, всего четы насчитывали не более 100 человек. Четами руководил один из членов руководства организации Стефан Боздуганов. Всего же в организацию входило около 1000 членов. В декабре 1924 года в организации произошел раскол. Просоветская ее часть контролировала всего лишь четыре района – Силистрию, Тутракан, Курт-Бунар и Добрин. В них действовало три боевые четы (отряды) по 10 человек в каждой.

С 15 по 18 сентября 1924 года на территории Южной Бессарабии произошло Татарбунарское восстание.

Одной из причин восстания было недовольство крестьян аграрной политикой, проводимой румынским правительством, в частности аграрной реформой 1921 года.

Вторая причина – высокий уровень коррумпированности местной румынской администрации, а также повсеместное распространение телесных наказаний.

Третья причина – территориальный спор между Москвой и Бухарестом о судьбе Южной Бессарабии. Советский Союз настаивал на проведении плебисцита.

Румыния отклонила это предложение. В ответ на это 6 апреля 1924 года в Москве заместитель наркома иностранных дел М. Литвинов сделал корреспонденту газеты «Правда» следующее заявление: «Впредь до плебисцита мы будем считать Бессарабию неотъемлемой частью Украины и Советского Союза». 28 июля 1924 года указом короля Румынии была запрещена Коммунистическая партия Румынии.

15 сентября 1924 года в селе Татарбунары (ныне Одесская область Украины) началось вооруженное восстание против румынских властей под руководством коммунистической организации Бессарабии, во главе которой стоял А. И. Ключников (Нинин). 16 сентября восставшие захватили власть в селе. Был создан ревком и провозглашено установление Советской власти в Бессарабии.

На следующий день Татарбунарское восстание охватило почти весь юг Бессарабии. Поднялось более 6 тысяч человек из сел Чишмя, Акмангит, Нерушай, Михайловка, Галилешты и др. Повстанцы создавали органы Советской власти – ревкомы, организовывали отряды народной милиции и Красной гвардии. Повстанцы вели борьбу за создание Молдавской советской республики. На подавление восстания королевское правительство Румынии направило войска с артиллерией и флот.

19 сентября румынские войска штурмом взяли Татарбунары – центр восстания, применив артобстрел химическими снарядами. Татарбунарцы продержались три дня, потом были разгромлены. Погибло более трех тысяч человек. Еще четыре дня армии понадобилось, чтобы подавить очаги сопротивления в других местах.

На стороне восставших выступила Коммунистическая партия Румынии. ЦК Компартии Румынии в специальном манифесте призвал оказать помощь повстанцам. В ноте протеста Советское правительство потребовало

положить конец кровавым расправам. Расправившись с восставшими и арестовав многих его участников, румынские власти инсценировали «процесс 500», который должен был доказать, что Татарбунарское восстание – «дело рук Москвы». Не найдя явных доказательств их связи с Москвой и под давлением западного общественного мнения суд оправдал большинство арестованных. Осуждено было только около 85 человек, которые были приговорены к срокам от 1 до 15 лет тюрьмы.

После Татарбунарского восстания 1924 года структуру СРК изменили, а с 1925 года ее, как и все подобные формирования в других странах, вывели из прямого подчинения Разведупра и трансформировали в политическую организацию, руководство которой передали Компартии Румынии.

Глава 5

Харьков против Варшавы и Бухареста

Существует устойчивое мнение, что центральный орган командования советскими военными разведчиками-спецназовцами находился в Москве. И из него координировалась деятельность региональных подразделений. На самом деле в начале двадцатых годов прошлого века существовал как минимум еще один «командный пункт», и находился он в столице Советской Украины (с 1918 по 1934 год) – городе Харькове. О деятельности этого учреждения крайне редко вспоминают отечественные историки и журналисты.

Одна из причин – большинство документов, где подробно освещалась его деятельность, были засекречены и недоступны исследователям.

Другая причина – данное учреждение не вписывалось в общепринятую модель организации активной разведки за рубежом в начале двадцатых годов прошлого века. Кто занимался «активкой» тогда? В первую очередь военная разведка и Коминтерн. Ну и еще ВЧК – ОГПУ. После окончания Гражданской войны партийные органы перестали (до начала Великой Отечественной войны) активно участвовать в организации партизанского движения.

Рождение Закордота

В Харькове в мае 1920 года прошло заседание ЦК КП(б) Украины. На нем присутствовали: председатель Исполкома Коминтерна Григорий Зиновьев; член Политбюро ЦК КП(б) Украины Яков Яковлев;

председатель Всеукраинского ЦИК и ЦИК УССР Григорий Иванович Петровский; председатель Донецкого губисполкома Артем (Федор Андреевич Сергеев); председатель СНК УССР Христиан Георгиевич Раковский; председатель Галицийского оргкомитета при ЦК КП(б)У Феликс Яковлевич Кон; член президиума ЦИК Украины и член политбюро ЦК ВКП(б) Александр Яковлевич Шумский и секретарь ЦК КП(б)У Станислав Викентиевич Косиор. В числе основных вопросов было обсуждение состояния зафронтовой работы. Сохранившиеся документы, к сожалению, не дают возможности воссоздать ход обсуждения этого вопроса. Зато известно, что по итогам дискуссии было принято решение создать в структуре ЦК специальный отдел, в котором будет сосредоточена разведывательно-осведомительная работа^[143].

Вскоре было разработано положение о новом отделе, который получил название «Закордот» (от «Закордонного отдела»). Согласно этому документу:

«I. При ЦК КП(б)У учреждается отдел, имеющий своей целью ведение агентурно-разведывательной и осведомительной работы за рубежом, в прилегающих к Украине странах (Юг Польши по линии Гомель, Люблин, Краков, Буковина и Бессарабия) и за фронтом в занятой неприятелем части Украины по вопросам политического, экономического и военного характера.

II. Во главе отдела стоит член ЦК КП(б)У, ответственный за работу отдела и руководящий его работой согласно заданиям ЦК и Региступра (Военная разведка – *Прим. авт.*) Полевого Штаба РВСР.

Регистротдел Штаюгозап может давать отделу определенные задания, выполняемые по мере возможности без нарушения основного плана работы.

(...)

IV. Отдел субсидируется Региструпром в части сметы согласно утверждаемой ЦК КП(б)У и отчитывается перед

последним в полученных суммах. Кроме того, отдел снабжается через Региструпр необходимыми техническими средствами, гардеробом и прочее.

(...)

Х. ...отдел систематически командирует в Региструпр для обучения на курсах военной разведки и в Регистротдел Штаюгозап для кратковременного инструктирования определенное количество товарищей согласно указанию Региструпра»^[144].

Первые отчеты о работе Закордота свидетельствуют – в июне 1920 года организация занималась в основном вопросами агентурной разведки (в частности, «вопросами постановки резидентур»)^[145], сбором и анализом информации^[146], партийной работой и организацией пропаганды в польской армии^[147]. В то же время «главная задача партийной работы по организации повстанчества» на Волыни «выполнена не была»^[148]. О деятельности эмиссаров организации в этом регионе мы подробно расскажем ниже, а пока поговорим об их деятельности в Крыму.

Организация партизанского движения в Крыму

В июле 1920 года Закордот принял активное участие в организации подпольной партизанской работы в Крыму. Почему потребовалось вмешательство данной организации и чем она там занималась – прекрасно видно из опубликованных ниже документов.

Первый из них рассказывает об участии в Гражданской войне будущего советского полярника Ивана Дмитриевича Папанина.

«Заместителю Председателя
Революционного Военного Совета СССР
Тов. УНШЛИХТУ И.С.

В 1920 г. в тылу у Врангеля оперировала наша Повстанческая Революционная Армия. Вследствие усилившихся ее столкновений с врангелевцами она испытывала крайне острую нужду в снаряжении, оружии и боеприпасах.

Требовалось срочно восстановить связь с Советской Россией, без чего дальнейшее существование Повстанческой Революционной Армии было невозможно. С этой целью штаб Повстанческой Революционной Армии выделяет тов. Папанина Ивана Дмитриевича и посылает его с совершенно секретным донесением в Советскую Россию.

Тов. Папанин пробрался через охранение белых, а дальше через Турцию, морем на лайбе, прибыл в Новороссийск и в полной сохранности доставил секретное донесение.

Доставив указанное секретное донесение в ЗАКОРДОТ ЦККП(б)У и в РЕВВОЕНСОВЕТ ЮЖНОГО ФРОНТА, тов. Папанин вновь получает задание отправиться в Крым и доставить необходимое оружие, снаряжение и деньги в Повстанческую Революционную Армию.

Для выполнения полученного задания тов. Папанин 8-го ноября 1920 г., несмотря на свирепствовавший шторм в море и ненадежность истребителя, ночью с десантным отрядом в море (со стороны Новороссийска) и на рассвете 10 ноября высаживает десант в районе Алушты.

По независящим причинам этот подвиг т. Папанина не был своевременно отмечен. Поэтому в ознаменование X годовщины Красной Армии мы с большим удовлетворением отмечаем вышеуказанный подвиг и представляем тов. Папанина к награждению орденом Красного Знамени.

Бывший член Реввоенсовета Южного фронта Бела Кун»[\[149\]](#).

Из процитированного выше документа непонятно, как Дмитрий Папанин попал в Крым и почему, вернувшись из-за линии фронта, он обратился именно в Закордот, а не ограничился Реввоенсоветом. Зато об этом он написал в своих мемуарах.

В годы Гражданской войны в Крыму, как и на всей территории России, начали стихийно возникать партизанские отряды. В Крыму их созданием занималась преимущественно местная подпольная коммунистическая организация.

«И партизанские отряды были созданы. Поначалу они были небольшими, разрозненными и очень нуждались в оружии, деньгах, продовольствии.

В 1920 году Крымский подпольный обком партии направил в Харьков своих представителей, чтобы они рассказали руководству ЦК КП(б)У и Реввоенсовету Юго-Западного фронта об истинном положении дел и попросили помощи. На рыбацкой лодке посланцы дошли морем до Одессы, а оттуда приехали в Харьков, где их приняли в Закордонотделе ЦК КП(б)У и в Реввоенсовете Юго-Западного фронта. Партизанам выдали и средства, и продовольствие, и вооружение. Главкомом Повстанческой армии был назначен Алексей Васильевич Мокроусов, один из самых популярных и храбрых командиров. Мокроусову как главнокомандующему были даны широкие полномочия. Начальником штаба армии, а впоследствии заместителем командующего стал Василий Погребной...

С Мокроусовым мы и встретились в Николаеве.

Я работал тогда в оперативном отделе штаба морских сил Юго-Западного фронта и был несказанно рад встрече с Алексеем Васильевичем, очень уважал его за кристальную честность, прямоту и редкое бесстрашие.

Вскоре Мокроусов уехал в Харьков. Николай Федорович Измайлов, командующий морскими и

речными силами Юго-Западного фронта, и я, комиссар оперотдела, срочно выехали в Мариуполь для обследования формировавшейся там Азовской флотилии. В Ростове мы опять встретили Мокроусова, возвращавшегося из Харькова. Мокроусов направлялся в Крым и собирал людей для десанта. Разговор у нас был коротким.

– Поедешь со мной? – спросил он.

– Конечно.

В то время ситуация в Крыму ухудшилась. Зимой Юго-Западный фронт упустил возможность овладеть Тавридой, а потом атаки наших войск были отбиты корпусом белогвардейского генерала Слащева... В апреле 1920 года барон Врангель был избран на белогвардейском военном совете в Севастополе главнокомандующим вооруженных сил Юга России. В июне белые захватили Северный Крым, а к осени Южный фронт стал главным для республики Советов.

Антанта не жалела ни вооружения, ни продовольствия. Под знамена Врангеля стекались уцелевшие деникинцы, колчаковцы. Белогвардейцы на всех фронтах отличались своей жестокостью...

«В середине августа 1920 года по решению ЦК КП(б)У и Реввоенсовета Юго-Западного фронта для укрепления партизанского движения в Крым была заброшена группа бывших красногвардейцев-севастопольцев, имевших большой опыт борьбы с белыми на Дону, Украине и в Крыму: А.В. Мокроусов, И.Д. Папанин, Г.А. Кулиш, Д.С. Соколов и другие, всего 11 человек», – написано в «Истории Гражданской войны».

Мы согласовали наши планы со штабом морских сил, и на другой день я включился в работу. Стали собирать верных людей. Много помог нам прибывший из крымского подполья Сергей Муляренко...

Подготовка к десанту шла в глубочайшем секрете.

О ней знали очень немногие. Мы понимали, что идем на большой риск: два маломощных суденышка могли, разужнай об этом врангелевцы, легко стать их добычей.

Чтобы хоть как-то обмануть белых, Мокроусов предложил изменить внешний вид «Витязя» (одно из судов, которое планировалось использовать. – *Прим. авт.*). На нем поставили фальшивую вторую трубу, сколотили надстройки. Судно перекрасили в серый цвет, чтобы «Витязь» хоть отдаленно напоминал миноносец.

Горючее у нас было только для одного катера. «Витязю» требовался уголь, который мы собирали по кусочку.

Тайну сохранить нам удалось: даже местные власти считали, что ремонтируются суда береговой охраны. Решили идти в Крым ближайшим путем – от Анапы. В нее мы и направились из Новороссийска. Когда подошли к Анапе, там началась паника. «Витязь» приняли за белогвардейский миноносец и решили, что высаживается десант. Впрочем, все успокоились мгновенно, едва мы сошли на берег...»

После многочисленных приключений группа все же смогла попасть в Крым. Снова обратимся к воспоминаниям Ивана Папанина:

«Нас было одиннадцать человек: Алексей Мокроусов, Василий Погребной, Сергей Муляренко, Николай Ефимов, Григорий Кулиш, Александр Григорьев, Федор Алейников, Александр Васильев, Дмитрий Соколов, Курган, имени не помню, и я. (Теперь нас в живых только двое: Митя Соколов, в восемьдесят лет ушедший на пенсию, и я. Одни погибли в боях, другие умерли: «беспощадное время бьет по нашим квадратам»)...»

Высадка прошла благополучно.

«Знать бы нам, что после высадки нашего десанта, 7 сентября 1920 года, Врангель объявил благодарность генералу Слащеву за бдительную охрану Черноморского побережья».

Это свидетельствует о прекрасной подготовке операции. Сейчас известно, что разведка у белогвардейцев в годы Гражданской войны работала достаточно эффективно.

«Мокроусов должен был связаться с отрядами, разбросанными на побережье, у Керчи, в ялтинских горах и в других районах Крыма. Он имел полномочия принять командование в свои руки...

Алексей Васильевич Мокроусов энергично взялся за дело, для осуществления которого требовались решительность, оперативность, организаторский талант. Этих качеств у Алексея Васильевича хватало. Его боевое революционное прошлое сразу давало себя знать...

В «Истории Гражданской войны» говорится: «К середине сентября Повстанческая армия Крыма насчитывала около 500 штыков. С приездом группы Мокроусова значительно усилилась боевая деятельность крымских партизан».

В «Приказе № 1 по лесам и горам Крыма» Мокроусов предлагал всем партизанским отрядам регистрироваться в штабе партизанского движения и поддерживать с ним постоянную связь. Замечу, что в годы Великой Отечественной войны, когда Крым оккупировали немецкие захватчики, одному из руководителей антифашистского подполья, полковнику А.В. Мокроусову, довелось издать похожий приказ, хотя дело с самого начала было поставлено совсем на иной основе. А в Гражданскую войну, с учетом обстановки во врангелевском тылу, главкому Повстанческой армии надо было подчеркнуть, что отряды, не подчинившиеся приказу № 1, будут считаться бандитскими, а их члены – расстреливаться как враждебные Советской власти лица.

Красные партизаны действовали отчаянно смело. Особенно запомнился мне налет на Бешуйские копи, где добывался каменный уголь. Качество этого угля было

низким, но тем не менее Врангель приказал вести интенсивную добычу, иначе мог стать транспорт.

Находились копи в горах, в труднодоступном районе. Добирались мы до них чуть ли не козьими тропами, несли на себе продовольствие, винтовки, гранаты, пулеметы.

Мы подошли к копиям с такой стороны, где нас беляки и ждать не могли. И все-таки ночью, уже у самых копей, мы напоролась на заставу.

– Стой, кто идет?!

Все замолчали. Казалось, слышно биение сердца. И громкий голос Мокроусова: «Партизаны, вперед!»

Мы смяли заставу врага. Раз себя обнаружили – бросились на врангелевцев. Те залегли.

Только утром удалось нам оттеснить белогвардейцев от шахт. Мы втроем – Мокроусов, Григорьев и я – подготовили взрыв.

Только отошли, раздался такой взрыв, что даже земля задрожала. Копи были надолго выведены из строя, а с ними мастерские и другие здания. Попутно мы подожгли склад взрывчатых веществ.

«Врангелевцы бросили против партизан, совершивших нападение на Бешуйские копи, крупные войсковые части, вынудив повстанцев уйти из района Крымского заповедника на восток, в район Судакских лесов, где в начале сентября произошло соединение основных партизанских сил», – пишется в «Истории Гражданской войны».

Отступили мы с боями по линии Чотыр-Дол, Алушта, село Куру-Узень.

Вот как вспоминал об этом Алексей Васильевич:

«Отступали тяжело, с боями, но настроение было приподнятое: мы доказали врагу, что в его тылу есть сила, с которой необходимо считаться.

За два месяца борьбы наш отряд совершил ряд рейдов: ворвавшись в Судак, прервали подвоз дров для

Белой Армии, разрушили лесопильный завод и приостановили работу по заготовке бревен в лесах; систематически разрушали телефонную и телеграфную связь; уничтожали белогвардейских контрразведчиков и карателей; установили постоянную связь с подпольными организациями городов и деревень Крыма; наладили сбор разведданных для Красной Армии.

Врангель вынужден был отозвать с фронта целую дивизию. Как нас известили, был продуман особый план, каким образом уничтожить партизан. Воинские части, направленные из Феодосии, Судака, Ялты, Алушты и Симферополя, должны были окружить со всех сторон лес. Нам грозила верная гибель, если бы не выручили разведчики... Партизаны под самым носом у белогвардейцев вышли из смыкавшегося кольца и передислоцировались подальше в горы, а оттуда продолжали беспрерывно тревожить белых».

Да, боролись мы в очень трудных условиях, и можно без преувеличения сказать: почти все партизаны были людьми отменной храбрости. Не могу не упомянуть здесь военкома Повстанческой армии В.С. Васильева, члена чрезвычайной тройки А.И. Федорову, отважных руководителей партизанских рейдов Л.В. Киселева, А.П. Улановского, П.В. Макарова.

Успехов мы добились немалых, а наше положение день ото дня становилось все хуже. У нас не было ни радиосвязи со своими, ни достаточного количества патронов и гранат. Вокруг хорошо вооруженные и многочисленные отряды белогвардейцев. Назрела насущнейшая необходимость связаться с командованием Юго-Западного фронта и доложить о создавшейся обстановке, согласовать с ним план дальнейших действий, получить оружие, деньги, боеприпасы. По докладу Мокроусова на заседании Военного совета Повстанческой армии было принято решение отправить за линию фронта представителей

Крымской повстанческой армии. Выбор пал на двух моряков. Но контрразведка белых перехватила их, и моряки погибли. Это дело было поручено мне...»[\[150\]](#)

Что было дальше – описано выше.

Другие интересные подробности организации подпольной работы в Крыму можно узнать из Доклада начальника Закордота ЦК КП(б)У, который был подготовлен в конце лета 1920 года.

«Судя по докладам тт., прибывающих из Крыма, в период от марта текущего года, а в некоторых местах до апреля, нашими подпольными организациями в Крыму была развита довольно широкая деятельность. Этому способствовал целый ряд благоприятных фактов: упадок настроения в среде белогвардейцев под влиянием военных неудач, революционное настроение рабочих в мае, усиливавшееся под влиянием возрастающей дороговизны, враждебное к белым отношение крестьянства, недовольного бесконечными мобилизациями и реквизициями, обилие дезертиров и пр.

Была завершена организационная работа: сконструированы областком и парткомы (областком был избран на съезде подпольных организаций), назначены областной и уездные ревкомы, количество членов подпольной организации в городах исчислялось сотнями.

Ревкомы располагали довольно крупными партизанскими отрядами (некоторые в составе до 400 человек), подрывными командами. Имелись связи и ячейки в войсковых частях, артиллерии и во флоте. Не только зеленоармейская партизанщина (а число зеленоармейцев, по словам члена областного Ревкома тов. Жоржа, достигло 15–20 тысяч), но и другие группы, враждебные белому командованию, например капитана Орлова, вступали в переговоры и искали контакты с нашей партией.

Деятельность подполья проявлялась в ряде взрывов, повреждений путей сообщения, массовым вооруженным освобождением товарищей арестованных (в частности, освобождено было свыше 100 товарищей, эвакуированных белогвардейцами из Харькова), выпуске ряда листовок, организации забастовок и прочее. Хорошо организованный Рев. Кр. Крест связался со многими учреждениями, доставил необходимые документы, освобождал путем подкупа некоторых товарищей.

Однако эти довольно значительные ресурсы и связи нашего подполья не были в полной мере использованы по многим причинам, и главным образом – вследствие почти полной изолированности Крымского подполья. Подполье ощущало все время острейшую нужду в материальных и технических средствах. Не поступало смены для ответственных партийных работников, пробывших на небольшом Крымском полуострове около года и потому прекрасно известных контрразведке; партизанская деятельность велась без связи с фронтом – все это основные причины малой, сравнительно, продуктивности работы Крымского подполья, несмотря на энергичную деятельность наших крымских товарищей.

Но особенно тяжелый удар подпольной работе в Крыму был нанесен предательством члена ОК Акима (он же Маркьянов, Ахтырский, бывший Наркомпотель Цикуки). В начале марта накануне готовившегося восстания был арестован в Севастополе оперативный штаб; после этого насчитывается ряд провалов, арестов и казней наиболее активных работников, и в результате – почти полный разгром Крымского подполья.

Таким образом, мы стоим в настоящий момент перед задачей почти заново организовать в Крыму подполье. К тому же еще при значительно менее благоприятных условиях, чем раньше, ибо июньское наступление белых,

несомненно, в известной степени приостановило у них процесс разложения.

В основных чертах наш ближайший конкретный план должен свестись к следующему:

1. Нужно организовать вывоз из Крыма 20-25 товарищей, в т. ч. председателя ОК тов. Николая (Набахана), вынужденных скрываться в лесах.

2. Нужно ликвидировать предателя Акима.

3. Необходимо перебросить в Крым 3-4 ответственных партийных работников, там совершенно неизвестных. Эти товарищи при помощи уцелевших связей могли бы собрать рассыпавшиеся организации.

4. В Крым должен быть переброшен товарищ, который был бы известен там по своей партизанской деятельности в прошлом и который потому мог бы сгруппировать вокруг себя и объединить партизанские элементы (следует отметить, что прибывший член подпольного областного Ревкома определяет количество партизан числом свыше 10 000).

5. Нужно организовать в Харькове изготовление и снабжение Крыма паспортными бланками, пропусками и пр.

6. Нужно установить регулярную связь с Крымом и внутреннюю связь Крыма с северными уездами, занятыми неприятелем.

7. В Крым должны быть отправлены в самом срочном порядке деньги.

Осуществление этого плана мне мыслится следующим образом. При Закордоте ЦК КП(б)У организуется Крымский отдел, централизирующий и объединяющий всю деятельность, связанную с Крымским подпольем.

Крымский отдел немедленно же связывается через постоянных представителей с 13-й армией и с Екатеринославским губкомом, организующим подполье в северных уездах.

Для вывоза из Крыма тов. Николая и др., для переброски туда партийных и партизанских руководителей и для осуществления регулярной связи с Крымом нужно иметь постоянного, вполне надежного и ответственного уполномоченного в отделе на Черноморском побережье.

В какой валюте и в какой сумме можно отправить в Крым денег – определится в зависимости от технических способов связи с Крымом.

Пока Крымским отделом осуществлено следующее:

1. Один из курьеров, прибывших из Крыма (тов. Саломон), возвращен туда с небольшой суммой, около одного миллиона в романовской и думской валюте.

2. На Черноморском побережье еще недели полторы-две отправлен вполне надежный и опытный товарищ (Лука) с несколькими крымскими работниками, имея поручение срочно наладить переправу в Крым. Тов. Луку я и полагаю необходимым оставить нашим постоянным уполномоченным на побережье. Так как от тов. Луки до сих пор нет сведений и с ним не удалось связаться по прямому проводу, а также ввиду большой сложности и спешности изложенного на него поручения, то в помощь ему командирован тов. Жорж и курьер для немедленной информации и связи с нами – тов. Владимир.

3. К тов. Затонскому для установления связей с 13-й армией и работы совместно с Екатеринославским губкомом по организации подполья в северных уездах командирован тов. Макар. Ему поручено немедленно информировать нас о том, что сделано, предоставить смету на необходимые средства, экипировку, собрать и срочно прислать сюда для изготовления образцов бланков, печатей и пр., организовать получение белогвардейских газет, воззваний и пр.

Переслано с тов. Макаром пока полтора миллиона рублей донскими и несколько паспортных бланков с печатями, вместе с ним отправлен курьер тов. Когон.

4. Налаживается отправка в Крым испытанного партизанского руководителя. Если только удастся перебросить его туда, то я не сомневаюсь в том, что он сумеет нанести в тыл ряд весьма серьезных ударов белым, что самым существенным образом отразится на темпе ликвидации врангелевских банд.

5. Необходимо получить от партии 3-4 ответственных и надежных товарищей, хорошо знакомых с подпольной работой, для руководства в Крыму партийными организациями и столько же приблизительно товарищей, которых можно было бы использовать в качестве курьеров для связи с Крымом.

До сих пор отдел пользовался собственными силами, крымскими работниками, но для указанной выше работы они не могут быть использованы, так как в Крыму они известны как коммунисты.

6. Нужно обратить самое серьезное внимание на создание при Закордоте вещевого фонда. Без приличных штатских костюмов, белья, обуви и пр. в Крым посылать работников нельзя, иначе мы их будем подводить сразу под подозрение»^[151].

Вот такая вот малоизвестная подробность организации партизанского движения в Крыму в годы Гражданской войны.

Боевая работа на Волыни

Поучаствовал Закордот и в организации партизанского движения на территории Польши. Если быть совсем точным, то на территории Волынского воеводства. Оно было создано в границах II Речи Посполитой и было вторым по размеру воеводством в Польше. Площадь воеводства составляла 35 754 км². В его состав входило 11 уездов. Население Волыни насчитывало 2085,6 тысячи человек, из которых в городах проживало 276,5 тысячи человек (13,3%), а на

селе – 1809,1 тысячи человек (86,7%). Одна из проблем Волыни в начале прошлого века – многонациональный состав населения. Самую значительную национальную группу составляли украинцы – 68%. Поляков было 16,6%, евреев – 9,85%, немцев – 2,25%, русских – 1,13%, остальные 2,17% составляли чехи и другие национальности. Польское население было рассредоточено на территории всей Волыни. Подавляющее большинство польского (около 80%) и украинского (около 97%) населения проживало в селе. Поляки в городах – это главным образом пришлый чиновничий элемент. Украинцы в большинстве городов не играли важной роли в общественной и хозяйственной жизни. Чаще всего проживали в пригородах и занимались земледелием.

Из приведенной статистики следует, что на Волыни преобладало украинское население. Процент поляков когда-то был значительно выше, но уменьшился во время более чем столетнего российского правления. Большим ударом для польскости Волыни явилось закрытие правительством России польских школ, монастырей и приходов после восстаний 1831 и 1863 годов, а также принудительное записывание католиков в православие. После наступления религиозной свободы в 1906 году только некоторые потомки, принудительно обращенные в веру, вернулись к польскости и католической вере.

После обретения независимости создание государственной администрации и органов местного самоуправления на Волыни встречало много трудностей. Не хватало не только финансовых средств, но также общественной и политической стабилизации.

Можно назвать несколько факторов, препятствовавших стабилизации ситуации в этом регионе.

Во-первых, после того как Волынь вошла в состав Польши, эту территорию начали активно осваивать польские земледельцы и демобилизованные военнослужащие. Понятно, что местные крестьяне активно выступали против новых поселенцев. В результате на восточных землях Польши образовалось только 8 тысяч из 40 тысяч запланированных поселений.

Во-вторых, с 1917 года начался приток поляков на занятия, не связанные с сельским хозяйством. Он начался еще на заключительной фазе Первой мировой войны. Большинство прибывших селились в городах и работали в учреждениях, связанных с функционированием государства, а именно: в администрациях государственной и самоуправления, в армии и полиции, на железнодорожном транспорте, в службе связи, в сфере образования. Понятно, что это вело к большей полонизации местной административной, интеллектуальной, финансовой и т.п. элиты. Хотя, как уже сказано выше, поляки составляли на Волыни только 16,6% населения, в административном аппарате они решительно преобладали. В межвоенный период только поляки исполняли обязанности старост. Немногие жители Волыни других национальностей были служащими более низких уровней, главным образом в аппарате самоуправления.

В-третьих, последствия Первой мировой войны. С одной стороны, большинство городов пострадало в результате боев, а с другой – Волынь в двадцатые годы прошлого века была в экономическом отношении слабее, чем Центральная Польша.

И, наконец, четвертое. Большинство украинского населения (68% жителей Волыни) выступало за самоопределение и воссоединение с Советской Украиной. К тому же Варшава придерживалась

принципа «жесткой руки» во внутренней политике на Волыни.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что украинское население враждебно относилось к новым властям, поддерживая антипольское партизанское движение, руководимое через Закордот.

Первые партизанские и конспиративные отряды были созданы уже в первые годы межвоенного двадцатилетия. На Волыни в то время действовали украинская Красная Повстанческая Организация, украинская Революционная Повстанческая Организация, украинская Народная Повстанческая Организация. Еще в 1925 году на территории Владимирского, Гороховского и Ковельского уездов действовали партизанские отряды^[152]. Только развитие Корпуса Пограничной Службы затормозило свободное до сих пор проникновение через границу с Советским Союзом отрядов, транспортов с оружием и одиночных людей.

Чем же конкретно занимались посланные на Волынь по линии Закордота военные разведчики-спецназовцы? Так, 1-2 мая 1921 года «организациями на Волыни были пущены под откос четыре поезда, что заставило власти усиленно взяться за аресты и преследования. Однако наши организации не пострадали». Также в мае 1921 года закончена переброска «группы работников, около 30, для организации боевых действий»^[153].

В июле – вгусте 1921 года «в северной части Волыни оперировали отряды под руководством Островского (около 200 человек), Василевского (60 лиц) и Русакова (17 лиц)... В южной части Волыни имеется отряд человек в 30, которому недостает оружия».

Чем же занимались эти люди? «Партизанским отрядам были даны директивы вести работу в сторону терроризирования и дезорганизации властей и стремиться к делам более крупного характера (взрыв

крупных мостов, ж.-д. полотна, налеты с разоружением и т.п.)»[\[154\]](#).

Хотя не все складывалось так великолепно, как можно решить после прочтения предыдущих абзацев. Летом 1921 года на Волыни произошел «полный провал всей Волынской организации, который начался в июле месяце и сорвал не только всю работу, но и парализовал на время всякую возможность возобновления работы»[\[155\]](#).

Что же произошло тогда на Волыни? В начале мая 1921 года свои услуги Закордоту предложил некий Казимеж Битовт, в 1918 году «подпольный работник в районе Луцкого, Ковельского, Холмского и Ровенского уездов, штаба коммунистических повстанческих частей Западной Украины и Белоруссии...». В мае 1921 года он поступил на службу в Закордот[\[156\]](#). Как он сам признался позднее на допросе в польской контрразведке, его главная цель работы в этой организации – попасть на территорию Польши и сразу же установить связь с местными правоохранительными органами.

7 июня 1921 года он выехал из Киева и вечером 10 июня прибыл в приграничный городок Острог. На следующий день он пересек советско-польскую границу. Она почти не охранялась пограничниками. 11 июня 1921 года Казимеж Битовт прибыл в Ровно и установил связь с начальником политической полиции города. С этого момента он работал под контролем польских органов госбезопасности[\[157\]](#).

Не только он активно сотрудничал со следствием. Арестованные польской полицией Анджей Шляхтин и Анджей Блащук сообщили все, что они знают о деятельности Закордота[\[158\]](#).

Хотя самые интересные подробности на допросе 6 августа 1921 года сообщил «председатель «Волынской

губтройки» организации Закордот Антоний Марцинкевич. Прочитываем этот документ полностью:

«1. Около 10 марта 1921 г. Маркус, в качестве начальника отдела Закордота ЦК КП(б)У в Харькове, выдал Русакову примерно 20 каратов бриллиантов для целей акций в Польше.

Неделей позже из отдела Закордота в подотдел в Киев было выслано 175 каратов бриллиантов для группы Русакова.

Пребывая уже в Польше, я слышал от своих сотрудников, что советское правительство в Москве выделило 1500 каратов бриллиантов для подотдела Закордота в Киеве.

Я знаю, что Христич, председатель «Волынской губтройки», получил 175 000 царских рублей и 20 каратов бриллиантов в качестве бюджета на один месяц. Независимо от этого я получил 50 000 царских рублей и 20 каратов бриллиантов.

Все предоставляемые бриллианты подотдел в Киеве получал из Москвы через Киевский банк, который является отделением Народного банка в Москве.

2. Перед моим отъездом из Харькова, т. е. примерно 25 марта с. г., я видел в Харькове Мануильского, народного комиссара сельского хозяйства, посвященного в дела Закордота. Этот же Мануильский был на мирной конференции в Риге.

3. Окончательный срок начала вооруженной акции на границах Польши не был установлен. Стремилась к тому, чтобы до 1 июля начать уже организацию мелких повстанческих отрядов на Волыни. Целью организации Закордота было создание поводов для нового объявления войны Польше за несоблюдение условий мирного договора. Для Советской Украины и ее правительства война была необходимостью, т. к. состояние мира, которое не принесло ожидаемого улучшения экономической ситуации, не было

достаточной гарантией силы советского правительства, которое в связи с этим стремится развязать войну, чтобы таким способом и дальше удержаться у власти. Так, население Украины, как и правительственные круги, надеялось на немедленное улучшение экономической ситуации сразу же после заключения мирного договора. Однако эти надежды не оправдались, вплоть до момента моего отъезда ничто не улучшалось, наоборот, те заводы, которые еще работали, также остановились. Все это еще больше усилило уже давно возникшее недовольство людей, и в первую очередь – среди рабочих. Конференция беспартийных рабочих и крестьян в Харькове, которая состоялась 15 марта 1921 г., была разогнана органами советской власти. Конференция проходила под лозунгом созыва учредительного собрания, с требованием хлеба и свержения коммунистического правительства. Во время первого заседания в момент, когда перешли к избранию президиума, попытался выступить Аверин, председатель харьковского губернского исполнительного комитета рабочих и крестьянских советов, с приветственной речью от губернского управления, но присутствующие рабочие не дали ему говорить, после чего с помощью вооруженных людей конференция была разогнана.

4. Желая развязать войну, Советское правительство старалось спровоцировать такую ситуацию, которая позволила бы обвинить Польшу в нарушении мирного договора.

Когда я уезжал из Харькова, Маркус в моем присутствии сказал Русакову, что Закордот должен установить, есть ли еще на территории Польши петлюровские отряды, а если есть, то стараться внедрить коммунистов в эти отряды с целью соучастия и одновременно добычи вещественных доказательств, что эти организации поддерживаются польским правительством. Предусматривалось также, чтобы

Закордот организовывал небольшие боевые отряды с помощью украинских национальных элементов, которые должны были действовать как петлюровские банды. Цель всего этого состояла в создании конкретных поводов, на основании которых можно было бы обвинить Польшу в несоблюдении мирного договора – поддержке враждебных советскому правительству банд. Закордот, как правительственная организация, должен был существовать только до момента созыва ближайшего 3-го конгресса III Интернационала, который должен был начаться 15 июня с. г. А затем акции Закордота должны были полностью перейти в ведение бюро III Интернационала: таким образом, польское правительство в случае раскрытия этих акций не смогло бы выдвигать никаких обвинений в адрес Советского правительства, которое оказалось бы непричастно к этому, поскольку III Интернационал не является правительственным органом.

5. Мы получили четкий приказ, чтобы ни в коем случае не признавались, что мы присланы на работу из России, а лишь утверждать, что организации Закордота носят местный характер. Было строго запрещено вступать в контакт с официальными большевистскими правительствами в Польше. Только в случае возможного ареста какого-нибудь из членов Закордота можно было частным образом обратиться к советской миссии по репатриации в Варшаве или к дипломатическому представителю с просьбой о вмешательстве и защите, представляя себя гражданином Советской России и Советской Украины.

Предусматривалось, что в случае начала восстания советское дипломатическое представительство не должно было признаваться в том, что это движение имело какую бы то ни было связь с Советской Россией или Украиной, но должно было бы рассматриваться как самостоятельное движение польских коммунистов, а в

случае если бы удалось поднять массовое восстание, то повстанческие отряды должны были бы носить название Польской Красной Армии.

6. Было предусмотрено, что в случае успеха восстания подготовленные в Белоруссии боевые польские отряды (Смоленск, Витебск, Минск) должны были объединиться с боевыми организациями на территории Польши. Целью организации и всей работы было свержение существующего общественного строя Польши путем локальных восстаний.

7. Я считаю, что в сложившейся в настоящее время ситуации и при рассмотрении в целом дел как уже расстрелянных, так и остальных арестованных советское дипломатическое представительство в Варшаве не будет официально выступать и вмешиваться из опасений, что арестованные могли признать фактическую роль Советского правительства во всей акции Закордота, и не захочет компрометировать себя»^[159].

А вот другой интересный документ – Рапорт Министерству иностранных дел Польши об аресте на Волыни сотрудников Закордота от 10 августа 1921 года.

«По поручению господина министра иностранных дел я отправился 4-го числа текущего месяца в Луцк с целью изучения дела об аресте на Волыни коммунистов, обвиненных в участии в коммунистической организации Закордот.

Соблюдая инструкции, полученные от заместителя начальника Восточного отдела г-на Шумлаковского, я полностью отказался от контактов с местными судебными властями и сохранял по отношению к ним полнейшее инкогнито. Зато я основательно ознакомился с материалом, который предложил мне представитель II отдела Нач. Дов. Разведывательного Бюро (Р.Б.5).

Ко дню моего прибытия в Луцк, т. е. к 4-му числу текущего месяца, судебное следствие еще не

начиналось. Предварительное следствие уже велось под надзором прокурора Окружного суда, одновременно двумя органами: 1) Отделом IV Э Министерства внутренних дел под руководством старшего комиссара Тарнавского и 2) Разведывательным бюро, II Отдел Нач. Дов. под руководством поручика Урбанца и его помощника г-на Литевского.

Основной материал состоит из протоколов свидетельских показаний арестованных коммунистов, допрошенных Тарнавским и поручиком Урбанцем; я на месте прочел все протоколы допроса, проведенные Тарнавским и поручиком Урбанцем; к настоящему прилагаю копии протоколов, составленных представителем Разведывательного Бюро поручика Урбанца, общим количеством 30 (приложение № 1); копий протоколов Тарнавского я не получил, поскольку у него не было времени на их составление, эти протоколы вместе с особым отчетом поручика Урбанца будут до 15-го числа этого месяца пересланы в Варшаву Верховному командованию (Р.Б.5).

На основании указанных выше протоколов и устной информации, переданной мне поручиком Урбанцем и г-ном Литевским, я установил следующее:

Раскрытая на Волыни коммунистическая организация под названием Закордот (Закордонный отдел) имеет свою базу в Харькове. Цель деятельности Закордота заключается в совершении большевистского переворота в Польше путем организации локальных восстаний вооруженного местного населения, которым (т.е. восстаниям) руководители Закордота пытаются придать характер национального движения, белорусского и украинского (смотрите показания: Казимежа Битовта от 22. 07 сего года (с. г.), Антония Марцинкевича от 27. 07 и 06. 08 с. г., Качиньского от 27. 07, Андрея Шляхтина от 23. 07, Андрея Блащука от 23. 07, Наталии Тарской от 24.07, Василия Бернацкого от 04.

08 с. г., а также копию донесения агента Литевского в Р.Б.5. Действующая на территории Волыни коммунистическая организация была только одним из подразделов Закордота, сверхразветвленной организации, действующей также и на территории Белоруссии, Полесья и Малой Польши. К настоящему прилагаю схему всей системы организации Закордота, разработанную на основании показаний арестованных коммунистов и нарисованную по указаниям обвиняемого Антония Марцинкевича. Как видно из прилагаемой схемы, деятельность Закордота распространяется не только на отдельные части Республики Польша, но охватывает также и Литву (подотдел Закордота в Смоленске), балтийские государства – Латвию, Эстонию и Финляндию (подотдел Закордота в Пскове), а также Румынию (подотдел Закордота в Одессе).

При изучении материала и в разговоре с поручиком Урбанцем и его помощником я старался определить, какая существует связь между деятельностью коммунистической организации Закордота и Советским правительством. С целью выяснения этой связи я постарался добиться проведения дополнительного допроса обвиняемого Антония Марцинкевича, которого я допрашивал лично в присутствии поручика Урбанца (смотрите протокол показаний Марцинкевича от 06. 08 с. г.), – Марцинкевич как председатель Волынской «Губтройки» (губернской революционной «Тройки») является одним из членов Закордота, лучше всех остальных ознакомленных с общей системой деятельности этой организации на территории Польши и который как интеллигентный человек (был студентом университета, математическое отделение) лучше остальных арестованных ориентируется в политических вопросах и знает политические основы деятельности Закордота; большинство же остальных арестованных были преимущественно слепым орудием в руках

руководителей организации. В соответствии с показаниями Марцинкевича и остальных можно с полной уверенностью утверждать, что организация Закордот является официальным аппаратом Советского правительства в Москве и в Харькове. Подотделы Закордота, деятельность которого распространяется на Волынь, Полесье, Беларусь, Малую Польшу и Варшаву, с резиденцией в Киеве подчиняются центральному управлению Закордота в Харькове, которое подчиняется непосредственно ЦК КПУ (Центральному Комитету Коммунистической Партии Украины), а во главе ЦК КПУ стоят люди, которые входят в состав Советского правительства Украины, как, например, Раковский, Мануильский, Петровский, Затонский, Феликс Кон. К настоящему прилагаю фотографии схемы организации Закордота, которую собственноручно нарисовал и снабдил комментариями обвиняемый Марцинкевич. Денежные средства на проведение агитации и организации повстанческих подразделений Закордот получал от Советского правительства в Москве, откуда они пересылались через Киевский банк, являющийся отделением Национального банка в Москве, т.е. официального банка Советского правительства. Средства для целей Закордота выплачивались частично наличными, однако преимущественно в виде бриллиантов. Не подлежит сомнению, что столь значительным количеством бриллиантов в настоящее время в России распоряжается только Советское правительство. Далее, в качестве следующего доказательства, что Закордот является правительственной организацией, может служить удостоверение личности, выписанное на имя Котовича (партийная кличка Битовта) подотделом Закордота в Киеве (Закордонный отдел ЦК КПУ, подотдел Правобережья и Галичины) 30 мая 1921 г. под № 5262/С и подписанное Станиславским. Второй абзац этого

удостоверения содержит поручение всем железнодорожным и военным властям, а особенно «Особым отделам» (ЧК), «Отделениям» и «Контрольным пунктам» (в пограничных зонах), чтобы предоставляли всевозможную помощь предъявителю удостоверения, а именно в соответствии с постановлением Реввоенсовета (Революционного Военного Совета) Юго-Западного фронта от 8 июля под № 245. Не подлежит сомнению, что такого типа поручения железнодорожным и военным властям, а особенно «Особым отделам» (ЧК) может выдавать в своих удостоверениях только инстанция, являющаяся правительственным органом. На основании приведенных выше доводов можно считать доказанным, что правительство Советской Украины, проводя с помощью своих органов агитацию и пропаганду на территории Польши и создавая организации, посягающие на территориальную целостность Польши (агитация за отделение Кросов от Польши), и занимаясь подготовкой свержения общественно-государственного строя Республики Польша путем насилия (организация партизанских ячеек), нарушило обязательства, содержащиеся в абзацах 1 и 2 ст. V Мирного договора, подписанного в Риге 18.03.1921 г. и вступившего в силу с 30.04.1921 г. (дата обмена документами, ратифицирующими Договор). Следует отметить, что почти все инкриминированные действия датируются периодом после 30.04.1921 г. (например: служебное удостоверение личности члена Закордота Котовича-Битовта подписано 30.05.1921 г.).

Следует допустить, что Советское правительство в Москве, не желая нести свою долю ответственности за акции, совершаемые на Волыни через посредничество Закордота правительством Советской Украины, будет пытаться доказывать, что эти акции украинское правительство осуществляло самостоятельно и независимо от Москвы, возможно даже, что

осуществление работы Закордота на территории Польши умышленно было поручено правительству в Харькове для того, чтобы не обнаружить ответственность, в случае неуспеха, московского правительства. Кроме этого, следует подчеркнуть некоторые обстоятельства, указывающие на то, что деятельность Закордота на Волыни не была неизвестной для Советского правительства в Москве:

1. Не подлежит сомнению, что фондами, необходимыми для осуществления акций Закордота в столь широком масштабе, распоряжается Москва, а не Харьков.

2. В соответствии с показаниями обвиняемого Марцинкевича и других, деньги и бриллианты для подотдела Закордота в Киеве присылались из Москвы через Киевский банк.

3. В своих показаниях от 22.07.1921 г. Битовт-Котович сообщает, что в секретном партийном собрании, на котором обсуждались дела руководства организации Закордота и которое состоялось в Киеве в середине июня с. г. (и на котором он, Битовт, присутствовал), принимал участие также и Зиновьев, член Советского правительства в Москве.

Характерным является обстоятельство, что Советское правительство с помощью коммунистов проводило в среде местных крестьян на Волыни антипольскую и антиправительственную агитацию под национальными украинскими и белорусскими лозунгами; члены Закордота рассчитывали на то, что с момента начала восстания им удастся подчинить себе это восстание и возглавить его, с тем чтобы превратить национальное движение (украинское и белорусское) в движение коммунистическое и в такой способ совершить большевистский переворот в Польше. Предусматривая возможность раскрытия организации Закордота и во избежание компрометации, чтобы не

скомпрометировать в случае неудачи Советское правительство, члены Закордота получили четкие инструкции, чтобы, агитируя в среде местных жителей, не признавались в том, что они были присланы из России или с Украины, и чтобы они не поддерживали никаких контактов с официальными советскими миссиями в Польше. Вся деятельность Закордота должна была иметь признаки локального движения, руководимого местными деятелями (показания Марцинкевича от 06.08.1921 г.). Но на основании показаний арестованных коммунистов было установлено, что большинство из них прибыли из России или Украины, в целом ряде показаний подробно описывались обстоятельства, при которых отдельные обвиняемые попали в Польшу через так называемые «переправы» в пограничной зоне (Славута – Острог, Нововолынск – Кожец, Олевск – Сарны). В соответствии с показаниями Марцинкевича и других было установлено, что, для того чтобы обеспечить себя на будущее и избежать какой бы то ни было ответственности Советского правительства за деятельность Закордота, было решено, чтобы с определенного момента Закордот утратил свой официальный характер правительственного органа и чтобы все его акции взяло на себя бюро III Интернационала – что также, вероятно, в настоящий момент уже наступило.

Путем поимки 46 коммунистов, арестованных в Ровно, Луцке, Сарнах, Дубно, Хотыни, Кременце и Остроге, была ликвидирована деятельность Закордота на Волыни; однако эта ликвидация, по мнению Урбанца, была преждевременной, поскольку она затруднила в значительной степени обнаружение аналогичных отделений Закордота, без сомнения, существующих в Полесье, Беларуси, Малой Польше и Варшаве, а также отодвинула на более позднее время окончательную ликвидацию коммунистической организации Закордота

в целом на территории Республики Польша. Поручик Урбанец утверждает – и у него есть, похоже, доказательства этого, – что, несмотря на аресты, проведенные на Волыни, акции Закордота продолжаются, и считает, что обязательным является продолжение ведения следствия в этом направлении, и в ближайшее время намеревается перенести свои поиски в Полесье и Белоруссию, в надежде, что ему удастся снова связать нити дела, разорванные фактом проведенных арестов, и довести свою акцию до успешных результатов. Преждевременная ликвидация организации Закордот на Волыни произошла потому, что несколько членов Закордота совершили в Ровно и в его окрестностях два преступления, одно из которых – убийство супругов Горенштейнов в Ровно с целью ограбления. Эти преступления стали причиной вмешательства следственной полиции и вызвали необходимость немедленного ареста непосредственных участников убийства; опасения, что этот арест убийц мог бы напугать остальных членов Закордота, определили необходимость ареста всех выявленных дефензивой (политической полицией) коммунистов, принимающих участие в акциях Закордота.

За преступления и участие в коммунистической организации Закордот арестовано всего 46 человек; отмечу, что гражданство отдельных арестованных приводится по протоколам дачи показаний, составленных старшим комиссаром Тарнавским.

Из указанных выше арестованных 6 человек, а именно 1) Винцентий Качиньский, 2) Наталия Тарска, 3) Анджей Шляхтин, 4) Якуб Киршенштейн, 5) Петр Микшевский и 6) Эустафий Кондратышин были осуждены Чрезвычайным судом в Луцке и по приговору от 30.07. с. г. были осуждены на смертную казнь путем расстрела; приговор был приведен в исполнение 31.07 с. г. К настоящему прилагаю копию Чрезвычайного суда.

Копию обвинительного заключения по делу 6 расстрелянных я не смог получить в Луцке, поскольку обвинительное заключение было переслано Прокурору по апелляциям Восточных земель в Варшаве; мотивы приговора (обоснование) – как меня проинформировали в Луцке – как будто до сих пор не были объявлены, несмотря на то что обоснование было сформулировано на 01.08 с. г. Одновременно с указанными выше 6 расстрелянными должен был быть осужден Антоний Марцинкевич, который принимал активное участие в убийстве супругов Горенштейнов, однако в последний момент, когда он находился на скамье подсудимых, его дело ввиду особого характера (о котором я докладывал господину министру устно) было отложено и должно будет рассматриваться отдельно или же вместе с остальными обвиняемыми, в зависимости от дальнейшего хода следствия, ведущегося представителем военной дефензивы.

Процесс указанной выше шестерки, который состоялся 30-го, носил характер чисто уголовного дела, без политического подтекста, по крайней мере, судебные власти во время заседаний старались избегать вопросов политического характера. А вот будущий процесс над 40 коммунистами будет иметь определенно политический характер, поэтому следует предвидеть, что он приобретет значительную известность и вызовет большой интерес в политических сферах и в прессе как в нашей стране, так и за рубежом. Следовательно, возникает вопрос, заинтересовано ли Министерство иностранных дел в том, чтобы процесс над 40 коммунистами был предан гласности, или же, наоборот, лучше будет, если удастся избежать большой известности; в первом случае было бы целесообразным перенесение дела в Варшаву, где процесс мог бы проходить с большим участием общественности и прессы. Дата процесса еще не установлена, но процесс

наверняка состоится не раньше, чем в первых числах сентября.

Следует отметить, что при допросе арестованных как представителем #V# Министерства внутренних дел, так и представителем Р.Б.5 Нач. Дов. не было в достаточной степени, как это следует из содержания протоколов показаний, выделена политическая сторона дела в целом. Я считаю, что если не ото всех, то по крайней мере от некоторых обвиняемых можно было бы на соответствующем допросе получить определенные политические заявления, проливающие свет на роль Советского правительства в деятельности организации Закардота, а также на политическое основание этой деятельности вместе с внутренней и внешней политикой Советской России и Украины. В ходе проведенного мной допроса арестованного Марцинкевича, хотя это происходило в условиях не слишком благоприятных, мне все же удалось получить показания, имеющие определенную политическую ценность; на мой взгляд, то же самое можно было бы получить и от многих других обвиняемых. Ввиду того, что судебное следствие еще не начиналось, я считал бы желательным, чтобы судебный следователь в случае дополнительного допроса обвиняемых обратил внимание на политический аспект показаний; особый интерес с этой точки зрения, по моему, могли бы представить показания Гончарова. Министерство иностранных дел могло бы в случае необходимости обратиться по этому делу к Министерству юстиции с просьбой о выдаче соответствующих указаний судебному следователю, которому будет поручено ведение судебного следствия.

В то же время считаю необходимым отметить, что в соответствии с собранными мной в Луцке данными восточная граница Республики Польша охраняется явно ненадлежащим образом, и пересечение границы в ту или иную сторону без каких бы то ни было документов

не представляет ни малейших трудностей. Как вытекает из показаний почти всех обвиняемых, большинство из них попадали в Польшу через пограничные пункты с помощью больших или меньших денежных сумм. По словам поручика Урбанца, переход через границу в ту или иную сторону сегодня возможен за минимальную сумму 100-150 польских марок. Когда я спросил арестованного Марцинкевича, встречали ли члены Закордота, посылаемые в Польшу, какие-нибудь трудности при пересечении границы и пытался ли Закордот протащить своих людей в числе репатрируемых польских беженцев, Марцинкевич рассмеялся и ответил, что они не использовали Комиссию по репатриации, поскольку переход через границу не представляет никаких трудностей»^[160].

Бессарабия и Буковина

Закордот не ограничивался организацией партизанского движения Волынью. Так же активно его эмиссары действовали на территории Бессарабии и Буковины. Процитируем фрагмент отчета деятельности этой организации за апрель – май 1921 года.

«БЕССАРАБИЯ

Работа с конца апреля была отчасти расстроена провалами, происшедшими в Ясской организации и захватившими Кишинев. Провалы эти на периферии не отразились, и поэтому восстановление разгромленных организаций началось довольно успешно.

(...)

БОЕВЫЕ РАБОТЫ В БЕССАРАБИИ

В последнее время боевая работа развивается особенно хорошо в Хотинском уезде, который разбит на 4 района в отношении

формирования территориальных боевых групп. Группы в каждом районе организуются в количестве 10-15 лиц, и при группах устраиваются базы, где хранится оружие не только для групп, но и для большего количества бойцов. Две группы вполне соорганизованно действуют непрерывным политическим и экономическим террором.

Кроме территориальных районов групп, созданы также две группы, по принципу работы экстерриториальные. Они постоянно передвигаются и наносят удары в том или другом месте и потом переходят по окончании работы на нашу сторону.

В других уездах партизанская работа выражается в мелком терроре представителей властей и помощников.

В целях создания хорошего боевого отряда в Бессарабии началась работа по формированию специального кавалерийского отряда для переброски за рубеж. Этот отряд, состоящий специально из бессарабцев, находился при Тираспольском Особотделе, но сейчас расформирован и влит в другие части. Разрешение использовать этих бессарабцев для наших целей было нами получено. Ныне остается вопрос об их извлечении из частей и переброске по формировании в Бессарабию, проводя это под видом дезертирства отряда.

В ночь на 1 мая, под праздник Пасхи, в Кишиневе ровно в 12 часов ночи был произведен взрыв Сигуранцы (румынская контрразведка. – *Прим. авт.*), произведший страшнейший переполох. Был ли в это время кто-нибудь в здании Сигуранцы, погиб ли кто-нибудь, неизвестно. Было после этого арестовано до 600

лиц. Виновники же взрыва усердно молились в церкви.

БУКОВИНА

В Буковине работа развивается хорошо. Левая часть с.-д. партии уже вступила в открытую борьбу, но вопрос о совершенном отделении левого крыла еще сложный ввиду того, что стоящие еще во главе партии правые не остановятся ни перед чем, чтобы сорвать создание коммунистической группы. Профсоюзы завоеваны в большинстве нами, и железнодорожники, коммунальные рабочие и столяры уже отказались платить партийный взнос.

В данное время среди левой части партии нет лишь единства на почве национального вопроса. Приняты меры к прекращению розни. Работа среди молодежи в Буковине только что начата.

В Черновцах организуется для этой работы спортивный клуб...»^[161].

29 июня с территории Советской Украины на территорию Бессарабии тайно проник отряд с целью нападения на жандармское управление и волостное правление. План был реализован полностью. Оба здания были сильно повреждены, находившиеся внутри люди погибли, документы уничтожены. Румынские войска и полиция начали поиск отряда, но из-за неразберихи в организованную жандармами засаду попала рота румынских солдат. В ходе ночного боя погибли несколько солдат и офицеров. Отряд партизан без потерь вернулся на территорию Советской Украины^[162].

11 июля 1921 года группа из шести человек попыталась взорвать железнодорожный пост. Попытка оказалось неудачной. Тогда партизаны подорвали

железнодорожное полотно. На четверо суток было парализовано движение поездов.

Экспортеры оружия

Примерно с середины 1921 года Закордот начал активное снабжение находящихся за рубежом партизанских отрядов. Объемы поставок колебались от нескольких штук до железнодорожных вагонов. Так, Южному отделению Отдела международных связей (ОМС) Коминтерна 9 мая 1921 года было отпущено: пять револьверов с патронами; десять винтовок; один ящик винтовочных патронов; двадцать ручных гранат; один пулемет системы «Льюис» и два ящика лент к нему [\[163\]](#).

В мае 1920 года в Одессу в трех железнодорожных вагонах «для усиления партизанской работы за рубежом» было направлено «большое количество вооружений и снаряжения». Цитата из документа:

«Имущества было отправлено два вагона, кроме того, вагон со взрывчатыми веществами.

В цифрах отправленное имущество выражается: [\[164\]](#)

Пулеметов сист. «Льюис»	29
Пулеметов сист. «Шоша»	50
Патронов к пулеметам	256 500
Винтовок	250
Патронов к винтовкам	270 000
Французских гранат	310
Бомб Новицкого	400
Запасных частей к пулеметам	5
Динамитов с капсюлями	15 пудов
Пироксилина с капсюлями	20 пудов
Толя с капсюлями	20 пудов
Пироксилиновых шашек с капсюлями	100
Машинок для подрыва	3

Глава 6

«Активка» на Дальнем Востоке

После серии неудачных попыток организовать революции в странах Европы основную ставку «мировые революционеры» делали на Китай и китайскую революцию, которая, как они считали, должна была перерасти из антифеодального и национально-освободительного движения в революцию по типу российской и в перспективе привести к построению социализма. В СССР у этого курса были как сторонники, так и противники. К последним можно отнести наркома иностранных дел Максима Литвинова, полпреда в Японии Виктора Коппа и других. А рьяными сторонниками китайской революции были руководитель группы советских политических советников в Китае Михаил Бородин (Грузенберг) и полпред в Китае Лев Карахан (Караханян), которые зачастую действовали по собственному усмотрению, не очень-то советуясь с Москвой. Бородин проводил курс на подталкивание вооруженного восстания в Китае, провозглашение революционного правительства и создание китайской Красной Армии. Даже военные советники, не страдавшие недостатком коммунистического радикализма, приняли этот план в штыки, а главный военный советник при китайском революционном правительстве в Гуанчжоу (Кантоне) Василий Блюхер прямо заявил, что эти директивы преступны. Однако на сторону Михаила Бородина стал Иосиф Сталин, и план был принят к исполнению.

Работу по организации вооруженного восстания в Китае местная Компартия начала с осени 1925 года по инициативе Москвы и в соответствии с проектом директивы о военной работе КПК, подготовленной в

августе 1925 года Восточным отделом ИККИ. В ней выдвигалось предложение о необходимости партии вести работу по организации вооруженных сил китайской революции и подготовке масс к боям «с иностранными империалистами и реакционными китайскими милитаристами». В проекте указывалось, что ЦК КПК и крупнейшие местные партийные организации «должны организовать специальные военные отделы во главе с наиболее авторитетными членами бюро этих комитетов». Военным отделам предлагалось вести работу в двух направлениях: работа по накоплению и организации собственных сил и разложению и использованию сил противника (Гоминьдана)^[165].

Для реализации планов на помощь Коммунистической партии Китая направили военных советников. В их числе был бывший эсеровский боевик, опытный террорист и сотрудник Разведупра Григорий Иванович Семенов. Перед тем он находился на хозяйственной работе и, как говорится, несколько заскучал. Поскольку его связывали приятельские узы с фактическим руководителем Коминтерна Николаем Бухариным, то просьба о его назначении на более «веселую» службу была по-товарищески удовлетворена. 3 марта 1927 года на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение по предложениям Китайской комиссии Политбюро. 10-м пунктом этого постановления значилось: «Считать возможным командировать в Китай тов. Семенова для работы в Военном отделе ЦК ККП»^[166]. В апреле Семенов отправился в Китай, где, действуя под псевдонимом «товарищ Андрей», развернул бурную деятельность по созданию вооруженных сил КПК и подготовке свержения гоминьдановского режима. 26 мая Политбюро разрешило Китайской комиссии «из ее средств ежемесячно отпускать т. Андрею 1000 ам[ериканских]

долларов для работы Военки» – не так уж и мало по тем временам.

Григорий Семенов в одном из писем назвал свою деятельность «дворцовым переворотом». Он вел работу в армии Чан Кайши, организовывал диверсионные рабочие «пятерки» по типу знакомых ему эсеровских, вел «антиработу» (так он писал в письме. – *Прим. авт.*) – выпускал прокламации на английском и французском языках, собирал сведения об английских и французских воинских контингентах в Китае. И обо всем регулярно отправлял донесения в Центр. Радио для агентурной связи разведчиков с Центром тогда еще почти не использовалось, телеграф для этих целей был ненадежен, и «товарищ Андрей» писал письма.

10 июня 1927 года Григорий Семенов запросил мнение Центра о желательности «в настоящее время» поднять восстание в районе Шанхай – Нанкин в пользу Ханькоу. По его словам, командир 26-го корпуса Чжоу Фенчжи предлагал выступить совместно с рабочими, в его распоряжении имелось две дивизии численностью около 6000 бойцов, вооруженных, но ощущался недостаток в патронах. Чжоу Фенчжи уверял, что если Ханькоу сможет послать надежный корпус на Нанкин, то возможно занятие района Шанхай – Нанкин. Своей директивой от 30 июня 1927 года Москва запретила поднимать восстание в Шанхае.

А у Григория Семенова были уже новые планы. «Сегодня вернулся в Шанхай. Моя ошибка, что слишком задержался в Шанхае. Выезжаю 18-го в Кантон, Сватоу для организации восстания, – сообщал он в Москву 16 августа. – Уверен в успехе красной экспедиции. Нужна только своевременная переброска оружия и денег. Требуется... 5000 долларов. Хочу 2500 взять в Кантон...»

Вопрос о деньгах для Семенова к этому времени был решен положительно. 21 июля 1927 года Политбюро ЦК

ЦКП(б) приняло решение: «Отпустить 5 тысяч долларов в распоряжение т. Андрея»^[167].

Восемь месяцев готовилась революция, и наконец 11 декабря 1927 года в Гуанчжоу (Кантоне), где у КПК была крепкая коммуна, вспыхнуло восстание. Через два дня восставших рабочих и солдат жестоко подавили правительственные войска. Семенов участвовал в кантонском восстании от начала до самого конца, от решения ревкома о начале выступления до эвакуации из Кантона. Через месяц в своем докладе в Москве он привел ряд подробностей: «Потери во время захвата города исчисляются человек 20... Было несколько убитых при штурме полиции и несколько десятков убито при штурме 4-го корпуса... Во время второй части восстания... было убито около 200 человек. Потери коммунистов... около 150 человек... Потери противника... Было расстреляно около 800 полицейских. Объезжая город, я видел повсюду трупы полицейских... было расстреляно около 600–700 человек китайских буржуев. Когда рабочим отрядам попадался толстый буржуй, то его немедленно расстреливали, и нужно отметить, что рабочие это делали с большим энтузиазмом. Во время захвата полков офицеры убивались на месте. После подавления восстания мне пришлось проезжать через весь город – это было жуткое зрелище. Повсюду валялись трупы... рабочих, было убито около 3–4 тысяч... Рабочие революционных профсоюзов, в особенности Союза рикшей, убивались беспощадно...»^[168]

Справедливости ради отметим, что Григорий Семенов продолжил деятельность своего предшественника – советского военного разведчика Александра Аппена. С сентября 1926 года последний руководил нелегальной военной организацией китайской Компартии, организовывал боевые рабочие дружины. Под его непосредственным руководством

были проведены три восстания шанхайских рабочих, последнее из которых закончилось захватом Шанхая.

До января 1928 года коминтерновцы пытались выправить ситуацию. Но из этого ничего не вышло, поражение восстания стало свершившимся фактом, а Чан Кайши пришел к власти – т.е. планы Бородина реализовались с точностью до наоборот. Советские военные и политические советники вынуждены были покинуть Китай. В стране начался жесточайший террор. Работавший в начале тридцатых годов прошлого века в Китае советский разведчик и военный советник Отто Браун писал: «Поддерживаемые международной полицией, ищейки Чан Кайши каждый день устраивали облавы на крупных текстильных предприятиях, а ночью – в китайских кварталах. Они охотились за коммунистами. У тех, кого схватывали, был один выбор: предательство или смерть. В то время в Китае тысячи лучших партийных работников были обезглавлены, расстреляны или задушены. Уничтожались не только они, но и их семьи. Эти акции истребления начались в 1927 году, сразу же после поражения национальной революции и разгрома восстаний в Шанхае, Ухани, Кантоне и других городах, и проводились систематически, с неослабевающей силой. (Автор цитируемой книги приехал в Китай в 1932 году. – *Прим. авт.*) В них наряду с полицией участвовали и гангстерские банды, давно сотрудничающие с гоминьданом, и «синерубашечники» – члены фашистской организации, незадолго до этого созданной Чан Кайши. Они загнали коммунистов в глубочайшее подполье»^[169].

Еще до событий в Гуаньчжоу проводившаяся чанкайшистским режимом политика вызвала резкое обострение отношений между Китаем и СССР. В апреле 1927 года китайская полиция в нарушение всех международных норм произвела обыск в советском консульстве в Пекине. В ходе обыска было изъято

огромное количество документов, в том числе шифры, списки агентуры, документы о поставках оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи в разведработе. Были найдены и директивы из Москвы, в которых говорилось, что «не следует избегать никаких мер, в том числе грабежа и массовых убийств», с тем чтобы спровоцировать конфликты между Китаем и западными странами. Помимо политических и дипломатических последствий, полицейский налет тяжело отразился на оперативной работе военной разведки в Китае. Все пришлось начинать практически заново.

С конца двадцатых годов прошлого века центром деятельности советской военной разведки стал Шанхай. Это был крупный промышленный город, там была сосредоточена четверть всех предприятий тяжелой и до 80% – легкой промышленности Китая. Здесь же находились наиболее крупные китайские и иностранные банки, а шанхайский порт являлся морскими воротами для всего Северного и Центрального Китая. Иностранцы в Шанхае проживали в сеттльментах, пользующихся правом экстерриториальности, и не подчинялись местному законодательству. Все это создавало благоприятную почву для работы советской разведки, учитывая специфические китайские условия.

В конце 1927 года в Шанхае начала действовать нелегальная резидентура советской военной разведки Христофера Салныня, обосновавшегося в этом городе по документам американца Христофора Лауберга. Главной задачей руководимой им резидентуры было снабжение оружием боевых групп Компартии Китая, которые вели борьбу против японцев и войск Чан Кайши. Его помощником был Иван Винаров, а курьером – его жена Галина Лебедева, шифровальщица советского посольства в Пекине. Для прикрытия они организовали крупную экспортно-импортную торговую фирму со

множеством филиалов в различных городах, попутно с торговлей и разведкой занимавшуюся и поставкой оружия китайским коммунистам. К началу 1929 года резидентура включала в сферу своих действий и Харбин – там прикрытием служила консервная фабрика, официальными хозяевами которой считались эмигрант из России Леонид Вегедека и его жена Вероника, активно сотрудничавшие с советской военной разведкой. Оружие Салнынь и Винаров закупали за границей на деньги, вырученные от продажи китайских товаров.

Одной из самых сложных и рискованных акций резидентуры Христофора Салныня была ликвидация в 1928 года фактического главы пекинского правительства генерала Чжан Цзолиня, проводившего до и после 1927 года открыто антисоветскую и прояпонскую политику. Из-за постоянных провокаций против советских служащих под угрозой находилась и работа КВЖД. Генерала было решено убрать таким образом, чтобы подозрение пало на японских военных. Для этого к Салныню был направлен крупнейший специалист по террористическим операциям – Наум Эйтингтон, тот самый, который двенадцать лет спустя организовал убийство Льва Троцкого. Спецоперация была проведена успешно – 4 июня 1928 года Чжан Цзолинь погиб в результате взрыва его специального вагона при поездке по железнодорожной линии Пекин – Харбин. И хотя вина за убийство Чжан Цзолиня, как и было задумано, была возложена на японские спецслужбы, в Разведупре предпочли не рисковать и отозвали Салныня в Москву. Но ненадолго...

Летом 1929 года глава нанкинского правительства Чан Кайши и правитель Северного Китая, лидер фынтяньской (мукденской) группировки «провинциальных милитаристов» Чжан Сюэлянь после ряда провокаций на КВЖД начали подготовку к прямому

вооруженному конфликту против СССР. Не видя другого выхода, советское руководство отдало приказ командующему Особой Дальневосточной армии Блюхеру разгромить китайские войска. Разрабатывая план операции, Блюхер принял решение направить в тыл противника военных разведчиков, которые должны были действовать на его коммуникациях. Для выполнения этого ответственного задания из Москвы был вызван Христофор Салнынь. В ходе боев, продолжавшихся с 17 по 20 ноября 1929 года, военные разведчики полностью выполнили поставленную задачу. Благодаря их успешным действиям была нарушена переброска китайских войск и боеприпасов по КВЖД в район конфликта, что значительно ускорило победу частей Красной Армии. В связи с событиями на КВЖД в феврале 1930 года многие сотрудники Разведупра были удостоены правительственных наград. Так, нелегальный резидент в Китае Леонид Анулов был награжден орденом Красного Знамени, создатель радиомоста Харбин – Владивосток Александр Гурвич-Горин, заместитель резидента Евгений Шмидт, оперативники Бела Кассони, Сигизмунд Скарбек («Бенедикт»), Семен Фирин и шифровальщик Александр Новиков – ценными подарками. Христофор Салнынь за год до этого, в 10-ю годовщину Красной Армии, был награжден орденом Красного Знамени^[170].

В 1931 году Япония оккупировала Маньчжурию. Правительство Чан Кайши практически уступило ее японцам без боя, но местные войска под руководством генералов Ма Чжаншаня, Ли Ду, Дин Чао, Су Бинвэня оказали японской армии сопротивление. К военным присоединились добровольцы из местного населения. Однако, лишённая поддержки правительства, их борьба была обречена. Сопротивление китайских войск было сломлено, на территории Маньчжурии создано марионеточное государство. На границе осуществлялся

жесткий контроль, активно действовали японская и местная маньчжурская контрразведка.

Уже в тот период под руководством китайской Компартии стало разворачиваться партизанское движение. Весной 1932 года партизанские отряды действовали в уездах Яньцзи, Хэлун, Ванцин, Цзюнь-Чунь в Восточной Маньчжурии. На севере был создан корейско-китайский отряд под командованием корейца Ли Хунгуана. Через год, в мае 1933 года, маньчжурский комитет КПК принял решение об объединении партизанских отрядов в единую народно-революционную армию. Первый корпус НРА был сформирован в сентябре 1933 года в провинции Цзилинь на основе партизанского отряда Яна Цзинъюя. Всего к февралю 1936 года в составе НРА имелось шесть корпусов. Весной 1936 года Народно-революционная армия северо-восточных провинций Китая получила название «Объединенная антияпонская армия Северо-Востока».

Самое живое участие в организации партизанской борьбы принимал Коминтерн. ИККИ обязал компартии всех стран поддерживать КПК всем, чем возможно. Основную помощь оказывал Советский Союз. В частности, китайские бойцы обучались в СССР методам ведения партизанской войны. Для работы с партизанскими отрядами в Мукден было послано несколько советских разведгрупп, в том числе и группа в составе Иоганна Патры и Урсулы Кучински. Это были кадровые сотрудники Разведупра, прошедшие обучение в разведшколе.

Разведчики должны были осуществлять связь между партизанским командованием и руководством СССР, передавать информацию и запросы партизан, консультировать их и, если советники не могли дать нужные рекомендации на месте, запрашивать их из Москвы. На том этапе партизанские отряды еще не вели

крупных боевых операций против японцев. Они совершали диверсии на транспорте и в промышленных центрах, нападали на японские штабы.

Работа разведки в Мукдене имела свои особенности по сравнению с Пекином, Шанхаем и другими крупными городами. В первую очередь просто необходимо было знать китайский язык. Урсула Кучински, прожившая несколько лет в Китае, довольно сносно объяснялась по-китайски, хотя со знанием китайского письма были, мягко говоря, серьезные затруднения – ведь даже китайцы учатся своей иероглифической письменности всю жизнь. Чтобы переписываться с китайскими товарищами, Урсула изобрела такой прием: передавала им тетрадь со списком слов, которые помнила, и при передаче информации партизаны использовали только эти слова. Свои сообщения партизанам с изложением указаний Центра ей тоже приходилось составлять с помощью своего скудного словарного запаса. Иоганн Патра не знал китайского языка вообще.

Представление о конспирации у китайских подпольщиков тоже были весьма своеобразными, и это при том, что уже сама по себе принадлежность к Компартии, не говоря даже о партизанской деятельности, в Маньчжурии означала пытки и смерть. Урсула Кучински на всю жизнь запомнила свою первую поездку на конспиративную встречу в Харбин.

Город выглядел ужасно. Кроме китайцев и японцев здесь жило много русских эмигрантов. Почти все они не имели средств к существованию, многие тяжело переносили эмиграцию, были полностью деморализованы. На улицах днем было полно русских нищих, а ночью город наводняли воры-наркоманы и проститутки. Вечером было опасно ходить по улицам. А китайские товарищи назначили Урсуле местом встречи вход на кладбище на окраине города, да еще поздно вечером, когда в этом «романтическом» месте не было

никого, кроме алкоголиков да бандитов. Проклиная в душе харбинских «конспираторов», Урсула прождала обусловленные 20 минут, но связной так и не появился. Не пришел он и на следующий вечер. И вообще не собирался приходить, как выяснилось, «товарищ Ли» передумал заниматься партизанской борьбой.

Еще более специфической была «конспиративная» встреча в Гирине. Гирин – это крупный город, железнодорожный узел. Правда, кроме Урсулы, с поезда здесь не сошел ни один иностранец. Как и было договорено, она молча последовала за ожидавшим ее китайцем. Он нанял рикшу – разведчице пришлось последовать его примеру. Обе коляски минут сорок катились по ухабистой дороге, тучи пыли обволакивали ездовых, но они не могли спрятать их от чужих глаз. Судя по взглядам прохожих, здесь давно уже не бывало ни одного европейца, не говоря уже о европейской женщине. Головы прохожих поворачивались в ее сторону, их глаза пристально изучали ее лицо. Наконец коляски остановились перед бедной лачугой. Вокруг столпились люди, все удивлялись неожиданной гостье. Они начали беседовать с хозяином дома, жена подпольщика подала чай. И это называлось конспиративной встречей! А ведь кроме разговора еще предстояло передать партизанскому связному взрывчатку. Урсуле хотелось и плакать и смеяться одновременно.

Главным заданием Иоганна и Урсулы в Маньчжурии была не разведка, а работа с партизанами. Партизаны сосредоточили свои действия на принадлежавших японцам железнодорожных линиях. Довольно часто им сопутствовал успех – они неоднократно разрушали железнодорожную сеть, блокировали перевозки, пускали под откос воинские составы. Партизанских групп становилось все больше, увеличивалась их численность. Были и постоянные отряды, которые

базировались в горах и лесах. Иоганн и Урсула сообщали Центру о планах боевых групп и результатах их работы, передавали информацию о положении дел и настроениях в партизанских отрядах, характеризовали вожakov партизанского движения.

Но больше им приходилось иметь дело с партизанскими формированиями иного рода. Это были группы непостоянного состава. Рабочие, крестьяне или служащие – члены групп – вели обычную жизнь, собираясь вместе лишь на несколько дней для военной подготовки или проведения боевых операций. Да и то обычно собиралась не вся группа. Полный ее состав знал только командир. Такая форма партизанской борьбы была в то время в Китае очень распространенной.

Одной из главных задач советских представителей было снабжение партизан взрывчаткой. Партизаны, как правило, использовали самодельные взрывчатые вещества. Иоганн и Урсула обходили в Мукдене аптеки и магазины, покупали различные химические вещества, каждое из которых само по себе не представляло опасности, но в соединении образовывало взрывчатку.

Дважды в неделю из своей квартиры Урсула выходила на связь с Центром, передавая как свою информацию, так и шифровки еще одного сотрудника Разведупра в Мукдене. Но даже если не было информации, она все равно должна была выходить в эфир, чтобы принимать сообщения. Передатчик был далеко не последней конструкции, и, несмотря на то что связь они поддерживали не с Москвой, а с Владивостоком, она постоянно прерывалась. К счастью, с пеленгацией у японцев было примерно так же, как у китайцев с конспирацией. Из Мукдена Урсула Кучински провела более 240 радиосеансов.

В апреле 1935 года один из китайцев-связных, с которыми работали разведчики, был арестован японцами. Для советских военных разведчиков возникла

реальная угроза разоблачения, и им пришлось срочно покинуть Мукден.

Часть третья

Разведупр в «малых войнах»

Глава 7

Неизвестные спецоперации в Афганистане

Существует устойчивое мнение, что первые подразделения советского спецназа были введены на территорию Афганистана в 1979 году. На самом деле военнослужащие Красной Армии выполнили в этой стране «интернациональный долг» в двадцатые-тридцатые годы прошлого века. Только об этом мало кто знает.

Большинство исследователей и журналистов, рассказывая об операциях тайной войны эпохи Иосифа Сталина в Афганистане, основное внимание уделяют разведке и контрразведке. А вот про военнослужащих Красной Армии предпочитают не вспоминать.

Планы большевиков

Раздуть пожар «мировой революции» большевики планировали не только в Европе, но и в Азии. Так, разрабатывая детали военной операции по захвату Бухары (правлящий там малопривлекательный местный правитель эмир Саид Алим-хан был ярким противником Советской России), Михаил Фрунзе в своем докладе главнокомандующему войск РСФСР в июне 1920 года предлагал создать «маневренный кулак для перенесения района операций в пределы Афганистана». По освобождении таджикского Гиссара и Куляба предполагалось дать бой Англии на афганском направлении, чтобы наконец добиться исполнения давнишней мечты – добраться до вод Бенгальского залива. На случай удаchi афганского похода в Ташкенте держалась наготове так называемая Афганская

революционная партия, с задачей, сформулированной заместителем председателя Туркомиссии Валерьяном Куйбышевым следующим образом: «Уничтожить существующий деспотический строй, восстановить Народную советскую республику». Тогда эта военная операция так и не была реализована.

Первая экспедиция в Афганистан

В сентябре 1924 года в Афганистан прибыла группа советских военных летчиков и авиатехников (11 человек). Они участвовали в подавлении антиправительственного мятежа. В октябре того же года правитель страны Аманулл-хан согласился с настойчивым предложением Москвы сформировать собственные ВВС в составе двух разведывательных и одного истребительного авиаотрядов общей численностью 36 аппаратов и авиашколы. Одновременно он предложил создать авиалинии Ташкент – Кабул и Кушка – Герат – Кабул.

В середине 1928 года афганский правитель, уверенный в прочности своего трона, отбыл в Европу, но вскоре после его возвращения в Афганистане произошел переворот. Правительственные войска не сумели противодействовать повстанческим отрядам под предводительством бывшего взводного командира эмирской гвардии Бачаи-Сакао. Нередко целые полки переходили на сторону восставших, поверивших посулам «защитников ислама».

17 января они заняли Кабул, и власть перешла к эмиру Хабибулле (это имя принял после воцарения Бачаи-Сакао) и сторонникам развития по исламскому пути, противившимся всему новому: светскому образованию, фабрикам, наконец, новым пулеметам и самолетам на вооружении афганской армии.

Может быть, Москва смирилась бы с политикой нового правителя Афганистана, если бы не активизация басмачей в приграничных районах. Разведывательный отдел Среднеазиатского военного округа 10 марта 1929 года доносил: «Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмашаек, учащаются случаи перехода на нашу территорию... узбеки – бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ. Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком (один из лидеров басмачей. – *Прим. авт.*), обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствия на нашей границе...»

В Москве тоже были встревожены происходящим в Афганистане и прогнозировали рост антисоветских настроений в советских среднеазиатских республиках. Поэтому было принято решение сделать все для смены руководителя Афганистана.

В феврале – марте 1929 года Аманулла прибыл с группой своих соратников в район Кандагара для организации сил, во главе которых он надеялся вновь войти в Кабул.

Тем временем в ЦК ВКП(б) обратился генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям-Наби-хан. Он просил разрешить формирование на советской территории отряда из покинувших страну сторонников Амануллы. Для усиления боеспособности воинства Гулям-Наби-хана его решили пополнить красноармейцами национальных частей Среднеазиатского военного округа. Более того, руководство формированием отряда поручили заместителю командующего округом Маркиану Германовичу.

Вскоре выяснилось, что афганцы хорошо умеют стрелять, но почти не разбираются в устройстве русских винтовок и, чтобы перезарядить их...бьют по затвору камнем. О более сложном вооружении умолчим. Поэтому пулеметные и орудийные расчеты были укомплектованы красноармейцами. Небольшой по численности отряд был оснащен 12 станковыми и 12 ручными пулеметами, 4 горными орудиями и подвижной радиостанцией.

К 10 апреля 1929 года отряд под командованием «кавказского турка Рагиб-бея» (под этим именем скрывался бывший советский военный атташе в Кабуле Виталий Примаков) был подготовлен к выступлению.

Советский отряд перешел границу близ узбекского Термеза и афганского Патта Гиссара примерно в том самом месте, откуда 50 годами позже на афганскую территорию переправится еще один «ограниченный контингент Советской Армии».

По утверждению отдельных журналистов, перед вступлением пехоты, 15 апреля 1929 года, советские самолеты вторглись в пространство Афганистана. Афганские пограничники высыпали из своих казарм, чтобы поглазеть на летающие машины, но были хладнокровно перестреляны. Было убито 48 из 50 пограничников. На самом деле накануне, 14 апреля, советские военные разведчики бесшумно сняли афганскую заставу и открыли путь отряду.

15 апреля отряд Рагиб-бея стремительно выдвинулся к городу Келиф. Его гарнизон был поначалу настроен весьма решительно, но после первых пушечных выстрелов и пулеметных очередей сдал оружие.

22 апреля 1929 года после многочасового кровопролитного боя отряд Рагиб-бея захватил город Мазари-Шариф. О том, что подразделение частично укомплектовано военнослужащими РККА, да и командует им Виталий Примаков, знали немногие. Даже представитель Наркомата иностранных дел в

Узбекистане в своем отчете в Москву доложил, что Мазари-Шариф захватили сторонники Аманнулы-хана. Нападение советского отряда было полнейшей неожиданностью даже для советского генконсула в этом городе. Только под Мазаром советский отряд перебил две тысячи афганцев.

Через день гарнизон крепости Дейдади, расположенной неподалеку от Мазари-Шарифа, при поддержке племенных ополчений предпринял первую попытку выбить отряд Рагиб-бея из главного города Северного Афганистана. Плохо вооруженные афганские солдаты и ополченцы с религиозными песнопениями шли под пулеметный и орудийный огонь. Цепи были густы, и пришельцев выручали только плохая организация наступления и умелый маневр огнем.

В конце апреля отряд Виталия Примакова, встретивший ожесточенное сопротивление, оказался в трудном положении и запросил помощи. Помощь не заставила себя долго ждать. 26 апреля советскими аэропланами в Мазар были доставлены 10 пулеметов и 200 снарядов.

6 мая 1929 года авиация Среднеазиатского военного округа несколько раз штурмовала боевые порядки противника. А днем раньше через границу переправился второй отряд из 400 красноармейцев при 6 орудиях и 8 пулеметах.

После двухдневного форсированного марша Зелим-хан (неизвестно, кто скрывался под этим псевдонимом) вышел к Мазари-Шарифу. Вместе с осажденными они отбросили афганцев к Дейдади. 8 мая 1929 года после бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела гарнизон Дейдади покинул цитадель, оставив победителям немалые трофеи.

После двухдневного отдыха объединенный отряд двинулся дальше на юг, захватив еще два города: Балх и Ташкурган. Такое развитие событий явно не устраивало

новое афганское правительство, которое решило уничтожить вторгшихся чужеземцев и бросило против них дивизию под командованием одного из лучших своих полководцев Сеид-Гуссейна.

Примакова в этот момент внезапно вызвали в СССР, 18 мая 1929 года он на специальном самолете вылетел в Ташкент. Командование отрядом принял Али-Авзаль-хан. Под этим псевдонимом в отряде находился Александр Черепанов.

Он принял решение продолжать продвижение к Кабулу. Но 23 мая 1929 года пришло известие о том, что дивизия Сеид-Гуссейна внезапно овладела Ташкурганом, перерезав тем самым пути снабжения и поставив под угрозу само существование отряда. В стане Гулям-Наби-хана началась паника, его чиновники спешно потянулись к советской границе. Али-Авзаль-хан вынужден был развернуться и двинуться к Ташкургану. Утром 25 мая 1929 года, после артиллерийской подготовки и авиационной бомбардировки, красноармейцы ворвались в город. Упорнейший бой продолжался два дня. Город трижды переходил из рук в руки, но в итоге афганцы вынуждены были отступить.

Однако и после этого продолжение операции, тем более успешное ее завершение, не стало менее проблематичным. В ходе боя за Ташкурган были израсходованы почти все снаряды, даже неприхотливые русские горные трехдюймовки разогревались настолько, что у двух из них вырвало стволы, а в стволах знаменитых «максимов» вода из горных ключей скоро превращалась в пар. Отряд понес серьезные потери (убито 10 командиров и красноармейцев и 74 хезарейца, ранено 30 красноармейцев и 117 хезарейцев).

Впрочем, главное препятствие для дальнейших действий состояло в другом: отряд не мог успешно действовать, когда большинство населения относилось к нему враждебно. Пока бойцы и командиры отдыхали,

пришло известие, что двигавшиеся на столицу Афганистана сторонники Амануллы потерпели поражение. В этой ситуации продолжение войны силами маленького отряда становилось бессмысленным, и 28 мая штаб Среднеазиатского ВО отдал приказ о возвращении на родину. В течение нескольких дней это решение было выполнено.

В этой операции участвовали подразделения 81-го кавалерийского и 1-го горнострелкового полков и 7-го конного горного артиллерийского дивизиона. В документах частей она значится как «Ликвидация бандитизма в Южном Туркестане». Несмотря на то что более 300 ее участников были награждены орденом Красного Знамени, а остальные – ценными подарками, изложение операции в исторических формулярах было запрещено.

В октябре 1929 года афганский народ сверг Бачаи-Сакао собственными силами.

Вторая экспедиция в Афганистан

В конце июня 1930 года советские войска вновь появились в Афганистане, но на этот раз визит имел принципиально иной характер: части сводной кавалерийской бригады под командованием Якова Мелькумова должны были, по замыслу командования Среднеазиатского военного округа, уничтожить гнезда басмачей на афганской территории. При этом Москва и Кабул официально договорились о проведении этой, говоря современным языком, контртеррористической операции.

Согласно отчету об итогах операции, «нашим частям не пришлось встретить организованного сопротивления, и они ликвидировали отдельные шайки численностью по 30–40 джигитов, отдельных басмачей и их пособников. Всего уничтожено 839 человек басмачей, эмигрантов,

активных пособников. Из главарей убиты глава религиозной секты Пир-Ишан, идейный вдохновитель басмачества, курбаши Ишан-Палван, Домулло-Донахан.

Сожжены и разрушены кишлаки Ак-Тепе, полностью уничтожен Али-абад за исключением части кишлака, населенной афганцами, уничтожены все кишлаки и кибитки в долине реки Кундуз-Дарья на протяжении 35 км, населенные кунградцами, локайцами (этнические группы узбеков. – *Прим. авт.,*) дурменами (этническая группа туркмен) и казаками (речь идет о казахах). Взорвано до 17 тыс. патронов, взято до 40 винтовок, сожжен весь эмигрантский хлеб, частично угнан и уничтожен скот... Коренное население тронуто не было. Местное афганское население отнеслось к Красной Армии хорошо, не покинуло ни одной кибитки...

Наши потери – утонул при переправе один красноармеец и ранены один комвзвода и один красноармеец».

В официальном документе не была отражена одна пикантная деталь. При возвращении на родину сводная бригада прихватила с собой 200 верблюдов, 80 лошадей и 400 баранов^[171].

Итоги операций

Боевую закалку в отряде Примакова прошли будущие командиры, прославившие Красную Армию в годы Великой Отечественной войны – Иван Ефимович Петров, Иван Васильевич Панфилов, Вячеслав Дмитриевич Цветаев и др. Опыт афганских экспедиций 1929 и 1932 годов будет использован Алтайской добровольческой армией, вторгшейся в Синьцзянь в начале 1932 года для подавления мусульманского восстания. Коротко расскажем о ней.

Алтайская добровольческая армия в начале 1934 года участвовала в боевых действиях на территории

Синьцзяна (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, граничащий в том числе и с Республикой Алтай).

В Синьцзяне правитель (дубань) Шен-Шицай не имел достаточных сил, чтобы справиться с набравшим силу движением мусульманских народов. Единственной боеспособной единицей, находившейся в его руках, был русский полк из бывших белогвардейцев под командованием полковника Паппенгута. Но в конце 1933 года и он с трудом удерживал Урумчи – столицу Синьцзяна, потеряв контроль над остальной территорией.

В ответ на просьбу тогдашнего правителя Синьцзяна Шен-Шицай о помощи в ноябре 1933 года полк РККА и 13-й Алма-Атинский полк ОГПУ численностью семь тысяч человек с танками, авиацией и артиллерией под видом Алтайской добровольческой армии был введен на территорию Китая. Военнослужащие одеты в гражданскую одежду. Действие группировки советских войск определяется как особая операция Главного управления пограничной охраны ОГПУ.

Советские подразделения Алтайской добровольческой армии возвратились на родину в конце апреля 1934 года, оставив на территории Синьцзяна кавалерийский полк численностью около тысячи человек с бронемашинами и артиллерией. А для обучения китайских солдат – несколько десятков военных советников. Среди них самыми яркими фигурами были военный разведчик Ади Маликов и будущий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза Павел Рыбалко, псевдонимом которого было китайское имя Фу-Дзихуй. Официально он назывался «русским генералом китайской службы»^[172].

Глава 8

Испания - боевой полигон

Интерес к событиям Гражданской войны в Испании, начавшейся в ночь на 18 июля 1936 года, когда против республиканского правительства Л. Кабальеро поднял мятеж командный состав колониальных войск в Северной Африке во главе с генералом Ф. Франко, не угасает до настоящего времени. Одна из самых интригующих тем - участие советской военной разведки в этой войне.

Коминтерн и СССР в испанской войне

Взаимоотношения между Коминтерном и Коммунистической партией Испании (КПИ) отличались довольно своеобразным характером. Так, в 1921-1922 годах Коминтерн сыграл большую роль в становлении КПИ. Но после военно-монархического переворота, совершенного Примо де Риверой в 1923 году, КПИ была вынуждена уйти в подполье. После этого Коминтерн утратил к ней всякий интерес, так как к 1930 году КПИ насчитывала всего около 800 членов^[173].

Однако после апрельской революции 1931 года, приведшей к падению монархии, КПИ привлекла особенное внимание руководителей Коминтерна. В испанской революции они увидели подтверждение выдвинутого на VI конгрессе III Интернационала тезиса о начале эпохи революций и войн. В связи с этим в Испанию была послана группа представителей Коминтерна, состоящая из швейцарского коммуниста и члена Исполкома Коминтерна Жюля Эмбер-Дро (Октав Рабате), члена аппарата Коминтерна Эдгара Воога (Штирнера). При их активном участии была произведена

замена руководства КПИ. Во главе Компартии Испании стал недавний выпускник Международной ленинской школы в Москве Хосе Диас, отличавшийся большим революционным энтузиазмом. До своего вступления в КПИ он был анархистом и участвовал в нескольких терактах. В испанскую Компартию вступил в 1926 году.

Очень скоро численность Компартии Испании возросла до 12 000 человек. Но отношения между Коминтерном и КПИ были далеко не безоблачными. Многочисленные конфликты привели к тому, что в июле 1932 года в Мадрид прибыл новый глава делегации Коминтерна аргентинец Викторио Кодовилья (Луис, Медина). Позднее в состав делегации вошли Эрне Герэ (Педро), Стоян Минев (Морено), Гейнц Нойман (Октавио), Леон Пурман. Формально перед делегацией была поставлена задача оказать руководству КПИ помощь в разработке правильной политической линии. Но фактически делегация, взяв под свой контроль руководство Компартии Испании, подталкивала испанских коммунистов к захвату власти в стране путем организации социалистической революции.

Однако у испанских коммунистов были весьма сильные конкуренты: анархисты в лице Национальной конфедерации труда (НКТ), Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и небольшие право- и левокоммунистические группы, возглавляемые рабочими лидерами, в прошлом членами Компартии, Хоакином Маурином и Андресом Нином. Эти две группы в 1935 году объединились в Рабочую партию марксистского единства (ПОУМ). В связи с тем что Нин входил в руководство возглавлявшейся Львом Троцким Международной коммунистической оппозиции, эмиссары Коминтерна сразу же встретили ПОУМ в штыки, окрестив эту партию троцкистской.

В 1935 году, после VII конгресса Коминтерна, курс на социалистическую революцию в Испании, как и в других

странах, был снят и провозглашена политика Народного фронта. Благодаря этому различия в политических программах не помешали образованию в 1935 году Испанского Народного фронта, в который вошли коммунисты, республиканцы, ИСРП и ПОУМ. На выборах 1936 года Народный фронт сумел победить, получив 269 мест в парламенте. Правые партии получили только 157 мест, а партии центра – 48. По итогам выборов было сформировано республиканское правительство, которое возглавил социалист Л. Кабальеро.

Потерпев поражение на выборах, испанские правые решили добиться власти насильственным путем, опираясь на помощь Германии и Италии. Дело в том, что Гитлер и Муссолини были крайне недовольны приходом к власти в Испании демократического правительства левого толка. Кроме того, как Германия, так и Италия были заинтересованы в укреплении своего военно-политического положения на Пиренейском полуострове. Муссолини рассчитывал, что победа Франко в Испании приблизит день восстановления Римской империи и превращения Средиземного моря в «итальянское озеро». О планах, которые вынашивал Гитлер, можно судить по записке Министерства иностранных дел Германии, в которой отмечалось, что положение Франции изменилось бы коренным образом, если бы под угрозой оказались ее пиренейская граница и коммуникации с колониями. «Гибралтар утратил свое значение, – говорилось в записке, – свобода прохода английского флота через пролив зависела бы от Испании, не говоря уже о возможности использования Пиренейского полуострова как базы для действий подводных лодок и легких морских сил, а также авиации во всех направлениях»^[174]. Кроме того, Германию и Италию привлекали природные богатства Испании: уголь, железная руда, ртуть, вольфрам, свинец и т.п.

Вскоре после начала вооруженного мятежа генерала Франко в Испанию в большом количестве стали поступать военные материалы из Германии и Италии. Эта помощь способствовала тому, что войска мятежников избежали быстрого разгрома летом 1936 года. Как отмечал в своем дневнике статс-секретарь германского МИД Э. фон Вайцзеккер, «Франко одними собственными силами не в состоянии установить господство в Испании»^[175] Такой же точки зрения придерживался и американский посол в Испании Бауэрс, отправивший в конце 1936 года в госдепартамент сообщение, в котором говорилось, что, если бы мятежники «зависели полностью от испанцев, они давно потерпели бы поражение... Франко не в состоянии, как видно, победить без открытой военной поддержки в широком масштабе со стороны Гитлера и Муссолини»^[176]

Советский Союз и Коминтерн также поспешили оказать реальную помощь законному правительству Испании: с началом военных действий в Мадрид было направлено значительное количество военных и политических советников, главную роль среди которых играла коминтерновская «тройка»: находившийся в Испании с 1932 года аргентинец Викторио Кодовилья, венгр Эрне Гере, до этого работавший в Испании в 1932–1933 годах, и болгарин Стоян Минев. Вместе с ними прибыли и военные советники Коминтерна (военной разведки по совместительству) австриец Манфред Штерн и венгр Деже Ясс. Кроме них, к началу Гражданской войны в Испании находилось немало представителей других компартий, в том числе итальянец Витторио Видали, возглавлявший «Красную помощь» Испании. В дальнейшем в Испанию прибыли боевики многих других коммунистических партий.

Со временем в Мадрид прибыли и другие военные инструкторы Коминтерна, откомандированные туда из

Разведупра: финский коммунист, руководитель военно-политических курсов Коминтерна Тууре Лехен, немцы Рихард Штальман и Вильгельм Цайссер, поляк Кароль Сверчевский, венгр Дезидер Фрид. При этом предполагалось, что их полномочия будут строго ограничены. То есть они должны были решать все без исключения вопросы только через ЦК КПИ, не вмешиваясь во внутренние дела партии и республики^[177].

Для того чтобы понять, почему Коминтерн занял такую позицию, следует учесть, что ИККИ к тому времени полностью зависел от руководства ЦК ВКП(б) и правительства СССР, а значит, от Иосифа Сталина. А советское руководство в июле 1936 года считало, что республиканское правительство без труда справится с мятежниками. Такое же благодушное настроение царило в Кремле и в первые недели боевых действий. Иосиф Сталин и руководство Коминтерна полагали, что мятеж будет подавлен в ближайшие дни, и поэтому не торопились оказать республиканцам реальную помощь. Кроме того, Сталин надеялся, что вступление СССР 23 августа 1936 года в Лондонский комитет по невмешательству в дела Испании и подписание международного «Пакта о невмешательстве» поможет предотвратить помощь Франко со стороны Германии и Италии.

В то же время Москва внимательно следила за всеми событиями, происходящими в Испании. Свидетельство тому – прибытие 27 августа 1936 года в Испанию нового советского полпреда, опытного дипломата Марселя Розенберга, которого сопровождала делегация военных, военно-морских и военно-воздушных атташе во главе с Яном Берзиным, в 1924–1935 годах возглавлявшим Разведупр. Поступавшие от них доклады показали Кремлю, что фашистские страны не только оказывают Франко материальную и военную помощь, но и

направляют в Испанию своих военнослужащих. В связи с этим в середине сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение оказать республиканскому правительству Испании всестороннюю поддержку.

18 сентября 1936 года было принято решение об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов. 29 сентября Политбюро одобрило план мероприятий по поставке в Испанию оружия, военных материалов и техники, представленный начальником Разведупра Семеном Урицким и начальником ИНО (внешняя разведка) НКВД Абрамом Слуцким. 7 октября Советский Союз выступил с предупреждением о том, что если немедленно не будут прекращены нарушения «Пакта о невмешательстве», то СССР будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из этого соглашения. А 23 октября Советский Союз выступил с новым заявлением, в котором говорилось, что «Пакт о невмешательстве» превратился в пустую бумажку и фактически перестал существовать. Не желая стать невольным пособником несправедливого дела, говорилось в заявлении, Советское правительство видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании право и возможность закупать оружие. Советский Союз указывал, что он «не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения»^[178]. С этого дня СССР официально помогал законному правительству Испании вплоть до 27 февраля 1939 года, когда Англия и Франция признали правительство Франко и порвали дипломатические отношения с Испанской республикой.

Такая позиция СССР изменила отношение руководства Коминтерна к испанским событиям. Отныне испанское направление стало приоритетным в его деятельности. ИККИ стал забрасывать своих советников постоянными требованиями и указаниями, отчего те

резко активизировались и стали бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела испанского правительства. Это сразу же привело к многочисленным конфликтам и жалобам испанцев в Москву.

Что же касается помощи, которую оказывал Советский Союз республиканской Испании, то она была весьма разносторонней. Но особенно важное значение имели поставки оружия и других военных материалов. Многочисленные ходатайства республиканского правительства о закупке в СССР оружия стали поступать с 25 июля 1936 года^[179]. Но Иосиф Сталин оставлял их без ответа, считая, что Лондонское соглашение о невмешательстве в дела Испании позволит законному испанскому правительству подавить мятеж генерала Франко без военной помощи СССР.

Но вскоре выяснилось, что Германия и Италия не только поставляют Франко оружие, но и направили в Испанию значительные контингенты своих военнослужащих. В связи с этим в начале сентября 1936 года политическое руководство СССР приняло решение оказать республиканскому правительству Испании всестороннюю помощь, прежде всего поставками оружия и военной техники. Позиция СССР в отношении Испании была изложена 21 декабря 1936 года в письме Иосифа Сталина, Вячеслава Молотова и Клима Ворошилова главе испанского правительства Л. Кабальеро:

«Мы считали и считаем своим долгом, в пределах имеющихся у нас возможностей, прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»^[180].

Подготовка к операции по поставке оружия в Испанию началась еще в сентябре 1936 года. Участвовали в этом сотрудники обеих советских

разведок: военной и политической (Разведупр и ИНО НКВД). 14 сентября их начальники Семен Урицкий и Абрам Слуцкий подписали этот документ. Но для проведения такой масштабной операции требовались очень большие валютные средства. Поэтому уже 17 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) по представлению НКО приняло постановление: «Отпустить Разведупру РККА на специальную операцию 1 210 000 американских долларов». Но этих денег оказалось явно недостаточно, и уже 20 сентября Политбюро по предложению Урицкого принимает еще одно постановление: «Отпустить Разведупру РККА 1 750 000 американских долларов на проведение операции, изложенной в записке от 19 сентября 1936 года».

29 сентября совместный план двух разведок по оказанию помощи Испанской республике был представлен на заседании Политбюро наркомом обороны СССР Климентом Ворошиловым. По итогам обсуждения было принято постановление: «Утвердить план операции по доставке личного состава и специальных машин в «Х», возложив полное осуществление всей операции на т.т. Урицкого и Судьина» (Судьин исполнял тогда обязанности наркома внешней торговли). Этим же постановлением Разведупру добавили на проведение операции к уже выделенным суммам еще 1 млн 910 тыс. советских рублей и 190 тыс. американских долларов^[181].

При Разведупре был создан специальный штаб по перевозкам оружия (отделение «Х»), который возглавил полковник Григорий Шпилевский, начальник отдела техники Разведупра. В задачи штаба входило определение количества видов оружия и боевой техники, необходимых в Испании, составление маршрутов следования транспортов по территории СССР и за его пределами, подбор военных советников и инструкторов и т.д.

Первоначально оружие из СССР отправлялось исключительно на испанских кораблях. Но вскоре их оказалось недостаточно. Поэтому было решено использовать советские суда, но под чужими флагами и другими названиями. Для того чтобы немецкая и итальянская агентуры не заподозрили обмана, эти корабли снабжались фальшивыми судовыми документами. Изготовление этих документов было возложено на специальную лабораторию НКВД, которой руководил Георг Миллер. Через некоторое время сотрудники спецлаборатории довели изготовление фальшивых судовых документов до совершенства, благодаря чему советские суда проходили Босфор без всяких затруднений. Позднее Миллер за успешное выполнение этого специального задания был награжден орденом Красной Звезды.

Первые грузовые суда с оружием из СССР прибыли в испанский порт Картахена в начале ноября 1936 года. А в течение осени и зимы 1936/37 года из черноморских портов в Испанию было отправлено 23 транспорта с военной техникой, оружием и боеприпасами. Эти поставки позволили вооружить регулярные бригады и дивизии народной армии, отстоять Мадрид в ноябре 1936 года – январе 1937 года, выиграть Харамское сражение и разбить в марте 1937 года под Гвадалахарой итальянский экспедиционный корпус. Всего же, по неполным данным, за 32 месяца войны Советский Союз поставил в Испанию 806 самолетов, 347 танков и более 600 броневых автомобилей, 1186 артиллерийских орудий, 20 486 пулеметов, 500 000 винтовок, 4 млн снарядов и огромное количество других боеприпасов и военного снаряжения. Кроме оружия, СССР поставлял в Испанию необходимое ей сырье – нефть и нефтепродукты, хлопок, лесоматериалы и т.д. В 1936 году экспорт советских товаров составил 194,6 тысячи тонн на сумму 24 млн рублей, в 1937 году – 520,1 тысячи тонн на сумму

81 млн рублей, в 1938 году – 700 тысяч тонн на сумму 110 млн рублей, в начале 1939 года – 7 тысяч тонн на сумму 1,6 млн рублей^[182].

Следует особо отметить, что поставки советского оружия и снаряжения в Испанию оплачивались за счет испанского золотого запаса, вывезенного в СССР в октябре – ноябре 1936 года. Испанское золото, упакованное в 7800 стандартных ящиков, имело общий вес 51 008 тонн. Руководил операцией по отправке золота в СССР представитель НКВД в Испании Александр Орлов (Лев Фельдбин). Весь этот золотой запас, хранящийся в Москве, был израсходован к концу 1938 года, и в дальнейшем поставки в Испанию оплачивались за счет предоставленного СССР кредита на сумму 85 млн долларов.

Что касается закупки оружия для республиканского правительства Испании за рубежом, то этим, как уже говорилось, занимались крупнейшие нелегальные резидентуры ИНО НКВД и Разведупра. О масштабах проводимых операций по закупке оружия можно судить по докладу Клим Ворошилова на имя Иосифа Сталина. Как следует из доклада, с октября 1936 года по февраль 1937 года советскими разведчиками было закуплено и переправлено в Испанию большое количество фотоаппаратуры и противогазов из Франции, лицензия на производство немецкого самолета «Фоккер», 17 самолетов из США, 25 самолетов из Чехословакии, 12 самолетов из Франции, 16 самолетов (доставлено 12) из Голландии, 30 орудий из Франции и 8 из Швейцарии, 145 пулеметов и 10 000 винтовок из Чехословакии и т.д. на общую сумму 131 567 580 долларов^[183].

Впрочем, поставками оружия и военного снаряжения помощь Советского Союза республиканцам не ограничилась. В Испанию также были направлены советские военные советники. Первая группа военных советников прибыла в Испанию уже в сентябре 1936

года. А последняя группа покинула страну в феврале 1939 года. Всего же за все время боевых действий в Испании согласно справке ГРУ (Исх. N 24/243 от 30.7.1991 г.) находилось 3 тыс. советников, из которых 158 погибло [\[184\]](#).

Рождение разведывательно-диверсионных подразделений

В конце 1936 года по указанию главного военного советника Яна Берзина в республиканской армии была создана специальная разведгруппа из пяти человек, которой командовал капитан Доменико Унгрия. Военным советником и инструктором группы был опытный специалист-подрывник Разведупра Илья Старинов (Родольфо).

Анна Корниловна Старинова была переводчиком в этом отряде с момента его создания. Спустя много лет она так вспоминала о первых днях и неделях существования отряда:

«И.Г. Старинов, принявший в Испании имя Родольфо, приехал в Валенсию, когда отряда практически еще не существовало. Не было даже помещения, в штабах республиканской армии не верили в эффективность партизанской борьбы. Много пришлось потратить сил, чтобы подобрать и подготовить кадры для нового, малоизученного дела.

Сначала стали обучать пять человек. Это были хорошие, преданные Республике люди, но уже пожилые, непригодные к военной службе: при быстрой ходьбе они задыхались. После встречи Старинова с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури прислали еще 12 молодых, уже обстрелянных бойцов. Отряду выделили одну грузовую и две легковые автомашины, отвели дом в пригороде Валенсии, где была организована школа обучения тактике и технике партизанских действий.

Во второй половине декабря 1936 года мы отправились на первое боевое задание в район Теруэля – сдавать экзамен «на зрелость».

В тыл противника вышли засветло; впереди проводники, за ними капитан Унгрия, Родольфо и я, за нами – первый заместитель командира Рубио с ручным пулеметом и Антонио Буйтраго, второй заместитель командира.

На спине у каждого белые лоскутки с привязанными к ним гнилушками. Они светятся в темноте и помогают не терять из виду идущих впереди. Ночь в Испании наступает быстро, и если нет луны, то сразу становится темно.

Подожли к лесу. Идем почти бесшумно, иногда останавливаемся. В ночной темноте, споткнувшись, падает Рубио. Останавливаемся. Все тихо. Опять вперед. Чем дальше углубляемся в тыл врага, тем увереннее идем.

Часа через два остановились отдохнуть и закусить. Разрешено курить, но с соблюдением маскировки, укрывшись с головой куртками. Бойцы курили, а я в тревожном раздумье вспомнила свою семилетнюю дочь, оставшуюся в Москве. Как-то она там?..

Через полчаса Родольфо шепчет:

– Пора.

Я перевожу на ухо Доминго, он шепотом подает команду остальным.

По дороге переходим ручей, альпаргатас – тряпичные туфли – промокли, ноги зябнут.

Линия фронта далеко позади, но близость противника не чувствуется, мы полностью доверяем проводникам и потому идем спокойно.

Только к трем часам ночи вышли к автомобильной дороге Теруэль – Каламоча. Я с непривычки устала, заметно устали и другие. Дорога от нас всего метрах в

ста. Показались огоньки, мимо пронеслась легковая машина.

Небольшой отдых – и приступили к работе.

Группа Доминго должна была разрушить связь и подорвать однопролетный железобетонный мост. Ширина дороги – около 10 метров, взрывчатки у партизан немного.

– Что будем делать? – спросил Доминго, когда мы остановились под мостом.

Родольфо ответил не сразу. Он измерял балки. Потом подвел капитана к опоре и сказал:

– Минируйте так, как на занятиях по дороге Валенсия – Альбасете, только побольше камней поставьте для забивки.

– Согласен, – ответил Доминго и добавил: – Здесь можно сделать хорошую забивку – камней вокруг много.

Мы затаились. Промчался еще автомобиль. Группа Доминго приступила к работе, а мы, переждав еще одну машину, направились к железной дороге.

Шли около 10 минут, часто прислушивались, но все было спокойно. У металлического моста длиной около восьми метров быстро установили приготовленные заряды, заминировали железную дорогу и принялись за столбы линии связи. Времени оставалось мало, спешили, не все ладилось. Наконец фитили подожжены, и мы стали поспешно отходить.

– Легковая машина, – предупредил Рубио.

Едва мы достигли шоссе, как яркая вспышка осветила все вокруг, раздался взрыв. За ним последовали другие. Мы пересекли автомобильную дорогу, прибавили шагу, спеша на сборный пункт. И вовремя.

Большой огненный столб поднялся в ночное небо, потом донесся сильный взрыв. Было слышно, как ударились о землю падающие обломки разрушенного железобетонного моста. Люди ликовали.

– Замечательно! Очень хорошо! – бурно выражали свой восторг наши проводники.

И снова взрыв – теперь на железнодорожном мосту. Все радовались, позабыв, что находятся в тылу противника, который в любую минуту мог организовать поиски диверсантов.

В обратный путь шли налегке, довольные удачей, не чувствуя усталости»[\[185\]](#).

Вот так завершилась первая операция. Снова обратимся к воспоминаниям Анны Стариновой.

«Вылазки в тыл врага стали обычной работой партизан. Однако переход в тыл, особенно возвращение оттуда были сопряжены с большой тратой времени, с риском быть убитым своими. Поэтому при первой возможности была создана скрытая база в тылу фашистов.

Первой такой базой стал заброшенный маслодельный завод в 12 километрах северо-западнее Адамуса. Ее организовали по инициативе и с помощью командира роты республиканской армии. Он лично принимал участие в операциях нашего отряда. На базу доставили несколько сот килограммов взрывчатки, запас боеприпасов и продовольствия. Оттуда совершали вылазки на коммуникации мятежников.

Базу организовали в середине февраля, но я туда поехала позже, сопровождая очередную партию.

Боеприпасы и продовольствие к исходу дня погрузили на мулов и сосредоточили на нашем переднем крае. В бинокль мы наблюдали передвижение вражеских патрулей, изучали расположение постов противника. С наступлением темноты двинулись вперед. Копыта животных были обернуты кусками фланелевых одеял. Обутые в альпаргатас, мы шагали бесшумно. Мулы, точно понимая опасность, тоже шли осторожно.

Идти было тяжело. Пересекали канавы и ручьи, поднимались в горы, опускались в низины. Казалось,

нашему походу не будет конца.

Но вот впереди зашевелился светлячок. Через две-три минуты к нам подошли два партизана и повели на базу.

Темные, низкие здания. Около одной из стен, на которой, как в сказке, навешаны светящиеся гнилушки и натянуты многочисленные провода, стояли часовые. Охрана ввела нас в закопченное помещение. Слабо горели дрова в камине. На полу спало человек двенадцать. Вокруг сидели караульные.

Во дворе тихо, никаких признаков жизни. Доминго стал знакомить меня с базой. Первым делом он показал стену около часовых.

– Но пасаран!^[186] – сказал капитан с гордостью. – Все эти проволочки, светлячки связаны с проводами и сигналами на подходах к базе. Свои знают, где и как можно пройти, как предупредить охрану. А тот, кто этого не знает, обнаружит себя. Тут много поработали Родольфо и интербригадовцы.

С северо-запада доносился гул падающей воды.

– Электростанция по прямой всего в двух с половиной километрах, но мы ее не тронем, – шептал мне капитан. – Для нас она отличное укрытие. Фашисты и не подумают, что мы так близко от станции и не трогаем ее.

Утром вернулись с задания группы Рубио, Яна Тихого и Алекса, единственного в нашем отряде американца.

На базе больше 50 человек. Перемещение по ее территории строго ограничено. Ходить можно только так, чтобы не было заметно ни малейших признаков людей в полуразрушенном, забытом заводе, где до войны вырабатывалось оливковое масло.

Заводик скрывала оливковая роща. С востока – крутой подъем, заросший деревьями. С запада и юго-запада – спуск в долину, по которой протекала небольшая река. На ней и были построены высокая

плотина и гидростанция. В бинокль хорошо просматривались часовые на плотине.

– Если фашисты нападут на нас до обеда, нам трудно будет продержаться до темноты. Если во второй половине дня – мы заставим их развернуться на дальних подходах, поставим мины замедленного действия и отойдем на запасную базу. А ночью уйдем через линию фронта к своим, – пояснял Доминго.

Предстояла операция по крушению поезда и подрыву двух небольших, но высоких мостов на железной дороге, идущей к Кордове.

Перед заходом солнца три группы направились на задание. Одна, под командованием молодого моряка Руиса, должна была подойти к железной дороге Монторо – Кордова с севера. С ним пошли Родольфо, Доминго, Ян Тихий и еще шесть человек.

Наступила ночь. Я осталась на базе. Меня поражало полное спокойствие, уверенность людей в своей безопасности. Во дворе ходили парами часовые. Вечером в помещении с плотно занавешенными окнами ярко горел камин, партизаны слушали радио. А рядом гидростанция, охрана мятежников. Линия фронта – в десяти километрах.

На базе остался со своей группой Хуан Гранде. Они должны были идти на задание на следующий день, а пока их черед нести охрану. Еще с вечера Хуан проверил всю систему сигнализации, проинструктировал людей.

В ту ночь я не ложилась спать, и мы сидели и беседовали с Хуаном Гранде, настоящее имя которого было Иван Попович.

Вдруг до нас донесся гул далекого взрыва.

– А может, нам это только показалось, потому что мы ждем взрывов? – спросила я черногорца.

– Нет. Был взрыв, большой взрыв. Это не поезд, это на мосту.

Утром вернулся Руис со своей группой. Все устали, но были довольны.

– А где Доминго и Родольфо? – спросила я у Руиса.

– Пошли прямо в Адамус. Товарный поезд упал, надо добивать.

Перед обедом мы услышали взрывы со стороны Монторо.

Поздно ночью вернулись на базу Доминго, Родольфо и Тихий. Они принесли радостную весть об успешном выполнении задания и о том, что удалось уничтожить вражеские машины, вывозившие боеприпасы из потерпевшего крушение воинского эшелона под Монторо.

Следующей ночью Родольфо, Доминго, я и шесть человек сопровождающих покинули базу. Ехали на мулах. До предполагаемой линии фронта добрались без приключений. Но где именно находятся подразделения противника – этого мы не знали. Дальше решили идти пешком. Мулов повели за собой, благо животные они смирные.

Вдруг где-то слева раздалась перестрелка. Значит, враг рядом, но близко и свои войска. Хосе, пожилой крестьянин, работавший до мятежа на том самом маслозаводе, где оборудовали партизаны базу, прекрасно знал местность. Он вывел нас к ручью, за которым накануне были республиканские войска. У нас был пароль, но кто мог гарантировать, что вместо отзыва не раздастся очередь из пулемета?..

Пройдя около полукилометра, остановились. Проводник ушел в сторону. Минут через двадцать он возвратился с двумя республиканскими солдатами. Мы среди своих, в тылу республиканских войск...» [\[187\]](#)

За те десять месяцев, что в отряде находился Илья Старинов, удалось провести около 200 операций (диверсии и засады), в результате которых потери противника составили более 2 тыс. человек, было

уничтожено 22 железнодорожных эшелона с живой силой и техникой. Собственный урон – всего 14 человек (одного бойца убили в Валенсии анархисты, одного – свои при возвращении из тыла противника, один погиб при установке мины, лишь 11 пали в боях).

После этого успеха генеральный штаб республиканцев преобразовал диверсионное подразделение в батальон специального назначения, его бойцам отныне полагалось полуторное жалование и летный паек, ему отпускался без лимитов бензин. Батальону была поставлена задача перерезать пути сообщения между южной и мадридской группировками франкистов, и летом 1937 года в результате диверсий связь между Мадридским и Южным фронтами франкистов была прервана на неделю.

В результате успешных операций батальон скоро стал бригадой, а в начале 1938 года – 14-м партизанским корпусом численностью свыше 5000 человек. Корпус состоял из 7 бригад трехбатальонного состава, которые после завершения формирования были распределены по фронтам следующим образом: три бригады находились в Каталонии на Восточном фронте, а четыре бригады действовали на Центральном и Южном фронтах в тесном контакте с Андалузской и Эстремадурской армиями. Кроме того, корпус имел две специальные школы в Барселоне и в Валенсии, где готовились кадры снайперов, минеров-подрывников, радистов, войсковых разведчиков. Все курсанты были обязаны в совершенстве изучить действия в тылу врага, военную топографию, движение по азимуту, маскировку и т.п. Следует также отметить, что, учитывая исключительно тяжелые условия, в которых приходилось действовать личному составу корпуса, все его бойцы получали двойной паек и двойное жалование.

Создание особого партизанского корпуса было своевременным и важным мероприятием

республиканского командования. Но на дальнейшее развитие боевых действий в тылу Франко оно не пошло, несмотря на то что советские военные советники неоднократно предлагали организовать партизанские отряды, которые дислоцировались бы на занятой фашистами территории. Все эти предложения так и остались без ответа.

После создания 14-го корпуса количество диверсионных операций в тылу противника значительно увеличилось. Например, только в начале 1938 года южнее города Уэски одним из отрядов корпуса был подорван мост, уничтожено 9 автомашин и свыше 100 солдат. Но главное, вместо эпизодических рейдов небольших подразделений за линию фронта начались систематические боевые операции в тылу франкистов, в которых участвовали и мелкие разведывательно-диверсионные группы, и батальоны, и даже бригады. А некоторые операции осуществлялись силами даже двух бригад. Кроме того, большую часть заданий партизанскому корпусу давал непосредственно генеральный штаб республиканской армии, в результате чего проводимые им операции приобрели значение для всего хода военных действий.

Руководитель аппарата НКВД в Испании Александр Орлов, сам имевший большой опыт «активной разведки» еще со времен Гражданской войны, не только поддержал идею создания партизанского корпуса, но и приложил немало усилий для его организации, считая, что действия разрозненных диверсионных групп уже не могут обеспечить надлежащих результатов. Так, после взятия в декабре 1937 года республиканскими войсками города Теруэля, который был главным опорным пунктом франкистов в горах Арагона, он направил в Москву рапорт (Орлов – Центру, 3 декабря 1937 года), в котором писал:

«Диверсионная работа остается очень важной. Работать становится неимоверно трудно. Враг перешел к серьезной охране дорог, мостов, ж.-д. путей, электромагистралей. Не бросая работы в ближнем тылу, ставим перед собой задачи «квалифицированных» операций: налетов на концентрационные лагеря противника для освобождения арестованных коммунистов, социалистов и революционных рабочих, захвата небольших городов, не имеющих сильных гарнизонов, и т.д.»[\[188\]](#).

9 декабря 1937 года Александр Орлов сообщил в Центр:

«Проводимая в тылу «Д» работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов и значительным материальным убыткам и людским потерям. Бесперывные и последовательные удары наших «Д» групп, применение ими разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение «Д» действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, непрерывно преследующий их страх перед «проделками красных динамитчиков», подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в «Д» работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом

фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

К весне 1938 года в составе 14-го корпуса были четыре дивизии по три бригады в каждой, но при этом его общая численность не превышала 3 тыс. человек.

В конце 1938 года испанцы провели новую реорганизацию, на этот раз без учета замечаний советской стороны (тем более что к тому времени большинство советских специалистов по диверсионным действиям покинули Испанию) – разведывательно-диверсионные группы были переформированы в роты и приданы отдельным воинским соединениям по местам их дислокации на фронте. Это привело к распылению диверсионных сил и их использованию преимущественно для решения задач в прифронтовой полосе, а операции в глубоком тылу противника сначала отошли на второй план, а затем и вовсе прекратились. Кроме того, в это же время в высших эшелонах военного и политического руководства Испанской республики усилилось мнение против дальнейшего развертывания партизанской войны, так как ее успехи приводили к усилению репрессий против гражданского населения на удерживаемых армией Франко территориях. Поэтому максимально, что могло допустить испанское руководство, – непродолжительные рейды малых групп в прифронтовой полосе. Естественно, это не пошло на пользу республиканцам, чьи войска и без того отступали на всех фронтах.

Бойцы бывшего 14-го корпуса продолжали партизанские действия и некоторое время после падения республики, но затем основные силы перешли во Францию, где были интернированы. Часть, во главе с

Доминго Унгрия, уплыла сначала в Алжир, а затем после долгих мытарств оказалась в СССР^[189].

Вот как об их дальнейшей судьбе рассказала Анна Корниловна Старинова:

«Бойцы 14-го корпуса, оказавшись в концентрационных лагерях во Франции, бежали оттуда и с началом Второй мировой войны включились в партизанскую борьбу в тылу врага в нескольких странах, оккупированных фашистскими войсками, в частности в Югославии, Италии, Польше.

В самой Франции в середине 1942 года 14-й корпус был заново реорганизован. Командиром испанских партизан в занятой гитлеровцами зоне был Антонио Буйтраго. Но вскоре его смертельно ранили в бою, и командовать корпусом стал Хесус Риос. За отвагу и мужество, за активное участие в движении Сопротивления многие испанцы были награждены французским правительством. В Сен-Дени близ Парижа есть улица, которая носит имя испанского партизана – героя Кристино Гарсиа.

Во время Великой Отечественной войны на территории Советского Союза в составе оперативно-учебного центра Западного фронта и 5-й отдельной инженерной бригады специального назначения, которой командовал полковник И. Г. Старинов, воевало свыше 300 бойцов 14-го партизанского корпуса испанской республиканской армии, в том числе и его первый командир – полковник Доминго Унгрия.

В тылах «Голубой дивизии»^[190], которую генерал Франко послал на помощь фашистским захватчикам, совершали налеты, минировали пути сообщения Франсиско Гульон, Анхель Альберка, Педро Подалье, Бенито Устаррос и их боевые друзья.

В станице Шабельской на южном берегу Таганрогского залива в братской могиле похоронен

отважный командир дивизии испанской республиканской армии Мануэль Бельда^[191].

Уроженец Барселоны, изобретательный подрывник Франсиско Гаспар возглавил группу, которая действовала на территории Белоруссии, Смоленской и Калининской областей и нанесла немалый урон гитлеровским фашистам.

Хуан Иглесиас со своей группой среди бела дня осенью 1942 года подорвал воинский эшелон фашистов на железнодорожном перегоне Полоцк – Невель. В Брянской области свято чтят память партизана Леонардо Гарсиа, прикрывавшего отход отряда до последнего дыхания^[192].

Вместе со своими советскими друзьями испанские товарищи выбрасывались с парашютами в тыл врага на Северном Кавказе, где тоже уничтожали фашистских оккупантов. Не увядают цветы на братской могиле Хусто Родригеса, Сейхо Гарсиа, П.А. Семенова, С.А. Васильева и других героев-десантников.

В марте 1943 года в Крыму совершила подвиг группа под командованием Хосе Фусиманьеса. Вблизи станции Владиславовка она пустила под откос три вражеских поезда. Гитлеровцы окружили группу. Трое суток сражались партизаны. Они все погибли в неравном бою, но не сдались фашистам»^[193].

Тактика спецназа

В конце 1936 года при республиканских органах безопасности была организована школа по подготовке командного состава разведывательно-диверсионных групп и отрядов. Позже появились еще три таких же учебных заведения.

Партизанские операции на территории Испании, захваченной мятежниками, осуществляли и мелкие (5–10 человек), и крупные (50–100 человек) отряды. Их

выводили в тыл противника пешим порядком через линию фронта. Продолжительность действий составляла от 10 суток до 3 месяцев. Партизаны были вооружены легкими пулеметами, пулеметами-пистолетами, маузерами и ручными гранатами и минами, действовавшими при помощи батарей от карманного фонаря^[194].

На первом этапе войны предпочтение отдавалось совсем небольшим группам, затем – все более крупным. В последующем их объединили в 14-й (Партизанский) корпус. Радиосвязь с группами из-за ее ненадежности, громоздкости переносных радиостанций и острой нехватки последних практически не использовалась.

В разгар боев за Пеньяройя весной 1937 года в тыл противника был отправлен партизанский отряд численностью 100 человек. Во время рейда был разгромлен штаб, уничтожена колонна грузовиков и в железнодорожном туннеле был взорван поезд^[195].

Отряд партизан, в составе которого воевал военный советник, советский разведчик Петр Герасимов, совершил ночью налет на усадьбу, где дислоцировался пулеметный батальон противника. Батальон был полностью уничтожен, а отряд, захватив оружие и подорвав военный склад, вернулся без потерь на свою базу.

Петр Герасимов погиб во время Великой Отечественной войны при выполнении спецзадания на оккупированной фашистами территории Белоруссии^[196].

Когда закончилась война

Опыт войны в Испании показал высокую эффективность диверсионных подразделений типа «саперно-маскировочный взвод». Десятки взорванных мостов, складов боеприпасов и горючего, более 30 железнодорожных эшелонов с техникой и снаряжением,

несколько аэродромов с десятками самолетов на каждом из них, сотни километров выведенных из строя железных дорог, множество захваченных документов – вот далеко не полный итог действий саперов-маскировщиков на испанской земле. Таким образом, проверка практикой подтвердила необходимость для современной войны специальных подразделений для осуществления диверсионно-разведывательных операций в тылу противника^[197].

Мы уже писали об участии австрийцев – ветеранов войны в Испании – в операциях советской военной разведки в годы Великой Отечественной войны. Не меньше, а может, и больше героев было среди немцев. Назовем лишь некоторые имена.

«В тылу противника в Польше и Германии сражались Отто Хеппнер, Герман Масингер, Рихард Гофман, Герман Залингер, Бруно Кюн, Альберт Хесслер, Йозеф Цетлер, Герман Крамер, Фердинанд Грейнер, Генрих Роскампф, Винцент Поромбка, Франц Цилласко. Из них до конца войны дожили только Йозеф Цетлер (выжил в концлагере), Фердинанд Грейнер и Винцент Поромбка»^[198]. По нашим оценочным данным, это лишь треть общего числа бывших интербригадовцев – немецких коммунистов, заброшенных в тыл врага в годы Второй мировой войны.

Глава 9

Китай - операция «Z»

До лета 1937 года Япония ограничивала свои аппетиты оккупацией Маньчжурии. А затем ситуация резко изменилась. 7 июля 1937 года японские войска спровоцировали инцидент с китайскими частями у моста Лугоуцяо в окрестностях Пекина – это событие явилось началом общего наступления японских агрессоров на Китай. Такой поворот событий не стал неожиданностью для Разведупра. Агентура военной разведки, работавшая в Маньчжурии начиная с 1933 года, доносила о наращивании военно-экономического потенциала Японии в Китае. Центром были получены данные о расширении производства продукции военного назначения на сталелитейных заводах компании «ЮМЖД-Сева» в Маньчжурии, о производстве мазута из горючих сланцев, добыче жидкого топлива из угля, об увеличении производства бензина. От разведчиков поступили донесения о том, какие области Китая смоделированы в японском генштабе в виде рельефных макетов – масштабных копий местности – театра развертывания наступательных действий, данные о движении воинских эшелонов по ЮМЖД из Чанчуня в Дайрен.

Об особом внимании, с которым советское руководство относилось к положению в Маньчжурии и в Китае в целом, говорит тот факт, что с апреля 1935 года по май 1936 года заместителем командующего ОКДВА являлся бывший начальник Разведупра Ян Берзин, а помощником начальника разведотдела (Августа Гайлиса) армии по диверсионной работе – Христофор Салнынь, получивший это назначение в октябре 1932 года, почти сразу же по возвращении из Китая в Москву.

Главной задачей Салныня была организация в Северном Китае разведывательно-диверсионных и партизанских отрядов для ведения операций против японской армии. Деятельность Салныня была успешной, и об этом свидетельствует, в частности, его награждение в 1935 году «за исключительно добросовестную работу при выполнении особо ответственных заданий» золотыми часами. В декабре 1935 года ему было присвоено воинское звание бригадного комиссара.

Уже 28 июля 1937 года японские войска захватили Пекин, а 30 июля – Тяньцзинь. Это заставило правительство Чан Кайши всерьез задуматься о союзниках в начавшейся войне и пересмотреть отношение к сделанному Советским Союзом еще в 1933 году предложению заключить пакт о ненападении. В ином свете предстала и линия КПК на создание единого антияпонского фронта и в этой связи предложение заключить союз для совместного отражения японской агрессии. Сам маршал Чан Кайши скорее склонялся к капитуляции перед Японией, чем к союзу с СССР и КПК, но у него уже не было выбора. Дело в том, что в декабре 1936 года, еще до начала военных действий, разведка КПК провела в Сиане (провинция Шэньси) тщательно подготовленную операцию, в ходе которой влиятельные гоминьдановские военачальники Чжан Сюэлян и Ян Сюйчен предложили своему главнокомандующему заключить союз с КПК для совместных действий против японских войск. А когда 12 декабря Чан Кайши решительно отверг их требования, генералы арестовали его и предложили Мао Цзэду провести переговоры с пленным Чан Кайши, чтобы силой заставить его дать согласие на альянс гоминьдана с КПК.

Безусловно, эти события были на руку руководству СССР. Об этом свидетельствует следующая телеграмма лидерам КПК, составленная лично Иосифом Сталиным:

«Приписать Сианьское дело проискам японских секретных служб, которые якобы действовали в окружении Чжан Сюэляна, чтобы ослабить Китай. Возродить идею антияпонского национального фронта, а главное, во что бы то ни стало добиться освобождения Чан Кайши, который может возглавить желательный для нас союз»^[199]. В результате переговоры между Чан Кайши и представителем КПК Чжоу Эньлаем состоялись. На них было достигнуто соглашение о временном прекращении огня и совместной борьбе с японцами, после чего 25 декабря маршал был освобожден.

Так или иначе, но 21 августа 1937 года между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении, который японское Министерство иностранных дел расценило как «величайшую угрозу Японии». Серьезность намерений Чан Кайши начать решительную борьбу против Японии подтверждалась сведениями, полученными советской военной разведкой агентурным путем. Было установлено, что в октябре 1937 года он отверг предложение прояпонской группировки в своем правительстве, возглавляемой Ван Цзинвеем, о заключении мира с Японией на кабальных условиях (впрочем, опубликованные позднее документы о заседании Высшего совета обороны правительства показали, что личная позиция Чан Кайши была скорее капитулянтской, но общее мнение склонялось в пользу сопротивления захватчикам, и ему пришлось подчиниться). На совещании высшего руководства 14 декабря 1937 года Чан Кайши заявил, что Советский Союз является единственным союзником Китая в войне с Японией.

Военная помощь Китаю

В сентябре 1937 года руководство гоминьдана приняло и другое важное решение – о прекращении

гражданской войны и создании в союзе с КПК антияпонского национального фронта.

Всему миру известно о помощи, которую СССР оказывал Испанской республике. Но куда менее известен тот факт, что подобная же помощь поступала из Советского Союза китайской армии в ее войне против Японии. Уже 14 сентября 1937 года между СССР и центральным китайским правительством, переехавшим в Чунцин, была достигнута договоренность о поставках в Китай советского оружия. Правда, при этом оговаривалось, что оружие и военные материалы будут поставляться Чан Кайши и ни в коем случае не Временному революционному правительству, возглавляемому Мао Цзэдуном (впрочем, оставалась полная возможность нелегальных поставок «по линии Коминтерна», который формально никаким договоренностям, естественно, не подчинялся). Поставки советского оружия в Китай начались в октябре 1937 года и, как и испанские поставки, проходили под контролем Разведупра РККА.

К началу войны вооруженные силы Китая, насчитывавшие 1 млн 600 тыс. человек, имели около 1000 орудий, в основном устаревших образцов, около 500 самолетов и 70 танков. Японские войска превосходили китайские по огневым средствам в 4–5 раз, по авиации – в 13 раз, по танкам – в 36 раз. Неудивительно, что японцы теснили хотя и многочисленную, но технически слабую и плохо обученную китайскую армию в глубь страны.

1 марта 1938 года между СССР и Китаем был подписан первый договор о предоставлении китайскому правительству кредита на 50 млн долл. для закупки в Советском Союзе военных и других материалов. В соответствии с этим договором в марте 1938 года были подписаны три контракта на поставку вооружений, по которым СССР поставил в Китай 287 самолетов, 82

танка, 390 орудий и гаубиц, 1800 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн патронов для пулеметов, 10 млн винтовочных патронов и другие военные материалы.

1 июля 1938 года был подписан второй договор о предоставлении Советским правительством Китаю кредита (еще 50 млн долл.) для закупки вооружений. Тогда же во исполнение этого договора был заключен контракт, по которому в Китай было поставлено 180 самолетов, 300 орудий, 2120 пулеметов, 300 грузовых машин, авиационные моторы и вооружение для самолетов, а также снаряды, патроны и др. Согласно следующему контракту СССР поставил в Китай 120 самолетов, запасные части и боекомплекты к ним, 83 авиадвигателя, снаряды, патроны и т.п.

Третий договор о предоставлении Китаю советского кредита (150 млн долл.) для закупки вооружений был подписан 13 июня 1939 года. По первому контракту от 20 июня 1939 года в Китай было поставлено 263 орудия, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых автомашин, около 16,5 тыс. авиабомб, 500 тыс. снарядов, 100 млн патронов и другие материалы. А по следующим трем контрактам, заключенным в соответствии с этим договором, в Китай было направлено более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 орудий, 1300 пулеметов, большое количество бомб, снарядов, патронов, электрооборудование, горюче-смазочные и другие военные материалы^[200].

Для этого в его составе было создано подразделение «Z», аналогичное подразделению «X», образованному в 1936 году и отвечающему за поставки оружия республиканскому правительству Испании. Кроме того, подразделение «Z» занималось набором добровольцев, которые направлялись в Китай для оказания помощи войскам Чан Кайши в организации отпора японским

агрессорам. Отвечал за это направление работы подразделения «Z» И. Чернов.

Советские добровольцы начали прибывать в Китай с октября 1937 года. Появились и инструкторы, обучавшие китайских военнослужащих обращению с советским оружием. В Китай направлялись летчики, которые в первый период военных действий приняли на себя удары японских ВВС. В мае – июне 1938 года в Китай прибыла и первая группа военных советников – 27 человек. А в октябре 1939 года в китайской армии насчитывалось уже 80 советских военных специалистов. Общее руководство действиями советских добровольцев и военных советников осуществлялось аппаратом главного военного советника, которым с 1937 по 1942 год руководили М.И. Дратвин, А.И. Черепанов, К. Качанов и будущий маршал Советского Союза В.И. Чуйков. Как и в 1924-1927 годах, в аппарате главного военного советника работало немало сотрудников Разведупра, которые регулярно присылали в Москву интересующую советское руководство информацию. Активно занимались разведкой также представители миссий и посольств других стран.

Не обошло вниманием советское руководство и китайскую Красную Армию, сосредоточенную в так называемом Особом районе Китая (провинции Шэньси и Ганьсю) со столицей в Яньани. Но если при правительстве Чан Кайши в Чумчине состояли официальные советские представители, то сведения о положении в Особом районе поступали только от Разведупра, сотрудники которого действовали там как представители Коминтерна. В 1938-1942 годах в Яньани находился П.С. Мотинов, в 1942-1945 годах – П.П. Владимиров (настоящая фамилия – Власов), причем последний считался не только связным Коминтерна, но и военным корреспондентом ТАСС.

Накануне Второй мировой войны

После оккупации Японией части территории Китая и создания там марионеточного государства Маньчжоу-Го в этом регионе активизировалось партизанское движение. Официально Москва не имела к нему никакого отношения. На практике же китайские партизаны регулярно переправлялись через пограничные реки Амур и Уссури на советскую территорию, где им оказывалась необходимая медицинская помощь, их снабжали оружием и боеприпасами, средствами радиосвязи, деньгами. И, что было не менее важно, командиры партизан получали инструктаж о дальнейшей боевой деятельности.

Особенно широкий размах подобная поддержка китайских инсургентов приобрела сразу же после оккупации Маньчжурии японскими войсками. Причем командование советской Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии старалось координировать действия партизанских отрядов, давая указания не только о методах повседневной боевой работы, но и о развертывании массового повстанческого движения на маньчжурской территории в случае начала войны между Японией и Советским Союзом, рассматривая китайских партизан как своих диверсантов и разведчиков, заброшенных в тыл противника.

16 апреля 1939 года начальники управлений НКВД Хабаровского и Приморского краев, Читинской области, а также начальники погранвойск Хабаровского, Приморского и Читинского округов получили из Москвы шифрованную телеграмму № 7770. В ней говорилось следующее:

«В целях более полного использования китайского партизанского движения в Маньчжурии и его дальнейшего организационного укрепления Военным советам 1-й и 2-й ОКА (Отдельная Краснознаменная

армия. – *Прим. авт.*) разрешается в случаях обращения руководства китайских партизанских отрядов оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой.

Из числа интернированных партизан – проверенных людей небольшими группами перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях и в целях оказания помощи партизанскому движению.

Работа с партизанами должна проводиться только Военными советами.

Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев и Читинской области предлагается оказывать Военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе из числа переходящих со стороны Маньчжурии и интернированных партизан, передаче их Военным советам для использования в разведывательных целях и переброске их обратно в Маньчжурию.

Начальникам погранвойск указанных округов предлагается оказывать содействие Военным советам как в части свободной переправы перебрасываемых на территорию Маньчжурии сформированных советами групп, так и в части приема переходящих советскую границу партизанских групп и отдельных связистов»^[201].

Также регулярно происходили встречи между лидерами китайских партизан и командованием Красной Армии. Одна из них состоялась в Хабаровске 30 мая 1939 года. В ней участвовали: с советской стороны – командующий 2-й армией командарм 2 ранга Иван Конев (будущий Маршал Советского Союза), член Военного совета 2-й ОКА корпусный комиссар Бирюков и начальник разведотдела армии майор Алешин; с китайской стороны – руководитель партизанских

отрядов в Северной Маньчжурии Чжао-Шанчжи и командиры 6-го и 11-го отрядов Дай-Хунбин и Ци-Цзиджун.

Целью встречи являлся разбор соображений, представленных Чжао-Шанчжи: разрешение вопросов переброски, дальнейшей работы и связей с СССР. Прежде всего руководителю партизанского движения предлагалось связаться с подчиненными ему отрядами, действующими в бассейне реки Сунгари, объединить управление ими, создать крепкий штаб, очистить ряды инсургентов от неустойчивых, разложившихся элементов и японских агентов, а также создать отдел по борьбе с японским шпионажем в среде партизан.

В качестве дальнейшей задачи выдвигалось требование укреплять и расширять партизанское движение в Маньчжурии. Для чего, например, признавалось полезным организовать несколько крупных налетов на японские гарнизоны, дабы поднять боевой дух повстанцев. Предлагалось также организовать секретные базы партизан в труднодоступных районах Малого Хингана для накопления оружия, боеприпасов и снаряжения. Все это рекомендовалось получить в ходе нападений на японские склады. Китайским командирам советовали связаться с местной коммунистической организацией для развертывания политической агитации среди населения и проведения мероприятий по разложению частей маньчжурской армии, снабжению партизан через распропагандированных военнослужащих всем необходимым.

Также обсуждался вопрос о снабжении китайских партизан радиостанциями и шифрами, а также подготовка радистов. Планировалось обучить не менее десяти человек.

Советские военачальники высказали во время беседы и свои пожелания: «Для нас желательно

получить от вас карты Маньчжурии, которые вы добудете у японо-маньчжурских войск (карты японского изготовления), японские и другие документы – приказы, донесения, сводки, шифры. Желательно, чтобы вы снабжали нас образцами нового японского вооружения».

Прошло несколько месяцев. Чжао-Шанчжи вместе со своим отрядом благополучно переправился через Амур, установил связь с другими партизанскими отрядами. Начались совместные операции против японо-маньчжурских войск. Бои шли с переменным успехом. Были победы, но были и поражения. Удалось захватить кое-какие документы, которыми очень интересовались в Хабаровске. На советскую территорию ушли связные, неся образцы новой военной техники и сообщения о ходе боевых действий. В разведотделе 2-й ОКА после тщательного изучения всех полученных из-за Амура материалов и анализа обстановки в Северной Маньчжурии составили проект новой директивы для партизан.

В этом документе указывалось, что основная задача до зимы – укреплять и увеличивать отряды, добывать оружие, боеприпасы и продовольствие. Рекомендовалось в преддверии зимы создать секретные базы в недоступных местах, оборудовать в них жилища, накопить запасы продовольствия и одежды. Базы должны быть подготовлены для обороны. Партизанам советовали пока воздержаться от разрушения шахт, железных дорог и мостов, поскольку для выполнения этих задач у них пока еще мало сил и средств.

Повстанцам предлагалось проводить более мелкие операции по нападению на железнодорожные поезда, золотые прииски, склады, шахты, полицейские участки. Основная цель таких ударов – добывание оружия, боеприпасов, пищевых продуктов и снаряжения. Указывалось и на то, что данные акции надо тщательно готовить: производить разведку объекта нападения,

составить план и обсудить его с командирами отрядов. Иначе неизбежны потери и неудачи.

Были в этой директиве и рекомендации для Чжао-Шанчжи: «Самому вам лично руководить нападениями не следует. Не забывайте, что вы руководитель партизанского движения, а не командир отряда. Вы должны организовывать разгром всей системы, а не отдельных отрядов и групп. Вам нельзя рисковать по любому случаю. Вы должны учить командиров»^[202].

К сожалению, ничего не известно об участии советских военных инструкторов в партизанском движении на территории Маньчжурии, хотя эти люди были в китайских отрядах. Дело в том, что в той же самой директиве Хабаровск обещал прислать инструкторов для обучения партизан минно-взрывному делу. Другой важный аспект. Большинство партизан длительное время находились на территории советского Дальнего Востока. Многие из них прошли специальную военную подготовку, так что кого-то могла завербовать советская военная разведка. Поэтому история партизанского движения в Маньчжурии в конце тридцатых годов прошлого века и участие в ней советской военной разведки ждут своих исследователей.

Хотя известно, что на советской территории для китайских партизан были созданы два специальных лагеря: Северный, или лагерь «А», под городом Ворошиловом (ныне город Уссурийск Приморского края), и Южный, или лагерь «Б», в предместье города Керки (Туркмения). За короткое время пропускная способность лагерей выросла со 100 до 300 бойцов. Занятия с партизанами проводили кадровые офицеры Красной Армии под руководством майора В.А. Самарченко^[203].

До середины 1942 года китайские партизаны регулярно переходили границу, отдыхали и лечились на советской территории, проходили проверку органами

НКВД на предмет выявления японских разведчиков, после чего возвращались в Маньчжурию. Бывший командир такого отряда генерал Ван Мингуя в своих воспоминаниях рассказывает:

«Наш отряд, действовавший в горах Большого Хингана, в конце ноября 1940 г. подвергся ожесточенному натиску противника. За два месяца боев он поредел более чем на 2/3, в строю осталось лишь 60 человек, да и те в большинстве своем ранены. В создавшихся условиях члены парткома приняли решение перейти на территорию СССР, а затем, после приведения отряда в порядок, пополнив боеприпасы, вновь вернуться в Большой Хинган для продолжения партизанских действий».

В конце декабря 1940 года партизаны переправились по льду через Амур, а через два месяца, отдохнувшие, вооруженные и экипированные, на свежих конях вернулись по льду в Маньчжурию. Военный совет 2-й Отдельной Краснознаменной армии поставил перед ними следующие боевые задачи: организация партизанских районов на Хингане, прием в отряд новых бойцов всех национальностей, организация опорных баз партизанского движения, ведение антияпонской агитации на оккупированной территории.

В 1941 году на базе этих лагерей была сформирована 88-я отдельная стрелковая бригада, предназначенная для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу японцев. Командиром 1-го батальона бригады, в которой служили в основном корейцы, был капитан по имени Цзин Жичэн, который впоследствии стал известен всему миру как Ким Ир Сен, глава Северной Кореи^[204]. Настоящее его имя было Ким Сон Чжу^[205].

Бригаду доукомплектовали советскими гражданами китайского и корейского происхождения, а также политэмигрантами. В ее ряды вступили 70 участников

военного мятежа под руководством Чжан Вэйго и Ван Вэнжу. Вскоре численность личного состава бригады превысила 1,5 тыс. человек. Командовал бригадой подполковник Чжоу Боачжун, комиссаром также был китаец – майор Чжан Шоуцань (в январе 1943 года его сменил майор В.Е. Серегин), начальником штаба стал майор В.А. Самарченко, начальником разведки – Фын Чжунюань. По своему предназначению 88-я бригада была разведывательно-диверсионной и подчинялась разведотделу штаба Дальневосточного фронта. Периодически группы бойцов совершали рейды через советско-китайскую и советско-корейскую границы, но основной боевой работой занимались разведчики и связные в тылу врага.

Однако в боевых действиях 88-я бригада так и не была задействована. Всю Великую Отечественную войну «сталинский спецназ» пробыл в тылу, занимаясь боевой и политической подготовкой. Великолепно укомплектованное и оснащенное соединение (на вооружении бригады состояло: 4312 винтовок, 370 автоматов, 48 станковых и 63 ручных пулемета, 21 орудие, 16 противотанковых ружей, 23 автомашины) не спешили бросать в бой, несмотря на горячее желание бойцов. У него были другие задачи, более сложные, чем участие во фронтовых операциях Красной Армии.

Китайские патриоты активно и целеустремленно готовились к освобождению своей родины от японских оккупантов, и такая возможность появилась в августе 1945 года. Еще в июле командованием 88-й бригады был разработан план ведения боевых действий. Предстояло выбросить десант из 100 человек, оснащенных рацией, для ведения разведки, а также участия в наступлении совместно с частями Красной Армии в Дунбэе. Отлично подготовленные бойцы и командиры, прекрасно знавшие местность, пользовавшиеся доверием и поддержкой местного населения, могли оказать

существенную помощь Красной Армии, однако не успели. Война с Японией была скоротечной, и оперативный план бригады просто не успели привести в исполнение. По этому поводу подполковник Чжоу Баочжун направил Главкому советских войск на Дальнем Востоке Маршалу Советского Союза Василевскому следующую докладную записку:

«24 августа 1945 г.

Я, командир 88-й отдельной стрелковой бригады, как подчиненный Вам и как член братской Коммунистической партии Китая решил обратиться к Вам непосредственно о нижеследующем.

Вверенная мне 88-я осбригада была организована в июне месяце 1942 г. по личному указанию товарища Сталина. В бригаде насчитывается около 400 бойцов и офицеров и до 150 чел. находится вне бригады (кроме русского и нанайского состава). Почти все китайские товарищи являются членами Китайской Коммунистической партии и Киткомсомола, бывшими руководителями и участниками партизанского движения в Маньчжурии против японских захватчиков. Бригадой непосредственно руководит Военный совет ДВФ (Дальневосточного фронта. – *Прим. авт.*). Бригаде было уделено большое внимание, и ей придавалась особая роль и политическое значение, как китайской национальной части (по примеру польской, чехословацкой и др. частей, бывших на территории СССР), и она должна была стать ядром подготовки военных и политических кадров. Как воинская часть, бригада готовилась принять активное участие вместе с Красной Армией в борьбе против японских империалистов за освобождение китайского народа...

В течение трех лет вся политико-воспитательная работа с личным составом бригады проводилась по особой программе Военного совета ДВФ.

По боевой подготовке была поставлена задача подготовить рядового бойца и сержанта на военное время командиром взвода, роты (отряда) и уметь вести политическую работу среди китайского населения Маньчжурии, а из нанайцев-рядовых подготовить командиров отделений. К июню месяцу 1945 г. эта задача была выполнена...

Политико-моральное состояние личного состава бригады здоровое, и в боевом отношении бригада подготовлена хорошо.

Бойцы, сержанты и офицеры три года готовились и ждали того дня, когда они смогут принять активное участие в борьбе против японского агрессора. Этот день наступил 9 августа с.г. Советский Союз объявил войну империалистической Японии. Весь личный состав бригады, воодушевленный благородными целями войны, ждал боевого приказа выступить против японских самураев.

Однако через четыре дня после начала военных действий оперативный план бригады был отменен, а ее передислокация на территорию Маньчжурии была задержана, и до настоящего времени бригада не использована.

Мои неоднократные запросы к генерал-майору тов. Сорокину и через него к командующему 2-м ДВФ генералу армии тов. Пуркаеву об использовании бригады до сегодняшнего дня положительного решения не получили.

Поэтому я вынужден обратиться к Вам, товарищ Маршал, с просьбой о разрешении вопроса об использовании бригады и изложить свои соображения:

1. Считаю необходимым передислоцировать бригаду в центральный город Маньчжурии – Чанчунь, где бы мы могли немедленно оказать помощь Красной Армии в установлении и поддержании порядка. Организовать антияпонскую демократическую организацию, которая

должна явиться основой для будущей демократической народной власти в Маньчжурии.

2. Провести подготовительную работу по созданию народной армии в Маньчжурии, ядром которой должна стать китайская бригада.

3. Объединить всех членов Китайской коммунистической партии в Маньчжурии, развернуть работу по привлечению всех прогрессивных демократических групп и создать единый фронт народов Маньчжурии против японской агрессии. Вести борьбу против всех реакционных элементов и течений.

Проводить повседневную работу в массах и воспитывать китайский народ в духе дружбы и любви к великому соседу – Советскому Союзу, к народам Советского Союза, к Великому Сталину.

Если Вы найдете невозможным принять мои вышеуказанные соображения, то я прошу разрешить отправить китайский состав бригады и отдельных русских товарищей в распоряжение ЦК Коммунистической партии Китая или командующего 8-й НРА тов. Чжу Дэ.

Командир 88-й отдельной стрелковой бригады подполковник Чжоу Баочжун»^[206].

Однако обращение не было принято во внимание. 88-я отдельная стрелковая бригада была расформирована на основании приказа командующего Дальневосточного военного округа от 12 октября 1945 г. «Сталинский спецназ», всю войну готовившийся для диверсионной разведки, в бой отправлен не был. Китайским товарищам пришлось применить на руководящих должностях в районных комендатурах и полицейских участках освобожденной Маньчжурии. Корейских бойцов бригады во главе с капитаном Ким Ир Сеном направили в Корею.

Корейский полуостров, освобожденный частями 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, в авангарде

которых шли морские пехотинцы В.Н. Леонова, ставшего дважды Героем Советского Союза, и М.А. Бабикова, Героя Советского Союза, ждал появления новой власти. Она явилась в лице Советской гражданской администрации (СГА). Ее руководители служили в штабе 25-й армии, а возглавил СГА генерал-полковник Т.Ф. Штыков, член Военного совета 1-го Дальневосточного фронта и будущий советский посол в КНДР. В органы местного самоуправления были направлены на руководящие должности политически грамотные офицеры Красной Армии, корейцы по национальности, прибывшие вместе с 25-й армией. В конце сентября из Владивостока в Вонсан на пароходе «Пугачев» прибыл капитан Ким Ир Сен со своим 1-м батальоном уникального в своем роде политического спецназа.

Он тут же был назначен помощником военного коменданта г. Пхеньяна генерал-полковника И.М. Чистякова. А когда встал вопрос о главе Северной Кореи, генерал Штыков, посоветовавшись с Москвой, принял решение о всяческой поддержке и фактическом выдвижении на эту должность капитана Красной Армии Ким Ир Сена. На митинге 14 октября в честь Красной Армии генерал Чистяков представил его собравшимся как «национального героя» и «знаменитого партизанского вождя». Уже через неделю Ким Ир Сен стал членом бюро Коммунистической партии Кореи, а через два месяца – председателем бюро КПК.

В феврале 1946 года Ким Ир Сен возглавил Временный народный комитет Северной Кореи, в состав которого входили 11 бюро-министерств, образованных на базе соответствующих департаментов СГА. После создания комитета советское руководство заявило, что оно выполнило свою задачу и власть в стране переходит в руки местных административных органов. К концу 1947 года в северной части полуострова сформировалось самостоятельное государство со своим

правительством, армией, полицией, экономикой и финансами. Последним шагом к закреплению раздела страны стало проведение в августе 1948 г. выборов в Верховное народное собрание Северной Кореи. 9 сентября первая сессия ВНС провозгласила Корею Народно-Демократическую Республику.

Часть четвертая
Спецработа накануне Великой
Отечественной войны

Глава 10

Отдел «А» в ожидании часа «Х»

В конце двадцатых – начале тридцатых годов в СССР осуществлялась достаточно масштабная подготовка к партизанской войне против возможного агрессора. О необходимости ее писал еще в 1921 году М.В. Фрунзе в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия»:

«Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, при которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».

Подготовка к партизанской войне включала создание и подготовку партизанских отрядов, диверсионных групп и диверсантов-одиночек, способных действовать на незнакомой местности, в лесах, городах, на железных дорогах, подготовку командного состава, отработку тактики, материально-техническое обеспечение. Всеми этими вопросами занимались Разведупр и разведотделы штабов военных округов во взаимодействии с органами ОГПУ. По этому поводу один из потенциальных партизан много лет спустя вспоминал:

«К концу 1929 года была в основном завершена значительная работа по подготовке командных и политических партизанских кадров. Любой из них во время войны мог стать командиром отряда. Готовились небольшие отряды, диверсионные и организаторские группы. На базе последних могли создаваться более

крупные партизанские формирования. Для них закладывались тайные склады продовольствия, минно-взрывные средства, оружие, боеприпасы. Армейские командиры проходили специальную подготовку, чтобы они могли в случае окружения переходить к партизанским действиям. В городах и крупных железнодорожных станциях к востоку от укрепрайонов уже в мирное время находились тщательно законспирированные диверсанты-подпольщики, хорошо обученные и экипированные.

Так к 1 января 1930 года в приграничной полосе Юго-Западной железной дороги глубиной до 200 км из личного состава погранвойск и военизированной охраны железных дорог были подготовлены, кроме подрывных команд 2 железнодорожных полков, более 60 партизанских подрывных команд общей численностью около 1400 человек. Оборудованы специальные минные трубы, ниши и камеры на железной дороге и на объектах. Аналогичная работа проводилась в Белорусском и Ленинградском округах»[\[207\]](#).

На территории Украинского военного округа в начале тридцатых годов прошлого века было сформировано 80 подобных отрядов общей численностью свыше 600 человек, состоявших из бывших красных партизан, а также польских и румынских эмигрантов.

Обратимся к воспоминаниям Героя Советского Союза Станислава Алексеевича Ваупшасова. В марте 1942 года во главе спецотряда «Местные» из 35 человек он был выведен на территорию оккупированной немцами Минской области Белоруссии, где с 1943 по 1944 год возглавлял партизанскую сеть под Минском, был членом подпольного обкома ВКП(б). Считался одним из крупнейших специалистов по террористическим и диверсионным операциям. В Москву вернулся в июле 1944 года.

Еще с советских времен Станислава Ваупшасова принято считать кадровым чекистом, который к военной разведке имеет косвенное отношение. На самом деле этот человек несколько раз менял место службы.

С 1918 года – в Красной Армии. С 1920 по 1925 год находился на подпольной работе по линии активной разведки Разведупра в западных областях Белоруссии, оккупированных Польшей. За работу в Белоруссии был награжден почетным оружием и орденом Красного Знамени. В 1927 году окончил курсы комсостава РККА.

И только в начале тридцатых годов прошлого века стал сотрудником органов госбезопасности. Одновременно был назначен командиром одного из партизанских отрядов, созданных на территории Белорусского военного округа.

С 1937 по 1938 год по линии НКВД под псевдонимами «Шаров» и «товарищ Альфред» участвовал в национально-революционной войне в Испании. Был старшим военным советником 14-го партизанского корпуса республиканских войск, в том числе обеспечивал охрану лидера испанских коммунистов Долорес Ибаррури, занимался организацией и осуществлением разведывательно-диверсионных действий в тылу войск генерала Франко, руководил школой по подготовке диверсантов-подрывников.

Путем хитроумно спланированной операции Станислав Ваупшасов под видом польского коммерсанта Казимира Кобецкого «переиграл» матерого немецкого резидента Отто Кирхнера, выдававшего себя за шведского коммерсанта Кобарда, и получил от него для дальнейшей передачи в Германию особо секретные разведданные – 100 метров микропленки и зашифрованные донесения. Была обезврежена большая группа немецких шпионов, в том числе «жена» Кобарда – немецкая шпионка Эльза Тумм.

Во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов Ваупшасов участвовал в формировании разведывательно-диверсионных групп. С ноября 1939 года был командиром лыжного пограничного батальона, действовавшего на Карельском перешейке. Награжден именным оружием.

В 1940–1941 годах Ваупшасов был под оперативным псевдонимом «Яков» разведчиком-нелегалом в разведывательной загранкомандировке в Финляндии и Швеции по линии советской внешней разведки.

В сентябре 1941 года был отозван в Москву. Был направлен в распоряжение Особой группы – 2-го отдела НКВД СССР (организация разведки и диверсий на оккупированной территории). А дальше – участие в битве за Москву и отправка в качестве командира спецотряда «Местные» за линию фронта.

Процитируем бесценные воспоминания этого человека:

«В Белорусской ССР (в начале тридцатых годов прошлого века. – *Прим. авт.*) было сформировано шесть отрядов: Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский и Полоцкий. Численность их устанавливалась в 300–500 человек, у каждого имелся свой штаб в составе начальника отряда, его заместителя, заместителя по политчасти, начальника штаба, начальника разведки и помощника начальника отряда по снабжению.

Бойцы и командиры отрядов были членами и кандидатами партии, комсомольцами, участниками Гражданской войны. Весь личный состав был обучен методам партизанских действий в специальных закрытых школах. В них готовились подрывники-минеры, пулеметчики и снайперы, парашютисты и радисты.

Кроме основных формирований для борьбы в тылу врага, в городах и на крупных железнодорожных узлах

были созданы и обучены подпольные диверсионные группы.

В белорусских лесах для каждого партизанского отряда были сделаны закладки оружия и боеприпасов. Глубоко в землю зарыли надежно упакованные толовые шашки, взрыватели и бикфордов шнур для них, патроны, гранаты, 50 тысяч винтовок и 150 ручных пулеметов. Разумеется, эти склады рассчитывались не на первоначальную численность партизанских подразделений, а на их бурный рост в случае войны и вражеской оккупации.

Орловский, Корж, Рабцевич и я были назначены командирами четырех белорусских отрядов и вместе с их личным составом деятельно готовились к возможным военным авантюрам наших потенциальных противников»^[208].

Два важных комментария.

Во-первых, Кирилл Орловский, Василий Корж и Александр Рабцевич в начале двадцатых годов прошлого века участвовали в операциях по линии «активки» Разведупра на территории Польши. Сражались в партизанских отрядах, переброшенных с территории Советской России. Когда началась Гражданская война в Испании, то все трое были командированы туда по линии НКВД. Возглавляли разведывательно-диверсионные подразделения, которые активно действовали в тылу противника. А в годы Великой Отечественной войны командовали партизанскими отрядами и все четверо были удостоены звания Героя Советского Союза. Как мы видим, знания и опыт, полученные в двадцатые – начале тридцатых годов прошлого века, имгодились.

Во-вторых, двумя неназванными командирами белорусских партизанских отрядов начала тридцатых годов прошлого века были будущий знаменитый военный разведчик Артур Спрогис и Софрон Макаревич.

О последнем известно лишь, что в начале двадцатых годов прошлого века он участвовал в операциях по линии «активки» Разведупра на территории Польши.

В начале тридцатых годов прошлого века первичная подготовка партизан проводилась на курсах Осоавиахима. Бойцов обучали стрельбе, плаванию, вождению автомашины, рукопашному бою, топографии и т.п. Обучение длилось год-полтора, после чего лучшие отправлялись в закрытые специальные школы, где из них готовили высококвалифицированных специалистов партизанского дела: диверсантов, разведчиков, снайперов, радистов, подрывников. Обучение в одной из таких школ описала в своей книге «Соня рапортует» советская военная разведчица Рут Вернер. Среди прочих навыков она приобрела там умение изготавливать взрывчатые вещества и мины, в том числе довольно сложные. Это умение очень пригодилось ей во время работы в Маньчжурии, где она с напарником курировала действия местных партизанских отрядов.

К 1932 году только в Белоруссии в случае войны могли быть развернуты шесть крупных отрядов по 300–500 человек каждый. В тайных складах хранились 50 тысяч винтовок, 150 пулеметов, боеприпасы, взрывчатка.

Проведенные в 1932 году крупные общевойсковые учения показали особую эффективность действий небольших диверсионных групп. Если крупные партизанские отряды достаточно легко обнаруживались, то такие группы были неуловимы, проникали в тылы «противника» и неизменно выполняли поставленные задачи.

Одновременно к подготовке к будущей войне был подключен и Коминтерн. В 1929 году решением Политкомиссии ИККИ в орготделе была сформирована Комиссия по спецвопросам в составе бывшего заместителя начальника Разведупра по агентурной

работе Бронислава Брониславовича Бортновского (Бронковского)^[209] и двух военных разведчиков – Туре Лехена и Стефана Жбиковского^[210]. С двумя последними мы уже не раз встречались на страницах нашей книги.

К середине тридцатых годов деятельность в сфере организации возможного партизанского движения на территории Советского Союза была внезапно свернута. Принято считать, что основная причина – маниакальная мнительность Иосифа Сталина (опасался заговоров) и массовые репрессии 1937 года, которые уничтожили почти всех командиров партизанских отрядов и инструкторов. При этом сторонники данной версии никак не могут объяснить тот факт, почему все шесть командиров белорусских партизанских отрядов не только остались живы, но и продолжали трудиться на прежних местах. Так, Кирилл Орловский перед войной по линии внешней разведки в течение продолжительного срока находился в Китае. Подробности его командировки до сих пор остаются секретными. А Станислав Ваупшасов находился в Финляндии и Швеции.

Основная причина сворачивания создания партизанских отрядов – изменение советской военной доктрины. Ее главный принцип: «Малой кровью на чужой территории». Говоря другими словами, она предусматривала ведение войны лишь на территории иностранных государств. Все это верно, но многие забывают про то, что кто-то эту доктрину разрабатывал, а также отвечал за ее реализацию. И тогда всплывает имя первого заместителя наркома обороны Михаила Тухачевского. Именно ему принадлежат многие нововведения в Красной Армии. Например, активное развитие бронетанковых войск, а также создание серии военных академий. А вот к использованию небольших разведывательных подразделений в глубоком тылу противника будущий маршал относился отрицательно. В

своих теоретических работах Тухачевский всеми силами доказывал недопустимость диверсионных действий. В статье «Война клопов» («Революция и война», 1923 год) он зло, но безосновательно высмеивает партизанско-диверсионные акции. Военачальник написал, что они не могут быть главным способом ведения войны, но при этом даже не задумывался о том, что их можно сочетать с операциями регулярных частей РККА и это может дать хороший результат. Более того, в 1928 году в статье «Война как проблема вооруженной борьбы» будущий маршал говорит о «вредительской диверсионной деятельности» в глубоком тылу, подразумевая тем самым, что так поступает только «подлый враг», а для «передовой армии» подобное недопустимо.

Это не значит, что командование Красной Армии полностью отказалось от идей использования военных партизан в тылу противника. Подготовка разведывательно-диверсионных групп шла полным ходом, только теперь им предстояло действовать лишь на территории иностранных государств.

Саперно-маскировочные взводы

В январе 1934 года начальник Генерального штаба РККА будущий Маршал Советского Союза Александр Егоров издал директиву о формировании специальных диверсионных подразделений в Красной Армии. К началу 1935 года они были развернуты вдоль западных рубежей СССР, то есть вдоль границы с Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией.

В целях обеспечения секретности директива предписывала именовать эти подразделения «саперно-маскировочными взводами» и формировать их при саперных батальонах дивизий. Выбор саперных батальонов в качестве «прикрытия» был не случаен. Александр Егоров справедливо предполагал, что

основным средством борьбы с противником будущих диверсантов будет взрывчатка. Просто ничего другого, кроме как организовывать диверсии на транспортных магистралях и уничтожать отдельные объекты (в т.ч. и высокопоставленных военачальников и представителей гражданской администрации), диверсанты не смогут. Имеющееся тогда на вооружении Красной Армии стрелковое оружие – винтовка Мосина и пулемет Дегтярева – не очень подходило для осуществления скоротечных огневых контактов с противником, да и не планировались они. Наведение на объекты противника, а также места скопления его живой силы и техники военной авиации тоже исключалось, т.к. на вооружении Красной Армии не было портативных радиостанций. Легендарные радиостанции «Север» начали поступать на вооружение разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов лишь после начала Великой Отечественной войны. Так что главная задача будущих диверсантов – организовать максимальное число взрывов в тылу противника. А где проще всего учить обращению со взрывчаткой? На базе саперных подразделений.

В конце 1935 года саперно-маскировочные взводы численностью по 40 человек имелись уже во всех без исключения приграничных стрелковых и кавалерийских дивизиях РККА западных военных округов. Предполагалось, что в случае войны такой взвод может действовать как в полном составе, так и мелкими группами по 5–7 человек.

Саперно-маскировочным взводам предписывалось совершать переход государственной границы пешим порядком (при ведении наступательных действий) либо укрываться на своей территории (в случае внезапного нападения противника), в последующем выдвигаться к тем объектам во вражеском тылу, которые будут им указаны командованием, конкретно начальником

разведки дивизии. Требовалось выводить эти объекты из строя, дезорганизовывать работу тыла неприятельских войск, сеять панику, развертывать партизанское движение. Основной упор следовало делать на диверсии, разведывательные задачи ставились только как попутные. Радиосвязь с диверсантами не предусматривалась, допускалась передача информации в случае крайней необходимости с помощью связных.

Личный состав для взводов «маскировщиков» отбирался из числа комсомольцев, прослуживших в Красной Армии не менее двух лет, после тщательного изучения и проверки кандидатов органами государственной безопасности. Предпочтение отдавалось тем из них, кто закончил среднюю школу, имел хорошее физическое развитие, владел иностранным языком и положительно себя зарекомендовал во время службы.

Затем в течение одного года отобранных бойцов обучали в составе взвода. Главное внимание уделялось огневой подготовке, минно-подрывному делу, тактике диверсионно-разведывательных действий, ориентированию и совершению маршей в условиях бездорожья, выработке у бойцов физической выносливости, а также изучению иностранных армий (организация, уставы, форма одежды и знаки различия, вооружение, боевая техника, документы, карты). В том же 1935 году начали действовать специальные курсы для командиров этих взводов, расположенные на одной из учебных баз Разведывательного управления РККА в окрестностях Москвы.

После года службы в составе взвода разведчиков-диверсантов увольняли в запас и компактно расселяли в населенных пунктах вдоль границы. Там их устраивали на работу, строили за счет государства дома, выдавали в личное пользование домашний скот, перевозили на новое место жительства семьи. В основном оседали эти,

говоря по-современному, «спецназовцы» в селах, иногда – на окраинах небольших городов, где образ жизни мало чем отличался от сельского. В ближайших воинских частях для них хранилось вооружение и снаряжение (стрелковое оружие, боеприпасы, взрывчатка и средства взрывания, карты местности, сухие пайки, медикаменты).

На территориях сопредельных государств (Эстонии, Латвии, Польши, Румынии) агенты Разведуправления приступили к созданию опорных баз для саперов-маскировщиков – главным образом в сельской местности, на хуторах, хозяева которых сотрудничали с советской разведкой. Эти люди должны были хранить запас продовольствия для диверсантов, оружие, взрывчатку и средства взрывания иностранного производства (немецкого, польского, румынского и т.д.). Существовала отработанная система паролей, явочных мест, взаимного опознавания. Предполагалось, что в ходе боевых действий вооружение, снаряжение и продовольствие диверсантам будут также доставлять самолеты, сбрасывая груз на парашютах по сигналам с земли.

В 1937-1938 годах командование Красной Армии отказалось от идеи использования саперно-маскировочных взводов. Одна из основных причин – военные стратеги в Москве справедливо предсказывали ведущую роль в будущей войне механизированных частей. Говоря другими словами, победоносное наступление Красной Армии в Европе будет столь стремительным, что разведывательно-диверсионные группы просто не успеют проникнуть в район, назначенный им для активных действий. В какой-то мере они были правы. Только произошло это не в 1941 году, а в 1945 году, когда советские разведывательно-диверсионные группы приходилось доставлять в тыл противника с помощью авиации – при переходе линии

фронта пешим порядком они через несколько дней, а порой и часов снова оказывались в тылу стремительно наступающей Красной Армии^[211].

Хотя саперно-маскировочные взводы продолжали существовать. Например, один из них принимал участие в боях на Ханхин-Голе. Да и в Испании успели побывать большинство командиров этих диверсионных подразделений.

Если завтра война

Существует устойчивое мнение, что руководство советской военной разведки в последние предвоенные годы ничего не предпринимало для того, чтобы повысить боевую и мобилизационную готовность разведки, в том числе и разведотделов штабов военных округов на случай внезапного нападения фашистской Германии. На самом деле это глубоко ошибочное мнение.

Еще в начале 1936 года в Разведупре появилось специальное отделение «А» (активная разведка), статус которого спустя три года повысился до отдела. Пережили репрессии и боевые действия в Испании, Китае, советско-финляндскую войну, другие конфликты и продолжали активно действовать многие сотрудники этого подразделения военной разведки. Среди них И.Г. Старинов, Х.-У. Д. Мамсуров, А.К. Спрогис, В.А. Троян, Г.Л. Туманян, Г.С. Харитоненков, А.И. Эмильев, Н.К. Патрахальцев, А.К. Кононенко. Так что к началу войны существовал богатый опыт разведывательно-диверсионной деятельности, который, к сожалению, не получил в те годы должного развития.

Был и еще один важный момент, на который большинство журналистов и историков не обращают должного внимания. Перед войной началось массовое обучение в Военной академии офицеров Красной Армии.

В первую очередь кадры готовили для разведотделов штабов военных округов и армий.

25 февраля 1941 года начальник Разведуправления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков направил директиву всем начальникам разведотделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении их подразделений в мобилизационную готовность к 10 мая 1941 года. А ведь этому событию предшествовало одно важное мероприятие, о котором мало кто знает.

С 23 января по 22 февраля 1941 года в Москве состоялись сборы начальников разведотделов штабов приграничных военных округов и армий для налаживания деятельности данных отделов в период перехода с мирного на военное время. Руководил сборами начальник 7-го отдела Разведупра (отдел приграничной разведки) полковник И.В. Виноградов. Участники совещания выступили с целым рядом конкретных предложений по повышению боевой готовности разведки в условиях войны с Германией. В частности, предлагалось развернуть разведотделы округов и армий по штатам военного времени, полностью обеспечить их техникой и экипировкой, организовать базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отступления и т.п.

После окончания этого мероприятия руководство Разведупра предложило начальнику Генерального штаба РККА Георгию Константиновичу Жукову план мероприятий по созданию в приграничных военных округах тайных баз с запасом оружия, боеприпасов и иного военного имущества иностранного образца и резервных агентурных сетей на своей территории на глубину 100–150 километров. Данный план утвердил Георгий Константинович Жуков в мае 1941 года^[212]. Как видим, военная разведка активно готовилась к будущей

войне с Германией. Причем, что важно, предполагалось, что на первом этапе войны Красная Армия может отступить. Вот только с расстоянием ошиблись. Хотя винить в этом бойцов «невидимого фронта» бессмысленно – в прогнозах аналитикам приходилось учитывать наступательный характер советской военной доктрины.

Другая проблема – низкий уровень подготовки офицеров разведки в войсках. Историк Михаил Иванович Мельтюхов так пишет о западных приграничных округах: «Агентурная разведка была слабо укомплектована подготовленными кадрами, агентов вербовали из местных жителей, большинство из которых не имело доступа к важным сведениям, а их донесения доставлялись курьерами, что вело к потере времени. Агенты не готовились к работе в условиях войны или к диверсиям, поскольку считалось, что война будет вестись на территории противника. Германской контрразведке удалось ограничить утечку информации, ужесточив контроль на границе... Агентурная разведка пограничных войск лишь с 24 мая 1941 года была ориентирована на выявление подготовки Германии к войне против СССР. Разведорганы округов не привлекались для подготовки планов прикрытия, взаимодействие всех видов разведки было налажено слабо, как и обмен информацией между разными ведомствами. Отсутствие агентов в штабах противника не позволяло добывать документы о планах Германии. Этого не произошло даже тогда, когда 18 июня германское командование уведомило о предстоящем вторжении командный состав до роты включительно. Низкая эффективность разведки приграничных округов не позволяла командованию видеть четкую картину ситуации и делать соответствующие выводы»^[213].

Несмотря на это, военная разведка сконцентрировала свое внимание на Германии. Согласно плану с 24 мая

1941 года агентурная разведка западных приграничных военных округов и армий была ориентирована на работу по Германии. Помимо этого, все десять полков воздушной разведки западных приграничных округов стали пополняться квалифицированным летным составом и новыми самолетами СБ. Комплектование предполагалось завершить к 1 июля 1941 года. Началось также комплектование кадрами шестнадцати радиодивизионов ОСНАЗ, занимающихся радиоразведкой. А перед самым немецким вторжением, в ночь на 22 июня, в Разведупре проводилось штабное учение, где отрабатывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии.

Однако все эти мероприятия запоздали и поэтому не были выполнены в полном объеме. Кроме того, в предвоенный период среди руководителей государства и Красной Армии господствовало мнение, что будущая война будет вестись наступательными операциями на территории противника и начнется позднее, чем это произошло на самом деле.

На случай особого периода

К будущей войне с Германией готовились не только разведотделы штабов военных округов и армий, но и центральный аппарат Разведупра. Выше мы уже подробно рассказали о том, что с начала двадцатых годов прошлого века в Германии существовала мощная агентурная сеть Разведупра на предприятиях военно-промышленного комплекса. В мирное время она снабжала Москву ценной информацией о новейших немецких технологиях и образцах вооружений. Когда началась Великая Отечественная война, то эти же люди занялись саботажем и диверсиями.

Германия была не единственной страной, где обосновавшиеся в конце тридцатых годов прошлого

века агенты и кадровые сотрудники Разведупра после 22 июня 1941 года перешли к активной деятельности. Кроме добывания секретной информации, они начали организовывать диверсии. В качестве примера расскажем только о двух эпизодах тайной войны.

В нейтральной Швеции

В конце 1941 года шведская полиция арестовала некоего швейцарского гражданина Йона Гетцингера. В ходе следствия выяснилось, что на самом деле зовут его Вилли Ром, родился он в немецком городе Франкфурт-на-Майне, в тридцатые годы прошлого века возглавлял комсомольскую организацию в Рурской области. После прихода Адольфа Гитлера к власти вел подпольную работу во Франции и Дании. Когда началась Гражданская война в Испании, то уехал туда добровольцем. Воевал в составе интербригад. Был приглашен на работу в советскую военную разведку.

В 1939 году с паспортом на имя Йона Гетцингера профессиональный подпольщик и ветеран Гражданской войны в Испании Вилли Ром был направлен в качестве резидента-радииста в Швецию. Перед ним стояло две задачи: сбор сведений о дислокации немецких войск в Швеции и организация диверсий на железной дороге в центральной части страны, где перемещались германские эшелоны с военной техникой и живой силой.

За короткое время ему удалось создать резидентуру из шести человек, пять из которых были шведские подданные, в т.ч. две женщины. Одна из них была эстонка, принявшая шведское гражданство. Она работала танцовщицей в одном из кабаре Стокгольма и выполняла обязанности наводчицы – подбирала кандидатов на вербовку.

Вилли Ром достиг определенных успехов и в диверсионной деятельности. Так, 19 июля 1941 года,

когда Германия уже вторглась на территорию Советского Союза, в районе станции Крюльбу был подорван эшелон в составе 20 вагонов с немецкой техникой, в котором по документам якобы перевозились овощи.

В конце 1941 года советский военный разведчик был арестован шведской полицией. В феврале 1942 года суд приговорил его к восьми годам тюремного заключения. В 1945 году Вилли Рому был организован побег. Он благополучно добрался до Советского Союза. В 1950 году его ожидала новая командировка в качестве «нелегала» в одну из западноевропейских стран. В отставку этот человек вышел в 1965 году в звании подполковника^[214].

«Мориц» выходит на связь

Судьба другого советского разведчика – нелегала из Разведупра – сложилась трагически. Николай Васильевич Попов родился в Болгарии, участвовал в революционных событиях в этой стране, сидел в тюрьме, а в 1924 году, после того как вышел на свободу, выехал в Советский Союз. В том же году женился на русской женщине. Через два года его приняли в ВКП(б), что свидетельствовало о высоком доверии со стороны властей. В 1934 году он стал сотрудником Разведупра. После интенсивной спецподготовки в качестве резидента был направлен в Краков. По оперативному делу он проходил как руководитель нелегальной резидентуры «Монблан». На связи у «Морица» (затем «Мимко») постоянно находилось четыре агента.

В 1939 году, когда началась Вторая мировая война, связь с ним была утрачена. В 1942 году по инициативе Разведупра ее удалось восстановить. К нему была направлена опытная радистка. Почти до конца Великой Отечественной войны от него поступала подробная и

очень ценная военная информация. В частности, о дислокации и перемещении немецких войск на маршруте Краков – Катовицы – Честанхова и в прилегающих к нему районах. Помимо этого, Николай Попов участвовал в организации заброски разведывательно-диверсионных групп советской военной разведки и обеспечение их легализационными документами.

Резидента планировалось использовать в качестве организатора диверсий на том же железнодорожном маршруте в Польше, который он хорошо изучил и систематически давал по нему информацию. Вот только руководство Разведупра решило не рисковать ценным агентом и отказалось от идеи задействовать его при проведении диверсий.

Хотя это не спасло Николая Попова от смерти. 9 апреля 1945 года на явку в Кракове он не вышел. Хотя прошло уже более полувека, но до сих пор точно неизвестно, что с ним произошло. По одной версии, его разоблачили немцы. По другой – он погиб во время бомбежки города. Вторая версия более правдоподобна, т.к., несмотря на многолетние поиски, не удалось отыскать доказательств его «провала».

Глава 11

Водолазы-разведчики Иосифа Сталина

Идея подготовки разведчиков-водолазов берет свое начало от события, казалось бы, ничего общего не имеющего с диверсионной работой. В 1931 году на Балтике погибла со всем экипажем подводная лодка «Рабочий». После этой трагедии Реввоенсовет СССР приказал обеспечить личный состав подводных лодок спасательными дыхательными аппаратами. Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) тут же освоила выпуск нескольких типов дыхательных аппаратов. Два из них – ЭПРОН-3 и ЭПРОН-4 – были приняты. В 1934 году был создан гидрокомбинезон, изолирующий голову и тело человека, правда, очень тяжелый и неудобный – подводники его не любили.

В 1936 году при отработке приемов спасения экипажей субмарин родилась идея высадки на берег диверсантов-подводников из заглубленной подводной лодки. 6 июля 1936 года на Тихоокеанском флоте в бригаде подводных лодок под командованием капитана 2 ранга Г.Н. Холостякова состоялись первые в СССР учения по выходу личного состава из затонувшей подлодки с применением доработанного аппарата ЭПРОН-4. Выход осуществлялся с глубины 10 м. Руководивший подготовкой к учениям и выходом личного состава военврач 3 ранга Н.К. Кривошееенко подтвердил возможность успешной эвакуации моряков.

В 1938 году на Тихоокеанском флоте прошла проверка состояния индивидуально-спасательного дела, которую проводили сотрудники санитарного отдела флота – военврач 1 ранга И.И. Савичев, военврач 3 ранга Н.К. Кривошееенко и флагманский специалист

спасательного дела военинженер 3 ранга Г.Ф. Кроль. Проверка показала, что аппараты не осваиваются, поскольку, во-первых, не было инструкторов, а во-вторых, технических средств. Они предложили Военному совету флота организовать курсы инструкторов по индивидуально-спасательному делу. Курсы начали функционировать в сентябре 1938 года под руководством все тех же людей. Началась серьезная подготовка, а вскоре – и выходы водолазов из подводных лодок. И тогда родилась простая и естественная мысль: коль скоро есть водолазы, то почему бы не использовать их не только для спасательных работ, но и для диверсий? Руководители курсов пришли к выводу, что индивидуальный дыхательный аппарат «может получить такое же значение в ВМФ, как парашют в авиации, т.е. перерасти из средства индивидуального спасения в боевое оружие с большими разносторонними возможностями»^[215].

Причем утверждение это отнюдь не было чисто теоретическим. К тому времени была опробована на практике возможность перерезания водолазами заградительных сетей при помощи ножниц для резки тросов, отработано использование путеводной нити для передвижения водолазов с подводной лодки на сушу и с суши на лодку. А главное – были проведены «испытания по выносу водолазами на берег под водой оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Винтовки и ручные пулеметы системы Дегтярева не укупоривались, ВВ и пулеметные диски переносились в герметических резиновых мешках, патроны – под гидрокомбинезоном»^[216]. Так появилась идея создания на флоте особого подразделения – морского спецназа.

19 октября 1938 года командующий ТОФ флагман 2 ранга Н.Г. Кузнецов утвердил план специального учения, на котором предстояло проверить возможность боевого использования водолазов. Ответственным

руководителем учения был назначен И.И. Савичев, помощниками – Н.К. Кривошеенко и Г.Ф. Кроль.

О том, как действовали первые морские спецназовцы, пишут ветераны спецназа В.Л. Зарембовский и Ю.И. Колесников:

«22 октября 1938 г. жители поселка у бухты Улисс около Владивостока с удивлением обнаружили на берегу бухты скопление легковых машин (большая редкость по тем временам), около которых прохаживались военные моряки в высоких званиях, нетерпеливо поглядывающие на мыс, прикрывавший бухту с моря. Вход в нее от берега до берега пересекал ряд красных буйков. Потом из-за мыса показалась подводная лодка. Не дойдя метров 200–250 до линии буйков, она застопорила ход и погрузилась.

Через полчаса линия буйков разорвалась надвое, а у дальнего берега бухты, поросшего густым кустарником, показались из-под воды головы людей. На берег вышли два человека с винтовками, что-то проделали у уреза воды и залегли в кустах. Затем из-под воды появились еще 8 солдат с винтовками и ручными пулеметами. Они молча побежали к одинокому домику, спрятавшемуся в глубине кустов. Раздались выстрелы, пулеметные очереди и взрывы гранат. Потом прогрехотал мощный взрыв, и домик взлетел на воздух. «Диверсанты» вернулись на берег и цепочкой, один за другим, ушли под воду. Вскоре подводная лодка всплыла и, развернувшись, ушла в море»^[217].

Местные жители, ставшие невольными свидетелями учения, а проходило оно два дня, с 22 по 24 октября, так и не узнали, чем же на самом деле занимались участвовавшие в них моряки. Выход на берег, стрельба и подрыв дома – это лишь вершина айсберга. А все самое интересное происходило под водой.

Согласно официальным документам:

«На учении демонстрировались:

- переход группы водолазов по грунту на глубинах до 22 м бухты Малый Улисс по тросу (расстояние 400 м пройдено за 15-20 мин);
- подрезка ПЛО (противолодочной обороны. – *Прим. авт.*) сетей на глубине 15 м за 10-15 мин;
- выход из ПЛ (подводная лодка. – *Прим. авт.*) в подводном положении на поверхность группы водолазов по буйрепу и вход на ПЛ другой группы с поверхности;
- высадка разведчиков с ПЛ, лежащей на грунте, через ТА (торпедный аппарат. – *Прим. авт.*) на берег с установкой ими путеводной нити;
- высадка десанта в тех же условиях по путеводной нити, установленной разведчиками; подрыв взрывных устройств и инсценировка боя с использованием гранат и стрелкового оружия;
- возвращение разведчиков на ПЛ, лежащую на грунте, со сматыванием путеводной нити.

Учение проводилось при температуре воды, равной 13° С. На водолазов надевались два комплекта шерстяного белья поверх рабочего платья, двое шерстяных чулок и береты. Отмечались нормальные тепловые ощущения. Выход из ПЛ производился с двумя отступлениями от «Временного наставления по технике и режиму подводного выхода из ПЛ и обратного входа в ПЛ» (1938 г.):

- давление в ТА с забортным выравнивалось водой, а не воздухом среднего давления, в целях обеспечения скрытности (для исключения выхода на поверхность воды воздушного пузыря);
- осушение ТА велось не сливом воды в торпедозаместительную цистерну, а осушительной помпой ПЛ (для ускорения)»^[218].

В отчете по результатам учений были сделаны следующие выводы:

«ИДА может быть использован в качестве боевого оружия при решении отдельных тактических задач:

1. Подрезки ПЛО сетей при форсировании узкостей ПЛ путем выпуска «сетевиков» в ИДА.

2. Подрезки ПЛО сетей, ограждающих бухты, для прохода ПЛ в целях атаки торпедами или выпуска людей из ПЛ для подвески «адских машинок» на суда на рейде или у стенки.

3. Подрезки минрепов при форсировании минного поля ПЛ.

4. Высадки из ПЛ в подводном положении разведчиков и диверсионных партий для уничтожения береговых объектов с возвращением или без возвращения на ПЛ.

5. Внезапной высадки подводного десанта в качестве первого эшелона при крупных морских или авиационных десантных операциях». [\[219\]](#)

В отчете также говорилось, что разведывательно-диверсионные и десантные подразделения водолазов следует организовать как самостоятельный род войск по типу воздушно-десантных соединений. По расчетам авторов, дивизион подводных лодок типа «Л» способен в течение 96 минут высадить 240 бойцов с 200 ручными пулеметами, большим запасом гранат и патронов. В заключение было подчеркнуто: «Опыт Первой мировой войны показал, что флоты ведущих государств были либо заперты в бухтах и гаванях, либо отстаивались на рейдах. Островное положение некоторых государств (Япония, Англия) заставляет помнить о том, что вопросы проникновения в бухты, форсирования заграждений и высадки диверсионных групп с применением дыхательных аппаратов весьма актуальны, и им должно быть уделено исключительное внимание» [\[220\]](#).

О проведении спецучения было доложено главнокомандующему Военно-морского флота, результаты учения признаны интересными, положительными и... о них забыли. Причем настолько основательно, что через несколько лет (в 1940 году) на

Черноморском флоте, даже не подозревая об опыте тихоокеанцев, провели такое же учение, но в меньших масштабах. При этом черноморский опыт тоже заслужил весьма высокую оценку в наркомате ВМФ с теми же результатами. Сохранилась резолюция начальника технического управления НК ВМФ от 21 февраля 1941 года: «Проведенное учение крайне важно и необходимо для флотов. Через управление боевой подготовки (УБП) обменяться опытом с другими флотами, продумать издание бюллетеня»^[221].

А в мае 1940 года уже на Балтийском флоте были отобраны 43 человека морских пехотинцев, которые под руководством все тех же военврачей И.И. Савичева и Н.К. Кривошеенко начали курс легководолазной подготовки. Им выделили подводную лодку «Правда». Подготовка проходила в Ораниенбуаге, водолазы размещались на борту крейсера «Аврора», к которому была пришвартована «Правда». Через год эти военнослужащие стали основой для нового подразделения – Роты особого назначения^[222].

Глава 12

Лыжники на «незнаменитой» войне

Советско-финская война 1939–1940 годов для руководства советской военной разведки фактически стала полигоном или последним экзаменом перед началом Великой Отечественной войны.

Во время Гражданской войны в Испании советская военная разведка действовала в относительно комфортных климатических, кадровых, оперативных и других условиях.

Во-первых, теплый климат Апеннин разительно отличался от того, с чем столкнулись бойцы разведывательно-диверсионных групп в Карелии. Сильные морозы и ветер, отсутствие теплого жилья, глубокие сугробы – в результате огромное число замерзших и обмороженных красноармейцев^[223]. А еще частые отказы стрелкового оружия. Более того, в силу ряда причин в первые месяцы войны Красная Армия испытывала острый дефицит теплых вещей. А те, что имелись на складах и поставлялись в действующую армию (в том числе и подразделения, действующие за линией фронта), были неудобны в использовании, сковывали движение, плохо грели (не держали тепло) и т.п.

В качестве примера можно указать, что согласно «Норме № 3 Теплого обмундирования для красноармейского и младшего командного и начальствующего состава фронтовых частей на военное время зимой»^[224] красноармейцам Ленинградского военного округа полагались: один шлем (говоря другими словами, знаменитая буденовка – именно во время советско-финской войны было принято решение о замене ее шапкой-ушанкой); две рубахи теплые

(трикотажные или бумазейные); двое кальсон теплых (трикотажных или бумазейных); ватные телогрейка и шаровары; валенки полагались только «кавалерии, конной артиллерии, мото-мех. частям и повозочным»; башлык, портянки теплые; перчатки хлопчатобумажные на подкладке и рукавицы хлопчатобумажные с двумя пальцами.

Если говорить об экипировке разведывательно-диверсионных частей, которым предстояло перемещаться на лыжах по лесу, то сразу следует обратить внимание на отсутствие валенок. Как показал опыт боевых действий в начале двадцатых годов прошлого века в этом регионе, именно валенки были оптимальным вариантом обуви для лыжников-спецназовцев, которые по несколько суток были вынуждены находиться в лесу, не имея возможности развести полноценный костер. Другая проблема – отсутствие теплых головных уборов и рукавиц. К чему это привело – об этом будет подробно рассказано ниже.

Опыт экипировки разведывательно-диверсионных групп, а также элементарные приемы выживания в зимних условиях были учтены и активно использовались в годы Великой Отечественной войны. Если посмотреть данные по количеству замерзших и получивших обморожения зимой 1941/42 года в Московской и соседних с ней областях личного состава разведывательно-диверсионных групп, то число пострадавших от «дедушки Мороза» минимально.

Во-вторых, особых проблем с кадрами для разведывательно-диверсионных подразделений в Испании не было. Прибывшие из СССР офицеры РККА и органов госбезопасности в большинстве своем занимали должности командиров и инструкторов. А личный состав разведывательно-диверсионных подразделений комплектовался в первую очередь местными жителями и добровольцами, приехавшими из других государств.

Во время советско-финской войны все было по-другому. По всей стране в спешном порядке набирали комсомольцев для укомплектования лыжных отрядов. Многие из тех, кто попадал в эти подразделения, еще не успели отслужить срочную службу в Красной Армии, да и боевого опыта у них не было.

В первый год Великой Отечественной войны мы наблюдаем аналогичную картину. Большинство разведывательно-диверсионных групп комплектуется гражданскими лицами, а не военнослужащими действующей армии.

В-третьих, в силу ряда причин во время советско-финской войны действовавшие за линией фронта советские разведывательно-диверсионные подразделения не могли рассчитывать на поддержку со стороны местных жителей. В прифронтовой полосе их проживало очень мало, да и настроены они были в большинстве своем антисоветски. Так что советским военным разведчикам приходилось рассчитывать только на себя.

Была и еще одна особенность. В начале тридцатых годов прошлого века в результате серии «провалов» по линии советской военной разведки в странах Западной Европы в Финляндии прекратила свое существование нелегальная резидентура Разведупра^[225]. Советской военной разведке так и не удалось восстановить свои позиции в этой стране до начала советско-финской войны.

28 марта 1940 года Клим Ворошилов, выступая на пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «Уроки войны с Финляндией», отметил: «Плохо поставленное дело военной разведки вообще особенно отрицательно отразилось на нашей подготовке к войне с Финляндией. Наркомат обороны, и в частности Генеральный штаб, к началу войны с Финляндией не располагал сколько-нибудь точными данными о силах и средствах

противника, качестве войск и их вооружении, особенно плохо был осведомлен о действительном состоянии укрепленного района на Карельском перешейке, а также об укреплениях, построенных финнами в районе озера Янисярви – Ладожское озеро»^[226].

Если говорить конкретно о работе советской военной разведки по линии «активных мероприятий» во второй половине тридцатых годов прошлого века на территории Финляндии, то она была минимальной. Не было создано резидентуры, которая после начала советско-финской войны начала бы активную разведывательно-диверсионную деятельность на территории Финляндии. Так же пассивно повела себя финская Компартия.

Во время Великой Отечественной войны все было по-другому. На территории страны действовали отряды «лесогвардейцев», которые имели связь с советской военной разведкой. Да и финская Компартия также активно участвовала в движении Сопротивления. Так что и здесь опыт советско-финской войны был учтен Москвой.

Рождение лыжных отрядов

Во время советско-финской войны 1939–1940 годов обе противоборствующие стороны активно использовали отряды лыжников для ведения боевых и разведывательно-диверсионных действий в тылу противника. Их также можно отнести к предшественникам войск спецназначения.

24 декабря 1939 года на основе директивы НКО СССР № 0672 началось формирование лыжных добровольческих частей, прежде всего из студентов, рабочих и служащих.

К началу февраля 1940 года было сформировано 77 отдельных лыжных батальонов и 28 лыжных эскадронов.

54 отряда находились в рядах действующей Красной Армии, остальные дислоцировались в пунктах сосредоточения или учебных центрах^[227]. Кроме того, с января 1940 года несколько лыжных частей было создано на Краснознаменном Балтийском флоте, а на фронте 9-й армии начали рейдировать по финским тылам лыжники Особого лыжного отряда и 7-го отдельного лыжного полка Финской народной армии.

Согласно официальной советской пропаганде тех лет, рейды по тылам противника больше напоминали загородные прогулки, чем боевые действия. Через несколько месяцев после окончания советско-финской войны в СССР был издан сборник воспоминаний ветеранов. Летчики, артиллеристы, танкисты и представители других военных специальностей рассказали, как легко им было воевать зимой 1939/40 года. При этом никто из них не указал на огромные потери Красной Армии. По данным отдельных историков, они достигали до 40% от численности всего личного состава, участвовавшего в боевых действиях. Для сравнения: у финнов этот показатель был около 20%. Возможно, что цифра потерь с советской стороны завышена, но она близка к реальной. Достаточно почитать воспоминания ветеранов, которые были изданы после 1991 года. С другой стороны, сам характер боев (активное использование противником методов партизанской войны; штурм линии Маннергейма^[228] в феврале 1940 года и т.п.) также служил причиной потерь Красной Армии.

В качестве примера официальной версии того, как шли бои в Карелии, процитируем рассказ политрука лыжного батальона:

«Наш отдельный сводный лыжный батальон занимал позиции в районе хутора Ретец, прикрывая правый фланг стрелковой дивизии. Нашей задачей была охрана

маршрута наступления батальона тов. Мокшеева и ведение разведки.

Разведав фланги противника, командование решило прощупать и его тылы. С этой целью был выделен небольшой лыжный отряд в 36 человек.

Задача, возложенная на отряд, была очень сложная, и мы тщательно готовились к выступлению.

Ненужное в бою обмундирование и снаряжение мы оставили на базе. Мы надели только белье, ватные куртки и брюки, валенки и поверх перчаток меховые рукавицы.

Нам было тепло и в то же время легко и удобно. Бойцы взяли с собой, кроме оружия, по одному санитарному пакету и трехдневный запас сухого и концентрированного продовольствия.

Небольшой запас патронов находился в вещевых мешках, по 50 штук в карманах и остальные на лыжной установке.

Было известно, что по ночам противник вел огонь по лыжам, четко выделяющимся на снегу. Поэтому лыжи мы окрасили в белый цвет и, конечно, надели белые халаты и капюшоны.

Закончив подготовку, мы еще раз проверили снаряжение, дождались темноты и выступили в направлении хутора Хури.

Отряд шел без дороги лесом по снегу, избегая открытых мест. Впереди в полной тишине двигался дозор. За ним на расстоянии 20–30 метров следовало ядро отряда, разбитое на две группы: группу стрелков-автоматчиков и группу пулеметчиков. Пулеметчики были вооружены ручными пулеметами и автоматическими винтовками.

Между стрелками и пулеметчиками шел командир отряда с двумя наблюдателями-ориентировщиками. Они контролировали и наносили на карту все движение

отряда. Замыкал отряд тыловой дозор под командой заместителя командира отряда.

С обоих флангов на расстоянии 20-30 метров шли дозорные наблюдатели. Расстояния между группами были рассчитаны так, чтобы при внезапном нападении противника группы могли взаимно поддержать друг друга огнем.

Часам к двум ночи отряд подошел к хутору. У леса и на хуторе была абсолютная тишина. Никаких признаков жизни. Только свежие лыжни доказывали, что совсем недавно здесь были люди.

Мы осмотрели хутор снаружи. Никого. Может быть, двери минированы? Внимательно осмотрев избу, мы вдвоем вошли в помещение. Внутри пусто. Лежат окурки. Мы потрогали их. Они еще теплые. Противник только недавно оставил хутор. Сосчитали лыжни. Здесь было примерно человек десять-двенадцать. По лыжням же определили направление. Люди шли из наших тылов на северо-запад.

Нам стало ясно, что это диверсионная или разведывательная группа противника. Необходимо было во что бы то ни стало нагнать ее и уничтожить, не дав донести до штаба разведанные сведения.

Ни секунды не медля, мы пустились в погоню. Бойцы шли быстро и ровно, внимательно вглядываясь в темноту. Перед нами бежал совсем свежий след. Прошел час, полтора часа. Впереди нас никого. Мы уже стали терять надежду, как вдруг головной дозор замедлил движение. Бойцы показывали вперед.

В полукилометре от нас вдоль опушки леса спокойно двигались 13 лыжников. Они нас не заметили.

Командир отряда приказал первой группе автоматчиков обойти противника и устроить на его пути засаду. Оставшаяся группа пулеметчиков и дозоры, тщательно скрываясь, продолжали следовать за противником.

Финны спокойно двигались вдоль опушки. Но вот в лесу раздалась автоматные очереди. Это стреляли наши автоматчики.

Мы бросились вперед. Молниеносно было закончено окружение противника. Ни один из белофиннов не сумел ускользнуть в лес.

Маскируясь за стволами ельника, финны отчаянно защищались. Ни одного не удалось взять живым. Все были уничтожены. При обыске убитых нашли карту и немедленно отправили ее в штаб. Других документов не оказалось.

Отряд продолжал идти в глубокий тыл противника. Мы боем разведали и определили силы финнов, их огневые точки на межболотном дефиле. Этим мы оказали большую помощь батальону Мокшеева. К северу от Уомя наш отряд даже немного пощипал врага.

Вернулись мы после двухдневных действий, добыв много сведений.

Это один из многих боевых эпизодов нашего отряда. Во время войны мы не раз пробирались в тыл противника, наводя панику и добывая важные сведения о силах врага»^[229].

В жизни все было по-другому. Кто-то из бойцов и командиров этих частей за совершенные зимой 1939/40 года подвиги был удостоен звания Героя Советского Союза и в годы Великой Отечественной войны стал прославленным командиром крупного партизанского соединения. А кто-то до сих пор числится «пропавшим без вести».

Потери подразделений специального назначения на полях сражений советско-финской войны были сравнимы, а может, даже превосходили потери в первые месяцы Великой Отечественной войны. Мало кто знает, что в феврале 1940 года из-за трагического стечения обстоятельств, непрофессионализма командования, а также слабой подготовки рядового состава на

территории Финляндии в течение нескольких суток была почти полностью уничтожена сводная лыжная бригада, которой командовал полковник Долин. В это соединение входили три лыжных батальона (9, 13 и 35-й), а также несколько других красноармейских частей. По утверждению финских историков, тогда погибли как минимум 1500 красноармейцев!

Хотя на войне попадали в окружение и гибли целые дивизии. Так, в начале января 1940 года почти полностью была уничтожена 44-я дивизии 9-й армии. С 14 декабря 1939 года дивизия наступала из района Важенвара по дороге на Суомуссалми. Она спешила на помощь попавшей в окружение 163-й дивизии. Последней в конце декабря удалось вырваться из окружения самостоятельно, потеряв при этом, по официальным данным, до 30% личного состава.

Продвижение войск было совершенно не организовано. Части дивизии, сильно растянутой по дороге, в течение 3-7 января 1940 года неоднократно окружались финнами. В итоге 7 января 1940 года продвижение дивизии было остановлено и ее основные силы попали в окружение. Формально положение не было безнадежным, поскольку дивизия имела значительное техническое преимущество перед финнами, но командир дивизии Виноградов, полковой комиссар Пахоменко и начальник штаба Волков вместо организации обороны и вывода войск из окружения бежали сами, бросив войска. При этом Виноградов отдал приказ выходить из окружения, бросая технику, что привело к оставлению на поле боя 37 танков, более 300 пулеметов, нескольких тысяч винтовок, до 150 автомашин, всех радиостанций, всего обоза и конского состава. Более тысячи человек личного состава из числа вышедших из окружения были ранены или обморожены, часть раненых попала в плен, поскольку не была вывезена при бегстве. За все совершенные

преступления Виноградов, Пахоменко и Волков были приговорены военным трибуналом к расстрелу и расстреляны публично перед строем дивизии.

Так звучит версия, которую разделяют большинство историков. При этом они не учитывают два важных факта.

Во-первых, уже к концу декабря дивизия лишилась всех каналов снабжения боеприпасов, продовольствия и горючего. Ночь с 3 на 4 января 1940 года была одной из самых холодных за все время Зимней войны. Запасы продовольствия и боеприпасов быстро таяли. Не было возможности отправить в тыл больных и раненых. В радиোগрамме от 4 января, перехваченной финнами, отмечалось, что продуктов осталось на один день, бойцы голодают, а лошади не кормлены около недели, серьезная нехватка боеприпасов. К тому же финнам удалось уничтожить приграничный мост, полностью отрезав дивизию от тыловых коммуникаций.

Во-вторых, 44-я дивизия не была готова к ведению боевых действий в условиях суровой зимы. До войны местом ее постоянной дислокации был Житомир. Дивизия была переброшена на север, не имея ни теплых полушубков, ни валенок, ни рукавиц. Много позднее финские историки, основываясь на документальном материале, отмечали, что «жуткая темнота Приполярья, где зимнее время превращается в одну сплошную мглу без утра и вечера, лишала многих красноармейцев, приехавших с Украины, рассудка. А красота северного сияния воспринималась ими как зловещие призрачные огни»^[230].

Прервем наш рассказ. Проблемы с адаптацией к суровым природно-климатическим условиям Заполярья испытывали не только бойцы 44-й дивизии, но и военнослужащие лыжных батальонов. Эти подразделения ведь комплектовались не только жителями Мурманской области и Карелии, но и других

регионов России. А теперь вернемся к рассказу о судьбе дивизий.

Остатки 163-й дивизии ушли обратно на север и до конца войны закрепились в местечке Юнтусранта, а 44-я (численностью около 17 с половиной тысяч человек) была разгромлена. (Потери личного состава дивизии превысили 70%, 1200 бойцов и командиров попали в плен.) Выйти из окружения удалось лишь немногочисленным группам и одиночкам, которые сразу попали в руки НКВД. По утверждению отдельных историков, в результате боев в Суомуссалми финны потеряли убитыми около 800 человек, наши – около 23 тысяч [\[231\]](#).

О чем не сообщали газеты

Подготовка добровольцев для действий в тылу противника проводилась в специальных центрах по ускоренной десятидневной программе. Нередко вся подготовка ограничивалась тем, что будущих диверсантов учили ходить на лыжах. Была издана брошюра «Лыжная подготовка в РККА», но ее мало кто успел прочесть. Поэтому большинство отрядов на фронте использовали в качестве обычных стрелковых частей, так как действовать во вражеском тылу подобные подразделения были не в состоянии.

История 17-го отдельного лыжного батальона достаточно красноречиво свидетельствует об этом. Один из бойцов этого подразделения, П.Н. Шилов, много лет спустя вспоминал:

«Я был студентом 4-го курса Ивановского сельскохозяйственного института. В декабре 1939 года, проходя по улице 12-го Декабря (теперь – проспект Ф. Энгельса), мы видели большое количество раненых, а больше того, обмороженных красноармейцев, которые прибывали на Ивановский железнодорожный вокзал и по

улице 12-го Декабря направлялись в гостиницу, находящуюся рядом с площадью Революции. Многоэтажная гостиница была переоборудована в госпиталь для лечения раненых и обмороженных красноармейцев.

По молодости и по законам того времени мы никого (ни власть советскую, ни партию, ни наркома обороны) не критиковали. Мы, комсомольцы 20-летнего возраста, были великими патриотами своей Родины. Верили всему, что исходило от партии и правительства, нисколько не сомневаясь в правильности принимаемых решений, и поддерживали любое начинание ЦК партии и правительства. Так и о финской войне думали, что это объективная необходимость по сохранению безопасности страны от нападения империалистов.

В один из декабрьских дней меня вызвали в комитет комсомола. Там находился председатель горкома комсомола, который сказал, что в Финляндии снега, трудно нашим воевать, нужны бойцы-лыжники. Не задав ни одного вопроса, я безоговорочно записался добровольцем. Вслед за мной записались 28 других студентов-комсомольцев и один коммунист – комендант общежития.

Затем нас вызвал на беседу военком Октябрьского райвоенкомата г. Иваново. В беседе военком предупредил, что все мы призываемся добровольно, на фронте тяжело, опасно, сильные морозы и убить могут (видимо, шутил, что ли, о том, что убить могут), кто боится – пусть скажет сейчас, так как дело добровольное. Но никто от принятого решения не отказался. Военком напомнил и о массовом поступлении в Иваново обмороженных, но при этом сказал, что нас оденут не так, как красноармейцев, начавших войну в шинелях, яловых или кирзовых сапогах, в буденовках, вооруженных винтовками Мосина и т.д., нас лучше вооружат и оденут в полушубки.

Потом медкомиссия, кое-как проверявшая наше здоровье, затем прощальный вечер в одном из фабричных клубов и проводы на ст. Иваново.

Вечером мы находились в городе Шуе. Прямо с железнодорожного вокзала направились и разместились в 1-й городской школе на улице Косаткиной в центре города. Через день получили военное снаряжение и винтовки Мосина, кажется, пятизарядки. Меня зачислили пулеметчиком, и я получил пулемет Дегтярева с двумя дисками. Меня вызвал командир разведки Сапрыкин (ст. лейтенант) и заявил о моем назначении во взвод разведки. Я не отказался.

Пришел в школьный класс, где размещались будущие разведчики, увидел незнакомых людей, по возрасту старше меня, каких-то неопрятных и грубоватых (так мне показалось вначале). Потом эти «неопрятные» оказались очень хорошими товарищами. Были они из г. Пучежа, г. Юрьевца и один из г. Кинешмы. Всего 30 человек. Большинство – члены партии, я, Никифоров из Кинешмы, Сыщиков из Юрьевца и Морозов из села Савина – комсомольцы. Кадровыми военными во взводе оказались командир взвода ст. лейтенант Сапрыкин, помкомвзвода Краковский, три командира отделений и два санинструктора.

В один из дней своего пребывания в Шуе ездили на лыжах на стрельбище, упражнялись в стрельбе и метании боевых гранат. Тут нам понравилась смелость нашего командира взвода, который бегал к неразорвавшимся гранатам и забирал их или бросал, чтобы вызвать взрыв. Почти все из нас ни разу до этого не видели боевых гранат, и при неправильном броске некоторые гранаты не взрывались. Вскоре состоялось принятие присяги, отправка на станцию, где погрузились в теплушки с печками и поехали по назначению.

17-й отдельный батальон насчитывал со всеми службами более 1000 человек».

Как мы видим – подготовка минимальная. Продолжим цитировать рассказ ветерана:

«Одеты так: белье нижнее – бязевое, затем шерстяные кальсоны и рубашка, бумажные, цвета хаки брюки и гимнастерка. Поверх – шинель, плохо подогнанная по росту, буденовка, подшлемник, каска, а на ногах – валенки».

Как далеко сможет уйти разведчик на лыжах в такой одежде? Она ведь сковывает движения и не держит тепло.

«Снаряжение: лыжи с мягкими креплениями, вещмешок, а в нем яловые сапоги, лыжные ботинки с креплениями, плащ-палатка, противоипритные сапоги (в полпуда весом), противоипритная накидка. На пояском ремне: котелок, фляга, две гранаты, два капсюля-взрывателя, саперная лопатка, сумка с патронами (кажется, 100 патронов в обоймах). Противогаз через плечо. Вооружение на разведки: гранатомет (какого-то древнего образца – винтовка, а на ствол надевалась граната), у командиров (Сапрыкин, Краковский) револьверы, у остальных обычные пятизарядные винтовки. Стрелковые роты, кроме винтовок и револьверов, имели на вооружении ручные пулеметы Дегтярева, станковые пулеметы «Максим» и минометы 37-мм, но без мин».

И все это нужно тащить на себе!

«Ехали по Кировской железной дороге, и вот станция Медвежьегорск. Длительная остановка, приказ: «Сдать винтовки». Откуда-то появились ящики, и мы в них уложили оружие и патронташи, а затем получили винтовки СВТ с магазинами (2 штуки) на 10 патронов. СВТ нам понравились, не надо брать за затвор, перезаряжая, можно стрелять и одиночными выстрелами, и очередью, если будет такая

необходимость (потом мы эти винтовки побросали). Поехали дальше. Не доезжая до станции назначения – непредвиденная остановка. Впереди идущий эшелон, тоже с добровольцами (кажется, сибиряками), потерпел крушение. Говорили, что крушение устроили финны-диверсанты. Проезжали место крушения ночью, и ничего нельзя было разглядеть.

Наконец приехали, станция выгрузки – Кочкома. Справа по ходу эшелона – Беломорканал. Ночь разведчики провели в доме местного жителя. Утром направились в пустое помещение школы, где нас ждал сюрприз. Сняли шинели, шапки-буденовки, надели ватные брюки, поверх валенок. Брюки – сверху белые из какой-то плотной ткани (типа плащовки), внутри синяя фланель, куртка, на руках манжеты, снизу пояс: Вместо буденовок дали колпаки ватные из такого же материала, что и куртка с брюками. Ну, и еще маска с прорезями для глаз и носа или рта (не поймешь). На руки, в дополнение к шерстяным перчаткам, полученным в Шуе, выдали варежки с одним пальцем. И сказали, что это одежда строго секретная.

Далее на автомашинах подбросили до пограничной заставы Реболы. В Реболах переночевали в землянках, днем поупражнялись в стрельбе, а вечером на лыжах отправились к государственной границе с Финляндией. Тут начали проклинать тех «военспецов», которые экипировали бойцов легколыжного батальона и особенно нас – разведчиков. «Какие разведчики, – думали мы, идя на лыжах, – мы навьюченные, неповоротливые ишаки или верблюды или носильщики наподобие клондайковских носильщиков-индейцев». Эта экипировка нам мешала: никакой маневренности, подвижности, да в лютый мороз, да в глубоких снегах! Навьюченные шли до границы, периодически отклоняясь от основной дороги и проверяя, нет ли где рядом противника. Меня при этом как лучшего лыжника и

комсорга командир посылал то в головной, то в боковой дозор. При этом приходилось пробивать лыжню в глубоком снегу, что очень тяжело.

На другой день благополучно, но изрядно измученные (совершенно напрасно, могли бы весь батальон подбросить на машинах) достигли границы. Тут, немного передохнув и подкрепившись консервами и галетами, а также получив патристическую зарядку со стороны подвернувшегося малограмотного политрука (он по-украински нам объяснил обстановку на передовой примерно так: «Наши самолеты бомбят и бомбят, а финны убегают», ну и еще чего-то маловразумительное), мы получили приказ догнать и уничтожить отряд финских лыжников, проникших на нашу территорию и устроивших крушение воинского эшелона и другие диверсионные акты.

Шли по их лыжне вдоль границы на север в течение дня; но без всякого результата. Окончательно измученные, в кромешной тьме, постоянно падая от изнеможения, кое-как вернулись на дорогу, откуда начали преследование лыжников, и получили приказ командира Сапрыкина зарыться в снег и спать.

Я никак не думал и не предполагал, что будет отдых в снежной яме – но приказ есть приказ. Я, как и другие, вырыл яму, постелил на дно плащ-палатку, кто-то, назначенный часовым, засыпал меня снегом, и я заснул мертвецким сном, как в комфортабельном гостиничном номере. Проснулся от удара в бок прикладом винтовки. Это часовой поднимал нас, так как уже светало. Выбрался из снежной постели, довольно теплой при 40-градусном морозе, и сразу страшно замерз. Пошли куда-то вправо от дороги, ведущей на передовую. Стали уже слышны разрывы бомб и снарядов рядом, но очень глухо, передовая была далеко. Двигались по глубокому снегу, вновь измучились безо всякого толку и вышли опять на дорогу. Темнело, когда нас догнали машины с

боеприпасами и продовольствием. Нас посадили наверх груза, но мы и тут мучались, то и дело вытаскивая машины-полуторки из снега на обочинах, так как шоферы, по неделе почти не спавшие, на ходу засыпали, и машины, съезжая с дороги, вязли в снегу.

Ехали ночью. На одном обогревательном пункте получили по буханке размороженного ржаного хлеба и под утро прибыли на передовую. Место это называлось Хильки III. Позади остались Хильки II и Хильки I. Хильки – хутор в переводе на русский, но за точность не ручаюсь. Когда шли к исходной позиции, нам навстречу попались остатки стрелкового батальона, измученные, истерзанные, вели и несли раненых и в наш адрес отпускали злые «сочувственные» реплики: «Видите, что с нами стало?! В одном бою разбили батальон, а вы добровольно (нас узнавали по одежде) идете умирать». Это как ножом резануло по сердцу. Сразу вспомнились слова малограмотного политрука: «Наши самолеты бомбят и бомбят, а финны убегают». Тут мы увидели другое. Наши бегут, и не все, а жалкие остатки. Также узнали от раненых и как наши «бомбят». Самолеты, верно, бомбили, стараясь угодить в финнов, окруживших 54-ю дивизию, но иногда бомбы падали на своих, а продукты и боеприпасы, которые они сбрасывали, больше попадали финнам, нежели бойцам окруженной дивизии.

Увидели артиллерийскую батарею 76-мм пушек и хорошую землянку. По просьбе командира взвода нас пустили погреться и подготовиться к предстоящим боям. Рядом находилась походная кухня, и мы поели за много дней горячей пищи – наваристого, жирного супа, какой-то каши и попробовали уже фронтового чая.

Это была передовая. Фронтовое, боевое напряжение. Все, кого мы встречали, были возбуждены, так как бои шли не в нашу пользу. В артиллерийской, гостевой для нас, землянке жили недолго. Быстро получили продукты

на три дня – тушенку, масло, сахар, галеты, по шкалику водки (называли это «ворошиловским пайком») – и в сумерки вышли в первую разведку. Что разведывать, куда, на какое расстояние, командиры не объяснили. Сошли на лыжах под гору и углубились в темный лес. Темнота постоянно разрывалась светом ракет красного, желтого, белого цвета. Впереди, справа, слева, сзади непрерывная стрельба – пулеметная, автоматная, минометная. То и дело над головами летели куда-то, шипя в воздухе, мины, снаряды, и потом вдалеке слышались их разрывы. Напряжение нарастало. Чужой, враждебный лес, непрерывная канонада, не умолкающая ни на секунду (и так до конца войны), где-то в стороне, недалеко, пулеметная стрельба...

Вдруг передние остановились. Меня нашел командир взвода и дал приказ – возвратиться назад, найти батальон, который должен идти за нами, и сообщить, что мы, разведчики, дошли до указанного рубежа, противника не встретили, и какой будет дальнейший приказ. Получил какое-то наизидание от помкомвзвода Краковского и политрука, которого нам дали на Хильках III, и углубился в незнакомый лес по проторенной лыжне. Шел быстро. Несмотря на сильный мороз, я взмок, впору было расстегнуться. Так я волновался, что усталость исчезла. Страх не было. Думал только одно: как бы найти батальон. Вдруг лыжня раздвоилась. Куда идти – вправо или влево? Прислушался к стрельбе, услышал какие-то голоса (почудилось – на чужом языке), пошел вправо и не ошибся.

Вскоре встретил головной дозор батальона во главе с начальником штаба, его я узнал по росту, он был детина метра под два. Меня остановили. Назвал пароль, получил отзыв. Доложил начштаба приказ, полученный от Сапрыкина, и выслушал площадную брань в адрес командира взвода, а также почему-то и в свой. Видимо, нервы у начальника штаба были не на месте. Опыта у

наших командиров, от сержанта до командира батальона, было, как потом мы поняли, не больше, чем у рядовых бойцов. Мне приказали вести батальон по знакомой лыжне. Светало, когда приблизились к месту, от которого я ушел с приказом, и увидели остатки от взвода. Командир взвода тяжело ранен, помкомвзвода тоже. Живыми остались политрук и два санинструктора. Пока я ходил на связь с батальоном, разведчиков окружила группа финнов и расстреляла из автоматов и минометов. Беда была в том, что наш СВТ не стрелял. На морозе после первого выстрела затвор покрывался пленкой льда и капсюль следующего патрона не разбивался бойком. После первых выстрелов разведчики уже не стреляли, винтовки не работали, а вот автоматы у командира взвода и помкомвзвода были в порядке, и они стреляли по финнам до последнего патрона. Ну и по ним, ведущим огонь, финны сосредоточили ответный и обоих тяжело ранили. Спас остатки разведвзвода наш приход к месту боя в составе батальона.

Полностью рассвело, когда подтянулись все роты. Началась мне плохо понятная подготовка к бою. При свете утра я увидел, что мы находимся на огромной сопке, покрытой сосновыми деревьями, а слева – лощина или озеро. Вот туда и было приказано идти батальону. И тут началось побоище. Командиры, не получив разведданных, пошли в наступление, не зная силы и точного расположения противника. По батальону били из пулемета и вели минометный обстрел. Финны умело применяли минометы в лесной местности и нанесли батальону большой урон. Я в это время нашел политрука и разведчика Никифорова из Кинешмы. Политрук вел огонь из автомата по перебегающим финнам на другой стороне лощины. Я увидел за кустом пулемет, установленный на волокуше, и трупы убитых пулеметчиков. Один диск был в пулемете, а два диска лежали рядом. Позвал политрука, и мы начали вести

огонь. Я – пулеметчик, а политрук помогал с дисками. Находка дегтяревского пулемета дала возможность подавить огонь противника на правом фланге, чем воспользовались наши и потеснили финнов в лес. Но многие из бойцов и командиров наткнулись на минное поле, возникла паника, и батальон начал отходить. У нас кончились патроны, и вдруг застонал политрук. Разрывная пуля раздробила ему голень правой ноги. Политрук стонет и просит ему помочь и не бросать. Я снял пулемет с волокуши, затянул пулемет и волокушу за кусты, подтащил и уложил на волокушу политрука и под сильным огнем стал вывозить из этого ада. Даже не заметил, куда скрылся тов. Никифоров, видимо, его тут, рядом, убило.

Мне одному пришлось вывозить раненого по мятому, всему в ямах снегу. Вокруг шел ожесточенный бой. Ползком затащил политрука в заросли кустов, немного отдохнул. Думал, что же делать: идти к ротам, продолжающим бой, или везти раненого. Пересилила жалость к человеку, жалобно стонавшему, ослабевшему от потери крови. Хотел перевязать ногу, но раненый запротестовал, не дал разрезать брюки, а кровь течет и течет. Все же кое-как сделал тугую перевязку поверх брюк своим перевязочным пакетом. А рядом уже никого. Один я, да где-то в стороне стонали и кричали раненые. Тут я решился и ползком повез политрука. Нашел лыжню, по которой шел в разведку, и углубился в лес. Политрук изрядно замучил меня просьбами сквозь стон: «Шилов, не бросай меня. Шилов, не бросай меня», и так без конца. Снег был измят, ямы, колдобины, тут и там убитые. Измучился напрочь. А политрук начал просить: «Пить, пить, пить...» Я давал ему кусочки снега, сам глотал снег, но это не помогало. Довез до болота. В одном месте увидел разрытый кем-то снег и замерзшую лунку на льду. Штыком проковырял лед, крышкой от котелка зачерпнул воды и напоил раненого, так

жаждущего воды после потери крови. Политрук утих, изредка только стонал от боли и продолжал тянуть надоевшее мне: «Шилов, не бросай меня...»

Наконец, ужасно уставший, валившийся с ног, я увидел батарею и землянку, от которой начали свой поход в разведку. Батарея вела огонь. Спросил, где санбат, мне показали, и я уже по ровной, укатанной дороге нашел медсанбатовскую землянку и сдал санитарам теряющего сознание от холода и потери крови политрука. Вместо двери в землянке была двойная плащ-палатка, закрывающая вход, куда следом за санитарями вошел и я. Землянка была сплошь забита ранеными, стоны слышались из всех углов, со всех нар. Я, измученный, не спавший несколько ночей, увидел у входа местечко, прилег и заснул мертвецким сном. Не знаю, долго ли спал, а проснулся на ногах. За шиворот меня держал здоровенный мужик в белом халате. Обругал матом, вывел из землянки, грубо толкнул: «Там товарищи погибают, а ты спать устроился!», добавив нецензурной брани. Я отошел от санбата, не зная, что делать, куда направиться. Поел у стоявшей возле полуразрушенного сарая кухни и пошел искать своих. Был вечер, но я нашел-таки одного из разведчиков – Морозова (его оставил командир взвода на Хильках III, откуда мы уходили). Под утро собрались оставшиеся в живых: командир отделения Плетнев, Смирнов, Морозов, один санинструктор, ну и я. Вот и все уцелевшие разведчики.

К вечеру нас собрали появившиеся чужие командиры (командиры батальона, за исключением писаря штаба, старшины по званию, погибли), присоединили к дорожно-эксплуатационному полку, и мы пошли в новое наступление. Кроме дорожного полка, в наступлении участвовали остатки нашего лыжного батальона (человек 200) и еще какие-то части. Шли слева от дороги по направлению к окруженной 54-й дивизии.

В трех километрах от хутора (Хильки III) на дороге оказалась разбитая колонна машин, везущих продовольствие и боеприпасы в 54-ю дивизию. Колонну из 16 машин сопровождали два танка. Передний танк финны подбили из орудия, а колонну разбили из минометов. К нашему приходу уцелела всего одна машина. В ней находились продукты и водка. Изголодавшиеся бойцы (не нашего батальона) пытались воспользоваться грузом. Многие, больше десятка смельчаков, поплатились жизнью. Машина была пристреляна, и финны метко стреляли из укрытия. Потом мы отогнали финнов в глубину леса.

Утром наступило затишье, но длилось оно недолго. По нас стали стрелять засевшие на елях и поджидавшие рассвета автоматчики-снайперы («кукушки»). Наш новоявленный командир закричал: «Ребята, давай уничтожим гадов! Их немного осталось!» Мы залегли за деревьями и стали следить, откуда стреляют «кукушки». Заметили и залповым огнем сбили одного. Я увидел поваленную ветром ель, корни которой с землей и снегом образовали как бы щит, подполз к этому удобному укрытию, проделал в корнях отверстие и стал следить. Меня заметили, обстреляли, но безуспешно – еловый щит защитил. Мне удалось прицелиться и несколькими выстрелами сбить «кукушку». Финн упал раненный, и, когда прекратился огонь снайперов, мы подошли к нему. Один из наших заколол финна штыком. Я и другие поругали его за жестокость. Когда бои вблизи машин и дуэль со снайперами закончились, поступил приказ отойти на Хильки III. Там собрали всех недобитых из 17-го батальона и направили на переформировку. Шли налегке, тяжелые вещевые мешки со всем содержимым в горячем бою были брошены. По дороге финны делали засады и обстреливали нас. Мы потеряли при этом еще более десяти человек убитыми и столько же ранеными.

Дошли до погранзаставы Реболы, где пробыли два дня, в течение которых получили пополнение, но не из добровольцев, а бойцов, призванных из запаса. А в наш взвод поступили в основном татары из Бугульмы, плохо говорившие по-русски. После того как мы получили пополнение, нам выдали шапки-ушанки вместо буденовок и ватных колпаков. Теплее стало голове и рукам удобнее. Ох, как мы воспрянули духом!

Итак, новое пополнение, новые командиры и вновь созданный батальон отправился на передовую. При интенсивной поддержке артиллерии мы отогнали противника и захватили очень нужную сопку. И вот тут грянула беда. Что-то случилось с артиллерийским наблюдателем, и по его вине или еще чьей-то батарее, которая была по финнам, начала беглым огнем бить по нас. Мы с товарищем Смирновым из Юрьевца оказались рядом и замерли, не зная, что делать: стоять, лечь или бежать. Свистят осколки, летят ветки, вдруг вскрик Смирнова. Присмотрелся, а у него нижняя челюсть отбита осколком и висит на коже. В этот момент прекратился артиллерийский огонь, и каким-то чудом рядом оказался санинструктор. Вдвоем мы перебинтовали раненого, и санитар увел его в тыл. Больше я Смирнова из кадровых разведчиков (шуйских) не видел и ничего о нем не знаю.

Здесь, на этой сопке, мы надолго заняли оборону. Отсюда и начались наши боевые действия, разведка, частые вылазки и наступление отдельных рот и взводов на оборону противника. Бойцы поднимались в атаку, финны подпускали на определенное расстояние и расстреливали очень точным, прицельным огнем. Добежит боец до пристрелянной линии или доползет по снегу, и дальше ни на шаг – падает убитым или тяжело раненным.

Когда мы возвращались из разведок, то, проходя по местам атак, с болью в сердце смотрели на трупы наших

бойцов. Кто в какой позе был, когда его встречала пуля, так и замерзал в виде какого-либо крючка. Картина жуткая. Лежит боец, каска пробита, мозги вытекли кроваво-белым сгустком, а рядом, где мина разорвалась, – трупы без рук, без ног, а то и без головы. Каких только разорванных, замерзших тел не насмотрелись. Мороз по коже. Но особенно непереносимо было то, что на поле боя одни наши и очень редко увидишь убитого финна. Это тоже тяжело влияло на психику, приводило к мысли, что нам не победить, что всех нас истребят поголовно.

Мы, те, кто пережил первые кровопролитные бои, к моменту получения пополнения уже набрались опыта, хорошо стали ориентироваться в обстановке и старались помогать еще не обстрелянным командирам. И тем, из пополнения, рядовым и командирам, с нами было легче, нежели в первых боях – нам.

К нам с самого начала пришло великое разочарование в Красной Армии. По книгам, по фильмам Красная Армия считалась непобедимой, хорошо обученной, дисциплинированной. Идеализировали и восхваляли ее всячески, гордились первым маршалом Ворошиловым и другими легендарными полководцами. Но в первом же бою мы увидели военное невежество, безграмотность, полнейшее неумение управлять большими и малыми подразделениями. Наши погибшие командиры плохо знали свою задачу, ни теоретического, ни практического опыта у них не было. Была бестолковщина. Узнав смутно, где противник, лезли ему в лоб, а он, умный и опытный, хорошо зная местность, проводя тщательную разведку, косил наших наступающих. Нам, рядовым бойцам, было трудно с такими командирами, мы находились в полной растерянности. Но опыт все же пришел, и довольно быстро.

Уже смешно было слышать команды новых командиров – например, шумят в воздухе снаряды, мины, свистят пули, и то и дело команда: «Ложись!» Новенькие ложились вместе с командой, мы же оставались стоять, не остужая руки в «горячем» от жгучего мороза снегу. Первый новый командир взвода по фамилии, оканчивающейся на «швили» (начало точно не помню, но чуть ли не Джуншвили), грузин, замучил нас командами «ложись», заставляя кланяться пулям и снарядам, которые куда-то пролетали (пули оставляли после себя тонкую нитевидную трассу) и рвались вдали. Пришлось даже подать жалобу командиру батальона. Сменили грузина на русского, старшего лейтенанта Смирнова, очень смелого, умного, быстро изучившего обстановку командира. Мы его полюбили, он берег нас, а мы его, и старались как можно лучше выполнять его приказы, задания и помогали ему, сами имея достаточный опыт. Потери наши стали невелики. Почти в каждой разведке теряли несколько человек, но часто случалось, возвращались и вовсе без потерь. Вместо брошенных винтовок СВТ все вооружились пятизарядными винтовками Мосина. Они били одиночно, но безотказно. Патроны и гранаты в избытке валялись на земле после частых боев. Трудно только было добывать капсюли-взрыватели. Они малы и терялись в снегу около убитых бойцов.

Теперь скажу о себе. С первого дня бывало и страшно, особенно когда впервые попал под огонь. Но как-то быстро я, лично, научился преодолевать даже очень большой страх и действовать согласно сложившейся обстановке, а не кидался в кусты или сугроб. Хотя, по правде, это не всегда и спасало. Пуля находила тех малодушных, кто старался остаться позади или прятался в снежный сугроб. (...)

Тяжело нам было и сложно. Всего больше мучило то, что находились почти без сна. Удивительно, как это

можно вытерпеть, но, видимо, человек, вернее, его организм, в экстренных условиях способен на многое. А вышестоящее командование как будто специально устраивало пытку, лишая сна. Выходим с наступлением сумерек в разведку. Выполняем, как правило, добросовестно задание. Возвращаемся измученные, мечтая хоть в снежной яме часик поспать. Но увы и ах... Доложит командир результаты разведки и дает новый приказ: натягивать колючую проволоку, или посылают в дозор, в секрет. Кстати, землянок и палаток для рядовых не было. Теплая палатка с печкой была в обороне для штаба батальона и санвзвода, а для нас, рядовых, снежная яма. Хотя об этой «теплой» постели мы мечтали, приходя из боя, разведки, поиска, секрета. Рядовых, и даже разведчиков, тогдашнее командование не щадило, ничего хорошего из этого, конечно, не извлекая. Иногда от переутомления люди погибали, обмороживались, сбивались с пути. Случалось, в разведке или во время возвращения с задания идем по лыжне цепочкой, вдруг передний (часто комвзвода) по какой-то причине останавливается. Все сзади идущие ждали такой момент, опирались на палки и спали хоть минуту, хоть две, хоть три, пока не получали в бок палкой или еще чем от тех, кто не заснул или первым проснулся. Это был сигнал двигаться дальше. Часто падали в снег, с трудом поднимались из сугроба с варежками, полными снега. Иногда засыпали в секрете и попадали под суд военного трибунала.

Я часто ходил в секрет старшим, со мной еще двое из пополнения. Отмерзали ноги, руки, дрожишь, но не от страха, от мороза, да еще следишь за подчиненными (лучше бы их не давали). Кругом кромешная темнота, кое-как различаешь ориентиры и своих доверенных. Сам терпишь, а они то рукавицами хлопают, то валенками топают, то сядут, защищаясь от ледяного ветра и

мороза, и т.д. Эх, и трудно было простоять в снежном окопе два-три часа, пока не сменят!

А комиссар батальона Перминов из Военно-политической академии им. В.И. Ленина собирал в землянке высотой в один метр и загробным голосом, невидимый из-за дыма горящего костерка, наставлял нас, комсorghов взводов, так: «В дозорах и секретах бойцы пляшут, хлопают рукавицами, садятся в окоп, не следят за противником», ну и еще чего-то говорил долго, а заканчивал словами: «Я пришел из академии Ленина, не закончив ее, брат мой, тоже комиссар, сражается на мурманском направлении. И вот я не допущу, чтобы погиб батальон, как погиб Чапаев из-за бойцов, что заснули в дозоре. Я сам, хоть и комиссар, лично расстреляю того, кто в дозоре-секрете будет топтать, хлопать рукавицами, а тем более заснет. Так и передайте своим комсомольцам и другим, кого посылают в секрет или засаду!» Заканчивали совещание комсorghов песней. Уставшие, грязные, обросшие волосами, в низенькой землянке пели песни. Комиссар командовал: «Шилов, запевай!» Я запевал простуженным, но все же звонким голосом, и в дымной маленькой землянке приглушенно звучали две-три песни. Сначала «Катюша», потом «Если завтра война, если завтра в поход», «Три танкиста» и иногда «Широка страна моя родная». Кто пел, кто кашлял от дыма, но я своим сильным голосом вел песню. Чуть воспрянув духом, повеселевшие, выходили на мороз и расходились по своим местам, передавая другим наказ комиссара. Комиссар еще требовал от нас, комсorghов, чтобы мы и взносы аккуратно принимали. На 30-40-градусном морозе кое-как нацарапаешь фамилию и берешь 20 копеек, согласно нашего оклада 5 рублей тех денег. Ругались и смеялись сквозь слезы над этим приказом комиссара.

Уходя в дозор или секрет, мы считали себя смертниками. Отдавали командирам партийные и комсомольские билеты, солдатские удостоверения и письма. Ведь в случае нападения, подав сигнал о противнике, мы быстро вернуться на исходные позиции не могли. Хотя бы потому, что шли в дозор или обратно с большим трудом: пролезая, цепляясь за шипы, помогая друг другу через два ряда колючей проволоки, так как специальных проходов не делали. Вдобавок бывали случаи, когда потерявших бдительность дозорных финские разведчики резали финками, проникали в глубь нашей обороны и также финками убивали спящих бойцов. Это у финнов был хорошо отработанный и часто применяемый прием, держащий в страхе наших бойцов.

Однажды мне пришлось находиться в дозоре более трех часов, на час больше обычного. Когда вернулся, то узнал, что в батальоне был сформирован отряд из лучших лыжников для отправки в глубокий рейд по тылам противника. Вместе с отрядом ушел и мой друг по институту Леша Баканов, начинающий поэт. Через несколько часов возвратился наш институтский товарищ Иван Крылов. У него сломалась лыжа, он попал под подозрение, и два дня командование выясняло причину его возвращения, все обошлось, и мы взяли его в свой взвод.

А отряд в 100 человек ушел и пропал без вести. До конца войны и после мы не узнали о нем абсолютно ничего. Так и пропал отряд и мой лучший товарищ Леша Баканов. Вполне возможно, отряд попал в плен, а судьба пленных складывалась трагически. Финны обменивали наших пленных на своих, и, когда наши прибывали на родину, их судил трибунал, вынося один приговор – расстрел. Сдержал, видимо, свое слово тогдашний начальник Главпура Мехлис, он был у нас, выступал перед бойцами на митинге, вдохновлял на подвиг словами: «Нам известно, что в частях много паникеров,

членовредителей, трусов, убегающих с поля боя. Знайте, таких будем судить трибуналом и расстреливать. А тех, кто сдается в плен, наказывать, судить мы не сможем. Так знайте, что будем расстреливать их родственников!» Не знаю, репрессировал ли кого-либо из семей наших пленных, но то, что «заветы» Мехлиса выполнялись строго, это точно. У нас расстреляли одного бойца (не добровольца, а из пополнения). Он, видя, как убивают других, трусил и решил проткнуть себе ладонь штыком. Врачи быстро определили членовредительство, тут же трибунал и расстрел. А ведь трус был молоденький красноармеец, могли бы его наказать и помягче, а можно было бы и совсем не наказывать, ограничившись комиссарским внушением.

Ближе к концу войны наше настроение пришло, можно сказать, в полный упадок. Вместе со мной в батальоне и минометном отделении служил Николай Большаков. Так вот, при встрече он вместо приветствия всякий раз задавал вопрос: «Ты жив?!» Вроде бы мелочь, а как отрицательно сказывалось на психике. Этими словами он как бы усиливал нашу уверенность в том, что не сегодня завтра мы будем убиты»^[232].

Куда исчезла сводная бригада

Пропавший без вести отряд численностью в сто человек – это не фантазия ветерана, а реальная история. Во время советско-финской войны с боевого задания из тыла противника иногда не возвращались целые батальоны, а стрелковые дивизии, попав в окружение, могли потерять до 70% личного состава. О причинах гибели 44-й дивизии мы подробно рассказали выше, указав, что одной из причин была неготовность личного состава действовать в сложных условиях, а также длительное нахождение в окружении (невозможность

обеспечить доставку продовольствия, боеприпасов и горючего).

Хотя гибли в окружении и более боеспособные части. Так, в начале 1940 года почти полностью была уничтожена сводная лыжная бригада, которой командовал полковник Долин.

Сначала процитируем запись из журнала боевых действий штаба 9-й армии, а потом прокомментируем ее:

«С 29.01 по 13.03.40 54 сд (стрелковая дивизия. – *Прим. авт.*) ведет бои в окружении разьединенными отдельными гарнизонами...

На основании приказа Военного Совета 9 Армии на 11.12.40 организуется новое наступление силами сводной лыжной бригады полковника ДОЛИНА в составе 9, 13 и 34 олб (отдельный лыжный батальон. – *Прим. авт.*) (последний пополнен за счет маршевого батальона), 529 стрелковым полком (без 3 батальона) и лыжной группы ЧЕРНИЕВСКОГО (см. приказ № 26 опергруппы от 09.02.40).

Необходимо отметить слабую подготовку бригады ДОЛИНА. 9 и 13 олб прошли по бездорожью около 160 км, оставили в начальном пункте теплые вещи, шинели и др. Самолетами вынуждены были доставить продовольствие в район погранзнака № 666. Бригада ДОЛИНА вынуждена была без отдыха после трудного и длительного марша перейти в наступление.

Наступление, начатое 11.12.40, уже 14.02.40 г. 529 сп (стрелковый полк. – *Прим. авт.*) и группой ЧЕРНИЕВСКОГО было прекращено вследствие отсутствия воздействия на противника со стороны бригады ДОЛИНА.

Бригада ДОЛИНА в результате боя с противником в районе КОСКИ вначале имела успех, но связь с опергруппой прервалась, и, как оказалось впоследствии,

бригада, предоставленная самой себе, уничтожалась по частям.

В самом начале боя был убит командир бригады полковник ДОЛИН, ранены комиссар и начальник штаба. Бригада была обезглавлена. Неизвестно кем руководимая бригада продолжала наступление. Все мероприятия оперативной группы восстановить связь с бригадой ДОЛИНА потерпели неудачу. Ни самолеты связи, ни боевая авиация, ни разведотряды, высылаемые штабом опергруппы, бригаду ДОЛИНА не нашли. Авиацией были обнаружены отдельные группы, по предположению летчиков, из бригады ДОЛИНА, которые вели бой в районе северного берега оз. КЯЛЬКЯ-ЯРВИ. Но точно различить, какие подразделения наши и какие противника, не могли, хотя летали по несколько раз (противник, не желая себя выдавать, не вел огня по самолетам). Высылаемые отряды, видимо, теряли ориентировку и не находили части бригады ДОЛИНА.

По рассказам возвратившихся бойцов и командиров (вывезенных самолетами 50 человек), противник применял методы широкой провокации: отдельные его шюцкористы, владеющие русским языком, вклинивались в колонну и выбивали начсостав на выбор. Были случаи, когда отдельные лица противника в виде командиров РККА заводили блуждающие подразделения, куда им хотелось, и уничтожали.

Бригада ДОЛИНА бесславно погибла, отдельные командиры и бойцы прорвались на КП 54 сд или возвратились из района КОСКИ».

Добавим, что к 21 февраля 1940 года в советский тыл сумели вернуться 240 военнослужащих бригады. 66 человек попали в плен. Без вести пропавшими, только по 9-му батальону, числятся 615 человек. По остальным подразделениям данные неизвестны. На территории Финляндии в местах, где воевала сводная лыжная бригада, сохранилось несколько братских могил

советских воинов. Сколько человек в них захоронено и кто именно – до сих пор неизвестно.

Историкам удалось восстановить только картину гибели 9-го отдельного лыжного батальона. Он был сформирован в январе 1940 года в Архангельске, откуда и отбыл на фронт. Поэтому большинство его бойцов были психофизиологически готовы к активной деятельности в условиях Заполярья. Другое дело, что у них не было необходимого боевого опыта.

Батальон попал в окружение в районе одной из сопок в окрестностях нынешнего финского городка Кухмо. Сначала бойцы упорно обороняли сопку, поднимаясь все выше и выше вверх, а потом попытались прорваться через перешеек между двумя озерами. А там их ждала засада. Спустя много лет один из финских ветеранов (в феврале 1940 года он служил пулеметчиком) вспоминал, как русские в белых маскхалатах, невзирая на огромные потери, сумели прорваться через финские позиции. Дальнейшая судьба советских солдат ему неизвестна^[233].

Справедливости ради отметим, что в истории советско-финской войны сохранились и другие примеры. Так, в марте 1940 года в боях за остров Туппурансари (ныне Вихревой) командир 60-го лыжного батальона капитан А.А. Дьяконов с группой бойцов совершил 25-километровый марш и, выйдя в тыл противнику, захватил его позиции и удерживал их до подхода основных сил. 21 марта 1940 года за этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Особый лыжный отряд 9-й армии

Однако были и отрадные исключения. Так, знаменитый разведчик, ветеран испанской войны Хаджи Мамсуров, который после возвращения из Испании занял должность начальника отделения «А»

Разведывательного управления, а в 1939 году стал начальником оперативной группы Генштаба РККА, во время финской войны командовал Особым лыжным отрядом 9-й армии. Личный состав этого подразделения был набран из ленинградцев – добровольцев и студентов Института физкультуры им. П.Ф. Лесгафта.

Отряд совершил серию дерзких и успешных рейдов в тыл белофиннов. Он оперировал на расстоянии 120–150 километров от линии фронта в районах Кухмониemi и Соткамо. Отдельные группы отряда действовали в тылах 25, 27 и 65-го пехотных полков и 9-го артиллерийского полка финнов. Действия отряда носили характер внезапных нападений на небольшие воинские подразделения, штабы, узлы связи, батареи и т.п. Так, одна из диверсионных групп в 2–3 километрах от Кухмо уничтожила пункт радиосвязи, две подводы с взрывателями от мин и нескольких финских военнослужащих.

Одна из диверсионных групп даже предприняла неудачное нападение на штаб 9-й пехотной дивизии противника. Будучи преждевременно замеченной, группа в составе 24 диверсантов была вынуждена противостоять финскому пехотному полку. Разгорелся ожесточенный бой, который продолжался десять часов. Диверсанты потеряли убитыми 14 человек, но восемь смогли оторваться от противника и соединиться с другими группами. Потери финнов – до 100 человек, в том числе и старший офицер.

Другая диверсионная группа, которая действовала западнее Кухмониemi, напала на расположение финской зенитной батареи, уничтожила ее личный состав, после чего сумела прорваться через линию фронта.

Также регулярно организовывались засады на автодорогах с целью уничтожения офицеров противника и захвата оперативных документов. Так, группа диверсантов в течение нескольких суток действовала в

12 километрах восточнее Кухмо в районе автомобильной дороги. Диверсанты организовали засаду на шоссе. В результате было перебито до 20 человек среднего и младшего комсостава противника, а также захвачены ценные оперативные документы^[234].

Сохранились воспоминания одного из бойцов Особого лыжного отряда В.М. Шамина:

«В конце 1939 года я учился на III курсе Ленинградского института физической культуры им. И.Ф. Лесгафта, когда был объявлен набор добровольцев в Особый лыжный отряд. Значительная часть студентов-лесгафтовцев изъявила желание участвовать в боевых действиях против белофиннов. В результате проведенной проверки (лыжного кросса на 20 км с полной боевой выкладкой) из всех желающих отобрали 101 чел., из которых и был сформирован отряд.

Командовал отрядом полковник Мамсуров (участник боев в Испании, награжденный орденом Ленина), начальником штаба был полковник Деревянко (также участник боев в Испании, награжденный орденом Ленина). Оперативный отдел возглавлял капитан Харитоненко (участник боев в Испании, награжденный двумя орденами Красного Знамени), специалистом по финским вопросам являлся майор Васильев (бывший помощник военного атташе в Финляндии), радиоразведку осуществлял лейтенант Сергеев. Фамилию комиссара отряда, к сожалению, не помню, хотя в лицо его знал.

В отряд было направлено несколько лейтенантов из Тамбовского пехотного училища (Богнюк, Куличков и др.) и человек 20 младших командиров срочной службы. Также при отряде находился свой врач, санинструкторы-медсестры и девушки-карелки в качестве переводчиц.

Состоял отряд из пяти взводов, один из которых был полностью армейским, а четыре других – лесгафтовскими. Командовали взводами как армейские

командиры, так и наиболее авторитетные и опытные студенты (Мягков, Карпов). Я был назначен командиром отделения, хотя в других взводах отделениями командовали младшие командиры срочной службы, носившие на петлицах три или четыре треугольничка. В моем назначении свою роль сыграло то обстоятельство, что отряд формировался при активном участии институтского комитета комсомола, члены которого настояли на моем назначении, поскольку я являлся не только заместителем секретаря комсомольского бюро курса и старостой группы, но также входил в сборную института по пулевой стрельбе.

Вооружен и обмундирован отряд был отлично. Бойцы помимо карабинов, автоматов ППД и самозарядных винтовок имели еще маузеры и финские ножи.

После некоторой подготовки (ночных лыжных походов, ориентирования на местности по карте и азимуту, стрелковых занятий и т.д.) наш отряд сначала поездом до ст. Кемь, а затем на автомашинах был доставлен к самой финской границе в глубинной Карелии, между существовавшими тогда Ребольским и Ухтинским направлениями. Местом нашей дислокации стал населенный пункт Бабя Губа в 9 км от границы (население поселка было эвакуировано в начале войны).

Первые впечатления от военной жизни складывались у нас из сплошных вопросов. Сначала, после размещения в теплушках эшелона на Финляндском вокзале, – а куда нас повезут? Затем – где будем воевать? Потом – где будем жить? И т.д. и т.п. Суворовское изречение «Каждый солдат должен знать свой маневр» было не для нас. Мы ничего не знали. Не знали, пока ехали в эшелоне. Не знали, когда тряслись в кузовах грузовых машин, накрывшись брезентом. Не знали, какая нам предстоит боевая работа по прибытии на место дислокации. Не знали, какое задание будем выполнять, когда первый раз двинулись на лыжах в поход. Знали

это только наши командиры. Тогда так было принято. Поэтому мы ничему не удивлялись, не роптали и лишний раз не проявляли своего любопытства, а слушались и подчинялись.

Я до сих пор точно не могу сказать, какие операции за период боевых действий выполнил Особый лыжный отряд. Знаю лишь то, что наши действия носили характер диверсий в глубоком финском тылу (до 100–120 км). И, как мне кажется, отряд, помимо конкретных тактических задач, решал и некоторые стратегические задачи, в частности отвлекал на себя определенные силы финской армии на Ребольском и Ухтинском направлениях.

Наш взвод за время базирования в Бабьей Губе провел три боевые операции.

В первом походе мы уничтожили финскую радиостанцию (взорвали мачту и вывели из строя всю аппаратуру), захватили повозку с продуктами, которые разобрали по вещевым мешкам, и ушли. Сжигать помещение радиостанции почему-то не стали. Из радистов в плен взять никого не смогли. Сыграла свою роль наша неопытность. Вместо того чтобы финна-возницу, везущего на лошади продукты на радиостанцию, тихо брать живьем, один из наших парней застрелил. Этот выстрел насторожил радистов, и они скрылись в лесу.

Я со своим отделением перекрывал дорогу, ведущую от шоссе к радиостанции. Когда нас сняли из засады, кто-то из ребят предложил мне заглянуть в сарай рядом со зданием станции. Я приоткрыл дверь и увидел штабель из трупов финских солдат. Они лежали друг на друге в четыре ряда по три трупа в ряду. Что и говорить, картина ужасная, тем более когда такое видишь впервые.

До базы мы добрались благополучно за 16 часов хода.

Недели через две после этого взвод, находясь на задании, взорвал мост на шоссейной дороге, идущей с юга на север Финляндии. Мост был неохраемый, однопролетный, а речка очень бурной, даже в лютые морозы той зимы не замерзала. Думаю, что на неделю движение по шоссе оказалось парализованным. А на войне и это неплохо! Уходили с места диверсии стремительно и быстро. При отходе впервые применили в двух местах минирование лыжни с помощью гранат-«лимонок», но взрывов не слышали. По-видимому, если погоня за нами была, то слишком запоздавшей.

При возвращении из этого похода произошел довольно анекдотичный случай. Километров за 20 до нашей базы мы подошли к расположению батальона Финской народной армии (были на той войне и такие подразделения. По-моему, они формировались из финнов, проживающих вокруг Ленинграда, и создавались в противовес понятию «белофинны»). Ребят из головного дозора, одним из них был Борис Майборода, неожиданно остановил окрик часового: «Стой, кто идет!» Шедший первым Майборода приблизился к часовому и в упор спросил: «А ты кто такой?» Часовой, молодой парень, раскрыл рот, похлопал-похлопал глазами и, не найдя, что ответить, вдруг заявил: «А нас здесь много!»

«А раз вас много, иди, быстро зови своего командира», – сказал ему Борис. Парень опустил винтовку и побежал за старшим.

Вскоре появился командир, и все прояснилось. Когда подошел наш взвод, то Майборода во всеуслышание рассказал, как произошла эта встреча, и мы все, в том числе и командир, и часовой, долго хохотали над этим – «а нас здесь много!». Однако, будь часовой поопытнее и знай лучше устав караульной службы, встреча могла

бы обернуться по-другому. Были бы и раненые, были бы и убитые.

Где-то в середине февраля взвод провел свою третью операцию. К этому времени финское командование бросило против Особого лыжного отряда жандармскую роту, и нам приходилось трудно. Армейский взвод в полном составе не вернулся с задания. А в один из дней на базу пришел другой взвод, понесший в тылу противника значительные потери. Насколько мне помнится, восемь человек были убиты и трое тяжело ранены. Этих ребят кое-как дотащили до пустующего хутора и оставили в сенном сарае. Командир взвода выделил запас продуктов и приказал бойцам Рубцову и Трунтаеву остаться с ранеными, пообещав вернуться за ними через несколько дней.

Наш взвод подняли по тревоге и поставили задачу доставить раненых на базу. Мы вышли в поход, прихватив с собой три волокуши и пару лыж. Двигались быстро, так как пробитая предыдущим взводом лыжня позволяла это делать. Не доходя до указанного места километров 10-15, сделали привал. Немного передохнув, выслали вперед головной дозор, собрались уже трогаться дальше, как услышали на лыжне стрельбу. Поняли, что дозорные столкнулись с финнами. Медлить было нельзя. Я скомандовал своему отделению: «Ребята, за мной!» – и мы, прикрываясь деревьями, рванули вперед. Сначала увидели наших бойцов: лежа в снегу, они вели огонь, а потом заметили и уходящих по лыжне финнов. Мы тоже начали стрелять. Попали в кого-нибудь из них или нет, не знаю, финны уходили очень быстро, изредка мелькая между деревьев.

В перестрелке трое дозорных – Федя Ермолаев, Ваня Богданов и Женя Лопатин – получили ранения. Идти вперед, имея троих раненых, было рискованно. Рассчитывать на то, что пятеро наших, оставленных в сарае, еще живы, тоже не приходилось. Лыжня

пролежала мимо пристанища, а по ней уже прошли финны. Командир взвода принял решение о возвращении на базу.

На обратном пути, переходя шоссейную дорогу, обратили внимание на следы легковых автомашин, которых несколько часов назад еще не было. Коротко посоветовавшись, устроили на дороге засаду. Прождав около часа, собрались уходить, как на шоссе послышалось далекое гудение моторов. Все замерли, а когда легковушки поравнялись с засадой, открыли по ним огонь.

Первая машина пошла юзом в кювет, вторая остановилась на шоссе. Мы бросились к ним, три человека, похоже, охрана, были убиты. В другой машине шофер был убит, а два офицера – капитан и майор – уцелели. Бледные, перепуганные, они не хотели выходить наружу, но, когда на них навели оружие, вышли. Забрав какие возможно документы и пленных, быстро ушли в лес. Там дали захваченным офицерам по лыже (на одной лыже в карельской тайге зимой далеко не убежишь) и двинулись на базу.

В этот раз тоже дважды минировали лыжню лимонками. За нами была погоня: все слышали далеко позади два глухих взрыва с интервалом минут в 15. Нужно было уходить и уходить.

До базы добрались благополучно. Сдали пленных и все документы командованию и отправились отдыхать. Дальнейшая судьба финских офицеров мне неизвестна, знаю только, что их оперативно переправили в штаб армии или даже в штаб фронта.

В самом конце февраля половину Особого лыжного отряда самолетом «ТБ-3» перебросили на Кандалакшское направление. По календарю приближалась весна, но на новом месте этого совершенно не ощущалось. Морозы стояли до минус 40°. Помню, однажды, когда подул южный ветер, мы

почувствовали, что на улице заметно потеплело. Снимали шлемы, подшлемники, дышали полной грудью. Глянули на термометр, а на нем – 25°. Жить нам приходилось в палатках. Палатки были двойные (брезентовый верх и байковая подкладка) и отапливались печками. Когда печка топилась, температура в палатке поднималась, как в бане, но только стоило дровам прогореть, понижалась до минусовой, пока кто-нибудь (чаще всего дежурный) не затоплял печку вновь (не без ругани, конечно). Так и жили, не спеша, готовясь к выполнению боевого задания: чистили оружие, подгоняли лыжные крепления и т.д. Иногда заводили разговор о том, чей солдат лучше: русский или финский. И приходили к выводу, что финский. Они гораздо лучше, чем наши, ходят на лыжах, более мобильны, более метко стреляют, привычнее к холоду. Поэтому неудивительно, что война затянулась до весны. Этот небольшой народ умеет себя защищать!

Утром 13 марта мы узнали, что наше правительство заключило с Финляндией мирный договор. Восприняли это известие как-то спокойно, без ликования. А лично я – так даже несколько разочарованно. Хотелось успеть и здесь, далеко на севере, выполнить какое-либо задание, а там можно было бы и прекращать войну.

Вскоре эшелоном нас доставили в район станции Кемь, где мы выгрузились и разместились в деревянных бараках, ожидая соединения со второй частью отряда. Ждали около 10–12 дней и, когда ребята прибыли, выехали в Ленинград.

На Финляндском вокзале нас встречали институтские девчата. Они каким-то образом узнали, что мы приезжаем, хотя это и не афишировалось. В течение двух дней сдали оружие, боеприпасы, обмундирование и вновь стали студентами.

За финскую войну большинство бойцов Особого лыжного отряда были отмечены правительственными

наградами. Командиру взвода Владимиру Мягкову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Три человека награждены орденом Красного Знамени, одиннадцать – орденом Красной Звезды, остальные – медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Награды вручал в Кремле М.И. Калинин. Я был награжден медалью «За отвагу». С гордостью ношу ее и теперь»^[235].

О боевом опыте своего отряда Мамсуров докладывал на Военном совете в 1940 году. Сохранилась стенограмма этого заседания.

«Мамсуров. К этому делу (созданию диверсионно-партизанских отрядов для действий в финском тылу. – *Прим. авт.*) некоторые командующие отнеслись хорошо – тов. Мерецков, Штерн, – и мы к концу января тоже создали несколько отрядов, которые сделали прекрасные дела. Я выехал с таким же отрядом в 9-ю армию, взял ленинградцев-добровольцев и студентов института физкультуры. Я получил задачу выйти на помощь 54-й дивизии. Вышли ночью на машинах, а потом прошли на лыжах за сутки 68 км и дошли до места действия в тылу противника. Погода была очень холодная. Я решил, что идти прямо на противника всем отрядом – это значит, что со мной может случиться неприятная история. Я должен был выяснить, что передо мной есть, что есть у противника, тем более что в этом районе о противнике нам ничего не было известно. И вот начал прочесывать, начиная от линии границы или фронта. Группы отряда работали на удалении вначале до 40 км, затем до 80 км и догнали до 120 км. На удалении до 120 км в глубину действовали группы и разведовали полосу примерно шириной в 150 км, если брать веерообразно.

Сталин. Сколько было вас всего?

Мамсуров. Около 300 человек. Очень много времени отняла полоса, начиная от левого фланга 44-й дивизии и

непосредственно до Кухмониemi и Соткамо. В этой полосе на удалении 100 км ни противника, ни населения абсолютно не было. Но вся территория потребовала для ее прочесывания и разведки много времени. Мне было сказано в штабе армии, что в этой полосе от Пуоланка идет основная линия связи с Кухмониемской группой противника, и мне надо было разведать этот район. Работать там потребовалось недели три, потому что выход одной группы на удаление до 100-200 км требовал 5-6 дней.

Должен сказать, что, несмотря на очень сильные морозы и что отряд почти все время жил в лесу на снеге, в отряде было только три случая обмороживания 1-й и 2-й степени, больше не было...»

Следует обратить особое внимание на эти слова. В начале зимы 1939/40 года температура воздуха как минимум на Карельском перешейке была не слишком низкой – не ниже минус 8 градусов, а в отдельные дни декабря и выше нуля, и лишь с 20-го числа столбик термометра стал падать, и температура за редким исключением в отдельные дни держалась не выше минус 10 градусов. Особенно холодно было в середине января, когда морозы доходили до минус 40. Обмундирование красноармейцев, как, впрочем, и финнов, не было приспособлено к таким сильным морозам. Как следствие, резко росло число обмороженных бойцов, которых к концу войны насчитывалось 17 867. Разумеется, у военнослужащих Красной Армии была теплая одежда, но воевать в ней было, мягко говоря, крайне сложно. Достаточно прочесть описание одежды бойца Северно-Западного фронта по состоянию на декабрь 1939 года. «Двубортная командирская и однобортная красноармейская шинель хоть и были узковаты, но согревали неплохо, если под нее одеть, как полагалось, кроме теплого белья, суконного обмундирования еще и

ватник без воротника, шарф, ватные штаны с валенками»^[236]. Поверх всего этого нужно было одеть еще маскхалат. Ну, еще и стрелковое оружие с боеприпасами.

«...Затем, когда группа наткнулась на противника в районе Кухмониemi, тут произошло нечто интересное. Группы действовали непосредственно в тылу 25-го пехотного полка противника, 65-го, 27-го пехотных полков, 9-го артиллерийского полка. В тыл противника вышли наши люди, несколькими группами. Одна группа была на расстоянии 2–3 км от Кухмониemi, налетела на деревню, уничтожила пункт радиосвязи, несколько солдат и офицеров, а также две подводы с ручными взрывателями от мин и ушла. Другая группа действовала в 12 км восточнее, засела на дороге, захватила одну машину, вторую, третью, перебила около 20 человек – в основном средний и младший комсостав, захватила их оружие, документы, подожгла машину, уничтожила линию связи и ушла. То же самое делали и другие группы.

Когда тов. Запорожец говорил, что у них 13 финнов действовали в тылу, это показывает, как неприятно иметь в тылу у себя подобные группы. На фронте 9-й армии появилось несколько белофиннов, и они, перейдя нашу границу на 2–3 км, срезали один телефонный столб, который связывал пограничные заставы. У наших была паника, что здесь шныряет банда финнов, и говорили бог знает что о них. Представьте себе, что делалось тогда у финнов после нашей работы у них в тылу. У нас был радиоприемник-колхозник, который был дан нам ПУАРМом (политуправлением 9-й армии. – *Прим. авт.*), мы слышали финские передачи о действиях нашего отряда на русском языке. Они говорили, что целые батальоны парашютных десантов сбрасываются русскими, видимо, думали, что на такое удаление наши люди пройти не могут. Они кричали о новых видах

военных действий и т.п. Видимо, мы им порядком были неприятны.

Затем 18 февраля прилетает начальник разведывательного отдела армии и отдает приказание, что к 23-й годовщине Красной Армии надо преподнести большой подарок. Я говорю, что, может быть, лучше этот подарок преподнести после празднования, меньше будет у финнов бдительности. Он со мной не согласился, нет, говорит, приказываю. Послали группу в 50 человек восточнее Кухмониemi на помощь 54-й дивизии. Эта группа в 50 человек погибла, причем должен сказать, что эта группа была целиком из красноармейцев, остальная часть нашего отряда состояла из ленинградских добровольцев. Пленные, которые были потом захвачены, говорят, что как раз часть из них участвовала в уничтожении этих людей, что наши люди три дня вели бой, будучи совсем окружены, ни один из наших не сдался в плен, три человека, оставшихся в живых, в последний момент сами себя взорвали гранатами.

Одновременно другая часть отряда пошла западнее Кухмониemi, разделившись на отдельные группы. Эти группы направились для того, чтобы перерезать шоссейную дорогу Каяани – Кухмониemi. Одна из групп напала на штаб 9-й пехотной дивизии противника. Должен сказать, что до этого мы говорили, что в этом районе имеется штаб или что-то похожее на крупный штаб. Но в штабе 9-й армии тогда не обратили внимание на эти наши данные, считая, что штаб 9-й пехотной дивизии противника находится в другом месте, между тем это было неверно. Группа в количестве 24 человек очутилась в расположении войск противника, куда она вошла ночью. Находясь в расположении войск противника – группа сама обнаружила это только на рассвете, – группа, увидев, что кругом замаскированные бараки, полные солдат противника, и обнаружив тут же

недалеко наличие крупного штаба, сама зарылась в снег и решила ждать ночи, чтобы напасть на штаб. Однако группа была случайно обнаружена в 16.00 из-за нечаянного выстрела, один из товарищей очищал автомат от снега.

Тут начался бой (24 человека) против полка пехоты и затем командного состава штаба и авиации, которая была расположена там. Группа вела бой с 16.00 до 2 часов ночи. Наших было убито 14 человек, ушли 8, они отошли с боем и соединились с другими группами, действовавшими правее.

Проскуров (начальник Разведуправления Гентштаба РККА. – *Прим. авт.*). Что было сделано?

Мамсуров. Был убит секретарь комсомольской организации и другие. Люди, которые участвовали в этом бою, вели бой из маузеров и автоматов и были одеты в финскую форму, как и весь отряд. Каждый из них уничтожил не менее 8–10 белофиннов, главным образом офицеров, которые лезли напролом, около 100 трупов противника осталось там. Мало того, когда оставшаяся часть группы вышла на лед озера к островам, куда им нужно было отходить, то группа летчиков противника перерезала им дорогу. Есть основания думать, что нашей группой был убит крупный финский начальник, поскольку у него была хорошая одежда, красивая сумка, золотые часы. Почти вся группа противника нами была перебита. Насколько финны были в тот момент охвачены паникой, говорит тот факт, что они начали вести артиллерийский огонь неизвестно по кому, во все стороны.

Есть и другой случай, правда, этот товарищ убит. Он представлен к званию Героя Советского Союза, это ленинградский лыжник, замечательный гражданин нашего Советского Союза Мягков. Вместе с группой лыжников в 13 человек для того, чтобы выяснить наличие войск в районе Кухмониemi, в течение 23 часов

он совершил 90-километровый марш. Это на лыжах, когда человек утопает выше колена в снегу. Правда, у него была хорошая лыжная подготовка, и людей в его группу мы подобрали хороших. Западнее Кухмониemi он влетел в расположение финской зенитной батареи, убил офицера и других финнов, наделал панику, узнал, что там есть зенитная батарея и пехотные части, несколько рот, через них проскочил и вернулся с группой. Правда, его с группой окружили в одной деревушке силами до роты противника с пулеметами, но он с группой стойко дрался, нанес большие потери противнику и вышел из окружения – пробился гранатами, правда, он потерял при этом одного из лучших бойцов отряда. Тов. Мягков проделал ряд замечательных операций, жаль, что к концу событий погиб.

Нам учить надо было людей. Мы работали всего месяц с лишним. Я считаю, что если бы у меня были там подготовленные в мирное время люди, то довольно много вреда бы нанес финнам, но был заключен мир. Перед этим 10 марта я получил приказ от командующего вылететь к тов. Батову, шведы там появились, только хотели приступить к работе, но уже был заключен мир.

Должен сказать, что отряду, который был у меня из ленинградских добровольцев-лыжников, очень трудно и тяжело приходилось, тяжелее, чем частям, которые были на фронте, однако можно с гордостью сказать, что это были замечательные люди нашей Родины. Когда было сказано, что мир заключен, что работу надо приостановить, потому что это может быть истолковано как провокация войны, уверяю, может быть, потому, что нужно было отомстить за погибших товарищей, некоторые даже всплакнули. Жалко, говорят, ох жалко как. У меня лично впечатление такое, что, если бы мир не был заключен, дело пошло бы очень хорошо. Я считаю, что необходимо решить вопрос о создании таких специальных частей сейчас в ряде округов, чтобы их

начать готовить. В руках начальников штабов армий или командований армий эти части принесут пользу, выполняя помимо специальной работы также задачи более дальней разведки, чем ведут войска. Я думаю, что этот вопрос надо решить».

К сожалению, к этой рекомендации, как и к рекомендациям других опытных в партизанской и диверсионной работе людей, руководство страны не прислушалось. В результате в Великую Отечественную войну подобные части пришлось создавать, но в спешке и с огромными потерями, в условиях быстро развивающегося немецкого наступления.

Разведчики из разведотдела штаба Северо-Западного фронта

В тылу финской армии действовали разведывательно-диверсионные группы. К сожалению, до сих пор неизвестны подробности их ратных дел, а также судьба этих людей. Известно лишь несколько фактов.

Заместитель начальника отдела «А» (активная разведка) Разведупра капитан Николай Патрахальцев сообщал в Центр с Северо-Западного фронта:

«В ночь с 4 на 5 января (1940 года. – *Прим. авт.*) капитаном Зверевым был сброшен человек с диверсионными задачами.

14.01.40 года была перехвачена и расшифрована радиограмма финских органов о том, что русскими сброшен с парашютом агент со специальным подрывным аппаратом.

До сего времени наш человек не возвратился...

По приказу Тимошенко в ночь с 28 на 29 января были сброшены на парашютах две группы из состава отряда Сорокина по 7 человек. Десантированы в 30 км южнее и 35 км восточнее Выборга.

31.01.40 года был финский радиоперехват, из которого стало известно, что задержано 3 человека – один средний и два младших человека, спустившихся на парашютах южнее Выборга.

Эти две группы пока не вернулись».

Неудачную заброску разведчиков подтверждает и зарубежная пресса.

«Париж. 4 февраля (ТАСС). Агентство ГАВАС передало 3 февраля по радио следующее сообщение корреспондента шведской газеты «Стокгольмс тиднинген»: «Отмечено также другое нововведение советских войск: применение парашютистов, которые должны уничтожать промышленные предприятия и дорожные сооружения. Парашютисты действуют маленькими группами – 7-8 человек, вооружены ручными пулеметами, снабжены радиопередатчиками и, естественно, одеты в форму финских солдат.

Все эти парашютисты были или уничтожены, или взяты в плен».

Другое сообщение иностранных СМИ.

«Стокгольм. 6 февраля. Вчера утром группа вооруженных диверсантов появилась в 15 км севернее города Кеми. Они были замечены финскими зенитчиками, которые немедленно высадили патрули на лыжах для встречи и атаки парашютистов.

Ожесточенный бой произошел после того, как русские пытались продвинуться к железнодорожному узлу и мосту через реку, чтобы взорвать его. Русская группа была окружена финнами и после ожесточенного получасового боя одна часть уничтожена, другая – захвачена в плен.

Эти русские войска были снабжены мешками с динамитом, большим количеством автоматических винтовок и легкими пулеметами»^[237].

После окончания советско-финской войны побывавшие во вражеском плену красноармейцы

сообщали на допросах чекистам, что встречали в плену 21 советского парашютиста, переодетого в финскую форму.

Во время обмена военнопленными весной 1940 года в группе из 496 советских пленных оказалось 25 человек, которые заявили, что во время задержания на территории Финляндии у них было изъято: 41 347 финских марок, один пистолет-пулемет, 21 пистолет разных систем, 14 финских ножей, 34 гранаты, 2400 грамм тола, два парашюта, 13 компасов, 14 пар лыж, восемь комплектов радиоаппаратуры, а также другое специальное оборудование и снаряжение. Из числа заявивших 13 человек имели финские фамилии, остальные – карельские и русские.

14 мая 1940 года на имя начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР капитана госбезопасности Сопруненко пришла телеграмма из Ленинградского военного округа за подписью начальника разведотдела округа комбрига Евстигнеева и батальонного комиссара Гусакова. Вот ее текст:

«Прошу Вашего распоряжения о допуске к опросу возвращающихся из Финляндии военнопленных, бывших агентов разведотдела Северо-Западного фронта и армий, в различное время задержанных в Финляндии при ходке на выполнение спец. заданий, что крайне необходимо для выяснения причин провала и учета недостатков в подготовке»^[238].

Зимой 1939/40 года разведотдел Краснознаменного Балтийского флота провел серию спецопераций на территории Финляндии, но все они были разведывательного, а не диверсионного характера.

Когда началась советско-финская война, то перед разведотделом были поставлены такие задачи:

1. Выяснение морских коммуникаций, по которым идет питание финнов.

2. Уточнение данных по береговой обороне и противодесантным сооружениям на побережье.

3. Обнаружение и постоянное наблюдение за деятельностью и передвижением финского флота.

4. Наблюдение за деятельностью флотов нейтральных государств.

5. Выявление минных полей.

6. Уточнение данных по военно-промышленным объектам.

Как мы видим, в списке задач нет упоминания о диверсиях в тылу противника. Исключительно разведывательные задачи. Хотя и сбор сведений был смертельно опасным занятием. Разведотдел потерял семь человек пропавшими без вести [\[239\]](#).

Под грифом «сов. секретно»

В годы советско-финской войны на территории Финляндии и после ее окончания (1939–1941) работал нелегал советской военной разведки Фридрих Диккель. Подробности его деятельности продолжают оставаться секретными и в наши дни. В двадцатые – начале тридцатых годов прошлого века занимался нелегальной партийной работой в Германии и Нидерландах, потом воевал в Испании (командовал ротами в батальоне им. Э. Тельмана 11-й интербригады), где и был завербован майором Хаджи-Умар Мамсуровым. В апреле 1937 года приехал в Москву, где в течение двух лет проходил спецподготовку. Отметим, что Хаджи-Умар Мамсуров «курировал» разведывательно-диверсионное направление в деятельности Разведупра. К тому же, учитывая длительность подготовки Фридриха Диккеля, высока вероятность того, что обучали его навыкам разведчика-диверсанта. Для обучения радиodelу требовалось не больше полугода-года. Основам

конспирации он и сам мог обучать – пятнадцать лет на нелегальной работе в Германии и Нидерландах.

Чем занимался Фридрих Диккель на территории Финляндии накануне Великой Отечественной войны – можно лишь догадываться. Хотя известно, что уже в 1942 году на территории Финляндии действовали отряды «лесогвардейцев» – так в Советском Союзе называли местных партизан, которые выполняли указания Разведупра.

Художник из Разведупра

Фридрих Диккель был не единственным советским военным разведчиком-нелегалом в этой стране. С июля 1935 года в Финляндии проживал Ганс Рихард Прейсс вместе с супругой Гертрудой Геннис. Респектабельный и успешный художник, он много путешествовал по Западной Европе. В 1937 году в Париже в галерее Ван Лера состоялась его персональная выставка. Никто из его многочисленных знакомых и поклонников его творчества не знал о второй, тайной жизни этого человека.

В 1930 году он начал сотрудничать с советской военной разведкой. Его первый руководитель – Иван Винаров («Март»). Напомним, что последний в начале тридцатых годов прошлого века занимался вопросами активной разведки в Европе. Ганс Прейсс поселился в Австрии, откуда выезжал в Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию, Турцию, некоторое время жил в Швейцарии (Базель) и в Германии.

Из командировки в Финляндию супруги вернулись в июле 1949 года. В СССР он получил новое имя – Юргис Ионасович Прейсс и возможность заниматься исключительно творчеством. В годы войны супруги находились в эвакуации. В 1946 году Юргиса Прейсса

приняли в Союз художников СССР. Он умер в 1984 году известным и уважаемым живописцем.

Чем он занимался в Финляндии в конце тридцатых годов прошлого века в качестве военного разведчика – можно только догадываться. Хотя, учитывая то, что до 1935 года он выполнял указания Ивана Винарова, связанные с активной разведкой, можно предположить, что и после 1935 года он продолжил свою деятельность в этой сфере.

Специальные подразделения во время советско-финской войны

Кроме перечисленных выше назовем еще два подразделения специального назначения, которые использовались в тылу противника.

7-й отдельный лыжный полк 1-го корпуса Финской народной армии (7-й ОЛП 1-го КФНА).

Сформирован для разведывательно-диверсионных действий в январе 1940 года.

Командир полка чекист И.М. Петров (Тойво Вяхя). Личный состав полка был набран из добровольцев 1-го корпуса ФНА – финнов, карел, русских.

С 1 февраля 1940 года 7-й ОЛП (в некоторых источниках часть называется отдельным стрелковым полком) начал действовать в полосе обороны 9-й армии на Ухтинском направлении советско-финляндского фронта. В ходе боевых действий полк провел глубокий рейд в тыл противника, был окружен, несколько суток вел бой, но сумел выйти из окружения с небольшими потерями. Отдельные группы полка направлялись во вражеский тыл с задачей разложения войск противника: на лыжне финских дозоров они развешивали советские пропагандистские листовки. Но основной задачей полка на протяжении всей войны было прикрытие тыла действующих войск.

В мае 1940 года 7-й ОЛП 1-го КФНА расформирован.

Особый лыжный отряд 9-й армии (ОЛО 9-й армии)

Создан в январе 1940 года по инициативе начальника Разведупра комдива И.И. Проскурова для ведения разведывательно-диверсионных действий в тылу финских войск.

Командир ОЛО 9-й армии сотрудник Разведупра полковник Х.-У. Д. Мамсуров, начальник штаба полковник Деревянко. Оперативный отдел отряда возглавлял капитан Харитоненко, специалистом по финским вопросам являлся майор Васильев, радиоразведку осуществлял лейтенант Сергеев.

Отряду были приданы 10 лейтенантов из Тамбовского пехотного училища (Богнюк, Куличиков и др.) и свыше 40 младших командиров срочной службы. Состав ОЛО был набран из добровольцев – студентов Института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта (102 чел.), красноармейцев и жителей Ленинграда. Общая численность отряда – около 300 человек. В отряде имелись медсанчасть и девушки-карелки в качестве переводчиц.

Разведывательно-диверсионные группы ОЛО оперировали на удалении 120–150 км от линии фронта, в районах Кухмониemi и Соткамо. В ходе боевых действий лыжниками ОЛО было уничтожено свыше 100 солдат и офицеров противника, произведено нападение на штаб 9-й пехотной дивизии и зенитную батарею, повреждено две легковые автомашины, уничтожены пункт связи, шоссейный мост, одна автомашина и две подводы с взрывателями от мин, захвачены в плен два офицера и штабные документы.

Потери ОЛО составили свыше 70 человек убитыми и пропавшими без вести. За мужество и героизм десятки бойцов отряда были награждены орденами и медалями. Из спортсменов-лесгафтовцев наград удостоились 67

человек. Командир взвода ОЛО студент В.А. Мягков, чемпион страны по лыжным гонкам 1939 года, был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза.

В марте 1940 года ОЛО 9-й армии расформирован.

В апреле 1940 года, выступая на совещании начальствующего состава при ЦК ВКП (б), полковник Х.-У. Д. Мамсуров рассказал о действиях своего отряда и выступил с предложением о создании «диверсионно-партизанских» частей в Красной Армии. На том же совещании Мамсуров обратил внимание присутствующих на необходимость развития в стране лыжного и других оборонных видов спорта. По первому предложению полковника никаких выводов сделано не было, второе получило путевку в жизнь.

Биографии военных разведчиков (1921-1941)

АППЕН Александр Петрович

Полковник, руководитель нелегальной военной организации китайской Компартии.

Родился 1 августа 1893 года в дер. Аксеново, ныне Торопецкого района Псковской области в семье крестьянина.

В 1908 году окончил церковно-учительскую школу.

С 1908 по 1909 год – учитель церковно-приходской школы.

С 1909 по 1911 год учился в Псковской учительской семинарии, откуда отчислен, жил дома.

С 1911 по 1912 год – десятник землемерной компании в Томске.

С 1912 по 1915 год – межевой техник Томского округа путей сообщения.

С 1915 по 1916 год – участник Первой мировой войны. Служил в санитарном отряде, рядовой пулеметной команды, команды связи 42-го Сибирского стрелкового полка.

В 1917 году окончил 2-ю школу прапорщиков в Омске. Завершив обучение в школе, был оставлен там полукурсовым офицером, затем служил в 37-м запасном полку.

С февраля по июнь 1918 года – заведующий советскими театрами, секретарь профсоюза в городе Торопец.

В июне 1918 года поступил в местный охранный батальон командиром взвода пулеметной команды. После того как на базе батальона был развернут 5-й псковский полк – начальник команды связи.

В августе 1918 года – на Западном фронте.

С августа 1918 года по январь 1919 года – командир взвода пулеметной команды Торопецкого батальона, начальник команды связи, полковой адъютант 5-го Псковского стрелкового полка.

С января по ноябрь 1919 года – помощник начальника, начальник оперативного отделения штаба Армии Советской Латвии – 15-й армии.

С ноября 1919 года по март 1920 года – помощник начальника, начальник оперативного управления штаба Армии Советской Латвии – 15-й армии.

С марта по декабрь 1920 года – начальник оперативного отделения, отдела Регистрационного управления полевого штаба РВСР.

С января 1921 года по май 1922 года – начальник оперативного отделения, отдела Регистрационного отдела РВС Кавказского фронта, РУ штаба 11-й армии.

С мая 1922 года по март 1923 года – военный атташе при полпредстве РСФСР в Персии.

С марта 1923 года по июнь 1924 года – начальник разведотдела 5-й Краснознаменной армии.

С июня по сентябрь 1924 года – исполняющий должность начальника Управления штаба той же армии, в резерве при Главном управлении штаба РККА.

С сентября 1924 года по март 1930 года – в распоряжении РУ штаба РККА.

В 1924 году работал в Монголии.

С 1925 по 1926 год – консул СССР в Хайларе, Китай, под фамилией Хмелев.

С сентября 1926 года руководил нелегальной военной организацией китайской Компартии, организовывал боевые рабочие дружины. Под его непосредственным руководством были проведены три восстания шанхайских рабочих, последнее из которых закончилось захватом Шанхая.

В начале 1927 года вернулся в Москву.

В 1930 году окончил вечерние курсы усовершенствования высшего и старшего начсостава при РУ штаба РККА.

С марта 1930 года по октябрь 1931 года – помощник начальника 2-го отдела Разведупра.

С 1931 по 1932 год учился на основном факультете Военной академии им. М.В. Фрунзе.

С мая 1932 года по январь 1934 года – заместитель начальника 3-го отдела Разведупра.

С января 1934 года по июнь 1937 года – начальник разведотдела Белорусского военного округа.

22 декабря 1935 года присвоено звание полковника.

7 июня 1937 года зачислен в распоряжение Управления по начсоставу РККА.

10 августа 1937 года арестован.
21 ноября 1937 года расстрелян.
В 1957 году реабилитирован^[240].

АРОНШТАМ Лазарь Наумович

Работал по линии активной разведки в Польше.
Родился в Борзне Черниговской губернии 6 (21) июня 1896 года.
В 1915 году вступил в РСПрП(б).
С 1918 по 1921 год – военком батальона, полка, 14-й стрелковой дивизии.
В 1921 году – военком 28-й стрелковой дивизии.
С 1921 года по 1923 год учился в Военной академии РККА.
В 1923 году – военком 4-й стрелковой дивизии.
В 1924 году – помощник командира 5-го стрелкового корпуса по политической части.
С 1924 по 1925 год – член ЦК Коммунистической партии Польши.
С 1924 по 1926 год – секретарь ЦК Коммунистической партии Западной Белоруссии.
В 1924-1926 годах по линии военной разведки на нелегальной работе в Польше, где был арестован польскими властями.
В 1928 году по обмену вернулся в СССР. Ответственный секретарь Витебского окружного комитета КП(б) Белоруссии.

С 1928 по 1929 год – военком Инспекции артиллерии и бронесил РККА.

С 1929 по 1933 год – начальник Политического управления Белорусского военного округа.

С 13 июля 1930 года по 26 января 1934 года – член Центральной Контрольной комиссии ВКП(б).

С 4 февраля 1932 года по 26 января 1934 года – член Президиума Центральной Контрольной комиссии ВКП(б).

С 10 февраля 1934 года по 25 июня 1937 года – член Центральной Ревизионной комиссии ВКП(б).

С 1933 по 1936 год – начальник Политического управления ОКДВА.

С 1936 по 1937 год – начальник Политического управления Московского военного округа.

В мае 1937 года – член Военного совета Приволжского военного округа.

31 мая 1937 года арестован органами НКВД.

25 марта 1938 года расстрелян.

Реабилитирован посмертно.

БАНИК (Мартин Фернандо) Вильгельм

Участник Гражданской войны в Испании.

Родился 15 мая 1900 года в городе Гнезен (Германия).

В 1918–1919 годах служил в армии.

С 1919 по 1923 год – служащий страхового общества в Магдебурге.

С 1920 по 1922 год – член СДПГ.

С 1923 года – член КПГ.

С 1923 года – сотрудник нелегального Военного аппарата (М-аппарата) КПГ.

В 1927–1928 годах арестован, осужден на 2 года 9 месяцев тюремного заключения.

В 1928 году освобожден по амнистии. Вновь направлен на работу в М-аппарат.

В 1931–1932 годах – слушатель специальной военной школы в Москве.

С 1932 по 1935 год – сотрудник Отдела промышленной разведки (ВВ-аппарат) КПГ и одновременно по линии советской военной разведки.

В 1935 году прибыл в Москву.

До сентября 1936 года работал печатником в московской типографии «Детская книга».

С октября 1936 года – в Испании. Работал в отделе кадров, затем на фронте.

В апреле 1938 года погиб в бою.

<i>БЕНАРИО (Гутман) Ольга</i>

Одна из организаторов революции в Бразилии.

Родилась 12 февраля 1908 года в Мюнхене в семье адвоката.

С 1925 года - член германской Компартии.

С 1926 года - секретарь по пропаганде и агитации Союза коммунистической молодежи Берлина.

С 1926 по 1928 год работала машинисткой в советском посольстве в Берлине.

2 октября 1926 года арестована по подозрению в шпионаже.

2 декабря 1926 года освобождена из-под стражи.

В апреле 1928 года участвовала в организации побега из тюрьмы своего жениха - известного немецкого коммуниста Отто Брауна. Группа из семи немецких коммунистов, угрожая оружием, силой освободила Отто Брауна из берлинской тюрьмы Моабит.

В июле 1928 года нелегально выехала в СССР.

С 1930 года - сотрудник Разведупра. Неоднократно выезжала в зарубежные командировки (Франция, Англия

и др.). Закончила под именем Ольга Синек Военно-воздушную академию РККА.

В конце 1934 года вместе с бразильским политиком Л. Престесом выехала в командировку в Бразилию для организации революции в этой стране.

4 марта 1936 года арестована бразильской полицией и выдана Германии.

5 апреля 1942 года погибла в немецком концлагере^[241].

БРАУН Отто (ВАГНЕР Карл Оттович, Ли Дэ, Хуа Фу)

Родился в 1900 году.

Профессиональный революционер. Участвовал в создании Баварской советской республики. В 1920-х годах работал в аппарате ЦК КПГ, был секретарем подпольного окружного комитета КПГ в Тюрингии.

Трижды был арестован. В 1928 году, после побега из Моабитской тюрьмы, выехал в СССР.

Осенью 1925 года начал сотрудничать с Разведупром.

В 1928 году поступил добровольцем в Московскую Пролетарскую дивизию – помкомвзвода, комвзвода, комроты.

С 1929 года по апрель 1932 года учился в Военной академии им. Фрунзе.

В 1932 году был направлен в Разведупр.

В декабре 1932 года был «отправлен на диверсионную работу в Маньчжурию вместе с несколькими откомандированными немецкого происхождения».

В 1939 году отозван в Москву. Служил в Красной Армии. Затем был на переводческой и литературной работе.

С 1954 года жил в ГДР, работал в Институте марксизма-ленинизма.

Умер в 1974 году.

БУРЛАКОВ Леонид Яковлевич («Аркадий»)

Участник операций советской военной разведки в Китае.

Родился 27 октября 1897 года в городе Бугульме Самарской губернии. Сын выходца из крестьян, служившего конторщиком на КВЖД. Окончил двухклассное училище, основная профессия – слесарь.

С 1911 по 1914 год работал учеником в мастерской, которая занималась ремонтом железной дороги в районе Хабаровска.

С 1914 по 1916 год работал в морском порту Владивостока.

С 1916 года в армии – рядовой саперного батальона. Служил на должности мастерового младшего разряда в ремонтной мастерской.

Летом 1917 года переведен с Дальнего Востока в Свеаборгский крепостной минометный батальон.

В июне 1918 года вступает в красногвардейский отряд союза горняков, занимается национализацией золотых приисков. В последующем сочетает подпольную работу с работой по специальности. Скрывается от призыва в колчаковскую армию.

В ноябре 1919 года во Владивостоке был арестован белыми и приговорен к расстрелу, но бежал из-под ареста.

С 31 января 1920 года, после поражения Колчака, назначается адъютантом политотдела Военного совета Приморья.

В марте 1920 года вступает в РКП(б).

С августа 1920 года – сотрудник Приморского областного отдела Госполитохраны Дальневосточной республики.

С 1921 года – в военной разведке. Начальник осведомительного (разведывательного отдела) штаба Народно-революционной армии.

С 1922 года – заместитель резидента, резидент Разведота штаба Народной революционной армии ДРВ (в последующем 5-й армии). Во время эвакуации белых войск Дитерихса из Приморья Бурлаков по своей инициативе организовал и перебросил на Русский остров отряд рабочих, которые задержали эвакуацию белыми библиотеки Военной Академии и таким образом спасли ценное имущество в неприкосновенном виде до 200

тысяч томов. За спасение вышеуказанной библиотеки тов. Бурлаков был награжден РВС 5-й Армии серебряными часами.

Под руководством Салныня работал по переброске оружия в Китай для снабжения Кантонской армии.

В 1925 году во время занятия Пекина и Тяньцзина войсками Национальной армии должен был взорвать Мукденский военный арсенал.

17 сентября 1925 года при переброске для этой цели взрывчатки и «подрывных машинок» был на станции Пограничная (на китайской стороне) арестован китайцами с поличным. Первоначально предполагалось, что взрывчатка будет переброшена только до ст. Гродеково с советской стороны до дальнейшей проработки вопроса. Однако из Пекина поступила директива «ускорить дело». Именно поэтому «пришлось отбросить много деталей и пойти «на авось», которое завершилось провалом. Чтобы скрыть свою принадлежность к советской военной разведке, на допросах выдавал себя за члена белобандитской организации, которая на территории СССР в районе Забайкалья планировала подрыв полотна железной дороги, и что взрывчатка предназначалась именно для этой цели – перевозилась через Китай по КВЖД транзитом. По суду Бурлаков получил 8,5 года «каторги при Мукденской тюрьме».

14 апреля 1930 года был освобожден в обмен на пять китайских офицеров, взятых в плен во время вооруженного конфликта на КВЖД.

С апреля 1930 года по декабрь 1931 года находился на лечении в СССР.

Окончил один курс Урало-Казахстанской промакадемии в Свердловске.

С декабря 1931 года по февраль 1932 года – помощник начальника разведки 57-й стрелковой дивизии.

С февраля по ноябрь 1932 года – помощник начальника разведотдела штаба ОКДВА.

С ноября 1932 года по март 1936 года – начальник отделения разведотдела Морских сил Дальнего Востока. Создавал разведпункты в Китае, Корее и Японии, базы на территории Дальнего Востока на случай войны.

С марта по июль 1935 года – начальник отделения Разведотдела Тихоокеанского флота.

С июля 1936 года по сентябрь 1938 года – в распоряжении РУ РККА, преподавал в ЦШПКШ.

20 сентября 1938 года арестован.

С сентября 1938 года по декабрь 1940 года находился под следствием.

4 декабря 1940 года Особым отделом НКВД Тихоокеанского флота дело прекращено «за недостаточностью улик».

С июля 1941 года по август 1944 года по линии НКВД и Генштаба занимался подготовкой зафронтовых разведчиков и партизан.

В 1942 году награжден знаком «Почетный чекист».

С сентября 1945 года в запасе.

11 июля 1957 года умер в Москве [\[242\]](#).

<i>ВАУПШАСОВ Станислав Алексеевич</i>
--

Участник операций по линии «активки» Разведупра в Польше, Герой Советского Союза.

Родился 27 июля 1899 года в местечке Грузджай Шяуляйского уезда Ковенской губернии (ныне Шяуляйский район Республики Литвы) в семье батрака.

Трудовую деятельность начал батраком в родной деревне.

С 1914 года проживал в Москве.

С 1918 года в Красной гвардии, затем в РККА. Участник Гражданской войны. Воевал сначала на Южном фронте, потом против войск генерала Дутова и белочехов, затем был бойцом 8-й отдельной дивизии Западного фронта.

В 1919 году окончил Военно-политические курсы и был назначен политруком роты 151-го полка.

С 1920 по 1925 год находился на подпольной работе по линии активной разведки Разведупра в западных областях Белоруссии, оккупированных Польшей. После сворачивания активной разведки был отозван в СССР.

С 1925 года находился на административно-хозяйственной работе в Москве.

В 1926 году окончил рабфак.

В 1927 году – Курсы комсостава РККА.

В тридцатые годы работал сначала в ГПУ Белоруссии, затем – начальником участка на строительстве канала Москва – Волга.

С 1937 по 1939 год по линии НКВД СССР и под псевдонимами «Шаров» и «товарищ Альфред» участвовал в национально-революционной войне в Испании. Был старшим военным советником 14-го партизанского корпуса республиканских войск, занимался организацией и осуществлением разведывательно-диверсионных действий в тылу войск генерала Франко, руководил школой по подготовке диверсантов-подрывников.

В 1939 году вернулся в Советский Союз и стал ответственным работником одного из управлений центрального аппарата НКВД СССР.

Во время советско-финской войны 1939–1940 годов участвовал в формировании разведывательно-диверсионных групп.

С ноября 1939 года был командиром лыжного пограничного батальона, действовавшего на Карельском перешейке.

С 1940 по 1941 год под оперативным псевдонимом «Яков» был разведчиком-нелегалом в разведывательной загранкомандировке в Финляндии и Швеции.

В сентябре 1941 года, после возвращения в СССР, был направлен в распоряжение Особой группы – 2-го Отдела НКВД СССР. Был зачислен в специально созданную Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН) командиром батальона.

5 марта 1942 года под оперативным псевдонимом «Градов» во главе спецотряда диверсантов-лыжников,

состоявшего из 32 человек (главным образом пограничников), через «Витебские ворота» перешел линию фронта. Совершив рейд по тылам врага, подчиненные Ваупшасова достигли леса Княжий ключ – бывшего владения князя Радзивилла в Логойском районе Минской области Белоруссии, где развернули широкомасштабную партизанскую войну. Вскоре этот спецотряд благодаря ярким полководческим способностям своего командира вырос в крупное партизанское соединение – партизанский отряд особого назначения «Местные» общей численностью в 700 бойцов. Плюс в оперативном подчинении Ваупшасова находились также еще 15 других действовавших в этом районе партизанских отрядов. Кроме того, под руководством отряда «Местные» действовали 72 подпольные и диверсионные группы общей численностью свыше 400 человек.

При партизанском отряде особого назначения «Местные» базировался Минский подпольный горком партии. Ваупшасов с октября 1943 года был введен в состав Минского горкома.

За 28 месяцев пребывания в тылу противника партизанским соединением под командованием С.А. Ваупшасова было уничтожено свыше 14 тысяч немецких солдат и офицеров, совершено 57 крупных диверсий.

5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

После освобождения Белоруссии и до августа 1945 года Ваупшасов «работал» на фронте борьбы с бандформированиями и вооруженным подпольем националистов в Западной Белоруссии и Литве. В том числе с июня 1945 года он был командиром одного из четырех спецподразделений ОООН НКГБ СССР, которые по личному указанию наркома внутренних дел генерального комиссара госбезопасности СССР Л.П. Берии были направлены на территорию Литвы с задачей

обнаружения и ликвидации формирований националистического подполья, баз и штабов ЛЛА («Армии освобождения Литвы»).

Осенью 1945 года принял участие в советско-японской войне – начальник чекистской оперативной группы, выполнявшей на территории Северо-Восточного Китая особые задания, связанные с окончательной ликвидацией остатков Квантунской армии на территории Маньчжурии. Затем все также по линии НКГБ СССР Ваупшасов в течение некоторого времени был советником при мэре маньчжурского города Хайлар.

В конце 1945 года как чекист из числа выходцев из западных областей и плюс вдобавок бывалый партизан Ваупшасов был направлен в распоряжение наркома госбезопасности Литовской ССР для активизации борьбы с местными националистическими формированиями и уголовными бандами. Он был назначен начальником одного из отделов центрального аппарата НКГБ – МГБ Литовской ССР.

В 1954 году уволился в запас.

19 ноября 1976 года умер.

ВИНАРОВ Иван Цолов (Иван Цолович, Иван Гаврилович, «Март»)

Полковник РККА.

Родился 24 февраля 1895 года в городе Плевен, в семье крупного землевладельца. Участник Первой мировой войны.

С 1916 года – член партии «тесняков».

В 1918 году участвовал в восстании болгарских солдат. По заданию партии занимался изъятием оружия для ее нужд со складов Союзной контрольной комиссии, работал на линии связи Варна – Севастополь – Одесса.

Осенью 1921 года был арестован.

В декабре 1922 года бежал в СССР, где в апреле 1923 года вступил в РКП(б). Работал столяром, учился в Коммунистическом университете имени Свердлова.

В апреле 1924 года – октябре 1925 года в составе группы Разведупра Штаба РККА занимался переброской оружия для БКП, которая готовила вооруженное восстание и разворачивала четническое (партизанское) движение.

После трехмесячного обучения в специальной военной школе в Тамбове находился на разведработе в Болгарии и Австрии – помогал болгарским коммунистам, которые покидали страну из-за репрессий, обрушившихся после покушения в апреле 1925 года на царя в храме «Света неделя» в Софии.

В январе 1926 года – феврале 1929 года работал в Китае советником по военной разведке в группе Х.И. Салныня, которая с 1927 года находилась на нелегальном положении под прикрытием торговой фирмы. Помимо разведывательной деятельности группа оказывала помощь Компартии Китая, в том числе поставками оружия. Связной группы была жена Винарова Г.П. Лебедева, которая работала шифровальщицей в советских представительствах в Пекине и Харбине.

В апреле 1929 года – июне 1930 года учился на Курсах усовершенствования комсостава по разведке при IV управлении Штаба РККА, одновременно в сентябре – декабре 1929 года участвовал в разведывательных операциях в Китае в период конфликта на КВЖД.

В 1930–1933 годах – главный резидент в Австрии, в сферу его деятельности входили Австрия, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Венгрия, Болгария, Турция. Из характеристики Центра о деятельности Винарова в этот период: «Винаров организовал на чешских военных заводах и заводе «Шкода» разведывательные группы. Он получил исчерпывающую информацию о состоянии авиационной промышленности, которая характеризуется как особо ценная. С его помощью Центр получил также необходимые ему 17 греческих паспортов. От Винарова получены исключительно интересные сведения государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии...»

В 1936 году окончил Особый факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе.

В декабре 1936 года – марте 1938 года руководил разведывательной организацией в Париже, которая охватывала Францию и соседние страны. Одной из главных задач организации было оказание помощи республиканской Испании.

В июле 1938 года уволен из РККА.

В июне 1940 года был назначен преподавателем кафедры общей тактики Военной академии имени Фрунзе.

Осенью 1941 года выполнял задание в Турции (организация покушения на германского посла Франца фон Папена), затем был командиром интернационального полка ОМСБОН, неоднократно выполнял задания в тылу врага.

В 1941–1944 годах занимался подготовкой болгарских политэмигрантов для партизанской войны в Болгарии.

С 1944 года жил в Болгарии.

В 1944–1949 годах участвовал в создании Болгарской народной армии, находился на командных постах в

строительных войсках.

В 1945 году присвоено воинское звание «генерал-майор» Болгарской народной армии.

В 1949–1964 годах – помощник министра, министр путей сообщения и строительства, начальник Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ.

Умер 25 июля 1969 года.

ГАВРО Лайош (Людвиг Матвеевич)

Комбриг, военный советник болгарских партизан в 1924–1925 годах.

Родился в 1894 году в городе Брашов (Трансильвания) в семье рабочего.

С 1910 года участвовал в рабочем движении Австро-Венгрии.

С 1912 года – член Венгерской социал-демократической партии.

Во время Первой мировой войны – прапорщик австро-венгерской армии.

В 1916 году, находясь в русском плену, включился в революционное движение среди военнопленных.

С марта по июнь 1918 года – командир 1-го Астраханского летучего отряда.

С июля по декабрь 1918 года – командир 3-го интернационального батальона,

С декабря 1918 года по апрель 1919 года – командир 1-го Астраханского интернационального коммунистического полка.

С 1919 по 1920 год – командир особого интернационального батальона и 3-го (519-го) интернационального стрелкового полка (1919–1920).

С 1920 по 1924 год – командир 173-й бригады 58-й стрелковой дивизии, комендант Киевского УР, киевский губвоенком.

С 1924 по 1925 год – военный советник в партизанских отрядах, действовавших в Южной и Северо-Восточной Болгарии. Действовал под именем рабочего Франца Бауэра.

В конце 1924 года арестован. Приговорен к смертной казни через повешенье, затем она была заменена 12 годами тюремного заключения. Бежал из тюрьмы.

В 1924 году награжден орденом Красного Знамени.

С 1926 по 1928 год – генконсул в Чугучаке, Урумчи (Китай).

С 1928 по 1931 год учился в Международной ленинской школе.

15 апреля 1931 года вручен диплом о ее окончании.

С 1931 по 1933 год – командир 50-й стрелковой дивизии Московского военного округа.

С 1933 по 1936 год учился в особой группе Военной академии им. М. Фрунзе.

С 1936 по 1937 год – командир 92-й стрелковой дивизии ОКДВА.

1 июля 1937 года арестован.
23 мая 1938 года приговорен к расстрелу.
21 июля 1956 года реабилитирован [\[243\]](#).

ГАЙЛИС (Валин) Август Юрьевич

Комбриг, участник организации революции в Германии, военный советник в Китае.

Родился в с. Мюльгартен неподалеку от Риги.

В 1917 году вступил в Компартию.

С июля 1918 года – в Красной Армии. Добровольцем отправился на Восточный фронт. Красноармеец, затем – комиссар 5-го Латышского полка.

В декабре 1918 года – адъютант командующего латышскими частями на Южном фронте.

С 1 января 1919 года по сентябрь 1920 года – на Западном фронте, в штабе Латвийской, позже 15-й армии, сперва комиссар оперативного отдела штаба, затем – начальник и комиссар Оперативного управления штаба армии.

С 1920 по 1923 год учился в Военной академии РККА. Направлен на работу в Разведупр.

С сентября по ноябрь 1923 года – военный руководитель германской Компартии в Саксонии.

В ноябре 1923 года на собрании военных работников Саксонии арестован вместе с 24 немецкими коммунистами.

В марте 1924 года выслан из Германии.

С декабря 1924 года по апрель 1926 года – военный руководитель при ЦК германской Компартии.

С 1926 по 1927 год занимал должность секретаря комиссии по Китаю при Политбюро ЦК ВКП(б). Затем работал в центральном аппарате Разведупра.

С августа 1930 года по ноябрь 1931 года – военный советник ЦК Компартии Китая. Затем снова в центральном аппарате Разведупра, помощник начальника 2-го отдела.

С июля 1932 года по апрель 1937 года – начальник разведотдела штаба ОКДВА.

С апреля 1937 года – начальник 2-го отдела РУ Генерального штаба РККА.

26 июля 1937 года арестован.

26 октября 1937 года расстрелян.

В 1957 году посмертно реабилитирован [\[244\]](#).

ГЕНЧЕВ Христо

Участник операций по доставке оружия болгарским партизанам.

Родился в семье бедного крестьянина.

Окончил юридический факультет Софийского университета.

В 1918 году – секретарь уездного комитета комсомола, член уездного комитета партии, секретарь боевой тройки по подготовке вооруженного восстания.

В 1923 году выехал в СССР. После прохождения курса специальной подготовки вернулся обратно в

Болгарию.

Участвовал в операциях по доставке из СССР в Болгарию партизанам оружия.

В 1924 году арестован болгарской полицией. Оказал вооруженное сопротивление. За это был приговорен к пяти годам каторги.

С 1924 по 1929 год находился на каторге.

После освобождения был членом окружного комитета болгарской Компартии.

В 1930 году уехал из Болгарии.

С середины тридцатых годов – в СССР.

16 февраля 1938 года арестован.

8 июня 1938 года был осужден на восемь лет.

Умер 20 июня 1943 года [\[245\]](#).

ГУЧЕ Иосиф (Мюллер Рудольф, Зепль)

Руководитель разведывательно-диверсионной резидентуры ГРУ в Германии.

Родился 5 апреля 1895 года в Герлице.

Работал переплетчиком.

В 1915 году, будучи солдатом германской армии, попал в плен к русским.

В 1917 году работал на металлургическом заводе в Никополе.

Весной 1917 года, после Февральской революции, совершил побег из лагеря военнопленных. Сумел добраться до Ростова-на-Дону, но был арестован. Через какое-то время снова бежал из тюрьмы.

Во время Гражданской войны воевал в рядах Красной гвардии в районе Ростова-на-Дону.

В 1918 году вернулся в Германию, где участвовал в Ноябрьской революции.

С 1920 года – член КПГ.

С 1922 по 1924 год – руководитель столичной военной организации КПГ в округе Берлин – Бранденбург – Лаузитц.

С февраля по август 1924 года – слушатель специальной школы в Москве по обучению руководителей окружных военных организаций КПГ.

С 1924 по 1927 год – в заключении в немецкой тюрьме.

С 1927 по 1930 год – руководитель агитпропотдела Берлинского окружного комитета КПГ, технического аппарата ЦК партии, член руководства военной организации КПГ.

С 1930 по 1942 год – сотрудник ГРУ.

С 1930 года по 1931 год руководил созданной на базе Отдела вооружений Военного аппарата КПГ спецрезидентурой Разведупра по линии «А» (в случае начала войны должен был активизировать диверсионную деятельность в Германии).

С 1931 года – в СССР. Направлен на разведработу в Китай (Харбин, Шанхай).

С 1942 по 1945 год – сотрудник НКВД СССР.

После 1945 года вернулся в ГДР. Участвовал в создании в Саксонии органов полиции. Позднее он стал генерал-майором Национальной народной армии ГДР.

В 1956 году – генерал-майор МГБ ГДР.

В 1957 году из-за серьезного сердечного заболевания вышел в отставку.

ДИККЕЛЬ Фридрих

Сотрудник советской военной разведки, выполнял задания в Финляндии.

Родился 9 декабря 1913 года в местечке Фовинкель близ города Вупперталь в семье рабочего- каменщика.

Окончил народную школу.

В 1928 году вступил в Коммунистический союз Германии.

С 1928 по 1931 год изучал литейное дело. Одновременно занимался комсомольской и партийной работой – был политруком региональной группы КСМ.

В 1931 году вступил в Компартию Германии.

С 1931 по 1932 год выполнял обязанности секретаря в городском районе.

С 1932 по 1933 год – безработный.

В 1933 году – на нелегальной партийной работе.

С марта по июнь 1933 года находился в заключении.

С июля по декабрь 1933 года – инструктор КСМ Германии в Саарской области в Зуцбах-Дудвайлер, из них два месяца провел в тюрьме.

С 1933 по 1935 год жил в Париже, но и там провел два месяца в тюрьме за нелегальную политическую деятельность.

С декабря 1935 года по сентябрь 1936 года работал оргинструктором КПГ в организации Амстердам-Север в Нидерландах.

С октября 1936 года участвовал в Гражданской войне в Испании: командовал разведывательным подразделением в интернациональном батальоне, потом 2-й и 4-й ротами в батальоне им. Э. Тельмана 11-й интербригады.

В апреле 1937 года командирован в Москву, где проходил спецподготовку.

С 1939 по 1941 год в качестве советского разведчика-нелегала выполнял задания Разведупра РККА в Финляндии.

С 1941 по 1943 год работал в Китае, Шанхае.

В середине 1943 года был арестован японцами и осужден военным судом.

В мае 1946 года вернулся в Москву через Владивосток. Затем выехал в Лейпциг и вступил в Социалистическую единую партию Германии.

С мая 1947 года по январь 1948 года служил в Немецкой народной полиции в Лейпциге, начальник управления по делам иностранцев в 5-м комиссариате Криминальной полиции в Берлине.

С января 1948 года по март 1949 года – начальник паспортной и регистрационной службы криминальной полиции Саксонии.

Март 1949 года – курсант Высшей школы полиции в Кохштедте.

С марта по август 1949 года – начальник полицейского управления в Лейпциге.

С октября 1949 года по октябрь 1953 года – начальник отдела кадров Культурно-политической школы в Торгау Казарменной народной полиции.

С октября 1953 года по март 1956 года – заместитель начальника Главного политического управления Казарменной народной полиции.

С марта по август 1956 года – заместитель министра национальной обороны – начальник Главного политуправления Национальной народной армии.

С августа 1956 года по декабрь 1957 года – 1-й заместитель министра национальной обороны.

С декабря 1957 года по октябрь 1959 года – слушатель Военной академии Генерального штаба Советской Армии.

С октября 1959 года по ноябрь 1963 года – заместитель министра национальной обороны – начальник Управления техники и вооружения.

В 1960–1961 годах – член правления Общества германо-советской дружбы.

В августе 1961 года – сотрудник штаба Совета национальной обороны. Занимался созданием государственной границы в Берлине (Берлинская стена).

С ноября 1963 года по ноябрь 1989 года – министр внутренних дел и глава Немецкой народной полиции.

С 1963 года по 1976 год – руководитель гражданской обороны ГДР.

С 1967 года по 1989 год – член ЦК СЕПГ.

С 1967 года по 1990 год – депутат Народной палаты ГДР.

В 1984 году присвоено звание генерала армии.

В ноябре 1989 года вышел в отставку.

3 октября 1993 года умер в Берлине.

ДЬЯКОНОВ Анатолий Александрович

Капитан, командир 60-го отдельного лыжного батальона 7-й армии Северо-Западного фронта, Герой Советского Союза.

Родился 11 июня 1907 года на хуторе Зимняцкий, ныне Серафимовичского района Волгоградской области, в семье служащего.

Воспитанник детдома. Окончил среднюю школу. Работал сначала пионервожатым, затем учителем.

В Красной Армии с 1929 года. Службу начал в 84-м стрелковом полку 28-й горнострелковой дивизии и прошел путь от курсанта до командира разведывательной роты. В составе 84-го стрелкового полка дважды, в 1930 и 1932 годах, принимал участие в боевых действиях в Чечне и Ингушетии.

В 1930 году окончил курсы на звание командира взвода при 84-й горнострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа.

В 1936 году заочно окончил Военную электротехническую академию РККА имени С. М. Буденного.

С августа 1939 года – начальник 2-й части штаба стрелковой дивизии Забайкальского военного округа.

В 1939 году в составе 114-й стрелковой дивизии участвовал в боях на реке Халхин-Гол.

С января 1940 года во время советско-финской войны – командир 60-го отдельного добровольческого лыжного батальона 7-й армии Северо-Западного фронта.

В марте 1940 года отличился в боях за остров Туппурансари (остров Вихревой в Выборгском заливе). После 25-километрового марша отряд Дьяконова вышел в тыл противника, захватил и удержал позиции на этом сильно укрепленном острове, что обеспечило выполнение боевой задачи 86-й мотострелковой дивизии. Бой длился 17 часов. Дьяконов был ранен, но остался в строю. В дальнейшем отряд перехватил автостраду Выборг – Хельсинки.

21 марта 1940 года присвоено звание Героя Советского Союза.

С мая 1940 года – командир 380-го стрелкового полка Северо-Кавказского военного округа.

В ноябре 1941 года окончил ускоренные курсы Военной академии имени М.В. Фрунзе, откуда отправился на фронт.

В ноябре 1941 года был назначен командиром 27-й отдельной стрелковой бригады, оборонявшей город Москву.

В декабре 1941 года командовал уже 257-й стрелковой дивизией 3-й ударной армии Северо-Западного фронта.

В ходе Великолукской наступательной операции 257-я стрелковая дивизия отличилась при освобождении города Великие Луки и других населенных пунктов. Ведомая Дьяконовым дивизия 1 февраля 1942 года начала штурм города и овладела его северо-западными кварталами. Однако по приказу командования перешла к обороне в предместьях Великих Лук. Затем, находясь в составе 3-й ударной армии Калининского фронта, 257-я стрелковая дивизия участвовала в Торопецко-Холмской наступательной операции 1942 года и, выйдя на реку Ловать, вела оборонительные бои. Упорная и искусно проведенная подготовка к боям за город Великие Луки способствовала успеху дивизии при освобождении города. Уже в начале штурма, 13 декабря 1942 года, бойцы достигли северо-западных городских кварталов, а затем, непрерывно ведя уличные бои, освободили от немецко-фашистских захватчиков большую часть городской территории. Дивизия Дьяконова сыграла решающую роль в непосредственных боях за Великие Луки. Новым и положительным в тактике действий явилась организация Дьяконовым штурмовых отрядов и использование в уличных боях крупных артиллерийских средств.

18 апреля 1943 года 257-я стрелковая дивизия под командованием А.А. Дьяконова за стойкость, мужество и массовый героизм, проявленные у стен древнего города на Ловати, была преобразована в 91-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а самому А.А. Дьяконову после завершения Великолукской операции было присвоено звание генерал-майора.

В марте 1943 года Дьяконов был назначен заместителем командующего 43-й армией, а в июле 1943 года – командиром 83-го стрелкового корпуса 39-й армии Калининского фронта. Корпус участвовал в Смоленской, Духовщинско-Демидовской и Невельской наступательных операциях, в освобождении городов Панкратово, Кулагино.

С октября 1943 года корпус под командованием Дьяконова вел наступательные бои на Витебском направлении, принимал участие в Городокской наступательной операции 1943 года и до начала января 1944 года оборонял город Невель.

В апреле 1944 года генерал-майор А.А. Дьяконов был направлен в Военную академию Генерального штаба, после окончания которой, в марте 1945 года, был назначен командиром 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта.

Участвовал в войне с Японией. В августе 1945 года возглавлял проведение Южно-Сахалинской операции, по итогам которой был награжден орденом Суворова 2-й степени.

8 сентября 1945 года А.А. Дьяконову было присвоено звание генерал-лейтенанта.

После войны А.А. Дьяконов продолжал командовать стрелковым корпусом Дальневосточного военного округа.

В 1949 году окончил Военную академию Генштаба ВС СССР.

С 1951 по 1953 год – командир воздушно-десантного корпуса.

С 1953 по 1955 год – заместитель командующего ВДВ.

С июня 1955 года – генерал-инспектор ВДВ Главной инспекции МО СССР.

В июле 1956 года назначен старшим военным советником и начальником штаба Корейской народной

армии.

С мая 1957 года до февраля 1959 года – военный атташе при посольстве СССР в КНДР.

С 1959 по 1963 год – помощник начальника командующего войсками МВО по ВУЗам.

В 1963 году вышел в отставку.

Умер 8 августа 1972 года в Москве ^[246].

ЖБИКОВСКИЙ Стефан Владиславович («Алоиз»)

Один из руководителей активной разведки.

Родился в деревне Воля Осовинская Седлецкой губернии (ныне на территории Польши) 24 февраля 1891 года в семье служащего.

В 1915 году окончил физико-математический факультет Варшавского университета.

С декабря 1915 года – на военной службе. Служил в Москве в 7-й армии.

В 1916 году окончил Виленскую военную школу, прапорщик.

В 1917 году – председатель полкового солдатского комитета.

С 1918 года – член ВКП(б).

В феврале 1918 года вступил в Красную Армию. Участвовал в формировании Польской западной стрелковой дивизии, был ее комиссаром.

С декабря 1918 года по 1919 год находился на нелегальной работе в Польше под именем Яна

Засурского, был организатором военного отдела польской Компартии.

В 1919 году был арестован и приговорен к 8 годам тюремного заключения.

В апреле 1921 года освобожден по обмену пленными и интернированными и вернулся в РСФСР.

С 1921 года – сотрудник Разведупра.

В 1921–1923 годах работал в Коминтерне, его военной комиссии.

В 1922 году по линии Разведупра работал в Данциге и Верхней Силезии.

В 1923 году по линии Разведупра работал в Берлине.

С мая 1923 года – резидент военной разведки в Чехословакии.

В 1924 году находился в Германии.

В 1925 году – резидент в Англии.

В 1927 году вернулся в СССР и возглавил «активную работу» Разведупра.

В 1928–1929 годах возглавлял военную школу Коминтерна, работу которой курировал Разведупр.

В 1930 году окончил Вечерние курсы усовершенствования высшего и старшего начсостава при Разведупре.

В 1930–1931 годах – на руководящей работе в Компартии Польши. Руководил военной школой в Москве.

В 1934 году окончил основной факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе.

С мая 1934 года по январь 1935 года – адъюнкт кафедры страноведения Военной академии им. Фрунзе.

С января 1935 года снова на работе в разведке.

С января по май 1937 года – преподаватель кафедры организации и мобилизации войск Военной академии.

В июне 1937 года репрессирован.

В 1955 году посмертно реабилитирован [\[247\]](#).

ЖИГУР Ян Матисович

Один из организаторов революции в Германии и Эстонии.

Родился 29 января 1895 года в крестьянской семье.

В 1919 году – комиссар 13-й стрелковой дивизии.

С апреля по июнь 1919 года – командир 40-й стрелковой дивизии.

В 1920 году откомандирован на учебу в Академию Генштаба.

В 1923 году после окончания Академии откомандирован в Германию для организации революции.

В июне 1924 года вернулся в Москву.

Осенью 1924 года откомандирован в Эстонию для участия в руководстве восстанием.

В 1925 году – помощник начальника 3-го отдела Разведупра.

С 1925 по 1928 год – военный советник в Китае под псевдонимом «Струмбис», начальник разведотдела штаба Гуанчжоуской группы.

С 1928 по 1930 год – командир и военком 96-го стрелкового полка.

С мая 1930 года по ноябрь 1937 года – заместитель начальника Военно-химического управления РККА, старший преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе, помощник начальника кафедры тактики высших соединений Академии Генштаба РККА.

14 декабря 1937 года арестован.

22 августа 1938 года расстрелян.
В 1956 году реабилитирован.

ЗАДИРОВ Никола Василев (Музыкант Янко, Петров Иван, Кукец Станко, Владов Стоян, Попов Никола).

Родился 7(19) августа 1888 года в селе Мадлеш Бургасского округа Болгарии в семье священника.

Начальную школу окончил в селе Голямо Буково. В 1906 году под фамилией Попов поступил в Русенское военное училище машинистов Дунайской флотилии.

В 1911 году, после окончания учебы, в звании машиниста 2-го разряда, увольняется в запас (воинское звание – старший подофицер (сержант)). Работает машинистом на железных дорогах Софии, на фронте во время Балканской войны.

В 1913 году поселяется в Пловдивево.

В 1914 году вступает в болгарскую Компартию.

В 1919–1920 годах активно участвует в Транспортной стачке. После этого его арестовывают и увольняют с работы по решению суда.

В 1921 году переезжает в Бургас. Работает техником и играет в оркестре ресторана «Элит».

В 1923 году, в период подготовки Октябрьского восстания 1923 года в Болгарии, был избран членом резервного Бургасского окружного комитета болгарской Компартии. После многочисленных арестов партийных руководителей возглавил вооруженную борьбу в округе.

Во главе отряда захватил пограничную заставу в селе Текенджа. После боя с правительственными войсками часть бойцов разгромленного отряда сумела уйти в Турцию. В Константинополе эмигранты обратились за помощью в советское консульство. Ими занялся заместитель председателя советской репатриационной комиссии Семен Мирный («Абдула») – сотрудник советской военной разведки.

30 сентября 1923 года 60 болгарских эмигрантов (среди них был и Никола Задиров) на советском корабле «Эльбрус» отбыли в Одессу. Там их разместили на специальном сборном пункте, сформировали группы и отправили на учебу в различные города СССР.

Никола Задиров принимал активное участие в снабжении болгарских партизан оружием и боеприпасами. Переброской оружия из Одессы в Варну и Бургас руководил советский военный разведчик Христофер Салнынъ, а Никола Задиров помогал ему.

В августе 1924 года болгарские власти обнаружили этот тайный канал поставки оружия. К уголовной ответственности было привлечено 17 человек, из них 10 (в том числе и Никола Задиров) в тот момент находились вне досягаемости болгарских властей. Суд заочно приговорил его к пяти годам тюрьмы.

Никола Задиров прошел ускоренный курс военной подготовки в спецшколе в Тамбове и по линии Коминтерна направлен в Югославию. Там он под именем Ивана Петрова заведовал одним из участков партийной связи София – Белград – Вена. По этому каналу переправлялись люди, литература и денежные средства.

В начале 1927 года с паспортом на имя хорвата Станко Кукеца через Австрию выехал в Париж. Работал сотрудником советского торгпредства и официальным представителем МОПРа. Одновременно выполнял задания советской военной разведки. По своей работе

он был связан с главным резидентом в Австрии Иваном Винаровым, который создавал в Европе сеть резидентур активной разведки. В случае начала войны стран Большой И Малой Антанты с Советским Союзом его агенты должны были начать организовывать диверсии на территории Европы.

В сентябре 1931 года Никола Задиров вернулся в Москву. Первое время работал в центральном аппарате ИККИ, но затем вернулся в военную разведку.

Осенью 1932 года направлен на учебу в Военную академию.

В 1935 году, после окончания академии, получил приказ прибыть в распоряжение РУ РККА для получения нового задания. Ему приказали выехать в Краков, организовать там нелегальную резидентуру, которая бы отслеживала события в Германии, политическую обстановку в Польше и ее отношения с соседними государствами.

В сентябре 1935 года прибыл в Париж, где пробыл несколько месяцев. Там он оформил себе документы на имя Стояна Владова Николова – богатого болгарского фермера, который несколько лет прожил в США.

В марте 1936 года он переехал в Вену.

Затем он переехал в Краков, где приступил к созданию резидентуры «Монблан».

После начала Великой Отечественной войны связь «Монблана» с Центром практически прекратилась. В резидентуре не было радиста и радиопередатчика, а через присланного Москвой весной 1942 года парашютиста Леонида Четырко восстановить связь с Центром Николо Задир не решился.

В январе 1943 года арестован гестапо.

23 июля 1944 года погиб в заключении.

ЗНАМЕНСКИЙ Валериан Сергеевич

Капитан, командир особого лыжного отряда штаба 14-й армии. Герой Советского Союза.

Родился 11 июня 1903 года в городе Сухиничи Калужской области в семье рабочего. Русский.

Окончил железнодорожный техникум.

В 1926 году призван в ряды Красной Армии. В 1928 году демобилизовался. Вторично призван в 1935 году. Окончил Новочеркасские кавалерийские курсы командного состава.

Во время советско-финской войны 1939-1940 годов – помощник начальника разведотдела штаба 14-й армии, затем командир особого лыжного отряда штаба 14-й армии.

С 21 по 27 февраля 1940 года отряд выполнял боевую задачу в тылу противника на расстоянии 150 километров от линии фронта. Отряд разгромил крупный вражеский штаб, добыл важные документы и перерезал единственную дорогу от Петсамо на Рованием и Наутси, полностью нарушив подвоз и эвакуацию войск противника в этом районе. Заняв и укрепив высоту Безымянная (в районе 10 километров северо-восточнее станции Наутси Печенгского района Мурманской области), отряд четверо суток оборонял ее.

Звание Герой Советского Союза присвоено 7 мая 1940 года.

22 июля 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионного отряда «Юрий» разведотдела Северного фронта отправлен в тыл противника. Затем принимал активное участие в

планировании боевых действий партизанских отрядов Белоруссии.

После окончания войны подполковник В.С. Знаменский – в запасе. Жил в Москве.

Скончался 4 апреля 1988 года [\[248\]](#).

КРЕСС Вилли

Военный советник в Китае.

Родился в 1897 году.

С 1918 года – член Союза Спартака.

С 1919 года – член КПГ.

С 1921 года – профессиональный партийный работник, специалист по военным вопросам.

В 1923–1924 годах – секретарь военной комиссии ЦК КПГ.

В 1924 году из-за угрозы ареста в связи с провалом боевой группы КПГ, подготовкой т.н. «процесса ЧК» и участия в работе военной организации партии эмигрировал в СССР, учился в германской военной школе при Разведупре.

В 1926–1927 годах был советником при национально-революционной армии Китая, позднее работник Исполкома Профинтерна.

В 1929 году вернулся в Германию.

С 1933 года – в эмиграции во Франции, был интернирован.

В 1943 году бежал в Швейцарию.

В 1945 году вернулся в Германию.

Умер в 1946 году.

***ИЛЬНЕР Артур (Штальман Рихард, Розенталь
Эберхард)***

Военный советник «советских органов в Китае».

Родился 15 октября 1891 года в Кенигсберге в семье плотника и домохозяйки.

В 1905 году окончил народную школу.

С 1905 по 1910 год работал столяром.

С 1911 по 1912 год служил в германской армии.

С 1914 по 1917 год воевал.

С 1917 по 1918 год находился в английском плену.

В 1919 году вернулся в Германию.

С 1919 по 1923 год работал столяром в Кенигсберге.

В 1920 году участвовал в боях в Рурской области.

С 22 марта по 1 апреля 1921 года участвовал в «мартовских боях» – восстании рабочих Средней Германии.

Осенью 1923 года возглавил партийный военный аппарат в Восточной Пруссии в период «Германского Октября».

С 1923 по 1924 год работал в военном аппарате ЦК КПГ в Берлине.

С 1924 по 1925 год – слушатель специальной военной школы в Москве.

С 1925 по 1931 год находился на нелегальной работе за рубежом по линии Разведупра и Коминтерна. Занимался вопросами активной разведки. В эти годы

жил и работал в Китае, Чехословакии, Великобритании, Нидерландах, Франции и других странах.

С 1928 года по 1931 год – инструктор организационного отдела Исполкома Коминтерна по военной работе секций Коминтерна. Работал в этой должности в ряде компартий.

В 1928 году – инструктор по военной работе Компартии Чехословакии.

В 1929 году – инструктор по военной работе Компартии Великобритании.

В 1930 году – инструктор по военной работе в Голландии.

В 1931 году – инструктор по военной работе в Эльзас-Лотарингии.

С 1931 по 1932 год – слушатель и преподаватель в Международной ленинской школе при ИККИ.

С 1932 по 1936 год – редактор журнала «Балканский корреспондент», издававшегося в Берлине, затем в Цюрихе и Париже.

С 1932 по 1933 год работал в Западноевропейском бюро ИККА.

С 1933 по 1934 год находился в Вене.

С 1934 по 1935 год находился в Париже.

С 1936 по 1938 год – в Испании. Командовал партизанским соединением (отряд Рихарда), влившимся позднее в 14-й (партизанский) корпус Республиканской армии.

С 1937 по 1940 год – ответственный редактор журнала «Балканский корреспондент».

С 1938 по 1939 год – в Париже.

С 1940 по 1943 год – один из руководителей немецкой эмиграции в Швеции. Отвечает за организацию движения Сопротивления в Германии, работает под псевдонимом «Калле».

С 1943 по 1945 год – в немецком отделе ГРУ, в качестве инструктора ведет работу среди немецких

военнопленных.

В 1946 году возвращается в Германию.

С 1946 по 1951 год – начальник отдела внешних связей ЦК СЕПГ. Одна из задач отдела – организация и поддержание нелегальных связей с организациями Компартии Западной Германии.

С 1951 по 1958 год – ответственный сотрудник восточногерманской внешней разведки, возглавлял оперативно-техническую службу и контрольно-инструкторскую группу.

С 1958 по 1960 год – начальник специального и учебного кабинетов отдела кадров и обучения Главного управления разведки МГБ ГДР.

С 1960 года в отставке.

Умер 25 декабря 1974 года.

КИППЕНБЕРГЕР Ганс (Кипенбергер, Вольф Эрнст, «Алекс»)

Руководитель военно-политического специального аппарата КП Германии.

Родился в 1889 году в городе Лейпциг (Германия) в семье священника. Участник Первой мировой войны. Обер-лейтенант пехоты. Кавалер Железного креста 1-й степени.

Осенью 1923 года был одним из организаторов Ноябрьской революции в Германии.

В мае 1924 года находился в тюрьме.

На парламентских выборах 1924–1925 годов он был избран членом парламента, и благодаря парламентскому иммунитету власти были вынуждены его из тюрьмы выпустить.

В 1924 году бежал в Советскую Россию. Окончил специальную военную школу и курсы в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада.

После окончания учебы вернулся в Германию. По заданию Разведупра занимался организацией работы нелегального военного аппарата КПГ и созданием агентурной сети советской военной разведки в Германии.

В 1929 году был избран членом ЦК КПГ.

С 1928 по 1933 год – депутат Рейхстага, член военной комиссии Рейхстага.

С октября 1933 года по 1934 год – руководящий работник заграничного руководства КПГ в Париже.

В 1934 году находился в Швейцарии.

Летом 1935 года приехал из Парижа в Москву для участия в конгрессе Коминтерна, но обратно во Францию уже уехать не смог.

В 1936 году работал на заводе пишущих машинок им. Тельмана в Москве.

4 ноября 1936 года арестован НКВД.

16 января 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР за шпионаж и участие в диверсионно-террористической организации осужден к расстрелу [\[249\]](#).

19 апреля 1958 года Военной коллегией Верховного суда СССР реабилитирован.

КОМАР Вацлав (наст. имя Мендель Коссой)

Родился 4 мая 1909 года.

С 1925 года - в польском молодежном коммунистическом движении.

С 1926 года - член польской Компартии. Убил несколько провокаторов.

С 1927 по 1929 год под фамилией «Морский» обучался на разведкурсах Разведупра.

С 1929 по 1931 год - секретарь военного отдела исполнительного комитета КИМа (Коммунистический интернационал молодежи).

В 1931 году направлен в Германию.

С 1931 по 1932 год - под псевдонимом «Герберт» руководитель Военного отдела ЦК КСМ (Коммунистический союз молодежи) Германии.

С 1932 по 1933 год - в Варшаве руководил Военным отделом КСМ Польши.

В 1934 году - секретарь Центрального Военного отдела ЦК КПЗУ (Компартия Западной Украины).

С 1936 по 1939 год - участник Гражданской войны в Испании: в разведке бригады им. Домбровского; командир 192-й Чешско-балканской бригады.

В 1939 году вступил добровольцем в польскую армию в Испании.

В 1940 году попал в плен, находился в концлагерях Франции и Германии.

В 1945 году отправился в Париж, где работал в военном представительстве, а затем в польском посольстве.

С 1945 года проживал в Польше.

В декабре 1945 года возглавил разведывательный отдел Генерального штаба Войска Польского.

Одновременно с 1947 года возглавил разведку Министерства общественной безопасности.

17 августа 1956 года назначен командующим внутренними войсками.

Умер 26 сентября 1972 года.

КОРЖ Василий Захарович

Участник операций по линии «активки» Разведупра в Польше, Герой Советского Союза.

Родился 1 января 1899 года в деревне Хоростов Солигорского района Минской области в семье крестьянина. Белорус.

Окончил сельскую школу.

С 1921 по 1925 год участвовал в операциях, проводимых по линии «активки» в Польше.

В 1925 году перебрался через границу в Советскую Белоруссию.

С 1925 года был председателем колхозов в районах Минского округа.

С 1931 по 1936 год работал в органах ГПУ-НКВД БССР.

С 1936 по 1937 год по линии НКВД в качестве советника участвовал в революционной войне испанского народа, был командиром интернационального партизанского отряда. После поражения республиканских войск вернулся в СССР.

С 1939 по 1940 год работал директором зерносовхоза в Краснодарском крае, затем совхоза имени Ланге в Добрушском районе Гомельской области.

В 1940 году стал заведующим финансовым сектором Пинского обкома КП(б).

В начале Великой Отечественной войны он сформировал и возглавил истребительный батальон, переросший в один из первых в Белоруссии партизанских отрядов. В состав отряда вошло 60 человек.

28 июня 1941 года в районе деревни Посеничи был дан первый бой партизанского отряда под командованием В.З. Коржа. Для охраны города с северной стороны на дорогу Пинск – Логишин поставили группу партизан. На засаду партизанского отряда, которым командовал Корж, наскочили 2 немецких танка. Это была разведка 293-й пехотной дивизии вермахта. Партизаны открыли огонь и подбили один танк. В результате этой операции им удалось захватить в плен двух гитлеровцев. Это был первый партизанский бой первого партизанского отряда в истории Великой Отечественной войны.

К зиме 1942/43 года соединение Коржа восстановило Советскую власть в значительной части Лунинецкого, Житковичского, Старобинского, Ивановского,

Дрогичинского, Ленинского, Телеханского, Ганцевичского районов. Наладилась связь с Большой землей. На партизанском аэродроме садились самолеты, привозили боеприпасы, медикаменты, рации. Партизаны надежно контролировали огромный участок железной дороги Брест – Гомель, перегон Барановичи – Лунинец, и вражеские эшелоны шли под откос по твердому партизанскому расписанию. Почти полностью был парализован Днепро-Бугский канал.

В 1943 году В.З. Коржу, командиру Пинского партизанского соединения, было присвоено звание генерал-майора.

Всего к июлю 1944 года Пинское партизанское соединение под командованием Коржа в боях разгромило 60 немецких гарнизонов, пустило под откос 478 вражеских эшелонов, взорвало 62 железнодорожных мостов, уничтожило 86 танков и бронемашин, 29 орудий, вывело из строя 519 километров линий связи.

15 августа 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1946 году В.З. Корж окончил Военную академию Генштаба.

С 1946 года – в запасе.

С 1949 по 1953 год работал заместителем министра лесного хозяйства БССР.

С 1953 по 1963 год – председатель колхоза «Партизанский край» Солигорского района Минской области.

5 мая 1967 года умер.

ЛЕХЕН Туре Иванович

Активный участник Гражданской войны в Испании, руководитель военной работы Коминтерна.

Родился 28 мая 1893 года в Ямсянкоски (Финляндия) в семье плотника. Обучаясь на философском отделении Хельсинкского университета, работал журналистом, активно участвовал в революционном рабочем движении.

С 1908 по 1918 год состоял членом Финляндской социал-демократической партии.

В 1913 году окончил гимназию в Гельсингфорсе (Финляндия).

Осенью 1917 года переехал в Советскую Россию, где принял участие в создании финской коммунистической партии.

С сентября 1918 года по декабрь 1925 год служил в рядах Красной Армии на различных Командных должностях.

В 1919-1920 годах - на северном фронте Гражданской войны на командных должностях.

С 1923 по 1926 год - на нелегальной работе в Германии (две недели в Австрии). Руководил в 1925-1926 годах военной деятельностью КПГ.

В 1924 году окончил Военную академию РККА.

С 1926 по 1936 год руководил нелегальной военной работой Коминтерна.

Руководил военно-политическими курсами Коминтерна.

В 1936 году - в командировке в Испании. Участвовал в Гражданской войне.

В 1939 году входил в так называемое правительство Финляндской Демократической Республики – занимал пост министра внутренних дел.

Работал редактором Госиздата Карело-Финской ССР.

В 1940 году был назначен ректором Карело-Финского университета, его избрали депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Во время Великой Отечественной войны в звании подполковника принимал активное участие и был редактором фронтовой газеты «Голос солдата», внес большой вклад в организацию и осуществление антивоенной пропаганды среди войск противника.

После Великой Отечественной войны Тууре Лехен вернулся на партийную работу в Финляндию. Автор работ по вопросам марксистско-ленинской философии, истории финского и международного рабочего движения. Также известен своим переводом на финский язык книги «Капитал».

В 1968 году избран почетным доктором Московского университета.

Умер в 1976 году [\[250\]](#).

МАЛИКОВ Ади Каримович

Полковник, старший военный в Синьцзяне (Китай).

Родился 9 февраля 1887 года в деревне Малые Кляры Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Республика Татарстан) в семье крестьянина.

В 1914 году окончил Казанскую торговую школу,

В декабре 1915 года мобилизован в армию.

В январе 1916 года окончил 2-ю школу прапорщиков.

Участник Первой мировой войны на Румынском фронте. Командир роты 56-го Житомирского полка.

С мая 1917 года – член РСДРП(б).

С 1917 по 1918 год – заместитель председателя Тетюшского уездного совета Татарской республики, три месяца учился на юридическом факультете Московского университета.

С марта по май 1918 года – военный комиссар сводного Татаро-Башкирского отдельного батальона.

С мая по декабрь 1918 года – секретарь военного отдела Центрального мусульманского комиссариата, член Мусульманской военной коллегии при НКВД.

С января по март 1919 года – слушатель курсов Генерального штаба.

С апреля по октябрь 1919 года – начальник Разведывательного отделения штаба Казанского укрепленного района.

С октября 1919 года по апрель 1920 года – начальник Штаба 2-й отдельной Татарской стрелковой бригады.

С сентября 1920 года по июнь 1924 года – учился в Академии Генерального штаба.

С мая по октябрь 1921 года – секретарь военного представителя РСФСР при правительстве Турции.

С октября 1921 года по май 1922 года учился на дополнительном курсе Военной академии РККА.

С мая 1922 года по октябрь 1923 года – секретарь военного представителя РСФСР при правительстве Турции.

В 1924 году окончил Военную академию РККА.

С июля 1924 года по ноябрь 1927 года – начальник разведотдела штаба ККА.

С ноября 1927 года по январь 1931 года – военный атташе при полпредстве СССР в Персии.

С мая 1931 года по июнь 1933 года – командир и военком 190-го стрелкового полка, 1-го стрелкового Татарского полка.

С апреля 1933 года по декабрь 1934 года – начальник сектора, помощник начальника 2-го отдела Разведупра.

С декабря 1934 года по июль 1936 года – в распоряжении РУ РККА. Главный советский военный советник в Синьцзяне (Китай).

С июля 1936 года по июль 1937 года – заместитель начальника 5-го отдела РУ штаба РККА.

В 1937 году – начальник специальной военной экспедиции в Синьцзяне (Китай).

В июле 1937 года переведен в распоряжение Управления по комначсоставу РККА «за невозможностью использования по линии РУ как голосовавшего за троцкистскую резолюцию в 1923 году».

В 1937 году – старший руководитель тактики Рязанского пехотного училища.

3 июня 1938 года уволен из РККА.

18 июня 1938 года арестован.

28 сентября 1940 года приговорен к 8 годам лишения свободы.

В июне 1946 года освобожден.

19 апреля 1949 года арестован.

28 мая 1949 года осужден к ссылке на поселение в Красноярский край.

В августе 1954 года освобожден.

В 1956 году реабилитирован.

В январе 1973 года умер в Москве.

МАМСУРОВ Хаджи-Умар Джиорович

Родился 2 (15) сентября 1903 года в селении Ольгинское Владикавказского округа Терской области (ныне республика Северная Осетия) в семье крестьянина.

В августе 1918 года вступил в Красную Армию. Его зачислили в горскую кавалерийскую сотню 11-й армии. Там он провоевал до конца года, заболел тифом и был оставлен отступающей 11-й армией во Владикавказе.

С апреля 1919 года Мамсуров был разведчиком и связным партизанских отрядов, действовавших в районе Владикавказ - Грозный. Он не раз участвовал в операциях по уничтожению отдельных белогвардейских групп и штабов в тылу врага.

С приходом Красной Армии в марте 1920 года Хаджи-Умара направили в распоряжение Терской Чрезвычайной комиссии. В составе опергруппы ЧК он участвовал в ликвидации уцелевших белогвардейских отрядов.

В 1921 году он стал сотрудником Особого отдела 11-й армии.

С марта 1921 года по май 1923 года учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в городе Москве.

В 1924 году окончил Военно-политическую школу.

Находясь на должности преподавателя Краснодарской кавалерийской школы, неоднократно бывал в боевых операциях по ликвидации банд на Северном Кавказе.

В 1929 году Мамсуров получил повышение до комиссара кавалерийского полка, а затем и до

командира полка.

В 1931 году, пройдя обучение на курсах усовершенствования при Военно-политической академии имени Ленина, Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров был оставлен для работы в Разведупре.

Выполнял ответственные задания руководства. С февраля 1936 года по февраль 1938 года являлся секретным уполномоченным Специального отделения «А» (активная разведка) РУ штаба РККА.

В 1936 году Мамсуров был направлен Разведупром на помощь братскому испанскому народу в качестве военного советника, специалиста по партизанской войне. Так Красная Испания получила народного героя «македонского террориста Ксанти». Мамсуров организовал и руководил всем партизанским движением Испании. О смелом и удачливом полковнике Ксанти слагались легенды. Не обошел его своим вниманием прибывший в Мадрид к марту 1937 года Эрнест Хемингуэй. С ним Мамсурова познакомили также откомандированные в Испанию литераторы Михаил Кольцов и Илья Эренбург. Полковник Ксанти (Мамсуров) явился прототипом героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Ранение в руку и контузия, полученные в ноябре 1936 года, не помешали ему продолжать службу. Поправившись, Мамсуров стал ходить на диверсионные рейды во вражеский тыл, взрывать мосты и дороги, уничтожать противника огнем стрелкового оружия.

В октябре 1937 года Мамсуров вернулся в СССР. Волна партийных чисток пронеслась по стране, вымывая из армии лучшие кадры. Был расстрелян его дядя Саханджери Мамсуров – оказался троцкистом. Самого Мамсурова репрессии не затронули. Мамсуров получил должность начальника отделения «А» Разведывательного управления, а в 1939 году стал начальником оперативной группы Генштаба РККА.

Во время финской войны 1939–1940 годов Мамсуров командовал особой лыжной бригадой 9-й армии, совершавшей дерзкие вылазки в тыл белофиннов.

В 1940 году он был назначен начальником V отдела Разведупра и поступил на курсы усовершенствования командного состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе, которые окончил в 1941 году.

С началом Великой Отечественной войны 24 июня 1941 года полковник Мамсуров был откомандирован в распоряжение К.Е. Ворошилова для выполнения особо важных поручений на Западном и Северо-Западном фронтах.

После прорыва немцев в районе Чудова Мамсурова назначили командиром 311-й стрелковой дивизии. 24 августа в бою под Чудовом он был ранен в обе ноги и руки.

После выхода из госпиталя попросился на фронт и в январе был назначен командиром 114-й кавалерийской дивизии, а потом заместителем командира 7-го кавалерийского корпуса. Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров принял непосредственное участие в организации партизанского движения на временно оккупированной фашистами территории и лично вел подготовку будущих организаторов партизанских отрядов.

Для руководства партизанской борьбой на Северном Кавказе и в Крыму постановлением Государственного комитета обороны от 3 августа 1942 года при Военном совете Северо-Кавказского фронта был создан Южный штаб партизанского движения. Его возглавил полковник Мамсуров.

Сам же Мамсуров на основании личного опыта Гражданской войны акцентировал внимание на формировании кавалерийских дивизий, незаменимых в условиях Северного Кавказа. В марте 1943 года полковник Мамсуров был назначен командиром 2-й

гвардейской Крымской кавалерийской дивизии, с которой и воевал до Победы.

В начале октября 1943 года в составе 1-го Украинского фронта Мамсуров со своей дивизией форсировал Днепр севернее Киева. Прорвав оборону немцев, дивизия захватила и расширила плацдарм для войск 60-й армии. Затем в составе 1-го конногвардейского корпуса участвовала в боях за освобождение Киева. Прорвав оборону гитлеровцев на реке Ирпень севернее Киева и овладев шоссе, дивизия Мамсурова отрезала немецкой группировке пути отхода из города. Продолжая стремительное наступление и уничтожая подходившие резервы противника, дивизия 11 ноября 1943 года овладела городом Коростышевом, а 12 ноября – Житомиром. Вооруженная танками и артиллерией, 2-я гвардейская Крымская кавдивизия в течение шести дней удерживала Житомир, уничтожив при этом более 150 танков и более 3 тысяч солдат и офицеров противника. За отличное руководство боевыми действиями дивизии Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров был награжден орденом Суворова 2-й степени и произведен в генерал-майоры.

В конце января 1944 года дивизия Мамсурова, успешно развивая наступление на Ковель, с боем форсировала реку Стирь, однако получила новую задачу и повела наступление на юг. Начинался период мощных рейдов по тылам противника. Прорвав фронт немцев, дивизия соединилась с партизанскими отрядами Украины. Оказавшись в глубоком тылу, дивизия овладела многими населенными пунктами, уничтожая слабые гарнизоны врага.

Разгромив 19-ю пехотную дивизию венгров и 143-ю пехотную немецкую дивизию, 1 февраля 1944 года кавалеристы Мамсурова заняли город Луцк и, подойдя к городу Дубно, изрядно потрепали группировку немцев, отходившую на Ровно. 15 марта дивизия прорвала

оборону противника на реке Иква и стремительным ударом с тыла Дубненской группировки врага обеспечила успешное наступление наших войск с фронта. 19 марта генерал-майор Мамсуров был ранен в лицо, но остался в строю.

В Львовско-Сандомирской операции 1-го Украинского фронта его дивизия выполняла отдельную задачу – не допустить отхода Бродской группировки немцев на запад через реку Западный Буг в районе Каменки-Струмилово. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия овладела городом Каменка-Струмилово и вынудила противника принять бой в невыгодных для него условиях. Несмотря на большую ширину фронта в 70 км, дивизия не пропустила ни одного отступающего. В результате этой операции на поле боя осталось свыше 8 тысяч трупов солдат и офицеров противника, в том числе 2 генерала. Захвачено было более 2 тысяч пленных, 35 танков, свыше 500 орудий и минометов, 3 тысячи автоматов и 6 тысяч лошадей.

Сокрушительные рейды по тылам продолжались. В сентябре 1944 года, прорвав оборону противника, дивизия Мамсурова в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса успешно действовала на территории Чехословакии.

В составе 1-го Украинского фронта дивизия прорвала оборону гитлеровцев на реке Нейсе и, овладев рядом городов, вышла в район юго-западнее Берлина.

21 апреля 1945 года 2-я гвардейская кавалерийская дивизия форсировала реку Эльбу южнее города Торгау и захватила большое количество пленных, освободив сотни узников из концентрационного лагеря. 24 апреля в боях на западном берегу Эльбы было уничтожено 1230 солдат и офицеров противника, 3 тяжелых танка, 11 бронетранспортеров. Взято в плен 574 солдата и офицера, захвачено 8 паровозов, 250 вагонов, 117 складов с вооружением, боеприпасами и военным

имуществом, 40 тракторов и тягачей, 480 автомашин, 5700 лошадей, 350 повозок. Из двух концлагерей было освобождено 15 600 человек.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство Хаджи-Умару Джиоровичу Мамсурову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6568).

Военным советом 1-го Украинского фронта он был назначен командиром батальона сводного полка фронта, с которым 24 июня 1945 года участвовал на Параде Победы.

В 1948 году Мамсуров окончил Военную академию Генерального штаба. Командовал дивизией, корпусом, армией. Фронтовой опыт пригодился генералу Мамсурову 4 ноября 1956 года, когда советские войска по приказу маршала И.С. Конева приступили к выполнению боевой задачи по оказанию братской помощи социалистической Венгрии. Подразделение Мамсурова без особых потерь осуществило активные действия по наведению порядка и восстановлению законной власти в городах Дебрецене, Мишкольце и Дьёре.

В 1957 году Мамсурова перевели на должность заместителя начальника ГРУ. Вскоре с подачи Мамсурова разразился колоссальный скандал. Речь шла о подготовке министром обороны Жуковым... государственного переворота! Незадолго до поездки в Югославию Г.К. Жуков вызвал его к себе и поделился с ним своим решением о формировании бригад специального назначения, исходя из возможного характера будущих военных действий в том регионе. Эти бригады должны были быть сравнительно небольшими (до двух тысяч человек), вооруженными

самым совершенным и мощным легким оружием. Формирование этих бригад Георгий Константинович возложил на Мамсурова. «Карманный спецназ» легендарного маршала так напугал руководство страны, что в октябре 1957 года был созван Пленум ЦК КПСС, на повестке дня которого стоял один-единственный вопрос: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Это значило, что министра обороны будут снимать. И поднятый Мамсуровым вопрос о секретных бригадах сыграл там далеко не последнюю роль.

Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров пребывал под сильным впечатлением от произошедшего. Пленум единогласно постановил освободить Жукова Г.К. от обязанностей министра обороны СССР, вывести из состава членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС. Генерал-полковник Мамсуров же сохранил свою должность, хотя отношения с коллегами после «генеральной подставы» от Генерального секретаря стали весьма неоднозначными.

Генерал-полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров умер 5 апреля 1968 года и был похоронен в Москве [\[251\]](#).

<i>МИХЕЛЬСОН (Михельсон-Арвис) Карл Андреевич</i>
--

Занимался активной разведкой в нескольких странах Европы.

Родился 2 февраля 1885 года в Гольдингенской волости Курляндской губернии в семье крестьянина-лесника.

В 1899 году поступил работать в слесарный цех спичечной фабрики Гиршмана в городе Гольдинген.

В начале 1905 года окончил Гольдингенскую торговую школу. После этого поступил на склад сельскохозяйственных машин во Фрауэнбурге. Тогда же вступил в местную организацию ЛСДРП.

Когда началась революция 1905 года, вступил в группу партийных дружинников. Участвовал в разоружении полиции и захвате власти в городе. Участвовал в уничтожении всех винных лавок и складов в Фрауэнбурге. Участвовал в нападении на группу драгун, которые охраняли перевозимые из Гольдингена в Либаву крупную сумму денег. В результате боя погибло свыше 30 дружинников.

В январе 1906 года, когда во Фрауэнбург прибыла карательная экспедиция, ему удалось скрыться из города.

До весны 1906 года скрывался в лесах, а потом нелегально перешел границу и оказался в Германии. Сначала жил в Берлине, потом во Франкфурте-на-Майне, где получил работу на заводе Беккера.

В мае 1906 года из-за участия в праздновании 1 Мая его уволили, и он перебрался в Швейцарию.

В 1907 году снова вернулся в Германию, где работал в разных городах в качестве металлиста.

В 1908 году переехал в Штутгарт, где устроился работать на завод «Бош».

В конце 1913 года заболел туберкулезом и уехал на лечение в Швейцарию.

В 1915 году приехал в Париж, где работал на заводе «Рено». Затем уехал в США.

После Февральской революции 1917 года приехал в Петроград, где устроился металлистом на завод «Русский Рено». Участвовал в формировании частей Красной гвардии.

Осенью 1917 года участвовал в боях с противниками Советской власти.

В 1918 году уехал на Алтай организовывать сельскохозяйственную коммуну.

В 1919 году приехал во Владивосток, где работал в партийной организации среди латышей.

Летом 1920 года уехал в Китай, где до конца 1921 года работал в Тяньцзине по линии Коминтерна.

С 1922 по 1923 год работал в полпредстве в Пекине.

В 1923 году вернулся в Москву и поступил добровольцем в ряды РККА. Работал в военной разведке на секретной работе.

В 1931 году был членом разведгруппы Яна Абелтыня (Константина Басова). Группа создала и обслуживала подпольный радиоцентр. Военные разведчики

поселились в нескольких пансионатах в курортном местечке Баден под Веной. Провал группы произошел в декабре 1931 года, когда сыщики нашли в комнате у Михельсона радиоаппаратуру.

Арестован в декабре 1931 года австрийской полицией.

В августе 1933 года, согласно записи в автобиографии, «работаю в IV Управлении Штаба РККА (где часто используюсь на активной работе)»^[252].

В ноябре 1937 года – начальник отделения Разведупра.

2 декабря 1937 года арестован НКВД.

26 апреля 1938 года осужден за шпионаж. В тот же день расстрелян.

В мае 1957 года реабилитирован.

МОКРОУСОВ Алексей Васильевич (Фома Матвеевич)

Полковник, командир партизанских отрядов во время Гражданской войны.

Родился 21 июня 1887 году в селе Поныри Курской губернии в многодетной крестьянской семье. Рано лишившись родителей, в 17 лет уехал на заработки в Таврическую губернию. Батрачил у помещиков, был чернорабочим в Крыму, шахтером в Донбассе. Уволенный за участие в революционных событиях 1905 года, Мокроусов скитался в Поволжье, Оренбурге, Ташкенте, в Закавказье и на Кубани, живя случайными заработками. Анархист.

В 1909 году был призван на военную службу в Балтийский флот – служил матросом на эсминце «Прыткий» в Гельсингфорсе.

В 1912 году за революционную агитацию был арестован и посажен в плавучую тюрьму. С помощью подпольщиков бежал в Швецию, имея на руках паспорт на имя Савина Алексея Васильевича.

С 1912 по 1917 год жил в Дании, Англии, Австралии и Аргентине.

Осенью 1917 года вернулся в Россию. Принял самое активное участие в Октябрьской революции в Петрограде. Командовал моряками-балтийцами, которые захватили Петроградское телеграфное агентство.

В конце 1917 года был отправлен в Крым, где сформировал анархистский Черноморский революционный отряд.

С 1918 по 1921 год служил в Красной Армии.

В январе – феврале 1918 года в качестве командира черноморского революционного отряда участвовал в боях против белоказаков под Ростовом и Новочеркасском. В дальнейшем он был назначен начальником Херсонского, Бердянского и Таганрогско-Ростовского оборонительных районов, командовал левым флангом Доно-Кубанского фронта. Однажды под Полтавой отряд был окружен превосходящими силами

противника. Матросы дали по наступающим цепям гайдамаков несколько залпов и, развернув боевое знамя и гармоника, под «Яблочко» пошли в лихую штыковую атаку. Противник запаниковал. В этом бою Мокроусов захватил пять пулеметов, орудие, обоз с боеприпасами и внушительным запасом продовольствия.

В марте 1918 года назначен начальником областного штаба Красной Армии в Крыму, формировал первые красноармейские части.

В сентябре 1918 года получил тяжелое ранение – в одной из станиц в его автомобиль кто-то метнул гранату.

В июне 1919 года снова на фронте – командует Южным боевым участком, стрелковыми бригадами.

С августа 1919 года командир бригады, успешно сражался с врагом при героическом походе Южной группы войск 12-й армии из Причерноморья на Киев.

В октябре 1919 года его бригада ворвалась в Киев. Случайно узнав на телефонной станции код неприятеля, он тут же вызвал штаб деникинского корпуса в Броварах и получил из «первых уст» по прямому проводу сведения об обороне белых.

В августе 1920 года в качестве командира группы был направлен в тыл Врангеля на Крымский полуостров для организации из разрозненных партизанских отрядов Крымской Повстанческой армии.

12 сентября 1920 года отряд из 11 человек высадился недалеко от Судака, у деревни Капсихор. 12 сентября 1920 года. Переодетые в белогвардейскую форму партизаны захватили Судак и вывезли в лес подводы с оружием, обмундированием, продовольствием, а также уничтожили заготовленные штабеля шпал, чтобы сорвать строительство железной дороги Перекоп – Джанкой. Мокроусов надел погоны полковника. Повстанцы были приняты за белых и спокойно заняли большую часть Судака. И только после

того, как один из повстанцев развернул знамя, белые, находившиеся здесь на излечении, оказали отпор. «Собственно, Судак, – писал Мокроусов, – нам нужен был для того, чтобы захватить в гарнизоне и у местных богачей необходимое количество одежды. Самое же главное – необходимо было нанести сильный моральный удар по противнику, заставить его отвлечь на нас большие силы с фронта. Наш налет на Судак был совершенно неожиданным. Без боя захватили большую часть города. Начальник гарнизона полковник Емельянов удрал на шлюпке в море, оставив в своем управлении много обмундирования, винтовок и патронов».

Мокроусов оборонял от немцев Херсон, Ростов, Таганрог, освобождал от деникинцев Фастов и Киев. Во главе отряда революционных моряков-севастопольцев он устанавливал Советскую власть в Феодосии, а в Севастополе сформировал отряд, с которым отправился на Дон, воевать против Каледина.

В феврале 1921 года, после демобилизации, организовал в крымской деревне Кара-Кият сельхозкоммуну и возглавлял ее в течение двух лет.

Занимал должность председателя комиссии Мосгорсовета по уплотнению.

В 1933–1934 годах как начальник Колымской экспедиции, он пересек на собаках и оленях с небольшой группой людей таежную глухомань Восточной Сибири в поисках мест для аэродромов.

Затем – снова Крым, где работает директором Крымского государственного заповедника.

Участник Гражданской войны в Испании – военный советник командующего Арагонским фронтом. Когда стало понятно, что поражение революции неизбежно, Мокроусов настаивал на борьбе, предлагая невероятный по дерзости план: организовать в горах Сьерра-Морена

партизанскую армию и терроризировать тылы франкистов.

По возвращении из Испании его направили в Крым на ответственную партийную работу. Несколько лет он был первым секретарем Крымской АССР. Заняв эту должность, он прежде всего взялся выкорчевывать скрытых врагов. За короткий срок лично им было выявлено: 2 троцкиста, 7 уклонистов, 2 бывших жандарма, 1 бывший белогвардеец, 5 вредителей, 3 шпиона и 10 сомнительно настроенных субъектов.

С 23 октября 1941 года по 1943 год – один из организаторов и руководителей партизанского движения в Крыму. 23 октября 1941 года Бюро областного комитета ВКП(б) утвердило высший руководящий состав партизанского движения на территории Крымского полуострова. Его командиром назначался Алексей Васильевич Мокроусов, а комиссаром – Серафим Владимирович Мартынов, первый секретарь Симферопольского городского комитета партии. А уже 31 октября руководство партизанским движением издало свой первый приказ, согласно которому Крым разбивался на пять партизанских районов, в подчинении каждого из которых находилось от 2 до 11 отрядов общей численностью около 5 тыс. человек.

В июле 1942 года был вызван на Большую землю и назначен начальником разведотдела штаба Северо-Кавказского фронта. По одной из версий, причиной его отстранения от должности командира крымских партизан стала специфичная кадровая политика. «Командир Мокроусов и комиссар Мартынов сеяли среди населения национальную вражду, приказывали расстреливать всех татар, появившихся в лесу, кто бы они ни были, изгоняли из леса татар-партизан. Своими действиями М., по сути дела, передал в руки гестапо председателя Верховного Совета Крымской АССР

Абдурафи Сейт-Яева, директора винзавода Асана Сеферова и других коммунистов и патриотов Родины татаро-крымской национальности. Бюро Крымского обкома ВКП(б) своим решением от 18.XI.1942 вынуждено было признать эту ошибку и отстранить командующего партизанским движением Крыма Мокроусова от должности». Справедливости ради отметим, что действительно определенная часть крымских татар в годы Великой Отечественной войны активно сотрудничали с немцами.

С 1943 по 1946 год – командир гвардейского стрелкового полка. Участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии и других стран Европы.

С 1946 года – в течение нескольких лет возглавлял туристско-экскурсионное бюро в Симферополе.

28 октября 1959 года умер [\[253\]](#).

МЯГКОВ Владимир Андреевич

Красноармеец, командир взвода Особого лыжного отряда 9-й армии, Герой Советского Союза.

Родился в 1915 году в деревне Михайловка (ныне поселок городского типа Парголово администрации Санкт-Петербурга) в крестьянской семье.

В 1939 году стал чемпионом СССР по лыжным гонкам на 20 километров.

В Красной Армии с января 1940 года. Участник советско-финской войны 1939–1940 годов.

Командир взвода Особого лыжного отряда (9-я армия) красноармеец Владимир Мягков, возвращаясь из разведки в районе линии фронта, 11 февраля 1940 года попал в окружение. Отважный взводный организовал круговую оборону и уничтожил лично около десяти вражеских солдат. Прорвался со всей группой к своим.

6 марта 1940 года В.А. Мягков, находясь в разведке, вновь с группой был окружен в районе города Кухмо (Финляндия), был ранен, но остался на поле боя и прикрыл отход группы. Мужественный воин пал смертью храбрых в этом бою.

25 мая 1940 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) [\[254\]](#).

ОРЛОВСКИЙ Кирилл Прокопович

Участник операций по линии «активки» Разведупра в Польше, Герой Советского Союза.

Родился 30 января 1895 года в деревне Мышковичи (ныне Кировского района Могилевской области) в семье крестьянина.

Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер.

В мае 1918 года принят на службу в Оршанскую уездную ЧК.

В мае 1918 года направлен в Бобруйск для организации партизанского отряда.

В Гражданскую войну возглавлял партизанский отряд.

В 1920 году окончил Московские курсы командного состава.

С 1920 по 1925 год участвовал в операциях «активки» в Литве и Польше.

С 1925 по 1930 год учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада.

С 1930 года занимался организацией и подготовкой партизанских отрядов на территории Белоруссии.

С 1937 по 1938 год – в командировке в Испании. Преподавал тактику разведывательной работы и партизанской борьбы.

С 1939 года – помощник ректора Чкаловского сельскохозяйственного института.

С 1942 года – командир партизанского отряда особого назначения «Соколы», действовавшего в Барановичской области Белорусской ССР. Руководимый им отряд успешно провел ряд операций по уничтожению промышленных объектов и воинских эшелонов врага.

17 февраля 1943 года, умело организовав засаду, бойцы отряда «Соколы» уничтожили генерального комиссара города Барановичи Фридриха Френча, гебитскомиссара Барановичской области Фридриха Штюра и обергруппенфюрера войск СС Фердинанда Засорнаса, захватив важные документы и оружие. В этом бою К.П. Орловский был тяжело ранен, лишившись

кистей обеих рук, но не прекращал руководить операцией, пока не вывел отряд в безопасное место.

20 сентября 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1944 по 1968 год руководил колхозом «Рассвет» Могилевской области Белорусской ССР. Всего за несколько послевоенных лет ему удалось возродить хозяйство.

18 мая 1958 года присвоено звание Героя Социалистического Труда.

13 января 1968 года умер.

ПАТРА Иоганн

Родился в 1901 году в городе Мемеле (ныне Клайпеда, Литва).

В юношеские годы получил специальность телеграфиста.

В 1927–1932 годах плавал на германских торговых судах кочегаром, затем радиотехником. Побывал во многих странах, владел, кроме немецкого, английским и литовским языками. Будучи членом КПГ, выполнял задания по линии Коминтерна, обеспечивал нелегальную курьерскую связь с Гамбургом и Ригой.

В 1932 году выполнял задания советской военной разведки в Гамбурге и Вене, затем был вызван в Москву, где прошел обучение подрывному делу в диверсионной школе в подмосковном поселке Сходне.

***ПЕТАШЕВ Христо Боев (Боев Христо; в СССР:
Петашев Христо Боевич, Русев Федор Иванович,
Дымов Христофор Иванович)***

Военный инженер 2 ранга.

Родился 25 декабря 1895 года в селе Одерне под Плевной, в семье служащего.

В 1914 году окончил гимназию в городе Габрове.

В 1915 году окончил школу офицеров запаса в Софии, подпоручик.

В сентябре 1918 года принял активное участие в выступлении солдат, после поражения которого уехал в Советскую Россию. Работал в Коминтерне.

Весной 1919 года вернулся в Болгарию, организовал канал связи София – Варна – Одесса – Севастополь.

С 1919 года – член Болгарской Компартии (БКП).

В 1920–1921 годах учился в Военной академии РККА, после окончания которой работал в военной разведке.

С марта 1921 года по май 1939 года – в распоряжении Разведуправления штаба РККА.

С августа 1921 года по июнь 1923 года был резидентом в Болгарии, создал широкую агентурную сеть, которая имела свои ответвления в государственном аппарате и в среде белой эмиграции. Сотрудничал с разведкой БКП. Был одним из организаторов тайной переправки оружия и людей из СССР в Болгарию.

С июня 1923 года по июнь 1925 года работал в Австрии и Югославии, был резидентом в Чехословакии

под фамилией Х.И. Дымова и прикрытием должности вице-консула.

С 1925 года – член ВКП(б).

В ноябре 1926 года после провала некоторые агенты Боева были арестованы, а он сам выслан из страны. Согласно данным чехословацкой полиции, нити от организации Дымова тянулись в Австрию, Италию и Францию.

С декабря 1926 года по декабрь 1927 года – начальник сектора 2-го (восточного) отдела РУ штаба РККА.

С февраля 1928 года по 1931 год находился на нелегальной работе в Турции под видом австрийского бизнесмена.

В феврале 1935 года окончил промышленный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА имени Сталина.

В 1936 году ему было присвоено звание военного инженера 2 ранга.

С апреля 1936 года по декабрь 1938 года являлся резидентом в Китае, выполнял оперативные задания в Германии и Франции. В Шанхае жил под именем немецкого коммерсанта Юлиуса Бергмана.

В 1939–1941 годах работал военным переводчиком (владел немецким, английским, французским и сербским языками).

С июля 1941 года служил в составе ОМСБОН, готовил подпольщиков для работы в Болгарии, затем в разведотделе штаба Черноморского флота.

С февраля 1943 года – редактор болгарской литературы в Издательстве иностранной литературы.

В июне 1945 года вернулся в Болгарию. Занимал ответственные посты в МВД и органах госбезопасности – заместитель директора Госбезопасности, заместитель министра внутренних дел. Был послом НРБ в Великобритании, ГДР, Польше, Японии.

В 1962 году по решению пленума ЦК БКП был отстранен «от ответственной партийной и государственной работы... за грубые нарушения социалистической законности».

В 1968 году умер в Софии^[255].

***ПЕТКОВ Петко Николов (Огнян Янтаров,
«Андрюша»)***

Генерал-майор Болгарской народной армии.

Родился в 1906 году в городе Чирпан (Болгария).

В 1923–1924 годах участвовал в операциях по поставке оружия болгарским партизанам.

С 1930 по 1933 год по линии советской военной разведки работал за рубежом. Занимался активной разведкой.

Осенью 1932 года из-за угрозы провала был вынужден нелегально перебраться из Праги в Вену.

В 1933 году вернулся в Москву.

8 декабря 1937 года арестован.

10 ноября 1938 года приговорен к высшей мере наказания. Затем приговор был заменен 25 годами тюремного заключения^[256].

Согласно обвинительному заключению, «в 1934 году участвовал в контрреволюционной троцкистской организации.

В эту организацию был завербован одним из руководящих участников троцкистской организации, б.

секретарем ЦК БКП ИСКРОВЫМ.

Знал об установке троцкистской организации на террор против руководителей ВКП(б) и Коминтерна и полностью ее разделял.

Был связан с видным болгарским троцкистом ПЕТРОВЫМ.

Виновным себя признал, но отрицает свою практическую контрреволюционную деятельности. Изобличается показаниями арестованного врага народа ИСКРОВА».

В 1945 году освобожден.

До 1952 года жил в Томске.

С 1952 года – в Болгарии.

ПРЕЙСС Ганс Рихард

Работал по линии активной разведки в Европе.

Родился 1 сентября 1904 года в городе Кенигсберге.

В 1919 году вступил в «Союз любителей искусства живописи и графики».

С 1920 по 1923 год учился в Академии искусств в Кенигсберге.

В 1926 году стал членом Компартии Германии, возможно, работал в ее военном аппарате.

В 1930 году стал сотрудником советской военной разведки.

В марте 1930 года прибыл в Вену, где поступил в распоряжение резидента-нелегала Ивана Винарова («Март»).

С 1930 по 1935 год, выполняя задания военной разведки, побывал в Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Турции, некоторое время жил в Базеле (Швейцария) и Германии.

В 1935 году несколько месяцев жил в СССР.

С июля 1935 года по июль 1940 года путешествовал по Европе. Обосновался в Финляндии, откуда выезжал в Швецию, Францию и Германию.

В июле 1940 года вернулся в СССР.

В 1942 году был эвакуирован в поселок Ош Новосибирской области, а потом перебрался в Томск.

В 1956 году переехал в Кемерово.

С 1964 по 1965 год жил в Восточном Берлине.

Вернулся в Сибирь.

В феврале 1984 года умер.

РАБЦЕВИЧ Александр Маркович

Участник операций по линии «активки» Разведупра в Польше. Герой Советского Союза.

Родился 14 марта 1897 года в деревне Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии в крестьянской семье. Батрачил огородником в усадьбе помещика Кутаева.

В 1916 году был призван в армию. За доблесть на поле боя был награжден Георгиевским крестом.

В 1918 году стал партизаном отряда, действовавшего в Бобруйском уезде против немецких оккупантов и корпуса польского генерала Довбор-Мусницкого.

В Красной Армии с конца 1918 года.

В октябре – ноябре 1919 года воевал на Петроградском фронте.

В феврале 1920 года окончил Школу комсостава РККА.

С февраля 1920 года по январь 1921 года – начальник полковой команды пеших разведчиков 29-го

стрелкового полка.

С января 1921 по 1924 год участвовал в операциях «активки» в Польше.

С 1925 по 1930 год – в органах ОГПУ.

С 1930 по 1937 год – председатель колхоза.

В 1937–1938 годах – в Испании, командовал разведотрядом 18-й бригады Республиканской армии.

В 1938 году, после возвращения из Испании, возглавил в Кировском районе Минской области отдел здравоохранения.

В ноябре 1939 года был назначен членом Временного управления и заведующим отделом здравоохранения города Бреста.

В июне 1941 года был зачислен командиром роты, а затем – командиром батальона в специально созданную Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН).

В начале июля 1942 года партизанский отряд особого назначения «Храбрецы» под его командованием был выброшен с парашютами в 24 километрах от Бобруйска. Сразу была проведена первая операция – захват молокозавода, на котором работали советские военнопленные. Вся охрана и руководство заводом были перебиты, добыто много оружия, а освобожденные пленные пополнили ряды партизан.

В августе 1942 года бойцы отряда получили детальные данные о строительстве оборонительных рубежей, расположении складов, аэродромов и функционировании железнодорожных коммуникаций по Витебской, Могилевской и Гомельской областям. В частности, им стало известно о наличии юго-западнее города Орши крупного склада боеприпасов емкостью более 1000 вагонов.

Всего отряд «Храбрецы» провел более 200 диверсий на железной и шоссейной дорогах, подорвал 91 эшелон, 24 танка, 23 бронемашины, бронепоезд, уничтожил

много важных военных объектов и живой силы противника, прошел по вражеским тылам сотни километров.

5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1945 по 1952 год работал в органах Министерства госбезопасности Белорусской ССР.

В 1953 году уволился в запас.

11 апреля 1961 года умер^[257].

РАДОЙНОВ Цвятко

Полковник.

Родился 10 февраля 1895 года в селе Крын Старазагорского округа в многодетной крестьянской семье.

В 1914 году окончил Казанлыкское педагогическое училище.

Осенью 1915 года призван в армию – в школу офицеров запаса в Софии. После ее окончания он попадает на фронт в звании подпоручика.

В начале 1918 года после тяжелого ранения переводят в тыл. После демобилизации работал учителем.

В 1921 году возглавил отделение кооперативного общества «Освобождение» в селе Карабунар.

В конце 1922 года был арестован, но вскоре освобожден.

До июня 1923 года возглавлял партийную организацию Компартии Болгарии в селе Карабунар.

В сентябре 1923 года, когда в Болгарии вспыхнуло организованное Компартией восстание, во главе отряда из 400 человек попытался захватить город Бургас. Штурм закончился неудачей. После этого он сумел перебраться в Советский Союз.

В октябре 1926 года был направлен на учебу в Военную академию им. М. Фрунзе. Там он учился под именем Андрея Константиновича Родионова. Тема диплома: «Борьба партизанских отрядов (из опыта Болгарии)». В ней он проанализировал действия партизанских отрядов во время Сентябрьского восстания 1923 года.

После окончания академии служил начальником штаба 135-го стрелкового полка.

С 1930 по 1935 год преподавал тактику на Курсах усовершенствования командного состава в Новочеркасске, затем – в Военной академии танковых и бронетанковых войск.

Летом 1935 года в качестве военного советника выехал в Испанию.

В сентябре 1938 года вернулся в СССР.

Преподавал тактику в Военной академии им. М. Фрунзе.

***РАКОВ Вернер Готтальдович (Феликс Вольф,
Владимир Инков)***

Один из руководителей вооруженных восстаний в Германии.

Родился в 1893 году в Адзель-Койкюль в Курляндии в семье лесничего. С 1900 по 1914 год вместе с родителями жил в Германии. Феликс Вольф учился в гимназии, а затем стажировался в банковских фирмах Ганновера.

В 1914 году вернулся в Россию и поступил на работу бухгалтером на резиновую фабрику, впоследствии прославившуюся на весь мир под названием «Красный треугольник». В начале Первой мировой войны он был интернирован и отправлен на поселение сначала в Вологду, а затем на Урал в город Ирбит Пермской губернии, где работал железнодорожным рабочим.

Весной 1917 года стал одним из организаторов большевистской группы в Ирбите. Позднее ввиду угрозы ареста он бежит в Омск, где создает одну из крупнейших в Сибири организаций военнопленных. В период белочешского мятежа, участвуя в боях, был ранен.

Летом 1918 года переезжает в Москву, где сначала работает редактором газеты «Мировая революция» на немецком языке, а затем направляется ЦК РКП(б) в Белоруссию для ведения пропаганды среди германо-австрийских войск.

В 1918 году – работа в Германии в группе Карла Радека; участник учредительного съезда КПГ. Был секретарем окружных организаций КПГ в Ганновере, Бремене, Гамбурге. Именно в этот период он действует по паспорту некоего Карла Феликса Вольфа, под именем которого и входит позднее в мировую историю.

В январе 1919 года участвует в создании Бременской советской республики.

Весной 1919 года направлен в Кенигсберг, а затем в Гамбург.

С 1920 года – информатор Малого бюро Коминтерна; сотрудник Западноевропейского секретариата Коминтерна в г. Берлин.

В 1922 году – резидент советской военной разведки в Вене.

С 1923 по 1924 год – начальник разведотдела (информотдел, 12-й отдел) военного аппарата Компартии Германии. В короткий срок ему удается создать внушительную организацию, которая позднее на протяжении многих лет служила неистощимым источником кадров для советской военной разведки. Аппарат Вольфа имел осведомителей во всех крупных партиях и организациях Германии, начиная от социал-демократов и кончая фашистами. Вольфу удалось внедрить своих людей во многие государственные учреждения Германии, в том числе в прусское Министерство иностранных дел.

В 1923 году – член германского ревкома.

С августа 1925 года по весну 1926 года – резидент советской военной разведки в США. Прикрытием его миссии в Америке служила стажировка в Колумбийском университете Нью-Йорка в области философии и социальных наук.

Весной 1926 года настоял на своем отзыве из США.

В 1927 году поддерживал левую оппозицию в ВКП(б), участвовал в разработке ее Платформы 1927 года.

В 1928 году исключен из ВКП(б), затем – в июне 1929 года – восстановлен. Работал на руководящих должностях в химической промышленности, в издательстве под именем Владимир Богданович Козлов.

В 1933 году снова исключен из партии ВКП(б) «за фракционную, антипартийную работу против КПГ».

10 июня 1934 года восстановлен в партии решением Интернациональной контрольной комиссии ИККИ.

27 июля 1936 года арестован.

14 сентября 1937 года – расстрелян [\[258\]](#).

РИММ Карл Мартынович

Начальник штаба восстания в Эстонии.

Родился в 1891 году в Старо-Анценской волости Веросского уезда Лифляндской губернии в семье крестьянина.

Участник Первой мировой войны, поручик.

С 1919 по 1921 год – командир пулеметной роты.

С 1921 по 1924 год учился в Военной академии РККА.

В 1924 году – начальник штаба восстания в Эстонии.

С 1925 по 1930 год – помощник начальника части, начальник сектора 3-го отдела Разведуправления РККА.

В 1927 году – начальник оперативной части штаба 57-й стрелковой дивизии.

С 1930 по 1936 год – разведработа в Шанхае и Китае. В Шанхае был заместителем и военным советником Рихарда Зорге. Действовал под «личиною» совладельца магазина фототоваров и владельца ресторана. В Китае находился под именем Клааса Зельмана, ветеринара.

С 1936 по 1937 год – начальник отделения 2-го отдела Разведуправления РККА.

11 декабря 1937 года арестован.

22 августа 1938 года приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян.

В июне 1957 года реабилитирован.

РОЗЕ Вольдемар Рудольфович (Скоблевский Петр Александрович, Гельмут, Горев, Володька, Вольф)

Комбриг

Родился в 1897 году в семье рабочего.

В 1914 году – прапорщик. С октября 1917 года по май 1918 года – командир роты в латышском полку.

В 1918 году вступил в РКП(б). Участник Гражданской войны, командир полка, бригады, награжден орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

В 1921 году – начальник штурмовой колонны при ликвидации Кронштадтского мятежа.

После окончания Гражданской войны – командир 10-й стрелковой дивизии. Окончил Курсы усовершенствования высшего командного состава. Затем командир и комиссар 2-й Туркестанской стрелковой дивизии.

В 1922-1924 годах – на нелегальной работе в Германии, руководил деятельностью военной комиссии КПГ.

Весной 1924 года был арестован немецкими властями по делу «германского ЧК».

В феврале – апреле 1925 года на судебном процессе был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии тюремным заключением.

В 1927 году обменен и вернулся в СССР.

В 1930 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Был назначен командиром и военкомом 16-й стрелковой дивизии.

С 1932 года – военрук Северного краевого коммунистического университета.

С 1933 года – военрук Московского коммунистического университета общественных наук.

С декабря 1934 года работал в Главном управлении гражданского воздушного флота.

28 октября 1937 года уволен в запас РККА.

В 1939 году умер.

РОМ Вилли

Руководитель разведывательно-диверсионной резидентуры в Швеции.

Родился 1 декабря 1911 года во Франкфурте-на-Майне. Отец – немец. Мать – украинка из Одессы.

В тридцатые годы возглавлял комсомольскую организацию в Рурской области.

С 1933 по 1936 год – на подпольной работе во Франции и Дании, одновременно выполнял разведзадания против Германии.

С 1936 по 1938 год воевал в Испании в составе батальона имени Тельмана 11-й интербригады. Был привлечен Х.-У. Дж. Мамсуровым к работе в советской военной разведке.

В 1939 году был направлен в Швецию с швейцарским паспортом на имя Йона Гетцингера в качестве резидента-радииста. Основные задачи: сбор и передача сведений о дислокации германских войск в Скандинавии и организация диверсий на железной дороге в центральной части страны, где передвигались немецкие эшелоны с военной техникой и живой силой. Среди совершенных им диверсий – организация крушения эшелона с военной техникой 19 июля 1941 года. Тогда в

районе станции Крюльбу был подорван немецкий эшелон из 20 вагонов.

В конце 1941 года был арестован шведской полицией.

В феврале 1942 года приговорен к восьми годам тюремного заключения.

В 1945 году бежал из заключения. Через Финляндию добрался до Советского Союза.

В 1950 году был отправлен в очередную заграникомандировку в одну из западноевропейских стран для работы в нелегальных условиях, где и пробыл несколько лет.

До 1965 года жил с семьей в Москве.

После увольнения в запас в звании подполковника ему было оформлено гражданство ГДР.

Умер 2 января 1999 года в Берлине [\[259\]](#).

САЛНЫНЬ Христофор Интович

Родился 26 августа 1885 года в Риге в семье рабочего.

В 1900 году окончил двухклассную народную школу.

С 1900 года по 1904 год – ученик в столярной мастерской Вирк и Иогансон в Риге.

В 1902 году поступил в Русское ремесленное училище.

Осенью 1902 года принят в кружок латышских социал-демократов «Пристав». Основные направления

деятельности кружка: «чтение революционной литературы и распространение листовок».

Осенью 1903 года организовал кружок «Боя» из «сплавщиков леса по реке Двина (якорщиков)».

В 1904 году остался без работы, т.к. мастерская разорилась.

С начала 1904 года – заместитель представителя Московского района и поддерживал во время отсутствия своего партийного начальника связь с членами Рижского комитета Балтийской Латышской социал-демократической организации.

Осенью 1904 года поступил на работу на завод «Феникс» копировальщиком в отдел чертежников, «продолжил работать по партийной линии в Московском районе и реальном училище».

В начале 1905 года возглавил созданную в Московском районе Риги группу боевиков. Через некоторое время перешел на нелегальное положение.

Лето 1905 года «провел на рев. работе в Риге, Либаве и провинц. Прибалтики и принимал участие почти во всех крупных выступлениях боевиков».

Осенью 1905 года «принимал активное участие в организации нападения на Рижскую Центральную тюрьму... После разгрома волостного правления в Матиси и битвы с отрядом самообороны немецких баронов в местечке Масалац... я уехал в Швейцарию с целью достать оружие, в котором мы так нуждались. В Швейцарии (Женеве) я пробыл две недели, ибо октябрьский манифест перепутал все карты, и я уехал обратно в Прибалтику... По приезде в Прибалтику я принимал участие в боях крестьянских повстанческих отрядов с казаками в районе Вец – Пебалга – Цесис».

На дела рижских боевиков обратил внимание Владимир Ленин. Он писал: «Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-

демократических рабочих всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии» (ПСС, т. 11, с. 269).

В начале 1906 года вернулся из провинции в Ригу и принял участие в нападении на Рижское сыскное отделение. Затем с группой рижских боевиков уехал в Санкт-Петербург, где начал работать «при Боевой технической группе Пет. Ком. РСДРП(б)».

В апреле 1906 года съездил в Баку, «сопровождал провокатора матроса Федорова» (так в тексте автобиографии. – *Прим. авт.*).

Летом 1906 года «работал среди лесных братьев в районе Гробень – Либава, потом в Либаве», где участвовал в ограблении почтового отделения. Боевики захватили 28 тысяч рублей. Был арестован полицией, но сумел сбежать из-под стражи. Поехал в Санкт-Петербург.

Осенью 1906 года после возвращения в Ригу был снова арестован, но сумел бежать и «пробрался в Либаву, где меня опять накрыла полиция на конспиративной квартире, но мы, отстреливаясь, бежали».

В январе 1907 года уехал «по-темному, морем, в Гамбург, потом в Женеву».

В марте 1907 года вернулся в Санкт-Петербург. Был избран делегатом на лондонский съезд партии большевиков. Хотя на это мероприятие он не попал – не выдали мандата. Зато «был делегатом на конференции северных боевых организаций в гор. Юрьев, как представитель лат. боевиков». Затем по заданию Боевой технической группы работал в Финляндии.

Летом 1907 года находился в Англии и Бельгии, где занимался вопросами покупки и переправки в Санкт-Петербург оружия. Затем «в Лондоне содержал конспиративную квартиру» Боевой технической группы.

В конце 1908 года по делам Боевой технической организации поехал в Нью-Йорк, оттуда в Париж.

В марте 1909 года – командировка в Финляндию.

Осенью 1909 года – в Лондоне, затем в Брюсселе, снова в Лондоне. Занимался «переправкой литературы от Загр. Бюро ЦК С. Д. Латвии в Россию и Прибалтику».

В начале 1912 года из Брюсселя уехал в Бостон (США). «Поступил на работу в вагоно- и паровозоремонтные мастерские «Редвил» и одновременно в Лат. объединенную организацию при Амер. Соц. Партии (фракция левого крыла). В этой организации я занимал разные должности вплоть до члена и секретаря Центрального Комитета».

В апреле 1917 года уехал из США в Россию – во Владивосток, где «работал в вагоно-сборочных мастерских на первой Речке, сборщиком, а по партлинии при Влад. орг. РСДРП(б)».

В октябре 1917 года вернулся в США, в Сан-Франциско. «Во время интервенции работал среди грузчиков в порту по порче военприпасов, посылаемых через Сан-Франциско в Сибирь для армии Колчака». Работал на пароходостроительной верфи «Юнион Айрон Воркс» металлистом.

В июне 1920 года выехал из Сан-Франциско в Шанхай.

В ноябре 1920 года «был направлен полпредом ДВР в г. Благовещенск в распоряжение комиссара Амурской области т. Трилиссера, которого по приезде туда не застал». Вступил добровольцем во 2-ю Амурскую народно-революционную армию.

С 23 ноября 1920 года – в рядах Красной Армии.

С 1920 года по 1921 год – на нелегальной работе в Шанхае.

В 1921 году работал в разведотделе штаба Петроградского военного округа.

«В 1921-1922 годах, когда Дальний Восток был полностью оккупирован иностранными войсками и белыми бандитами, я работал в тылу врага по заданию 2-й Амурской армии, а позднее – по заданию Краснознаменной 5-й армии».

С 1921 по 1923 год находился на Дальнем Востоке.

В 1923 году переправлен в Германию для работы по созданию нелегальной боевой организации КПГ, занимался организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети скрытых складов и баз оружия.

В 1924 году отправлен с транспортом оружия в Болгарию. Около четырех месяцев под псевдонимом «Осип» в составе отряда Янчева участвовал в партизанской борьбе с правительственными войсками на юге Болгарии.

В 1926 году был командирован в Китай.

С 1926 по 1927 год – военный советник в Китае, руководил диверсионной работой в тылу китайских войск.

С 1926 по 1929 год – резидент советской военной разведки в Китае.

В 1927 году находился в Шанхае с документами главы Пекинской и Шанхайской импортно-экспортной фирмы подданного США Христофора Лауберга.

В 1930 году окончил Курсы усовершенствования комсостава по разведке при РУ штаба РККА.

С 1930 по 1932 год занимался активной разведкой в Германии, Чехословакии, Австрии, Италии и Румынии, создавая боевые группы, главным образом из болгарских эмигрантов, расширяя агентурную сеть.

2 декабря 1931 года начальник 4-го управления штаба РККА подписал «Аттестацию на Салныня Христофора Интовича». Вот ее текст:

«Весьма опытный и развитый работник разведки. Общая подготовка средняя, специальная военная подготовка слабая. Специалист по вопросам

партизанской войны и подрывного дела. Обладает твердым характером и сильной волей; в трудных условиях не теряется, обладает большим мужеством и личной храбростью; быстро ориентируется в обстановке и быстро принимает решения. Умеет управлять людьми и подчинять их себе; любит дисциплину и сам дисциплинирован; с подчиненными тактичен; пользуется авторитетом и любовью. Много читает по специальным вопросам и работает над собой...»

С октября 1932 года – помощник начальника разведотдела штаба ОКДВА (Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии) по диверсионной работе.

С 1933 по 1935 год – начальник 3-го сектора 4-го отдела штаба ОКДВА.

С февраля 1935 года по февраль 1936 года – помощник начальника разведотдела штаба ОКДВА.

С февраля 1936 года по июнь 1937 года – заместитель начальника спецотделения «А» (активная разведка) РУ штаба РККА.

В аттестации на него сказано: «К. Салнынь – один из старейших и опытейших сотрудников Разведывательного управления Красной Армии... Во многих успешных операциях он проявил себя смелым, дисциплинированным и перспективным работником. Среди товарищей завоевал большое уважение и авторитет. Ему присущи большая храбрость, определенность и личный героизм. В условиях войны может быть использован как специалист по организации партизан и проведению взрывных операций».

С июня 1937 года по март 1938 года – в Республиканской Испании под именем Виктора Хугоса, советник 14-го (партизанского) корпуса. Один из оперативных псевдонимов – «Тайга».

21 апреля 1938 года был арестован.

8 мая 1939 года расстрелян.

В 1956 году посмертно реабилитирован [\[260\]](#).

**САХНОВСКАЯ (ФЛЕРОВА) Мария (Мирра)
Филипповна**

Военный советник в Китае, руководитель направления активной разведки.

Родилась в 1897 году в городе Вильно в семье учителя.

После окончания гимназии работала учительницей, корректором.

С октября 1917 года – в редакции газеты «Правда».

В январе 1918 года вступила в партию.

В марте 1918 года с отрядом красноармейцев ушла защищать Петроград. Участвовала в боях под Псковом. На фронте была санитаркой и бойцом.

С апреля по декабрь 1918 года работала в Наркоминделе, затем секретарем Предсовнаркома в

Совете обороны Украины.

В январе 1919 года по собственному желанию вернулась на фронт. Была военкомом пулеметной роты в особой группе войск екатеринославского направления во главе с П.Б. Дыбенко, военкомом отдельного батальона и помощником военкома 7-го сумского полка 2-й Украинской дивизии. Затем служила в 2-й пластуной (132-й) бригаде 44-й дивизии.

В июне 1920 года перешла на службу в 1-ю Конную армию – комиссаром полевой санчасти, военкомом полевого санитарного управления и автоуправления 1-й Конной армии, управделами РВС 1-й Конной армии.

В марте 1921 года участвовала в подавлении Кронштадтского мятежа. Награждена орденом Красного Знамени.

В октябре 1921 года откомандирована в Москву с должности управляющего делами РВС Северо-Кавказского военного округа для учебы в Военной академии.

12 июня 1924 года, накануне выпуска из Военной академии, приказом РВС СССР № 122/26 была назначена в резерв РККА с выполнением особых заданий РВС.

Первое задание – командировка в Китай в качестве военного советника Гуанчжоуской группы в Китае и начальника штаба группы и преподаватель в школе Вампу. Находилась там под именем Мария Чубарева.

8 июня 1926 года вернулась из Китая и поступила в распоряжение Разведупра Штаба РККА. Проходила службу в должности начальника сектора 2-го (агентурного) отдела, помощника начальника 4-го (внешние связи) отдела, в распоряжении Разведупра штаба РККА.

В январе 1928 года «за принадлежность к оппозиции исключена из рядов ВКП(б)», «ярая троцкистка, не отмежевывавшаяся и после XV съезда партии».

В феврале 1928 года приказом РВС СССР по личному составу назначена исполнителем особых поручений I разряда Научно-уставного отдела штаба РККА.

В декабре 1928 года арестована.

5 января 1929 года приговорена Особым совещанием при Коллегии ОГПУ к ссылке в Сибирь на три года.

10 января 1929 года «уволена в долгосрочный отпуск за невозможностью соответствующего использования с зачислением на учет по Красноярскому УВК».

23 декабря 1929 года решение было отменено.

С 1929 по 1930 год «работала последовательно инспектором Кузнецкстроя, слесарем на заводе АМО».

Командовала учебным отделом Вечерней военно-технической академии.

В феврале 1930 года «восстановлена членом ВКП(б)».

10 августа 1932 года возвращается в военную разведку и возглавляет подразделение, ведавшее активной разведкой, т.е. разведывательно-диверсионной деятельностью.

16 октября 1933 года была вызвана на заседание ячейковой комиссии Управления штаба РККА по чистке партии. Комиссия принимает решение считать Сахновскую М.Ф. проверенной.

Старший инспектор Технического штаба начальника вооружений РККА В. Садлуцкий так охарактеризовал ее в тот период: «Живой, энергичный, с большой инициативой работник... Обладает организационными способностями, широким кругозором и эрудицией... Член ВКП(б), активный партийный и общественный работник. Проводит генеральную линию партии, ничем не проявляя имевший ранее троцкизм... Интересуется развитием военной техники и военного дела. В военное время может быть использован по линии политической и в должности начальника штаба».

В марте 1934 года ее зачисляют в распоряжение Главного управления РККА. В течение года она стажировалась в качестве командира роты в Московской Пролетарской стрелковой дивизии.

С марта по июнь 1935 года снова в Разведупре.

Затем назначена начальником санаторного отделения Симферопольского военного госпиталя.

В апреле 1937 года была уволена в запас из рядов РККА.

15 апреля 1937 года арестована.

31 июля 1937 года приговорена к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

В 1959 году реабилитирована и исключена из списка Советской Армии ввиду смерти [\[261\]](#).

СЕМЕНОВ Григорий Иванович (псевд. «Андрей»)

Родился 29 ноября 1891 года в городе Юрьеве (ныне Тарту), в семье акцизного чиновника. В большой семье бывшего разночинца царили революционные настроения. Иван Семенов в 1849 году проходил по делу Петрашевского, но в числе многих отделался легким испугом. В семье бывшего разночинца была радикальная революционная атмосфера. Все пятеро детей Ивана Семенова стали анархистами. Хотя после революции 1905 года их пути разошлись. Старшие братья Григория Семенова благополучно эмигрировали во Францию. Там они получили высшее техническое образование и стали

работать как законопослушные граждане цивилизованной страны. В Россию, где их ждал арест, они уже не вернулись. Обе сестры уже были схвачены и сидели в тюрьме, где одна скончалась при невыясненных обстоятельствах, а другая покончила жизнь самоубийством вскоре после освобождения.

С 1906 по 1915 год – анархо-коммунист.

В 1907 году арестован за участие в революционной организации и через 10 месяцев заключения выслан из Прибалтийского края.

В 1908 году Григорий Семенов принял участие в организации дерзкого освобождения заключенных-смертников из Рижского централа. Его поймали, он просидел под следствием около года и, как несовершеннолетний, был приговорен судом к двум годам ссылки в Архангельскую губернию.

В начале 1912 года срок ссылки закончился. Григорий Семенов вернулся в родной Юрьев, где был вновь арестован, однако через несколько недель освобожден и решил по примеру братьев эмигрировать во Францию.

С 1912 по 1915 год работал электромонтером в Марселе и Ницце, бывая в России лишь наездами.

С 1915 по 1921 год – эсер.

В 1915 году вернулся в Россию и был призван в армию. Служил в Прибалтике – в электротехническом запасном батальоне инструктором по обслуживанию станций высокого напряжения.

Во время Февральской революции 1917 года находился в Риге. Стал одним из организаторов Совета солдатских депутатов расположенной здесь 12-й армии и товарищем председателя исполкома местного Совета.

В апреле 1917 года стал членом бюро исполнительного комитета Петросовета и руководителем его ключевой – фронтовой коллегии.

С июня по октябрь 1917 года избирается делегатом I и II съездов Советов и Демократического совещания, работает во фракциях партии эсеров в Ромнах и Яссах, куда назначается комиссаром 9-й армии, комиссаром 3-го конного корпуса и помощником комиссара Румынского фронта.

В мае 1918 года по предложению Григория Семенова при ЦК партии социалистов-революционеров был организован Центральный боевой отряд из 15 человек. Целью было физическое уничтожение верхушки РКП(б). Отряд поручили возглавить тому, кто проявил инициативу, - Григорию Семенову. Первую акцию осуществили в Петрограде 20 июня 1918 года. Машина, в которой ехал член Президиума ВЦИК и комиссар по делам печати Петросовета В. Володарский, внезапно остановилась на Шлиссельбургском тракте «от нехватки бензина». Когда Володарский, его жена Н.А. Богословская и сотрудница Петросовета Е.Я. Зорина вышли, ждавший за углом террорист открыл огонь. Пуля попала Володарскому в спину. Ранение было смертельным.

Затем началась подготовка покушения на Владимира Ленина.

22 октября 1918 года Григорий Семенов был задержан сотрудниками Военного контроля РВС Республики за принадлежность к боевой организации. Явных улик против него не было, арест носил случайный характер, но в тот момент основания опасаться самого худшего у Семенова имелись. По дороге в караульное помещение он выхватил револьвер и сумел ранить двух конвоиров-красноармейцев. Кровавая схватка закончилась неудачно, оружие отобрали, оставалось ждать сурового приговора.

До апреля 1919 года он находился в тюрьме. В справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР, составленной в 1957 году на основании архивов

разведки, утверждается, что Г.И. Семенов в 1919–1921 годах «работал по линии ВЧК». Хотя сам он писал в анкетах, что с самого начала служил в военной разведке. Очевидно, Семенов мог не знать, по какому ведомству значится его задание, да и ВЧК с Региструпром взаимодействовали столь тесно, что имели общую агентуру.

Летом и осенью 1919 года он дважды задерживался ВЧК и в целях сохранения алиби некоторое время проводил за решеткой.

В 1919 году – декабре 1920 года был членом меньшинства ПСР (возглавляемой Вольским группы «Народ», по ряду позиций поддерживавшей большевиков – во время наступления Деникина в 1919 году мобилизовавшей своих членов в Красную Армию, но выступавшей против «красного террора»).

В ноябре 1919 года был мобилизован в Красную Армию. Отправлен на Южный фронт.

В июле 1920 года откомандирован в распоряжение члена Реввоенсовета Западного фронта Ивара Тенисовича Смилга, который отправил его к Алексею Антоновичу Мазалову, начальнику отдела военной разведки штаба фронта и уполномоченному РВС по ведению секретной работы. Он и поставил перед Григорием Семеновым задачу внедриться в савинковский «Народный союз защиты родины и свободы».

В 1920 году Григорий Семенов был арестован польскими властями, но вскоре был выпущен на свободу благодаря стараниям Бориса Савинкова.

Как пишет историк С.В. Журавлев, «в этот период Семенов использовался командованием РККА на закордонной работе в военных кругах белой эмиграции, строившей планы вооруженного свержения большевистской власти. Для советской разведки он оказался уникальным приобретением. Используя

репутацию непримиримого врага большевиков и старые связи в среде эсеров и анархистов, Семенов добывал ценнейшую информацию. Ему принадлежит заслуга в пресечении активной деятельности «Русского политического комитета» и лично Бориса Савинкова, с которым Жорж был знаком с дореволюционных времен. В одном из донесений Семенов сообщал: «Ввиду сложившихся у меня отношений с Савинковым, придавая некоторую важность его организации, я счел необходимым ознакомиться с положением дел в ней...» Далее излагались подробности их личной встречи в Варшаве».

Авторитет у командира Центрального боевого отряда, организовавшего пару удачных акций против верхушки РКП(б), был огромен. Воодушевившись обрисованными ему возможностями, Савинков поручил Семенову подготовку терактов против советских лидеров (Владимира Ленина и Льва Троцкого) и даже выделил на эти цели крупную сумму, дал ему явку в Гельсингфорсе и познакомил с начальником 2-го отдела (разведка) польского генштаба полковником Матушевичем.

Лев Троцкий в справке для Верховного ревтрибунала 1 июля 1922 года так оценил работу Семенова:

«1) Реввоенсовет Республики через соответственные свои органы счел возможным дать в свое время т. Семенову столь ответственное и рискованное задание только потому, что на основании всех тщательно собранных сведений пришел к выводу, что т. Семенов искренно порвал со своим антисоветским прошлым и в интересах обороны рабоче-крестьянской республики готов принять всякое, в том числе и самое трудное, ответственное и рискованное поручение.

2) Работа т. Семенова в Польше вполне отвечала заданию и свидетельствовала о личной

добросовестности и преданности т. Семенова делу обороны республики.

3) Работа, выполнявшаяся Семеновым, имела военно-конспиративный характер, требовала величайшей осторожности и находчивости и, разумеется, основывалась на введении в заблуждение врагов Советской России, в том числе и Савинкова как одного из наиболее бесчестных и продажных агентов иностранного империализма. Отсюда совершенно ясно, что завязывание т. Семеновым контакта с Савиновым вполне вытекало из существа данного ему поручения и представляло собой военную хитрость, продиктованную интересами обороны революции».

После выполнения задания в Польше Григорий Семенов вернулся в Советскую Россию.

В январе 1921 года его приняли в ВКП(б). Одновременно зачислили в штат аппарата советской военной разведки. По заданию руководства он написал книгу «Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров в 1917-1918 годах», которая была издана в феврале 1922 года одновременно в Германии и в Советской России тиражом 20 тысяч экземпляров.

С сентября по октябрь 1922 года находился на отдыхе в санатории в Крыму.

В ноябре 1922 года был направлен на работу Главэлектро ВСНХ на должность инспектора при начальнике Главэлектро А.З. Гольцмане. В должности инспектора Семенов прослужил десять месяцев. В соответствии с мандатом, подписанным Гольцманом 25 ноября 1922 года, он был «уполномочен на всестороннее обследование... всех предприятий электропромышленности, электроснабжения и их руководящих органов».

7 сентября 1923 года в Главэлектро ВСНХ поступило распоряжение секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова: «Немедленно, сегодня же, откомандируйте т. Семенова

Г.И. в распоряжение ЦК РКП(б)». Григория Семенова вновь зачислили в штат советской военной разведки. Руководство решило использовать его в сфере научно-технической разведки.

Осенью 1923 года – летом 1924 года находился в Германии, работая по линии научно-технической разведки.

Летом 1924 года – весной 1925 года работал на той же должности в Главэлектро.

В апреле 1925 года назначен директором авиационного завода № 12 в Москве.

В марте 1927 года назначен советником Военной комиссии ЦК Компартии Китая.

В апреле 1927 года прибыл в Китай.

В январе 1928 года вернулся в Советский Союз.

С января по май 1929 года – помощник начальника 2-го (агентурного) отдела Разведупра.

В мае 1929 года уволен из военной разведки. Основная причина – партийная «чистка» 1929 года.

В сентябре 1929 года по направлению Колхозцентра Григорий Семенов попал в Хоперский округ Нижне-Волжского края, где был назначен председателем крупного колхоза «Краснознаменец», состоявшего примерно из тысячи хозяйств и располагавшего 24 тысячами га земли.

Осенью 1930 года его снимают с должности председателя колхоза. Григорий Семенов возвращается в Москву, где поочередно работает в нескольких организациях.

В 1933 году Григорий Семенов покидает столицу и уезжает в Ленинград на должность начальника отдела рабочего капстроительства машиностроительного завода им. Ворошилова. Хотя и там ему не удалось переждать начавшийся в стране период политических репрессий.

В марте 1935 года Григорий Семенов едет в Москву и пробует вернуться в разведку. Явившись в Разведупр, он предлагает свои услуги в любом рискованном мероприятии. Лучше война с ее ясными и привычными законами, чем полная непредсказуемых нюансов и потому смертельно опасная для человека с его прошлым мирная жизнь. Григорий Семенов пришел не с пустыми руками, он «вызвался возглавить группу инструкторов-специалистов по всем областям военного искусства и техники и перебросить ее на самолетах или на верблюдах через пустыню Гоби на помощь Китайской Красной армии». Военспеца, имевшего опыт работы в Китае, зачисляют в штат Разведупра.

В апреле 1935 года он приступает к подготовке экспедиции через пустыню Гоби. Однако экспедиция не состоялась.

В ноябре 1935 года Григорию Семенову присваивают звание бригадного комиссара и посылают в Монголию с более частным заданием – «для налаживания связи с Китайской Красной армией и проверки маршрута». Он должен был «организовать переброску 6 китайских товарищей через Монголию в Китай», что и сделал, но затем «расконспирировал себя».

В мае 1936 года его отзывают в Москву.

В ноябре 1936 года Григорий Семенов выехал в Париж, а оттуда в Барселону. Ему надлежало «пробраться в тыл мятежников и ликвидировать некоторых руководителей фашистского движения». Вместо этого он, осмотревшись на месте, начал с развертывания широкого партизанского движения в тылу врага. Семенов полагал, что массовый террор принесет в будущем больше пользы. Одновременно активная партизанская деятельность даст необходимые кадры для терактов против членов правительства. В Москве, где ждали от него что-то вроде организации Центрального боевого отряда, такой деятельности не

поняли и расценили как самоуправство «троцкиста». В Испании он проработал всего три месяца. За это время его помощник, возглавлявший проведение диверсий, вместе с несколькими испанскими боевиками взорвал 5 вражеских поездов, но на последней операции погиб.

В конце января 1937 года Григория Семенова отозвали в Москву.

11 февраля 1937 года его арестовали.

8 октября 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством Ульриха приговорила Семенова Григория Ивановича к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение немедленно.

В апреле 1961 года реабилитирован^[262].

***СТАШЕВСКИЙ (Верховский - наст. фам. Гиршфельд)
Артур Карлович***

Один из организаторов восстания в Германии, руководитель НВО.

Родился в 1890 году в Митаве (после 1917 года - Елгава, Латвия) в семье торговца.

Окончил 4 класса гимназии.

С 1906 года - член Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы. Дважды арестовывался полицией.

В 1908 году эмигрировал.

До 1914 года проживал в Париже, работая на красильной фабрике и получив навыки отличного

меховщика-красильщика. Затем перебрался в Лондон, где также был связан с меховым производством.

В 1918 году приехал в Советскую Россию. Работал мастером-красильщиком на фабрике «ШИК» в Москве. Окончил Лефортовскую школу красных командиров в Москве.

В 1918 году вступил в РКП(б).

В 1918 году – командир отряда Западного фронта; комиссар бригады Западного фронта; комиссар 4-й стрелковой дивизии (Западный фронт).

С апреля 1919 года – начальник Разведывательного управления Штаба Западного фронта; представитель Западного фронта в РСФСР.

В январе 1921 года занимал пост начальника санчасти ВЧК.

В 1921 году Сташевского, владевшего немецким, французским, английским и польским языками, направили на «дипломатическое поприще».

С 1921 по 1924 год – под псевдонимом «Степанов» первый резидент объединенной резидентуры ИНО и советской военной разведки в Берлине, официально секретарь торгпредства РСФСР. Он создал агентурную сеть в Германии и в соседних странах, а также занимался организацией нелегального военного сотрудничества рейхсвера и РККА – именно тогда начала создаваться будущая военная мощь СССР. Занимался Сташевский и многочисленными валютными операциями, пополняя запасы РСФСР. Особое значение имело его знание «мехового дела», ведь русская пушнина издавна считалась на Западе выгодным товаром.

С 1923 по 1924 год работал в военной комиссии КПГ по линии Разведупра.

С 1924 по 1925 год – в Главном управлении торгового флота.

С 1925 по 1935 год работал в Наркомвнешторге.

В начале тридцатых годов Сташевский возглавил «Торгсин» – сеть магазинов, где имелись все продукты и промышленные товары. Они были недоступны для советских граждан, а существовали для obsługi иностранцев. Но по решению Политбюро с 1932 года «Торгсин» открыли и для советских граждан. В голодные 1931–1933 годы воспользоваться этими магазинами могли все, кому было что туда нести. После «жесткой конфискации», проводимой чекистами, подобное «мягкое изъятие» драгоценностей в обмен на пищу и одежду казалось невиданной реформой, но приносила государству куда большую выгоду. Сташевскому удалось расширить сеть «Торгсина» до полутора тысяч магазинов, они действовали фактически во всех крупных городах страны. При нем «Торгсин», кроме валюты и золота, стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и другие драгоценности. Чтобы не умереть от голода, люди меняли ценности и семейные реликвии на хлеб. «Торгсин», выполнивший свою миссию, ликвидировали в 1936 году.

С 1936 по 1937 год – торговый представитель СССР в Испании.

8 июля 1937 года арестован. Ему было предъявлено обвинение в том, что он является членом «польской шпионской организации».

21 августа 1937 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В 1956 году реабилитирован^[263].

СТУЧЕВСКАЯ (МОРГУЛЯН) Софья Семеновна

Одна из организаторов революции в Бразилии.

Родилась 19 февраля 1900 года в Харькове.

В 1920 году окончила юридический факультет Харьковского университета.

С 1924 по 1926 год – заведующая канцелярией консульства СССР в Мукдене (Китай).

С 1926 по 1927 год – не работала.

С 1927 по 1929 год – в заграничной командировке во Франции по линии Разведупра.

С 1930 по 1932 год училась в Вечерней академии при ЦДКА, одновременно работала в 3-м отделе Разведупра.

С 1932 по 1933 год – в заграничной командировке во Франции.

С 1933 по 1934 год – секретарь отдела и пом. начальника сектора в Разведупре.

С 1934 года – в аппарате ИККИ. На нелегальной работе в Бразилии и Аргентине.

С ноября 1936 года, после возвращения в СССР, работала в ИККИ, потом в Наркомате оборонной промышленности.

В 1962 году умерла.

СТУЧЕВСКИЙ Павел Владимирович

Один из организаторов революции в Бразилии.

Родился в 1890 году в Полтаве.

В 1920 году – участник советско-польской войны. В 1921 году – секретарь Южного бюро Коминтерна, сотрудник НКВД Украины.

В 1922 году – работа в романском секретариате Профинтерна.

С сентября 1924 года по май 1927 года – на дипломатической работе в г. Тиран (Албания) и г. Мукден (Маньчжурия) – шифровальщик.

С июля 1926 года по февраль 1927 года – уполномоченный Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ОГПУ.

С марта по сентябрь 1927 года – переводчик в Коминтерне.

С 1927 года – в Разведупре РККА.

В октябре 1927 года направлен резидентом военной разведки в Париж.

В 1931 году арестован французскими спецслужбами, приговорен к 3 годам тюрьмы.

В начале 1933 года вернулся в СССР. Работал в ОМС Коминтерна.

В ноябре 1935 года направлен в Бразилию под именем Леона Жуля Вайе для организации попытки коммунистического восстания во главе с Луисом Карлосом Престосом.

3 января 1936 года арестован бразильскими властями.

11 января 1936 года освобожден под наблюдение полиции.

27 января 1936 года скрылся.

В мае 1936 года нелегально выехал из Бразилии. По возвращении в Москву работал в ОМС ИККИ. Затем – сотрудник французской редакции Государственного радиокомитета.

Умер в 1942 году в Москве.

ТУММЕЛЬТАУ Харальд Тынисович

Комбриг, один из руководителей восстания в Эстонии.

Родился в 1899 году в Ревеле.

С 1917 по 1918 год – организатор Красной гвардии в Эстонии.

С 1918 года – в РККА.

В 1918 году окончил 2-е Петроградские пулеметные курсы.

С 1920 по 1923 год учился в Военной академии.

С 1923 по 1925 год – в распоряжении Разведывательного управления штаба РККА.

В 1925 году – помощник начальника части III отдела IV управления штаба РККА.

В 1926 году – начальник Сектора III отдела IV управления штаба РККА.

С 1926 по 1930 год – помощник начальника III отдела IV управления штаба РККА.

С 1930 по 1932 год – заместитель начальника III отдела IV управления штаба РККА.

С 1932 года по март 1934 года – военный атташе при Полномочном представительстве СССР в Италии.

С 1934 по 1936 год – в распоряжении Разведывательного управления штаба – Генерального штаба РККА.

С 1936 года по декабрь 1937 года – заместитель начальника III отдела Разведывательного управления РККА, комбриг.

В декабре 1937 года – вр. и. д. начальника III отдела Разведывательного управления РККА.

16 декабря 1937 года арестован.

4 октября 1938 года – расстрелян.

ФИРИН (Пупко) Семен Григорьевич

Один из организаторов революции в Германии, руководитель НВО.

Родился в 1898 году в Вильно в семье торговца.

Окончил местное двухклассное училище. Самостоятельно изучил шесть языков.

Работал конторским мальчиком, подручным на обувной фабрике.

Во время Первой мировой войны был призван в армию, дезертировал.

В 1917 году принимал участие в революционных событиях в Петрограде, социал-демократ-интернационалист.

В 1918 году вступил в РКП(б).

Во время Гражданской войны руководил партизанскими диверсионными отрядами на территории Литвы, комиссар бригады. Затем Фирин был переведен в разведывательное управление штаба Западного фронта, где в его обязанности входила организация партизанско-диверсионных отрядов в тылу противника.

В 1919 году – командир партизанского отряда им. Розы Люксембург, военный комиссар бригады Литовской советской дивизии, военный комиссар управления снабжения 4-й стрелковой дивизии 15-й армии.

10 февраля 1919 года в бою под Кейдамантом дважды ранен – в левую ногу и правую руку.

С 3 мая по июнь 1919 года участвовал в боевых действиях против белогвардейцев и немцев в Вилкомирском и Паневежском районах.

18 мая 1919 года в бою у местечка Куркла получил тяжелую контузию.

В июне – июле 1919 года воевал против белолитовцев и белополяков у городов Вилкомир, Уцяны, Новый Александровск.

С февраля 1920 года – помощник начальника агентства политуправления спартаковской бригады.

С 1920 года сотрудник Разведупра.

С июля 1920 года – руководитель и создатель резидентуры в Вильно и Ковно.

С сентября по ноябрь 1920 года принимал участие в боях против белополяков и белолатышей.

В январе 1921 года направлен в Берлин помощником резидента советской разведки.

С 1922 года работал по линии советской военной разведки в Болгарии. Координировал действия резидентур Разведупра под руководством Х. Боева и Б. Шпака (Базарова).

С начала 1923 года по линии советской военной разведки работал в Париже.

С августа 1923 года – вновь в Германии. Руководит военной работой германской Компартии.

В начале 1924 года назначен руководителем военного аппарата Коммунистической партии Германии.

С сентября 1924 года по май 1925 года – создатель и руководитель резидентуры военной разведки в Польше.

С 1925 по 1926 год – в резерве 2-го отдела Разведупра.

С 1926 по 1929 год – заместитель начальника 2-го отдела Разведупра.

В 1929 году – в зарубежной командировке. Арестован в Китае, приговорен к семи годам каторги и выслан из страны.

В 1930 году по личной просьбе (т.к. из-за «провалов» больше не может работать за рубежом, а к работе в центральном аппарате непригоден) переведен в ОГПУ на оперативную работу.

С 1930 года – начальник отделения КРО, временно исполняющий дела заместителя начальника 1-го отделения Особого отдела ОГПУ.

В 1932 году назначен начальником строительства Беломорско-Балтийского канала.

В 1933 году он одновременно стал заместителем начальника ГУЛАГа.

В 1934 году был одним из трех редакторов (вместе с Максимом Горьким и Л. Авербухом) сборника, в котором советские писатели и деятели культуры прославляли труд заключенных на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

После окончания строительства переброшен в Дмитлаг.

Арестован 9 мая 1937 года.

14 августа 1937 года расстрелян.

В 1956 году реабилитирован [\[264\]](#).

ФИШЕР Курт Готгардович

Сотрудник советской военной разведки.

Родился 1 июля 1900 года в городе Галле (Германия) в семье портного (кустарь-одиночка). С 1907 года по 1915 год – окончил народную школу в Галле, посещал подготовительное училище в Унрухштадте (Познань).

В конце Первой мировой войны призван на военную службу и направлен учиться на офицерские курсы, которые окончил в 1917 году. Службу продолжил в звании лейтенанта германской армии.

В ноябре 1918 года был разжалован за революционную пропаганду.

С 1918 по 1921 год учился в Учительских институтах в городах Айсleben и Мерзебург, активно участвовал в юношеском социалистическом рабочем движении, участник «вооруженной борьбы германского пролетариата».

С ноября 1918 года – член «Союза Спартака».

В 1919 году вступил в Компартию Германии.

С февраля 1920 года по март 1921 года – корреспондент газеты «Фольксблат» в городе Галле.

В 1921 году партийная деятельность стала препятствием для окончания Учительского института – его отстранили от сдачи выпускного экзамена и отчислили из вуза.

В марте 1921 года, спасаясь от преследования полиции, он переехал сначала в Берлин, а оттуда в Щецин (Польша), затем в Нарву (Эстония).

В июне 1921 года прибыл в Ленинград.

В июле 1922 года был назначен в распоряжение ИККИ в Москве.

С сентября 1921 года – по линии Коминтерна в командировке в Вене и Берлине.

С ноября 1921 года по август 1922 года редактировал газету КПГ «Рур Эхо» в Эссене.

С августа 1922 года по февраль 1923 года редактировал газету КПГ «Классен кампф» в Касселе.

С февраля по апрель 1923 года работал редактором в Бюро печати ЦК КПГ в Берлине.

В апреле 1923 года вернулся в Советскую Россию.

С апреля по октябрь 1923 года был политруком немецкого педагогического техникума в городе Хортице на Украине, заведовал немецкой секцией губернского отдела народного образования в Одессе.

В течение месяца состоял в распоряжении ИККИ в Москве.

В ноябре 1923 года вернулся в Германию.

С ноября 1923 года по февраль 1924 года – 2-й секретарь окружного комитета КПГ в городе Росток.

В феврале 1924 года вернулся в Москву.

С февраля по апрель 1924 года заведовал немецкой секцией Наркомата просвещения СССР.

16 февраля 1924 года принят в ВКП(б).

С апреля 1924 года по август 1928 года работал референтом Информационного отдела Коминтерна.

С 1 августа 1928 года на военной службе в РККА. В течение года стажировался в должности командира роты 2-го стрелкового полка Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Получив необходимые военные знания, был зачислен на 1-й курс основного факультета Военной академии им. Фрунзе. Затем переведен на Восточный факультет той же академии, которую он успешно окончил.

14 марта 1932 года поступил в распоряжение Разведупра штаба РККА.

С марта 1932 года по май 1933 года – резидент по линии активной разведки в Харбине.

С августа 1933 года по август 1934 года руководил разведгруппами в разных европейских странах. Военный инструктор «Шуцбунда» в Австрии.

В 1934 году был арестован в Вене и провел несколько месяцев в тюрьме.

С ноября 1935 года по июнь 1939 года работал на Дальнем Востоке (в Китае и Японии). Резидент по линии активной разведки в Шанхае.

С августа 1939 года, после возвращения в Советский Союз, находился в распоряжении Разведупра РККА.

С сентября 1940 года по июнь 1941 года работал старшим преподавателем разведки кафедры разведки 3-го факультета Высшей специальной (разведывательной) школы Генштаба Красной Армии.

8 октября 1940 года присвоено воинское звание подполковника.

С июня 1941 года – доцент, преподаватель военных и военно-санитарных дисциплин Куйбышевской военно-медицинской академии.

С 1942 года по 1943 год – начальник военной кафедры Казанского университета им. Ульянова-Ленина.

С 1943 по 1945 год – член Национального комитета «Свободная Германия», занимался антифашистской пропагандой среди немецких военнопленных. Состоял сотрудником «Института № 99» (Комиссия по работе среди военнопленных при ЦК ВКП(б)).

В мае 1945 года вернулся в Германию в группе уполномоченных ЦК КПГ под руководством Антона Аккермана.

С мая по июль 1945 года – бургомистр города Дрезден.

С июля 1945 года по октябрь 1946 года – 1-й вице-президент земельного руководства Саксонии.

С 1946 по 1948 год – министр внутренних дел земли Саксония.

С 1948 по 1950 год – президент Центрального управления внутренних дел Германии, начальник Главного управления немецкой народной полиции.

22 июня 1950 года умер.

ФИШЕР Франц Максович (ПЕРН Антон Густавович)

Сотрудник советской военной разведки, участвовал в мероприятиях активной разведки на территории Польши.

Родился 21 октября 1895 года в Шенеберге (Германия).

С 1910 года – в революционном движении.

4 декабря 1920 года вступил в КПГ.

С августа 1921 года – сотрудник советской военной разведки.

Участвовал в мероприятиях активной разведки, которые проводила польская Компартия по заданию Москвы.

В сентябре 1927 года приехал в Советский Союз.

Расстрелян в СССР в 1938 году.

ФОМФЕРРА Генрих Карл («Солте»)

Родился 19 ноября 1895 года в городе Шенебек в окрестностях Эссена (Германия) в семье горняка.

Окончил народную школу в Эссене.

В 1912 году вступил в Социал-демократическую партию Германии.

С 1912 по 1915 год работал на кирпичном заводе и в шахтах в Эссенском округе Рурской области.

В период Первой мировой войны призван на военную службу, на которой состоял до конца военных действий.

В январе 1919 года стал членом Независимой социал-демократической партии Германии.

С марта по апрель 1920 года сражался в рядах Красной Армии Рура, которой командовал Вильгельм Цайссер.

В 1920 году за участие в налете на кассу трамвайного депо в Шёнебеке приговорен к 18 месяцам тюремного заключения, которое отбывал в Мюнстере.

С 1922 по 1923 год – строительный рабочий в Эссене, плотник в Йене, боец «пролетарской сотни».

В 1923 году вступил в КПГ.

С 1923 по 1924 год – командир рабочего отряда.

В феврале 1924 года арестован за хранение оружия и взрывчатки, приговорен к 16 месяцам тюремного заключения.

С 1924 по 1925 год отбывал срок в тюрьме Билефельда.

С 1925 по 1930 год – строительный, дорожный и типографский работник в Эссене.

С 1925 по 1926 год – руководитель Союза красных фронтовиков (СКФ) в Стоппенберге.

С 1926 по 1928 год – казначей СКФ в Эссене.

С 1928 по 1929 год – политруководитель горкома КПГ Стоппенберга и член Рурского окружка КПГ.

Осенью 1929 года отправлен партией на учебу в Москву.

С ноября 1929 года по июль 1930 года – слушатель военно-политической школы Коминтерна в Подмосковье.

С 1930 по 1932 год – под псевдонимами «Франц» и «Каменщик» сотрудник военного аппарата КПГ в Рурской области, руководитель группы отделения по связи с предприятиями военного аппарата КПГ на заводах Круппа в Эссене.

С 1932 по 1936 год проходил военное обучение в Москве, сам преподавал диверсионные дисциплины, выполнял задания Коминтерна за рубежом.

С июля 1936 года по май 1937 года находился в рядах Республиканской армии в Испании и имел звание капитана. Создал и руководил партизанской школой.

С 1937 по 1938 год учился в радиошколе Разведупра РККА.

С августа по ноябрь 1938 года работал в Бельгии, где был связан с Иоганном Венцелем.

С декабря 1938 года по апрель 1939 года находился в Советском Союзе.

С мая по октябрь 1939 года выполнял задания советской военной разведки во Франции, Бельгии и Швейцарии.

В ноябре 1939 года был отозван в Москву. Начальник отдела «А» (активная разведка) Разведупра РККА Хаджи-Умар Мамсуров поставил перед ним и Хансом Шварцем новую задачу – создать разведывательно-нелегальную резидентуру в Венгрии. Ее предполагалось активизировать в случае начала войны.

В ноябре 1939 года с документами на имя датского коммивояжера Мальхера через Брюссель и Германию выехал в Венгрию.

В начале января 1941 года перебрался в Словакию. Официальная причина смены местожительства – в середине декабря 1940 года истек срок вида на жительство, выданного властями Венгрии.

Задание оставалось прежним. Организация разведывательно-диверсионной резидентуры на территории Словакии и ее активизация при начале войны Германии с Советским Союзом.

В феврале 1942 года арестован.

В январе 1944 года начался судебный процесс.

В конце августа 1944 года в Словакии началось национальное восстание. Генрих Фомферра оказался на свободе и принял активное участие в организации партизанского движения.

В январе 1945 года вышел в распоряжение Красной Армии.

В июне 1945 года вернулся в Германию.

С июня 1945 года по июль 1946 года возглавлял отдел кадров управления лесного хозяйства земли Бранденбург.

С октября 1946 года по ноябрь 1949 года – старший правительственный советник в 5-м комиссариате криминальной полиции (предшественник МГБ ГДР).

С февраля 1950 года по декабрь 1953 года – сотрудник, начальник отдела, заведующий секретариатом министра (В. Цайссера), партийной контрольной комиссии Министерства государственной безопасности (МГБ) ГДР.

В декабре 1953 года уволен в запас по обвинению в том, что в 1942 году дал признательные показания в гестапо.

С мая 1954 года по декабрь 1959 года – заместитель начальника управления патриотического воспитания Национальной народной армии.

В 1962 году присвоено звание полковника.

31 мая 1979 года умер в Берлине.

ЦАЙССЕР Вильгельм («Вернер»)

Родился 19 июня 1893 года в городе Роттхаузен под Эссеном в семье жандармского вахмистра.

С 1899 года по 1907 год учился в евангельских народных школах сначала в Роттхаузене, а затем в Рюттенштайде, где его отец работал кастеляном в городской гимназии.

С 1907 по 1910 год учился в подготовительном училище.

С 1910 по 1913 год учился в Королевской евангельской учительской семинарии в Эссене.

С 1913 по 1914 год отслужил срок военной службы в германской армии – рядовым пехотного полка.

С апреля по сентябрь 1914 года – учитель Эссенской народной школы.

С 1914 по 1918 год – участник Первой мировой войны.

В 1916 году присвоено звание лейтенанта.

В 1918 году вступил в Независимую социал-демократическую партию Германии.

С 1918 года по 1923 год учительствовал в той же школе, что и до войны.

В 1919 году уволен из армии в звании лейтенанта запаса.

В 1920 году во время «капского путча» был одним из руководителей борьбы против путчистов в Эссене – командовал Красной Армией Рура.

В январе 1921 года арестован. Осужден особым военным судом в Касселе на четыре месяца тюрьмы.

С июня по сентябрь 1921 года редактировал газету «Рур-эхо» в Эссене.

С октября 1921 года по апрель 1922 года издавал газету «Бергишен фольксштимме».

С апреля 1922 года по июль 1923 года состоял в Союзе работников физического и умственного труда, руководил президиумом Союза и его организацией в Эссене.

С ноября по декабрь 1922 года в качестве делегата участвовал во 2-м конгрессе Профинтерна в Москве.

С июля 1923 года по июнь 1924 года – член окружного руководства КПГ в Рурской области.

С сентября 1923 года руководил военной работой КПГ в Рурской области.

С марта по июнь 1924 года – слушатель военно-политической школы ИККИ под Москвой на станции Баковка.

С 1924 по 1926 год входил в состав партийного руководства округа «Запад». Руководил «М-аппаратом» в Руре и Нижнерейнском округе, вел социалистическую пропаганду среди солдат французских оккупационных войск.

С 1925 года по 1932 год под именем Вернера Рейснера выполнял спецзадания Разведупра штаба

РККА.

С ноября 1925 года по февраль 1926 года – на нелегальной работе в Палестине по линии советской военной разведки.

С апреля 1926 года по июнь 1927 года – в Германии, в аппарате ЦК КПГ, работал в военном отделе. Инструктор, руководитель курсов и редактор военно-политического журнала КПГ «Октябрь».

С августа 1927 года по февраль 1930 года – в Маньчжурии по линии советской военной разведки.

С июля 1930 года по январь 1932 года – в Чехословакии. Работал в Праге инструктором орготдела ИККИ и Разведупра. Среди выполненных заданий: организация разведгрупп в Чехословацкой армии и создание разведывательно-диверсионных групп, которые планировалось активизировать в случае начала войны.

В январе 1932 года вернулся в Москву.

23 февраля 1932 года переведен из КПГ в ВКП(б).

С 1932 по 1935 год работал в Москве в орготделе ИККИ, одновременно преподавал в Международной Ленинской школе Коминтерна, а затем – в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада.

С сентября 1936 года – в Испании, известен как «Гомес». Военный советник 5-го полка Испанской республиканской армии.

С ноября 1936 года по июль 1937 года под именем «генерал Гомес» командовал 13-й Интербригадой.

С июля 1937 года по лето 1938 года – начальник базы интербригад в Альбасете.

С 1938 по 1943 год, после возвращения в Москву из Испании, работал редактором немецкой секции Издательства литературы на иностранных языках.

26 июня 1941 года начальник Управления военной контрразведки НКО СССР А.Н. Михеев сообщил: «По

материалам ЦАЙССЕР с политической стороны характеризуется отрицательно. ЦАЙССЕР не доволен своим положением (после генерала в Испании), иронически оценивает все, что здесь его окружает».

С февраля по ноябрь 1943 года под псевдонимом «Рейснер» был членом рабочей группы ЦК КПГ, целью которой было усиление деятельности движения Сопротивления и антифашистской агитационной работы.

С ноября 1943 года по декабрь 1946 года преподавал в антифашистской школе в Красногорске под Москвой, занимался антифашистским воспитанием немецких военнопленных.

В феврале 1947 года вернулся в Германию, вступил в СЕПГ.

С марта 1947 года по сентябрь 1948 года – начальник полиции.

С 1948 по 1949 год – министр внутренних дел и заместитель премьер-министра земли Саксония-Анхальт.

В 1949 году – вице-президент Управления внутренних дел Восточной Германии.

С февраля 1950 года по июль 1953 года – министр государственной безопасности ГДР, член ЦК и Политбюро ЦК СЕПГ, депутат Временной народной палаты.

В июле 1953 года «за антипартийную фракционную деятельность, угрожавшую единству и чистоте партии», исключен из ЦК и Политбюро СЕПГ.

В январе 1954 года исключен из СЕПГ.

С 1954 по 1958 год работал переводчиком в издательстве «Dietz» и Институте марксизма-ленинизма в Берлине.

3 марта 1958 года умер в Берлине.

ЧХЕИДЗЕ Михаил Малзахович

Полковник, военный инструктор болгарских партизан.

Родился в 1899 году.

Участник Гражданской войны. С 1921 по 1922 год – начальник 1-й Ленинградской артиллерийской школы.

С 1922 по 1924 год – слушатель Военной академии.

С середины 1924 года по январь 1925 года – военный инструктор у партизан в Болгарии.

С января 1925 года – состоял для особых поручений 1-го разряда Управления делами Наркомата по военным и морским делам СССР.

С октября 1925 года – помощник начальника 3-го отдела Разведупра.

С октября 1927 года – начальник сектора 3-го отдела Разведупра.

С января 1928 года – пом. нач. 3-го, затем 6-го отдела Разведупра.

С декабря 1932 года – начальник штаба 50-й стрелковой бригады 5-го механизированного корпуса.

С декабря 1934 года – помощник командира 9-й стрелковой дивизии, затем 38-й стрелковой дивизии.

26 ноября 1935 года присвоено звание полковника.

11 июля 1937 года уволен в запас.

25 сентября 1937 года арестован.

5 июля 1938 года приговорен к расстрелу.

ШВАРЦ Ганс

Родился 9 ноября 1909 года в Берлине в рабочей семье.

Был активистом КПГ, работал в охране Эрнста Тельмана, был личным секретарем руководителя КПГ.

В 1933 году непродолжительное время находился под арестом, затем бежал в Чехословакию. Там он занимался переправкой литературы и людей в Германию, помогал бежать из страны тем, кому угрожал арест. Был арестован местной полицией. Бежал из-под стражи и перебрался в СССР.

Воевал в Испании.

В ноябре 1939 года начальник отдела «А» (активная разведка) Хаджи-Умар Мамсуров поручил ему и Генриху Фомферре создать в Венгрии разведывательно-диверсионную резидентуру, которую предстояло активизировать в случае начала войны.

В ноябре 1939 года с документами на имя швейцарского подданного Франца Шрека выехал в Венгрию. Из-за проблем с получением вида на жительство пришлось перебираться в Словакию.

10 октября 1940 года приехал в Братиславу.

Арестован в феврале 1942 года.

В конце августа 1944 года во время Словацкого национального восстания освобожден.

Участвовал в партизанском движении.

21 сентября 1944 года погиб.

ШТЕРН Манфред Залманович (Стерн Мойше)

Родился в городе Болока в Буковине 20 января 1896 года в семье мелкого торговца.

Окончил начальную школу и 1-ю государственную гимназию в Черновцах.

К 1914 году имел среднее медицинское образование. Учился на медицинском факультете Венского университета. Член Свободного объединения студентов-социалистов.

С 1914 по 1916 год – унтер-офицер санитарной службы кайзерско-королевской армии, затем окончил офицерскую школу и был назначен командиром роты.

С июня 1916 года по февраль 1917 года – военнопленный в России. Содержался в лагере Березовка за Байкалом. В Сибири валил лес, строил бараки, батрачил.

В годы Гражданской войны организовал интернациональный партизанский отряд, воевал против войск Колчака в Восточной Сибири и барона Унгерна фон Штернберга – в Монголии.

С 1920 по 1921 год – в армии Дальневосточной республики. Был избран депутатом Учредительного собрания Дальневосточной республики, служил начальником штаба у И. Уборевича.

С сентября 1921 года по 1923 год – слушатель Военной академии РККА. Окончил ее только в 1926 году.

Осенью 1923 года командирован в Германию, участвовал в подготовке революции. Один из руководителей восстания в Гамбурге.

После возвращения в СССР был назначен сотрудником резерва 2-го (агентурного) отдела

Разведупра.

С 1924 года по ноябрь 1925 года – помощник начальника, преподаватель особых военных курсов для иностранных коммунистов.

В январе 1925 года был назначен помощником начальника 3-й (военно-политической) части 3-го (информационно-аналитического) отдела Разведупра.

В августе 1926 года – начальник штаба 250-го стрелкового полка, затем начальник штаба 2-го стрелкового полка Московской Пролетарской стрелковой дивизии.

В 1927 году командирован в Китай.

До декабря 1929 году исполнял обязанности начальника учебно-лабораторной части общеакадемического учебного отдела Военной академии им. М.В. Фрунзе.

С 1930 по 1931 год – резидент советской военной разведки в США, работал под «прикрытием» должности сотрудника «Амторга» и документами на имя Марка Зильберта. Из страны уехал из-за того, что завербованный им агент Уильям Диш сообщил о нем ФБР.

В 1932 году – резидент советской военной разведки в Маньчжурии.

С 1932 по 1934 год – по линии Коминтерна и Разведупра в Китае, действует под именами «Тео» и «Фред».

С 1935 по 1936 год – в центральном аппарате ИККИ, помощник заведующего Восточным лендерсекреатом.

В сентябре 1936 года направлен в Испанию под псевдонимом Эмиля Клебера. Формирует первую Интербригаду. Генерал Клебер входит в историю как «человек, который спас Мадрид», отразив лучшие франкистские войска, а после гибели генерала Лукача (Матэ Залки) принимает командование 45-й пехотной дивизией.

С 1937 по 1938 год работал в секретариате ИККИ – политический помощник О. Куусинена.

В 1938 году арестован и приговорен к десяти годам заключения [\[265\]](#).

В 1948 году – повторный срок. Сначала Печорлаг, затем Минлаг (Инта). А закончил свою жизнь он опять сибирским пленником – в Озерлаге, на линии Тайшет – Братск.

18 февраля 1954 года, за два года до реабилитации, умер от истощения в лагере на станции Сосновка.

В 1956 году реабилитирован.

ШТРОДАХ Алексей Петрович

Военный советник в Германии.

Родился в 1894 году.

С 1912 года – член партии большевиков. До Первой мировой войны – моряк, знал немецкий и английский языки.

Во время Первой мировой войны – прапорщик.

В годы Гражданской войны – в Красной Армии, окончил Академию Генерального штаба.

В марте 1921 года – в Германии.

Осень – зима 1923 года – военный советник при ЦК КПГ по подготовке вооруженного восстания.

С 1924 года – на партийной и хозяйственной работе в Москве, Рязани и Ташкенте.

С 1934 по 1936 год – преподаватель Международной ленинской школы.

Последняя должность – заместитель председателя Госплана Латвийской ССР.
Умер в 1956 году.

ЩЕЛОКОВ Николай Иосифович

В Красную Армию призван в 1925 году. В начале тридцатых годов занимал пост начальника инженерной службы 137-го пехотного полка 24-й Самаро-Ульяновской Краснознаменной пехотной дивизии, которая дислоцировалась в то время в Виннице.

В 1935 году участвовал в подготовке личного состава саперно-маскировочных взводов.

Летом 1936 года в звании старшего лейтенанта отправлен в спецкомандировку в Испанию. Занимался организацией разведывательно-диверсионной деятельности. Несколько раз сам в качестве командира разведывательно-диверсионной группы ходил за линию фронта. Вернулся в Советский Союз в июле 1938 года.

В 1938 году назначен на должность старшего сотрудника отдела «А» Четвертого управления (военная разведка) ГШ РККА.

Во время советско-финской войны командовал отрядом лыжников.

В годы Великой Отечественной войны сначала занимался подготовкой белорусских партизан, а потом командовал стрелковым полком.

В 1945 году демобилизовался в звании полковника [\[266\]](#).

**ЭМИЛЬЕВ Андрей Иванович (Контров Сава
Драганов, Драганов Сава, Шмит К.)**

Военный инженер 1 ранга.

Родился 4 апреля 1904 года в селе Георе (Добруджа), Румыния.

В 1924 году окончил гимназию в Варне.

С 1924 по 1930 год учился в университете города Грац в Австрии, изучал промышленную химию.

Активист болгарских коммунистических организаций. Входил в состав нелегальной партийной группы содействия БКП (такие группы создавались для помощи СССР в случае войны). Член Компартии Австрии.

С 1930 года – советский военный разведчик по линии «активки» (что означало разведывательно-диверсионную деятельность), работал в странах Европы и центральном аппарате.

С 1930 по 1934 год – в распоряжении Разведупра, работал в резидентуре И. Винарова в Австрии.

С февраля 1936 года по июнь 1938 года – секретный уполномоченный Специального отделения «А» Разведупра.

Военный советник в 14-м (партизанском) корпусе Республиканской армии Испании.

С июня 1938 года по июль 1939 года – в запасе РККА, состоял в распоряжении Управления по комнатному составу РККА.

С июля 1939 года по сентябрь 1940 года – начальник учебного отделения Центральной школы подготовки

командиров штаба Разведупра.

С сентября 1940 года – начальник 3-го курса 3-го факультета Высшей специальной (разведывательной) школы Генштаба.

В годы Великой Отечественной войны рекомендации Эмильева как специалиста-химика передавала для подпольщиков Болгарии нелегальная радиостанция «Христо Ботев».

В последние годы жизни работал заместителем заведующего кафедры редких языков Высших курсов иностранных языков МИД СССР.

Умер в 1970 году в Москве.

Часть пятая
На территории СССР в годы
ВОВ

Глава 13

Мы за ценой не постоим

В начальный период Великой Отечественной войны приказом Разведупра при разведотделах штабов фронтов были образованы оперативные спецгруппы (ОС). Их задачей было формирование разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов для заброски в немецкий тыл. Так, в июле 1941 года при разведотделе Западного фронта была создана оперативная спецгруппа из 12 офицеров во главе с майором А.Е. Свириным. За полтора месяца работы она отправила в тыл немецко-фашистских войск 52 группы и отряда.

Первых членов разведывательно-диверсионных групп и отрядов, которые спешно созданные ОС разведотделов штабов фронтов отправляли за линию фронта, многие специалисты называли смертниками.

Предоставим слово Виталию Никольскому, в то время сотруднику 2-го отделения 7-го отдела Разведуправления, занимавшегося координацией деятельности разведотделов западных приграничных военных округов:

«В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Наверстывались беспечные упущения мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах. Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, разведчиков. Причем преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели.

Подбирались добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Главсевморпути, Гражданского воздушного флота, а также членов Осоавиахима. Ставка делалась на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также длительности предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев – от нескольких дней до нескольких месяцев. Дольше всех готовили радистов. Они досконально изучали рации «Белка» (в последующем «Север») и должны были уметь передавать на ключе и принимать на слух 100-120 знаков в минуту. Для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы. Впоследствии дело подготовки радистов было поставлено «на поток», и в 1943-1945 годах уже все группы были радиофицированы. За годы войны было подготовлено около пяти тысяч радистов, из которых более трех тысяч работало в тылу врага.

Недостатка в желающих стать разведчиками не было. Военкоматы наводнялись рапортами с просьбами направить немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор предоставлялся в большом возрастном диапазоне, от пятнадцатилетних юношей и девушек до глубоких стариков, участников еще Русско-японской войны. Предложение служить в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось. Трогательно и больно вспомнить, с каким безграничным доверием относились к своим командирам отобранные кандидаты...

Переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп в первые месяцы войны производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими подразделениями и частями. Многих организаторов

подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Их подбирали буквально накануне захвата противником населенного пункта из числа местных жителей, которым под наскоро составленной легендой-биографией в виде дальних родственников придавали радиста, а чаще всего радистку, снабженных паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обусловливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям и оставляли до прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные и диверсионные группы и одиночки оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Аналогичную работу по подбору, подготовке и заброске разведчиков в тыл врага производили агентурные и диверсионные отделения разведотделов штабов фронтов. Разведорганы фронтовых и армейских подразделений начали развертываться по штатам военного времени уже в ходе боевых действий, когда наши войска вели тяжелые оборонительные бои. Поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Опыт приобретался ценой больших потерь»^[267].

Спешно набранные слушатели проходили короткое обучение в специально оборудованных школах. Так, например, в учебном лагере на станции Сходня под Москвой в первые месяцы войны было сосредоточено до полутора тысяч человек различных национальностей – русских, немцев, поляков, чехов, румын, испанцев, итальянцев и т.д. В течение двух недель их стремились

научить всему, что могло пригодиться в подпольной работе: стрельбе, радиodelу, топографии, прыжкам с парашютом, вождению автомобиля, основам конспирации. Легко понять, какого качества специалистов давала эта двухнедельная подготовка. Трудно было при массовом обучении и соблюдать конспирацию, что тоже сказывалось потом, когда в гестапо из захваченных разведчиков выбивали все, что они могли знать о своих товарищах по учебе и т.п.

Эффективность диверсионной работы большинства групп была невысокой.

Из-за отсутствия радиосвязи использовать эти группы для эффективной разведки было тоже крайне сложно. В первые месяцы войны Красная Армия стремительно отступала, и добытые с разведчиками сведения из-за стремительно наступающих подразделений Вермахта устаревали к моменту возвращения разведывательно-диверсионных групп из-за линии фронта.

В первые месяцы войны за линию фронта иногда направляли офицеров разведотделов штаба фронта и штабов армий. В частности, на Ленинградском фронте «были выброшены группы капитана Плющева, капитана Федорова, капитана Скачкова, капитана Рева, лейтенанта Андропова и др. ... в дальнейшем эти меры применялись редко»^[268].

Ошибки военного и политического руководства СССР

К низкому уровню профессиональной подготовки и специфики первых месяцев войны (стремительное отступление Красной Армии) добавились еще и ошибки в сфере организации партизанского движения на оккупированной противником территории высшего политического и военного руководства страны.

Вот что писал об этом легендарный подрывник, один из создателей партизанского корпуса в Испании И.Г. Старинов: «На моих глазах начало происходить то, чего я так боялся (речь идет об июне – июле 1941 г. – *Прим. авт.*): на всех территориях, куда вторгся враг, принялись наспех формировать партизанские отряды и почти без всякой подготовки забрасывать их в тыл наступающей немецкой армии. Причиной этой спешки было обращение Сталина к советскому народу 3 июля 1941 года, где он, в частности, заявил: «В занятых врагом районах надо создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и обозов».

...После выступления Сталина стало стремительно набирать ход скоропалительное формирование и переброска в тыл врага без должной подготовки диверсионных групп и партизанских отрядов. На подготовку группы выделялось не больше семи дней, а в 30-е годы на это уходило от трех до шести месяцев.

18 июля 1941 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германский войск». Ничего толкового в нем не было. Главное – вместо хорошо отработанной в Испании системы управления партизанскими отрядами через специальные штабы предлагалось «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». Но подпольщики могли руководить партизанским движением только в кинофильмах. Подполье было уязвимо, и подпольщики часто сами погибали, если не выходили в расположение партизанских формирований.

Уже в июле 1941 года участники испанской войны предлагали прекратить бойню под видом переброски в

тыл противника партизанских формирований, не имеющих должной подготовки, и перенести упор на формирование специальных частей из специально отобранных и тщательно обученных людей. Они смогли бы закупорить движение на железнодорожных магистралях и ночное движение на автодорогах и сильно затруднить дневное движение. Ведь коммуникации противника проходили через районы, весьма благоприятные для таких действий. Но Сталин согласия не дал.

Итог: к 1 октября 1941 года на территории Украины были оставлены 738 партизанских отрядов (примерно 26 тыс. человек) и 191 диверсионная группа. На 1 марта 1942 г. из 1974 партизанских отрядов, сформированных и направленных на оккупированную территорию Украины, имелись данные о боевой активности лишь по 241. На 26 июня 1942 года на Украине из 778 числящихся партизанских отрядов только 22 действовали (3310 человек). Аналогично обстояло дело в Белоруссии, на северо-западном направлении и в Орловской области»[\[269\]](#).

Другая ошибка – неправильный выбор тактики партизанской войны. Вместо отправки в тыл врага прекрасно экипированных и обученных компактных разведывательно-диверсионных групп на оккупированной территории начали в массовом порядке формировать многочисленные партизанские отряды.

На пути к Москве

Выше мы писали о том, что в первые месяцы войны разведотделы фронтов начали массовую отправку за линию фронта разведывательно-диверсионных отрядов. Судьба их членов складывалась по-разному.

Так, отряд под командованием И.Ф. Ширинкина в сентябре – ноябре 1941 года прошел свыше 700 км по

территории Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областей, занимаясь разведкой и диверсиями. За этот рейд командир отряда и комиссар Ю.А. Дмитриев были награждены орденами Ленина. Хотя такой счастливый финал в первый год войны бывал крайне редко. Большинство разведывательно-диверсионных групп с задания не возвращались. Их члены в течение многих лет числились «без вести пропавшими».

В качестве примера мы расскажем о другой операции. Одна из ее участниц посмертно получила звание Героя Советского Союза и стала известна во всем мире. Ее зовут Зоя Космодемьянская. Ее боевая подруга Вера Волошина звание Героя Российской Федерации получила только спустя полвека после совершенного ею подвига.

В ночь с 21 на 22 ноября 1941 года в немецкий тыл разведотделом штаба Западного фронта были заброшены две спецгруппы по десять человек каждая. Большинство бойцов уже в течение нескольких месяцев выполняли задания советской военной разведки за линией фронта.

Первой группой командовал восемнадцатилетний Павел Проворов. Несмотря на юный возраст, он считался опытным командиром. В подчинении у него находилось девять человек – пять мужчин и четыре девушки. Самым молодым был москвич Николай Морозов. Ему едва исполнилось 16 лет. Остальные разведчики – Алексей Голубев, Иван Емельянов, Иван Кирюхин и Василий Клубков – родились в 1923 году. Девушки были чуть постарше. Вере Волошиной, комсоргу группы, было 22 года. Клава Милорадова родилась в 1920 году. Самой молодой среди девушек-разведчиц была москвичка Зоя Космодемьянская. Ей было 18. Четвертой девушке – Наташе Обуховской – исполнилось 23 года.

Второй группой командовал Борис Крайнов. В состав группы входили ребята из Москвы и Ярославля. Двоим из них, москвичам Петру Смирнову и Илье Брюкеру, было по 16 лет, остальным – не больше 21 года.

Что заставляло командование разведотдела штаба Западного фронта направлять в тыл к немцам для выполнения спецзаданий столь «зеленую» молодежь? Специальный уполномоченный Государственного Комитета Оборона на Западном фронте по диверсионной работе майор Артур Спрогис считал, что у разведчиков такого возраста больше шансов выполнить задание и возвратиться на базу живыми и невредимыми. Так всегда и случалось.

Так, в начале ноября 1941 года группа в составе 12 человек (среди них была и Зоя Космодемьянская) действовала в районе железнодорожного перегона Шаховская и Князьи Горы (Московская область), захваченных фашистами. Группа минировала дороги, уничтожала отдельные машины с живой силой противника. Группе ставилась задача по уничтожению складов с боеприпасами, горючим и продовольствием.

В разведзадании, как всегда, имелся особый пункт. Задание считалось выполненным, если группа уничтожила 5–7 автомашин и мотоциклов; разрушила 2–3 моста; сожгла 1–2 склада с горючим и ликвидировала до 15–20 офицеров и солдат противника. В тот раз задание полностью выполнить не удалось, но и то, что успели сделать разведчики в тылу противника, прибавило немцам хлопот.

Задание группе Павла Проворова было следующим: «Проникнуть за линию фронта с задачей сожжения населенных пунктов в тылу противника, в которых находятся части противника.

Вы обязаны сжечь следующие населенные пункты, занятые немцами: Анашкино, Петрищево, Ильятино,

Пушкино, Бугайлово, Грибцово, Усатново, Грачево, Михайловское, Коровино».

Далее уточнялось: «После уничтожения этих пунктов задание считается выполненным. Срок выполнения задания – 5–7 дней с момента перехода линии фронта».

Второй пункт задания обязывал группу по прибытии в расположение частей Красной Армии доложить обо всем, что известно о противнике. «О своей работе, – требовал майор, – не докладывайте. После чего просите, чтобы оказали содействие в доставке вас в разведотдел Западного фронта к майору Спрогису...»

Подобное задание получила и разведгруппа Бориса Крайнова. Разведчикам этой группы предстояло сжечь 9 населенных пунктов, в «которых находятся или могут находиться части неприятеля». Среди этих деревень были Ястребово, Никольское, Богородское, Архангельское, Златоусово и другие.

Каждый разведчик получил по три бутылки с зажигательной смесью «КС», продовольственный паек. Мужчинам выдали по бутылке водки. Кое-кто взял две. Это не запрещалось. Водка использовалась в походе для медицинских нужд. По ночам лес трещал от сильного мороза.

Реальные события развивались не так, как планировал майор Спрогис. Немцы усиленными нарядами охраняли не только дороги, но и деревушки, в которых располагались солдаты и офицеры.

В районе дороги Дютково – Маурино группа Павла Проворова была обстреляна немцами. Автоматный огонь противника был настолько интенсивным и плотным, что группе пришлось разделиться на две части. Морозов, Воронина, Брюкер и некоторые другие отстали.

Группа Бориса Крайнова оказалась в таком же положении. Все лесные дороги контролировались немцами. Деревни, где располагались фашисты, усиленно охранялись. 25 ноября в разведку ушли и не

возвратились Лидия Булгина и Клавдия Милорадова. Проворов и Крайнов решили объединиться в одну группу. В ней оказалось всего восемь человек. В районе деревни Усатково объединенная группа вновь наткнулась на засаду немцев. Отбиваясь от фашистов, разведчики ушли в лес. Проворов решил прервать выполнение задания и возвратиться на базу за линию фронта. К нему присоединились Лебедева, Щербаков, Кирюхин и Обуховская. После минутного прощания они исчезли среди густых зимних елей.

Борис Крайнов решил остаться в тылу противника и выполнить боевую задачу, поставленную Спрогисом. С командиром группы остались Зоя Космодемьянская и Василий Клубков.

Примерно к полуночи 27 ноября они вышли в район Петрищева. Деревня спала. Из глиняных труб приземистых домов тянулись хвосты дыма.

После длительного перехода разведчики решили немного отдохнуть и изучить обстановку. Крайнов, Клубков и Космодемьянская попытались определить, где именно могут находиться немецкие часовые. До рассвета оставалось еще часа четыре.

Для того чтобы поджечь дома, в которых ночевали немцы, нужно было незаметно к ним подобраться и забросать бутылками с зажигательной смесью. Затем поджечь боевую технику фашистов. Никто из разведчиков, даже Крайнов, не знал, что приказ, в соответствии с которым специальные разведгруппы должны были заниматься поджогом уцелевших деревенских домов, в которых обосновывались фашисты, был подписан Иосифом Сталиным.

Примерно в 2 часа ночи Крайнов распределил участки деревни, для каждого из бойцов уточнил задачи, еще раз напомнил, что и как делать, где группа должна собраться после выполнения задания. Напомнил, в каком направлении необходимо двигаться к

своим, если возникнут непредвиденные обстоятельства. Пожелав всем удачи, командир разведгруппы приказал начать операцию.

Крайнов и Космодемьянская выполнили задание и подожгли «свои» дома, где на постое стояли оккупанты. После этого они заспешили на место встречи. А вот Василий Клубков не смог поджечь дом – бутылка с зажигательной смесью не сработала. После этого, увидев немецких солдат, он перепугался, забыл про лежащий в кармане револьвер и попытался убежать. На опушке леса его поймали и отвели к немецкому офицеру. Оружие, бутылка с горючей смесью, сумка с продуктами – неопровержимые улики. Допроса парень не выдержал. В конце концов рассказал и о том, где разведчики собирались встретиться после выполнения задачи. Немцы бросились в лес и спустя какое-то время вернулись с захваченной девушкой. Он подтвердил, что она тоже входила в спецгруппу.

В отличие от Клубкова Зоя Космодемьянская упорно молчала на допросе. Ранним утром ее повесили. А предатель согласился выполнять задания немецкой разведки. В середине февраля 1942 года его перебросили обратно через линию фронта. Теперь ему предстояло воевать в советском тылу.

В начале февраля 1942 года Артур Спрогис направил письмо секретарю Московского комитета ВЛКСМ. В нем он сообщил о том, что «комсомолка Космодемьянская Зоя Анатольевна при выполнении специального задания командования разведывательного отдела штаба Западного фронта 30 ноября – 1 декабря 1941 года в деревне Петрищево Верейского района была казнена немецкими фашистами».

Далее Спрогис сообщал, что «Зоя Анатольевна умерла смертью героя с лозунгами: «Смерть немецким оккупантам! Да здравствует социалистическая Родина! Да здравствует товарищ Сталин!»

16 февраля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Зое Анатольевне Космодемьянской было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

А Клубков все еще жил. Узнав новый адрес разведотдела штаба Западного фронта, он 20 февраля 1942 года явился с докладом к подполковнику Артуру Спрогису. Рассказал о своих похождениях в тылу врага. Они должны были насторожить сотрудников разведотдела, но этого не произошло. Так, Клубков утверждал, что в течение четырех месяцев (с 27 ноября 1941 года по 20 февраля 1942 года) совершил три побега. В лютые морозы! Избитый и голодный! Без документов и в прифронтовой полосе!^[270]

Клубкова арестовали только 1 марта 1942 года. На первом допросе он сознался, что «меня увезли в Смоленск (после задержания немцами. – *Прим. авт.*) и направили в школу разведчиков. По прибытию я дал подписку, в которой было указано, что я обязуюсь не убегать и работать на благо германской области».

На допросе 5 марта 1942 года он был вынужден признать, что в момент задержания он сообщил немцам «месторасположение своей части, количество личного состава». Рассказал о том, что «эта часть готовит бойцов и перебрасывает их в тыл немецких войск для выполнения специальных заданий командования Красной Армии, для проведения диверсионной и разведывательной работы (...). Кроме этого, рассказал о полученных заданиях, назвал фамилию своего командира группы Шикрова и выполняющих с ним задания бойцов – Зои и Бориса, фамилии их не назвал, т.к. не знал».

7 января 1942 года, после двухнедельной подготовки, Клубкова перебросили через линию фронта. Он должен был собирать сведения о наступающих в районе райцентра Борятино частях Красной Армии.

Особенно немцев интересовала военная техника. Хотя это было задание-минимум. Основная задача – внедриться в разведотдел штаба Западного фронта, туда, где служил раньше.

«Оставшись на службе в разведотделе, я должен был собрать сведения, сколько РО готовит диверсионных групп, фамилии людей, куда, кто и с какими заданиями переброшен. Кроме того, я должен был сам попасть в одну из направляемых в тыл к немцам групп красноармейцев, а там выдать эту группу немцам»^[271].

Непонятно, на что рассчитывали немцы. Ведь после четырех месяцев пребывания в тылу и трех побегов из плена он должен был вызвать подозрение у «особистов».

19 марта 1942 года был проведен последний допрос Клубкова.

«Вопрос: Вам предъявлено обвинение по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР (измена Родине. – *Прим. авт.*), признаете ли себя виновным?

Ответ: Постановление о предъявлении обвинения мне объявлено и ст. 58-1 п. «б» мне разъяснена. Виновным в предъявленном мне обвинении признаю себя полностью.

Я действительно выдал немецкой разведке бойца Зою Космодемьянскую, а позднее был завербован офицером немецкой разведки для шпионской работы и дал показания о разведотделе З. Ф.

Подробные показания по всем вопросам я давал на предыдущих допросах и сейчас их подтверждаю».

16 апреля 1942 года Василий Клубков был расстрелян по приговору суда^[272].

По-другому сложилась судьба Веры Волошиной. У деревни Головково спецгруппа попала в засаду. Отстреливаясь, разведчики стали отходить к лесу. Вера Волошина оказалась несколько ближе к немцам и прикрывала огнем из автомата отход группы. Раненная в плечо, она отстреливалась до последнего выстрела...

В феврале 1942 года Клавдия Лукьяновна Волошина, мама Веры, получила с фронта письмо, в котором сообщалось, что «Волошина Вера Даниловна пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага».

И только в восьмидесятые годы прошлого века ее судьбой заинтересовались студенты института, где она училась. Они организовали экспедицию, нашли свидетелей казни разведчицы.

В 1994 году Вере Волошиной было присвоено звание Героя России [\[273\]](#).

Первая реорганизация

В конце августа 1941 года ОС преобразовали в Отдельные диверсионные пункты (ОДП). Задачи пунктов остались прежними – ведение в тылу противника разведывательно-диверсионных действий, развертывание массовой партизанской борьбы. Учитывая предыдущий опыт, в ОДП были организованы специальные курсы по обучению диверсантов минно-подрывному делу, тактике действий мелкими группами и т.д.

С января 1942 года ОДП начали осуществлять заброску своих подразделений в дальний тыл противника на транспортных самолетах. Так, ОДП при штабе Западного фронта перебросил по воздуху в район Жиздра – Сухиничи (ныне Калужская обл.) отряд майора Н.В. Чернова в составе 40 человек, а в Белоруссию отряд майора И.Т. Топкина.

В марте 1942 года Отдельные диверсионные пункты были реорганизованы в 6-е (диверсионные) отделения при разведотделах штабов фронтов. В том же году руководство партизанскими формированиями было передано штабам партизанского движения. Основной задачей разведотделов становится переброска в тыл противника небольших разведывательных групп

численностью 4-5 человек, оснащенных средствами связи.

По данным историка В.И. Боярского, только на Западном фронте с августа 1941 года по август 1942 года 6-м отделением штаба фронта было направлено в тыл противника 115 разведывательно-диверсионных подразделений общей численностью 2862 человека. Диверсанты установили на вражеских коммуникациях 16 тыс. мин и сформировали из местного населения 52 партизанских отряда. При этом потери подразделений составили: убитыми – 195, пропавшими без вести – 170 человек^[274].

В декабре 1942 года 6-е отделения были упразднены. Подчиненные им разведывательно-диверсионные подразделения перешли под руководство Разведупра.

Реорганизация Разведупра

В январе 1942 года, в период битвы за Москву, Государственный Комитет Оборона рассмотрел деятельность военной разведки по итогам первых месяцев войны и отметил следующие недостатки деятельности Разведуправления Генштаба РККА:^[275]

- не соответствовала условиям работы в военное время организационная структура Разведуправления;
- отсутствовало должное руководство Разведуправлением со стороны Генштаба РККА;
- недостаточной была материальная база военной разведки, в частности не имелось самолетов для заброски разведчиков в тыл противника;
- в Разведуправлении отсутствовали крайне необходимые отделы войсковой и диверсионной разведки.

Приказом наркома обороны от 16 февраля 1942 года Разведуправление было реорганизовано в Главное

разведывательное управление (ГРУ) с соответствующими структурными и штатными изменениями. В нем было образовано два управления.

Первое – агентурное. Оно включало в себя отделы:

- 1-й – германский;
- 2-й – европейский;
- 3-й – дальневосточный;
- 4-й – ближневосточный;
- 5-й – диверсионный;
- 6-й – фронтовой, армейской и окружной разведки;
- 7-й – оперативной техники;
- 8-й – агентурной связи и радиоразведки.

Второе – информационное управление. Оно имело отделы:

- 1-й – германский;
- 2-й – европейский;
- 3-й – дальневосточный;
- 4-й – ближневосточный;
- 5-й – редакционно-издательский;
- 6-й – войсковой информации;
- 7-й – дешифровальный.

Кроме того, ГРУ включало в себя политический отдел, отделы внешних сношений, специальных заданий, специальной связи, военной цензуры, материально-технического обеспечения, контрольно-финансовый и отдел кадров. В октябре 1942 года дешифровальная служба была передана НКВД, а отдел военной цензуры – Наркомату обороны.

Но на этом реорганизация не закончилась. 22 ноября 1942 года приказом наркома обороны войсковая разведка была выведена из состава ГРУ, а разведотделам штабов фронтов было запрещено вести агентурную разведку. Одновременно ГРУ перешло из подчинения Генштабу РККА в подчинение наркома обороны; его задачей стало ведение всей агентурной разведки за рубежом и на оккупированной

гитлеровцами территории СССР. Тем же приказом в составе Генштаба было образовано **Разведывательное управление (РУ)**, на которое возлагалось руководство войсковой разведкой.

Это очередное организационное решение, принятое, как показал дальнейший ход событий, без учета реального положения на фронте, было отрицательно воспринято практически всеми оперативными работниками разведки. Виталий Никольский, всю войну занимавшийся агентурной разведкой и во фронтовых штабах, и в Центре, пишет:

«Новая система не имела четкого положения, функции баз как центров агентурной подготовки разведчиков достаточно продуманы не были, материальные средства и техника, в том числе авиационная, а также радиоаппаратура оставляли желать лучшего. Созданная в Филях центральная разведшкола, рассчитанная на массовую подготовку в возможно короткие сроки агентов и радистов, спешно развернула свою работу, но не могла удовлетворить потребности в кадрах, ранее готовившихся десятком фронтовых школ...

Коренная ломка всей системы разведки в самом разгаре войны вызвала всеобщее удивление не только у офицеров этой службы, но и у всех командиров, в той или иной мере соприкасавшихся со штабной службой в звене армия – фронт. Приказ о ликвидации фронтовых агентурных структур был отдан в самый ответственный момент начала нашего общего наступления под Сталинградом, подготовки Ленинградского и Волховского фронтов к прорыву блокады, наступления Северной группы Закавказского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и Калининского фронтов. Дезорганизация разведки в этот период весьма отрицательно сказалась на боевой деятельности войск и явилась объективной причиной больших потерь,

поскольку штабы фронтов в этот период нужной информации о противнике не получали.

В процессе выполнения этого непродуманного решения, навязанного армии в самый ответственный момент войны, разведка потеряла сотни подготовленных агентурных работников низового звена, значительную часть агентуры в тылу противника и на подготовке во фронтовых разведывательных школах, опытных маршрутников и связников, направленных в соответствии с приказом на пополнение войск.

С учетом организационного периода в Разведуправлении с 20 декабря 1942 года командующие фронтами практически остались без оперативной информации о положении в тылу противника. Получаемые в ГРУ сведения от бывшей фронтовой агентуры после их обработки в информационном отделе зачастую пересылались фронтам с таким опозданием, что они теряли свою актуальность. Терялась и оперативность в руководстве агентами и постановке им заданий. Оперативные офицеры в Центре не были в курсе изменений агентурной обстановки, ранее поступавших к ним напрямую»^[276].

Весной 1943 года командующие фронтами обратились в Ставку ВГК с просьбой отменить приказ от 22 ноября. Просьба была удовлетворена, и приказом наркома обороны от 18 апреля 1943 года руководство войсковой и агентурной разведкой фронтов было возложено на Разведуправление (РУ) Генштаба, которому из состава ГРУ передавалось Управление, отвечающее за проведение агентурной работы и диверсионной деятельности на временно оккупированной фашистами территории СССР. На ГРУ возлагалось ведение зарубежной разведки. Это положение действовало до конца войны. В соответствии с ним вновь было развернуто обучение разведчиков в ранее расформированных фронтовых школах и вновь

начали готовить и забрасывать агентуру во вражеский тыл взамен потерянной в результате непродуманной реорганизации.

Операция «Багратион»

В 1944 году военная разведка понесла самые тяжелые за годы войны потери. На всех участках советско-германского фронта в ходе выполнения разведывательных заданий погибло 29 915 военных разведчиков, что почти на 4000 превышало потери разведотделов фронтов в 1943 году. Наибольшие потери пришлось на июль 1944 года. Тогда погибли 9746 человек^[277]. Несмотря на огромные потери, разведотделы фронтов продолжали отправлять группы за линию фронта.

Разведотдел штаба Карельского фронта в 1944 году направил в тыл противника свыше 26 разведывательных групп и более 10 групп разведчиков-маршрутников.

Разведотдел штаба 1-го Украинского фронта только летом 1944 года вывел за линию фронта 25 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп^[278]. Всего же в июле 1944 года за линией фронта действовало 35 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп. В ходе наступательной операции фронта на территорию Польши, Чехословакии и Венгрии было заброшено дополнительно 12 новых разведгрупп^[279].

В апреле 1944 года в полосе действий 2-го Белорусского фронта находилось семь разведгрупп. В течение мая – июня 1944 года разведотдел штаба фронта дополнительно забросил в тыл противника 18 разведгрупп. В последующие месяцы было подготовлено и выведено за линию фронта еще 18 групп^[280]. Сложно сказать, сколько из них вернулось с задания. Известно

лишь, что из 31 разведгруппы, выброшенной в Восточную Пруссию в июле 1944 года, непродолжительное время работало только 18, а 12 почти сразу же пропали без вести, еще одна группа почти сразу же вернулась обратно^[281].

В Восточной Пруссии

Еще один трагический эпизод в истории советской военной разведки периода Великой Отечественной войны – заброска разведывательно-диверсионных групп на территорию Германии в 1944 году – начале 1945 года.

В отличие от действий в Польше, Чехословакии и т.д., где местное население относилось к советским разведчикам дружелюбно, в Германии их ожидал совсем иной прием.

Заброшенных в Германию советских разведывательно-диверсионных групп немцы опасались не меньше, чем наступающих частей Красной Армии, так как с их появлением следовали захваты пленных и оперативных документов, диверсии на коммуникациях и т.д.

Поэтому немецкое население постоянно наблюдало за воздухом, крестьяне и в поле имели при себе оружие, по проселочным дорогам круглосуточно разъезжали радиопеленгаторы, а на самих дорогах устраивались засады. Коменданты участков были снабжены именными списками граждан с указанием примет каждого: роста, возраста, цвета волос и глаз и т.д. Каждый незнакомый человек, появившийся в той или иной местности, деревне, должен был назвать того, к кому он приехал. И если такого человека отыскать не могли, незнакомец рассматривался как лазутчик противника. Так, в приказе по 48-му немецкому бронетанковому корпусу говорилось: «Все шатающиеся по дорогам мужчины в

возрасте от 16 до 60 лет должны направляться в лагеря для военнопленных».

Вскоре после выхода советских войск на государственную границу нарком обороны СССР 24 июля 1944 года издал директиву, обязывающую начальников штабов и разведотделов штабов фронтов создавать агентурные сети на территории Германии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии и других стран на глубину до 500 км от линии фронта. В приказе наркома обороны по агентурной разведке № 001 за 1945 г. требовалось с вступлением на территорию Германии усилить разведывательно-диверсионную деятельность и увеличить число забрасываемых в тыл противника разведгрупп.

В начале августа 1944 года для организации разведывательно-диверсионных групп, предназначенных для заброски на территорию Восточной Пруссии, в Брест была направлена оперативная группа офицеров Разведуправления Генштаба во главе с Виталием Александровичем Никольским. В состав группы входили подполковник В.И. Кириленко, подполковник И.М. Семенов, подполковник С.И. Шепелев, майор В.П. Алексеев, майор П.Н. Савельев, старший лейтенант В.Б. Величко и другие. Эта и другие оперативные группы Разведуправления совместно с разведотделами фронтов забрасывали на территорию Германии, к которой тогда относилась Восточная Пруссия, разведгруппы с заданием выявлять состав и нумерацию частей и соединений противника, переброску войск, местонахождение аэродромов и т.п.

Основные задачи, которые ставились разведгруппам:

- контролировать передвижение войск противника по шоссейным и железным дорогам;
- захватывать пленных и документы в районе действия группы, при этом уточнять нумерацию, численность, род войск и место их сосредоточения;

- вести разведку гарнизонов и устанавливать численность и род войск, расквартированных в них;
- установить наличие и характер оборонительных рубежей, аэродромов и типы самолетов на них;
- вербовка и создание агентуры^[282].

Хотя с окончания Великой Отечественной войны прошло уже более шестидесяти лет, но до сих пор неизвестно точное число отправленных в тыл противника разведывательно-диверсионных групп. В годы Великой Отечественной войны разведотделы фронтов вели статистику по общему числу отправленных за линию фронта разведывательно-диверсионных групп за определенный период времени. К тому же учитывалось общее количество групп, находившихся в тылу противника на конкретную дату. А ведь отдельные подразделения действовали за линией фронта и год, и два. Поэтому, сколько групп было выведено в тыл противника, установить крайне сложно. Ситуация усугубляется еще и тем, что сведения о конкретных разведывательно-диверсионных группах продолжают оставаться секретными и в наши дни.

Известно, что оперативная группа В.А. Никольского отправила в тыл противника более 120 военных разведчиков. Оговоримся сразу: кроме нее действовало еще несколько оперативных групп. Так что реальное количество выведенных в немецкий тыл военнослужащих Красной Армии значительно больше.

Массовая заброска разведгрупп, целиком оправдавшая себя на территории СССР, временно оккупированной немцами, оказалась неэффективной в изменившихся условиях. На территории Германии эти группы понесли неоправданно большие потери.

Так, ландратам округа Гумбинен гестапо направило письмо:

«В ближайшее время в провинциях Восточной Пруссии надо рассчитывать на приземление отдельных

парашютистов. Требуется повышенная бдительность, так как они уже приземлялись в бывшей Польше. При появлении доносить срочно по телефону с условным выражением «парашют». По указу командующего полицией охраны порядка Кенигсберга при появлении парашютистов поднять по тревоге полицейских, сельскую стражу, оцепить местность, оповестить бургомистра, коменданта крепости Мемель, начальников гарнизонов Тильзит, Истербург, Летцен, Зудауэн. Силы держать до тех пор, пока это требуется. Доктор Роде»^[283]. Поэтому эффективность работы разведки в Восточной Пруссии была ниже, а потери слишком велики.

В архиве Министерства обороны множество документов такого содержания:

«При преследовании карателями разведчик резидентуры «Иван» Петр Носырь был ранен и застрелился».

«При разведке г. Лепель старший группы «Редько» и разведчица «Таня» были пойманы и расстреляны немцами».

«Старший группы старший лейтенант Кириченко М.М. подорвался на mine».

«Группа «Клен» старшины Цепкова, выброшенная юго-западнее Тапиау, с 15 по 30 сентября непрерывно преследовалась. 20 сентября командир сообщил: «Основная база разгромлена. Убегаем по болоту. Продуктов имеем на три дня». И так далее...

Вот что вспоминал о действиях разведгрупп на территории Германии В.А. Никольский:

«Конечные итоги главного направления нашей деятельности не оправдали надежд командования. Еще до окончания войны нам стало известно, что почти все наши разведывательно-диверсионные группы были уничтожены противником вскоре после приземления. Сбылись наши худшие опасения, высказывавшиеся в

свое время руководству. Посылка относительно большого числа групп из советских людей, не знающих языка, являлась фактически авантюрой. Наши спецподразделения были слишком малочисленны, чтобы защитить себя и вести разведку, и слишком велики для маскировки и укрытия в искусственно насаженных аккуратных лесах Западной Польши и Восточной Пруссии. Широкие просеки, разветвленная система лесных объездчиков, совершенные средства связи с телефонами не только в квартирах, но и на дорогах, покрывающих густой сетью всю страну, давали возможность по малейшему сигналу любого немца о появлении советских парашютистов направлять моторизованные карательные отряды полицейских и эсэсовцев с собаками в любой пункт, где могли скрываться наши люди. В таких облавах принимали участие все немцы, способные носить оружие. Проводилась так называемая «хазенягд» – «охота на зайцев», где в качестве зайцев выступали обнаружившие себя наши разведчики...

Из 120 опытных разведчиков и агентов, направленных нами из Бреста и Кобрин, в живых уцелело всего с десятков человек, с трудом выживших до прибытия в район их выброски советских войск».

Фактически на территорию Восточной Пруссии, по разным (но чаще все же неофициальным) данным, в тыл Восточно-Прусской группировки войск противника летом 1944 года – весной 1945 года было заброшено от 36 до 120 специальных диверсионно-разведывательных формирований оперативной разведки.

Полковник милиции Юрий Ржевцев много лет занимается историей деятельности советской оперативной военной разведки на территории Восточной Пруссии в годы Великой Отечественной войны. Ему удалось отыскать в «открытой» печати и доступных архивных источниках упоминания о существовании как

минимум ста четырнадцати специальных диверсионно-разведывательных формирований советской оперативной разведки, но при этом кодовые названия известны лишь ста одного из них.

Вот их названия и ведомственная принадлежность [\[284\]](#).

Орган разведки	Название разведывательно-диверсионных групп
Разведуправление Генерального штаба Красной Армии	Спецотряд лейтенанта Федорова
Разведотдел штаба 1-го Прибалтийского фронта	«Арсена», «Артур», «Атаман», «Баянист», «Белорус», «Вепрь», «Вожак», «Заслуженный», «Лесник», «Лотос», «Мичиган», «Орион» (в ошибочной терминологии калининградских краеведов — мифическая «Прибалтийцы»), «Тайфун», «Тигр», «Триумф» и «Харон»
Разведотдел штаба 2-го Белорусского фронта (2-го формирования)	«Асс», «Боксер», «Ветерок», «Воин», «Делегат», «Дюран», «Консул», «Корнет» (1-й), «Корнет» (2-й), «Мишин», «Матросов», «Невский», «Овощной суп», «Олег», «Орел», «Светлов», «Соловьев», «Оса», «Роланд», «Тигр» и «Чернов». В этот список можно добавить еще восемь групп ² , чьи названия неизвестны

Орган разведки	Название разведывательно-диверсионных групп
Разведотдел штаба 3-го Белорусского фронта	«Аврора», «Бас», «Блондин», «Быстрый», «Висла», «Витинг», «Вол», «Восточный», «Восход», «Ганс», «Гафен», «Грач», «Гром», «Грейдер», «Гук», «Джек», «Док», «Дятел», «Западный», «Заря», «Зигфрид», «Зубр», «Иво», «Искра», «Казбек», «Камень», «Каштан», «Кит», «Клен», «Клык», «Колос» (2-го формирования), «Кристалл», «Кросс», «Курт», «Леон», «Лось», «Максим», «Мороз», «Неман», «Норд», «Олень», «Отто», «Прогресс», «Ром», «Русь», «Свет», «Спарс», «Сокол» (2-го формирования), «Сокол» (3-го формирования), «Сталь», «Тигр» (в терминологии НКГБ СССР — «Корректировщики» ¹), «Студент», «Урал», «Утес», «Фриден», «Шлеминг», «Штык», «Эрих», «Як» и «Ясень». Плюс неизвестная разведгруппа, направленная в Восточную Пруссию в ночь с 25 на 26 июля с аэродрома, расположенного в окрестностях белорусского города Сморгонь, но уничтоженная в воздухе вместе с самолетом вражескими истребителями
Орган разведки не установлен	«Буря», «Гроза» и «ТОПО»

Также нужно учитывать, что кроме разведывательно-диверсионных групп за линию фронта направляли агентов-маршрутников. Так, в марте 1945 года разведотдел штаба 3-го Белорусского фронта

забросил в тыл Восточно-Прусской группировки войск противника 45 одиночных маршрутных агентов, из них (по национальностям): немцев – 34; русских – 9; поляков – 2. Из этого числа живыми после выполнения боевого задания вернулись только трое (все русские по национальности), остальные 42 – пропали без вести, но их фамилии неизвестны»[\[285\]](#).

Большинство членов названных выше разведывательно-диверсионных групп, как и те, чьи кодовые имена до сих пор продолжают оставаться секретными, с задания не вернулись. Число пропавших без вести приблизилось, а по утверждению отдельных историков, превысило показатель первых месяцев Великой Отечественной войны.

Почему так происходило? Может, осенью 1944 года в тыл противника отправляли дилетантов? Как раз наоборот. Разведывательно-диверсионные группы комплектовались теми, кто уже имел несколько боевых командировок за линию фронта по линии военной разведки; партизанами, которые воевали в отрядах народных мстителей по несколько лет; даже девушки-радистки, и те за линию фронта отправлялись не в первый раз. Так что это были профессионалы, а не вчерашние школьники и студенты, как это было осенью 1941 года.

Да и экипированы они были лучше, чем их коллеги в первые месяцы войны.

«Вооружение: пистолет-пулеметы (ППШ-41, реже – ППС-43) – где-то не менее чем у 2/3 личного состава, то есть за исключением радистов, а также разведчиков, вооруженных винтовками; одна-две винтовки советского образца (в ряде случаев – снабженные съемными глушителями для беззвучной стрельбы); личное оружие – у каждого (пистолет ТТ, реже – револьвер системы Нагана образца 1895 года); нож-финка марки «НЖ» (нож азведчика) – у каждого; пистолеты-ракетницы –

очевидно, только у командиров групп и их заместителей; ручные осколочные гранаты (преимущественно – оборонительного действия марки «Ф-1») – у каждого; легкие противопехотные мины и тротилловые шашки – образно, на правах коллективного оружия.

Индивидуальная экипировка: одежда – чаще всего штатского образца при кирзовых сапогах и кепке, но нередко дополнялась маскхалатами и солдатскими плащ-палатками, плюс десантный подшлемник, который выдавался перед погрузкой на борт самолета; вещмешки солдатского образца (в отдельных случаях не исключено, что ранцы); кобуры и подсумки для боекомплекта; электрические фонарики общearмейского образца; у командиров дополнительно – планшетка с набором топографических карт, а у радистов – рация типа «Север» и сумка для переноски запасных батарей электропитания»^[286].

Типовой список вооружения – вот и все, что точно известно про все разведывательно-диверсионные группы разведуправлений фронтов, которые были десантированы в Восточную Пруссию. Остальное – строго индивидуально. Например, про группу «Джек» известно почти все. Про другие ничего. Даже кодового названия и даты десантирования в тыл противника. Хотя о большинстве групп есть отрывочные сведения.

Так, с сентября 1944 года по январь 1945 года в Восточной Пруссии воевал спецотряд лейтенанта «Федорова», который подчинялся непосредственно Разведуправлению Генерального штаба Красной Армии.

В тыл врага это специальное диверсионно-разведывательное формирование было заброшено с борта самолета еще 3 мая 1944 года. Штатная численность на тот момент – 32 штыка. До конца лета оно действовало в Белгорайских (Яновских) лесах, что южнее польского города Люблина, в том числе в

середине июля 1944 года данный спецотряд принял непосредственное участие в спасении (с последующей эвакуацией из оккупированной Польши в Москву) руководителя Варшавского восстания, будущего главнокомандующего Народного Войска Польского генерала Михаила Роля-Жимерского, а также сопровождавших того польских офицеров общим числом в более чем в сто двадцать человек.

Совершив в конце августа сорок четвертого по заданию Центра скрытный бросок в Восточную Пруссию, подчиненные лейтенанта «Федорова» приступили здесь к сбору разведданных о секретных укрепрайонах гитлеровцев.

К концу декабря 1944 года в живых в рядах этого спецотряда оставалось всего- навсего шесть бойцов, остальные погибли, в том числе командир – лейтенант «Федоров». Лишь только после этого Центр разрешил уцелевшим диверсантам-разведчикам идти на соединение с частями регулярной Красной Армии.

Линию фронта оставшиеся в живых разведчики благополучно перешли 16 января 1945 года на Сандомирском плацдарме.

На завершающем этапе войны ставка была сделана на заброску в тыл противника небольших групп и отдельных разведчиков, в основном немцев по национальности. Так, разведотдел 3-го Белорусского фронта в декабре 1944 г. в Каунасе стал готовить агентов-немцев. Набирали будущих агентов из числа немецких перебежчиков, военнопленных и репрессированных фашистами. В тыл противника такие агенты забрасывались в немецкой военной форме, были снабжены соответствующей легендой и документами (солдатскими книжками, командировочными предписаниями, отпускными билетами, проездными билетами и т.д.).

О масштабах и результатах работы таких разведгрупп можно судить по следующему донесению в Разведуправление:

«Начальнику Разведуправления ГШ Красной Армии генерал-полковнику Кузнецову

С августа 1944 г. по март 1945 г. подготовлено 18 разведгрупп из числа пленных – 14 радиофицированных, 4 группы маршагентов. С тремя группами не была установлена связь: одна группа погибла, вторая предана радистом, третья, очевидно, погибла, т.к. выброшена непосредственно в район активных боевых действий. Из оставшихся 11 групп 2 вышли на связь, но не работали. 9 работали от 8 дней до 3 месяцев... 4 группы маршагентов в срок не возвратились, судьба их неизвестна.

Начальник разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта генерал-майор Алешин».

Как видим, результаты работы и этих групп были неудовлетворительными. Но выбора не было, и заброска разведгрупп, составленных из немцев, продолжалась до самой Победы^[287].

Печальные итоги

Если говорить о потерях военной разведки за весь период Великой Отечественной войны, то, по самым скромным подсчетам, с задания из-за линии фронта не вернулось больше половины военных разведчиков. Многие из погибших до сих пор продолжают числиться пропавшими без вести.

Сколько всего было заброшено в тыл противника военных разведчиков за весь период войны и сколько из них вернулось живыми назад – на этот вопрос никто не сможет дать точного ответа. Одна из причин – отсутствует система учета по всем фронтам за весь период войны. Есть данные только по отдельным

временным промежуткам. При этом попытка суммировать эти цифры (особенно если речь идет о разведывательно-диверсионных группах) обречена изначально на получение неправильного результата. Отдельные группы в тылу противника находились по два-три года. И в каждой сводке эти подразделения учитывались по новой. Так, в период с 26 июня по 1 сентября 1941 года разведотделом Ленинградского фронта было подготовлено и отправлено в тыл противника «78 партизанских групп и отрядов общей численностью до 3800 человек»^[288]. Известно, что многие из этих подразделений продолжали воевать за линией фронта и в 1942 году. С 1 января по 31 декабря 1942 года агентурному аппарату разведотдела Ленинградского фронта удалось забросить «до 300 агентурных групп общей численностью до 650 человек, от которых в тот период было получено 1800 донесений...»^[289].

Всего в результате объединенных усилий Центра и разведотделов штабов фронтов за первые шесть месяцев войны в тыл противника было послано около десяти тысяч человек, в том числе значительное количество разведчиков с радиопередатчиками.

С мая 1943 года по май 1945 года в тыл противника было заброшено 1236 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп общей численностью почти 10 тысяч человек и привлечено к работе около 15 тысяч местных жителей^[290].

Еще один источник данных о количестве воевавших в тылу противника военных разведчиков – данные по войсковой разведке. Так, за период с 1943 по 1944 год «разведывательные части и подразделения» провели «разведывательные операции на всех фронтах»:^[291]

Операции	1943 год	1944 год
Боем	5141	7 252
Поисками	71 038	95 981
Засадами	31 876	38 855
Действиями разведывательных групп	7446	9654
Другими средствами	4130	28 742
Всего операций	119 631	180 464

В результате противник потерял:

Средства	1943 год	1944 год
Пленных	43 616	203 622
Документов	23 749	92 626
Винтовок и автоматов	7063	95 620
Пулеметов	1493	14 569
Орудий	173	2121
Минометов	56	1545
Радиостанций	96	1025
Автомобилей	216	9734

Уничтожено в результате деятельности разведывательных частей и подразделений:

Средства	1943 год	1944 год
Солдат и офицеров	169 291	371 503

Потери разведчиков в результате боевых действий.

Потери	1943 год	1944 год
Всего потери	67 459	89 102
Убито:	21 138	24 915
офицеров	Нет данных	1596
сержантов	Нет данных	7499
рядовых	Нет данных	15 818
Ранено:	46 321	64 187

Выше мы писали о больших потерях военной разведки в первые месяцы войны, когда за линию фронта отправляли вчерашних школьников. Хотя

колоссальные потери несли и подразделения спецназа, куда отбирали военнослужащих Красной Армии. Например, из 146 бойцов Роты особого назначения разведотдела штаба Балтийского фронта к 1943 году осталось не больше 20 человек. Остальные погибли^[292]. А ведь это подразделение было укомплектовано морскими пехотинцами и краснофлотцами.

У радистов потери были чуть меньше. Так, по утверждению полковника Александра Никифорова, во время войны погибло от 12 до 50% всех направляемых в тыл врага радистов. С мая 1943 года по декабрь 1944 года, по данным разведотделов восьми фронтов, потери были такими:^[293]

Разведотдел фронта	Было подготовлено	Причина смерти		
		Погибли во время переброски через линию фронта*	Погибли во время выполнения задания**	Пропали без вести
Карельский	74	29		
Ленинградский	106	3	13	17
2-й Прибалтийский	176	3	14	18
1-й Белорусский	137	2	14	11
1-й Украинский	156	3	15	26

Разведотдел фронта	Было подготовлено	Причина смерти		
		Погибли во время переброски через линию фронта*	Погибли во время выполнения задания**	Пропали без вести
2-й Украинский	81	29		
3-й украинский	56	3	2	23
4-й Украинский	102	Нет потерь	9	6

*Включены случаи смерти: сгорели в самолете при пролете через линию фронта; разбились (были расстреляны) при приземлении; утонули в болоте после прыжка с самолета.

**Включены случаи смерти: погибли в боях с карателями; схвачены и замучены гестапо.

Объяснялось это просто: командиры и бойцы разведывательно-диверсионных групп оберегали, как могли, радистов и их оборудование. Ведь без радиосвязи с Центром подразделение становилось небоеспособным. Невозможно было передать собранные разведданные, навести на объект авиацию, организовать эвакуацию раненых и попросить прислать продукты и боеприпасы.

Глава 14

Военные партизаны в тылу Вермахта

Расскажем теперь о нескольких успешных операциях советской военной разведки в годы Великой Отечественной войны.

Химики из Третьего рейха

Об эффективности действий созданных на базе разведывательно-диверсионных групп военной разведки партизанских отрядов говорит тот факт, что летом 1943 года гитлеровцы собирались использовать против них химическое оружие. Об этом доложили в Центр резидентуры и разведывательно-диверсионные группы разведотдела штаба Западного фронта, которые установили факт переброски в районы Могилева, Бобруйска и Борисова железнодорожных вагонов с отравляющими веществами. Так, 8 июня 1943 года в одном из вагонов эшелона, пущенного партизанами под откос у станции Ясень, под сеном оказались баллоны со слезоточивым газом. Примерно в то же время в Бобруйске появился инженерно-химический батальон, а 1 и 2 августа 1943 года на станции Красный Берег и в Могилеве производилась выгрузка ящиков и баллонов со знаками «ОВ». Тогда же разведотдел Западного фронта получил следующую информацию:

«Переводчик командира 634-го французского карательного полка полковника Перлецей сообщил: в деревнях... Борисовского района завезено по 8 металлических баллонов емкостью 30-40 литров с жидкими ОВ. Всем французам выданы противогазы. В каждой роте есть отделение химиков, снабженных

комбинезонами. Проводятся занятия. Цель завоза ОВ – применение их против партизан.

Горняк».

Намерение немецкого командования применить против партизан химическое оружие подтвердила и следующая находка: в 1979-1980 годах под Барановичами был обнаружен немецкий склад со снарядами, начиненными предположительно люизитом и ипритом. Что помешало нацистам его использовать, неизвестно [\[294\]](#).

Военно-морская разведка на суше

Нельзя также обойти молчанием и работу военно-морской разведки. Так, с ноября 1943 года по сентябрь 1944 года на территории Эстонии вела наблюдение за передвижениями немецких войск, передавая по радиации ценную информацию, подвергаясь смертельной опасности и неоднократно вступая в бой с гитлеровцами и эстонскими полицаями, разведгруппа разведотдела Краснознаменного Балтийского флота под командованием старшины 2-й статьи Владимира Дмитриевича Федорова (6 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза). Радист старшина 2-й статьи Э.Д. Аболин, сброшенный на парашюте в сентябре 1943 года в районе Вентспилса в Латвии, создал крупную партизанско-разведывательную организацию (Северо-Курземскую партизанскую организацию) с широкой агентурной сетью, которая в течение 20 месяцев, до мая 1945 года, собирала и передавала в штаб Балтийского флота ценную развединформацию о немецких ВМС в портах Виндавы, Риги, Либавы, береговой обороне Курляндского полуострова и др. В организацию Аболина входили: 18 бойцов группы «Центр», около 40 осведомителей, более 110 человек состояло в боевых группах. Потери

организации были небольшими. За свою героическую и самоотверженную работу в тылу врага Э.Д. Аболин был награжден орденом Красного Знамени^[295].

«Черный» и его тачанка

В августе 1942 года в распоряжение партизанского отряда Г.М. Линькова в районе Пинских болот приземлился на парашюте капитан Разведуправления И.Н. Банов («Черный»). Ему следовало в кратчайший срок добыть сведения о противнике в крупных городах и железнодорожных узлах Белоруссии и Украины – Пинске, Бресте, Барановичах, Ковеле, Сарнах, Ганцевичах. Радиоузел – важнейшее условие для нормального функционирования оперативного разведцентра – был создан заброшенными еще раньше в отряд С. Скрипником и тремя его радистами.

Об условиях, в которых И.Н. Банову пришлось начинать свою деятельность в тылу фашистов, он вспоминал так:

«Считается, что партизанская база должна отвечать следующим условиям: располагаться вблизи хорошо заметных с воздуха природных ориентиров, чтобы летчики без труда находили место для посадки или сбрасывания грузов; находиться, однако, достаточно далеко от этих ориентиров, чтобы противник не мог легко обнаружить ее; размещаться по возможности поодаль от населенных пунктов, лучше всего в малопосещаемых населением лесных районах, но не настолько далеко, чтобы связь с населенными пунктами оказалась слишком затруднительной.

Казалось бы, выбрать такое место просто невозможно. Тем не менее база Линькова отвечала самым строгим требованиям. Озера Червонное и Белое были хорошо заметны с воздуха, летчикам не приходилось подолгу кружить, чтобы выйти на костры

Булева болота, а вместе с тем Белое и Червленное были удалены от базы на пятнадцать-двадцать километров. До ближайшего населенного пункта на западе – села Восточные Милевичи – от базы было семь километров, а на юге до городка и железнодорожной станции Житковичи – километров двадцать пять – тридцать.

Центральная база, где работал штаб отряда, жила охрана и содержался радиоузел, состояла из трех землянок, вырытых на уединенном бугре и надежно замаскированных. Число людей, постоянно находившихся на базе, никогда не превышало двадцати человек. На юго-востоке от центральной базы, километрах в двух от нее, имелась конюшня. К населенным пунктам и дорогам были выдвинуты заставы, надежно прикрывающие центральную базу от неожиданного нападения противника. Заставы, замаскированные столь же тщательно, были удалены от центральной базы, как правило, на три-пять километров.

Тут, на заставах, и размещались основные силы отряда. Сюда приходили с заданий боевые группы подрывников, здесь отдыхали и несли караульную службу, отсюда же уходили на новые задания. И хотя партизанам было известно, что на заставах они охраняют центральную базу, свой штаб, о подлинном местонахождении штаба знали только командиры боевых групп или начальники застав. Это была отнюдь не излишняя предосторожность. Случаи предательства имелись, и командование отряда обязано было принять все меры, чтобы предотвратить разгром своей части»^[296].

Выполняя приказ командования, Банов создал организацию, нацеленную на планомерную и своевременную разведку. И к весне 1943 года ни один воинский эшелон противника не проходил через контролируемый им район незамеченным. Более того, только в течение мая – июня 1943 года подвижные

диверсионные группы центра Банова взорвали и пустили под откос 64 воинских состава противника. Его разведчики первыми сообщили в Центр о переброске на Восточный фронт из Германии новых танков «тигр» и «пантера», а также самоходных установок «фердинанд», передали их тактико-технические данные, проследили движение эшелонов с новой техникой на центральные участки фронта.

В дальнейшем в ходе продвижения советских войск на Запад соединение Банова форсировало Западный Буг и, выполняя новый приказ, вело наблюдение за частями и соединениями противника, дислоцированными на территории оккупированной Польши. Его разведчики проникли в Варшаву, Демблин, Луков, Люблин и другие города, где им большую помощь оказывало польское население. В июле 1944 года отряд соединился с частями наступающей Красной Армии^[297].

За мужество и стойкость, проявленные в тылу противника, капитан И.Н. Банов был удостоен звания Героя Советского Союза, а свыше 500 его воинов-разведчиков получили высокие правительственные награды.

На Украине

Из других известных партизанских разведчиков можно назвать Н.П. Федорова, в отряде которого с января 1943 года начал работать оперативный центр военной разведки «Омега». Он контролировал районы Припяти, Киева, Пирятина, Бахмача и своевременно посылал в Москву информацию о группировках немецких войск в этих районах.

Именно его разведчики, которые действовали в районе Минска на базе спецотряда военной разведки «Дима» под командованием Д.И. Кеймаха, ликвидировали в 1943 году в Минске гауляйтера

Белоруссии Кубе. Проведение этой операции было возложено на разведчиков Федорова. Непосредственные исполнители акции – Е.Г. Мазаник, работавшая прислугой в доме Кубе, и М.Б. Осипова, передавшая ей мину. Мину заложили под матрац кровати гауляйтера, и в 2 часа 20 минут 22 сентября 1943 года Кубе был убит. За этот подвиг Мазаник и Осиповой было присвоено звание Героя Советского Союза, а Федоров награжден орденом Ленина. Так звучит официальная версия. О том, что на самом деле произошло в Минске, мы подробно расскажем в следующей главе нашей книги.

После проведения этой операции отряд Федорова был направлен в Ровно с заданием уничтожить гауляйтера Украины Коха. Однако вскоре он был отозван с Украины, и операция не состоялась. Затем Федоров возглавлял отряд особого назначения в районе Ковеля, где во взаимодействии с другими партизанскими отрядами установил контроль за железнодорожными магистралями. (В 1943 году партизанские отряды контролировали такие железнодорожные узлы на Украине и в Белоруссии, как Лунинец, Здолбунов, Коростень, Ковель, Брест, Сарны.) Его люди не только посылали в Центр важную информацию, но и совершали в тылу противника многочисленные диверсии.

В 1944 году отряд Федорова переправился через Западный Буг и вышел в район Люблина, где, установив связь с польскими партизанами, начал проводить диверсии на железных и шоссейных дорогах. 17 апреля 1944 г. Н.П. Федоров погиб в бою. 21 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом 1943 года был создан оперативно-разведывательный центр Разведуправления во главе с А.П. Бринским («Брук»), действовавший в районе городов Ковель и Каменец-Подольский. Здесь была сформирована обширная агентурная сеть, которая

регулярно отправляла в Центр ценную информацию о группировках немецких войск и их перебросках. Сведения Бринского имели важное значение, например, для планирования и проведения Белорусской наступательной операции 1944 года. Вот только некоторые из посланных им в Центр сообщений:

«15.11.43. Из Коростень в Шепетовку гитлеровцы перебрасывают один пехотный полк из состава 339-й пехотной дивизии... Брук».

«7.12.43. В течение 5-7 декабря с.г. 24-я дивизия перебрасывалась по железной дороге из Ровно в Ковель. За это время перевезено 189 танков, более 180 орудий, 426 грузовых и легковых машин, около 70 мотоциклов. Отмечено 182 вагона с личным составом... Брук».

«1.2.44. По шоссе из Колки во Владимир-Волынский перебрасываются танковые и моторизованные части. В Луцке отмечено большое скопление войск противника, которые предполагается перебросить в район Владимира-Волынского. Движение войск по железной дороге Ровно - Ковель прекратилось... Брук»^[298].

Глава 15

Приказано ликвидировать

Осенним утром 1943 года мир облетела короткая весть:

«Женева, 22 сентября. ТАСС. В Берлине официально объявлено о том, что в Минске прошлой ночью убит ставленник Гитлера – «генеральный комиссар Белоруссии» Вильгельм фон Кубе, как известно, снискавший себе своими кровавыми расправами над белорусским населением и своими грабежами мрачную славу одного из самых жестоких гитлеровских палачей».

На следующий день в «Красной звезде» появилась статья Ильи Эренбурга, в которой перечислялись преступления наместника фюрера. Статья заканчивалась так:

«Он думал прожить в этой сказочной стране еще много, много лет. Но белорусы думали иначе. Берлин кричит: «Кто убил господина генерального комиссара?» Его убил народ, и вся наша Родина прославляет неизвестного мстителя»^[299].

История охоты на Вильгельма Кубе – тема для отдельной книги. И дело не только в том, что среди тех, за кем целенаправленно охотились «ликвидаторы» с Лубянки и из военной разведки, особое место занимал назначенный в июле 1941 года генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе^[300], но и в количестве легенд, родившихся после этого покушения.

В создании героического эпоса участвовали все, начиная от исполнителей (например, Елена Мазаник написала книгу мемуаров «Возмездие») и заканчивая советскими кинематографистами, которые в 1958 году сняли фильм «Часы остановились в полночь».

Существует две версии того, как была осуществлена данная акция. Согласно первой – ключевую роль в ликвидации Вильгельма Кубе сыграла советская военная разведка. Согласно второй – палача белорусского народа ликвидировали чекисты. Основные споры идут не об именах основных исполнителей, а чьи приказы – НКВД или Разведупра – они выполняли и кто руководил их работой. В рамках данной книги хотелось бы следом за несколькими историками и журналистами заявить о ключевой роли военной разведки в этой операции и опровергнуть существующую еще с советских времен версию о том, что Вильгельма Кубе ликвидировали чекисты. К сожалению, этого не удалось сделать.

Версия первая – военная разведка

В середине октября 1943 года старший помощник начальника 2-го отдела Разведупра подготовил доклад о том, как была подготовлена и осуществлена операция по ликвидации Кубе. Процитируем этот документ полностью:

«Начальнику Разведывательного управления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Кузнецову Ф.Ф.

ДОКЛАД

по вопросу об организации убийства гитлеровского генерального комиссара Белоруссии Кубе.

Организаторы и исполнители операции

Убийство Кубе организовал командир диверсионно-разведывательной группы 2-го отдела РУ ГШ КА майор

Федоров Николай Петрович, псевдоним Колокол.

Главным посредником и организатором убийства Кубе явилась Осипова Мария Борисовна, псевдоним Черная, резидент Колокола в Минске.

Вторым посредником и связником между Черной и Галей был директор минского немецкого кинотеатра Николай Похлебаев.

Исполнителем убийства Кубе является Мазаник Елена Григорьевна, псевдоним Галя.

О подготовке и выполнении операции знали перечисленные выше пять человек.

Как готовилась операция

Имея задание Центра по организации уничтожения руководящих немецких чиновников и их прислужников, Колокол с 1 сентября 1943 года приступил к организации убийства Кубе.

В этот день Колокол встретился с директором немецкого кинотеатра в Минске Николаем Похлебаевым и поручил ему познакомить резидента Черную с Галей, работавшей служанкой в доме Кубе, и с ее сестрой Олей.

Когда Черная встретилась с Галей, то Галя, чтобы удостовериться, что имеет дело не с агентами-provокаторами гестапо, а с представителями Красной Армии, потребовала встречи с Колоколом.

Черная организовала встречу Колокола с сестрой Гали – Олей, которая действовала с полного согласия Гали. На встрече договорились о проведении операции по устранению Кубе путем отравления, но когда установили, что Галя редко бывает на кухне, решили минировать постель Кубе магнитной миной.

Черная получила от Колокола две магнитные мины с 24-часовым механизмом для передачи их Гале и инструктажа.

В пятницу 17 сентября 1943 года Черная встретила Галей и договорилась о том, что во вторник, 21 сентября 1943 года, Черная принесет мину и проконсультирует Галю у нее на квартире. На этой же квартире решили вопрос о вывозе семьи Гали.

21 сентября 1943 года в 3 часа утра зарядили мину, в 7 часов утра вывезли семью Гали, а в 10 часов 10 минут Галя заложила мину в матрац кровати Кубе с расчетом, что взрыв произойдет 22 сентября в 3 часа 15 минут. Черная, Галя и Оля выехали из города на машине шофера Николая, работавшего в резидентуре Черной.

Убийство Кубе

Магнитная мина, заложенная Галей в матрац постели Кубе, взорвалась в 3 часа 15 минут ночи, когда презренный палач белорусского народа спал. Священная месть советского народа свершилась, и самый гнусный грабитель, насильник и вешатель советских людей перестал существовать.

Этот взрыв, разорвавший в клочки одного из ближайших гитлеровских помощников, прозвучал во всем мире как знак того, что крах фашизма близок, что час расплаты приближается и что ни один захватчик не уйдет от возмездия.

После уточнения по радио состава и места пребывания участников операции по уничтожению Кубе они были вывезены на самолете марки СИ-47 № 822, пилотируемом летчиком Покровским и штурманом Боровым, в Москву с 11 на 12 октября 1943 года.

Вывозом участников операции и членов их семей руководил Колокол.

Кроме личного состава экипажа самолета о вылете Колокола с группой женщин знал начальник

партизанской посадочной площадки Богомольского района БССР тов. Титков.

Старший помощник начальника 2-го отдела РУ ГШ КА подполковник Знаменский»^[301].

У любого, кто знаком с историей деятельности разведывательно-диверсионных групп Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР, после прочтения этого текста сразу же возникает масса вопросов к автору документа.

Так, Указом, который 29 октября 1943 года подписал Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин, звание Героя Советского Союза было присвоено не только упоминавшимся в докладе Знаменского Елене Мазаник и Марии Осиповой, но и Надежде Викторовне Троян. Последняя была бойцом партизанской бригады «дяди Коли». Этим соединением командовал кадровый чекист Петр Григорьевич Лопатин.

В середине марта 1942 года Петр Лопатин в качестве командира спецотряда «Бывалые» (22 человека) был переброшен через линию фронта (большинство его членов – бойцы из другого спецотряда «Митя», которым командовал чекист Дмитрий Медведев, осенью 1941 года уже побывали за линией фронта, поэтому такое название)^[302] и вышел в район постоянной дислокации – около озера Палик (Борисовского района Минской области). К маю 1942 года на базе спецотряда «Бывалые» сформировался партизанский отряд, а в августе по численности и структуре это формирование можно было уже называть партизанской бригадой. Ее бойцы пустили под откос 132 вражеских эшелона, уничтожили и повредили 9 танков и 6 самолетов, 77 паровозов, 288 автомашин, взорвали и сожгли 8 мостов и 32 склада^[303]. Да и в подготовке ликвидации Кубе партизаны Петра Лопатина сыграли важную роль, но об этом ниже.

С Марией Осиповой (Черной) тоже не все так просто, как это пытается доказать Знаменский в своем докладе. Отважная подпольщица также сотрудничала с отрядом Петра Лопатина и местными партизанами. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что Мария Осипова была исключительно агентом военной разведки. То же самое нельзя утверждать в отношении ее связей с Лубянкой. Просто эта мужественная женщина использовала любую возможность борьбы с оккупантами. В то время она меньше всего думала о том, чьи именно приказы она выполняет – Лубянки, Разведупра или Центрального штаба партизанского движения. Так, в 1943 году она совместно с Марией Молокович и при участии Галины Финской начала готовить диверсию в офицерском общежитии в Уречье^[304]. Галина Финская сотрудничала с партизанами с осени 1941 года. В 1942 году она ушла в отряд Петра Лопатина и занималась организацией деятельности подпольщиков в Уречье. В этом городке находился штаб ВВС группы армий «Центр», общежитие штабного состава и другие войсковые центры. Примерно в двух километрах от городка находилась радиостанция специального назначения, корректирующая полеты ночных бомбардировщиков. Недалеко от нее, вблизи станции Колодищи, в двух больших каменных казармах располагались инженерно-технический персонал, охрана радиостанции и офицерская школа. В окрестностях Уречья жила Мария Молокович. В ее доме периодически происходили встречи партизанских разведчиков с местными подпольщиками.

Мария Осипова подготовила операцию по взрыву офицерского общежития в Уречье. Сумела устроить туда на работу в качестве уборщицы Веру Стасен. Последняя познакомилась с «шефом отдела связи военно-воздушных сил Центральной группы войск, дислоцированной в Минске» Глузгалсом^[305]. Именно так в документах Лубянки значилась должность данного

человека. Немец влюбился в девушку. Когда Петр Лопатин узнал об этом романе, то приказал вместо взрыва общежития похитить высокопоставленного немецкого офицера^[306]. А дальше процитируем документ из архива Лубянки:

«...«Вере» удалось установить с Глузгалсом близкие отношения и с согласия т[ов.] Лопатина выйти за него замуж. После соответствующей обработки «Вера» поставила перед Глузгалсом вопрос о переходе на сторону Красной Армии.

11 мая [текущего года] Глузгалс принял решение перейти на нашу сторону и вместе с «Верой» направился в расположение нашей оперативной группы.

Глузгалс до окончательной проверки искренности его перехода на нашу сторону изолирован и находится под специальным наблюдением.

В результате допросов Глузгалс показал следующее:

Глузгалс – по национальности немец, в 1928 году получил звание инженера электротехники и точной механики, окончил высшую школу при имперском почтовом ведомстве. В германской армии с 1935 года, с 1940 по 1942 год находился во Франции, а с сентября 1942 года – в Минске, в качестве шефа отдела связи военно-воздушных сил Центральной группы войск.

Т[ов.] Лопатин сообщил нам по радио следующие сведения военного характера, полученные им от Глузгалса: от помощника начальника штаба группы войск, дислоцированного в Орле, генерал-майора Вильферкинга Глузгалсу якобы известно, что генеральный штаб германской армии намечает летом текущего года прорвать фронт в районе г. Орла, пойти на Сталинград и отрезать Кавказ. После падения Сталинграда форсировать Волгу и организовать захват Урала, куда к этому времени должны быть заброшены специальные десантные войска для удара с тыла. После захвата Урала – повести наступление на Москву.

По данным Глузгалса, с 5 апреля [текущего года] в район Орла подвозятся войска, танки, артиллерия, авиация и другая техника для подготовки прорыва.

На аэродромах в районе Брянска находятся советские самолеты, в свое время захваченные противником, предназначенные для заброски диверсионных групп в тыл СССР, в частности районы Урала, с задачей проведения подрывной работы на железных дорогах и в военной промышленности.

Глузгалс показывает, что немцы активно подготавливаются к химической войне: 1 декабря 1942 года по германской армии был издан секретный приказ верховного [главно] командования закончить подготовку к химической войне к февралю 1943 года.

Глузгалс сдал в оперативную группу полученный им в штабе военно-воздушных сил новый противогаз, который якобы впервые выдается штабным офицерам и сохраняется в секрете.

Глузгалс утверждает, что на центральном участке фронта немцы сосредоточили до 1000 самолетов. Ставка командования военно-воздушных сил центрального участка фронта, возглавляемая полным генералом авиации Ритером фон Граймом, размещена в г. Орше.

Глузгалс сообщил дислокацию 32 аэродромов центрального участка фронта (17 действующих и 15 строящихся), данные о количестве самолетов на аэродромах и состоянии противовоздушной обороны.

НКГБ СССР считает целесообразным поручить командующему авиацией дальнего действия т[ов.] Голованову доставить Глузгалса в Москву для передачи его в распоряжение Генерального штаба Красной Армии.

Вместе с Глузгалсом также будет доставлена агент «Вера».

Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР». [\[307\]](#)

Судьба перебежчика сложилась благополучно. После окончания войны он служил в Народной Армии ГДР, награжден орденом «За заслуги перед Отечеством», медалью «Борец против фашизма» и советскими наградами^[308].

В проведении операции по захвату офицера Люфтваффе важную роль сыграла и Мария Осипова. При этом она выполняла приказы командира чекистского спецотряда Петра Лопатина.

Вернемся к основной теме нашего рассказа – ликвидации Кубе и участию в ней чекистов. Об этом как-то не принято говорить, но большинство попыток ликвидации немца предприняли именно чекисты, а не военные разведчики. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основе рассекреченных документов.

Версия вторая – Лубянка

В 1943 году Москва объявила охоту на Вильгельма Кубе. На него было подготовлено (а отдельные операции и реализованы) свыше десяти покушений! В большинстве из них активную роль играли чекистские спецотряды. Собственно, это стало одной из причин, что ликвидация этого человека у большинства людей ассоциируется с деятельностью Лубянки. Звучит цинично, но если бы одна из попыток увенчалась успехом, то сейчас бы историки не спорили, кто ликвидировал этого человека – агенты НКВД или военной разведки. Мы не случайно написали слово «агенты». Мария Осипова и Елена Мазаник никогда не входили в штат разведывательно-диверсионных подразделений. Они лишь выполняли приказы.

«Официально» признано, что приказ уничтожить этого фашистского чиновника получили все партизанские соединения, которые базировались в окрестностях Минска. Более того, Центральным и

Белорусским штабами партизанского движения была сформирована группа спецназначения в составе шести человек. Ее возглавил капитан госбезопасности Степан Иванович Казанцев. Ей предстояло реализовать операцию «Рыбак» – ликвидацию Кубе. Планом было предусмотрено семь возможных способов убийства, начиная от закладки мины в театре и заканчивая «уничтожением Кубе одним из лиц, имеющим близкое общение с объектом»^[309].

По утверждению отдельных журналистов, прилетевший из Москвы в спецотряд «дяди Димы», которым командовал Давид Кеймах, майор Николай Федоров также имел приказ организовать ликвидацию Вильгельма Кубе^[310]. К сожалению, рассекреченные радиogramмы, которыми командование отряда обменивалось с Центром, свидетельствуют об обратном^[311].

Именно этого офицера советские власти признали одним из основных участников покушения и наградили вместе с исполнителями. В другие отряды чекистов и военных разведчиков прибыли боевики. Одновременно активизировали свою деятельность и подпольщики в самом Минске. Началось неофициальное соревнование между командирами различных групп.

Группа городских подпольщиков, которой руководила Мария Осипова, планировала устроить автомобильную аварию – врезаться на грузовике в машину Вильгельма Коха. Несколько дней патриоты ездили по городу, а потом отказались от этой идеи^[312]. Затем была идея отравить немца. У партизан был опыт проведения подобных акций. От этой идеи отказались по двум причинам: вместе с объектом покушения могли пострадать случайные люди^[313] и технически реализовать это было сложно (отдельные авторы

утверждают, что пробу с приготовленной пищи снимал кто-то из обслуживающего персонала).

Группа «Градова» (Станислава Ваупшасова) – еще один спецотряд Четвертого управления НКВД-НКГБ, который базировался в районе, расположенном южнее столицы Белоруссии, – проникла на окраину города и несколько суток дежурила на шоссе Минск – Лошица. По этой трассе объект охоты ездил в свою загородную резиденцию. Через несколько дней засаду пришлось снять [\[314\]](#).

В феврале 1943 года чекисты из спецгруппы «Сокол» (командир Кирилл Орловский) разработали план операции под кодовым названием «Кабанья голова». Основная цель – ликвидация Вильгельма Кубе и руководителя окружной фашистской администрации, комиссара города Барановичи группенфюрера Фридриха Фенса во время охоты на кабанов [\[315\]](#). В результате проведенной 16 февраля 1943 года акции Фридрих Фенс, гебитскомиссар Барановического округа группенфюрер СС Фридрих Штюр, восемь эсэсовских офицеров, два коменданта полиции и группа охранников погибли. Несколько уцелевших эсэсовцев, бежавших с места засады, позже были расстреляны гитлеровцами за трусость [\[316\]](#). А самого Вильгельма Кубе на охоте не было.

Очередная акция была проведена 22 июня 1943 года. В тот день в Минском драмтеатре утром прошло торжественное собрание в честь годовщины начала войны против СССР, а вечером был спектакль. Четверым партизанам отряда «За Советскую Белоруссию» бригады имени Фрунзе Вилейского района удалось пронести в здание бомбу. Однако по непонятной причине взрыв прогремел не утром, когда Вильгельм Кубе выступил с торжественной речью, а вечером, когда шел спектакль «Пан министр». В этот момент немцев в зале не было, т. к. существовал строгий порядок посещения спектаклей.

Немцы отдельно. Жители города отдельно. К тому же на все праздничные мероприятия 22 июня «билеты на кино и театральные показы раздаются профсоюзами только заслуженным работникам». В результате погибли десятки людей, в т.ч. и те, кто не имел никакого отношения к оккупационной администрации^[317].

Еще одно покушение было предотвращено летом 1943 года. По непонятной причине ни одна из партизанских групп не признала свое «авторство». Подпольщик, действовавший под «прикрытием» офицера немецкой армии, поселился в одной из гостиниц города. Регулярно он прогуливался около резиденции Вильгельма Кубе. Во время одного из randevu охрана решила проверить у него документы. Бумаги оказались в порядке, а вот форма... Его попытались задержать. В перестрелке патриот погиб^[318].

Также в подготовке ликвидации Вильгельма Кубе принимали участие и члены чекистской спецгруппы «Юрий», которая в мае 1943 года была сброшена с парашютами в распоряжение отряда Петра Лопатина (затем она передислоцировалась в отряд Станислава Ваупшасова). Командиром группы был назначен опытный разведчик Ю.М. Куцин. В группу «Юрий» вошли 18 человек, в том числе четыре немца^[319]. Почти все они прошли подготовку в ОМСБОНе и имели опыт работы за линией фронта. Более того, один из иностранцев – Карл Кляйнюнг – воевал в составе интербригад в Испании (служил в личной охране легендарного советского разведчика-диверсанта генерала Леонида Котова – Наума Эйтингона, осуществившего в 1940 году дерзкую акцию по ликвидации Льва Троцкого в Мексике)^[320].

Двое боевиков, членов группы «Юрий», – Николай Хохлов (в 1954 году уйдет на Запад) и Карл Кляйнюнг (в начале восьмидесятых годов в звании генерал-майора будет руководить военной контрразведкой ГДР) должны

были действовать в Минске под легендой военнослужащих фашистской армии. Для этого они в течение тридцати суток находились в лагере военнопленных в 400 километрах от Москвы. Там они шлифовали немецкий язык и вживались в образ. Николай Хохлов («Волин») выступал под видом младшего офицера Вальтера Латте пехотной части, якобы попавшего в плен севернее Сталинграда. Карл Кляйнюнг («Виктор») играл роль обер-лейтенанта. Именно в такой комбинации они и были позднее заброшены за линию фронта в белорусские леса [\[321\]](#).

В Минске Николай Хохлов использовал легенду Отто Витгенштейна, унтер-офицера тайной полевой полиции, служившего во фронтовом отделении № 49, имевшего командировочное предписание в город Минск. За ратные подвиги он был «награжден» Железным крестом [\[322\]](#).

Его напарник «Виктор» действовал с документами на имя обер-лейтенанта полевой жандармерии Отто Шульца. По утверждению его владельца, «это удостоверение имело жуткую силу, даже давало право расстреливать на месте». Разведчики отряда Градова связали его с минскими подпольщиками. Также группа «Юрий» располагала несколькими конспиративными квартирами: на улицах Солнечной, 5, Можайской, 31, Надеждинской, 14а, на Червенском тракте, 126. Некоторые из них использовал Карл Кляйнюнг.

«Виктор» руководил группой подпольщиков, которые были на связи у отряда Ваупшасова: учительница М.П. Чижевская («Мать») и ее дочь Елена («Дева»); минская комсомолка, студентка медицинского института Н.П. Моисеева («Подруга»); доцент Белорусского университета Е.М. Зубкович; бухгалтер О.И. Беляева («Вербицкая»), коммунисты Л. Драгун и Ф. Простак и др. Подпольщики собирали сведения об оборонительных сооружениях в городе и его окрестностях, выводили из Минска военнопленных и граждан, преследовавшихся

оккупационными властями, распространяли антифашистскую литературу, принимали участие в подготовке и проведении боевых операций.

В то же время Карл Кляйнюнг должен был вместе с Николаем Хохловым следить за маршрутами поездок верховного комиссара Вильгельма Кубе. И если днем немецкие мундиры позволяли беспрепятственно перемещаться по городу, то ночью приходилось укрываться на конспиративных квартирах. Использовались тайники. При этом дважды Карл Кляйнюнг был на волосок от гибели, когда в него стреляли народные мстители.

Одно из мест, где планировалось уничтожить палача, – загородное поместье в Лошице. Его облюбовал для пиров Вильгельм Кубе, наезжавший сюда со свитой. На даче чаще обитал минский окружной комиссар Фрейтаг.

Кляйнюнг встретился с Надеждой Моисеевой («Подруга»), Марией Павловной («Мать») и Еленой Чижевской («Дева»), работающими у Фройтага на даче.

План уничтожения Вильгельма Кубе был таким: доставить в Минск несколько мин с часовым механизмом, научить на явочной квартире «Подругу» и «Деву» обращению с ними, а затем переправить мины в Лошицу. При появлении там Вильгельма Кубе активировать часовой механизм мин и установить их в комнатах, которые он занимает.

Убедившись через агентуру, что в ближайшее время Кубе не собирается посещать Лошицу, Карл Кляйнюнг начал продумывать план его ликвидации в городе. А для этого надо было вербовать кого-то из прислуги гауляйтера. Отсеивая различные варианты, остановился на горничной Елене Мазаник. Комнату ей немцы дали на улице Энгельса, недалеко от резиденции гауляйтера, где она жила вместе с сестрой.

Карлу Кляйнюнгу к ней идти было нельзя. Выбор пал на Николая Хохлова. Повел себя визитер («Рыжий», как окрестила его женщина) довольно нагло и бесцеремонно, в результате чего задание провалил.

По мнению журналиста Николая Зеньковича, между ними во время первой встречи состоялся такой разговор. Николай Хохлов был одет в элегантный костюм и выдавал себя за сына фабриканта.

«... – Москва очень хорошо знает о вас, товарищ Мазаник. Более того, мое начальство просило передать вам привет от вашего мужа. Он жив, здоров и работает шофером в нашем учреждении, то есть в управлении НКВД по городу Омску. Сам я никогда в Омске не был. Но организация та же. Вы понимаете, что я имею в виду?

Женщина крепко сжала пальцами край стола и твердым голосом спросила:

– А почему я должна верить вашим словам? Немцы мне доверяют, и я не вижу никаких причин...

– Вы зря страхуетесь, товарищ Мазаник. Меня прислали к вам как к советскому человеку. Видите, Родина еще доверяет вам... – Голубые глаза блондина сузились, лицо нахмурилось. В голосе зазвучал металл: – Нам известно, что других людей, пытавшихся подойти к вам, вы гестапо не выдали. Но на этот раз вашего молчания будет мало. Необходима ваша помощь.

Пальцы женщины, крепко сжимавшие край стола, побелели от напряжения. Ее лицо стало серым.

Блондин понял, что надо остановиться.

– Не давайте мне сейчас никакого ответа, – дружелюбно сказал он. – Подумайте, а мы тем временем подготовим задание для вас... Мы скоро увидимся снова. Может быть, здесь, может быть, у вас дома...

Лицо женщины тронула насмешливая улыбка:

– Ну, домой-то ко мне вы прийти не сможете. Я живу рядом с верховным комиссариатом, и весь наш район под наблюдением гестапо.

Блондин улыбнулся:

– Ничего, в случае надобности мы вас найдем...»^[323]

А вот как Елена Мазаник описывала в своих мемуарах вторую встречу, которая произошла через двое суток. Теперь гость предстал перед ней в форме немецкого офицера.

«Возвращаюсь с работы... С крыльца мне навстречу снова бросился... рыжий... Я застыла на месте – думала, сейчас арестует. Как только вошли в комнату, рыжий замкнул дверь на ключ... он сел затем на стул, выхватил пистолет, положил на стол и сказал: «Учти, эта штука стреляет бесшумно... Продолжим разговор?» – «Нет, – прервала я его. Думаю, пан или пропал. – Повторяю, я сказала – нет! А теперь вопрос: как можно посылать такого идиота, как ты? С какой бы ты стороны ни пришел, так грубо поступать нельзя. Ты – дурак. А тот, кто посылает тебя, дважды дурак!»^[324]

На самом деле на Елену Мазаник пытались выйти еще несколько разведчиц от бригады Николая Лопатина. Первой, кто занялся решением этой задачи, была Галина Финская. Иван Золотарь регулярно беседовал с ней с целью выявления потенциальных агентов в Минске.

Другого кандидата – Надежду Троян – выбрали случайно, ее имя назвал начальник оперативной разведки Владимир Рудак. До своего появления в партизанском соединении «дяди Коли» в качестве медсестры она сначала жила в Минске^[325]. Затем вместе с родителями переехало в местечко Смоловичи, где она работала счетоводом на торфяном заводе. Через операционную сестру местной больницы Нюру Косаревскую она установила связь с партизанами^[326]. Утверждать то, что до этого она не занималась антифашистской работой, неверно. Она помогала организовывать побеги военнопленных из лагерей, распространяла листовки и т.п.

В результате в Минск были отправлены две подпольщицы – Галина Финская и Надежда Троян. Им было поручено собрать информацию о резиденции Вильгельма Кубе. Ситуация осложнялась тем, что квартал, где находился особняк, был очищен от местных жителей, да и по улице мимо дома было пройти крайне сложно. Для легализации в городе им изготовили необходимые документы. Гравер бригады Анатолий Александров изготовил необходимые печати и штампы, а начальник разведки бригады Владимир Рудак искусно подделал на документах необходимые подписи. Бланки немецких паспортов для советских граждан добыла партизанская разведчица Люся Чоловская. Из двух разведчиц, посланных в Минск, повезло Надежде Троян. Она сумела познакомиться с Еленой Мазаник – горничной Вильгельма Кубе^[327].

Вот как это произошло. У Вильгельма Кубе до Елены Мазаник работала другая горничная – Татьяна Калита. До войны она окончила мединститут и училась в аспирантуре. Когда фашисты оккупировали Минск, то она пыталась вместе со знакомым аспирантом Рыдневским уйти в партизаны, но была очень ослаблена после болезни и осталась в городе. А врач стал одним из командиров партизанской бригады «Штурмовая». Он пытался установить связь с Татьяной Калитой, но безрезультатно. Женщина не поверила связной, опасаясь провокации гестапо. Она потребовала, чтобы приславший ее человек назвал лекарство, которая она передала ему в начале войны. Больше человек из бригады «Штурмовой» не приходил. После войны Рыдневский признался, что забыл название препарата и больше не посылал к ней связную.

Надежде Троян она сначала тоже не поверила. Лед недоверия растаял, когда гостья напонила, что муж хозяйки квартиры до войны преподавал у них в институте. Татьяна Калита и сама вспомнила эту

студентку. После непродолжительной беседы она поверила гостье и предложила познакомиться со своей подругой Еленой Мазаник^[328].

Была и третья женщина, которая принимала активное участие в подготовке операции и установила связь с Еленой Мазаник^[329]. Так получилось, что одновременно с Надеждой Троян подходы к ней искала Мария Осипова.

«Черная» для этого использовала одного из членов группы – «Чили», который хорошо знал сестру горничной Вильгельма Коха – Валентину. Именно директор кинотеатра Николай Похлебаев организовал встречу Марии Осиповой и Елены Мазаник. Она произошла в конце августа 1943 года на участке улицы между центральным сквером и парком имени Горького и набережной реки Свислочь.

Елена не поверила Марине и потребовала организовать встречу с кем-нибудь из руководства партизанского отряда^[330]. Причина странного требования – она опасалась провокации со стороны немцев. Так звучит «официальная» версия. Странное заявление. Если бы она подозревала провокацию, то ее реакция должна быть совершенно другой – сообщить куда следует или просто не реагировать на это предложение, как она поступила при визите Николая Хохлова. А она зачем-то требует встречи с руководством отряда.

Можно назвать две распространенные причины, когда агент требует такой встречи. Во-первых, когда хочет убедиться в серьезности предложения или когда нужно получить гарантии собственной безопасности. Вспомним – на дворе сентябрь 1943 года. Красная Армия выиграла Курскую битву. Началось наступление. Судьба тех, кто сотрудничал с оккупантами, была ей известна. Нужны гарантии того, что в обмен на участие в ликвидации Вильгельма Кубе она получит индульгенцию

от Советской власти. Сама Елена не смогла сходить в отряд, так как не могла больше чем на два дня уйти с работы. Вместо нее эту миссию выполнила Валентина.

По утверждению отдельных авторов, члены ее подпольной группы поддерживали связь сразу с тремя партизанскими соединениями, которые мы также называли выше. Это привело к тому, что журналисты до сих пор спорят, командиру какого партизанского соединения отдать лавры «ликвидатора» Вильгельма Кубе. При этом они «забывают» о членах самой группы «Черной», сыгравших ключевую роль в этой операции. Например, директор минского кинотеатра Николай Похлебаев («Чили»), бывший политрук, которого Мария Осипова вытащила из лагеря для военнопленных и оформила ему фальшивые документы. Он организовал ей две встречи с Еленой Мазаник.

Кто знает, что произошло, если бы не было этого человека. Его судьба сложилась трагически. Во время покушения он был в командировке в Варшаве. Когда вернулся, то его арестовали на вокзале в Минске. Умер в застенках гестапо^[331]. Другая малоизвестная деталь. Из города Елену Мазаник, ее сестру Валентину и Марию Осипову вывез другой член группы «Черной», шофер Михаил Фурц^[332].

Из всех непосредственных участников покушения только Елена Мазаник написала книгу воспоминаний под красноречивым названием «Возмездие». Книга вышла в 1988 году, и в ней нет ничего сенсационного. Подробно изложена «официальная» хроника подготовки покушения^[333]. Зато есть множество интересных деталей, которые по-новому заставляют взглянуть на «иконописный» образ этой женщины.

В отличие от Марии Осиповой и Надежды Троян Елена Мазаник не особо стремилась участвовать в движении Сопротивления. Да, она помогала военнопленным (подкармливала их и передавала сводки

Совинформбюро), но единственный человек, способный подтвердить это, – повар Михаил Филимонов погиб в 1944 году, когда спрятал в своем огороде переданные из леса мины. Другие советские люди, работавшие в офицерской столовой-казино, где трудилась и она, пока не попала в дом к Вильгельму Кубе, тоже были связаны с партизанами, но они почему-то не пытались привлечь ее к своей тайной деятельности. Почему? Может, она сама избегала их и просто хотела выжить? А может быть, все дело в ее желании выслужиться перед немцами? Она и сама об этом пишет в книге, мотивируя это подготовкой к будущему покушению (когда на нее выйдут подпольщики, то...). Хотя ее стремление установить дружеские отношения с супругой Вильгельма Кубе (а о них будет рассказано ниже) – элементарная попытка выжить. Мы не вправе осуждать ее за это стремление. Просто подвиги одних остались забытыми, а вынужденный героизм других становился известен всей стране.

Другой малоизвестный эпизод. Мария Осипова вместе с Марией Григорьевной Грибовской^[334] (женщина в качестве попутчицы «Черной» оказалась случайно), а не одна, как часто пишут в литературе, доставила мину из леса в Минск. Мы не будем подробно описывать сцену, когда на очередном посту полицейский начал тыкать штыком корзину с брусникой, на дне которой была спрятана мина.

Согласно официальной версии, мина была выбрана потому, что этот вид оружия гарантировал, что не погибнут случайные люди. На самом деле подрыв оказался единственным способом ликвидации палача. Первоначально предполагалось использовать две мины – заминировав места его и супруги, но потом от второго заряда отказались. Дело не в том, что партизаны пожалели женщину, которая была на седьмом месяце беременности, при необходимости Елена Мазаник

уничтожила бы и ее, а в технической особенности взрывателей. Саперы из партизанского отряда честно признались, что разница срабатывания двух взрывателей при их установке на суточную задержку может превысить 10 минут. И тогда решили использовать только одну мину.

Еще одна пикантная подробность. Елена Мазаник и Анита Кубе, несмотря на то что первая убила мужа второй, сохранили на долгие годы теплые чувства друг к другу. Они расстались в 10 утра 21 сентября 1943 года. Уходя в сопровождении телохранителей в парикмахерскую, Анита Кубе пожелала прислуге, которая жаловалась на сильную зубную боль, всего хорошего. Елена Мазаник попрощалась: «Завтра увидимся в полном здравии снова». Хотя знала наверняка, что после взрыва мины, которую она собиралась подложить в кровать Вильгельма Кубе, им с хозяйкой не суждено уже встретиться никогда. «Мне было жаль, – признается через много лет Елена, – но так должно было случиться».

Историю их взаимоотношений в середине восьмидесятых годов прошлого века выяснил журналист радиостанции «Свободный Берлин» Пауль Коль. Он встречался с обеими женщинами и утверждает, что в рассказанной им истории все достоверно.

Приезд в Минск жены Вильгельма Кубе с тремя детьми был связан вовсе не с желанием супругов жить вместе, а... с приказом руководства Третьего рейха. Пятидесятилетний гауляйтер был неравнодушен к женскому полу, да и спиртным он иногда злоупотреблял. В Берлине опасались, и не без оснований, что в пьяном виде он выболтает какие-нибудь секреты очередной подруге. И действительно, Елена Мазаник спустя много лет призналась, что периодически подливала немцу водку, чтобы выведать у него что-нибудь интересное. А ее «собеседник» всячески демонстрировал знаки

внимания к горничной, которое, по ее словам, было ей очень неприятно. Мы так и не узнаем, где и при каких обстоятельствах они дегустировали этот спиртной напиток.

Ее привилегированное положение в доме могло объясняться симпатиями со стороны Аниты. Ведь Елена была единственной из прислуги, кто хорошо владел немецким языком, и была незаменимой при любых делах за пределами особняка. Мазаник быстро нашла подход к детям. Отводила их в школу и детский сад, играла, ходила с ними в кино. Иногда приносила им маленького щенка или бродячего котенка. Знание языка помогло Елене стать почти членом семьи. Можно, конечно, предположить, что был такой приказ: войти в семью, чтобы завершить запланированную операцию по уничтожению Кубе. И все же их симпатия возникла сама по себе. Хотя Елена ненавидела врагов: «Фрау Анита не раз говорила мне: «Когда закончится война, папа получит всю Беларусь. (Папой она называла своего мужа.) Но если нам придется по велению Божьему вернуться в Германию, мы возьмем тебя с собой. Из всей прислуги я возьму только тебя одну». Вот такое розовое будущее сулили мне. Этого только не хватало. Как мы ненавидели фашистов!»

А вот воспоминания Елены о последних часах перед покушением. Она очень подробно рассказывала о самой операции. Как испугалась, что мины, которые передали партизаны, намокли, и решила подсушить их на печке. Как боялась, что ее разоблачит охрана.

Сначала Елена планировала положить мины в бюстгальтер (там их точно не обнаружили бы, потому что постовые не стали бы ощупывать девушку, находящуюся в привилегированном положении). Но она не была профессионалом и самым безопасным местом посчитала дамскую сумочку, прикрыв мины носовыми платками. Вторая сумка, которую несла Елена, была

заполнена перестиранными дома пеленками и ползунками, которые привезли из Германии, – через три недели Аните предстояло рожать. Но охранник пожелал-таки достать платки из сумочки. И Елена прикрикнула на него. «Никогда я не позволяла себе повисить голос на немецкого солдата. Если бы я не была протеже Кубе, меня бы сразу транспортировали. Уже многих расстреляли только за то, что они были неприветливы с немецкими солдатами. Я злилась на себя: положить такие вещи в дамскую сумочку, где каждый мог их найти! От того, достанет ли солдат платок или нет, зависела моя жизнь и жизнь моей сестры», – сокрушалась спустя много десятилетий после того дня Елена.

По утверждению немецкого журналиста Пауля Коля, Елена Мазаник пережила огромный внутренний конфликт, потому что на кон была поставлена жизнь Аниты. Было ясно, что Анита тоже погибнет. Но ей нельзя было сказать: «Не ночуй сегодня в спальне». Это сразу вызвало бы подозрение и грозило провалом операции, которая долго готовилась. Елене пришлось смириться с тем, что подруга погибнет. У нее был приказ уничтожить Кубе. «Если бы покушение не удалось, то, конечно же, мне пришел бы конец, – говорила потом Елена. – Но моя ярость против фашистов была больше, чем страх умереть. Они не могли понять, что значит для нас Родина».

Рассказывая ему о том, что мины взорвались на час и сорок минут раньше времени, Елена очень эмоционально подытожила: «Счастье, что Кубе был уже в кровати. А если бы он задержался?»

Но когда убежденная атеистка Елена после покушения узнала, что Анита осталась жива и отделалась лишь шоком, она воскликнула: «Слава Богу!»^[335]

Финал этой истории известен всем. Осенью 1943 года Елена Мазаник, Надежда Троян и Мария Осипова были вывезены в Москву, где 4 ноября 1943 года «Всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин вручил каждой из них орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Дальнейшая их судьба сложилась благополучно. Надежда Викторовна Троян стала хирургом и успешно защитила кандидатскую диссертацию^[336].

Мария Осипова после окончания войны вновь стала членом Верховного суда Белоруссии. С 1947 по 1963 год работала в качестве депутата Верховного Совета БССР, многое сделала для патриотического воспитания молодежи. В 1968 году по решению Мингорисполкома Мария Борисовна Осипова стала почетным гражданином белорусской столицы. Умерла отважная подпольщица в 1999 году – в возрасте 90 лет^[337].

Сестра Елены Мазаник Валентина Шуцкая и Николай Федоров были награждены орденами Ленина. После ликвидации Вильгельма Кубе Федоров был отправлен в Ровно с заданием уничтожить рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Ради исторической справедливости отметим, что последний занимал пост в оккупационной администрации на ступеньку выше, чем Вильгельм Кубе. Партизан выполнить это задание не успел. В дальнейшем Федоров возглавлял партизанский отряд особого назначения, который действовал в районе Коваля. В 1944 году это подразделение переправилось через реку Западный Буг, вышло в район Люблина и совместно с польскими подпольщиками начало проводить диверсии на железных и автомобильных дорогах. В этих боях 17 апреля 1944 года Николай Федоров погиб^[338].

Часть шестая
Водолазы-разведчики в годы
ВОВ и советско-японской
войны

Глава 16

Морской спецназ против Вермахта и Кригсмарине

Разведывательное управление Наркомата ВМФ в начале Великой Отечественной войны включало три добывающих отдела: стратегической разведки, агентурной разведки и радиоразведки. Таким образом, Военно-морской флот вступил в войну, не имея в своем составе подготовленных частей и подразделений, способных решать задачи разведывательно-диверсионного характера на приморских направлениях.

С первых же дней войны складывающаяся обстановка на фронтах потребовала от флотской разведки активных действий на побережьях противника и захваченных им территориях [\[339\]](#).

Разведотряды Балтийского флота уходят на задания

Так, разведотделом штаба Балтийского флота были спешно создано семь разведывательных отрядов на следующих направлениях:

Два отряда в Ижорском укрепленном районе, из них первый – на Капорском направлении (командир отряда – старший лейтенант Филипченко С.А., численность 250 человек) и второй – на Петергофском направлении (командир – старший лейтенант Яковлев Е.В., затем капитан 3 ранга Шашенков Д.У.).

Отряд в Кронштадтском секторе (командир – старший лейтенант Пломадьяло).

Отряд Ленинградской ВМБ (командир – капитан-лейтенант Корсаков).

Отряд на Невском направлении (командир – капитан Потехин Г.В.).

Отряд на Ладожской флотилии (командир – старший лейтенант Анашкин).

Разведывательные взводы на островных секторах Лавенсари и Сескар^[340].

Эти разведывательные отряды решали следующие задачи:

- разведка переднего края и определение состава сухопутных сил противника;
- корректировка огня нашей морской артиллерии;
- разведка прибрежных аэродромов противника и наведение на них своей авиации;
- разведка местности, оборонительных сооружений и инженерных сооружений на берегу, противодесантной обороны и десантно-доступных участков побережья, а также непосредственное обеспечение высадки десанта;
- наблюдение в островном районе Финского залива за оперативным режимом;
- захват пленных, изъятие важных документов из потопленных кораблей и подводных лодок противника;
- производство специальных действий в тылу противника^[341].

Так, в январе 1942 года разведчики из разведотряда Кронштадского сектора обнаружили в районе Петергофа на льду скопление вражеских войск с танками. По оповещению оперативной службы линкор «Марат» открыл огонь по противнику.

Разведотряд Невского направления вел круглосуточное наблюдение за противником. Кроме того, он систематически производил фотографирование переднего края обороны противника специальной длиннофокусной аппаратурой, изготовленной на Ленинградском государственном оптико-механическом заводе. Делали панорамные снимки для командования флота и фронта. Так, в начале 1942 года разведотряд

произвел фотографирование оборонительных сооружений на берегу Невы в районе деревни Невская Дубровка. Составленная панорама в значительной степени обеспечила успех в проведении знаменитой фронтовой операции «У Невской Дубровки». За выполнение панорамной съемки командир отряда был награжден орденом Красного Знамени.

Ижорский разведотряд в зимнее время «специализировался» на проникновении в тыл противника по льду на лыжах. Разумеется, этот способ использовали и другие разведывательные подразделения Ленинградского фронта, но в этом отряде он был особенно распространен. Так, зимой 1942 года весь разведотряд (120 человек, командир – старший лейтенант С.А. Филиппченко) осуществил разведывательные мероприятия в отношении системы охраны и обороны острова Готланд. Отряд вышел из форта Серая Лошадь и прошел 120 километров по льду Финского залива. Движение осуществлялось исключительно в ночное время, а днем разведчики отлеживались в торосах. Задание было успешно выполнено: вскрыта система обороны острова и выявлены силы противника. Полученные данные позволили командованию принять решение по захвату острова силами одного батальона, притом без потерь.

Разведчики Островного укрепленного сектора в водолазном снаряжении высаживались на безлюдные острова Финского залива и длительное время вели наблюдение, а результаты сообщали командованию по радио. Противник засекал эти выходы в эфир, высылал боевые группы, которые обшаривали острова, но разведчики уходили под воду, тщательно соблюдая маскировку своего пребывания. Особенно ценные сведения добывала разведгруппа, высаживаемая с борта морского охотника на камни банки Вигрунд, в течение 1942–1943 годов, каждый раз на 10–15 суток. Хотя

действия разведгрупп не ограничивались исключительно разведывательными мероприятиями. Так, в августе 1944 года на камни банки Вигрунд высадились разведгруппа. Наблюдая неоднократное прохождение немецких боевых кораблей, в т. ч. и эсминцев, в Нарвский залив (корабли противника занимались установкой мин), она доложила об этом командованию. Был направлен дозорный катер для уточнения и проведения доразведки. На месте обнаружены выставленные немцами вежи, которые экипажем катера были переставлены в другие точки. На следующий день на своих же минах подорвалось три немецких эсминца.

В июле 1943 года разведчики разведотряда Ладужской флотилии впервые были высажены с подводной лодки «М-72» на остров Валаам, затем такие высадки производили подводные лодки «М-79». Эти же субмарины производили съемку групп. Тактика высадки групп была следующей: днем командир подлодки совместно с разведчиками по возможности в перископ изучали места высадки, а ночью из надводного положения субмарины разведчики на резиновых лодках высаживались на вражеский берег. После выполнения задания по условному сигналу от группы эта же подлодка производила съемку^[342].

В 1943 году разведкой флота была разработана программа боевой подготовки личного состава разведотрядов. Она включала следующие виды:

- огневая;
- тактико-специальная;
- морская;
- военная топография;
- инженерная;
- связь;
- вооруженные силы противника;
- химическая;

санитарная.

По отдельной программе велась подготовка радистов и снайперов. Последние доставляли немало хлопот противнику. Также среди разведчиков было популярно использование противотанковых гранат для подрыва солдатских и офицерских клубов. Немецкому командованию пришлось значительно усилить охрану или размещать их в глубоком тылу.

Если в первый год войны большинство разведчиков отправлялось в тыл противника с обычным вооружением красноармейца, то уже в 1942 году на вооружение разведотрядов стали поступать автоматы ППШ с плоскими магазинами. На задание группы уходили со смешанным вооружением (60-70% с автоматами, остальные с винтовками). В 1943 году группы уходили экипированные автоматами и полуавтоматическими винтовками. С собой бойцы брали 400 патронов на автомат и 200 на винтовку, по четыре ручные и одну-две противотанковые гранаты на каждого. Сложнее было со специальными минами. Приходилось использовать морские мины образца 1908/39 года и толовые шашки. Созданные еще до начала Первой мировой войны морские мины в различных модификациях использовались в советском ВМФ до начала шестидесятых годов прошлого века и считались весьма надежным оружием. Другое дело, что они мало подходили для нужд разведчиков, т.к. такая мина весила порядка шестисот килограмм. Ее обычно транспортировали на крестьянской телеге или на санях.

Другая проблема – радиосвязь. В первый год войны были большие проблемы со снабжением разведгрупп радиостанциями типа «Северок» (промышленность только начинала осваивать их серийное производство). Также не хватало квалифицированных радистов. Те, кого присылали со стороны, не имели необходимой специальной подготовки, плохо владели оружием, были

физически не подготовлены к сверхнагрузкам, часто терялись в сложной ситуации и становились обузой [\[343\]](#).

Рождение роты особого назначения

Уже в первые месяцы выяснилось, что наиболее эффективный способ переброски разведчиков через линию фронта – морским путем с использованием водолазного снаряжения [\[344\]](#). Именно тогда и вспомнили об учениях 1938 и 1940 годов.

В конце июля 1941 года к 1-му заместителю наркома Военно-морского флота СССР адмиралу И.С. Исакову, руководившему созданием морской обороны Ленинграда, обратился начальник ЭПРОН контр-адмирал Ф.И. Крылов. Суть его предложения заключалась в том, чтобы создать на Балтийском флоте, на базе эвакуированной из Выборга школы водолазов, специальное подразделение, бойцы которого смогут действовать в тылу противника, применяя легководолазное снаряжение. Идея Крылова была признана командованием своевременной и нужной. В итоге 11 августа 1941 года появился приказ 72/походный, подписанный адмиралом И.С. Исаковым:

«Начальнику Разведотдела БФ:

1. Сформировать при Разведотделе роту особого назначения в составе 146 штатных единиц.

Роту укомплектовать командирами и краснофлотцами-водолазами, прошедшими специальную подготовку в Военно-морской медицинской академии и Управлении ЭПРОНа по прилагаемому списку.

2. Окончание подготовки производить в помещениях ВММА и ЭПРОНа.

Командиром роты назначаю лейтенанта Прохвятилова.

Политруком роты – политрука тов. Маценко.

Для руководства и консультаций в подготовке по водолазному делу выделить военврача 1 ранга тов. Савичева.

3. Временный штат ввести в действие с 15 августа 1941 г.

4. Командиру Ленинградского Военного порта роту особого назначения поставить на все виды довольствия»[\[345\]](#).

Костяком формируемой роты стала небольшая группа водолазов ЭПРОН и краснофлотцев, прошедших до войны легководолазную подготовку на курсах в Ораниенбауме. Остальной состав набирался из добровольцев через Балтийский флотский экипаж. Местом дислокации роты особого назначения (РОН) стал остров Декабристов (о. Голодай). Для соблюдения секретности во всех документах она именовалась ротой подводников ЭПРОН, а ее бойцы – подводными пехотинцами.

Командование флота поставило перед лейтенантом И.В. Прохвятиловым сложную задачу: за 30 суток подготовить личный состав роты. Они должны были уметь форсировать водные преграды глубиной до 20 м и шириной до 1 км, освоить стрелковое оружие, приемы рукопашного боя и использование взрывчатых веществ. Задача осложнялась еще и тем, что набирали в новое подразделение добровольцев, которые не имели опыта работы под водой и даже не проходили медицинскую комиссию. За 25 дней обучения в августе 1941 года из роты пришлось отчислить около 80 человек. Сроки подготовки увеличить не удалось. 7 сентября роту особого назначения передали Разведотделу штаба Балтийского флота (РО ШБФ) с непосредственным подчинением заместителю начальника РО по агентурной разведке капитану 1 ранга Л.К. Бекреневу. Вскоре РОН провела свою первую операцию.

Боевая премьера РОН

В конце августа – начале сентября 1941 года на Карельском перешейке попала в окружение Выборгская группировка советских войск. Кроме того, финны овладели одним из островов Выборгского залива, тем самым закрыв выход из порта в море. Обстановка сложилась чрезвычайно сложная. И тогда было решено пустить в дело роту особого назначения, перед которой была поставлена задача очистить остров от противника. Рота скрытно выдвинулась в район Выборга. Однако операции не потребовалось: в последний момент перед высадкой десанта финны сами покинули остров^[346]. Но, несмотря на то что роте не пришлось вступить в бой, она продемонстрировала пригодность к выполнению подобных задач: штурмовая группа в составе 50 человек проникла на остров при помощи легкового автомобиля.

После того как части 39-го моторизованного корпуса противника захватили станцию Мга и Шлиссельбург, были перерезаны последние коммуникации, связывающие Ленинград с неоккупированными районами страны. С 8 сентября сообщение с заблокированным городом стало возможным только по воздуху и через Ладожское озеро. Советским командованием была разработана операция по деблокаде Ленинграда, предусматривающая нанесение встречных ударов войсками Невской оперативной группы с правого берега Невы и 54-й армии со стороны реки Волхов в общем направлении на Мгу и Синявино. Одновременно планировалась высадка 1-й дивизии НКВД и батальона моряков Ладожской военной флотилии (ЛВФ) в район Шлиссельбурга с целью овладения городом и последующим соединением с советскими войсками юго-восточнее Синявино.

16 сентября штаб ЛВФ приступил к подготовке десантной операции, которая сразу же столкнулась с большими трудностями. На оперативной базе флотилии в Осиновце не оказалось ни резервных частей, ни достаточного количества высадочных средств. Тем не менее через несколько дней из бойцов РОН и курсантов морского погранучилища был сформирован десантный отряд в составе 185 человек. Для их высадки предполагалось использовать 12 катеров КМ и ЗИС и 10 армейских лодок АК-3.

19 сентября десантный отряд был готов к выполнению боевой задачи, но из-за сильного шторма операцию пришлось перенести на сутки, и в ночь с 20 на 21 сентября отряд кораблей под командованием капитан-лейтенанта М.Н. Балтачи вышел из Осиновецкой гавани. На рейде к нему присоединились транспорт «Совет» и гидрографическое судно «Сатурн», которые должны были вывести десант в точку разворачивания для точного подхода к месту высадки. Капитан-лейтенант Балтачи почему-то принял решение, что транспорт «Совет» должен взять на буксир все катера и лодки, хотя по плану операции катера должны были идти своим ходом^[347]. На озере все еще была большая волна, буксирные тросы рвались, катера приходилось снова собирать вместе и ставить на буксир. В результате время было упущено и отряду пришлось вернуться на базу.

Вечером 21 сентября отряд вновь вышел на операцию. На этот раз он состоял из транспорта «Совет», 6 катеров КМ и 7 армейских лодок. Из-за ошибки в счислении координат корабли оказались в районе Бугровского маяка, на 2,5 мили восточнее места разворачивания, т.е. в тылу 54-й армии, что выяснилось только на рассвете 22 сентября. Тем не менее катера КМ самостоятельно подошли к намеченному участку высадки в Шлиссельбургской губе и начали

пересаживать десантников в лодки. Однако на свежей волне лодки АК-3 людей не держали и переворачивались. В результате утонули два бойца и три лодки. М.Н. Балтачи решил отказаться от дальнейших попыток высадки, и около семи утра катера взяли обратный курс на Осиновец.

Днем 22 сентября от командующего Ленинградским фронтом Г.К. Жукова пришел приказ – высадить десант во что бы то ни стало. В дополнение перед флотилией ставилась задача: произвести ночную высадку в Шлиссельбургской губе разведывательного отряда моряков под командованием начальника РО ШБФ подполковника Н.С. Фрумкина.

В ночь с 22 на 23 сентября отряд Фрумкина в составе 40 бойцов РОН, в том числе командира роты лейтенанта Прохвятилова, погрузился на два катера КМ, которые взяли курс на Шлиссельбург. Около четырех часов утра десант подошел к месту высадки и, пройдя вброд полторы мили, вышел на побережье в 3 км западнее деревни Липки и в 6 км от Шлиссельбурга.

Высадка разведчиков прошла незамеченной. Отряд двинулся в сторону Ладожских каналов, чтобы выйти на шлиссельбургскую дорогу. Рация при высадке подмокла, и моряки остались без связи. Отряд пробыл в немецком тылу сутки, разведав систему обороны побережья Шлиссельбургской губы. Ночью 24 сентября, после боя с противником, отряд прорвался обратно через линию фронта в районе населенного пункта Южные Липки при минимальных потерях – двух раненых и четырех убитых.

Командование ЛВФ тем временем продолжало подготовку к очередному десанту. Попытка высадки в ночь с 23 на 24 сентября также закончилась безрезультатно. В предрассветной мгле 7 катеров КМ подошли северо-западнее Бугровского маяка к побережью Шлиссельбургской губы. До берега оставалось не более 2-3 миль, но движению катеров

мешала подводная каменная гряда. Искать пути подхода к берегу не было времени, поэтому решили начать высадку водолазов. Однако высадка снова не удалась по совершенно нелепой причине: «Неправильно надев [резиновые] костюмы, бойцы переворачивались в воде вверх ногами и двигаться дальше не могли»^[348]. Катера, подобрав водолазов, повернули обратно.

Утром 25 сентября командующий Ладожской военной флотилией контр-адмирал Б.В. Хорошхин, действуя согласно требованию генерала армии Г.К. Жукова, приказал произвести высадку десанта днем, немного восточнее Шлиссельбурга, прямо перед немцами. В состав десантного отряда, кроме 40 бойцов РОН и 105 курсантов морского пограничного училища, был включен караульный взвод штаба флотилии численностью 44 человека. В отряд высадки вошли транспорт «Чапаев», судно «Сатурн», пять катеров КМ, четыре ЗИС, четыре «шестерки» и два баркаса. Для конвоирования и огневой поддержки десанта были выделены канонерские лодки «Олекма» и «Бира», пять катеров морских охотников, бронекатер и батареи артиллерийского дивизиона Ленинградского военного фронта. На случай если понадобится помощь, на Осиновецком рейде в готовности находились сторожевой корабль «Конструктор» и канонерская лодка «Нора».

Днем суда подошли в район Посеченского створа. Часть катеров МО поставила дымовую завесу, остальные с людьми на борту двинулись к берегу. Под сильным огнем десант на катерах, баркасах и «шестерках» достиг прибрежной отмели. «Первыми в воду прыгнули командир отряда политрук Каширин и лейтенант Титаренко. Люди шли по пояс в воде, но шли уверенно и решительно... Лейтенант Титаренко оглянулся на своих товарищей – бойцов и командиров – и вдруг во весь голос запел: «Вставай, проклятьем заклейменный!» –

писали в своем очерке о высадке десанта М. Гордон и Г. Мишуловин, фронтовые корреспонденты «Известий»^[349].

Под прикрытием огня кораблей и артиллерийского дивизиона десантники зацепились за берег. Огневые точки противника были уничтожены в рукопашном бою, но продвинуться в глубь побережья моряки не смогли. В небе появилась немецкая авиация. После воздушных налетов на берегу показались танки. Связь десантников с кораблями огневой поддержки оказалась нарушенной. Корректировочный пост артиллерийского дивизиона, расположенный на башне Осиновецкого маяка, перенес огонь батарей на танки противника, но вскоре весь берег заволокло дымом, и прицельная стрельба стала невозможной. Однако бой на побережье Шлиссельбургской губы продолжался и с наступлением темноты.

Ночью 25 сентября катер подобрал на Ладожском озере трех бойцов из состава десанта. Еще 11 человек прорвались через линию фронта в районе Бугры. Остальные десантники – 175 бойцов и командиров – погибли или пропали без вести. По данным В.Л. Зарембовского и Ю.И. Колесникова, потери РОН в этой операции составили более 30 человек. Ими также установлена фамилия одного из уцелевших водолазов-разведчиков – главный старшина Н.С. Кадурын.

Морской спецназ на Черном море

В первые месяцы войны для ведения разведки противника по представлению разведотдела штаба Черноморского флота были созданы два разведотряда, один из которых должен был действовать в интересах Одесского оборонительного района, а другой в районе Крымского полуострова^[350].

Первым применением разведывательно-диверсионных подразделений Черноморского флота

можно считать десантную операцию у Григорьевки. Пункт 7 плана операции, утвержденного 20 сентября 1941 года Военным советом Одесского оборонительного района, гласил: «В тыл противника выбрасывается группа парашютистов, которая нарушает связь и боевое управление противника, создает панику в его тылу».

В соответствии с планом в 1 час 30 мин 22 сентября в районе 4-5 км севернее Шицли самолетом ТБ-3 под командованием старшего лейтенанта С.П. Гаврилова был сброшен десант в количестве 23 чел. (командир – старшина А. Кузнецов). Под покровом темноты десантники перерезали проводную связь, нападали на штабы, уничтожали офицеров и солдат. Действуя смело и решительно, десантники выполнили боевую задачу и утром присоединились к морскому десанту^[351].

Первое применение крымского разведотряда состоялось в октябре 1941 года в ходе рейдовых действий на острове Джарылгач. Отряд в составе 60 человек под командованием С. Ермаша совершил рейд по маршруту остров Джарылгач – Акмечеть – Евпатория – Саки – Чеботарка – Симферополь. В ходе него были уничтожены склад горючего, самолет и колонна противника.

Еще одна операция была проведена в начале декабря 1941 года. Разведотряд в составе 56 человек под командованием капитана В. Топчиева с двух катеров высадился в порту Евпатория, разгромил жандармерию и полицейское управление, обратил в бегство расчеты румынских батарей, уничтожил на аэродроме один самолет Ю-88, плавсредства (шхуны, катера, шлюпки), находящиеся в порту, и сжег склады и причалы. После этого отряд вернулся на базу. Никто из разведчиков во время рейда не погиб.

Хотя без потерь проводить операции удавалась крайне редко. Так, 5 января 1942 года под интенсивным огнем противника на причал порта Евпатории был

высажен десант морской пехоты и подразделение разведотдела штаба Черноморского флота во главе с капитаном В. Топчиевым. В течение двух суток десантники вели бой в окружении врага и все погибли.

Для выяснения судьбы десанта рано утром 8 января 1942 года подводная лодка М-33 высадила в районе Евпатории группу в составе 13 человек во главе с батальонным комиссаром У. Латышевым. На следующий день Латышев доложил, что десант полностью уничтожен противником. Из-за сильного шторма катер и подводная лодка М-33 не смогли снять группу. Она действовала в течение недели в тылу противника в районе Евпатории, но затем была окружена и полностью уничтожена противником.

В ночь на 18 июня 1942 года 22 разведчика под командованием старшего лейтенанта Н. Федорова вышли из осажденного Севастополя на двух судах, которые тащили на буксирах три шлюпки. Группа должна была высадиться в районе Алупки и дезорганизовать движение фашистских транспортов с войсками и боеприпасами.

Подгруппа мичмана О. Попенкова в составе четырех человек на двухвесельной шлюпке высадилась удачно и приступила к выполнению поставленной задачи. Две другие шлюпки были обнаружены и подверглись обстрелу. Командир отряда принял решение возвращаться в Севастополь. Вот только сделать это было крайне сложно. Катера высадки, чьи экипажи, услышав стрельбу, решили, что вся группа успешно высадилась, ушли в Севастополь. Пришлось идти на веслах.

На рассвете со стороны Ялты на перехват шлюпок вышли два немецких катера. В ходе полчасового морского боя один из них был поврежден, а второй отбуксировал его на базу в Ялту. Затем разведчикам пришлось отбить атаку двух торпедных катеров

противника. Один из них также был поврежден. На траверзе мыса Сарыч шлюпки были обнаружены итальянской сверхмалой подводной лодкой. Разведчики открыли по субмарине огонь из пулеметов и автоматов, и лодка ушла под воду.

На этом приключения подразделения разведчиков не закончились. Береговая батарея противника стала стрелять по шлюпкам, но посланный на подмогу катер увел шлюпки из-под огня в Севастополь. Все восемнадцать разведчиков были награждены орденами, а краснофлотец Горбищенко – посмертно.

Подгруппа мичмана Попенкова выполнила поставленную задачу и за несколько дней до оставления Севастополя возвратилась в отряд, перейдя ночью линию фронта.

Судьба бойцов отряда сложилась трагически. Почти все они погибли или попали в плен в последние дни обороны Севастополя. Старший лейтенант Н. Федоров был контужен, захвачен в плен и погиб в лагере в Симферополе.

В сентябре 1942 года старший лейтенант Довженко был назначен командиром разведотряда геленджикской оперативной группы разведотдела штаба Черноморского флота.

11 сентября 1942 года группа в составе 15 человек во главе с Довженко была высажена в тыл противника в районе Южная Озейка с задачей вести разведку в районе Глебовка – Мысхако. Группа успешно выполнила задачу, установив состав и численность войск в районе Мысхако, а также расположение и количество огневых точек противника.

В ночь на 20 сентября 1942 года разведотряд численностью 116 человек под командованием капитана Собченюка был высажен в районе Южная Озейка – Глебовка. Задачей отряда было нанесение удара по гарнизонам противника. Задание удалось выполнить

лишь частично. Благодаря внезапному налету был разгромлен гарнизон в Южной Озейки. Во время выдвижения ко второму объекту атаки – гарнизону в Глебовке – отряд был обнаружен противником. Во время боя погиб капитан Собченко.

После возвращения в базу отряд возглавил младший лейтенант В. Пшеченко, направленный на эту должность разведотделом штаба флота. Высадка разведгрупп на различные участки побережья Таманского полуострова стала проводиться регулярно. Разведгруппы действовали до Абинской и Крымской, проникали в Новороссийский порт. Они добывали ценные сведения о противнике, необходимые для планирования операций, указывали цели авиации и артиллерии. Однажды группа разведчиков дала точнейшие координаты вражеского опорного пункта вблизи Анапы и указала ориентиры для авиации, которая уничтожила цель ударом с воздуха.

10 января 1943 года отряд вошел в отряд майора Цезаря Львовича Куникова и стал одной из пяти его боевых групп. В ночь с 3 на 4 февраля 1943 года десантный отряд моряков под командованием майора Куникова в ходе Южно-Озерейской десантной операции высадился на занятом врагом и сильно укрепленном побережье в районе Новороссийска, у села Мысхако («Малая земля»). Стремительным ударом десантный отряд выбил фашистов из опорного пункта и прочно закрепился на захваченном плацдарме. На рассвете разгорелся ожесточенный бой. Десантники в течение дня отразили 18 атак противника. К концу дня боеприпасы были на исходе. Положение казалось безвыходным. Тогда отряд майора Куникова совершил внезапный налет на артиллерийскую батарею противника. Истребив орудийный расчет и захватив орудия, они открыли из них огонь по атакующим вражеским солдатам. Семь дней десантники отбивали

яростные атаки врага и удержали плацдарм до подхода основных сил.

В ночь с 23 на 24 октября 1942 года была проведена операция по уничтожению крупнейшей на Северном Кавказе авиагруппировки противника, базирующейся на аэродроме Майкопа. В операции были задействованы: девять дальних бомбардировщиков ДБ-3, истребители, два скоростных бомбардировщика СБ и два транспортных самолета (транспортный Ли-2 (15 разведчиков на борту) и ТБ-3 (22 разведчика). Первой удар по огневым точкам ПВО аэродрома нанесла четверка бомбардировщиков ДБ-3. Следом подошедшие истребители нанесли штурмовые удары по прожекторам, а скоростные бомбардировщики сбросили зажигательные бомбы на железнодорожную станцию и мебельную фабрику. Из транспортников первым над аэродромом оказался Ли-2 и выбросил десант. ТБ-3 был подбит во время десантирования, загорелся и разбился. Несмотря на сильный огонь с земли, из 54 самолетов, находившихся на земле, десантники уничтожили 22 и нанесли повреждения различной степени тяжести еще 20 самолетам. При десантировании и в ходе выполнения задачи погибли 15 человек. Остальные 22 разведчика пробившись к партизанам.

В ночь на 1 мая 1943 года разведотряд разведотдела штаба Черноморского флота в составе 35 человек под командованием капитана Дмитрия Семеновича Калинина успешно высадился в районе села Варварка (Анапский район Краснодарского края). Отряду предписывалось порвать телефонную связь, заминировать дорогу Анапа – Новороссийск и имитировать высадку большого десанта на побережье Черного моря. Приказ отряд выполнил, правда, слишком большой ценой. Погибло или попало в плен две трети личного состава отряда.

В июне 1943 года группа под командованием мичмана Ф. Волончука была выброшена с парашютами на площадку партизанского аэродрома в Крыму для разведки в заданном районе.

В августе 1943 года для ведения разведки в Крым была десантирована группа в составе главного старшины Менаджиева, радистки Громовой, разведчиков-матросов Вертеника и Коншина. Группа установила связь с партизанами и организовала наблюдение за Ялтинским портом и перевозками по прибрежным дорогам. Разведчики регулярно сообщали по радио в штаб полученные разведывательные сведения, а также готовились к приему других разведгрупп. Вскоре в район горы Черная была выброшена вторая группа, а в ноябре – третья под командованием старшего лейтенанта Калганова. С многочисленных высот, окружавших Ялту, моряки-разведчики вели непрерывное наблюдение за Ялтинским портом. Два полка советских бомбардировщиков находились на боевом дежурстве в ожидании разведывательных данных о выявленных целях в портах Крыма. 13 апреля 1944 года, после того как советские войска освободили Ялту, разведчики вышли из леса. Их продолжительная и трудная, но в то же время необходимая штабу флота работа на этом этапе была завершена^[352].

В апреле 1944 года был создан разведывательный отряд особого назначения (РООН) из 10 человек. Командиром его был назначен старший лейтенант Сергей Семенович Осипович – бывший командир взвода РОН. Инструктором легкового подголки был также военный разведчик из РОН. Отряд участвовал только в одной боевой операции. Он был высажен с катера в районе поселка Любимовка с задачей круглосуточного наблюдения за входом и выходом кораблей противника из порта Севастополь и донесения

данных по радио. РООН действовал с 5 апреля по 10 мая 1944 года и задачу выполнил.

После взятия Севастополя нашими войсками военные разведчики РООН проводили обследование потопленных немецких кораблей и судов и изъятие из них документов (сохранился их перечень), в том числе: шифртаблицы, коды, карты минной обстановки, фарватеров и коммуникаций на Черноморском ТВД, таблица радиопозывных частей и кораблей противника. В конце 1945 года РООН был расформирован [\[353\]](#).

РОН продолжает действовать

До осени 1942 года ввиду тяжелого положения на фронте РОН в основном помогала инженерным подразделениям, вместе с которыми обеспечивала переправу через Неву в районе Невской Дубровки. Бывший начальник Инженерного управления Ленинградского фронта подполковник Б.В. Бычевский писал в своих мемуарах: «Пожилой добродушный контр-адмирал Фотий Иванович Крылов, начальник ЭПРОНа, тоже неотлучно с нами. Его водолазы и другие специалисты очень усердно помогают нам. Поблизости от реки, в овраге, оборудован сварочный цех. Ночью затонувшие понтоны вытаскиваются, днем – ремонтируются» [\[354\]](#). В ноябре 1941 года бойцы РОН занимались разведкой ледовой трассы на Ладожском озере – знаменитой Дороги жизни. Разведкой трассы руководил старший лейтенант И.В. Прохватилов. Сверх этого РОН занималась подготовкой легководолазов-разведчиков, направляя их в оперативные группы разведотдела Балтийского флота [\[355\]](#).

Осенью 1942 года РОН открыла счет собственным разведывательно-диверсионным операциям. Первой из них стала операция «Бурлаки».

Незадолго до этого командование Балтфлота получило информацию о том, что на Средиземном море были проведены испытания немецких и итальянских быстроходных радиоуправляемых катеров, начиненных взрывчаткой и специально предназначенных для уничтожения крупных судов на плаву и на базах. Можно было ожидать появления таких катеров и в Финском заливе. Угроза была серьезной. Последовали указания военно-воздушным силам и частям береговой обороны флота вести постоянную разведку побережья. В сентябре воздушная разведка установила, что немцы восстанавливают разрушенный причал в гавани Нижнего парка Петергофа.

Для разведки в Петергоф направили три группы РОН. Высадившись с моря, водолазы-разведчики ползком по каналу дошли до Главного каскада. Заметили исчезновение знаменитых скульптур, в том числе и «Самсона», – именно по их докладам затем на весь мир по радио прозвучали гневные обвинения фашистам в мародерстве – вывозе исторических ценностей из Петергофа. Что же касается их прямой задачи, то разведчики обнаружили на берегу гавани мощные средства ПВО, большое количество строительных материалов и военных грузов. Здесь явно готовилась какая-то база – может быть, тех самых катеров?

Командующий КБФ вице-адмирал В.Ф. Трибуц приказал уничтожить причал. Сначала его попытались разрушить артиллерийским огнем, но из этого ничего не вышло. Тогда задачу по его уничтожению поставили перед ротой особого назначения. Однако опыта такого рода диверсий у роты еще не было. Кроме того, осенью 1941 года здесь уже высаживался большой десант, и противник был настороже. Территория Нижнего парка была устлана листами кровельного железа, снятого с домов, опутана сплошной сетью проволочных заграждений с сигнальными ракетами и минами-

ловушками. Задача еще больше осложнялась отсутствием специальных взрывных устройств, которые можно было бы транспортировать под водой. Посоветовавшись с флотскими минерами, решили применить морские якорные мины образца 1908 года, несущие в боевой части 300 кг взрывчатки. Необходимо было транспортировать так, чтобы не волочить их по дну, но и не давать им всплывать на поверхность. На берегу Малой Невки построили макет причала, и бойцы, отобранные для участия в операции, приступили к тренировкам. Особенно тяжело было тянуть мины, имеющие большое сопротивление из-за размеров и округлой формы. Водолазы дали название этой операции – «Бурлаки».

В разведывательно-диверсионную группу были отобраны самые опытные и подготовленные бойцы роты. Командиром диверсионной группы был назначен А.С. Корольков, с ним должны были действовать краснофлотцы А.А. Спиридонов и М.С. Звенцов. Диверсанты готовились к операции, а разведчики между тем докладывали, что немцы ведут работы по сооружению причала почти круглосуточно. Надо было торопиться.

О том, как проходила операция «Бурлаки», рассказывают историки В.Л. Зарембовский и Ю.И. Колесников:

«В ноябрьскую ночь шлюпка с водолазами-разведчиками под командованием командира взвода лейтенанта Осипова С.С. с двумя минами на буксире у катера подошла на расстояние около 2 км от входа в канал. Буксирный конец отдали, и шлюпка подошла на расстояние приблизительно 300 м от причала. Произвели доразведку. Враг не проявлял беспокойства, водолазы-разведчики ушли под воду. Спиридонов и Звенцов тянули мины, Корольков прокладывал путеводную нить. Фашисты закидали подходы к причалу

металлоломом, и идти приходилось на глубине 8 м очень аккуратно, чтобы не повредить гидрокостюмы. Скрытно подойдя к причалу, на котором противник в это время производил работы, водолазы-разведчики прикрепили две мины с часовыми взрывателями и по путеводной нити вернулись к шлюпке. Они были в полном изнеможении и забраться в шлюпку самостоятельно не смогли»^[356].

Потом под воду пошел специалист минно-взрывного дела Корольков. Он проверил постановку мин и снарядил взрыватели. После его возвращения моряки соорудили паруса из плащ-палаток и через два часа добрались в район Ольгино на противоположный берег залива. В середине дня было получено донесение от поста наблюдения и связи: «В 9 часов 12 минут в районе Петергофской пристани наблюдались почти одновременно два взрыва... ясно видно, как летели вверх люди и обломки конструкций». Больше немцы не пытались восстановить эту пристань. Как ни странно, но за эту первую в истории ВМФ СССР диверсию, совершенную из-под воды, никто награжден не был.

Ликвидация немецкой базы

Еще одна крупная разведывательно-диверсионная операция РОН была проведена летом - осенью 1943 года. В это время заметно активизировались действия немецких малых сторожевых катеров. Незадолго до этого они потопили дозорный катер Балтфлота, а затем поставили мины на фарватерах канала Ленинград - Кронштадт. Роте предстояло найти и уничтожить базу катеров.

В течение августа - сентября бойцы РОН провели несколько разведпоисков. В последних числах сентября группа под командованием мичмана Н.К. Никитина обнаружила на западном берегу Стрельнинского канала

три катера, поднятых на берег и накрытых брезентом и маскировочной сеткой. Четвертый катер находился рядом на плаву. У входа в канал стоял дом с наблюдательным пунктом на вышке, от дома отходило большое количество телефонных проводов.

Нападение на базу катеров было совершено ночью 4 октября 1943 года. В разведывательно-диверсионном отряде под командованием капитан-лейтенанта Прохвятилова было всего 12 бойцов. Диверсанты подорвали гранатами НП и четыре немецких катера. Потеряв одного человека убитым, отряд на шлюпках вернулся в исходную точку – к дамбе Морского канала. Все участники операции были награждены орденами и медалями, командир РОН – орденом Отечественной войны 2-й степени. Как стало известно из захваченного разведчиками штаба флота приказа генерал-фельдмаршала Кюхлера, офицеры, не обеспечившие должной охраны базы катеров, были отданы под суд [\[357\]](#).

В 1943-1944 годах бойцы РОН провели несколько десятков операций по разведке и вскрытию системы береговой обороны противника, определению мест высадки десантов и разведывательно-диверсионных отрядов, захвату пленных. Операции проходили на южном и северном побережьях Финского залива, побережье Выборгского залива, на островах Гогланд, Большой Тютерс, Рухну, на Чудском озере. Однако не все они были успешными. Так, в сентябре 1943 года в Копорском заливе в полном составе погибла разведгруппа старшего лейтенанта Иониди. 28 мая 1944 года неудачей завершилась попытка подрыва моста через реку Тюрсевианиоки в районе города Териоки. На подходах к объекту разведывательно-диверсионный отряд был замечен охраной и обстрелян. Разведчикам пришлось вернуться на катер, не выполнив поставленной задачи.

Охота на вражескую субмарину

Одной из самых примечательных операций РОН стал поиск и обследование немецкой подводной лодки U-250.

30 июля 1944 года в Выборгском заливе, северо-западнее острова Руонти, советский боевой корабль обнаружил и потопил немецкую подлодку. Она затонула на глубине около 30 метров. Подняться на поверхность удалось шести членам экипажа, в том числе командиру субмарины корветен-капитану (соответствует званию капитана 3 ранга в советском ВМФ) В. Шмидту. Спасшихся немецких моряков взяли в плен, место гибели лодки отметили буями, но их сорвало сильным штормом. О лодке благополучно забыли бы, если бы не странное поведение противника. Немецкая авиация неоднократно бомбила квадрат затопления своей субмарины. Этим неожиданным обстоятельством заинтересовались в штабе флота, и командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц приказал личному составу РОН найти и обследовать вражескую подлодку.

В течение трех дней шестнадцать водолазов роты выполняли поставленную задачу. Ознакомившись с добытой на затонувшей подводной лодке документацией, командование флота приняло решение поднять ее на поверхность. О дальнейшем ходе операции пишут В.Л. Зарембовский и Ю.И. Колесников:

«В сентябре силами аварийно-спасательной службы (АСС) БФ лодка была поднята с помощью понтонов, отбуксирована в Кронштадт и поставлена в док.

Вместе с нашими специалистами на ПЛ (подводная лодка. - *Прим. авт.*) был допущен и В. Шмидт, утверждавший на допросе, что без знания определенных тонкостей лодка может взорваться. Он также говорил, что незачем пытаться поднять корабль, однако уклонялся от ответов на многие вопросы,

особенно о вооружении. Корветен-капитан В. Шмидт был, видимо, уверен, что во время подъема ПЛ сработают специальные взрывные устройства. Он не знал, что лодка уже поднята. Бывшему командиру ПЛ U-250 пришлось лично отдраивать люки своего корабля и помогать в разгадке секрета, возведенного в рейхе в разряд государственной тайны. Шифры, коды, шифровальная машинка – все это, несомненно, представляло интерес. Но обнаруженные на ПЛ ранее не известные торпеды оказались для нашего командования настоящим сюрпризом. На них красной краской были сделаны надписи: «Внимание! Не трогать! Не вскрывать!» Разъясним, что личный состав ПЛ устройства торпед не знал, их приготовлением занимались специалисты базы, позже было выяснено, что во второй половине 1943 года фашистские ВМС получили самое эффективное оружие не только против крупных НК (надводных кораблей. – *Прим. авт.*) и ПЛ, но и против кораблей и судов малого водоизмещения. Принципиальным отличием торпеды являлось то, что она самостоятельно наводилась на цель. Немецкие конструкторы дали ей название «крапивник». У торпеды появилось и второе название – «королевский забор». Именно с помощью этого оружия немцы надеялись полностью блокировать Англию, оградить ее с моря «забором» из самонаводящихся торпед и объявить неограниченную подводную войну. Эти торпеды доставили много хлопот англичанам.

Из ПЛ извлекли, обезвредили и изучили две торпеды. Они оказались электрическими, самонаводящимися по акустическому каналу, с неконтактными взрывателями»[\[358\]](#).

Новое секретное оружие рейха сразу же привлекло самое пристальное внимание союзников. Нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов вспоминал:

«Свой трофей мы не скрывали от союзников. У. Черчилль обратился к Сталину с просьбой допустить английских специалистов осмотреть немецкую ПЛ. Верховный вызвал меня и спросил мое мнение. Я ответил, что, по-моему, нет оснований отказывать союзникам. В этом духе и последовал ответ английскому премьеру. Англичане после осмотра горячо благодарили за ценные сведения о немецкой акустической торпеде. Сталина это насторожило: а не слишком ли ценный секрет мы выдали? Пришлось поволноваться. Сталин напомнил, что союзники своими важными секретами делятся с нами очень неохотно. Но ничего, на этот раз все обошлось благополучно»^[359].

Личный состав РОН неоднократно выполнял и обязанности подводных саперов, занимаясь поиском и обезвреживанием донных магнитных мин, которыми было буквально усеяно Балтийское море. Известно, что из 108 442 мин всех типов, поставленных противником и советскими минерами в морях Советского Союза за годы войны, более 70% приходится на Балтику.

В 1943–1944 годах бойцы роты провели 840 водолазных спусков с целью обезвреживания мин. Рота работала успешно, несмотря на несовершенное снаряжение и отсутствие должного материально-технического обеспечения. В основном применялись аппараты ВИА-2, запас кислорода в которых позволял находиться под водой не более часа. Приходилось брать с собой дополнительные кислородные баллончики, меняя их под водой – эту операцию в роте отработали самостоятельно. Гидрокостюм «ЭПРОН» был неудобен, при ошибке в подборе размера шлем сильно обжимал голову водолаза и нарушал кровообращение. Не хватало специальных средств связи и передвижения как на воде, так и под водой, обмундирование ничем не отличалось от обычного солдатского, оружие и мины были также общеармейского образца.

Впрочем, многое из оборудования изготавливалось в самой роте. Этими вопросами занимался ее 6-й взвод, числившийся учебным. Из аэростатной ткани клеили водолазное снаряжение и шлюпки, сами дооборудовали дыхательные аппараты, оружие и мины, приспособляли пехотные радиостанции к морским условиям. Были в роте и свои изобретатели, ставшие в дальнейшем известными всему флоту. Так, вольнонаемному, а впоследствии краснофлотцу Б.М. Колмогорову принадлежит ряд оригинальных конструкций водолазного снаряжения. Инженер по образованию, он в содружестве с военврачом И.И. Савичевым разработал десантный костюм, водонепроницаемый чехол для ручных часов, жилеты плавучести, арктический плавательный костюм, комбинированное водолазное снаряжение. Даже индивидуальные резиновые шлюпки бойцам роты пришлось конструировать самим.

Под водой разведчики работали только в теплое время года. Зимой боевая работа РОН заключалась главным образом в наблюдении за противником. В отчете командира роты за 1943 год говорилось: «Наблюдение проводилось с точек на расстоянии 200–300 м от объекта. Разведчик-наблюдатель находился в резиновом воздушном мешке, который был покрашен в белый цвет и маскировался под сугроб или торос. Все полученные сведения отличались достоверностью, причем обследовалось все побережье противника. Воздушные мешки очень помогали в маскировке. Во многих случаях противник проходил в нескольких десятках метров от разведчиков и не замечал их. Однажды положенного нами разведчика немцы обнесли колючей проволокой, но не заметили. Мешки изготавливаются из прорезиненной ткани, не боятся сырости, легко маскируются, просты в изготовлении».

Конструкция надувного мешка была предложена мичманом Никитиным, краснофлотцем Колмогоровым и капитаном 3 ранга Прохвятиловым. Это маскировочное средство использовалось до конца войны, его шили все в том же 6-м взводе.

РОН в последний год войны

В марте 1944 года приказом командующего Балтийским флотом РОН была переведена на новый штат. Теперь в роте стало числиться 104 человека. Она состояла из трех взводов: двух боевых и одного хозяйственного. В роте имелись четыре автомашины, мотоцикл и три сторожевых катера типа КМ-III. В марте 1945 года РОН передислоцировалась в поселок Какумяэ под Таллином, где и находилась до расформирования. Всего за годы войны рота особого назначения провела более 200 диверсионно-разведывательных операций.

Однако еще осенью 1944 года командование ВМФ стало высказывать сомнения в целесообразности дальнейшего существования РОН в системе морской разведки. Первым по этому вопросу выступил начальник Разведывательного управления Главного морского штаба (РУ ГМШ) контр-адмирал М.А. Воронцов. Своим мнением он поделился со штабом КБФ, подчеркнув, что намерен ходатайствовать перед начальником ГМШ о расформировании роты.

В свою очередь, начальник РО ШБФ контр-адмирал Петров, его заместитель капитан 2 ранга П.Д. Грищенко, командир РОН капитан 3 ранга И.В. Прохвятилов, сотрудники РУ ГМШ капитан 1 ранга Л. К. Бекренев, капитан 2 ранга Д.У. Шашенков и полковник Н.С. Фрумкин придерживались противоположной точки зрения. Они были уверены, что подобные подразделения необходимо иметь на флотах, и не только в военное

время, но и в мирные дни, что их следует совершенствовать и развивать.

В октябре 1944 года, отстаивая необходимость существования морского спецназа, И.В. Прохвятилов писал в Разведуправление Главного морского штаба: «... Это дело новое, при известных условиях обещает быть очень полезным на все время, пока существует разведка. Применяя специальную технику, легководолазы-разведчики выходили на берег во всех случаях совершенно скрытно, несмотря на большую концентрацию войск и их высокую бдительность в местах высадки. Данные разведки были всегда достоверными... Встает вопрос о необходимости сохранения легководолазного подразделения в мирное время»^[360]. Далее он предлагал на базе роты создать специальную школу при РУ ГМШ, которая бы «решила задачи подготовки кадров водолазов-разведчиков, разработки водолазных снаряжений, необходимого технического обеспечения и совершенствования методов разведки водолазами- разведчиками»^[361].

Но обращение не было принято во внимание. Осенью 1945 года в ходе инспектирования Краснознаменного Балтийского флота ГМШ ВМФ судьба морского спецназа была решена. «Разведывательные отряды при РО БФ в мирное время иметь нецелесообразно», – решила инспекционная комиссия^[362]. Это заключение комиссии было внесено в акт инспекции, который подписал начальник ГМШ адмирал Исаков, приказом которого рота была создана в 1941 году.

Резолюция была категоричной: «Кадры разведчиков в мирное время готовить не надо». 14 октября 1945 года командующий Краснознаменным Балтийским флотом издал приказ № 0580 о расформировании РОН «в срок до 20.10.45». Рота перестала существовать. Однако очень скоро политическая обстановка потребовала создания

куда более мощных подразделений водолазов-разведчиков.

Итоги войны

По результатам боевых действий были сформулированы основные задачи для разведотрядов и требования к военнослужащим этих подразделений.

Основными задачами, которые решали разведотряды флота, были:

- разведка боевых кораблей и транспортов противника в базах, пунктах базирования противника и в прибрежных зонах и наведение на них ударных сил флота (подводные лодки, авиация флота и надводные корабли) с использованием для этого как радиосетей разведки, так и радиосвязи непосредственно ударных сил;

- разведка и уничтожение своими силами самолетов на вражеских аэродромах, катеров и артиллерийских батарей и живой силы противника в прибрежной зоне.

В прибрежной зоне разведотряды решали задачи:

- разведка районов предстоящей высадки десантов и непосредственное участие в первых бросках десанта;

- тесное взаимодействие с партизанскими отрядами и силами сопротивления, их снабжение и руководство ими;

- обеспечение высадки и ведения разведки подразделениями агентурной разведки;

- захват и доставка на свои позиции пленных, документов и оружия противника.

Разведотряды комплектовались из личного состава кораблей, морской пехоты и морской авиации, поскольку флотская разведка предъявляла много специфических требований к разведчикам:

- умение высадиться на побережье противника с любого подводного корабля и в легководолазном

снаряжении из подводной лодки (из самолетов на парашютах, естественно, тоже);

знание и умение классифицировать все типы боевых кораблей и транспортов противника, их оружия, боевых порядков и способов деятельности;

знание и умение работать с навигационными картами и навигационным оборудованием портов;

умение поддерживать надежную и устойчивую радиосвязь с кораблями и морской авиацией;

умение пользоваться морскими видами орудия и техники, водить маломерные плавсредства (катера, шлюпки, ялы)[\[363\]](#).

Глава 17

Подводные лодки на службе морского спецназа

В ходе Великой Отечественной войны подводными лодками в глубокий тыл врага было скрытно высажено более 50 разведывательно-диверсионных групп. К месту высадки, как правило, лодка подходила днем в подводном положении. Тщательно разведав район высадки, обследовав береговую черту (в перископ) и определив как можно точнее свое место, лодка ложилась на грунт. С наступлением темноты она всплывала в надводное положение и высаживала десантную группу, которая на резиновых надувных шлюпках добиралась до берега.

Следует отметить, что высадить разведывательную группу с подводной лодки было делом очень сложным. Противник мог устроить засаду и с короткой дистанции открыть по лодке пулеметно-пушечный огонь. Найти подходящие для высадки условия значило наполовину решить задачу. Случалось так, что, покинув базу при штилевой погоде, подводная лодка подходила к району высадки в условиях большой волны и сильного ветра.

Трудности были и у людей, спустившихся в резиновую шлюпку с тяжелым грузом – оружием и необходимым снаряжением. При ветре и волне шлюпку заливало водой, опрокидывало или относило далеко в сторону от намеченного для высадки места.

Историк отечественного ВМФ Александр Розин в своей статье «Десантные операции с ПЛ» обобщил и систематизировал большинство эпизодов использования подводных лодок для вывода в тыл противника разведывательных групп.

По его утверждению, максимальное число разведывательных групп высажено на Северном флоте – 39 ((из них 25 успешные) из общего числа 50. Здесь разведчики, как правило, вели наблюдение за движением вражеских конвоев вдоль побережья Северной Норвегии.

11 августа 1941 года подводная лодка «Щ-211» (командир – капитан-лейтенант Девятко А.Д.), подойдя к болгарскому берегу на 150 м в районе южнее устья реки Камчия на полпути между Варненским заливом и мысом Карабурун высадила на пяти резиновых шлюпках разведывательно-диверсионную группу Цвятко Николов Радойнов (14 человек) разведотдела штаба Черноморского флота.

29 августа 1941 года с борта подводной лодки «С-32» (командир – капитан-лейтенант Павленко С.К.) на болгарский берег в районе между селом Шкорпиловци и устьем реки Камчия была высажена вторая разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба Черноморского флота (9 человек) во главе с Мирко Станков Петров.

В ночь с 25 на 26 сентября 1941 года с борта подводной лодки «М-173» (командир – капитан-лейтенант Кунец И.А.) на западный берег Перс-фьорда возле мыса Лангбнес на берег была высажена разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба Северного флота – 13 человек (в том числе больше половины норвежцев), под командованием старшего лейтенанта Кудрявцева Георгия Васильевича, продуктов и снаряжения на 2 месяца. Высадку осуществляли в течение полутора часов. Группа была обнаружена немцами, вела бои, разделилась на два отряда, несколько человек погибло. Из оставшихся 5 человек были сняты в ноябре 1941 года подводной лодкой «М-172», а другие вернулись на норвежском мотоботе. Пятидесятисуточная работа разведчиков в

тылу противника показала, что широкомасштабных партизанских действий на севере Норвегии организовать невозможно, поэтому в дальнейшем высаживали группы из трех-пяти человек для ведения разведки кораблей и наведения на них авиации и подводных лодок.

В октябре 1941 года подводная лодка «М-176» (командир Бондаревич И.Л.) вышла в район Варде – позиция № 5 для съема разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Северного флота. Первая попытка 20 октября 1941 года закончилась неудачей. В указанном месте разведчиков не оказалось. В новом месте приема группы субмарина не смогла подойти к берегу из-за штормовой погоды. В ночь на 25 октября 1941 года подводная лодка начала возвращение. Судьба разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Северного флота неизвестна.

В том же месяце подводная лодка «М-176» из-за наличия постоянного дозора кораблей противолодочной обороны противника не смогла в восточной части Варангер-фьорда – позиции № 6 снять разведывательно-диверсионную группу разведотдела штаба Северного флота.

15 ноября 1941 года подводная лодка «М-172» (командир – капитан-лейтенант Фисанович И.И.) в Перс-фьорде взяла на борт пять человек из группы Кудрявцева. Они подошли к лодке на норвежском мотоботе.

31 декабря 1941 года в районе бухты Коктебель (Крым) с подводной лодки «Д-5» (командир – старший лейтенант Стршельницкий Ю.А.) была высажена часть группы (21 десантник из 31), при этом двое членов экипажа субмарины при переправке перевернулись в шлюпке и погибли (один из них – трюмный краснофлотец Н.А.Кривошеин). Группу высадили с задачей перерезать дорогу между Феодосией и

Алуштой, но она сразу попала в засаду, и 14 человек из состава группы погибли. К своим войскам вышли только пять разведчиков. Оставшиеся в подводной лодке вернулись в базу.

5 января 1942 года высадила, а 18 января приняла обратно на борт разведывательно-диверсионную группу разведотдела штаба Северного флота (численность три человека – русский радист и двое норвежцев) подводная лодка «С-102» (командир – капитан-лейтенант Городничий Л.И.) в Перс-фьорде.

3 февраля 1942 года в районе Тана-фьорда, восточнее Берлевога у мыса Нолнес, с борта подводной лодки «С-101» (командир – капитан 3 ранга Векке В.К.) высадили трех разведчиков: двух норвежцев, Трюгва Матисена и Франца Матисена, и советского радиста Федора Крылова. В шторм смыло продукты, к марту нечего стало есть, и они были сняты подводной лодкой «Щ-404».

9 февраля 1942 года высадила, а 24 февраля сняла группу из двух человек подводная лодка «Щ-401» (командир – капитан-лейтенант Моисеев А.Е.) в Перс-фьорде.

13 февраля 1942 года подводная лодка «Щ-403» (командир – капитан-лейтенант Коваленко С.И.) в район мыса Нордкап попыталась произвести высадку разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Северного флота. Из-за ветра и сильного течения высадку произвести не удалось. На двух резиновых шлюпках было отправлено пять человек в качестве переправщиков. Шлюпки выбрали за спасательные концы, без краснофлотцев и весел. После этого лодка ушла из района высадки. На берег острова Магере на шлюпках ушли три разведчика-норвежца и два подводника – Климов и Широков – переправщиками. Как оказалось, при высадке лодка перевернулась, рация

утонула, погиб и один из норвежцев, а еще один был ранен, вскоре он умер.

15 февраля 1942 года «Щ-403» вновь пришла к месту высадки и опять из-за сильного ветра и волны не могла высадить разведывательную группу. Командир, считая обстановку неподходящей для подхода к берегу, вышел из фьорда.

16 февраля 1942 года была предпринята третья попытка произвести высадку группы на шлюпке для переброски продуктов на берег и розыска высаженных людей. Шлюпку отнесло в море, с помощью бросательного конца ее подвели к борту и приняли людей. Командир субмарины считал дальнейшее выполнение операции невозможным и вышел из фьорда.

19 февраля 1942 года подводная лодка «Щ-403» была повреждена, потеряла командира и снять разведчиков не смогла. Из оставшихся на берегу трех человек последний норвежец пошел на явку и не вернулся, а обессиленных от голода Климова и Широкова взяли в плен немцы. Были в концлагерях, в разное время оба бежали, перешли линию фронта и воевали в пехотных частях.

20 февраля 1942 года подводная лодка «Щ-404» (командир – капитан-лейтенант Иванов В.К.) смогла высадить частично (из трех разведчиков на берег были высажены только двое норвежцев – Ингольф Аспос и Ингвальд Микельсен, третий – радист с рацией – остался на субмарине) разведгруппу. Ситуация осложнялась еще и тем, что уцелела только часть продуктов (на восемь суток), остальные смыло в море во время высадки. Когда у разведчиков кончились продукты, они ушли к знакомым, в мае 1942 года присоединились к группе Седерстрема, в октябре 1942 года вывезены подводной лодкой «М-171».

16 марта 1942 года подводная лодка «С-102» (командир – капитан-лейтенант Городничий Л.И.)

произвела высадку одного разведчика в районе Вардо.

3 апреля 1942 года в Варангере восточнее Берлевога у мыса Нолнес подводная лодка «Щ-404» (командир – капитан-лейтенант Иванов В. А.) забрали с берега группу из трех разведчиков под руководством Трюгве, так как у них кончились продукты.

4 апреля 1942 года в бухте Инре в горловине Сюльте-фьорда (северо-восточный берег Варангера) двумя рейсами подводная лодка «М-173» (командир – капитан-лейтенант Терехин В. А.) высадила трех разведчиков: норвежцев – Сверре Седерстрем (командир), Оскар Юнсен – и русского радиста Владимира Чижевского. В мае 1942 года к группе присоединились два норвежских разведчика Аспос и Микельсен, высаженные в феврале 1942 года с подводной лодки «Щ-404». Всех вывезли в октябре 1942 года на подводной лодке «М-171». За время работы передали 400 радиogramм, более 70 раз сообщали о конвоях и кораблях противника. По их наводке советские подводные лодки и самолеты потопили 12 транспортов противника.

10 апреля 1942 года подводная лодка «К-1» (командир – капитан 2 ранга Августович М.П.) высадила разведывательно-диверсионную группу (четыре человека) разведотдела штаба Северного флота.

14 апреля 1942 года подводная лодка «М-173» (командир – капитан-лейтенант Терехин В. А.) в Сюльте-фьорде высадила разведывательную группу (шесть человек) разведотдела штаба Северного флота.

В мае 1942 года подводная лодка «Щ-404» (командир – капитан-лейтенант Иванов В. А.) забрала с норвежского побережья четверых разведчиков из группы Матисена, высаженных в феврале 1942 года.

В ночь на 1 октября 1942 года подводная лодка «М-171» (командир – капитан-лейтенант Стариков В. Г.)

в районе Хавнингсберга (Варде) высадила на берег двух разведчиков разведотдела штаба Северного флота.

В ночь на 2 октября 1942 года в Сюльте-фьорде подводная лодка «М-171» (командир – капитан-лейтенант Стариков В. Г.) забрала с побережья четверых разведчиков из группы Седерстрема разведотдела штаба Северного флота, высаженных в августе 1942 года.

28 октября 1942 года подводная лодка «М-172» (командир – капитан-лейтенант Фисанович И.И.) пришла в район высадки в Сан-фьорд у Варде и, находясь в 60 м от берега, начала операцию. За полтора часа перевезли на берег более 2,5 тонны груза и трех разведчиков-норвежцев: Трюгве Эриксен (командир), Харальд Утне, Лейф Утне (радист).

1-2 ноября 1942 года подводная лодка «М-173» (командир – капитан-лейтенант Стариков В.Г.) высадила и приняла на борт разведывательно-диверсионные группы разведотдела штаба Северного флота в районе Тана-фьорда и Варангер-фьорда.

5 января 1943 года подводная лодка «Л-20» (командир – капитан 3 ранга Тамман В. Ф.), форсировав минное заграждение, подошла к месту высадки разведывательной группы и легла на грунт на глубине 58 м в ожидании ночи. Около полуночи лодка в надводном положении подошла к берегу в том месте, где норвежские партизаны должны были подать условный сигнал, с его получением начала высадку (на берег был доставлен один разведчик и 800 килограммов грузов), а через час успешно ее закончила и смогла покинуть район.

Вечером 10 ноября 1942 года подводная лодка «М-96» (командир – капитан-лейтенант Маринеско А.И.) высадила разведгруппу (пять человек) разведотдела штаба Балтийского флота в Нарвском заливе для проведения операции по захвату экземпляра немецкой

шифровальной машинки «Энигма». Группе удалось совершить налет на штаб германского полка, но шифровальной машинки в нем не оказалось. Ранним утром 11 ноября при обратном приеме разведгруппы шлюпка перевернулась у подводной лодки, в результате чего трое из пяти разведчиков и захваченный пленный утонули.

В ночь с 19 на 20 февраля 1943 года подводная лодка «К-21» (командир – капитан 2 ранга Лунин Н. А.) в течение полутора часов высадили на берег трех разведчиков: двух норвежцев – Аспос (командир), Ингвальд Микельсен и русского радиста Владимира Чижевского. В ящиках и мешках им перевезли продовольствия и снаряжения на год работы. В августе 1943 года группу засекли, немцы окружили лагерь, находившиеся там Аспос и Чижевский погибли в бою, немцы потеряли убитыми 18 человек. Микельсен в это время отсутствовал, ходил по делам. По сведениям группы, на их глазах советские подводные лодки потопили два транспорта противника.

1 апреля 1943 года подводная лодка «С-55» (командир – капитан 3 ранга Сушкин Л. М.) пришла в назначенный район (Перс-фьорд), уточнила свое место и в ожидании темного времени легла на грунт. Ночью лодка всплыла в надводное положение и после обмена с берегом условными световыми сигналами начала высадку разведчиков. Через полтора часа высадка успешно закончилась, и «С-55» ушла из района высадки для действий на коммуникациях противника.

5 апреля 1943 года подводная лодка «С-56» (командир – капитан-лейтенант Г. И. Щедрин) засветло подошла к берегу в районе высадки и легла на грунт. С наступлением темноты она всплыла в позиционное положение и, получив условный сигнал, подошла к берегу. После высадки, которая продолжалась около

часа, «С-56» направилась в район поиска и уничтожения транспортных судов противника.

28 августа 1943 года подводная лодка «М-96» (командир – капитан-лейтенант Карташев Н.И.) на остров Гогланд (Финский залив) высадила первую разведывательно-диверсионную группу разведотдела штаба Балтийского флота.

1 сентября 1943 года подводной лодкой «М-96» (командир – капитан-лейтенант Карташев Н.И.) на остров Большой Тютерс (Финский залив) была высажена разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба Балтийского флота.

3 сентября 1943 года подводная лодка «М-102» (командир – капитан-лейтенант Лесковой Н. С.) на остров Гогланд (Финский залив) высадила вторую разведывательно-диверсионную группу разведотдела штаба Балтийского флота.

В ночь на 11 сентября 1943 года подводная лодка «М-113» (командир – капитан 3 ранга Стрижак А.И.) высадила разведгруппу разведотдела штаба Черноморского флота в районе между мысом Тарханкут и мысом Урет.

6 октября 1943 года подводная лодка «С-55» (командир – капитан 3 ранга Сушкин Л. М.) высадила в Порсангере напротив острова Квалейя (там находится порт Хаммерфест) разведывательно-диверсионную группу разведотдела штаба Северного флота. Высадила троих разведчиков: Павла Богданова, Николая Сизова и Арнольда Матисена. Груз – 2,5 тонны. Во время шторма была смыта часть продуктов, в феврале 1944 года закончились и оставшиеся. В марте 1944 года за ними пришла советская субмарина, но их не застала. Разведчики нашли приют у норвежцев, работали до декабря 1944 года.

7 октября 1943 года у мыса Нордкин напротив Оксфьорда подводная лодка «С-102» (командир – капитан-

лейтенант Городничий Л. И.) высадила за два рейса на северо-западный берег троих разведчиков – норвежцев Сверре Седерстрем (командир), Юппери Франс, Эйлиф Даль (радист) и 1500 кг груза. Группа снята в апреле 1944 года подводной лодкой «С-15». За время работы 96 раз обнаруживали конвои (группы судов), засекли 153 судна, 8 миноносцев, 135 тральщиков, сообщили много сведений о береговой обороне.

11 октября 1943 года подводная лодка «М-102» (командир – капитан-лейтенант Лесковой Н. С.) высадила двоих разведчиков разведотдела штаба Балтийского флота на остров Большой Тютерс.

19 ноября 1943 года подводная лодка «М-79» (командир – старший лейтенант Ключкин А.А.) высадила разведывательно-диверсионную группу на берег у Видлицы (Ладожское озеро). В течение трех суток подводники ждали ее возвращения. Группа не вернулась на борт субмарины.

21 ноября 1943 года подводная лодка «Щ-209» (командир – капитан 3 ранга Иванов В.И.) высадила в районе Портицкого гирла – мыс Ольнька разведывательно-диверсионную группа разведотдела штаба Черноморского флота из семи человек, еще троих человек не высадили из-за шторма.

5 апреля 1944 года в Окс-фьорде подводная лодка «С-15» (командир – капитан-лейтенант Васильев Г.К.) провела замену двух разведывательных групп на берегу. У мыса Нордкин высадили группу из двух разведчиков – Алексея Чемоданова и Александра Чаулина. С берега забрали троих разведчиков из группы Седерстрема, высаженных в октябре 1943 года подводной лодкой «С-102». Оба разведчика в октябре 1944 года погибли в бою с немцами.

В ночь на 19 июля 1944 года подводная лодка «М-77» (командир – капитан 3 ранга Татаринов И.М.) обошла остров Валаам и высадила четверых разведчиков

(главный – старшина Бавин Н.П., старшина 1-й статьи Бондарев И.И. – радист, старший матрос Шевелин Н.Н. – радист, старший матрос Федоров В.Н.) на остров Предтеченский, расположенный между Никоновской и Монастырской бухтами. На острове должны были находиться 5 суток, ведя наблюдение за противником. 25 июля 1944 года группа была снята с острова [\[364\]](#).

Глава 18

Морской спецназ против Квантунской армии

На Тихоокеанском флоте начиная с 1938 года проводились ежегодные учения по высадке разведгрупп из подлодок в подводном положении. Такие учения в рамках программы боевой подготовки велись и в годы Великой Отечественной войны.

В 1945 году по опыту этих учений было разработано наставление по высадке разведгрупп с плавсредств. Однако к формированию разведывательных отрядов флот приступил только в январе 1945 года.

Отряд был сформирован на базе 181-го разведотряда штаба Северного флота под командованием Героя Советского Союза (впоследствии дважды Героя) старшего лейтенанта В.Н. Леонова. Это и определило характер последующих его действий. В августе 1945 года отряд провел несколько блестящих операций в корейских морских портах, однако использовать водолазное снаряжение ему не потребовалось.

Если о боевых операциях отряда Леонова подробно писали еще в советское время, то об аналогичных подразделениях известно очень мало. Так, в середине июня 1945 года на Дальнем Востоке при разведывательном отделе штаба Краснознаменной Амурской флотилии был сформирован 71-й разведотряд особого назначения численностью 45 человек.

Отряд был подчинен начальнику разведывательного отдела штаба Краснознаменной Амурской флотилии капитану 2 ранга Борису Бобкову. Командиром отряда был назначен капитан Степан Кузнецов, флагманский специалист штаба флотилии по физической подготовке, заместителем командира разведотряда, а по

совместительству переводчиком был назначен старший оперативный офицер агентурного отделения разведотдела лейтенант Юрий Тарский.

Перед Краснознаменной Амурской флотилией стояла весьма ответственная и сложная задача: постоянно действуя на острие главного удара фронта, быть в готовности обеспечить форсирование нашими войсками рек Амура и Уссури, а также поддержать боевые действия войск в наступательной операции. Хотя сначала нужно было захватить японский укрепленный район в устье реки Сунгари и в дальнейшем развить наступление вдоль ее берегов в общем направлении на Харбин.

Вооружение разведотряда было штатным: три станковых и четыре ручных пулемета системы Дегтярева; автоматы ППШ; ручные гранаты Ф-1, РГД-5 и ПТ. Из нештатного вооружения имелись три автомата «шмайссер», один – «суоми» и четыре пистолета «маузер». Весь личный состав отряда перед началом боевых действий был переодет в армейское обмундирование солдатского образца без знаков различия.

Вечером 5 августа 1945 года разведотряд на приданном ему катере «Смелый» был срочно переброшен из главной базы флотилии в район маневренной базы Ленинское, которая находилась непосредственно на границе и располагалась напротив устья Сунгари и маньчжурского города Тунцзян.

В ночь с 8 на 9 августа 1945 года группа разведчиков во главе с командиром отряда скрытно высадилась в районе погранполицейского поста Могонхо, контролировавшего непосредственный вход в устье Сунгари, и бесшумно его захватила.

Разведотряд выполнил боевую задачу. В черное дождливое небо взмыли три красные ракеты – условный сигнал, что вход в Сунгари находится в наших руках и

безопасен. Ракеты еще не успели погаснуть, когда к вражескому берегу устремились десятки наших кораблей и судов с армейским десантом. Город Тунцзян был занят нашими частями практически без боя. Японское командование спешно отводило свои разбитые войска в Фуцзиньский укрепленный район, где намеревалось оказать серьезное сопротивление.

Еще одна операция разведотряда – захват рейсового парохода, пришедшего в маньчжурский город Тунцзян из Цзяцусы. Операцией лично руководил Борис Бобков. Изъятый с захваченного парохода атлас судоходных карт всего течения реки Сунгари за одну ночь был переведен на русский язык, размножен и уже утром поступил на все боевые корабли флотилии, которым предстоял путь с боями вверх по реке Сунгари.

В ночь с 10 на 11 августа 1945 года разведотряд высадился на городской пристани Фуцзиня (центр Фуцзиньского укрепрайона) и захватил порт. Затем вместе с армейским штурмовым батальоном начали наступление в городе. В результате разведчики сумели прорваться на окраину населенного пункта. А здесь их ждала новая ответственная боевая задача – разведать огневые позиции противника у подножия горы Вахулишань, являющейся ключевым пунктом его обороны. После выполнения боевой задачи отряд вернулся на берег Сунгари. К полудню 13 августа 1945 года в результате совместных активных боевых действий частей 15-й армии и кораблей Краснознаменной Амурской флотилии сопротивление японцев было повсеместно сломлено и Фуцзиньский укрепленный район противника пал. Путь для дальнейшего продвижения наших войск вверх по Сунгари к важным промышленным и административным центрам – городам Саньсин, Цзямусы, Харбин – был открыт.

Затем разведотряд участвовал в захвате города Цзямусы. Его падение открывало для наших войск возможность для дальнейшего продвижения к Харбину и столице Маньчжурии Чанчуню. Бойцы 71-го разведотряда, действуя на самом острие наступления, продвигались под огнем противника к центру города, выбивая японцев буквально из каждого здания.

Вместе с кораблями Амурской флотилии бойцы отряда двигались вверх по реке Сунгари. Как и во всех предыдущих операциях, разведотряд десантировался первым, завязывал бой за овладение местом высадки и, действуя как штурмовое подразделение, обеспечивал расширение плацдарма в целях обеспечения высадки главных сил. В бою за опорный пункт Аоцин японский гарнизон потерял около 60 человек убитыми и ранеными, в плен сдались более 350 вражеских солдат и офицеров, при этом в качестве трофеев было захвачено много оружия и снаряжения. В бою за Хуньхэдао японцы потеряли свыше двух рот своих солдат убитыми и очень большое число ранеными. В обоих случаях разведчикам оказывали существенную помощь моряки боевых кораблей.

За участие в боях на реке Сунгари все бойцы отряда были удостоены высоких правительственных наград, а их командиру – Степану Матвеевичу Кузнецову – было присвоено звание Героя Советского Союза [\[365\]](#).

Часть седьмая
За пределами Советского
Союза в годы ВОВ

Глава 19

На северном направлении

В годы существования Советского Союза были написаны тысячи книг и сняты сотни кинофильмов о советских партизанских отрядах, оперировавших на территории Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. Не обошла вниманием официальная пропаганда и местное антифашистское сопротивление. Зато о Финляндии и Норвегии почему-то предпочитали не вспоминать. Хотя в той же самой Норвегии подпольщики действовали весьма активно. Другое дело, что они поддерживали связь с английской разведкой.

Хотя прошло почти шестьдесят лет, но информация об операциях советской военной разведки на территории Финляндии продолжает оставаться секретной. С Норвегией проще – в советское время двое военных разведчиков издали свои воспоминания^[366]. Историк отечественного ВМФ Александр Розин проделал колоссальную по объему работу – собрал и систематизировал данные об использовании подводных лодок на Северном флоте для высадки на территории Норвегии советских разведывательно-диверсионных групп.

Финляндия

О деятельности разведывательно-диверсионных групп на территории Финляндии в годы Великой Отечественной войны почти ничего не известно. Хотя это не значит, что их не существовало. Просто информация об их деятельности до сих пор продолжает храниться в недоступных для историков и журналистов

архивах Министерства обороны. А ведомственные летописцы, по разным причинам, обходят эту тему стороной. А зря, очень интересная тема. Приведем лишь два факта.

Разведотделом штаба Ленинградского фронта в первые дни Великой Отечественной войны на территорию Финляндии «было заброшено 26 групп агентурной разведки общей численностью до 85 человек, и была поставлена задача агентуре внутри страны (с которой связь была не нарушена) о вскрытии группировки противника в приграничной полосе»^[367]. Судьба этих групп неизвестна.

В сентябре 1942 года руководитель Коминтерна Георгий Димитров написал письмо начальнику оперативного отдела ГРУ Генштаба РККА И. Большакову. В нем он попросил «передать Вашим людям в Финляндии задание давать информацию по следующим вопросам:

1. Как обстоит дело с партийной организацией и партийными кадрами.

2. Какие признаки сплочения народных масс против правительства войны. Отношение соц.-дем. рабочих к своему руководству, настроения среди крестьянства, среди проанглийской буржуазии.

3. Какие формы принимает борьба против принудительного труда, финансовых вымогательств, продовольственных неполадок.

4. Как действует «Союз борьбы для освобождения Финляндии», какое влияние имеет, какие мероприятия проводит.

5. Положение политзаключенных. Не имеется ли возможность освободить хотя бы часть из них смелыми нападениями.

6. Как развивается движение лесогвардейцев, какие активные формы борьбы проявляются, какая связь с населением, как идет подготовка к борьбе зимой.

7. Как слышно «Свободное Радио»...»[\[368\]](#).

Первые четыре вопроса нам неинтересны. А вот пятый – по поводу вооруженного нападения на тюрьму с целью освобождения политзаключенных – свидетельствует о том, что на территории Финляндии достаточно боевиков, чтобы осуществить такую акцию. Другой вопрос – разрешит или нет проведение такой операции Иосиф Сталин.

Самое интересное в этом документе – упоминание о таинственном «движении лесогвардейцев». Откуда они появились и чем занимались? Командующий Карельским фронтом Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков в своей книге «На службе народу» написал об этих людях так:

«Был еще финский народ; была действовавшая в подполье коммунистическая партия Финляндии; были финские партизаны – лесогвардейцы героя антифашистского Сопротивления Веяхко Пеюсти, воевавшие в финляндском тылу с фашистами, и его последователи, героически сражавшиеся против немецких войск»[\[369\]](#).

Оговоримся сразу – лесогвардейцы не имели отношения к находящейся в подполье финской Компартии. Так, в мае 1942 года в Москву окольным путем попали два письма, адресованных Георгу Димитрову. В них руководитель финских коммунистов Рикки докладывал о продолжении борьбы через «Союз борьбы финского народа», об организации партизанских отрядов, издании нелегальных газет, агитационной работе, об отказе рабочих полков «Валлима» и «Сернес» идти в наступление и их расформировании, об арестах и казнях, тяжелом положении советских военнопленных, массовой смертности среди них от голода и истязаний. Устойчивую связь с руководством финской Компартии Москве удалось установить только летом 1943 года.

Может, это отряды советских партизан, тайно переброшенных из Карелии в Финляндию? Их для конспирации называли «движением лесогвардейцев», включили в их отряды представителей военной разведки, и они, как в Западной Украине или в Белоруссии, начали организовывать партизанские формирования из числа местных жителей. Звучит красиво, но в жизни все было по-другому.

Во-первых, главную роль в организации партизанского движения в Карелии и на сопредельной к ней территории Финляндии сыграл Штаб партизанского движения Карельского фронта^[370] и Четвертый отдел НКВД-НКГБ Мурманской области. Именно они организовывали партизанские отряды и посылали их на задания.

Во-вторых, как таковой линии фронта в привычном понимании этого слова не было. С той и с другой стороны в населенных пунктах были расквартированы гарнизоны, также существовали пикеты и секреты.

В-третьих, летом – осенью 1941 года большинство разведывательно-диверсионных групп, действовавших на территории Финляндии, были укомплектованы чекистами и пограничниками^[371].

В-четвертых, активная партизанская, а если быть совсем точными, рейдовая война на Мурманском направлении началась только летом 1942 года. Из воспоминаний командира партизанского отряда «Советский Мурман» Сергея Демьяновича Куроедова: «Было создано 12 отрядов на Мурманском направлении, но действовать пришлось только двум – «Советскому Мурману» и «Большевику Заполярья». При этом только первый из них совершал рейды в глубь территории Финляндии, второй действовал в приграничных с Финляндией и Норвегией районах.

Из воспоминаний командира партизанского отряда «Большевик Заполярья» А.С. Смирнова: «В отличие от

партизан Брянщины, Белоруссии и Украины мы ходили на боевые операции в глубокий тыл, порой за триста – триста пятьдесят километров от своей базы, на север Финляндии, преодолевая каждый раз линию обороны противника, представляющую цепь хорошо укрепленных, связанных между собой пикетов и опорных пунктов, расположенных вдоль нашей государственной границы».

Воевать партизанам пришлось не только с немцами, но и с финнами. Финским «горным егерям» были не страшны северный климат и северная зима. Поэтому для партизан финны были даже более опасны, чем немцы.

Поскольку действия партизан происходили на чужой территории и пути походов были разные, то действовать им приходилось на незнакомой географической местности. Из записей А.С. Смирнова после первого похода в 1942 году: «До нашей границы идти просто: карта поднята – и все ясно. Вот дальше... только схема... белый лист бумаги с координатной сеткой». Из воспоминаний партизан: «Наши действия осложнялись тем, что мы не умели ориентироваться на однообразной местности, а топографические карты оказались устаревшими». Да и не всегда можно было раскрыть карту: действовать нужно было оперативно и стремительно, от этого зачастую зависела их жизнь и успех операции. Поэтому незнание местности я считаю особенностью, отличающей их от других партизан и усложняющей выполнение боевой задачи.

Следующая особенность, которая отличает наших партизан от всех остальных: в районе их действий не было гражданского населения, которое бы оказывало им помощь и снабжало продовольствием и одеждой. Поэтому продукты, боеприпасы, запасную одежду, медикаменты и другие необходимые предметы приходилось нести с собой или отбивать у немцев. Без помощи населения партизаны были лишены не просто

бытовой поддержки и морального сочувствия. Итогом здесь была безысходность в положении с ранеными и угроза срыва боевой операции от усталости и голода»[\[372\]](#).

Отсутствие местного населения в своем докладе объяснил секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Куприянов. Он писал:

«...Большой ущерб причинили партизаны промышленности и сельскому хозяйству Финляндии...

Летом 1943 года 14 партизанских отрядов, незамеченными перейдя линию фронта и углубившись на территорию Финляндии, начали боевые действия. Перепуганные власти издали приказ о срочной эвакуации населения из пограничной полосы средней части Финляндии. Эта эвакуация проводилась настолько поспешно, что население бросало скот, жилые и хозяйственные постройки со всем имуществом и инвентарем и неубранные сельскохозяйственные угодья. Сенокос и уборка урожая были сорваны, и сельскому хозяйству Финляндии был причинен значительный ущерб.

Финское население приграничных районов боялось выходить за пределы населенных пунктов без охраны солдат...»[\[373\]](#)

Понятно, что если местные жители при угрозе появления советских партизан бросали все имущество и спасались бегством, то гостям из Советского Союза нельзя было рассчитывать на гостеприимный прием.

Как видим, советские партизаны, а значит, и НКВД-НКГБ, не имели никакого отношения к «движению лесогвардейцев». Кто еще мог организовать вооруженные повстанческие группы на территории иностранного государства? Коминтерн и военная разведка. Первое ведомство можно исключить, т.к. его руководитель, как это следует из процитированного выше документа, не владеет информацией о

происходящем в Финляндии. Только в середине мая 1943 года в Финляндию удалось отправить двух эмиссаров уже распущенного к тому времени Коминтерна Р. Косунена и И. Иохтейнена. Они смогли добраться до Хельсинки и установили контакт с Лейно. С их помощью была налажена радиосвязь с Москвой.

А военная разведка имела своих людей. Об этом свидетельствует ответ Большакова на письмо Георгия Димитрова:

«По сведенью нашего источника, в районе ЯЭТСЯ в 61 км от ПОРИ имеется группа лесогвардейцев. Члены этой группы собраны из ТУРКУ, ПОРИ и ЯЭТСЯ. Связь с ними обслуживается через ТУРКУ.

В 10 км от города КУУСАМО (к северо-западу) также имеется группа лесогвардейцев – эта группа имеет пулеметы.

В ночь на 29 сентября группа молодых рабочих в количестве 14 чел. во главе с финским коммунистом, нашим работником, произвела ряд диверсий в городе ТАМПЕРЕ. Была произведена облава. Арестовать никого не удалось»^[374].

Норвегия

Об операциях советской военной разведки на территории Норвегии известно значительно больше, чем о боевых делах военных разведчиков на территории Финляндии. Выше мы рассказали об использовании подводных лодок для переброски военных разведчиков в тыл противника, в том числе и на территорию Норвегии. Хотя для вывода разведчиков использовались не только подводные лодки, но и надводные корабли и даже самолеты.

В июле 1941 года по приказу командования Северного флота было начато формирование Четвертого особого добровольческого отряда, подчиненное

разведотделу штаба Северного флота. Отряд формировался из офицеров, старшин и матросов бригады подводных лодок, морской пехоты и спортсменов-лыжников. В состав отряда также была включена группа норвежских патриотов, ушедших из Норвегии после ее оккупации гитлеровцами.

14 июля отряд вышел на первое задание: провел разведку южного побережья Мотовского залива от мыса Пикшуев до реки Западная Лица. 16 июля разведчики были сняты «малыми охотниками» и мотоботами.

19 июля была проведена повторная разведка. Отряд был обнаружен противником и в результате боя понес потери. 22 июля был снят мотоботами.

Очередная операция была проведена в том же районе 28 июля. Отряд должен был разгромить опорный пункт у маяка Пикшуев и захватить «языка». В результате операции восемь разведчиков погибли, а еще 30 были ранены.

Один из участников той операции – будущий дважды Герой Советского Союза Виктор Николаевич Леонов – так вспоминал спустя пятнадцать лет о том бое:

«...Нас было двадцать два разведчика.

Мы погрузились на бот, вооруженный двумя пулеметами, и взяли курс к устью реки Большая Западная Лица. В пути Лебедев сказал нам, что в районе высадки придется атаковать опорный пункт неприятеля. Наша задача – разгромить этот пункт и при возможности захватить «языка».

На море штиль. Тихо и на побережье Мотовского залива, покрытом камнями и валунами, куда почти вплотную причалил бот. По сходням сошли на берег; три разведчика тотчас же ушли вперед, а мы цепочкой – за ними следом.

Опорный пункт находился на высоте 670, примерно в восьми километрах от берега. Лебедев приказал Мотовилину (в его группу входил и я) обойти высоту с

юга. Старшина первой статьи Червоный должен со своей группой обогнуть с севера опорный пункт, после чего двенадцать разведчиков во главе с Лебедевым начнут атаку с центра.

Самый длинный и трудный участок пути выпал на долю группы Мотовилина. Каменистая сопка была густо покрыта валунами, и когда мы, наконец, достигли последнего яруса высоты, разведчики Лебедева и Червоного уже были на исходных позициях. Я не знал, что Лебедев находится рядом, был уверен, что мы сейчас одни перед укреплениями егерей, и неотступно полз за Мотовилиным. Он чуть приподнял левую руку и подался вправо. Я понял его сигнал и пополз влево, к большому камню.

Чуть высунув голову, я увидел врагов – пять или шесть немцев. Так вот они какие, эти егеря! Высокие, в темно-серых брюках, заправленных в короткие чулки, и в такого же цвета мундирах с красными кружочками на рукавах. Они стояли во весь рост, с непокрытыми головами, и руки их спокойно лежали на висевших впереди автоматах. Егеря с любопытством и, как мне казалось, с гордым видом оглядывали местность. Это меня взъярило: сами лежим, прячась за камни, а они на нашей земле чувствуют себя хозяевами!

Со стороны укрытий показался офицер и что-то сказал солдатам. Те стали расходиться, а я прильнул к полуавтомату и взял на прицел приближающегося офицера.

– Не стреляй! – услышал я голос Лебедева и вздрогнул от неожиданности. – Надо его взять живым. Товсьсь!

Потом выяснилось, что Лебедев из своего укрытия не видел егерей. Но и я забыл о них. Больше того, я даже забыл примкнуть штык к винтовке, когда ринулся вперед, сближаясь с офицером. Тот выхватил пистолет, выстрелил, но промахнулся.

Я юркнул за камень.

Кругом поднялась стрельба.

Треск выстрелов эхом отдавался в горах. Я не знал, кто куда стреляет, боялся высунуть голову и в то же время понимал, что нельзя долго прятаться за камнем: вдруг наши пойдут вперед или отступят, а я останусь один?.. Надо действовать, а что делать – не знал.

– Коля, сюда! – крикнул я ползущему в мою сторону Даманову.

Бой шел своим чередом. Воспользовавшись тем, что егеря ведут с нами перестрелку, Лебедев повел своих разведчиков в обход укрепления. Ему это удалось. Разведчики Лебедева и Червоного захватили «языка» и из двух трофейных пулеметов вели огонь по ложине, где скапливались егеря.

А мы оборонялись, сдерживая натиск врага. Ранило в живот матроса Николая Рябова. Он, когда Мотовилин вытаскивал его с поля боя, отчаянно вопил. Я, Даманов и Харабрин прикрывали Мотовилина и Рябова огнем своих полуавтоматов. Все же егеря приблизились настолько, что в ход пошли гранаты. Я тоже достал гранату, но запал не входил в отверстие.

– Ручку оттяни, вояка! – услышал я голос Даманова.

Обескураженный своей неопытностью, я вставил запал и тут же метнул гранату. Взрыва не было. А через две-три секунды я увидел, как граната летит обратно. Она упала недалеко от Даманова и тут же взорвалась. К счастью, Даманов был надежно укрыт в камнях.

– Спасибо, Виктор, удружил! Встряхни гранату. Дай ей зашипеть...

Я пораился спокойствию Даманова и теперь, уже не спеша, далеко метнул две гранаты...

После их взрывов стало тихо. Никто не стрелял.

– Пошли? – спросил я Даманова и Харабрина. Мы отползли назад и присоединились к Мотовилину.

– Я его спрятал в камнях, – сказал Мотовилин Даманову. – Егеря не найдут.

«Неужели он говорит о Рябове? Почему спрятал?» Я хотел спросить об этом Мотовилина, но за гребнем высоты разгорелся бой, и мы поспешили на помощь разведчикам Лебедева и Червоного.

Обогнув отвесную скалу, мы поднялись на гребень сопки и тут увидели трупы трех егерей. В стороне, лицом вниз, лежал наш разведчик.

– Сенчук!

Я сразу узнал Сашу, кинулся к нему, перевернул его на спину. Черные пряди волос рассыпались по высокому Шашиному лбу. Лицо потемнело настолько, что уже нельзя было различить черные точки угрей. А рот чуть открыт, и, кажется, Саша вот-вот спросит нас: «Как же это, братцы, со мной такое случилось?»

– Саша! Саш!..

Не знаю зачем, но я тормозил друга, искал рану, говорил что-то несвязное и пришел в себя, когда на плечи мне легли тяжелые руки Николая Лосева. Его прислал к нам Лебедев.

– Будет! – Он тянул меня назад. – Слышишь, Виктор? Отходим к морю. Группа Лебедева уже пересекла ложбину. Живей!

Выстрелы приближались к вершине сопки. С соседней высоты ударили минометы. Мотовилин, Харабрин и Даманов отошли и что-то кричали нам, угрожали кулаками. Только теперь я понял, что мы оставлены для прикрытия группы и Сашу Сенчука не удастся унести.

По очереди, короткими перебежками, приближались мы к ложбине, обстреливаемой противником. Ползли друг за другом. И тут совершенно неожиданно ноги перестали меня слушаться – их свело судорогой. Я еле поднялся и, полусогнувшись, пошел вперед. Мотовилин,

Даманов и Харабрин вели плотный огонь, сдерживая егерей, пока я пересекал лощину.

...Когда мы, наконец, оказались в боте и, лежа на палубе, подставляли разгоряченные лица освежающим брызгам студеной воды, меня окликнул старший лейтенант Лебедев. Он стоял позади нас, широко расставив ноги. Кожанка, перехваченная ремнями, плотно облегла его фигуру. Лебедев пристально смотрел на меня. Он, видимо, хотел что-то спросить, но махнул рукой: уж очень, должно быть, выглядел я растерянным и расстроенным. Впору было повернуться и уйти, а я все еще топтался на месте. Лебедев усадил меня, сам сел рядом и сказал:

– Тяжело потерять друга. Ты видел убитых егерей на гребне высоты? Саша первым туда поднялся и сразил троих. Сгоряча ринулся вперед во весь рост. Такая у него, должно быть, натура. Проложил нам дорогу, а сам погиб. У тебя, Виктор, был очень хороший товарищ. Жаль, похоронить не удалось. Ни его, ни Рябова. Вот Рябов... Жили-дружили три Николая. Одногодки. Все с одного катера, в одной футбольной команде играли. А в базу возвращаются двое. Что поделаешь? Война... К этому надо привыкнуть»^[375].

В сентябре – октябре 1941 года было проведено несколько операций в районе мыса Могильный.

В октябре 1941 года предпринимались неоднократные попытки высадить разведгруппы в Сог-фьорде (затем должны перейти в район Мильсхейма и оттуда вести разведку Киркинеса и Бек-фьорда). Из-за сильных штормов пришлось отменить высадку.

С 22 по 24 октября 1941 года отряд численностью сто человек провел операцию в районе мыса Могильный. Было уничтожено свыше двадцати автомашин и взорваны землянки.

7 ноября 1941 года на лыжах вышли в сторону аэродрома Луостари. Разведчики должны были

обследовать подходы к авиабазе, распознать систему обороны, засечь порядок дежурств батарей, режим охраны. Задание было успешно выполнено. На базу отряд вернулся 18 ноября.

Группа разведчиков 12 ноября высадилась в шести километрах южнее мыса Пикшуев с задачей разведки системы огневых точек противника на побережье.

Всю зиму 1941/42 года разведгруппы регулярно высаживались с надводных кораблей на левый берег губы Западная Лица, в Варангер-фьорде, в районе маяка Пикшуев.

Во второй половине апреля 1942 года отряд для проведения важной операции был передан в оперативное подчинение 12-й отдельной бригаде морской пехоты с задачей демонстративной высадки и захвата высоты с отметкой 415. Отряд должен был отвлечь внимание противника от высадки остальных подразделений бригады. Приказ командования отряд выполнил успешно.

В начале лета 1942 года отряд провел разведку авиабазы в Луостари. Без потерь вернулся на базу.

Проведенные летом – осенью 1941 года рейды по тундре и в апреле 1942 года с высадкой с катеров в районе Петсамо – Киркинес показали практическую невозможность ведения разведки транспортов и боевых кораблей противника. Поэтому было принято решение сосредоточить основные усилия разведки на побережье полуострова Варангер. Опасаясь подводных лодок, немецкие транспорты прижимались к берегу и попадали в зону наблюдения разведгрупп, высаженных на побережье^[376]. Обычно для доставки разведчиков в указанный район использовали подводные лодки. Подробно об этом мы рассказали выше.

Начиная с осени 1943 года разведчиков снова стали доставлять с помощью катеров. Теперь перед разведгруппами стояла другая задача – захват «языков».

Глава 20

На западном направлении

О боевой деятельности военной разведки в годы Великой Отечественной войны на территории стран Восточной Европы много и подробно писали еще в годы существования СССР. Одна из причин такого повышенного внимания к данной теме – демонстрация дружбы между народами соцстран Восточной Европы.

В нашей книге мы не будем подробно рассказывать о событиях, произошедших в каждой из восточноевропейских стран, а коснемся лишь Польши. На ее примере мы продемонстрируем, как действовала советская военная разведка в странах Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны.

Группа «Михал»

Самой известной и результативной была группа «Михал». Командовал ею капитан Войска Польского Миколай Арцишевский, который в числе 150 интернированных польских офицеров подписал «Меморандум высшему руководству Красной Армии», в котором они просили предоставить им возможность сражаться с общим врагом. Группа «Михал» была заброшена в Польшу 17 августа 1941 года.

В группу, кроме Арцишевского, вошли его заместитель Збигнев Романовский, радист Игорь Мицкевич, сапер Станислав Винский и Ежи Зюлковский – все бывшие офицеры польской армии в звании поручика. Они прошли ускоренную подготовку, как практиковалось в первые месяцы войны. При выброске на территорию Польши летчики «немного промахнулись», и разведчики приземлились примерно в

150 км от назначенного места. С помощью местного населения они добрались до города Петркува, южнее Лодзи, там обосновались и начали работу. Главным заданием группы была организация сети войсковой разведки. Члены группы разъехались по разным местам, отыскивая родственников и друзей. Некоторые имели контакты с подпольными группами Сопротивления – с этими организациями группа установила связь.

20 сентября 1941 года группа «Михал» приступила к регулярным радиопередачам. В одном из первых же сообщений содержалась информация о том, что гитлеровцы накапливают химические отравляющие вещества на складах в районе Петркува – информация чрезвычайно важная. Вскоре группа перебазировалась в Варшаву, оставив на прежнем месте лишь радиста. Она организовала наблюдательные пункты на нескольких железнодорожных узлах: в предместье Варшавы Праге, в Радоме, Люблине, Седльце, Пшемьсле, Лукове, Бресте и других, работники которых отслеживали передвижения немецких воинских частей и военных грузов. Арцишевский в Варшаве обрабатывал результаты, которые затем передавались в Центр.

Арцишевский расширял круг знакомств, постепенно группа пополнялась. Бывшая актриса Люцина Брацкая помогла ему выправить легальные документы, а затем стала выполнять его поручения. Так, она установила связь с семьей Арцишевского, после чего две его сестры, Ирэна и Мария, работавшие в Познани на почтамте, тоже стали информаторами: они передавали номера полевой почты и воинских частей, которые узнавали у себя на почтамте. Домработница Брацких Ирмина Крупович также стала членом группы. Ей доверили хранение шифров и документации – Ирмина держала их в мусорном ящике, возле которого всегда стояла наготове бутылка с горючей смесью. Старые знакомые Миколая – художники Униховский, Детке и Чеховский – снабжали

группу искусно изготовленными поддельными документами.

«В один из дней, приехав с донесениями, я застал Арцишевского в приподнятом настроении, – вспоминал один из членов группы Ежи Зюлковский. – Оказалось, ему удалось подобрать группу молодых людей из Гдыни, которые охотно согласились принять участие в борьбе с оккупантами. Вскоре я познакомился с этими юношами. В группу входили: энергичный и внешне очень обаятельный Анджей Жупанский, необыкновенно серьезный и уравновешенный Франек Камровский, интеллигентный, с изящными манерами Ежи Томашунас и брюнет с буйной растрепанной шевелюрой Богуслав Копка. Несколько позже к ним присоединились спокойный и сдержанный Тадеуш Жупанский и худенький Збышек Сас-Гошовский. Все они знали Арцишевского со времени его журналистской работы в Гдыне. Как и в нашей группе, Миколай не вводил у них ни жесткой военной дисциплины, ни каких-либо форм муштры, и тем не менее группа представляла собой сплоченный дисциплинированный боевой коллектив. Задания каждому из членов этой группы Миколай ставил персонально и лишь в случае проведения групповых операций назначал старшего. Поскольку мне часто приходилось участвовать с ними в различных операциях, я довольно быстро убедился в их исключительных боевых качествах. Не было случая, чтобы кто-нибудь из них хоть раз на миг заколебался при выполнении боевого задания»^[377].

Энергичные и ненавидевшие фашистов поляки охотно помогали разведчикам. С началом Великой Отечественной войны их отношение к русским улучшилось, хотя, может быть, они предпочли бы работать не на русских, а на англичан. Так, хозяйка одной из радиоквартир, узнав, что подпольщики

работают не на Лондон, в ультимативном порядке потребовала очистить квартиру.

И все-таки они находили самую широкую поддержку среди населения. Случаи бывали просто потрясающие. Тот же Ежи Зюлковский в своих мемуарах привел рассказ одного из подпольщиков о том, как тот перевозил рацию с одной квартиры на другую. Подпольщик рассказал следующее: «Я взял два чемодана, в который запихал все хозяйство, сел с ними в трамвай и поехал на явку. У вокзала в трамвай натолкалось столько народу, что меня в вагоне буквально зажали – ни назад, ни вперед. На углу Свентокшиской и Маршалковской (дело происходило в Варшаве. – *Прим. авт.*), у почты, я хотел выйти. Кое-как задом протолкнулся – сам уже на мостовой, а чемоданы вытащить никак не могу. Трамвай трогается, я дергаю чемоданы, вырываю их, но один раскрывается, и все содержимое высыпается на мостовую. И здесь варшавяне сдали экзамен на гражданственность. Сообразив, в чем дело, люди выпрыгнули из трамвая и окружили меня тесным кольцом, прикрыв разбросанное по земле имущество. Те, кто стоял поближе, пытались засунуть обратно выпавшее: наушники, провода, всякое оборудование. С трудом упаковал я чемодан, из которого все же торчали в разные стороны всякие провода, и бросился к ближайшей подворотне...»^[378]

Приятель Анджея Жупанского Юрек Чаплицкий работал в Варшавской дирекции Восточной железной дороги и смог раздобыть копии секретных документов, содержащих сравнительный анализ обстановки на железных дорогах Восточного фронта. Франек Камровский установил связь с Поморьем. В Торуне он наладил контакт со старыми знакомыми Арцишевского – семьей адмирала Стейера. Два сына адмирала, Дональд и Владжимеж, занялись установлением дислокации немецких войск в районе Торуня. Они сообщали о

системе ПВО, оборудовании аэродромов, переброске войск на Восточный фронт. Арцишевский пользовался большим доверием Центра – будучи военным, он настолько грамотно обрабатывал донесения, что Центр просил его даже оценивать общую военно-политическую обстановку в Польше. Официальные советские источники пишут, что он «полнее и шире, чем другие, освещал переброски немецких войск через Польшу. В этой области «Михал» оказался важнейшим источником, данные которого принимались за основу при оценке передислокации войск»^[379].

Вскоре разведчикам стало трудно обходиться одной рацией, и 1 ноября 1941 года им на помощь был сброшен еще один парашютист – поручик польской армии Ян Мейер, который доставил две рации. Кстати, именно группе «Михал» принадлежит «рекорд» непрерывной радиопередачи из вражеского тыла. После перерыва в радиосвязи донесений у группы накопилось столько, что радисту пришлось без перерыва работать... 36 часов. Невероятно, но факт, что за это время немцы не обнаружили радиостанцию. Засекли ее позже, в начале 1942 года. Только за два месяца Третья рота подслушивания и радиоперехвата абвера перехватила 538 радиোগрам, но не сумела их расшифровать.

Между тем положение группы становилось все более трудным. Она сильно разрослась, и не исключена была опасность случайных арестов. В Варшаве арестовали Ежи Томашунаса, в Петруве схватили Юзефа Клуфа. После каждого из арестов приходилось ликвидировать известные арестованным явки и менять документы всем людям, которых они знали. Все же они продолжали работу, несмотря на провалы, пока 27 июля 1943 года на радиоквартире не были арестованы Арцишевский, радист Мицкевич и Ирмина Крупович. Вскоре произошло еще несколько серьезных провалов.

Миколай Арцишевский после длительных интенсивных допросов в гестапо, на которых он никого не выдал, был приговорен к смерти и расстрелян 11 мая 1943 года. Радист Мицкевич был расстрелян в концлагере Бухенвальд. Ирмину тоже отправили в Бухенвальд, но она незадолго до освобождения лагеря американскими войсками сумела бежать.

Не только Центр, но и сами немцы давали высокую оценку деятельности группы «Михал». Так, бывший офицер абвера Флике, издавший в 1957 г. книгу «Агенты радируют в Москву», писал: «Оказалось, что радиogramмы образуют безошибочную картину всей перегруппировки немецких войск к летнему наступлению 1942 г. Арцишевский в середине марта 1942 г. на каждом железнодорожном узле, перевалочной базе и в управлениях дорог имел своих людей – мужчин и женщин, – которые регулярно снабжали его текущей информацией... Советы делали с достойной удивления быстротой выводы из поступающих донесений. 12 мая армии Тимошенко (тогда командующего Юго-Западным фронтом. – *Прим. авт.*) нанесли удар по войскам фон Бока (группа армий «Юг». – *Прим. авт.*). Немецкое наступление на Кавказ не могло начаться в установленный срок – Тимошенко нанес слишком чувствительный удар по нашим исходным позициям. Ему удалось этого добиться только и исключительно благодаря данным, сообщенным Арцишевским и другими антифашистскими разведгруппами во Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии. Вместо 25 мая немецкие армии смогли начать наступление только 4 июля, т.е. на полтора месяца позже»^[380]. А Пауль Карелл (Пауль Шмидт, бывший начальник одного из отделов пропагандистского ведомства Германии) в своей книге «Сгоревший мир» отмечал, что абвер, узнав о работе группы «Михал», был настолько растерян, что генерал

Эрих Феллгебельх предпочел даже не докладывать о нем Гитлеру, чтобы не волновать фюрера.

Это не единственная разведывательно-диверсионная группа, которая действовала на территории Польши в годы Великой Отечественной войны. В первые месяцы Второй мировой войны, когда руководству Разведупра стало понятно, что нападение Германии на Советский Союз неизбежно, на территории Польши спешно стали создаваться нелегальные резидентуры. В мирное время они специализировались на разведке, а после начала боевых действий должны были заниматься еще и саботажем.

Когда началась Вторая мировая война

На самом деле отдельные разведывательные группы начали действовать задолго до начала Великой Отечественной войны. Так, в 1939–1942 годах в районе города Жешув (Юго-Восточная Польша) руководил разведгруппой Генрик Левицкий («Габриэль»). Сначала он переправлял донесения через границу с помощью связных, а после того как в октябре 1940 года в группу прибыла радистка Нина Царенко, радиосвязью. От численно увеличившейся группы отделилась еще одна, во главе с Петром Когутом. В начале 1942 года связь была прервана из-за малой мощности рации.

Другие разведчики

В марте 1943 года на территорию Польши в окрестностях Варшавы с парашютом был десантирован бывший горняк Ф. Циласко. С 1932 года он проживал в Советском Союзе и «в годы первых пятилеток заведовал производством одной из крупных шахт». После приземления он благополучно добрался до Рура, где и возглавил местную организацию антифашистов. Его

деятельность охватывала ряд городов этого промышленного края – Гладбек, Гельзенкирхен, Эссен, Хамм, Мюнстер, Реклингхаузен и другие. Был налажен саботаж на военных заводах: на одном из них взорвали конвектор, что остановило производство на полтора месяца. Ф. Циласко был арестован в августе 1943 года^[381].

В 1943 году на территорию Польши был десантирован Г. Сцинда, в годы Веймарской республики председатель производственного совета заводов Круппа в Эссене, затем командир XI интернациональной бригады в Испании^[382].

В сентябре 1943 года в район Жолибожа был десантирован капитан Кароль Венцковский. Он установил связь с местными антифашистами, а затем перебрался в Варшаву^[383].

В августе 1944 года на территорию Польши приземлилось пятеро немцев: А. Гофман, Ф. Грайнер, Г. Киффер, Р. Гюптнер и Г. Гифер. Последний, в прошлом участник Гражданской войны в Испании, был старшим в группе. Первоначально планировалось, что группа проникнет в Германию, но сделать это не удалось, поэтому парашютисты воевали на территории Польши. Гифер и Гюптнер попали в засаду и погибли через два месяца после приземления. Остальные трое дожили до окончания войны^[384].

В октябре 1944 года на территорию Польши была заброшена группа из пяти немцев во главе с бывшим унтер-офицером Вермахта П. Лудесом. Двое из них действовали в форме полевой жандармерии^[385].

В Польше при командовании 1-й армии Войска Польского находился представитель советской военной разведки генерал-майор Николай Матвеевич Молотков, находившийся там во время Варшавского восстания. Это восстание, которое Армия Крайова (АК) начала, не

известив советское военное командование, было не только преждевременным, но изначально обреченным на поражение. Помощи от англичан и американцев, которые были предупреждены о планах польского лондонского правительства, восставшие почти не получили. Для Советского Союза это выступление было полностью неожиданным и шло вразрез с советскими стратегическими планами. Тем не менее была сделана попытка помочь повстанцам, но войска 1-го Белорусского фронта, измотанные 500-километровым наступлением с невероятно растянутыми коммуникациями, встретив свежие немецкие части, смогли лишь выйти на правый берег Вислы и там остановились, так и не сумев преодолеть этот последний рубеж. И хотя 15 сентября 1944 года маршал Рокоссовский отдал приказ о форсировании Вислы, но 1-я армия Войска Польского, переправившаяся на левый берег, вынуждена была с большими потерями отойти обратно за Вислу.

В дни Варшавского восстания ситуация осложнялась тем, что практически не было координации между повстанцами и советскими войсками. Правда, в распоряжение Армии Людовой был передан советский разведчик капитан Кароль Венцковский, заброшенный на территорию Польши в 1943 году, но его рация не имела питания. Когда же штаб Армии Крайовой района Жолибож разрешил ему воспользоваться штабной рацией, ему не удалось установить связь. Тогда в ночь на 17 сентября Венцковский вместе со связисткой АК Хеленой Моцарской переплыл Вислу. Они передали советскому командованию письмо командующего АК в Жолибоже капитана Недзельского. В ночь на 20 сентября капитан Венцковский вернулся в Варшаву вместе с тремя бойцами и радиостанцией. В другой варшавский район, Мокотув, переправился майор

Александр Чернухин, бывший партизан Армии Людовой (АЛ).

В сентябре – октябре 1944 года в Средместье, еще одном очаге сопротивления, в течение 10 дней находился офицер связи разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта лейтенант Иван Андреевич Колос («Олег»). Он был выброшен на парашюте 22 сентября. Радист Дмитрий Сенько, сброшенный на парашюте вместе с ним, погиб при приземлении, опустившись на острые железные прутья разрушенного балкона. Колос был ранен. Он встретился с группой Армии Людовой, которая помогла ему установить связь с руководителями восстания. Повезло ему и с радиосвязью: в Варшаве отыскалась советская радистка «Виктория», заброшенная в немецкий тыл еще в 1942 года.

Менее удачно складывались отношения с руководством восстания. И.А. Колос вспоминал: «Три раза встречался с генералом Монтером. Полагаю, что на первой встрече был Бур, хотя мне его и не назвали. (Генералы Монтер и Бур-Коморовский – руководители Варшавского восстания. – *Прим авт.*) Я поставил три вопроса: в какой помощи нуждаются повстанцы, как наладить взаимодействие, по каким целям вести огонь? Монтер сказал: «Мы благодарим советское командование за помощь», но подробного ответа не дал. Затем состоялась следующая встреча. Когда я шел на нее, адъютант Монтера капитан Кораб предупредил: «Вам дадут отрицательный ответ, но мой генерал просил вас передать вашим просьбу сбрасывать грузы». Действительно, Монтер мне сказал: «Наше командование от Советов помощи не ждет. Лондон нам окажет помощь...»^[386] Какую помощь оказал Лондон и чем закончилось Варшавское восстание, хорошо известно. А лейтенант Колос, получив сведения о том, что готовится капитуляция, по приказу командования ушел к своим, переплыв Вислу с рацией и радисткой.

Трагическое Варшавское восстание обошлось полякам в 200 тыс. убитых, в том числе 16 тыс. бойцов-повстанцев; еще 17 тыс. попали в плен. Несколько сот тысяч человек покинули город, многие попали в концлагеря. Около половины городских зданий было уничтожено. При этом фашисты целенаправленно разрушали исторические здания, памятники культуры, архивы, библиотеки. Гитлер отдал приказ сровнять Варшаву с землей, и только наступление советских войск, завершившееся освобождением города 17 января 1944 года, остановило разрушение.

По партийной линии

В январе 1942 года в Польшу воздушным путем из СССР была переправлена инициативная группа польских коммунистов с заданием восстановить польскую Компартию и активизировать антифашистскую борьбу. Один из заброшенных, бывший боец интербригад Якуб Александрович получил задания не только от Коминтерна, но и от Разведупра Генштаба Красной Армии.

Созданная Александровичем в районе Люблина и в Подлясе подпольная организация передавала сведения о дислокации и составе немецких гарнизонов, переброске войск и вооружений на Восточный фронт, об оперативных намерениях оккупантов и др. Пользуясь своими интербригадовскими связями, Александрович создал разветвленную разведсеть и получал информацию из Италии, Франции и Германии. Так, например, из Берлина ему были переданы подробные данные о новейшем оборудовании для зенитных орудий. Он был арестован в ноябре 1942 года и освобожден партизанами из Армии Крайовой в мае 1943 года, после чего продолжал прежнюю работу. По иронии судьбы,

погиб он в декабре 1943 года в столкновении с отрядом все той же Армии Крайовой.

Глава 21

На Балканах

В 1943 году в результате побед, одержанных Красной Армией на советско-германском фронте, в Европе начался новый этап в развитии национально-освободительного движения. Антифашистская борьба охватила все оккупированные страны.

Наибольшего размаха национально-освободительная борьба достигла в Югославии. В стране по инициативе народных масс были созданы новые демократические органы власти и Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), численность которой к тому времени уже достигла 300 тысяч человек. Югославские патриоты наносили ощутимые удары по гитлеровским оккупантам. Напряженные бои происходили в Западной и Центральной Боснии, Черногории, Словении, Македонии, Сербии.

В Народно-освободительной армии Югославии появились закаленные в боях крупные воинские формирования: корпуса, дивизии, бригады и партизанские отряды. Это уже была регулярная современная армия. Руководил войсками Верховный штаб.

Для поддержания постоянной связи с югославскими партизанами, оказания им помощи и координации своих действий с НОАЮ Советское правительство в феврале 1944 года направило в Югославию военную миссию во главе с опытным разведчиком генералом Н.В. Корнеевым. Больше половины сотрудников миссии были кадровыми сотрудниками Разведупра. Все они владели иностранными языками, имели опыт спецработы как в мирное, так и военное время. Так, среди прибывших в Югославию были бывшие руководители диверсионного

отдела Разведупра Николай Патрахальцев и Василий Троян. Заместитель Н.В. Корнеева генерал-майор А.П. Горшков до своего прибытия в Югославию успел повоевать в партизанском отряде в Брянской области. А сам Корнеев имел за плечами две опасные командировки в Китай в 1926–1927 и 1930–1931 годах.

Наряду с политической поддержкой Советский Союз оказывал Югославии и материальную помощь. 17 июня 1944 года Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление «О создании в Бари (Италия) базы и авиагруппы по транспортировке военных грузов в Югославию». Первый его пункт гласил:

«В целях оказания помощи Народно-освободительной армии Югославии создать в Бари (Италия) базу и авиагруппу для выполнения специальных заданий по транспортировке грузов, эвакуации раненых и обеспечению связи, подчинив ее начальнику военной миссии в Югославии генерал-лейтенанту Н. Корнееву».

Создание нашей авиабазы в Бари позволило радикально решить вопрос о возрастающих размерах поставок оружия Народно-освободительной армии Югославии, которые регулярно начались с июля 1944 года. За годы войны им было поставлено около 155 тыс. винтовок, более 38 тыс. автоматов, около 16 тыс. пулеметов, около 6 тыс. орудий и минометов, 69 танков и 491 самолет. Всего с авиабазы в Бари советские летчики совершили 1460 самолето-вылетов, доставили в Югославию около 3 тысяч различных грузов, перебросили через линию фронта в различные районы боевых действий свыше 5 тыс. югославских солдат и офицеров.

Хотя дело не ограничилось поставками вооружения и боеприпасов, а также присутствием военной миссии в центральном штабе партизанского движения Югославии. В 1944 году Службой радиосвязи Разведупра

по указанию командования была создана специальная система радиосвязи на Балканах, охватившая обширный регион, включавший Югославию, Албанию, Грецию, Румынию и Италию.

В систему связи входили 14 корреспондентов: два радиоузла и 12 отдельных радиостанций или, как их принято называть, радиоточек, которые были развернуты в тех местах региона, где находились руководство и офицеры связи Советской военной миссии (большинство из них советские военные разведчики), то есть при Верховном штабе НОАЮ и региональных главных штабах, а также в штабах некоторых крупных партизанских соединений в Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Воеводине. Кроме того, наши радиосредства в разное время находились в Италии, Албании, Греции и Румынии.

На территорию этих стран Москва направила высококлассных специалистов в сфере активной разведки. Так, в Греции находились подполковники Василий Абрамович Троян и Григорий Михайлович Попов. С ними в Грецию прибыл опытный коминтерновский ветеран Сакарелос («Зографос»). А в Албании успешно работал майор К.П. Иванов.

Работать им приходилось в боевых условиях. Точно так же, как и в советских партизанских отрядах где-нибудь в Западной Украине. Постоянные бои с противником, многокилометровые переходы и т.п. Даже те, кто находился в Дрваре – месте дислокации Верховного штаба НОАЮ и политического руководства новой Югославии, – были в зоне смертельного риска.

В июне 1944 года немцы начали операцию «Ход конем». Ее цель – уничтожение Верховного штаба и находившихся при нем всех учреждений, захват узла связи, нарушение управления частями и соединениями НОАЮ, уничтожение или пленение югославского руководства, прежде всего И.Б. Тито, разгром военных

миссий союзников. В конечном итоге операция должна была привести к обезглавливанию национально-освободительного движения Югославии и на этой основе его дезорганизации.

План предусматривал последовательное проведение таких акций, как интенсивная бомбардировка, выброска специально обученных подразделений парашютного десанта, посадка планеров с карателями, быстрая и концентрированная атака моторизованных частей. В связи с тем, что Дрвар находился в центре обширной освобожденной территории, главная ставка делалась на воздушный десант, который против НОАЮ немцами столь масштабно применялся впервые. Именно он, используя фактор внезапности, должен был осуществить захват руководителей НОД Югославии и личный состав военных миссий союзников.

У десантников имелись фотографии югославского руководителя, а для его эвакуации подготовлен специальный самолет. План разрабатывался и готовился самыми ответственными лицами фашистской Германии в атмосфере строжайшей секретности. Это и обеспечило внезапность операции, хотя советская военная разведка узнала о готовящейся операции и предупредила командование НОАЮ. По рекомендации членов миссии была усилена охрана центрального штаба.

Операцию «Ход конем» начала бомбардировочная авиация рано утром 25 мая, когда Дрвар еще спал. Самолеты подходили волнами, сбрасывали на город и его окрестности бомбы, разрывы которых сотрясали небольшую дрварскую котловину. С особым упорством летчики бомбили дома на правом берегу Унаца, где размещался охранный батальон. Затем была нарушена телефонная связь. В тот же вечер был сброшен немецкий десант. Начался бой с немецкими десантниками. Персоналу штаба и сотрудникам миссий удалось вырваться из вражеского окружения [\[387\]](#). Иосиф

Тито был спасен. Большую часть Югославии освободили местные партизаны.

А вот в Болгарии события развивались совершенно по другому сценарию.

«Подводники» и «парашютисты» в Болгарии

Во время Великой Отечественной войны подводные лодки типа «Щ», которых моряки называли «щуками», были незаменимы для скрытной высадки десантных групп. Выше мы уже рассказали об использовании субмарин для заброски разведывательно-диверсионных групп на территорию Норвегии, теперь о том, что произошло осенью 1941 года в Болгарии.

Один из таких отрядов августовской ночью 1941 года приняла на борт субмарина «Щ-211». Их было 14 человек: 13 болгар – командир группы – Цвятко Колев Радойнов; врач – Иван Маринов Иванов; разведчики – Димитр Илиев Димитров, Иван Петров Изатовски, Трифон Тодоров Георгиев, Васил Цаков Йотов, Кирилл Рангелов Видински, Сыби Димитров Денев, Ангел Георгиев Ников, Антон Петков Бекяров, Коста Лагодинов, Тодор Димов Гырланов, Симеон Филипов Славов и радист-шифровальщик – чех Иосиф Бейдо-Байер.

...Катер с провожавшим группу заместителем начальника разведотдела штаба Черноморского флота полковником Семеном Львовичем Ермашом отвалил от корпуса субмарины и понесся к берегу. Командир капитан-лейтенант Александр Девятко стал размещать гостей. Для небольшой подводной лодки с экипажем в 40 человек 14 десантников были чувствительной добавкой. К мысу Эмине лодка подошла 7 августа, однако шторм помешал десантированию группы ^[388].

Хотя не только шторм помешал оперативной высадке группы на побережье. Ведь каждый час

нахождения подводной лодки в прибрежных водах увеличивал шансы ее обнаружения противником. Много лет спустя один из членов экипажа субмарины вспоминал:

«Наступил самый ответственный момент; подлодка должна была форсировать на глубине минное поле. Быстро определили местонахождение лодки, скорость и направление морского течения, погрузились. И с величайшей предосторожностью начали продвигаться к берегу. За корпусом – мины. Малейшая неточность в расчетах, ошибка – и все может закончиться катастрофой. Вдруг Девятко замер и до боли сжал кулаки: кто-то обронил ключ, а ему показалось, будто взорвалась мина. Ведь он строго-настрого приказал не дотрагиваться до металлических предметов, противник может засечь подлодку по звукам.

Были приняты меры предосторожности: по железному настилу разбросали фуфайки, полотенца, переобулись в тапочки, боялись даже дышать на полную грудь. Время тянулось медленно, моряки держались на последнем пределе, сказывались усталость и напряжение.

Наконец вышли на предполагаемый фарватер, подняли перископ. Шторм до восьми баллов, гигантские темные валы катились, высвечивая белыми гребнями. Рыбацкое суденышко, стоявшее невдалеке, срывало с якоря, бросало, как щепку. За крутыми волнами ничего не видно. На небе ни облачка. Чистое, ясное, усеянное крупными звездами...»[\[389\]](#)

Ждали четыре дня. Только ночью 11-го ветер стих, и тяжелые тучи заволокли небо. В полумиле от берега «Щ-211» всплыла в позиционное положение. Накачали резиновые лодки, и диверсанты покинули моряков. Сначала три, а через некоторое время еще две лодки отчалили в темноту. Все, кто был на мостике двести одиннадцатой, напряженно прислушивались. Было тихо,

и, выждав положенное время, «щука» скрылась в глубинах. Мастера подрывной работы высадились на лесистом берегу, южнее устья реки Камчии, и спрятали лодки в глубоком овраге. В группе боевой опыт был у восьмерых. Полковник Цвятко Радойнов был опытным бойцом.

23 июня 1941 года полковники Красной Армии Иван Винаров, Цвятко Радойнов и Христо Боев были вызваны к руководителю Коминтерна Георгию Димитрову. Перед ними поставили задачу – сформировать разведывательно-диверсионные группы из политэмигрантов для работы в Болгарии. В первую группу, как мы уже знаем, вошло 14 человек. Вторая группа, во главе с Мирко Станковым, насчитывала 9 человек. В задачи группы входили антифашистская агитация, вовлечение патриотов в партизанские отряды, крупные саботажные акции, нападения на вражеские коммуникации, дезорганизация тыла и уничтожение живой силы противника.

Отряд будущего руководителя военной комиссии ЦК БКП Цвятко Радойнова должен был стать руководящей структурой для других групп, которые намечалось забросить в Болгарию морем или по воздуху. Планировалось, что вместе эти группы образуют костяк партизанского движения, куда примкнут добровольцы, поэтому первыми отрядили лучших, героев испанской войны: Димитра Димитрова – командира артиллерийского дивизиона, Сыби Денева – комиссара бригады, Симеона Славова (знаменитый «капитан Рак»), да и другие агенты превосходно зарекомендовали себя не только на боевой, но и на нелегальной работе. Курировал группу заместитель начальника разведывательного отдела штаба Черноморского флота полковник Семен Львович Ермаш^[390].

Вечером 6 августа 1941 года с разведчиками было проведено тренировочное занятие, на котором

отрабатывались посадка в шлюпки и гребля в указанном направлении^[391]. Тренировка проходила при относительно спокойном море. Тогда еще никто не знал, что высаживаться придется в тяжелых условиях. Достаточно сказать, что при посадке в лодку один из членов разведгруппы выронил весло. Командир отделения рулевых Алексей Шапоренко с размаху бросился в воду, чтобы вернуть весло^[392].

Вторую разведгруппу в количестве 9 человек, которую возглавлял Мирко Станко Петров, высаживала 28 августа 1941 года подводная лодка «С-32» (командир – капитан 3 ранга С.К. Павленко). Погода была благоприятная: ветер до 3 баллов, море 1-2 балла. Расстояние до берега – примерно 350 м. На подготовку шлюпок и высадку десантной группы ушло не более четверти часа. Ничего подозрительного на берегу обнаружено не было, высадка прошла успешно^[393].

А группу Радойнова продолжали преследовать неудачи. Согласно плану после высадки на болгарском берегу десантники разделились. Шесть человек во главе с Сыби Димитровым двинулись по направлению к Сливену, двое пошли в Шумен, один – в Бургас.

Цвятко Радойнов с четырьмя бойцами остался ждать группу Мирко Станкова, которая должна была прибыть в конце августа. Но встретиться им не удалось. Из-за шторма вторая группа сразу же ушла с побережья в лес. Прождав двое суток на побережье, вечером 1 сентября 1941 года Цвятко Радойнов и Изатовский вернулись в лагерь, где их должны были ждать трое их товарищей. На стоянке никого не было! Позднее выяснилось, что бойцы ушли в неизвестном направлении и были схвачены полицией. Утром 2 сентября 1941 года лагерь окружила полиция. В ходе боя Изатовский был тяжело ранен, а Радойнов сумел вырваться из окружения. Несколько дней он добирался до родного села Крын, где укрылся у своей племянницы Пенки. Ему удалось

связаться со Сливеном. 15 сентября 1941 года он встретился с прибывшим на второй подводной лодке Авраамом Стояновым. Около месяца они нелегально жили в Сливене – искали связь с ЦК Компартии, пытались узнать о судьбе товарищей, искали в горах радиопередатчик, оставленный там второй группой «подводников». Наконец Цвятко Радойнов связался с ЦК и в начале ноября 1941 года отправился в Софию.

В целом десантников ждала печальная судьба. Их снаряжение было тяжелым и громоздким, продуктов мало. Подготовлены бойцы тоже были не лучшим образом – на них была необычная одежда, иной раз они говорили по-русски. Несколько человек были арестованы, когда пытались достать продовольствие в деревнях. Полиция узнала о высадке «подводников» от предателя в бургасской партийной организации. К лету 1942 года из 56 высадившихся бойцов в живых и на свободе осталось лишь семеро, 18 человек погибли в схватках с полицией, трое покончили жизнь самоубийством, 28 были арестованы.

Поскольку от прибывших групп практически никого не осталось, не было и речи о самостоятельной работе. Радойнов, получивший партийный псевдоним Васил, возглавил Центральную военную комиссию ЦК БКП. «Основные задачи ЦВК, – пишет болгарский автор Е. Валева, – создание крепкой организационной основы вооруженной антифашистской борьбы, окружных военных комиссий по всей стране, надежной конспиративной сети каналов, подбор курьеров и явок, формирование новых и укрепление уже существующих боевых, саботажных и диверсионных групп и отрядов, снабжение их оружием, боеприпасами и взрывчаткой, выявление объектов, работающих в пользу гитлеровцев».

Деятельность антифашистских групп в столице была успешной: постоянно следовали акты саботажа, срыва

железнодорожных перевозок, поджоги. В результате производство на крупных предприятиях упало на 40-50%. Только в течение осени в Софии было предпринято 30 актов саботажа, в Варне боевая группа сожгла 7 цистерн с бензином и совершила несколько нападений на гитлеровские военные объекты, в Русе партизаны произвели налеты на охрану концлагерей «Св. Никола» и «Гонда вода». Самой острой проблемой для подполья было оружие. Радойнов рекомендовал выносить оружие со складов, покупать у офицеров, искать в бункерах разрушенной греческой оборонительной линии «Метакса». Опытный диверсант, он сам разрабатывал рецепты изготовления взрывчатки. Цвятко Радойнов встретился с генералом Владимиром Заимовым и передал по радио немало стратегически важной информации. «Сильный и глубоко человечный. Ясность цели. Сила идей» – так охарактеризовал его Заимов.

Для связи с группой Радойнова была открыта специальная радиовахта на ПДРЦ штаба Черноморского флота. Однако радист группы Бейдо-Байер редко выходил на связь, и о работе диверсантов их куратор полковник Ермаш судил в основном... по вражеским газетам, которые доставлялись в разведотдел. Вскоре «подводники» получили обещанное подкрепление – парашютистов. Пять диверсионно-разведывательных групп были доставлены по воздуху с середины сентября до первой половины октября 1941 года. Самолеты поднимались с аэродромов в Симферополе, пролетали над Черным морем и сбрасывали десанты в заранее намеченных районах.

Развернуться как следует парашютистам не позволяла болгарская контрразведка, имевшая богатый двадцатилетний опыт борьбы с нелегальными революционными организациями. Тайной полиции помогало гестапо. Весной 1942 года были арестованы

около 100 видных деятелей БКП. Радойнова арестовали 25 апреля 1942 года.

Власти решили организовать два процесса. Один – так называемый «процесс подводников», где главным обвиняемым должен был выступать Радойнов, и второй – процесс актива ЦК БКП.

Прокурор Софийского военно-полевого суда капитан Костайчинов говорил: «Каждый из прибывших на болгарскую территорию эмигрантов, которые по своим убеждениям были фанатиками-коммунистами, горел желанием до конца выполнить возложенную на них задачу, заключающуюся в том, чтобы совершать акты диверсии – подрывать железные дороги, мосты...»

Процитируем фрагмент обвинительного акта по делу «подводников» и «парашютистов»:

«После объявления войны между Советской Россией и Германией в начале июля 1941 года по решению Центрального руководства Болгарской коммунистической эмиграции в России и при содействии Коминтерна большая часть болгарских политических эмигрантов-коммунистов была мобилизована и собрана для военного обучения в окрестностях Москвы, где они были разбиты на группы.

Организацией и руководством этих групп, которые должны были отбыть в Болгарию и положить основу военной организации коммунистической партии, занимались: Иван Цолов Винаров – болгарин из города Плевен, полковник Советской Армии, окончил отделение политических комиссаров при военной академии в Москве; Цвятко Колев Радойнов – болгарин, полковник Советской Армии, преподаватель военной академии, советник при штабе одной из красных армий в Испании; и Христо Боев Петашев – болгарин, окончил Военно-инженерную академию в Москве.

Эти группы обучались в окрестностях Москвы советскими офицерами-инструкторами – майором

Николаем Петехальцевым (правильно Николай Патрахальцев – *Прим. авт.*) и другими – подрывному делу, приготовлению и использованию различных видов взрывчатки, метанию ручных гранат, стрельбе из огнестрельного оружия: винтовки, пистолета, пулемета; чтению топографической карты, ориентированию по компасу; прыжкам с парашютом и пр. Назначение этих групп после прибытия в Болгарию – положить основы военной организации коммунистической партии в Болгарии. Задачи этой военной организации были намного шире задач партии. В своей деятельности организация должна была опираться на коммунистические элементы. Однако, чтобы вовлечь в эту организацию как можно больше членов, ее представили под маской организации болгарских патриотов, широко используя патриотические чувства болгарина и вводя его в заблуждение всеми средствами, чтобы убедить его, что единственное спасение Болгарии придет со стороны Советской России. Основная задача военной организации в первую очередь заключалась в ведении борьбы с немцами в Болгарии любыми средствами и во вторую очередь – в проведении саботажа и подготовке населения к революции. В эту борьбу предполагалось вовлечь всех, кто выступает против немецкого влияния у нас, независимо от их принадлежности к партии, пола, религиозных убеждений, материального и социального положения. Чтобы борьба была действенной, каждый член группы должен был создать в своем районе нелегальные тройки, на которые возлагались отдельные задачи по уничтожению немецких военных объектов: складов, военных эшелонов, а также высших представителей немецкого военного командования. Способы ведения борьбы определялись окончательно в Болгарии исходя из обстановки, в связи с чем руководству групп была предоставлена полная самостоятельность.

Организация групп была следующей: руководство сосредоточивалось в руках одного центра – штаба, в который входили опытные военные разведчики полковник Цвятко Колев Радойнов, полковник Иван Винаров и майор Христо Боев.

Вся Болгария была разделена на округа, которые возглавляли военные руководители: Софийский округ – Аврам Стоянов, бывший депутат от коммунистов; Врачанский округ – Иван Василев; Плевенский округ – Гане Павловский, политический комиссар в Красной Армии; Шуменский округ – Симеон Филипов Славов под псевдонимом «капитан Рак», окончил артиллерийские курсы, капитан, командир батареи тяжелых орудий республиканской армии в Испании; Бургасский округ – Иван Николов Штерев, специалист по прожекторному делу, служил в Испании; Пловдивский округ – Сыби Димитров, окончил пехотные курсы в СССР, поручик республиканской испанской армии; Стара-Загорский округ – Мирно Станков Петров под фальшивым именем Георгий Янков, окончил танковую академию в Москве, капитан танкового полка в Испании. В окружные группы входило от двух до четырех человек...

После завершения обучения в окрестностях Москвы члены групп, направлявшихся в Болгарию через Севастополь и Симферополь, получили следующие инструкции:

- 1) вести работу по восстановлению и укреплению коммунистической партии;
- 2) организовывать тройки, вооружать и отправлять их на выполнение диверсий;
- 3) изучать места расположения складов оружия в своих районах, чтобы иметь возможность вооружиться на случай восстания;
- 4) возбуждать недовольство против правительства, чтобы можно было при благоприятной международной

обстановке использовать это недовольство для осуществления революции в Болгарии.

Кроме того, членам групп было сказано, что, когда наступит благоприятный момент для поднятия восстания в Болгарии, СССР пошлет на помощь морской и воздушный десант с танками, артиллерией и регулярными войсками. Им объяснили, что в Болгарии, оккупированной немецкими войсками, очень тяжелая обстановка: в армии происходят бунты, русских парашютистов там ждут с нетерпением и пр. ...

Перед отбытием руководители групп явились к Георгию Димитрову, генеральному секретарю Исполкома Коминтерна, который возложил на парашютистов выполнение следующих задач в Болгарии:

- 1) действовать согласно приказу Генерального штаба Красной Армии;
- 2) не вмешиваться в деятельность коммунистической организации в Болгарии, а лишь просить у нее помощи;
- 3) уничтожать администрацию, сборщиков налогов и немцев;
- 4) создавать отряды в лесах и привлекать людей, живущих легально, являющихся противниками немцев и болгарских властей, к участию в поджогах складов и фабрик, разрушении железных дорог, мостов и т. п.

Перед убытием групп из Сходни, находящейся под Москвой, где происходило их обучение, инструктор в звании майора зачитал им приказ Генерального штаба Красной Армии, который ставил перед ними следующие задачи:

- 1) уничтожать мосты, фабрики, склады и подрывать воинские и товарные эшелоны;
- 2) уничтожать немцев, болгарских управителей и администрацию;
- 3) захватывать села, уничтожать старост, сеять страх и дезорганизацию, освобождать политических

заклученных;

4) расширять партизанское движение по мере сил и возможностей и вообще ослаблять Болгарию, так как она является помощницей Германии и обеспечивает ее тыл и снабжение.

Руководителям групп и остальным членам были выданы крупные суммы денег в американских долларах и болгарских левах. Экипировка каждого парашютиста состояла из рубашки, галифе, теплой верхней и нижней одежды, сапог, рюкзака, фляжки для воды, фонаря с двумя батареями, а вооружение – из автоматической винтовки с двумя магазинами на семьдесят один патрон, пистолета с двумя магазинами на восемь патронов, двух гранат, ножа и автоматически раскрывающегося парашюта. Кроме того, каждая группа имела семь грузовых парашютов, с которыми было сброшено большое количество взрывчатки, адские машины, капсулы, патроны, рации, продукты (сухари, бисквиты, баса, шоколад) и одежда. Каждый парашютист имел фальшивый болгарский паспорт, а руководитель группы – крупномасштабную карту Болгарии.

Каждый из прибывших на болгарскую территорию эмигрантов, которые по своим убеждениям были фанатиками-коммунистами и большая часть которых была ранее осуждена по ЗЗД, горел желанием до конца выполнить возложенную на него задачу, заключающуюся в том, чтобы совершать диверсии: подрывать железные дороги, мосты, фабрики, продовольственные и другие склады, совершать в стране убийства и другие террористические действия и общепасные преступления с помощью взрывчатки, мин замедленного действия и других подобных средств, а также готовить и организовывать членов коммунистической партии и в подходящий момент, который, как надеялись эти люди, наступит в связи с изменением международного положения, поднять вооруженное восстание

насильственного захвата власти и установления в стране большевистского строя»^[394].

26 июня 1942 года Софийский военно-полевой суд приговорил Цвятко Николова Радойнова, Трифона Тодорова Георгиева, Басила Цакова Йотова, Ивана Петрова Изатовского, Антона Петрова Бежарова, Димитра Илиева Димитрова, Басила Вилчанова До-дева, Стефана Маринова Паджева, Делчо Николова Наплатанова, Бориса Стойкова Томчева, Августа Димчева Попова, Георгия Иванова Кратунчева, Ивана Иорданова Иванова, Мирко Станкова Петрова, Симеона Филипова Славова, Ивана Николова Штерева, Миле Минчева Милева, Димо Стефанова Астаджова к смертной казни через расстрел.

Еще девять человек – Иосифа Бейдо-Байера, Ивана Петрова Дреновского, Дмитрия Александровича Теплякова, Георгия Петрова Башикарлова, Янко Стоянова Янева Комитова, Тодора Фотакиева Николова, Николая Александровича Романова, Лычезара Аврамова Стоянова и Владимира Александровича Чернова – осудили к тюремному заключению^[395].

Из 14 диверсантов отряда Цвятко Радойнова уцелели трое – Иванов, Видински и Лагодинов. Коста Лагодинов до 9 сентября 1944 года участвовал в партизанской борьбе против фашизма. Иван Иванов и Кирил Видински вместе с секретарем окружного комитета партии Данчо Дмитриевым руководили подпольной работой в Шумене.

Видински и Лагодинову приходилось пересекать Черное море на катере, спасаясь от полицейского преследования после июньского восстания 1923 г. Потом они проделали обратный путь – на «щуке» – в августе 1941 года. В декабре 1964 г. генералы Иванов, Видински и полковник Лагодинов снова по Черному морю приплыли в Советский Союз – на этот раз в качестве почетных гостей – на борту сторожевого катера в составе отряда кораблей военно-морского флота

Болгарии, прибывших с дружественным визитом в Севастополь. Из старых знакомых их встретили вышедший на пенсию Семен Львович Ермаш и бывший старший помощник командира «Щ-211» Рядов. А сама «щука» ушла в конце 1941 года в боевой поход и не вернулась... [\[396\]](#)

Подразделения спецназа в годы Великой Отечественной войны

1-й добровольческий партизанский отряд Института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта (1-й ДПО ИФК им. П.Ф. Лесгафта) разведотдела Северного фронта.

Сформирован 29 июня 1941 года разведотделом штаба Ленинградского военного округа из студентов и преподавателей ИФК им. П.Ф. Лесгафта.

23-28 июня 1941 года на спортивной базе института в Кавголово командиры-разведчики ЛВО провели краткое ознакомление добровольцев со стрелковым оружием (автомат, самозарядная винтовка) и техникой применения взрывчатки. Также проводились занятия по тактике налетов на «штабы, автомашины, колонны войск и другие объекты».

29 июня 1941 года заместитель начальника штаба ЛВО комбриг П.П. Евстегнеев подписал секретный приказ № 005 о формировании 1-го ДПО (добровольческий партизанский отряд) численностью 254 человека (в некоторых источниках численность отряда указана в 300 человек).

Отряд был разбит на 12 самостоятельных групп по 20-25 человек каждая (в дальнейшем группы стали именоваться отрядами и получили соответствующую нумерацию от 1-го до 12-го), имел 6 раций.

Командиры групп (отрядов):

№ 1 Е.В. Миронов;

№ 2 К.П. Власенко;
№ 3 В.Н. Цимерберг;
№ 4 М.И. Немчинов;
№ 5 Д.Ф. Косицын;
№ 6 В.М. Венцель;
№ 7 Ф.М. Ермолаев;
№ 8 Е.С. Богданов;
№ 9 В.М. Шамин;
№ 10 А.Д. Селезнев;
№ 11 Н.К. Пономарев;
№ 12 И.Ф. Артамонов.

29 июня 1941 года все группы 1-го ДПО на автомашинах выехали по маршруту Ленинград – Луга – Струги Красные.

Основные задачи отряда:

«... б) По прибытии в указанные районы в первую очередь скрытно расположить базы снабжения групп в лесных массивах указанных районов, обеспечив надлежащее хранение как продуктов, так и боеприпасов.

в) При обнаружении противника в районах своего расположения группы приступают к активным боевым действиям путем совершения мелких диверсий – выведения из строя бронебойными пулями двигателей машин, водительского состава, нападения на одиночно следующие машины и их уничтожения, захвата документов у связных – посыльных на мотоциклах и пр. – внести панику вдвигающиеся части противника, заставить на каждом шагу задерживать темп движения, особенно в результате нарушения дорожных сооружений – мостов, гатей и создания искусственных препятствий – завалов, минирования, поджогов танков и пр.

г) При обнаружении крупных сил противника через местные советские и партийные организации добиваться привлечения к работам всего местного

населения – колхозников, служащих и рабочих, коих использовать на создании в широком масштабе искусственных препятствий – завалов, волчьих ям, рвов и пр.

3. По получении сведений о противнике и районах его продвижения необходимо срочно молниировать в центр о районах сосредоточения, численном составе машин (танков) и направлении следования колонн. Связь по радио – два раза в день...»

30 июня 1941 года бойцы 1-го ДПО осели в лесах в районе севернее и северо-западнее Пскова и при дальнейшем продвижении фашистских войск остались в их тылу.

Группа № 1 – район Слобода;

Группа № 2 – район северо-восточнее Пскова в 5 км;

Группа № 3 – район Патрово-Терехово;

Группа № 4 – район Мароморка;

Группа № 5 – район Вошково;

Группа № 6 – район Заречье;

Группа № 7 – район Коцерицы;

Группа № 8 – район Панфиловка;

Группа № 9 – район Похонь;

Группа № 10 – район Лудони;

Группа № 11 – район Чатковицы;

Группа № 12 – район Заполье.

В июле – августе 1941 года группа № 5 действовала в треугольнике Псков – Порхов – Новоселье [\[397\]](#).

В июле – сентябре 1941 года боевые группы 1-го ДПО нанесли противнику следующие потери (по неполным данным):

совершено свыше 40 нападений на колонны танков, бронемашин, мотопехоты, обозы, аэродромы и гарнизоны противника;

уничтожено свыше 150 солдат и офицеров противника, 1 танк, 17 грузовых автомашин, 3 легковых автомашины, 16 мотоциклов, 1 дрезина, взорвано 2

склада с боеприпасами (один из них с 6,5 тыс. снарядов), 5 мостов, пущено под откос 5 эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами, подбито 4 танка, 1 бронетранспортер, 2 легковые автомашины, взято в плен 3 солдата (сданы в штаб 41-го корпуса);

устроены многочисленные завалы на дорогах, во многих местах повреждены телефонно-телеграфная связь и полотно железной дороги;

выведена из окружения группа бойцов в 200 человек из состава 4-й дивизии народного ополчения и 519-го ГАП (гаубично-артиллерийский полк);

в разведотдел штаба Северного фронта (с 23 августа Ленинградского фронта) переданы ценные разведданные (до 16 июля регулярная радиосвязь осуществлялась с 6 группами, на 21 июля радиосвязь регулярно поддерживалась с одной группой, и посредством делегатов личная связь была установлена с двумя группами).

По неполным данным, потери боевых групп 1-го ДПО составили 56 человек убитыми и пропавшими без вести, 3 человека взятыми в плен.

2 июля 1941 года в юго-западные районы Ленинградской области разведотделом Северного фронта был направлен 2-й ДПО (53 человека), а 10 июля – 3-й ДПО (100 человек), значительную часть личного состава которых составляли студенты и преподаватели Института им. Лесгафта. Данные о действиях этих отрядов отсутствуют.

К концу сентября 1941 года большинство групп 1-го ДПО из-за больших потерь вышли за линию фронта. Оставшиеся бойцы использовались РО Ленинградского фронта для разведки и диверсий в составе небольших групп или вступили в армейские части [\[398\]](#).

2-я особая бригада разведотдела штаба Северо-Западного фронта

Один из первых продолжительных рейдов по вражеским тылам совершила 2-я особая бригада. Когда в январе 1942 года она появилась в районе Великих Лук, фашисты решили, что в здесь действуют несколько сильных партизанских отрядов. Но это была одна рейдирующая бригада, сформированная в сентябре 1941 года, в самый разгар отступления советских войск, по инициативе начальника штаба Северо-Западного фронта Н.Ф. Ватутина и начальника разведотдела штаба фронта К.Н. Деревянко. Командиром бригады был майор Алексей Литвиненко, помощником – кадровый разведчик, старший лейтенант Александр Герман. Они встречали выходящих из окружения людей, проверяли их, подбирая себе бойцов. Обучал их старший лейтенант Белаш, начальник штаба 2-й особой. Начальником связи был лейтенант Климанов, командирами отрядов – лейтенанты Тарасюк и Загороднюк. Штаб располагался в Осташкове, Калининской области. В распоряжение бригады были переданы партизанские отряды ближайших районов.

В октябре 1941 года 2-я особая бригада была отправлена за линию фронта и к 7 ноября вышла в Пеновский район (Калининской обл.). Лесных лагерей бригада не устраивала, на ночлег партизаны останавливались в деревнях, предварительно выбив из них немцев. Вскоре к бригаде присоединился отряд имени Чкалова, где было около сотни попавших в окружение бойцов.

До конца 1941 года бригада рейдировала в Калининской и Ленинградской областях. Партизаны уничтожали мосты, склады с оружием, посты, совершали диверсии на железных дорогах.

«За октябрь – декабрь 1941 года она уничтожила около 1 тыс. чел. противника, захватила в плен 39 его солдат и офицеров, уничтожила свыше 50 грузовых

автомашин, 39 мотоциклов, 3 склада с боеприпасами, 2 склада с горючим»[\[399\]](#).

Кроме боев и налетов на вражеские гарнизоны, партизаны занимались разведкой, отслеживали перемещения войск, докладывали в штаб фронта обстановку в районе и давали рекомендации по организации разведки, сообщали данные на предателей, а иногда и сами производили суд и расправу. Они сообщили данные о фашистской обороне по берегам рек Ловать, Волга и Западная Двина.

Под городом Холм обнаружили склад снарядов с отравляющими веществами. На время рейда под начало бригады поступали местные подпольные парторганизации и партизанские отряды.

После освобождения Осташковского района бригада вновь ушла за линию фронта, на этот раз в район железнодорожной станции Новосокольники. Она нанесла удар по ст. Насва на участке Новосокольники – Дно в Псковской области, затем – по станции Маево на линии Рига – Москва. В это время в бригаде насчитывалось около 350 партизан, разделенных на конную, лыжную и огневую группы. Гитлеровцы принимали ее за конный корпус.

В феврале 1942 года 2-я особая действовала в немецком тылу в Калининской области. В числе лихих подвигов партизан был и такой, как проведение торжественного парада в честь Дня Красной Армии 23 февраля 1942 года в деревни Чурилово, когда 300 бойцов бригады торжественно промаршировали перед собравшимися крестьянами. А противник находился в соседней деревне, но дорога была такова, что немцы так и не смогли добраться до партизан.

Однако каратели их вскоре все же прижали. Против бригады штаб охранных войск немецкой группы армий «Север» направил несколько полков. Партизаны, к тому времени почти не имевшие патронов и медикаментов,

уклоняясь от боев, уходили, гитлеровцы шли за ними, а за гитлеровцами по пятам шел один из отрядов 2-й бригады, ранее выполнивший особое задание. Теперь они искали своих и решили, что проще всего их будет найти, если следовать за карателями.

3 марта бригада провела последний крупный бой, а в конце марта перешла линию фронта. За этот рейд майору Литвиненко было присвоено звание подполковника. Он был отозван в действующую армию, дошел до Берлина. Победу встретил командиром 20-й гвардейской механизированной бригады [\[400\]](#).

Начальник штаба бригады Александр Викторович Герман остался в партизанах – на основе 2-й особой была сформирована 3-я Ленинградская партизанская бригада [\[401\]](#), Герман стал ее командиром, погиб в бою в 1943-м. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза (1944).

3-й полк особого назначения разведотдела штаба Северного фронта

Командир: Маковкин И.А., капитан.

В тыл противника выведен в июле 1941 года.

Действовал на коммуникациях 4-й танковой группы – шоссе Плюсса – Ляды и других путях сообщения западнее Луги (Ленинградская область) [\[402\]](#).

88-я отдельная стрелковая бригада (88-я ОСБ).

Начала создаваться в середине 1941 года для разведывательно-диверсионных действий в тылу японских войск.

Бригада формировалась на базе двух спецлагерей: Северного, или лагеря «А», расположенного под г. Ворошиловом (ныне г. Уссурийск Приморского края), и Южного, или лагеря «Б», расположенного в предместьях г. Керки (Туркмения), где находились интернированные китайские и корейские коммунисты, активные участники партизанского движения против японских оккупантов в Северо-Восточном Китае. Личный состав бригады

набирался также за счет советских граждан китайского и корейского происхождения из различных областей Советского Союза, русских и из представителей национальных меньшинств.

К середине 1942 года в Южном лагере была сформирована одна часть 88-й ОСБ. В ее составе было три отдельных стрелковых батальона, отдельная саперная рота, отдельная рота ПТР, отдельная рота автоподвоза, один минометный и два артиллерийских дивизиона, отдельная рота разведчиков, отдельный батальон связи, отдельная рота автоматчиков, отдельный взвод ПВО, отдельный взвод НКВД, медико-санитарная рота, полевая почтовая станция и управление части.

Одновременно в Северном лагере была сформирована другая часть 88-й ОСБ. Боевой состав этой части состоял из штаба и управления, политического отдела, четырех отдельных стрелковых батальонов, отдельной роты, батальона автоматчиков, отдельного артиллерийского дивизиона, отдельной роты разведчиков, отдельного батальона связи, отдельной саперной роты, отдельной автороты подвоза, тыла и военной прокуратуры.

Вся боевая подготовка соединения была направлена на отработку задач подготовки небольших разведывательно-диверсионных отрядов для действий в японском тылу. Бойцы и командиры систематически осуществляли марш-броски, прыжки с парашютом, изучали радиосвязь и подрывное дело. В течение практически всей Великой Отечественной войны личный состав 88-й ОСБ на базе двух лагерей – Южного и Северного – активно готовился к участию в борьбе против японских оккупантов. Однако по ряду объективных причин политического характера в боевых действиях 88-я ОСБ задействована не была.

В октябре 1945 года бригаду расформировали.

С политическими целями из состава расформированной бригады в Маньчжурию была откомандирована группа китайцев численностью 378 человек. Другая группа, состоящая из корейцев, во главе с бывшим командиром 1-го батальона бригады (Северный лагерь) Цзин Жичэном (он же Ким Ир Сен, будущий лидер КНДР) с теми же целями была направлена в Северную Корею.

В 1946 году, с началом Третьей гражданской войны в Китае, практически весь китайский состав бывшей 88-й ОСБ вернулся на родину и принял активное участие в боях против Гоминьдана. Вместе с ними в Маньчжурию, а позже, с образованием КНДР, и в Корею убыл корейский состав бригады.

9903-я войсковая часть разведотдела штаба Западного фронта.

В разведывательно-диверсионной работе на Западном фронте огромную роль сыграло специальное подразделение «войсковая часть 9903» (позднее 3-е (диверсионное) отделение Разведотдела штаба Западного фронта), сформированное в июне 1941 года. Тогда это была небольшая группа из семи командиров: глава – полковник А.Е. Свирин, соратник Я.К. Берзина, участник войны в Испании майор А.К. Спрогис, капитан А.Я. Азаров, старшие лейтенанты И.Н. Банов, Ф.И. Коваленко, И.И. Матусевич, А.К. Мегера. Командный состав части был укомплектован слушателями военных академий. Подразделение должно было заниматься активной разведкой, диверсиями – взрывами на железных и шоссейных дорогах, уничтожением мостов, складов, связи, созданием партизанских отрядов.

Работать было трудно. В хаосе отступления нечего было и думать о том, чтобы поддерживать устойчивую связь с диверсионными группами – их приходилось отпускать «в свободный поиск». Не было и опыта разведывательной работы в тылу врага. Летом было

подготовлено и направлено в немецкий тыл несколько групп, а связь поддерживалась только с тремя.

В конце августа 1941 года командиром части был назначен майор Спрогис, военкомом – полковой комиссар Н.Д. Дронов. Они сумели перестроить работу. В первую очередь была решена проблема личного состава – за счет набора комсомольцев-добровольцев из Москвы и Московской области. Через комиссию по отбору прошло около трех тысяч человек, из них две трети были зачислены в часть.

Во время битвы за Москву и контрнаступления советских войск в/ч 9903 подготовила более 45 боевых отрядов для действий в немецком тылу. Всего за это время было совершено 86 выходов в тыл немцев, некоторые группы ходили за линию фронта по два и по три раза. В сентябре 1941 года состоялось 8 выходов, в октябре – 11, в ноябре – 36, в декабре – 14, в январе и феврале 1942 года – 17.

Осенью 1941 года в немецком тылу действовали и четыре отряда особого назначения, по 100-120 человек каждый.

Особенно отличились группы Михаила Осташева, действовавшие в районе Дорогобужа, Григория Сизакова и Матвея Гусакова в районе Могилева, Корнеева в районе Гомеля, Ильи Шарого в районе Калинковичей, Бориса Крайнова в районе Полоцка, Федора Морозова в районе Глуска. Эти группы пустили под откос в среднем по 10-12 эшелонов врага, помогали местным партизанам.

Оперативный центр под командованием И.Ф. Топкина, действовавший в районе Бреста, объединил вокруг себя и руководил деятельностью нескольких партизанских отрядов. Некоторые группы сами становились отрядами. А группа Григория Сазонова стала партизанской бригадой с численностью в несколько сот человек.

После разгрома немцев под Москвой в/ч 9903 начала заниматься несколько иной деятельностью – она готовила группы численностью по 10–12 человек, как правило, снабженных радиосвязью, которые перебрасывались на самолетах в глубокий тыл противника. В августе – сентябре 1942 года были подготовлены и выброшены в немецкий тыл четыре оперативных центра по 35 человек каждый.

В декабре 1942 года часть 9903 была передана в распоряжение Разведывательного управления Генштаба РККА, а летом 1943 года несколько групп и отрядов снова перешли в подчинение разведотдела штаба Западного фронта.

За героизм, проявленный в тылу противника, Зое Космодемьянской, Леле Колесовой, Ивану Банову, Григорию Линькову, Никите Дронову было присвоено звание Героя Советского Союза, около 500 человек награждены орденами и медалями^[403].

«Арап» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 1-го Украинского фронта

Выведена в тыл противника в апреле 1944 года^[404].

«Артур» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 1-го Прибалтийского фронта

Высадилась в сентябре 1944 года на территории Восточной Пруссии^[405].

«Атаман» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 1-го Прибалтийского фронта

Командир группы – капитан Конник Федор Филимонович.

Численность – 9 человек.

Высадилась 22 сентября 1944 года в районе п. Минхельвальде^[406].

«Борис» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба Ленинградского

фронта

Командир: Емченко Борис Григорьевич, капитан.

Численность – 7 человек.

В тыл противника выведена летом 1942 года.

Действовала в районе города Луга, Варшавской железной дороги и Киевского шоссе (Ленинградская область).

На оккупированной территории находилась свыше ста суток.

Выведена в советский тыл 29 декабря 1942 года [\[407\]](#).

«Брук» - оперативно-разведывательный центр

Летом 1943 года был создан оперативно-разведывательный центр Разведуправления во главе с А.П. Бринским («Брук»), действовавший в районе городов Ковель и Каменец-Подольский. Здесь была сформирована обширная агентурная сеть, которая регулярно отправляла в Центр ценную информацию о группировках немецких войск и их перебросках. Сведения Бринского имели важное значение, например, для планирования и проведения Белорусской наступательной операции 1944 года. Вот только некоторые из посланных им в Центр сообщений:

«15.11.43. Из Коростень в Шепетовку гитлеровцы перебрасывают один пехотный полк из состава 339-й пехотной дивизии... Брук».

«7.12.43. В течение 5–7 декабря с.г. 24-я дивизия перебрасывалась по железной дороге из Ровно в Ковель. За это время перевезено 189 танков, более 180 орудий, 426 грузовых и легковых машин, около 70 мотоциклов. Отмечено 182 вагона с личным составом... Брук».

«1.2.44. По шоссе из Колки во Владимир-Волынский перебрасываются танковые и моторизованные части. В Луцке отмечено большое скопление войск противника, которые предполагается перебросить в район Владимира-Волынского. Движение

войск по железной дороге Ровно – Ковель прекратилось... Брук»^[408].

Васильева Ю.В. разведывательно-диверсионный отряд разведотдела штаба Северного фронта^[409]

В июле – августе 1941 года действовала в районе Цапелка – Дворки – Подборовье Ленинградской области^[410].

В августе 1941 года в результате организованной бойцами отряда засады на шоссе был убит командир полицейской дивизии СС генерал полиции Мюлерштедт^[411].

В октябре 1941 года продолжала находиться в тылу врага^[412].

«Вол» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы – старшина Валуев Павел Михайлович.

Высадилась 20 июля 1944 года юго-восточнее г. Таурген в составе 10 человек^[413].

«Воронкин» – разведывательно-диверсионная группа

Десантирована в тыл противника в августе 1944 года на территории Польши^[414].

«Гроза» – разведывательно-диверсионная группа

Командир группы – старшина Коротков Василий Семенович.

Численность – 13 человек.

Высадилась 25 июля 1944 года в районе г. Шиббен^[415].

«Джек» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Численность – 10 человек.

Командиры: капитан Крылатых Павел Андреевич («Джек») – погиб 30 июля 1944 года; лейтенант Шпаков Николай Андреевич («Еж») – погиб в сентябре 1944 года, старшина Мельников Иван Иванович («Крот») – был отстранен по приказу Центра от командования группой из-за неумения читать топографические карты, с 13 ноября 1944 года лейтенант Моржин («Гладиатор») – прислан из-за линии фронта.

Задачи группы: «Джеку» предписывалось осуществлять контроль за железными дорогами и шоссейными магистралями, установить уровень пропускной способности транспорта, определить состояние линий связи, их насыщенность и разветвленность, выявить наличие укрепленных оборонительных рубежей противника, количество гарнизонов и их вооружение, обнаружить места сосредоточения самолетов, техники, складов и штабов германских войск, вскрыть мероприятия противника по подготовке к применению химического оружия, а также выяснить его планы по дальнейшему ведению боевых действий, проанализировать настроение местного населения и уровень дисциплины в воинских частях.

Район деятельности: тыл восточнопрусской группировки войск противника. А если совсем точно, то район, где в то время размещалась штаб-квартира Адольфа Гитлера «Волчье логово».

За линию фронта десантирована в ночь с 26 на 27 июня 1944 года в районе трассы Кенингсберг – Тильзит (ныне Советск).

В середине ноября 1944 года получила разрешение Центра на выход на территорию Польши. 27 декабря 1944 года «Джек» был окружен и почти полностью уничтожен. Фактически группа перестала существовать как самостоятельное подразделение. В советский тыл в конце января 1945 года смогли выйти только двое разведчиков из группы «Джек»^[416].

Диверсионно-разведывательные роты (ДРР) 24-й армии Резервного фронта

Сформированы по приказу командующего армией генерал-майора К.И. Ракутина от 28 июля 1941 года.

Основные задачи ДРР:

диверсионно-разведывательная деятельность в тылу противника;

содействие частям армии в боевых действиях.

Диверсионно-разведывательные роты формировались из числа добровольцев 19, 120, 103, 106, 105-й дивизий 24-й армии. Состав рот – 120–150 человек, имевших на вооружении автоматы или самозарядные винтовки, ручные пулеметы из расчета один на трех человек, гранаты, сигнальные ракеты, два-три боекомплекта, сухой паек, рассчитанный на пару дней.

Боевая деятельность ДРР началась одновременно с Ельнинской наступательной операцией войск 24-й армии Резервного фронта (30 августа – 8 сентября 1941 г.).

Во время наступления на г. Ельню действия ДРР получили высокую оценку командования дивизий и 24-й армии. Во время боя за высоту 251,1, в районе деревень Дубовежье, Вязовка, разведчики-диверсанты на захваченной немецкой бронемашине ворвались в расположение противника, где бутылками с горючей смесью подожгли четыре вражеских танка. Дерзкий налет разведчиков-диверсантов способствовал захвату важной высоты советскими войсками.

В свою очередь, командующий Резервным фронтом генерал армии Г.К. Жуков неоднократно указывал командованию 24-й армии на плохую разведку противника в ходе наступления.

«Док» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Численность группы – 8 человек.

Высадилась 13 (по другим данным), 24 октября 1944 года в районе г. Инстербурга. Все члены группы пропали

без вести.

«Искра» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы - мл. лейтенант Гущин Константин Иванович.

Численность - 7 человек.

Высадилась 28 сентября 1944 года в 15 км юго-западнее г. Инстербурга^[417].

«Каштан» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы - ст. лейтенант Мисник Николай Мартынович.

Численность - 11 человек.

Высадилась 16 августа 1944 года в 250 метрах от станции Молоя^[418].

Кившика И.Ф. - разведывательно-диверсионный отряд разведотделов штабов Северного и Ленинградского фронтов

Командир - Кившик И.Ф., лейтенант.

Численность: 250 человек.

В тыл противника в первый раз выведен 10 июля 1941 года^[419].

Из сообщения Совинформбюро от 12 августа 1941 года: «Партизанский отряд под командованием тов. Кившика выследил и захватил два вражеских танка, отставших от своей части, и уничтожил 7 немецких мотоциклистов».

В июле - августе 1941 года действовал на дороге Гдов - Сланцы в Ленинградской области^[420].

В августе 1941 года возвратился в советский тыл.

Второй раз за линию фронта отряд выведен в сентябре 1941 года. Главная задача: обнаружить штаб генерала-майора Андрея Никитича Астанина; командира Южной оперативной группы, которая попала в

окружение. Приказ командования группа Кившика выполнила. Штаб был обеспечен радиосвязью, были сообщены возможные маршруты выхода из окружения^[421].

«Клен» - разведывательная группа (впоследствии оперативный центр «Онегин») разведотдела штаба 1-го Украинского фронта

Командир - Шорохов Н.П.

В тыл врага выведена летом 1944 года^[422].

«Клен» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта

Командир группы - старшина Цепков Константин Александрович.

Численность - 11 человек.

Высадилась 5 августа 1944 года в 24 км юго-западнее г. Тапиау^[423].

«Клык» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы - капитан Петров Николай Иванович.

Численность - 7 человек.

Высадилась 13 января 1945 года в районе г. Остероде^[424].

«Кросс» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы - майор Медников Михаил Иванович.

Численность - 9 человек.

Высадилась 27 сентября 1944 года в районе Аленштайн^[425].

«Лось» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы - ст. лейтенант Угаров Иван Трофимович.

Численность – 11 человек.

Высадилась 23 июля 1944 года в районе озера Бущница в 11 км северо-восточнее г. Августов^[426].

«Львов» – разведывательно-диверсионная группа

Выведена в тыл противника в апреле 1944 года на территории Польши^[427].

«Леонид» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 1-го Украинского фронта

Командир – Лесниковский С.Ф.

В тыл врага выведена летом 1944 года^[428].

«Максим» – разведывательно-диверсионная группа разведотдела 3-го Белорусского фронта

Командир – майор Максимов Владимир Иванович.

Численность – 20 человек.

Высадилась 17 августа 1944 года в районе г. Меляукен (Восточная Пруссия).

Район дислокации – Восточная Пруссия^[429].

С задания вернулось только пять человек^[430].

Медведева разведывательно-диверсионный отряд разведотдела штаба Ленинградского фронта

Командир – Медведев Сергей Андреевич, доцент.

Численность подразделения – 29 человек. Был укомплектован студентами Ленинградского горного института. Все бойцы имели практический опыт буровзрывных работ во время учебной практики. В отличие от большинства аналогичных подразделений, которые выводились в тыл противника в первые месяцы войны, на специальную подготовку бойцов данного отряда было потрачено около месяца.

Через линию фронта был переброшен в ночь с 13 на 14 сентября 1941 года.

В сентябре – октябре 1941 года действовал в Лужском и Тосненском районах Ленинградской области.

В октябре 1941 года в результате засады уничтожили штабную автоколонну и убили полковника Вермахта. У него изъяли документы, содержащие данные о «положении немецко-фашистских войск (18-й армии Вермахта. – *Прим. авт.*), их состав и группировке на огромном фронте от Москвы до Ленинграда. Не меньшую ценность представляли таблицы позывных объединений, соединений и другие документы».

Отряд был выведен в советский тыл в декабре 1941 года [\[431\]](#).

«Мичиган» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 1-го Прибалтийского фронта

В тыл противника на территорию Восточной Пруссии выведена в сентябре 1944 года [\[432\]](#).

«Мороз» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта.

Командир группы - ст. лейтенант Павлов Иосиф Артемьевич [\[433\]](#).

Высадилась в ночь на 25 июля 1944 года в 02.30 у поселка Розенвальде в составе 14 человек. Основная задача - установить связь с находящейся на оккупированной территории резидентурой - была выполнена.

«Мороз» - разведывательно-диверсионная группа

Командир: Тарасов А.Ф. [\[434\]](#).

«Морская» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 2-го Прибалтийского фронта

Командир - Розенблюм Ш.П. [\[435\]](#).

«Неман» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы – мл. политрук Никифоров Павел Петрович.

Численность – 10 человек.

Высадилась 23 июля 1944 года в районе н.п. Бменнвальд в составе 10 человек^[436].

«Овин» – разведывательная группа разведотдела штаба 4-го Белорусского фронта

Командир – Братчиков Геннадий Иванович («Овод»), майор.

Действовала в тылу 2-й немецкой армии^[437].

«Ом» – разведывательная группа разведотдела штаба 1-го Украинского фронта

Командир – Скрипка И.И.

В тыл противника выведена летом 1944 года^[438].

«Омега» – оперативный центр

С января 1943 года в отряде Н.П. Федорова начал работать оперативный центр военной разведки «Омега». Он контролировал районы Припяти, Киева, Пирятина, Бахмача и своевременно посылал в Москву информацию о группировках немецких войск в этих районах.

Именно его разведчики, которые действовали в районе Минска на базе спецотряда военной разведки «Дима» под командованием Д.И. Кеймаха, участвовали в ликвидации в 1943 году в Минске генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе. Непосредственные исполнители акции – Е.Г. Мазаник, работавшая прислужкой в доме Кубе, и М.Б. Осипова, передавшая ей мину. Мину заложили под матрац кровати гауляйтера, и в 2 часа 20 минут 22 сентября 1943 года Кубе был убит. За этот подвиг Мазаник и Осиповой было присвоено звание Героя Советского Союза, а Федоров награжден орденом Ленина.

После проведения этой операции Федоров был направлен в Ровно с заданием уничтожить рейхскомиссара Украины Коха. Однако операция не состоялась. Затем Федоров возглавлял отряд особого

назначения в районе Ковеля, где во взаимодействии с другими партизанскими отрядами установил контроль за железнодорожными магистралями. (В 1943 году партизанские отряды контролировали такие железнодорожные узлы на Украине и в Белоруссии, как Луинец, Здолбунов, Коростень, Ковель, Брест, Сарны.) Его люди не только посылали в Центр важную информацию, но и совершали в тылу противника многочисленные диверсии.

В 1944 году отряд Федорова переправился через Западный Буг и вышел в район Люблина, где, установив связь с польскими партизанами, начал проводить диверсии на железных и шоссейных дорогах. 17 апреля 1944 года Н.П. Федоров погиб в бою. 21 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Орион» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 1-го Прибалтийского фронта

Командир - капитан Денисов Владимир.

Численность - 10 человек.

Высадилась 27 августа 1944 года у поселка Меляукен

В сентябре 1944 года действовала в Восточной Пруссии^[439].

В живых осталось только трое^[440].

Особый отряд разведотдела штаба Ленинградского фронта

Командир - Усманов А.М.

В тыл противника направлен 9 сентября 1941 года. За линией фронта находился в течение 30 суток^[441].

Отдельные горнострелковые отряды (ОГСО) штаба Закавказского фронта

Начали формироваться в августе 1942 г. по приказу командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева.

Формирование отрядов возлагалось на командующего 46-й армией генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе. С 15 августа 1942 года соединения и части армии вели оборонительные бои за удержание перевалов в центральной части Главного Кавказского хребта.

Личный состав ОГСО набирался из добровольцев запасных частей и внутренних войск НКВД. При каждом отряде находились опытные альпинисты-инструкторы. Специально вооруженные и экипированные отряды в составе роты-батальона (50-150 человек) предназначались для ведения боевых действий в отрыве от главных сил на самых трудных направлениях в горах.

К концу 1942 года в 46-й армии было сформировано 12 ОГСО. В этот же период в соответствии с приказом НКО СССР большое количество альпинистов было отозвано из частей, где они служили, и направлено в распоряжение Закавказского фронта. Работу по направлению альпинистов на Кавказ проводили также Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта и Московский пункт войск НКВД (1-й полк НКВД). Всего на Кавказе было сосредоточено более 200 альпинистов высокой спортивной квалификации. Альпинисты использовались командованием для организации и проведения горной подготовки в горнострелковых частях, работали инструкторами в школе военного альпинизма и горнолыжного дела, созданной на Закавказском фронте. Они участвовали в разработке специальных наставлений о войне в горах, составлении справочников и памяток о естественных опасностях гор. Им поручались организация и контроль службы безопасности от лавин и камнепадов в районе расположения войск. Альпинисты использовались командованием как консультанты по местности при планировании боевых операций в горах. Они принимали личное участие в этих операциях (в составе ОГСО или в

отдельных альпинистских группах), вели наземную и воздушную разведку в горах, участвовали в эвакуации населения Нальчика и горных селений, в переводе войск через перевалы Донгуз-Орун и Бечо зимой 1942/43 года.

С декабря 1942 года ОГСО принимали участие в специальных операциях на клухорском (перевал Клухор), эльбрусском (южные склоны горы Эльбрус, перевалы Хотю-Тау, Чипер-Азау), марухском (перевал Марухский), санчарском (группа Санчарских перевалов), umpырском (перевалы Умпырский, Аишха, Псеашха) и белореченском (перевал Белореченский) направлениях в центральной части Главного Кавказского хребта.

В период 5-12 января 1943 года, опасаясь окружения в связи с успешным наступлением войск Закавказского фронта, противник начал оставлять перевалы Главного Кавказского хребта и с боями отводить свои части в хадыжеско-апшеронском направлении.

В конце января - начале февраля 1943 года большинство ОГСО были преобразованы в отдельные батальоны автоматчиков, вошедшие в состав войск Закавказского фронта.

Отряд особого назначения № 1 разведотдела штаба Западного фронта

Командир - Радцев Никита Васильевич, старший политрук.

Структура отряда:

штаб (8 человек):

начальник штаба;

военфельдшер;

санинструктор;

два радиста;

связной.

Пять взводов (в т.ч. разведки и саперный).

Численность отряда - 115 человек.

Сформирован на базе 273-го батальона
аэродромного обслуживания 20-го района

авиабазирования.

Впервые за линию фронта выведен 10 сентября 1941 года севернее города Андреаполя у деревни Москва Калининской области.

В течение октября и до 10 ноября 1941 года отряд выполнял задания в районах Тороповец – Андреаполь – Холм – Великие Луки (стык Новгородской и Калининской областей).

10 ноября 1941 года выведен в советский тыл. Потери отряда: 12 убитых и 13 раненых.

Второй раз за линией фронта был в ноябре – декабре 1941 года (район Истра – Новопетровское Московской области)^[442].

Отряд особого назначения № 2 разведотдела штаба Западного фронта

Командир – Шевченко Александр Иосифович, капитан.

Структура отряда:
штаб (8 человек):
начальник штаба;
военфельдшер;
санинструктор;
четыре радиста;
связной.

Три взвода. В каждом взводе три отделения по 9 человек.

Численность отряда – 93 человека.

Укомплектован военнослужащими 57-й танковой дивизии.

За линию фронта выведен 16 сентября 1941 года в районе города Белый Калининской области.

Место дислокации отряда: северо-запад Смоленской области.

В советский тыл отряд вернулся 19 ноября 1941 года.

С 12 по 18 декабря 1941 года отряд второй раз находился за линией фронта, теперь в районе Новопетровска (Московская область)^[443].

Отряд особого назначения № 3 разведотдела штаба Западного фронта

Командир – Алексеев Андрей Алексеевич, капитан.

Структура отряда:

штаб (8 человек):

начальник штаба;

военфельдшер;

санинструктор;

четыре радиста;

связной.

Три взвода. В каждом взводе три отделения по 9 человек.

Общая численность отряда – 94 военнослужащих (7 офицеров и 87 рядовых).

Отряд был сформирован в районе Уваровки из личного состава 17-й танковой дивизии.

В тыл противника выведен 4 октября 1941 года в районе города Белого. В советский тыл вернулся 20 декабря 1941 года^[444].

Отряд особого назначения № 4 разведотдела штаба Западного фронта

Командир – Худяков Павел Николаевич, капитан.

Общая численность отряда – около 100 человек.

Сформирован в августе 1941 года в Юхнове из наземного личного состава бомбардировочного полка, понесшего значительные потери, и некоторых других частей.

Задача отряда: «Перейти линию фронта и совершить марш в район Великих Лук, Холма, Торопца, где приступить к выполнению боевых задач во взаимодействии с местными партизанами».

В советский тыл отряд вернулся во второй половине ноября 1942 года^[445].

**«Сергей» - разведывательная группа
разведотдела штаба 1-го Украинского фронта**

Командир – Петров И.П.

В тыл врага выведена летом 1944 года [\[446\]](#).

**Светова разведывательная группа разведотдела
штаба Ленинградского фронта**

Командир – Светов.

В тыл противника выведена в сентябре 1941 года [\[447\]](#).

**Скородумова разведывательная группа
разведотдела штаба Ленинградского фронта**

Командир – Скородумов.

В тыл противника выведена в сентябре 1941 года [\[448\]](#).

**«Спартак» - разведывательно-диверсионная
группа разведотдела штаба Карельского фронта**

Командир – Назаров В.В. [\[449\]](#).

**«Сокол» - разведывательно-диверсионная
группа разведотдела штаба 3-го Белорусского
фронта**

Командир группы – Прохоров Сергей Яковлевич.

Численность – 8 человек.

Высадилась 13 октября 1944 года в районе г. Инстербурга [\[450\]](#).

**Специальный батальон минеров 56-й армии
Южного фронта**

Сформирован в январе 1942 года для разведывательно-диверсионных действий в тылу противника в полосе обороны 56-й армии.

Инициатор создания спецбатальона – начальник оперативно-инженерной группы (ОИГ) Южного фронта полковник И.Г. Старинов.

Командир спецбатальона – ст. лейтенант Н.И. Мокляков.

Подразделение сформировано из добровольцев ОИГ и 26-й бригады 8-й саперной армии. Общая численность батальона 500 чел., из них 26 чел. – испанские интернационалисты, участники Гражданской войны в Испании (по настоянию Старинова испанцы выдавали себя за узбеков). Подразделения батальона дислоцировались в г. Ейске, населенных пунктах Шабельское и Порт-Катон.

В феврале – марте 1942 года бойцы спецбатальона (в отдельных операциях участие принимали боевые группы моряков Азовской военной флотилии) совершили 110 вылазок в тыл противника (северный берег Таганрогского залива); установили на коммуникациях врага 744 мины; уничтожили свыше 100 солдат и офицеров; вывели из строя 56 автомашин и 2 танка; подорвали 74 телеграфных столба, 2 моста, 2 баржи и 4 прожекторных установки.

В результате действий спецбатальона была выведена из строя важная коммуникация Мариуполь – Ростов-на-Дону. Противник был вынужден для обороны своих тыловых районов развернуть на северном побережье Таганрогского залива две пехотные дивизии.

Во второй половине марта 1942 года спецбатальон расформировали.

Татаринова И.В. разведывательно-диверсионный отряд разведотдела штаба Северного фронта

В тыл противника выведен в июле 1941 года [\[451\]](#).

«Сталь» - разведывательно-диверсионная группа разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

Командир группы – старшина Игнатов Семен Константинович.

Численность – 4 человека.

Высадилась 15 декабря 1944 года в районе Мариенвердера [\[452\]](#).

**«Тигр» - разведывательно-диверсионная группа
разведотдела 3-го Белорусского фронта**

Командир группы - капитан Радюк Александр Иванович.

Численность - 9 человек.

Высадилась 29 августа в районе города Лабиау в составе 9 человек [\[453\]](#).

**Третьякова Н.А. разведывательно-диверсионная
группа разведотделов штабов Северного и
Ленинградского фронтов**

Командир - Третьяков Николай Александрович, сержант.

В тыл противника выведена первый раз в начале августа 1941 года. Была десантирована с парашютами с крыла самолета «Р-5» севернее и восточнее озера Сяберское [\[454\]](#).

В конце сентября 1941 года была десантирована в тылу противника в районе Вырицы (Ленинградская область) [\[455\]](#).

**«Урал» - разведывательно-диверсионная группа
разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта**

Командир группы - Докшин Владимир Николаевич.

Численность - 10 человек.

Высадилась 13 сентября 1944 года в районе г. Тапиау [\[456\]](#).

**«Харон» - разведывательно-диверсионная
группа разведотдела 1-го Прибалтийского фронта**

Командир группы - старшина Ширяев Матвей Тихонович.

Численность - 11 человек.

Высадилась 16 сентября 1944 года северо-восточнее Инстербурга [\[457\]](#).

**«Чайка» - разведывательно-диверсионная
группа разведотдела штаба Западного фронта**

В тыл противника выведена в августе 1942 года. Действовала на оккупированной территории Белоруссии до 1944 года [\[458\]](#).

«Юрий» - рейдовый отряд разведотдела штаба Северного фронта

Командир – Знаменский В.С., капитан.

В тыл противника выведен 22 июля 1941 года [\[459\]](#).

Из сообщения Совинформбюро от 12 августа 1941 года: «Партизанский отряд под командованием тов. Знаменского совершил смелый налет на штаб фашистской части. Бойцы отряда уничтожили вражеский танк, 5 солдат и 4 офицеров и захватили 2 штабные автомашины. В селе М. партизаны перебили 20 немецких солдат и захватили две грузовые машины и два станковых пулемета».

В советский тыл выведен в августе 1941 года [\[460\]](#).

Биографии командиров разведывательно-диверсионных групп, военных разведчиков - Героев Советского Союза, а также отдельных разведчиков

АГАФОНОВ Семен Михайлович

Старшина 1-й статьи, командир отделения 181-го особого разведывательного отряда Северного флота, Герой Советского Союза.

Родился 13 сентября 1917 года в деревне Пушлахта (ныне Приморского района Архангельской области) в семье рабочего.

В 1929 году начал трудовую деятельность в колхозе «Беломорск».

С 1938 года проходил службу в ВМФ.

С июня по ноябрь 1941 года был краснофлотцем подводной лодки «Щ-401».

В ноябре 1941 года был зачислен в состав 181-го особого разведывательного отряда Северного флота. Особо отличился в ходе Петсамо-Киркенесской операции. В ночь на 12 октября 1944 года в боях при освобождении населенного пункта Петсамо (ныне поселок городского типа Печенга Мурманской области) командир отделения 181-го особого разведотряда Северного флота старшина 1-й статьи Агафонов С.М.

вместе с отрядом участвовал в стремительной атаке батареи врага на мысе Крестовом. Одним из первых в подразделении он ворвался на батарею, захватил орудие и открыл из него огонь по противнику. После яростного боя были захвачены еще две четырехорудийные батареи, склады с боеприпасами, продовольствием, много другого вооружения и имущества, взяты в плен 63 солдата и офицера противника. В тяжелых условиях отряд овладел вражеской позицией, что способствовало прорыву катеров с десантом в залив Петсамовуоно (Печенгский залив) и захвату населенного пункта Лиинахамари.

В период советско-японской войны в августе 1945 года он воевал в 140-м отдельном разведотряде особого назначения Тихоокеанского флота, высаживался с десантами в порты Юки (Унги), Расин (Наджин), Сейсин (Чхонджин).

5 ноября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1948 году демобилизовался.

В 1951 году назначен на сверхсрочную службу в ВМФ.

В 1953 году вторично демобилизовался.

Умер 1 января 1977 года в Евпатории [\[461\]](#).

АЛЕКСЕЕВ Андрей Алексеевич

*Капитан, командир отряда специального назначения
№ 3 разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился в 1907 году в деревне Новоселки Старицкого района Калининской области.

В 1934 году закончил бронетанковое училище.

В июне 1941 года зачислен в в/ч 9903.

Отряд находился в тылу противника (Слободской и Демидовский районы Смоленской области, Нелидовский район Калининской области) с 4 октября по 20 декабря 1941 года.

С 17 февраля по 6 августа 1942 года во главе отряда воевал в тылу врага в районе Рославля Смоленской области.

28 августа 1942 года откомандирован в Управление кадров Западного фронта.

9 января 1944 года погиб (умер от ран), будучи командиром 69-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса [\[462\]](#).

АНАНЬЕВ Иван Федорович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Прибыл в в/ч 9903 в октябре 1941 года.

20 октября 1941 года в качестве командира группы (9 человек) вышел на задание.

25 октября 1941 года пропал без вести (пошел в одиночку в разведку) в районе Можайска Московской области [\[463\]](#).

АРЦИШЕВСКИЙ Миколай

Командир разведывательно- диверсионной группы «Михал».

Родился в 1908 году в Вильно в дворянской семье, происходившей по прямой линии от Кшиштофа Арцишевского, знаменитого путешественника. Мать его была дочерью наместника в Финляндии, отец – из познанских помещиков.

После гимназии Миколай два года учился на юридическом факультете Познанского университета, затем занимался журналистикой, сотрудничал в газетах Познани, Быдгоща, Гдыни. До войны он был редактором независимой газеты «Торпеда» в Гдыни; вместе с Артуром Свинарским редактировал «Курьер Балтыцки». Был офицером запаса батальона морских стрелков в Тчеве.

В начале Второй мировой войны был призван в армию.

После поражения Польши сумел с несколькими офицерами добраться до Литвы, где был интернирован.

17 августа 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы был заброшен на территорию Польши.

БАБИКОВ Макар Андреевич

Главный старшина, командир взвода 140-го отдельного разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота, Герой Советского Союза.

Родился 31 июля 1921 года в селе Усть-Цильма (ныне Усть-Цилемского района Республики Коми) в крестьянской семье.

Окончил неполную среднюю школу. Работал учителем, затем на комсомольской работе.

С 1940 года – в Военно-морском флоте. Учился в Объединенном учебном отряде Северного флота. Служил в зенитном дивизионе береговой обороны.

С июня 1941 года – участник Великой Отечественной войны.

В июне 1942 года был зачислен в 181-й разведотряд Северного флота рядовым разведчиком, затем стал командиром отделения и командиром взвода.

18 сентября 1942 года участвовал в операции на мысе Могильный.

В конце 1942 года в составе группы участвовал в разведке вражеского аэродрома.

В 1943–1944 годах участвовал в нескольких десантных операциях на финское и норвежское побережья.

В июне 1945 года переведен на Тихоокеанский флот в 140-й разведотряд.

В августе – сентябре 1945 года, в период советско-японской войны, командир взвода 140-го отдельного разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота главстаршина Бабилов М.А.

высаживался с десантами в порты Юки (Унги), Расин (Наджин), Сейсин (Чхонджин).

13 августа 1945 года со своими бойцами первым высадился в порту Сейсин (Чхонджин). Прорвавшись в тыл противника, десантники захватили мост, отрезав врагу пути отхода. Главстаршина Бабилов М.А. был ранен, но не оставил поля боя. Боевая задача была выполнена.

14 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1946 года – в запасе.

В 1951 году окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Был на советской, комсомольской и партийной работе. Был заместителем председателя Совета Министров Коми АССР. Затем служил в органах госбезопасности. Полковник в отставке. Живет в Москве [\[464\]](#).

БАБИЧЕВ Степан Михайлович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Группа действовала в тылу противника в период с сентября 1941 года по январь 1942 года [\[465\]](#).

БАЖУКОВ Иван Иванович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился в Троицко-Печерске (Коми АССР).

Участник советско-финской войны.

В июле 1941 года – командир бронемашины
батальона связи 17-й танковой дивизии.

В декабре 1942 года его группа дислоцировалась в
районе Пропойска (Могилевская область Белоруссии).

Погиб в 1944 году на территории оккупированной
противником Латвии [\[466\]](#).

БАНОВ Иван Николаевич

Генерал-майор, Герой Советского Союза.

Родился 29 августа 1916 года в станице Тацинская (ныне поселок городского типа, Ростовская область).

Окончил н/среднюю школу и два курса сельхозтехникума. Был секретарем комсомольской организации колхоза.

С 1935 года – в Красной Армии.

В 1938 году окончил Орджоникидзевское пехотное училище. Служил командиром взвода, затем помощником начальника штаба стрелкового полка.

В 1939 году участвовал в освободительном походе советских войск в Западную Белоруссию.

С началом Великой Отечественной войны – в действующей армии на Брянском фронте.

С августа 1942 года выполнял задания командования в тылу врага. Организовал несколько партизанских отрядов, объединенных затем в крупное партизанское соединение. Действуя под руководством И.Н. Банова на территории Белоруссии и Польши, партизаны

соединения в 1942–1944 годах разгромили ряд вражеских гарнизонов, подорвали сотни эшелонов, взорвали около 20 железнодорожных мостов, вели активную разведывательную деятельность, добывая ценные сведения о противнике.

4 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1949 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе.

С 1949 по 1977 год служил в ГРУ.

В 1969 году было присвоено воинское звание генерал-майора.

Умер в Москве 9 февраля 1982 года^[467].

БАРСУКОВСКИЙ Леонид Александрович («Варес»)

Командир разведывательно- диверсионной группы.

18 апреля 1943 года выброшен с парашютом на территории Минской области во главе группы из трех человек.

В декабре 1942 года из-за угрозы провала ушел в лес. Сначала на базу отряда «Дима» (разведывательно-диверсионная группа Разведупра), а потом на базу партизанской бригады «Штурмовой».

1 января 1943 года погиб^[468].

БАРЧЕНКО-ЕМЕЛЬЯНОВ Иван Павлович

*Капитан, командир разведывательного отряда
Северного оборонительного района Северного флота,
Герой Советского Союза.*

Родился 4 января 1915 года в деревне Выбут (ныне Окуловского района Новгородской области) в крестьянской семье.

С 1930 по 1933 год учился в Парфинском и Ораниенбаумском лесных техникумах.

После окончания учебы работал на лесозаготовках Торбинского леспромхоза в Окуловском районе Новгородской области.

В 1941 году призван в ВМФ. Окончил курсы младших лейтенантов.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 года. Особо отличился в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции советских войск.

В течение зимы 1943/44 года шесть раз высаживался в тыл противника со своим отрядом и доставлял ценные сведения.

Командир разведывательного отряда (Северный оборонительный район, Северный флот) капитан Барченко-Емельянов И.П. в ночь на 10 октября 1944 года высадился на берег губы Малая Волоковая Мурманской области, занятый врагом. 12 октября 1944 года руководимый им отряд захватил батарею и опорный пункт противника на мысе Крестовый, чем способствовал прорыву наших кораблей с десантом в порт Лиинахамари и его захвату.

5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны продолжал службу в ВМФ СССР.

С 1961 года полковник Барченко-Емельянов И.П. – в запасе, а затем в отставке.

Умер 16 января 1984 года в Ленинграде [\[469\]](#).

БОГАТЫРЕВ Николай Николаевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В декабре 1942 года находился в Минской области [\[470\]](#).

БОРИСОВ Николай Григорьевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотделов штабов Западного и 2-го Белорусского фронтов.

Родился 12 марта 1909 года в деревне Старое Егорьевского района Московской области.

В 1932 году окончил Егорьевский мелиоративный техникум, после чего работал мелиоратором в различных организациях.

В июле 1941 года был зачислен в разведывательно-диверсионную школу Генштаба, после окончания которой в качестве командира группы (отряда) засылался в тыл врага.

В августе 1941 года - под город Невель Псковской области.

В сентябре 1941 года - в Смоленскую и Калининскую области.

С октября 1941 года - военнослужащий в/ч № 9903.

С октября 1941 года по декабрь 1943 года был на пяти заданиях в Московской, Смоленской, Калужской и Брянской областях.

25 ноября 1941 года повел разведывательно-диверсионную группу (21 человек) в Солнечногорский район. Группа должна была действовать в районе Холмы, Кочугино, Никольское. В прифронтовой полосе 27 ноября была обнаружена и обстреляна противником. Погибло девять человек. Остальные вернулись в расположение своей части.

5 декабря 1941 года в качестве командира группы (28 человек) был выведен в Наро-Фоминский район Московской области.

В декабре 1942 года группа дислоцировалась в районе Новозыбково (Брянская область).

В мае 1944 года, после четырехмесячной переподготовки на курсах усовершенствования командного состава Красной Армии, продолжил службу в разведотделах штабов 2-го Белорусского фронта и 3-й армии. В ходе боевых действий выбрасывался с отрядом в тыл противника при проведении Белорусской операции.

20 октября 1945 года в звании капитана демобилизовался.

До 1969 года работал в народном хозяйстве^[471].

БОРИСОВ Николай Петрович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В тылу противника группа находилась с сентября 1941 года по январь 1942 года.

5 декабря 1941 года во главе группы (численность 17 человек) был направлен под Наро-Фоминск^[472].

БОРОВИКОВ Александр Афанасьевич

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился в 1917 году в городе Рыбинске Ярославской области.

Накануне войны работал на заводе № 26 города Рыбинска в качестве бойца военизированной охраны.

С 20 октября по 21 ноября 1941 года во главе группы из 10 человек находился за линией фронта. За месяц работы группы шесть человек, в том числе и командир группы, пропали без вести [\[473\]](#).

БУТАШИН Виктор Семенович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился 13 февраля 1920 года в городе Орехово-Зуево Московской области. Там же окончил десятилетку.

В 1938 году переехал в Москву и поступил в Институт цветных металлов и золота.

В 1940 году в связи с введением платы за обучение переведен на заочное отделение Московского

автодорожного института и одновременно работал в Научно-исследовательском институте.

С 1 ноября 1941 года – военнослужащий в/ч № 9903.

С 4 ноября 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы (15 человек) действовал в районе Наро-Фоминска.

15 ноября снова ушел на задание за линию фронта. Группа действовала в районе северо-западнее Серпухова. С задания вернулся в начале декабря 1941 года.

В декабре действовал в районе Каменского (15 километров юго-восточнее Наро-Фоминска).

В январе 1942 года вся группа включена в состав отряда капитана Худякова П.Н.

В апреле 1942 года отряд Худякова П.Н. был переброшен в Белоруссию.

С конца августа 1942 года по март 1944 года воевал в оперативном центре А.К. Спрогиса. Был вывезен в советский тыл в связи с тяжелой болезнью и демобилизован по инвалидности.

После войны – на комсомольской и партийной работе.

В августе 1988 года умер [\[474\]](#).

БУТКОВСКИЙ Эдуард Вячеславович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Группа находилась в тылу противника с сентября 1941 года по январь 1942 года^[475].

БУЦНЕВИ Иван

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Группа находилась в тылу противника с сентября 1941 года по январь 1942 года.

29 октября 1941 года выведен во главе группы в составе 16 человек в направлении Дорохова.

15 ноября 1941 года выведен в составе группы из 15 человек в район Ново-Петровска на Волоколамском направлении^[476].

ВАЦЛАВСКИЙ Борис Николаевич

Капитан, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

До войны работал в конструкторско-экспериментальном отделе завода им. Лихачева. Много

занимался военно-прикладными видами спорта, водил мотоцикл, прыгал с парашютом, летал на планере, был аттестован как летчик третьей категории.

Группа находилась в тылу противника с сентября 1941 года по январь 1942 года.

В феврале 1942 года вернулся с очередного задания из-за линии фронта.

В конце марта во главе группы из 16 человек был десантирован на территорию Белоруссии.

В ноябре 1942 года находился в районе Крупки (Минская область Белоруссии)^[477].

ВЕРШИГОРА Петр Петрович

Генерал-майор, Герой Советского Союза.

Родился 16 мая 1905 года в селе Севериновка Рыбницкого района Молдавии в семье сельских учителей. Украинец.

Родителей потерял рано: отец умер, когда сыну едва исполнилось три года, а вскоре умерла и мать.

С двенадцати лет был пастухом, затем работал на мельнице. После революции пятнадцатилетним подростком он ушел из родного села в местечко Рыбницу, где поступил в агрономическую школу. Однако голод 1921 года и тиф помешали окончить школу. Вершигора снова возвращается в родное село, где работает секретарем сельсовета, заведующим избой-читальней, режиссером драмкружка, а вскоре начинает выступать в составе сельского духового оркестра.

В 1926 году идет в армию, где изучает основы дирижерского искусства и становится старшиной музкоманды.

В 1927 году поступил на режиссерское отделение Одесской консерватории. Он работает в театрах Донецка, Ижевска, Горького, Ростова, Киева и Одессы как актер и режиссер.

В 1935 году возвращается в Одессу и занимается педагогической деятельностью на молдавском факультете Одесского театрального училища.

С 1936 года работает в области кинематографии. Окончив киноакадемию, он с 1938 года работает в Киевской киностудии. За два последних довоенных года создал несколько короткометражных научно-художественных и хроникальных фильмов. В эти же годы Вершигора начинает писать. Накануне войны он написал повесть «Чеколтан», несколько рассказов и пьесу «Дуб Котовского». Рукописи погибли во время войны.

13 июля 1941 года идет на фронт в качестве помощника командира взвода 264-й стрелковой дивизии.

2 августа 1941 года, когда погиб командир взвода, принял командование на себя. Затем возглавил остатки батальона. Тогда же ему было присвоено звание интенданта 2 ранга.

Оправившись после ранения, Петр Петрович продолжает боевую деятельность как начальник бригады фронтовых корреспондентов.

13 июня 1942 года в качестве командира разведгруппы разведотдела штаба Вершигора («майор Лезвие») как разведчик Брянского фронта вылетел в тыл врага. Он становится заместителем командира партизанских отрядов Орловской области по разведке. В задачу разведгруппы входило: информировать штаб Брянского фронта о передвижениях войск противника через Брянский железнодорожный узел, постараться вскрыть дислокацию немецких войск и установить их численность в районе действия группы.

В октябре 1942 года по решению штаба Брянского фронта группа П.П. Вершигоры вошла в состав соединения отрядов Сумской области. С этого времени Вершигора воюет вместе с ковпаковцами. В легендарном соединении С.А. Ковпака он служит сначала рядовым, потом – командиром роты. Вскоре Вершигору назначают помощником Ковпака по разведке, а после смерти С.В. Руднева и отъезда Ковпака на Большую землю в декабре 1943 года он становится командиром соединения, которое было переименовано в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака.

Под командованием П.П. Вершигоры дивизия осуществила два рейда – в Польшу и в районы Западной Белоруссии, провела ряд боевых операций на железных дорогах.

3 июля 1944 года 1-я Украинская партизанская дивизия имени С.А. Ковпака соединилась с частями Красной Армии в районе Барановичей и была расформирована. За успешное проведение рейдов П.П. Вершигоре было присвоено звание генерал-майора.

7 августа 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1947 по 1954 год преподавал в Академии Генерального штаба и одновременно занимался литературной работой.

Умер 23 марта 1963 года в Москве [\[478\]](#).

ВИННИЦКИЙ Аркадий Иосифович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Группа находилась в тылу противника с сентября 1941 года по январь 1942 года [\[479\]](#).

ВИШНЕВСКИЙ Сергей Каземирович («Смелый»)

Командир разведывательно- диверсионной группы.

31 марта 1942 года выброшен на парашюте во главе группы из двух человек в районе города Минска. Действовал в столице Белоруссии под псевдонимом «Владимиров».

В декабре 1942 года из-за угрозы провала ушел в лес. Сначала на базу отряда «Дима» (разведывательно-

диверсионная группа Разведупра), а потом на базу партизанской бригады «Штурмовой».

1 января 1943 года погиб [\[480\]](#).

ГАВРИК Михаил Михайлович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела Западного фронта.

В декабре 1942 года группа дислоцировалась в районе Полоцка (Белоруссия) [\[481\]](#).

ГЕРМАН Александр Викторович

Полковник, начальник штаба Второй особой партизанской бригады, командир 3-й Ленинградской партизанской бригады.

Родился в Петрограде в 1915 году в семье служащего.

После семилетки работал слесарем, учился в автостроительном техникуме.

С 1933 года в Красной Армии.

В 1937 году окончил Орловское бронетанковое училище. Служил в механизированной бригаде в Белоруссии.

В 1939–1941 годах – слушатель разведывательного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе.

С июля 1941 года – в Разведотделе штаба Северо-Западного фронта.

С августа 1941 года – заместитель командира по разведке (по другим данным – начальник штаба) 2-й Особой партизанской бригады.

В мае 1942 года – сентябре 1943 года – командир 3-й Ленинградской партизанской бригады (с сентября 1943 года – его имени). Под его командованием бригада уничтожила несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, пустила под откос свыше трехсот железнодорожных эшелонов, подорвала сотни автомашин, спасла от угона в рабство тридцать пять тысяч советских граждан.

6 сентября 1943 году погиб в бою, выходя из вражеского окружения у деревни Житницы Новоржевского района Псковской области.

В апреле 1944 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [\[482\]](#).

ГЕРЧИК Григорий Яковлевич

Младший лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился 7 июня 1918 года.

Закончил среднюю школу в городе Николаеве.

В Красной Армии с 1938 года.

Участник советско-финской войны.

Накануне войны служил в Бресте в инженерных войсках.

С июля 1941 года по 1944 год восемь раз выполнял специальные задания в тылу противника.

Первый раз группа под его командованием перешла линию фронта в ночь с 14 на 15 июля 1941 года.

Численность – 10 человек.

Задание группы: разведка воинских частей и соединений противника, захват пленных, проведение диверсий на железных и шоссейных дорогах.

Во время выполнения задания группа уничтожила 35 транспортных автомашин, взорван один склад, уничтожено до ста военнослужащих противника.

Остатки группы вышли в советский тыл в середине августа 1941 года.

12 октября 1941 года группа (12 человек) вновь ушла на задание. Главная задача – взрыв нефтебазы в Уваровке (25 километров западнее Можайска). Приказ был выполнен.

В декабре 1942 года группа действовала в районе Полоцка (Белоруссия).

После окончания войны жил и работал в Риге [\[483\]](#).

ГНЕДАШ Кузьма Савельевич

Майор, командир оперативного центра, Герой Советского Союза.

Родился 17 ноября 1914 года в селе Салогубовка Роменского района Сумской области Украины в крестьянской семье.

В 1933 году окончил Прилукскую автотракторную школу, потом работал трактористом и механиком в Талалаевской машинно-тракторной станции (МТС).

В 1936 году был призван в ряды Красной Армии.

В 1939 году окончил курсы младших политруков.

В 1939 году принимал участие в освобождении Западной Украины.

Участник советско-финской войны 1939-1940 годов.

В июне 1941 года – комиссар танкового батальона. Сражался на Юго-Западном, Центральном, Белорусском фронтах. Дважды был ранен. После госпиталя служил в офицерском резервном полку Юго-Западного фронта.

15 июня 1942 года был десантирован на оккупированную территорию во главе разведывательно-

диверсионного отряда. Отряд действовал до ноября 1943 года в Киевской, Черниговской областях и в Южной Белоруссии. Когда линия фронта приблизилась к Черниговщине, отряд был передан в распоряжение разведотдела штаба Центрального фронта.

В сентябре 1943 года группа соединилась с нашими войсками. За образцовое выполнение заданий командования фронта все разведчики были отмечены боевыми наградами.

19 декабря 1943 года во главе разведывательно-диверсионной группы был десантирован на территорию Белоруссии.

В июне 1944 года группа попала в окружение. Гнедаш был ранен в ногу. Вместе с радисткой Кларой Давидюк остался в землянке, надеясь таким образом пережить облаву. Их обнаружили. И тогда они подорвали себя гранатой [\[484\]](#).

ГОЛОВКО Виктор Михайлович

Майор, командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта.

Родился в Севастополе.

В 1938 году поступил в Московский институт инженеров связи.

В ноябре 1942 года после окончания учебы получил назначение в боевую часть.

18 января 1944 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы десантирован на

территорию Белоруссии. За линией фронта находился полтора месяца.

В августе 1944 года снова был направлен в тыл противника, но теперь в Западную Польшу в район города Пыздры (город в пятидесяти километрах западнее Познани).

В феврале 1945 года группа соединилась с частями Красной Армии [\[485\]](#).

ГОЛОСОВ Алексей Константинович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

23 октября 1941 года во главе группы из 11 человек был выведен под Верею [\[486\]](#).

ДАНИЛОВ Иван Сергеевич

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года
группа находилась в тылу противника^[487].

ДОБИН Яков Зиновьевич

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился в 1917 году в Москве.

С октября 1941 года – в в/ч № 9903.

Со 2 по 10 ноября 1941 года в качестве командира
группы (10 человек) находился между Звенигородом и
Рузой.

10 ноября 1941 года ушел в одиночку на разведку и
пропал без вести в районе деревни Горбово Рузского
района Московской области^[488].

ДУБИНА Панас Аверьянович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в городе Ярославле в 1917 году.

До войны работал слесарем Ярославского государственного механического завода.

В армии – телефонист танковой части.

С 20 сентября 1941 года в качестве командира группы (9 человек) действовал в Можайском районе Московской области.

28 октября 1941 года погиб в районе деревни Калачево Московской области [\[489\]](#).

ЕВДОКИМОВ Иван

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника [\[490\]](#).

ЕРЕМИН Иван Дмитриевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1916 году в городе Саратове.

В 1937 году призван в Красную Армию. С 23 августа по 1 ноября 1941 года находился за линией фронта.

19 декабря 1941 года пошел на свое третье задание в качестве командира группы (22 человека). При переходе линии фронта наткнулись на оборонительную полосу противника. В ходе боя погибли 15 человек, в том числе и командир группы [\[491\]](#).

ЗЕМЦОВ Николай Андреевич

Мичман, командир группы разведотряда разведотдела штаба Черноморского флота, Герой Советского Союза.

Родился 15 апреля 1917 года в селе Ерасовка ныне Большеуковского района Омской области в семье рабочего.

Окончил неполную среднюю школу, а затем с отличием – Дагестанский автодорожный техникум. Работал техником-строителем автодорог.

В Военно-морском флоте с 1938 года. Был направлен на военно-морскую базу в город Очаков (ныне Одесской области Украины), где и застала его война.

В сентябре 1941 года был направлен в Севастополь, где по решению Военного совета Черноморского флота формировался отдельный разведотряд разведотдела штаба флота. В него вошли добровольцы, побывавшие в боях, в том числе одним из первых и Николай Земцов. Он был избран секретарем партийной организации и назначен командиром оперативной разведывательной группы. В задачу группы входило проникновение в тыл противника для захвата «языков», выявление системы вражеской обороны, осуществление диверсионных акций.

В декабре 1941 года участвовал в подготовке и проведении Керченско-Феодосийской десантной операции. На сторожевых катерах разведгруппа вышла в море, скрытно высадилась на Широком молу Феодосийского порта (Крым), бесшумно сняла часовых и стремительно прорвалась в город. В этом бою Николай Земцов получил тяжелое ранение. Второе ранение, в ногу, он получил уже при выносе его из боя.

В апреле 1942 года после излечения в госпитале он вернулся в разведотряд разведотдела штаба Черноморского флота. Земцов продолжил возглавлять группу разведчиков, которая к тому времени уже действовала на перевалах Главного Кавказского хребта на Клухорском направлении.

В мае 1943 года группа разведчиков под командованием Николая Земцова была высажена в

районе Анапы Краснодарского края. Действуя совместно с другими разведывательными группами, задержала продвижение противника на двое суток, добыла важные сведения о противнике на Таманском полуострове.

22 января 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

До мая 1944 года командовал разведотрядом, который принимал участие в освобождении городов Очакова, Одессы, Севастополя.

В сентябре 1944 года Николая Земцова направляют сначала в Военный институт иностранных языков, а спустя полгода переводят во вновь созданную Ленинградскую высшую военно-морскую школу контрразведки.

В 1946 году в звании младшего лейтенанта направлен на шестимесячную стажировку в Крым, где располагалась 13-я бомбардировочная авиационная дивизия.

В 1947 году он становится оперуполномоченным управления Комитета государственной безопасности (КГБ) по Одесской области, где в течение пяти лет работает старшим оперуполномоченным, заместителем начальника отдела кадров – начальником особой инспекции.

В 1952 году старший лейтенант Земцов направляется на учебу в Высшую школу КГБ СССР, которую с отличием оканчивает в 1955 году и получает очередное звание – капитана. Затем работал в 5-м экономическом управлении КГБ СССР.

С 1959 года майор Н.А. Земцов – в запасе.

Жил в городе-герое Москве. Работал начальником 1-го отдела Госплана СССР, а затем начальником 1-го управления Госснаба СССР.

С 1981 года – на пенсии.

Умер 17 июля 2002 года^[492].

ИЛЬИН Всеволод Григорьевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился 25 мая 1912 года в Петриковском районе Днепропетровской области на Украине.

В 1933 году окончил рабфак с сельскохозяйственным уклоном.

В 1934 году поступил в Ленинградское военно-техническое училище, по окончании которого проходил службу в технических подразделениях авиационных частей.

В 1939 году участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию.

В октябре 1941 года был зачислен в в/ч 9903.

16 января 1942 года во главе сводного отряда (52 человека) перешел линию фронта в Калужской области.

С апреля 1942 года по сентябрь 1943 года – командир отряда на Брянщине.

В последующем до конца войны служил в подразделениях обеспечения ВВС действующей армии.

До 1959 года служил в Советской Армии [\[493\]](#).

КАЛИНИН Дмитрий Семенович

Капитан, командир разведотряда разведотдела штаба Черноморского флота, Герой Советского Союза.

Родился 15 сентября 1910 года в селе Новое ныне Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в семье крестьянина.

Рано остался сиротой, воспитывался у старшей сестры. Зимой ходил в начальную школу, а летом пас коров.

В 1924 году ушел в Нижний Новгород, на заводе «Красное Сормово» обучился слесарному делу. Затем работал на судоремонтном заводе «Память Парижской коммуны» Борского района Нижегородской области, был секретарем комсомольской организации.

В 1929–1930 годах по призыву партии работал в деревне – оказывал помощь молодым колхозам в организации ремонтно-механических мастерских.

В 1932 году был призван в Военно-морской флот. Служил краснофлотцем в учебном отряде

Черноморского флота, затем – учеником-машиниста на крейсере «Профинтерн».

В октябре 1934 года был направлен командованием в Ленинград на курсы подготовки командиров при Военно-морском инженерном училище имени Ф.Э. Дзержинского.

В 1936-1938 годах продолжает учебу в Ленинградском военно-политическом училище имени Энгельса. После окончания его политрук Калинин получил назначение инструктором по комсомолу политотдела 2-го Черноморского высшего военно-морского училища в Севастополе.

В апреле 1940 года в звании старший политрук направлен на Дунайскую военную флотилию.

Начало Великой Отечественной войны встретил в должности военкома участка службы наблюдения и связи (СНИС) на той же флотилии. Боевой путь Калинина начался под Измаилом, где он в составе десантной группы участвовал в оборонительной операции на Дунае.

В конце декабря 1941 года батальонный комиссар Калинин был назначен начальником политотдела Керченской военно-морской базы. В конце года участвовал в Керченско-Феодосийской десантной операции. Отряд Калинина, действуя в составе 51-й армии, первым вступил в Керчь. После освобождения города Калинин был назначен комиссаром Керченского гарнизона.

В мае 1942 года при тяжелом и трагическом отходе из Керчи оставался в крепости Акбурну до последнего часа, организуя сопротивление врагу в прибрежной полосе крепости.

С сентября 1942 года – военный комиссар 143-го батальона морской пехоты (Туапсинской военно-морской базы).

В конце 1942 года возглавил отряд разведывательного отдела штаба Черноморского флота. В период боев на Таманском полуострове в ночь на 1 мая 1943 года во главе группы 35 моряков-разведчиков капитан Калинин высадился на занятый противником берег в районе села Варваровка (Анапский район Краснодарского края) с целью демонстрации высадки крупного десанта и разведки вражеской обороны. Отряд почти полностью выполнил задание командования, но был обнаружен противником. Утром 1 мая 1943 года 22 разведчика во главе с Калининым вступили в неравный бой с с румынским полком, несшим оборону побережья в районе Анапа – Сукко. Он продолжался до полудня, в живых остался лишь тяжело раненный командир отряда Калинин. Когда закончились патроны, офицер подорвал себя противотанковой гранатой. В этом бою разведчики уничтожили свыше 160 военнослужащих противника.

Начальник разведотдела штаба Черноморского флота полковник Д. Намгаладзе в наградном листе на капитана Калинина 23 декабря 1943 года после изложения его подвига записал: «...Командир румынского отряда, несшего оборону побережья в районе Анапа – Сукко, преклоняясь перед мужеством, отвагой, геройством и офицерской честью Д. Калинина, приказал похоронить героя-черноморца со всеми воинскими почестями. На его могиле был поставлен крест с надписью по-румынски: «Храбрый русский морской офицер Дмитрий Калинин. 1 мая 1943 года».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 года за проведение многочисленных разведывательных операций и проявленные при этом мужество, отвагу, геройство и самопожертвование во имя Родины в борьбе с немецкими оккупантами капитану Калинину Дмитрию Семеновичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [\[494\]](#).

КЕЙМАХ Давид Ильич

Командир Особой партизанской бригады

Родился в 1906 году в Одессе. В 1933 году окончил Московский электромеханический институт, работал старшим инженером научно-исследовательской лаборатории Главного артиллерийского управления Красной Армии.

Когда началась Великая Отечественная война, то был мобилизован в Красную Армию.

В сентябре 1941 года в качестве политрука разведывательно-диверсионной группы (52 человека) военной разведки (командир – Григорий Матвеевич Линьков) был десантирован на территорию оккупированной Белоруссии в районе Орши. Высадка группы прошла неудачно. При приземлении десантников раскидало по большой территории, несколько человек погибло. Не удалось установить радиосвязь с Центром. Отряд Григория Линькова ушел к озеру Палик в Березинские леса, где обосновался. Вскоре к ней присоединился партизанский отряд будущего Героя Советского Союза батальонного комиссара Антона Петровича Бринского. Его часть в начале войны попала в окружение и перешла к партизанским методам борьбы с противником. Также к группе Григория Линькова присоединились местные партизанские отряды. Подразделение было переформировано в 1-й Белорусский партизанский отряд особого назначения.

В начале ноября 1941 года противник предпринял попытку окружить и уничтожить партизанское соединение, которое дислоцировалось в Березинских болотах. Григорий Линьков принял решение разделить свое соединение на отдельные небольшие группы и идти на прорыв блокады. Первыми ушли отряды Давида Кеймаха и Героя Советского Союза Василия Щербины. С этого момента командование партизанского соединения утратило с ними связь. В середине февраля 1942 года этим двум отрядам удалось выйти в расположение частей Красной Армии, хотя на Большой земле они находились недолго.

В марте 1942 года Давид Кеймах в составе разведгруппы под командованием Героя Советского Союза майора Василия Васильевича Щербины вновь был заброшен в тыл противника в расположение партизанской бригады Григория Линькова.

Группа действовала на территории оккупированной немцами Белоруссии в районе городов Лида – Молодечно – Минск – Лепель – Полоцк.

24 сентября 1942 года майор Василий Щербина проводил занятие с разведчиками, которых обучал использованию новых магнитных мин для совершения диверсий. Неожиданно мина, с которой работал Василий Васильевич, взорвалась в его руках... Командиром отряда был назначен Давид Кеймах. В Центре он имел псевдоним «Дима»^[495].

19 августа 1943 года Давид Кеймах радиogramмой в Центр сообщал: «...За мое годичное пребывание в тылу противника назрел ряд вопросов, требующих моего личного доклада командованию. Сейчас представляется случай вылета к Вам на самолете, отправляющемся в Москву. Разрешение на вылет сообщите».

Центр 21 августа 1943 года сообщил Кеймаху: «Вылет разрешаю. Оставьте за себя «Колокола» (начальник разведки Николай Федоров. – *Прим. авт.*).

Захватите с собой документы, письма и списки личного состава. Валерий».

В августе 1943 года Кеймах в Москву не вылетел^[496]. И только в ночь с 13 на 14 сентября 1943 года на Большую землю он вылетел вместе с командирами других разведывательно-диверсионных групп – И. Рыбаковым, А. Захаровым и В. Воронянским.

По существовавшему в годы войны правилу Колокол сообщил в Центр и о вылете в Москву Кеймаха, Рыбакова, Захарова и Воронянского.

В той же радиограмме Колокол просил Центр сообщить о прибытии борта в Москву. Но ни 14, ни 15 сентября сообщения о прибытии в Москву командиров разведывательно-диверсионных групп Колокол не получил.

Только 29 сентября майор Федоров получил из Центра радиограмму, в которой сообщалось: «Колоколу. Самолет, на котором летел Дима, не вернулся. Есть данные, что Дима, видимо, погиб. Продолжаем проверять. Если вам станет известно что-либо другое, немедленно сообщите. Центр».

Других сведений не было. Самолет, на котором в Москву летели командиры разведывательно-диверсионных групп, видимо, был сбит немецкими средствами противовоздушной обороны. Трагедия произошла в ночном небе где-то в районе города Великие Луки...^[497]

КЕНЕН Генрих

Советский военный разведчик.

Родился 12 мая 1910 года в Кенигсберге в семье корреспондента окружной социал-демократической газеты.

Изучал машиностроение в высшей технической школе Берлина. Активно участвовал в работе германской комсомольской организации и Компартии.

В 1933 году эмигрировал в СССР. Работал инженером.

23 октября 1942 года был сброшен с парашютом близ Остероде (Восточная Пруссия). Главная задача – восстановить связь с агентурой военной разведки в Германии.

29 октября 1942 года арестован.

В феврале 1945 года расстрелян в концлагере.

КИДЯЕВ Степан Андреевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В декабре 1942 группа дислоцировалась в районе Дятьково (Брянская область)^[498].

КЛЕЙМАНОВ Михаил Александрович

Старший лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела Западного фронта

До войны – слушатель Военной академии им. М.В. Фрунзе.

С июля 1941 года по август 1942 года – «направленец» (сопровождал группу до линии фронта) в/ч 9903.

В начале сентября 1942 года во главе разведывательно-диверсионной группы был заброшен под Ельню. Группа была окружена и погибла в неравном бою [\[499\]](#).

КОВАЛЕВ Михаил Ильич

Старший лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Калининского фронта.

Окончил исторический факультет Московского педагогического института имени Карла Либкнехта.

Участвовал в советско-финской войне – боец лыжного батальона.

В июне 1941 года был зачислен в воздушно-десантные войска, но через несколько дней его перевели в разведку.

До марта 1943 года четыре раза выполнял спецзадания в тылу врага.

10 апреля 1943 года в качестве командира группы (численностью 8 человек) был десантирован в районе озера Нарочь, севернее белорусского города Вилейки.

В расположение Красной Армии вышел в июле 1944 года.

В 1947 году демобилизовался из Советской Армии.

Работал первым секретарем одного из райкомов комсомола Москвы, позднее – заместителем заведующего отделом ЦК ВЛКСМ. Несколько лет находился на дипломатической службе.

С 1958 года – на ответственной должности в аппарате ЦК КПСС^[500].

КОЗУБОВСКИЙ Николай Акимович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта.

Родился в 1916 году в Бухличах (Западная Белоруссия). После того как территория вошла в состав СССР, был секретарем сельсовета в Бухличах, затем работал в паспортном столе в милиции.

В начале 1941 года окончил в Пинске курсы шоферов, а потом работал на стройке в районе Бреста. Осенью 1941 года ушел в партизаны.

В июле 1944 года в составе партизанской бригады вышел в расположение Красной Армии.

16 августа 1944 года десантирован в качестве командира разведывательно-диверсионной группы в окрестностях станции Вронки (рядом с Познанью).

В феврале 1945 года вышел в расположение Красной Армии.

Служил в 1-й армии Войска Польского.

В октябре 1946 года демобилизовался. Работал в Познанском воеводстве инструктором пропаганды повятовского комитета партии.

В 1967 году умер^[501].

КОЛЕСОВА Елена Федоровна

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта, Герой Советского Союза.

Родилась 8 июня 1920 года в деревне Колесово Ярославского района Ярославской области в семье крестьянина.

С 1924 года после смерти отца воспитывалась в семье сестры матери в Москве.

В 1939 году окончила 2-е Московское педагогическое училище и была направлена на работу педагогом в школу № 47.

Вскоре она стала старшей пионервожатой, членом Фрунзенского райкома ВЛКСМ.

С начала войны работала в переселенческом управлении СНК.

В октябре 1941 года – на оборонительных работах.

С 20 октября 1941 года в в\ч № 9903. Участвовала в четырех разведзаданиях (из них в двух в качестве командира группы).

Весной 1942 года на территории Белоруссии между реками Бобром и Друтью была десантирована во главе группы из 11 человек (все девушки). «Из-за низкой парашютной подготовки разведчиц и небрежности экипажа группа понесла потери...» – фрагмент текста радиogramмы командира разведывательно-диверсионной группы Вацлавского, которая дислоцировалась в том же районе. Во время приземления три разведчицы погибли, а четвертая сломала позвоночник (приземлились на сосновый бор).

11 сентября 1942 года погибла в бою.

21 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно)^[502].

КОРНЕЕВ Леонард

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

В декабре 1942 года группа дислоцировалась в
районе Гомеля (Гомельская область Белоруссии)^[503].

КРАВЧЕНКО Федор Иосифович

Майор, Герой Советского Союза.

Родился 4 марта 1912 года в селе Унароково ныне
Мостовского района Краснодарского края в
крестьянской семье.

Его родители не имели возможности прокормить большую семью и в 1913 году отправились искать счастье за океан. Поселились в Уругвае. Отец работал в сельском хозяйстве в колонии русских эмигрантов.

В 1925 году семья Кравченко возвратилась на родину, и Федор начал работать в Москве. Со временем был принят на работу в аппарат Исполкома Коммунистического интернационала молодежи, где и трудился до призыва в Красную Армию.

В Красной Армии с октября 1936 года. В том же году зачислен в органы военной разведки.

С 1937 по 1938 год принимал участие в Гражданской войне в Испании. В боях был ранен. За боевые подвиги удостоен орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

Накануне войны Ф.И. Кравченко вернулся в Москву.

Когда началась Великая Отечественная война, выполнял специальное задание командования фронта в тылу врага.

В августе 1942 года группа Ф.И. Кравченко установила связь с партизанским отрядом Григория Васильевича Балицкого, дислоцировавшимся в районе Злынковских и Чечерских лесов. С этого времени обе группы действовали совместно на линиях Гомельского железнодорожного узла.

За короткое время партизаны Ф.И. Кравченко и Г.В. Балицкого взорвали 11 вражеских эшелонов. В уничтожении десяти из них принимал участие Ф.И. Кравченко.

В ночь на 28 августа 1942 года на станции Закопытье на железной дороге Брянск – Гомель при участии Ф.И. Кравченко был взорван эшелон с офицерами вражеских танковых и летных частей, при этом убито и ранено несколько сотен гитлеровцев.

31 октября 1942 года в Чечерских лесах под его руководством была организована засада и разгромлена колонна автомашин врага.

В середине ноября 1942 года отряд пришел в Клетнянские леса, где встретился с соединением Алексея Федоровича Федорова. После этого партизаны действовали совместно.

В январе 1943 года Ф.И. Кравченко заболел и вылетел в тыл на лечение, а после выздоровления его направили во вражеский тыл в район реки Уборть на Волыни. В это время Черниговско-Волынское соединение подходило к Ковельскому железнодорожному узлу. Ф.И. Кравченко установил связь с А.Ф. Федоровым и 10 июля 1943 года был назначен командиром группы партизан из 50 человек. За короткое время его группа приобрела боевой опыт и выросла в боевой отряд имени И. Богуна, действовавший на железнодорожном участке Ковель – Брест.

За период с 15 июля по 10 декабря 1943 года отряд под командованием Ф.И. Кравченко пустил под откос 43 эшелона с боевой техникой и живой силой противника. При этом было убито более 650 и ранено около 900 гитлеровцев.

2 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза.

4 мая 1945 года Ф.И. Кравченко отправился в длительную командировку во Францию, где работал на нелегальном положении более четырех лет. Там ему удалось создать самостоятельные разведгруппы в Мадриде, Валенсии и Барселоне. Информация из Испании в Тулузу доставлялась специальными агентами-курьерами, которые с большим риском, но регулярно переходили франко-испанскую границу, встречались с руководителями агентурных групп. Резидентура Кравченко была единственной разведывательной организацией, добывавшей военную информацию в самой Испании.

В 1949 году Ф.И. Кравченко отправил в Центр письмо:

«Вынужден поставить вас в известность о состоянии моего здоровья и прошу, если международная обстановка позволяет, дать мне возможность прибыть в Москву для радикального лечения».

В 1949 году его отозвали в Москву. У него обнаружили злокачественную опухоль в желудке. И все-таки после операции и лечения уже в 1950 году он стал готовиться к новому заданию. Но болезнь обострилась, и командировку отменили.

С 1951 года майор Кравченко Ф.И. в запасе.

Умер 19 ноября 1988 года в Москве [\[504\]](#).

КРАЙНОВ Борис Сергеевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1923 году в Суздальском поселке Ярославля.

После семилетки окончил курсы инструкторов физической культуры в городе Горьком, после чего работал учителем физкультуры в ярославской школе № 54.

С началом войны избран секретарем Ярославского горкома комсомола по военной работе.

В середине октября 1941 года стал военнослужащим в/ч 9903.

В течение октября - декабря 1941 года трижды водил группы в тыл противника в Подмоскowie.

В январе 1942 года был с группой под Смоленском в районе Пустой Вторник.

В июне – августе 1942 года – в Витебской области Белоруссии.

21 января 1943 года откомандирован в военно-воздушные части действующей армии. Командир отделения десантников 2-го воздушно-десантного полка 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

5 марта 1943 года погиб [\[505\]](#).

КУЛИЧКИН Николай Петрович

Майор, командир оперативного центра разведотдела штаба Западного фронта.

В декабре 1942 года дислоцировался в районе Ельни (Смоленская область) [\[506\]](#).

КУЗНЕЦОВ Степан Матвеевич

Капитан, командир 71-го отряда особого назначения Амурской военной флотилии.

Родился 6 января 1911 года в деревне Выдры ныне Зуевского района Кировской области в крестьянской семье.

Окончил 7 классов и 2 курса рабфака Уральского лесотехнического института. Работал в Уралхлебторге в городе Свердловске (с 1991 года и ныне – Екатеринбург).

В Военно-морском флоте с 1933 года.

В 1936 году окончил курсы лейтенантов Уральского военного округа.

В августе 1945 года во главе разведывательных групп участвовал в разведке противника при взятии населенных пунктов Северо-Восточного Китая – Фуцзинь, Цзямусы и других.

В 1955 году окончил экстерном Военно-морское политическое училище.

С 1960 года – в запасе.

Скончался 15 ноября 1983 года в Ленинграде.

ЛАВРОВ Григорий Трофимович

Лейтенант милиции, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился 12 марта 1914 года в деревне Теплуха Вяземского района Смоленской области.

С 1936 по 1937 год проходил действительную военную службу.

Направлен в в/ч 9903 Управлением МВД Смоленской области. Участвовал в пяти заданиях.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В январе 1942 года откомандирован в Управление МВД Смоленской области [\[507\]](#).

ЛЕБЕДЕВ Виктор Дмитриевич

Лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела Северного фронта.

Родился в 1917 году.

В 1941 году окончил 3-й курс Ленинградского кораблестроительного института.

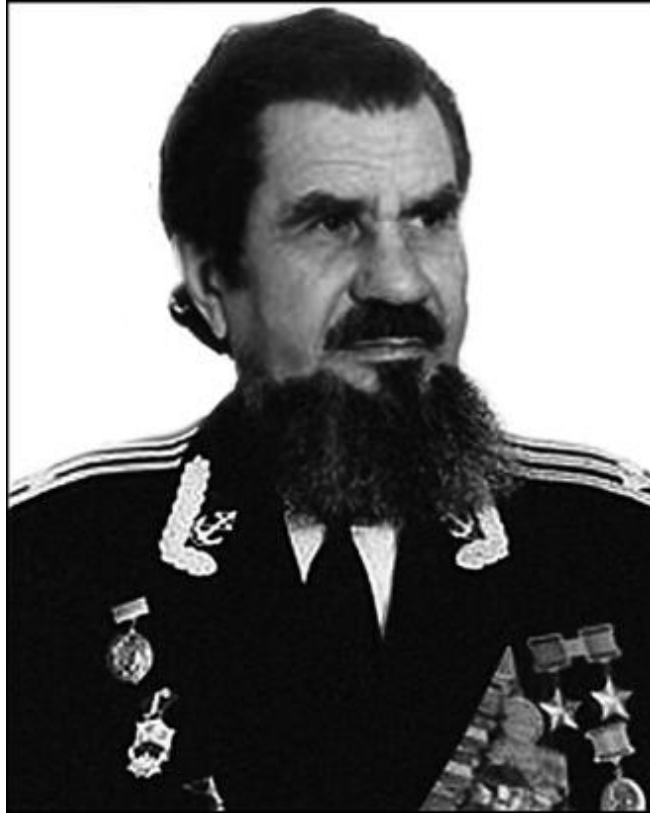
10 июля 1941 года в качестве командира группы отправлен в тыл противника.

В ночь на 26 сентября 1941 года направлен вторично в тыл противника. Действовал в зоне дислокации 16-й армии Вермахта. Численность группы – шесть человек [\[508\]](#).

Был эвакуирован из-за линии фронта в феврале 1942 года. Группу возглавил Глеб Арсеньевич Серебряков.

Умер в 1978 году [\[509\]](#).

ЛЕОНОВ Виктор Николаевич

Старший лейтенант, командир отдельных разведывательных отрядов Северного и Тихоокеанского флотов, дважды Герой Советского Союза.

Родился 21 ноября 1916 года в городе Зарайске Московской области в семье рабочего.

С 1931 по 1933 год учился в фабрично-заводском училище при московском заводе «Калибр», по окончании которого трудился слесарем-лекальщиком, совмещая работу с общественной деятельностью: член заводского комитета ВЛКСМ, председатель цехового комитета изобретателей, руководитель молодежной бригады.

С 1937 года – в рядах Военно-морского флота. Призван на Северный флот, где прошел курс обучения в учебном отряде подводного плавания имени С.М. Кирова в городе Полярном Мурманской области и направлен для дальнейшего прохождения службы на подводную лодку «Щ-402».

С началом Великой Отечественной войны старший краснофлотец В.Н. Леонов обращается с рапортом о

зачислении его в 181-й отдельный разведывательный отряд Северного флота, в составе которого с 18 июля 1941 года провел около 50 боевых операций в тылу противника.

Осенью 1942 года отряд получил задание вывести на мыс Могильный батальон морской пехоты для разгрома укрепленного пункта противника и захвата оперативных документов. В ходе операции разведчики столкнулись с превосходящими силами противника. В критический момент боя В.Н. Леонов фактически принял на себя командование всеми четырьмя группами, участвовавшими в операции, обеспечив тем самым ее успех.

С декабря 1942 года, после присвоения офицерского звания, младший лейтенант Леонов В.Н. – заместитель командира отряда по политической части.

С декабря 1943 года – командир 181-го особого разведывательного отряда Северного флота.

В апреле 1944 года ему присвоено воинское звание лейтенанта.

В октябре 1944 года, в период проведения Петсамо-Киркенесской наступательной операции советских войск, разведчики под командованием В.Н. Леонова высадились на занятый противником берег и двое суток пробирались к назначенному пункту в условиях бездорожья.

Утром 12 октября 1944 года они внезапно атаковали вражескую 88-миллиметровую батарею на мысе Крестовом, овладели ею, захватили в плен большое число гитлеровцев. Когда появился катер с гитлеровским десантом, совместно с отрядом капитана Барченко-Емельянова И.П. отразили атаки противника, захватив в плен около шестидесяти гитлеровцев. Тем самым отряд Леонова своими действиями создал благоприятные условия для высадки советского десанта

в незамерзающем порту Лиинахамари и последующего освобождения Петсамо (Печенги) и Киркенеса.

5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

По завершении разгрома фашистской Германии война для фронтового разведчика Леонова В.Н. не закончилась. Она продолжилась на Дальнем Востоке, где отдельный разведывательный отряд Тихоокеанского флота под его командованием первым высаживался в портах Расин, Сейсин и Гензон... Одно из самых «громких» дел отряда Леонова В.Н. – пленение в корейском порту Вонсан около трех с половиной тысяч японских солдат и офицеров. А в порту Гензон разведчики-леоновцы разоружили и взяли в плен около двух тысяч солдат и двухсот офицеров, захватив три артиллерийские батареи, пять самолетов, несколько складов боеприпасов.

14 сентября 1945 года удостоен второй медали «Золотая Звезда».

После войны продолжил военную службу на Северном флоте и в центральном аппарате Военно-морского флота СССР.

В 1950 году он окончил Высшее военно-морское училище.

В 1952 году ему присвоено воинское звание капитана 2 ранга. Учился в Военно-морской академии, закончив два курса.

С июля 1956 года – в запасе.

7 октября 2003 года умер в Москве [\[510\]](#).

ЛИНЬКОВ Григорий Матвеевич

Воентехник 1 ранга, затем полковник, командир разведывательно-диверсионных групп и 1-го Белорусского партизанского отряда особого назначения, Герой Советского Союза.

Родился 4 февраля 1899 года в селе Васильевка ныне Октябрьского района Оренбургской области в крестьянской семье.

Участник Гражданской войны. Воевал в составе армии В.К. Блюхера.

В 1924 году направлен на учебу Оренбургскую совпартшколу, а затем на рабфак.

В 1933 году окончил Коммунистический университет. В Красной Армии с 1934 года.

В 1938 году окончил Военную электротехническую академию.

Перед войной работал инженером в НИИ Красной Армии.

В начале июля 1941 года подал рапорт на имя начальника института с просьбой направить его в тыл

противника. Но ему было отказано.

19 июля 1941 года Григорий Линьков вторично обратился в Секретариат ЦК ВКП(б) с просьбой направить его в составе группы специально подготовленных 15–20 человек в тыл врага для партизанской борьбы. В заявлении он писал: «... Принятое мною решение и моя просьба были обоснованы моим опытом партизанской борьбы в тылу врага, приобретенным в годы Гражданской войны... Я имею большой опыт работы с массами, хорошо знаю быт и нравы деревни и считаю, что эту сложную и ответственную задачу я выполню с честью. А если придется отдать жизнь, то я предпочитаю через 25–30 дней умереть в бою, чем через 25–30 лет умереть на постели. Мне 42 года, но физически здоров и способен перенести любые трудности. У меня есть жена, любимый сын, но что может быть любимей матери Родины?..»

Вторая просьба Григория Линькова была удовлетворена. Он был призван в армию и направлен в распоряжение военной разведки.

В сентябре 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы (52 человека) был десантирован под Оршу в Белоруссии.

Высадка группы прошла неудачно. При приземлении десантников раскидало по большой территории, несколько человек погибли. Не удалось установить радиосвязь с Центром. Отряд Григория Линькова ушел к озеру Палик в Березинские леса, где обосновался. Вскоре к ней присоединился партизанский отряд будущего Героя Советского Союза батальонного комиссара Антона Петровича Бринского. Его часть в начале войны попала в окружение и перешла к партизанским методам борьбы с противником. Также к группе Григория Линькова присоединились местные партизанские отряды. Подразделение было переформировано в 1 Белорусский партизанский отряд

особого назначения. Соединение под его командованием прошло по тылам врага в центральных и южных районах Белорусской ССР более шестисот километров. Во время рейда совершал диверсии и уничтожал коммуникации противника, нанеся врагу значительный урон.

В начале 1943 года отозван в Москву.

20 января 1943 года Григорию Линькову было присвоено звание Героя Советского Союза.

С мая 1943 года – командир разведывательно-диверсионного отряда, действовавшего в районе городов Брест, Барановичи, Волковыск, а затем на территории Польши и Чехословакии.

В 1944 году вновь вызван в Москву и направлен в распоряжение ЦК ВКП(б).

5 сентября 1944 года назначен на должность старшего инженера Совета по радиоэлектронике ГКО.

В 1946 году демобилизован из Советской Армии.

Трагически погиб на охоте 17 декабря 1961 года^[511].

ЛИТВИНЕНКО Алексей Михайлович

Подполковник, командир 2-й Особой партизанской бригады.

Участник Гражданской войны.

В 1936 году – начальник штаба 10-го Саульского кавалерийского полка.

В апреле 1942 года 2-я Особая партизанская бригада выведена в советский тыл.

В мае 1945 года – командир 20-й гвардейской механизированной бригады.

Умер в Потсдаме от сердечного приступа^[512].

МЕДИОКРИТСКИЙ Александр Константинович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1923 году.

Накануне войны работал на заводе им. Красина в Костроме.

С 20 октября по 8 ноября 1941 года во главе группы (9 человек) действовал в Можайском районе. В советский тыл вернулось лишь трое бойцов, остальные пропали без вести.

21-23 ноября 1941 года пропал без вести при переходе линии фронта^[513].

МЕЛЬНИКОВ Иван Иванович

Заместитель командира, а 28 августа – 11 ноября 1944 года – командир группы «Джек» Разведуправления 3-го Белорусского фронта.

Родился в 1923 году.

В военную разведку попал из белорусских партизан. 27 июля 1944 года в составе разведгруппы «Джек» был десантирован с борта самолета в двух километра южнее восточнопрусского поселка Ляукнен (ныне – Громово Славского района). После гибели командира группы непродолжительное время занимал этот пост. В силу отсутствия у И.И. Мельникова специального военного образования, особенно в вопросах военно-топографической подготовки, Центр вскоре был вынужден вернуть его на прежний пост заместителя командира разведгруппы.

С 12 ноября 1944 года он был замом при новом командире разведгруппы «Джек» – лейтенанте А.А. Моржине.

Пропал без вести 27 декабря 1944 года в чаще, примыкающей к польским городам Цеханув и Млава Мышинецкой пуши, в бою с эсэсовцами, внезапно напавшими на лесную землянку, где укрывалась разведгруппа «Джек»: несмотря на полученные ранения, действуя в паре с командиром группы лейтенантом А.А. Моржиным, тоже истекавшим кровью, пошел на прорыв, отвлекая тем самым внимание карателей от прорывавшейся в противоположную сторону радистки сержанта А.А. Морозовой. Вероятней всего, оба были убиты в этой неравной схватке, однако подробности гибели, как, впрочем, и место захоронения обоих до сих пор неизвестны.

МОРОЗОВ Федор Федорович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

В декабре 1942 года его группа дислоцировалась в
районе Глуска (Могилевская область Белоруссии) [\[514\]](#).

НАУМОВИЧ Игнат Григорьевич

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

В декабре 1942 года его группа дислоцировалась в
районе Могилева (Могилевская область Белоруссии) [\[515\]](#).

НИКАНДРОВ Александр Михайлович

Мичман, командир взвода 140-го отдельного разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота, Герой Советского Союза.

Родился 12 (25) декабря 1912 года в деревне Устье ныне Усть-Кубинского района Вологодской области в крестьянской семье.

Окончил 7 классов. Работал на лесокомбинате в Мурманской области.

С 1934 года в Военно-морском флоте. Пять лет служил на эскадренных миноносцах Краснознаменного Балтийского флота.

Когда началась Великая Отечественная война, А.М. Никандров был направлен на Северный флот, где с начала обороны Советского Заполярья и до изгнания гитлеровцев с Советского Севера проходил службу в 181-м отдельном разведывательном отряде Северного флота, которым командовал будущий дважды Герой Советского Союза В.Н. Леонов.

В сентябре 1942 года при проведении операции на мысе Могильный Никандров с двумя разведчиками оказал героическую помощь окруженным разведчикам, отвлекая внимание противника на себя в течение дня, что позволило группе прорваться через перешеек.

После капитуляции гитлеровской Германии разведчики-североморцы участвовали в советско-японской войне 1945 года.

13 августа 1945 года командир взвода 140-го отдельного разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота мичман А. Никандров в составе отряда высадился в северокорейском порту Сейсин (Чхонджин). Вверенный мичману Никандрову А.М. взвод овладел железнодорожным мостом и отрезал пути отхода противнику. Будучи окруженным, взвод под командованием Александра Никандрова в течение суток отражал вражеские атаки, а затем сумел прорвать кольцо окружения.

15 августа 1945 года взвод разведывательного отряда участвовал в отражении нескольких атак врага, обеспечив высадку в порт десанта морской пехоты.

14 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны демобилизован. Жил в городе Омске.

20 ноября 2001 года умер^[516].

НОВИКОВ Олег Константинович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В декабре 1942 года его группа дислоцировалась в Смоленской области [\[517\]](#).

ОДИНЦОВ Александр Иванович

Подполковник, командир оперативного центра

Родился 13 мая 1918 года в селе Семуково Усть-Вымского района в семье крестьянина. В 1936 году, после окончания Усть-Вымского педагогического училища, работал в райкоме комсомола.

В 1939 году, после окончания Ленинградского политического училища, принимал участие в советско-финской войне, был тяжело ранен. За проявленное мужество награжден орденом Красного Знамени.

В начале Великой Отечественной войны возглавил оперативную группу особого назначения штаба Западного фронта.

С августа 1942 года эта группа под командованием А.И. Одинцова действует в тылу немецко-фашистских захватчиков на территории Смоленщины и Белоруссии. Отряд внес немалый вклад в успешное проведение стратегической операции «Багратион».

После осколочного ранения в шею был эвакуирован за линию фронта.

В послевоенные годы окончил военные академии имени М.В. Фрунзе и Генерального штаба, последовательно командовал батальоном, полком, дивизией, корпусом. Был начальником управления Главного штаба сухопутных войск. В течение многих лет являлся первым заместителем председателя ЦК ДОСААФ. В последние годы работал на посту заместителя председателя Российского комитета ветеранов войны.

9 января 1995 года умер. Похоронен в Москве на Лефортовском кладбище.

ОСТАШЕВ Михаил Михайлович

Командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В декабре 1942 года дислоцировался в районе Дорогобужа (Смоленская область)[\[518\]](#).

ОСТРОВСКИЙ Константин Александрович

Командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В декабре 1942 года находился в Минской области [\[519\]](#).

ПАВЛОВ Иосиф Артемьевич

Лейтенант, командир разведгруппы «Мороз» (Восточная Пруссия).

Родился в 1915 году в деревне Концы Могилевского района в Белоруссии. Работал директором семилетней школы на родине.

В Красной Армии с 1939 года.

В 1941 году попал в плен. Сумел бежать к партизанам.

В июне 1942 года возглавил отряд подрывников, входивший в разведывательно-диверсионную группу под командованием майора И. Г. Наумовича, которая действовала в Могилеве и его окрестностях.

Из наградного листа от 9 июля 1944 года:

«За время работы в составе разведывательно-диверсионной группы майора Наумовича под Могилевом проявил себя как смелый, бесстрашный командир. Лейтенант Павлов в городе Могилеве и его окрестностях, в местах скопления войск противника организовал агентурно-диверсионную сеть, которая давала ценную информацию о противнике.

В городе Могилеве организовал ряд диверсионных актов: взрыв подъемного крана на ж.-д. станции Могилев. Привел в негодность на немецком складе 4 тонны сахара. В двух немецких столовых организовал уничтожение 42 немецких солдат. Организовал взрыв комендатуры с ее охраной. Уничтожил 6 машин с живой силой противника, автоцистерну с 8 тоннами бензина.

Руководил 13 засадами, где было захвачено 6 «языков» и много немцев уничтожено.

Во время налета советской авиации на немецкий гарнизон города Ямница Павлов, рискуя жизнью, подобрался на 100 метров к городку и над местами скопления немцев и их техники давал сигналы красными ракетами для наших самолетов. Результаты бомбежки были исключительно эффективны».

Член разведгруппы «Мороз» поляк Антон Стельмах должен был выйти на связь с резидентом, находящимся на территории оккупированной Польши, а остальные бойцы группы его «прикрывать». Группа выполнила задачу. Стельмах успешно проработал в тылу до конца войны [\[520\]](#).

ПАХОМОВ Константин Федорович

*Командир разведывательно-диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился в 1917 году в Краснодаре, где прошло его детство. Позднее его родители переехали в Москву.

В 1931 году поступил на завод «Серп и молот», работал электромонтером. Без отрыва от производства окончил заводской техникум и продолжил учебу на вечернем отделении металлургического института. К началу войны перешел на 3-й курс и работал конструктором.

В конце октября 1941 года был зачислен в в/ч № 9903.

4 ноября 1941 года во главе группы (восемь человек) по Волоколамскому шоссе отправлен в город Волоколамск. Группе предстояло проникнуть в город, произвести там разведку, попытаться организовать там диверсии. На следующий день вся группа была схвачена противником [\[521\]](#).

ПОЗДНЯКОВ Иван Михайлович

Командир разведывательно-диверсионной группы.

В феврале 1943 года во главе группы из пяти человек был выведен за линию фронта. Действовал в районе Минск – Слуцк – Бобруйск – Осиповичи [\[522\]](#).

ПОЖАРСКАЯ Екатерина Яковлевна

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родилась 21 марта 1918 года в городе Лебедянь Рязанской области, там же окончила среднюю школу.

До войны была секретарем комсомольской организации Московского института инженеров транспорта (МИИТ), где работала лаборанткой на кафедре марксизма-ленинизма.

С начала войны была на оборонительных работах, а осенью – в противопожарных командах МПВО.

11 ноября 1941 года во главе группы из десяти человек в районе Волоколамска перешла линию фронта.

В начале декабря 1941 года группа второй раз ушла на задание. Действовала в районе Звенигорода. 12 декабря 1941 года группа вошла в освобожденную Красной Армией Истру.

С марта по октябрь 1942 года во главе группы находилась в партизанском отряде на Брянщине.

До марта 1944 года была на четырех разведывательных заданиях [\[523\]](#).

ПОРОМБКА Винцет

Родился 2 января 1902 года в верхнесилезском городе Гинденбург (ныне Забже, Польша) в семье горняка.

В 1930 году вступил в Коммунистический союз молодежи Германии.

В 1933 году стал членом германской Компартии.

С 1935 по 1936 год – в эмиграции в Чехословакии.

С 1936 по 1939 год воевал в рядах 11-й интернациональной бригады в Испании.

В 1939 году эмигрировал в Советский Союз.

С 1939 по 1943 год работал токарем на Челябинском заводе.

В апреле 1943 года был десантирован с парашютом на территорию Пруссии.

После окончания войны – на партийной работе в ЦК СЕПГ.

28 ноября 1975 года умер в Берлине.

ПОТЕХИН Георгий Владимирович

Капитан, командир отряда разведки на Невском направлении разведотдела штаба Балтийского флота.

Родился 10 ноября 1917 года.

В 1939 году закончил Институт физической культуры им. Лесгафта. До начала войны был преподавателем в ВМА им. Ворошилова.

В июле 1941 года направлен в 4-ю десантную бригаду морской пехоты Балтийского флота.

В августе 1941 года был назначен командиром разведотряда на Невском направлении, принимал участие в разработке боевых операций для роты особого назначения. За время войны участвовал в семи крупных боевых операциях.

6 ноября 1954 года полковник Потехин был назначен командиром первой, вновь сформированной послевоенной воинской части морского спецназа. За время службы он очень много внес в организацию и боевую подготовку этой части, что и позволило ему вывести свое подразделение на современный профессиональный уровень, используя накопленный боевой опыт [\[524\]](#).

ПОЦЮС Казимирас Казимирович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1919 году в семье бедного крестьянина в Латвии.

Перед войной работал первым секретарем Тельшяйского уездного комитета комсомола.

С первых чисел и до 20 ноября 1941 года выполнял задания в тылу противника в районе г. Клин Московской области.

25 ноября 1941 года вышел на задание во главе группы (16 человек) в Солнечногорский район Московской области. В прифронтовой полосе 27 ноября группа была обнаружена и обстреляна противником. Погибло 12 человек, в том числе и командир группы [\[525\]](#).

ПРОВОРОВ Павел Сергеевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника [\[526\]](#).

ПРОХВАТИЛОВ Иван Васильевич

Капитан 2 ранга, командир роты особого назначения разведотдела штаба Балтийского флота.

Родился 5 мая 1907 года на Украине, под Лебедином, в семье батраков.

Окончил два класса церковно-приходской школы.

В 1929 году был призван в Военно-морской флот. После окончания срочной службы поступил в водолазную школу ЭПРОНа в городе Балаклава.

За период с 1932 по 1938 год он закончил учебу в военно-морской водолазной школе и водолазном техникуме ЭПРОНа. В этот же период, будучи старшиной водолазной станции, он принимал участие на Тихоокеанском флоте в сооружении сложных гидротехнических конструкций порта г. Владивосток.

В 1933 году был участником дальней экспедиции Владивосток – Камчатка на пароходе «Свердловск», который несколько раз подвергался ледовым сжатиям и был на краю гибели.

В 1938 году он сдал вступительные экзамены и поступил в Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Окончание училища совпало с началом войны.

11 июля 1941 года лейтенант Прохватилов получил назначение в ЭПРОН командиром морского водолазного бота. Прибыв в разведотдел штаба Балтийского флота (РО ШБФ), Иван Васильевич выслушал приказ подполковника Фрумкина Н.С., в корне менявший его морскую судьбу. Вручая пакет, заместитель начальника РО ШБФ сказал: «Вам надлежит прибыть по указанному адресу и принять командование отрядом особого назначения. Отряд находится в стадии формирования, необходимые инструкции – в пакете»^[527].

В 1953 году в звании капитан 2 ранга вышел в отставку^[528].

ПШЕНИЧНЫХ Андрей Петрович

Старшина 2-й статьи, разведчик 181-го особого разведывательного отряда Северного флота, Герой Советского Союза.

Родился 13 (26) июня 1914 года в селе Нижний Икорец (ныне Лискинского района Воронежской области) в крестьянской семье.

Образование начальное.

С 1936 по 1938 год служил в Военно-морском флоте.

С 1942 года снова призван на флот. Служил в 181-м разведотряде Северного флота.

В сентябре 1943 года при разгроме опорного пункта противника на мысе Пикшуев (полуостров Рыбачий) лично уничтожил группу фашистов и захватил пулемет, обеспечив успех операции.

В декабре 1943 года на мысе Лангбюнес (Северная Норвегия) первым напал на автоколонну противника, гранатой подорвал головную машину и пленил фельдфебеля с важными документами.

В составе объединенного разведывательного отряда под общим руководством капитана И.П. Барченко-Емельянова, в период боев за освобождение Советского Заполярья (Петсамо-Киркенесская наступательная операция, с 7 октября по 9 ноября 1944 года) А.П. Пшеничных вместе с командиром отделения С.М. Агафоновым отличился 11-12 октября 1944 года при захвате двух артиллерийских батарей (четырёхорудийной 88-миллиметровой зенитной и четырёхорудийной 150-миллиметровой) на восточном побережье Печенгского залива (мыс Крестовый), прикрывавших вход во вражеский порт Лиинахамари. Уничтожение батарей противника способствовало прорыву в порт наших катеров с десантом.

5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

После Победы над гитлеровской Германией А.П. Пшеничных в составе отдельного разведывательного отряда особого назначения Тихоокеанского флота участвовал в советско-японской войне 1945 года.

После войны старшина 2-й статьи А.П. Пшеничных демобилизован. Работал на рудниках. Жил в городе Чимкент (Казахстан).

5 мая 1992 года умер^[529].

РАДЦЕВ Никита Васильевич

Батальонный комиссар, командир отряда особого назначения № 1 разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1907 году в городе Свердловске.

В 1929 году был призван в Красную Армию.

С августа 1941 года – в в/ч 9903.

В качестве командира отряда находился в тылу противника с сентября по ноябрь 1941 года (Калининская область) и в ноябре – декабре 1941 года (район Истра – Новопетровское Московской области).

21 января 1942 года погиб во время боя в деревне Попково Сухиничского района Калужской области [\[530\]](#).

РАДОЙНОВ Цвятко Колев

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Черноморского флота.

Родился в 1895 году в с. Крын Старозагорского округа в многодетной крестьянской семье. Отец решил дать способному мальчику образование, и Цвятко окончил педагогическое училище в г. Казанлыке.

В 1913 году вступил в партию тесняков. В старших классах училища руководил марксистским кружком.

В 1914 году был призван в армию. Подпоручик Радойнов воевал вплоть до 1918 года, пока не был демобилизован после тяжелого ранения.

До 1921 года работал учителем. Затем, уволенный из школы из-за неблагонадежности, посвятил себя партийной работе.

После Сентябрьского восстания 1923 года эмигрировал в Советский Союз. Некоторое время

работал в сельскохозяйственной коммуне. К нему приехала из Болгарии семья.

В 1926 году был направлен слушателем в Военную академию имени М.В. Фрунзе. После окончания академии он служил в РККА.

Во время войны в Испании был военным советником в Республиканской армии.

11 июля 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы был десантирован с борта подводной лодки на побережье Болгарии.

РАХМАНИН Михаил Александрович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника^[531].

РЕПЬЕВ Алексей Михайлович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

С октября 1941 года – военнослужащий в/ч № 9903.

Со 2 по 20 ноября 1941 года в качестве командира группы (10 человек) действовал в районе Рузы Московской области [\[532\]](#).

РИТТЕР Артур Альбертович

Родился 12 мая 1906 года в городе Елец в семье специалиста по организации ткацкого производства. Отец по поручению дирекции жирардовских предприятий наблюдал за вводом новой фабрики.

В 1916 году семья вернулась в Польшу.

Учился в гимназии.

В 1924 году, за год до ее окончания, был исключен за приверженность социалистическим идеям.

В 1925 году вступил в Коммунистический союз молодежи Польши.

В 1927 году вступил в Польскую соцпартию.

С 1927 по 1930 год – секретарь окружного комитета партии в Люблине.

С 1930 по март 1931 года находился в заключении.

С марта 1931 года по июнь 1932 года занимался профсоюзной деятельностью.

С июня 1932 года по июнь 1933 года под псевдонимом «Богдан» учился в военно-политической школе Коминтерна.

После возвращения в Польшу был арестован и осужден на два года.

С 1934 по 1936 год работал в левых профсоюзах в Лодзи и Домбровского бассейна.

В октябре 1939 года перебрался в Белосток, куда вошла Красная Армия.

С ноября 1939 года работал заведующим административно-хозяйственной частью 2-й городской больницы.

Весной 1941 года начал готовиться к разведывательно-диверсионной работе на территории генерал-губернаторства (так немцы именовали Польшу). Предполагалось перебросить его на территорию Третьего рейха в конце июня 1941 года.

После начала Великой Отечественной войны и оккупации немцами Белостока он самостоятельно перебрался в Варшаву, где и начал действовать в качестве руководителя разведывательно-диверсионной резидентуры.

В 1944 году по приказу Центра вышел в расположение Красной Армии.

После окончания войны вернулся в Польшу.

С сентября по ноябрь 1945 года – начальник хозяйственного отдела ЦК Польской рабочей партии.

С 1945 по 1946 год – начальник 2-го отдела, заместитель начальника 1-го управления Министерства общественной безопасности.

С 1947 по 1948 год – начальник воеводского Управления общественной безопасности в Гданьске.

С 1948 по 1950 год – начальник воеводского Управления общественной безопасности в Люблине.

С 1951 по 1953 год – директор контрольного департамента в Центральном управлении сельского хозяйства.

С 1953 по 1955 год – генеральный секретарь Польского радио.

С 1955 по 1956 год – директор Центрального управления кинотеатров.

С января 1957 года – на службе в Войске Польском (ВП).

С 1957 по 1960 год – заместитель начальника управления в Генеральном штабе ВП.

В 1958 году окончил Академию Генерального штаба.

В 1960 году присвоено звание бригадного генерала ВП.

С 1960 по 1964 год – заместитель начальника Варшавского военного округа по политической части.

С 1964 по 1968 год – польский военный атташе в Италии.

С 1968 по 1972 год – главный инспектор, затем заместитель начальника территориальной обороны страны.

С 1972 года в отставке.

С 1975 по 1980 год входил в состав Главного совета польской ветеранской организации «Союз борцов за свободу и демократию». В ряде польских и зарубежных изданий опубликованы его воспоминания.

7 мая 1981 года умер в Варшаве.

РУСАКОВ Матвей Константинович

Младший политрук, командир разведывательно-диверсионной группы.

Родился в 1915 году в деревне Русаково Верхнетурского района Свердловской области.

В 1937 году был призван в Красную Армию.

К началу войны имел воинское звание младшего политрука.

В ночь с 18 на 19 августа 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионного отряда выведен в тыл противника.

Численность отряда – 26 человек.

Отряд действовал в районе Западной Двины.

В советский тыл выведен в январе 1942 года.

Во второй раз отряд пробыл в тылу противника с февраля по август 1942 года и действовал в районах Рославль – Починок – Ельня Смоленской области и районе Мосальска Калужской области.

В декабре 1942 года отряд действовал в районе Могилева [\[533\]](#).

САЗОНОВ Георгий Иванович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В декабре 1942 года группа дислоцировалась в районе Могилева (Могилевская область Белоруссии) [\[534\]](#).

САМСОНИК Михаил Петрович («Председатель»)

Командир разведывательно- диверсионных групп разведотделов штабов Брянского и 2-го Белорусского фронтов.

Родился в 1908 году в деревне Вязыгин Осиповичичского района Бобруйской области.

С 1930 по 1933 год служил в Красной Армии, командовал экипажем танка.

С 1933 по 1940 год - председатель колхоза «Коммунар».

В 1940 году - инструктор районного комитета ВКП(б).

В начале 1941 года выбран председателем колхоза имени И.В. Сталина.

После начала Великой Отечественной войны окончил разведшколу. Затем выполнял задания разведотдела штаба Брянского фронта. «В те дни, когда г. Елец находился в руках немцев, тов. Самсоник всегда добывал ценные сведения о противнике и передавал их через своего резидента в разведывательный отдел штаба Брянского фронта. Эти сведения оказывали помощь командованию в планировании операций по разгрому противника и изгнанию его из Ельца...»

С июня 1943 года по июнь 1944 года находился за линией фронта.

В июне 1944 года был демобилизован из Красной Армии [\[535\]](#).

СЕМЕНОВ Николай Александрович

Красноармеец, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился 8 сентября 1923 года в селе Никольское Плавского района Тульской области.

Перед войной окончил ФЗУ и работал токарем на заводе № 205 в Москве.

В начале октября 1941 года был зачислен в в/ч 9903.

В качестве командира группы четыре раза переходил в тыл противника под Москвой.

Первый раз группа действовала за линией фронта 10 суток.

3 ноября 1941 года группа ушла на задание во второй раз. На базу вернулась через девять суток.

С 5 по 20 декабря 1941 года группа действовала в районе Истра – Давыдково.

В январе 1942 года действовала юго-западнее Можайска на стыке Московской и Калужской областей. 21 января группа вернулась на базу.

С апреля 1942 года по сентябрь 1943 года сражался в Дятьковской партизанской бригаде.

В 1944 году направлен в Горьковское танковое училище, а по его окончании, став офицером, служил в танковых войсках.

В 1960 году демобилизовался из армии.

В 1996 году умер [\[536\]](#).

СЕМЕНОВ Николай Иванович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта [\[537\]](#).*

СОКОЛОВ Григорий Павлович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

*В период с сентября 1941 года по январь 1942 года
группа находилась в тылу противника [\[538\]](#).*

СОКОЛОВ Михаил Иванович

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился 14 ноября 1907 года. Внебрачный сын (незаконнорожденный) помещика и крестьянки. Помещик жил с ней одной семьей, имел от нее 12 детей. После революции семья распалась. Судьба отца неизвестна. Мать работала дояркой.

В 1929 году Михаил переехал в Москву, работал на заводе «Подъемник» токарем.

В 1937 году учился в Промакадемии, откуда его исключили как брата «врага народа». Его брат – секретарь Таганского райкома ВКП(б) – был объявлен «врагом народа» и арестован.

В 1941 году вступил добровольцем в истребительный батальон завода «Подъемник».

С 28 октября 1941 года – военнослужащий в/ч 9903.

В ночь на 5 ноября 1941 года во главе группы (численностью 11 человек) в районе Дубосеково выведен в тыл противника. Вернулись на базу 11 ноября 1941 года^[539].

Был на ряде заданий, а также в отряде в Брянских лесах.

При выходе из Брянского леса попал в штрафроту (из-за брата), но вскоре его дело пересмотрели.

Далее он служил в артиллерийском полку. С ним дошел до Берлина.

Умер 22 марта 1998 года^[540].

СОРОКА Григорий Яковлевич

Старший лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела Западного фронта

Родился 15 июня 1917 года в Ворошиловоградской области.

В Красной Армии с 1938 года.

В 1939 году окончил школу младших командиров.

До начала войны проходил службу в инженерных войсках в районе Бреста.

23 июня 1941 года был контужен и вывезен в Смоленск.

С первой декады июля 1941 года – в в/ч 9903.

С 13 июля 1941 года по май 1942 года пять раз выполнял задания в тылу врага.

В мае 1942 года направлен в Белоруссию в качестве командира группы. Численность группы – 10 человек.

В декабре 1942 года группа действовала в районе Орши (Витебская область Белоруссии).

После окончания войны продолжил служить в Советской Армии.

В 1959 году был уволен.

Умер в 1994 году [\[541\]](#).

СТЕПАНОВА Валентина Ильинична

Командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника [\[542\]](#).

ТОПКИН Борис Иосифович

Командир оперативного центра разведотдела штаба Западного фронта.

В декабре 1942 года находился в районе Бреста [\[543\]](#).

ТУЛЬЧИНСКИЙ Борис Харитонович

Командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В декабре 1942 года группа дислоцировалась в районе Гомеля (Гомельская область Белоруссии) [\[544\]](#).

УГАРОВ Иван Трофимович

Старший лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы «Лось» разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта.

23 июля 1944 года в качестве командира группы (численностью 14 человек) был десантирован в районе озера Бущница, расположенного в 11 км северо-восточнее города Августов бывшей Белостокской области Белорусской ССР (ныне – территория Подлясского воеводства Польши).

УДАЛОВ Борис Васильевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1918 году.

С 28 октября по 4 ноября 1941 года в качестве командира группы выполнял задание в районе Старой и Новой Рузы.

С начала апреля 1942 года по середину сентября 1943 года в составе отряда Г.Я. Есина действовал в Дятьковской партизанской бригаде.

Погиб в действующей армии [\[545\]](#).

ФАЗЛИАХМЕТОВ Фарид Салихович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотделов Западного и 2-го Белорусского фронтов.

Родился 21 августа 1920 года в деревне Богатые Сабы Сабинского района Татарской АССР.

В 1938 году поступил в Московский авиационный институт.

В июне 1941 года закончил третий курс института и одновременно работал конструктором на заводе № 32 в Москве.

С августа 1941 года в Красной Армии.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

8 сентября 1941 года - в составе группы из 20 человек был десантирован в Духовищенском районе Смоленской области. Десант был рассеян на значительной площади, и никого из группы он не нашел. Линию фронта перешел 20 сентября под Ярцевом.

В октябре 1941 года в качестве заместителя командира разведывательно-диверсионной группы действовал в районе Бородина, дороги Вязьма - Сычевка. В тылу противника группа действовала с 13 по 25 октября 1941 года.

13 ноября 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы (9 человек) выведен в тыл противника.

Через несколько дней после выполнения задания снова отправлен за линию фронта. Группе из 9 человек в

районе Наро-Фоминска приказано совершать поджоги, вести разведку, сеять панику в стане врага. При переходе линии фронта группа была обнаружена противником, пришлось вернуться обратно.

С 13 ноября по 1 декабря 1941 года в качестве командира группы (12 человек) действовал в районе Звенигорода и Истры.

В середине января 1942 года направлен в район Сухиничи Калужской области.

Позднее свыше двух лет был заместителем командира десантного отряда «Москва», действовавшего в оккупированной Белоруссии.

С 24 декабря 1944 года по 23 января 1945 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы «Матросов» (численностью 7 человек) действовал в тылу Восточно-Прусской группировки войск противника (но на территории Польши).

После окончания войны – ведущий конструктор одного из НИИ Москвы [\[546\]](#).

ФЕДОРОВ Владимир Дмитриевич

Старшина 2-й статьи, разведчик Разведуправления Балтийского флота.

Родился 20 июля 1920 года в Смоленске в семье рабочего-железнодорожника, но с 1934 года проживал в Москве.

В 1939 году закончил девять классов одной из московских школ.

Трудовую деятельность начал в 1939 году в цехах Московского автомобильного завода имени И.В. Сталина (ЗИС) в качестве слесаря.

В 1940 году призван на Балтийский флот. Боец-краснофлотец береговой батареи 152-мм орудий (бывшие орудия крейсера «Аврора») военного гарнизона острова Готланд в Балтийском море.

С 12 декабря 1941 года и вплоть до конца 1942 года – в рядах 1-го морского разведывательного отряда Балтийского флота.

В январе 1943 года окончил курсы военных радистов.

С января 1942 года по март 1945 года – военнослужащий подразделений глубинной разведки Разведывательного отдела штаба Балтийского флота. До апреля 1943 года совершил пять ходок в тыл противника по льду Финского залива.

В ночь с 1 на 2 мая 1943 года во главе специальной диверсионно-разведывательной группы из двух человек (он – командир и одновременно – радист) заброшен в тыл противника с борта бомбардировщика «СБ-2». Успешно выполнив боевую задачу и совершив марш-бросок в сторону линии фронта, оба диверсанта-разведчика 4 июня 1943 года на лодке благополучно вышли к своим в водах Финского залива.

В конце июля 1943 года вновь как командир и одновременно радист разведгруппы из двух человек заброшен по воздуху в район Петергофа. Задание – выявление артиллерийских батарей в районе Петергофа, Стрельны, Гатчины и Вороньей Горы.

В ночь с 6 на 7 ноября 1943 года в составе специальной диверсионно-разведывательной группы из пяти человек был заброшен на Лужскую губу. Через месяц группа без потерь вернулась обратно.

Последняя боевая командировка в тыл противника – 20 июля – 20 сентября 1944 года в качестве командира специальной диверсионно-разведывательной группы из

трех человек, которая действовала на территории Эстонии.

6 марта 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза: в период с января 1943 года по июль 1944 года девять раз забрасывался в тыл противника, при этом руководимая им разведгруппа добывала ценные сведения о вражеских войсках и своевременно (всего – свыше 120 различных радиogramм) передавала их командованию.

С марта 1945 года – помощник офицера связи разведотдела штаба Балтийского флота при Разведывательном управлении Земландской оперативной группы войск 3-го Белорусского фронта.

Был демобилизован с флота в 1947 году.

Вернулся на ЗИЛ. Работал мастером, начальником участка.

В 1959 году без отрыва от производства закончил Московский автомеханический техникум. Жил в Москве. Работал в НИИ автомобильного транспорта.

Скончался 28 апреля 1998 года в Москве.

<i>ФЕДОРОВ Николай Петрович</i>
--

Майор, командир разведывательно-диверсионного отряда, Герой Советского Союза.

Родился 15 июня 1915 года в деревне Кайвакса Тихвинского района Ленинградской области в семье крестьянина. Окончил 7 классов.

В Красной Армии с 1933 года.

В 1936 году окончил Ленинградскую артиллерийскую школу. Прошел путь от командира взвода до помощника начальника штаба полка.

Учился в Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 года. Участвовал в обороне Москвы в составе 5-й армии Западного фронта в должности помощника начальника армейской разведки 5-й армии.

В течение 1942 года неоднократно лично возглавлял разведывательные отряды, проникающие в тыл врага, за что осенью того же года был награжден орденом Красной Звезды.

С 1943 года Николай Федоров – заместитель командира разведывательно-диверсионного отряда «дяди Димы», действовавшего в Минской области.

С января 1944 года – командир разведывательно-диверсионного отряда, действовавшего в районе городов Ковель, Владимир-Волинский, Хелм (Польша).

17 апреля 1944 года погиб в бою с карателями в районе хутора Войковице близ города Хелм.

21 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) [\[547\]](#).

ХУДЯКОВ Павел Николаевич

Капитан, командир Отряда особого назначения № 4 разведотдела штаба Западного фронта.

Родился в 1915 году.

В качестве командира отряда находился на оккупированной территории:

С августа по 2 ноября 1941 года – район Великие Луки, Осташков.

С 14 января по конец февраля 1942 года – Смоленская область.

С апреля 1942 года – в Брянских лесах.

27 августа 1942 года подорвался на mine [\[548\]](#).

ЦАРЕВ Владимир Павлович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В ноябре 1941 года во главе группы (численностью 15 человек) в течение 12 суток действовала под Наро-Фоминском.

В декабре 1941 года десять суток эта же группа действовала под Волоколамском [\[549\]](#).

ЧЕКЛУЕВ Александр Васильевич

Старший сержант, командир разведывательно-диверсионной группы «Олег» разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта.

За линию фронта выведен 25 августа 1944 года в составе разведывательно-диверсионной группы «Невский» разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта. В первых числах октября 1944 года группа «Невский» находилась в окрестностях приграничного к Восточной Пруссии польского города Млава. Внезапно из Центра поступил приказ о выделении из ее состава

разведывательно-диверсионной группы «Олег» и ее незамедлительной передислокации на тридцать километров южнее – в район польского города Цеханув.

Численность группы «Олег» – пять человек.

Первый радиосеанс с Центром состоялся 10 октября 1944 года, последний – 18 декабря 1944 года.

25 января 1945 года в районе польского населенного пункта Бродицы группа «Олег» соединилась с частями Красной Армии^[550].

ЧЕРНИКОВ Иван Ермолаевич

Капитан, командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта.

С 25 августа 1944 года по 19 января 1945 года во главе группы (8 человек) действовал в тылу Восточно-Прусской группировки войск противника (но на территории Польши).

Согласно приказу разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта:

«В ночь на 25 августа 1944 года на самолете Ли-2 направиться в тыл противника и выброситься с парашютами в районе г. Млавы. Местом сбора назначаю полянку у деревни Мостова, 18 км юго-западнее Млавы. Приземлившись, зарыть парашюты, выяснить обстановку и немедленно приступить к выполнению задачи...

Радиограммы передавать за подписью «Невский» или «Олег». В случае неустановления радиосвязи

выслать к нам связника, направив его через линию фронта...

Срок работы – с 25 августа 1944 года до выхода частей Красной Армии на рубеж Алленштайн [ныне – польский Ольштын] – Млава...»

В ночь с 18 на 19 января 1945 года, то есть в самые последние часы штурма этого польского города советскими войсками, погиб Иван Черников. Он, будучи облаченным в немецкий мундир, находился в расположении одного из вражеских штабов, когда последний оказался в зоне интенсивного обстрела советской артиллерии. В море фугасных разрывов практически не выжил никто. Утром 19 января тело разведчика среди многочисленных трупов гитлеровских офицеров-штабистов с трудом отыскала радистка группы «Невский» – сержант Анна Степановна Лебедева («Тамара»)[\[551\]](#).

ЧЕРНОВ Константин Васильевич

Майор, командир оперативного центра разведотдела штаба Западного фронта.

В декабре 1942 года дислоцировался западнее Рославля (Смоленская область)[\[552\]](#).

ЧЕРНЫХ (инициалы неизвестны)

Капитан, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта.

В ноябре 1944 года в качестве командира группы был десантирован в район Млава – Цеханув.

31 декабря 1944 года в ходе рейда из-под Млавы к Плоцку был убит. Вместе с ним погибла почти вся группа.

ЧЕРНЫШЕВИЧ Владимир Николаевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника^[553].

ЧУГУНОВ Федор Иванович

Капитан, командир разведывательно- диверсионной группы «Ясень» разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта.

25 июля 1944 года в качестве командира группы (численностью 9 человек) десантирован с самолета в районе польского города Сувалки.

ЦЫБАРОВ Владимир Викторович

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября по декабрь 1941 года группа находилась в тылу противника.

В двадцатых числах ноября 1941 года во главе группы (десять человек) отправлен за линию фронта. Погиб во время возвращения на передовой в первых числах декабря 1941 года [\[554\]](#).

ШАРЫЙ Илья Николаевич

Старший лейтенант, командир разведывательно-диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

Родился 20 июля 1918 года в селе Ворожба Лебединского района Сумской области на Украине.

В 1936 году, после окончания средней школы, поступил в Сумское артиллерийское училище.

В 1938 году окончил Сумское артиллерийское училище и был оставлен для работы в этом учебном заведении.

В 1939 году зачислен на 2-й (разведывательный) факультет Академии им. М.В. Фрунзе.

С начала Великой Отечественной войны командирован в разведотдел штаба Юго-Западного фронта, где выполнял спецзадания командования.

С октября 1941 года – военнослужащий в/ч 9903. В качестве командира разведывательно-диверсионной группы (отряда) выполнил четыре задания, проведя в тылу врага свыше двух лет.

С 4 по 15 ноября отряд (численностью 42 человека) действовал в районе Старой Рузы.

В конце ноября – в районе Ново-Петровское – Волоколамск.

В декабре 1942 года группа дислоцировалась в районе Калинковичи (Гомельская область Белоруссии).

В мае 1947 года был демобилизован из армии в звании майора.

С 1952 по 1957 год служил в войсках МВД.

До выхода на пенсию работал в профтехучилище [\[555\]](#).

ШЕВЧЕНКО Александр Иосифович

Капитан, командир Отряда особого назначения № 2 разведотдела штаба Западного фронта.

Родился на Белгородчине. До армии работал на заводе. Окончил танковое военное училище. Командовал танковой ротой.

В начале войны воевал в составе 57-й танковой дивизии.

С сентября по декабрь 1941 года в качестве командира отряда специального назначения дважды действовал в тылу противника.

16 сентября 1941 года во главе отряда (численностью 93 человека) отправлен в тыл врага. В результате засады 13 октября 1941 года на дороге Усвяты – Велиж разгромил «штабную колонну немцев и захватил документы. Уничтожено пять мотоциклов, два автобуса, грузовик и легковая машина. Убито шесть офицеров и тридцать солдат охраны. Получены ценные данные о составе 9-й полевой армии противника».

В советский тыл вышел 16 ноября (численность отряда 76 человек, в том числе 13 раненых). В конце ноября 1941 года во главе отряда из 70 человек снова был выведен в тыл противника.

В конце декабря 1941 года был назначен в танковые войска командиром батальона и убыл из в/ч 9903 [\[556\]](#).

ШИРИНКИН Иван Федорович

*Командир разведывательно-диверсионного отряда
разведотдела штаба Западного фронта.*

Родился в 1916 году в селе Макарово Полянского района Воронежской области.

Окончил среднюю школу (по другим данным – семь классов).

С 1937 по 1940 год служил в инженерных войсках Красной Армии.

Накануне войны работал на строительстве Московского метрополитена, а затем начальником станции.

1 сентября 1941 года добровольно пошел в армию и был направлен в разведывательно-диверсионную школу, затем в в/ч 9903, где был назначен командиром отряда.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника.

В тыл врага выведен в ночь с 7 на 8 сентября 1941 года.

Численность отряда – 27 человек.

Десантирование произведено у деревни Борки в Смоленской области.

10 октября 1941 года присвоено воинское звание – лейтенант.

В советский тыл вернулся в конце октября 1941 года.

21 января 1942 года погиб в бою в деревне Попково под Сухиничами Калужской области [\[557\]](#).

ШМЕНКЕЛЬ Фриц Пауль

Ефрейтор, заместитель командира разведывательно-диверсионной группы «Поле» разведотдела штаба Западного фронта, Герой Советского Союза.

Родился 14 февраля 1916 года в Варзове, у Штеттина, в семье рабочего кирпичного завода.

Работал на Варзовском кирпичном заводе.

В октябре 1936 года его мобилизуют на работу в Бейтен.

В декабре 1938 года его призывают в Вермахт, но он отказывается от службы. В ответ – арест. Находясь в камере, он многое передумал. Именно здесь он окончательно понял, что побороть фашизм можно только активным действием, в суровой борьбе, только вместе с единомышленниками. Фриц Шменкель заявил о добровольной поездке на Восточный фронт. Обман удался. Его отпустили досрочно из-под ареста и даже разрешили навестить семью.

Был направлен служить в 1-й арtpолк 186-й пехотной дивизии.

20 ноября 1941 года он встретился с Михаилом Сидоровым, советским активистом, через которого связался с партизанскими частями и вскоре вошел в состав боевой группы отряда «Смерть фашизму».

7 февраля 1942 года был принят в партизанский отряд «Смерть фашизму» и с этого времени по март 1943 года был разведчиком, пулеметчиком, участником и руководителем многих боевых операций на территории Нелидовского и Бельского районов Калининской (ныне Тверской) области и в Смоленской области. Выполняя поручаемые партизанским

командованием боевые задания, Ф. Шменкель принимал участие во всех крупных операциях отряда, проявляя исключительные мужество, отвагу, героизм и бесстрашие.

Был награжден орденом Красного Знамени. Цитата из служебной аттестации комиссара партизанского отряда Дмитрия Горских: «Фриц Шменкель был активным участником многих боевых операций батареи. Он стоял всегда на самых ответственных и опаснейших местах и всегда доказывал свою верность нам, партизанам. Три раза батарею окружали, но она выходила из окружения, дробясь на маленькие группы, и всякий раз он приходил со своим пулеметом на указанный нами пункт сбора».

Цитата из другого документа. Член Военного совета штаба партизанского движения Западного фронта 15 мая 1943 года подтверждает показания крестьянки из Скерино: «10 августа Шменкель возглавил группу из трех партизан, у них было задание раздобыть пленного. После того как группа пробилась в деревню Скерино, Шменкель проявил собственную инициативу и находчивость. Переодевшись в немецкую военную форму, благодаря знанию немецкого языка он без единого выстрела захватил в этой деревне семь полицейских и доставил их в отряд. Пленные дали ценные показания о противнике».

В июне 1943 года откомандирован из партизанского отряда в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта, где прошел специальную подготовку и был назначен заместителем командира диверсионно-разведывательной группы «Поле», подготовленной к выполнению специальных заданий в районе Северной Орши.

В декабре 1943 года вместе с разведчиками Рожковым И.А. и Виноградовым В.Д. направлен в тыл врага.

В начале 1944 года схвачен гитлеровцами.

15 февраля 1944 года приговорен военно-полевым судом к смертной казни,

22 февраля 1944 года казнен фашистами в оккупированном Минске.

6 октября 1964 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) [\[558\]](#).

ШУМИЛИН Александр Васильевич

Командир разведывательно- диверсионной группы разведотдела штаба Западного фронта.

В период с сентября 1941 года по январь 1942 года группа находилась в тылу противника [\[559\]](#).

ЩЕРБИНА Василий Васильевич

Майор, командир разведывательно- диверсионной группы, Герой Советского Союза.

Родился 9 апреля 1914 года на станции Никитовка, ныне в черте города Горловка Донецкой области Украины, в семье рабочего. Окончил 7 классов. Работал слесарем на шахте Узловая.

В Красной Армии с 1934 года.

В 1938 году окончил Одесское военное пехотное училище с отличием. Оставили командиром курсантского взвода, а затем назначили заместителем командира роты, досрочно присвоив звание старшего лейтенанта. Затем учеба в спецшколе НКВД. В начале войны во главе разведывательно-диверсионной группы был переброшен через линию фронта. Трое его товарищей погибли. Оружие группы спрятал в лесу под Полоцком.

В начале июля 1941 года попал в партизанский отряд, созданный батальонным комиссаром Героем Советского Союза Антоном Бринским. Затем отряд

вошел в состав 1-го Белорусского партизанского отряда особого назначения (командир – Григорий Линьков). В ноябре 1941 года во время прорыва блокады партизанского соединения противником отряд Василия Щербины утратил связь с командованием и был вынужден действовать самостоятельно. В середине февраля 1942 года вышел в распоряжение Красной Армии.

В середине марта 1942 года Василий Щербина в качестве командира разведывательно-диверсионной группы (6 человек) военной разведки был десантирован в распоряжение партизанского соединения Григория Линькова. Организовал курсы подрывников. За первую половину мая 1942 года подрывники под командой Василия Щербины пустили под откос 14 воинских эшелонов. В конце июля было создано два разведывательно-диверсионных центра для «обслуживания» двух веток железной дороги. Первая база дислоцировалась в лесах между Плещеницами и Логойском, ею командовал Давид Кеймах. Вторая – в Налибокской пуще, южнее города Воложина. Она должна была проводить диверсии на участках Молодечно – Минск, Лида – Молодечно, Барановичи – Минск. Ею командовал Василий Щербина.

23 сентября 1942 года при осмотре новых мин произошел внезапный взрыв, в результате которого Василий Васильевич Щербина погиб.

В январе 1943 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно)^[560].

ЮДЕНКОВ Андрей

*Командир разведывательно- диверсионной группы
разведотдела Западного фронта.*

До войны – секретарь Ельнинского райкома ВЛКСМ.

В августе 1941 года его группа действовала в районе
Ельни и Дорогобужа [\[561\]](#).

ЯКОВЛЕВ Евгений Васильевич

*Капитан 1 ранга, командир отряда разведчиков на
Петергофском направлении разведотдела штаба
Балтийского флота.*

После окончания войны стал командиром части
морского спецназа, сыграл важную роль в развитии
морской разведки [\[562\]](#).

Часть восьмая

Спецназ в годы «холодной войны»

Глава 22

Отвечая на угрозы с Запада

Через пять лет после окончания Второй мировой войны в связи с появлением на вооружении государств – членов НАТО маневренных средств ядерного нападения в Советском Союзе была разработана и осуществлена идея создания специальной разведки – мобильного и эффективного диверсионно-разведывательного средства уничтожения (выведения из строя) ядерного оружия в глубоком тылу противника, а также дезорганизации управления войсками, работы его тыла путем нарушения железнодорожных, воздушных, морских и других коммуникаций, средств связи и уничтожения видных военных и государственных деятелей. К этому времени военному руководству было очевидно, что некоторые проблемы нельзя решить иначе как с применением специально обученных разведчиков. Да и бывшие союзники по антигитлеровской коалиции спешили развернуться: в некоторых странах Запада такие подразделения были уже созданы. Преимущество именно разведывательно-диверсионных подразделений заключалось в том, что они могли не только обнаружить требуемый объект, но и при необходимости уничтожить его.

Как мы уже писали в начале нашей книги, 24 октября 1950 года согласно директиве № Орг/2/395832 военного министра СССР маршала А.М. Василевского и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала С.М. Штеменко в составе общевойсковых и механизированных армий, а также в ряде военных округов началось формирование отдельных рот специального назначения (далее – орСН). За короткий срок под руководством Главного разведывательного

управления Генерального штаба (ГРУ ГШ) было создано 46 орСН общей численностью более 5,5 тыс. человек. Руководили созданием спецназа опытные люди. Заместителем начальника ГРУ в то время был генерал-полковник Мамсуров. В 5-м управлении ГРУ, где за формирование спецназа отвечал полковник Н.К. Патрахальцев, была разработана «Инструкция по боевому применению частей и подразделений специального назначения СА и ВМФ». В ней был обобщен богатейший опыт разведывательно-диверсионной деятельности советских партизан и подразделений ОМСБОН – ОСНАЗ в годы Великой Отечественной войны. Непосредственным автором инструкции стал Павел Агафонович Голицын, в годы войны начальник разведки партизанской бригады «Чекист».

Главная задача орСН – ведение разведки и борьбы с мобильными тактическими и оперативно-тактическими средствами ядерного нападения в тылу противника на оперативной и оперативно-стратегической глубине, на территориях сухопутных и морских театров военных действий.

Дополнительно на части возлагалась ответственность за выполнение группы специальных задач: вывод из строя или уничтожение объектов оперативного управления, тыла и инфраструктуры; организация партизанского и повстанческого движения (движения сопротивления); уничтожение видных политических и военных деятелей противника в оперативной глубине, тыловых районах и зонах коммуникаций противника^[563].

Каждая орСН имела по штату 120 человек личного состава. Организационно состояла из четырех взводов: трех специального назначения и одного спецрадиосвязи. На вооружении роты состояли автоматы, пистолеты, в том числе с приборами для бесшумной стрельбы, гранатометы, ручные гранаты, десантные ножи; минно-

взрывные заграждения и средства минирования (противопехотные и противотанковые мины, стандартные взрывчатые вещества, а также миноискатели); средства десантирования в тыл противника (парашюты ПД-47, десантные рюкзаки, контейнеры для радиостанций и батарей питания к ним, грузовые парашютно-десантные мягкие мешки). Основой боевого обучения личного состава являлись тактико-специальная подготовка, минно-подрывное дело, огневая, физическая, парашютно-десантная и радиоподготовка. Сначала для подготовки спецназа использовались вертолеты Ми-8, а по мере ее усложнения самолеты Ан-2, Ли-2, Ан-8 и Ан-12.

О боевой выучке бойцов новых воинских формирований рассказывает И.Н. Щелоков, в 1960-е годы командир орСН Ленинградского военного округа:

«Чтобы убедиться в качестве подготовки личного состава роты спецназа, командующий войсками ЛенВО генерал армии С. Соколов приказал на одном из учений выделить в его распоряжение одну разведгруппу спецназначения (РГСН). Ему направили группу в составе 8 человек под командованием старшего лейтенанта Бойко, которая была оснащена спецсредствами подслушивания и записи телефонных и радиопереговоров. А вместо спецсредств подрыва личному составу разведгруппы было приказано ставить специальные знаки на боевой технике ракетной бригады, если они будут иметь возможность к ней подойти вплотную.

Задача РГСН: после высадки из вертолета в районе предполагаемого расположения ракетной бригады или ее подразделения организовать телефонный и радиоперехват, а также его запись, следить за перемещением подразделений и по возможности «заминировать» пути их перемещения и боевую технику.

Данные разведки докладывать по радио на КП командующему лично.

Задание группа выполнила: была обнаружена линия телефонной связи, по которой удалось найти место расположения одной из частей бригады и ее штаб. По линии телефонной связи в результате подключения спецоборудования по прослушиванию и записи переговоров удалось записать указания командира бригады, переданные им по телефону открытым текстом о передислокации подразделений бригады, что категорически запрещалось.

Группа сумела также поставить специальные знаки «заминировано» на части техники и на пути движения одного подразделения. Все добытые данные старший лейтенант Бойко своевременно по радио докладывал на КП командующему. Об одном только не сообщил: используя отсутствие бдительности у некоторых командиров частей, он посылал своих разведчиков к ним на полевую кухню «противника» получать обеды. Эту штуку мы ему простили.

На разборе учений командующий округом поставил хорошую оценку разведгруппе роты спецназа по действиям на учениях и наградил ценным подарком ее командира, а также и командира роты. Ну а что было с некоторыми командирами ракетной бригады, писать не буду, это и так ясно. Другие разведгруппы роты спецназа на данном учении также весьма успешно выполнили свои задачи.

Следует сказать, что на последующих учениях все командиры частей округа действовали более бдительно по отношению к разведке условного противника и разведчики роты спецназа уже на чужие кухни не наведывались, а спокойно пользовались сухими пайками, выдаваемыми им на период учений»[\[564\]](#).

В 1953 году, когда началось сокращение Вооруженных Сил СССР, большая часть орНС – 35 рот –

была расформирована. Личный состав переведен на службу в другие части либо уволен в запас. Оставшиеся 11 рот спецназа продолжали совершенствовать боевую подготовку.

Уже в начале 1957 года Министерство обороны СССР вновь обратило внимание на войска специального назначения. 11 января 1957 года генерал-майор Шерстнев направил начальнику Генштаба служебную записку, в которой, ссылаясь на то, что роты не имеют возможности должным образом подготовить бойцов спецназа, предложил создать три отряда или Центра специального назначения и одну авиаэскадрилью окружного подчинения. Предполагаемый численный состав новой структуры составлял 400 человек.

Директивой Главкома сухопутных войск от 29 августа 1957 года были сформированы не три, а пять отдельных батальонов спецназначения. 26-й батальон входил в состав ГСВГ (Группы советских войск в Германии), 27-й – в СВГ (Северную группу войск, Польша), 36-й – в Прикарпатский, 43-й – в Закавказский, 61-й – в Туркестанский военные округа. Батальоны формировались на базе рот особого назначения. Были сохранены и четыре отдельные роты.

О том, как это происходило на деле, вспоминает В.Е. Бреславский, в то время старший лейтенант, командир роты 27-го ОБСН:

«Основу 27-го отдельного батальона специального назначения Северной группы войск составил личный состав 92-й отдельной роты специального назначения, прибывший с Дальнего Востока.

Укомплектованием, подбором и расстановкой на должности офицерских кадров 27-го ОБСН занимался лично начальник разведки СГВ генерал-майор Алешин. Для решения этих задач он привлекал своего заместителя полковника Григорьева и меня, командира 92-й ОРСН.

Батальон состоял из командования, штаба, трех рот специального назначения, роты спецрадиосвязи, учебного взвода и других подразделений обслуживания и обеспечения.

Личный состав батальона разместился в казармах бывшей школы СС по ротам. Каждому отделению взвода было выделено свое помещение с прозрачными дверьми, открывающимися и фиксирующимися стопорами при тревоге.

Перед входом в стене находились открытые пирамиды для оружия и боеприпасов, которые для нас, согласно инструкции, использованию не подлежали.

В расположении рот были оборудованы учебные классы по тактико-специальной подготовке, подрывному делу, иностранным армиям, спецрадиосвязи и ленинские комнаты. В кратчайшие сроки удалось создать материальную базу для воздушно-десантной подготовки, тренажер Проничева и другие элементы для тренировок по наземной, инженерной, огневой подготовке и спортивный городок. Для занятий по тактико-специальной подготовке умельцами 1-й роты батальона был изготовлен макет крылатой ракеты «Матадор». На нем отрабатывались вопросы выявления и последующего уничтожения или выведения из строя средств ядерного нападения противника. Установленный на занятиях по тактико-специальной подготовке макет «Матадора» был засечен немецкой разведкой, и в разведуправлении СГВ появились сведения о том, что пресса ФРГ сообщает о местонахождении советской крылатой ракеты и нацеливании ее на объекты Западной Германии.

В подготовке личного состава по стрельбе приходилось проявлять смекалку, находчивость, творчество, перестраиваться в методике обучения. Имеющийся стрелковый тир позволял последовательно отрабатывать упражнения на дистанциях 100, 200 и 300

м из положения лежа, с колена и стоя. Поэтому стрельба из автомата Калашникова производилась последовательно по рубежам одиночными выстрелами, а затем очередью. Упражнения из пистолета «ТТ» выполнялись на размеченной площадке (25, 50 м) от начала козырька тира. Боеприпасов было достаточно...

Параютные прыжки сочетались с отработкой элементов тактико-специальной подготовки: сбор группы после приземления, выход на основной (запасной) пункт сбора, действия в случае внезапного нападения противника на десантирующихся.

Параютные прыжки, как и подрывное дело, были эффективным средством морально-психологической подготовки, закаляли волю и характер спецназовцев. Случались и нестандартные ситуации. Так, при оставлении самолета Ли-2 последний парашютист смены замешкался и при повторе команды выпускающего «Пошел!» развернулся на 180°, локтем выбив у выпускающего, который должен был прыгать вслед за ним, кольцо запасного парашюта. У того парашют раскрылся и зацепился за хвостовое оперение самолета. Руки выпускающего были втянуты воздушным потоком в проем не закрывающейся двери самолета, которая стопорилась вытяжными веревками выпрыгнувших парашютистов. Самолет стал терять управление. Попытки штурмана втянуть раскрывшийся запасной парашют внутрь салона не удались. Только после того, как была перерезана лямка, воздушным потоком купол парашюта был сброшен с хвостового оперения самолета. При этом купол парашюта раскроило на ленты. А выпускающий, после выработки горючего у самолета, благополучно приземлился вместе с ним.

В физической подготовке – базе боеспособности спецназовцев – наряду с выполнением нормативов, систематическим совершением маршей и марш-бросков, в том числе ночных, большое внимание уделялось

отработке таких приемов, как снятие часового, захват в плен, боевое использование холодного оружия. Наши сборные команды по баскетболу, боксу, тяжелой атлетике, гимнастике, марш-броску и кроссу на различные дистанции уверенно побеждали как сборную команду войсковой части Войска Польского, дислоцировавшуюся в г. Стшегоме, так и команды Северной группы войск»^[565].

Спецназ остался без училища

9 августа 1957 года по распоряжению маршала Георгия Константиновича Жукова директивой начальника Генерального штаба было приказано в срок до 15 января 1958 года сформировать второе воздушно-десантное училище в Тамбове. Однако это не было выполнено по почти анекдотической причине: партийное руководство увидело в создании училища доказательство того, что маршал Жуков... готовит государственный переворот.

Вот что рассказывает об этой истории со слов заместителя начальника ГРУ Хаджи Мамсурова разведчик Михаил Мильштейн: «Незадолго до поездки в Югославию Г.К. Жуков вызвал его (Мамсурова. – *Прим. авт.*) к себе и поделился с ним своим решением о формировании бригад специального назначения, исходя из возможного характера будущих военных действий в том регионе. Эти бригады должны были быть сравнительно небольшими (до двух тысяч человек), вооруженными самым совершенным и мощным легким оружием. Предполагалось собрать в единый кулак отборный, физически сильный личный состав, обученный приемам ведения ближнего боя, карате, десантированию с воздуха и пользованию современными взрывчатыми веществами. Формирование этих бригад Георгий Константинович возложил на Мамсурова. У

Хаджи-умара Джиоровича Мамсурова был друг, которого он знал много лет, – генерал Туманян. В то время он занимал должность заместителя начальника бронетанковой академии по политической части. Туманян приходился дальним родственником Анастасу Ивановичу Микояну. Будучи женатыми на сестрах, они часто встречались и относились друг к другу по-дружески. Мамсуров рассказал о встрече с Жуковым и его указаниях Туманяну, тот, в свою очередь, решил доложить об услышанном А.И. Микояну. Микоян, в то время первый заместитель председателя Совета Министров СССР, воспринял рассказ Туманяна очень серьезно. Первый вопрос, который он ему задал, звучал примерно так: «А могут ли эти бригады быть выброшены с воздуха на Кремль?» Туманян ответил утвердительно. Услышав это, Анастас Иванович поспешил на доклад к Никите Сергеевичу Хрущеву. В воспаленном воображении Микояна, воспитанного на теориях «заговоров», по-видимому, сразу родилась мысль о намерении Жукова подготовить военный переворот с помощью бригад специального назначения»^[566].

Специфическое воображение было не только у Микояна. Спецназ, выброшенный на Кремль, так напугал руководство страны, что в октябре 1957 года был созван Пленум ЦК КПСС, на повестке дня которого стоял единственный вопрос: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». На партийном языке это значило, что министра обороны будут снимать. И вопрос о секретных бригадах сыграл там далеко не последнюю роль. О нем как о факте игнорирования Жуковым Центрального Комитета сказал на Пленуме М.А. Суслов: «Недавно Президиум ЦК узнал, что тов. Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей. В эту школу предполагалось брать людей со средним образованием, окончивших военную службу.

Срок обучения в ней 6–7 лет, тогда как в военных академиях составляет 3–4 года. Школа ставилась в особые условия: кроме полного государственного содержания, слушателям школы – рядовым солдатам – должны были платить стипендии в размере 700 рублей, а сержантам – 1000 рублей ежемесячно. Тов. Жуков даже не считал нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, считал своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра»^[567].

Что было незаконного в создании секретной бригады спецназа ГРУ, М.А. Суслов не пояснил. Зато это растолковал Н.С. Хрущев, не забыв при этом упомянуть и начальника ГРУ С.М. Штеменко: «...Относительно школы диверсантов. На последнем заседании Президиума ЦК мы спрашивали тов. Жукова об этой школе. Тов. Малиновский и другие объяснили, что в военных округах разведывательные роты и сейчас существуют, а Центральную разведывательную школу начали организовывать дополнительно, и главное, без ведома ЦК партии. Надо сказать, что об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, что не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко ему нужен был для темных дел. Ведь известно, что Штеменко был информатором у Берия – об этом многие знают, и за это его сняли с работы начальника управления... Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать школу, то почему в ЦК не скажешь? Мы бы обсудили и помогли это лучше сделать. Но он решил: нет. Мы сами это сделаем: я – Жуков, Штеменко и Мамсуров. А Мамсуров оказался не Жуковым и не Штеменко, а настоящим членом партии, он пришел в ЦК

и сказал: не понимаю, в чем дело, получаю такое важное назначение – и без утверждения ЦК. Непонятно, говорит он, почему об этом назначении должен знать только министр обороны. Вы знаете что-нибудь об этой школе? Мы ему говорим: мы тоже первый раз от вас слышим. Можете себе представить, какое это впечатление производит на человека»^[568].

Пленум единогласно постановил освободить Жукова Г.К. от обязанностей министра обороны СССР, вывести из состава Президиума ЦК и членов ЦК КПСС. Его место занял Р.Я. Малиновский, впрочем, не допустивший расправы над Штеменко. Тамбовское училище так и не было создано. По злой иронии судьбы, Хрущев, как известно, разделил участь маршала Жукова несколько лет спустя.

Под личиной «партизан»

Незадолго до Карибского кризиса Генеральный штаб провел очередную реорганизацию частей спецназначения. 20 августа 1961 года ЦК КПСС издал постановление «О подготовке кадров и оснащении партизанских отрядов». Это несколько странный в мирное время документ тем не менее принес определенную пользу. Постановление обязало командующих военными округами отобрать 1700 военнослужащих запаса, свести их в бригаду и провести сборы. Этих бойцов запрещалось использовать не по прямому предназначению. Правда, прямое предназначение в отсутствие войны было неясным.

Военные воспользовались постановлением, и в соответствии с директивой Генштаба от 27 марта 1962 года командующим ряда военных округов следовало сформировать 10 скадрированных (скадрованных) бригад, которые разворачивались по штатам мирного

времени, но в случае войны могли быть срочно доукомплектованы приписным составом.

Организационно-штатная структура отдельной бригады специального назначения в 1963 году была следующей:

- штаб бригады (около 30 человек);

- один развернутый отряд СпН (по штату 164 человека);

- отряд спецрадиосвязи по сокращенному штату (около 60 человек);

- два-четыре скадрованных отряда СпН;

- рота хозяйственного обеспечения.

Кроме того, в бригаде числились такие свернутые подразделения, как:

- рота специального минирования;

- группа специального вооружения (ПТРК, РС «Град-П», ПЗРК).

В мирное время численность скадрованной бригады не превышала 200–300 человек, по штатам военного времени бригада специального назначения имела в своем составе более 1700 человек.

На 1 января 1963 года в составе советского спецназа имелось 12 отдельных рот, 5 батальонов и 10 скадрированных бригад специального назначения. К 1968 году в Вооруженных Силах СССР было сформировано 12 отдельных бригад спецназа и 4 отдельные части спецназа ВМФ^[569].

О том, как создавалась в Ленинградском военном округе бригада спецназа, вспоминает И.Н. Щелоков:

«Наша рота спецназа стала основой для создания новой части в ЛенВО. Командиры взводов, которые хорошо себя показали на всех учениях войск ЛенВО, были назначены на майорские должности командиров штатных рот. Как и положено, командира, замполита и начальника штаба бригады подбирал штаб ЛенВО. Заместителя командира по парашютно-десантной

службе, общего замкомандира, начальника ПДС, замкомандира по тылу, а также командиров отрядов (батальонов) было поручено подыскать мне. Я попросил командование разведуправления штаба округа согласовать вопрос о выделении таких специалистов с командованием ВДВ и 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, откуда я намеревался брать эти кадры, ибо другой возможности у меня не было. Такое заверение командования получил и принялся за работу.

Место дислокации бригады спецназа было уже определено командованием округа, что сильно помогло мне в подборе офицеров из воздушно-десантной дивизии, где были офицеры, хорошо знающие парашютно-десантную службу и боевые действия подразделений в «тылу» врага. Имея на руках указание командующего ЛенВО, я направился за кадрами. В дивизии генерал Ометов встретил меня не совсем ласковыми словами, но когда узнал, что у нас в бригаде категории выше, немного успокоился и даже порекомендовал, кого из заместителей комбатов взять на должность командиров отрядов в нашу часть. Кроме того, я отлично знал всех замкомандиров и начальников ПДС батальонов, командиров рот и взводов 237-го парашютно-десантного полка, достойных повышения по должности.

Таким образом, мне довольно успешно удалось подобрать нужных для нашей части офицеров, причем каждый из них шел на должность по званию выше, чем занимал в полку.

Командиром бригады был назначен полковник А. Гришаков, прекрасно знающий разведывательную подготовку и занимавший до этого должность начальника разведки в одной из армий войск ЛенВО.

После укомплектования подразделений бригады офицерским составом началась боевая учеба. Дело в том, что подобранные офицеры уже хорошо были

подготовлены по ПДС, имели опыт по совершению прыжков с парашютом, знали тактику действий подразделений ВДВ, но не знали тактику действий подразделений спецназа. Кроме того, бригады были кадрированными, командиры отрядов должны были знать порядок и методы работы в военных комиссариатах округа по подбору в часть приписного состава из числа офицеров и рядового состава, находящегося в запасе. Также они нуждались в подготовке по минно-подрывному делу с использованием специальных подрывных средств.

Кадровый состав проходил подготовку в течение всего учебного года по периодам, а приписной готовился во время призыва на учебный сбор. Он проводился, как правило, в летний период боевой подготовки в лагере, неподалеку от аэродрома, где базировались транспортные самолеты Ан-12.

В период сборов личный состав бригады готовился по тактико-специальной и парашютно-десантной подготовке. Парашютные прыжки подразделения совершали с самолетов Ан-2 и Ан-12. Место проведения сбора подразделений нашей бригады по парашютно-десантной подготовке оказалось настолько удобным, что командование ГРУ ГШ приняло решение ежегодно направлять к нам на сборы бригады из МВО, КВО, ПрибВО и ОдВО»^[570]. Как видим, надо иметь очень большую фантазию, чтобы привязать то, что в итоге получилось у военных, к подготовке кадров партизанских отрядов. Но надо признать, что Генштаб неплохо воспользовался случаем под «партизанское» постановление создать отряды диверсантов.

В 1963 году на территории Белорусского, Прибалтийского и Ленинградского ВО прошли крупномасштабные учения спецназовских частей, одним из организаторов которых был И.Н. Щелоков. В ходе учений «были выброшены 42 группы, в том числе две –

подводным способом. Это была первая серьезная проверка возможностей спецназовцев во фронтовой операции. И они показали высокий уровень подготовки – практически все группы выполнили поставленные задачи. Опыт учений был обобщен и направлен во все части спецназа»^[571].

Позднее на базе одной из бригад, хорошо проявившей себя на учениях, был снят учебный фильм о частях специального назначения.

К концу 1964 года насчитывалось 10 скадрованных бригад (во всех пограничных округах, Московском и Киевском военных округах), два батальона – ГСВГ (Группа советских войск в Германии) и СГВ (Северная группа войск – на территории Польши) и 6 рот спецназа (Северо-Кавказский военный округ, Приволжский военный округ, Уральский военный округ, Сибирский военный округ, Забайкальский военный округ и Южная группа войск)^[572].

Офицерские кадры для спецназа

В 1968 году в ГРУ ГШ снова был поднят вопрос об открытии учебного заведения по подготовке офицерских кадров спецназа. К тому времени мысль о «десанте на Кремль» ушла в прошлое вместе с отставкой ее творцов, и вопрос был решен положительно. В Рязанском воздушно-десантном училище была сформирована 9-я рота, которая выполняла эти функции на протяжении многих лет. Ее создание было поручено все тому же И.Н. Щелокову, ставшему к тому времени полковником. То, чем занимается рота, никоим образом не афишировалось. Курсанты по внешнему виду, форме и прочему ничем не отличались от десантников. Набирали в это спецподразделение людей очень простым способом – из остальных рот в нее перевели тех, кто пожелал служить в спецназе. А кроме того, командиры

других рот постарались сплавить в новую роту тех, кто им мешал. В итоге 9-я рота училища всегда была худшей по дисциплине – зато лучшей по подготовке. Так, в 1981 года в выпуске роты было 3 золотых медалиста, а весь десантный выпуск имел только одного.

Программа обучения курсантов 9-й роты сильно отличалась от программы десантников. Каждый взвод был курсом и включал в себя четыре отделения. Каждое отделение было также группой, изучавшей определенный язык – английский, немецкий, французский или китайский. А с 1970 года в программу стали включаться также языки предполагаемого противника на том или ином театре боевых действий. Однако это последнее было скорее символическим, поскольку программа обучения языка предполагаемого противника включала всего 40 часов. В 1980 году, с началом афганской войны, было набрано два взвода, в один из которых входило отделение, изучавшее фарси, а впоследствии – дари, более распространенный в Афганистане язык.

В 1981 году 9-я рота произвела последний выпуск. На ее базе были сформированы 13-я и 14-я роты, сведенные в начале 1982 года в батальон, который существовал в училище до 1994 года.

Летом 1977 года в Военной академии имени М.В. Фрунзе также появились учебные группы по подготовке офицеров спецназа. Ранее старшие офицеры этих формирований обучались по той же программе, что и остальные слушатели. Но с 1977 года на разведывательном факультете выделена особая группа офицеров, которых готовят специально для формирований спецназначения и органов военного управления специальной разведки.

В 1966 году была организована краткосрочная переподготовка командного состава разведки на высших офицерских курсах «Выстрел» в

Солнечногорске, которые спустя несколько лет были переведены в один из подмосковных городов. Знания, которые офицеры получают на этих курсах, более практические, чем в академии, поэтому особенно высоко ценятся офицерами.

Что касается остальных специалистов, то в 1970 году была создана учебная рота, затем учебный батальон, а потом и учебный полк, располагавшийся в г. Печоры Псковской области. Здесь готовили командиров отделений, подрывников, радистов. Уровень подготовки выпускников этого полка был намного выше. Однако с отбором кадров обстояло сложнее, поскольку бойцов туда направляли военкоматы, не знающие специфики работы. В этом смысле флоту, который также обучал своих спецназовцев в Печорах, повезло больше. При сроке службы три года они направляли в полк матросов после первого года службы.

Семидесятые годы прошлого века были временем бурного роста спецназа. Именно в течение этого десятилетия активно создавались новые соединения и воинские части, разрабатывалось специальное вооружение, совершенствовалась подготовка кадров. В бригадах имелись учебные роты, где готовились сержантские кадры с учетом специфики службы и боевой учебы. Ежегодно проводились сборы приписного состава. Генеральный штаб изыскал возможность увеличить численность бригад, что способствовало росту профессионального мастерства спецназовцев.

К 1979 году спецназ ГРУ ГШ насчитывал 14 бригад окружного подчинения и около 30 отдельных частей в составе армий и групп войск.

В последние годы существования СССР

К этому времени на вооружение спецназа было принято значительное количество инженерных и

специальных боеприпасов и оружейных систем, с помощью которых диверсанты и должны были уничтожать средства ядерного нападения противника и выполнять другие специальные задачи.

К такому вооружению относились: заряды КЗК, КЗУ, взрывчатка ПВВ-4, ЛПВВ-9, мины МОН-50, МОН-90, МОН-100, МОН-200, ОЗМ-72, ПМН, ПМН-2, мины-сюрпризы МС-3, МС-4, МС-7, противотанковые мины ТМ-62П, позже появилась ТМ-83, реактивные противотанковые гранаты РПГ-18, РПГ-22, РПГ-26, ручные противотанковые гранатометы РПГ-7Д, РПГ-16, огнеметы «Рысь» и «Шмель», противотанковые ракетные комплексы «Метис», «Конкурс», «Фагот», бесшумные пистолеты ПБ, АПБ, автоматы АКМ с ПБС-1.

В качестве парашютных систем использовались людские парашюты Д-5, Д-6, Д-1-5у, Д-1-8, «Лесник».

Для воздушного пути вывода групп и отрядов в тыл противника использовались самолеты военно-транспортной авиации и вертолеты авиации сухопутных войск: Ан-8, Ан-12, Ил-76, Ан-26, Ми-8т, Ми-6. В 5-й обр СпН проходили испытания мотоделтапланы.

Подразделения специального назначения в полной мере обеспечивались средствами связи. В свою очередь, средства связи подразделялись на две категории: средства связи, носимые группой или разведотрядом (Р-152, Р-148, Р-158 и др.), и средства связи, находящиеся у «центровиков» (Р-394К, Р-394КМ, Р-357, Р-397 и др.), т.е. в отрядах спецрадиосвязи.

По штату отряды специального назначения, входящие в состав бригад, дислоцированных на территории СССР, имели в своем составе:

- управление отряда (6 человек);
- три роты специального назначения (по 42 человека);
- роту спецрадиосвязи (32 человека).

Всего отряд имел в своем составе 164 человека ^[573].

Глава 23

Водолазы-разведчики снова в бою

После расформирования роты особого назначения в 1945 году ее личный состав был распределен по другим подразделениям КБФ. Время шло, водолазы-разведчики демобилизовывались, возвращались к мирному гражданскому труду. Напрасно контр-адмирал Л.К. Бекренев и капитан 1 ранга Д.У. Шашенков вновь и вновь обращались к командованию ВМФ с предложениями о воссоздании частей специального назначения на флотах. Их инициатива не находила поддержки. Уже были созданы отдельные роты специального назначения в Советской Армии, уже разведка сообщала об успехах стран вероятного противника – США, Великобритании, Франции в подготовке боевых пловцов, а резолюция адмирала Исакова по-прежнему сохраняла силу.

В начале 1952 года в одном из обращений к военноморскому министру Н.Г. Кузнецову контрадмирал Бекренев писал:

«Опыт Великой Отечественной войны показал, что разведка побережья и ВМБ (военно-морских баз. – *Прим. авт.*) противника, проводимая разведывательными отрядами, имела и будет иметь исключительно важное значение. Сведения о противнике, добываемые разведывательными отрядами, являются надежными и вполне достоверными. Способность разведывательных отрядов захватывать пленных, документы и решать ряд других задач разведки и диверсий на побережьях выдвинула их в ряды наиболее активных сил разведки.

Однако отсутствие какой-либо подготовки разведчиков до войны привело к тому, что в первый период войны ими решались лишь наиболее простые

задачи, и то за счет смелости и отваги личного состава. Неслись значительные потери. В настоящее время вопрос подготовки кадров разведчиков по-прежнему не решен, опыт войны забывается и практически не преломляется, средства флота в целях высадки должным образом не отрабатываются, новая техника, особенно легководолазная, не создается и не испытывается.

Решать задачи разведки, диверсий могут только подготовленные разведчики, которых необходимо готовить наравне с другими военно-морскими специалистами, тем более что подготовить грамотного разведчика, умеющего в целях скрытой высадки пользоваться парашютом и легководолазным снаряжением, труднее, чем матроса других специальностей. Опыт минувшей войны показал, что для подготовки разведывательно-диверсионного подразделения, сформированного из матросов и старшин по третьему и четвертому году службы, и решений задач разведки и диверсий требуется не менее двух лет. Начальники разведок флотов, учитывая острую необходимость в наличии разведывательно-диверсионных подразделений, неоднократно поднимали перед МГШ (Морской генеральный штаб. – *Прим. авт.*) вопрос об их создании.

В СА (Советская Армия. – *Прим. авт.*) вопросам разведки и диверсий силами специальных подразделений в настоящее время придается большое значение. В парашютно-десантных корпусах, в армиях и военных округах созданы специальные подразделения и части. Для руководства подготовкой и деятельностью их в ГРУ Генерального штаба СА создано специальное направление.

В иностранных флотах вопросу подготовки разведывательно-диверсионных подразделений уделяется большое внимание. Созданные в период

Второй мировой войны отряды сохранились, подготовка их направлена на разведку и производство диверсий на побережье и непосредственно с ВМБ и использованием новейшей легководолазной техники и высадочных средств»^[574].

Далее Бекренев предлагал в течение 1953–1955 годов создать на всех флотах разведывательные подразделения, «дав им наименование отдельных морских разведывательных дивизионов (ОМРД)»; вернуть в разведорганы офицеров и старшин, служивших в период войны в РО флотов; направить в ОМРД инструкторами по легководолазной подготовке 14 офицеров и 42 старшин; выделить для обучения личного состава дивизионов 14 сейнеров; открыть при Институте аварийно-спасательного управления флота спецотделение для работ по созданию легководолазного снаряжения и разработки способов их использования в морской разведке, а также ежегодно направлять на Академические курсы при Генеральном штабе армии 10 человек для соответствующей подготовки»^[575].

В выводах контр-адмирал подчеркнул:

«Проведение указанных мероприятий даст возможность иметь на флотах подготовленный резерв разведчиков, способных с первых дней войны решать задачу разведки и осуществлять диверсии в портах, ВМБ и на побережье противника. Пополнение разведывательных подразделений морской пехоты подготовленными в дивизионах кадрами по мобилизации повысит боеготовность этих подразделений и позволит расширить круг решаемых ими задач.

Кроме того, ОМРД дадут возможность изучать и развивать способы высадки и действий на побережье, испытывать и осваивать новую технику для высадки, средства связи, вооружение и разработать табели

снабжения разведывательных частей и подразделений флота необходимым имуществом»^[576].

На этот раз обращение контр-адмирала Бекренева возымело действие. 29 мая 1952 года вопрос о создании частей специального назначения был рассмотрен военно-морским министром вице-адмиралом Кузнецовым. 24 января 1953 года был утвержден «План мероприятий по усилению разведки ВМС». Кстати, при этом немалую роль сыграла апелляция к зарубежному опыту. На совещании с начальниками управлений ГРУ ГМШ министр подтвердил решение о создании отдельных морских разведывательных дивизионов, в первую очередь на Черноморском и Балтийском флотах. Эффективность использования таких подразделений подтвердили проведенные в августе 1953 года опытные учения. 24 июня 1953 года директивой ГШ ВМС был утвержден штат 6-го морского разведывательного пункта (МРП). Командиром был назначен капитан 1 ранга Е.В. Яковлев. Дислоцировалось подразделение численностью 72 человека в районе бухты Круглая (Песчаная) под Севастополем.

Во «Временном положении о МРП ЧФ» указывалось, что пункт «предназначен для подготовки разведчиков, способных в сложных условиях решать задачи разведки и диверсий на побережье, в ВМБ и портах противника; для освоения, развития и выработки новых способов разведки и диверсий, применения вооружения, средств связи и специальных видов снаряжения и снабжения разведчиков»^[577]. Обучение личного состава предусматривалось проводить по следующей программе: общетактическая, разведывательно-диверсионная, морская, легководолазная, военно-инженерная, парашютно-десантная, автомобильная, огневая, физическая, военно-топографическая и радиоподготовка.

К 1958 году МРП были созданы на Балтийском (командир пункта – полковник Г.В. Потехин), Тихоокеанском (командир – капитан 2 ранга П.П. Коваленко) и Северном (командир – подполковник Е.И. Беляк) флотах.

До середины 1961 года морские разведывательно-диверсионные подразделения провели несколько десятков опытных учений, большая часть которых были успешными. Так, летом 1959 года разведчики МРП ТОФ высадились с подводной лодки на побережье Сахалина, вскрыли противодесантную оборону «противника», взяли «пленного» – начальника связи мотострелкового полка, «уничтожили» КП (командный пункт) полка и, захватив автомашину, скрылись от преследования. Осенью того же года группа диверсантов Северного флота на полуострове Средний «взорвала»^[578] склад ядерных боеприпасов и покинула место операции на борту подлодки. Но случались и неудачи. Так, например, в 1956 году в ходе зачетных учений Черноморского флота разведчики не сумели выполнить поставленную задачу по преодолению входных заграждений Севастопольской бухты и минированию кораблей, поскольку запутались в оставшихся с войны затопленных противоторпедных сетях.

В начале шестидесятых годов прошлого века общая численность морского спецназа составляла около 300 человек. На их вооружении находились водолазное снаряжение и оборудование (дыхательные аппараты АВМ, ТП) (ИДА-59М), ИДАП, водолазное снаряжение особого назначения ВСОН-55 и ВСОН-61, гидрокомбинезоны для плавания и прыжков с парашютом ГК-5, устройства для перерезания сетей и тросов под водой и т.д.); подводные средства движения (буксировщики «Протей-1 и 2», носители водолазов «Тритон»); световые приборы целеуказания, наведения и связи (комбинированный прибор разведчика,

инфракрасный ориентир ИКОР и т.д.); радиоэлектронные средства (РС связи из-под воды «Наяда», ГАС «Аргус», «Буй» и т.д.); минно-взрывные средства (средняя прилипающая мина СПМ, удлинённая прилипающая мина УПМ, подводные комбинированные мины типа ПКМ и т.д.); средства десантирования (объединённая подвесная система с парашютом СВП-1), а также огнестрельное и холодное оружие.

Советские отряды боевых пловцов делились на два подразделения: разведывательно-диверсионное и радиотехнической разведки. По результатам проверки, проведенной комиссией ГРУ в 1963 году, боеготовность спецназа была признана довольно высокой. Комиссия пришла к заключению, что разведподразделения подготовлены «к высадке с подводной лодки в подводном положении с глубины до 20 м на буксировщиках с буксировкой контейнеров «КТ-2» на полную дальность днем и на оперативный радиус ночью; к высадке с надводного корабля на аппаратах «Тритон» с «КТ-2» на дальность 9 км днем и 3,8 км – ночью; к десантированию с самолетов на парашютах с грузом и оружием на пересеченную местность в ночных условиях, кроме того, 23 водолаза-разведчика МРП ТОФ подготовлены для прыжков в воду; 12 водолазов-разведчиков МРП ЧФ и 16 водолазов-разведчиков МРП БФ подготовлены к плаванию на аппаратах типа «Сирена»; разведгруппы МРП ЧФ и БФ подготовлены к ведению радиоразведки в сетях ближней и внутриэскадренной связи и радиолокационной разведки кораблей и береговых РЛС; все разведгруппы специального назначения подготовлены к действиям по уничтожению кораблей, судов и гидротехнических сооружений из подводного положения, а также различных объектов на берегу»^[579].

На Балтийском флоте созданный в соответствии с директивой Генштаба ВМС от 15 октября 1954 года

морской разведывательный пункт разместился в 16 километрах от г. Балтийска. Командиром МПР был назначен полковник Г.В. Потехин. В марте 1955 года морской разведывательный пункт был сформирован на Тихоокеанском флоте. Вначале МРП дислоцировался в бухте Малый Улисс вблизи Владивостока, затем на острове Русский. Командиром пункта был назначен капитан 2 ранга П.П. Коваленко. С лета 1955 года началась активная подготовка водолазов-разведчиков. Отрабатывались приемы высадки как с надводных кораблей, так и с самолетов. Директивой от 26 ноября 1957 г. создавался морской разведывательный пункт на Северном флоте. Возглавил его подполковник Е.М. Беляк.

Тем не менее морской спецназ продолжительное время оставался на флоте на положении «бедного родственника». Так, командующий Северным флотом был вынужден даже обратиться к Главкому ВМФ с просьбой о переносе срока формирования МРП с 1955 года на 1957 год ввиду отсутствия нормальных условий для его размещения. В феврале 1956 года по заданию разведки ВМС и на основе опыта своей деятельности, командование 6-го МРП Черноморского флота разработало «Основные требования к размещению разведывательно-диверсионных частей разведки», однако руководящим этот документ не стал. Другая беда морского спецназа заключалась в отсутствии опытных инструкторов. Их не хватало на создаваемых пунктах, комплектуемых обычными призывниками без какого бы то ни было специального отбора. 6-му МРП, как наиболее опытному, приходилось делиться с другими подразделениями подготовленным личным составом, что не могло не сказываться на его боеспособности.

Однако постепенно советский морской спецназ креп. По инициативе капитана 1-го ранга Шашенкова Д.У.,

предложившего расширенную штатную структуру МРП, которая приближала повседневную комплектацию к боевой, в декабре 1958 года численность личного состава на пунктах увеличилась до 270 человек. Началось освоение новой боевой техники: подводных средств движения (ПСД) и буксировщиков. Новшества боевой подготовки первыми обычно осваивали на Балтийском флоте. Здесь в 1956 году мичман Брагин совершил первый прыжок с парашютом, предназначенным для боевого пловца, а на следующий год моряки того же подразделения опробовали новейшие по тому времени акваланги. Летом 1958 года балтийцы полковник Потехин, старший лейтенант Авинкин и матрос Куприн провели испытания подводного транспортировщика. В том же году на учениях в районе Таллинской военно-морской базы одна группа боевых пловцов совершила учебное минирование крейсера на якорной стоянке, другая группа «уничтожила» на берегу склад боеприпасов, третья – проделала проход в боносетевых заграждениях, прикрывавших вход на таллинский рейд.

К 1960 году обустройство частей водолазов-разведчиков на КБФ в целом завершилось. В мае под руководством капитана 1 ранга Шашенкова Д.У. была разработана программа боевой подготовки для приписного состава, призываемого на сборы из запаса. Были введены высокие нормативы отбора на службу в спецназ ВМФ. Срок службы матросов и старшин составлял три года. Программа их обучения была чрезвычайно разнообразной, она включала в себя водолазную, воздушно-десантную, навигационно-топографическую, морскую и физическую подготовку, минно-взрывное дело, рукопашный бой, умение выживать на местности, сходной с условиями возможных театров военных действий, радиодело и многое другое, без чего не обойтись в современной

войне. В течение нескольких месяцев физическую и психологическую нагрузку призывников доводили до предела. За кандидатами постоянно наблюдали старшины из боевых подразделений, заранее подбиравшие людей в свои группы. Физическая и профессиональная подготовка оценивалась по нормативам, а психологическая устойчивость проверялась при различных испытаниях. Постепенно морские разведывательные пункты, укомплектованные хорошо обученными бойцами, становились достойным продолжением Роты особого назначения КБФ.

Специальная техника, которую применяли водолазы-разведчики, разрабатывалась и совершенствовалась в научной лаборатории специальных водолазных снаряжений ВМС, образованной в июне 1953 года, а в октябре 1961 года реорганизованной в отдел.

Осенью 1962 года в поселке Орджоникидзе близ Феодосии по инициативе капитана 1 ранга Шашенкова Д.У. была проведена проверка возможностей транспортировки по воздуху вооружения и специальной техники – носителей водолазов, буксировщиков, пеналов для перевозки раненых и пленных, грузовых контейнеров, мин, средств связи и радиоэлектронной разведки. Переброска водолазов-разведчиков воздушным путем значительно увеличила их мобильность.

Современный парк ПСД (плавучих средств доставки) морского спецназа представлен также двухместным глубоководным аппаратом «Сирена» и шестиместной (плюс 3 человека экипажа) подводной лодкой «Пиранья», способными скрытно доставлять бойцов к цели на расстояние до 130 морских миль.

Помимо обычного стрелкового вооружения, снабженного приборами бесшумной беспламенной стрельбы (ПБС-1, ПБС-2), диверсионно-разведывательные группы могут быть оснащены

гранатометами, ПЗРК и ПТУРСами. В подразделениях спецназа, в том числе подводного, уделялось и уделяется большое внимание огневой подготовке. Основной упор делается на быстрое поражение цели в различных ситуациях (в том числе и в условиях плохой видимости) с первого выстрела. Стрельба ведется в высоком темпе и с постоянной сменой позиции. Инженерное вооружение диверсантов включает как обычные взрывчатые вещества, стандартные фугасные и кумулятивные заряды, противопехотные и противотанковые мины, так и морские противокорабельные мины в специальной комплектации.

Подводное оружие боевого пловца обязательно включает в себя нож водолаза универсальный (НВУ). Нож хорошо сбалансирован, что позволяет использовать его и на поверхности как метательное оружие.

Стрелковое подводное оружие появилось в 1970-х годах в связи с необходимостью оснащения водолазов из подразделений противодиверсионной борьбы, занимающихся охраной объектов на воде, так как, кроме проведения диверсий, необходимо еще и принимать меры по защите собственных кораблей. К созданию отрядов по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами (ПДСС) военно-морское командование приступило в 1968 года. Специалисты по противодиверсионной борьбе готовились в Учебно-тренировочном отряде легких водолазов Черноморского флота, созданном в 1967 году на базе 6-го МРП. В 1968–1969 годах отряды ПДСС были развернуты на Балтийском, Черноморском, Тихоокеанском и Северном флотах. В современных условиях такие подразделения имеются на всех крупных военно-морских базах и в обязательном порядке там, где находятся атомные подводные лодки или военные корабли с ядерным оружием на борту. Для вооружения расчетов ПДСС в

1968 году Институтом точного машиностроения был создан специальный подводный пистолет СПП-1 – уникальное оружие, принятое на вооружение в 1971 году, а затем АПС (автомат подводный специальный). Последний представляет собой мощное оружие, позволяющее уничтожать боевых пловцов противника на дистанции, исключающей серьезное противодействие с их стороны, а также эффективен для повреждения надувных моторных лодок, быстроходных катеров и подводных средств движения. АПС был принят на вооружение в 1975 году и до сих пор не имеет аналогов за рубежом.

В 1961 году 6-й МРП был передислоцирован на остров Первомайский у г. Очакова и в июне 1968 года преобразован в 17-ю бригаду специального назначения. В составе Каспийской флотилии морской разведывательный пункт был сформирован в 1969 году и включал в себя согласно штату около 50 человек. Пункт находился в г. Баку. В 1967 году приказом главнокомандующего ВМФ был создан Учебно-тренировочный отряд легких водолазов Черноморского флота. На следующий год он показал на крупных общевойсковых учениях свои возможности в обеспечении высадки десантов. Боевые пловцы этого отряда не только провели разведку побережья в районе высадки главных сил, но и сумели захватить там плацдарм, облегчивший и ускоривший десантирование войск с кораблей.

В ходе учений отрабатывались новые варианты доставки водолазов-разведчиков в тыл противника. Для десантирования с самолетов и вертолетов применялись специальные парашюты ПВ-3, позволяющие сбрасывать пловца в водолазном снаряжении на воду. В 17-й бригаде под руководством заместителя командира части полковника В.Д. Позднякова в июне 1986 года отрабатывались прыжки с высоты 120, 100, 80 и 60 м.

Полковник Поздняков установил мировой рекорд, прыгнув с 50 м, а С. Галаев совершил прыжок с 80 метров в водолажном снаряжении. При этом прыжки производились без запасного парашюта, поскольку время полета под куполом исчислялось секундами. Высокая подготовленность пловцов позволила совершать без травм прыжки при скорости ветра до 15 м/с, а командиру группы А. Будневу на учениях довелось десантироваться при ветре 17 м/с (61,2 км/час).

17-я отдельная бригада специального назначения, помимо выполнения программы боевой подготовки, в восьмидесятые годы прошлого века занималась обучением пловцов для спецназа КГБ «Вымпел», подразделений ряда других силовых ведомств СССР. Водолазы бригады принимали участие в подводных работах после крушения теплохода «Адмирал Нахимов». Спецназовцы Балтийского пункта разминировали Суэцкий канал, а также обеспечивали безопасность переговоров на высшем уровне на Мальте и в Рейкьявике.

После 1991 года

Распад СССР разрушительно сказался на всех Вооруженных Силах великой державы, включая спецназ. Но еще до этого, 1 января 1990 года, 17-я бригада специального назначения, входившая в состав Черноморского флота, вновь была реорганизована в разведывательный пункт – РП 1464. После провозглашения Украины самостоятельным государством офицерам части было предложено принять украинскую присягу либо уехать из Очакова. Почти все офицеры отказались присягать новой стране и перевелись на Балтийский и Северный флоты.

В настоящее время части специальной разведки ВМФ продолжают совершенствовать уровень боевой

подготовки. Требования подготовки вытекают из тех задач, которые стоят перед боевыми пловцами. Это – ведение разведки на приморских направлениях в интересах флота, уничтожение мобильных пусковых установок ракет, командных пунктов, гидротехнических сооружений, кораблей и подводных лодок. Большинство задач, решаемых спецназом ВМФ, чрезвычайно сложны, но именно то, что противник исключает возможность их выполнения, способствует разведчикам в достижении успеха.

Герои морского спецназа

После окончания Великой Отечественной войны морских спецназовцев награждали часто боевыми орденами, но лишь одному из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Капитан 1 ранга Александр Иванович Ватагин. Его коллеге – капитану 1 ранга Валерию Семеновичу Сластене было присвоено звание Героя Российской Федерации. Оба – разработчики и испытатели специальной подводной техники для нужд спецразведки.

Коротко расскажем об этих людях.

ВАТАГИН Александр Иванович

Капитан 1 ранга, Герой Советского Союза

Родился 28 января 1957 года в деревне Осетище Шумячского района Смоленской области в крестьянской семье.

С 1975 года – в Военно-морском флоте СССР.

В 1980 году окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского.

В 1981 году окончил 6-й Высший специальный офицерский класс ВМФ.

С 1980 по 1985 год служил командиром отряда в Каспийской флотилии.

С 1985 по 1995 год служил в 40-м ГНИИ МО РФ.

Высококвалифицированный специалист в области аварийно-спасательных, водолазных и подводно-технических работ, организации и проведения испытаний новых образцов специальной подводной техники, А.И. Ватагин проходил службу в морских частях специального назначения, в 40-м ГНИИ МО РФ.

Участвовал в испытаниях сверхмалых подводных лодок «Тритон-2», групповых носителей водолазов «Сирена», индивидуальных подводных буксировщиков, экранопланов, малых подводных лодок «Пиранья» и др., многих образцов водолазного снаряжения и систем жизнеобеспечения.

Принимал участие в подготовке иностранных специалистов в области спецразведки. Испытывал новые технологии и технические средства в ходе эксперимента по длительному пребыванию под повышенным давлением до 500 метров. Проработал под водой 3000 часов.

В 1990 году во главе группы из шести испытателей выполнил рекордный эксперимент по погружению на глубину 500 метров (32 суток, из них десять – на глубине 500 метров).

24 января 1991 года присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1995 года – в запасе [\[580\]](#).

<i>СЛАСТЕНА Валерий Семенович</i>
--

Начальник лаборатории Государственного научно-исследовательского института аварийно-спасательного дела, водолазных и глубоководных работ, капитан 1 ранга, Герой Российской Федерации.

Родился 1 сентября 1947 года в селе Русская Поляна Омской области.

С 1966 года – в Военно-Морском Флоте.

В 1967 году окончил Аварийно-спасательную школу Черноморского флота.

В 1970 году окончил отделение подготовки техников-водолазов при Ленинградском высшем военноморском инженерном училище.

С 1970 года – командир группы подводного минирования, водолазный специалист отряда подводного минирования Балтийского флота.

В октябре 1975 года перешел на службу в Государственный научно-исследовательский институт аварийно-спасательного дела, водолазных и глубоководных работ МО СССР.

С 1975 по 1982 год – офицер-испытатель.

С 1982 по 1985 год – старший офицер-испытатель.

С 1985 по 1990 год – заместитель начальника отдела.

С 1990 по 1997 год – начальник лаборатории – водолазный специалист.

В 1978 году заочно окончил Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского по специальности «кораблестроение».

В 1995 году вместе с капитаном 2 ранга А.Г. Храмовым стал участником длительного научного эксперимента, в течение которого были проведены уникальные медицинские и научные опыты по проблеме пребывания человека на сверхглубинах. Погружение длилось более двух недель.

За 30 календарных лет службы В.С. Сластена провел под водой более 10 000 часов, освоил не менее двух десятков разных профессий.

15 сентября 1995 года присвоено звание Герой Российской Федерации.

С сентября 1997 года – в запасе. В настоящее время работает главой администрации Кузьмоловской волости Ленинградской области [\[581\]](#).

Также звание Героя Российской Федерации было присвоено прапорщику 42-го МРП ТОФ *АНДРЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ДНЕПРОВСКОМУ*. Погиб 21 марта 1991 года в Чечне.

Глава 24

Спецназ в Афганистане

В афганских событиях 1979–1989 годов активное участие принимал и спецназ. Если в 1979 году в составе 40-й армии спецназ был лишь отдельной ротой спецназа, то уже в 1986 году группировка соединений и частей спецназа составляла две отдельные бригады спецназа по четыре отдельных отряда спецназа и отдельную роту спецназа, что составило тринадцать рот спецназа^[582].

«Только в 1987 году подразделениями спецназа перехвачено и уничтожено 332 каравана с оружием и боеприпасами, что не позволило руководству мятежников поставить во внутренние провинции Афганистана более 290 единиц тяжелого оружия, 80 ПЗРК, 30 НУРС, более 15 тысяч ПТ и ППМ, 8 млн боеприпасов к стрелковому оружию. Ими захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Так, каждый пятый миномет и ДШК, каждая четвертая единица стрелкового оружия, каждый третий РПГ, каждое второе безоткатное орудие было взято в бою разведчиками...» (Из приказа штаба 40-й армии)^[583].

«Мусульманский батальон» начинает действовать

5 июля 1979 года в Кабул была направлена группа сотрудников госбезопасности из состава спецрезервистов КУОС (Курсы усовершенствования офицерского состава), имеющих специальную разведывательно-диверсионную подготовку. Во главе группы, получившей название «Зенит», стоял руководитель КУОС полковник Г.И. Бояринов. В том же

месяце из Ферганы в Баграм, согласно официальному соглашению между Москвой и Кабулом, был переброшен батальон из состава 345-го отдельного парашютно-десантного полка. По легенде парашютисты должны были заниматься реконструкцией и охраной афганской авиабазы. В конце сентября в Афганистан под видом гражданских специалистов вылетела группа старших офицеров воздушно-десантных войск, возглавляемая заместителем командующего ВДВ генерал-лейтенантом Н.Н. Гуськовым.

В первых числах ноября 1979 года по просьбе Амина об усилении его охраны советскими военнослужащими в Кабул прибыл «мусульманский батальон» – 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ. Он был сформирован летом 1979 года в 15-й отдельной бригаде специального назначения Туркестанского военного округа под руководством старшего офицера ГРУ подполковника В.В. Колесника. Личный состав батальона насчитывал 538 человек, на его вооружении имелась боевая техника: 50 БМП и БТР, несколько зенитно-самоходных установок – ЗСУ-23-4 «Шилка», реактивные пехотные огнеметы «Рысь» и др. Отряд состоял из четырех рот. Также в него входили отдельные взводы связи, ЗСУ «Шилка», автомобильный и матобеспечения. Такого вооружения и такого штата до этого не было в спецназе. Служили в отряде, включая офицеров, исключительно коренные жители Средней Азии – узбеки, туркмены и таджики. Почти все они владели языком фарси, одним из основных в Афганистане. Их снабдили формой афганской армии, поскольку предполагалось, что они, одетые в форму афганской армии, будут охранять афганского лидера Тараки (дело происходило до его свержения и убийства по приказу Амина в сентябре 1979 года). Командовал отрядом майор Х.Т. Халабаев, опытный офицер, узбек по национальности, исполнявший в 15-й бригаде должность заместителя

командира одного из отрядов спецназа по воздушно-десантной подготовке. Для того чтобы возглавить батальон, его специально отозвали с офицерских курсов «Выстрел».

Как наиболее подготовленным, спецназовцам ГРУ и группам КГБ «Зенит» и «Гром» была поставлена задача – взять штурмом дворец Амина в Кабуле. Перед самой операцией их усилили двумя ротами ВДВ. Им противостояли три мотопехотных и один танковый батальон афганской бригады охраны численностью около 2,5 тыс. человек. Соотношение сил составляло 1:4 в пользу охраны Амина.

Операция началась в 19 ч 30 мин по сигналу «Шторм-333», переданному по радио, со взрыва на центральном телеграфе, который разрушил все кабельные линии, в том числе и международные, оставив Кабул без связи. Основными очагами боевых действий стали дворец Амина, комплекс зданий генерального штаба, здания радио и телевидения Кабула, штаб армейского корпуса, тюрьма в Пули-Чархи, зенитный и авиационный гарнизоны в Баграме.

Операцией по захвату дворца Амина руководил полковник КГБ Г.И. Бояринов. Ему подчинялись спецгруппы «Зенит» и «Гром» общей численностью 52 человека, 9-я рота десантников, «мусульманский батальон» майора Х.Т. Халабаева. Противостояли советским подразделениям 4 батальона дворцовой охраны и личная гвардия Амина – порядка 1,5 тыс. моджахедов. В ходе штурма дворца погибло 12 человек, среди них «зенитовцы» Г.И. Бояринов и Б. Суворов, четыре десантника и шесть спецназовцев из «мусульманского батальона», 38 человек получили ранения. Операция, по меркам профессионалов, была проведена уникальная – скоротечная, дерзкая, четко спланированная, без задействования большого количества живой силы и боевой техники.

По утверждению будущего командира «Мусульманского батальона» (1984–1986) Алексея Дементьева, «основная тяжесть по ведению боя при штурме дворца легла на плечи солдат и офицеров 154-го отдельного отряда специального назначения. Да, в составе отряда действовали офицеры КГБ, но их роль состояла в координации действий подразделений отряда, в необходимости совершения ареста президента Амина, членов его семьи и сподвижников»^[584].

2 января «мусульманский батальон» был выведен в Ташкент. Но ненадолго. После доукомплектования он в том же 1980 году был снова отправлен в Афганистан.

Участие в боевых действиях

На начальном этапе боевых действий в составе 40-й советской армии из спецвойск находились разведывательные подразделения ВДВ. Однако опыт показал, что они, как и армия в целом, не были готовы к антипартизанской войне, и с осени 1980 года началось усиление спецназа 40-й армии. Одной из основных задач был поиск и уничтожение душманских караванов, доставлявших оружие и военную технику из сопредельных государств. Для этой цели использовались различные боевые подразделения, но главная роль отводилась силам спецназа ГРУ.

Еще в декабре 1979 года в Чирчике (Узбекистан), была сформирована 469-я отдельная рота специального назначения. Она прибыла в Афганистан в феврале 1980 года. До весны 1984 года рота вела боевые действия в одиночку, от случая к случаю привлекалась для выполнения отдельных заданий. Рота находилась в Кабуле до 15 августа 1988 года.

В конце 1981 года в северные провинции Афганистана перебросили 154-й (1-й батальон, бывший «мусульманский») и 177-й (2-й батальон) отдельные

отряды специального назначения. В целях маскировки они именовались «отдельными мотострелковыми батальонами» – 1-м и 2-м. 154-й отряд был размещен в г. Акча на севере Афганистана, а в августе 1982 г. переведен в г. Айбак соседней провинции Саманган. Его первым командиром в Афганистане был майор И.Ю. Стодереvских. 177-й отряд был сформирован в феврале 1980 год из разведчиков Чучковской 16-й бригады спецназа (МВО) и Капчагайской 22-й бригады (САВО), командир – подполковник Б.Т. Керимбаев. Отряд пересек границу в сентябре 1981 года, а через неделю вступил в бой.

К началу 1985 года в Афганистан были введены новые части – 173, 688, 334, 370 и 186-й отдельные отряды специального назначения (оо СпН), прибывшие с Украины, из Белорусского, Московского и Прикарпатского военных округов. Один отряд – 411-й оо СПН – был сформирован на месте, в Фарахе. Общая численность отрядов составляла более 4 тыс. человек; на их вооружении находилось 96БМП-2, 256 БТР-70/80, 323СУ-23-4 «Шилка» и т.д. Затем штаты, структура и вооружение отрядов были изменены; от них было забрано тяжелое вооружение. До 1984 года отряды преимущественно занимались охраной трубопроводов и горных перевалов, что хотя и являлось важной задачей, но не соответствовало их боевому предназначению. Но когда моджахеды стали получать регулярную и все более увеличивающуюся помощь из Ирана и Пакистана, советское командование приняло решение о более активном применении спецназа в Афганистане.

Отряды были сведены в две бригады – 15-ю и 22-ю спецназначения, со штабами в Джелалабаде и Лашкаргахе. В бригаду вошли по четыре отряда-батальона. Каждый имел численность до 500 человек, всего в обеих бригадах – около 4000 бойцов. В штабе

армии общее руководство спецназом осуществляла оперативная группа «Экран».

Основными задачами спецназа являлись:

- разведка и доразведка;
- уничтожение формирований моджахедов и караванов;
- вскрытие и уничтожение баз и складов;
- захват пленных;
- ведение вертолетной разведки караванных путей и досмотр караванов;
- минирование караванных путей и установление на них разведывательно-сигнализационной аппаратуры;
- выявление районов сосредоточения моджахедов, складов вооружения и боеприпасов, мест дневок караванов и наведение на них авиации (с последующей проверкой результатов авиационных ударов).

О боевых возможностях спецназа свидетельствует тот факт, что для выполнения задач по перекрытию границы, с которыми справлялись бригады специального назначения, требовалось около 80 тыс. обычных солдат.

В издании «Афганистан. Война разведок» относительно действий спецназа в Афганистане говорится следующее:

«Имеющиеся данные о 186-м отряде (входил в состав 22-й отдельной бригады СПН. – *Прим. авт.*) позволяют оценить его боевую работу: к концу 1985 г. чуть больше, чем за 200 дней, его бойцы выполнили 202 боевых выхода и 45 вылетов на досмотр. Преимущественными были действия разведгрупп (200 выходов) в засадах, и лишь дважды привлекались силы всего отряда для налетов на душманские базы. Результативных засад было 36 (18%), в которых уничтожили 370 душманов, 34 автомобиля и множество боеприпасов, взяв 15 пленными и 98 единиц оружия. Потери составили 12 убитыми, в том числе двое офицеров»^[585].

И далее: «Наиболее боеспособные во всей 40-й армии подразделения спецназа получали новейшую технику и оружие, включая специальное – связи, наблюдения и сигнализации, бесшумной стрельбы и взрывную технику. Они экипировались и снабжались лучше других, хотя и с поправкой на известную нерасторопность тыловых служб. До самого конца войны армия так и не получила современного горного снаряжения и соответствующего обмундирования, лучшего оставляли желать средства маскировки и тяжелые бронежилеты. Немногочисленные экспериментальные образцы спецодежды, комбинезоны, накидки и экипировки так и остались единичными. Особенно много претензий было к медицинским средствам, неподходящей обуви и низкокалорийным продовольственным пайкам, что вынуждало поправлять снабжение за счет трофеев, покупать и мастерить самостоятельно наиболее нужные предметы экипировки – рюкзаки, разгрузочные жилеты, подсумки и ранцы. Командир батальона майор И.В. Солоник характеризовал экипировку так: «В основном все солдаты и офицеры снаряжение и обмундирование перешивали, так как оно стесняло движения, было неудобным. В армейской обуви на засады никто не ходил. В горах она была неудобной и тяжелой, а по ее следам противник мог легко определить место засады». В 177-м (оо СпН 15-й бригады спецназначения. – *Прим. авт.*) личный состав «сбрасывался» деньгами, чтобы с отпускниками заказать дома в швейном кооперативе сразу 200–300 комплектов необходимой амуниции. В разгромленных караванах нарасхват шли ботинки, те же «лифчики», камуфляж, спальные мешки и особенно – качественные медикаменты, обезболивающие средства, кровезаменители, разовые шприцы, жгуты и шины»^[586].

Во второй половине афганской войны «типовая экипировка на 3–4 дня самостоятельной работы

определялась так: 2–3 комплекта боеприпасов к личному оружию, 4 ручные гранаты, одна граната РПГ-18 на двоих, две 200-г тротилловые шашки, 5 дымовых шашек и 5 сигнальных реактивных патронов, 4 мины к 82-мм миномету (если его брали с собой) или барабан с лентой к АГС-17, запас продовольствия на 3–5 суток, 2–3 фляги воды или чая, плащ-палатка и одеяло. Зимой и в горах добавлялись теплые вещи, бушлаты и спальные мешки. Массивные АГС-17, минометы и пулеметы разбирались на «подъемные» части по 15–20 кг. Общая экипировка бойца весила в лучшем случае и «летнем» варианте 35–40 кг, причем самого необходимого»[\[587\]](#). Заметим, что образ могучего двухметрового роста десантника, столь любезный сердцу кинематографиста, не более чем художественный вымысел: боевой выход с таким грузом выдерживали люди обычного телосложения, но «по-спецназовски» натренированные.

Работали отряды небольшими группами по 7–10 человек, которые передвигались на БТР, БМП или автомашинах «Урал» вдоль караванных маршрутов. Действовали они автономно, полагаясь только на собственные силы. «Группы спецназа направлялись для проверки разведданных, для захвата оружия и пленных, обнаружения стоянок, караванов, складов и банд, устанавливали разведывательно-сигнальную аппаратуру и минировали тропы...»[\[588\]](#)

Позднее количество бойцов в группах и тактика их действий изменились. «Готовившаяся к выходу группа насчитывала от 10 до 25 человек и, помимо обязательных снайпера, гранатометчика и связиста, могла включать гранатометчиков с АГС-17, артиллерийского корректировщика и авианаводчика, минеров и огнеметчиков из подразделений химических войск. Группа делилась на звенья захвата, огневое и прикрытия, действия которых заранее согласовывали и отрабатывали, уточняя на месте расстановку сил и

взаимную поддержку. Основой были тройки, старшинство в которых назначалось не всегда по званию, а по опыту. И в подчинение к знающему сержанту вполне мог попасть молодой офицер»^[589].

О том, как действовали подразделения спецназа, рассказывает бывший командир 22-й бригады спецназначения Д.М. Герасимов:

«Первый боевой выход состоялся где-то в конце апреля 1985 года. Возглавил боевую группу заместитель командира бригады Михаил Петрович Масалитин. По поступившей информации, в районе севернее Гиришка была школа по подготовке гранатометчиков. Бой получился ожесточенным. При переправе через арык была подбита БМП (ее, правда, удалось вытащить), было несколько раненых. Но мы нанесли противнику значительный урон, уничтожив, по данным агентурной разведки, около 30 душманов, школа фактически перестала существовать.

Затем мы научились нормально воевать. Труднее всего пришлось тем, кто пришел в бригаду из других подразделений. Поскольку ее формировали на скорую руку, приходилось брать и мотострелков, и представителей других воинских специальностей. Они, естественно, не имели навыков действий в составе групп специального назначения и психологически не были готовы к тому, что несколько человек выбрасывают за 100 километров от места дислокации, вокруг чужая территория, враги, и надо с ними воевать. Но постепенно привыкли, тем более что все боевые действия мы планировали очень тщательно. Перед любым выходом группы делали макеты местности, на которых разыгрывали возможные эпизоды, отрабатывали варианты действий вместе с вертолетчиками и другими приданными подразделениями. Изучали опыт разведки мотострелковых подразделений.

Душманы тоже вели против нас разведку, они даже знали радиус действий наших вертолетов, который в то время составлял 120 километров от аэродрома. По приказу командующего ВВС 40-й армии в то время дополнительные баки были сняты с Ми-8, поскольку они увеличивали вероятность поражения вертолетов. Но потом на смену Ми-8 пришел Ми-8МТ с увеличенным баком, где был предусмотрен полиуретановый наполнитель, и через пробоину топливо уже не выливалось. Эти вертолеты были мощнее, имели усовершенствованную систему против ПЗРК и могли совершать вылеты на расстояние до 180 км. Душманы это тоже хорошо знали.

Чтобы сбить с толку душманских главарей, мы с командиром 6-го батальона Иваном Михайловичем Кротом приняли решение о высылке усиленной бронегруппы с топливозаправщиками в пустыню на расстояние 120 км от постоянного места дислокации. Вертолеты же взлетали с аэродрома, садились на подготовленную площадку, подзаправляли баки, а оттуда выходили даже на зону пакистанской или иранской границы. Так удалось достичь весьма серьезных результатов: мы уничтожили четыре склада боеприпасов на открытых площадках. По крайней мере по докладам, эти склады горели полмесяца. По приказу Хекматияра (глава вооруженной афганской оппозиции. – *Прим. авт.*), который в то время находился на территории Пакистана, было расстреляно 6 человек, которых он посчитал виноватыми в столь крупных потерях.

Запомнился еще один эпизод, когда мы взяли 14 тонн опиума-сырца. Когда досмотровая группа вылетела на осмотр пустыни, увидели, что идет колонна. Вертолеты сделали заход, и машины стали разъезжаться в разные стороны. Вертолетчики остановили их огнем, сели и высадили досмотровые

группы. Оказалось, что все 8 машин до упора загружены опиумом-сырцом. Их доставили в часть, а когда доложили о «находке» начальнику штаба 40-й армии генерал-майору Сергееву, тот не поверил. Прислал самолет «Ан-24» (к тому времени мы уже построили грунтовую взлетно-посадочную полосу), взяли образцы и отвезли их в Кабул. Там проверили, действительно, оказался опиум-сырец, причем очень высокого качества. Но что делать с ним, не знали: Советский Союз не имел фабрик по его переработке для полезных нужд. Нам приказали наркотик уничтожить. Мы вынесли его на берег Гильменда, обложили скатами, облили бензином и подожгли. Часть несгоревшей массы пришлось трактором сталкивать в реку.

Однажды досмотровая группа 6-го батальона захватила два мешка с деньгами. Как потом выяснилось, там было более 2 млн афгани, которые предназначались для расчетов с душманами. Привезли мешки в часть, пересчитали деньги в присутствии начальника особого отдела подполковника Петра Олексенко. Потом перебросили их в полевой банк в Кандагаре.

Эпизодов боевых действий можно привести много. К тому времени у меня была своя агентура даже на территории Пакистана, в частности один белудж, которого нам разрешили материально заинтересовать, очень успешно работал на нас. Условие было такое: он нам сдает пять караванов и из последнего лучшую машину берет себе. Все, что в ней находится, становится его собственностью, за исключением оружия и боеприпасов. И он очень тщательно подходил к формированию и сопровождению с территории Пакистана этого последнего «обоза». Один раз, когда караван уходил, даже помог в его задержании. Из-за материальной заинтересованности работали и многие другие агенты.

Весьма результативной оказалась операция, проведенная 3-м батальоном специального назначения в районе Аргандабского водохранилища, где был убит американский военный советник Торнсон, который шел в составе большого каравана с территории Пакистана. Мы его нашли по кровавому следу: он прополз метров четыреста, пытаясь укрыться в невысокой ржи. У него были обнаружены подробные записи, в том числе описание маршрута, по которому они передвигались. Как потом выяснилось, они заходили в Кандагар, поднимаясь с юга на север. Они шли с севера, поднимались на юг, а потом спускались к Кандагару. Мы смогли после этого маршрут полностью перекрыть.

Бригаде принадлежит успех в захвате первого трофейного «Стингера». Командование много внимания уделяло этой задаче и обещало присвоить звание Героя Советского Союза тому, кто это сделает. С задачей справилась досмотровая группа во главе с заместителем командира 7-го отряда майором Сергеевым. Правда, награду он получил значительно более скромную – орден Красной Звезды.

По ходу развития событий бригада вела не только разведывательно-поисковые действия, но и участвовала в масштабных боевых действиях. В частности, 3-й батальон совместно с 70-й мотострелковой бригадой брал мощный укрепленный район в горах. Руководил операцией начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Гусев. Там были огромные склады оружия в пещерах естественного происхождения. Одних только реактивных снарядов вывезли оттуда 1100 штук. На третий день душманы начали активные боевые действия, обстреливали этот район, поэтому пришлось вызывать инженерно-саперную роту, которая там все заминировала и взорвала. Практически месяц база горела. Ущерб душманам был нанесен огромный»^[590].

Спецназовцы больше уже не использовались в качестве бойцов обычных стрелковых подразделений. Более того, при налете на укрепрайон под Асадабадом в марте 1986 года, когда спецназ понес серьезные потери (8 погибших, 2 пропавших без вести и около 20 раненых), одной из причин было признано неправильное использование спецназа, брошенного на штурм укрепрайона. За эту операцию командир 15-й бригады специального назначения был снят с должности, а подобные операции запрещены.

В конце 1985 года каждой из бригад спецназа было придано по отдельной вертолетной эскадрилье, что позволило решить многие проблемы взаимодействия летчиков и диверсантов. Раньше спецназовцам изрядно мешали разная подчиненность и незнание летчиками специфики диверсионной работы. Эскадрильи были укомплектованы современными вертолетами Ми-8МТ и Ми-24 модификаций «В» (пулеметные) и «П» (пушечные). А вскоре поступил приказ использовать на вооружении эскадрилий, работавших со спецназом, только мощные вертолеты с пушками. Вертолеты применялись для высадки засад. Обычно на задание выходили два вертолета Ми-8, чтобы в случае неисправности одного из них второй вертолет мог вывезти людей. Полеты выполнялись на минимальной высоте, с маневрами и ложными посадками. Причем даже летчики не всегда замечали, когда разведчики покидали машину. С воздуха вертолеты с десантниками прикрывали имевшие мощное вооружение Ми-24. При ведении серьезных боев в случае необходимости вызывались и самолеты бомбовой поддержки. Вертолеты широко использовались и для разведки и перехвата.

Вскоре их стали применять и при досмотре караванов. «Обнаружив караван или машину, их останавливали предупредительной стрельбой с воздуха. Облетев вокруг и осмотревшись, экипаж сажал вертолет

неподалеку (инструкция определяла минимальное расстояние в 800-1000 и не ближе 3000 м от селений), где часть высадившихся разведчиков занимала позицию, держа караван под прицелом и готовясь прикрыть досмотровую команду, выдвигавшуюся к цели. Вертолет предписывалось тут же поднять в воздух, держа рядом в готовности. Ситуация, как правило, определялась сразу: если караванщики пытались разбежаться или звучали выстрелы, их судьба решалась огнем десанта и ударом с воздуха. Вьюки с грузом и кузова машин проверяли щупами и миноискателями и, обнаружив запретное, забирали на борт вертолета или сжигали и подрывали на месте вместе с машинами. Тут же уничтожали вьючный транспорт и оказавших сопротивление.

На практике пункты инструкции не соблюдались канонически, лишь очерчивая рамки безопасности. Однозначно признавались противником люди с оружием или пытавшиеся скрыться. При этом дело решалось даже без посадки, для чего все «спецназовские» Ми-8 предписывалось оснащать, помимо пулеметов, парой ракетных блоков. Высадку проводили ближе указанного, в 200-300 м, чтобы бросок к каравану увешанной оружием группы меньше утомлял бойцов. Если поведение караванщиков не вселяло подозрений, вертолет на земле дожидался их возвращения, однако не глуша при этом двигатели»^[591].

Новый способ доказал свою эффективность. Так, в 186-м отряде в 1986 году количество таких досмотров возросло вчетверо, до 168. В следующем году их было проведено уже 238.

В числе невыполненных заданий было поручение захватить живым хотя бы одного иностранного военного советника.

22-я бригада была выведена из Афганистана в августе 1988 г. Подразделения 15-й бригады вышли к советско-афганской границе последними, 15 февраля

1989 года, в арьергарде 40-й армии. После возвращения 15-я бригада была выведена к месту прежней дислокации в г. Чирчик.

Соединения, части и подразделения потеряли в Афганистане более 800 человек, 11 человек пропали без вести [\[592\]](#).

«Единственные советские войска, которые воевали успешно, – это силы специального назначения» – так оценили американцы боевую деятельность нашего спецназа в Афганистане.

Отряды спецназа в Афганистане

Отдельный отряд спецназа включал в себя:
управление отряда;
штаб;
рота спецназа, БМП-2, четыре группы;
рота спецназа, БТР-70/80, четыре группы;
рота спецназа, БТР-70/80, четыре группы;
рота минирования (в 1984–1985 годах – группа минирования);
рота обеспечения, два взвода;
группа связи;
зенитно-артиллерийская группа.

По штату	Отряд спецназа	Рота спецназа
Личный состав	583 солдат и сержантов; 48 офицеров, 32 прапорщика	98 человек
БМП-2	(11 БМП+1БРМ-1к) + 2 БМП-1К/КШ	11 БТР + 1Р-145М
БТР-70/80	33	Нет
ЗСУ-23-4 «Шилка»	4	Нет
КШМУ	2	Нет
БРМ-1	1	Нет
АГС-17	18	Нет
РПО «Шмель»	9	3
РПГ-7	нет	6
ГП-25	27	9

Штатная структура группы специального назначения

Включала в себя командира группы (капитана) и три отделения.

1-е отделение:

командир отделения – сержант,
старший разведчик-пулеметчик – ефрейтор,
разведчик-пулеметчик – рядовой;
разведчик – рядовой;
разведчик-санитар – рядовой;
разведчик-снайпер – рядовой;
старший водитель (БТР) / старший механик-водитель (БМП) – ефрейтор.

2-е отделение:

командир отделения – сержант;
старший разведчик-пулеметчик – ефрейтор;
разведчик-пулеметчик – рядовой;
разведчик – рядовой;
разведчик-санитар – рядовой;
водитель (БТР) / механик-водитель (БМП) – рядовой.

3-е отделение:

командир отделения – сержант;
старший разведчик-пулеметчик – ефрейтор;
разведчик-пулеметчик – рядовой;
разведчик – рядовой;
разведчик-санитар – рядовой;
водитель (БТР) / механик-водитель (БМП) – рядовой.

Сводная таблица потерь отрядов специального назначения

	Год									
	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	Всего
154-й / 1-й	9	23	12	46	23	29	22	0	Выведен	164
177-й / 2-й	3	48	19	36	22	19	7	4	1	159
173-й / 3-й	Еще не введен	10	15	16	38	2	Выведен	81		
668-й / 4-й	Еще не введен	2	15	10	14	9	0	50		

	Год									
	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	Всего
334-й / 5-й	Еще не введен	53	36	13	2	Выведен	104			
370-й / 6-й	Еще не введен	19	7	7	6	Выведен	39			
186-й / 7-й	Еще не введен	14	8	17	2	Выведен	41			
411-й / 8-й	Еще не введен	0	9	8	5	Выведен	22			

Места и время дислокации отрядов специального назначения (1981-1989)

Управление 15-й отдельной бригады спецназа (1-я отдельная мотострелковая бригада - «джелалабадская»)

Место дислокации: Джелалабад, провинция Нангархар.

Время нахождения в Афганистане: март 1985 года – май 1988 года [\[593\]](#).

Управление 22-й отдельной бригады спецназа (2-я отдельная мотострелковая бригада - «кандагарская»)

Место дислокации: Лашкаргах, провинция Гильменд.

Время нахождения в Афганистане: февраль 1984 года – август 1988 года [\[594\]](#).

**154-й отдельный отряд спецназа
(«джелалабадский») (1-й отдельный
мотострелковый батальон)**

Во исполнение Директивы ГШ № 314/2/0061 от 26 апреля 1979 года командующим Туркво № 21/00755 от 4 мая 1979 года в штат 15-го обр СпН включен отдельный отряд спецназначения численностью 538 человек. Директивой ГШ ВС СССР № 4/372-НШ от 21 октября 1981 года – 154-й ооСпН. Определен годовой праздник – 26 апреля Директивой ГШ № 314/2/0061.

Время нахождения в Афганистане: ноябрь 1979 года – май 1988 года.

Места дислокации: Баграм-Кабул, Акча-Айбак, Джелалабад, провинция Нангархар.

Командиры:

майор Холбаев Х. Т.;

майор Костенко;

майор Стодереvский И.Ю. (10.1981–10.1983);

майор Олексенко В.И. (10.1983–02.1984);

майор Портнягин В.П. (02.1984–10.1984);

капитан, майор Дементьев А.М. (10.1984–08.1984);

капитан Абзалимов Р.К. (08.1985–10.1986);

майор, подполковник Гилуч В.П. (10.1986–11.1987);

майор Воробьев В.Ф. (11.1987–05.1988).

Структура отряда:

штаб отряда;

1-я рота специального назначения на БМП-1 (6 групп);

2-я рота специального назначения на БТР-60пб (6 групп);

3-я рота специального назначения на БТР-60пб (6 групп);

4-я рота тяжелого оружия состояла из взвода АГС-17, взвода РПО «Рысь» и саперного взвода;

взвод связи;

взвод ЗСУ «Шилка» (4 «Шилки»);

автомобильный взвод;

взвод материального обеспечения^[595].

**177-й отдельный отряд спецназа («газнийский»)
(2-й отдельный мотострелковый батальон)**

Сформирован в феврале 1980 года из войск САВО и МВО в городе Капчагае.

Место дислокация: Газни, с мая 1988 года – Кабул.

Время нахождения в Афганистане: сентябрь 1981 года – февраль 1989 года.

Командиры:

капитан, майор Керимбаев Б.Т. (10.1981–10.1983);

подполковник Квачков В.В. (10.1983–02.1984);

подполковник Грязнов В.А. (02.1984–05.1984);

капитан Кастыкпаев Б.М. (05.1984–11.1984);

майор Юдаев В.В. (11.1984–07.1985);

майор Попович А.М. (07.1985–10.1986);

майор, подполковник Блажко А.А. (10.1986–02.1989)

^[596].

**173-й отдельный отряд спецназа (3-й отдельный
мотострелковый батальон – «кандагарский»)**

Место дислокации: Кандагар.

Время нахождения в Афганистане: февраль 1984 года – август 1986 года.

Командиры:

майор Рудых Г.Л. (02.1984–08.1984);

капитан Сюльгин А.В. (08.1984–11.1984);

капитан, майор Мурсалов Т.Я. (11.1984–03.1986);

капитан, майор Бохан С.К. (03.1986–06.1987);

майор, подполковник Горатенков В.А. (06.1987–06.1988);

капитан Бреславский С.В. (06.1988–08.1988).

Структура отряда в марте 1980 года:

управление отряда;

отдельная группа связи;

зенитно-артиллерийская группа (четыре «Шилки»);
1-я разведывательная рота на БМП-1 (9 БМП-1 и 1 БРМ-1К);
2-я разведывательная рота на БМП-1 (9 БМП-1 и 1 БРМ-1К);
3-я разведывательно-десантная рота на БМД-1 (10 БМД-1);
4-я рота АГС-17 (три огневых взвода по три отделения – 18 АГС-17, 10 БТР-70);
5-я рота специального вооружения (огнеметная группа РПО «Рысь», группа минирования на БТР-70);
6-я рота – транспортная.

Каждая из боевых (1–3-я) рот помимо командира, замполита, заместителя по технической части, старшего механика, наводчика-оператора БРМ, старшины и писаря включала в себя три группы специального назначения.

Группу возглавлял командир, штатная категория – капитан, ему помогал заместитель, штатная категория – прапорщик. В последующем заместителями командира группы назначались сержанты срочной службы.

В состав группы входило три отделения, каждое из которых состояло из командира отделения, старшего разведчика, механика-водителя, наводчика-оператора, снайпера, разведчика-санитара и двух пулеметчиков^[597].

668-й отдельный отряд спецназа (4-й отдельный мотострелковый батальон – «баракинский»)

Отряд сформирован 21 августа 1984 года в Кировограде на базе 9-й обр СпН. 15 сентября 1984 года передан в подчинение Туркво и введен в Афганистан в н. п. Калагулай. В марте 1985 года вошел в состав 15-й обр СпН в поселке Суфла. Боевое знамя вручено 28 марта 1987 года. Выведен в СССР 6 февраля 1989 года.

Место дислокации: Суфла, уезд Бараки, провинция Логар.

Время нахождения в Афганистане: февраль 1985 года – февраль 1989 года^[598].

Командиры:

подполковник Юрин И.С. (09.1984–08.1985);

подполковник Рыжик М.И. (08.1985–11.1985);

майор Резник Е.А. (11.1985–08.1986);

майор Удовиченко В.М. (08.1986–04.1987);

майор Корчагин А.В. (04.1987–06.1988);

подполковник Горатенков В.А. (06.1988–02.1989).

334-й отдельный отряд спецназа (5-й отдельный мотострелковый батальон – «асадабадский»)

Отряд сформирован с 25 декабря 1984 года по 8 января 1985 года в Марьиной Горке из войск БВО, ДВО, Ленво, Прикво, Саво; передан в состав Туркво 13 января 1985 года. С 11 марта 1985 года передан в состав 40-й армии.

Место дислокации: Асадабад, провинция Кунар.

Время нахождения в Афганистане: февраль 1985 года – май 1988 года^[599].

Командиры отряда:

майор Терентьев В.Я. (03.1985–05.1985);

капитан, майор Быков Г.В. (05.1985–05.1987);

подполковник Клочков А.Б. (05.1987–11.1987);

подполковник Гилуч В.П. (11.1987–05.1988).

370-й отдельный отряд спецназа (6-й отдельный мотострелковый батальон – «лашкаревский»)

Место дислокации: Лашкаргах, провинция Гильменд.

Время нахождения в Афганистане: февраль 1984 года – август 1988 года^[600].

Командиры отряда:

майор Крот И.М. (03.1985–08.1986);

капитан Фомин А.М. (08.1986–05.1987);

майор Еремеев В.В. (05.1987–08.1988).

186-й отдельный отряд спецназа (7-й отдельный мотострелковый батальон – «шахджойский»)

Место дислокации: Шахджой, провинция Заболь.

Время нахождения в Афганистане: апрель 1985 года – май 1988 года^[601].

Командиры отряда:

подполковник Федоров К.К. (04.1985–05.1985);

капитан, майор Лихидченко А.И. (05.1985–03.1986);

майор, подполковник Нечитайло А.И. (03.1986–04.1988);

майор, подполковник Борисов А.Е. (04.1988–05.1988).

411-й отдельный отряд спецназа (8-й отдельный мотострелковый батальон – «фарахский»)

Место дислокации: Фарах, провинция Фарах.

Время нахождения в Афганистане: декабрь 1985 года – август 1988 года^[602].

Командиры:

капитан Фомин А.Г. (10.1985–08.1986);

майор Крот И.М. (08.1986–12.1986);

майор Юрченко А.Е. (12.1986–04.1987);

майор Худяков А.Н. (04.1987–08.1988).

459-я отдельная рота спецназа («кабульская рота»)

Дислоцировалась в Кабуле.

Сформирована в декабре 1979 года на базе учебного полка спецназа в городе Чирчике. Введена в Афганистан в феврале 1980 года.

За время боевых действий личный состав роты принял участие более чем в шестистах боевых выходах.

Выведена из Афганистана в августе 1988 года^[603].

**Биографии Героев Советского Союза –
участников войны в Афганистане**

АРСЕНОВ Валерий Викторович

Рядовой, старший разведчик-гранатометчик 173-го отдельного отряда спецназа, Герой Советского Союза.

Родился 24 июня 1966 года в областном центре Донецкой области Украины городе Донецке в семье рабочего.

С четвертого по восьмой класс учился в школе-интернате.

С 1982 по 1985 год учился в Донецком строительном профессионально-техническом училище. После его окончания работал слесарем-сборщиком металлоконструкций на одном из заводов Донецка.

С октября 1985 года в рядах Советской Армии. Службу проходил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Участвовал в 15 боевых выходах.

28 февраля 1986 года, участвуя в бою с превосходящими силами противника в 80 километрах восточнее Кандагара, старший разведчик-гранатометчик, будучи тяжело раненным, продолжал

вести огонь. В критическую минуту боя отважный воин ценой своей жизни закрыл от вражеских пуль командира роты и спас ему жизнь. От полученных ран скончался на поле боя.

Звание Героя Советского Союза присвоено 10 ноября 1986 года [\[604\]](#).

ГОРОШКО Ярослав Павлович

Капитан, командир роты 22-й отдельной бригады спецназа, Герой Советского Союза.

Родился 4 октября 1957 года в селе Борщевка Лановецкого района Тернопольской области Украины в семье рабочего.

В 1974 году окончил 10 классов, работал на электроремонтном заводе.

С 1976 года – в Советской Армии.

В 1981 году окончил Хмельницкое высшее военное артиллерийское командное училище.

С сентября 1981 года по ноябрь 1983 года проходил службу на территории Афганистана в должности командира минометного взвода и десантно-штурмовой роты.

После возвращения в СССР проходил службу в одном из соединений спецназа.

В 1986 году по личной просьбе был направлен в Афганистан.

31 октября 1987 года группа под его командованием убыла на помощь к группе старшего лейтенанта Онищука О.П. В результате боя было уничтожено 18 моджахедов. Разведчики из группы Горошко Я.П. подобрали тела погибших разведчиков из группы Онищука О.П. и под огнем противника вынесли их к месту эвакуации.

5 мая 1988 года присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1988 году стал слушателем Военной академии имени М.В. Фрунзе, а по окончании ее продолжил службу в должности заместителя командира 8-й отдельной бригады спецназа, расквартированной в городе Изяслав Хмельницкой области Украины.

После распада СССР с 1992 года Я.П. Горошко стоял у истоков создания войсковой разведки Вооруженных сил Украины. Служил в 1464-м полку специального назначения Черноморского флота Украины.

8 июня 1994 года майор Я.П. Горошко погиб при испытании новой техники (утонул в Днепре)^[605].

ИСЛАМОВ Юрий Верикович

Младший сержант, военнослужащий 22-й отдельной бригады спецназа, Герой Советского Союза.

Родился 5 апреля 1968 года в селении Арсланбоб Базар-Коргонского района Ошской области Киргизии в семье лесника.

После окончания начальной школы переехал в город Талица Свердловской области, где в 1985 году окончил 10 классов.

В 1986 году окончил 1-й курс Свердловского лесотехнического института и прошел курс обучения в парашютной секции.

С октября 1986 года в Советской Армии.

С мая 1987 года проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане в должности командира отделения в одной из частей спецназа.

31 октября 1987 года группа, в составе которой он находился, вступила в бой с превосходящими силами противника у кишлака Дури в провинции Заболь, вблизи

границы с Пакистаном. Добровольно вызвался прикрыть отход своих товарищей. В ходе боя был дважды ранен. Несмотря на это, продолжал вести бой до последнего патрона. Вступил в рукопашный бой с противником и взорвал себя вместе с шестью моджахедами.

3 марта 1988 года присвоено звание Героя Советского Союза [\[606\]](#).

КОЛЕСНИК Василий Васильевич

Генерал-майор, Герой Советского Союза.

Родился 13 декабря 1935 года в станице Славянская (ныне город Славянск-на-Кубани) Славянского района Краснодарского края в семье служащих – главного агронома и учительницы (преподавала русский язык и литературу). Отец более пяти лет учился в Китае и в Корее рисоводству. Свободно говорил на китайском и

корейском языках. В 1934 году, закончив учебу за границей, он начал разбивать первые чеки для разведения риса на Кубани.

В 1939 году отца направили на работу на Украине, в Миргородском районе Полтавской области, чтобы он организовал выращивание риса. Здесь семью застала война. Отец с матерью ушли в партизанский отряд, оставив четверых детей на руках бабушки с бабушкой.

6 ноября 1941 года, придя в деревню к детям, родители и еще один партизан были выданы предателем и попали в руки немцев. На следующий день их расстреляли на глазах у детей. Четверо ребятишек остались на попечении бабушки и дедушки. В оккупации семейство выжило благодаря бабке, которая была сведуща в народной медицине и лечила жителей села. За ее услуги люди платили продуктами.

В 1943 году, когда освободили Миргородский район, двух сестер Василия взяла на воспитание средняя сестра их матери, а маленького Васю с братом забрала младшая. Муж сестры был заместителем начальника Армавирского летного училища. В 1944 году его перевели в Майкоп.

В 1945 году поступил в Краснодарское суворовское военное училище (г. Майкоп), а закончил уже Кавказское суворовское военное училище в 1953 году (переведено в город Орджоникидзе в 1947 году).

В 1956 году, после окончания Кавказского Краснознаменного суворовского офицерского училища, свою судьбу связал с войсками спецназа. Службу проходил на должностях командира 1-го (разведывательного) взвода 92-й отдельной роты спецназа 25-й армии (Дальневосточный военный округ), командира роты 27-го отдельного батальона спецназа в Польше (Северная группа войск).

В 1966 году, закончив Академию им. М.В. Фрунзе, последовательно занимал должности начальника

разведки бригады, начальника оперативно-разведывательного отделения и начальника штаба бригады (Дальневосточный военный округ, Туркестанский военный округ).

С 1975 года – командир бригады спецназа, а в последующем службу проходил в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР.

С вводом в 1979 году Ограниченного контингента советских войск в Афганистан находился в районе боевых действий. Сформированный и обученный им по специальной программе батальон штатной численностью более 500 человек 27 декабря 1979 года принял непосредственное участие в штурме дворца Амина. Несмотря на пятикратное численное превосходство бригады охраны дворца, батальон под командованием В.В. Колесника захватил дворец всего лишь за 15 минут. За подготовку и образцовое выполнение особого задания – операции «Шторм-333» – и проявленные при этом мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года ему, одному из первых «афганцев», было присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденами Ленина, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями, а также орденом Красного Знамени и двумя медалями Демократической Республики Афганистан. Имел на своем счету 349 прыжков с парашютом.

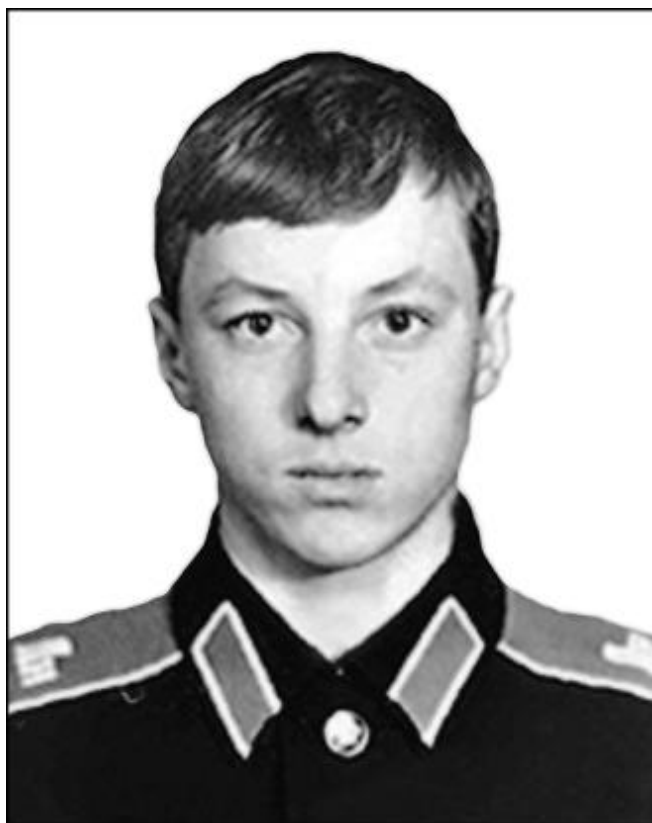
В 1982 году окончил Академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Под руководством В.В. Колесника последовательно и целеустремленно совершенствовались организационно-штатная структура и система боевой подготовки воинских частей и соединений специального назначения.

Будучи в запасе, до последних дней жизни был председателем Совета ветеранов спецназа. Принимал активное участие в деле патриотического воспитания

суворовцев вновь созданного Северо-Кавказского суворовского военного училища в городе Владикавказе.

Умер 30 октября 2002 года [\[607\]](#).

КУЗНЕЦОВ Николай Анатольевич

Гвардии лейтенант, военнослужащий 15-й отдельной бригады спецназа, Герой Советского Союза.

Родился 29 июня 1962 года в селе 1-я Питерка Моршанского района Тамбовской области. С четырехлетней сестренкой после смерти родителей остались на воспитании у бабушки.

В 1976 году поступил в Ленинградское суворовское военное училище.

В 1979 году окончил училище с похвальной грамотой.

В 1983 году окончил Высшее общевойсковое командное училище им. Кирова с золотой медалью.

После окончания училища лейтенант Н. Кузнецов был направлен в воздушно-десантную дивизию в город Псков на должность командира группы спецназначения. Он неоднократно обращался с просьбой направить его в ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

В 1984 году был направлен в Афганистан.

23 апреля 1985 года взвод лейтенанта Кузнецова Н.А. получил задачу – в составе роты разведать месторасположение и уничтожить банду моджахедов, засевшую в одном из кишлаков провинции Кунар.

В ходе выполнения поставленной задачи взвод лейтенанта Кузнецова был отрезан от основных сил роты. Завязался бой. Приказав взводу пробиваться к своим, лейтенант Кузнецов Н.А. вместе с тыловым дозором остался обеспечивать отход. Оставшись один на один с душманами, лейтенант Кузнецов Н.А. сражался до последнего патрона. Последней, шестой гранатой, подпустив душманов поближе, лейтенант Кузнецов Н.А. подорвал их вместе с собой.

24 октября 1985 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

МИРОЛЮБОВ Юрий Николаевич

Рядовой, водитель БМП-70 667-го отдельного отряда спецназа 15-й отдельной бригады спецназа, Герой Советского Союза

Родился 8 мая 1967 года в селе Рядовичи Шаблыкинского района Орловской области в крестьянской семье.

В 1984 году окончил среднюю школу в поселке Чистопольский Саратовской области, работал водителем в совхозе «Красное Знамя» Краснопартизанского района.

В Советской Армии с осени 1985 года. Службу проходил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Принимал участие во многих боевых операциях; был ранен в одном из боев, но остался в строю, успешно выполнив боевую задачу.

В ходе выполнения боевых задач уничтожил десять моджахедов.

В одном из боев, рискуя жизнью, вынес из-под огня противника раненого начальника штаба одной из частей

спецназа.

В одном из боевых выходов совершил обход каравана противника и тем самым отрезал пути отхода. В ходе завязавшегося боя заменил раненого пулеметчика, огнем подавил сопротивление моджахедов.

5 мая 1988 года присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1987 году демобилизован. Работал водителем в совхозе. Жил в поселке Чистопольский Краснопартизанского района Саратовской области.

8 апреля 2001 года умер.

ОНИЦУК Олег Петрович

Старший лейтенант, заместитель командира роты 22-й отдельной бригады спецназа, Герой Советского Союза.

Родился 12 августа 1961 года в селе Путринцы Изяславского района Хмельницкой области Украины в семье рабочего.

Окончил 10 классов.

С 1978 года – в Советской Армии.

В 1982 году окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище имени М.В. Фрунзе.

С апреля 1987 года – в Афганистане.

«Заместитель командира роты кандидат в члены КПСС старший лейтенант Олег Онищук, возглавляя разведывательную группу, успешно выполняя задания по оказанию интернациональной помощи Республике Афганистан, проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых в бою 31 октября 1987 года у кишлака Дури в провинции Заболъ, вблизи границы с Пакистаном...» – так звучит официальное описание причины его смерти.

В жизни все было сложнее. Группа Олега Онищука в течение нескольких суток сидела в засаде – ждали караван. Наконец поздним вечером 30 октября 1987 года появилось три машины. Водителя первой ликвидировал командир группы с расстояния 700 метров, остальные две машины скрылись. Группу сопровождения и прикрытия каравана, попытавшуюся было отбить машину, рассеяли с помощью двух прилетевших вертолетов Ми-24. В полшестого утра 31 октября, в нарушение приказа командования, Олег Онищук решил самостоятельно, не дожидаясь прилета вертолетов с досмотровой группой, осмотреть грузовик. В шесть утра он вместе с частью группы вышел к грузовику и был атакован больше чем двумястами моджахедами. По свидетельству выживших в том бою спецназовцев, «досмотровая» группа погибла в течение пятнадцати минут. Невозможно вести бой на открытой местности против зенитной установки и крупнокалиберного пулемета (находились в кишлаке Дари). По мнению сослуживцев героя, в той ситуации ранним утром группе

пришлось принять бой, даже если бы Онищенко не начал осмотр грузовика. В этом районе дислоцировалось свыше двух тысяч моджахедов. Хотя потери были бы значительно меньше. Основную вину за гибель спецназовцев их сослуживцы возлагают на командование. К шести утра должна была прибыть бронегруппа и прилететь вертолеты. Колонна с техникой вообще не пришла, а вертолеты прибыли только в 6 часов 45 минут.

5 мая 1988 года Олегу Онищенко присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно)^[608].

Соединения и воинские части спецназа (1955-1991)

К 1991 году в состав спецназа Вооруженных Сил СССР входили:

четырнадцать отдельных бригад специального назначения (обр СпН), два отдельных учебных полка, отдельные отряды (ооСпН, соответствует батальону в других родах войск) и роты СпН сухопутных войск;

одна отдельная бригада специального назначения (обр СпН) и четыре морских разведывательных пункта (МРП) ВМФ.

2-я отдельная бригада специального назначения Ленинградского военного округа (2-я обр СпН ЛенВО)

Бригада формировалась в период с 17 сентября 1962 года по 1 марта 1963 года в Ленинградском военном округе. Бригада носила скадрированный характер. Дислоцировалась в городе Псков.

Командиры соединения:

полковник А.Н. Гришаков (1962–1966);

полковник И.В. Креховский (1966–1974);

полковник О.М. Жаров (1974–1975);

полковник Ю.Я. Голоусенко (1975–1979);

полковник В.А. Гвоздь (1979–1987);
полковник А.И. Безручко (1987–1989);
полковник Г.К. Сидоров (1989–1997);
полковник А.А. Блажко (с ноября 1997);
полковник Г.К. Сидоров (1989–1997);
полковник А.А. Блажко (с ноября 1997).

В феврале 1985 года военнослужащие 2-й обр СпН были направлены на комплектование спецназовских подразделений и штаба 186-го отдельного отряда специального назначения (186-го оо СпН), который готовился для отправки в Афганистан.

В 1985–1989 годах 177-й оо СпН, сформированный во 2-й обр СпН, в составе 15 обр СпН принимал участие в боевых действиях в Афганистане. Дислокация – Газни. За мужество и доблесть, проявленные при выполнении воинского долга в Республике Афганистан, 177-й оо СпН награжден Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» и Почетным Красным Знаменем НДПА.

В 1989 году в состав 2-й обр СпН вошел выведенный из Афганистана 177-й оо СпН 15-й обр СпН. Дислоцировался в Мурманской области.

3-я гвардейская Варшавско-Берлинская Краснознаменная ордена Суворова 3-й степени бригада специального назначения Группы советских войск в Германии (после ее ликвидации – Приволжско-Уральского военного округа) (3-я гв. обр СпН ГСВГ – 3-я гв. обр СпН ПрУрВО)

Бригада сформирована в 1966 году в Группе советских войск в Германии (ГСВГ).

Соединение формировалось на базе 26-го об СпН (26-го отдельного батальона спецназа) с участием кадров 27-го об СпН Северной Группы войск, 48-го и 166-го орб (отдельных разведывательных батальонов) ГСВГ. Бригаду начал формировать гвардии подполковник Р. П. Мосолов.

Командиры соединения:

гвардии полковник А.Н. Гришаков (1966–1971);
гвардии полковник Н.М. Ятченко (1971–1975);
гвардии полковник О.М. Жаров (1975–1978);
гвардии полковник В.И. Большаков (1978–1983);
гвардии полковник Ю.Т. Старов (1983–1986);
гвардии полковник В.А. Манченко (1986–1988);
гвардии полковник А.С. Ильин (1988–1992);
гвардии полковник А.С. Ильин (1988–1992);
гвардии полковник А.А. Чернецкий (1992–1995);
гвардии полковник В.А. Козлов (с сентября 1995).

Награды соединения:

орден Красного знамени;

орден Суворова 3-й степени.

4-я отдельная бригада специального назначения Прибалтийского военного округа (4-я обр СпН ПриБВО)

Бригада сформирована в 1962 году в Прибалтийском военном округе (ПриБВО). Первоначально дислоцировалась в Риге, затем в городе Вильянди Эстонской ССР.

Командиры соединения:

полковник А.С. Жижин (1962–1968);
полковник Н.М. Ятченко (1968–1971);
полковник Н.В. Боряков (1971–1975);
полковник В.Н. Тюхов (1975–1984);
полковник А.Ю. Завьялов (1984–1987);
полковник П.А. Давидюк (1987–1992).

В феврале 1985 года военнослужащие 4-й обр СпН были направлены на комплектование спецназовских подразделений и штаба 186-го отдельного отряда специального назначения (186-го оо СпН), который готовился для отправки в Афганистан.

В начале девяностых годов бригаду вывели на территорию России.

В октябре 1992 года 4-я обр СпН расформирована [\[609\]](#).

5-я отдельная бригада специального назначения Белорусского военного округа (5-я обр СпН БВО)

Бригада сформирована в 1962 году в Белорусском военном округе (БВО). Дислоцировалась в н. п. Марьина Горка Белорусской ССР.

Командиры соединения:

полковник И.И. Ковалевский (1962–1966);

полковник И.А. Коваленко (1966–1968);

полковник Г.П. Евтушенко (1969–1972);

полковник В.А. Карташов (1973–1976);

полковник Е.А. Фалеев (1976–1979);

полковник Г.А. Колб (1979–1982);

полковник Э.М. Иванов (1982–1984);

полковник Ю.А. Сапалов (1984–1987);

полковник Д.М. Герасимов (1987–1988);

полковник В.В. Бородач (1988–1991)^[610].

В 1985 году на базе 5-й обр СпН был сформирован 334-й отдельный отряд специального назначения (334-й оо СпН). В конце марта 1985 года отряд был введен в Афганистан, где организационно вошел в состав 15-й обр СпН и дислоцировался в Асадабаде.

В 1988 году 334-й оо СпН выведен в Советский Союз и вернулся в состав 5-й обр СпН.

В начале девяностых годов прошлого века 5-я обр СпН вошла в состав Вооруженных Сил Белоруссии.

6-й морской разведывательный пункт Черноморского флота (6-й МРП ЧФ)

Создан в июне 1953 года на Черном море. Комплектование закончено в октябре 1953 года.

Штат: 73 человека^[611].

Командиры МРП:

капитан 1 ранга Яковлев Е.В. (1953–1956);

капитан 1 ранга Алексеев А.А. (1957–1968).

В 1968 году 6-й МРП ЧФ преобразован в 17-й обр СпН ЧФ^[612].

8-я отдельная бригада специального назначения Прикарпатского военного округа (8-я обр СпН ПрикВО)

Сформирована 15 декабря 1962 года на основании директивы Генштаба ВС СССР.

Командиры соединения:
полковник П.С. Средний;
полковник П.П. Белятко;
полковник Э.С. Иванов;
полковник Г.Г. Лукьянец;
полковник А.Н. Ковалев;
полковник Л.Л. Поляков;
полковник А.П. Давыдюк;
полковник А.П. Предчук;
полковник А.Г. Шелих.

В период с 22 января по 6 сентября 1968 года личный состав бригады принимал участие в операции «Дунай» (ввод войск стран - участниц Варшавского договора (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши) в Чехословакию в 1968 году).

В феврале 1985 года на базе бригады был сформирован 186-й отдельный отряд специального назначения (186-й оо СпН) для участия в боевых действиях в Афганистане. Троем военнослужащим отряда присвоено звание Героя Советского Союза, 84 солдата и офицера награждены орденами и медалями [\[613\]](#).

Дислоцировалась в Изяславле.

После распада Советского Союза вошла в состав Вооруженных Сил Украины и была сокращена до полка.

9-я отдельная бригада специального назначения Киевского военного округа (9-я обр СпН КВО)

Была сформирована в городе Кировограде с 15 октября по 31 декабря 1962 года.

В 1963 году было вручено Боевое знамя.

Командиры соединения:

подполковник Е.С. Егоров (1962–1966);
подполковник В.А. Павлов (1966–1968);
полковник В.И. Архиреев (1968–1971);
полковник А.М. Гришаков (1971–1976);
полковник А.А. Заболотный (1976–1981);
полковник А.Ф. Чмутин (1981–1986);
полковник Ю.А. Воронов (1988–1994).

Дислоцировалась в Кировограде.

В 1984 году был сформирован отдельный отряд специального назначения, который был направлен в Афганистан.

Командиры отряда:

подполковник И.С. Юрин (сентябрь 1984 года – апрель 1985 года);

подполковник М.И. Рыжик (апрель 1985 года – июнь 1986 года);

майор Е.А. Резник (июнь 1986 года – декабрь 1986 года);

майор В.Н. Удовиченко (декабрь 1986 года – октябрь 1987 года);

майор А.И. Корчагин (октябрь 1987 года – июнь 1988 года);

подполковник В.А. Гаратенков (июнь 1988 года – февраль 1989 года).

В марте 1996 года 9-я обр СпН была переименована в 50-й учебный центр специальной подготовки Главного разведывательного управления Украины [\[614\]](#).

10-я отдельная бригада специального назначения Одесского военного округа (10-я обр СпН ОдВО)

Сформирована в октябре 1962 года.

Согласно приказу МО СССР № 005 от 23 апреля 1963 года установлен день части – 4 октября 1962 года.

Два ее отряда находились в городе Феодосия, а остальные части и штаб бригады – близ поселка Первомайское.

Командиры соединения:

полковник А.М. Попов (1963–1965);

полковник Н.Я. Кочетков (1965–1971);

подполковник В.П. Тишкевич (1971–1973);

подполковник Н.И. Еременко (1973–1978);

полковник Ю.Т. Старов (1978–1983);

полковник А.С. Ильин (1983–1988);

полковник Ю.М. Рендель (1988–1992).

11 октября 1991 года бригада вошла в состав ВС Украины. В июне 1998 года переформирована в 1-й отдельный полк специального назначения^[615].

12-я отдельная бригада специального назначения Закавказского военного округа (12-я обр СпН ЗакВО)

Бригада сформирована в 1962 году в Закавказском военном округе.

Годовой праздник – 5 декабря.

Дислоцировалась в г. Лагодехи Грузинской ССР.

Командиры соединения:

полковник И.И. Гелеверя;

полковник Н.Е. Макаркин;

полковник В.Я. Ярош;

полковник А.И. Фисюк;

подполковник В.Г. Мирошников;

полковник А.В. Новоселов;

полковник М.П. Масалитин;

полковник И.Б. Мурсков;

полковник В.В. Еремеев.

В январе 1984 года на базе 12-й обр СпН был сформирован 173-й отдельный отряд специального назначения (173-й оо СпН). Имел штатную структуру, аналогичную 154-му оо СпН («Мусульманский батальон»). Перед направлением в Афганистан отряд был доукомплектован офицерами бригады.

В феврале 1984 года 173-й оо СпН был введен на территорию Афганистана, где вошел в состав 22-й обр

СпН.

В 1988-1991 годах три батальона 12-й обр СпН участвовали в восстановлении конституционного порядка в Грузии (г. Тбилиси), Азербайджане (г. Закаталы), на территории Нагорного Карабаха и Южной Осетии.

С 3 сентября 1992 года бригада вошла в состав Уральского военного округа.

14-я отдельная бригада специального назначения Дальневосточного военного округа (14-я обр СпН ДВО)

Бригада сформирована в 1963 году в Дальневосточном военном округе. Дислоцировалась в городе Уссурийске Приморского края.

Годовой праздник бригады – 1 декабря.

Командиры соединения:

полковник П.Н. Рымин (1963-1970);

полковник А.А. Дроздов (1970-1973);

полковник Н.А. Демченко (1973-1975);

полковник А.М. Баглай (1975-1978);

полковник В.Ф. Гришмановский (1978-1980);

полковник В.А. Онацкий (1980-1987);

полковник Я.А. Курысь (1987-1992);

полковник А.И. Лихидченко (1992-1997);

полковник А.М. Румянков (1997-1999);

генерал-майор С.П. Дегтярев (с 1999).

Награды соединения:

памятное Знамя ЦК КПСС (1967);

почетный Знак Совета Министров СССР (1972);

переходящее Красное Знамя ДВО (1975).

В период 1979-1989 годов свыше 200 военнослужащих бригады участвовали в боевых действиях на территории Афганистана в составе отдельных отрядов специального назначения. На Афганской войне погибли 12 офицеров, 36 сержантов и рядовых из состава 14-й обр СпН.

В 1988 году группа военнослужащих бригады была командирована на Аляску, где состоялись совместные учения с американскими коллегами.

15-я отдельная бригада специального назначения Туркестанского военного округа (15-я обр СпН ТуркВО)

Бригада сформирована в 1963 году в Туркестанском военном округе.

Дислоцировалась в городе Чирчик Узбекской ССР.

Годовой праздник бригады – 1 января.

Командиры соединения:

полковник Н.Н. Луцев (1963–1967);

полковник Р.П. Мосолов (1968–1975);

полковник В.В. Колесник (1975–1977);

полковник А.А. Овчаров (1977–1980);

полковник А.М. Стекольников (1980–1984);

полковник В.М. Бабушкин (1984–1986);

полковник Ю.Т. Старов (1986–1990);

полковник В.В. Квачков (1990–1994);

полковник С.К. Золотарев (1994).

Бригада и ее подразделения неоднократно награждались вымпелами МО СССР «За мужество и воинскую доблесть», почетным знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», почетными Знаменами союзных республик и Красным Знаменем правительства ДРА.

В шестидесятые-семидесятые годы прошлого века личный состав бригады привлекался к выполнению задач в зонах чрезвычайных ситуаций.

1966 год – землетрясение в Ташкенте. Стихийное бедствие произошло ранним утром 26 апреля 1966 года. Было разрушено свыше двух млн кв. м жилой площади, 236 административных зданий, около 700 объектов торговли и общественного питания, 26 коммунальных предприятий, 181 учебное заведение, в том числе школ на 8 тыс. мест, 36 культурно-бытовых учреждений, 185 медицинских и 245 промышленных зданий. Без крова

осталось более 78 тыс. семей, или свыше 300 тыс. человек. Зарегистрировано восемь случаев смерти и госпитализировано около 150 человек. Участие военнослужащих бригады: разбор завалов, борьба с мародерами, охрана общественного порядка.

1970 год – эпидемия холеры в Астраханской области. Тогда инфекция охватила один процент населения области. Военнослужащие бригады участвовали в проведении карантинных мероприятий – предотвращали попытки несанкционированного выезда и въезда на территории, где свирепствовало это заболевание.

В сентябре – октябре 1971 года 2-й отдельный отряд 15-й обр СпН выполнял особо важное правительственное задание в очаге эпидемии черной оспы в городе Аральске Казахской ССР.

В мае – июне 1979 года на базе 15-й обр СпН был сформирован «Мусульманский батальон» – отряд специального назначения ГРУ ГШ. Отряд состоял из управления, штаба и четырех рот (общая численность – 520 человек).

В декабре 1979 года «Мусульманский батальон» был введен на территорию Афганистана, где принимал участие в операции «Шторм-333» по свержению режима Амина.

В январе 1980 года «Мусульманский батальон» выведен обратно в ТуркВО. Был включен в состав 15-й обр СпН как 154-й отдельный отряд специального назначения (154-й оо СпН). Но вскоре отряд доукомплектовали личным составом и вновь ввели в Афганистан, где контролировал вход в Панджшерское ущелье в районе населенного пункта Руха и осуществлял охрану трубопровода.

В 1984 году 154-й оо СпН переведен в город Джелалабад и приступил к выполнению специальных задач в зоне своей ответственности.

В 1985 году штаб 15-й обр СпН передислоцировался на территорию Афганистана. Организационно в состав бригады вошли 177, 334 и 668-й оо СпН.

В августе 1988 года штаб бригады был выведен на территорию Советского Союза. 177-й и 668-й оо СпН переведены в Кабул, где находились до окончательного вывода советских войск из Афганистана. В составе бригады остался 154-й оо СпН.

За мужество и отвагу, проявленные на афганской войне, более четырех тысяч военнослужащих бригады были награждены орденами и медалями. Полковник В. Колесник, сержант Ю. Миролубов и лейтенант Н. Кузнецов (посмертно) стали Героями Советского Союза.

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века личный состав бригады выполнял специальные задачи в «горячих точках» Советского Союза.

В 1994 году бригада, а также 459-й оо СпН (на ее базе сформирован отдельный отряд спецназа) и учебный полк специального назначения, готовивший во время афганской войны личный состав для воюющих подразделений, вошли в состав Вооруженных Сил Узбекистана^[616].

16-я отдельная бригада специального назначения Московского военного округа (16-я обр СпН МВО)

Бригада сформирована в 1963 году в Московском военном округе. Дислоцировалась в н. п. Чучково Московской области.

Командиры соединения:

полковник А.В. Шипка (1963–1967);

полковник Г.Я. Фадеев (1967–1971);

полковник Е.Ф. Чупраков (1971–1973);

полковник С.М. Тарасов (1973–1980);

полковник А.А. Овчаров (1980–1985);

полковник А.А. Неделько (1985–1989);

полковник А.М. Дементьев (1989–1991);

полковник Е.В. Тишин (1992–1993);

полковник В.Л. Корунов (1993);

полковник А.Г. Фомин (1993–1997).

Награды соединения:

почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР (1972);

переходящее Красное Знамя МВО (1984).

Летом 1972 года подразделения 16-й обр СпН участвовали в ликвидации сильных лесных пожаров на территории Московской, Владимирской, Рязанской и Горьковской (Нижегородской) областей РСФСР.

В декабре 1984 года на базе бригады был сформирован 370-й отдельный отряд специального назначения (370-й оо СпН). В марте 1985 года отряд введен на территорию Афганистана, где организационно вошел в состав 22-й обр СпН. В августе 1988 года 370-й оо СпН выведен в Советский Союз и вернулся в состав 16-й обр СпН.

17-я отдельная бригада специального назначения Черноморского флота (17-я обр СпН ЧФ)

В/ч 34391 была сформирована в период с сентября по октябрь 1953 года в Севастополе на базе 6-го морского разведывательного пункта Черноморского флота (6-й МРП ЧФ).

В марте 1961 года часть была передислоцирована в Николаевскую область город Очаково (остров Первомайский).

В августе 1968 года преобразована в 17-ю обр СпН ГШ ВМФ.

Командиры соединения:

капитан 1 ранга Алексеев И.А. (1968–1972);

капитан 2 ранга Попов Б.А. (1973–1974);

капитан 1 ранга Крыжановский В.И. (1974–1977);

капитан 1 ранга Кочетыгов В.С. (1977–1983);

капитан 1 ранга Ларин В.С. (1983–1988);
капитан 1 ранга Карпенко А.Л. (1988–1998).

В январе 1990 года 17-я обр СпН была реорганизована в 1464-й МРП СпН.

В апреле 1992 года вошла в состав ВМС Украины^[617].

За время своего существования в составе ВМФ СССР военнослужащие соединения участвовали в выполнении специальных заданий:

Средиземное море – 1967–1990 годы;

Куба – 1975 год;

Арабская Республика Египет – 1975 год;

Новороссийск («Адмирал Нахимов») – 1986 год;

Тбилиси – 1991 год;

Поти – 1992 год.

22-я гвардейская отдельная бригада специального назначения Закавказского военного округа (22-я гв. обр СпН ЗакВО) – 22-я гвардейская отдельная бригада специального назначения Среднеазиатского военного округа (22-я гв. обр СпН САВО)

Бригада сформирована в 1976 году в Среднеазиатском военном округе (САВО). Дислоцировалась в г. Капчагай Казахской ССР.

Командиры соединения:

полковник И.К. Мороз (1976–1979);

полковник С.И. Груздев (1979–1983);

полковник Д.М. Герасимов (1983–1987);

подполковник Ю.А. Сапалов (1987–1988);

полковник А.Т. Гордеев (1988–1994).

полковник С.В. Бреславский (1994–1995);

полковник А.М. Попович (1995–1997).

Награды соединения:

переходящее Знамя Военного совета КСАВО (1980);

вымпел МО СССР «За мужество и воинскую доблесть» (1987).

В январе 1980 года на базе 22-й обр СпН был сформирован 177-й отдельный отряд специального назначения (177-й оо СпН). При формировании использовался тот же принцип, что и при формировании «Мусульманского батальона». В октябре 1981 года отряд введен в ДРА. До 1984 года 177-й оо СпН осуществлял охрану входа в ущелье Панджшер в районе н. п. Руха, а затем организационно вошел в состав 15-й обр СпН.

В 1985 году штаб 22-й обр СпН был введен на территорию Афганистана. Организационно в состав бригады вошли три отдельных отряда специального назначения: 173, 186, 370-й оо СпН. Зоной ответственности бригады стал юг Афганистана. Это было жаркое направление не только по географическим понятиям. Здесь воевали наиболее подготовленные и непримиримые отряды моджахедов.

Управление бригады осуществляло непосредственное руководство отрядами СпН, организовывало снабжение всеми видами довольствия, взаимодействие с приданной авиацией, средствами огневой поддержки и между отрядами в зонах боевой деятельности. Отдельные отряды СпН являлись основными боевыми подразделениями, входившими в состав бригад СпН, в которых осуществлялась вся боевая и политическая подготовка разведчиков и организовалась разведывательно-боевая работа.

В конце 1985 года на базе 5-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Шинданде, был сформирован 411-й оо СпН. Местом его дислокации стал город Фарахруд. На должность командира отряда был назначен капитан А.Г. Фомин, бывший до этого начальником штаба 186-го оо СпН.

В начале 1987 года бригаде была придана 295-я отдельная вертолетная эскадрилья. Так впервые у спецназа появилась своя авиация.

Отряды 22-й отдельной бригады спецназа, называемой в Афганистане во всех руководящих документах в целях соблюдения секретности 2-й отдельной мотострелковой бригадой (2-я омсбр), действовали весьма эффективно. Они захватывали и уничтожали оружие и боеприпасы, доставлявшиеся по караванным маршрутам, громили базовые районы моджахедов, оборудованные при помощи иностранных советников по всем правилам фортификации. Отряды 22-й бригады захватили и уничтожили ряд советников из Франции, Германии и США. Они первыми захватили американский ПЗРК «Стингер»^[618], тайно поставляемый американцами моджахедам. Помимо самого ПЗРК была захвачена и вся техническая документация к нему, а также контракт, который подтверждал самое непосредственное участие американцев в этих поставках.

За мужество и героизм, проявленные военнослужащими 22-й обр СпН на территории Республики Афганистан, государственных наград были удостоены 3196 человек, из них четверым было присвоено звание Героя Советского Союза.

В августе 1988 года 22-я обр СпН выведена на территорию Советского Союза в населенный пункт Перепешкюль (Азербайджан). В ее составе остались 173-й и 411-й отдельные отряды СпН. 370-й отдельный отряд СпН вернулся в Чучково (Московский военный округ), а 186-й отдельный отряд СпН – в Изяславль.

В 1988–1989 годах подразделения 22-й обр СпН привлекались к выполнению задач по поддержанию конституционного порядка в городе Баку (173-й оо СпН), а также Северной Осетии (Алании) и Ингушетии.

В период с апреля по июнь 1990 года и с мая по июль 1991 года 173-й оо СпН принимал участие в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе. Группы отряда, действуя на территории Армении в

районе населенных пунктов Наямберян и Шавар Шаван, уничтожили 19 градобойных орудий, которые обстреливали населенные пункты Азербайджана.

После развала СССР в 1992 году бригада была переведена в Северо-Кавказский военный округ^[619].

Правительственных наград СССР удостоены 3762 чел., в том числе четверо стали Героями Советского Союза – рядовой Арсенов Валерий Викторович (посмертно), младший сержант Исламов Юрик Верикович (посмертно), старший лейтенант Онищук Олег Петрович (посмертно) и капитан Горошко Ярослав Павлович.

24-я отдельная бригада специального назначения Забайкальского военного округа (24-я обр СпН ЗабВО)

Бригада сформирована в 1977 года на базе 18-й отдельной роты специального назначения в Забайкальском военном округе.

Командиры соединения:

полковник Э.М. Иванов (1977–1982);

полковник Г.А. Колб (1982–1986);

полковник В.И. Кузьмин (1986–1990);

полковник А.М. Бойко (1990–1992);

полковник В.И. Рогов (1992–1994);

полковник П.С. Липиев (1994–1997);

полковник А.А. Платонов (1997–1999);

полковник А.И. Жуков (с 1999).

В период 1979–1989 годов военнослужащие 24-й обр СпН участвовали в боевых действиях на территории Афганистана в составе отдельных отрядов специального назначения.

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века личный состав бригады выполнял специальные задачи в «горячих точках» Советского Союза.

Среди личного состава бригады орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», «Мужества» и «За военные заслуги» награжден 121 человек. К награждению медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени было представлено 163 военнослужащих 24-й обр СпН.

26-й отдельный батальон спецназа Группы советских войск в Германии (26-й об СпН ГСВГ)

Сформирован в 1957 году в ГСВГ (Группа советских войск в Германии).

Командир – подполковник Мосолов Р.П.

27-й отдельный батальон спецназа Северной группы войск (27-й об СпН СВГ)

Сформирован в 1957 году в Северной группе войск (Польша).

Командир – подполковник Пашков М.П.

36-й отдельный батальон спецназа Прикарпатского военного округа (36-й об СпН ПрикВО)

Сформирован в 1957 году в Прикарпатском военном округе.

Командир – подполковник Шаповалов.

42-й морской разведывательный пункт Тихоокеанского флота (42-й МРП ТОФ)

Создан 18 марта 1955 года директивой ГШ ВМС № ОМУ/1/53060сс.

25 мая 1981 года МРП переименован в разведывательный пункт специального назначения.

В 1995 году группа спецназовцев выполняла боевые задачи в составе полка морской пехоты ТОФ в Чеченской республике. Пятерых товарищей потеряли спецназовцы на той войне. Посмертно четверо из них награждены орденами, а прапорщику Днепровскому А.В. посмертно присвоено звание Героя России.

Командиры МРП:

капитан 1 ранга Коваленко П.П.(1955–1959);
капитан 1 ранга Гурьянов В.Н. (1959–1961);
капитан 1 ранга Коннов В.И. (1961–1966);
капитан 1 ранга Клименко В.Н. (1966–1972);
капитан 1 ранга Минкин Ю.А. (1972–1976);
капитан 1 ранга Жарков А.В. (1976–1981);
капитан 1 ранга Яковлев Ю.М. (1981–1983);
подполковник Евсюков В.И. (1983–1988);
капитан 1 ранга Омшарук В.В. (1988–1995);
подполковник Грицай В.Г. (1995–1997);
капитан 1 ранга Курочкин С.В. (1997–2000)^[620].

**43-й отдельный батальон спецназа
Закавказского военного округа (43-й об СпН ЗакВО)**

Сформирован в 1957 году в Закавказском военном округе.

Командир – полковник Гелеверя И.И.

**45-й отдельный разведывательный полк ВДВ
(45-й полк спецназначения ВДВ) – оперативное
подчинение ГШ ВДВ**

Полк был сформирован на базе двух отдельных батальонов ВДВ:

– 901-й отдельный десантно-штурмовой батальон (места дислокации: 1979 год – Чехословакия, 1989 год – Латвия (Прибалтийский военный округ), 1991 год – Сухуми (Закавказский военный округ). Позднее – в составе 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (Северо-Кавказский военный округ);

– 218-й отдельный батальон спецназа ВДВ (июнь – август 1992 года – Приднестровье, сентябрь – ноябрь 1992 года – Северная Осетия, декабрь 1992 года – Абхазия).

Днем рождения части считается день формирования этого батальона – 25 июля 1992 года.

С 12 декабря 1994 года по 25 января 1995 года полк принимал участие в боевых действиях в Чечне

(населенный пункт Долинский, Октябрьский, Грозный, Аргун). 15 военнослужащих погибли, 27 ранено.

Командир полка – полковник Колыгин Виктор Дмитриевич.

**61-й отдельный батальон спецназа
Туркестанского военного округа (61-й об СпН
ТуркВО)**

Сформирован в 1957 году.

**67-я отдельная бригада специального
назначения Сибирского военного округа (67-я обр
СпН СибВО)**

Бригада сформирована в 1984 году на базе 791-й отдельной роты специального назначения. Дислоцировалась на территории Сибирского военного округа.

Командиры соединения:

подполковник Л.В. Агапонов (1984–1990);

полковник А.Г. Тарасовский (1990–1992);

полковник Л.Л. Поляков (1992–1999);

полковник Ю.А. Мокров (с 1999).

**137-й морской разведывательный пункт
Краснознаменной Каспийской флотилии (137-й МРП
ККФ)**

Сформирован в 1969 году Директивой ГШ ВМФ № 701–2/ 2/0012сс численностью 47 человек.

До 1992 года воинская часть, кроме проведения интенсивной боевой подготовки, испытывала новые подводные средства движения и обеспечивала подготовку спецконтингента дружественных стран Азии, Африки и Латинской Америки.

1 июня 1992 года воинская часть передислоцирована в поселок Владимировка Приозерского района Ленинградской области.

В сентябре 1997 года воинская часть передислоцирована на Черноморский флот.

31 мая 1995 года в Чечне погиб командир группы 137-й МРП СнП старший лейтенант Сергей Анатольевич Стабецкий. Посмертно награжден орденом Мужества.

Командиры МРП:

капитан 1 ранга Пашиц В.Г. (1969–1982);

капитан 1 ранга Канцедал В.П. (1982–1986);

капитан 1 ранга Нефедов А.А. (1986–1997);

капитан 2 ранга Христиченко И.А. (1997–2000);

полковник Максимов А.Н. (2000–2004)^[621].

154-й отдельный отряд специального назначения Туркестанского военного округа (154-й оо СпН ТуркВО) («Мусульманский батальон»)

Сформирован на базе 15-й отдельной бригады спецназа в апреле – мае 1979 года.

В его штат входила боевая техника, а общая численность солдат и офицеров составляла пятьсот двадцать человек. Ни такого вооружения, ни такого штата в спецназе до этого не было. Помимо управления и штаба, отряд состоял из четырех рот. Первая рота имела на вооружении БМП-1, вторая и третья – БТР-60пб. Четвертая рота была ротой вооружения, которая состояла из взвода АГС-17, взвода реактивных пехотных огнеметов «Рысь» и взвода саперов. Также в отряд входили отдельные взводы: связи, ЗСУ «Шилка», автомобильный и материального обеспечения. В каждой роте был переводчик, курсант Военного института иностранных языков, направленный для стажировки.

На весь личный состав «Мусульманского батальона» в Москве пошили униформу Афганской армии, а также подготовили легализационные документы установленного образца на афганском языке. При этом военнослужащим не пришлось менять имена, т.к. все они были представителями трех национальностей: узбеки, таджики и туркмены.

Первое подразделение спецназа, введенное в Афганистан в ноябре 1979 года. Принимал участие в

операции «Шторм-333». Потери отряда: 5 убитых и 35 ранено. 2 января 1980 года выведен в СССР.

В том же году отряд был доукомплектован офицерами и техникой и снова введен в Афганистан^[622].

173-й отдельный отряд специального назначения Закавказского военного округа (173-й оо СпН ЗакВО)

Сформирован 29 февраля 1980 года специально для действий на территории Афганистана.

Первоначально 173-й отдельный отряд СпН дислоцировался в Грузии, в городе Лагодехи. Цели и задачи вновь созданного подразделения объясняют и его несколько необычную штатную структуру. В то время отряд состоял из управления и штаба, отдельной группы связи и зенитно-артиллерийской группы, а также шести рот.

Первая и вторая считались разведывательными, а третья – разведывательно-десантной. В состав каждой из этих рот входило по три группы специального назначения. Четвертая рота – автоматических гранатометов – состояла из трех огневых взводов, пятая рота – из огнеметной группы и группы минирования, шестая рота была транспортной. На вооружении в отряде, кроме обычного стрелкового оружия, были ЗСУ «Шилка», АГС-17, РПО «Рысь». Передвигались разведчики на БМП-1, БРМ-1 и БМД-1.

Введен в Афганистан 10 декабря 1984 года. Дислоцировался в городе Кандагар.

В ночь с 13 на 14 апреля 1984 года разведгруппа под началом лейтенанта Козлова, переодевшись в афганскую национальную одежду, провела засаду на караванном маршруте мятежников в районе отметки 1.379 и уничтожила четыре автомобиля «Симург» и 47 «духов», а также захватила один автомобиль и большое количество оружия и боеприпасов. Были среди добычи спецназовцев и ценные документы. Ведя в течение пяти

часов бой в окружении с превосходящим по численности противником, группа выполнила задание без потерь. Долгое время этот результат был своего рода рекордным в 40-й армии.

В мае 1984 года произошла реорганизация отряда. В ротах была введена должность переводчика. 4-я и 5-я роты были расформированы, а из их личного состава в первых трех были сформированы группы оружия. Первая рота пересела на БМП-2, а вторая и третья – на БТР-70. Группа минирования стала отдельной.

В 1985 году в штат отряда был введен инженерно-саперный взвод и на базе его и группы минирования была развернута 4-я рота.

Весной 1985 года с вводом в Афганистан двух отдельных отрядов спецназа и штаба 22-й обр СпН 173-й отряд вошел в состав этой бригады.

В апреле 1986 года отряд применил новый способ борьбы с караванами мятежников. Разведгруппа во главе с лейтенантом Бескровным организовала наблюдательный пункт на господствующей высоте с отметкой 2.014. Обнаружив ночью движение автоколонны моджахедов, разведчики навели на нее вертолеты огневой поддержки, а после их удара в район стремительно вышли бронегруппы отряда, блокировав противника. Так, по сути, без риска для жизни солдат и офицеров было захвачено 6 автомобилей «Симург» и большое количество оружия и боеприпасов. Этот способ неоднократно успешно применялся и в дальнейшем.

В 1988 году отряд обеспечивал вывод частей из зоны ответственности «Юг», находясь в арьергарде, и покинул Афганистан последним, в августе [\[623\]](#).

186-й отдельный отряд специального назначения Прикарпатского военного округа (186-й оо СпН ПрикВО)

Был сформирован зимой 1985 года в городе Изяслав ПрикВО на базе 8-й отдельной бригады спецназа. Для

комплектования отряда привлекались офицеры и солдаты из 10, 2 и 4-й отдельных бригад спецназа.

В апреле 1985 года отряд вошел в Афганистан и своим ходом через Пули-Хумри, Саланг, Кабул, Газни прибыл в Шарджой.

27 апреля 1985 года отряд был включен в состав 22-й отдельной бригады спецназа.

К 1 июня 1988 года отряд был выведен на территорию СССР.

22 июня 1988 года отряд вошел в состав 8-й отдельной бригады спецназа Прикарпатского военного округа.

304-й морской разведывательный пункт Северного флота (304-й МРП СФ)

Начал формироваться 26 ноября 1957 года директивой ГШ ВМФ № ОМУ/1/30409сс с численностью 122 человека.

Командир МРП: подполковник Беляк Е.М.

В апреле 1960 года в связи с сокращением Вооруженных Сил СССР 304-й МРП СФ был расформирован^[624].

334-й отдельный отряд специального назначения (334-й оо СпН)

Был сформирован на базе 5-й обр СпН в населенном пункте Марьина Горка (БССР). Первым командиром отряда стал майор Терентьев.

В конце марта 1985 года был введен в Афганистан и пополнил 15-ю обр СпН. Местом его дислокации стал город Асадабад. В силу того, что провинция Кунар находилась в высокогорье и практически все караванные маршруты проходили по своеобразной цепи укрепленных районов моджахедов, отряд использовал присущую только ему тактику. Под руководством капитана Г. Быкова, возглавившего отряд в 1985 году, бойцы отработали тактику штурмовых действий и

внезапных налетов на укрепленные районы и отдельные их элементы.

В 1988 году отряд был выведен в Союз и вновь вошел в состав 5-й обр СпН^[625].

370-й отдельный отряд специального назначения (370-й оо СпН)

Был сформирован в 1980 году на базе 16-й отдельной бригады специального назначения Московского военного округа в Чучково Рязанской области для ввода в Афганистан.

С осени 1984 года по 1988 год он воевал в Афганистане. 370-й оо СпН входил в состав 22-й отдельной бригады спецназа и дислоцировался в городе Лашкаргах (провинция Гильменд).

Зона ответственности отряда – пустыня Регистан и Дашти-Марго.

В этот период в отряде погибли 47 офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат.

В 1988 году отряд был исключен из состава бригады и возвратился в 16-ю отдельную бригаду спецназа.

К 15 августа 1988 года отряд был выведен на территорию СССР и вошел в состав 16-й отдельной бригады спецназа Московского военного округа.

420-й морской разведывательный пункт Северного флота (420-й МРП СФ)

Сформирован в 1983 году.

Основная задача этого подразделения – уничтожение береговых акустических станций, которые были компонентами американской системы СОСУС. Последняя предназначалась для отслеживания движения советских подводных лодок в Мировом океане. Система представляла собой сеть электрических кабелей, которые покрывали дно Норвежского моря и фиксировали нахождение каждой подводной лодки в том или ином квадрате этой гигантской сети. Система снабжала американцев сведениями обо всех

перемещениях советских подводных лодок в данном районе и позволяла нанести превентивный ядерный удар по ним в угрожаемый период еще до выхода американского конвоя.

В 1985 году началось формирование 420-го МРП СФ. Был утвержден штат – всего 185 военнослужащих. При комплектовании подразделения предпочтение отдавалось жителям Мурманской области и военнослужащим Северного флота (в том числе морской пехоте и морской авиации), т.к. они уже были адаптированы к службе в суровых условиях Заполярья. Так, летом температура воды не поднимается выше +6 градусов, а зимой из-за повышенной солености она не замерзала даже при -2.

В состав МРП входило два боевых отряда – водолазов-разведчиков и радио- и радиотехнической разведки (РРТР). По штату в каждом отряде было по три группы, но реально было только по одной. Впоследствии штаты пункта были изменены и насчитывали около трехсот человек.

Против БГАС работал 1-й отряд. 2-й отряд действовал против авиации НАТО, которая базировалась на аэродромах Северной Норвегии. Объектом отряда РРТР был и пост дальнего радиолокационного оповещения, также расположенный в Северной Норвегии^[626].

Командиры МРП:

капитан 1 ранга Захаров Г.И (1983-1986).

капитан 1 ранга Нокай П.Д. (1986-1990).

капитан 1 ранга Чемакин С.М. (1990-1996)^[627].

441-й отдельный отряд специального назначения (411-й оо СпН)

Был сформирован в составе 22-й отдельной бригады спецназа в городе Шинданд.

Офицеры и солдаты, вошедшие в его состав, имели опыт боевых действий.

На все должности командиров рот, групп, отделений прибыли люди из действующих в то время в Афганистане отрядов 22-й отдельной бригады СпН. На все остальные должности прибыли офицеры, прапорщики и личный состав из частей 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Шиндане.

В последних числах декабря 1985 года отряд в полном составе на боевой технике совершил 100-километровый марш в пункт постоянной дислокации в город Фарахруд, где и встретил новый 1986 год.

К 15 августа 1988 года 411-й отдельный отряд спецназа был выведен на территорию СССР.

459-я отдельная рота специального назначения (459-я ор СпН) («Кабульская рота»)

Рота сформирована в декабре 1979 года на базе учебного полка СпН Туркестанского военного округа (ТуркВО) в городе Чирчик Узбекской ССР.

Введена в Афганистан в феврале 1980 года. Первый командир роты – капитан Латыпов Р.Р.

459-я ор СпН – первое штатное подразделение армейского спецназа в составе 40-й общевойсковой армии в Афганистане.

С февраля 1980 года подразделение дислоцировалось в Кабул, получив в обиходе название «Кабульской роты». В состав роты входило четыре разведгруппы и группа связи (в декабре 1980 года на вооружении подразделения появилось 11 БМП-1). По штатному расписанию рота насчитывала 112 человек.

Задачи 459-й ор СпН – разведка, доразведка с целью проверки информации, захват пленных, уничтожение лидеров и полевых командиров моджахедов.

В 1980–1984 годах 459-я ор СпН выполняла боевые задачи на всей территории Афганистана.

С 1985 года зона действий роты была ограничена провинцией Кабул. За время нахождения в Афганистане

личный состав 459-й ор СпН провел более 600 боевых выходов.

Успешные действия «Кабульской роты» позволили накопить опыт применения спецназа в условиях Афганистана. Было принято решение усилить спецназ 40-й армии.

15 августа 1988 года «Кабульская рота» под командованием капитана Н.П. Хоршунова была выведена на территорию Советского Союза. Свыше 800 военнослужащих роты были награждены орденами и медалями.

До развала СССР рота дислоцировалась в городе Самарканд Узбекской ССР.

В настоящее время 459-я ор СпН реорганизована в отдельный отряд специального назначения и входит в состав Вооруженных Сил Узбекистана.

467-й отдельный учебный полк специального назначения (467-й оуп СпН)

Образован в марте 1985 года в городе Чирчик.

Командиры полка:

полковник Х. Халбаев (1985–1987);

подполковник И.М. Крот (1987–1990);

полковник Е.В. Тишин (1990–1992).^[628]

561-й морской разведывательный пункт Балтийского флота (561-й МРП БФ)

Располагался на Балтийском море.

15 октября 1954 года образован директивой ГШ ВМС при разведотделе штаба 4-го ВМФ.

В 1983 году на его базе был сформирован отряд, который должен был готовить водолазов-разведчиков специально для Северного флота и в угрожаемый период передавался в оперативное подчинение штабу североморцев. Правда, вскоре выяснилось, что большинство подготовленных на Балтийском море разведчиков специального назначения из-за проблем с акклиматизацией не могут быть использованы за

Полярным кругом. Поэтому отряд был расформирован^[629].

Командиры МРП:

полковник Потехин Г.В. (1954–1961);
капитан 1 ранга Домысловский В.А. (1961–1965);
капитан 1 ранга Федоров А.И. (1965–1968);
капитан 1 ранга Смирнов В.А. (1969–1975);
капитан 1 ранга Скороходов В.С. (1975–1978);
капитан 1 ранга Захаров Г.И. (1978–1983);
капитан 2 ранга Клименко И.П. (1983–1987);
капитан 1 ранга Поленок М.Д. (1987–1992);
полковник Михайлов Ю.В. (1992–1994);
капитан 1 ранга Карпович А.П. (1994–2003)^[630].

670-я отдельная рота специального назначения Центральной группы войск (670-я ор СпН ЦГВ)

Рота спецназа была создана для Центральной группы войск (ЦГВ) в 1981 году. Первоначально базировалась в Луштенице, затем в Лазне Богданеч (Чехословакия).

В апреле 1991 года была выведена в СССР и вошла в состав 16-й обр СпН МВО.

1071-й отдельный учебный полк специального назначения (1071-й оуп СпН)

Сформирован в 1973 году.

Командиры:

полковник В.И. Большаков (1973–1978);
полковник А.Н. Грищенко (1978–1982);
полковник В.А. Морозов (1982–1988);
полковник Л.Л. Поляков (1988–1991).

В феврале 1992 года передан под юрисдикцию Узбекистана^[631].

«Мусульманский батальон». Отряд особого назначения «Мусульманский батальон» Туркестанского военного округа

Сформирован в мае – июне 1979 года в 15-й обр СпН Туркестанского военного округа.

Формированием отряда руководил полковник ГРУ ГШ В.В. Колесник.

Первый командир – майор Х. Халбаев.

Отряд состоял из управления, штаба и четырех рот (роты имели на вооружении БМП-1, БТР-60пб; четвертая – рота вооружения – состояла из взвода АГС-17, взвода реактивных пехотных огнеметов «Рысь», взвода саперов), а также отдельных взводов: связи, ЗСУ «Шилка», автомобильного, обеспечения. Общая численность отряда составляла 520 человек.

Офицерский и рядовой состав отряда формировался из представителей среднеазиатских республик – узбеков, таджиков, туркмен, за исключением зенитчиков комплекса «Шилка», которых набрали из украинцев.

Основная задача отряда: выполнение особого задания в Афганистане.

В 1979 году «Мусульманский батальон» принимал участие в операции «Шторм-333» по свержению режима Х. Амина в Афганистане. 19-20 ноября, используя просьбы афганского правительства об усилении его охраны советскими солдатами, «Мусульманский батальон» транспортными самолетами перебросили на авиабазу Баграм. 15 декабря отряд передислоцировался в Кабул и вошел в бригаду охраны резиденции Амина – дворца Тадж-Бек. 27 декабря группа батальона в составе около 50 человек под командованием ст. л-та В.С. Шарипова и л-та Р. Турсункулова совместно со спецназом КГБ участвовала в штурме дворца Тадж-Бек. Остальные подразделения «Мусульманского батальона» поддержали штурмовую группу огнем и нейтрализовали действия афганской бригады охраны.

8 января 1980 года батальон передислоцировался в город Чирчик Узбекской ССР и вошел в 15-ю обр СпН как 154-й отдельный отряд специального назначения (154-й оо СпН).

В апреле 1980 года группа участников операции «Шторм-333» была представлена к правительственным наградам.

Отдельные батальоны специального назначения военных округов

Начали формироваться по приказу министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в августе 1957 года.

Руководили подразделениями и частями спецназа:
генерал-майор И.Н. Банов (1953–1957);
генерал-майор Н.К. Патрахальцев (1958–1968).

В военных округах и группах войск на базе 8 отдельных рот специального назначения было сформировано 5 батальонов, предназначенных для действий в тылу противника:

26-й об СпН (командир – подполковник Р.П. Мосолов);
27-й об СпН (командир – подполковник М.П. Пашков);
36-й об СпН (командир – подполковник Шаповалов);
43-й об СпН (командир – полковник И.И. Гелеверя);
61-й об СпН (нет данных).

26-й батальон входил в состав Группы советских войск в Германии (ГСВГ), 27-й находился в Северной группе войск (СГВ). 36-й батальон дислоцировался в Прикарпатском военном округе, 43-й – в Закавказском и 61-й – в Туркестанском военных округах.

Батальоны состояли из командования, штаба, трех рот специального назначения, роты спецсвязи, учебного взвода и других подразделений обслуживания и обеспечения.

На новую оргштатную структуру были переведены 75, 77 и 78-я ор СпН, дислоцированные в Южной группе войск (ЮГВ), Прикарпатском и Одесском военных округах.

Отдельные бригады специального назначения (обр СпН) военных округов

Начали формироваться после Постановления ЦК КПСС «О подготовке кадров и разработке спецтехники для организации и оснащения партизанских отрядов» от 20 июня 1961 года.

В соответствии с данным постановлением руководством Министерства обороны СССР было принято решение о формировании соединений спецназначения для фронтового (окружного) звена. Для армейского звена были утверждены прежние части и подразделения спецназа.

5 февраля 1962 года ГШ издал директиву, которая обязывала командующих военными округами организовать курсы для обучения офицеров для частей специального назначения. Той же директивой командующим предписывалось отобрать 1700 военнослужаших запаса, свести в бригаду и провести с ними месячные сборы. Военнослужащим, прошедшим сборы, присваивались новые военно-учетные специальности.

В марте 1962 года ГШ были разработаны проекты штатов кадрованных отдельных бригад спецназа на мирное и военное время. Организационная структура новых соединений спецназначения была создана довольно гибкой, позволяющей их применение в самых различных вариантах: группами по 3-10 чел., отрядами от 25 до 50 чел., целыми подразделениями от 50 до 200 чел. и более крупными формированиями. На вооружение бригад приняли легкое стрелковое и спецоружие, минно-взрывные средства и принадлежности для взрывания, УКВ- и КВ-радиостанции, парашютно-десантное имущество. Укомплектование бригад офицерским составом проводилось с соблюдением принципа индивидуального отбора и добровольного

согласия. Весь личный состав бригад по состоянию здоровья должен был отвечать требованиям годности для прохождения службы в воинских частях ВДВ.

Осенью 1962 года на территории Ленинградского и Прибалтийского военных округов впервые было проведено опытное учение по использованию бригады специального назначения во фронтовой наступательной операции. Руководителем учения был назначен зам. начальника ГРУ ГШ генерал-полковник Х.-У.Д. Мамсуров. Разработкой учения занимались офицер ГРУ П.А. Голицын и начальник отдела специальной разведки ЛВО полковник В.С. Лиханов.

На учение были вызваны начальники разведки, начальники отделов специальной разведки военных округов страны. В ходе учения отрабатывались следующие вопросы:

- принятие решения начальником разведки фронта на боевое применение бригады спецназа;

- отдача боевых распоряжений;

- подготовка разведывательно-диверсионных групп;

- постановка группам задач;

- вывод групп на аэродромы взлета;

- десантирование групп;

- выполнение группами разведывательно-диверсионных задач;

- доклады групп по радио о выполнении задач;

- перенацеливание групп в ходе операции на новые объекты;

- перемещение штаба бригады спецназа в ходе фронтовой операции.

Документы по учению были изданы отдельным томом и разосланы в военные округа и военные академии. До разработки руководящих документов по боевому применению частей спецназа в округах руководствовались этим томом.

К концу 1962 года в Белорусском, Дальневосточном, Закавказском, Киевском, Ленинградском, Московском, Одесском, Прибалтийском, Прикарпатском и Туркестанском военных округах были сформированы кадрированные бригады специального назначения. Это означало, что в составе бригады часть подразделений были развернуты по штатам мирного времени, но в случае угрозы войны могли доукомплектовываться приписным составом. Ряд подразделений бригады имели только командиров, все остальные военнослужащие находились в запасе.

В 1963 года на территории Белорусского, Прибалтийского и Ленинградского военных округов были проведены крупномасштабные учения, в которых участвовали отдельные бригады и роты спецназа. Разработкой этих ответственных учений занимались генералы и офицеры ГРУ ГШ генерал-лейтенант К.Н. Ткаченко, генерал-майоры П.А. Голицын, Т.П. Исаченко и др. Проведением учений руководил генерал-полковник Х.-У.Д. Мамсуров. В «тыл противника» было заброшено 42 РГ СпН (разведгруппа спецназа), в том числе две группы подводным способом. Практически все поставленные задачи спецназовцы выполнили успешно.

Опыт учений был обобщен и направлен во все части и подразделения спецназначения, на базе одной из бригад создан учебно-тренировочный фильм.

К январю 1964 года группировка армейского спецназа включала десять отдельных бригад (обр СпН), пять отдельных батальонов (об СпН) и двенадцать отдельных рот (ор СпН). К концу года в результате очередной реорганизации были усилены кадрированные соединения, расформировано три об СпН и шесть ор СпН. Теперь в группировке насчитывалось двенадцать обр СпН, два об СпН и шесть ор СпН.

В августе 1965 года в ГРУ ГШ разработали и утвердили документы «Наставление по боевому

применению частей спецназначения» и «Организация и тактика партизанской борьбы». В них излагалась основная концепция боевого применения подразделений спецназа, их основные задачи, комплекс вопросов по подготовке к действиям в тылу противника.

В качестве руководящего документа использовалось «Наставление по боевому применению части спецназначения». С получением в войсках наставления в подразделениях началась более настойчивая подготовка разведчиков, разведгрупп и подразделений в целом. Согласно положениям, изложенным в документе, стали проводиться полевые занятия и учения с практическим десантированием, особое внимание уделялось разведке средств массового поражения.

Проводились испытания и принимались на вооружение новые виды специальной техники: минно-взрывных и зажигательных средств, бесшумного оружия, радиостанций, приборов для радиотехнической разведки, для снятия координат выявленных целей и др.

Было разработано и изготовлено летнее и зимнее обмундирование спецназа. Цвет обмундирования выполнялся с учетом действий на различных театрах войны. Для снабжения спецназа был разработан и принят малогабаритный высококалорийный продовольственный паек.

К 1979 году группировка армейского спецназа насчитывала 14 бригад окружного подчинения и около 30 отдельных частей в составе армий и групп войск.

Отдельные роты специального назначения военных округов и армий (ор СпН)

Начали формироваться на основании директивы военного министра СССР Маршала Советского Союза А.М. Василевского № ОРГ /2/395/832 от 24 октября 1950 г.

Формирование рот проходило под общим руководством Главного разведывательного управления Генерального штаба.

Для управления формируемыми подразделениями при 2-м Главном управлении ГШ было создано специальное направление по руководству армейским спецназом.

Руководители направления:

полковник П.И. Степанов (1950–1953);

генерал-майор И.Н. Банов (1953–1957).

В Подмосковье (п. Загорянка) были открыты краткосрочные курсы для офицеров спецназа. Основными предметами обучения на них являлись: тактико-специальная, воздушно-десантная и минно-подрывная подготовка. Лекции по применению армейского спецназа в армейских и фронтовых операциях читали генерал-полковники Х.-У.Д. Мамсуров, Рогов. Практические занятия по тактико-специальной подготовке проводили полковники Н.К. Патрахальцев, И.Н. Банов. Воздушно-десантную подготовку преподавали мастера спорта полковники С. Силаев, А. Доронин, С. Руденко и др. Минно-подрывная подготовка проходила под руководством полковника И.Г. Старинова.

До 1 мая 1951 года в общевойсковых и танковых армиях, а также в ряде военных округов было сформировано 46 ор СпН, предназначенных для действий в тылу противника.

Каждая рота имела 120 человек личного состава. Организационно она состояла из четырех взводов: трех специального назначения и одного спецрадиосвязи.

Для выполнения задач рота способна была выделить разведывательные органы:

разведывательные группы спецназначения (РГ СпН) на базе штатного отделения, а из состава взвода спецрадиосвязи – один-два радиста;

за счет штатных групп – три разведывательных отряда спецназначения (РО СпН) и два-четыре радиста в каждом отряде.

Из средств радиосвязи в роте на оснащении имелись коротковолновые радиостанции. На вооружении взводов находились автоматы, пистолеты, в том числе с приборами для бесшумной и беспламенной стрельбы, гранатометы, ручные гранаты, десантные ножи, штык-ножи. Минно-взрывные заграждения и средства минирования (противопехотные, противотанковые мины, стандартные взрывчатые вещества, миноискатели). Средства десантирования в тыл противника (парашюты, десантные рюкзаки, контейнеры для радиостанций и батарей питания к ним, грузовые парашютно-десантные мешки).

Основой боевой подготовки личного состава были: тактико-специальная подготовка, минно-подрывное дело, огневая, физическая, парашютно-десантная и радиоподготовка. Для обучения прыжкам с парашютом использовались аэростаты, вертолеты Ми-8тм и самолеты Ли-2, Ан-2, Ан-12, Ан-8.

В 1953 году, при сокращении Вооруженных Сил СССР, тридцать пять ор СпН было расформировано. Личный состав переведен на службу в другие части либо уволен в запас.

Одиннадцать рот спецназа продолжали совершенствовать боевую подготовку. Случалось, что личный состав рот привлекался к выполнению задач, несвойственных спецназу. Так, летом 1955 года в Калининграде 40 вооруженных бойцов 77-й обр СпН участвовали в охране правительственной делегации СССР во главе с Н.С. Хрущевым, скрытно расположившись в местах, определенных им сотрудниками КГБ.

Часть 9

Военный спецназ РФ

Глава 25

Военный спецназ в современной России

Подразделения спецназа использовались для ликвидации массовых беспорядков конца восьмидесятых – начала девяностых годов прошлого века. Так, 173-й отдельный отряд спецназа принимал участие в наведении порядка в Баку, Северной Осетии и во время осетино-ингушского конфликта, в Нагорном Карабахе. В 1988–1989 годах три отряда 22-й отдельной бригады спецназа Закавказского военного округа работали в Закатальском районе Азербайджана и в Тбилиси, в 1991 году – в Нагорном Карабахе и Северной Осетии. В 1992 году 22-я отдельная бригада спецназа была переведена в Северо-Кавказский военный округ.

Вскоре началось сокращение подразделений спецназначения. В 1991 году была выведена бригада спецназа из Германии и передана в Приволжский военный округ. 4-я отдельная бригада, сформированная в 1962 году в Риге и базировавшаяся в г. Вильянди в Эстонии, 1 октября 1992 года была расформирована. Был выведен из г. Печоры Псковской обл. и позднее расформирован учебный полк спецназначения и школа прапорщиков.

После Беловежского соглашения и раздела Вооруженных Сил Украина получила 10-ю отдельную бригаду спецназа, размещавшуюся в Крыму, которая была преобразована в 1-й парашютно-десантный полк ВС Украины, а также бригады спецназначения Киевского военного округа в Кировограде и Прикарпатского военного округа в Изяславле. (В ходе севастопольского конфликта Украина планировала применить их против российского флота.) Белоруссия получила 5-ю

отдельную бригаду спецназа, Узбекистан - 15-ю отдельную бригаду и 459-ю отдельную роту спецназначения (на ее базе был сформирован отдельный отряд), а также учебный полк спецназа, готовивший бойцов во время афганской войны. А в целом отмеченное во всем обществе падение уровня профессионализма не обошло и спецназ. Это были уже не те элитные части, так блестяще зарекомендовавшие себя в Афганистане.

Широко использовался спецназ и в чеченском конфликте 1994-1996 годов. В нем действовали отряды из Московского, Сибирского, Северо-Кавказского, Уральского, Забайкальского и Дальневосточного военных округов. Однако к весне 1995 года все они были выведены из Чечни, кроме отдельного отряда спецназначения Северо-Кавказского военного округа, который участвовал в боевых действиях до самого конца и вернулся в свое расположение осенью 1996 года.

На начальном этапе войны в Чечне части спецназа применялись в качестве разведки войсковых частей. И если бы только это! Их использовали затем в составе штурмовых групп при нелепом штурме Грозного. В результате потери были таковы, что 1995 год может быть назван самым трагическим для спецназа за всю его историю. Из-за ошибки генералов, руководивших действиями спецназа в Чечне, попал в плен отряд под командованием майора А. Иванова. Отряд спецназа Московского военного округа был размещен в заминированном чеченскими боевиками здании и понес большие потери.

Однако потом, когда части спецназа стали действовать самостоятельно, применяя тактику, разработанную в период войны в Афганистане, положение изменилось. Спецназ стал действовать в основном в засадах, часто работая по информации, полученной от других спецслужб.

Отдельный отряд спецназа отдельной бригады Северо-Кавказского военного округа принимал участие и в событиях в Буденновске летом 1995 года. Он сопровождал колонну с боевиками и заложниками на случай, если поступит команда уничтожить террористов в пути. В январе 1996 года один из отрядов этой же бригады принимал участие в операции по освобождению заложников в Первомайском и нанес ощутимые потери прорывающимся боевикам. За этот бой пятеро офицеров спецназа получили звание Героя Российской Федерации.

По сравнению с предыдущим периодом появились и новые моменты. Так, отряд, действовавший в Чечне, был, как и в Афганистане, укомплектован боевой техникой. Для связи с группами, находящимися на задании, выдавались мобильные телефоны. Также впервые в подразделениях спецназа стали использоваться военнослужащие-контрактники. Но после окончания первой чеченской войны денежная оплата по контрактам была резко уменьшена, и опытные бойцы-контрактники стали увольняться с военной службы, а на их место снова пришли бойцы-срочники. Но все же уровень боевой подготовки вырос. Появились контакты со спецназом других стран.

Между тем обстановка продолжала накаляться. К концу 1997 года стало ясно, что первым регионом, который попытаются захватить ваххабиты, будет республика Дагестан. Поэтому в начале 1998 года в город Каспийск был направлен 8-й отдельный отряд специального назначения из 22-й отдельной бригады. Спустя несколько месяцев ему на смену пришел 3-й отряд. Они сменяли друг друга до августа 1999 года, когда нападение все же произошло. Бойцы спецназа вели разведку местности, изучали систему охраны границы с чеченской стороны, выявляли каналы торговли оружием и пути реализации «левых» нефтепродуктов. С началом боевых действий спецназ

занимался тем, в чем и состоит его предназначение – разведкой и диверсиями в расположении боевиков. Группировка специальных войск была усилена отрядами из всех военных округов, действиями которых руководил командир 22-й отдельной бригады спецназа.

После подавления вторжения боевиков в Дагестан спецназ вместе с остальными войсками вошел в Чечню. Занимался он в основном разведкой, подменяя войсковую разведку. В последующем спецназ стал действовать как обычно – вести поиск, устраивать засады, совершать налеты на базы боевиков, досмотры с применением вертолетов, проводить операции по борьбе с мародерами. По оценкам тех, кто воевал в Чечне, в том числе и сотрудников ФСБ, доблестней спецназа ГРУ там не воюет никто. В апреле 2001 года 22-я отдельная бригада спецназа получила звание гвардейской – первая воинская часть, которой присвоено это звание после Великой Отечественной войны.

24 октября 2005 года войска спецназначения отмечали юбилей – 55-ю годовщину создания спецназа.

Глава 26

Спецназ в Чечне

Соединения и воинские части спецназа находились на территории Чеченской республики с осени 1994 года по осень 2007 года. Дольше, чем Советская Армия в Афганистане. И если о происходящем «за речкой» советские СМИ писали лаконично и только позитивно, то о событиях на территории Чечни и Дагестана в российских СМИ – много, подробно и с учетом пожеланий читателей. Любой мог найти среди множества публикаций именно то, что интересовало конкретно его.

Вот только не было среди этих статей рассказов о спецназовцах – Героях Российской Федерации. А если и были, то лишь лаконичные сообщения Информагентств о том, что военному разведчику присвоено звание Героя Российской Федерации. Подробностей обычно не сообщалось. Мы решили нарушить эту «традицию» и рассказать об этих людях. К сожалению, многие из них были удостоены этого звания посмертно. И пусть наш лаконичный рассказ будет данью уважения этим людям.

АНУРЕЕВ Иван Валерьевич

Рядовой 67-й бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 30 ноября 1979 года в деревне Сушиха Ордынского района Новосибирской области.

С 1987 по 1997 год учился в Усть-Луковской средней общеобразовательной школе.

Окончил СПТУ № 87, где получил профессию водителя.

В 1998 году был призван на службу в армию. Служил в 67-й отдельной бригаде спецназа. Был направлен на Северный Кавказ.

С 14 августа по 15 октября 1999 года в составе сводного отряда участвовал в операции по ликвидации незаконных бандформирований на территории Чечни. Более десяти раз участвовал в боевых выходах.

15 октября 1999 года группа в количестве одиннадцати человек вышла в разведку в районе Сунженского хребта (Чечня) для уточнения

местонахождения противника. Группа попала в засаду, и завязался неравный бой. Радист Ануреев, получивший травму в результате контузии, смог вызвать по рации подмогу и скорректировать действия двух групп подкрепления. Под активным огнем противника вытащил в безопасное место двух прапорщиков. В течение нескольких часов, сдерживая натиск противника на одном из направлений наступления, постоянно поддерживал связь с Центром, передавая обстановку и уничтожив при этом десять боевиков. Для обеспечения отхода группы и эвакуации раненых добровольно остался на прикрытии и последним покинул поле боя.

Благодаря его самоотверженности помощь пришла в точно указанное радистом место. Оставшиеся в живых пять человек были спасены.

11 апреля 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации [\[632\]](#).

<i>БОЧЕНКОВ Михаил Владиславович</i>

Гвардии капитан 2-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 15 декабря 1976 года в городе Коканде Ферганской области в семье служащих.

В 1990 году поступил в Ленинградское суворовское военное училище.

В 1992 году был зачислен на первый курс Высшего общевойскового командного училища им. Кирова.

В 1996 году окончил Высшее общевойсковое командное училище им. Кирова с золотой медалью.

В Чечне с 16 августа 1999 года – участвовал в боевых операциях в Буйнакске, Урус-Мартане, Кизляре, Новолакском, Хасавьюрте.

В ночь с 15 на 16 февраля 2000 года четыре разведывательные группы специального назначения были выведены в район Ур. Танги-Чу с задачей – вести разведку в районе назначенных группам высот и не допустить внезапного нападения бандитских

формирований на подразделения мотострелкового полка на маршрутах движения.

Выполняя поставленную задачу, группа капитана М.В. Боченкова была вынуждена вступить в бой при обнаружении превосходящих сил противника и продолжать путь к намеченной высоте. 20 февраля группа капитана Боченкова была на высоте 947,0 и приступила к выполнению боевой задачи.

21 февраля 2000 года группа капитана Боченкова, придя на помощь своим товарищам, вступила в бой с бандформированием. Мощным огневым ударом противника группа капитана М.В. Боченкова была разбита. Ни один из разведчиков не оставил боевых позиций, группа вела бой до полного расхода боеприпасов. В последние минуты боя смертельно раненный капитан М.В. Боченков своим телом накрыл раненного разведчика.

24 июня 2000 года было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

ГРЕБЕНКИН Дмитрий Викторович

Майор, Герой Российской Федерации.

Родился 17 мая 1970 года в городе Выборге Ленинградской области.

В 1987 году окончил Московское суворовское военное училище.

С августа 1987 года – в Вооруженных Силах СССР.

В 1991 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище имени В.И. Ленина.

Проходил службу в подразделениях спецназа Минобороны России.

С августа 1999 года принимал непосредственное участие в проведении контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона.

12 ноября 2000 года погиб при выполнении боевой задачи.

18 июня 2001 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

ГРИДНЕВ Вадим Алексеевич

Гвардии майор, командир разведроты отдельного разведывательного полка ВДВ, Герой Российской Федерации.

Родился 29 сентября 1972 года в городе Горловка Донецкой области Украинской ССР.

В 1994 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

В 1994–1996 годах принимал участие в боях первой чеченской войны.

В январе 1995 года во главе разведвзвода участвовал в штурме Грозного, принимал участие во взятии комплекса Совета Министров, захвате нефтехимического института.

В сентябре 1999 года командир разведроты 45-го отдельного разведывательного полка ВДВ гвардии

капитан Гриднев направлен в зону боевых действий в Дагестан.

С октября 1999 года – в боях второй чеченской войны, отличился в боях за Гудермес, Аргун, Центорой, Сельментаузен.

С 13 сентября по 4 декабря 1999 года возглавил 35 разведывательных выходов в тыл противника с целью разведки опорных пунктов террористов, устройства засад и минирования местности, проявляя при этом мужество и героизм. В ходе этих операций выявлено 26 скоплений боевиков, наведенным огнем артиллерии и авиации, а также действиями самих разведгрупп уничтожено 126 террористов. Кроме того, организовал сопровождение и провел без потерь 20 колонн.

При разведке одного из горных хребтов группа капитана Гриднева выявила только что сооруженный мощный укрепленный район противника. Заняв круговую оборону, Гриднев вызвал огонь артиллерии и вертолетов огневой поддержки. Боевикам удалось обнаружить разведчиков, однако, умело обороняясь в занятых вражеских позициях при поддержке артогня, группа отразила все атаки. В разгар боя на помощь разведчикам прорвалась БМП, однако неопытный наводчик не мог поразить цели.

Вадим Гриднев под огнем противника пробрался к БМП, занял место наводчика и несколькими выстрелами уничтожил зенитную установку боевиков и смонтированный на автомобиле «УАЗ» миномет. После уничтожения укрепрайона группа прорвалась к своим на захваченной боевой разведывательно-дозорной машине врага, не имея убитых и раненых. Боевики потеряли около 50 человек убитыми от огня артиллерии, вертолетов и в бою с разведчиками.

В декабре 1999 года Вадиму Гридневу было присвоено звание гвардии майора.

4 мая 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

В 2000 году несколько месяцев находился в третьей командировке в Чеченской республике.

В 2007 году имел воинское звание подполковника [\[633\]](#).

ДЕРГУНОВ Алексей Васильевич

Старший лейтенант, командир взвода 3-й гвардейской отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 22 декабря 1979 года в городе Фрунзе (ныне столица Кыргызской республики город Бишкек). Впоследствии семья переехала в Новосибирск.

В 1998 году окончил в Новосибирске среднюю школу.

В 2002 году окончил Новосибирский военный институт.

Проходил службу в должности командира взвода в 3-й гвардейской отдельной бригаде спецназа.

С октября 2002 года находился в командировке в Чеченской республике, участвовал в боевых действиях по ликвидации бандформирований.

В декабре 2002 года подразделение, в котором служил Алексей Дергунов, было переброшено в Цумандинский район Дагестана. Накануне там была обнаружена банда одного из самых жестоких полевых командиров Руслана Гелаева, расстрелявшая из засады маневренную группу пограничников. Преследование велось в труднодоступных горных условиях, по многометровому слою снега, при постоянных морозах и ветре. Зона поиска располагалась на высоте трех километров над уровнем моря, и в зимние месяцы эти районы не посещались даже местными жителями.

26 декабря 2003 года при переходе по скалам сорвался в пропасть и повис на уступе сержант срочной службы, подчиненный Алексея Дергунова. Командир бросился спасать своего солдата и успел подхватить его. Однако при вытаскивании не сумел его удержать и упал в пропасть вместе с сержантом. Оба погибли.

1 января 2004 года старшему лейтенанту Дергунову Алексею Васильевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

ДНЕПРОВСКИЙ Андрей Владимирович

Прапорщик 42-го МРП ТОФ, командир отделения флотских разведчиков отдельной роты специального назначения 165-го полка морской пехоты Тихоокеанского флота, Герой Российской Федерации.

Родился 6 мая 1971 года в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) Северо-Осетинской АССР в семье офицера.

Переезжая с отцом по местам службы, учился в школах Осетии, Забайкалья, Монголии.

В 1989 году призван на срочную службу на Тихоокеанский флот. Во время службы пытался поступить в военное училище, но не прошел медкомиссию по зрению. Тогда поступил в школу прапорщиков Тихоокеанского флота, которую окончил в 1991 году.

Служил в отдельной роте специального назначения в 165-м десантно-штурмовом полку Тихоокеанского флота, командовал отделением флотских разведчиков.

Начавшаяся в ноябре 1994 года первая чеченская война показала, что одним из главных итогов длительного и упорного реформирования Вооруженных Сил стало почти полное отсутствие боеспособных воинских частей. Не случайно на войну в горах направляли последние боеготовые части со всей России. Ехали в Чечню мотострелки и десантники из заполярных снегов, оренбургских степей, сибирской тайги. Со всех четырех российских флотов направлялись в горы и части морской пехоты, которые по уровню боевой подготовки выделялись в лучшую сторону.

В начале января 1995 года прибыл в Чечню. С первых дней флотские разведчики приступили к своим непосредственным занятиям: ведению войсковой разведки. Ходили в рейды, захватывали пленных, устраивали диверсии на путях движения дудаевских отрядов, наводили на них удары авиации и артиллерии. Отделение прапорщика Днепровского было одним из самых удачливых – там не было даже раненых, но удача складывалась из мастерства командира и отваги подчиненных.

В бою 21 марта 1995 года в районе села Гойтен-Юрт разведчики выявили укрепления противника на господствующей высоте, скрытно подобрался к ним. Днепровский лично бесшумно снял двоих часовых, и разведчики с боем ворвались на высоту. Охранявшие ее дудаевцы отбивались ожесточенно, используя многочисленные бункеры и схроны. Подавляя одну огневую точку за другой, разведчики продвигались вперед. Еще несколько боевиков погибло от меткого огня прапорщика Днепровского. Бой уже завершался, когда Андрей Днепровский погиб от пули дудаевского снайпера. Он был единственным погибшим в этом бою, который окончился победой.

1 декабря 1995 года посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации [\[634\]](#).

ДОЛОНИН Владислав Александрович

Старший лейтенант, командир 33-го отдельного отряда 12-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 22 февраля 1969 года в городе Майкопе – административном центре Адыгейской автономной области Краснодарского края.

После окончания средней школы с 1987 года – в Вооруженных Силах СССР.

В 1991 году окончил Владикавказское военное общевойсковое командное училище. Служил в частях специального назначения Закавказского военного округа. Затем продолжил службу в 12-й отдельной бригаде специального назначения в должности командира группы.

С 19 января 1995 года в составе бригады – в боях первой чеченской войны.

В бою 29 января 1995 года, получив задачу на захват хорошо охраняемого боевиками моста через реку Сунжа, не стал атаковать их укрепления, а внезапной атакой выбил боевиков из соседнего высотного здания. Мощным огнем с верхних этажей спецназовцы нанесли противнику большие потери и вынудили его к бегству. Мост был захвачен без потерь. В этом бою Владислав Долонин лично уничтожил два пулеметных расчета, одного гранатометчика и несколько боевиков.

На следующий день, 30 января 1995 года, группа старшего лейтенанта Долонина выбила боевиков из здания в Грозном, в подвалы которого дудаевцы согнали до 100 мирных жителей в качестве заложников, а затем несколько часов обороняли его от атак противника.

5 февраля 1995 года группа получила приказ деблокировать окруженное подразделение морской пехоты на площади Минутка в городе Грозном. И опять офицер нестандартно подошел к выполнению задачи. Спецназовцы очистили от противника несколько многоэтажек, получив в свои руки господствующие позиции над полем боя, и прицельным огнем вынудили дудаевцев к бегству. В этом бою Долонин уничтожил три пулеметных расчета и двух гранатометчиков-боевиков.

После взятия Грозного уральский спецназ был переброшен на Гудермесское направление.

3 марта 1995 года в ходе разведывочного выхода по тылам боевиков были выявлены их оборонительные позиции. Однако группа была обнаружена противником, в результате чего была вынуждена вступить в бой с превосходящим по численности и занимающим выгодную позицию противником. Владислав Долонин приказал атаковать врага с целью занять господствующую над местностью высоту. В ходе атаки получил ранение в ногу. Приказав продолжать выполнение боевой задачи, остался с пулеметом прикрывать подчиненных от преследующих их боевиков.

Подавил огнем две огневые точки и уничтожил до десяти боевиков. Погиб в этом бою. Спасенные офицером бойцы захватили высоту и продержались на ней до подхода подкрепления, отразив несколько атак боевиков.

В этом бою Долонин лично уничтожил две огневые точки противника и до десяти боевиков, но сам, получив смертельное ранение в голову, скончался от полученных ран.

13 октября 1995 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[635\]](#).

ЕЛИСТРАТОВ Дмитрий Викторович

Лейтенант, командир группы отдельного отряда спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 20 апреля 1977 года.

В 1994 году окончил Тверское суворовское военное училище.

В 1999 году окончил Новосибирское высшее общевойсковое командное училище.

Проходил службу в 16-й отдельной бригаде спецназа Московского военного округа.

В 1999-2000 годах принимал участие в боевых действиях на территории Чеченской республики в должности командира группы поисково-спасательного обеспечения. Более 30 раз вылетал на проведение поисково-спасательных операций, не имея потерь среди личного состава группы и вооружения.

В декабре 1999 года он и девять бойцов из 16-й бригады спецназа принимали участие в спасении командира авиаполка, сбитого боевиками в районе Аргунского ущелья. Вертолет, на котором летели спецназовцы, прошла пулеметная очередь. С высоты пятнадцати метров машина рухнула на землю. У Дмитрия заклинило автомат, и от удара выскочил рожок. Сам он и еще один боец с ручным пулеметом первыми оправились от удара при падении и мгновенно выскочили из подбитого вертолета. А по склону сопки вниз к ним уже бежали бандиты. Дмитрий Елистратов перезарядил автомат. Первая же его очередь скосила троих нападавших. Бандиты залегли. Завязался бой. Первые минуты Дмитрий и боец отстреливались вдвоем. Потом начали приходить в себя и другие спецназовцы. Около получаса отделение держало оборону от десятков нападавших боевиков, пока ему на помощь не подоспели вертолеты огневой поддержки. Завершающая фаза спасения летчика началась утром следующего дня. Отделение Дмитрия на другом вертолете успешно добралось до района катапультирования. Летчика поднимали на борт с помощью фала – приземлиться на склон сопки не было никакой возможности. Пока пилота поднимали, Дмитрий с товарищами вели шквальный

огонь по наступавшим боевикам, расстреляв в итоге весь боекомплект. Командир полка был спасен.

14 сентября 2000 года за участие в операции по спасению сбитого командира авиационного полка было присвоено звание Героя Российской Федерации.

В 2004 году уволился из рядов Вооруженных Сил.

ЕРМАКОВ Виталий Юрьевич

Старший лейтенант, переводчик группы специального назначения 45-го отдельного разведывательного полка ВДВ, Герой Российской Федерации.

Родился 6 мая 1971 года в селе Семчино Рязанского района Рязанской области.

В 1988 году окончил среднюю школу в Рязани.

В 1992 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

Служил в 45-м отдельном разведывательном полку Воздушно-десантных войск, дислоцированном в поселке Кубинка Московской области. Командовал группой спецназа.

В 1994 году назначен переводчиком группы отряда специального назначения в составе полка в звании старшего лейтенанта (в некоторых источниках указывается воинское звание Виталия Ермакова капитан, но в опубликованных документах и в Указе Президента указано звание старший лейтенант).

С 1 декабря 1994 года в составе разведотряда выполнял боевую задачу по разоружению бандформирований на территории Чеченской республики.

15 декабря лично уничтожил огневую точку боевиков и захватил два автомата и гранатомет.

31 декабря 1994 года в составе разведроты участвовал в уличных боях в городе Грозном. Группа получила приказ об оказании помощи окруженной в Грозном 131-й мотострелковой бригаде. В ходе выполнения боевой задачи удалось прорвать кольцо окружения нескольких разрозненных подразделений бригады, вывести их из города и эвакуировать раненых. В тот кровавый день спецназовцами старшего лейтенанта Ермакова были спасены сотни жизней солдат и офицеров.

1 января 1995 года в ходе боя своим телом закрыл командира и был смертельно ранен.

21 июля 1995 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[636\]](#).

ЕРОФЕЕВ Дмитрий Владимирович

Лейтенант, военнослужащий 691-го отдельного отряда спецназа 67-й отдельной бригады специального назначения, Герой Российской Федерации.

Родился в 1973 году в городе Толчиха (Новосибирская область).

Окончил Новосибирское военное командное училище.

Служил в 67-й отдельной бригаде спецназа.

4 декабря 1994 года в составе 691-го отдельного отряда спецназа был командирован в Чечню.

В ночь на 1 января 1995 года начался штурм Грозного. Колонна, в которой были группа 691-го отдельного отряда спецназа и солдаты 131-й Майкопской мотострелковой бригады, двигалась по улице Комсомольской на выручку попавшему в окружение и раненному в районе железнодорожного вокзала командиру майкоповцев полковнику Савинову. В голове колонны в командно-штабной машине были

разведчики Ерофеева. При въезде на площадь перед грозненским цирком колонну встретили мощным огнем. Штабная машина разведчиков загорелась и врезалась в угол жилого дома, часть экипажа была расстреляна из ближайших окон снайперами.

Дмитрий Ерофеев уводил людей от опасного места на другую сторону улицы, к зданию цирка. Здесь, на простреливаемом насквозь пространстве, он принял свой первый и последний бой. Он выпустил по боевикам из автомата все патроны. И снайперы решили устроить «охоту» на безоружного спецназовца. Но даже с простреленными руками и ногами лейтенант Ерофеев продолжал драться. Затем – еще одно ранение в живот, и последний выстрел – в лицо.

13 октября 1995 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[637\]](#).

ЗАРИПОВ Альберт Маратович

Старший лейтенант, командир разведгруппы, Герой Российской Федерации.

Родился 8 ноября 1968 года в Узбекистане.

Окончил среднюю школу с золотой медалью.

В 1985–1987 годах учился в Рязанском радиотехническом институте (ныне Рязанская Радиотехническая академия).

В 1987 году призван на срочную службу в ряды Советской Армии.

С 1987 по 1988 год проходил службу в шестом батальоне спецназа в г. Лашкаргах (Афганистан) на должности старшего разведчика-пулеметчика, а потом на должности заместителя командира группы спецназа.

В 1993 году окончил Рязанское воздушно-десантное командное училище. В качестве офицера спецназа (22-я отдельная бригада спецназа) принимал участие:

в защите и охране мирного населения в зоне ЧП республики Северная Осетия, август – октябрь 1993

года;

в спецоперации по освобождению ростовских школьников, взятых в заложники в декабре 1993 года;

в наведении конституционного порядка в Чечне с января 1995 года;

в спецоперации в Буденновске в июне 1995 года;

С 13 по 18 января 1996 года участвовал в спецоперации по уничтожению банды чеченских боевиков под командованием Радиева, которые захватили село Первомайское в Дагестане.

Из представления к награде:

«....14 января 1996 года в ходе штурма села Первомайское Зарипов со своими подчиненными выдвинулся на его северо-западную окраину и массированным огнем из гранатометов, РПО и стрелкового оружия выбил боевиков с передовых позиций. Действия федералов сковали значительные силы бандитов на северо-западном направлении, что позволило подразделениям МВД закрепиться на восточных границах Первомайского. В ходе семичасового боя подчиненными Зарипова были уничтожены БТР-80, расчет крупнокалиберного пулемета, до двадцати террористов.

В ночь с 17 на 18 января старший лейтенант Зарипов выполнял задачу по предотвращению попытки боевиков прорваться через кольцо окружения федеральных войск.

Около 4.00 бандиты Радиева численностью до 350 человек предприняли попытку прорыва через боевые позиции федералов. Основные усилия боевиков были направлены на участок, прикрываемый группой офицера Зарипова. Своевременно обнаружив террористов, Зарипов подал команду личному составу на открытие огня. Огнем из штатного оружия противник был отброшен назад.

Старший лейтенант прицельным огнем из РПГ лично подавил два расчета крупнокалиберных пулеметов. В

ходе повторной атаки, несмотря на большие потери, боевикам удалось вплотную прорваться к огненным позициям Зарипова. Завязался ожесточенный ближний бой. В ходе него противник начал использовать ручные осколочные и противотанковые гранаты, постоянно вел огонь из подствольных гранатометов и РПГ-7. Зарипов, эвакуировав трех погибших военнослужащих и четырех раненых солдат, продолжал руководить боем. Огнем из автомата и ручными гранатами он лично уничтожил семь боевиков. Получив команду покинуть позиции, остался прикрывать отход группы. В результате разрыва гранаты офицер был тяжело ранен в голову, но продолжал руководить подчиненными, полностью обеспечив отход личного состава. С поля боя он был эвакуирован на сборный пункт раненых для оказания первой медицинской помощи в бессознательном состоянии только после окончания боя»[\[638\]](#).

ИВАНОВ Зарико Амиранович

Полковник военной разведки, Герой Российской Федерации.

В 1972 году окончил среднюю школу.

Окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

Служил в 15-й отдельной бригаде спецназа.

Вечером 4 октября 1999 года вместе с двумя офицерами ГРУ (Алексей Галкин и Владимир Пахомов) на участке дороги между Моздоком и Братским на территории был захвачен боевиками. Был убит в ту же ночь [\[639\]](#).

19 февраля 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

КАЛИНИН Александр Анатольевич

Командир группы минирования 2-й отдельной бригады специального назначения, капитан, Герой Российской Федерации.

Родился 16 декабря 1975 года в поселке Надвоицы Сегежского района Псковской области.

Окончил среднюю школу.

С 1992 года – в Вооруженных Силах РФ. Поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, но затем был переведен в Новосибирское высшее общевойсковое командное училище, которое окончил в 1996 году.

Служил во 2-й отдельной бригаде специального назначения. Был командиром группы спецназа, командиром разведгруппы, старшим переводчиком информационного отделения, затем назначен командиром группы минирования.

Во главе своей группы сражался в боях второй чеченской войны. Провел несколько спецопераций

против бандформирований.

В сентябре 1999 года проявил мужество и героизм во время боевых действий в Новолакском районе Дагестана.

В феврале 2000 года три группы 2-й бригады спецназа попали в засаду в районе села Харсеной Шатойского района Чеченской республики. По разведчикам вели огонь минометы, реактивные системы залпового огня и огнеметы. Группу из 25 разведчиков атаковали несколько сотен боевиков. Бойцы несколько часов стояли насмерть в неравном бою. По показаниям взятых впоследствии в плен боевиков и жителей села, бандиты потеряли от 70 до 100 человек только убитыми. Ни один разведчик не сдался в плен, смертью героев погибли все 25 разведчиков. В бессильной злобе бандиты надругались над телами погибших бойцов. Также в том бою погибли еще 8 бойцов из другого подразделения спецназа, пытавшегося прорваться на помощь окруженным разведчикам. Капитан Калинин героически сражался вместе с своими подчиненными и погиб смертью героя.

26 июля 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[640\]](#).

КОКИНАЕВ Шамиль Жалилович

Майор, Герой Российской Федерации.

Родился в 1971 году в азербайджано-русской семье в маленьком поселке Георгиевка, что в Чимкентской области Казахстана. Отец – плотник. Мать – домохозяйка.

В 1989 году поступил в танковое училище в узбекском городе Чирчик.

Активно занимался горным туризмом – стал мастером спорта.

За полгода до окончания училища переквалифицировался в спецназовца. В течение полугода проходил подготовку в воздушно-десантной дивизии, дислоцированной в Фергане. После окончания училища получил назначение в бригаду спецназа, дислоцированную недалеко от Чирчика.

В 1994 году переведен в Россию.

С марта по май 1995 года находился в Чечне.

С 13 августа 1999 года по май 2000 года принимал участие в контртеррористической операции на территории Дагестана и Чечни. Совершил 32 боевых выхода.

2 сентября 1999 года, выполняя задачу в районе горы Шамирой, отряд под его командованием обнаружил караван из 15 вьючных животных, направляющихся в Дагестан. В результате умело организованного наблюдения был обнаружен склад оружия и боеприпасов. Сообщив координаты склада командованию, разведчики вступили в бой с превосходящими силами противника.

В 2000 году присвоено звание Героя Российской Федерации. «В боях под Шароем попал в окружение мотострелковый батальон. Майор Ш. Кокинаев одним из первых прибыл на помощь, отвлекая силы врага, дал возможность подразделению перегруппироваться и выйти из окружения. В дальнейшем навел на позиции противника огонь артиллерии и уверенно корректировал его, находясь под непрерывным обстрелом врага.

Проводя разведку в районе горы Годобери, майор Ш. Кокинаев обнаружил колонну боевиков на 25 автомашинах. Проанализировав ситуацию, сделал вывод, что артиллерию вызвать невозможно, и решил атаковать. Расположил отряд, рассчитал скорость колонны и разгромил ее, грамотно управляя огнем подразделения. Лично уничтожил из гранатомета 2 автомобиля. Всего в ходе боя было уничтожено 17 автомобилей и 200 боевиков. Отряд при этом потерь не понес».

В 2004 году – подполковник^[641], преподаватель кафедры тактики Московского высшего военно-командного училища.

КОНОПЕЛЬКИН Евгений Николаевич

Майор, командир батальона 67-й отдельной бригады специального назначения, Герой Российской Федерации.

Родился 22 февраля 1969 года в городе Аша в центре Ашинского района Челябинской области, в семье рабочего-металлурга.

Окончил среднюю и музыкальную школы. Много занимался спортом: был чемпионом Челябинской области по трем видам спорта (хоккей, футбол, баскетбол).

В 1990 году окончил факультет специальной разведки Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища.

Проходил службу в частях специального назначения. Командовал взводом спецназа, был переводчиком штаба отдельной бригады спецназа.

С 1992 года командовал ротой, а затем – батальоном армейского спецназа в составе 67-й бригады специального назначения.

В декабре 1994 года в должности командира роты был направлен в Чечню.

В 1994-1996 годах принимал участие в боевых действиях на территории Чеченской республики в период первой чеченской войны. Трижды выезжал в длительные командировки на войну.

В начале 1995 года во время первой командировки во главе группы из четырех бойцов остался прикрывать отход подразделения, попавшего в засаду. В бою получил тяжелое ранение, была буквально раздроблена нога. Однако офицер продолжал вести бой. От значительной потери крови потерял сознание прямо во время боя. Спасен подчиненными. В госпитале была ампутирована стопа ноги. Благодаря силе воли и постоянным тренировкам добился возвращения в строй. Отказавшись от работы в штабе, принял под командование свое подразделение.

Уже через два месяца после выписки из госпиталя Конопелькин выехал в Чечню во вторую командировку.

5 марта 1996 года майор Конопелькин Е.В. совершил героический поступок. Разведывательный отряд вел бой в районе площади Минутка в городе Грозном. Отряд занял ключевые позиции в высотных домах площади, однако боеприпасы были на исходе. Противник, почувствовав снижение интенсивности огня разведчиков, предпринял попытку окружения отряда. Получив приказ прорвать кольцо окружения боевиков вокруг подразделения и доставить боеприпасы, он грамотно расставил своих бойцов и умело организовал атаку. Внезапными и слаженными действиями разведчики нанесли значительный урон противнику, вызвали панику в его рядах и выполнили поставленную задачу без потерь.

4 мая 1998 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

В 2000 году окончил Общевоинскую академию Российской Армии [\[642\]](#).

КОРАБЕНКОВ Анатолий Сергеевич

Лейтенант, командир разведгруппы 24-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился в Улан-Удэ.

Срочную службу отслужил в авиации.

После возвращения из армии служил в отряде милиции особого назначения и заочно окончил исторический факультет Бурятского государственного университета.

Поступил по контракту в подразделение специального назначения.

С 8 июня по 15 сентября 2002 года принимал участие в операции по уничтожению незаконных вооруженных

формирований на территории Чечни.

15 июля 2002 года разведгруппа под его командованием в ходе выдвижения к месту проведения засады обнаружила трех боевиков на наблюдательном посту. Благодаря мужеству и умелым действиям командира группы, который уничтожил двух боевиков, группа выполнила задачу без потерь среди личного состава и вернулась в базовый лагерь.

28 июля организовал прорыв к попавшей в окружение группе пограничников. Организовал эвакуацию двух тяжелораненых и восьмерых погибших пограничников.

29 июля, преследуя противника, разведывательная группа под его командованием при переправе на западный берег реки Кериго столкнулась с группой боевиков численностью до десяти человек. Спас сорвавшегося в реку разведчика-пулеметчика, после чего вступил в бой. Вызвав огонь минометов, он силами группы оттеснил боевиков и организовал преследование противника.

10 ноября 2002 года присвоено звание Героя Российской Федерации [\[643\]](#).

КОСАЧЕВ Сергей Иванович

Капитан медицинской службы, военнослужащий 22-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился в 1960 году.

С апреля 1995 года участвовал в боевых действиях на территории Чечни.

28 июня 1995 года в составе разведгруппы вел разведку в районе населенного пункта Ярыш-Марды.

В результате боевого столкновения с противником БТР-80 был подбит, двое убиты и пятеро получили ранения. Офицер вынес их в безопасное место, оказал медпомощь и до подхода главных сил огнем из автомата пресекал попытки боевиков захватить их в плен.

15 января 1996 года лично вынес с поля боя двух раненых и оказал им помощь.

В ночном бою 18 января 1996 года (операция по обезвреживанию террористов из банды Радиева и освобождению заложников в селе Первомайское в

Дагестане), когда боевики попытались прорвать окружение, руководил эвакуацией раненых. Вступил в ближний бой, ведя огонь из автомата, и прикрывал эвакуацию раненых. Боевики прорвались к командному пункту, где находились раненые. Медик увидел двух боевиков, которые целились в оставшихся на КП раненых. Подавшись вперед, он прикрыв товарищей, приняв на себя первый удар гранатометчиков.

14 мая 1996 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно) [\[644\]](#).

КУЯНОВ Олег Викторович

Прапорщик, командир разведгруппы 67-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился в 1969 году в городе Бердск Новосибирской области.

После возвращения из армии работал слесарем на заводе.

Затем по контракту поступил в 67-ю отдельную бригаду специального назначения.

Три командировки в Чечню. Четвертая оказалась последней...

О его подвиге газеты тогда написали так:

«Разведгруппа в составе 12 человек вступила в бой с отрядом бандитов, превосходящим по численности почти в десять раз.

Бой был крайне тяжелым, жестоким и долгим. От шквального огня боевиков погибли пять человек. Прапорщик Куянов выбрал и удерживал позицию, в направлении которой наступало наибольшее количество боевиков. Когда стало понятно, что вырваться из окружения невозможно, он прикрыл своих товарищей: начал отвлекать бандитов на себя, уводя их от группы. Он вел огонь на поражение из снайперской винтовки.

Из того боя на базу вернулось шестеро. Столько же погибло, среди них был и Олег Куянов. Позже было установлено, что он в ходе боя, отстреливаясь до последнего патрона, уничтожил около сорока бандитов. Тело Олега нашли не сразу. Оно было все в следах от пулевых ранений, как будто расстреливали его в упор».

30 декабря 1999 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

ЛАЙС-МЕЩЕРЯКОВ Александр Викторович

Гвардии рядовой, пулеметчик 2-й роты 45-го отдельного разведывательного полка ВДВ, Герой Российской Федерации.

Родился 13 мая 1982 года в городе Горно-Алтайске, административном центре Горно-Алтайского автономного округа Алтайского края. Затем семья переехала в село Ненинка Солтонского района Алтайского края. Там окончил 9 классов средней школы, а позднее – образовательный лицей в городе Бийске Алтайского края.

В 2000 году призван на срочную службу в воздушно-десантные войска. Служил в 45-м отдельном разведывательном полку ВДВ.

В июле 2001 года в составе своего подразделения прибыл в Чеченскую республику для участия в боевых действиях в период второй чеченской войны. Погиб в бою на седьмой день своей первой военной командировки.

7 августа 2001 года дозор десантников вел поиск банды, которая, по данным разведки, готовила нападение на автомобильную колонну снабжения федеральных войск. В районе села Хатуни дозор обнаружил бандитов, уже занявших позиции для засады. Однако столкновение произошло внезапно, в тот момент, когда разведчики двигались по ложбине между высотками, на которых укрепились боевики. Первыми выстрелами удалось уничтожить главаря банды, но оставшиеся открыли сильный огонь по десантникам. Дозор оказался рассеян на отдельные группы, которые приняли бой.

Александр Лайс-Мещеряков оказался вместе с командиром дозора капитаном Шабалиным. Прикрывал командира огнем, когда тот корректировал огонь артиллерии по боевикам и вызывал подкрепление. Когда возникла опасность уничтожения двух солдат, наиболее близко лежавших к боевикам, офицер принял решение прорваться к ним на выручку. Но когда он приподнялся для броска, Александр увидел снайпера боевиков, целящегося в офицера с расстояния в несколько десятков метров. Тогда он закрыл командира своим телом. Вражеская пуля попала в горло, вызвав сильное внутреннее кровотечение. Однако рядовой Лайс продолжал вести огонь по врагу, уничтожив ранившего его снайпера. Еще несколько минут Александр продолжал бой, пока не упал без сознания от потери крови. Умер почти мгновенно, при оказании медицинской помощи на поле боя. Еще через несколько минут боевики отступили, лишившись надежды уничтожить разведчиков-десантников и потеряв пять человек убитыми. С нашей стороны погиб рядовой Лайс и получил ранение еще один боец.

22 июля 2002 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)^[645].

ЛЕЛЮХ Игорь Викторович

Капитан, военнослужащий 691-го отдельного отряда спецназа 67-й отдельной бригады специального назначения, Герой Российской Федерации.

Родился 28 декабря 1967 года в городе Витебске Белорусской ССР в семье офицера.

Среднюю школу окончил в поселке Топчиха Алтайского края.

С 1985 года – в Вооруженных Силах СССР.

В 1989 году окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Служил заместителем командира роты по политической части в Центральной группе войск (Чехословакия), в Киевском военном округе.

С 1992 года – заместитель командира роты по воспитательной работе в Сибирском военном округе.

В 1994 году добился перевода в 67-ю отдельную бригаду спецназа.

С ноября 1994 года в составе отряда бригады – в боях первой чеченской войны. Провел несколько спецопераций против дудаевских формирований.

С декабря 1994 года капитан Лелюх командовал группой, выполнявшей задачи разведки мотострелковой бригады. Неоднократно его группа выходила в тыл противника.

Днем 1 января 1995 года, получив сообщения о массированной атаке боевиков на части 131-й мотострелковой бригады в районе железнодорожного вокзала Грозного, о больших потерях в личном составе и гибели почти всей бронетехники бригады, командование приказало капитану Лелюху со своей группой спецназа спешно прорвать кольцо окружения бригады. На доводы капитана, что части спецназа предназначены для диверсионных операций и без поддержки бронетехники неминуемо понесут большие потери, был дан ответ – выполнять приказ без обсуждений.

Игорь Лелюх повел бойцов выполнять приказ и сделал все, что мог: удалось нащупать слабое место в позициях дудаевцев и прорваться к окруженным частям. Но долго продержаться группа спецназа без бронетехники и без поддержки артогнем не могла. Вскоре она была атакована большими силами врага. Получивший тяжелое ранение капитан Лелюх приказал подчиненным прорываться к основным силам, а сам остался прикрывать отход подчиненных и вынос раненых. Около 30 минут он вел бой автоматическим оружием и гранатами в одиночку против десятков боевиков. Был ранен еще раз, в бессознательном состоянии захвачен боевиками и убит.

7 декабря 1995 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Приказом министра обороны Российской Федерации навечно зачислен в списки 1-й роты 690-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ [\[646\]](#).

НЕДОБЕЖКИН Владимир Владимирович

Майор, военнослужащий 73-го отдельного отряда специального назначения, Герой Российской Федерации.

Родился в 1964 году.

Окончил Тверское суворовское военное училище.

С 28 декабря 1994 года по 11 января 1995 года вместе со своими подчиненными выполнял задание в городе Грозный. За этот период были уничтожены одна БМ-21 «Град», один танк, три миномета, две гаубицы Д-30, двенадцать снайперских расчетов, около сорока бандитов, добыта ценная информация.

С 14 по 20 января 1996 года возглавлял оперативную группу при проведении операции по освобождению заложников и уничтожению бандформирования Радиева в селе Первомайское Республики Дагестан.

С началом штурма Первомайского во главе подчиненных Недобежкин скрытно выдвинулся на окраину села и из гранатометов нанес удар по передовым позициям боевиков. Это позволило штурмовым группам вскоре их захватить. Подчиненные Недобежкина уничтожили в бою два расчета АГС-17, несколько пулеметчиков и снайперов.

В ночь с 17 на 18 января 1996 года группа майора Недобежкина блокировала северо-западную окраину Первомайского. Около четырех утра отряд боевиков в количестве 300–350 человек пошел на прорыв кольца окружения. Умело организовав оборону, Недобежкин уверенно руководил боем на всем его протяжении. В результате огневого поражения передовая группа прорывавшихся боевиков (около 80 человек) была рассеяна и практически уничтожена. Силами оперативной группы за период проведения операции в Первомайском нанесен основной урон террористам, многократно превышающий результаты боевой деятельности других частей и подразделений при значительно меньших потерях. Всего за тот ночной бой было уничтожено свыше 100 террористов, захвачено свыше 40 единиц оружия, освобождено 48 заложников^[647].

НЕПРЯХИН Андрей Анатольевич

Гвардии подполковник, заместитель командира батальона 45-го отдельного разведывательного полка ВДВ, Герой Российской Федерации.

Родился 8 мая 1964 года в городе Тарту Эстонской ССР.

Окончил математическую спецшколу. Кандидат в мастера спорта по дзюдо.

В 1985 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

Проходил службу в должностях командира парашютно-десантного взвода и роты в составе парашютно-десантного полка, дислоцированного в городе Фергане Узбекской ССР и готовившего специалистов для боевых действий в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

С 1989 года – в составе спецназа ВДВ, заместитель командира отдельного батальона специального

назначения.

В 1994–1996 годах принимал участие в боевых действиях на территории Чеченской республики в период первой чеченской войны.

В январе 1995 года в составе 218-го отдельного батальона 18-го отряда специального назначения штурмовал Грозный, в том числе в самые кровавые первые «новогодние» дни боев.

29 апреля 1998 года уволен из Вооруженных Сил РФ «в связи с организационно-штатными мероприятиями». Работал заместителем начальника управления в службе безопасности крупной коммерческой структуры.

После начала второй чеченской войны и получения известий о значительных потерях среди частей специального назначения в Дагестане и в Чечне Андрей Непряхин обратился к командованию ВДВ с просьбой вернуть его на службу и отправить в зону боевых действий. Его примеру последовали несколько бывших однополчан.

15 ноября 1999 года приказом командующего ВДВ назначен на должность заместителя командира батальона специального назначения в 45-й отдельный разведывательный полк ВДВ. За свой счет восстановленные в армии офицеры оснастили свои подразделения разведывательной экипировкой.

Уже 8 декабря 1999 года был в Дагестане.

За декабрь 1999 года подполковник Непряхин во главе разведгруппы совершил три выхода в тыл противника. По разведывательным данным его группы огнем артиллерии группировки было уничтожено семь заблаговременно подготовленных укрепленных пунктов бандформирований. Сами разведчики уничтожили четыре автомашины с нефтепродуктами и более тридцати боевиков. При этом группа не потеряла ни одного человека.

В ночь с 24 на 25 декабря 1999 года подполковнику Непряхину была поставлена задача разведать силы противника в районе высоты 1037,0 севернее населенного пункта Зандак, с которой простреливались подходы к Зандаку и ближайшим селам. По имеющимся данным, там был оборудован мощный узел обороны с гарнизоном до 200 человек. После длительного скрытного марша группа подошла к базе боевиков. Непряхин применил военную хитрость, дав команду артиллерии обстрелять высоту. Он знал, что при обстреле боевики обычно покидают свои позиции и возвращаются на них только часа через два. Сразу после окончания обстрела разведгруппа взобралась на гору почти по отвесному склону, откуда их появления не ждали. На вершине горы были обнаружены хорошо оборудованные и замаскированные позиции, гаубица Д-30, подготовленная для стрельбы прямой наводкой по участку дороги Мехкешты – Зандак, станковый гранатомет и более 50 выстрелов к нему, другое вооружение, десяток фугасов, установленных на подступах к позициям боевиков. Когда боевики стали возвращаться на высоту, разведчики вступили в бой. Подполковник Непряхин столкнулся с одним из боевиков, который в упор дал по нему автоматную очередь. Несколько пуль прошли живот офицера. Уже в падении он успел одним выстрелом из пистолета «ТТ» уничтожить боевика. Подчиненные вынесли командира на вершину, перевязали, вкололи промедол. Опомнившиеся бандиты любой ценой пытались отбить высоту. Используя численное превосходство, они вновь и вновь атаковали высоту. Когда им удалось вплотную подобраться к позиции разведчиков, подполковник Непряхин по рации вызвал огонь артиллерии на себя. Из этого непрерывного четырехчасового боя группа вышла, не имея погибших. Андрей Непряхин был без сознания

эвакуирован в полевой госпиталь, оттуда в Буйнакск, а затем в Москву, перенес несколько тяжелых операций.

12 апреля 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

В настоящее время подполковник запаса Непряхин живет в городе-герое Москве. Работает в бизнесе в сфере безопасности^[648].

ПОПОВ Валерий Витальевич

Старший лейтенант, Герой Российской Федерации

В 1993 году окончил среднюю школу.

В 1998 году окончил 2-й факультет Серпуховского военного института Ракетных войск.

С 1999 года – в спецназе.

12 ноября 2000 года при выполнении специального задания в Чечне был тяжело ранен.

12 января 2001 года скончался от полученных ран.
18 июня 2001 года присвоено звание Героя
Российской Федерации [\[649\]](#).

ПОСАДСКИЙ Владислав Анатольевич

Полковник, Герой Российской Федерации.

Родился 11 сентября 1964 года в поселке Салтыкова Балашихинского района Московской области в семье военнослужащего.

В 1981 году окончил Московское суворовское военное училище.

В 1985 году окончил Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище им. Маршала Советского Союза А.И. Еременко.

Проходил службу в Белоруссии.

В 1994 году офицер был назначен командиром роты в отдельный отряд 1318-й специального назначения в Краснодар.

23 января 2004 года, выполняя свой долг на территории Чеченской республики, полковник Посадский защищал заложников, захваченных боевиками. В ходе ожесточенной схватки, израсходовав боекомплект, спасая от смерти чеченских женщин и детей, он вышел на линию огня и прикрыл их собой. Именно так звучит официальная версия. В жизни все было сложнее.

23 января 2004 года во главе разведотряда батальона спецназа МО РФ «Восток» он отправился на спецоперацию в селение Беркат-Юрт. Во время штурма здания, где скрывались бандиты, он и погиб [\[650\]](#).

23 февраля 2004 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

РОДИН Алексей Васильевич

Гвардии старший лейтенант, Герой Российской Федерации.

С 1983 по 1993 год учился в школе № 42 города Рязани.

Окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

С августа 1997 по февраль 2000 года выполнял спецзадания по наведению порядка и обеспечению общественной безопасности в Чечне и Дагестане.

27 февраля 2000 года Алексей Родин возглавлял группу, которая возвращалась со спецзадания. На дороге они обнаружили растяжку. Командир, оберегая своих бойцов, каждому указывал едва заметный проводок. Внезапно группу обстреляли боевики. Артнаводчик, приданный разведчикам, зацепил правой ногой растяжку. Родин прикрыл своим телом выпрыгнувшую из земли осколочную мину. Большую часть осколков офицер принял на себя и тем самым спас

жизни солдатам. Его тело было обезображено до неузнаваемости, но он продолжал жить. Дал приказ занять оборону и открыть огонь по врагу. Помогая разведчикам, с фланга ударила резервно-маневренная группа. Разведчики на руках вынесли командира к месту приземления вертолета. Уже в воздухе он умер.

В 2001 году присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)^[651].

РОМАНОВ Алексей Викторович

Полковник, 45-й отдельный разведывательный полк ВДВ, Герой Российской Федерации.

После окончания школы пытался поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, но, будучи кандидатом в мастера спорта по дзюдо и биатлону, по иронии судьбы, не поступил

именно из-за спорта – из-за перетренированности – признали негодным.

Срочную службу проходил в ВДВ. Служил в разведроты 317-го полка ВДВ, который дислоцировался в Кабуле.

Окончил Рязанское училище ВДВ.

Снова служба в Афганистане – заместитель командира парашютно-десантной роты.

В 1991 году служил в 7-й дивизии ВДВ.

С марта 1995 года – в Чечне.

В 1996 году силами батальона захватил господствующую высоту с целью обеспечить захват населенного пункта Шатой мотострелковым полком. Во главе группы в 40 человек с двух направлений атаковал и захватил Шатой и находящийся в нем французский госпиталь. В ходе боя было уничтожено более 150 боевиков.

25 июля 2000 года в результате разведывательно-поисковых действий уничтожено более десяти тысяч патронов к стрелковому оружию, захвачены два гранатомета РПГ-7, пулемет ПКМ, шесть огнеметов, при этом уничтожена охрана из четырех боевиков.

17 августа 2000 года уничтожена охрана базы из десяти бандитов, захвачены: три автомобиля ГАЗ – 66, самодельный РПГ, 120-мм гранатомет, 30 тысяч патронов к стрелковому оружию, большое количество противопехотных мин.

22 января 1997 года присвоено звание Героя Российской Федерации [\[652\]](#).

САМАНКОВ Андрей Васильевич

Старший лейтенант, командир разведгруппы, Герой Российской Федерации.

Разведгруппа под его командованием выполняла задачу по обнаружению и уничтожению незаконных вооруженных формирований, баз и схронов северо-восточнее населенного пункта Сержень-Юрт на территории Чечни.

23 ноября 2003 года в ходе поиска была обнаружена база незаконных вооруженных формирований. В ходе ее ликвидации Саманков лично уничтожил 11 боевиков и спас жизнь своему подчиненному. При осмотре лагеря боевиков было обнаружено 17 трупов бандитов, большое количество оружия и боеприпасов [\[653\]](#).

САМОЙЛОВ Сергей Вячеславович

Старший лейтенант, военнослужащий 2-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 11 июля 1976 года в городе Вольске Саратовской области.

Окончил среднюю школу.

С 1993 года – в Вооруженных Силах РФ.

В 1997 году окончил Санкт-Петербургское военное общевойсковое командное училище.

Служил во 2-й отдельной бригаде специального назначения. Был командиром группы.

Принимал участие в боевых действиях в период второй чеченской войны.

В феврале 2000 года три группы 2-й бригады спецназа попали в засаду в районе села Харсеной Шатойского района Чеченской республики. По разведчикам вели огонь минометы, реактивные системы залпового огня и огнеметы. Группу из 25 разведчиков атаковали несколько сотен боевиков. Бойцы несколько

часов стояли насмерть в неравном бою. По показаниям взятых впоследствии в плен боевиков и жителей села, бандиты потеряли от 70 до 100 человек только убитыми. Ни один разведчик не сдался в плен, смертью героев погибли все 25 разведчиков. В бессильной злобе бандиты надругались над телами погибших бойцов. Также в том бою погибли еще 8 бойцов из другого подразделения спецназа, пытавшегося прорваться на помощь окруженным разведчикам. Старший лейтенант Самойлов героически сражался вместе с своими подчиненными и погиб смертью героя, закрыв своим телом тяжелораненого солдата.

26 июля 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[654\]](#).

САФИН Дмитрий Анатольевич

Майор, 67-я отдельная бригада спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 8 декабря 1972 года в Междуреченске Кемеровской области.

В 1989 году окончил Уссурийское суворовское военное училище.

Пять раз получал командировку на войну. Но самым серьезным испытанием на профессионализм стала его четвертая.

«Отряд спецназа под командованием Дмитрия Сафина уже третьи сутки в условиях горной местности вел разведку в назначенной им полосе ответственности. На пути тропинки, спускавшейся с горной местности вниз, простиралась открытая поляна. Однако пересечь ее, чтобы не обнаружить себя, отряду не удалось. Он оказался под огнем боевиков, затаившихся в засаде. Рассредоточившись за различными укрытиями, отряд занял круговую оборону. Самым сложным было то, что командир не знал численности боевиков, ведущих по отряду огонь, а у боевиков было важное преимущество – хорошее знание местности. Укрываясь за складками местности, Д. Сафин, передвигаясь среди подчиненных, давал необходимые указания, сообщил старшему начальнику о завязавшейся перестрелке и, не сомневаясь в поддержке им отряда, продолжал руководить подчиненными. Минут через 15 по «зеленке» заработала артиллерия, а еще минут через 40 появилась пара вертолетов Ми-24. Обозначив себя, спецназовцы дали летчикам целеуказание. Вертолеты наряду с артиллерийским огнем стали весомым аргументом, заставившим боевиков обратиться в бегство. При осмотре «зеленки» спецназовцы обнаружили тела погибших боевиков, в том числе погибшего полевого командира, и тщательно замаскированную базу боевиков с запасами боеприпасов, оружия, продовольствия, вещевого имущества и других

материальных средств. Так перестала существовать очередная база боевиков, сеющая смерть и разрушение на чеченской земле»[\[655\]](#).

4 мая 2001 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

СКОРОХОДОВ Валерий Александрович

Старший лейтенант, военнослужащий 22-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился в 1972 году.

С 14 по 18 января 1996 года в составе оперативной группы участвовал в операции по освобождению заложников в селе Первомайское в Дагестане.

15 января 1996 года командовал штурмовой группой по блокированию северо-западной окраины

Первомайского. Тогда двенадцать разведчиков подавили шесть огневых точек и уничтожили два пулеметных расчета противника.

В ночь на 18 января 1996 года группа Скороходова проводила засаду. Выявила выдвижения из села боевиков и нанесла огневое поражение противнику. Сам Скороходов, заменив раненого пулеметчика, продолжал уверенно руководить боем. После боя только перед его позицией было обнаружено двадцать три уничтоженных террориста. Было захвачено девять единиц оружия, два гранатомета, шесть килограмм взрывчатки и средства космической связи.

15 мая 1996 года присвоено звание Героя Российской Федерации [\[656\]](#).

ТУЧИН Алексей Иванович

Майор, Герой Российской Федерации

Родился 9 августа 1967 года в рабочем поселке Сапожок Рязанской области.

Окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

29 декабря 1999 года в Аргунском ущелье три разведывательные группы под командованием Алексея Тучина получили задание – выявить маршруты движения бандитских формирований. Ведя разведку высоты, разведчики столкнулись с отрядом террористов, завязался бой.

Две группы разведчиков оказались окруженными и изолированными друг от друга. Алексей Тучин был тяжело ранен, несмотря на это, он уверенно управлял действиями группы. Благодаря грамотному решению по использованию резерва противник был сбит с одной из господствующих высот, группы деблокированы, между ними было организовано взаимодействие, и они продолжали бой, не имея потерь. В результате трехчасового боя с превосходящим по численности противником группы нанесли ему значительные потери, но выбить с занятых позиций не смогли. Мотострелковые подразделения, выдвинутые на помощь разведчикам, были остановлены огнем двух отрядов боевиков, находившихся в засаде.

Получив информацию о том, что личный состав израсходовал большую часть боекомплекта и что в тыл группам выдвигается отряд арабских наемников, майор Тучин принял решение вывести группы из боя.

По рации была дана команда отходить в заранее намеченный пункт сбора. А сам Алексей Тучин, истекающий кровью, остался прикрывать отход. В наступивших сумерках разведчики не сразу это заметили. Третье ранение оказалось смертельным. Ценой своей жизни Алексей Иванович обеспечил выход из боя своим подчиненным и спас им жизнь.

УЖЕНЦЕВ Сергей Викторович

Майор, командир разведывательной роты 12-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

Родился 19 февраля 1976 года в городе Тюмени.

Окончил среднюю школу.

С 1993 года – в Вооруженных Силах РФ. Поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, но затем был переведен на разведывательный факультет Новосибирского военного общевоинского командного училища, которое окончил в 1997 году.

Проходил службу в 12-й отдельной бригаде специального назначения.

В августе 1999 года командир разведроты бригады Сергей Уженцев вместе с своим подразделением прибыл в командировку в Ботлихский район Дагестана. Отличился в боевых действиях против

бандформирований чеченских и международных террористов, вторгшихся из Чечни.

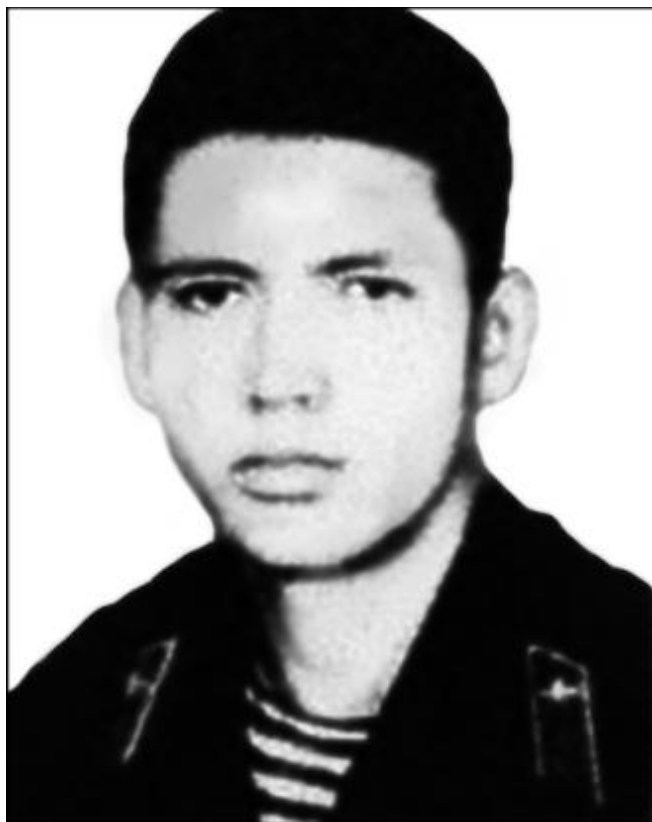
В ходе одной из операций капитаном Уженцевым была «вычислена» машина с вооруженными террористами. При попытке задержания сидевшие в машине бандиты открыли огонь и были уничтожены в результате грамотных действий командира, без погибших и раненых с нашей стороны.

В сентябре 1999 года при разведвыходе по тылам боевиков один из бойцов задел установленную боевиками растяжку, прикрепленную к гранате. Услышав щелчок от выдернутой чеки, Уженцев мгновенно подал команду «Ложись!» и закрыл своим телом майора – командира разведгруппы. При взрыве гранаты получил около десяти осколочных ранений, но командир и остальные бойцы не пострадали. Своими действиями капитан Уженцев спас жизнь командиру и нескольким подчиненным.

24 октября 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

После награждения продолжил службу в Вооруженных Силах РФ, был заместителем командира парашютно-десантного батальона по воздушно-десантной подготовке^[657].

УШАКОВ Антон Борисович

Гвардии старшина, военнослужащий 3-й отдельной бригады специального назначения, Герой Российской Федерации.

Родился 16 мая 1972 года в городе Глазове Удмуртской АССР.

Окончил на родине среднюю школу, профессионально-техническое училище. Работал электромонтером на городском узле связи в Глазове.

С 1990 по 1992 год проходил срочную службу в Воздушно-десантных войсках. Принимал участие в боевых действиях в период международного вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе. После увольнения в запас вернулся в Глазов, работал по специальности.

В 1994 году поступил на службу по контракту в 3-ю гвардейскую отдельную Краснознаменную ордена Суворова III степени Варшавско-Берлинскую бригаду

специального назначения. Занимал должности командира отделения и старшины роты.

Со 2 марта 1995 года участвовал в боевых действиях первой чеченской войны в должности заместителя командира группы.

20 марта 1995 года погиб в бою с бандформированиями в районе города Аргун (Чечня), прикрывая отход группы.

29 января 1997 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[658\]](#).

ФОМИН Александр Гурьевич

Полковник, Герой Российской Федерации.

В 1979 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

В ноябре 1984 года был назначен командиром 411-го отдельного отряда спецназа в Афганистане.

Закончил Военную академию им. Фрунзе и Военную академию Генштаба.

12 ноября 2000 года при ликвидации незаконных вооруженных формирований на территории Чечни был тяжело ранен.

18 июня 2001 года присвоено звание Героя Российской Федерации [\[659\]](#).

ХАРИН Станислав Анатольевич

Старший лейтенант, военнослужащий 173-го отдельного отряда специального назначения, Герой Российской Федерации.

Родился 5 июня 1967 года в городе Кадиевке (Стаханов) Ворошиловградской области.

В 1986 году призван в ряды ВС СССР и направлен служить в ВДВ (г. Гайжюнай).

В 1987 году поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

В 1993 году, после окончания училища, направлен для прохождения службы в соединение специального назначения СКВО. Службу проходил в должностях от командира группы до начальника разведки.

В январе 1995 года умело вел разведку противника в городе Грозном и маршрутов выдвижения своих войск, обеспечивал захват и удержание выгодных в тактическом отношении объектов, организовывал засады в тылу боевиков, вел борьбу со снайперами. В конце мая, выводя группу после выполнения задания, вступил в бой с превосходящими силами противника, был дважды ранен, но остался в строю и умело руководил действиями группы.

С февраля по май 1995 года неоднократно выполнял задания в тылу противника.

В январе 1996 года в районе села Первомайское (Республика Дагестан) проводилась операция по блокированию бандформирования С. Радуева. Группа старшего лейтенанта С.А. Харина, находясь в боевом охранении, своевременно обнаружила скрытое выдвижение передовой ударной группы противника и кинжальным огнем отбросила его. Повторная атака боевиков также провалилась. В этом бою С.А. Харин закрыл собой подчиненного и огнем в упор уничтожил нескольких боевиков. Будучи раненым, он продолжал руководить боем, обеспечил эвакуацию раненых товарищей и развертывание резервной группы. В бессознательном состоянии С.А. Харин был эвакуирован в госпиталь.

В 1996 году за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, ему присвоено звание Героя Российской Федерации.

С 1997 года - в спецподразделении антитеррора ФСБ.

ЧУРКИН Михаил Константинович

Капитан, Герой Российской Федерации.

Родился 27 августа 1972 года.

В 1989 году закончил среднюю школу № 4 в городе Глазове. Еще школьником начал заниматься восточными единоборствами в глазовском спортклубе «Патриот». Участвовал в соревнованиях по рукопашному бою. С 1989 по 1993 год учился в Омском высшем общевойсковом командном училище, после окончания которого был направлен служить в подразделение морской пехоты.

В ноябре 1999 года вместе со своей частью прибыл в Чеченскую республику, где возглавил разведывательную группу. Много раз его отряд совершал дерзкие

разведывательные рейды, заходя в глубокий тыл противника.

2 января 2000 года капитан Михаил Константинович Чуркин при выполнении боевого задания по ликвидации бандформирований на территории Чеченской республики погиб смертью храбрых. Похоронен в городе Глазове.

ШАНЦЕВ Сергей Владимирович

Старший прапорщик, военнослужащий 2-й отдельной бригады спецназа, Герой Российской Федерации.

23 января 2000 года в районе населенного пункта Рошни-Чу в бою с превосходящими по численности боевиками ценой собственной жизни обеспечил отход товарищей.

ШЕКТАЕВ Дмитрий Александрович

Младший сержант, снайпер-разведчик, Герой Российской Федерации.

22 февраля 2000 года, выполняя боевую задачу в районе населенного пункта Шатой, будучи смертельно раненным, спецназовец не покинул своей позиции, поддерживал огнем товарищей, дав им возможность успешно завершить операцию [\[660\]](#).

ЯЦЕНКО Петр Карлович

Гвардии майор, заместитель командира 218-го гвардейского отдельного батальона специального назначения 45-го отдельного разведывательного полка ВДВ, Герой Российской Федерации.

Родился 9 апреля 1970 года в городе Костроме, в семье военнослужащего.

В 1987 году окончил Ленинградское суворовское военное училище.

В 1991 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

После училища был распределен в 345-й отдельный парашютно-десантный полк ВДВ в городе Кировабаде. Служил начальником штаба 2-го парашютно-десантного батальона.

С августа 1993 года – в Абхазии.

Весной 1998 года 345-й полк спецназа был расформирован, и Петр становится заместителем

командира 218-го отдельного батальона спецназа 45-го отдельного разведывательного полка ВДВ.

Выполнял задачи по ликвидации вооруженных банд в Дагестане.

С октября 1999 года служил в Чечне.

25 октября 1999 года при выполнении задачи по разведке маршрутов наступления наших войск с целью обнаружения и выявления опорных пунктов группа вышла в район перекрестка дорог северо-восточнее города Гудермес. Наблюдатель обнаружил группу противника в боевом порядке под прикрытием автомобиля с крупнокалибренным пулеметом.

Майор Яценко П.К., двигаясь впереди боевого порядка группы, первым открыл огонь по автомобилю и уничтожил его. Используя фактор внезапности, открыл огонь по противнику, дав тем самым группе закрепиться. В завязавшейся перестрелке майор Яценко П.К. решил провести маневр и обойти противника с севера. Во время выполнения маневра майор Яценко П.К. погиб.

24 марта 2000 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно)[\[661\]](#).

Глава 27

Соединения спецназа современной России [\[662\]](#)

В 2005 году в состав спецназа Вооруженных Сил Российской Федерации входили:

восемь отдельных бригад спецназа (из них две – гвардейские);

один отдельный учебный полк Сухопутных войск;

четыре морских разведывательных пункта ВМФ;

один отдельный разведывательный полк (РП) ВДВ.

2-я отдельная бригада специального назначения Ленинградского военного округа (2-я обр СпН ЛенВО)

В 1992 году отряд был скадрирован, но вскоре вновь укомплектован личным составом.

Личный состав 2-й обр СпН принимал участие в выполнении специальных задач в «горячих точках» Советского Союза и боевых действиях в Чечне.

21 февраля 2000 года в Чечне в бою под Шатоем, попав в засаду, погибла разведгруппа 2-й обр СпН – 15 солдат и офицеров, а также 18 солдат и офицеров другой группы, пришедшей им на помощь, всего 33 человека.

3-я гвардейская Варшавско-Берлинская Краснознаменная ордена Суворова III степени бригада специального назначения Приволжско-Уральского военного округа (3-я гв. обр СпН ПрУрВО)

В 1990 году, после объединения ФРГ и ГДР, 3-я гв. обр СпН была выведена в Советский Союз в п. Роцинский, Черноречье (р-н Самары).

В 1994-1996 годах личный состав бригады участвовал в боевых действиях на территории Чечни. За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевой задачи на высоте Гойтен-Юрт в марте 1995 года, гвардии старшине А. Б. Ушакову (посмертно) присвоено звание Героя России. Также звания Героя России удостоен старший лейтенант Дергунов А. В.

С 1999 по 2007 год подразделения 3-й гв. обр СпН выполняли специальные задачи на территории Северного Кавказа.

10-я отдельная бригада специального назначения Северо-Кавказского военного округа (10-я обр СпН СКВО)

Образованна весной 2002 года в д. Молькино Краснодарского края.

12-я отдельная бригада специального назначения Приволжско-Уральского военного округа (12-я обр СпН ПрУрВО)

С января 1995 года 33-й оо СпН 12-й обр СпН участвовал в боевых действиях на территории Чечни.

С 1999 по 2007 год подразделения 12-й обр СпН выполняли специальные задачи на территории Северного Кавказа.

14-я отдельная бригада специального назначения Дальневосточного военного округа (14-я обр СпН ДВО)

Бригада сформирована в 1963 году в Дальневосточном военном округе (ДВО). Дислоцировалась в г. Уссурийске Приморского края.

В январе - апреле 1995 года сводный отряд (250 человек) 14-й обр СпН участвовал в боевых действиях на территории Чечни. За мужество и героизм, проявленные в боях с чеченскими боевиками, 101 военнослужащий бригады награжден орденами и медалями.

В 1998 году подразделение 14-й обр СпН находилось на Аляске (США).

С ноября 1999 года сводный отряд 14-й обр СпН под командованием майора С.К. Курбаналиева участвовал в боевых действиях на территории Чечни.

16-я отдельная бригада специального назначения Московского военного округа (16-я обр СпН МВО)

Бригада сформирована в 1963 году в Московском военном округе. Дислоцировалась в н. п. Чучково Московской области.

В 1992 году 370-й и 669-й оо СпН 16-й обр СпН в количестве 402 человек находились в боевой командировке в зоне межнационального конфликта в Таджикистане.

С января 1995 года два сводных отряда 16-й обр СпН принимали участие в боевых действиях на территории Чечни. 14 января в Грозном от взрыва радиоуправляемого фугаса погибли 35 спецназовцев одного из сводных отрядов бригады.

За мужества и героизм, проявленные в боевых командировках, 176 военнослужащих бригады награждены орденами и медалями.

22-я гвардейская отдельная бригада специального назначения Северо-Кавказского военного округа (22-я гв. обр СпН СКВО)

Летом 1992 года 22-я обр СпН вошла в состав Северо-Кавказского военного округа. Дислоцировалась в пос. Ковалевка Аскайского района Ростовской области.

В 1992–1994 годах 173-й оо СпН бригады привлекался для урегулирования осетино-ингушского конфликта в Северной Осетии.

С 1 декабря 1994 года по 13 октября 1996 года оперативная группа бригады в составе 173-го оо СпН и подразделений усиления обеспечивали восстановление конституционного порядка в Чечне, участвовали в операциях в Буденновске и Первомайском.

31 декабря 1994 года в районе села Комсомольское посадочным способом была высажена группа СпН из состава 173-го оо СпН. Задачей группы являлось: ведение разведки путей подхода боевиков из горных районов в Грозный, проведение диверсий и засад. Однако высадку спецназовцев с вертолета заметили чеченские боевики. Группа была вынуждена уходить от преследования, которое продолжалось несколько дней. В результате несвоевременной эвакуации вся группа СпН, потеряв двух человек убитыми и двух человек ранеными, попала в плен к боевикам. Позднее все спецназовцы были освобождены, последнего обменяли в апреле 1995 года.

С начала 1998 года 173-й и 411-й оо СпН проводили разведывательные мероприятия на территории Дагестана. Отряды вели разведку местности в районах, граничащих с Чечней, изучали систему охраны и оповещения административной границы с чеченской стороны. Также отслеживали пути движения и реализации «левых» нефтепродуктов, поступавших в большом количестве из Чечни. Совместно с МВД и ФСБ выявляли каналы торговли оружием. О том, насколько спецназ контролировал ситуацию, достаточно сказать, что факт вторжения отрядов Басаева и Хаттаба был отслежен группой, находящейся в засаде, о чем информация незамедлительно ушла в Центр [\[663\]](#).

За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых операций в зоне осетино-ингушского конфликта, на территории Чечни и Дагестана, 604 военнослужащих 22-й обр СпН награждены орденами и медалями. Майор В.В. Недобежкин, ст. лейтенанты А.М. Зарипов, В.А. Скороходов, С.А. Харин, капитан С.И. Косачев (посмертно) удостоены звания Героя России.

За особое отличие в боях по обеспечению безопасности и целостности Российской Федерации в

апреле 2001 года 22-я обр СпН получила звание гвардейской.

24-я отдельная бригада специального назначения Забайкальского военного округа (24-я обр СпН ЗабВО)

В 1994–1996 годах подразделения 24-й обр СпН находились в боевых командировках на территории Чечни.

С 1999 по 2007 год военнослужащие бригады выполняли специальные задачи на Северном Кавказе.

Среди личного состава бригады орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», Мужества и «За военные заслуги» награжден 121 человек. К награждению медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За заслуги перед Отечеством» II степени было представлено 163 военнослужащих 24-й обр СпН.

67-я отдельная бригада специального назначения Сибирского военного округа (67-я обр СпН СибВО)

В 1994–1996 годах подразделения 67-й обр СпН находились в боевых командировках на территории Чечни. В боях против чеченских боевиков погибли 14 военнослужащих бригады. Полковнику Е.Н. Конопелькину, капитану И.В. Лелюху (посмертно), лейтенанту Д.В. Ерофееву (посмертно) присвоено звание Героя России.

С 1999 года и по настоящее время военнослужащие бригады выполняют специальные задачи на Северном Кавказе.

С 1995 по 2000 год 64 военнослужащих бригады были награждены боевыми орденами и медалями за участие в боевых действиях на Северном Кавказе. За этот же период потери соединения – 41 человек ^[664].

Приложение 1

В годы Великой Отечественной войны разведывательно-диверсионным группам советской военной разведки приходилось действовать в очень сложных условиях. Из публикуемого ниже документа можно узнать, какие меры принимал противник для нейтрализации советских военных разведчиков.

Немецкое наставление по борьбе с партизанами

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

Для всех видов вооруженных сил

«Верховное командование вооруженными силами 6
мая 1944 года

Штаб фюрера

Наставление «Боевые действия против партизан» вводится в действие в Вермахте с 1 апреля 1944 года. Руководство «Боевые инструкции по борьбе против партизан на Востоке» от 11 ноября 1942 года отменяется.

От имени верховного главнокомандующего вооруженными силами *Йодль*.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.

I. Угроза со стороны партизан.

II. Боевые действия против партизан.

А. Управление войсками.

Б. Войсковые части.

В. Ведение разведки против партизан.

Г. Методы боевых действий.

1. Окружение и уничтожение.

2. Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием.

3. Использование против партизан ягдкоманд.

III. Меры охранения от партизан.

А. Общие положения.

Б. Охрана железнодорожных сооружений и обеспечение железнодорожных перевозок.

В. Охрана сухопутных и водных путей.

- Г. Охрана населенных пунктов.
- Д. Охрана промышленных объектов, административных учреждений, средств связи.
- Е. Охрана полей и лесов.
- IV. Специальные вопросы.
- А. Использование военно-воздушных сил в боевых действиях против партизан.
- Б. Использование бронепоездов в боевых действиях против партизан.
- В. Специальные правила по организации связи в боевых действиях против партизан.
- Г. Специальные правила пользования машинами в боевых действиях против партизан.
- Д. Обращение с населением, с пособниками партизан и с партизанами.
- Е. Конфискация сельскохозяйственных продуктов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(...)

II. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

А. УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ

17. Боевые действия против партизан – это прежде всего вопрос руководства. Успех этих действий зависит от превосходства нашего руководства.

18. Права и обязанности отдельных начальников в действиях против партизан определены соглашением между верховным командованием вооруженных сил и рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции.

19. Для руководства сравнительно широкими действиями против партизан должен быть назначен ответственный начальник. Его права в отношении частей и соединений, выделяемых вооруженными силами и войсками рейхсфюрера СС, и, если необходимо, в отношении гражданских властей должны определяться заблаговременно путем согласования

между соответствующими заинтересованными начальниками.

20. Борьба против партизан требует тесного взаимодействия между военными властями, представителями рейхсфюрера СС и гражданскими властями. Взаимодействие должно быть налажено еще в стадии планирования. При проведении гражданскими властями таких мероприятий, как сельскохозяйственные работы, строительство дорог, мостов, заготовка леса, переселение и т. д., нужно учитывать все, что на данный момент известно о дислокации и действиях партизанских отрядов. Вместе с тем во время боевых действий против партизан нужно учитывать, насколько это возможно, интересы гражданской администрации.

21. В боях с партизанами разграничительные линии принимать во внимание не следует. Если во время боя действия распространятся на соседний участок, они не должны прерываться. Заблаговременное ознакомление частей соседних участков с планами проведения крупных мероприятий обеспечивает своевременное включение их в боевые действия.

22. В боях с партизанами до сих пор успешно применялась следующая тактика:

а) Окружение партизан и очищение от них окруженной местности. Это основной метод действий против партизан и в то же время наиболее действенный способ ликвидации угрозы с их стороны. Ведение боевых действий по окружению требует крупных сил, но зато обеспечивает решающий успех.

б) Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием. В тех случаях, когда для осуществления окружения не хватает сил или времени или же характер местности не позволяет предпринять этот вид боя, партизан следует атаковать, разгромить и преследовать до полного уничтожения.

в) Использование против партизан ягдкоманд. С целью предупреждения создания партизанских отрядов, а также нарушения их коммуникаций лучше всего использовать небольшие, но очень боеспособные отряды, созданные и вооруженные, как ягдкоманды.

г) Меры охраны от партизан. Все войска, транспортные и экономические объекты, а также имеющие военное значение заводы подлежат охране от налетов партизан и, кроме того, сами должны принимать меры по обеспечению своей безопасности. [266]

23. В боевых действиях против партизан инициатива всегда должна принадлежать нам. Даже если командир располагает небольшими силами, он не должен проявлять нерешительность. По возможности против каждого выступления партизан необходимо предпринимать контрмеры.

Способы боевых действий против партизан в каждом отдельном случае зависят от численности наличных войск и степени активности партизан, а также общей обстановки. Для того чтобы успешно применить именно тот способ боевых действий, который при данной обстановке позволит нанести противнику наибольший ущерб, командир должен проявить храбрость, инициативу, умение применяться к обстановке и использовать уже имеющийся опыт борьбы с партизанами. Промедление и бездеятельность дают партизанам время обосноваться и увеличить свои силы. Против вновь появляющихся отрядов следует предпринимать немедленные меры.

Невозможно ликвидировать угрозу со стороны партизан путем применения только одного какого-то способа действий. Даже те части, во главе которых стоят наиболее способные командиры и которые ведут наиболее успешные действия против партизан, не добьются решающего успеха, если в районе, очищенном

от партизан, не будут приняты надежные меры по охранению войск. И наоборот, даже самые надежные меры по охранению войск не дадут должного эффекта, если войсковые части в ходе непосредственных боевых действий не очистят от партизан достаточно обширные районы. В тактике следует избегать шаблонных действий, поскольку партизаны быстро к ним приспосабливаются и принимают необходимые контрмеры, тем более что они имеют на этот счет специальные указания своих штабов, которые постоянно направляют их действия.

24. Борьба с партизанами требует от командира в период активных боевых действий своевременно определять направление главного удара или основное направление при принятии мер по охранению войск. В бою с партизанами обстановка быстро меняется и ставит командира перед необходимостью принимать новые решения. Поэтому необходимо, чтобы командир всегда имел в своем распоряжении достаточные резервы, с тем чтобы в случае необходимости иметь возможность изменить направление главного удара. В качестве резервов и диверсионных отрядов лучше всего иметь небольшие, но высокоподвижные силы.

25. Обширность районов, в которых приходится вести боевые действия против партизан, лишает командира возможности оказывать постоянное влияние на действия своих частей и подразделений. В этой связи оправдали себя следующие меры:

а) Заблаговременная организация хорошей связи – в основном разветвленная телефонная сеть в сочетании с надежной радиосвязью, – которая облегчает быструю передачу донесений и указаний, особенно на большие расстояния.

б) Использование командиром легкого самолета (геликоптера «Физелер») с целью иметь возможность

вмешиваться в руководство боем на решающих участках.

в) Осуществление командиром непосредственного контроля за подразделениями путем передвижения с ними от рубежа к рубежу и постановки перед ними ближайших задач. Если имеющиеся сведения о противнике недостаточны, а район действий довольно обширен, командир должен учитывать возможную потерю времени. Ознакомление же подразделений с общим планом действий обеспечивает им необходимую самостоятельность в рамках поставленных перед ними задач.

26. Достижение внезапности в бою с партизанами является важным тактическим требованием.

Как свидетельствует опыт, у партизан сложилось мнение, что на них редко могут напасть в плохую погоду или в условиях бездорожья. Поэтому они считают, что наши войска избегают проникать в глубь болот и лесных чащ. Каждый командир, который в условиях плохой погоды и труднопроходимой местности предпринимает против партизан какие-то действия, как правило, может рассчитывать застигнуть партизан врасплох.

Особенно следует опасаться того, что партизаны могут заранее узнать о мерах, готовящихся против них. Поэтому обо всех подготовительных мероприятиях должен знать очень узкий круг штабных офицеров. Разговоров по телефону следует избегать. Сохранение тайны обеспечивается применением шифров. Поскольку партизаны придают большое значение перехвату наших телефонных разговоров, стремясь заблаговременно получить сведения о готовящихся против них действиях, необходимо уделять особое внимание маскировке узлов и линий связи, обеспечивать контроль за соблюдением требований секретности с целью не допустить обычную утечку сведений. Желательно, чтобы о предстоящих действиях войска ставились в известность только

непосредственно перед их началом. Во время боевых действий войскам всегда следует помнить, что враг должен быть захвачен врасплох. Поэтому к району сосредоточения необходимо подходить только с наступлением темноты, а исходные позиции занимать лишь по прибытии главных сил.

(...)

Б. ВОЙСКОВЫЕ ЧАСТИ

28. Все немецкие войска, в том числе тыловые, технические и охранные части, должны быть всегда готовы вести боевые действия против партизан.

29. Боевые действия против партизан следует рассматривать как «действия в особых условиях». В лице партизан войска имеют дело с врагом, чья тактика во многих отношениях отличается от тактики регулярных войск. Его хитрости, злобности и жестокости необходимо противопоставить высокую бдительность, решительность и суровость. В борьбе с партизанами эти качества значат больше, чем многое другое. Однако войска очень часто не понимают этого. Они склонны считать борьбу с партизанами слишком легкой. Сталкиваясь иногда с незначительными, недостаточно хорошо вооруженными силами партизан, они действуют беспечно и таким образом подвергают опасности себя и другие части... Беспечность не должна расцениваться как отвага.

30. Войска должны хорошо организовать разведку и наблюдение, особенно поиск месторасположения партизан... С этой целью рекомендуется использовать ищек. [269]

Необходимо вовремя обезвреживать заминированные участки и объекты, памятуя, что мины тщательно маскируются. Для этого разведывательным подразделениям, передовым и прежде всего штурмовым отрядам придавать саперов (см. статью 39). В незнакомой местности принимать все необходимые

меры предосторожности. В качестве проводников можно использовать дезертиров, военнопленных или подходящих местных жителей (например, лесников, хорошо знающих дороги).

31. Во время борьбы с партизанами необходимо иметь надежное охранение войск, так как врага можно ожидать отовсюду.

Часть на марше должна организовать круговое охранение. Дистанция между подразделениями на марше должна быть небольшой. Тяжелое оружие следует придавать каждому подразделению, следующему в походной колонне.

Если предстоит двигаться по неразведанной дороге, с целью обнаружения мин можно принимать следующие меры предосторожности:

- а) высылать перед колонной деревянные катки;
- б) гнать впереди колонны скот.

На отдыхе войска должны надежно охраняться. Лучшим средством защиты является круговая оборона. В населенных пунктах войска также должны иметь круговое охранение. При расквартировании части дробить не рекомендуется.

32. Наступление в лесу. Войска должны уметь вести бой и преследование партизан в лесах, зарослях и в болотистой местности. Во время продвижения по лесу, в котором предполагается наличие крупного партизанского отряда, войска должны обеспечить себя от нападения:

- ведением усиленной разведки;
- готовностью открыть мощный огонь;
- применением специального порядка движения.

Наименьшим подразделением, которое может самостоятельно действовать в этих условиях, является рота.

Как правило, войска должны наступать на широком фронте (рота, например, с двумя взводами в первой

линии) с целью навязать партизанам бой и использовать максимальное количество людей и вооружения во время боя и последующего преследования. Кроме того, такой порядок наступления является лучшей защитой против засад, часто устраиваемых партизанами.

Другая форма развертывания для наступления – это глубокое построение боевых порядков. В условиях, когда местонахождение отрядов партизан неизвестно, такой порядок гарантирует свободу действий командиру и облегчает продвижение, но он имеет и свои неудобства – уязвимость флангов, возможность натолкнуться на засады. Поскольку войска в данном случае будут двигаться по дорогам и легко преодолимым участкам местности, им трудно будет навязать партизанам бой, и последние смогут ускользнуть.

Поэтому войска, привыкшие к действиям в лесах, обычно предпочитают расчлененные боевые порядки.

Если лес необходимо прочесать только с целью поимки отдельных партизан, подразделения следует развернуть в цепь. При этом желательно, чтобы солдаты видели друг друга.

...Связь поддерживать с соседями с обеих сторон, приказание передавать слева направо. С целью предупреждения внезапного нападения противника до одной восьмой личного состава выделять в резерв. Следовательно, командир непосредственно имеет в своем распоряжении резервы, а также часть подразделения тяжелого оружия.

33. В бою наши войска должны обладать огневым превосходством. Во главе штурмового отряда должен стоять командир подразделения тяжелого оружия, который обязан подавить как можно больше огневых средств партизан.

Авангард должен иметь тяжелое оружие, особенно такое, которое можно немедленно пустить в ход, чтобы

быстро обеспечить огневое превосходство в случае неожиданного столкновения с противником.

34. Борьба против партизан требует подготовки личного состава для действий в ночных условиях... Во время боевых действий даже в плохую погоду на трудно проходимой местности войска должны проводить ночь там, где этого требуют задачи боя. Часто наблюдаемое стремление ночевать в населенных пунктах следует пресекать всеми средствами, поскольку в таких случаях территория без всякой необходимости уступает противнику.

35. Войска должны также уметь вести бой с партизанами, обороняющимися на заранее подготовленных позициях. В этом случае особенно важно посредством внезапной атаки подвижных подразделений с ходу занять позиции противника, даже если эти подразделения не имеют тяжелого оружия.

36. Войска должны научиться бесшумно продвигаться и искусно маскироваться, если они хотят застать партизан врасплох.

37. Вооружение войск должно соответствовать условиям ведения боевых действий против партизан.

Даже на местности, лишенной дорог, солдаты должны сами нести свое оружие. В борьбе с партизанами самое лучшее оружие то, которое можно быстро изготовить к бою. Личное огнестрельное оружие, автоматические карабины, автоматы, винтовки с оптическим прицелом, ручные и станковые пулеметы, легкие и тяжелые противотанковые пушки, легкие пехотные пушки, легкие зенитные орудия, легкие огнеметы – вот испытанное оружие для борьбы с партизанами в лесистой и болотистой местности. Тяжелое оружие, например тяжелая артиллерия, тяжелые зенитные орудия, тяжелые противотанковые орудия, в значительной степени уменьшают скорость передвижения подразделений в болотах и зарослях. Тем

не менее тяжелое оружие может оказать серьезную поддержку тем подразделениям, которые в период проведения действий по окружению выделяются для блокирования путей отхода противнику или в резерв.

38. Использование в борьбе против партизан разведывательных и других танков, даже устаревших конструкций, имеет весьма большое значение, и не только из-за их огневой мощи, но особенно потому, что они оказывают сильное моральное воздействие на партизан. Однако использовать танки в болотистой, лесистой и горной местности часто трудно, а иногда и вовсе невозможно.

39. Саперы необходимы для ремонта разрушенных дорог и мостов, для прокладывания дорог через болота и в зарослях, для разминирования, для подрыва укреплений и укрытий партизан...

40. Конные отряды в борьбе против партизан целесообразно использовать для разведки, особенно в условиях бездорожья. При наличии удобных дорог с успехом можно применять также и моторизованные части.

41. Частям, выделенным для проведения самостоятельных боевых действий, должны быть приданы специализированные и конные подразделения. Это необходимо для того, чтобы они могли самостоятельно от начала до конца вести бой, не рассчитывая в решающий момент на поддержку извне.

Кроме того, эти отдельные подразделения и обязательно каждый батальон должны иметь своего переводчика, и, если возможно, им должны быть приданы подразделения СД или полевой полиции, чтобы пленных можно было допрашивать немедленно.

42. Войска должны быть подвижными. Механизированные и моторизованные части способны успешно преследовать быстро отходящие отряды и, если необходимо, заходить им в голову. Кроме того,

необходимо использовать обычные крестьянские повозки, сани и вьючных животных, особенно в густых зарослях, болотах и лесах, а также в зимнее время...

43. Для преодоления болот часть личного состава должна иметь специальное снаряжение. Такое снаряжение состоит прежде всего из сплетенных из ветвей лыж или щитков, которые дают возможность прикрепившему их к ногам идти по болоту, а также из болотных саней, используемых для перевозки тяжелого вооружения и боеприпасов. В летнее время требуются сетки от комаров.

Для борьбы с партизанами в горной местности совершенно необходимо альпинистское снаряжение.

44. В случае необходимости войска должны сами изготовить снаряжение, необходимое для борьбы против партизан, используя для этого подручные материалы.

45. В борьбе против партизан войска нуждаются в большом количестве хорошо оснащенных подразделений связи, способных в любых условиях быстро налаживать связь. Конные посыльные, а при наличии хороших дорог и мотоциклисты являются необходимым дополнением к техническим средствам связи.

46. Переброска подкреплений и предметов снабжения в районы действия партизан связана с большими трудностями... Войска, выделяемые для борьбы с партизанами с самого начала должны быть снабжены в достаточном количестве боеприпасами и взрывчаткой. Продовольствие, если необходимо, следует реквизировать у населения. Особенно важно, чтобы мелкие самостоятельные отряды и ягдкоманды были обеспечены провиантом, необходимым медицинским персоналом и транспортом, чтобы в течение нескольких дней они самостоятельно могли вести боевые действия...

47. Санитарная служба...

48. Вооруженные отряды из местного населения могут лучше всего проявить себя в борьбе против партизан, только действуя совместно с нашими войсками или в тесном с ними взаимодействии. Очень важно уберечь их от воздействия вражеской пропаганды. Это достигается с помощью соответствующей просветительной работы и путем максимально частого использования их в боях. Последнее необходимо для того, чтобы у них не оставалось времени для общения с местным населением, подверженным вражеской пропаганде.

В. ВЕДЕНИЕ РАЗВЕДКИ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

49. Разведывательные действия против партизан включают:

- а) сбор сведений о действиях партизан;
- б) разведку перед началом боевых действий;
- в) разведку в ходе боевых действий.

50. Цель сбора сведений – получить общее представление об обстановке в районе борьбы против партизан путем анализа многочисленных данных.

51. Сбор сведений обеспечивается:

- а) передачей командованию всех данных наблюдения за действиями партизан;
- б) организованным наблюдением за партизанами...

52. Пункты сбора сведений о действиях партизан должны создаваться теми начальниками на местах, которые отвечают за организацию борьбы против партизан, или, если необходимо, подчиненными им частями. Пункты сбора сведений должны иметь надежную связь с соответствующими начальниками. Если партизаны нарушают, как это часто случается, проволочную связь, следует пользоваться радиосвязью.

53. Донесения о партизанах должны направляться непосредственно в пункты сбора сведений. Круг вопросов, подлежащих освещению в указанных

донесениях, и предъявляемые к ним требования изложены в статьях 64–68...

54. Важные сведения должны передаваться немедленно...

55. Поступившие сведения о действиях партизан должны анализироваться начальниками, ответственными за борьбу против них в данной местности.

Оценка и анализ сведений о партизанах требуют опыта и знания местных условий. Большую ценность представляют сведения о реквизициях, проведенных партизанами. По количеству реквизированного ими продовольствия и численности их групп снабжения можно установить примерную численность самих отрядов. К сведениям, поступающим от отрядов из местного населения, следует подходить очень осторожно. Их сведения о численности противника и о его потерях обычно бывают сильно преувеличенными, а о времени его действий – часто неверными. Очень часто такие донесения составляются под воздействием самих партизан...

56. Сразу же за оценкой обстановки должно следовать решение. Если из оценки обстановки следует, что немедленные действия необходимы и возможны, должен быть отдан приказ начинать наступление, о чем тут же посылается донесение старшему начальнику (см. статью 53) вместе с донесением о принятых мерах.

Если из оценки обстановки следует, что против партизан следует предпринять определенные действия, но сил для этого не хватает, старшему начальнику следует немедленно послать донесение, в котором рекомендовать необходимые действия, указав на недостаток собственных сил.

57. (О ежедневных донесениях о партизанах.)

58. (Об обмене сведениями между соседними штабами.)

59. В штабах, ответственных за организацию борьбы против партизан, необходимо наносить на специальные карты обстановку как в своем, так и в соседних районах действий партизан.

60. До начала боевых действий против партизан ответственный начальник должен обеспечить своевременное получение таких сведений о противнике, которые необходимы ему для развертывания его сил. Ответственность за это лежит на командире, руководящем проведением данных боевых действий.

В дополнение к сведениям, полученным из текущих донесений, разведка должна установить местонахождение лагерей партизан, состояние дорог, данные о численности и вооружении противника. Имеется три способа получения таких сведений:

а) использование агентов; этот способ может применяться во всех случаях, особенно тогда, когда сведения нужно собрать совершенно незаметно;

б) использование для разведки ягдкоманд; этот способ может применяться в тех случаях, когда разведка производится в районе, в значительной степени контролируемом партизанами, или против крупных отрядов, которые, вероятно, не уступят занимаемой ими территории без боя;

в) использование разведывательных самолетов, особенно геликоптеров «Физелер»; этот способ может применяться только в том случае, если над контролируемыми партизанами районами часто совершаются полеты и появление разведывательного самолета не может явиться для партизан предупреждением о подготовке против них каких-то мер. Применение этого способа разведки против крупных отрядов, видимо, требует меньших предосторожностей, так как в отличие от мелких отрядов, которые обычно уклоняются от боя, они готовы отразить нависающую над ними угрозу.

Против отступающих партизан воздушная разведка должна применяться без всяких колебаний.

61. (Об агентах.)

62. (О наблюдении за населением.)

63. (О наблюдении за воздушными перевозками для партизан.)

64. Донесения о партизанах должны быть точны и лишены преувеличений.

65. Донесения о партизанах должны быть краткими и ясными... В первом донесении особенно важно осветить следующие вопросы:

время обнаружения партизанского отряда;

место обнаружения отряда;

численность отряда;

его действия;

его организацию.

Все последующие детали должны быть сообщены позднее в приложении. В нем необходимо указать следующее:

фамилии командира и комиссара отряда;

название отряда;

кому отряд непосредственно подчинен;

местонахождение запасного и резервного лагерей;

откуда прибыл отряд;

куда он направляется;

его вооружение;

его средства передвижения;

ущерб, нанесенный отрядом;

остальные сведения об отряде.

66. (О терминологии в донесениях.)

67. (О местных наименованиях в донесениях.)

68. (Об условных названиях отрядов в донесениях.)

69. В ходе боевых действий против партизан необходимо проводить активную разведку на всех этапах боя и на всех участках, включая тыл и фланги. Ответственность за это лежит на начальнике, который

руководит этими действиями, и на всех подчиненных ему командирах.

Перед разведкой стоят следующие задачи:

- а) обнаружить все скрытые силы противника;
- б) своевременно обнаружить любые попытки партизан незаметно выйти из боя или прорваться через наши боевые порядки;
- в) предотвратить возможность внезапной атаки или нападения из засады;
- г) разведать позиции противника и наилучшие к ним подходы.

Разведка во время боя должна проводиться в соответствии с обычными правилами. Разведывательные подразделения, действующие против партизан, должны быть достаточно сильными. Для выполнения этой задачи лучше всего использовать хорошо подготовленные ягдкоманды.

70. Допрос пленных является одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует.

71. Последующий тщательный допрос пленных, представляющих наибольший интерес, дает сведения об организации партизанских отрядов и средствах их связи.

Г. МЕТОДЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. Окружение и уничтожение

72. Метод уничтожения партизан путем окружения нужно стараться применять во всех случаях, даже против мелких отрядов. Если имеются необходимые для окружения силы и средства, применение такого метода всегда будет успешным.

73. Этот метод заключается в том, чтобы отрезать отряду пути отступления и затем последовательно уничтожить его по частям.

74. При определении сил и средств, необходимых для окружения, следует учитывать следующее:

а) неплотное кольцо окружения недостаточно, необходимо создать надежное сдерживающее кольцо (впереди – разведподразделения, затем – главные силы с тяжелым оружием, в тылу – подвижные резервы);

б) окружать следует только тот район, где действительно находится противник; соседние же районы, где только предполагается наличие партизан, оставлять в стороне.

Если имеющихся сил и средств недостаточно для окружения всего района, занятого партизанами, действия могут быть ограничены окружением части данного района, прежде всего его наиболее важного участка.

75. Совершенно необходимо, чтобы подготовка к окружению и его осуществление проводились чрезвычайно тщательно, в соответствии с требованиями (см. схему 4). С этой целью окружающие войска сосредоточиваются на значительном удалении от основного района действий партизанских отрядов. Пункты сосредоточения для окружения не всегда должны располагаться кольцом вокруг района действий партизан. С целью ввести в заблуждение их разведку подход войск к пунктам сосредоточения рекомендуется совершать таким образом, чтобы лишить противника возможности раскрыть наши планы и побудить его сделать ошибочные выводы относительно наших намерений. Чем мобильнее окружающие войска, тем легче ввести противника в заблуждение. Из пунктов сосредоточения окружающие войска выступают с таким расчетом, чтобы достичь рубежа окружения одновременно. Большое значение имеет предварительная разведка подступов. Сторожевое охранение партизан и небольшие отряды при движении к рубежам окружения трогать не следует. Попытки противника оказать в это время сопротивление необходимо быстро подавлять. Задача состоит в том,

чтобы быстро и надежно окружить главные силы. Рубежи окружения намечаются с учетом особенностей местности. Следует выбирать такие рубежи, на которых легче организовать оборону. Поэтому в лесу наиболее подходящими являются тропы и дороги, идущие по диагонали относительно направления движения. В горах рубежи окружения должны проходить вдоль хребтов.

76. Решающим периодом первого этапа окружения является время от выхода на рубежи окружения до завершения оборонительных мероприятий. Партизанские отряды, имеющие боевой опыт, будут пытаться силами разведывательных подразделений прощупывать боевые порядки наших частей, образующих кольцо окружения, чтобы прорваться в слабом месте. Поэтому в период, когда образуется кольцо окружения, тяжелое оружие должно быть использовано подразделениями первого эшелона.

77. После того как создание кольца окружения будет завершено, блокирующие войска должны осуществить необходимые оборонительные мероприятия на случай [280] попыток противника прорваться через наши позиции. Дефиле, тропы, ущелья, болота, ручьи и реки являются наиболее уязвимыми местами и должны соответственно обеспечиваться.

На открытой местности достаточно будет создать позиции для подразделений второго эшелона. Однако они не должны располагаться друг от друга дальше, чем это необходимо для оказания взаимной поддержки огнем. Эти позиции должны располагаться и оборудоваться так, чтобы обеспечивать возможность круговой обороны. Связь между подразделениями, занимающими эти позиции, должна поддерживаться при помощи дозорных и разведывательных подразделений. Эти подразделения должны, кроме того, препятствовать просачиванию отдельных партизан.

Оборона обеспечивается в основном огнем станковых пулеметов. Гранатометы и легкие пехотные пушки ведут огонь по закрытым позициям противника. Противотанковые пушки простреливают тропы и дороги, ведущие к рубежам окружения. План огня должен быть тщательно разработан. Боевое охранение следует выдвинуть вперед. Разведподразделения должны находиться впереди боевого охранения и в тылу кольца окружения. Подвижные подразделения в тылу наших позиций образуют тыл кольца окружения. Все блокирующие войска должны поддерживать между собой связь и быть в состоянии полной боевой готовности.

Попытки противника прорваться следует пресекать сосредоточенным огнем. Если же части партизан удастся прорваться, окружающие войска остаются на своих позициях и немедленно ликвидируют образовавшуюся брешь. Преследование прорвавшегося противника возлагается на резервы. Кавалерийские, моторизованные и танковые подразделения во время создания кольца окружения используются на участках вблизи дорог или находятся в резерве.

78. Вот некоторые способы уничтожения окруженных партизанских отрядов:

а) сужение кольца окружения путем одновременного продвижения к центру всех блокирующих частей; хотя этот метод кажется простейшим, он тем не менее может быть применен только в небольших районах; в обширных районах его применение вряд ли возможно, поскольку из-за большой величины кольца окружения все блокирующие войска не могут продвигаться с одинаковой быстротой. В силу этого между ними нарушается связь и появляются бреши, сквозь которые противник может легко выйти из окружения;

б) метод «охоты на куропаток»; этот метод состоит в том, что подразделения одного участка кольца

окружения продвигаются вперед, в то время как войска, действующие на противоположном участке, остаются на своих позициях. Атакующие силы оттесняют партизан, как куропаток, к оборонительным позициям наших войск; следует иметь в виду, что партизаны могут предпринять попытку прорваться через боевые порядки атакующих подразделений, поэтому в тылу последних на достаточном удалении должны находиться резервы. Такой метод рекомендуется в том случае, если известны направления возможного прорыва и пути, которыми может воспользоваться противник при попытке выйти из окружения, а также если часть блокирующих войск занимает удобные для обороны позиции (у реки, на плато, у лесной полосы), что делает попытки прорыва на таком участке безнадежными. Тогда оттеснение партизан к этим позициям легко ведет к их уничтожению;

в) вбивание мощных клиньев; немедленно после того, как блокирующие войска заняли назначенные им рубежи, силами подразделений смешанного состава вбиваются мощные клины по направлению к центру кольца окружения или к уже известному месторасположению лагерей партизанских отрядов. Окружающие войска в это время остаются на своих позициях. Такой метод с самого начала лишает партизан свободы действий. Они лишаются также возможности выявить силами своей разведки слабые места в кольце окружения с целью прорыва; партизаны, энергично атакуемые в их главном лагере, оказываются перед необходимостью разбиться на несколько групп; когда это достигнуто, войска окружения начинают наступать, охватывают противника с флангов, входят в соприкосновение с отрядами, прорвавшимися внутрь кольца окружения, и дробят окруженного противника на мелкие группы, которые затем легко ликвидируются; для уничтожения партизан в больших котлах часто

требуется несколько дней; в таких случаях войскам необходимо ставить задачи на каждый день боя; выбор рубежей для окружения и ликвидации расчлененных групп противника, а также выделение необходимых для этого сил осуществляются в соответствии с общими правилами;

г) использование ударной группы; если партизанский отряд построил постоянный лагерь и разведывательные данные говорят о том, что он будет его оборонять, то этот район должен быть окружен, а из резервов должна быть сформирована сильная ударная группа, эта группа продвигается от кольца окружения, атакует лагерь и уничтожает партизанский отряд; задача окружающих сил – не допустить отход противника, а в дальнейшем прочесать район с целью обнаружения укрывшихся партизан.

79. Сведения, полученные от лиц, дезертировавших из партизанских отрядов, ненадежны.

2. Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием

80. В тех случаях, когда для окружения партизан сил или времени недостаточно, лучше внезапно атаковать партизанский отряд, навязать ему бой, уничтожить в ходе атаки как можно больше его живой силы, затем начать преследование и уничтожение раздробленных групп противника. Следует мириться с тем, что отдельные изолированные группы могут скрыться. Этот метод особенно успешно применяется против тех партизанских отрядов, [286] которые еще не завершили сооружения своего лагеря или находятся на марше...

81. Главное в этом тактическом приеме состоит в том, чтобы, используя свое превосходство в силах и средствах, нанести партизанскому отряду решающее поражение и преследовать его до полного уничтожения.

82. Учитывая быстроту развития этого вида боя, перед ним совершенно необходимо проводить разведку.

Местонахождение и численность партизанского отряда должны быть установлены заблаговременно.

83. Атака должна быть внезапной. Войска сосредотачиваются на большом удалении от района предстоящего боя, а затем совершают бросок по заранее разведанным дорогам.

84. Последующее развитие боя зависит от характера противодействия партизан.

Если отряд принимает бой, наступление должно продолжаться согласно плану... Если же он пытается уклониться от боя, часть сил осуществляет медленное фронтальное преследование партизан, а остальные силы быстро обходят противника с флангов и окружают его.

Если отряд распадается на отдельные группы, войска организуют погоню за ними...

Если отряд рассеивается, действия следует прекратить и провести новую разведку... После этого нужно выработать новый план действий.

85. Погоня – наиболее сложный вид преследования. Ее цель – настигнуть, изолировать и уничтожить партизанский отряд...

Погоня возможна только в том случае, если войска могут передвигаться быстро. Поэтому для перевозки боеприпасов и другого возимого имущества преследующих подразделений рекомендуется использовать другие подразделения.

Погоня предпринимается прежде всего за командованием партизанского отряда.

3. Использование против партизан ягдкоманд

86. Структура ягдкоманд дает им возможность активно бороться против партизан, даже самыми небольшими силами. Ягдкоманды наиболее подходят также для проведения разведки боем. Их необходимо создавать как ударные отряды при всех частях и штабах, занятых борьбой с партизанами, и использовать

при каждой благоприятной возможности. Необходимо, чтобы одно из подразделений постоянно выполняло роль ягдкоманды.

Ягдкоманды должны постоянно беспокоить партизан, нарушать их снабжение и препятствовать организации новых отрядов. Они обеспечивают охранение наших войск, которые в силу возложенных на них задач (охрана и т. д.) должны оставаться на месте.

87. Главное в тактике ягдкоманд заключается в том, чтобы, подражая партизанам и приспособляясь к местным условиям, скрытно подойти как можно ближе к противнику, внезапно его атаковать и уничтожить.

88. Наиболее благоприятными для действий ягдкоманд являются районы:

- через которые партизаны совершают переходы;
- где они добывают продовольствие;
- через которые они проходят, направляясь на диверсии.

Районы, в которых партизаны имеют хорошо укрепленные лагеря, для действий ягдкоманд неблагоприятны.

89. Численность ягдкоманды не должна быть меньше взвода или больше роты.

Чтобы выполнять стоящие перед ними задачи, ягдкоманды должны быть соответствующим образом оснащены. Им следует иметь маскировочные халаты, теплую одежду, крестьянские повозки и сани, вьючных животных, лыжи, полевую кухню, миноискатели, различные инструменты, телефонное оборудование для подслушивания и передачи донесений командованию, рации. Ягдкоманды необходимо вооружать большим количеством автоматов, автоматических карабинов, ручных пулеметов, легких гранатометов, ручных гранат. Ягдкоманды должны быть в состоянии в течение длительного времени вести боевые действия без

пополнения своих запасов продовольствия и боеприпасов.

90. В ягдкоманды следует отбирать бесстрашных и хорошо подготовленных солдат. Каждой ягдкоманде придается несколько саперов, кавалеристов, связистов [288] и переводчиков. В ягдкомандах целесообразно использовать местных жителей, но, разумеется, только хорошо проверенных и надежных.

Все солдаты ягдкоманд (даже те, кто непосредственно не участвует в боевых действиях) должны постоянно заниматься боевой подготовкой, чтобы всегда быть в состоянии боевой готовности.

91. Командир ягдкоманды должен быть изобретательным, находчивым офицером. Непременным условием успешного применения ловких тактических приемов является хорошее знание тактики партизан и местных условий. Поэтому ягдкоманды следует всегда использовать в знакомом им районе. Например, очень важно следующее: если ягдкоманда в течение продолжительного времени действует в одном районе, то вполне можно предположить, что все ее приготовления и передвижения находятся под тщательным наблюдением разведки партизан. Поэтому самое главное заключается в том, чтобы скрыть от партизан развертывание сил перед началом каждой новой экспедиции. Ягдкоманда должна ввести в заблуждение разведку противника, предприняв движение в район, находящийся в противоположном направлении от места намеченных действий, куда она должна будет прибыть лишь спустя некоторое время, используя обходные пути. Все передвижения, так же как и остановки на отдых, следует тщательно маскировать. Если ягдкоманда обнаружена, она оставляет свой район.

Хороший «охотничий» инстинкт у каждого солдата ягдкоманды и особенно у ее командира – следующее

важное условие успеха. Если ягдкоманда хочет иметь сведения о партизанах, то здесь она должна рассчитывать только на себя, особенно когда она действует вдали от других частей.

92. Ягдкоманда действует следующим образом: переходы она совершает большей частью ночью, а в дневное время находится в скрытом месте. И на марше и на привалах ягдкоманда должна обеспечивать непосредственное охранение. Разведка начинается по достижении места боя. О действиях и передвижениях партизан ягдкоманда судит по оставляемым ими следам. Чтобы избежать предательства, не следует вступать в контакт с населением. В ягдкомандах всегда себя оправдывало использование постоянных подразделений войсковой разведки. Разведподразделения ведут наблюдение за путями подхода и передвижениями партизан из мест, удобных для нападения на противника. Успех дела решают хорошая маскировка, тесное взаимодействие и главное – терпение.

После уничтожения противника его документы и карты должны быть сохранены, а оружие и боеприпасы приведены в негодность. Сбор трофеев проводится под прикрытием огневых групп. Соблюдение этого правила особенно важно, так как партизаны часто отступают в одном месте лишь для того, чтобы попытаться атаковать в другом. Ягдкоманды уклоняются от боя со значительно превосходящими их силами противника.

93. Для того чтобы обеспечить внезапность своих действий, ягдкоманды не посылают командованию текущих донесений, за исключением особо важных сведений, вызывающих необходимость немедленного использования более крупных сил.

III. МЕРЫ ОХРАНЫ ОТ ПАРТИЗАН

94. Активные боевые действия против партизан должны дополняться столь же энергичными мерами

охранения войск и объектов. Кроме войсковых частей, необходимо охранять следующие объекты:

- а) железные дороги;
- б) шоссейные дороги и водные пути;
- в) населенные пункты;
- г) промышленные, административные объекты и средства связи;
- д) поля и лесные угодья.

95. Принцип охранения от партизан заключается в следующем: охране подлежит все, что представляет важность для ведения войны.

Источник: *Диксон Ч.О. и Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. – М., 1957. С. 264–291.

Приложение 2

Данный документ интересен по двум причинам.

Во-первых, в нем подробно изложены результаты деятельности разведотдела штаба Ленинградского фронта во время Великой Отечественной войны. На его примере можно представить деятельность разведотделов штабов других фронтов.

Во-вторых, в конце документа авторы дают свои предложения о развитии и совершенствовании органов спецразведки. Разумеется, они еще не предлагают создавать воинские части спецназа, но уже тогда, в 1946 году, настаивают на необходимости уделить повышенное внимание разведке.

Организация и ведение оперативной разведки при обороне Ленинграда и в период боев по снятию блокады Ленинграда (фрагменты)[\[665\]](#)

I. ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ ПРИ ОБОРОНЕ ЛЕНИНГРАДА

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Оперативная разведка, как и оперативное искусство в целом, имеет свою историю, но большое развитие и широкий размах оперативная разведка получила только в период Великой Отечественной войны.

В Первую мировую войну оперативная разведка, в силу политических и экономических факторов, уровня военной эпохи, техники и оперативного искусства, не получила того размаха и стройности организации, которые мы наблюдаем в нашу.

В войну 1914–1918 гг. роль фронтового и армейского командования в организации и проведении операций была иная. В тот период фронтовое управление не занимало той активной роли в организации и проведении операций, которую мы наблюдаем теперь. Главные функции фронтового командования сводились к распределению средств и общему планированию операций на каком-либо стратегическом направлении. Короче говоря, фронтовое управление в Первую мировую войну в основном решало вопросы общего стратегического характера операций.

Конкретные вопросы планирования, организации и проведения операций возлагались на армейские управления.

Предыдущие войны не обладали высокой маневренностью, а общевойсковой бой и ведение

операций не носили того сложного характера, который мы наблюдали в прошедшую мировую войну. Операции в 1914-1918 гг. по своему размаху, маневренности и глубине ничего не имели общего с современной операцией. Количество людей и техники, занятых в проведении прошлых операций, было значительно ниже, чем в операциях Второй мировой войны. По существу, ударные средства и уровень развития оперативного искусства эпохи Первой мировой войны не смогли преодолеть позиционную оборону и придать операциям маневренный характер. Естественно, что и на организации, и на деятельности органов оперативной разведки периода Первой мировой войны лежала печать позиционной обороны и малоподвижных форм боя.

Деятельность органов оперативной разведки, как правило, протекала в спокойной обстановке при отсутствии мобильных средств получения и передачи данных о противнике. Оперативная разведка мало была озабочена тем, что ее данные о противнике добываются и докладываются медленно, но и спешить было некуда, так как война имела позиционный характер, перегруппировки войск совершались громоздко и медленно, а наступательные операции велись немобильно и на малую глубину. Темпы работы оперативной разведки в прошлую войну часто измерялись скоростью движения пехотинца, а искусство ее деятельности – условиями развития фронтальной, прямолинейной операции на тактическую глубину.

Наставления и инструкции по руководству работой органов фронтовой и армейской разведки, изданные в Первую мировую войну, показывают, что деятельность оперативной разведки фронта носила общий характер и главным образом сводилась к контролю нижестоящих разведывательных органов. Это положение станет еще более ясным, если учесть, что РО штаба фронта в тот период, по существу, не имел в своем распоряжении

средств оперативной разведки. Агентура была плохо организована, хорошо разработанной связи с ней не было; фактически агентурная разведка в оперативном отношении являлась неуправляемой. Использование агентуры с определенными оперативными целями для данной группы войск носило эпизодический характер. Чаще всего агентуре ставились общие стратегические задачи, и она работала одновременно на два органа – на Штаб фронта и на Генеральный штаб.

Летательные аппараты периода Первой мировой войны еще не были столь совершенны, чтобы выполнять задачи оперативной разведки.

Аэрофотослужба была в зачаточном состоянии и с трудом могла справляться только с ограниченным числом тактических задач.

Радиоразведка применялась в войну 1914–1918 гг., но ее техническое состояние и общее наличие радиоаппаратуры не позволяли в полной мере осуществлять задачи оперативного характера. Однако, хотя и очень редко, она добывала ценные данные. Так, в 1915 году радиоразведка немцев путем перехвата продолжительное время получала информацию о состоянии и намерениях русских войск.

Эта краткая характеристика средств оперативной разведки позволяет сделать вывод о том, что в Первую мировую войну оперативная разведка решала только общие задачи, вытекающие из характера самой войны и функции фронтового управления.

Стратегическая оборона Первой мировой войны, по сути дела, носила линейные формы развертывая для оборонительных операций на том или ином театре военных действий всей армии, в основном в одном эшелоне. Оборона Первой мировой войны, как известно, приняла позиционный характер, и попытки обеих сторон преодолеть ее не увенчались успехом, что объясняется недостатком средств развития прорыва, а также тем,

что эти попытки не выходили за рамки устаревших приемов линейных форм операции.

В нашу эпоху товарищ Сталин создал новую, чрезвычайно глубокую форму стратегической обороны, сочетаемой с мощным наступлением. Сталинское полководческое искусство дало непревзойденные образцы замечательного сочетания стратегической обороны и стратегического наступления. Товарищ Сталин является создателем новых форм непосредственного перехода от стратегической обороны к стратегическому наступлению в гигантских масштабах. Эти новые формы перехода от стратегической обороны к стратегическому наступлению заключают в своей основе редчайшее умение создавать выгодные условия для последующего контрнаступления, искусство своевременно создавать на решающих направлениях мощные стратегические резервы, правильно выбирать направление главного удара и момент перехода в контрнаступление.

Оборонительные операции войск Ленинградского фронта на дальних подступах к Ленинграду и в период прорыва блокады Ленинграда проводились в соответствии с этими принципами сталинской стратегии.

Оперативной группировке противника в составе частей 18, 16 и 4 танковой армий, наступавших на Ленинград, была противопоставлена глубокая многоэшелонная оперативная оборона от Западной Двины до Невы. Оборонительные бои наших войск на дальних рубежах и в кольце блокады сочетались с активными частными операциями. Эта активная оборона измотала и обескровила войска противника, позволила сначала остановить наступление противника, затем прорвать блокаду и разгромить немецкую группировку войск под Ленинградом.

Основные задачи и функции оперативной разведки Ленинградского фронта в период обороны заключались в том, чтобы обеспечить войска и командование фронта всеми необходимыми данными о противнике, исходя из плана активной глубокой оперативной обороны от рубежа к рубежу с последующим переходом в решительное наступление. В соответствии с этими оперативными задачами фронта нами в короткие сроки была создана разветвленная агентурная сеть, обеспеченная радиосвязью, которая контролировала всю полосу оперативной глубины противника от Пскова до Пушкина и от р. Кюминйоки до Сестрорецка протяженностью в 240–260 км.

Агентурная сеть мирного времени, как действующая, так и запасная, значительной оперативной роли в первый период обороны не сыграла ввиду ее малочисленности, недостаточной законспирированности и необеспеченности средствами радиосвязи.

В силу целого ряда обстоятельств запасная агентурная сеть, как на Выборгском, так и Прибалтийском направлениях, своевременно создана не была. Это еще в большей степени повысило значение работы агентурной сети, созданной в начальный период войны. Она перехватила все основные коммуникации, узлы дорог и важнейшие оперативные пункты.

Опираясь в начальный период войны на разведывательные группы, работающие «из-за куста», нам впоследствии удалось создать сеть стационарных агентурных точек-резидентур за счет местных жителей и служащих, работающих в немецких учреждениях и воинских частях. С течением времени постепенно мы улучшали и усиливали организацию этих видов агентурной разведки и в ходе войны достигали такого положения, когда наша агентура полностью стала управляема и достаточно обеспечивала РО штаба фронта всеми необходимыми данными о противнике.

Имея сильную агентурную сеть в тылу врага и значительный резерв агентуры на базах, оперативная разведка имела возможность решать задачи по этапам фронтовой операции и всей обороны в целом и успешно подготовить наступательную фронтовую операцию.

(...)

Органы оперативной разведки Ленинградского фронта в начале Отечественной войны попали в сложные условия работы. В мирное время и в мобилизационный период все условия РО штаба ЛВО были направлены на ведение разведки на территории Финляндии, но уже в первые дни после начала войны мы должны были организовать оперативную разведку на новом, более важном операционном направлении, против нового и более сильного противника. Из этого сложного положения фронтовая разведка вышла только благодаря тому, что она имела резервы и хорошо подготовленный аппарат мирного времени, который в короткие сроки сумел создать значительные оперативные резервы и организовать разведку на новом направлении фронта.

Здесь уместно будет указать, что в современных войнах оперативная разведка обязана постоянно иметь значительные резервы сил и средств для того, чтобы быть в состоянии обеспечивать операции на новых, ранее не предусмотренных направлениях.

Роль и значимость оперативной разведки в оборонительной операции в деле боевого обеспечения войск и командования неимоверно возросли. На оперативную разведку возлагаются большие и ответственные задачи по выявлению постоянных и временных действующих факторов на стороне противника, с учетом которых и планируется фронтовая операция.

Подробные и правдивые данные о противнике, глубокие и всесторонние выводы о его группировке и

замыслах позволяют нашим войскам добиваться успеха в оборонительных операциях малой кровью и наверняка.

Оперативная разведка Ленинградского фронта в процессе оборонительных боев войск фронта имела ряд существенных успехов в своей работе, так:

В июле 1941 года через пленных, агентуру и радиоразведку нам удалось вскрыть группировку и направление главного удара войск СГА и через агентуру установить поворот 18 армии противника на север Эстонии, с целью рассечения войск нашей 8 армии.

В августе 1941 года в период Лужской операции оперативная разведка установила перегруппировку 4 танковой армии на Кингисеппское направление.

В конце сентября 1941 года агентура и войсковая разведка своевременно установила переброску 4-ТА с Ленинградского фронта на Калининский и вскрыла замыслы противника о временном отказе от штурма Ленинграда.

В октябре 1941 года агентура вскрыла новые замыслы противника – замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда на дальних подступах к нему.

В июле – августе 1942 года оперативная разведка установила переброску из Крыма под Ленинград войск 11 армии Манштейна и подготовку противника к штурму города.

В сентябре 1942 года было вскрыто, что в боях на Невско-Мгинском участке противник сильно обескровлен, вследствие чего будет вынужден отказаться от своих замыслов по захвату города.

Здесь приведена только часть данных, характеризующих значимость работы оперативной разведки.

В условиях блокады крупного города оперативная разведка имеет ряд специфических задач, требующих направления части ее усилий в интересах населения и города в целом. В период блокады Ленинграда

оперативная разведка фронта предупреждала о налетах авиации противника и об артиллерийских обстрелах, чем снижала потери населения и давала возможность принять соответствующие меры к сохранению важнейших объектов города – промышленных предприятий, электростанций, учреждений и жилого фонда.

В условиях блокады база для развертывания некоторых средств оперативной разведки сужается.

Пространственная ограниченность затрудняет размах работы агентуры, радио- и авиаразведки. Холод и голод, вызываемые блокадой, еще в большей степени усугубляют эти трудности.

Высокий патриотический подъем войск и населения города, внимательное и заботливое отношение ВС фронта к оперативной разведке и в этих трудных условиях сделали ее вполне работоспособной.

Опыт оборонительных боев войск Ленинградского фронта в период Отечественной войны показывает, что руководство всеми видами оперативной разведки и обобщение ее данных должно быть сосредоточено в одних руках – в руках начальника РО штаба фронта, который должен являться единственным докладчиком командованию фронтом по всем вопросам разведки. Этот важнейший принцип оперативной разведки на Ленинградском фронте строго соблюдался. Возможно, что это обстоятельство и послужило одним из факторов, предотвративших ряд опасностей, которые подстерегали нас на каждом шагу в период обороны Ленинграда.

2. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ К НАЧАЛУ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (...)

Особенности оперативной работы РО штаба ЛВО в этот период.

Войска Ленинградского военного округа в мирный период прикрывали сухопутную советско-финскую границу на всем ее протяжении – от Баренцева моря до Финского залива, а юго-западное направление Ленинграда прикрывалось войсками Прибалтийского военного округа. В соответствии с этим оперативная разведка велась преимущественно на территории Финляндии. Когда же создалась серьезная угроза Ленинграду с юго-запада, оперативная разведка была обязана в короткие сроки направить свои основные усилия на совершенно новое, наиболее важное операционное направление, изменить формы и методы своей работы, что вызвало ряд трудностей, о которых будет сказано ниже.

3. ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ В ПЕРИОД ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ВОЙСК НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Задачи оперативной разведки в предвоенный период и ход их выполнения.

Еще в 1940 году агентурой и другими источниками было установлено, что Финляндия готовится к новой войне против Советского Союза, что в Финляндию прибывают и оседают немецкие войска.

Перед оперативной разведкой РО штаба округа были поставлены следующие основные задачи:

а) Установить момент начала мобилизации финской армии и сосредоточение ее на линии госграницы.

б) Определить вероятные цели и замыслы противника.

в) Выяснить состав немецких войск на севере Финляндии и их предназначение.

С этими задачами оперативная /агентурная/ разведка справилась неплохо:

- о начале скрытой мобилизации финской армии данные в РО штаба ЛВО поступили от трех агентурных источников и офицеров разведки в первый и второй дни начала мобилизации;

- данные о продолжающейся мобилизации и перебросках финских частей к линии госграницы поступали ежедневно. Причем обилие поступавших данных и детальное изложение ряда фактов не вызвали сомнений в их правдивости.

Организованное офицерское наблюдение на линии госграницы также отмечало появление полевых частей в приграничной полосе.

Районы сосредоточения немецких войск на севере Финляндии, их примерная численность /до 100 000 человек/ и намерения также были определены в основном правильно. В подтверждение приведем несколько выдержек из докладов наших источников:

«Немецкие войска в Сев. Норвегии подготавливаются для военных действий против Советского Союза. Офицеры и солдаты изучают не норвежский, а русский язык».

«На севере Финляндии сосредоточено до 60 000 немцев, предназначенных для нападения на Советский Союз».

«Нападение немцев на Советский Союз будет произведено весной 1941 года».

(...)

Задачи оперативной разведки в период оборонительных боев на Карельском перешейке и ход выполнения этих задач.

С началом боев на советско-германском фронте перед оперативной разведкой РО штаба Ленинградского фронта была поставлена задача - вскрыть группировку, ближайшие намерения финских германских частей, определить возможные направления ударов этой

группировки и установить – нет ли сосредоточения немецких частей на Карельском перешейке.

Выполнение этих задач было возложено на агентурную, авиационную, радиоразведку и войсковую разведку.

Авиационная разведка со своими задачами в тот период не справлялась и никаких существенных данных о противнике не дала...

(...)

Радиоразведка в тот период добыла ряд данных о сосредоточении войск противника на Ладожском направлении (перемещение штабов пд из Йоэнсу /25.6.1941 г./ и Эно /11.7.1941 г./ в район Тохмаярви и работу радиостанции корпусного звена на этом направлении. Однако вместе с тем дала разведданные, вызывающие сомнение, что снижало доверие к первым данным, имевшим тогда исключительно важное значение.

Необходимо указать, что в этот период радиоразведка определила наличие в Южной Финляндии, включая г. Лаппенранта, несколько немецких радиосетей, что толкало к неправильным выводам о сосредоточении немецких войск на Карельском перешейке. Эти данные радиоразведки через некоторое время были опровергнуты другими видами разведки.

Войсковая разведка как источник для получения оперативных данных о противнике путем захвата и допроса пленных также существенных данных в этот период не дала. Вопросами организации войсковой разведки по захвату пленным и документов штабы всех степеней занимались слабо или совсем не занимались; допрос пленным, захваченным войсками, производился плохо, данных для оперативной разведки от этого источника поступало очень мало.

Агентурная разведка по вскрытию группировки противника, сосредоточенной на линии госграницы, также велась слабее, чем в глубине страны. Все же агентурная разведка в условиях исключительной слабости других видов разведки в этот период являлась почти единственным видом оперативной разведки, дающим возможность РО штаба фронта, хотя и на основе скудных данных, делать те или иные оперативные выводы и обеспечивать командование фронта необходимыми материалами для принятия того или иного оперативного решения.

В первые дни боев на советско-германском фронте на территорию Финляндии было выброшено 26 групп агентурной разведки общей численностью до 85 человек и была поставлена задача агентуре внутри страны /с которой связь не была нарушена/ о вскрытии группировки противника приграничной полосы. В результате от агентуры был получен ряд данных, имеющих оперативное значение; приведем дословно некоторые из них:

«26.6.1941 г. На участке Китее, Тохмаярви, Каурила – скопление финских войск. Здесь же отмечено наличие немецких солдат».

«29.6 от Йонесу на Тохмаярви прошла колонна автомашин с артиллерией».

«30.6.1941 г. Основная группировка противника сосредоточена в районе Китее, Тохмаярви. Немецких войск в этом районе не отмечено».

«2.7.1941 г. Противник намечает перейти в решительное наступление на Северном фронте, с направлением главного удара на Петрозаводск, Олонец, увязывая его с успешным продвижением немцев на Северо-Западном фронте».

«Через Швецию на Торнео перебрасывается 163 пд (163-я пехотная дивизия. – *Прим. авт.*) немцев».

«7.7.1941 г. На направлении Кексгольм действует корпус генерала Талвела».

Эти агентурные данные и ряд других источников оперативной разведки дали возможность сделать выводы о том, что финны основной удар намечали нанести в направлении северо-западного побережья Ладожского озера.

На основе данных агентурной разведки задачи, стоящие перед оперативной разведкой того периода, были выполнены – группировка и намерения противника на советско-финской границе и в ходе боев на перешейке были вскрыты правильно.

Необходимо сказать, что информационная служба РО штаба округа, играющая исключительно ведущую роль в вопросах вскрытия группировки, намерений и замыслов противника в этот период также работала недостаточно четко и порой держалась заранее предвзятых мнений и выводов. Например, до войны считалось наиболее вероятным, что финны в случае активных действий будут наносить удар с рубежа Иматра, Лаппенранта на Выборг, что неоднократно записывалось в документах первых дней войны, хотя больших оснований к этому и не было, а вывод о готовящемся ударе на Ладожском направлении был сделан только 28.6.1941 года, когда поступили данные о скоплении войск в районе Тохмаярви.

В период боев после прорыва нашей обороны и до выхода финских войск на Карельском перешейке на линию госграницы удельный вес основных органов оперативной разведки в основном не изменился, за исключением того, что данных агентурной разведки поступало менее и порой с замедлением, чем терялась их ценность.

В этих условиях РО штаба фронта принимает ряд мер по получению более полных оперативных данных о противнике от пленных и перебежчиков:

- в штабы и войска фронта были разосланы вопросники и методические указания о порядке допроса пленнх;

- офицеры РО штаба фронта и штабов армий направлялись в войска с целью допроса пленнх на месте и получения от них данных, интересующих командование фронта.

В этот период боев на Карельском перешейке пленные и документы являлись одним из основных источников как оперативной, так и тактической разведки.

Оперативная разведка в целом и в этот период со своими задачами справилась.

НЕДОСТАТКИ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ ЭТОГО ПЕРИОДА.

Среди некоторой части офицеров Красной армии, в том числе и среди генералитета, было широко распространено мнение о том, что значительная часть агентурных данных является неправдоподобными, а это вело к тому, что по этим данным очень часто никаких мер в войсках не принималось. Авторитет оперативной разведки был завоеван только в ходе Отечественной войны, когда любое оперативное решение в наших условиях командованием фронта принималось преимущественно на основе данных оперативной разведки /конечно, с учетом и других факторов.

1. Агентурная разведка мирного времени не имела достаточных резервов, что в период наступательных операций противника на перешейке создало ряд трудностей. Особенно это сказалось тогда, когда перед Ленинградским фронтом появилось новое, наиболее важное операционное направление, о чем будет подробно сказано ниже.

2. Авиационная разведка как один из важнейших видов оперативной разведки в этот период боев со

своими задачами совершенно не справилась ввиду ее неподготовленности в период мирного времени.

3. Радиоразведка в силу слабого технического оснащения и ряда других причин на первом этапе обороны свои задачи полностью выполнить не смогла.

4. Войсковая разведка, как источник для оперативной разведки, также в этот период имела ряд существенных недостатков, также объясняемых неподготовленностью разведчиков мирного времени.

5. Выводы по данным оперативной разведки делались порой очень робко, что снижало ценность этих данных в глазах командования.

Здесь же необходимо указать, что офицерский состав кадра и запаса в разведывательном отношении в мирное время подготовлялся слабо, предстоящий театр военных действий и армии сопредельных государств изучал недостаточно, что в первый период войны существенно повлияло на оперативную и в особенности на тактическую разведку.

4. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВОЙСК ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА НА Р. ЛУГА И БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ /13.7-27.9.41 г./.

(...)

Задачи оперативной разведки и ход их выполнения в период оборонительных боев на дальних и ближних подступах к Ленинграду /22.6-25.9.1941 г./.

После прорыва войсками СГА нашей обороны в приграничной полосе и в связи с быстрым продвижением войск 4 танковой армии в направлении Пскова перед органами оперативной разведки командованием фронта была поставлена задача – установить состав наступающих войск противника и направление выдвижения его главных сил, выяснить оперативные замыслы противника.

В тот период боев оперативная разведка направляла основные усилия финскому театру военных действий, все же задачи по вскрытию состава войск СГА и направления выдвижения его главных сил были решены.

Данные об основных направлениях выдвижения его главных сил были решены авиаразведкой, партизанскими группами и агентурой, которые засекали движение танковых и пехотных колонн по дорогам, ведущим на рубеж Псков, Остров и в Эстонию, что позволило сделать большие оперативные выводы о нацеливании этих войск на Ленинград.

Состав войск СГА был вскрыт благодаря излишней самоуверенности германского командования в своих силах – штаб СГА в период наступления его войск в Прибалтике, очевидно, в целях поднятия политикоморального состояния солдат и офицеров отпечатал и широко распространил без грифа схемы движения войск СГА в Прибалтике с указанием направления движения армий и корпусов. Одна из таких схем была изъята у пленного солдата, что позволило точно ответить на такой большой вопрос, как состав войск СГА.

С подходом войск СГА к Лужскому оборонительному рубежу оперативной разведке была поставлена новая задача – уточнить состав группировки войск противника, следить за перегруппировкой его частей и определить основные направления и сроки подготавливаемого удара.

К моменту боев на р. Луга оперативная разведка фронта организационно окрепла и значительно увеличила добычу данных о противнике, что позволило РО штаба более уверенно делать правильные выводы из обстановки.

«Противник, обеспечив за собой рубеж развертывания северо-восточнее Пскова, 12.7.1941 г. подтягивал свои главные силы для перехода в дальнейшее наступление на Луга».

/Разведсводка штаба фронта № 97 к 8.00 13.7.1941 г./.

41 тк (41-й танковый корпус. – *Прим. авт.*) 4 та (4-й танковой армии. – *Прим. авт.*) после неудавшейся попытки 13-14.7.1941 г. с ходу прорвать наш оборонительный рубеж в районе Луги перебрасывается на участок Ивановское, Сабек для нанесения удара с того направления.

14 и 15.7.1941 г. авиаразведкой было отмечено движение двух колонн с танками от Струги Красные на северо-запад и 17.7.1941 года РО штаба фронта делает вывод:

«Противник производит перегруппировку частей, сосредотачивая свои главные силы в направлении Кингисепп».

/Разведсводка штаба фронта №106 к 21.00 17.7.1941 г./, а 19.7.1941 г. делается вывод, что к Лужскому рубежу подошла 4 танковая армия и часть 18 армии /38 ак/ (38-й авиационный корпус. – *Прим. авт.*).

Сделав эти большие выводы на основе данных авиаразведки, РО штаба принимает ряд мер по получению новых данных, которые могли бы эти выводы подтвердить или опровергнуть.

Группа войсковой разведки, возвратившись из тыла противника 20.7.1941 г. донесла, что в Осьмино отмечается скопление танков и бронемашин, укрытых в сараях, а юго-западнее Осьмино в Залустижье – до полка мотопехоты и артиллерия. На основании этих данных 20.7 был сделан вывод о том, что противник продолжает сосредоточение своих частей в районе Сабек, Осьмино, оз. Самро. 21.7.1941 г. на основании данных авиаразведки этот вывод был повторен.

24.7 войсковой разведкой у убитого офицера был изъят приказ по 1 ак, из которого были установлены состав 1 ак и 56 так и направление их действий. 26.7.1941 г. агентура донесла:

«24.7.1941 г. в районе Ляды находилось до 70 танков, 150 автомашин с пехотой и до роты мотоциклистов и 25.7.1941 г. в 20–25 км северо-западнее Ляды происходило сосредоточение пехоты, артиллерии и танков».

На основании этих и целого ряда других данных РО штаба фронта 26.7.1941 г. составил для командования фронта справку о группировке и намерениях противника, в выводах которой было записано:

«Противник заканчивает сосредоточение своих сил на Кингисеппском направлении и усиленно ведет разведку для обеспечения предстоящего наступления в направлении Волосово, Красногвардейск. Начать наступление на этом направлении противник может в ближайшие дни».

Тот вывод о готовящемся ударе на этом направлении позднее подтверждался еще целым рядом данных, так:

Агентура сообщила:

«На 28.7.1941 г. в районе Осьмино и южнее – большое скопление пехоты, танков и артиллерии, откуда они выдвигаются в направлении Бол. Сабек».

Пленный 689 охранного батальона показал:

«Танковая группа должна нанести удар на Кингисепп; в Эстонии действуют части 18 армии».

Авиаразведкой 6.8.1941 г. было отмечено, что противник через Лугу в Районе Ивановского навел две переправы, через которые отмечено движение до 100 танков. Танки после переправы сходили с дороги и тщательно маскировались, что говорило о выходе частей 41 тк на исходное положение для наступления.

В этот же день /6.8.1941 г./ агентурой было отмечено скопление танков западнее оз. Самро в районе Ухово, Рудно, Бор.

7.8.1941 г., т.е. накануне дня наступления, выход танков к линии фронта был отмечен также войсковой разведкой.

Состав действовавших частей, его нумерация также были вскрыты полностью, что изложено в соответствующих документах.

Следовательно, оперативная разведка в период боев на Лужском оборонительном рубеже, несмотря на ряд больших трудностей, изложенных выше, со своими задачами справилась полностью.

Необходимо отметить, что в тот период боев агентурная разведка установила поворот 18 армии на север Эстонии и затем вскрыла оперативные замыслы командования 18 армии. В подтверждение приведем дословно одно из донесений источника от 3.8.1941 года:

«Немецкие части, расположенные в Вяйне-Марья, Ямаулу, имеют задачу форсированного наступления в двух направлениях: первое направление – Тапа, Таллин, второе – Мустве, Иыхве, Тойла, с тем чтобы отрезать отход частей Красной Армии в восточном направлении, затем окружить и уничтожить их».

На основании этого донесения, подтвержденного рядом других источников, командованием Ленинградского фронта был принят ряд конкретных мер по предотвращению угрозы окружения войск 8 армии и вывода их из Эстонии, что и было осуществлено, после упорных боев 8 армия была отведена в район Ораниенбаума.

После прорыва Лужского оборонительного рубежа перед оперативной разведкой была поставлена задача выяснить направление движения его главных сил и определить, не производит ли противник переброски свежих частей из глубины или из состава 16 армии.

В этот период и в ходе наступления противника до Красногвардейского Ура на правом крыле наших обороняющихся частей оперативная разведка обеспечивала командование всеми интересующими его данными о противнике и делала правильные выводы о группировке и замыслах противника. Несколько иная

обстановка сложилась на левом фланге Ленинградского фронта, где вследствие отхода войск СЗФ в восточном направлении образовался разрыв, в который противник направил 28 ак, чем создавалась угроза окружения нашей Лужской группировки.

С тем чтобы в возможно короткий срок установить состав группировки противника перед нашим левым флангом, были выброшены пять групп офицеров-разведчиков штаба фронта /часть из них на бронемашинах/, которые личным наблюдением и организацией групп войсковой разведки в передовых частях сумели выполнить свою задачу и систематически информировать РО штаба фронта о направлении движения колонн противника и его группировке /некоторое время их информация о противнике являлась основной информацией об обстановке для всего штаба фронта/.

По данным этих групп и других видов разведки РО штаба фронта 19.8.1941 г. был сделан следующий вывод:

«Противник, сковывая нашу группировку на Лужском участке силами двух ПД /269 пд, ПД «СС»У, стремится окружить ее наступлением из районов Волосово, Батецкая в общем направлении на Сиверское и развивать дальнейшее наступление на Ленинград».

/Разведсводка штаба фронта №157 к 8.00 19.8.1941 г./

С выходом противника к Красногвардейскому Уру перед оперативной разведкой была поставлена задача определить направление подготавливаемого главного удара, установить, какие части 18 и 16 армий вышли к этому рубежу, и следить за возможным выдвижением свежих частей.

В этот период оперативная разведка свои задачи выполнила, установив подход к Ленинграду войск 16 и

18 армий и 39 танкового корпуса, переброшенного из-под Смоленска.

20.8.1941 г. от агентуры было получено следующее сообщение:

«Основные силы противника, действовавшие в Эстонии /18 армия/, вышли на р. Нарва и начали выдвигаться в направлении Кингисепп».

/См. разведдонесение РО штаба фронта № 111 от 20.8.1941 г./.

22-23.8.1941 г. агентура сообщила, что 21-22.8 от Нарвы на Кингисепп прошло до трех полков пехоты, три дивизиона артиллерии.

23-24.8 авиаразведка отметила движение пехоты и артиллерии с запада на Волосово.

26.8 авиаразведка отметила движение танков и мотопехоты от Чудово на Любань /39 та/.

27.8 агентура донесла, что южнее Красногвардейска в районе Рождественно сосредоточено до пехотной дивизии и 150 танков.

28.8 радиоразведка отметила появление в районе Чудово, Любани пяти новых войсковых радиосетей и зенитных радиосетей.

31.8 пленным 12 тд и документами 20 мд было установлено, что танковые части, действующие из района Чудово на Любань, принадлежат 39 тк, переброшенному из-под Смоленска.

1 и 6.9 агентура сообщила о сосредоточении частей противника в районе Волосово.

Авиаразведкой 5-9.9.1941 года отмечалось выдвижение войск и техники с запада в направлении Кипень Красногвардейск и с юго-востока в направлении Красный Бор, всего за этот период было отмечено выдвижение к линии фронта свыше 800 автомашин с пехотой, несколько больших и малых колонн пехоты и артиллерии.

Войсковой разведкой была полностью вскрыта группировка противника на линии фронта /см. разведсводку штаба фронта № 08 от 3.9.1941 г./

Поступившие данные о противнике, незначительная часть которых изложена выше, позволили РО штаба фронта 7.9.1941 г. сделать следующий вывод:

«Противник заканчивает сосредоточение своих главных сил к исходным рубежам для наступления на Ленинград. В ближайшие дни возможен переход противника в общее наступление».

/Разведсводка штаба фронта № 13 от 8.9.1941 г./.

9.9.1941 г. войска ГА перешли в общее наступление, нанося главный удар в направлении Красное Село, и к 17.9 вышли на рубеж Пушкин – Урицк, отрезав с суши нашу Ораниенбаумскую группировку /8 армия/.

С выходом противника к непосредственным подступам к Ленинграду перед оперативной разведкой была поставлена задача вскрыть оперативные замыслы в подготовке к штурму Ленинграда, определить состав его группировки на каждом из оперативных направлений и установить, не производит ли противник переброски из глубины свежих частей и техники для штурма Ленинграда, вскрыть авиационную группировку противника.

В ходе выполнения той задачи оперативная разведка устанавливает противоположное поставленным задачам, а именно, что противник временно отказался от штурма Ленинграда и перебрасывает часть 4 танковой армии из-под Ленинграда под Москву /на Калининский фронт/.

С 24.9.1941 г., т.е. когда противник еще вел активные наступательные действия, в РО штаба фронта стали поступать сведения о движении войск противника от линии фронта в глубину; 26.9.1941 г. одна из агентурных групп сообщила:

«По Ленинградскому шоссе на Псков в течение четырех суток идут мотомехчасти, танки и орудия противника».

26.9 подобное сообщение поступало еще от одной группы, которая на вторичный запрос 28.9.1941 г. ответила:

«Подтверждаем движение мотомехчастей и артиллерии на Псков».

25.9 третья группа сообщила:

«От Луги на Дно производится переброска войск».

Четвертая группа сообщила, что 27.9, в Вырице отмечалось скопление войск. 26.9 радиоразведкой было отмечено перемещение штаба АК из Красногвардейска в Сиверскую.

Пленный 58 пд, захваченный 27.9, показал, что он слышал об убытии 1 тд в направлении Пскова.

На основе этих данных 28.9.1941 г. для РУ ГШ КА и командования фронтом было составлено специальное разведдонесение, в котором были сделаны следующие выводы:

«Противник производит оперативную перегруппировку своих частей, перебрасывая часть сил на Северо-Западный или Западный фронт. Вероятно, перебрасывается 4 танковая армия в составе 1, 6 тд, 3 и 36 мд».

Необходимо отметить, что в то время, когда все ждали штурма Ленинграда и готовились к отражению его, когда еще противник фактически не прекратил активных действий, для того, чтобы сделать такой вывод по данным, полученным в короткие сроки, нужно было пойти на риск и взять на себя слишком большую ответственность, так как если бы этот вывод оказался неверным, то разведывательные органы фронтового аппарата и отдельные исполнители рисковали очень многим. Все же офицеры, возглавлявшие РО штаба фронта, полагаясь на свою оперативную разведку, взяли

на себя эту ответственность и были правы. Между прочим, этот факт значительно поднял авторитет Разведотдела в глазах командования фронтом.

Таковы основные принципиальные задачи, поставленные командованием фронта перед оперативной разведкой по этапам операции.

Как выполнялись эти задачи и какие трудности возникли в ходе их выполнения, изложим ниже.

Особенности работы разведывательных органов фронта в связи с появлением нового, более важного операционного направления юго-западнее Ленинграда.

После прорыва войсками СГА нашей обороны в приграничной полосе войска Северо-Западного фронта начали главными силами отходить в направлении Старая Русса, и лишь 8 армия СЗФ отходила через Сев. Эстонию, в связи с чем при выходе войск 4 танковой армии на рубеж Псков, Остров /4.7.1941 г./ ворота на Ленинград через Лугу, Гатчину оказались почти открытыми. Создалась серьезная угроза выхода войск 4 танковой армии к Ленинграду и захвата его противником.

Командование и Военный Совет Ленинградского фронта уже с 26.6.1941 г. принимают ряд спешных мер по предотвращению этой угрозы: создание Лужской оперативной группы с включением в нее отрядов народного ополчения, милиции, военных училищ; переброска резервов с Карельского перешейка; новая мобилизация населения на производство оборонительных работ; объявления об угрожаемом положении Ленинграда и т.д. и т.п.

На РО штаба Ленинградского фронта командованием фронта в этих условиях была возложена боевая задача – из личного состава студентов некоторых ВУЗов Ленинграда сформировать возможно больше партизанских отрядов и диверсионных групп, которые,

действуя на основных коммуникациях противника, путем взрыва мостов, устройства завалов, минирования дорожных дефиле и т.п. должны были замедлить темп наступления противника, с тем чтобы полностью обеспечить занятие Лужского рубежа нашими частями.

26-27.6 из студентов института им. Лесгафта было сформировано 12 партизанских групп по 20-30 человек каждая, и 28.6 эти группы на автомашинах были отправлены в район Пскова. После отправки этих первых групп офицеры РО приступили к кратковременной подготовке /5-10 дней/ новых групп и отправке их тыл противника. Всего за период с 26.6 по 1.9.1941 г. РО штаба Ленинградского фронта подготовил и отправил в тыл противника 78 партизанских групп и отрядов, общей численностью до 3800 человек.

Нужно сказать, что эти группы, сколоченные из патриотов нашей Родины, в большинстве из коммунистов и комсомольцев, со своими задачами справились хорошо, задержав совместно с другими частями на несколько дней подход войск СГА к Лужскому оборонительному рубежу, что для войск Ленинградского фронта в тот период имело исключительно важное значение.

Эти же группы впоследствии послужили костяком агентурной сети в Ленинградской области.

Партизанские группы, кроме своих основных задач, обычно получали задание на ведение разведки противника и, как правило, обеспечивались радиоаппаратурой.

К числу серьезных недостатков в этой деятельности РО штаба фронта следует отнести использование групп не по прямому назначению. Так, 250 подготовленных парашютистов, имеющих от 15 до 50 прыжков каждый, по приказанию бывшего Начальника штаба фронта генерал-майора Никишеева были использованы в качестве обычных бойцов в стрелковых частях, где в

первые же дни боев понесли исключительно большие потери и в дальнейшем в разведке остались только единицы.

Руководство партизанской деятельностью, подготовка и заброска в тыл противника партизанских групп отнимали у больших и малых работников РО штаба фронта много времени и отвлекали его от выполнения основных задач по организации и ведению оперативной разведки.

После настоятельных представлений в Военный Совет фронта в конце августа 1941 года был сформирован штаб партизанского движения, которому и были переданы функции руководства партизанским движением и личный состав партизанских отрядов, действовавших в тылу противника.

Партизанские группы и отряды периодически сообщали те или иные данные о противнике, но заменить агентурную разведку они не смогли – по данным партизанских групп очень часто было трудно сделать те или иные оперативные выводы.

Подготовленной агентуры для действия на том направлении РО штаба фронта не имел; имевшиеся небольшие резервы агентуры были почти израсходованы на Карельском перешейке, а обстановка требовала немедленной выброски агентурных групп в Прибалтику. В условиях РО штаба фронта, наряду с подготовкой партизанских отрядов, начал спешную подготовку агентурных групп и выброску их в тыл противника, что, конечно, давало более ценные данные, чем партизанские группы.

(...)

4. СПОСОБЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ОРГАНОВ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ

В период боев на дальних подступах к Ленинграду, когда это операционное направление не входило в

состав Ленинградского фронта, основные данные о противнике РО штаба фронта получал в порядке взаимной информации от РО штаба Северо-Западного фронта. В первые же дни боев, когда стало очевидным, что противник имеет цель выйти к Ленинграду и овладеть им, РО штаба фронта принял ряд мер по организации собственной оперативной разведки.

Таковыми мерами явились:

1. Выброска нескольких групп агентуры в Эстонию;
2. Выброска 12 партизанских групп на рубеж Псков, Остров;
3. Постановка задач 472 радиоразведывательному дивизиону о ведении разведки на том направлении;
4. Постановка задач авиаразведке о наблюдении за движением войск противника на рубеж Псков, Остров и Пярну, Тарту.

С выходом войск СГА на рубеж Псков – Остров оперативная разведка все свои основные усилия направляет на это направление:

а) спешно формируются два новых оперативных пункта и вливается оперативный пункт СЗФ, дислоцировавшийся в Эстонии;

б) агентурное отделение РО штаба фронта целиком переключается на то направление и в ускоренном порядке готовит для него агентуру.

Нужно сказать, что агентурная разведка фронта и оперативных пунктов, несмотря на отвлечение значительных сил и средств на подготовку партизанско-диверсионных отрядов, проделала в тот период исключительно большую работу, подготовив и выбросив в тыл за период оборонительных боев на дальних и ближних подступах к Ленинграду 158 агентурных групп общей численностью 602 человека /в это число не вошли данные оперативного пункта майора Чупруна/;

в) обязательная постановка задач на разведку партизанско-диверсионным группам;

г) переключение авиаразведки на это направление и привлечение для ведения разведки части боевой авиации;

д) постановка задач 472 радиоразведывательному дивизиону о переключении всей работы дивизиона на это направление;

е) постановка задач войсковой разведке о добыче данных, интересующих оперативную разведку;

ж) использование органов разведки НКВД, НКГБ, КБФ в интересах оперативной разведки фронта.

Необходимо указать, что, когда возникала острая необходимость в получении тех или иных оперативных данных о противнике с тем, чтобы своевременно выполнить задачи, поставленные командованием фронта, РО штаба фронта шел на крайнюю меру, выбрасывая для выполнения этих задач группы офицеров-разведчиков РО штаба фронта и РО штабов армий, придав им по несколько автоматчиков. Так было тогда, когда противник прорвал Лужский оборонительный рубеж и наши войска начали отход на новый оборонительный рубеж, не давая никаких данных о противнике; агентурная разведка резервы израсходовала, а другие виды оперативной разведки существенных данных не дали, в основных направлениях движения противника были выброшены группы капитана Плющева, капитана Федорова, капитана Скачкова, капитана Рева, лейтенанта Андропова и др. Нужно сказать, что в дальнейшем эти меры применялись редко.

Для получения оперативных данных о противнике очень часто производился опрос местных жителей, бежавших из районов, занятых немцами, в Ленинград.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Оперативная разведка РО штаба Ленинградского фронта в период боев на дальних и ближних подступах к

Ленинграду со своими задачами справилась полностью, несмотря на ряд трудностей, возникших вследствие незначительности резервов военной разведки мирного времени и подготовленности авиационной разведки.

Агентурой разведки удалось в короткий срок подготовить и забросить в тыл противника большую сеть агентуры, что обеспечивало командование фронта почти всеми необходимыми данными о группировке и характере действий противника в его оперативной глубине.

Кратковременная подготовка агентуры в вынужденных условиях вполне себя оправдала, но это привело к излишним жертвам и провалам, которых можно было бы избежать, имея резерв агентуры мирного времени.

Ценность агентурных данных заключалась прежде всего в том, что они немедленно, при помощи радио, доводились до РО штаба фронта, а затем и до командования фронта, что позволяло по этим данным принимать те или иные оперативные решения.

Авиационная разведка в этот период являлась вспомогательным, но важным видом разведки, добыв ряд ценных данных о противнике. Неумение летного состава ориентироваться в наземной обстановке снижало значение данных этого источника и затрудняло их использование для тех или иных оперативных выводов о противнике.

Радиоразведка, работая в тот период «на колесах», сумела добыть ряд ценных данных, подтверждающих данные других источников.

Если бы личный состав радиоразведдивизиона к тому времени знал технику работы радиосетей германской армии, а офицерский состав был лучше подготовлен в оперативном отношении, то радиоразведка могла бы добыть значительно больше

данных, так как в тот период немцы очень часто пренебрегали правилами радиомаскировки.

Войсковая разведка захватом пленных и документов вскрывала группировку противника на линии фронта, но данных, интересующих оперативную разведку в этот период боев войск фронта, добывала мало.

5. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВОЙСК ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПОЛНОЙ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА /16.9.1941-15.1.1942 г./.

(...)

Условия работы оперативной разведки на этом этапе оборонительных операций

Агентурная разведка. Постановлением Военного Совета фронта агентурный аппарат РО штаба был утвержден в составе двух агентурных отделений и шести оперативных пунктов.

Директивой Начальника РУ Генштаба Красной армии осенью 1941 года при РО штабов армий были сформированы агентурные отделения в составе трех оперативных работников каждое. Той же директивой обязывалось организовать и вести агентурную разведку всем войсковым штабам, включая штабам дивизий.

Таким образом, агентурная разведка в своих организационных формах в тот период получила широкий размах.

При развертывании агентурной сети РО штаба фронта столкнулся с серьезными трудностями в вопросах подбора офицерских кадров, включая начальников оперативных пунктов. В результате отсутствия необходимых подготовленных кадров и спешки при формировании агентурной сети в ряде случаев оперативные пункты были укомплектованы неподготовленными офицерами и вообще непригодными для агентурной работы, что впоследствии отразилось на качестве оперативной разведки.

Кадры мирного времени, не имевшие опыта ведения агентурной разведки в условиях войны и не знавшие агентурной обстановки в условиях работы против немцев, в результате чего в период боев на дальних и ближних подступах к Ленинграду также допустили в своей работе ряд ошибок, но уже к концу 1941 года основной состав этих кадров работал четко.

Ведение агентурной разведки офицерами-разведчиками штабов корпусов и штабов дивизий в условиях нашего фронта положительных результатов не дало, что объясняется не непригодностью той формы ведения агентурной разведки вообще, а неподготовленностью кадров войсковой разведки к ведению оперативной разведки /кадры войсковой разведки в основе состояли из офицеров запаса и не были подготовлены даже по вопросам войсковой разведки/.

Агентурной разведке фронта в целом к этому периоду боев удалось подготовить и забросить в тыл противника значительное количество агентуры /178 групп общей численностью 1390 человек/.

Эта массовость в заброске агентуры и обеспечение ее радиоаппаратурой позволило РО штаба фронта постоянно иметь данные, несмотря на ряд провалов, вызванных вышеизложенными причинами.

(...)

Цели и задачи оперативной разведки и ход их выполнения

После сделанных больших выводов о временном отказе противника от штурма Ленинграда перед оперативной разведкой были поставлены следующие задачи:

1. Продолжать проверку данных, на основе которых сделан вывод о временном отказе противника от штурма Ленинграда.

2. Установить, не ведет ли противник подготовки к проведению частной операции на том или ином участке фронта с тем, чтобы в будущем обеспечить за собой более благоприятные условия для штурма Ленинграда.

3. Следить за переброской живой силы и техники из глубины и за перегруппировкой частей противника перед фронтом в целом.

(...)

Следя за перебросками частей противника в глубине, оперативная разведка устанавливает переброски из глубины частей 212, 223, 227 пд (212, 223 и 227-я пехотные дивизии. – *Прим. авт.*) и 7 адд (7-я авиадесантная дивизия. – *Прим. авт.*). Порядок вскрытия переброски 7 адд и появление ее на линии фронта заслуживает быть отмеченным:

Агентурная группа из района Пскова сообщила:

«28-29.9.1941 г. с аэродрома Псков на аэродром Любань отправлено до 200 транспортных самолетов».

Другая группа из района Тосно сообщила:

«28-29.9.1941 г. в Тосно отмечено прибытие свежей части, солдаты которой носят форму, сходную с лыжным костюмом».

Третья агентурная группа сообщила:

«К исходу 29.9.1941 г. в Муя /район Мга/ отмечалось до 1000 солдат, одетых в черные костюмы, которые по виду напоминают лыжные костюмы».

На основании этих данных можно было сделать вывод о том, что 28-29.9.1941 г. из глубины на самолетах через Псков – Любань переброшена какая-то авиадесантная часть /по форме одежды и способу переброски/.

1.10.1941 г. пленный 284 пп 96 пд (284-го пехотного полка 96-й пехотной дивизии. – *Прим. авт.*) показал, что он слышал разговоры солдат о переброске из глубины на самолетах до 6000 человек, которые будут использованы для усиления наземных частей.

3.10.1941 г. на р. Нева в районе Отрадное был захвачен пленный 2 штурмового полка авиадесантной дивизии /номера дивизии не показал/, который показал, что их дивизия участвовала в операциях на острове Крит. На советско-германский фронт дивизия переброшена из Кенигсберга через Псков, Любань.

На запрос в РУ Генштаба Красной Армии о том, какая авиадесантная дивизия участвовала в операциях на острове Крит, был получен ответ – 7 адд (7-я авиадесантная дивизия. – *Прим. авт.*), чем устанавливался номер переброшенной дивизии.

5.10.1941 г. в районе пос. 1-Эстонский были изъяты документы убитого солдата 3 парашютного полка.

15.10.1941 г. в районе Синявино были изъяты документы у убитого солдата 1 парашютно-истребительного полка.

24.10.1941 г. агентура отметила, что в Шлиссельбурге находится 600-1000 солдат авиадесантных частей.

26.10.1941 г. в районе РП №7 был захвачен пленный 1 парашютно-истребительного полка, который показал, что все части 7 адд действуют на Невско-Мгинском участке, и указал расположение частей дивизии.

Этим пленным был завершён процесс по вскрытию нумерации вновь переброшенной дивизии из глубины, точно установлен состав и расположение ее частей и был сделан вывод, что дивизия не предназначена для использования ее по прямому назначению, а в качестве обычной пехотной дивизии, что в тех условиях для Ленинградского фронта имело особо важное значение – вновь был сделан вывод о том, что наступать на Ленинград противник в ближайшее время не намерен, иначе он не стал бы расходовать 7 адд в качестве пехотного соединения.

Вскрывая оперативную группировку и переброски в глубине противника, агентурная разведка методом

наблюдения устанавливает, что противник начинает производить сосредоточение своих частей перед Волховским фронтом в районе Чудово, чем была оказана большая помощь штабу Волховского фронта, агентурная сеть которого была в то время очень слабая.

11.10.1941 г. агентура донесла, что 9.10 от Новгорода на Чудово на автомашинах происходили переброски пехоты, а 13-14.10 от Любани на Чудово прошло до 90-100 танков и полк артиллерии.

15.10.1941 г. источник донес, что в направлении Чудово за период с 1 по 13.10 переброшено до трех дивизий.

16.10.1941 г. поступило донесение о движении войск от Шапки на Любань – до 35 автомашин с пехотой – и что 10-12.10 1941 г. в Любани отмечалось скопление войск и движение войск через Любань на Чудово.

15.10.1941 г. в Чудово было отмечено до 2000 солдат с переправочным имуществом.

25.9.1941 г. на р. Тигода, район Кушно, наблюдалось большое количество переправочного имущества.

Характерно, что эти и ряд других подобных данных поступали из различных источников.

(...)

На основании этих данных РО штаба фронта 19.10.1941 г. делает вывод:

«Противник производит перегруппировку своих подвижных частей в район Чудово. Очевидно, что перебрасываются части 39 тк (39-го танкового корпуса. – *Прим. авт.*)». /Разведсводка штаба фронта № 55 к 6.00 20.10.41 г/.

Таким образом, оперативная разведка, работая в интересах своего фронта, вскрыла перегруппировку частей противника на другой фронт, чем толкала к выводам о готовящемся здесь ударе в направлениях Волхов, Тихвин.

С началом наступления противника на Волхов и Тихвин и в особенности тогда, когда Волховское направление отошло к Ленинградскому фронту /11.11.1941 г./, оперативная разведка направляет свои основные усилия на вскрытие состава наступающей группировки и в особенности на подброску свежих частей для усиления действующей группировки.

В ходе выполнения этой задачи оперативная разведка устанавливает переброску частей на Волховское и Мгинское направления:

20. 26.10.1941 г. агентура отмечает переброски пехоты на 95 автомашинах от Шапки на Любань и скопление пехоты в районе Любань.

21. 27.10.1941 г. в Померанье и юго-западнее Киришей агентурой наблюдалось скопление пехоты и большое количество подвезенных боеприпасов.

22. 1.11.1941 г. в Любани было выявлено расположение частей «СС», принадлежащих дивизии «СС» «Мертвая голова».

23. 6.11.1941 г. агентура наблюдает переброски пехоты в крытых машинах от Тосно на Мга. Как было позже установлено, в этот период происходили переброски частей 223 пд (223-й пехотной дивизии. – *Прим. авт.*), прибывшей из Франции.

24. 13.11.1941 г. агентура отметила движение от Мга на Любань до полка пехоты с дивизионом артиллерии, а 17.11 другая группа с Волховского участка сообщила о выдвижении до полка пехоты с дивизионом артиллерии к линии фронта, что было связано с перебросками остатков 254 пд /454 пп/ (254-я пехотная дивизия (454-й пехотный полк. – *Прим. авт.*).

(...)

Как положительный пример действий войсковой разведки в этот период – это захват 3.11.1941 г. в районе Оломна штабной машины, у убитых офицеров которой была изъята карта с положением войск 18 и 16

армии с указанием границ каждой из дивизий, мест расположения штабов корпусов. Характерно, что эта карта группировки почти полностью совпала с картой группировки противника, составленной РО штаба фронта.

Этот метод добычи данных в дальнейшем получил относительно широкое распространение в работе агентурной разведки и обычно давал положительные результаты, о чем будет сказано ниже.

После перехода в наступление наших частей на этих направлениях оперативной разведке удалось очень быстро вскрыть оперативное решение противника на отход на исходные позиции. Еще 23.11.1941 г. радиоразведка перехватила несколько почти открытых радиogramм штаба 1 ак (1-й армейский корпус. – *Прим. авт.*) одной из подчиненных ему дивизий:

«Подтянуть автотранспорт к штабу для подхода. Приказ о выступлении последует позднее. Выдвижение частей из Костово к линии фронта не производить, разведку и истребительные команды не высылать».

Вторая радиogramма:

«Быть готовым к выступлению на Бараки /т.е. на исходное положение/. Другой связи нет».

При проверке этих данных авиационной разведкой, агентурой и войсковой разведкой было установлено, что противник отвел на исходное положение дивизию «СС» «Мертвая голова» и 2 мотобригаду «СС».

Начало общего отхода частей противника /9.12.1941 г./ было полностью вскрыто авиационной разведкой и агентурой, так, 9–11.12.1941 г. авиационная разведка по дорогам от Тихвина в юго-западном направлении наблюдала сплошное движение колонн пехоты, артиллерии и автотранспорта.

12.12.1941 г. агентура донесла, что 9.12.1941 г. через Оломна на Погостье наблюдалось движение 15 танков, 15 орудий и до батальона пехоты на

автомашинах. Подобные данные от авиаразведки и агентуры поступали систематически, что позволяло сделать выводы об общем отходе частей противника.

15.12.1941 г. от агентурной группы было получено сообщение о сосредоточении частей противника на участке Кириши, Погостье и производстве на этом участке по р. Волхов оборонительных работ, что позволило сделать вывод о намерениях противника остановить наступление наших частей на том рубеже / разведсводка № 115 штаба фронта к 4.00 19.12.1941 г./, что противнику и удалось осуществить на 1.1.1942 г. Наши войска после попыток прорвать этот рубеж с хода наступление прекратили.

После разгрома Тихвинской и Волховской группировок противника перед оперативной разведкой была поставлена задача – вскрыть оборонительные рубежи противника в оперативной глубине.

С того периода оперативная разведка систематически следит за ходом оборонительных работ противника в глубине, а информационная служба отдела собирает все данные по этому вопросу, готовя необходимые материалы, которые могут быть использованы с переходом наших войск в наступление. Этот факт характеризует, как далеко вперед заглядывала оперативная разведка в конце 1941 – начале 1942 г.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В период оборонительных боев на Волховском и Тихвинском направлениях оперативная разведка полностью выполнила поставленные перед ней задачи.

Большая глубина оперативной разведки и разветвленная сеть агентуры позволили вскрыть подготовку противника к наступлению перед соседним фронтом, что имело существенное значение и для войск Ленинградского фронта.

Основой оперативной разведки в этот период продолжала оставаться агентурная разведка, но наряду с этим уже в этот период оперативной разведке существенную помощь оказала войсковая разведка, добыв ряд исключительно ценных данных об оборонительных замыслах противника и полностью вскрыв его группировку на линии фронта.

6. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВОЙСК ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА В ПЕРИОД ПОЛНОЙ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА И ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЮЖНЕЕ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА /15.1.1942-1.2.1943 гг./

(...)

УСЛОВИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ В ЭТОТ ПЕРИОД

Агентурная разведка. Широкому развитию агентурной сети в тылу противника благоприятствовали следующие факторы: развернутая сеть оперативных пунктов /по одному на армию/ и агентурные отделения РО штабов армий; более полное обеспечение агентуры радиоаппаратурой и другими материалами; наличие значительного количества патриотов Родины, желающих пойти работать в агентуру; более основательная, плановая подготовка каждого агента в отдельности.

Положительным фактором этого времени является то, что в этот период агентура стала полностью управляемой, что позволяло нацеливать ее на выполнение наиболее важных задач, вытекаемых из оперативной обстановки войск фронта.

Наряду с этим в работе агентуры того периода имелся целый ряд существенных недостатков:

1. В Ленинграде почти отсутствовали лица, говорящие на финском и эстонских языках, что затрудняло подбор агентуры для выброски в Финляндию и Эстонию и вынуждало искать говорящих на этих языках людей в глубине страны.

2. Тяжелое экономическое состояние города в условиях недостатка продовольствия, отсутствие света, воды, топлива затрудняло подготовку агентуры на конспиративных квартирах и привело к ряду неприятных фактов.

3. Отсутствие экипировки для засылки агентуры в Финляндию и Эстонию.

4. В связи со стабилизацией фронта переправа агентуры через линию фронта была сопряжена с рядом трудностей, а использование авиации для переброски агентуры не всегда было возможно.

Несмотря на эти затруднения, агентурному аппарату РО штаба фронта удалось подготовить и забросить в тыл противника за период с 1.1.1942 по 1.12.1942 г. до 300 агентурных групп общей численностью до 650 человек, от которых за тот период было получено до 1800 донесений, подавляющее большинство которых представляло ту или иную оперативную ценность.

В декабре 1942 года агентурный аппарат РО штаба фронта был расформирован, в результате чего в первой половине 1943 года удельный вес агентурной разведки во всей системе оперативной разведки был значительно снижен. Только благодаря тому, что в 1942 году в тылу противника была создана широкая агентурная сеть, агентурная разведка сумела дать ряд ценных и крайне важных данных о противнике.

(...)

Укажем кратко на основные характерные черты в планировании всех видов разведки, осуществляемом РО штаба фронта:

Разведывательный отдел штаба фронта план разведки в условиях стабильного фронта обычно составлял сроком на 15 дней, а в период активных наступательных действий – на всю операцию в целом, с расчленением его по этапам операции.

Основное содержание плана разведки определялось оперативным содержанием фронтовой операции.

В план разведки штаба фронта, обычно как фронтового, так и не фронтового подчинения, как то: войсковая, агентурная, авиационная разведка, радиоразведка, артиллерийская, инженерная, танковая разведка, разведка партизан, штаба КБФ, органов НКГБ и НКВД /последним на основе плана разведки посылались заявки по добыче интересующих штаб фронта данных/.

На основе плана разведки штаба фронта каждый из органов разведки составлял свой детальный план, копия которого обычно высылалась в РО штаба фронта.

Таким образом, в наших условиях Разведотдел штаба фронта являлся единственным органом, планирующим все виды разведки в общих интересах фронта.

Контроль за выполнением этого плана осуществляли зам. Начальника отдела и офицеры отделения войсковой разведки.

План разведки подписывался начальником штаба и начальником РО штаба фронта и утверждался Военным Советом фронта.

Планы разведки штабов армий утверждались Военным Советом армий и высылались в Военный Совет фронта с одновременной высылкой краткого отчета о выполнении предыдущего плана разведки, что повысило ответственность командования армий за организацию и планирование разведки в войсках армий.

Планом разведки штаба фронта в деталях планировались задачи войсковой разведки с указанием задач, сроков, участков действий того или иного разведоргана. Разведка боем обычно планировалась РО штаба фронта. Говоря иными словами, РО штаба фронта был органом, планирующим и организующим не только оперативную, но и тактическую разведку.

Таковы характерные черты планирования разведки, осуществляемого РО штаба Ленинградского фронта с этого периода боев войск фронта.

ЗАДАЧИ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ И ХОД ИХ ВЫПОЛНЕНИЯ В ЭТОТ ПЕРИОД

В период боев 54 армии Ленинградского фронта и войск Волховского фронта перед оперативной разведкой фронта была поставлена задача – следить за перебросками частей противника из глубины и возможными перегруппировками войск СГА, вскрыть группировку и намерения противника на участках активных действий, установить – не ведет ли противник работ по подготовке оборонительных рубежей в глубине.

В ходе выполнения этих задач оперативная разведка устанавливает, что противник достаточных оперативных резервов не имеет и на участке активных действий снимает части с пассивных участков Ленинградского и Волховского фронтов, оголяя последние, оставив на них специальные или тыловые части.

(...)

К июню 1942 года после завершения операции на Волховском фронте и Любаньском направлении Ленинградского фронта оперативной разведке была поставлена задача – вскрыть дальнейшие замыслы противника и установить, на какие направления или в какой район сосредотачивается каждая из дивизий, участвовавшая в оборонительных операциях на Волховском фронте и Любаньском направлении Ленинградского фронта.

В ходе выполнения этих задач от агентуры, авиаразведки и радиаразведки с середины июня 1942 года начинают поступать данные о передислокации частей с Волховского фронта и Любаньского

направления Ленинградского фронта на южный сектор Ленинградского фронта.

(...)

30.7.1942 г. источник из района Любани сообщил, что он от немецкого унтер-офицера узнал о подготовке немцев к штурму Ленинграда в ближайшее время, о чем имеется соответствующий приказ.

Получив эти данные, РО штаба фронта ставит задачи всем видам разведки по проверке их в кратчайший срок.

Агентурная разведка немедленно выбрасывает в район Луги, Пскова несколько новых агентурных групп и ставит дополнительные задачи действующей агентуре.

(...)

Некоторые особенности работы оперативной разведки в период подготовки и проведения операции по прорыву блокады Ленинграда

Подготовка и проведение наступательной операции войск Ленинградского фронта по прорыву блокады Ленинграда имела следующие особенности:

1. Оборона противника опиралась на мощный водный рубеж р. Нева, успешное преодоление которого и прорыв переднего края обороны в известной степени предопределяли успех всей операции.

2. Войска Ленинградского и Волховского фронтов разделяла узкая полоса шириною 12-16 км. И при планировании операции командование фронта в первую очередь интересовалось тактическими, а затем уже и оперативными резервами.

В этих условиях основные усилия всех видов разведки были направлены на вскрытие тактической глубины противника и его обороны.

Агентурная разведка проникает в тактическую зону противника – в тылы дивизии и даже к переднему краю его обороны /в районе Шлиссельбурга/.

(...)

Авиационная разведка трижды фотографирует рубеж обороны по р. Нева.

Радиоразведка усиливает наблюдение за радиостанциями полкового и даже батальонного типа, работая на коротких волнах и впервые используя аппараты УКВ.

Войсковая разведка организует широкую сеть офицерских НП с включением в нее офицеров РО штаба фронта, РО штаба армий и РО штаба артиллерией, точно определяя на переднем крае каждую огневую точку. На широком фронте систематически ведется разведка по захвату пленных и документов.

В результате принятых мер РО штаба фронта к началу наступления войск фронта группировка противника на линии фронта и в тактической глубине была известна до батальона и даже до роты, и была полностью вскрыта система его обороны до каждой отдельной огневой точки включительно.

Перед началом наступления РО штаба фронта подготовил и издал карты крупных масштабов по обороне и группировке противника, которые были доведены до командиров рот включительно, что в известной степени обеспечило начальный успех операции.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наступательные бои войск Ленинградского фронта в начале 1943 года, а также вскрытие замыслов противника по подготовке к штурму Ленинграда осенью 1942 года показали, что агентурная разведка продолжала оставаться основным видом оперативной разведки по вскрытию перебросок войск противника из глубины и оперативных перебросок внутри фронта, а войсковая разведка – основным видом разведки по установлению нумерации частей на линии фронта.

(...)

Агентурная разведка может оказать существенную помощь войсковой разведке, проникая в тактическую глубину обороны противника, как то было в период прорыва блокады Ленинграда.

(...)

7. ОПЕРАЦИИ ВОЙСК ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА В РАЙОНЕ КРАСНЫЙ БОР И ПОД СИНЯВИНО /ФЕВРАЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1943 г./

(...)

Цели и задачи оперативной разведки этого периода и ход их выполнения

В период подготовки и проведения Красноборской и Синявинской операций перед оперативной и тактической разведкой стояли задачи – уточнить группировку противника на линии фронта, вскрыть состав и районы сосредоточения его оперативных резервов, следить за возможными перебросками частей с пассивных участков фронта и из глубины.

Эти задачи выполнялись следующим образом:

Красноборская операция.

(...)

Переброски 254 и 58 пд (254-я и 58-я пехотные дивизии. – *Прим. авт.*) из района Старая Русса, Новгорода были отмечены агентурой 16-17.3 и 23-24.3.1942 года, наблюдавшей выдвижение на Красногвардейск 13 и 27 ж.д. эшелонов с войсками и техникой и затем подтверждены пленными и документами на линии фронта.

Синявинская операция: к началу операции войсковой разведкой была полностью вскрыта группировка противника на линии фронта /11, 23, 290 пд/ (11, 23 и 290-я пехотные дивизии. – *Прим. авт.*).

Укажем на некоторую особенность по вскрытию оперативных резервов противника перед началом этой операции. РО штаба фронта, детально изучив

группировку противника на линии фронта и перед фронтом соседа слева, считал в оперативном резерве 18 армии 21, 28, 121, 225 пд (21, 28, 121 и 225-я пехотные дивизии. – *Прим. авт.*), так как после их снятия с линии фронта агентура твердо утверждала, что перебросок войск в глубину не производилось. С началом операции, когда авиационная и агентурная разведка наблюдали выдвижение войск к линии фронта, РО штаба фронта уверенно заявлял и излагал в соответствующих документах о перебросках указанных дивизий, что в основе подтвердилось пленными и документами / разведсводкой № 205 к 4.00 24.7.1943 г., № 206 к 4.00 25.7.1943 г., № 207 к 4.00 26.7.1943 года/.

Следовательно, точное знание противника на линии фронта и четкий контроль за перебросками в глубине дают возможность не только определить оперативную резервную группировку в глубине, но и нумерацию ее частей даже тогда, когда прямых данных о той нумерации нет, и делать обоснованные предположения о нумерации дивизий, вводимых в бой из оперативных резервов.

Проследим порядок вскрытия перебросок с Сев. -Зап. фронта на Синявинский участок нашего фронта частей 126 пд (126-я пехотная дивизия. – *Прим. авт.*).

Агентурная группа из района Пскова в ряде донесений сообщила, что за период с 1 по 9.8.43 г. от Пскова на Лугу происходили переброски войск /до 180 ж.-д. эшелонов, в составе которых наблюдалось до 250 вагонов с войсками, 47 платформ с орудиями и т.д. Эти данные дали основание сделать вывод, что из глубины перебрасывается свежая дивизия.

Другой источник из района Тосно рядом донесений сообщил, что за период с 31.7 по 9.8.43 г. от Тосно на Синявинский участок прошло 90 автомашин с пехотой, 43 орудия и в составе ж.-д. эшелонов – 98 вагонов с

солдатами; кроме того, в районе Тосно 31.7 наблюдалась разгрузка войск из ж.-д. эшелона.

Это дало основание считать, что перебрасываются части из глубины и сосредотачиваются на Синявинском направлении.

10.8.1943 г. пленный 220 пп 58 пд (220-й пехотный полк 58-й пехотной дивизии) показал, что в районе р. Мойка, р. Мга сосредоточены части 126 пд (126-я пехотная дивизия. – *Прим. авт.*), прибывшей с другого фронта, что слышал от многих солдат.

12.8.1943 г. пленный 23 пп 11 пд (23-го пехотного полка 11-й пехотной дивизии. – *Прим. авт.*) показал, что 11 пд (11-я пехотная дивизия. – *Прим. авт.*) будет сменена 126 пд (126-я пехотная дивизия. – *Прим. авт.*), офицеров которой он видел на их участке обороны.

Это дало полное основание делать вывод о переброске с СЗФ (Северо-Западного фронта. – *Прим. авт.*) 126 пд (126-я пехотная дивизия. – *Прим. авт.*), что 13.8.43 г. было подтверждено несколькими пленными.

Таковы характерные штрихи по вскрытию оперативной группировки и замыслов противника в период Красноборской и Синявинской операций войск Ленинградского фронта.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ ЭТОГО ПЕРИОДА

Агентурная разведка фронта в первой половине 1943 года, ввиду почти полного отсутствия агентурного аппарата, не могла обеспечить командование фронта необходимыми данными по оперативной глубине противника. Это толкнуло руководство РО штаба фронта принять ряд мер с тем, чтобы выполнить задачи, стоящие перед оперативной разведкой, несмотря на возникшие трудности.

Из войсковых разведчиков отбираются добровольцы, желающие пойти на разведку в тыл противника, которые после кратковременной подготовки на

самолетах или через линию фронта забрасывались в тыл противника, добывали там наблюдением и нападением на одиночных солдат и офицеров необходимые данные о противнике и возвращались обратно через линию фронта. В период Красноборской операции в тыл было выброшено шесть таких групп общей численностью 30 человек, которые дали положительные результаты, добыв исключительные ценные данные о характере обороны и группировке противника, а одна из групп захватила и привела через линию фронта 6 пленных /из состава этих групп командованием фронта 22 человека было награждено орденами «Красное Знамя» и 6 человек орденами «Красная Звезда»/.

В дальнейшем этот метод ведения разведки глубины противника в войсках Ленинградского фронта получил широкое распространение и, как правило, давал положительные результаты, в особенности тогда, когда подготовка этих групп была возложена на аппарат агентурной разведки.

(...)

В этот период стали еще шире использовать пленных для вскрытия оперативной глубины противника, «выжимая» из каждого пленного все, что он может дать по этому вопросу.

Для получения более полных и ценных данных от партизан для партизанских отрядов было подготовлено и направлено в тыл противника 25 офицеров-разведчиков, что вскоре же сказалось на ведении разведки партизанскими отрядами.

Был принят ряд мер по более полному и точному учету всех поступивших данных по глубине противника в информационном отделении РО штаба фронта.

Сумма этих мероприятий и агентурная сеть, созданная в 1942 г., обеспечили полное выполнение задач, стоявших перед оперативной разведкой, несмотря на возникшие тогда серьезные трудности.

В дальнейшем, когда эти мероприятия стали системой в работе РО штаба фронта и нижестоящих штабов, при резком улучшении работы агентурной разведки, оперативная разведка фронта достигла большой высоты, почти полностью обеспечивая командование фронта всеми интересующими его оперативными данными о противнике.

С 18.5.1943 г. вновь был создан агентурный аппарат РО штаба фронта, который в короткий срок сумел развернуть в глубине противника до линии Нарвы – Пскова – Острова широкую агентурную сеть. За период с 1.6.1943 г. по 1.1.1944 г. в тыл противника было заброшено 43 агентурных группы общей численностью 153 человека и организовано ряд резидентур из местного населения.

Эта агентурная сеть контролировала основные населенные пункты Ленинградской области и перехватывала в нескольких участках все коммуникации, ведущие из глубины к линии Ленинградского и Волховского фронтов, ведя круглосуточное наблюдение за ними, не пропуская ни одного эшелона, ни одной колонны войск или техники, идущих к линии или от линии фронта.

За этот период от агентуры было получено до 1800 донесений, что в среднем составляет 10 донесений в день. Большинство донесений /75-80%/ касалось вопросов перебросок и сосредоточений войск и техники противника в его оперативной глубине.

Это позволяло РО штаба фронта ежедневно быть в курсе всех перебросок, происходящих в глубине противника, и на основе этого делать правильные и своевременные оперативные выводы.

С этого периода методы работы агентуры по добыче данных о противнике получили свое наибольшее развитие. Укажем на наиболее характерные приемы, применяемые агентурой в тот период:

Метод наблюдения. Агентурная группа в составе 4–8 человек, выброшенная в тот или иной район, выбирала наиболее удобные места для наблюдения за тем или иным участком дороги и, поочередно дежуря на этом своеобразном НП, круглосуточно вела подсчет всех происходивших передвижений по контролируемой магистрали.

Метод просмотра основных магистралей и населенных пунктов путем скрытого наблюдения от объекта к объекту /маршрутники/.

Тот метод наблюдения на месте и просмотра отдельных объектов подвижными группами являлся основным методом по вскрытию перебросок и сосредоточения войск противника в его оперативной глубине.

Осмотр тактических знаков на автомашинах, нумерации на погонах солдат или других опознавательных знаков, чем устанавливалась нумерация частей или род войск, например, 5 гсд, 227 пд и др.

Опрос местных жителей, встреченных в одиночку, обычно сообщавших данные о движении, сосредоточении или отсутствии войск в том или ином районе и в особенности о производстве оборонительных работ.

Этот метод агентурой использовался очень широко и обычно давал положительные результаты. Иногда этим методом даже устанавливалась нумерация частей; так были вскрыты переброски в конце июля 1943 года из района Шапки на Синявинский участок 121 пд.

Захват и опрос бывших военнослужащих Красной армии, привлеченных противником в тыловые подразделения и части, что очень часто давало возможность установить нумерацию частей в глубине противника. Одна из агентурных групп в октябре 1943 года захватила 30 человек лиц этой категории, часть

которых была выведена на нашу сторону, а одной из групп допросом этих лиц удалось установить точное месторасположение штаба 18 армии и расположение в районе Струги Красные частей 388 упд.

Нападение на одиночных солдат и офицеров с целью уничтожения их и изъятия личных документов, что очень часто давало возможность точно установить нумерацию частей противника в том или ином районе. Так было установлено расположение частей 28 лпд, 212 пд и др.

Незнание языка противника и трудность доставки захваченных документов через линию фронта толкнуло РО штаба фронта включать в агентурные группы лиц, владеющих языком противника, что дало положительные результаты.

Захват и допрос пленных солдат и офицеров в тылу противника, что давало возможность не только установить нумерацию частей, но и получать ряд других важных данных о противнике. Этим методом были захвачены солдаты 5 гсд, 12 тд и др. /позже на Карельском перешейке – 2, 10, 18 пд и в Эстонии – 20 эпд, 300 пд/.

Подслушивание переводчиками агентурных групп разговоров солдат и офицеров, что дало возможность установить вывод в резерв в район Волосово 250 пд испанцев.

Создание резидентур из местного населения. В 1943 году к нашей работе было привлечено до 50 человек местных жителей, среди которых были – волостной старшина, деревенские старосты, работники так называемых волостных управлений и комендатур, служащие госпиталей, работники ж.-д. транспорта, уборщицы штабов и рабочие войсковых складов.

Эта категория лиц добывала очень много необходимых нам данных, но ввиду затруднений связи с ними иногда их данные теряли оперативную ценность.

Использование пленных и перебежчиков. Этот метод дал наиболее положительные результаты в 1944 году, когда политико-моральное состояние войск противника значительно снизилось.

Таковы основные приемы, применяемые агентурой Ленинградского фронта с этого периода боевых действий войск фронта.

(...)

8. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ ФРОНТА С ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКОЙ СОСЕДНИХ ФРОНТОВ, СО СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКОЙ И РАЗВЕДКОЙ ДРУГИХ ОРГАНОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКОЙ
РО штаба фронта в порядке подчиненности представлял в РУ Генштаба Красной армии все необходимые документы, прежде всего разведсводки и справки о группировке, замыслах и намерениях противника.

В свою очередь, РО штаба фронта получал из РУ ГШ КА разведывательные сводки, карты группировки и перегруппировки противника на всем советско-германском фронте, справочные материалы, которые в значительной степени помогали глубже изучать противника и ориентироваться в обстановке на всем советско-германском фронте, на основе чего более четко определялась обстановка и перед своим фронтом.

Карты и справки о группировке и перегруппировке противника и справочники по нумерации частей противника и др. материалы оказали существенную помощь РО штаба фронта в определении правдоподобности тех или иных данных, поступающих из войск о появлении свежих частей.

Очень часто РО штаба фронта не располагал и не мог располагать данными о вновь переброшенной с другого фронта дивизии и только помощь РУ позволяла

РО штаба фронта дать оценку или определить нумерацию вновь переброшенной дивизии, как это было с 7 адд, ТГД «Фельдхернхалле» и рядом других соединений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКОЙ ДРУГИХ ФРОНТОВ

Взаимодействие с РО штаба Карельского фронта осуществлялось путем обмена необходимой документацией и путем выездов на Карельский фронт работников агентурного аппарата для заброски агентуры.

Взаимодействие с РО штаба Волховского фронта, а затем 3 Прибалтийского осуществлялось в следующих формах:

1. Обмен разведывательной документацией – разведсводки, разведдонесения, справочные материалы.

2. Личные переговоры по аппарату больших и малых работников РО штаба фронта.

3. Выезды офицеров РО штаба Ленинградского фронта в РО штаба Волховского фронта с тем, чтобы изучить противника перед соседним фронтом и более полно информировать о ходе той или иной операции.

Один из выездов офицеров РО штаба Ленинградского фронта имел целью – изучить порядок отхода противника, произведенного на Киришском участке.

В РО штаба Ленинградского фронта один из офицеров-информаторов имел основной своей задачей – «изучать» противника перед соседними фронтами, чем предупреждать возможности переброски на наш фронт или с нашего фронта частей противника.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО ШТАБОМ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

РО штаба Ленинградского фронта оказал большую помощь Ленинградскому штабу партизанского движения путем:

1. Выделения двух офицеров для работы в штабе партизанского движения.

2. Подготовки офицеров-разведчиков для партизанских бригад и отрядов.

3. Оказания помощи в подготовке партизанско-диверсионных групп и их переброске в тыл противника.

В свою очередь, штаб партизанского движения оказывал весьма ценную помощь РО штаба фронта, обеспечивая его регулярными данными о противнике в оперативной глубине.

Необходимо указать, что с 1943 года штаб партизанского движения получал значительное количество данных о противнике, но эти данные очень часто не были привязаны ни к месту, ни ко времени, чем в известной степени терялась их ценность.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РАЗВЕДОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЙ НКВД И НКГБ ПО ЛЕНОБЛАСТИ

Это взаимодействие осуществлялось путем обмена необходимой документации и взаимной помощью в подготовке агентуры.

РО штаба фронта обычно направлял в эти органы подлинники или переводы трофейных материалов, интересующих эти органы, и получал от них материалы о противнике, добытые ими.

В РО штаба и командованию фронта обычно высылались так называемые спецдонесения, в которых излагались материалы, интересующие оперативную разведку фронта.

Необходимо указать, что известная оторванность этих органов от боевой обстановки и от штаба фронта приводила к тому, что материалы о противнике имели несколько отвлеченный характер. Очень часто

Командующий фронтом на этих донесениях писал следующие резолюции: «Начальнику РО. Дайте вашу оценку этих данных».

9. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ТЕМЕ

Организация и проведение оперативной разведки в условиях блокады крупного города существенно отличается от организации оперативной разведки в условиях обычной оборонительной операции – создается ряд трудностей организационного порядка, суживается база для всех средств оперативной разведки, предъявляются требования на ведение оперативной разведки в интересах ПВО и населения города и т.п.

Оперативная разведка Ленинградского фронта в период оборонительных боев на подступах к Ленинграду и в условиях длительной блокады города была организована в строгом соответствии с принципами сталинской глубокой и активной стратегической обороны. РО штаба фронта непрерывно и упорно работал над обеспечением активной обороны в разведывательном отношении и уже в ходе оборонительных боев на подступах к Ленинграду и с первых дней блокады города начал предпринимать ряд мер по обеспечению будущих наступательных операций войск фронта.

Оперативная разведка в период оборонительных боев войск фронта на дальних и ближних подступах к Ленинграду сумела на каждом из этапов этой операции в короткие сроки вскрыть оперативную группировку и замыслы противника, определить направление намеченного главного удара, оказав существенную помощь войскам фронта, измотавшим и обескровившим войска СГА в оборонительных боях. Немецкое командование осенью 1941 года вынуждено было временно отказаться от штурма Ленинграда, что

своевременно было вскрыто оперативной разведкой фронта.

В конце 1941 года оперативная разведка фронта вскрыла новые планы и намерения германского командования по созданию второго кольца блокады Ленинграда на дальних подступах к нему, установила перегруппировки и сосредоточения войск противника на исходных позициях для наступления.

В июле - августе 1942 года оперативная разведка вскрыла новые замыслы противника по подготовке к штурму Ленинграда и установила переброски для этих целей под Ленинград 11 армии Манштейна и большого количества техники. На основе этих данных оперативной разведки командование Ленинградского фронта во второй половине 1942 года провело ряд частных операций войск фронта, которыми войска 11 и 18 армий были в значительной степени обескровлены и командование СГА было вынуждено вновь отказаться от штурма Ленинграда. Иными словами говоря, новые большие оперативные замыслы противника были сорваны.

В период подготовки прорыва блокады Ленинграда, в силу особенностей направления намечаемого удара, все виды разведки, в том числе агентурная и авиационная разведка, были нацелены на вскрытие в деталях тактической группировки и обороны противника, что помогло успешно провести эту операцию.

После прорыва блокады Ленинграда оперативная разведка устанавливает, что противник, несмотря на неблагоприятно складывающуюся для него обстановку, намерен держать под Ленинградом жесткую оборону. Командование фронта, готовя войска к решительному наступлению, проводит две частных операции - Красноборскую и Синявинскую, в период которых противник ввел в бой и израсходовал 17 дивизий, что в

известной степени определило успех наступательной операции войск Ленинградского фронта в январе – феврале 1944 года.

В начальный период войны основой оперативной разведки являлась агентурная разведка как наиболее подготовленный вид разведки мирного времени. В дальнейшем каждый из органов разведки фронта занял подобающее ему место.

Агентурная разведка в обороне являлась основным источником оперативной разведки по вскрытию оперативных резервов противника и перебросок его войск и техники в оперативной, а порой и в тактической глубине.

Агентурная разведка, ведя круглосуточный контроль за основными магистралями и крупными населенными пунктами, давала возможность РО штаба фронта быть всегда в курсе обстановки в глубине противника и делать своевременные и точно обоснованные оперативные выводы о его замыслах и намерениях.

Агентурная разведка порой являлась первоисточником, вскрывающим оперативные замыслы противника, как это было в сентябре и октябре 1941 года и осенью 1942 года.

Агентурная разведка нацеливала авиационную разведку на вскрытие оборонительных рубежей противника в его оперативной глубине и устанавливала характер оборонительных сооружений на них, чем обеспечивала подготовку к будущим наступательным операциям.

(...)

Радиоразведка в период блокады крупного города играет существенную роль по предупреждению бомбардировок и артобстрелов города и войск со стороны вражеской артиллерии и авиации.

Информационная служба РО штаба фронта, как в обороне, так и в наступлении, является завершающим

звеном всех органов разведки фронта.

Ряд существенных успехов оперативной разведки фронта в этот период боев войск фронта был обеспечен четкой работой информационной службы РО штаба фронта.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ПЕРВОМУ РАЗДЕЛУ

Мы не ставили себе задачей полностью изложить в этом кратком докладе оперативную обстановку и работу оперативной разведки за период оборонительных боев войск Ленинградского фронта на дальних и ближних подступах к Ленинграду и период блокады Ленинграда, длившийся 900 дней...

Мы пытались кратко изложить характерные особенности в организации и ведении оперативной разведки на каждом из этапов боевых операций войск Ленинградского [фронта] этого периода.

На опыте работы РО штаба Ленинградского фронта в тот период боев войск Ленинградского фронта мы стремились показать удельный вес, роль и значение оперативной разведки в современной фронтовой оборонительной операции, в условиях длительной блокады крупного города, и вскрыть все то новое, что внесла Отечественная война в эту отрасль оперативного искусства.

Во второй части доклада мы попытаемся изложить деятельность оперативной разведки в условиях организации и проведения фронтовой наступательной операции.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ ПРИ ПРОРЫВЕ БЛОКАДЫ В 1944 ГОДУ

1. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ В НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Основной характерной особенностью современной войны является ее маневренность. Усложнение общевойскового боя и ведение операций заставило часть задач по организации общевойскового [боя] снять с армии и передать фронту. В той связи армейская операция стала частным маневром фронтовой операции. В штабах армий и фронта, кроме функции планирования операции, появилась новая функция – организация операции и боя, являющаяся более трудной, чем планирование. С изменением функции фронтового аппарата изменились функции и оперативной разведки. Теперь она должна добывать такие данные, которые бы не только обеспечивали планирование операции, но и способствовали бы организации боя.

Оперативная разведка в современных условиях обязана обеспечивать командование не только сведениями общего порядка, а конкретными данными оперативного и тактического характера.

В современных операциях некоторые функции тактической разведки армии выполняются также фронтовой разведкой, как, например, разведка тактической зоны обороны противника, наблюдение за маневрами его тактических резервов, вскрытие взаимодействия родов войск в тактической полосе и другие. Чтобы успешно выполнить эти функции, оперативная разведка имеет в своем распоряжении некоторые средства, относящиеся к разряду тактической разведки: систему войскового офицерского наблюдения, ближнюю радиоразведку и фотослужбу всех видов. Естественно, что тактическая разведка своими данными дополняет оперативную разведку и наоборот, а поэтому между этими видами разведки должна быть строгая взаимосвязь и строгое взаимодействие.

Быстрые и решительные маневры армий в ходе фронтовой операции требуют от оперативной разведки

быстро и целеустремленно маневрировать своими средствами и резервами. В процессе фронтовой операции армии иногда резко меняют направление главных ударов. В этом случае очень важно, чтобы фронтовая разведка своевременно обеспечила в разведывательном отношении эти новые направления. Условия развития современной фронтовой операции предполагают, что все средства оперативной разведки должны быть хорошо управляемы и централизованы в одних руках.

Обеспечение в разведывательном отношении быстрых и решительных маневров армий и подвижных соединений достигается также и заблаговременной организацией оперативной разведки на новых вероятных направлениях.

Фронт может иметь одно или несколько операционных направлений, а иногда и целое стратегическое направление, как это было на Ленинградском фронте в 1944 году.

В условиях, когда фронт имеет одно или несколько операционных направлений, оперативная разведка может испытать определенные затруднения в своей работе, так как у нее обнаружится недостаток сил и средств. Очень важно, чтобы в такой обстановке оперативная разведка фронта была усилена за счет средств стратегической разведки и часть ее задач была возложена на последнюю.

(...)

4. ПОДГОТОВКА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОПЕРАЦИИ. РОЛЬ, МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ В ПОДГОТОВКЕ ПРОРЫВА И СНЯТИЯ БЛОКАДЫ

За прошедший период с 1941 по 1943 год оперативная разведка разрешила ряд важных, жизненных для Ленинграда задач и тем обеспечила командованию принятие и успешное решение фронтовых операций.

Активная деятельность всех видов разведки и диалектический метод оценки обстановки позволили Разведотделу сделать правильные выводы о времени самых крутых событий: наступлении немцев на Ленинград; подготовке штурма города; при перегруппировке войск противника и переброске 4 танковой армии под Москву; наступлении немецко-фашистских войск на Волхов с целью создания второго кольца блокады и их разгроме; при переброске с юга на Ленинградский фронт 11 армии Манштейна и подготовке нового штурма города; при прорыве блокады в 1943 году и разгроме немецких дивизий на Синявинском участке.

Успешное разрешение поставленных задач подняло значение и авторитет оперативной разведки и резко повысило ее роль.

Разведотдел штаба фронта являлся центром, который осуществлял руководство всеми разведорганами и концентрировал в своих руках всю информацию по противнику и театру военных действий.

Командующий и Военный Совет фронта уделяли большое внимание разведке, обычно принимали во внимание ее сведения и выводы и всегда в первую очередь оповещали оперативную разведку о планах и замыслах операции, выдвигая перед ней определенные задачи.

Подготовка и планирование новой операции обычно начинались с доклада Разведотдела Командующему и Военному Совету фронта о группировке и намерениях противника, театре военных действий, его инженерном оборудовании. Основные отделы штаба и управления фронта готовили операции, беря за исходные данные материалы оперативной разведки.

(...)

ЗАДАЧИ ОПЕРАТИВНОЙ РАЗВЕДКИ И ИХ ВЫПОЛНЕНИЕ

(...)

Агентурная разведка должна была выполнять следующие задачи:

1) Непрерывным наблюдением за коммуникациями своевременно установить выдвижение оперативных резервов противника из глубины.

2) Следить за перегруппировками противника, уделяя особое внимание Приморскому и Красносельскому направлениям.

3) Установить район сосредоточения танков и непрерывно следить за прибытием на фронт новых танковых частей и соединений.

4) Уточнить данные о группировке противника в его оперативной глубине.

5) Разведать оборонительные рубежи в оперативной полосе, степень их готовности и характер инженерных сооружений.

Для выполнения вышеперечисленных задач мы имели в оперативной глубине противника 12 резидентур и радиоосведомительных групп. В октябре было дополнительно выброшено 4 и ноябре – декабре по 2 резидентуры, которые заменили вышедшие к этому времени из тыла противника отдельные группы.

Агентура, действовавшая на Нарвском направлении, состояла из трех постоянных радиофицированных резидентур, дислоцировавшихся в районах Нарвы, Кингисеппа, Волосово, и одной подвижной радиоосведомительной группы в районе Молосковицы.

Резидентуры имели широко разветвленную сеть осведомителей из местного населения. Резидент, действовавший в Волосово, был связан с партизанским отрядом Ингинен.

Всего в составе агентуры, находившейся на Нарвском направлении, было 51 чел., из них 24 осведомителя, завербованных из местного населения в тылу противника.

На Псковском направлении имелось четыре постоянных радиофицированных резидентуры, которые действовали в районе Пскова – Новоселье – Плюсса – Осьмино-Даймище, и две подвижные радиоосведомительные группы в районе Луги и Даймище.

Резидентуры, так же как и на Навском направлении, имели сеть осведомителей из местного населения в вышеуказанных городах и прилегающих населенных пунктах.

Всего на Псковском направлении действовало 46 агентов, из них 23 осведомителя из местных жителей. Резидентуры Новоселья и Пскова имели связь с партгруппами, действовавшими в этих же районах. Часть осведомителей работала старостами волостных управлений и деревень, а также в немецких комендатурах, госпиталях, автомастерских, на военных складах и на железной дороге.

Наши резидентуры и подвижные осведомительные группы вели постоянное наблюдение за основными коммуникациями противника, осуществляли вербовку, подготовку и руководили источниками из местных жителей.

Резидентуры и группы поддерживали постоянную радиосвязь с центром, куда доносили все полученные данные.

Центр направлял работу своих резидентур и ставил перед ними дополнительные задачи. Связь осуществлялась ежедневно.

Кроме вышеперечисленной агентуры, действовавшей в тылу противника, агентурный аппарат в подготовительный период подготовил и имел в резерве 15 радиофицированных резидентур и групп общей численностью 67 человек с 22 радиостанциями.

В результате действий агентуры было установлено:

73. Прибытие на Приморское направление в декабре – январе 1943 года новых соединений. 5.1.1944 г. источники доложили, что с 22 по 26.12.44 г. от Кингисеппа на северо-восток проследовали моторизованные части «СС», которые прибыли из Хорватии и состояли из немцев, румын, сербов. В районе Кингисеппа отмечено до 60 танков, 70 бронетранспортеров, 40 бронемашин.

В первой половине января агентура продолжала сообщать о прибытии на Приморское направление отдельных подразделений «СС».

В первой половине января войсковая разведка установила, что отмеченное движение от Кингисеппа и в глубине Приморского направления было связано с прибытием из Югославии дивизии «Нордланд», бригады «Нидерланды» и отдельных частей 3 танково-гренадерского корпуса «СС», который в декабре 1943 года возглавил оборону на Приморском направлении.

В начале января агентура донесла, что части испанской дивизии, находившиеся в резерве в районе Волосово, в декабре 1943 года убыли в глубину, чем подтверждались данные радиоразведки от 23 октября о дислокации 250 исп. пд в районе Кипень и от 20 декабря о перемещении радиосети дивизии в западном направлении.

2.1 один из источников доложил, что в районе 12 км зап. Волосово дислоцируются части 5 гсд, которая в первой половине января убыла на итальянский фронт.

Одновременно агентура сообщила об интенсивном движении по ж.-д. Псков, Луга, Красногвардейск, что было связано с переброской к линии фронта пополнения и отдельных строительных, охранных батальонов и убытием на другие фронты некоторых дивизий /58, 69, 132, 290, 81, 1, 96 и 254 пд/.

20 декабря агентура донесла об объявлении в Эстонии мобилизации мужского населения 1924-1925 гг.

В первой половине января источники доложили о ходе мобилизации и формировании эстонских частей и подразделений, часть которых к этому времени уже дислоцировалась в районе Кингисеппа.

Во второй половине 1943 года агентура стала отмечать, что противник силами строительных батальонов, военнопленных и местного населения приступил к строительству долговременных оборонительных рубежей по линии р. Нарва и Псков – Остров.

Одновременно продолжалось развитие оборонительных рубежей по р. Луга, р. Оредеж и на других участках, главным образом на дорожных направлениях.

Следует отметить, что данные агентуры были довольно подробные и полностью характеризовали инженерное оборудование рубежей, так, например, 4 января 1943 года один из источников сообщил:

«По зап. берегу р. Нарва силами военнопленных и мобилизованных эстонцев и латышей ведется строительство оборонительных сооружений /ДЗОТов и ДОТов/, отрываются траншеи и противотанковые рвы, устанавливается проволочное заграждение. На строительстве используется песок и камень. Работами руководят офицеры и солдаты саперного батальона, дислоцирующегося в Нарве».

Примерно такие же донесения поступали и от других источников по Псковскому, Лужскому и Оредежскому рубежам.

Таким образом, агентура в подготовительный период разрешила основные задачи, которые перед ней стояли.

(...)

6. ОПЕРАТИВНАЯ РАЗВЕДКА В ПЕРИОД
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОПЕРАЦИИ

(...)

Агентурная разведка, помимо прежних задач, в период первого этапа операции должна была установить, не создает ли противник в глубине обороны группировку для нанесения контрудара с целью восстановления своего положения под Ленинградом, а также следить за маневрами немцев в ближайшей оперативной глубине.

К началу наступления мы имели три действующих радиофицированных резидентуры на Нарвском направлении и пять на Псковском направлении, и 10 января дополнительно было переброшено по одной группе на каждое направление.

Кроме того, было подготовлено 15 радиофицированных разведывательно-диверсионных групп и резидентур, которые должны были быть включены в работу на первом и последующих этапах операции, но ввиду отсутствия летной погоды в течение января 1944 года и частичного отсутствия авиации, способной переправлять агентуру, они не были выброшены.

Выход из создавшегося трудного положения был найден созданием 15.1.1944 года оперативной группы в составе четырех офицеров агентурных отделений. Оперативная группа дислоцировалась при РО армии, действовавшей на главном направлении, и имела следующие задачи:

- 1) Переправлять через линию фронта группы маршрутчиков со сроком пребывания тылу 2-3 дня и частично диверсионные группы с радиостанциями.

- 2) Вербовать маршрутчиков из числа военнопленных и переправлять их в тыл на 1-2 дня.

- 3) Принимать нашу агентуру, выходящую из тыла, и производить ее опрос. Оперативная группа на первом этапе в основном вела подготовительную работу, а на втором этапе начали посылать маршагентов и получать ценные данные.

В оперативной глубине противника постоянно действующие резидентуры вели круглосуточный контроль за всеми основными магистралями, идущими из глубины к линии фронта, и наблюдали за возможными районами сосредоточения войск.

17.1 были выброшены две маршрутные группы в районы Гатчины, Николаевки, Кипень, имевшие задачу установить, не создает ли противник в глубине группировки для нанесения контрудара.

Анализ всех полученных данных позволил сделать вывод, что в период первого этапа операции противник с направления Пскова и Нарвы крупных перебросок войск не совершал, а к линии фронта следовало пополнение, снабжение и в обратном направлении происходила эвакуация раненых и разбитой техники.

Всего с 14 по 21.1 агентурой отмечено, что от Пскова на Лугу проследовало 10 эшелонов с войсками и 1 – с автомашинами; в обратном направлении – 20 эшелонов с войсками, 2 – санитарных, 3 – с эвакуацией и 14 – с автомашинами. Переброска войск от линии фронта была связана с убытием тылов дивизий, переброшенных на Невельское и Винницкое направления.

По дорогам Кингисеппа, Гатчины также наблюдалась переброска к линии фронта пополнения и отдельных подразделений и в обратном направлении – эвакуация раненых и различного имущества.

В оперативной глубине крупных группировок противника не отмечалось.

(...)

Второй этап операции

(...)

Оперативная группа агентурного аппарата фронта находилась при штабе 42 армии, действовавшей на Гатчинском направлении, 22-23 января переправила через линию фронта в район Гатчины две наших маршрутных группы и три группы из завербованных

военнопленных немцев, прошедших кратковременную подготовку.

26.1 с самолета была выброшена радиофицированная группа в район Лисино-Корпус для освещения положения в тылу противника на Вырицком направлении.

(...)

Третий этап операции начался 27 января и был завершен 31 числа того же месяца.

(...)

Агентурная разведка активизирует деятельность резидентур, действовавших в тылу противника, и дополнительно выбрасывает 27 января радиофицированную группу в район Волослово, Вруда и 31 числа того же месяца засылает в тыл противника в район Нарвы, Кингисеппа три маршрутные группы, подготовленные из состава военнопленных немцев, австрийцев и поляков.

Одновременно такие же две группы были 26-27.1 направлены через линию фронта в район Сиверская - пос. Дивенский - Луга.

(...)

Агентурная разведка продолжала выполнять поставленные задачи. Установила, что немцы намерены отойти на Псковский и Нарвский оборонительные рубежи, и тем подтверждала данные того же порядка других видов разведки.

Источники сообщили об отходе на Нарвском направлении частей 170, 227 пд (170-я и 227-я пехотные дивизии. - *Прим. авт.*), тгд «СС» «Нордланд» (11-й добровольческой панцернгренадерской дивизии СС «Нордланд». - *Прим. авт.*), отдельных эстонских частей и на Лужском направлении 11, 225 пд. В донесениях указывалось о больших потерях дивизий, снижении их боеспособности и подавленном состоянии личного состава.

27-28.1 агентура отметила движение до 80 тяжелых танков и бронемашин от линии фронта на Кингисепп.

Одновременно агентурная разведка доносила о подготовке в инженерном отношении оборонительных рубежей в глубине, так, например, 27-28.1 были получены данные, что противник силами мобилизованного местного населения спешно продолжает оборонительные работы на Кингисеппском и Нарвском предмостных плацдармах. Местному населению Нарвского района отдан приказ об эвакуации. Организация «Кайтсе-лийт» заняла рубеж обороны по р. Нарва от истока реки и далее на север.

Агентурные данные Разведотдела дополнялись данными НКГБ и партизан, которые сообщали об отходе войск противника на Лугу и подготовке оборонительных рубежей в глубине.

Наряду с данными об отходе противника агентура своевременно установила переброску от Пскова на Лугу 12 танковой дивизии. 23-25.1 источники донесли, что от Пскова на Лугу прошло 27 эшелонов, из них 4 эшелона 100 вагонов с войсками, 1 эшелон – 52 платформы с танками «Тигр», 7 эшел. с автомашинами и 3 эшел. – 120 платформ с орудиями.

(...)

Четвертый этап операции начался 1 февраля и был завершён 3 марта 1944 года.

(...)

Еще на третьем этапе перед оперативной разведкой встали две основные задачи – обеспечить успешное завершение Ленинградской операции и подготовить в разведывательном отношении новую фронтовую операцию по прорыву Нарвско-Псковского рубежа и развития наступления в Эстонию и Латвию.

К этому времени обстановка для оперативной разведки резко усложнилась. Действовавшая агентура на территории Ленобласти не сумела

передислоцироваться на территорию Эстонии в силу сложившихся обстоятельств: незнание языка, отсутствие документов на эвакуацию в Эстонию, Латвию, тщательность контроля за эвакуируемыми со стороны различных фашистских организаций. Учитывая усложнившиеся условия работы, Разведотдел приступил к насаждению агентурных групп на территории Эстонии. Однако первые переправленные радиофицированные группы в феврале месяце положительных результатов не дали вследствие сильного противодействия со стороны фашистских организаций и части местных жителей, которые предавали наших агентов. После упорных трудов и поисков новых методов в конце февраля и в марте удалось перебросить несколько групп и установить контроль за основными коммуникациями на Нарвском и Псковском направлениях.

Для обеспечения нового Гдовско-Псковского операционного направления 8.2 в район Псков, Новоселье были выброшены две радиофицированные группы и 15-28 февраля на западный берег оз.Чудское и в район Псков для разведки укрепленного рубежа направлено шесть маршрутных групп.

Кроме того, на Нарвское направление в район Нарвы, Кингисеппа переправлены две маршрутные группы из военнопленных немцев.

(...)

ВЫВОДЫ:

Оперативная разведка в процессе подготовки Ленинградской операции, в ходе наступления и в период завершения этой исторической битвы играла большую роль, обеспечивая принятие решений командованием фронта, армий и их успешное осуществление.

1) Ленинградская наступательная операция развивалась от Ленинграда до Пскова на глубину 260 км.

Глубина проникновения и дальность оперативной разведки в эту операцию доходила до 300–500 км.

Опыт обеспечения в разведывательном отношении Ленинградской операции, а также Карельской и Эстонской, показывает, что глубина проникновения оперативной разведки на территорию противника должна достигать 300–500 км и обеспечивать организацию двух последовательных фронтовых операций без больших оперативных пауз. Это положение выдвигает перед оперативной разведкой определенные требования, и она должна иметь самолеты, радиостанции, агентурно-диверсионные группы, аппараты радиоразведки и другие средства, которые обеспечивали бы ее проникновение на глубину двух фронтовых операций.

2) Опыт Ленинградской наступательной операции показывает, что в процессе фронтовой операции армии иногда резко меняют направление главных ударов, и для того, чтобы обеспечить это новое направление в разведывательном отношении, все силы и средства оперативной разведки должны быть хорошо управляемы и централизованы в одних руках. Развитие удара 42 армии на Гдовско-Псковском направлении в разведывательном отношении было своевременно обеспечено потому, что мы имели резервы и организация органов оперативной разведки Ленинградского фронта соответствовала вышеизложенному принципу.

3) Опыт Ленинградской и других операций показал, что средства связи и средства управления органов оперативной разведки явно не соответствуют задачам и размаху работы оперативной разведки. В руках руководителя оперативной разведки нужно дать такие средства связи и такую их организацию, чтобы они полностью обеспечивали управление органами

оперативной разведки и давали бы возможность передавать информацию как в системе самой разведки, так и по командной линии.

4) В процессе подготовки и проведения Ленинградской наступательной операции между всеми видами разведки существовало строгое взаимодействие, что обеспечило выполнение задач оперативной разведки в целом.

А) Войсковая разведка в период подготовки наступательной операции играла решающую роль по вскрытию группировки, состава и построения боевых порядков противника в тактической полосе, а также его боеспособности и тактике действий. Она являлась основным, наиболее полным и достоверным источником сведений о характере и инженерном оборудовании позиций противника и одновременно занимала одно из первых мест в определении намерений обороняющегося.

В период наступления и преследования войсковая разведка продолжала играть основную роль по вскрытию группировки, перегруппировки и боеспособности противника, его намерений и тактике действий, а также обеспечивала ценными данными оперативного характера об общих замыслах противника, как, например, начало отвода правого крыла 18 и левого крыла 16 армий.

Следует отметить, что в процессе развития наступления и в период преследования вполне себя оправдало применение усиленных разведотрядов, действовавших на главных направлениях, с целью захвата наиболее выгодных рубежей, опорных пунктов, узлов дорог и нарушения управления с одновременным выявлением группировки, намерений и положения в тылу противника.

Группы глубокой разведки, проникавшие в тыл противника до 30-40 км, а иногда и до 50 км, нашли широкое применение, особенно в процессе

преследования, и давали весьма ценные данные тактического, а иногда и оперативного характера.

Система наблюдения, имевшая большое значение в период подготовки операции, нашла применение и в наступлении в виде подвижных, особенно офицерских, НП.

Следует отметить, что недостаточное обеспечение групп глубокой разведки, разведотрядов, подвижных НП радиостанциями и средствами передвижения, снижало эффективность их действий.

(...)

В) Агентурная разведка в период подготовки и проведения операции играла основную роль в установлении перегруппировок противника и его перебросок в оперативной глубине, строго наблюдая за коммуникациями немцев.

Одновременно она занимала видное место в разведке оборонительных рубежей, добывая данные о районе и времени постройки позиций, характере инженерных сооружений и интенсивности работы.

Сведения агентуры давали возможность правильно нацелить авиаразведку на фотографирование оборонительных рубежей противника в оперативной глубине.

В период наступления и преследования агентура, действуя в оперативной глубине, а иногда в тактической зоне, своевременно вскрывала порядок отхода немецких частей и соединений, их нумерацию, боеспособность и намерения противника. Особо следует отметить ценные данные агентуры о составе Гатчинской группировки немцев и ее намерении.

Метод работы агентуры по наблюдению за коммуникациями противника вполне себя оправдал.

Незначительный процент потерь /из 116 агентов, кроме использованных военнопленных, пропало без вести 8 человек, что составляет 7%/, понесенный в

период операции, свидетельствует о хорошей подготовке личного состава и высоких морально-политических качествах самих агентов.

(...)

III. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ПО ТЕМЕ И ОБЩИМ ВОПРОСАМ

Оперативная разведка в период Великой Отечественной войны получила исключительно большое развитие и широкий размах, став одним из важнейшим факторов обеспечения фронтовых и армейских операций. Данные оперативной разведки /группировка, цели и замыслы противника, боеспособность его частей, характер обороны, оценка местности, занимаемой противником, и др. факторы/ являлись основой для принятия любого оперативного решения.

Оперативная разведка достигает наибольших успехов тогда, когда все органы разведки, в том числе не фронтового подчинения, ведут свою работу под руководством общевойскового начальника разведки.

Основой успеха работы оперативной разведки является знание и претворение в жизнь сталинских принципов о глубоких формах стратегической обороны, сочетаемых со стратегическим наступлением в непревзойденных масштабах.

В ходе Отечественной войны значительное развитие получили все виды оперативной и тактической разведки.

Агентурная разведка перешла от системы агентов-одиночек времен Первой мировой войны, действовавших по преимуществу в глубоком тылу противника, к системе массового внедрения агентуры в оперативную зону противника.

Переброска агентуры самолетом и обеспечение ее радиоаппаратурой дали возможность использовать этот источник оперативной разведки с определенными оперативными целями и получить от него данные в сроки, очень часто не превышающие сроки получения

данных от тактической разведки. Агентура стала оперативно управляемой.

(...)

Войсковая разведка, являясь основным видом тактической разведки, значительно расширила сферу своей деятельности, усовершенствовала формы и методы по добыче данных о противнике, в корне изменила вопросы организации и планирования разведки в больших и малых масштабах, такие вопросы, как широкое использование так называемых групп глубокой разведки. Действия разведотрядов в тылу противника при его преследовании, организация фронтовых НП на важнейших направлениях и т.п. получили свое развитие только в период Отечественной войны.

Информационная служба стала важнейшей отраслью оперативной и тактической разведки, от качества работы которой во многом зависел успех оперативной разведки в целом.

С тем, чтобы закрепить богатый опыт Великой Отечественной войны и развивать далее искусство оперативной разведки, необходимо осуществить следующие мероприятия:

1) Органы оперативной разведки приграничных округов должны быть организованы в соответствии с условиями театра военных действий и оперативным предназначением войск округа. Например, органы оперативной разведки Ленинградского военного округа должны быть организованы с учетом следующих обстоятельств:

- Оперативная разведка ЛенВО будет вестись не на одном, а на нескольких операционных направлениях. Как это и было в период Отечественной войны.

- Военно-географические факторы требуют от оперативной разведки округа уделять большое внимание морскому театру военных действий.

– Оперативная разведка должна вести свою работу с учетом интересов обороны такого крупнейшего промышленного и культурного центра, как Ленинград.

2) Агентурная разведка округа в мирное время должна вестись шире территориального расположения войск округа с учетом наиболее вероятных операционных направлений войск фронта; готовить резервы и запасную агентурную сеть для начального периода войны.

Одной из основных задач агентурной разведки мирного времени должно являться изучение в деталях будущего театра военных действий, на что не следует жалеть ни сил, ни средств, так как в период войны все это окупается с излишком. Этого требует характер маневренных войн и все развивающаяся военная техника наших дней.

Органы агентурной разведки мирного времени должны готовить себя к использованию в будущем в широких масштабах специальных агентурно-диверсионных отрядов и групп, которые во взаимодействии с войсками будут решать оперативные задачи в интересах фронта, как это имело место на последнем этапе войны на Курляндском полуострове и, очевидно, на других фронтах.

Мы считаем целесообразным еще в период мирного времени иметь в войсках отряды специального назначения, как это имеет место в некоторых иностранных армиях, подчинив эти отряды непосредственно разведорганам округов.

3) Авиационная разведка. Разведывательные авиационные полки должны быть оснащены современной техникой и боевую подготовку вести в соответствии с их предназначением в военное время, для чего ОРАПы вновь следует оперативно подчинить Разведотделам штабов округов. Существующее положение с авиаразведывательными полками

нетерпимо, ибо оно ведет не к развитию этого вида разведки, а толкает его назад. /Состав предлагаемого авиаразведывательного полка указан в приложении./

4) Радиоразведка. Радиоразведывательные дивизионы мирного времени должны быть полностью обеспечены современной радиоаппаратурой, в том числе радиолокаторами и аппаратами штриховой записи.

Радиостанции особого назначения глубокой разведки и дешифровальную службу необходимо вернуть военным округам.

Радиоразведывательные дивизионы в мирное время должны вести разведку не только малых сопредельных государств, но и больших стран, с тем чтобы избежать ошибок начального периода Отечественной войны.

5) Войсковая разведка. Стрелковые дивизии и корпуса должны иметь не разведывательные подразделения, а разведывательные части с хорошей пробивной способностью, широким фронтом действий, большой мобильностью и оснащенные радиосвязью, с тем чтобы в полной мере обеспечить войска от тактической внезапности противника во всех видах боя и особенности при борьбе на укрепленных рубежах. Существующие разведподразделения частей и соединений по своим силам и средствам с этими задачами справиться не смогут.

Несоответствие организационных форм разведподразделений со стоящими перед ними задачами в бою также видно при сравнении наших разведорганов с разведорганами армий некоторых иностранных государств, например: армейский корпус английской армии имеет:

- разведывательных полков – 4;
- отрядов воздушного наблюдения – 3;
- авиаэскадрилий – 1;
- всего людей – 3551 чел.

Стрелковый корпус Красной армии имеет:

моторазведывательных рот – 3;
разведывательных взводов – 9;
всего людей – 387 чел.

Разведывательные подразделения стрелкового корпуса Красной армии по численному составу более чем в 9 раз слабее разведчастей английского армейского корпуса, а по вооружению их эти сравнения почти невозможны. /Предлагаемый состав разведчастей указан в приложении./

6) Информационная служба штабов приграничных округов должна быть количественно увеличена с тем, чтобы:

- Обеспечить штабы и войска округа всеми необходимыми материалами по изучению армий сопредельных стран и контролировать ход изучения этих материалов в войсках.

- Тщательно изучить и подготовить все необходимые материалы по театру военных действий, что для фронта имеет особо важное значение.

- Обобщить опыт Отечественной войны, сделав его достоянием широких кругов офицерского состава, и в особенности офицеров-разведчиков.

- Обеспечить штаб округа и штабы армий необходимыми материалами для проведения окружных и армейских оперативных учений и конференций, широко практикуемых в нашем округе.

- Иметь необходимые кадры для больших штабов военного времени, что в начальный период войны является крайне необходимым.

7) Штабы армий должны иметь свои органы оперативной разведки: разведывательную авиацию, радиоразведывательные средства и так называемые группы глубинной разведки, обеспеченные средствами радиосвязи.

При штабах армий и корпусов необходимо иметь свои штатные коротковолновые и УКВ станции, с тем

чтобы радиоразведывательные дивизионы фронта занимались только вопросами оперативной разведки.

Разведывательные органы специальных родов войск армий должны быть подчинены Разведотделам штабов армий, что должно быть оформлено соответствующими приказами или директивами.

8) Некоторые специфические вопросы, характерные главным образом для Ленинградского военного округа:

а) Учитывая общее стратегическое значение города Ленинграда как важнейшего промышленного и культурного центра Советского Союза, расположенного в северо-западной части страны, и развитие современной военной техники /атомная энергия, реактивные самолеты-снаряды и др., необходимо, чтобы часть задач в отношении предупреждения стратегической внезапности для города взяли на себя органы стратегической разведки, освободив разведорганы округа для выполнения задач оперативного характера.

б) Исходя из этих же специфических особенностей обороны Ленинграда, необходимо усилить оперативную разведку Ленинградского военного округа двумя приграничными оперативными пунктами и одним радиоразведдивизионом.

Таковы основные вопросы, от решения которых во многом будет зависеть дальнейшее развитие оперативной разведки как важнейшей отрасли оперативного искусства.

В целях повышения разведывательной грамотности офицерского состава кадра и запаса Красной армии необходимо осуществить следующие мероприятия:

а) Директивой Генштаба Красной армии вменить в обязанности всему офицерскому и генеральскому составу Красной армии изучать и знать армии иностранных государств так же, как изучаются свои

войска, периодически устраивая зачеты с занесением результатов в аттестационные материалы.

Этой же директивой обязаны все тактические занятия, выходы в поле и маневры проводить с учетом возможного театра военных действий и вероятного противника, для чего каждому учению должно предшествовать детальное ознакомление с оперативным искусством, тактикой, организацией и вооружением вероятного противника.

Обязать организовывать при частях и соединениях курсы иностранных языков, руководство которыми возложить на политические и разведывательные органы.

б) В приграничных округах создать курсы переподготовки офицеров разведки, как это было до 1940 года, что даст возможность резко повысить разведывательную грамотность офицеров-разведчиков и через 2-3 года сократить штаты военных переводчиков.

в) В военных академиях и училищах ввести кафедры по изучению иностранных армий и военной географии, разработав для них специальные программы.

г) В ВУЗах приграничных областей и городов распоряжением Министерства образования СССР ввести преподавание языков сопредельных стран, например, Ленинградский институт иностранных языков следует обязать ввести в качестве основных языков изучение финского, шведского, норвежского и датского языков.

Во всех ВУЗах и средних учебных заведениях ввести курс по изучению военной географии того или иного государства, а из тактического цикла – 25-35% отводить на изучение вопросов войсковой разведки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В двух докладах о деятельности оперативной разведки Ленинградского фронта в период Великой Отечественной войны мы пытались изложить основные характерные черты в работе оперативной разведки

фронта на каждом из этапов операции войск фронта, показать роль и удельный вес каждого из видов оперативной разведки, подкрепляя каждое из выдвигаемых нами положений фактическими данными или выдержками из тех или иных боевых документов. Мы пытались вскрыть все то новое, что внесла Отечественная война в эту отрасль оперативного искусства.

С тем чтобы закрепить богатый боевой опыт оперативной разведки и развивать ее в соответствии с ходом развития оперативного и тактического искусства, мы кратко изложили некоторые вопросы организационного порядка, от решения которых еще в период мирного времени во многом будет зависеть успех оперативной разведки в будущем.

Начальник разведотдела штаба Ленинградского военного округа генерал-лейтенант /ЕВСТИГНЕЕВ/

Приложение № 3

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВОЙСКОВОЙ РАЗВЕДКЕ

1) Войсковая разведка является основным видом тактической разведки в оборонительных и наступательных боях войск действующей армии, и поэтому ей и в мирное время надо уделять должное внимание.

2) Войсковая разведка в условиях позиционной обороны является главным видом разведки по вскрытию группировки, нумерации, состава, численности, вооружения и боеспособности обороняющегося противника на линии фронта и его тактической глубине.

Данные войсковой разведки о характере обороны и степени ее оборудования в инженерном отношении, характере препятствий и заграждений, о поведении противника и его тактике действий являются одним из основных источников, добывающим наиболее полные и правдивые данные по этому вопросу. Боевой состав противника, его боевые порядки, организация обороны и его намерения являются основными вопросами работы войсковой разведки.

3) Войсковая разведка при наступлении является основным видом разведки по вскрытию: группировки и перегруппировки действующих войск противника, тактики действий, тактических и даже оперативных маневров живой силы и средств усиления, применения новых видов вооружения.

Данные войсковой разведки в наступлении являются существенным фактором по вскрытию замыслов противника, характеристики последующих оборонительных рубежей и степени их оборудования.

Войсковая разведка является также одним из главных источников получения данных о потерях противника, его политико-моральном состоянии и боеспособности.

4) Разведка наблюдением имеет немаловажное значение в общей системе деятельности войсковой разведки частей и соединений. Поэтому штабы войск, как при обороне, так и при наступлении, должны уделять серьезное внимание созданию системы наблюдательных пунктов, как одному из важных средств разведки.

В наступательном бою система наблюдения должна работать непрерывно путем создания подвижных офицерских НП, обеспеченных радиосвязью и средствами передвижения /танк, бронемашина/. Командиры всех степеней должны иметь хорошо подготовленных своих наблюдателей.

5) Разведка действиями разведгрупп и партий методом засад, поисков, налетов, подслушиванием и наблюдением является самым распространенным способом войсковой разведки в любых условиях боевой деятельности войск.

Действиям в составе разведгрупп должны быть обучены не только личный состав разведподразделений, но и весь личный состав наземных войск. Офицерский состав пехотных подразделений, а также штабы частей и соединений должны уметь грамотно организовывать и вести разведку по обеспечению выполнения боевых задач войск.

Это положение должно быть отражено во всей системе обучения войск и при подготовке офицерского состава.

6) Разведка боем применяется тогда, когда другими способами добывать данные о противнике не представляется возможным. Она применяется с целью вскрытия: группировки живой силы и артсредств

усиления; системы огня обороны противника; системы заграждений и инженерных сооружений; тактики действий противника при обороне занимаемого им рубежа; с целью захвата выгодных плацдармов рубежей обороны, опорных пунктов, узлов сопротивления и удержания их до определенного времени или до подхода основных сил; с целью превращения успеха разведки боем в общий успех наступления.

Разведка боем проводится силами стрелковых подразделений и требует больших организационных и подготовительных работ. Поэтому перед принятием решения на ведение разведки боем необходимо тщательно проанализировать целесообразность ее проведения, имея в виду, что разведка боем усиливает бдительность противника и может привести к срыву элемента внезапности при наступлении наших войск.

К действиям в разведке боем должны быть подготовлены все стрелковые подразделения, а офицерский состав и штабы должны и в мирных условиях хорошо уметь организовать и руководить этим сложным методом ведения разведки.

7) Опыт Отечественной войны показал необходимость и значение подготовки самих войск в разведывательном отношении. Чем лучше личный состав подразделений и частей подготовлен вести разведку, тем легче и с меньшими потерями решаются боевые задачи. Поэтому при подготовке одиночного бойца и подразделений в целом вопросам разведки должно отводиться соответствующее внимание. В программах боевой подготовки необходимо предусмотреть больше разведывательных тем, чем это имеет место в настоящее время. Одним из критериев при оценке тактической подготовки подразделения, части и соединения должно быть качество подготовки их в разведывательном отношении.

Учебные поля и местность для тактических занятий должны быть оборудованы с учетом лучшего обучения личного состава в разведывательном отношении. Не следует жалеть сил и средств для этого. Учебные поля и местность должны максимально приближаться к боевой обстановке с учетом тактических положений по оборудованию позиций в армиях сопредельных стран.

8) Подготовка штабов и всего офицерского состава в разведывательном отношении является одной из важнейших задач.

Командир и его штаб должны уметь правильно организовать и руководить всеми видами разведки. Поэтому на всех штабных занятиях и учениях с войсками нужно шире внедрять вопросы организации и проведения войсковой разведки.

Все разработки для организации штабных и полевых занятий должны готовиться с учетом необходимости изучения вероятного противника и отработки разведывательной документации и обязательно на основе опыта Отечественной войны.

Весь офицерский состав должен изучать и знать сопредельные страны, а также организацию и тактику их армий. В системе офицерской учебы по этим вопросам необходимо требовать знания наравне с другими дисциплинами и соответственно отражать это в аттестациях.

9) Подготовка офицерского состава разведывательной службы должна проходить с максимальным использованием опыта Отечественной войны. Офицер-разведчик должен быть проводником разведывательной культуры в войсках и быть всесторонне подготовленным.

Все офицеры-разведчики от офицера разведки полка и выше должны знать язык одной из сопредельных стран.

Необходимо при Разведотделах штабов округов создать штатные разведывательные курсы для подготовки офицеров-разведчиков с обязательным изучением одного из иностранных языков. На этих же курсах может быть организована переподготовка и офицеров-разведчиков запаса.

На Высших разведывательных курсах ГРУ ГШКА следует готовить офицеров-разведчиков от начальников разведки полков до начальников Разведотделов корпусов, обязательно из числа офицеров войсковой разведки, имеющих большой боевой опыт работы, но не имеющих соответствующей разведывательной и штабной подготовки.

В военных училищах, курсах усовершенствования офицерского состава и в военных академиях необходимо ввести как дисциплину «Разведка». Как показал опыт Отечественной войны, наш офицерский состав в большинстве своем в вопросах организации и ведения разведки не имел достаточной подготовки, что не могло не сказаться на его боевой деятельности.

10) Разведподразделения и разведорганы в мирное время должны содержаться в основном по штатам военного времени.

В штат взвода пешей разведки полка необходимо ввести радиостанцию и двух радистов.

Учитывая, что разведрота должна готовиться для глубокой разведки и для действий при преследовании, необходимо в штат разведроты ввести не одну радиостанцию, а три /одна на КП и две с действующими группами/.

В штат разведотделения штаба дивизии мирного времени обязательно ввести пом. начальника разведки дивизии.

В штаты стр. корпусов и армий необходимо ввести моторазведывательные отряды с достаточной пробивной способностью.

11) Оперативно-разведывательная подготовка штабов, войск и разведподразделений должна быть сконцентрирована в едином центре – Разведотделе штаба округа, для чего первое отделение войсковой разведки необходимо преобразовать в отделение оперативно-разведывательной подготовки в составе:

- а) начальника отделения;
- б) ст. помощника начальника отделения по оперативно-разведывательной подготовке штабов и разведорганов;
- в) пом. начальника отделения по оперативно-разведывательной подготовке штабов и разведорганов;
- г) ст. помощника начальника отделения по тактико-разведывательной подготовке войск и разведподразделений и вопросам пограничного наблюдения;
- д) помощника начальника отделения по тактико-разведывательной подготовке войск и разведподразделений и вопросам пограничного наблюдения;
- е) ст. помощника начальника отделения по авиаразведке;
- ж) ст. помощника начальника отделения по разведслужбе специальных родов войск и служб;
- з) чертежника;
- и) машинистки.

Начальник разведотдела штаба ЛенВО Генерал-лейтенант – /ЕВСТИГНЕЕВ/ 13 апреля 1946 г. г. Ленинград

Приложение № 4

Публикуемый ниже документ необычен. С одной стороны, в нем предпринята попытка проанализировать и обобщить опыт использования воинских частей и соединений специального назначения в Афганистане в период с 1979 по 1989 год. Книга была написана и издана в конце восьмидесятых годов по «горячим следам».

Стиль, пунктуация и орфография оригинала. В частности, вместо принятого сейчас написания СпН (специального назначения) авторы книги используют СПН. Мы сознательно решили не менять написание аббревиатур на современные варианты, чтобы сохранить колорит той эпохи.

Мы значительно сократили введение – мало кому интересно читать о руководящей и направляющей роли КПСС. Также мы не стали публиковать вторую часть книги, где идет подробное описание действий моджахедов. Из третьей части цитируемой книги были исключены тактико-технические характеристики вооружений, боеприпасов и военной техники. Нет в опубликованном ниже тексте и подробного описания подготовки к различным боевым операциям, т.к. данная тема находится за рамками нашей темы.

Особенности разведывательно-боевой деятельности частей и подразделений специальной разведки в условиях Афганистана (Фрагменты книги)

ВВЕДЕНИЕ

Коммунистическая партия и Советское государство делают все возможное, чтобы сохранять и упрочить мир, избавить человечество от угрозы ядерной войны, добиться равноправного взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами.

(...)

Образование Республики Афганистан и оказание ей помощи со стороны Советского Союза и стран социалистического содружества вызвали злобу и ненависть у правящих кругов США и мусульманской реакции, которые стремились воспрепятствовать прогрессивным изменениям в регионе, с помощью внутренней контрреволюции развязали необъявленную войну против Афганистана, развернули активную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию.

В ходе разведывательно-боевых действий частей и подразделений СПН по оказанию интернациональной помощи афганскому народу в борьбе с контрреволюцией специальной разведкой накоплен определенный опыт, главная ценность которого заключается в том, что он приобретен при выполнении задач в несколько необычных условиях, связанных с деятельностью контрреволюционных сил, применяемыми и приемами и способами вооруженной борьбы, этническими и физико-географическими особенностями Афганистана.

Подразделениям СПН в Афганистане с самого начала пришлось действовать в сложных условиях. Многоплановый характер особенностей предъявил самые высокие требования к подготовленности частей подразделений специального назначения, обязал изыскивать наиболее эффективные способы, методы и приемы организации специальной разведки и выполнения поставленных перед нею задач.

Особенности тактики действий мятежников, сложность национальных, классовых, религиозных и других отношений среди населения, сложные условия потребовали по-новому оценить возможности имеющихся сил и средств частей СПН, внести некоторые изменения в организационно-штатную структуру частей и подразделений СШ, применить новые способы и приемы выполнения разведывательных задач и специальных мероприятий. В частности, наряду с добыванием разведывательных сведений о действиях мятежников на разведывательные группы СПН возлагались задачи по их уничтожению, а также наведению авиации на выявленные объекты.

Командный состав специальной разведки, действовавший в РА (Республика Афганистан. – *Прим. авт.*), приобрел значительный опыт в организации боевого применения сил средств СПН, действиях в отрыве от основных сил, на разобщенных направлениях, что требовало от командиров всех степеней инициативности, смелости и воинского мастерства.

Боевой опыт, полученный частями и подразделениями специального назначения в РА, необходимо изучать и использовать в повседневной боевой подготовке личного состава.

(...)

Глава III. СПЕЦИАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА. ЕЕ РОЛЬ И МЕСТО В ОКАЗАНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РА В БОРЬБЕ С ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ.

ЗАДАЧИ, РЕШАЕМЫЕ ЧАСТЯМИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РА

Основным плацдармом для подготовки бандформирований афганской контрреволюции являлись Пакистан и Иран. Контрреволюционное руководство за рубежом с каждым годом все шире использовало финансовую помощь западных стран, прежде всего США, для обострения внутривнутриполитической обстановки в стране.

В этих условиях важное значение приобретало умение органов специальной разведки, командиров и штабов соединений и частей всесторонне анализировать разведывательные сведения о бандформированиях и караванах, поступавших от разведывательных органов, делать из них обоснованные выводы и своевременно принимать решения по их доразведке и уничтожению.

Цель действий частей и подразделений специального назначения в условиях РА сводилась к воспрепятствованию снабжения бандформирований оружием, боеприпасами, другими материальными средствами, а также переброске подготовленных отрядов (групп) мятежников из Пакистана и Ирана.

Основные задачи специальной разведки, решаемые в интересах достижения этой цели, включали:

разведку, доразведку и уничтожение бандформирований мятежников, их караванов, идущих из Пакистана, Ирана и обратно;

вскрытие и уничтожение баз, складов, исламских комитетов, захват лидеров контрреволюции, главарей бандформирований, пленных;

нарушение системы управления и проводки караванов на территории Афганистана;

ведение воздушной разведки караванных маршрутов вертолетами армейской авиации с досмотровыми группами специального назначения на борту;

минирование караванных маршрутов и установка на них разведывательно-сигнализационной аппаратуры и радиолиний типа ПД-430, применение комплектов «Охота»;

выявление районов сосредоточения бандформирований, складов с оружием и боеприпасами, мест дневки караванов и наведение на них боевой авиации и вертолетов с последующей проверкой результатов ударов;

проверка достоверности разведданных, полученных другими видами разведки;

завершение уничтожения объектов после нанесения по ним авиационных ударов.

В целом задачи, стоявшие перед подразделениями СПН, соответствовали поставленным целям. Для более успешного выполнения поставленных задач целесообразно было бы придавать батальонам СПН по одному огневому взводу гаубиц Д-30 или САУ «Гвоздика».

Особенностью боевого применения подразделений СПН являлось то, что они оценивались только по уничтоженным и захваченным средствам противника. Проводимые разведывательные мероприятия не учитывались, что приближало подразделения СПН к десантно-штурмовым подразделениям, а не разведывательным.

СПН И СРЕДСТВА СПЕЦИАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ, ИХ ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ, ОСНАЩЕНИЕ И БОЕВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Для выполнения разведывательных и специальных задач в составе войск, дислоцировавшихся в РА, имелось две бригады специального назначения четырехотрядного состава и одна отдельная рота СПН армейского комплекта.

Из имеющихся сил и средств специальная разведка могла выделить до 76 разведывательных групп СПН в составе взвода или 25 разведывательных отрядов СПН в составе роты. Ежедневно в боевых действиях участвовало до 25-30 разведывательных групп СПН и разведывательных отрядов СПН, такое же количество групп находилось на подготовке, остальные на отдыхе.

Управление бригады осуществляло непосредственное руководство отрядами СПН, организовывало снабжение всеми видами довольствия, взаимодействие с приданной авиацией, средствами огневой поддержки и между отрядами в зонах боевой деятельности.

Отдельные отряды СПН являлись основными боевыми подразделениями, входившими в состав бригад СПН, в которых осуществлялась вся боевая и политическая подготовка разведчиков и организовалась разведывательно-боевая работа.

Организационно отдельный отряд СПН состоял из управления, штаба, служб, двух рот специального назначения на БТР-70, одной роты специального назначения на БМП-2, роты минирования, зенитно-артиллерийской группы ЗСУ-23-4, группы связи, роты обеспечения, медпункта.

Роты специального назначения на БТР-70 и БМП-2 состояли из трех групп (по 23 человека и три БТР-70 или БМП-2 в каждой) и группы АГС-17 (25 человек, АГС-17-6 шт., РПО – 3 шт.).

Всего в отдельном отряде специального назначения – более 500 человек личного состава. Основное вооружение отряда: БТР-70-32, БМП-2-12, ЗСУ-23-4-4, КШМУ – 2, БТР-60ПБ – 2, БРМ-1К – 1, 30-мм автоматические гранатометы АГС-17 18, 40-мм подствольные гранатометы ГП-25-27, огнеметы реактивные пехотные РПО – 9, РЛС ближней разведки СБР – 3, различное стрелковое оружие (автоматы, пулеметы, снайперские винтовки, пистолеты) с приборами ночного видения и ПБС, средства связи (специальные и общевойсковые), медицинские средства и снаряжение.

Каждому отряду СПН придавалось по одному звену вертолетов войсковой авиации (Ми-8-4, Ми-24-4).

Для поддержки огнем РГ (разведгруппа. – *Прим. авт.*) СПН при выполнении разведывательно-боевых задач привлекались танковые и артиллерийские подразделения мотострелковых частей и подразделений реактивной артиллерии.

Важным мероприятием при подготовке разведывательных групп и отрядов к ведению боевых действий являлось обеспечение их вооружением, снаряжением и другими материально-техническими средствами. Необходимое вооружение, снаряжение и оснащение групп и отрядов определялось в зависимости от конкретной боевой задачи, состава группы (отряда), продолжительности пребывания на боевом выходе.

При этом учитывалась необходимость сохранения групповой маневренности, подвижности, огневой мощи.

Все выделяемые материальные средства и вооружение предварительно проверялись с точки зрения их исправности, работоспособности и пригодности к использованию.

Опыт боевых действий в Афганистане показал, что игнорирование этих требований при подготовке групп

приводит к срыву выполнения боевой задачи и даже неоправданным потерям в личном составе.

Вооружение разведывательной группы (отряда) зависело от конкретной боевой задачи и ее состава. За основу бралась штатная РГ СПН. Обычно в ее состав входило 20–25 человек:

Командир группы, офицер.1
Зам. командира группы, прапорщик.3–4
Разведчики.13–15
Радист-разведчик.2–4

С учетом приобретенного опыта боевого применения в горно-пустынной местности такая группа при ведении боевых действий имела (шт.):

12,7 мм пулеметов «Утес».1;
пулеметов (ПК).2–3;
снайперских винтовок (СВД).2–3;
30-мм АГС-17.1–2;
РПО «Рысь» или «Шмель».1–2;
АКМС с ПБС.3;
подствольных гранатометов ГП-25.3–4;
РПГ-18 или РПГ-22.4–5;
автоматов АКС-74.6–7;
АПСБ.2–3;
ножей разведчика НР16–20;
сигнальных и осветительных средствпо 2–3 на каждого человека.

Иногда действуют группы и отряды большого состава – до роты (70–90 человек).

На каждую единицу вооружения выделялось не менее двух боевых комплектов. Каждый разведчик брал 4–6 ручных гранат (РПГ-5–2 шт., Ф-1–2 – 4 шт.). Наступательная ручная осколочная граната РГД-5 имеет вес 310 г, радиус взлета убойных осколков 25 м; оборонительная граната Ф-1 имеет вес 600 г, радиус взлета убойных осколков около 200 м. В группе, кроме того, были 3–4 щупа, противопехотные мины (МОН-50,

ОЗМ-72, ПМН), количество которых определялось командиром группы.

В группе имелись 15-мм сигнальное устройство, 10-15 осветительных ракет, различные сигнальные дымы и патроны.

За счет подразделений АГС-17 разведывательная группа на усиление, как правило, получала 1-2 расчета АГС-17 или 1-2 РПО «Рысь» и «Шмель» или пулемет «Утес». Из средств связи группа имела: Р-159-1, «Ангара» – 1, «Ромашка» – 2, Р-392-3 – 4, Р-255 (Р-234) – на каждого разведчика, не имеющего средств связи. Питание к радиостанциям бралось из расчета обеспечения связи в группе, с центром и вертолетами обеспечения и поддержки в течение нахождения на боевом выходе и резерва на 3-4 суток.

При выходах для проведения засад, кроме перечисленного вооружения, группы дополнительно (по возможности и при наличии) брали ДШК и пулеметы «Утес», что позволяло надежно поражать цели на дальних расстояниях и прочно удерживать занимаемые позиции.

В состав группы включались вожатые как минно-розыскных, так и засадных собак.

При выходах на боевых машинах состав разведывательных групп (отрядов) был больше, т.к. вертолеты брали на борт до 10 человек, а в летний период при высокой температуре – 7-8 чел. Количество личного состава, выводимого на боевых машинах, определялось количеством единиц боевой техники. Поэтому группы, высаживаемые вертолетами, имели одно вооружение, а группы на боевых машинах – другое.

Одним из наиболее мощных видов оружия разведывательных групп являлся 30-мм автоматический гранатомет АГС-17. Он предназначался для поражения живой силы противника, находящегося вне укрытия. Его тактико-технические характеристики: скорострельность

– от 50–100 до 300 выстр./мин, прицельная дальность – 1700 м, емкость магазина – 29 выстрелов, вес – 31 кг (гранатомета – 18 кг, станка – 13 кг), радиус сплошного поражения осколками гранаты – 7 м. Гранатомет позволял вести огонь прямой наводкой и с закрытых огневых позиций.

Реактивные пехотные огнеметы «Рысь» и «Шмель» явились наиболее эффективным средством уничтожения живой силы противника, расположенной в укрытых огневых точках, дувалах, пещерах, фортификационных сооружениях, а также на открытой местности в любых погодных условиях.

(...)

Мощным индивидуальным оружием разведчиков являлся 40-мм подствольный гранатомет ГП-25 с гранатой осколочного действия. Небольшие по размерам габариты и масса (1,5 кг), большая дальность стрельбы (до 400 м настильной траекторией), простота в эксплуатации и обслуживании позволяли широко применять этот вид оружия. Гранатомет ГП-25 применялся для уничтожения живой силы, находящейся за высотами, камнями, за глинобитными стенами дувалов, а также в подгруппах обеспечения при прикрытии группы.

Группы, назначенные для блокирования и обеспечения налета, усиливались расчетами АГС-17, пулеметами «Утес». 12,7-мм пулемет «Утес» применялся в целях противодействия крупнокалиберным пулеметам ДШК мятежников. Его высокие тактико-технические характеристики (прицельная дальность – 2000 м, скорострельность – 270 выстр./мин, емкость коробки – 50 патронов, масса пулемета без станка – 25 кг, механический прицел и прицел СПП 3- и 6-кратного увеличения, расчет два человека) позволяли успешно противодействовать мятежникам.

Вооружение при налете аналогично другим видам боевых действий. Разница состоит в том, что группа захвата (досмотра) имела автоматы, пистолеты, ножи, по 6-8 гранат. При штурме отдельных дувалов и крепостей нашли широкое применение мины ОЗМ-72 в качестве фугасов, бросаемые разведчиком из-за укрытия.

Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы ПБС-1 к автомату АКМС неприхотлив в эксплуатации, имеет высокие боевые качества. С его помощью велся огонь на дальность до 400 м. Прибор ПБС-1 применялся для бесшумного поражения одиночного противника (часовых, дозорных проводки караванов, водителей автотранспорта и др.), что делало его незаменимым при проведении засад и налетов. Автоматический бесшумный пистолет АПБ хорошо зарекомендовал себя и широко использовался разведгруппами. Большая прицельная дальность (до 200 м) и емкость магазина (20 патронов), возможность ведения бесшумной стрельбы очередями обеспечивали ему высокие боевые возможности, особенно при проведении налетов на исламские комитеты ночью.

Для проведения досмотра караванов вылетали досмотровые группы в составе 16-18 человек. Вооружение и снаряжение досмотровых групп включало: пулеметов ПК-3; снайперских винтовок СВД-2, на каждого разведчика – по 4 гранаты (Ф-1-2, РГД-5-2), миноискатель и 4-5 щупов, радиостанций: Р-159-1, Р-392-4, Р-354-1, остальное вооружение и снаряжение – по штату. Как правило, в состав групп включался вожатый с минно-розыскной собакой.

Опыт ведения боевых действий в РА подтвердил целесообразность принятия на вооружение разведывательных групп снайперского оружия. Разведчики-снайперы вооружены винтовками СВД с ПСО-1. Она позволяла прицельно поражать противника

на дальностях с механическим (800 м) и оптическим (1300 м) прицелами. Масса винтовки со снаряженным магазином – 4,3 кг, емкость магазина – 10 патронов.

Боевая деятельность РГ СПН при проведении поисково-засадных действий немыслима без широкого применения средств инженерного вооружения. Инженерное обеспечение боевых действий подразделений бригады осуществлялось с целью перекрытия минными полями труднодоступных караванных маршрутов, на которых засадные действия РГ СПН неэффективны, позиций пусковых установок реактивных снарядов, минометов, безоткатных орудий, с которых ведется обстрел населенных пунктов и пунктов постоянной дислокации наших войск, мест вероятных подходов мятежников к автомобильным дорогам, а также прикрытие флангов подразделений СПН в засаде и маршрутов отхода разведорганов после выполнения боевых задач, ведения инженерной разведки и обезвреживания мин и фугасов, установленных мятежниками.

Перед каждым боевым выходом с личным составом подразделений СПН проводился инструктаж о порядке действий в зонах минно-взрывных заграждений. Во всех отрядах СПН велись карты минной обстановки, которые постоянно уточнялись и использовались при планировании и подготовке разведывательно-боевых действий. Основным штатным взрывчатым веществом в отрядах СПН являлась ВВ нормальной мощности. К ним относятся «тротил», «пластит-4», «ПВВ-5А», поступающие:

мина осколочная, направленного действия МОН-50 (...)[\[666\]](#);

мина осколочная, направленного действия МОН-90 (...);

мина осколочная, направленного действия МОН-100 (...);

фугасная мина наземного действия ПМН с временным предохранителем (металлоэлементом) (...);

фугасная мина нажимного действия ПМН-2 (...). Практически труднообнаруживаемая.

Для дистанционного подрыва зарядов ВВ при устройстве засад в указанное время, минировании группировок мятежников и исламских комитетов применялись радиолиния ПД-430 совместно с радиостанцией Р-392. Дальность управления подрывом от Р-392 в полевых условиях – 1500 м, в условиях городской постройки – 600 м. С использованием вертолета Ми-8т дальность подрыва увеличивалась. Диапазон частот – УКВ. Время работы с комплектом штатного питания – не более 24 часов, с использованием 1/2 пояса питания Р-394-6 – 7 суток.

С поступлением в части комплектов «Охота-1» и «Охота-2» началось их применение с целью минирования караванных троп, объектов, возможных мест дневок, переправ мятежников. Взрыватель ВП-13 («охота») использовался для установки минных полей из пяти мин, реагирующий только на шаг человека, мины взрывались поочередно.

Наиболее эффективно применялись минно-взрывные заграждения в зонах ответственности 4-го и 5-го оо (отдельные отряды. – *Прим. авт.*) СПН. Подразделениями 4 оо СПН в течение года было установлено более 70 минных полей с использованием мин ОЗМ-72, МОН-50, НС-3, МЛ-7. На минных полях было уничтожено 13 караванов и 5 групп мятежников.

В 5-м оо СПН в течение года было установлено 39 минных полей, в результате чего в районе Суруби уничтожено 12 мятежников, в районе Митерлама за 3 месяца – 47 мятежников, в районе Асмар – до 122 мятежников, в том числе два главаря крупных бандформирований.

ВВ использовалось при ведении боевых действий различными способами и с различными целями. Тротиловые шашки 200- и 400-г, с использованием зажигательных трубок длиной от 10 до 15 см, с предварительным закреплением к ним осколочных элементов в виде гвоздей, металлических шариков разведчики применяли в качестве оборонительных гранат и при захвате дувалов с находящимися в них мятежниками. Из пластичных и эластичных ВВ изготавливали различные по форме сосредоточенные и кумулятивные заряды.

При использовании большого количества ВВ устраивали завалы, камнепады в узких горных переходах, ущельях, при организации засад виды ВВ использовались как фугасы.

При уничтожении складов с оружием и боеприпасами основным являлось ВВ, с помощью которого происходила дальнейшая детонация боеприпасов на складе. Используя ВВ нормальной мощности, РГ СПН уничтожали пещеры, огневые позиции ДШК и ЗГУ, другие фортификационные сооружения мятежников.

Широко использовались при минировании караванных путей, троп, а также путей отхода мятежников взрыватели полевых фугасов, минные универсальные взрыватели. Для устройства обвалов на узких участках местности, пробивания глинобитных сооружений, кяризов, уничтожения складов с боеприпасами применялись кумулятивные заряды КЗ-6, КЗ-7, КЗУ-2.

Хорошо зарекомендовал себя универсальный малогабаритный кумулятивный заряд УМКЗ при устройстве ловушек в местах пребывания мятежников, сюрпризов с установкой элемента неизвлекаемости, а также мина-сюрприз МС-3 и мина-ловушка МЛ-7.

Наиболее эффективными и удобными для устройства засад, установки минных полей, на тропах и караванных маршрутах, на узких участках местности, минирования мест вероятного пребывания мятежников являлись мины ОЗМ-72, МОН-50, МОН-90, МОН-100, ПМН, ПМН-2.

Тактико-технические характеристики мин:

– осколочно-заградительная мина ОЗМ-72: выпрыгивающая, осколочная, кругового поражения. (...) радиус сплошного поражения – 25 м, высота разрыва мины над землей – 60–90 см, используется разведчиками в качестве фугасов при штурме дувалов и из-за укрытий.

Мина дает лучший результат с применением комплекта «Охота-2». На одной mine в среднем подрывается два мятежника, но имеются случаи, когда при попытке разминирования одной мины подорвалось 7 мятежников.

Всего за год подразделениями 15-й обр СПН уничтожено на минных полях 374 мятежника, 303 вьючных животных, 24 автомобиля.

Для перевозки личного состава подразделений на вертолетные площадки и аэродромы, транспортировки различных грузов и выполнения хозяйственных работ в подразделениях в каждом отряде имелись автомобили: ЗИЛ-131 (Урал-4320) – 18, ГАЗ-66 – 5 и УАЗ-469-1.

На базе автомобиля ЗИЛ-131 разворачивались радиостанции Р-357М и Р-358 (центровые станции) для организации радиосвязи в КВ диапазоне волн командира отряда с разведывательными группами и штабом бригады СПН.

С большой эффективностью в ходе боевых действий использовали бронегруппы. В их состав включались, как правило, 5–6 и более БМП или БТР-70 и 20–30 разведчиков. Походный порядок бронегрупп строился с таким расчетом, чтобы в случае подрыва машины обеспечивалась ее немедленная эвакуация. При незначительных подрывах ремонт машин производился

на месте. В состав ремонтно-эвакуационных групп назначались МТП-1 и БТС-4. При выходе на удаление более 50 км танковые тягачи и машины технической помощи в состав РЭГ не включались. Взамен их выводились однотипные боевые машины: 1-2 БМП-2 или 1-2 БТР-70.

Боевая машина пехоты БМП-2 и бронетранспортер БТР-70 предназначались для вывоза личного состава на боевые действия и оказания огневой поддержки подразделениям СПН в бою, их эвакуации.

(...)

Созданная на базе БТР-60ПБ командно-штабная машина (КШМ) Р-145БМ предназначалась для организации радиосвязи на подвижных пунктах управления по одному каналу КВ к трем каналам УКВ.

Р-145БМ представляет собой подвижный комплекс, смонтированный в бронетранспортере без башни и включающий сдвоенный синтексный вариант УКВ радиостанции Р-111, УКВ радиостанции Р-123МТ, КВ радиостанции Р-130М, устройство вызова Р-012, систему питания, антенно-мачтовые устройства и коммутационную аппаратуру.

Использовалась при выходе на боевые действия в составе отряда для обеспечения связи командира СПН с ЦБУ отряда и бригады специального назначения.

Для проведения досмотров караванов вылетали досмотровые группы на транспортно-десантных (Ми-8т) и транспортных (Ми-8тв) вертолетах при поддержке боевых вертолетов Ми-24.

(...)

Для оказания хирургической помощи в каждой бригаде и отряде СПН имелась автоперевязочная АЛ-2 на базе автомобиля ГАЗ-66. Ее возможности составляли: по оказанию хирургической помощи – свыше 100 человек и по оказанию медикаментозной помощи – до 200 человек в сутки.

Для оказания первой помощи раненым предназначалась сумка медицинская войсковая (комплект «СМВ»). Рассчитана на оказание первой помощи 25–30 раненым. Вес комплекта – 5 кг.

Для оказания доврачебной помощи раненым и больным предназначался комплект «ПФ» (полевой фельдшера), рассчитанный на 80–100 раненых и обмороженных. При проведении амбулаторного приема в межбоевой период обеспечивал доврачебную медицинскую помощь 50 больным. Вес комплекта – 10,5 кг.

Каждый солдат и офицер оснащался ППИ (пакет перевязочный индивидуальный) для оказания первой медицинской доврачебной помощи на поле боя и индивидуальной аптечкой для оказания само- и взаимопомощи. В летнее и весеннее время группы брали с собой противозмеиные и противоскорпионовые сыворотки.

Врачи отрядов СПН перед каждым боевым выходом проводили инструктажи разведчиков-санитаров и всего личного состава подразделений по оказанию само- и взаимопомощи, первой медицинской и доврачебной помощи.

Медицинское обеспечение РГ СПН осуществляли разведчик-санитар или фельдшер отряда. При выхода на бронегруппе в состав отряда входил врач с необходимым запасом перевязочных средств, солевых и противошоковых растворов.

Исходя из решаемых задач и удаления РГ СПН от Центра, каждая разведгруппа обеспечивалась радиосредствами. Так, при действиях группы на расстояниях до 50 км применялся один из следующих вариантов состава средств связи:

1 ВАРИАНТ

КЗ радиостанции Р-354 для связи с Центром.

УКВ радиостанции Р-159.1
УКВ радиостанции Р-392 для связи внутри РГСПН. . . .
.3-4

УКВ радиостанция «Ромашка» для связи с вертолетами огневой поддержки.2

2 ВАРИАНТ

УКВ радиостанции Р-159 для связи с Центром.
. . .2

УКВ радиостанции Р-392 для связи внутри РГСПН. . . .
.3-4

УКВ радиостанции «Ромашка» для связи с вертолетами огневой поддержки .. 2

При действиях же группы на расстоянии свыше 50 км состав радиосредств был иной:

КЗ радиостанция Р-354 («Ангара») для связи с Центром.2

УКВ радиостанция Р-392 для связи внутри РГСПН. . . .
.3-4

УКЗ радиостанция «Ромашка» для связи с вертолетами огневой поддержки .. 2

Источники питания к радиостанциям брались из расчета на 2-3 суток:

аккумуляторный пояс 10 НКП-6С – по 3-4 шт. на каждую радиостанцию Р-354;

аккумуляторы 10 АНКЦ-С – по 4 шт. на каждую радиостанцию Р-159;

аккумуляторы 10 НКГЦ-1Д – по 2-4 шт. на каждую радиостанцию Р-392.

В ходе боевых действий хорошо себя зарекомендовал сухой паек «Эталон № 9» («горно-летний» и «горно-зимний»). Питательная калорийность его выше сухого пайка «Эталон № 5»; он содержит значительное количество жидких продуктов. В случае необходимости продовольствие и вода в район боевых действий доставлялись вертолетами или бронегруппой. Вода бралась в количестве 2 литров во флягах на

каждого и 24 литра на группу в ранцевых бурдюках. Данного запаса хватало на 2-3 суток действий. С целью ослабления жажды каждому разведчику выдавались витамины, содержащие аскорбиновую кислоту.

Экипировка личного состава разведывательной группы (отряда) зависела от времени года, погоды и условий местности. В подразделениях использовались горно-штурмовые комплекты обмундирования и летнее (зимнее) обмундирование специального назначения, плащ-палатки и рюкзаки РД-54. С учетом приобретенного опыта боевого применения групп (офицеров) в горно-пустынной и пустынной местности снаряжение включало: форму (специальную, летнюю), головной убор (каска), легкую обувь (кроссовки), боевую выкладку десантника - БВД, плащ-палатку, мощную саперную доплатку-мса, флягу 1,7 л - 2-3 шт., комбинированный котелок, ложку, перевязочный пакет, солнцезащитные очки. При действиях в зимнее время дополнительно группа (отряд) брала спальные мешки, утепленные куртки, теплую обувь, перчатки, теплые портянки.

При проведении налета снаряжение разведчиков, непосредственно участвовавших в налете, было облегченным. Это было вызвано тем, что налеты проводились, как правило, на склады бандгрупп мятежников, которые располагалась в труднодоступных местах: в дувалах, домах, пещерах, и тяжелое вооружение сковывало бы группу, приводило бы к потере маневренности.

Опыт боевых действий показал, что горным снаряжением необходимо обеспечивать весь личный состав отрядов СПН.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОЕДИНЕНИЯХ И ЧАСТЯХ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Сложные местные условия (горный рельеф, бездорожье, наличие обширных «кишлачных» и «зеленых» зон) играли важную роль в организации специальной разведки.

При планировании разведывательно-боевых действий учитывался целый ряд условий, оказывающих положительное и отрицательное влияние на ведение боевых действий в зонах ответственности частей СПН.

Положительное влияние оказывали:

тщательное планирование разведки;

четко организованное взаимодействие внутри подразделений СПН;

наличие на вооружении подразделений СПН БТР, БМП;

скрытность и внезапность действий подразделений СПН;

знание тактики действий мятежников;

высокая выносливость и маршевая втянутость личного состава;

знание оружия, имеющегося в бандформированиях и умение его использовать;

наличие широкой сети доброжелателей;

отсутствие согласованности между лидерами основных контрреволюционных партий, их разобщенность;

наличие на караванных маршрутах обширных участков пустынной местности без естественных укрытий, что позволяло обнаруживать караваны на большой дальности (это характерно для юга, юго-запада и запада Афганистана);

ограниченность в выборе маршрутов для проводки караванов с оружием и боеприпасами мятежниками из-за условий местности и местонахождения базовых районов мятежников, что позволяло широко планировать и осуществлять специальное минирование. Исключение составлял 6 ООСПН, т.к. в зоне его

ответственности мятежники использовали не отдельную дорогу (тропу), а целое направление.

Отрицательное влияние оказывали:

сложные условия горно-пустынной местности, высокая температура, отсутствие водоисточников, т.е. тяжелые климатические условия, ограничивающие возможности использования авиации, боевой техники и вооружения;

густая засоленность местности на маршрутах выхода подразделений спецназначения в районы боевых действий. Исключение составляла зона юга и юго-запада Афганистана, где, например, группы (отряды) 6 ООСПН могли скрытно выходить на глубину до 250 км;

большое удаление пунктов постоянной дислокации от районов проводки караванов с оружием и боеприпасами через границу между Ираном и Афганистаном, Пакистаном и Афганистаном в юго-восточных, юго-западных и западных районах РА;

наличие труднопроходимых и непроходимых участков местности для боевой техники, особенно в период дождей и таяния снега в горах. Это было особенно характерно для зон ответственности 3, 5, 7 и 8-го оо СПН;

низкая степень подготовки офицерского и особенно сержантского состава, прибывавшего в РА;

невыполнение в полном объеме заявок на вылеты авиации;

отсутствие на вертолетах приборов ночного видения, а также приборов наблюдения со стабилизированным полем зрения;

недостаточная активность и целеустремленность агентурной разведки в добывании достоверной и предупреждающей информации о мятежниках;

слабо организованное взаимодействие подразделений СПН с общевойсковыми соединениями и

частями по прикрытию государственной границы в системе «Завеса»;

недостаточная оперативность командиров батальонов СПН из-за отсутствия материальных средств на немедленную реализацию информации, поступающей от ОАГр, МТБ, пленных и других источников;

отсутствие фонда оплаты для работы с доброжелателями;

недостаточное использование постов радиоперехвата и пеленгования на основных караванных маршрутах;

отсутствие на вооружении подразделений СПН современных надежных, малогабаритных средств связи, средств радиоперехвата и пеленгования типа Р-365, Р-396к, Р-396У;

отсутствие надежных источников питания для ночных биноклей и прицелов, радиоприемников Р-255ПП, УКВ радиостанций;

неограниченные возможности мятежников по организации наблюдения за пунктами постоянной дислокации подразделений СПН, позволяющие определить направление выдвижения разведывательных групп (отрядов) (особенно на боевых машинах), состав их сил и средств;

наличие хорошо отработанной системы сигнализации мятежников, позволявшей в короткие сроки сообщить в нужные районы сведения о выдвижении разведорганов;

наличие у мятежников широко разветвленной сети доброжелателей из числа местных жителей, кочевников, пастухов.

Успешному решению задач, возложенных на части специального назначения, способствовало четкое, хорошо продуманное планирование разведывательно-боевых действий.

Планирование специальной разведки являлось наиболее важным мероприятием в организации и ведении всей разведывательно-боевой деятельности частей специального назначения. Только тщательное и своевременное планирование обеспечивало эффективное использование сил и средств специальной разведки.

Тщательно спланировать специальную разведку можно было только при условии ясного понимания цели и задач, которые возлагались на части специального назначения в РА, а также глубокого анализа имеющихся данных о караванах, бандформированиях мятежников и их объектах, с учетом возможностей своих сил и средств.

Планирование разведывательно-боевой деятельности сил и средств бригад специального назначения включало:

- распределение сил и средств специальной разведки по задачам, караванным маршрутам и объектам мятежников в соответствии с возможностями;

- определение времени, необходимого на подготовку сил и средств к выполнению поставленных задач;

- определение порядка и способов действий сил и средств подразделений специального назначения;

- определение резерва сил и средств для решения внезапно возникающих задач;

- планирование и проведение мероприятий по подготовке засад, налетов и досмотра караванов;

- определение порядка представления разведывательных сведений и сведений о результатах действий подразделений по уничтожению караванов, мятежных сил и их объектов.

Таким образом, основная цель планирования состояла в том, чтобы определить конкретно, когда, где и как будут выполняться поставленные задачи.

Основным документом, на основе которого планировалась разведывательно-боевая деятельность частей специального назначения, являлся план боевого применения сил и средств специальной разведки, разрабатываемый штабом армии на месяц, на основе планирования боевых действий на осенне-зимний и весенне-летний периоды.

План боевого применения сил и средств специальной разведки подписывался начальником штаба и начальником разведки, а утверждался командующим армией.

План боевого применения отражал следующие вопросы:

- группировку мятежников в полосе ответственности;
- основные маршруты и их нумерация;
- районы особого внимания;
- разграничительные линии между частями;
- маршруты полетов вертолетов армейской авиации с досмотровыми группами на борту;
- график выхода подразделений на заполнение разведывательно-боевых задач;
- график вылета досмотровых групп на воздушную разведку;
- расположение постов народной власти;
- места расположения соседних частей и подразделений.

Основой для планирования разведывательных и специальных мероприятий в бригадах и отрядах являлся план боевого применения частей специального назначения начальника разведки армии, боевые распоряжения по разведке штаба армии, поступающая информация о караванах от ОАГр и других источников и решение командира бригады (отряда).

Решение командира бригады оформлялось графически на карте (на месяц), с еженедельным уточнением в зависимости от поступления

разведывательной информации о караванах, мятежных силах и их объектах. К нему прилагалась краткая пояснительная записка и необходимые расчеты.

На карту наносилась группировка мятежных сил в зоне ответственности и караванные маршруты, где планируется использование разведывательных группы, время и место проведения засад, налетов, аэродром взлета (пункты посадки) или маршруты выдвижения на боевой технике (пешим порядком).

В пояснительной записке кратко излагались сведения о караванах, бандформированиях и их объектах, указывались задачи и номера разведывательных групп, которые будут выполнять эти задачи; состав групп (отрядов) и усиление, обеспечение их оружием, средствами связи, минно-взрывными и техническими средствами разведки, порядок и сроки доставки на аэродром или в пункт посадки в вертолеты (на боевую технику), сроки переброски групп (отрядов) в районы проведения засад и налетов; выделенные транспортные средства; мероприятия по организации связи; резерв сил и средств.

К пояснительной записке прилагались расчет времени на планирование и осуществление мероприятий по подготовке разведывательных групп, расчет распределения по группам и отрядам специального вооружения, боевой техники, технических средств разведки и других боевых и материально-технических средств, таблица взаимодействия с боевыми и транспортными вертолетами и др.

Штаб отряда на основе боевого распоряжения штаба бригады и решения командира отряда оформлял боевой приказ на вывод и действия подразделений отряда по разведке и уничтожению караванов, бандформирований и их объектов.

В боевом приказе указывались сведения о караване (бандформировании или объекте); мероприятия,

проводимые мятежниками по проводке (охране) каравана (объекта); задача группе (отряду) и срок ее выполнения, боевой состав разведывательной группы (отряда); место, время и способы вывода (переброски) разведывательных групп в район засады (налета) и выделяемые для этого силы и средства; порядок действий группы (отряда) после выполнения задачи; порядок подготовки группы (отряда) и время готовности к выполнению боевой задачи, порядок организации связи; сроки и порядок доклада результатов разведки и проведения специальных мероприятий; резерв для оказания практической помощи группе.

Одновременно с боевым приказом штаб отряда с начальниками служб разрабатывал план подготовки разведывательной группы (отряда) по боевым задачам, план вывода групп (отряда) в районы засад (налетов) и схему связи, план политической работы и тылового обеспечения. Все эти планы утверждались командиром отряда.

Особенностью планирования разведывательно-боевой деятельности подразделений СПН в условиях Республики Афганистан было:

- получение разведывательной информации от ОАГр и других источников о караванах;

- ограниченное количество времени на подготовку групп (отрядов) к выполнению задачи;

- выделение дежурных сил и средств для проведения мероприятий по досмотру караванов в дневных условиях.

Доведение разведывательных и специальных задач до исполнителей.

Своевременная постановка разведывательных и специальных задач исполнителям являлась важным мероприятием в общей организации специальной разведки.

До командиров бригад и отрядов специального назначения задачи доводились в виде боевых распоряжений письменно или по техническим средствам связи. Боевые распоряжения разрабатывались для каждого отряда отдельно.

При постановке задач учитывалось время, которое потребуется на доведение их до исполнителей и на подготовку сил и средств отряда для их выполнения.

В боевом распоряжении указывались:
необходимые сведения о караване (бандформировании или объекте);

боевая задача отряда (выделяемое число разведывательных групп) и сроки выполнения;

сроки и способы вывода (переброски) разведывательных групп в районы засад (налета или досмотра каравана), место и время их десантирования (высадки);

порядок допроса пленных на поле боя и использование их данных в интересах выполнения задачи;

количество и типы транспортных средств для вывода (переброски), количество выводимой боевой техники, кем они выделяются, когда и куда прибывают, аэродром взлета или пункты посадки;

порядок организации связи;

время представления донесений о результатах разведки и проведения специальных мероприятий;

порядок доставки пленных, добытых документов, образцов вооружения и техники;

резерв сил и средств.

Отдельные задачи ставились лично командиром бригады или офицером штаба бригады.

Задачу командиру разведывательной группы (сводного отряда) ставил командир отряда или один из его заместителей путем вручения ему выписки из боевого приказа командира отряда.

Все распоряжения, отданные устно, заносились в последующем в журнал отданных распоряжений.

(...)

Подготовка сил и средств специальной разведки включала общую и непосредственную подготовку их к выполнению поставленных задач.

Общая подготовка сил и средств специальной разведки осуществлялась в ходе повседневной боевой и политической учебы отрядов.

Непосредственная подготовка проводилась на основе плана боевого применения сил и средств специальной разведки, боевых распоряжений по разведке и проведению специальных мероприятий штаба бригады, по конкретной задаче по уничтожению каравана (банды мятежников или какого-либо объекта).

Подготовка групп (отрядов) и выполнению боевых задач организовывалась, как правило, двумя способами. При проведении плановых выходов подготовка осуществлялась по двухдневной программе последовательным методом. При реализации срочной информации подготовка групп к выходу осуществлялась за 3–6 часов параллельным методом.

Во всех случаях штабы разрабатывали план подготовки разведывательной группы (отряда) на основе решения командиров батальона.

В ходе повседневной боевой и политической подготовки осуществлялась общая подготовка подразделений в соответствии с расписаниями, по плану боевой и политической подготовки. Они включали:

- приведение вооружения группы к нормальному бою;
- практическое занятие по установке, обезвреживанию и подрыву минно-взрывных средств;
- проведение занятий по тактико-специальной подготовке;

- зарядку аккумуляторных батарей для КВ и УКВ радиостанций, биноклей и прицелов ночного видения.

Проверка радиосредств на работоспособность;

отрабатываются варианты захвата пленных при различных случаях ведения боевых действий группой;

занятия с личным составом группы по военно-медицинской подготовке (оказание первой помощи и самопомощи при ранениях, вывихах, переломах, тепловых ударах, укусах ядовитых змей и насекомых, огнестрельных ранениях);

с командирами групп, их заместителями и радистами проводятся занятия по шифрованию и программам радиосвязи, провести практические тренировочные сеансы;

укомплектование рюкзаков запасами патронов, гранат и взрывных средств;

медицинское обслуживание личного состава РГСПН за 2-3 часа до выхода на выполнение задачи;

проведение партийных и комсомольских собраний на успешное выполнение предстоящих задач.

При непосредственной подготовке особое внимание обращать на следующее:

постановку ответственным офицерам боевой задачи; на особенности рельефа, проходимость местности, характерные ориентиры;

при постановке задач личному составу и организации взаимодействия: на маршруты движения, пункты сбора, возможный ход действий при внезапной встрече с мятежниками, а также при изменении обстановки в ходе выполнения задачи; при отработке практических действий личный состав подбирал местность с рельефом, аналогичным рельефу местности в районе предстоящих действий;

при получении вооружения и материальных средств: на распределение вооружения и снаряжения группы (отряда) в зависимости от характера выполняемой задачи, но при этом учитывалась необходимость

сохранения маневренности, подвижности, огневой мощи;

при подготовке оружия и снаряжения: на необходимость обматывания соприкасающихся деталей вооружения и экипировки изоляцией или тканью во избежание шума во время движения, на равномерность распределения груза.

В связи с наличием большого количества различных особенностей по действиям групп в РА, значительно осложняющих деятельность, их подготовке уделяется особое внимание.

Районы предстоящих действий тщательно изучались личным составом по крупномасштабным картам или аэрофотоснимкам. Тренировочные занятия проводились по специально подобранной местности, а при отсутствии времени – на ящике с песком. В ходе тренировки разведчики готовились по конкретным задачам с практической отработкой способов их выполнения на боевой технике и во взаимодействии с вертолетами.

Постоянное внимание при подготовке личного состава к выполнению задачи уделялось физической подготовке, умению метко стрелять ночью, в том числе из бесшумного оружия, бесшумному передвижению, маскировке в горах, применению приемов самбо и каратэ в рукопашном бою, при захвате пленных, а также при снятии часовых и наблюдателей.

В ходе подготовки большое значение уделялось выработке у офицеров правильных решений в сложной и необычной обстановке.

В практике боевого применения подразделений специального назначения из-за необдуманных действий командиром группы имелись необоснованные потери в личном составе.

Только в одном 1-м отряде СПН имели место два случая гибели людей при форсировании вброд реки Кабул. В 1984 году утонуло 6 человек, а в феврале 1985

года – 11 человек, тогда как в бою погибло всего за январь – февраль месяцы 1985 года – 4 человека.

В принимаемых решениях не учитывались особенности местности, климата, а также индивидуальные качества и подготовка каждого разведчика.

(...)

После выхода групп (отрядов) на выполнение боевой задачи управление ими осуществлялось с центра боевого управления командиром батальона.

(...)

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ БОВЕЫХ ДЕЙСТВИЙ РГ СПН НА КАРАВАННЫХ МАРШРУТАХ И КОММУНИКАЦИЯХ В ГОРНОЙ И ПУСТЫННОЙ МЕСТНОСТИ

Опыт ведения боевых действий показал, что одним из важнейших направлений повышения эффективности действий подразделений СПН в борьбе с караванами являлось максимальное использование возможностей, заложенных в штатной боевой технике и средствах разведки, на основе повышения профессиональной подготовки личного состава, творческого учета разведчиками особенностей обстановки, изучения сильных и слабых сторон противника, тесного контакта с источниками получения разведывательной информации.

Основными путями совершенствования форм и методов ведения боевых действий разведывательных групп на караванных маршрутах и коммуникациях горной и пустынной местности являлись:

глубокое изучение реальной обстановки в зонах ответственности отрядов, своевременная реакция на изменения тактики действий мятежников при проводке караванов;

улучшение взаимодействия с фронтовой, армейской авиацией и общевойсковыми частями по вопросам

своевременного боевого обеспечения действий разведорганов;

улучшение взаимодействия с частями радиоразведки в интересах обнаружения караванов и немедленной реализации информации;

боевые действия отрядов с базовых районов, приближенных к караванным маршрутам, в том числе и в пограничной зоне;

широкое использование эшелонированных засад на вероятных маршрутах движения караванов;

активизация деятельности подразделений по минированию вероятных маршрутов движения караванов мятежников с использованием комплектов «Охота», ПД-430, «Реалия-У»;

целенаправленная работа по захвату пленных, повышение оперативности реализации их показателей по передвижению караванов;

эффективное использование воздушной разведки, для чего проводить вылеты досмотровых групп в различное время суток и по различным маршрутам, не допуская шаблонности в их действиях.

Основными мотивами сотрудничества доброжелателей с представителями советских войск являлись:

идейно-политические, основанные на стремлении внести свой вклад в дело борьбы с мятежниками;

материальная заинтересованность;

чувство мести к мятежникам.

В условиях ДРА мотив материальной заинтересованности преобладал над идейно-политическим, что обуславливалось частно-собственнической психологией населения. Усилия начальника разведки направлялись в первую очередь на постепенное воспитание у доброжелателей сознательного отношения к сотрудничеству с советским командованием. Во время контакта с доброжелателем,

который обычно осуществлялся в каком-либо государственном учреждении (в противном случае невозможна скрытность работы), ему ставилась задача на сбор информации того или иного характера, в зависимости от возможностей данного человека. Обговаривались сроки получения данных и время последующей встречи. Размер вознаграждения определялся в том случае, если полученная информация будет непосредственно реализована в ходе боевых действий. Как правило, информация, поступавшая от доброжелателя, не представляла особой ценности для разведки, т.к. доброжелатель добывал ее от различных слоев населения (т.е. это было не что иное, как слухи). Непосредственный контакт доброжелателей с мятежниками встречался крайне редко и был сопряжен с определенными трудностями. В то же время доброжелатель заранее знал, что его риск будет недостаточно оплачен, и не шел на это.

Средства для оплаты доброжелателей брались из трофейного фонда частей или в агентурной группе. Трудность в этом вопросе состояла в том, что в трофейном фонде всегда имелись материальные средства и продовольствие, а для того, чтобы получить деньги для оплаты в агентурной группе, необходимо было на каждого доброжелателя завести анкету с его биографическими данными, распиской на согласие сотрудничать с советским командованием и личной фотографической карточкой доброжелателя. Ко всему этому прилагался подтверждающий документ из агентурной группы. Доброжелатели не всегда шли на это, полагая, что в случае утечки информации он будет подвергнут преследованиям со стороны мятежников.

Расширению сети доброжелателей способствовали следующие условия:

- упрочение народной власти на местах;

дружеское отношение советских войск к афганскому народу;

тесный контакт с органами народной власти: МТБ и царандоя.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПН С АГЕНТУРНОЙ РАЗВЕДКОЙ, АРМЕЙСКОЙ И ФРОНТОВОЙ АВИАЦИЕЙ, МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И ВС РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН В ИНТЕРЕСАХ ВЫЯВЛЕНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ КАРАВАНОВ С ОРУЖИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ. СОЗДАНИЕ СЕТИ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ В ЗОНАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Части специального назначения в своих зонах ответственности информацию о караванах, бандформированиях мятежников, складах с оружием и боеприпасами, исламских комитетах получали от наших агентурных органов, органов МГБ, царандоя, пограничных частей, от местных жителей и доброжелателей.

Информация, поступающая из различных источников, требовала систематического анализа и тщательной перепроверки с целью исключения возможных случаев поступления дезинформации.

С разведывательными органами и органами МГБ, царандоя, пограничными подразделениями, доброжелателями осуществляется непосредственный контакт при получении разведывательных данных по караванам, исламским комитетам, складам и бандформированиям.

Наши агентурные органы являлись одним из основных источников разведывательной информации о местонахождении караванов, бандформирований и их объектов. На основе их данных командиры соединений и частей специальной разведки принимали решения на разведывательно-боевые действия.

Анализ обстановки показал, что в специфических условиях Афганистана наиболее достоверную и полную

информацию о местоположении и характере деятельности мятежников соединения и части специального назначения получали от агентурной разведки.

Оперативные агентурные группы (ОАГ) являлись непосредственными руководителями действующей агентуры на местах и организаторами разведки в зонах ответственности отрядов СПН.

ОАГ оснащались радиостанциями Р-353, Р-354, «Околыш», «Ляпис», которые имеют высокую надежность при больших нагрузках в работе.

С ОАГ, расположенными на значительном удалении от частей СПН, организовывалась и постоянно поддерживалась радиосвязь с использованием шифра специального назначения с дежурным приемом на узлах связи отрядов и штабов бригад СПН, что обеспечивало поступление обработанных данных в отряды через 30-40 минут.

Для проведения занятий по изучению объекта, выработки наиболее целесообразных способов и методов боевых действий привлекались оперативные офицеры ОАГ, по чьей информации планировался выход РГ СПН. Особое внимание уделялось отработке вопросов взаимодействия с приданными и поддерживающими подразделениями и средствами – бронегруппой, авиацией, артиллерией.

Реализация поступающей срочной информации от ОАГ осуществлялась дежурными подразделениями, находящимися в 10-15-минутной готовности в пунктах дислокации на вертолетах или на бронетехнике.

По информации оперативно-агентурной группы 4.04.86 была выведена РГ СПН № 411 в количестве 20 человек в район 15 км юго-вост. Бараки. Высадка группы была проведена на ходу во время движения колонны машин по дороге Кабул – Гардез. Используя темное время суток, складки местности, командир вывел группу

в указанное место, где организовал наблюдение. Подошедший караван был уничтожен огнем с расстояния 20–40 м, место боя освещалось ракетами. Одновременно была вызвана бронегруппа. В результате засады были уничтожены караван, состоящий из 7 машин, 27 мятежников, около 12 т боеприпасов. Захвачено большое количество стрелкового оружия, ВВ, выстрелов к БО и РПГ, боеприпасов к стрелковому оружию, медикаменты, документы исламских комитетов. Группа без потерь возвратилась в пункт дислокации.

Командир агентурного органа получал от своих источников информацию о противнике, оценивал ее, перепроверял через другие каналы, после уточнения доводил до командиров соединений и частей специальной разведки по средствам связи, в ходе личной встречи или через своего офицера. Выработывал рекомендации по порядку проведения реализации разведданных путем организации засады или налета на объекты противника. При этом он указывал наиболее удобные места и время проведения засады (налета), выделял проводников (наводчиков) для вывода подразделений на объекты противника. Дата и точное время проведения засады или налета проводнику не сообщались. Так, например, положительный результат работы с наводчиком дали боевые действия 100 разведывательного отряда в марте 1985 года. В результате реализации полученной информации от разведывательного органа с привлечением наводчика в кишлаке Арабан (улусвали Сурхруд) был уничтожен центр мятежников по подготовке специалистов минирования, а в последующем уничтожен караван с противотанковыми минами.

В ходе разведывательно-боевых действий командир разведывательного органа указывал командиру части специального назначения оптимальный маршрут выхода на объект налета (в район засады). По завершению

разведывательно-боевых действий группой через свои источники уточнял (подтверждал) и доводил до командира результаты засады (налета).

Примером успешного взаимодействия подразделений СПН с ОАГ, радио- и радиотехнической разведкой, фронтовой и армейской авиацией являются действия 4-го отряда СПН в период с 12 на 13 мая 1987 года по уничтожению крупного каравана.

В 15.00 12 мая маневренная группа радиоразведки и перехвата запеленговала подвижную радиостанцию мятежников в районе Абчакан (провинция Логар). Эта информация была доложена командиру отряда, у которого уже были данные от ОАГ о возможном проходе через район ответственности отряда СПН крупного каравана мятежников на вьючных животных с боеприпасами и оружием. Немедленно была поставлена задача досмотровой группе № 421 на проведение воздушной разведки указанного района. Однако проведенный вылет результатов не дал. Оценив обстановку и зная тактику действий мятежников по проводке караванов, командир отряда принял решение повторно направить досмотровую группу № 423 в тот же район, изменив маршрут полета вертолетов.

В 16.10 в районе Абчакан группа обнаружила караван мятежников на дневке. При подлете группы к месту высадки мятежники открыли по ней огонь. Два вертолета огневой поддержки, входящие в состав досмотровой группы, нанесли огневой удар по мятежникам и скоплению вьючных животных.

Под прикрытием боевых вертолетов группа № 423 десантировалась в 500 м южнее места дневки каравана. Используя складки местности, стремительным броском заняла выгодные позиции на господствующей высоте. Оценив обстановку, командир группы доложил на ЦБУ отряда и вызвал резервную ДГр (досмотровая группа. – *Прим. авт.*) № 411 и группу № 415 на бронетехнике.

Мятежники предприняли попытку уничтожить ДГр № 423. Однако умелое управление боем, четкое и грамотное наведение боевых вертолетов на цели, правильно организованная система огня командиром ДГр, стойкость разведчиков не позволили превосходящим силам мятежников уничтожить группу и вывести из-под огня караван.

ДГр № 411 десантировалась в 1 км юго-восточнее Абчакан и силами трех подгрупп блокировала выходы из населенного пункта. С прибытием в 18.50 в район 1,5 км южнее Абчакан бронегруппы № 415 была проведена перегруппировка сил и средств, блокированы вероятные маршруты подхода резервов мятежников.

В 19.50 организованное сопротивление мятежников в основном было подавлено. Две группы досмотра (по 15 человек каждая) под прикрытием БрГр (бронегруппа. – *Прим. авт.*) № 415 выдвинулись для досмотра каравана, однако из-за сложной обстановки и в связи с быстрым наступлением темноты досмотр каравана произвести не удалось.

Командир отряда доложил сложившуюся обстановку командиру бригады СПН и получил приказ до наступления светлого времени закрепиться на захваченных рубежах и блокировать караван имеющимися силами и средствами.

В течение ночи отряд СПН вел наблюдение за мятежниками с целью недопущения вывода каравана, выноса груза и скрытного подхода их к нашим позициям, огнем бортового оружия бронегруппы используя тяжелое трофейное оружие, подавляли вновь выявленные очаги сопротивления.

С целью недопущения подхода резервов мятежников к месту боя по базовым районам «Сухроб» и «Дубандай» в 5.00 13 мая был нанесен бомбоштурмовой удар фронтовой авиацией, после чего был проведен окончательный досмотр уничтоженного каравана.

Действия отряда по досмотру поддерживали боевые вертолеты.

К 11.00 13 мая все захваченное оружие и боеприпасы были погружены на подошедшую БрГр № 445. Под прикрытием вертолетов и при поддержке артиллерии 4-й отряд СПН без потерь возвратился в пункт постоянной дислокации.

В результате боя было уничтожено 42 мятежника и 193 вьючных животных, большое количество боеприпасов, военного снаряжения, имущества, медикаментов.

Захвачено: ПЗРК «Хунъян-5», «Стрела-2» – 62, реактивных снарядов – 600, безоткатных орудий – 7, снарядов к БО – 570, мин к 82-мм миномету – 410, боеприпасов к ДШК и ЗГУ, стрелковому оружию – 112 400, выстрелов к РПГ – 950, ВВ – 340 кг, противопехотных мин – 600, медикаментов – 1000 кг.

(...)

В боевых действиях совместно с частями специального назначения принимали активное участие сотрудники МГБ и царандоя. Хорошее знание ими местности в полосе ответственности и оперативной обстановки позволяло командованию частей специального назначения принимать оптимальные решения как в период подготовки, так и в ходе боевой операции при резком изменении обстановки. Так, в апреле 1985 года разведдозор 100-го разведывательного отряда при ведении разведывательно-поисковых действий внезапно столкнулся с головным дозором мятежников. Сотрудник МГБ, входивший в состав разведдозора, начал переговоры, назвавшись «моджахеддином» одной из банд. Со стороны мятежников для переговоров были высланы парламентареры. Используя время переговоров, разведывательный отряд осуществил скрытный обход мятежников и разгромил их, захватив пленных.

Большую помощь в борьбе с бандами мятежников и в уничтожении караванов с оружием и боеприпасами оказывали представители царандоя. При их личном участии или по их наводке было реализовано в ходе разведывательно-боевых действий большое количество информации по уничтожения караванов и бандгрупп. Так, в июне 1985 года 412 разведывательная группа, имея в своем составе представителей царандоя и наводчика, уничтожила крупный караван, захватив большое количество оружия, боеприпасов, медикаментов и другого имущества. Большую помощь воины царандоя оказывали при выходе бронегруппы к местам устройства засад и объектам налета, способствуя безопасности прохода через заминированные участки.

Каждый командир части СПН имеет на руководстве определенное количество доброжелателей – местных жителей, по тем или иным мотивам согласившихся на сотрудничество с советским командованием в борьбе с мятежниками.

Использование поступающей от доброжелателей информации командиром части проводилось после подтверждения ее ОАГ.

Доброжелатель при этом используется в качестве проводника (наводчика). Результаты реализации данных, полученных от доброжелателей, учитываются в отдельной документации и докладываются в вышестоящие штабы.

Наиболее показательным по информации доброжелателя был выход разведывательного отряда СПН № 700 9 января 1987 года. Командиру отряда СПН стало известно из информации доброжелателя, подтвержденной ОАГ, что в районе 6,5 км западнее Шинкай находятся склады с оружием, боеприпасами и материальных средств бандформирования главаря муллы Ахмада.

Командир отряда СПН принял решение силами фронтовой авиации нанести бомбо-штурмовой удар, высадкой группы №721 захватить и уничтожить склады мятежников.

Состав ро СПН №700:

РГ СПН №721 – группа захвата, 24 человека, 4ПКМ, 4РПО-А;

РГ СПН №731 – группа прикрытия, 16 человек, 1 АГС-17, 3 ПКМ;

РГ СПН №732 – группа прикрытия, 18 человек, 1 АГС-17, 4ГП-25, 3 ПКМ;

РГ СПН №735 – бронегруппа, 57 человек, 7 БТР-70, 2 УРАЛ-4320, 3 ДШК, 3 82 мм миномета, 4 АГС-17;

РГ СПН №733 – группа обеспечения, 18 человек, 2 АГС-17, 9 ГП-25, 3 ПКМ;

РГ СПН №713 – резерв, 20 человек, 2 АГС-17, 4 ГП-25, 3 ПКМ.

В ночь с 8 на 9 января 1987 года группы прикрытия РГ СПН №731 и №732 скрытно заняли позиции у входа в ущелье с задачей обеспечить десантирование группы захвата, выход бронегруппы №735 и не допустить подхода мятежников со стороны Каръяйи-Гухар и Каръяйи-Забит.

К 9.40 9.01 в ущелье выдвинулась бронегруппа. В результате бомбо-штурмового удара и огня бронегруппы сопротивление мятежников было подавлено. Ящики с боеприпасами, оружием хранились в тайниках, в пещерах. К 16.00 9.01 минирование складов и пещер с боеприпасами было закончено. В 16.30 группа захвата РГ СПН №721 под прикрытием бронегруппы и группы прикрытия выдвинулась в район эвакуации. Отряд потерь не имел.

Уничтожено большое количество мятежников, оружия, боеприпасов, в том числе свыше 500 реактивных снарядов.

Захвачено более 100 000 боеприпасов к стрелковому оружию, свыше 60 единиц стрелкового оружия, радиостанции, мины, медикаменты, документы партии ДИРА, ИПА и НИФА.

Таким образом, ценную и достоверную информацию подразделения специального назначения получали от оперативно-агентурных групп. Данные о караванах с оружием и боеприпасами, о сроках их выхода и маршрутах следования наиболее точны, своевременны и обладают достаточной полнотой сведений, необходимых для принятия решения командиром отряда или бригады. Из принятой к реализации информации от ОАГ до 40% результативные.

Органы МГБ и царандоя предоставляли много информации командованию частей СПН о караванах, складах с оружием и боеприпасами, о местах расположения бандформирований, но в их сведениях проявлялись элементы дезинформации, в силу этого полученные данные от органов МГБ и царандоя в обязательном порядке проверялись и подтверждались через ОАГ, другие источники с последующей выдачей данных для принятия решения командиром на боевые действия, поэтому результативность реализации их информации составляла 45–50%.

Самые достоверные, точные и своевременные данные о мятежниках добывались в результате плановых разведывательно-поисковых и засадных действий разведывательными группами СПН, реализация полученной информации от плановых выходов РГ СПН составляла 28–30%, что несколько ниже относительно количества выходов групп.

При захвате пленных данные, полученные в ходе первичного допроса непосредственно в районе боевых действий, являлись наиболее ценными и достоверными. Отсутствие достаточного количества переводчиков со знанием языка пушту значительно затрудняло

получение своевременных данных от пленных. Помощь со стороны сотрудников МГБ и царандоя нередко приводила к утечке информации. Высокая результативность РГ СПН по информации пленных была в тех случаях, когда они соглашались быть проводниками разведывательных групп к объектам информации.

Так, в ходе налета 100-го разведывательного отряда на караван, расположенный на дневке в районе Танги-Такчи, 19 марта 1985 года был захвачен пленный. В ходе боя он был допрошен и дал показания о наличии склада с оружием и боеприпасами. Используя пленного в качестве проводника, отряд захватил склад, в котором находилось 200 выстрелов к БО, 132 выстрела к РПГ, стрелковое оружие и боеприпасы к нему.

14 апреля 1986 года при ведении боевых действий 1-м отрядом СПН в районе Шалатик был захвачен пленный, который при первичном допросе ничего не показал. Однако в последующем хорошо подготовленная и продуманная работа с ним дала положительные результаты. По показаниям пленного было совершено три боевых выхода, в результате которых было уничтожено 130 мятежников, захвачено большое количество стрелкового оружия и боеприпасов к нему, противотранспортных и противопехотных мин, мины к 82-мм миномету, ручные гранаты. Во всех трех выходах пленный использовался как наводчик.

Большой интерес для командования отрядов и бригад представляла информация от доброжелателей из числа местных жителей, сотрудников МГБ, органов местной власти и представителей царандоя. Однако работа по получению через них интересующих данных налажена была слабо. Это объясняется отсутствием должного опыта у офицеров, занимающихся этими вопросами. Поэтому информация от доброжелателей всегда перепроверялась через ОАГ и РГ СПН, в

результате чего терялась ее своевременность. Наибольший эффект приносили действия РГ СПН, в составе которой в качестве проводника (наводчика) действовал доброжелатель.

ПОРЯДОК ВЫВОДА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧИ

Успех ведения разведки в районе, как, впрочем, и других способов ведения боевых действий, зависел прежде всего от скрытности доставки разведорганов в район ведения разведки.

Опыт ведения боевых действий соединений и частей специального назначения в РА показал, что в большинстве случаев залогом успешного выполнения боевых задач являлся правильный выбор пути и способа вывода разведывательных групп и отрядов и хорошая его организация. Это объясняется тем, что мятежники организовали широкую сеть осведомителей и наблюдательных постов, ведущих постоянное наблюдение за пунктами постоянной дислокации и аэродромами (площадками) взлета вертолетов. О выходе разведывательных групп и отрядов на боевой технике, вылете их на вертолетах немедленно сообщалось с одного наблюдательного поста на другой с помощью условных сигналов (трассы пуль, сигнальные ракеты, солнечные зайчики, дымы, а в ночное время костры, факелы, фонари и т.д.), а в последние годы все чаще для этих целей используются малогабаритные радиостанции.

Для вывода разведывательных групп и отрядов специального назначения в Афганистане применялись воздушный и наземный пути. Наиболее оперативным является воздушный путь, в нем применяется два способа вывода:

- десантирование с посадкой вертолетов;

– десантирование из положения зависания вертолетов.

Основными преимуществами воздушного пути вывода разведывательных групп отрядов специального назначения являлись:

оперативность доставки в назначенное место высадки;

исключение возможности организации засад и минирования на путях выдвижения;

возможность осмотра командиром и личным составом разведывательной группы (отряда) района высадка и маршрута выдвижения в район выполнения боевой задачи;

доставка разведывательной группы (отряда) в район действий с наименьшей затратой физических сил и обеспечение разведчиков оружием, боеприпасами, водой, продовольствием и возможностью эвакуировать раненых.

Наряду с преимуществами воздушный способ вывода имел и существенные недостатки:

невозможность обеспечения скрытной высадки разведывательных групп;

отсутствие возможности вывода разведывательных групп в ночное время;

зависимость от погодных условий.

Вывод разведывательных групп и отрядов специального назначения воздушным способом, как правило, осуществлялся в светлое время суток за 15–20 мин до наступления сумерек из-за сложности рельефа и отсутствия приборов ночного видения у экипажей вертолетов армейской авиации. Группы (отряды) доставлялись на аэродром (вертолетную площадку) в крытых автомобилях непосредственно к вертолетам. После проверки вооружения и личного состава осуществлялась посадка в вертолеты. Для прикрытия

транспортных вертолетов в полете и высадки личного состава выделялись боевые вертолеты Ми-24.

Места высадки (основное и запасное) выбирались по карте, затем осуществлялась доразведка района высадки в ходе полетов над районом досмотровых групп. При доразведке определялась пригодность мест высадки, подбирались наиболее удобные маршруты выхода с мест высадки в районы выполнения задач. Доразведка проводилась за несколько дней до высадки, а иногда – с целью усыпления бдительности мятежников – и несколько дней подряд, вплоть до дня вывода. Места высадки должны были обеспечивать безопасное и скрытное десантирование разведчиков, быстрый сбор и хорошие условия маскировки. Они выбирались вдали от кишлаков, отдельных дувалов, дорог и троп с активным движением и кочевий.

Для скрытия десантирования разведывательных групп (отрядов) и введения противника в заблуждение до высадки проводилось 1-2 и более досмотра транспортных средств, несколько ложных посадок и зависаний, после высадки также выполнялись ложные посадки. Экипажи вертолетов после высадки по возможности некоторое время (до 30 минут) находились в 15-20 км от места высадки в готовности оказать огневую поддержку или эвакуировать группы (отряд) специального назначения в зависимости от складывающейся обстановки.

В ходе боевых действий наиболее применяемым способом вывода являлось десантирование с посадкой вертолета. При этом способе под прикрытием пыли, поднятой при посадке вертолета, первыми высаживались разведчики подгруппы обеспечения и занимали оборону, затем оставшийся личный состав. Время высадки не превышало 1,5-2 мин.

Группа бегом покидала место высадки одновременно со взлетом вертолета, т.к. вновь поднятая пыль

прикрывала ее передвижение до укрытия, а затем, используя складки местности, быстро и скрытно оставляла район высадки. Практика показывает, что группа, задерживающаяся в районе высадки, неминуемо обнаруживалась, т.к. места посадки или зависания вертолетов прочесывались местным населением по принуждению мятежников.

Способ десантирования из положения зависания вертолетов, как правило, применялся в горной местности, где посадка вертолетов затруднена, на открытой местности – это наименее скрытный способ. В перспективе при оснащении вертолетов приборами ночного видения он найдет широкое применение при десантировании ночью и в условиях плохой видимости.

По опыту ведения боевых действий в РА все практически совершенные места посадок вертолетов в полосе ответственности отрядов наносились на карту с указанием даты и времени посадки и краткой характеристики этих мест (включая удаление площадки от пункта постоянной дислокации, время, затрачиваемое на полет, азимут и другие характерные особенности) в целях их дальнейшего использования.

Пренебрежение этими требованиями и отсутствие такого опыта, как правило, приводило на практике к тяжелым последствиям. Так, 111-я разведывательная группа в составе 18 человек была десантирована в районе 13 км западнее Митерлам. Вертолеты вышли в район десантирования без осуществления маневра, ложные зависания не производились, разведывательная группа высадилась в 2 км от кишлака. В результате неправильных действий командиров экипажей вертолетов и самого командира группы (продолжительное пребывание группы в районе десантирования) группа была обнаружена противником. Личному составу пришлось вести тяжелый бой с превосходящими силами мятежников. Поставленную

задачу группа не выполнила и потеряла 8 человек убитыми.

Широко применялся в условиях Афганистана наземный путь вывода. Его основные преимущества:

- независимость от погодных условий и времени суток;

- возможность оказания своевременной поддержки как авиационной, так и бронегруппами.

Применялись три способа наземного пути вывода:

- на штатной боевой технике (БМП-2, БТР-70);

- на трофейной технике в одежде мятежников;

- пешим порядком.

Основным способом вывода разведывательных групп (отрядов) при наземном пути являлся вывод на штатной технике (БМП-2, БТР-70), его преимущества:

- независимость от погодных условий и времени суток;

- возможность оказания своевременной поддержки силами бронегрупп, а также эвакуации группы или раненых.

Однако он имеет и свои недостатки:

- недостаточная скрытность вывода;

- ограниченность выбора маршрутов, что обеспечивает возможность мятежникам устраивать засады и минировать вероятные пути выдвижения;

- малая по сравнению с воздушным путем оперативность.

Как уже говорилось, система наблюдения и оповещения за пунктами постоянной дислокации соединений и частей специального назначения, маршрутами выхода подразделений практически исключала скрытый выход на боевой технике в районы ведения боевых действий. При этом способе вывода особое значение приобрела разведка маршрутов, т.к. минирование, установка фугасов, в том числе и радиоуправляемых, а также организация засад широко

применялись мятежниками с целью задержания подразделений, или недопущения их выхода в контролируемые ими районы и на маршруты проводки караванов. С целью сокращения возможных потерь при подрывах личный состав располагался «на броне», в готовности к немедленному оставлению машин. Во всех случаях организация кругового наблюдения – жизненно важна. В боевой деятельности соединений и частей специального назначения в РА имеется много примеров, когда своевременное или даже за несколько секунд до начала огневого воздействия вскрытие засады позволяло значительно сократить потери, а иногда и избежать их. Характерен в этом отношении пример, происшедший в районе Спинвальдака. Бронегруппа из шести БМП и БТР под командованием капитана Шароевского В. устремилась на перехват каравана из пяти машин с реактивными снарядами (по сообщению доброжелателя) и попала в хорошо подготовленную засаду. Мятежники устроили засаду на открытой местности, где ее трудно было ожидать, но в условиях темноты и при хорошей маскировке они не были обнаружены. Более 10 мятежников с гранатометами поднялись для открытия огня по боевым машинам на расстоянии 20–30 метров. Вовремя открытый наблюдателями огонь из автоматов по мятежникам значительно сократил возможные потери. Впоследствии установлено, что колонна с РС оказалась хорошо разработанной дезинформацией.

Для скрытия места высадки разведчиков применялись различные приемы. Наибольшее распространение получило десантирование разведывательной группы на ходу. Разведчики оставляли боевые машины в условиях плохой видимости или под прикрытием пыли, поднятой бронегруппой, маскировались и после прохождения колонны скрытно выдвигались в район выполнения боевой задачи.

Другим приемом являлась эвакуация обнаруженной мятежниками группы и высадка вместо нее другой или имитации эвакуации группы. В этом случае разведчики находились внутри боевой техники при выдвигении к месту нахождения обнаруженной группы и на броне при возвращении.

После десантирования разведывательных групп (обычно при одном выходе на штатной технике выводились 2-3 разведывательные группы специального назначения) бронегруппа оставляла район их десантирования и находилась на удалении до 20 км и более в зависимости от обстановки и наличия путей подхода. Основным условием при этом было то, что бронегруппа должна прибыть на помощь любой разведывательной группе не позднее чем через 1,5 часа.

Для решения некоторых специальных задач РГ СПН выводились в район с использованием трофейной техники (полугрузовые машины типа «Семург» или дооборудованные легковые машины типа «Датсун»). Сложность заключалась прежде всего в подборе личного состава по внешнему виду и его экипировке с одеждой мятежников. Как правило, для ведения переговоров в группу включались 1-2 сотрудника МГБ или царандоя, или 2-3 человека со знанием языка местного населения.

Личный состав группы должен был хорошо знать местные обычаи, а несколько человек и язык местного населения. Кроме того, вывод этим способом подразумевал хорошее знание оперативной обстановки в районе, т.к. в условиях боевых действий враждующих группировок мятежников, а также взимания налогов за проезд по территории, контролируемой мятежниками, разоблачение и попытка уничтожения разведывательной группы, осуществлялось из-за малейшего несоответствия в действиях, в одежде или в легендировании. Не исключалось и нападение с целью грабежа.

При организации вывода на трофейной технике исключался выезд группы на этой технике с территории соединения или части специального назначения.

Не исключался из практики и вывод разведывательных групп пешим порядком, но срок действий их был ограничен. Как правило, вывод разведывательных групп пешим порядком осуществлялся из пунктов постоянной дислокации соединения (части) в темное время суток или в условиях ненастной погоды. В горной местности наиболее оптимальным временем для передвижения являлись сумерки (за 1-1,5 часа до захода или восхода солнца). В это время группу трудно было обнаружить, но она могла двигаться, выбирая дорогу. Ночью в горах движение вне дорог практически невозможно. Однако, когда маршрут был хорошо изучен или в составе группы был проводник, движение осуществлялось и ночью. Передвижение разведывательных групп (отрядов) производилось способом «переката»: в то время, когда половина группы преодолевала участок маршрута, другая половина находилась в готовности прикрыть ее огнем.

Вывод группы специального назначения пешим порядком – наиболее конспиративный, обеспечивающий наибольшую скрытность. Основными ее недостатками были:

- привязанность к району дислокации;
- значительная затрата сил на преодоление маршрута, прилегающего к месту дислокации части;
- сокращение количества боеприпасов, продовольствия и других средств материально-технического обеспечения разведывательной группы.

Глубина и срок действия РГ СПН значительно увеличивались за счет использования заранее заложенных тайников с запасом материально-технических средств, воды и продовольствия. Однако опыт доказывает, что подготовка тайников и закладка в

них – операция, требующая значительного времени, кроме того, мятежники и местное население, прочесывая место стоянки бронегрупп и дневок разведывательных групп, обнаруживали некоторые из них, организовывали наблюдение и засады.

Каждый из способов вывода разведывательных групп и отрядов в районы разведывательно-боевых действий имел свои положительные и отрицательные стороны, поэтому выбор того или иного способа вывода зависел от конкретных условий и обстановки. Главным условием организации успешного вывода являлся творческий подход, отсутствие шаблона, твердое знание оперативной обстановки.

Практика показала, что боевые действия приводили к желаемому успеху тогда, когда разведорганы отказывались от шаблонных действий, постоянно изыскивали новые методы ведения разведки. Примером могут служить действия РОСПН №500 в период с 25 по 26 мая 1987 года из базового района Суруби в районе Джигдалай. Используя данные наводчика, РОСПН №500 на виду у мятежников в дневное время совершил марш на бронетехнике в район разведки (прежние выводы разведорганов проводились с наступлением темноты).

В ходе выдвижения отряда мятежники не оказывали огневого воздействия. К сумеркам отряд вышел в район разведки и приступил к поиску указанных в задаче складов. За темное время суток было обнаружено 11 складов мятежников с большим качеством вооружения, боеприпасов и продовольствия. К утру все содержимое складов было подготовлено к взрыву, а затем уничтожено. Отряд отобрал образцы вооружения, выдвинулся в район Суруби. Огневое воздействие на отряд было оказано лишь после выхода из района разведки при подходе к базовому району.

Возвращение (эвакуации) разведывательных групп (отрядов) специального назначения были плановыми и

внеплановыми. Плановое – запланированное возвращение (эвакуация) после выполнения боевой задачи. Внеплановое вызывалось внезапно возникающими непредвиденными обстоятельствами, например обнаружением и окружением превосходящими силами мятежников, особенно когда по каким-либо причинам невозможно было организовать поддержку группы; наличием в разведывательной группе больных, раненых, убитых или пленных, документов или вооружения, захваченного у мятежников. Как плановое, так и внеплановое возвращение групп предусматривалось в ходе планирования разведывательно-боевой деятельности и условия их организации изучались с командиром группы и его заместителями. Внеплановое возвращение (эвакуацию) разведывательных групп организовывал и проводил командир части с разрешения вышестоящего командира. Эвакуация разведывательных групп осуществлялась воздушным путем (вертолетами) и наземным (на боевой технике).

Получив распоряжение на эвакуацию воздушным путем, командир разведывательной группы подбирал в районе площадку для посадки вертолетов, определял ее координаты и размеры, выбирал хорошо видимые при заходе вертолетов ориентиры, назначал сигналы обозначения посадочной площадки. Все эти данные докладывал командиру части, от которой высылались разведывательная группа. Если разведывательная группа была окружена мятежниками или вела с ними бой, кроме того, докладывались удобный курс захода вертолетов на посадку и местонахождение огневых точек противника, которые необходимо подавить с целью исключения вероятности поражения транспортных вертолетов. За посадочной площадкой и прилегающей местностью организовывалось наблюдение.

Командир части, согласовав вопросы эвакуации с командиром авиационного подразделения, назначал сопровождающего и давал команду на вылет. Время вылета, количество вертолетов, пароль и отзыв, а также радиоданные для работы с экипажами вертолетов сообщались командиру группы. В установленное время командир группы организовывал подачу сигналов, обозначающих место посадки вертолетов и целеуказание огневых средств противника, которые необходимо подавить. По прибытии вертолетов по радиосредствам происходит обмен паролем и посадка транспортных вертолетов на обозначенную площадку под прикрытием вертолетов огневой поддержки или штурмовой авиации. Время пребывания вертолетов и группы на посадочной площадке, особенно в условиях огневого воздействия мятежников, было минимальным, поэтому к моменту подхода вертолетов весь личный состав, за исключением группы прикрытия, убитые, раненые, вооружение, документы, пленные были полностью подготовлены к посадке. В первую очередь на борт поднимались раненые и убитые, а затем личный состав и пленные, в последнюю очередь – группа прикрытия. Убедившись, что личный состав полностью находится в вертолетах, командир группы давал команду экипажам на взлет. В случае, когда разведывательная группа и посадочная площадка находились под огневым воздействием мятежников, эвакуация происходила поэтапно, последней эвакуировалась группа прикрытия. Но отлет вертолетов из района эвакуации осуществлялся после подъема последнего вертолета, проверки наличия личного состава, по команде командира разведывательной группы.

Имели место случаи, когда эвакуацию разведывательных групп (отрядов) приходилось осуществлять под обстрелом превосходящих сил

мятежников. Так, в 1984 году для досмотра каравана в районе Джелалабада был направлен на вертолетах разведывательный отряд, который возглавлял заместитель командира части. Проведя досмотр каравана, отряд неожиданно был обстрелян из близлежащего кишлака мятежниками. Завязался бой. Превосходящие силы мятежников стали теснить личный состав разведывательного отряда. Командир отряда принял решение отойти к вертолетам и вернуться в пункт постоянной дислокации. Отход совершался в спешке, личный состав при посадке в вертолеты командиром не был проверен и только по прибытии в пункт постоянной дислокации им было обнаружено, что нет одного командира группы и 4 разведчиков. Организованный поиск личного состава результатов не дал. Только на третьи сутки удалось найти за кишлаком в промоине тела погибших в неравном бою разведчиков.

Для эвакуации разведывательных групп специального назначения применялась также штатная боевая техника (бронегруппы). Наибольшее распространение этот способ эвакуации получил:

- при действии нескольких разведывательных групп, в том числе и бронегруппы, в одном районе;
- при эвакуации группы из района с сильной ПВО;
- при нелетной погоде.

Эвакуация разведывательной группы на штатной боевой технике аналогична ее выводу. Однако при этом способе эвакуации учитывалось, что возвращение тем же маршрутом, по которому выходила бронегруппа для эвакуации, чревато потерей техники и личного состава, т.к. мятежники, как правило, минируют их и организуют засады в наиболее удобных местах. 4 апреля 1985 года в результате засадных действий разведывательная группа 234 уничтожила караван в составе двух автомобилей. С началом досмотра каравана группа подвергалась обстрелу мятежников из тяжелого оружия

(минометов, ДШК). К месту досмотра для снятия группы была выслана бронегруппа. Сняв группу, она последовала в пункт постоянной дислокации. При возвращении на минах, установленных мятежниками на путях наиболее вероятного движения, в бронегруппе подорвалась техника (6 единиц). Поэтому при планировании эвакуации в последующем намечать несколько маршрутов.

СПОСОБЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТЕЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Боевая деятельность частей и подразделений специального назначения в условиях Афганистана показала, что наиболее эффективными способами их действий являются наблюдение, налеты, засады, разведывательно-поисковые и досмотровые действия, захват документов и вооружения.

Организация наблюдения

Наблюдение являлось наиболее доступным, распространенным, эффективным способом получения сведений о движении караванов и групп мятежников. Наблюдение велось визуально с помощью биноклей или приборов ночного видения и технических средств разведки (ПСНР-5К, СБР-3, РСА «Реалия-У»).

При ведении разведывательно-поисковых и засадных действий наблюдение организовывалось непрерывно днем и ночью, в любых условиях обстановки, на любой местности и при любых погодных условиях. Наблюдение осуществлялось в течение всего времени ведения разведывательно-боевой деятельности разведывательной группы (отряда).

Нужно особо отметить, что в условиях Афганистана наблюдение не являлось для подразделений СПН обособленным способом ведения разведки, а выступало из слагаемых при организации засады, налета разведки

в районе, а также при ведении воздушной разведки с досмотровой группой на борту. Наблюдение организовывалось на караванных маршрутах с целью добывания сведений о движении караванов, их системе охраны и проводки. Ведется как в интересах командования, так и в интересах обеспечения боевой деятельности разведывательной группы (отряда), наведения армейской и фронтовой авиации на караваны мятежников. Для ведения разведки наблюдением от разведывательной группы (отряда) назначались наблюдатели или наблюдательные посты. Состав наблюдательных постов был различным, но по опыту не менее трех человек, включая вожатого со специально подготовленной собакой. Количество наблюдателей и наблюдательных постов зависело от выполняемой задачи и состава группы (отряда), от обстановки и местности в районе ведения разведывательно-боевых действий.

Требования к выбору места для наблюдения те же, что и в обычных условиях. Однако нужно иметь в виду, что умение разведчиков маскироваться в условиях горно-пустынной местности и терпеливо переносить многочасовое нахождение на местности в неподвижном положении лежа на каменистом грунте (песках) и при высокой температуре воздуха приобретало первостепенное значение. По опыту боевых действий последних лет, разведывательные группы (отряды) обнаруживались противником через 2-3 суток после выхода в район разведывательно-боевых действий. После десантирования разведывательной группы из вертолетов или с боевой техники мятежники через своих осведомителей и наблюдателей определяли предположительный район ее высадки. Для доразведки и точного выявления местоположения разведывательной группы (отряда) мятежниками использовались местные жители (пастухи, кочевники и

т.д.). В целях обнаружения и уточнения местонахождения разведывательной группы (отряда) мятежники нередко применяли тактику прогона возле этих мест мирных караванов или стада животных, открывали беспорядочный и неприцельный огонь из стрелкового оружия, вызывая ответный огонь со стороны разведывательной группы (отряда). Трудность ведения наблюдения на караванных маршрутах обуславливалась теми факторами, что за последнее время мятежники перешли к тактике охраны не только самих караванов, но и караванных маршрутов в целом, выставляя на господствующих высотах специальные группы численностью от 5 до 12 человек, которые способствовали внезапной безопасной проводке караванов и затрудняли вывод разведывательных групп (отрядов) в районы организации засад и налетов.

Наблюдение с вертолетов организовывалось при ведении воздушной разведки с досмотровой группой на борту. Досмотровая группа, как правило, состояла из 18-20 человек и размещалась в двух вертолетах Ми-8. В каждом вертолете назначался старший подгруппы. Командир группы (старший подгруппы) вел наблюдение непосредственно из кабины экипажа вертолета, один из разведчиков через люк в задней части вертолета, остальные разведчики через бортовые иллюминаторы. Связь между группами поддерживалась с помощью бортовых радиостанций вертолетов.

Существенным недостатком при ведении наблюдения с вертолетов являлось отсутствие на них приборов ночного видения и приборов наблюдения со стабилизированным полем зрения. Отсутствие этой техники не позволяло вести наблюдение с больших высот, а также ночью.

Опыт боевых действий в Афганистане показал необходимость разработки малогабаритных,

работающих в автоматическом режиме станций радиоперехвата, устанавливаемых на борту вертолета.

Наблюдение при ведении воздушной разведки с досмотровой группой на борту являлось одним из основных способов ведения разведки. Только за май 1987 года досмотровыми группами были обнаружены и уничтожены два каравана общей численностью около 400 вьючных животных.

При этом было захвачено большое количество оружия, боеприпасов и военно-технического имущества.

Положительным опытом организации наблюдения являются действия разведывательной группы СПН №511 в период с 9 по 14 декабря 1987 года в районе г. Асадебад.

Командир группы организовал наблюдательные пункты на господствующей высоте 1612, с которой хорошо просматривались в оптические приборы наблюдения маршруты движения караванов и групп мятежников, их огневые средства в данном районе на удалении до 6 км. Под наблюдением группы оказались участки Мароварского ущелья.

Командир группы удачно выбрал место для размещения НП, хорошо их замаскировал, это дало возможность вести постоянное наблюдение за мятежниками и корректировать по радиостанции огонь приданной артиллерии, оставаясь незамеченными мятежниками.

С выходом разведывательной группы на высоту 1612 с задачей ведения наблюдения и корректировка огня артиллерия был прекращен обстрел пункта постоянной дислокации отряда СПН, уничтожено три группы мятежников, прекратилось движение караванов с оружием по Мароварскому ущелью.

Примером умелой организации воздушной разведки могут служить действия ДГр №711 5 января 1987 года под командованием заместителя командира отряда СПН.

По данным ОАГ стало известно, что в 80 км юго-западнее Шахджой должен пройти караван мятежников, предположительно с ПЗРК. Реализацию разведданных было приказано провести ДГр №711 в составе 16 человек на двух вертолетах Ми-8. Для боевого сопровождения были привлечены два вертолета Ми-24. В районе возможного прохождения каравана вертолеты шли на высоте 5-10 метров, что обеспечивало внезапность выхода к цели и маскировку группы. В 9.38 5 января группа обнаружила пять мотоциклов с 17 мятежниками в движении, которые успели произвести два пуска ракет из ПЗРК по вертолетам, однако низкая высота полета не позволила их поразить. По команде командира ДГр вертолеты Ми-24 нанесли удар по мятежникам, а вертолеты Ми-8 высадили за обратными скатами высот подгруппы захвата, обеспечения и прикрытия. Во время боя Ми-24, находившиеся в воздухе, обнаружили группу мятежников до 25 человек, выдвигавшихся из н.п. Сейд-Умар-Калай на помощь каравану. Огнем вертолетов группа была рассеяна и уничтожена. В результате смелых и решительных действий ДГр № 711 огнем из стрелкового оружия уничтожила 16 мятежников, захватила три ПЗРК «Стингер», одного пленного, три мотоцикла. Быстротечность боя не позволила мятежникам полностью выполнить инструкции американских советников по уничтожению ракет «Стингер».

Организация засады

Основным способом боевых действий разведывательных групп (отрядов) на караванных маршрутах являлась засада. Как показывает опыт боевых действий, засада по сравнению с другими способами действий имела ряд преимуществ. Засада позволяла скрытно выжидать противника в удобных местах, нападать там, где он не ожидает.

Использование внезапного воздействия огня тяжелого оружия (пулеметы «Утес», ДШК, АГС-17, БМП-2) с близкого расстояния наносило поражение бандформированиям и перебрасываемым караванам с оружием и боеприпасами, лишало мятежников возможности к организованному сопротивлению. Засада в ночное время имела наибольший эффект, оказывала ошеломляющее воздействие на противника и способствовала сокращению потерь разведчиков, однако в этом случае значительно усложнялось наблюдение, организация взаимодействия и управление разведывательной группой (отрядом). В горной местности засада обычно устраивалась на тропах, проходящих по узким долинам, ущельям, на изгибах и поворотах дорог, на перевалах.

Опыт организации и проведения засад показал, что на засадные действия необходимо выделять разведывательную группу в составе усиленной штатной группы, желательно при поддержке штатной боевой техники. Возможен и такой вариант, когда в одном районе могут действовать 2-3 разведывательные группы на удалении 5-10 км друг от друга, чтобы в случае необходимости они смогли поддерживать друг друга. Боевая техника разведывательной группы (отряда) располагается в 8-20 км от района поисковых и засадных действий. В зависимости от рельефа местности на преодоление этого расстояния ей необходимо от 1 до 1,5 ч. Располагать боевую технику на удалении более 20 км нецелесообразно ввиду того, что носимый боекомплект группы позволяет ей вести боевые действия в течение 2 ч. Боевой порядок РГСПН в засаде включал выделение подгрупп наблюдения, обеспечения, минирования, захвата пленных и документов, уничтожения.

Примером удачных боевых действий разведывательной группы в засаде по уничтожению

каравана мятежников могут служить действия 431-й разведывательной группы. Группа в составе 18 человек, усиленная двумя расчетами АГС-17, в 20.00 8.10.85 была выведена для ведения засадных действий по перехвату каравана мятежников с оружием и боеприпасами в район 12 км юго-восточнее Бараки.

Подготовка группы осуществлялась планово и конкретно по боевой задаче. На подготовку группы было отведено 6 ч. Ответственный офицер за подготовку группы сам хорошо знал обстановку в районе предстоящих действий, поскольку ему самому приходилось действовать в этом районе и, кроме того, накануне была произведена разведка данного района с воздуха.

Совместно с командиром разведывательной группы был выработан порядок действий группы по различным вариантам, определены места устройств засады и боевой порядок группы. Предполагаемый маршрут движения каравана проходил вдоль высохшего русла реки, что способствовало скрытному выходу группы к месту устройства засады и расположению на местности. Боевой порядок разведывательной группы в засаде состоял из подгруппы уничтожения (12 человек), подгруппы обеспечения (4 человека) и двух наблюдательных постов по 3 человека каждый.

Подгруппа уничтожения располагалась попарно по фронту 80 м, имея в составе 3 ручных пулемета в центре и расчеты АГС-17 – на флангах. Наблюдательные посты были вынесены в сторону флангов на удалении 400–500 м.

Подгруппа обеспечения находилась на удалении до 300 м от подгруппы уничтожения в сторону близлежащего кишлака. Боевые машины (БМП-2, БТР-70), которые должны были поддерживать 431-го разведывательную группу, находились в пункте постоянной дислокации в 5-минутной готовности.

Караван мятежников, как и предполагалось, двигался вдоль высохшего русла реки. Походный порядок каравана включал:

головной дозор (боевое охранение) численностью до 10 человек, двигавшихся на удалении 400–500 м от основной группы каравана;

основную группу, которая состояла из 30 вьючных животных, и непосредственную охрану до 30 человек мятежников;

тыловой дозор (тыловое охранение) численностью 8 человек, который двигался на удалении до 500 м от основной группы каравана.

Наблюдатели обнаружили движение каравана и доложили командиру группы по радиостанции о приближении мятежников.

Командир группы подал команду «Приготовиться» личному составу, но предупредил, что огонь открывать только по его команде. Командир группы выждал, пока проследовало мимо него боевое охранение, которое впоследствии попало под огонь подгруппы обеспечения. Подпустив основную группу каравана на расстояние 80–100 м, подал сигнал личному составу открыть огонь по каравану. Одновременно, связавшись по радиостанции с ЦБУ части, доложил обстановку и вызвал на себя бронегруппу. Бой продолжался 30 мин, после чего мятежники прекратили сопротивление, и остатки охранения каравана вынуждены были отойти с места боя, побросав оружие и боеприпасы.

Через 30 мин с момента обнаружения каравана мятежников и после доклада командиру части к месту боя подошла бронегруппа, под прикрытием которой разведывательная группа досмотрела место боя.

В результате умелого управления командира группой, четкого взаимодействия между подгруппами, умелой маскировки личного состава и внезапного открытия огня по каравану 431-я разведывательная

группа успешно выполнила поставленную боевую задачу.

В результате боя было уничтожено: мятежников – 23 человека, вьючных животных – 25; захвачено; реактивных снарядов – 187 шт., РПГ – 2 шт., стрелкового оружия – 4 шт., выстрелов к РПГ – 202 шт., выстрелов к БО – 65 шт., мин к 82-мм миномету – 31 шт., боеприпасов к ДШК – 2000 шт., боеприпасов к стрелковому оружию – 71 000 шт. Взят в плен один мятежник. Разведывательная группа на боевой технике без потерь возвратилась в место постоянной дислокации.

Положительным в действиях 431-й разведывательной группы является то, что при повторном досмотре места боя (в светлое время суток) было дополнительно обнаружено брошенное мятежниками оружие и боеприпасы. Поэтому, исходя из опыта, при наличии времени и возможности с наступлением светлого времени целесообразно места уничтожения караванов и близлежащую местность досматривать повторно.

При подготовке и проведении засад разведывательными подразделениями учитывалась такая особенность, как периодическое изменение мятежниками тактики проводки караванов.

В ночь на 24 марта 1985 года в районе кишлака Ноязи (8 км сев. Бараки) 423-я разведывательная группа проводила засаду на одном из караванных маршрутов. В 00.30 по маршруту прошла невооруженная группа мятежников из пяти человек без соблюдения мер маскировки, которая была беспрепятственно пропущена командиром группы.

Через 40 мин по этому же маршруту прошла вторая группа в составе 10 мятежников, обстрелявшая близлежащие склоны гор. Командир группы правильно оценил, что данная стрельба ведется с целью вскрытия вероятных мест устройства засады, не обнаруживая

себя, пропустил и эту группу, приняв дополнительные меры маскировки и защиты личного состава от случайного поражения. И только в 3 ч ночи появился основной караван в составе 20 животных и 30 человек охраны. Кинжальным огнем с 50 м караван был уничтожен. Целеуказания в ходе боя осуществлялись командиром группы и его заместителем трассирующими боеприпасами, а выбор оружия для уничтожения цели определялся длиной очереди, которые были отработаны и уяснены личным составом в период подготовки. В результате засады было захвачено: БО – 1 шт., ДШК – 2 шт., минометов – 1 шт., стрелкового оружия – 17 шт., мин к миномету – 198 шт., выстрелов к БО – 90 шт., ручных гранат – 60 шт., боеприпасов к ДШК – 17 тыс. шт., боеприпасов к стрелковому оружию – 25 тыс. шт., выстрелов к РПГ – 98 шт., ПТМ – 36 шт., инженерное имущество; уничтожено: 25 мятежников.

Другой пример: в середине апреля 1985 года 432-я разведывательная группа также проводила засаду на пути вероятного движения каравана. В первом часу ночи проследовала группа из 5 животных и 10 человек охраны, периодически подавая сигналы о безопасности маршрута. Командир группы решил, что это разведдозор, и пропустил ее. Через 1 ч появилась вторая группа в составе 4 животных и 8 человек охраны. Огнем из стрелкового оружия она была уничтожена, но при досмотре каравана оказалось, что захвачено лишь небольшое количество боеприпасов. При допросе раненого пленного выяснилось, что основная часть орудия и боеприпасов находилась в первой части каравана.

Эти два примера наглядно показывают изменения, предпринятые противником в тактике проводки караванов. Последний пример свидетельствует о том, что мятежники, проанализировав действия наших подразделений в засадах, правильно оценили

шаблонность в пропуске дозоров и использовали это. В этих случаях с целью уничтожения каравана устраивались эшелонированные засады.

Тактика проводки караванов мятежников постоянно совершенствовалась и изменялась. Мятежники при формировании караванов и выборе маршрута по территории РА избегали шаблона, часто меняли их. В целях повышения живучести, учитывая опыт, караваны следовали, как правило, расчлененными группами (3-5 вьючных животных, 1-2 автомобиля, 20-30 человек охраны) непосредственно в активно действующие банды, минуя промежуточные базы и склады. Движение осуществлялось в основном ночью, а также днем в сложных для авиации метеоусловиях. Для каждой группы определялся свой маршрут и конечный пункт прибытия. Безопасность движения обеспечивалась хорошо организованной системой походного охранения, разведки и оповещения на маршрутах. Для выполнения задач разведки и оповещения мятежники широко использовали мирное население. Мятежники имели большое количество современных радиосредств и умело использовали их (значительно увеличилась работа мятежников по радиоперехвату).

В первые годы борьбы с народной властью при проводке караванов охрана находилась непосредственно при караване, высылая на удаление до 1 км разведывательный дозор. Это позволяло располагать засаду непосредственно возле маршрута движения. Пропустив беспрепятственно головной дозор, группа уничтожала сам караван. В последние годы группа обеспечения проводки каравана под видом мирных жителей двигалась на удалении до 10 км по маршруту каравана, а также по гребням прилегающих высот с целью обнаружения возможных засад. Для определения заминированных участков мятежники предварительно перегоняли скот по вероятному пути

следования каравана. Вооруженная охрана двигалась на удалении 1-2 км впереди каравана. Между всеми этими группами и караваном поддерживалась постоянная радиосвязь. В случае обнаружения засады караван или изменял маршрут и обходил место засады, или останавливался в ожидании ухода группы с места организации засады. В связи с этим группа располагалась в стороне от маршрута каравана (в районе ожидания) и тщательно соблюдала меры маскировки. После того как группа обеспечения проводки каравана проходила место предполагаемой засады и караван приближался, группа, по команде наблюдателей, скрытно выдвигалась к месту проведения засады и уничтожала караван.

Можно привести пример, когда разведывательная группа (небольшая по численности) уничтожила из хорошо организованной засады превосходящие силы мятежников, используя элемент внезапности.

311-я разведывательная группа в составе 26 человек, находясь в засаде в районе горы Бурибанд (60 км сев.-вост. Кандагар), 21.8.84 в 1.00 внезапным огнем из всех видов оружия разгромила караван. В результате боя уничтожено: мятежников – 53 человека, автомашин – 2 шт., РПГ – 2 шт., стрелкового оружия – 11 шт., боеприпасов к стрелковому оружию – 20 тыс. шт., боеприпасов к ДШК – 1600 шт.; захвачено: ДШК – 3 шт., стрелкового оружия – 73 шт., боеприпасов к стрелковому оружию – 50 тыс. шт., ПТМ – 15 шт., выстрелов к БО – 47 шт., автомашин – 1 шт.

Группа без потерь вернулась в пункт постоянной дислокации.

(...)

Организация налета

Налет как способ ведения разведки и проведения специальных мероприятий не только не утратил своего

значения, но за последние годы нашел широкое применение и дальнейшее совершенствование по борьбе с караванами мятежников, находящихся на дневках, с их перевалочными базами, складами различного назначения и исламскими комитетами.

Непосредственному осуществлению налета предшествовала разведка объекта, с целью установления точного его местонахождения, силы, состава и вооружения, его охраны, скрытных путей подхода (подлета), мест десантирования групп (отрядов), близлежащих бандформирований, которые могут оказать помощь силам объекта нападения, и вероятные пути их выдвижения.

Успех налета во многом зависел от тщательной его подготовки, внезапности, решительности, быстроты и слаженности действий разведчиков группы (отряда). На основе полученных данных от разведывательного органа, других источников разведки об объекте командир части специального назначения и штаб разрабатывали план действий, в котором определяли: необходимые силы и средства для налета; время и момент нападения на объект; построение боевого порядка группы (отряда); способы и порядок действий при подходе к объекту и при нападении на него; порядок уничтожения живой силы, вооружения и боеприпасов, захвата пленных, документов исламского комитета; направление и порядок отхода подгрупп, а также пункт и порядок сбора группы (отряда) после выполнения задачи. Налеты осуществлялись как днем, так и ночью или в условиях ограниченной видимости.

В тактике действий разведывательных групп (отрядов) широкое применение получила переброска их для проведения налетов на вертолетах армейской авиации. Их применение позволяло быстрее реализовывать поступающие данные от разведывательных органов и других источников о

караванах мятежников на дневке, совещании главарей в исламских комитетах и других объектах.

Состав разведывательных групп (отрядов) при проведении налета зависел от численности мятежников и состава каравана, характера действий мятежников в зонах ответственности частей специального назначения, местных условий и конкретной задачи. Разведывательный отряд состоял из 1-2 разведывательных рот, усиленных саперами, огнеметчиками и расчетами АГС-17, взводом ЗСУ-23-4. Действия отряда поддерживала бронегруппа в составе 8-10 единиц штатной боевой техники, а также приданная артиллерия (от 2 до 6 орудий). Для нанесения бомбоштурмового удара по объекту налета выделялись 1-2 звена фронтовой и армейской авиации.

Особенностью при подготовке и проведении налета являлось использование вертолетов армейской авиации не только для выполнения таких задач, как десантирование, но и проведения воздушной разведки, рекогносцировки и огневой поддержки.

12 декабря 1986 года 100-й разведывательный отряд в труднодоступной местности проводил налет на склад мятежников в районе кишлака Джигдалай. Предварительно 10 декабря была осуществлена воздушная рекогносцировка, в ходе которой командиры групп уяснили площадки десантирования, кратчайшие маршруты выхода к объекту, труднодоступные для действий места, вероятные маршруты отхода противника, основные ориентиры, площадки сбора после выполнения задачи. Вертолеты подошли к месту десантирования на предельно малой высоте, что обеспечило внезапность налета. Бомбоштурмовой удар перед десантированием обеспечил успешную работу отряда в районе склада. В результате налета уничтожено: мятежников – 28 человек, РС – 37 шт., ПТМ – 57 шт., ВВ – 20 кг, боеприпасов к стрелковому оружию –

10 тыс. шт., захвачено: ПЗРК «Стрела-2М» китайского производства - 5 шт., боеприпасов к стрелковому оружию - 5 тыс. шт., РПГ - 17 шт., ВВ - 100 кг, медикаментов - 35 кг.

Для организации налета на исламский комитет 7 февраля 1985 г. (в районе 40 км юго-зап. г. Желалабад) был выделен сводный разведывательный отряд в составе 198 человек с боевой техникой. Налет был проведен с 1.30 до 5.00 7.2. В результате налета разгромлен исламский комитет, убиты командующий 3 фронтом мятежников Шейх Маллахейль и 41 мятежник; захвачено: стрелкового оружия - 16 шт., боеприпасов к стрелковому оружию - 10 тыс. шт., ДШК - 1 шт., минометов - 1 шт., мин - 12 шт., безоткатных орудий - 1 шт., документы исламского комитета.

При проведении налетов на перевалочные базы, склады с оружием и боеприпасами, исламские комитеты мятежников применение вертолетов огневой поддержки для нанесения бомбоштурмовых ударов по ним перед налетом группы (отряда) стало, как правило, обязательным. Проведение налета требовало более четкого и продуманного взаимодействия внутри группы (отряда), а также с авиацией и поддерживающей артиллерией, так как чаще всего эти действия проходили в темное время или на рассвете.

Разведывательная группа (отряд) для совершенствования налета выходила пешим порядком, на штатной технике или десантировалась воздушным путем на вертолетах с посадкой в непосредственной близости от объекта.

При выходе пешим порядком или выдвижении к объекту налета после десантирования с боевых машин разведывательная группа (отряд) принимала походный порядок. Обычно он состоял из головного дозора. Головной дозор мог в своем составе иметь от отделения до разведывательной группы. Головной дозор двигался

на удаления зрительной связи от основных сил отряда. Для непосредственного охранения разведывательный дозор выделял дозорных в количестве 3-6 человек, которые двигались на удалении зрительной связи. В состав головного дозора назначались специально подготовленные разведчики для захвата пленного. Основные силы отряда в горной местности следовали в колонне по одному, а на равнинной местности - в колонне по два человека с интервалом в 2-3 шага друг от друга. Состав, удаление и порядок движения тылового дозора был такой же, как и у головного дозора.

Боевой порядок отряда в налете состоял из групп нападения, уничтожения, захвата (в группе захвата при возможности был проводник), обеспечения, бронегруппы, наблюдателей и резерва. Во всех случаях при совершении налета быстрота, решительность и скрытность играли решающее значение.

В ходе налета группа (подгруппа) обеспечения занимала выгодные блокировочные позиции. Группы уничтожения, нападения и захвата старались скрытно приблизиться вплотную к объекту налета. При движении в кишлаке разведчики двигались вдоль дувалов по обеим сторонам, ведя наблюдение за противоположной стороной. Весь личный состав, участвующий в налете, разбивался на тройки. Это облегчало командиру группы (подгруппы) осуществление контроля при ведении боевых действий за личным составом, а также оказание помощи в случае ранения одному из разведчиков.

После того как группа уничтожения и наблюдатели приближались к объекту на дальность броска гранаты (фугаса), по команде командира группа нападения забрасывала дувал (крепость) ручными гранатами и стремительно врывалась в расположение дувала (крепости). Группа нападения стремилась занять

верхний этаж или крышу здания, не допустить подхода мятежников к объекту налета.

Группа уничтожения с помощью миноискателей, минно-розыскных собак производила поиск спрятанного оружия и боеприпасов. Саперы, включенные в состав группы уничтожения, в обязательном порядке имели шанцевый инструмент, для откапывания спрятанного оружия, а также для производства специального минирования с установкой управляемых фугасов и мин.

В случае обнаружения разведчиков в момент выдвижения к объекту налета командир группы (отряда) быстро оценивал обстановку, уточнял свое решение, сообразуясь с обстановкой, вызывал огонь поддерживающей артиллерии или авиации для нанесения бомбоштурмового удара по огневым точкам противника и, используя результаты огневого воздействия по противнику, продолжал выполнять поставленные задачи. В необходимых случаях вызывалась бронегруппа, которая принимала участие в захвате объекта. Захваченные пленные, оружие и боеприпасы грузились в вертолеты или на боевую технику, и разведывательная группа (отряд) быстро и скрытно отходила от объекта налета.

Для примера рассмотрим действия 600 разведывательного отряда при проведении налета на склад с оружием и боеприпасами в районе 2 км юго-западнее Гиришк. Данные о наличии склада были получены от разведывательного отряда и подтверждены доброжелателями. Склад принадлежал банде численностью 45 человек.

Командованием части специальной разведки было принято решение провести налет силами разведывательного отряда в составе трех разведывательных групп общей численностью 91 человек при поддержке бронегруппа в составе: БМП-2-3

шт., БТР-70-4 шт., ЗСУ-23-4-2 шт., БРМ-1к - 1 шт., БТС-4-1 шт.

Для налета привлекались два минометных расчета от 2/70 омсбр и два Ми-24 - от 280 овп.

Согласно решению боевой порядок 600 разведывательного отряда включал:

огневую группу в составе 32 человек (БМП-2-2 шт., ЗСУ-23-4-2 шт., БРМ-1к - 1шт.);

группу захвата - 42 человека (БТР - 3 шт.);

резерв - 17 человек (БТР-70-1 шт., БМП-2-1 шт., БТС-4-1 шт.).

Накануне налета была проведена воздушная разведка местности с вертолетов. В 17.00 2.7 отряд вышел из пункта постоянной дислокации и к 20.00 сосредоточился в населенном пункте Гиришк в расположении батальона охраны. В 4.30 3.7 отряд начал выдвигаться к месту проведения налета и в 4.50 занял исходное положение. В 5.00 3.7 пара Ми-24 нанесла бомбоштурмовой удар, после чего начался огневой налет. В огневом налете участвовали минометные расчеты; БМП-2 (3 шт.) и ЗСУ-23-4 (2 шт.). Во время огневого налета группа захвата по мостам через канал Бугра сумела подойти вплотную к складу, где была обстрелена огнем из пулемета мятежников. Огнем БМП-2 и ЗСУ-23-4 огневая точка противника была подавлена, после чего группа захвата проникла в опорный пункт, где в ближнем бою уничтожила 24 мятежника. Так, в рукопашной схватке благодаря обученности приемам самбо и физической натренированности прапорщик Ребров лично уничтожил 5 мятежников.

В ходе налета уничтожено: мятежников - 41 человек, ДШК - 1 шт., минометов - 2 шт., мотоциклов - 2 шт., захвачено; стрелкового оружия - 17 шт., РПГ - 3 шт., выстрелов к РПГ - 30 шт., ПТМ - 106 шт., 81-мм - 330 шт.,

ручных гранат – 400 шт., ВВ – 40 кг; боеприпасов к стрелковому оружию – 11 900 шт.

Для уничтожения базовых районов и крупных складов с оружием и боеприпасами привлекались силы одного, а иногда двух отрядов с приданными другими средствами. Поучительным примером при совершении налета на базовый район являются совместные боевые действия 100 и 500 отдельных отрядов с приданными силами и средствами: 3/66 омсбр, батарея реадн 66 омсбр, оперативный батальон МГБ, боевые группы племени моманд.

По данным пленных, подтвержденным разведывательным органом, в районе отм. 1259, 931, 1106, 1010 мятежники оборудовали базовый район Саргандчина с целью:

- свержения народной власти в Гошта;
- восстановления безопасности движения на караванных маршрутах № 8 и 9, по которым осуществлялось движение караванов в провинциях Нангархан, Лагман, Каписа, Кунар;

- изоляции племени моманд с целью консолидации с племенами африди и шинвари в борьбе с пакистанскими властями.

В районе Саргандчина сосредоточилось до 350 мятежников, склады с вооружением, боеприпасами, продовольствием. Район хорошо оборудован в инженерном отношении. Выходы в центр горного массива заминированы противотранспортными минами, на тропах, ведущих в район, выставлены 5 постов мятежников численностью от 5 до 20 человек каждый.

Была произведена аэрофотосъемка района, которая подтвердила имеющиеся данные.

Командир бригады принял решение: силами 100 и 500 разведывательных отрядов специального назначения (РОСПН) с приданными силами и средствами осуществить переправу через р. Кабул, совершить марш

по горам в обход наблюдательных постов мятежников, совершить налет на базовый район и уничтожить его.

В 16.30 17.1 100 и 500 РОСПН начали выдвижение к месту переправы в район 2 км сев. Лачапур. К этому времени боевые группы племени моманд вышли в район переправы, заняли господствующие высоты и подготовили паром к перевозке личного состава через р. Кабул.

С 18.00 до 13.40 весь личный состав подразделения был переправлен под прикрытием боевых групп племени моманд.

100 отряд с батальоном МГБ и боевыми группами племени моманд совершил марш пешком порядком и к 4.00 18.1 сосредоточился на рубеже отм. 872 и 931.

500 отряд к 7.00 18.1 вышел на рубеж отм. 1259 и 1010, где встретил упорное сопротивление мятежников.

Бронегруппа 100 отряда к 9.30 18.1 заняла огневой рубеж вдоль сухого русла реки, 1 км юго-восточнее отм. 681.

Бронегруппа 500 отряда к 9.30 18.1 блокировала вход в ущелье. Управление бригады со взводом самоходных минометов, батареей гаубиц к 8.00 18.1 вышло в район горы Срагар, артиллерия развернулась на огневых позициях в готовности нанести огневое поражение мятежникам в районе Саргандчина по вызову командиров отрядов.

З/66 омсбр к 6.00 18.1 вышел на рубеж отм. 806 и 956, где, не встретив сопротивления, продолжал выдвижение в направлении отм. 1106.

В целях более эффективного управления боевыми действиями отрядов КП 1 обр СПН к 16.00 18.1 переместился в район высоты с отм. 762.

В связи с интенсивным обстрелом позиций 500 отряда из минометов, безоткатных орудий и стрелкового оружия по вызову с КП бригады по боевым гребням высот с отм. 1010, 1259, 1106 был нанесен

бомбоштурмовой удар звеном Су-25 378 ошап и эскадрильей вертолетов Ми-24.

В течение 18.1 по указанию командиров отрядов авиация и артиллерия продолжали наносить удары в интересах отрядов специального назначения. Одновременно огнем из стрелкового оружия при совершении налета уничтожались мятежники на позициях с ДШК и ЗГУ. В результате активных действий подразделения 100 и 500 РОСПН к 19.00 овладели указанным базовым районом. В ходе боевых действий в районе высоты с отм. 1010 был захвачен пленный. В ходе допроса выяснялось, что пленный Сарвар Зайнула из группы Бача Галя может указать расположение 5 складов с оружием и боеприпасами. В результате реализации данных пленного 100 отряд захватил 3 склада, а 2 склада захвачено 3/66 омсбр.

Общий результат боевых действий

Уничтожено

Мятежников – 70

ЗГУ – 2

БО – 1

Стрелкового оружия – 20

Складов с боеприпасами – 3

Вещевых складов – 1

Складов продовольствия – 1

Захвачено

ЗГУ – 2

Стволов к ЗГУ – 2

ДШК – 7

Стволов к ДШК – 3

ПЗРК – 2

Минометов – 3

Мин к миномету – 34

Безоткатных орудий – 2

Выстрелов к безоткатному орудью – 112

Ручных противотанковых гранатометов – 7

Выстрелов к РПГ – 9
Реактивных снарядов – 73
Стрелкового оружия – 19
Боеприпасов к стрелковому оружию – 26 000
Боеприпасов к ДШК – 85 600
Пленных – 1

Опыт боевых действий в Афганистане показывал, что наряду с успешным проведением налетов имели место случаи неудачных действий, что проведение налетов без огневой поддержки связано с определенным риском из-за недостаточно полной и точной информации об объекте налета и наличия у мятежников тяжелого оружия (ДШК, БО и др.). Так произошло в одной из частей специального назначения 20.4.85.

Командир части получил информацию от разведывательного отряда о наличии в населенном пункте Сангам (8 км вост. Асадабад) поста мятежников, обеспечивающего проводку караванов. Он принял решение в ночь на 21.4 силами трех рот специального назначения, двух ЗСУ-23-4, минометной батареи и танковым взводом 66 омсбр выдвинуться и блокировать кишлак, затем провести налет и уничтожить пост мятежников.

Работа по подготовке отряда к боевым действиям была организована наспех. Район предстоящих боевых действий изучен не был. В ходе боевых действий командир части потерял управление своими подразделениями. Командир 1-й роты, не обнаружив мятежников в населенном пункте Сангам, принял самостоятельное решение на осмотр населенного пункта Даридам, куда боевым приказом выход подразделений не предусматривался. Командир роты свое решение не продумал, не организовал огневое и тактическое взаимодействие между группами. Оставив радиста с радиостанцией в группе прикрытия, сам ушел вперед и в критической ситуации не смог управлять

боем своих групп и поддерживать связь с командиром части. Это позволило мятежникам втянуть группы этой роты в кишлак, блокировать их, рассечь на мелкие группы и уничтожить. В результате боя рота понесла тяжелые потери. В неравном бою погибли командир роты и командир группы.

Варианты действий разведывательных отрядов при проведении налета в полосе ответственности одной части зачастую оказывались неприемлемыми для другой. Поэтому при подготовке налета и его проведении проводился тщательный учет всех условий и особенностей и исключение шаблона в боевых действиях. При хорошей организации и осведомленности о караванах и мятежных силах поставленные задачи успешно решались.

Разведывательно-поисковые действия

Особое место в боевой деятельности частей и подразделений специального назначения занимали разведывательно-поисковые действия. Они планировались, как правило, в зонах ответственности частей и соединений СПН, а также в приграничной полосе. Проводились эти действия на основе достоверных, но неполных данных о мятежниках.

В условиях Афганистана поиск являлся одним из важных способов добывания разведывательных сведений о караванах мятежников, их перевалочных базах и местах складирования оружия. Разведывательно-поисковые действия велись небольшими по своей численности разведывательными группами (от 5 до 10 человек), а для уничтожения обнаруженных караванов и других объектов мятежников выделялись штатная РГСПН или отряд со средствами усиления. В противном случае небольшая по численности разведывательная группа сама могла быть уничтожена мятежниками.

Ведение поисковых действий характерно для частей специальной разведки, в полосе ответственности которых местность равнинная или пустынная и проходимая для боевой техники. Для повышения мобильности разведывательная группа (отряд) передвигалась на штатной боевой технике или грузовых автомобилях повышенной проходимости. Разведка велась вдоль известных караванных маршрутов и поисковые действия носили рейдовый характер. Для повышения огневой мощи разведывательной группе (отряду) при действиях на грузовых автомобилях специально устанавливали тяжелое вооружение (пулеметы «Утес», ДШК, АГС-17). Обычно в состав разведывательной группы, ведущей поисковые действия, включали технику (2-3 шт. бронетехники и 1-2 автомобиля). Продолжительность действий такой разведывательной группы составляла 5-6 суток. Порядок действий разведывательной группы при ведении поисковых действий такой же, как и действия отдельного разведывательного дозора, выделяемого от разведывательных и мотострелковых подразделений.

Примером успешного поиска могут служить действия 500 разведывательного отряда под командованием майора Быкова Г.В. в период с 23 по 25 ноября 1986 года из базового района Суруби. В результате действий отряда в пешем порядке в районе 72 км западнее Джелалабад было уничтожено 15 мятежников, 3 склада с боеприпасами и продовольствием. Захвачено: один пленный, РС – 200 шт., мин к 82-мм миномету – 356 шт., выстрелов к БО и РПГ – 60 шт., ВВ – 50 кг, СВ – 250 кг, боеприпасов к СО – 56 850 шт., продовольствия – 800 кг.

Особенностью поиска 500 разведывательного отряда явились комбинированные способы боевых действий: поиск, засада и налеты. Так, в результате засады, проведенной РГСПН № 531, был захвачен пленный,

который указал на местоположение склада с реактивными снарядами и минами к миномету. Активно велась радиоразведка с использованием трофейной радиостанции японского производства, что позволяло заблаговременно определить замыслы мятежников.

В ходе разведывательно-поисковых действий отряд потерь не имел.

Поиск в условиях Афганистана велся в основном ночью. До наступления рассвета группа (отряд) устраивала дневку, заняв господствующую высоту, тщательно маскировалась, вела разведку наблюдением.

При обнаружении каравана мятежников командир группы вызывал и наводил на них авиацию, выдавал координаты для ведения огня артиллерией.

Даже хорошо организованное скрытное выдвижение разведывательной группы (отряда) и маскировка при расположении на дневке, как правило, обнаруживалось мятежниками через 2-3 суток. Острый недостаток воды оказывал существенное влияние на продолжительность ведения поиска.

Воздушная разведка с досмотровой группой на борту

Одним из наиболее важных способов ведения боевых действий подразделениями специального назначения в Афганистане являлась воздушная разведка с досмотровыми группами (ДГр) на борту, которая решала следующие основные задачи:

- обнаружение караванов мятежников с воздуха;
- уничтожение их огнем вертолетов огневой поддержки и стрелкового оружия группы с последующим досмотром каравана досмотровой группой;
- разведка базовых районов, перевалочных баз, центров подготовки мятежников, штабов и исламских комитетов.

Воздушная разведка позволяла вести боевые действия на удалении до 100-120 км от пункта постоянной дислокации без привлечения большого количества личного состава и техники.

Порядок досмотра каравана

Досмотр каравана как способ боевых действий заключался во внезапном его блокировании для досмотра караванщиков и грузов с целью обнаружения и изъятия оружия и боеприпасов, снаряжения, контрреволюционной литературы и документов, а также пленения мятежников.

Для подготовки группы к досмотру каравана назначался ответственный офицер, который соблюдал имеющиеся данные о караване и оценивал обстановку. При оценке обстановки уяснял: место и время обнаружения каравана; маршрут движения каравана и место его дневки; местность в районе предстоящих действий досмотровой группы; состояние погодных условий и время суток.

Штаб части оформлял боевой приказ на действия досмотровой группы и оперативное дело. Ответственный офицер доводил до командира досмотровой группы боевой приказ под роспись. Совместно с командиром группы отрабатывал возможные варианты действий личного состава группы при высадке с вертолетов для досмотра каравана. Затем командир группы отдавал боевой приказ личному составу, в котором указывал:

- сведения о караване и бандформированиях в районе предстоящих действий;

- способ и порядок вывода группы в район досмотра каравана;

- боевой порядок и задачи подгруппам;

- порядок связи и сигналы управления;

- свое место и заместителей.

Боевой порядок при досмотре каравана состоял из следующих подгрупп: обеспечения, досмотра груза, блокирования и досмотра караванщиков, резерва.

Исходя из опыта, в состав досмотровой группы обычно назначалось 14-16 человек, включая 1-2 вожатых с минно-розыскными собаками. Личный состав ДГр размещался в двух вертолетах Ми-8, действия групп обеспечивала пара боевых вертолетов Ми-24.

Боевой порядок строился следующим образом:
подгруппа досмотра – в ведущем вертолете Ми-8;
подгруппа обеспечения – в ведомом;
сзади на удалении до 1000 м летели вертолеты прикрытия.

Порядок действий досмотровых групп был следующим: после обнаружения каравана вертолеты совершали его облет по кругу и огнем бортового оружия давали предупредительную очередь на остановку каравана. Затем вертолет с подгруппой обеспечения приземлялся в 200-300 м впереди каравана или сбоку. Под прикрытием второго вертолета, находящегося в готовности к открытию огня, подгруппа обеспечения совершала высадку и занимала выгодную позицию в готовности к открытию огня. Сразу после десантирования вертолет поднимался и прикрывал высадку подгруппы досмотра. После высадки подгруппа досмотра под прикрытием подгруппы обеспечения и вертолетов начинала досмотр. Люди отзывались от каравана (животных или машин) в сторону. Старший каравана клал животных на землю. Подгруппа блокирования блокировала караван, а подгруппа досмотра блокировала и проводила досмотр с помощью миноискателя, щупов, минно-розыскных собак досмотр груза. При обнаружении во вьюках оружия, боеприпасов, контрреволюционной литературы караванщики под охраной доставлялись в пункт постоянной дислокации, где производился их допрос, а затем установленным

порядком передавались в органы МГБ РА. Изъятые оружие, боеприпасы, контрреволюционная литература после досмотра загружались в вертолеты. При невозможности доставить их в пункт постоянной дислокации они уничтожались на месте с последующим составлением акта об уничтожении.

Если караван следовал по частям, досмотровая группа осматривала первую часть, а вертолеты вынуждали оставшуюся часть каравана выдвинуться к месту досмотра,

В том случае, когда сопровождавшие караван люди оказали сопротивление, досмотровая группа огнем из стрелкового оружия и бортового оружия вертолетов уничтожала их. Во всех случаях во избежание поражения от своего огня личный состав досмотровой группы располагался с одной стороны каравана.

Отход досмотровой группы после выполнения задачи осуществлялся в обратной последовательности. Первой отходила и взлетала подгруппа досмотра, последней отходила и взлетала подгруппа обеспечения вместе с командиром досмотровой группы. Перед посадкой в вертолеты командир досмотровой группы лично убеждался, что весь личный состав группы находился в вертолетах.

Как правило, досмотровая группа на плановую воздушную разведку вылетала 1-2 раза в сутки – утром и вечером. Практика показывала, что количество результативных вылетов выше, когда досмотровая группа вылетала на воздушную разведку во второй половине дня, т.е. ближе к сумеркам или даже в ночное время.

Так, 124-я досмотровая группа в составе 16 человек в 2.00 27.11.87 г. по информации МГБ вылетела на воздушную разведку в район 33 км сев.-зап. Джелалабада. В ходе ведения разведки было обнаружено движение трех грузовых автомобилей.

На предупредительные сигналы остановиться с машин ответили огнем из стрелкового оружия. Огнем бортового оружия вертолетов машины были подбиты, а также уничтожена часть охранения. Высадившаяся досмотровая группа завершила уничтожение охранения. В результате решительных действий личного состава досмотровой группы было уничтожено: мятежников – 15 человек, автомобилей – 3; винтовок «Бур» – 13 шт., РПГ – 2 шт., 82-мм мин – 250 шт., боеприпасов к ДШК – 19 тыс., боеприпасов к стрелковому оружию – 400 тыс. шт., захвачено: ДШК – 2 шт., винтовок «Бур» – 37 шт., РПГ – 2 шт., пулеметов – 1 шт., 82-мм мин – 72 шт., выстрелов к РПГ – 9, боеприпасов к ДШК – 1,5 тыс. шт., выстрелов к БО – 50, боеприпасов к стрелковому оружию – 104 тыс. шт. 124-я досмотровая группа без потерь возвратилась в пункт постоянной дислокации.

Другим примером хорошо организованного досмотра местности могут быть действия ДГр № 323.

Группа в составе 18 человек в 10.20 13 декабря 1986 года вылетела для проведения разведки местности в районе 15 км северо-восточнее Кандагар.

В 10.40 с воздуха были обнаружены 98 реактивных снарядов на позициях, направленных в сторону города. Мятежников поблизости не оказалось. Группа десантировалась и после осмотра позиций приступила к обезвреживанию реактивных снарядов – рассоединению цепей электропитания и извлечению взрывателей.

В 10.55 было закончено обезвреживание снарядов, а в 11.00 сработал химический взрыватель замедленного действия.

Таким образом, личным составом ДГр № 323 был предотвращен обстрел пункта постоянной дислокации отряда СПН и г. Кандагар.

Примером успешного проведения воздушной разведки с досмотровой группой на борту явилась работа ДГр № 210 3 июня 1987 г. Группа совершала

полет по маршруту, рекомендованному ОАГ, и в 5.30 обнаружила караван из 204 вьючных животных и охраной около 300 человек. Командир группы доложил командиру отряда и принял решение на досмотр каравана, разделив ДГр на подгруппу прикрытия и уничтожения, но встретил сильный огонь мятежников. Командир батальона решил поэтапно вывести в район расположения каравана 200 разведывательный отряд на вертолетах Ми-8 под прикрытием звена вертолетов огневой поддержки Ми-24. В 6.10 была десантирована первая группа, совместными действиями РОСПН № 200 и ДГр № 210 сопротивление мятежников было сломлено, караван – уничтожен.

До 14.00 под прикрытием подгрупп обеспечения оружие и боеприпасы, находящиеся в караване, были загружены в вертолеты и доставлены в пункт дислокации отряда, то, что нельзя было вывезти, – уничтожили на месте. В результате боя было захвачено:

- ПУ реактивных снарядов – 3

- реактивные снаряды – 668

- ЗГУ – 5, боеприпасов к ЗГУ – 2160

- 82-мм минометы – 3, мин к миномету – 500

- БО – 3, выстрелов к БО – 400

- выстрелы к РПГ – 318

- пулеметы СГМТ – 10, стрелковое оружие – 21 единица, большое количество боеприпасов к СО, инженерного имущества, медикаментов. Было уничтожено 70 мятежников. Для проведения операции привлекались 4 Ми-8 и 4 Ми-24 со сменой в воздухе. Потерь в группах не было.

РАБОТА С ПЛЕННЫМИ И ОПРОС МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Допрос пленных, перебежчиков, работа среди местного населения являлись важнейшим источником добывания сведений о противнике. На основании

показаний пленных, тщательного изучения документов, добытых в бою, разведчики имели возможность судить о местонахождении караванов, бандоформирований, их силе, составе, группировке, боеспособности, намерениях мятежников и их политико-моральном состоянии. Эти сведения давали возможность командованию части специальной разведки правильно оценить противника и принять наиболее целесообразное решение.

Основная цель допроса пленных – своевременное получение данных о местонахождении караванов, бандформирований, складов, перевалочных баз (пунктов), исламских комитетов.

В ходе допроса решались следующие основные задачи:

- добывание интересующих командира сведений о противнике;

- установление истинного лица пленного и правдивости его показаний;

- выявление фактов и содержания дезинформации мятежников;

- принятие решения о дальнейшем использовании пленного в интересах разведки (использование в качестве проводника, наводчика или передачи в разведорган вышестоящего штаба).

Допрос пленных и работа с местным населением офицерами-разведчиками. Организация допроса пленных возлагалась на командира части и его штаб, ответственным за допрос был начальник разведки.

Различают два основных вида допроса: первичный и полный.

Первичный допрос проводился в районе боевых действий: в укрытии, окопе, развалинах дома, палатке, бронированной и автотранспортной технике. Первичный допрос был кратким, без излишних подробностей, не представляющих интерес для командования. Особое внимание обращалось на выяснение местонахождения

караванов, банд мятежников, их складов с оружием и боеприпасами.

Допрос или опрос организовывался с присутствием лишь тех лиц, которые имели к нему прямое отношение. Присутствие на допросе солдат, несущих охрану, или конвоиров не допускалось. В целях исключения всякой случайности допрашивающий имел при себе исправное и заряженное оружие.

(...)

При ведении допроса (опроса задержанного) не допускался обмен впечатлениями о его ходе. Излишние разговоры при допросе (опросе) исключались. Какие бы ценные сведения ни сообщал пленный (задержанный), допрашивающий не показывал, что они представляют для него какой-либо интерес.

В ходе первичного допроса выявлялись следующие вопросы:

- общие сведения о пленном (фамилия, имя, воинское звание, занимаемая должность);

- наименование банды, к которой принадлежит пленный, кто главарь;

- расположение банды, где установлены огневые точки, размещение и характер инженерных заграждений, местонахождение главаря;

- боеспособность банды мятежников (ее численность, вооружение, потери, материальная обеспеченность);

- какие задачи решает банда мятежников, общие ее намерения, если это караван, то откуда и куда следует;

- наличие и местонахождение складов с оружием, боеприпасами и другими материальными средствами.

Полный допрос пленного проводится, как правило, в штабе соединения (части).

(...)

В звене отряд – бригада на допрошенного пленного составлялся первичный протокол допроса. Протоколы допроса велись в повествовательной форме по разделам

вопросника. Они были краткими и сжатыми по форме и передавали основную сущность показаний пленных. Подробно излагалось лишь то, что могло представлять интерес для командования и вышестоящего штаба. Составлял протокол переводчик (офицер-разведчик), подписывал его и докладывал по инстанции.

(...)

Работа с пленными в частях специального назначения строилась на основе директивы НГШ ВС СССР, инструкции по работе с пленными, перебежчиками и задержанными. В соответствии с этими документами в частях были созданы группы захвата пленных, а также группы допроса, в которые вошли переводчики, наиболее подготовленные офицеры, а также представители особых отделов и политорганов. В боевых приказах подразделению конкретно ставилась задача по захвату пленных, организовывалась подготовка групп захвата.

Опыт доказал, что при правильно организованной работе с пленными от них можно получать ценную информацию непосредственно на поле боя.

Так, например, в ходе налета 100-го разведывательного отряда на караван, находящийся на дневке в районе населенного пункта Танги-Такчи, 19.3.85 был захвачен пленный, по национальности пуштун. В ходе боя он был допрошен и дал показания о наличии склада с оружием и боеприпасами. Используя пленного в качестве наводчика, личный состав 1 роты захватил склад, в котором находилось 200 выстрелов к безоткатному орудью, 32 выстрела к РПГ, стрелковое оружие и боеприпасы к нему.

14.4 при ведении боевых действий 500-м разведывательным отрядом захваченный пленный показал, что в населенном пункте Шалатик находится склад с оружием и боеприпасами. Утром 15.4 500-й разведывательный отряд, используя пленного как

наводчика, провел налет на склад, где было захвачено: ДШК – 1 шт., выстрелов к РПГ – 20 шт., ПТМ – 20 шт., ручных гранат – 20 шт., стрелкового оружия – 6 шт.

Хорошо подготовленная и продуманная работа с пленным в 500-м разведывательном отряде, который при первичном допросе ничего не показал, в последующем дала хорошие результаты. По показанию пленного было совершено три боевых выхода, в результате которых было уничтожено: мятежников – 131 человек; захвачено: стрелкового оружия – 16 шт., ПТМ – 25 шт., мин к 82-мм миномету – 15 шт., большое количество ручных гранат и боеприпасов к стрелковому оружию.

Только за 1987 г. частями и подразделениями специального назначения было захвачено 372 пленных, 157 из которых дали достоверные показания о местонахождении караванов, бандформирований и их объектах.

Однако в работе с пленными имелись и определенные трудности, такие, как отсутствие переводчиков со знанием языка пушту, что создавало большие трудности при допросе, к допросу приходилось привлекать лиц из числа сотрудников МГБ, царандоя, которые сами не умели читать рукописный текст, слабо владели русским языком, не могли работать с захваченными документами, а в некоторых случаях имела место утечка информации.

Многочисленные примеры из опыта ведения боевых действий в Афганистане показывают, что в ходе допроса пленных, изучения захваченных документов, своевременного опроса местных жителей добывались важные сведения о караванах, бандах мятежников, их базах, складах с оружием и боеприпасами. Все эти сведения помогали командованию произвести наиболее правильную оценку сил мятежников и принять правильное решение.

Полнота и ценность сведений, полученных от пленных, в значительной степени зависели от искусства допрашивающего и от владения им техникой ведения допроса. Знание офицерами-разведчиками иностранного языка, техники допроса давало возможность более качественно решать поставленные задачи.

ВЕДЕНИЕ РАЗВЕДКИ «НА СЕБЯ»

Разведывательные группы (отряды) СПН в ходе выполнения разведывательно-боевых задач постоянно вели разведку «на себя», особенно при выдвижении в район устройства засады, проведения налета или поиска.

В этих случаях от группы выделялись головной и тыльный, а в некоторых случаях боковые, дозоры, которые двигались на удалении зрительной связи с группой огневой поддержки. При движении в ночное время группа (отряд) вела разведку, используя приборы ночного видения, бинокли БН-1 и БН-2, дополняя наблюдение подслушиванием. При движении на местности, которая могла быть заминирована (мятежниками наиболее часто использовались итальянские и английские мины с пластмассовыми корпусами), велась инженерная разведка силами саперов, переданных из инженерно-саперных взводов с использованием переносных миноискателей ИМП, РВМ-Ч, ММП, саперных щупов, кабелеискателей Р-299, собак минно-розыскной службы.

При выходе в район боевых действий на незнакомой местности в составе группы иногда использовались проводники из числа доброжелателей или местных жителей. В некоторых случаях проводилась воздушная разведка местности в ходе выдвижения группы (отряда) СПН в район предстоящих действий с передачей полученных данных с борта вертолета непосредственно в группу или отряд.

В условиях Афганистана для выполнения разведывательно-боевых задач активно использовалась частями и подразделениями специального назначения разведывательно-сигнализационная аппаратура «Реалия-У», «Табун», позволяющая осуществлять контроль за перемещением живой силы и техники противника.

Принцип данного способа разведки основан на использовании сейсмоакустических и магнитных датчиков, устанавливаемых вручную или с вертолетов на путях наиболее вероятного движения мятежников. Датчики при прохождении по контролируемому участку людей и транспортных средств (вьючных животных) срабатывали и по радиоканалам автоматически передавали сигнальную информацию на приемный пункт в масштабе времени, близком к реальному.

Использование данных разведсигнализационной аппаратуры «Реалия-У» и «Табун» подразделениями и частями СПН позволило нанести значительный урон в живой силе и технике мятежников на караванных маршрутах.

Подразделения СПН в условиях Афганистана привлекались также для завершения разгрома банд мятежников и захвата оружия и боеприпасов после нанесения авиационных ударов.

Примером могут служить действия 400-го разведывательного отряда. Отряд 16.08.85 г. в 7.00 после нанесения бомбоштурмового удара по перевалочной базе в районе 40 км восточнее БАРАКИ десантировался с вертолетов посадочным способом и, используя внезапность, решительность, дерзость личного состава, завершил разгром крупной базы мятежников. В результате успешных действий уничтожено: мятежников – 130, ДШК – 4, минометов – 4 шт., безоткатных орудий – 12 шт., выстрелов к РПГ – 1010 шт., мин к миномету – 452 шт., ПТМ и ППМ – 970 шт.

Взорвано 20 пещер и 55 огневых точек. Захвачено: безоткатных орудий – 7 шт., выстрелов к БО – 387 шт., стрелкового оружия – 31 единица и боеприпасов к СО – 650 тыс. шт., мин к миномету – 390 шт., выстрелов к РПГ – 945 шт., ручных гранат – 810 шт., ПТМ – 350 шт., ППМ – 1000 шт.

Отряд без потерь был эвакуирован вертолетами в пункт постоянной дислокации.

Опыт боевого применения подразделений специального назначения показывает, что успешное выполнение задач достигалось только в том случае, когда учитывались все условия и постоянно изыскивались и применялись новые способы выполнения задач. В этом отношении накоплен богатый опыт.

В то же время в боевой деятельности подразделений СПН допускалось очень много ошибок и просчетов.

Часто боевые действия организовывались без соблюдения мер конспирации и скрытности, велись в лоб, без проявления военной хитрости, смекалки, без организации четкого взаимодействия.

Так, в апреле 1985 г. командир 5-го отряда, получив данные от ОАГ, план действий не продумал. Подготовку разведывательного отряда организовал наспех. В ходе боя позволил мятежникам заманить роту в «ловушку», потерял управление подразделениями.

Несмотря на мужество личного состава, отряд понес большие потери.

Подобная ситуация повторилась в 1-й бригаде СПН в марте 1986 г. Точно так же, осмотрев кишлак и ничего в нем не обнаружив, командир бригады выслал за уходившими мятежниками группу, которая и попала под перекрестный огонь. Стремление за высокими результатами повлекло за собой тяжелые потери.

Недостатки и упущения в боевой деятельности подразделений в Афганистане являются следствием

упущений в боевой подготовке соединений и частей СПН военных округов.

Здесь проявилось и отсутствие навыков в организации и руководстве подразделениями. Не организовывалось четкое взаимодействие с ОАГ, авиацией, органами МГБ и царандоя поддерживающими средствами. Порой осуществлялась спешная подготовка к выполнению задач, занятия и тренировки по конкретной задаче не проводились.

В ходе выполнения боевой задачи командиры групп и рот часто не организовывали и не вели разведку «на себя», в результате чего часто попадали в засады. Таковы основные причины неудачных действий подразделений специального назначения.

(...)

ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ РАДИОСВЯЗИ СОЕДИНЕНИЙ И ЧАСТЕЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Успех разведывательно-боевых действий зависел не только от подготовленности разведывательных органов, состояния средств разведки и способов их боевого применения, но и от организации управления ими.

Из опыта боевых действий в Афганистане известно немало примеров, когда подразделения и части СПН, имеющие превосходство над противником, не достигали поставленных целей из-за неправильного управления ими и, наоборот, при искусном управлении побеждали значительно превосходящие банды мятежников.

Пренебрежительное отношение к управлению разведывательными группами в ходе боевых действий приводило к неоправданным потерям.

(...)

Управление силами и средствами специальной разведки на территории Афганистана организовывалось и осуществлялось в основном по общепринятым положениям, разработанным в оперативной разведке

для фронтового звена. Однако в силу особых условий и характера ведения боевых действий в РА, а также специфики проведения разведывательных мероприятий управление органами агентурной и специальной разведки в Афганистане имело ряд особенностей.

Специальная разведка на территории РА велась силами и средствами двух бригад СПН в составе управления и 4 ОО СПН в каждой и ор СПН.

Органы специальной разведки в РА подчинялись начальнику разведки ТуркВО. Однако в целях обеспечения оперативности управления разведывательные задачи ставились в основном начальником штаба (начальником разведки) 40-й армии. Предусматривалось также управление специальной разведкой на территории Афганистана и со стороны ГРУ ГШ.

Управление отдельными отрядами специального назначения осуществлялось через штабы бригад СПН. Разведывательная информация от ОО СПН поступала в штабы бригад, анализировалась и обобщалась, а затем передавалась в разведывательное управление ТуркВО и в РО 40-й армии. В случае необходимости предусматривалась возможность передачи наиболее срочной и важной информации от ОО СПН непосредственно в разведывательный отдел 40-й армии через ПУНР.

Управление РГ СПН в ходе выполнения ими боевых задач осуществлялось командирами и штабами оо СПН по принадлежности. Информация от РГ СПН поступала также в штабы бригад СПН для обобщения и доклада в вышестоящие инстанции.

С целью оказания своевременной и действенной помощи РГ СПН в ходе проведения ими специальных мероприятий, наведения самолетов или вертолетов огневой поддержки на объекты авиаударов, эвакуации разведывательных групп из опасной зоны

организовывалось тесное взаимодействие специальной разведки с авиацией (через штабы обр СПН, ОО СПН или непосредственно от РГ СПН).

Для более эффективного решения боевых задач организовывалось также взаимодействие подразделений специального назначения с оперативными агентурными группами (ОАГ) разведывательного центра и с общевойсковыми частями и соединениями.

В целях обеспечения непрерывного, устойчивого и оперативного управления силами и средствами агентурной и специальной разведки на территории Афганистана была развернута система специальной радиосвязи.

Задачи, решаемые спецрадиосвязью в интересах специальной разведки в РА

Исходя из сложившейся в условиях Афганистана структуры управления специальной разведкой на систему специальной радиосвязи возлагались задача по обеспечению радиосвязью:

- отдельных бригад специального назначения с ГРУ ГШ – для управления специальной разведкой со стороны ГРУ ГШ и получения от нее важных разведывательных сведений;

- обр СПН с начальником разведки ТуркВО – для руководства действиями органов специальной разведки и доставки обобщенной развединформации в штаб ТуркВО;

- обр СПН с начальником разведки 40-й армии – для централизованного руководства специальной разведкой со стороны 40-й А;

- обр СПН с отдельными отрядами специального назначения, входящими в ее состав, – для руководства подготовкой и ведением боевых действий ОО СПН;

обр СПН с разведывательными группами специального назначения – для руководства боевыми действиями отдельных разведывательных подразделений, выполняющих наиболее важные задачи;

обр СПН с отдельным радиоузлом ОСНАЗ – обходной канал с начальником разведки 40-й армии;

обр СПН с оперативными агентурными группами – для организации взаимодействия между органами агентурной и специальной разведки непосредственно в зонах их оперативной ответственности;

обр СПН с аэродромами – для взаимодействия с вертолетами огневой поддержки при проведении специальных и эвакуационных мероприятий;

ОО СПН с ПУНР 40-й армии – для обеспечения начальнику разведки 40-й А возможности прямого руководства отрядами, минуя штабы бригад СПЕЦНАЗ;

оо СПН с разведгруппами – для непосредственного управления со стороны командиров и штабов отрядов боевыми действиями РГСПН;

оо СПН с мотострелковыми частями (подразделениями) – для обеспечения взаимодействия;

РГ СПН с авиацией – для организации непосредственного наведения на цели вертолетов и самолетов огневой поддержки и проведения эвакуационных мероприятий в ходе ведения боевых действий;

внутри РГСПН – для управления личным составом в ходе боя.

Силы и средства спецрадиосвязи, выполнявшие задачи в интересах специальной разведки

Для решения задач по обеспечению управления органами специальной разведки и сбора разведывательной информации на территории Афганистана была развернута система специальной радиосвязи в составе:

УС пункта управления начальника разведки (ПУНР)
40 А;

отдельного радиоузла особого назначения (ОРУ
ОСН);

отрядов спецрадиосвязи бригад СПН;
групп связи ОО СПН и отдельной роты СПЕЦНАЗ;
радистов-разведчиков разведывательных групп
специального назначения.

(...)

Организация спецрадиосвязи в специальной разведке и ее особенности

На начальном этапе ведения боевых действий в РА специальные задачи решались в основном силами и средствами отдельной роты специального назначения, которая была подчинена непосредственно начальнику разведки 40-й армии.

Организация спецрадиосвязи в ор СПН

Как правило, рота СПН выделяла на боевую операцию до 3 РГСПН. Количественный состав группы зависел от выполняемых задач, но обычно в ее состав входило 16–20 человек:

командир группы, офицер – 1 чел.;
зам. командира группы, прапорщик – 1 чел.;
командир отделения, сержант – 2–3 чел.;
разведчики – 10–12 чел.;
радист-разведчик – 2–3 чел.

Каждая разведгруппа ОРСПН при выходе на боевое задание обычно имела следующее вооружение:

пулемет Калашникова – 2–3 шт.;
пулемет РПКС – 2–3 шт.;
снайперская винтовка СВД – 1–2 шт.;
подствольные гранатометы ГШ-25-3 – 4 шт.;
автомат АКМС с ПБС – 2–3 шт.;

автоматический пистолет Стечкина, бесшумный (АПСБ) – 2–3 шт.;

автомат АКС-74-6 – 7 шт.;

нож разведчика – 16–20 шт.;

сигнальные и осветительные средства – по 2–3 на каждого чел.;

РПГ-18 и РПГ-22-4 – 5 шт.

Все вышеперечисленное вооружение и другое имущество имело значительную массу, что накладывало определенные ограничения на количество используемых в операции средств СРС и источников питания к ним, так как РГСПН чаще всего выполняли поставленные задачи в пешем порядке.

Каждая разведгруппа обеспечивалась радиосредствами исходя из решаемых задач и удаления РГСПН от Центра.

Действия разведывательных групп специального назначения при проведении засадных действий чаще всего происходили следующим порядком.

Выброска разведгрупп в район боевых действий производилась обычно вечером вертолетами Ми-8 под прикрытием боевых вертолетов Ми-24. После десантирования группа собиралась в указанном месте, командир РГСПН устанавливал порядок выдвижения в район засады. Связь головного и тылового дозора с командиром группы производилась на УКВ радиостанциях Р-392 короткими сигналами из специально разработанных сигнальных таблиц.

Радисты-разведчики разворачивали радиостанции Р-354 (Р-159) и докладывали в Центр обстановку в районе местонахождения группы. Обязательные двухсторонние сеансы радиосвязи с РГСПН планировались чаще всего на утро и вечер, как правило, на темное время суток, чтобы не демаскировать мачтой и антеннами место расположения группы. В ночное время антенны разворачивались полностью, с рассветом

антенны располагались на земле путем использования складок местности и различных местных предметов. Полотна антенн маскировались. С началом боя радист (первый номер) вступал в связь с Центром, докладывал о ходе операции, второй номер и 1-2 разведчика прикрывали работающего радиста. При вызове вертолетов огневой поддержки их наведение осуществлялось командиром группы по радиостанции «Ромашка». Связь с вертолетами поддерживалась на всем протяжении боя до эвакуации РГСПН.

Разведгруппы выполняли боевые задачи и на бронеобъектах – бронетранспортерах и боевых машинах пехоты. Перед выходом на задание все УКВ радиостанции Р-123 бронеобъектов настраивались на одни и те же основные и запасные частоты. При выдвижении бронегруппы в район боевых действий она поддерживала с центром постоянную связь по КВ радиостанциям Р-130, имеющимся в боевой разведывательной машине БРМ-1К. По прибытии в район предстоящих боевых действий группой оборудовалась база, где размещался весь личный состав и разворачивался цбу со средствами радиосвязи. Управление бронеобъектами, участвующими в засадах, производилось по УКВ радиостанциям Р-123. При переговорах использовалась специально разработанная переговорная таблица.

Радиосвязь с пешими РГСПН, выдвигающимися в район засады или разведки, поддерживалась на УКВ радиостанциях Р-159 или КВ типа Р-354 («Ангара») в зависимости от района работы. Радиосвязь с Центром осуществлялась постоянно.

Кроме того, при необходимости организовывалось взаимодействие с дорожными постами царандоя (РА) и советских войск. Их частоты и позывные доводились до всех бронеединиц.

Вызов поддерживающей авиации и вертолетов осуществлялся не непосредственно, а через Центр.

В ходе ведения боевых действий разведывательными группами специального назначения, выделяемыми от ОРСПН, накоплен значительный опыт в организации и обеспечении связи в различных боевых ситуациях, проведении специальных мероприятий, в управлении группами непосредственно в ходе боя.

Имеется много примеров, когда благодаря самоотверженным, инициативным действиям радистов-разведчиков разведгрупп по обеспечению связи с командованием 40-й армии боевые задания выполнялись с большой эффективностью, а часто от их действий зависела жизнь товарищей и даже всей разведывательной группы в целом.

Вот лишь один из них.

Разведгруппе была поставлена задача организовать засаду на маршруте Спандукач – Джигдалай (провинция Нангархар) с целью уничтожения каравана с оружием. Десантирование группы осуществлялось 4 вертолетами Ми-8 и было замечено мятежниками. РГ СПН была окружена отрядом душманов численностью до 300 человек и вступила в бой. В разведгруппе было всего 18 человек. В течение 7 часов мятежники, пользуясь громадным численным превосходством, несколько раз атаковали позиции нашей группы. Радистам младшему сержанту Попову В.И. и рядовому Ильяеву Т.А. была поставлена задача связаться с Центром и сообщить о тяжелом положении, в котором оказалась группа. Местность, на которой группа приняла бой, не позволяла где-либо укрыться, поэтому мл. сержанту Попову и рядовому Ильяеву пришлось разворачивать радиостанцию на открытой, хорошо простреливаемой мятежниками местности. Во время установления связи антенная мачта радиостанции была перебита пулей. Мл. сержант Попов, рискуя своей жизнью ради спасения

товарищей, привязал антенну к стволу автомата и стоял под огнем, пока рядовой Ильяев не передал боевые сигналы в Центр. С наступлением рассвета прибыли вызванные вертолеты огневой поддержки, которые были умело наведены по радио на обнаруженные в ходе боя цели. Благодаря четкому руководству группой со стороны командира группы, устойчивой радиосвязи с Центром и поддерживающей авиацией, которую четко организовали и поддерживали в ходе всей операции радисты-разведчики мл. сержант Попов и рядовой Ильяев, разведгруппа уничтожила свыше 90 мятежников, склад с боеприпасами, два каравана с оружием и без потерь была эвакуирована с поля боя.

Организация спецрадиосвязи в оо СПН

Каждый отряд специального назначения мог выделить до 9 штатных РГ СПН, которые способны действовать как в пешем порядке, так и на бронетехнике. Для выполнения разведывательно-боевых задач использовались более крупные подразделения специальной разведки (РО СПН и РГ СПН в составе усиленной роты) со значительно возросшими огневыми возможностями и масштабами проводимых операций. В целях повышения боевой мощи и защищенности разведчиков от стрелкового огня противника в отрядах включались бронегруппы на боевых машинах пехоты, а также командно-штабные машины на бронетехнике – Р-145 БМ и БМП-1КШ.

Обеспечение спецрадиосвязи с обр СПН возлагалось на отряд спецрадиосвязи бригад, а в отрядах СПН эти задачи решала группа связи и разведчики-радисты, действовавшие в составе разведгруппы. В каждую РГСПН, выделенную от отряда СПН, включались 2–3 разведчика-радиста с более широким набором радиосредств:

КВ радиостанция Р-354-1 к-т (при удалении до 350 км и более, режим работы – ТЛГ АТ);

КВ радиостанция Р-143-1 к-т (при удалении до 100 км, режим работы ТЛФ ВБП и ТЛГ АТ);

КВ радиостанция «Ангара» – 1 к-т (при удалении до 300 км, режим работы ТЛФ ВБП и ТЛГ АТ);

УКВ радиостанция Р-159-1 к-т (при удалении до 35 км, режим работы ТЛФ);

КВ радиоприемник «Ляпис» – 1 к-т (используется в группе для приема срочного вызова Центра);

УКВ радиостанция Р-392-3 – 4 к-та (связь внутри РГСПН);

УКВ радиостанция «Ромашка» – 1-2 к-та (для связи с поддерживающей авиацией);

источники электропитания.

Условия ведения боевых действий в горах предопределили ряд особенностей в организации связи, а поэтому потребовали изыскания возможностей для более полного использования оперативно-технических характеристик средств радиосвязи и особенно тщательной подготовки их и личного состава перед выходом на боевую операцию.

Там, где командир и начальник штаба отряда серьезно относились к вопросам управления, к пониманию значения радиосвязи как единственного средства руководства группами в ходе операции, там и составленные боевые задачи решались успешно, там практически не было потерь или они были незначительными.

Так, например, 7 июля 1985 г. разведгруппа от 7-го отряда СПН вышла на задание с целью уничтожения складов с боеприпасами бандформирований в районе н.п. Шахджой. При совершении марша группа попала в засаду. В критический момент боя, когда командир РГСПН с частью разведчиков был отрезан от основных сил, начальник связи отряда, принимавший участие в

этой операции, проявив мужество и хладнокровие, установил уверенную связь с ЦБУ и своевременно вызвал на помощь вертолеты и бронегруппу. Такой счастливый исход дела явился, конечно, результатом продуманной организации связи со стороны командира отряда еще до выхода на задание.

8 июля 1986 г. РГСПН от 2-го отряда СПН по полученным от ОАГ данным вышла на перехват каравана с оружием. Скрытно выдвинувшись к месту засады, разведгруппа приступила к ликвидации каравана. Во время боя из ближайшего кишлака на помощь душманам стал выдвигаться отряд мятежников численностью до 100 человек. Заняв круговую оборону, командир РГСПН, имея твердые навыки в работе на средствах связи, лично установил связь с ЦБУ в условиях пыльной бури, вызвал по радио вертолеты и бронегруппу, которые нанесли удар в тыл душманов и обеспечили их полный разгром.

Если раньше со стороны противника не отмечалось случаев радиоэлектронного подавления нашей связи, то в последнее время мятежники все чаще стали применять активные радиопомехи, особенно на направлениях с вертолетами огневой поддержки. Это обстоятельство привело к необходимости использования для радиосвязи с вертолетами наряду с радиостанцией «Ромашка» и нашей УКВ радиостанции Р-392 «Сокол».

Опыт использования подразделений специальной разведки в РА показывает, что продолжительность проведения одной операции составляла в среднем 3–5 суток; причем РГСПН чаще всего действовали на расстояниях 30–80 км от штаба отряда. В этих случаях для связи с ними на Центре использовались радиосредства КШМ (Р-142Н, Р-145, БМ, БМП-1КШ) с вынесением абонентских линий непосредственно на ЦБУ для повышения оперативности управления группами в ходе боя. С этой же целью в РГСПН нашли широкое

применение переносные КВ радиостанции «Ангара», общевойсковые КВ радиостанции Р-143 и УКВ радиостанции Р-159, имеющие телефонные виды работы.

В ходе проведения первых операций выяснилось, что одним из самых узких мест стал вопрос обеспечения непрерывности управления действиями РГСПН.

В одном из выходов РГСПН в район Суруби связь с группой была прервана на несколько суток, и восстановить ее удалось только с помощью высылки бронегрупп и вертолетов. Причинами потери радиосвязи явилась неправильная ее организация. Программой предусматривалось два обязательных и два сеанса по взаимному контролю в сутки, а также постоянный контроль за вызовами РГСПН со стороны Центра на частотах дежурного приема. Иными словами, отряд мог вызвать по своей инициативе разведгруппу лишь 4 раза в сутки. С другой стороны, на КВ радиостанции Р-354, имевшейся в группе и работающей лишь на антенну «наклонный луч», имеющую «мертвую зону» на коротких радиотрассах, радиосвязь на частотах дежурного приема установить было крайне трудно. Перед выходом на задание начальнику связи задачи поставлено не было, расстояния до РГСПН, продолжительности операции и специфических условий, в которых должна была действовать разведгруппа, он не знал. Вследствие этого необходимой подготовки к выходу не проводилось: радист был оснащен лишь одной радиостанцией Р-354, запасные источники питания и ПЗУ для их подзарядки в полевых условиях отсутствовали. К тому же разведчик-радист не был обучен правилам пользования нештатными источниками питания (к примеру, АКБ от БМП-2).

И как результат всего этого – полная потеря управления разведгруппой, что могло повлечь за собой

неоправданные потери и невыполнение поставленной боевой задачи.

Этот и некоторые другие отрицательные примеры из боевых действий ООСШ заставили командование отрядов по-иному оценить вопросы управления и организации спецрадиосвязи с разведгруппами в ходе выполнения ими специальных мероприятий. Прежде всего была поставлена и решена задача непрерывности управления разведгруппами со стороны Центра в любое время суток, то есть организована работа РГСПН с радиоприемниками срочного вызова «Ляпис», включаемыми в группах сразу же после выхода их на задание и до его окончания.

Повысилась ответственность командиров и штабов в решении вопросов управления и связи. Практиковалась постановка задачи начальникам связи отрядов на каждую операцию с отработкой необходимых документов и рабочей карты с указанием расстояний, продолжительности и специфики действий РГСПН. Усилился контроль за подготовкой как аппаратуры, так и самих радистов. Решился вопрос оперативной замены радистов в случае необходимости непосредственно в разведгруппах путем их замены заранее подготовленными социалистами из числа разведчиков групп СПН.

Учитывая дальность действия РГ СПН, специфические природные условия, в которых они находились, для обеспечения устойчивой и надежной радиосвязи широко использовался набор различной аппаратуры как КВ, так и УКВ диапазона.

Для повышения оперативности руководства РГСПН, особенно в ходе боя, чаще использовались УКВ радиостанции типа Р-159, работающие, как правило, в телефонном режиме, а переговоры велись с применением специально разработанных сигнальных и переговорных таблиц. За каждым командиром РГСПН

закреплялся постоянный позывной. Например, командир 1-2 группы – «Звезда», 2-3 – «Агат» и т.д. Опыт боевых действий, в частности в районе Джелалабада, показал, что отрицательное влияние горной местности на дальность обеспечения УКВ радиосвязи с успехом компенсировалось широким применением ретрансляторов как подвижных, так и стационарных, размещаемых обычно на преобладающих высотах. При наличии в горах естественных волноводов наблюдалось сверхдальнее распространение УКВ радиоволн. Отмечаются случаи, когда в УКВ диапазоне связь обеспечивалась на расстояния, в 1,5–2 раза превышающие дальности, определенные ТТД радиосредств. В горных условиях УКВ связь была менее подвержена радиоперехвату, значительно уменьшалось влияние взаимных помех, управление группами было более устойчивым в течение всех суток.

В пустынной местности, несмотря на наличие прямой видимости, но вследствие сильной ионизации воздуха солнечными лучами и электризации атмосферы пыльными частицами в условиях пыльных бурь, УКВ связь проходила весьма неустойчиво, дальность действия, например, радиостанции Р-392 снижалась до 1,5–2 км.

В случае значительного удаления РГ СПН от Центра основным средством управления становилась КВ радиосвязь. В последнее время наряду с военными радиостанциями Р-143, Р-354, Р-394КМ в разведгруппах получила широкое применение и станция народнохозяйственного применения «Ангара», позволяющая обеспечить связь в телефонном режиме на расстояние до 300–350 км. Большое достоинство этой радиостанции, наряду с малыми габаритно-весовыми характеристиками, состоит в том, что она полностью сопрягается по телефонному режиму с радиосредствами, установленными на бронеобъектах, и

может питаться практически от любого источника напряжением 12 В, причем в ее комплекте имеется и специальный генератор тока с ножным приводом для питания радиостанции в полевых условиях.

Учитывая широкое использование в Афганистане телефонной коротковолновой связи в специальной разведке и тот факт, что в существующих КВ радиосредствах СРС не предусмотрен такой режим работы, было принято решение о необходимости разработки специальной малогабаритной радиостанции, работающей телефоном с техническим закрытием речевой информации на дальности до 150–200 км. К ней предъявлены также жесткие требования по габаритно-весовым характеристикам и к простоте управления. В настоящее время разработка такой радиостанции («Северок-К») завершена.

Вес рабочего комплекта радиостанции без источников питания около 1,9 кг. Поступление этой радиостанции в специальную разведку существенным образом повысит возможности по управлению разведгруппами как в плане оперативности, так и скрытности.

Основным способом организации радиосвязи между ООСПН и РГСПН являлось радионаправление. Такая жесткая привязка корреспондентов обуславливалась требованиями непрерывности и надежности управления группами в ходе боя, своевременного их перенацеливания и вывода из-под удара мятежников.

Каждой РГ СПН при выходе на задание вручалось для связи с отрядом по одной КВ (Р-143 или «Ангара») и УКВ (Р-159) радиостанции, двойной-тройной комплект источников питания, в качестве которых использовались хорошо зарекомендовавшие себя аккумуляторные пояса 10НКП-60, удобные в переноске и эксплуатации и имеющие достаточную емкость; портативное зарядное устройство типа ПЗУ-5М, используемое для

восстановления емкости аккумуляторов в полевых условиях, и несколько УКВ радиостанций Р-392 для связи внутри групп.

РГ СПН при проведении специальных мероприятий в зависимости от условий обстановки действовали в различных вариантах:

1. Группа на вертолетах доставлялась в район проведения операции, откуда с соблюдением всех мер маскировки пешим порядком следовала к месту предстоящих боевых действий. Связь внутри группы в этом случае организовывалась на УКВ радиостанциях типа Р-392 от командира РГСПН:

с головным и тыловым дозорами при поиске или выдвижения группы в район засады;

с наблюдательными постами в районе засады;

с подгруппами в районе засады, при минировании и во время боя.

2. При действии группы на бронетехнике управление РГСПН осуществлялось посредством радиостанций танкового типа:

с командирами рот СПН по КВ и УКВ радиосетям соответственно на радиостанциях Р-130 и Р-111 в телефонном режиме;

командиров рот со своими РГСПН на УКВ радиостанциях Р-123 в телефонном режиме.

При необходимости на бронетехнике размещались 2 переносные радиостанции типа «Ангара», Р-809М2 и другие.

Несколько слов об организации взаимодействия с вертолетами огневой поддержки. Опыт показал, что вести успешную борьбу с бандформированиями противника, действующими из засад или огневых позиций, оборудованных в пещерах или скальных расщелинах, невозможно без тесного взаимодействия с поддерживающими вертолетами. Поэтому при разработке операции планировалась постоянная связь

между отрядом СПН и аэродромом взлета, для чего использовалась, как правило, радиостанция Р-809М2. Дежурное звено вертолетов находилось в постоянной готовности к вылету, командиры экипажей заблаговременно информировались о районе действия поддерживаемой РГСПН. Для наводки авиации на цели непосредственно в ходе боя каждой группе придавалась УКВ радиостанция «Ромашка», работающая на одной фиксированной частоте. В последнее время ввиду создания противником на этой частоте активных радиопомех для связи с вертолетами стала использоваться УКВ радиостанция Р-392. Дальность связи при этом возросла до 80–100 км.

Для ведения переговоров с поддерживающей авиацией и оперативного управления РГСПН в ходе боя широко использовались формализованные переговорные сигнально-кодовые таблицы.

Организация спецрадиосвязи в бр СПН

После ввода в РА штабов двух бр СПН с отрядами спецрадиосвязи управление деятельностью отрядов СПЕЦНАЗ и отдельных наиболее важных РГ СПН перешло к командирам бригад, т.е. управление специальной разведкой стало более централизованным. Соответственно расширилась и система специальной радиосвязи. От бр СПН связь организована с ГРУ ГШ, НР ТуркВО и 40-й армией – по космическим, тропосферным и КВ каналам; с отрядами СПЕЦНАЗ – по КВ засекреченным каналам телеграфом и телефоном. Шифрованная связь ввиду ее очень низкой оперативности широкого применения на этих направлениях не нашла. Для получения срочной информации от РГСГПН, ведущих боевые действия, организовывались радиосети штаба брСПН. Организация же радиосвязи от ООСПН практически оставалась без изменений.

(...)

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Успех разведывательно-боевой деятельности частей и подразделений специального назначения значительно зависел от всех видов боевого и тылового обеспечения. Боевое обеспечение осуществлялось на общих основаниях в соответствии с положениями уставов, наставлений и инструкций Советской Армии, а также указаниями штабов ТуркВО и армии с учетом особенностей разведывательно-боевой деятельности соединений и частей СПН.

При подготовке разведывательных групп к боевым действиям на одно из первых мест ставился правильный выбор необходимого вооружения, экипировки. При этом учитывались условия сохранения маневренности, огневой мощи и живучести группы.

С учетом приобретенного опыта боевого применения подразделений СПН в горно-пустынной и пустынной местности Афганистана снаряжение разведчика может включать:

- специальную форму одежды подразделений СПЕЦНАЗ;

- ботинки с высоким берцем или высокогорные с триконями (в зависимости от того, на каких склонах придется действовать);

- ледоруб (если придется действовать на скалах и фирне);

- маскхалат (при действиях на высоте до 2500 м) или камуфлированный защитный комплект;

- штормовой горный костюм (при действиях в горах выше 2500 м);

- фляги для воды (емкость – 1,7 л) – 2 шт. (при действиях в пустыне – 4-6 больших пластмассовых

фляг);

малая саперная лопата;

горная веревка (при действиях в сложном горном районе) – одна на группу;

кусоч масксети пустынного или грязно-серого цвета;

наземные сигнальные патроны оранжевого и красного огня – 2-4 шт. (в пустыне – зеленого огня, т.к. оранжевый дым на песке виден только на 800-1000 м);

клубок натуральной шерстяной нитки при действии в пустыне для отпугивания змей и насекомых;

солнцезащитные очки.

Широкое применение при ведении боевых действий в подразделениях СПН нашло индивидуальное снаряжение разведчика типа «Пояс-А» и «Пояс-Б», предназначенные для укладки боекомплекта.

«Пояс-А» размещался на груди и позволял укладывать 6 магазинов к 5,45 и 7,62 мм автоматам Калашникова, 4 ручные гранаты с запалами и 2 сигнальные ракеты.

«Пояс-Б» размещался на поясе разведчика и позволял укладывать 10 гранат РГ-25.

В случае, если разведывательной группе предстояло действовать в условиях дождя, дождя со снегом, мокрых скал и раскисшего грунта, на ноги обычно одевались чулки защитные от общевойскового защитного комплекта (ОЗК), а голова и туловище защищались защитным плащом от ОЗК или плащ-палаткой.

В рюкзаке РД-54 у разведчика находились:

- плащ-палатка;
- комбинированный котелок;
- сухой паек (на время ведения боевых действий);
- боеприпасы в пачках (россыпью);
- аккумуляторные батареи к радиостанциям.

При действиях в зимнее время разведывательная группа дополнительно брала спальные мешки, утепленные куртки, валенки, меховые рукавицы,

альпинистское снаряжение (ледорубы, общая горная веревка, набор скальных крючьев, карабинов, репшнуров – один на группу), увеличенный запас сухого горючего или наземных сигнальных патронов зеленого или красного огня (в случае отсутствия сухого горючего ими можно хорошо разогревать консервы из сухого пайка).

В последнее время вместо специальной формы одежды группы СПН используют общевойсковую или другую форму, так как мятежники постоянно следят за передвижением подразделений СПН и при обнаружении личного состава в специальной форме немедленно принимают меры противодействия или маскировки.

В связи с климатическими особенностями Афганистана (в южных и юго-западных районах – жаркий климат пустынь, на юго-востоке и востоке – горные массивы с превышением высот от 2000 до 4000 м над уровнем моря) вопрос обеспечения разведывательных групп (отрядов) питанием и водой с целью длительного пребывания их на местности стал предметом первостепенной важности.

Использование личным составом РГ СПН средств обеззараживания воды, особенно в горной местности, таких, как приборы «Родник» и «Турист», таблеток «Пуритабс», позволяло группе находиться в районе боевых действий до 4-5 суток без дополнительного снабжения водой, а поступившие медицинские стимуляторы типа «Бешитил» и витамин «Аэровит» позволяли повысить работоспособность человеческого организма вдвое.

В условиях, когда применение этих препаратов было возможно в связи с отсутствием водоемов, снабжение водой и продуктами происходило путем их выброски с вертолетов в нестандартной укупорке (упаковке) в район боевых действий групп СПН.

Часто для этих целей использовались: защитные чулки из ОЗК для доставки воды и использованная тара из-под боеприпасов – для продуктов, а также прорезиненная тара кустарного производства емкостью от 10 до 40 л, в которой местные жители хранят воду.

Техническое обеспечение разведывательно-боевой деятельности частей включало в себя содержание боевой техники в исправном состоянии, эвакуацию и ремонт поврежденной боевой техники. Как правило, в состав ремонтно-эвакуационной группы (РЭГ) включались МТП-1 (1 шт.) и БТС-4 (1 шт.). При выходе разведывательной группы (отряда) на боевое задание далее чем на 50 км от пункта постоянной дислокации танковые тягачи и машины технической помощи в ремонтно-эвакуационную группу не назначались. Взамен их в состав РЭГ включались однотипные боевые машины (1-2 БМП-2). Старшим РЭГ назначался один из заместителей командира роты по технической части. Ремонт в боевых условиях поврежденной техники производился небольшой по объему (замена катка или трака). Остальной ремонт проводился в пункте постоянной дислокации после эвакуации поврежденной техники.

(...)

УРОКИ, ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЕГО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

Боевое применение сил и средств специальной разведки в условиях Афганистана явилось проверкой подготовленности штабов, профессиональной обученности офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат, соответствия организационно-штатной структуры характеру выполняемых задач, эффективности приемов и способов разведывательно-

боевой деятельности подразделений и частей специального назначения.

В ходе девяти лет нахождения ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан накоплен ценный опыт планирования, организации и всестороннего обеспечения разведывательно-боевой деятельности подразделений СпН в трудных физико-географических условиях и сложной оперативно-агентурной обстановке.

Возможности специальной разведки в специфических условиях войны в Афганистане, которая велась мятежниками партизанскими приемами и методами, на начальном этапе не были учтены. В связи с этим комплект разведки 40-й А включал только 459 отдельную роту СпН обычного штата (4 группы), сформированную из наиболее подготовленных офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат-добровольцев 15 обр СпН ТурВО. Для непосредственного руководства ротой в штат разведывательного отдела штаба 40-й А был включен старший офицер по спецработе.

В 1980–1981 годах 459 ор СпН, используя классическую тактику и способы выполнения задач, успешно и без потерь провела ряд операций по разведке бандформирований и уничтожению складов с вооружением и боеприпасами, показав высокую результативность по сравнению с мотострелковыми и танковыми частями и подразделениями. Учитывая этот факт, были сформированы и осенью 1981 года включены в состав 40-й А два отдельных отряда СпН.

Но к этому времени бандформирования выработали свою тактику борьбы с разведывательными отрядами и группами СпН, что стало приводить к неоправданным потерям. В результате этого силы и средства специальной разведки перешли на новые, не свойственные им способы разведывательно-боевой

деятельности: засады на караванных маршрутах, налеты на исламские комитеты и склады, участие в рейдовых операциях совместно с мотострелковыми частями, охрана шоссейных дорог, трубопроводов и важных промышленных объектов, проверка результатов бомбоштурмовых ударов, сопровождение колонн с грузами. То есть **специальная разведка приобрела силовую направленность, стала действовать по принципу «разведал - уничтожил».**

Выполнение боевых задач вышеназванными способами потребовало включить в состав частей СпН бронетанковую технику и тяжелое вооружение, придавая им на период выполнения задач авиационные, танковые и артиллерийские подразделения.

Учитывая, что наибольшую эффективность специальная разведка дает при массовом применении подразделений СпН, было принято решение об увеличении боевого состава. С этой целью в марте 1985 года в состав 40-й А были включены две отдельные бригады СпН по 4 отряда каждая.

В борьбе с бандформированиями личный состав частей СпН показал высокие морально-боевые качества и профессиональную подготовку. За последние 8 лет разведывательно-боевой деятельности в РА подразделениями СпН было уничтожено более 17 тысяч мятежников, 990 караванов и 332 склада с оружием и боеприпасами. Взято в плен 825 мятежников и захвачено большое количество различного вооружения, боеприпасов, техники, медикаментов и продовольствия.

Родина высоко оценила заслуги разведчиков специального назначения. Семь человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 8908 человек награждены орденами и медалями СССР.

(...)

Боевое применение подразделений и частей СпН в специфических условиях Афганистана определило

специальную разведку как разведывательно-силовую часть оперативной разведки. Выполнение задач по разгрому бандформирований, захвату и уничтожению исламских комитетов, караванов и складов с вооружением и боеприпасами, баз потребовало изменения тактики действий РО СпН (РГ СпН) и усиления их вооруженности. Применение наземного способа вывода групп в район разведки как одного из основных, необходимость огневой поддержки группы в бою с бандформированием потребовали оснащения роты и отрядов СпН бронетранспортерами и боевыми машинами пехоты. В штат отдельных отрядов СпН были включены подразделения ЗСУ-23-4 «Шилка», огнеметчиков, АГС-17, а впоследствии был придан отряд боевых и транспортных вертолетов. В зависимости от характера задачи выделялись разведывательные органы в составе от усиленного отделения (12-16 чел.) до отдельного отряда в полном составе с подразделениями усиления. При проведении крупных операций отряд СпН усиливался, как правило, танковым взводом, артиллерийской и минометной батареями.

Таким образом, специфика ведения боевых действий в РА и особенности горно-пустынной местности ТБД вынудили на основе практического опыта перейти на новую оргштатную структуру частей СпН и оснастить их бронетанковой техникой и тяжелым вооружением. Этот опыт показывает, что в обр СпН необходимо иметь подразделение на десантируемой технике для выполнения задач по уничтожению пунктов управления противника в оперативно-тактической глубине; при проведении РГ СпН специальных мероприятий необходимо повышать ее огневую мощь.

Силы и средства специальной разведки разведывательно-боевую деятельность в Афганистане начали, имея штатное обмундирование, экипировку, средства жизнеобеспечения, однотипные для всех

соединений и частей СпН. В ходе выполнения боевых задач выявились недостатки: некамуфлированное обмундирование песочного цвета демаскировало группу в горах и на фоне зелени; обмундирование и обувь не выдерживали установленных сроков носки; фляга не обеспечивала необходимость запаса воды; рюкзак десантника не обеспечивал размещения повышенного запаса боеприпасов и продовольствия, был неудобен при носке; отсутствовало горное снаряжение и ряд других недостатков. Они устранялись разведчиками самостоятельно, изменялись нормы носки обмундирования, до окончания вывода советских войск из РА поставлялись и испытывались новые форма одежды и средства жизнеобеспечения.

(...)

При вводе в Афганистан 459 ор СпН была укомплектована личным составом за счет 15 обр СпН ТуркВО, проходившим подготовку по типовой Программе боевой подготовки соединений и частей СпН. Последующее оснащение роты боевыми машинами пехоты, пулеметами ПКМ, снайперскими винтовками, гранатометами одноразового действия «Муха» выявило неподготовленность личного состава к боевому применению и обслуживанию нового вооружения, неумение действовать на БМП. Широкое использование вертолетов для переброски РГ СпН выявило необученность разведчиков быстрой высадке и посадке в них. Опыт боевого применения сил и средств специальной разведки в условиях Афганистана показал, что, несмотря на качественное укомплектование частей СпН личным составом, сложные физико-географические условия, климат требовали акклиматизации и дополнительной подготовки разведчиков. На первоначальном этапе личный состав имел слабую физическую подготовку, не умел ориентироваться и маскироваться в горах, не был обучен преодолению

горных рек и ущелий. Эти недостатки в подготовке приводили к неоправданным потерям.

В 1985 году было принято решение о создании в ТуркВО учебного полка СпН для подготовки личного состава, направляемого на укомплектование частей и подразделений СпН в РА. Был создан резерв офицерского состава специальной разведки, где офицеры, направляемые в Афганистан, проходили одномесечную подготовку. В процессе подготовки офицеров главное внимание уделялось особенностям тактики действий против бандформирований, вопросам организации и осуществления взаимодействия с приданной авиацией, артиллерией, умению корректировать их огонь, организовывать и руководить общевойсковым боем в условиях горно-пустынной местности.

(...)

В начальный период в разведотделе штаба 40-й А по штату был один старший офицер по спецработе, который отвечал за боевую готовность в повседневной деятельности 459 ор СпН, планировал ее боевое применение, осуществлял обеспечение групп и согласовывал вопросы взаимодействия с другими видами разведки, авиационными, артиллерийскими, общевойсковыми частями и подразделениями. Иногда он принимал участие в наиболее ответственных операциях.

С вводом в РА отдельных отрядов СпН в РО штаба 40-й А была введена должность заместителя начальника разведки по специальной работе и увеличено количество офицеров-направленцев.

С вводом на территорию РА управлений двух бригад СпН в штабе 40-й А был создан центр боевого управления соединениями и частями СпН. Численный состав офицеров на ЦБУ колебался от 4 до 7 человек. Оперативная группа ЦБУ могла постоянно поддерживать связь со штабами бригад, отрядов и ротой СпН, что

позволяло знать обстановку и своевременно влиять на ход выполнения боевых задач. В штабах бригад и отрядов также были созданы ЦБУ для руководства отрядами и действующими группами.

Создание ЦБУ СпН в 40-й А было вынужденной мерой, поскольку численность специальной разведки достигла почти двух фронтовых комплектов и был нужен орган управления ею. Во фронте эти функции будут выполняться отделом специальной разведки разведывательного управления.

(...)

При планировании и организации разведывательно-боевой деятельности подразделений СпН командование и штабы всех степеней осуществляли тесное взаимодействие с оперативной агентурной, радио и воздушной разведкой с целью получения разведывательной информации о бандформированиях. Использовать такие сведения, получаемые от ВС РА, народной милиции, органов власти и местных жителей. Наибольшей достоверностью обладали данные, поступающие от воздушной и радиоразведки. Кроме этого, воздушная разведка производила фотографирование площадок высадки групп, маршрутов движения и районов ведения разведки.

Данные радиоперехвата позволили провести несколько успешных операций по разгрому бандформирований. Например, перехват радиообмена между станциями мятежников позволил определить маршрут движения каравана с оружием и боеприпасами. И засадные действия подразделений 15 обр СпН, спланированные по данным радиоперехвата, оказались успешными – был уничтожен караван из 204 вьючных животных.

Поскольку командиры бригад и отрядов обладали необходимой самостоятельностью в принятии решения на уничтожение выявленных объектов, а

разведывательных сведений, поступающих из штаба армии, было иногда недостаточно, командование отрядов стало использовать сведения доброжелателей. Под ними понимались завербованные на материальной основе местные жители, их число в некоторых отрядах доходило до 15-20 человек. То есть командование отрядов организовывало разведку агентурными методами в своих интересах. И грамотная работа с доброжелателями в большинстве случаев давала положительные результаты.

(...)

Воздушная, радио- и радиотехническая разведки окажут существенную помощь в выборе районов разведки для РГСПН.

Опыт также показал, что офицеры специальной разведки должны уметь организовывать и вести разведку с использованием агентурных методов.

Уроки и выводы из опыта разведывательно-боевой деятельности подразделений СПН в РА позволяют сделать следующие **рекомендации по его практическому использованию в процессе боевой подготовки разведчиков:**

планирование специальной разведки необходимо осуществлять продуманно, в строгом соответствии со сложившейся обстановкой, с учетом особенностей страны предназначения, состояния и возможностей сил и средств, уровня их подготовленности и наличия времени на подготовку групп к выполнению поставленных задач;

повышать уровень полевой выучки разведчиков, осуществлять их подготовку в сложных условиях, занятия по тактико-специальной подготовке проводить в комплексе с огневой, физической, инженерной и другими предметами подготовки;

учить офицеров, прапорщиков и сержантов принимать нестандартные решения с учетом

конкретных условий обстановки и способа выполнения задач;

в ходе занятий увеличить объем физических нагрузок, готовить физически крепких и выносливых разведчиков;

больше уделять внимания обучению ориентированию и определению координат на незнакомой местности, учить личный состав действиям в темное время суток;

обучать офицеров приемам и способам наведения авиации и корректированию огня артиллерии, боевому применению бортового оружия бронетанковой техники, организации общевойскового боя.

Внедрять опыт ведения боевых действий в Республике Афганистан в учебный процесс следует творчески, сообразуясь с решаемыми задачами и особенностями конкретного ТВД.

Источник: <http://www.vrazvedka.ru/main/learning/last-conf1/afgan.shtml>.

Список источников

Архивные документы

АВП РФ. Ф.048 «з», оп. 14-б, д. 7.
АСВР РФ. д. 17769, т.1.
РЦИХДНИ. Ф. 124, Оп. 1, д. 1706.
РЦХИДНИ. Ф. 124 оп. 1 д. 1306.
РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 120, д. 439.
РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 25, д. 1335.
ЦВМА. Ф. 505, оп. 028603, д. 1

Диссертации

Рыбалкин Ю. Военная помощь Советского Союза испанскому народу в национально-революционной войне 1936–1939 гг. Кандидатская диссертация. – М., 1992.

Опубликованные документы

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II. Ч. 2. – М., 1996.
ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. – М., 1996.
ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 2. – М., 1996.
Война и революция в Испании, 1936–1939. – М., 1968.
Т. 1.
Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В двух томах. Т. 1. – М., 1990.
Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998.
Коминтерн и Финляндия. 1919–1943 гг. Документы. – М., 2003.
Кутузов М.И. Письма, записки. – М., 1989.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 1. Накануне. Книга 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). – М., 1995.

Монографии

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С.В. и др. – М., 2008.

Андрианов П.М. Эпоха Петра Великого. // Сб. История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. – СПб., 2003.

Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. – М., 1964.

Бережков В.И., Пехтерева С.В. Женщины-чекистки. – СПб., М., 2003.

Бобренов В.А. За отсутствием состава преступлений. – М., 1998.

Болтунов М.Е. Диверсанты ГРУ. – М., 2004.

Болтунов М.Е. Короли диверсий. История диверсионных служб России. – М., 2002.

Боярский В.И. Диверсанты Западного фронта. Артур Спрогис и другие. Страницы памяти. – М., 2007.

Боярский В.И. Партизаны и армия. История утерянных возможностей. – М., 2001.

Бычевский Б.В. Город-фронт. – М., 1963.

Винницкий Л.Г. Бойцы особого фронта. – Л., 1980.

Винцер О. Двенадцать лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории Коммунистической партии

Германии в период с 1933 по 1945 год. – М., 1956.

Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939–1945 годы. – М., 1987.

Давыдов Д.В. О партизанской войне. // Сб. Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. – Л., 1985.

Диксон Ч.О. и Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. – М., 1957.

Дмитриев Д.М. Военные партизаны. – М., 2006.

Дробов М.А. Малая война: партизанство и диверсии. – М., 1998.

Дубинский А. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945. – М., 1980.

Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. – М., 1974.

Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2003.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Морской спецназ. История (1938–1968 гг.). – СПб., 2001.

Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. – М., 2005.

Зевелев А.И. и др. Ненависть, спрессованная в тол. – М., 1991.

Исторический очерк. Военная разведка России. – СПб., 1998.

Каратыгин П. Могучая сила партизанства. // Сб. Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. – М., 2007.

Казанджян Р. Большевики и младотурки. – М., 1996.

Квачков В.В. Спецназ России. – М., 2007.

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004.

Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. – М., 2000.

Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 2. – М., 2000.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. – М., 2000.

Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ. – М., 2004.

Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. – М., 2007.

Лайдинен Э.П., Веригин С.Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на северо-западе России (1914–1939 гг.). – Петрозаводск, 2004.

Линдер И.Б., Чуркин С.А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. – М., 2005.

Линдер И.Б., Чуркин С.А., Абин Н.Н. Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов. – М., 2008.

Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1919–1945. – М., 2008.

Лота В. Тайные операции Второй мировой: Книга о военной разведке. 1944 год. – М., 2006.

Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. – СПб., М., 2003.

Марковский В., Мильяченко В. Афганистан. Война разведок. – М., 2001.

Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. – М., 2002.

Назаревич Р. Варшавское восстание 1944 года. – М., 1989.

Никифоров А. Героические дела разведчиков-радиостов в годы Великой Отечественной войны. // Сб. «Звезда» вызывает «Центр». Радисты ВОВ. – М., 2005.

Павлов В. Женское лицо разведки. – М., 2003.

Пантелеев М. Агенты Коминтерна: солдаты мировой революции. – М., 2006.

Пережогин В.А. Партизаны в Московской битве. – М., 1996.

Позняков В.В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. – М., 2005.

Полтавский М.А. Дипломатия империализма и малые страны Европы. – М., 1973.

Прокофьев В. Внешняя разведка: боевое содружество. – Минск, 2002.

Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. – М., 1996.

Райсберг А. Австрия, февраль 1934 года. – М., 1975.

Селеменев В.Д. Охота на палача: историко-документальный очерк. – Минск, 2007.

Сидак В.С. Революцию назначить...: Экспорт революции в операциях советских спецслужб. – Киев, 2004.

Сиполс В. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. – М., 1989.

Сладковский М. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). – М., 1977.

Солидарность народов с Испанской республикой. 1936–1939. – М., 1972.

Спецназ России. Энциклопедия. – М., 2007.

Старинов И.Г. Ошибки партизанской войны. // Малая война. СПб., М., 1998.

Степаков В. Русские диверсанты против «кукушек». – М., 2004.

Степаков В. Спецназ России. – СПб., М., 2003.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 годы. – М., 2007.

Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. – СПб., 2000.

Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. – М., 2008.

Усов В. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. – М., 2002.

Фирсов Ф.И. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. – М., 2007.

Хинштейн А.Е. Подземелье Лубянки. – М., 2005.

Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002.

Червяков Д.Е. Партизанское движение в период подготовки и проведения Кутузовым контрнаступления в 1812 году. – М., 1953.

Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. – Смоленск, 2003.

Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М., 2001.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.

ПУБЛИКАЦИИ В СМИ

Алленова О. «На войне кровной мести не бывает». // Власть. 2004 год. 17 мая. № 19.

Бабченко А. Шагнул в бессмертие... // Братишка. 2005 год. № 2.

Безвершенко Н. Тревоги и радости Марии // Минский курьер. 2004. 22 мая. № 329.

Белдигов А. В школе навечно. // Красная Звезда. 2004 год. 19 августа.

Белоусов Ю. Две секунды на подвиг. // Красная Звезда. 2001 год. 17 февраля.

Белоусов Ю. Обелиск. // Красная Звезда. 2000 год. 23 декабря.

Белоусов Ю. Сержантский форум на Урале. // Красная Звезда. 2007 год. 29 ноября.

Бреславский С.В. Бой у кишлака Дури. // Ленинское знамя. 1988 год. 14 июля. № 162.

Бреславский В.Е. Образ жизни – спецназ // Спецназ. 2000. № 4–6.

Бреславский С. Спецназ нуждается в реформе. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 18 марта.

Будет улица Лелюха. // Вечерний Новосибирск. 2000 год. 13 сентября.

Будзей О. Богінського: Ім'я на мапі міста // Подолянин. 2006. 17 листопада.

Бэд Р. Как стать министром. // Лимонка. 2001 год. Июль. № 173.

Винокурова В. «Джек» выходит на связь... // Братишка. 2006 год. № 6.

Герасимов Д.М. 22-я бригада – гроза душманских караванов // Спецназ. 2000. № 4–6.

Гицевич Л., Ульянин Ю. Генерал Шкуро – основатель русского спецназа. // Посев. 2006 год. № 4.

Горак В. «Он – человек необыкновенный...». // В мире спецслужб. 2004 год. Январь. № 1.

Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 9 сентября.

Горбунов Е. Безосновательная тревога. // Независимое военное обозрение. 2008 год. 27 марта.

Горбунов Е. Наши партизаны в Маньчжурии. // Независимое военное обозрение. 2006 год. 19 января.

Горбунов Е. Операция «Икс». // Независимое военное обозрение. 2008 год. 15 февраля.

Горбунов Е. Основательная встряска военной разведки. // Независимое военное обозрение. 2007 год. 20 апреля.

Горбунов Е. Партизаны – ваши, оружие – наше. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 18 ноября.

Дементьев А. Я командовал «мусульманским батальоном». // Братишка. 2007 год. Октябрь.

Дорошенко В. Фриц Шменкель – советский партизан. // Гудок. 2005 год. 19 мая.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Рота особого назначения // Цитадель. 1998. № 3.

Зенькович Н. Кто взорвал Кубе. // Парламентская газета. 2002. 17 августа.

Иванов А. Невернувшийся батальон. // Волна. 2007 год. 23 октября. № 82.

Иванов В. Метод Авинкина. // Братишка. 2001 год. № 8.

Иванюк И. Тепло сердец – детям. // Красная Звезда. 2002 год. 11 января.

Ищенко С. Сбор, товарищи офицеры! // Труд. 2003 год. 22 февраля. № 34.

Кардин В. Кому водружают памятник. // Совершенно секретно. 2000 год. № 7.

Киселев Е. Диверсанты Красной Армии. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 29 июля.

Кистень А. Маравары. // Братишка. 2001 год. № 8.

Климашевская И. Когда пробил час. / Сб. Люди легенд. Выпуск 2. М., 1966.

Кобяков Ю. Спецназ 1812 года. // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 30 января – 5 февраля. № 4 (220).

Козлов С. Заполярные разведчики штурмуют норвежские фьорды. // Братишка. 2006 год. № 6.

Козлов С. История спецназа: от Петра до наших дней. // Братишка. 2005 год. № 8.

Козлов С. Они ковали славу армейского спецназа. // Братишка. 2000 год. № 2.

Козлов С. Первая гвардия Российской Федерации. // Братишка. 2006 год. № 7.

Кузнецов В. Между Гитлером и Муссолини. // Вестник On-line. 2004. 31 марта. № 7 (344).

Курепин Ю.Г. Военные партизаны 1915 года. // Военный комментатор. 2002 год. № 1.

Кучер В. И.Д. Папанин. // Дуэль. 2001 год. 31 июля. № 31.

Лайдинен Э. Финская военная контрразведка // Север. 1999. № 9.

Лапский В. Человек из легенды // Известия. 1988. 7 мая. № 129.

Лота В. О подвиге и полости. // Красная Звезда. 2002 год. 16 февраля.

Лота В. Операция «Возмездие». // Красная Звезда. 2005 год. 5 февраля.

Лушников А. Тайна школьной тетради. // Алтайская правда. 2005 год. 7 июля.

Мегера А. Военные разведчики в тылу врага. // Военно-исторический архив. 1998. № 3.

Меньшинин А. Выполнение партизанской присяги в условиях Заполярья – высшая плата за победу. // Отечественные записки. 2004 год. № 6.

Мещеряков М. Советский Союз и антифашистская война испанского народа. // История СССР. 1988 год. № 1.

Мещеряков М. СССР и гражданская война в Испании. // Отечественная история. 1993 год. № 3.

Митюрин Д. Рождение и крах одной авантюры. // Невское время. 2006 год. 24 марта.

Мораис Ф. Ольга. // Латинская Америка. 1989. № 1.

Мораис Ф. Ольга. // Латинская Америка. 1989. № 2.

Мораис Ф. Ольга. // Латинская Америка. 1989. № 3.

Муравлев А., Платунов Е., Мальцев А. Наши генералы – участники локальных войн. // Алтайская правда. 2007 год. 28 апреля.

Об «акции жидовских» ВЧК-НКВД. // Дуэль. 2007 год. 25 сентября. № 39.

Павлов В.Я. Превратить Восточный фронт в большую душегубку планировали немцы в 1943 году. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1.

Павлюткин В. «Вновь на задание уходит разведка...» // Братишка. 2000 год. № 12.

Пеньковский Е.А. Казачий спецназ – пластуны. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 8 декабря.

Поросков Н. Немцы против немцев. // Независимое военное обозрение. 1998. 27 февраля. № 8.

Поросков Н. «Химики» из Фатерлянда //Новости разведки и контрразведки. 1996. № 21.

Потапова Т. Благотворительность без посредников. С помощью ТНК в рязанской школе № 42 открыт музей

Героя России Алексея Родина. // Новая газета. Рязань. 2004 год. 8–15 марта. № 9.

Почтарев А.Н., Вартанов В.Н. «Сталинский спецназ» – 88-я отдельная стрелковая бригада. // Новый часовой. 1997. № 5.

«Признание о взрывах домов в Москве и Дагестане я давал под пытками». // Новая газета. 2002 год. 2 декабря. № 89.

Прокопенко С. Возвращение души. // Братишка. 2000 год. № 6.

Прыганов С. Последний бой. // Труд. 2001 год. 21 декабря.

Пыхалов И. Последняя собака Антанты. // Спецназ России. 2002 год. ноябрь. № 11(74).

Расщепкин К. И будут сниться эти горы... // Красная Звезда. 2002 год. 2 августа.

Расщепкин К. И за десант, и за спецназ! // Красная Звезда. 2006 год. 22 февраля.

Расщепкин К. Пусть сбудутся ваши надежды! // Красная Звезда. 2006 год. 22 февраля.

Рязанов О. Человек с чистой совестью. // Братишка. 2006 год. № 4.

Серов Е., Волгин В. Тайны военной разведки. 1918–1945. // Армия. 1995 год. № 20.

Сизиков Г. От Севастополя до Будапешта. // Братишка. 2007 год. № 6.

Сикорский Е.А. Смоленский район обороны. // Военно-исторический журнал. 2004 год. № 3.

Смирнов Н. Под кличкой «Виктор». // Минский курьер. 2004. 11 июня. № 343.

Софронов И. Судьба «белого партизана». // Братишка. 2007 год. № 2.

Степанцева И. Бесстрашие. // Московская правда. 1988 год. 22 марта. № 46.

Сухоруков М. Забытое имя. // Работница. 1989 год. № 10.

Тарский Ю. На острие главного удара. // Братишка. 2007 год. Октябрь.

Тень председателя Мао // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 3.

Хетагуров В.А. Правда о генерале Бичерахове. // Дарьял. 2008 год. № 1.

Чеботарев А. Защита Кокинаева. // Солидарность. 2004 год. 28 апреля. № 15.

Ченнык С. «Готов был грызть корабельную цепь» и убивать. // Первая крымская. 2005 год. 5-11 августа. № 85.

Щелоков И.Н. И в разведке – бригадный «подряд» // Спецназ. 2000. № 4-6.

Щелоков И. Диверсантом он стал в Испании. // Братишка. 2006 год. № 1.

Шкурлатов Р. Боевые пловцы: не зная слова «невозможно». // Братишка. 2005 год. № 12.

Ярхо В. Штабс-капитан. // Совершенно секретно. 2007 год. Август. № 8.

Мемуары и художественно-документальные произведения

Бабилов М.А. Их не называли в сводках: О разведчиках Отряда особого назначения Северного флота, действовавшего в годы Великой Отечественной войны. – М., 1987.

Бабилов М.А. На восточном берегу. – Владивосток, 1985.

Бабилов М.А. Морские разведчики. – Сыктывкар, 1966.

Батя. Легенда Спецназа ГРУ. / Составители С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. – М., 2004.

Беседовский Г. На путях к термидору. – М., 1997.

Бочкарев В.В. 60 лет в ГРУ. – М., 2003.

Брусилов А.А. Воспоминания. – М., 1963.

Болтунов М.Е. Генерал Герасимов. Судьба моя спецназ. – М., 2005.

Болтунов М.Е. Командиры русского спецназа. – М., 2007.

Браун О. Китайские записки (1932–1939). – М., 1974.

Бринский А. У нас одна судьба. // Сб. Далеко за линией фронта: Документальные очерки о разведчиках. – М., 1988.

Василевич И.В., Сгибнев А. А. Возвращение нежелательно. – М., 1991.

Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. – М., 1988.

Вавашкин В. Лыжный отряд. // Сб. Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1. – М., 1941.

Василевич И. Далеко за линией фронта. // Сб. Далеко за линией фронта: Документальные очерки о разведчиках. – М., 1988.

Викстрем У.К. Тойво Антикайнен. – Петрозаводск, 1987.

Винаров И. Бойцы тихого фронта. – София, 1981. С. 92–94.

Гусев Б.С. За три часа до рассвета. – М., 1972.

Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. – Л., 1985.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 годы. – М., 1991.

Захаров И. З. За правое дело, за победу! – СПб., 1999.

Золотарь И.Ф. Записки десантника. – М., 1960.

Зюлковский Е. Группа «Михал» радирует. – М., 1976.

Иглаков А. На связи: «Рамзай». // Сб. «Звезда» вызывает «Центр». – М., 2005.

Исаев Л.Т. Время извлекать уроки // Спецназ. 2000. № 4–6.

Козлов С.В. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. – М., 2002.

Колесников Ю. Морской спецназ. – М., 2004.

Кореневский М., Сгибнев А. Всех поименно помнил генерал. // Сб. Далеко за линией фронта: Документальные очерки о разведчиках. – М., 1988.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М., 1989.

Леонов В.Н. Лицом к лицу. – М., 1957.

Лукьянов Б. По заданию партизан. / Сб. Люди легенд. Выпуск 3. – М., 1968.

Мазаник Е.Г. Возмездие. – Минск, 1988.

Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1968.

Манштейн Э. Утерянные победы. – М., СПб., 1999.

Мильштейн М.А. Сквозь годы войн и нищеты. – М., 2000.

Мосолов И. Необычный рейд. – М., 1972.

Нехай Р. Возмездие. / Сб. Люди легенды. Выпуск 3. – М., 1968.

Никольский Н. Аквариум-2. – М., 1997.

Орехов Д.И. Оперативное направление: Финляндия... – СПб., 2007.

Папанин И.Д. Лед и пламень. – М., 1977.

Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и мат. – Петрозаводск, 2005.

Паршина Е.А. Динамит для сеньориты: Документальная повесть. – М., 1989.

Пашиц В. Подводный спецназ России. – М., 2006.

Поромбка В. С нелегальным заданием в гитлеровском тылу. // Сб. Наши жертвы были не напрасны, 1933–1945. Т.2. – М., 1988.

Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. – М., Оренбург., 2001.

Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается. – М., 2002.

Старинов И. Мины замедленного действия: Размышления партизана-диверсанта. – М., 1999.

Старинова А.К. В тылу у мятежников. // Сб. Мы – интернационалисты: Воспоминания советских

добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. – М., 1986.

Стенькин В. Дорога на Варангер // Сб. Отныне не секретно... – Мурманск, 1995.

Троян В.А. Четырнадцатый специальный. // Сб. Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. – М., 1986.

Черный И. Данные достоверны. – М., 1972.

Шумилин Г. Александр Седов, он же... // Сб. Трагедия и подвиг. – М., 1991.

Публикации в Интернете

Абдуллаев К. История в лицах. Бачаи Сако – удалец из Хорасана (Часть I). // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5488>.

Абдуллаев К. История в лицах. Бачаи Сако – удалец из Хорасана (Часть II). // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5495>.

Абдуллаев К. Эмир Амунулла и советская Средняя Азия. // <http://www.afghanistan.ru/doc/5968.html>.

Автобиография Маргот Киппенбергер. // <http://vika-xmel.livejournal.com/2639.html>.

Алексей Васильевич Мокроусов. // <http://www.morskoe.com/viewpage.php?pid=mokrous>.

Аптекарь П. Специальные операции Красной Армии в Афганистане в двадцатые годы. // <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm>.

Аркадьев Л. Заминированное сердце. // <http://www.allabout.ru/a11015.html>

Беляева М. До сих пор неизвестно точное число потерь Красной Армии в Зимней войне. // http://www.polk.ru/pl/news/news_view.php?id=1133366542.

Вербовочно-разведывательная группа «Атаман». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gupataman13.htm>.

Дьяконов Анатолий Александрович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2783.

Емельянов Л. А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. Разведка. // <http://www.blokada.otrok.ru/blokada.otrok.ru/library/emel/23.htm>.

Знаменский Валериан Сергеевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4967;

Зубкин А. Особенности снабжения Красной Армии во время советско-финской войны 1939-1940 гг. // http://www.warhistory.ru/warhistory_ru/sciencelife/sciencelife8.html.

Командиры и воспитанники курсов и школ на фронтах Гражданской войны, 1918-1922 годах. // <http://www.makin.ru/Voku18-22.htm>.

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2955.

Мокроусов Алексей Васильевич. // http://www.hrono.info/biograf/bio_m/mokrousov.html.

Мокроусов Алексей Васильевич. // <http://mke.su/doc/MOKROUSOV.html>.

Мягков Владимир Андреевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5762.

Партизаны-гусары. // <http://www.kulichki.com/gusary/istoriya/stati/partizany/>.

Пилс М. Восстание 12 февраля 1934 года в Австрии. // <http://www.1917.com/index.html>.

Прыжок в неизвестность. // <http://muzeirazvedki.narod.ru/pg011.htm>.

Разведывательно-диверсионная группа «Артур». // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-spiski0-r21.htm>.

Разведывательно-диверсионная группа «Гроза». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupgroza14.htm>.

Ржевцев Ю. Глубинная разведка. // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-glubin.htm>.

Розин А. Десантные операции с ПЛ. // <http://alerozin.narod.ru/Sybmar.htm>.

Семенов Григорий Иванович. // http://artofwar.ru/g/gawrjuchenkow_j_f/text_0050.shtml.

Сражение при Лесной. // <http://www.hrono.ru/sobyty/lesnaya1708.html>.

Третий этап. 1979–1989 (афганский). // <http://www.agentura.ru/specnaz/gru/3etap/>.

Федоров Н. Двигатель «перековки» (начальник Дмитлага С.Г. Фирин). // <http://martyr.ru/content/view/21/17/>.

Четвертый этап. 1989–1994 (развал СССР и его последствия) // <http://www.agentura.ru/specnaz/gru/4etap/>.

Bernd Kaufmann, Eckhard Reisener, Dieter Schwips, Henri Walther. Der Nachrichtendienst der KPD. 1919–1937. Berlin, 1993.

notes

Примечания

Квачков В. В. Спецназ России. – М., 2007. С. 9, 10.

Там же. С. 13.

Квачков В. В. Спецназ России. – М., 2007. С. 32.

Январь 1905 года. // Япония сегодня. 2005 год. № 1.;
Шишов А. В. Россия и Япония. История военных
конфликтов. – М., 2001. С. 264–266.

Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М., 2001. С. 293.

Линдер И. Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов. – М., 2008. С. 271.

Болтунов М. Е. Короли диверсий. История диверсионных служб России. – М., 2002. С. 239.

Сикорский Е. А. Смоленский район обороны. // Военно-исторический журнал. 2004 год. № 3.

9

Более 20 раз с 1921 по 1991 год.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919-1943. – М., 2005. С. 89.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. – М., 2005; *Фирсов Ф. И.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. – М., 2007; *Пантелеев М.* Агенты Коминтерна: солдаты мировой революции. – М., 2006; *Пятницкий В. И.* Заговор против Сталина. – М., 1996.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919-1943. – М., 2005. С. 59.

Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. – СПб., М., 2003. С. 26.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919-1943. – М., 2005. С. 59.

Горбунов Е. Безосновательная тревога. // Независимое военное обозрение. 2008 год. 27 марта.

Козлов С. В. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. – М., 2002; Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается. – М., 2002; *Болтунов М. Е.* Командиры русского спецназа. – М., 2007; *Болтунов М. Е.* Генерал Герасимов. Судьба моя спецназ. – М., 2005; *Болтунов М. Е.* Диверсанты ГРУ. – М., 2004; *Пашиц В.* Подводный спецназ России. – М., 2006; *Колесников Ю.* Морской спецназ. – М., 2004; Батя. Легенда спецназа ГРУ. / Составители: С. В. Баленко, Е. М. Колесник, А. А. Устинов. – М., 2004.

Первый этап. //

[http://www.agentura.ru/specnaz/gru/1etap/.](http://www.agentura.ru/specnaz/gru/1etap/)

Андрианов П. М. Эпоха Петра Великого. // Сб. История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. – СПб., 2003. С. 158-163; Сражение при Лесной. // <http://www.hrono.ru/sobyty/lesnaya1708.html>.

Козлов С. История спецназа: от Петра до наших дней. // Братишка. 2005 год. № 8.

Партизаны-гусары. //

<http://www.kulichki.com/gusary/istoriya/stati/partizany/>.

Кобяков Ю. Спецназ 1812 года. // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 30 января – 5 февраля. № 4 (220).

Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. – М., 1974. С. 245.

Кобяков Ю. Указ. соч.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 годы. – М., 1991. С. 212.

Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. – М., 1974. С. 248.

Кутузов М.И. Письма, записки. – М., 1989. С. 364–365.

Давыдов Д.В. О партизанской войне. // Сб. *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года. – Л., 1985. С. 27.

Давыдов Д.В. О партизанской войне. // Сб. *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 г.; *Дурова Н.А.* Записки кавалерист-девицы. – Л., 1985. С. 172.

Кобяков Ю. Спецназ 1812 года. // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 30 января – 5 февраля. № 4 (220).

Кобяков Ю. Спецназ 1812 года. // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 30 января – 5 февраля. № 4 (220).

Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 57.

Курепин Ю. Г. Военные партизаны 1915 года. // Военный комментатор. 2002 год. № 1.

Софронов И. Судьба «белого партизана». // Братишка. 2007 год. № 2.

Брусилов А.А. Воспоминания. – М., 1963. С. 196–198.

Там же. С. 198.

Пеньковский Е. А. Казачий спецназ – пластуны. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 8 декабря.

Брусилов А.А. Воспоминания. – М., 1963. С. 198.

Курепин Ю. Г. Военные партизаны 1915 года. // Военный комментатор. 2002 год. № 1.

Цит. по: *Хорошилова О.* Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 58–59.

Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 62–63.

Дробов М. А. Малая война: партизанство и диверсии. – М., 1998. С. 59-60.

Там же. С. 160.

Каратыгин П. Могучая сила партизанства. // Сб. Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. – М., 2007. С. 407.

Линдер И. Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов. – М., 2008. С. 71.

Брусилов А.А. Воспоминания. – М., 1963. С. 198.

Цит. по: *Хорошилова О.* Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 58–61.

Софронов И. Судьба «белого партизана». // Братишка. 2007 год. № 2; *Гицевич Л., Ульянин Ю.* Генерал Шкуро – основатель русского спецназа. // Посев. 2006 год. № 4.

Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 64–66.

Сводка о деятельности отряда с 1 ноября 1915 года по 15 сентября 1916 года. // Цит. по: *Хорошилова О.* Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 223-224.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 годы. – М., 2007. С. 132–144.

Хетагуров В.А. Правда о генерале Бичерахове. // Дарьял. 2008 год. № 1.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 годы. – М., 2007. С. 180–182.

Кобяков Ю. Спецназ 1812 года. // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 30 января – 5 февраля. № 4 (220).

Кобяков Ю. Спецназ 1812 года. // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 30 января – 5 февраля. № 4 (220).

Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. – СПб., 2002. С. 11-12, 13, 15, 16, 123.

Горак В. «Он – человек необыкновенный...». // В мире спецслужб. 2004 год. Январь. № 1; *Ярхо В.* Штабс-капитан. // Совершенно секретно. 2007 год. Август. № 8.

Софронов И. Судьба «белого партизана». // Братишка. 2007 год. № 2; *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Вожди белых армий. – Смоленск, 2003. С. 384–388.

РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 109, д. 101.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Кн. 1. – М., 1998. С. 180.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках:
Записки чекиста. – М., 1988. С. 118-120.

Корчик Павел (Логинович Иосиф; 1891-1940) – деятель революционного движения в Западной Беларуси и Польше. Был членом Белорусской партии социалистов-революционеров. Один из организаторов и руководителей Белорусской революционной организации (БРО), редактор-издатель ее центрального органа «Наш сыцяг». Когда БРО влилась в КПЗБ (декабрь 1923 г.), кооптирован в состав ЦК КПЗБ. В 1925-1936 гг. – политический секретарь ЦК КПЗБ, член Политбюро Компартии Польши. Автор ряда статей и резолюций по политическим и тактическим вопросам КПЗБ и национально-освободительного движения. Арестован органами НКВД БССР в феврале 1936 г. и осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в Минской тюрьме в апреле 1940 г. Скульский (Мертенс) Станислав (1892-1937).

Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 9 сентября.

Беседовский Г. На путях к термидору. – М., 1997. С. 64–66.

Будзей О. Богінського: Ім'я на мапі міста // Подільянин. 2006. 17 листопада.

Пыхалов И. Последняя собака Антанты. // Спецназ России. 2002 год. Ноябрь. № 11(74).

Беседовский Г. На путях к термидору. – М., 1997. С. 85–86.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Кн. 1. – М., 1998. С. 181.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Кн. 1. – М., 1998. С. 181.

РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 19, д. 345, л. 55-57.

Крайц Виктор Иванович (1897-1939). – уроженец Волыни. С 1914 г. жил в Киеве. Активный участник борьбы с контрреволюцией на Украине. В начале 1922 г. направлен на нелегальную работу на Волынь. С 1923 г. – секретарь Владимир-Волынского районного комитета КПЗУ. По поручению Волынской окружной организации руководил партизанскими отрядами в районе. В 1925 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

Кравченко Петр Иванович (1896–1937) – уроженец Волыни. Учился в Ковеле. Работал в Германии. С 1914 г. находился в Киеве. Участник Первой мировой войны и установления Советской власти на Украине. По окончании Гражданской войны был направлен в г. Холм (Польша). В 1921 г. арестован. После освобождения направлен ЦК КП Польши во Львов. Был одним из руководителей Дробыч-Бориславской окружной организации. В 1924 г. направлен в СССР, где окончил спецкурсы. После возвращения на Волынь возглавлял окружную организацию. В 1925 г. эмигрировал в СССР. Работал в Днепропетровске на хозяйственных должностях. Репрессирован.

Ступ Энцель Соломонович (1897 - ?) - уроженец Львовщины. В 1917 г. вступил в Украинскую галицийскую армию. Затем служил в Красной украинской галицийской армии. Участвовал в 1-м съезде Коммунистической партии Восточной Галиции. В 1923-1925 гг. - секретарь Львовской окружной парторганизации. Арестовывался в 1925 и 1928 гг. С 1929 г. - на подпольной работе в Польше.

Скаковская (Скоковская) Мария Вячеславовна (Вацлавовна) (1898 – ?) – с 1921 по 1924 г. работала в Парижской нелегальной резидентуре советской военной разведки. Ее деятельность во Франции была весьма успешной. Так, в 1923–1924 гг. в Москву начинают регулярно поступать сведения о планах Верховного штаба Антанты. В 1924 г. была направлена в Варшаву, где возглавила нелегальную резидентуру. В июне 1926 г. арестована. Приговорена к пяти годам каторги. В 1931 г. по обмену вернулась в СССР. Перешла на гражданскую работу.

Горбунов Е. Партизаны – ваши, оружие – наше. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 18 ноября.

Винаров И. Бойцы тихого фронта. – София, 1981. С. 96-98.

Винаров И. Бойцы тихого фронта. – София, 1981. С. 92-94.

Инструкция ИККИ для ЦК Компартии Болгарии и нелегальной военной организации (НВО) партии по подготовке вооруженного восстания. Август 1924 года. // Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998. С. 496–504.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 141-144.

Инно Александр Александрович (1887–1938) – участник Первой мировой войны (штабс-капитан). С 1918 г. – в РККА, заведующий Петроградскими финскими пехотными курсами, начальник Интернациональной военной школы, Ленинградской Краснознаменной пехотной школы. С 1928 г. – командир 21-й стрелковой дивизии. С 1936 г. – начальник курсов «Выстрел». Репрессирован.

Антикайнен Тойво Иванович (1898–1941) – в 1917 г. стал членом ЦК Социалистического союза рабочей молодежи Финляндии. Во время рабочей революции 1918 г. – секретарь Исполкома рабочего сейма, один из организаторов Красной гвардии. После подавления революции в Финляндии эмигрировал в Советскую Россию. Участник Гражданской войны, организатор финских отрядов Красной Армии. В 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Руководил операцией по разгрому финских интервентов в январе 1922 г. в Карелии. С 1923 г. – член ЦК, а с 1925 г. – член Политбюро ЦК Компартии Финляндии. В течение ряда лет руководил КПФ в подполье. 6 ноября 1934 года арестован, приговорен к пожизненной каторге. При содействии Советского правительства 3 мая 1940 г. был освобожден и приехал в СССР. В 1940 году избран депутатом Верховного Совета СССР. Участник Великой Отечественной войны. Погиб в авиакатастрофе в Архангельске 4 октября 1941 г..

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. – М., 2005. С. 108, 111; Командиры и воспитанники курсов и школ на фронтах Гражданской войны в 1918–1922 годах. // <http://www.makin.ru/Voku18-22.htm>.

Командиры и воспитанники курсов и школ на фронтах Гражданской войны, 1918-1922 годы. // <http://www.makin.ru/Voku18-22.htm>.; *Викстрем У.К.* Тойво Антикайнен. – Петрозаводск, 1987. С. 65-87.

Векман Александр Германович (1894 - ?) - в 1918-1919 гг. окончил артиллерийские командные курсы в Петрограде, был командиром батареи на фронте. В 1920 г. командирован в Финляндию. После ареста до 1926 г. находился в тюрьме. После возвращения в СССР поступил в Военную школу РККА.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. – М., 2000. С. 421-424.

Орехов Д.И. Оперативное направление: Финляндия...
– СПб., 2007. С. 24-28.

Лайдинен Э. Финская военная контрразведка. // Север. 1999. № 9.

Анвельт Ян Янович (18.4.1884-11.12.1937) – партийный деятель. В 1907 году вступил в РСДРП(б), один из руководителей большевистской организации в Эстляндской губернии. Активный участник Октябрьской революции в Эстонии, председатель Нарвского временного ревкома и член Ревельского и Северо-Балтийского комитетов РСДРП(б). С октября 1917 г. – член Военно-революционного комитета и пред. Исполкома Советов Эстляндского края. С февраля 1918 г. – военный комиссар Северо-Западной области, с апреля 1918 г. – нарком по делам национальностей Северной области. С ноября 1918 г. – зав. военным отделом Совета Эстляндской трудовой коммуны. С декабря 1918 г. – военком стрелковых дивизий. С августа 1919 г. член Загранбюро Эстляндского бюро ЦК Компартии. С октября 1919 г. комиссар армейской группы. С февраля 1920 г. по февраль 1921 г. – нач. Петроградского укрепленного района, одновременно с 1920 г. – член ЦК КП Эстонии. В 1921-1925 гг. – один из руководителей коммунистического подполья в Эстонии. В 1925 году по решению ЦК ВКП(б) вернулся в СССР. В 1926-1929 гг. комиссар Военно-воздушной академии имени Жуковского (Москва). В 1929-1935 гг. зам. нач., нач. Главного управления гражданского флота. В 1935-1937 гг. – член и ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 1937 г. арестован и расстрелян.

Первоначально ОД состояло исключительно из членов партии и предназначалось для защиты коммунистических учреждений, типографий и контор от попыток и прямых нападений на них нацистов.

О связях с Коминтерном говорит то, что одним из членов тройственной комиссии был Карл Грель (кличка «Фридберг»), член нелегального аппарата КПГ вплоть до 1921 года. После этого Грель работал на Западноевропейский Секретариат (БЕС) Коминтерна. См.: *B. Kaufmann u.a. Der Nachrichtendienst der KPD 1919–1937.* – Berlin. 1993. S. 74.

Отчет Комиссии ИККИ по нелегальной работе Президиуму ИККА о деятельности в январе – мае 1923 года. 26 мая 1923 года. // Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998. С. 413.

Отчет руководителя военного отдела ЦК КПГ («Библиотека») Г. Шотта о работе в августе – октябре 1923 года. 18 октября 1923 года. // Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998. С. 416–421.

Гуральский-Хейфец Абрам Яковлевич – родился 10 апреля 1890 г. в Риге. С 1904 по 1919 гг. – член «Бунда». В 1917 г. окончил факультет социологии в Лозаннском университете (Швейцария). Свободно владел практически всеми европейскими языками, русским, ивритом, латышским. В 1919 году вступил в ВКП(б). С 1919 г. по линии ИККИ на нелегальной работе в Германии. Был арестован и выслан в Россию. В 1921 г. снова направлен в Германию – готовить мартовское восстание. В 1923 г. участвует в подготовке «Красного Октября» в Германии. В 1924–1925 гг. – представитель ИККИ во французской Компартии. В 1929–1933 гг. – в Латинской Америке под псевдонимом «Рустико». Арестован 30 декабря 1936 г., 27 августа 1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен по ст. 58–8 (террористические акты) к 8 годам заключения в ИТЛ. При повторном рассмотрении 22 мая 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. В годы Великой Отечественной войны под именем немецкого профессора Арнольда работал с высокопоставленными немецкими военнопленными (в т.ч. с фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом). В 1950 г. снова арестован, осужден Особым совещанием МГБ на 10 лет тюрьмы; освобожден в 1958 г.. Умер в 1960 г. от инфаркта.

Пять верховных округов включали в себя Гамбург вместе с Ганновером, Бременом и Мекленбургом; в Берлинский округ вошли Бранденбург, Лаузиц и Померания; Эссен включал Бармен и Кельн; Саксония – Тюрингию, Центральную Германию, Магдебург и Кассель; Штутгарт – Франкфурт-на-Майне, Мангейм и Людвигсхафен. Позже из состава Померании и Мекленбурга был образован еще один – шестой – верховный округ. См. В. Kaufmann и.а. S. 78.

Восточная Пруссия, Силезия и Бавария.

В данном случае речь идет о Восточной Пруссии, Померании, Силезии, Мекленбурге, Баварии, а также о Тюрингии.

Цит. по: Коммунистический интернационал. Краткий исторический очерк. Издание Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Берлин, 1970. С. 238.

Некоторые из них так и не выполнили заданий, которые были им даны. Так, Розе в одном из своих сообщений говорил, что из тринадцати советников, задействованных для этих целей, отправили лишь девять. Двое из них из-за плохого знания немецкого языка нуждались в специальной подготовке. «Каждому, кто должен был работать за границей, напоминали об опасности раскрытия всей организации». Розе требовал в дальнейшем больше обращать внимания на качество подготовки советников, выезжающих за границу.

Серов Е., Волгин В. Тайны военной разведки. 1918–1945. // Армия. 1995 год. № 20.

К декабрю 1923 г. число сотрудников, получающих жалование в центральном информационном отделе, возросло на 15 человек.

Для этой цели предусматривалось краткое обозначение этого ведомства МЦ/К. Буква К означала – контршпионаж. См.: В. Kaufmann u.a. S. 81.

К середине декабря 1923 г. в Центре информации было занято по крайней мере 44 оплачиваемых сотрудника. Для освоения новой для них деятельности в начале октября в Берлине были организованы курсы по сбору информации. К началу декабря распределение обязанностей, проведенное в октябре, должно было обеспечить качественный сбор информации.

Со временем такого рода организации дали в Берлине положительные результаты, и потому они стали учреждаться и в других городах.

Говоря о причинах своего решения отложить восстание, Брандлер 13 ноября 1923 г. писал Кларе Цеткин: «...в ходе Хемницкой конференции (как мне стало известно) мы вели борьбу за немедленное начало восстания без учета реальных обстоятельств, особенно после того, как левое крыло СДПГ выступило против всеобщей забастовки. Я высказался за отсрочку восстания, придя к выводу, что мы, коммунисты, вынуждены будем вести борьбу одни. Разумеется, две трети участников Хемницкой конференции под нашим давлением высказались за необходимость всеобщей стачки, но некоторые представители руководства СДПГ покинули конференцию, и неизбежно возник вопрос, не является ли выступление государства против Саксонии всего лишь маскировкой подобного выступления против Баварии... Я проанализировал ситуацию так, как ее себе представлял, и понял, что в начавшемся восстании мы просто сломали бы себе шею и потерпели решительное поражение. Я принимаю на себя всю полноту ответственности и готов отвечать за все сложности, возникшие в результате моего решения. Я несколько не сомневаюсь в том, что разговоры о возможности мгновенно выиграть борьбу являются ошибкой. И в настоящее время, исходя из реального положения вещей, стал бы действовать точно так же, как и тогда».

Составляя план проведения восстания, военный отдел при ЦК КПГ рассматривал Гамбург лишь как город, который должен был выполнить местную задачу «с целью собрать передовые отряды восставших и вывести на правый берег Эльбы революционных рабочих земель Мекленбург и Померания. Цель – Берлин, куда эти отряды должны были прийти на помощь с севера». См.: B. Kaufmann u.a. S. 87.

В дальнейшем членами комиссии В стали: руководитель службы информации (НЛ), руководитель отдела транспорта и связи (ВВ), руководитель группы разложения противника (Zer-Leiter) и руководитель группы снабжения продовольствием (E-Leiter).

После ареста Вольдемара Розе в апреле 1924 года с советской стороны стали фигурировать в качестве советников: «Алоис» (1924), «Нейберг» (1925) и «Альфред» (1926), все трое – офицеры Красной Армии и советские граждане; «Алоис» – поляк Стефан Жбиковский, «Нейберг» – латыш Август Гайлис, «Альфред» – финн Тууре Лехен.

Эти связи дали возможность проникнуть в руководство охранной полиции, полицай-президиума, «Стального шлема», «Вервольфа», Германской народной партии, а также бронетанковых войск.

Руководители Службы информации должны были иметь в своем распоряжении все необходимое для работы по разложению противника и получать сведения по оценке отдела ЦЕР. В свою очередь, руководители отдела ЦЕР были обязаны налаживать связи и правильно использовать полученную с их помощью при этом информацию, которая передавалась руководству службы.

Так, например, число пролетарских сотен в округе Нижняя Саксония сократилось с 31 сотни (2800 членов) в октябре 1923 г. на 8 сотен (900 членов) в декабре 1923 г. и 3 сотни (180 членов) в январе 1924 г. См.: В. Kaufmann и.а. S. 92.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 194-196.

Сект Ханс фон (1886-1936) – с 1920 по 1926 г. начальник управления сухопутных войск, фактически главнокомандующий рейхсвера.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 207-209.

Ульбрихт Вальтер (1893–1973) – с 1923 г. член ЦК КПГ.

Штеккер Вальтер – депутат Рейхстага от КПГ.

Нейбауэр Теодор (1890–1945) – депутат Рейхстага от КПГ с 1924 г. С 1933 по 1939 гг. – в тюрьмах и концлагерях фашистской Германии. После освобождения руководил нелегальными группами КПГ, в июле 1944 г. арестован и казнен в январе 1945 г.

Доклад секретаря военной комиссии ЦК КПГ В. Кресса о группе Ф. Неймана. 13 мая 1924 года. // Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998. С. 473–475.

Кроме процитированного выше доклада В. Кресса можно указать на письмо члена военной комиссии ЦК КПГ А. Майера в Исполком Коминтерна о Ф. Неймане. 13 мая 1924 года. // Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998. С. 476–480.

Речь идет о советском военном разведчике В. Розе.

«Комиссия Политбюро ЦК РКП(б) по международному положению», созданная в конце августа 1923 года для руководства подготовкой и проведением германской революции.

Советский военный разведчик Бронислав
Бортновский.

Советский военный разведчик Манфред Штерн
(Стерн - в кадрах РККА).

Доклад заместителя начальника Разведупра И. Уншлихта в ИККИ о террористической группе «Чека». 15 мая 1924 года. // Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998. С. 484–487.

«Рано» осуществляла связи с рейхсвером, военноморскими силами и полицией; членами ее были офицеры и особо доверенные лица в экономике. Кроме того, она организовывала охранные общества.

Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939-1945 годы. – М., 1987. С. 84-88.

Там же. С. 84–88.

Гинцберг Л. И. Указ. соч. С. 125.

Зефков Антон (1903–1944) – по профессии рабочий-металлист. В юные годы активно участвовал в деятельности Коммунистического союза молодежи. В 1923–1925 гг. создал и руководил Военной организацией КСМ Германии. В 1925 г. вступил в КПГ. В 1927–1933 гг. руководил организациями КПГ сначала в Дрездене, затем в Восточной Саксонии, в Рурской и Северных областях Германии. После установления фашистской диктатуры был заключен в концлагерь, где находился до 1939 г. Затем вновь включился в активную антифашистскую борьбу. Руководитель организации движения Сопротивления в Берлине (с 1942), член оперативного подпольного центра КП Германии. Арестован гестапо и казнен.

Винцер О. Двенадцать лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 год. – М., 1956. С. 197–199; *Безыменский Л.А.* Германские генералы – с Гитлером и без него. – М., 1964. С. 319.

Солидарность народов с Испанской республикой.
1936-1939. – М., 1972. С. 58.

Райсберг А. Австрия, февраль 1934 года. – М., 1975.
С. 210-216.

Цит. по статье: *Пилс М.* Восстание 12 февраля 1934 года в Австрии. // [http:// www.1917.com/index.html](http://www.1917.com/index.html).

Райсберг А. Австрия, февраль 1934 года. – М., 1975.
С. 23-35.

Райсберг А. Австрия, февраль 1934 года. – М., 1975.
С. 23-87.

Кузнецов В. Между Гитлером и Муссолини. // Вестник On-line. 2004. 31 марта. № 7 (344).

Дейч Юлиус (1884–1968). Один из лидеров Социал-демократической партии Австрии. В 1919–1920 гг. – военный министр. В 1923 г. один из организаторов и руководителей Шуцбунда. С 1934 г. в эмиграции; в 1936–1939 гг. в рядах республиканской армии в Испании.

Солидарность народов с испанской республикой.
1936-1939. – М., 1972. С. 44-45.

Там же. С. 48.

Полтавский М. А. Дипломатия империализма и малые страны Европы. – М., 1973. С. 153.

Престес Луис Карлос (1898–1990) – родился в семье военнослужащего. Получил высшее военное образование. В 1918–1924 гг. инженер-капитан бразильской армии. Вел революционную работу среди солдат и офицеров. В 1924–1927 гг. руководитель вооруженной борьбы против «старой республики». В 1927–1931 гг. в эмиграции в Боливии, Аргентине и Уругвае; был тесно связан с компартиями этих стран и с Южноамериканским бюро Исполкома Коминтерна. В 1931–1934 гг. находился в Советском Союзе. На 7-м конгрессе Коминтерна был избран членом Исполкома Коминтерна. В 1935 г. был организатором восстания против диктатуры Жетулио Варгаса, руководителем революционной армии Национально-освободительного альянса, его почетным председателем. После подавления восстания был арестован и с 1936 по 1945 г. отбывал тюремное заключение. С 1943 г. член ЦК, с 1945 г. член Исполнительной комиссии ЦК БКП и генеральный секретарь ЦК БКП. В 1945 г. был освобожден Варгасом и избран сенатором. В 1947–1958 гг. в связи с запрещением БКП находился на нелегальном положении. Вернулся в большую политику только после избрания президентом Жоао Гуларта (1961–1964). С 1964 г. (после государственного переворота) снова на нелегальном положении. Был заочно приговорен к 14 годам лишения свободы. В это же время произошел раскол в Компартии: маоисты из БКП вновь перешли к вооруженной борьбе, а Престес, возглавивший Коммунистическую партию Бразилии, в 1970 г. вместе с семьей уехал в Москву и вернулся лишь десятилетие спустя, после амнистии.

Трагическая героика XX века: судьба Луиса Карлоса Престеса. – М., 2005. С. 154–159.

Там же. С. 183-184.

Трагическая героика XX века: судьба Луиса Карлоса Престеса. – М., 2005. С. 189–204.

Сидак В. С. Революцию назначить...: Экспорт революции в операциях советских спецслужб. – Киев, 2004. С. 61.

Положение об отделе ЦК КП(б)У. // Цит. по: *Сидак В. С.* Указ. соч. С. 102–104.

Доклад о деятельности Закордота с 15 июня по 7 июля 1920 года. 9 июля 1920 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 132-134.

Бюллетень Информбюро Закордота ЦК КП(б)У № 2 (военный). 11 июня 1920 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 117-118; Бюллетень Информбюро Закордота ЦК КП(б)У № 4 (военный). 14 июня 1920 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 117-118; Бюллетень Информбюро Закордота ЦК КП(б)У № 5. 15 июня 1920 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 117-118; Военно-политическая сводка Закордота ЦК КП(б)У. 17 июня 1920 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 121-123.

Доклад в ЦК КП(б)У начальника Закордонного отдела ЦК КП(б)У о работе отдела. 14 июня 1920 года. // Цит. по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 112-114; Доклад секретаря коллегии Закордота о провале подпольной организации в Каменец-Подольске. // Цит. по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 114-115.

Доклад о деятельности Закордота с 15 июня по 7 июля 1920 года. 9 июля 1920 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 132-134.

Кучер В. И.Д. Папанин. // Дуэль. 2001 год. 31 июля.
№ 31.

Папанин И.Д. Лед и пламень. – М., 1977. С. 65–70.

Доклад начальника Закордота ЦК КП(б)У о подпольной партизанской работе в Крыму. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч.. С. 128-131.

Волынь в межвоенный период. //

<http://szturman.livejournal.com/28944.html>

Доклад Ф. Маркуса о работе Закордота ЦК КП(б)У за время с конца апреля по конец мая 1921 года (к заседанию Политбюро ЦК 4 июня 1921 года). 30 мая 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 150-155.

Выписка из доклада о работе Закордонного отдела ЦК КП(б)У за июль – август 1921 года. 17 сентября 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 199–200.

Доклад ЦК КП(б)У о работе Закордонного отдела Центрального Комитета КП (большевики) Украины за период июль – август 1921 года (к заседанию Политбюро ЦК КП(б)У). 17 сентября 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 201.

Копия списка секретных сотрудников «Закордота», оказавшихся провокаторами. 31 августа 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 198.

Показания Казимежа Битовта по делу Закордота. 22 июля 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 158–166.

Дополнительный протокол допроса сотрудника Закордота Шляхтина А. 23 июля 1921 года. // Цит. по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 168-170; Дополнительный протокол допроса сотрудника Закордота Блащука А. 13 июля 1921 года. // Цит. по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 171-176.

Копия дополнительного протокола допроса председателя «Волинской губтроечки» организации Закордота. 6 августа 1921 года. // Цит. по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 176–179.

Рапорт Министру иностранных дел об аресте на
Волыни сотрудников Закордота. 10 августа 1921 года. //

Цит. по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 179–186.

Доклад Ф. Маркуса о работе Закордота ЦК КП(б)У за время с конца апреля по конец мая 1921 года (к заседанию Политбюро ЦК 4 июня 1921 года). 30 мая 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 154-155.

Информационное письмо секретарю ЦК КП(б)У тов. Ф.Я. Кону, копии секретарю ЦК РКП тов. Молотову В.М., Предсовнаркому УССР тов. Раковскому У. Г. и командвойскукр тов. Фрунзе М.В. о боевой работе в Бессарабии, по докладам отрядов за первую половину августа месяца. 20 августа 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 187-190.

Письмо заведующего Отделом международных связей Исполкома Коминтерна начальнику Закордота ЦК КП(б)У об отпуске оружия. 9 мая 1921 года. // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 149-150.

Доклад Ф. Маркуса о работе Закордота ЦК КП(б)У за время с конца апреля по конец мая 1921 года (к заседанию Политбюро ЦК 4 июня 1921 года). // Цит по: *Сидак В.С.* Указ. соч. С. 150–155.

Усов В. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. – М., 2002. С. 179–189.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.III. Ч.1. – М., 1996. С. 633.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.II. Ч.2. – М., 1996. С. 856–857.

Там же. С. 313-314.

Браун О. Китайские записки (1932–1939). – М., 1974.
С. 9.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 298-299.

Аптекарь П. Специальные операции Красной Армии в Афганистане в двадцатые годы. // <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm>.; *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. – М., 2008. С. 194; *Абдуллаев К.* Эмир Амунолла и советская Средняя Азия. // <http://www.afghanistan.ru/doc/5968.html>; *Абдуллаев К.* История в лицах. Бачаи Сако – удалец из Хорасана (Часть I). // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5488>.; *Абдуллаев К.* История в лицах. Бачаи Сако – удалец из Хорасана (Часть II). // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5495>.

Муравлев А., Платунов Е., Мальцев А. Наши генералы – участники локальных войн. // Алтайская правда. 2007 год. 28 апреля.; *Красильников В.Д.* Синьцзянское притяжение. – М., 2007. С. 173-181.

Коммунистический интернационал перед VII
конгрессом Коминтерна. – М., 1935. С. 213.

Сиполс В. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. – М., 1989. С. 123.

175

Там же.

176

Там же.

РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 120, д. 439, л. 291.

Известия. 1936 год. 24 октября.

АВП РФ, ф. 048 «з», оп. 14-6, д. 7, л. 69.

Война и революция в Испании, 1936-1939. Т. 1. - М., 1968. С. 419.

Горбунов Е. Операция «Икс». // Независимое военное обозрение. 2008 год. 15 февраля.

Мещеряков М. Советский Союз и антифашистская война испанского народа. // История СССР. 1988 год. № 1.

Мещеряков М. СССР и Гражданская война в Испании.
// Отечественная история. 1993 год. № 3; *Рыбалкин Ю.*
Военная помощь Советского Союза испанскому народу в
национально-революционной войне 1936-1939 гг.
Кандидатская диссертация. – М., 1992. С. 96.

Архив Главного разведывательного управления ГШ
РФ.

Старинова А.К. В тылу у мятежников. // Сб. Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. – М., 1986. С. 138–140.

«Они не пройдут!» – девиз бойцов республиканской армии Испании.

Старинова А.К. В тылу у мятежников. // Сб. Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. – М., 1986. С. 141-144.

АСВР РФ, д. 17769, т. 1. С. 140.

Киселев Е. Диверсанты Красной Армии. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 29 июля.

250-я дивизия испанских добровольцев, более известная как «Голубая дивизия» (также встречается вариант «Синяя дивизия»), – дивизия из испанских добровольцев, сражавшихся на стороне Германии в ходе Великой Отечественной войны. Номинально считаясь укомплектованной членами «Фаланги» – испанской организации фашистского толка, «Голубая дивизия» на самом деле представляла собой смесь солдат регулярных войск, ветеранов Гражданской войны и членов фалангистской милиции.

Замерз во время неудачного рейда в тыл противника через Таганрогский пролив в начале февраля 1942 года.// См.: *Старинов И.* Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. – М., 1999. С. 267–269.

Боец партизанской бригады «Смерть немецким оккупантам». На месте его гибели в районе села Глинное Навлинского района Брянской области есть памятник: «Братская могила партизан и испанского коммуниста-партизана Леонардо Камара Гарсиа, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками», а в поселке Навля одна из улиц носит имя этого человека.

Старинова А.К. В тылу у мятежников. // Сб. Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. – М., 1986. С. 147–148.

Солидарность народов с Испанской республикой.
1936-1939. – М., 1972. С. 284.

Там же. С. 285.

Троян В.А. Четырнадцатый специальный. // Сб. Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. – М., 1986. С. 330.

Киселев Е. Диверсанты Красной Армии. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 29 июля.

Солидарность народов с испанской республикой.
1936-1939. – М., 1972. С. 129.

Тень председателя Мао // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 3.

О поставках оружия в Китай см.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В двух томах. Т.1. – М., 1990. С. 244–245, 363–364, 20–24, 43, 44, 365, 398; *Дубинский А.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945. – М., 1980. С. 64, 80–85; *Сладковский М.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). – М., 1977. С. 127–154.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 1. Накануне. Книга 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). – М., 1995. С. 36.

Горбунов Е. Наши партизаны в Маньчжурии. // Независимое военное обозрение. 2006 год. 19 января.

Почтарев А.Н., Вартанов В.Н. «Сталинский спецназ» –
88-я отдельная стрелковая бригада // Новый часовой.
1997. № 5.

Почтарев А.Н., Вартанов В.Н. «Сталинский спецназ» –
88-я отдельная стрелковая бригада // Новый часовой.
1997. № 5.

Ким Сон Чжу родился в 1912 г. в д. Мангендэ близ Пхеньяна. Его отец был проповедником, выпускником американской миссионерской школы. В 1926 г. семья переехала в Маньчжурию. Ким учился в китайской школе, в старших классах участвовал в работе подпольного марксистского кружка. В 1929 г. члены кружка были арестованы. После освобождения из тюрьмы Ким Сон Чжу ушел к партизанам, став бойцом корейского отряда, сражавшегося вместе с китайцами против японских захватчиков. В 1931 г. вступил в Коммунистическую партию Китая, принял довольно распространенный псевдоним «Ким Ир Сен».

Почтарев А.Н., Вартанов В.Н. «Сталинский спецназ» – 88-я отдельная стрелковая бригада // Новый часовой. 1997. № 5.

Боярский В.И. Партизаны и армия. История утерянных возможностей. – М., 2001. С. 53.

Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. – М., 1971. С. 204.

Бортновский Бронислав Брониславович (Бронковский Б.Б.) (1894–1937). Из мещанской семьи. Окончил гимназию. С 1910 г. участвовал в революционном движении, являлся членом Союза социалистической молодежи в Варшаве. В 1912 году вступил в СДКПил, работал как пропагандист. Через год поступил в Пражский политехнический институт, но после окончания первого курса становится партийным профессионалом и возвращается в Польшу. В августе 1914 г. арестован полицией в Варшаве, затем вывезен в Саратов и к концу 1915 г. освобожден из заключения. Октябрьскую революцию встретил в Петрограде и был назначен генеральным секретарем польского комиссариата. С начала 1918 г. работал в ВЧК секретарем председателя и следователем. Во время операции по английскому посольству ранен. После выздоровления служил в Красной Армии, заместитель начальника, начальник Разведуправления Западного фронта. С 1921 по 1924 г. заместитель резидента Разведупра штаба РККА в Берлине. В Постоянном представительстве РСФСР известен под фамилией Петровский, оперативный псевдоним Бронек. По возвращении в Москву – заместитель начальника Четвертого (Разведывательного) управления штаба РККА по агентурной работе. В 1929 г. переведен на работу в Коминтерн (руководитель Польско-Балтийского регионального секретариата). Кандидат в члены Президиума Исполкома Коминтерна, представитель Компартии Польши в Исполкоме Коминтерна. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

210

РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 25, д. 1335, л. 106.

Киселев Е. Диверсанты Красной Армии. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 29 июля.

Никольский В. Аквариум-2. – М., 1997. С. 41.

Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. – М., 2002.
С. 65.

Бочкарев В. В. 60 лет в ГРУ. – М., 2003. С. 63–68.

Зарембовский В. Л., Колесников Ю. И. Морской спецназ. История (1938–1968 гг.). – СПб., 2001. С. 10.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Морской спецназ. История (1938–1968 гг.). – СПб., 2001. С. 11.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Рота особого назначения. // Цитадель. 1998. № 3.

Цит. по: *Колесников Ю.* Морской спецназ. – М., 2004.
С. 23.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Морской спецназ. История (1938–1968 гг.). – СПб., 2001. С.11.

Там же. С. 12.

Цит. по: *Колесников Ю.* Морской спецназ. – М., 2004.
С. 26.

Там же. С. 27.

Официальные цифры советских потерь в войне были обнародованы на сессии Верховного Совета СССР 26 марта 1940 года: 48 475 погибших и 158 863 раненых, больных и обмороженных. Значительно позднее на основании данных отечественных архивов была названа новая цифра раненых и обмороженных – 264 908 человек. На огромное количество обмороженных в своих воспоминаниях указывали и участники советско-финской войны.

Введены приказом НКО № 035 от 10 марта 1938 года «Об утверждении норм теплого обмундирования на военное время».

Горбунов Е. Основательная встряска военной разведки. // Независимое военное обозрение. 2007 год. 20 апреля.

Лайдинен Э.П., Веригин С.Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на северо-западе России (1914-1939 гг.). - Петрозаводск, 2004. С. 142-143.

Тайны и уроки Зимней войны 1939-1940. – СПб., 2000.
С. 242-243.

Линия Маннергейма – комплекс оборонительных сооружений на Карельском перешейке, созданных для сдерживания советской агрессии. Длина линии составляла около 135 километров, а ее глубина около 90 километров. На линии Маннергейма было 150 пулеметных бункеров (из них 13 – двухпулеметных и 7 – трехпулеметных, остальные – с одним пулеметом), 8 артиллерийских бункеров, 9 командных бункеров и 41 убежище (укрытие). Сдерживала наступление частей Красной Армии в течение двух месяцев.

Вавашкин В. Лыжный отряд. // сб. Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1. – М., 1941. С. 367–369.

Беляева М. До сих пор неизвестно точное число потерь Красной Армии в Зимней войне. // http://www.polk.ru/pl/news/news_view.php?id=1133366542.

231

Там же.

Цит. по: *Степаков В.* Спецназ России. – СПб., М., 2003.
С. 78–95.

Иванов А. Невернувшийся батальон. // Волна. 2007
год. 23 октября. № 82.

Степаков В. Русские диверсанты против «кукушек». – М., 2004. С. 36-37.

Цит. по: *Степаков В.* Русские диверсанты против «кукушек». – М., 2004. С. 37-44.

Зубкин А. Особенности снабжения Красной Армии во время советско-финской войны 1939-1940 гг. // http://www.warhistory.ru/warhistory_ru/sciencelife/sciencelife8.html.

Болтунов М.Е. Диверсанты ГРУ. – М., 2004. С. 116–118.

Степаков В. Русские диверсанты против «кукушек». – М., 2004. С. 48.

Степаков В. Русские диверсанты против «кукушек». – М., 2004. С. 58-62, 64.

Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке. 1919-1945. – М., 2008. С. 243.

Павлов В. Женское лицо разведки. – М., 2003. С. 349–350; Бережков В.И., Пехтерева С.В. Женщины-чекистки. – СПб., М., 2003. С. 293–294; Василевич И.В., Сгибнев А.А. Возвращение нежелательно. – М., 1991. С. 6, 10–11, 20; Мораис Ф. Ольга. // Латинская Америка. 1989. № 1. С. 106, 110–113; Мораис Ф. Ольга. // Латинская Америка. 1989. № 2. С. 129; Мораис Ф. Ольга. // Латинская Америка. 1989. № 3. С. 116.

Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке. 1919-1945. – М., 2008. С. 59-64, 71-80, 82-83, 479-484.

Степанцева И. Бесстрашие. // Московская правда.
1988 год. 22 марта. № 46.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 196.

Бобренов В.А. За отсутствием состава преступлений. – М., 1998. С. 423.

246

Дьяконов Анатолий Александрович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2783.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 195.

Знаменский Валериан Сергеевич. // [http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4967.;](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4967;)
Винницкий Л.Г. Бойцы особого фронта. - Ленинград, 1980. С. 37.

Автобиография Маргот Киппенбергер. // <http://vika-xmel.livejournal.com/2639.html>.; Бэд Р. Как стать министром. // Лимонка. 2001 год. Июль. № 173.; Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. – СПб., М., 2003. С. 512.

Митюрин Д. Рождение и крах одной авантюры. // Невское время. 2006 год. 24 марта; Анкета № 1821 сотрудника Исполкома Коминтерна. // Цит. по: Коминтерн и Финляндия. 1919-1943: Документы. – М., 2003. С. 145-147.

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович. // [http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2955.;](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2955;)
Винницкий Л.Г. Бойцы особого фронта. - Ленинград, 1980. С. 71.

РЦХИДНИ. Ф. 124, оп. 1, д. 1306, л. 1, 2, 5-7, 10, 11, 13.

Ченнык С. «Готов был грызть корабельную цепь» и убивать. // Первая крымская. 2005 год. 5-11 августа. № 85; Алексей Васильевич Мокроусов. // <http://www.morskoe.com/viewpage.php?pid=mokrousov;> Мокроусов Алексей Васильевич. // [http://www.hrono.info/biograf/bio_m/mokrousov.html;](http://www.hrono.info/biograf/bio_m/mokrousov.html) Мокроусов Алексей Васильевич. // [http://mke.su/doc/MOKROUSOV.html.](http://mke.su/doc/MOKROUSOV.html)

254

Мягков Владимир Андреевич. //

[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5762.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5762)

Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. – СПб., М., 2003. С. 348-349; Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004. С. 142.

Бобренов В.А. За отсутствием состава преступлений. – М., 1998. С. 393, 394, 400, 406, 409.

Прокофьев В. Внешняя разведка: боевое содружество. – Минск, 2002. С. 124–126.

Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. – М., Оренбург, 2001. С. 500; *Позняков В.В.* Советская разведка в Америке. 1919–1941. – М., 2005. С. 294–295.

Бочкарев В.В. 60 лет в ГРУ. – М., 2003. С. 63–68, 310.

РЦИХДНИ. Ф. 124, оп. 1, д. 1706, л. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 24; *Паршина Е.А.* Динамит для сеньориты: Документальная повесть. – М., 1989. С. 266; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. – СПб., М., 2003. С. 178–179.

Сухоруков М. Забытое имя. // Работница. 1989 год. № 10; *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ. – М., 2004. С. 475–479.

Семенов Григорий Иванович. //

http://artofwar.ru/g/gawrjuchenkow_j_f/text_0050.shtml.

Киперман С. Золото Сталина. //
[http://www.jewish.ru/history/press/2008/02/
news994259450.php](http://www.jewish.ru/history/press/2008/02/news994259450.php); Об «акции жидовских» ВЧК-НКВД. //
Дуэль. 2007 год. 25 сентября. № 39.

Федоров Н. Двигатель «перековки» (начальник
Дмитлага С.Г. Фирин). // [http://martyr.ru/
content/view/21/17/](http://martyr.ru/content/view/21/17/).

Позняков В.В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. – М., 2005. С. 313–314.

Щелоков И. Диверсантом он стал в Испании. // Братишка. 2006 год. № 1.

Никольский Н. Аквариум-2. – М., 1997. С.45–47.

Организация и ведение оперативной разведки при обороне Ленинграда и в период боев по снятию блокады Ленинграда. 13 апреля 1946 года. С. 22 // Док. Из личного архива авторов.

Старинов И.Г. Ошибки партизанской войны. // Малая война. Сб. – М., 1998. С. 169.

Хинштейн А.Е. Подземелье Лубянки. – М., 2005. С. 279.

Там же. С. 282, 287.

Хинштейн А.Е. Подземелье Лубянки. – М., 2005. С. 288, 289.

Лота В. О подвиге и подлости. // Красная Звезда.
2002 год. 16 февраля.

Боярский В.И. Партизаны и армия. История утерянных возможностей. – М., 2001. С. 139-140.

В начале книги мы договорились называть военную разведку вне зависимости от ее официального названия Разведупром, сейчас мы временно откажемся от этой идеи и будем давать в тексте ее официальные наименования.

Никольский В. «Аквариум-2». – М., 1999. С. 124-126.

Лота В. Тайные операции Второй мировой: Книга о военной разведке. 1944 год. – М., 2006. С. 236–237.

Там же. С. 241.

Там же. С. 246-247.

Там же. С. 246.

Никифоров А. Героические дела разведчиков-радиотов в годы Великой Отечественной войны. // Сб. «Звезда» вызывает «Центр». Радиоты ВОВ. – М., 2005. С. 174.

Прыжок в неизвестность. //

<http://muzeyrazvedki.narod.ru/pg011.htm>.

Поросков Н. Немцы против немцев. // Независимое военное обозрение. 1998. 27 февраля. № 8.

Ржевцев Ю. Глубинная разведка. // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-glubin.htm>.

Ржевцев Ю. Глубинная разведка. // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-glubin.htm>.

Ржевцев Ю. Глубинная разведка. // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-glubin.htm>.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 243-245.

Организация и ведение оперативной разведки при обороне Ленинграда и в период боев по снятию блокады Ленинграда. 13 апреля 1946 года. С. 20 // док. Из личного архива авторов.

Там же. С. 32.

Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 2. – М., 2000. С. 242.

Исторический очерк. Военная разведка России. – СПб., 1998. С. 59–62.

Колесников Ю. Морской спецназ. – М., 2004. С. 84.

Никифоров А. Героические дела разведчиков-радиотов в годы Великой Отечественной войны. // Сб. «Звезда» вызывает «Центр». Радисты ВОВ. – М., 2005. С. 170.

Поросков Н. «Химики» из Фатерлянда //Новости разведки и контрразведки. 1996. № 21.

Захаров И.З. За правое дело, за победу! – СПб., 1999.
С. 25.

Черный И. Данные достоверны. – М., 1972. С.32–33.

Никольский В. Аквариум-2. С. 148–149.

Люди молчаливого подвига. Кн.1. – М., 1987. С. 249.

Аркадьев Л. Заминированное сердце.//
<http://www.allabout.ru/a11015.html>

Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2003. С. 388.

Цит. по: *Лота В.* Операция «Возмездие». // Красная звезда. 2005 год. 5 февраля.

Зевелев А.И. и др. Ненависть, спрессованная в тол. – М., 1991. С. 125.

Пережогин В.А. Партизаны в Московской битве. – М., 1996. С. 205.

Золотарь И.Ф. Записки десантника. – М., 1960. С. 61-63.

Цит. по: *Павлов В.Я.* Превратить Восточный фронт в большую душегубку планировали немцы в 1943 году. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1.

Золотарь И.Ф. Записки десантника. – М., 1960. С. 63–65, 77.

Цит. по: *Павлов В.Я.* Превратить Восточный фронт в большую душегубку планировали немцы в 1943 году. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1.

Степичев М. «До встречи в Берлине...» // Правда.
1990. 31 мая.

Селеменев В.Д. Охота на палача: Историко-документальный очерк. – Минск., 2007. С. 55-56, 61-62.

Безвершенко Н. Тревоги и радости Марии. // Минский курьер. 2004. 22 мая. № 329.

Селеменев В.Д. Указ. соч. С. 134-136.

Нехай Р. Возмездие. / Сб. Люди легенды. Выпуск 3. – М., 1968. С. 291.

Климашевская И. Когда пробил час. / Сб. Люди легенд. Выпуск 2. – М., 1966. С. 272.

Нехай Р. Указ. соч. С. 285.

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. С. 57.

316

Партизанское движение в годы Великой
Отечественной войны 1941-1945 гг. //

<http://www.compositions.ru/?id=23>

Колпакиди А. Указ. соч. С. 86; Селеменев В.Д. Указ. соч. С. 77–78.

Мазаник Е.Г. Возмездие. – Минск, 1988. С. 107.

Зевелев А.И. и др. Ненависть, спрессованная в тол. – М., 1991. С. 129-130.

Зенькович Н. Кто взорвал Кубе. // Парламентская газета. 2002. 17 августа.

Смирнов Н. Под кличкой «Виктор». // Минский курьер. 2004. 11 июня. № 343; *Зевелев А.И. и др.* Указ. соч. С. 129-130; *Лапский В.* Человек из легенды // Известия. 1988. 7 мая. № 129.

Зенькович Н. Указ. соч.

323

Зенькович Н. Указ. соч.

Смирнов Н. Указ. соч.; Зевелев А.И. и др. Указ. соч. С. 129-130; Лапский В. Указ. соч..

Золотарь И.Ф. Записки десантника. – М., 1960. С. 165-171, 177-178, 181, 185.

Лукьянов Б. По заданию партизан. / Сб. Люди легенд.
Выпуск 3. – М., 1968. С. 475–476.

Золотарь И.Ф. Записки десантника. – М., 1960. С. 165-171, 177-178, 181, 185.

Там же. С. 193-195.

Лукьянов Б. По заданию партизан. / Сб. Люди легенд.
Выпуск 3. – М., 1968. С. 475–477.

Нехай Р. Возмездие. / Сб. Люди легенды. Выпуск 3. М., 1968. С. 291-293.

331

Там же. С. 290.

Там же. С. 295.

Мазаник Е.Г. Возмездие. – Минск, 1988.

Нехай Р. Указ. соч. С. 286.

Загорская М. Закадычные враги. // Ежемесячное приложение «Для служебного пользования» к «Белорусской деловой газете». 2003. 12 мая. № 16.

Лукьянов Б. Указ. соч. С. 475-477.

Безвершенко Н. Тревоги и радости Марии // Минский курьер. 2004. 22 мая. № 329.

Колпакиди А. Указ. соч. С. 85–86, 93.

История. // <http://www.frogclub.ru/history.shtml>.

Колесников Ю. Морской спецназ. – М., 2004. С. 29–30.

Пашиц В.Г. Подводный спецназ России. – М., 2006. С. 26-27.

Пашиц В.Г. Указ. соч. С. 43-50.

343

Пашиц В.Г. Указ. соч. С. 51-54.

Колесников Ю. Указ. соч. С. 29–30.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Морской спецназ. История (1938–1968 гг.). – СПб., 2001. С. 14.

Позднее выяснилось, что в роте оказался предатель – лейтенант Черных. За участие в войне с Финляндией он был награжден орденом Красного Знамени. В начале Великой Отечественной войны попал в плен к противнику и был завербован немецкой разведкой. Был переброшен в Ленинград и снабжен рацией. После разоблачения был приговорен к расстрелу. Высшую меру заменили штрафной ротой. Дальнейшая судьба неизвестна.

347

ЦВМА. Ф. 505, оп. 028603, д. 1, к. 1930, л. 69, 75.

348

ЦВМА. Ф. 505, оп. 028603, д. 1, к. 1930, л. 69, 77.

Гордон М., Мишуловин Г. Морской десант. // Известия. 2 октября 1941 г.

СИЗИКОВ Г. От Севастополя до Будапешта. // Братишка. 2007 год. № 6.

История. // <http://www.frogclub.ru/history.shtml>.

Сизиков Г. От Севастополя до Будапешта. // Братишка. 2007 год. № 6.

Колесников Ю. Указ. соч. С. 122.

Бычевский Б.В. Город – фронт. – М., 1963. С. 120.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 17.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 20.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 21.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 25.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М., 1989. С. 281.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 35.

Там же. С. 35-36.

Там же. С. 36.

История. // <http://www.frogclub.ru/history.shtml>.

Розин А. Десантные операции с ПЛ. // <http://alerozin.narod.ru/Sybmar.htm>; *Емельянов Л.А.* Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. Разведка. // <http://www.blokada.otrok.ru/blokada.otrok.ru/library/emel/23.htm>; 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С.В. и др., – М., 2008. С. 82–84.

Тарский Ю. На острие главного удара. // Братишка. 2007 год. Октябрь; *Иглаков А.* На связи: «Рамзай». // Сб. «Звезда» вызывает «Центр». – М., 2005. С. 94.

Леонов В.Н. Лицом к лицу. – М., 1957; *Бабилов М.А.* Их не называли в сводках: О разведчиках Отряда особого назначения Северного флота, действовавшего в годы Великой Отечественной войны. – М., 1987; *Бабилов М.А.* На восточном берегу. – Владивосток, 1985; *Бабилов М.А.* Морские разведчики. – Сыктывкар, 1966; и др.

Организация и ведение оперативной разведки при обороне Ленинграда и в период боев по снятию блокады Ленинграда. 13 апреля 1946 года. С. 9 // Док. из Личного архива авторов.

Письмо Г. Димитрова начальнику оперативного отдела ГРУ Генштаба РККА И. Большакову с заданием для отправляемых по линии ГРУ финских коммунистов. 16 сентября 1942 года. // Цит. по: Коминтерн и Финляндия. 1919-1943: Документы. – М., 2003. С. 353-354.

Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1968 год. С. 357-358.

Постановление бюро ЦК КП(б) Карело-Финской ССР «О состоянии и дальнейших задачах партизанского движения в республике». 11 августа 1941 года. // Цит. по: Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и мат. – Петрозаводск, 2005. С. 107-108.

Результаты деятельности разведывательно-диверсионных групп только за один месяц первого года войны. Данные на 04.10.1941 г. // Цит. по: Сб. Отныне не секретно... – Мурманск, 1995. С. 231.

Меньшинин А. Выполнение партизанской присяги в условиях Заполярья – высшая плата за победу. // Отечественные записки. 2004 год. № 6.

Доклад секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Куприянова в Центральный Комитет ВКП(б) «Об итогах деятельности партизан и подпольщиков». 20 сентября 1944 года. // Цит. по: Партизанская война в Карелии: Сб. ст. и мат. – Петрозаводск, 2005. С. 114.

Отношение И. Большакова Г. Димитрову относительно действий лесогвардейцев. 20 октября 1942 года. // Цит. по: Коминтерн и Финляндия. 1919–1943: Документы. – М., 2003. С. 354–355.

Леонов В.Н. Лицом к лицу. – М., 1957. С. 23-25.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 80-82.

Зюлковский Е. Группа «Михал» радирует. – М., 1976.
С. 84.

Зюлковский Е. Указ. соч. С. 134.

Там же. С. 152.

Зюлковский Е. Указ. соч. С. 8.

Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939-1945 годы. – М., 1987. С. 251, 280.

Гинцберг Л.И. Указ. соч. С. 280.

Назаревич Р. Варшавское восстание 1944 года. – М., 1989. С. 168.

Гинцберг Л.И. Указ. соч. С. 281.

Там же. С. 281-282.

Безыменский Л. Почему Уинстон Черчилль ответил отказом. // Новое время. 1988. № 36.

Сергеенко А.М. «Ход конем». // Советская Россия. 2004 год. 22 мая. № 67-68. См. также о работе на Балканах кн.: П.М. Михайлов. После заката – взлет. – М., 1988.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 161-162.

Маркелов А.Г. Торпедный веер. – Одесса, 1976. С. 9–10.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 161-162.

Емельянов Л.А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. Разведка. // <http://www.blokada.otrok.ru/blokada.otrok.ru/library/emel/23.htm>.

Маркелов А.Г. Указ. соч. С. 9-10.

Емельянов Л.А. Указ. мат.

Цит. по: *Линдер И.Б., Чуркин С.А.* Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919-1943. – М., 2005. С. 624-630.

Линдер И.Б. Указ. соч.С. 631-632.

Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
С. 162.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 40, 61.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 16-17.

Дубровка Н., Арутюнян А. К истории зарождения партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Особая партизанская бригада. // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Люди. События. Факты. – Великий Новгород, 2000. С. 52.

Мосолов И. Необычный рейд. – М., 1972. С. 24.

401

Там же. С. 150.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 62.

Мегера А. Военные разведчики в тылу врага. // Военно-исторический архив. 1998. № 3.

Никифоров А. Героические дела разведчиков-радиотов в годы Великой Отечественной войны. // Сб. «Звезда» вызывает «Центр». Радиоты ВОВ. – М., 2005. С. 169.

Разведывательно-диверсионная группа «Артур». // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-spiski0-r21.htm>.

Вербовочно-разведывательная группа «Атаман» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gupataman13.htm>.

Винницкий Л.Г. Указ. соч.С. 189–190, 192.

Люди молчаливого подвига. Кн. 1. – М., 1987. С. 249.

Там, где неизвестно кодовое имя командира подразделения (обычно по его имени называется и сама группа), указаны его фамилия и инициалы.

Винницкий Л.Г. Указ. соч.С. 40.

Манштейн Э. Утерянные победы. – М., СПб., 1999. С. 206; Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 75.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 124.

413

Разведывательная группа «Вол» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupvol10.htm>.

Никифоров А. Указ. соч. С. 168.

Разведывательно-диверсионная группа «Гроза» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupgroza14.htm>.

Винокурова В. «Джек» выходит на связь... // Братишка. 2006 год. № 6.

Разведывательно-диверсионная группа «Искра» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupiskra07.htm>.

Разведывательно-диверсионная группа «Каштан» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupkashtan20.htm>.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 28-29.

420

Там же. С. 40.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 84, 90, 91, 92.

Лота В. Тайные операции Второй мировой: Книга о военной разведке. 1944 год. – М., 2006. С. 241.

Разведывательно-диверсионная группа «Клен» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupklen12.htm>.

Разведывательная группа «Клык» //

<http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupklyk18.htm>

425

Разведывательная группа «Кросс» //

<http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupkross16.htm>.

426

Разведывательная группа «Лось» //

<http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gruplos08.htm>

Никифоров А. Указ. соч. С. 178.

428

Лота В. Указ. соч.С. 241.

Винокурова В. Указ. соч.

Партизанская разведывательная группа «Максим». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupmaksim02.htm>.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 95, 116-117, 128, 139, 143, 147.

Разведывательно-диверсионная группа «Мичиган». // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-spiski0-r23.htm>.

Разведывательно-диверсионная группа «Мороз». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gruppmoroz03.htm>.

Лота В. Указ. соч. С. 239.

435

Лота В. Указ. соч.С. 240.

Разведывательно-диверсионная группа «Неман». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupneman06.htm>.

Никифоров А. Указ. соч. С. 182.

438

Лота В. Указ. соч. С. 241.

439

Винокурова В. Указ. соч.

Разведывательная группа «Орион» // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gruporion15.htm>;
Разведгруппа «Орион». // <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-spiski0-r24.htm>.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 116.

Дмитриев Д.М. Военные партизаны. – М., 2006. С. 49–50.

443

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 44-49.

444

Там же. С. 41, 43-45.

445

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 50-51.

446

Лота В. Указ. соч. С. 241.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 118.

448

Там же.

Лота В. Указ. соч. С. 239.

Разведывательная группа «Сокол». //

<http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupsokol09.htm>.

Винницкий Л.Г. Указ. соч.. С. 39.

Разведывательная группа «Сталь». //

<http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupstal11.htm>.

Разведывательная группа «Тигр». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gruptigr04.htm>.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 48.

455

Там же. С. 127.

Разведывательно-диверсионная группа «Урал». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupura05l.htm>.

Радиофицированная группа «Харон». //

<http://www.muzeirazvedki.narod.ru/grupharon19.htm>.

458

Винокурова В. Указ. соч.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 58, 111, 124.

460

Там же. С. 71.

461

Агафонов Семен Михайлович. //
[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1348.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1348)

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 8, 41, 43-45; *Боярский В.И.* Диверсанты Западного фронта. Артур Спрогис и другие. Страницы памяти. – М., 2007. С. 361.

463

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 75.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С.В. и др. - М., 2008. С. 145; Бабилов Макарь Андреевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1247.

465

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97.

466

Боярский В.И. Указ. соч. С. 71–75, 255.

467

Банов Иван Николаевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1075.

Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. – М., 2005. С. 488, 497.

469

Барченко-Емельянов Иван Павлович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1350.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 255.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 113–116; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 117–118, 254.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч.С. 97, 120.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 120; *Боярский В.И.* Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 97-98; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97, 120.

Дмитриев Д.М. Указ. соч.. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97, 255, 257-258, 284.

Вершигора Петр Петрович. //

[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2156;](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2156)

Рязанов О. Человек с чистой совестью. // Братишка. 2006
год. № 4.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 70, 98.

Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. – М., 2005. С. 488, 497.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 70, 254.

Мосолов И. Необычный рейд. – М., 1972. С. 25, 27, 150.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 31, 83–85; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 70, 98, 254.

Гусев Б.С. За три часа до рассвета. – М., 1972.

Бринский А. У нас одна судьба. // Сб. Далеко за линией фронта: Документальные очерки о разведчиках. – М., 1988. С. 294-295.

486

Дмитриев Д.М. Указ. соч.. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97, 120.

Дмитриев Д.М. Указ. соч.С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 100; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 120; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 97.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 119.

492

Земцов Николай Андреевич. //
[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6141.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6141)

493

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 123.

494

Калинин Дмитрий Семенович. //
[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5240.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5240)

Лота В. Операция «Возмездие». // Красная Звезда. 2005 год. 1 февраля; Бринский Антон Петрович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1787;
Линьков Григорий Матвеевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6084;
Щербина Василий Васильевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7334;
Линьков Г. Война в тылу врага. – М., 1955. С. 272;
Бринский А. Боевые спутники мои. – Горький, 1964. С. 12.

496

Лота В. Указ. соч.

497

Лота В. Указ. соч.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 254.

499

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 53.

Василевич И. Далеко за линией фронта. // Сб. Далеко за линией фронта: Документальные очерки о разведчиках. – М., 1988. С. 297–345.

Бринский А. Указ. соч. С. 282–296.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 91; *Боярский В.И.* Указ. соч. С. 98, 255, 259–260.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 255.

504

Кравченко Федор Иосифович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2528.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 74.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 254.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9, 71; *Боярский В.И.* Указ. соч. С. 98.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 26-28, 115, 125-127.

Винницкий Л.Г. Указ. соч. С. 164.

Леонов Виктор Николаевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1095.; 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С. В. и др. - М., 2008. С. 144.

Лота В. Указ. соч.; Линьков Григорий Матвеевич. // [http://www.warheroes.ru/ hero/hero.asp?Hero_id=6084](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6084).

Мосолов И. Необычный рейд. – М., 1972. С. 25, 150.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 121.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 255.

515

Там же.

Никандров Александр Михайлович. // [http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp? Hero_id=7326](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7326); 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С. В. и др. – М., 2008. С. 147.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98, 254.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98, 254.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98, 255.

Разведывательно-диверсионная группа «Мороз». // <http://www.muzeirazvedki.narod.ru/gruppmoroz03.htm>; О командире. // <http://muzeirazvedki.narod.ru/komando.htm>.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 98–99; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 98, 205–206.

Шумилин Г. Александр Седов, он же... // Сб. Трагедия и подвиг. – М., 1991. С. 7–10.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 87–88; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 98, 122.

Колесников Ю. Морской спецназ. – М., 2004. С. 88.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 117.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч.. С. 98.

Колесников Ю. Морской спецназ. – М., 2004. С. 40–42.

Пашиц В.Г. Подводный спецназ России. – М., 2006. С. 42.

Пшеничных Андрей Петрович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1463.; 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Составители: Баленко С. В. и др. - М., 2008. С. 147.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 49–50; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 361.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 100.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 33–35; *Боярский В.И.*
Указ. соч. С. 75, 80–86, 98, 255, 361.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98, 255.

Лота В. Тайные операции Второй мировой: Книга о военной разведке. 1944 год. – М., 2006. С. 284–289.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 82–83.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; *Боярский В.И.* Указ. соч. С. 98, 131–134.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 54-55.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 129; Боярский В.И. Указ. соч. С. 70, 75, 98, 254, 260, 264.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

543

Боярский В.И. Указ. соч. С. 255.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 70, 98, 255.

545

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 88; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9, 70–74; Боярский В.И. Указ. соч. С. 95, 99–103, 104–106, 362.

547

Федоров Николай Петрович. //
http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7939

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 50.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98, 120.

Корневский М., Сгибнев А. Всех поименно помнил генерал. // Сб. Далеко за линией фронта: Документальные очерки о разведчиках. – М., 1988. С. 156-201.

Кореневский М., Сгибнев А. Указ. соч. С. 156–201.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 254.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; *Боярский В.И.* Указ. соч. С. 98, 203.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 95; *Боярский В.И.* Указ. соч. С. 98, 120, 255.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 8, 16, 44; Боярский В.И. Указ. соч. С. 120, 165, 167, 361.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9, 39-40; Боярский В.И. Указ. соч. М., 2007. С. 79-80.

Дорошенко В. Фриц Шменкель – советский партизан.
// Гудок. 2005 год. 19 мая; Шменкель Фриц Пауль. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1815.;
Летопись Минска. За годом год. // Минский курьер. 2008
год. 22 февраля.

Дмитриев Д.М. Указ. соч. С. 9; Боярский В.И. Указ. соч. С. 98.

Щербина Василий Васильевич. //

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7334.;

Линьков Г. Война в тылу врага. – М., 1955. С. 272.

Боярский В.И. Указ. соч. С. 75.

Колесников Ю. Морской спецназ. – М., 2004. С. 89.

Бреславский С. Спецназ нуждается в реформе. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 18 марта.

Щелоков И.Н. И в разведке – бригадный «подряд». // Спецназ. 2000. № 4–6.

Бреславский В.Е. Образ жизни – спецназ. // Спецназ.
2000. № 4-6.

Мильштейн М.А. Сквозь годы войн и нищеты. – М., 2000. С. 230.

Хрущев против Жукова (Из стенографического отчета октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС) // Гласность. 3 октября 1991 г..

Хрущев против Жукова (Из стенографического отчета октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС) // Гласность. 3 октября 1991 г.

Бреславский С. Спецназ нуждается в реформе. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 18 марта.

Щелоков И.Н. И в разведке – бригадный «подряд». // Спецназ. 2000. № 4–6.

Исаев Л.Т. Время извлекать уроки. // Спецназ. 2000.
№ 4-6.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А., – М., 2005. С. 74.

573

15-я обр СпН. // [http://www.spec-naz.org/index.php?
ind=reviews&op=entry_view&iden=310](http://www.spec-naz.org/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=310)

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Морской спецназ. История (1938–1968 гг.). – СПб., 2001. С. 41–42.

575

Там же. С. 42.

576

Там же.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 48.

«Взорвала» в переносном смысле этого слова. На учениях требуется вывести из строя блок управления ядерного боеприпаса, т.к. разрушение его самого может спровоцировать ядерный взрыв.

Зарембовский В.Л., Колесников Ю.И. Указ. соч. С. 57.

Батагин Александр Иванович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1202.; 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С. В. и др. С. 149.

581

Сластена Валерий Семенович. //

[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2888.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2888)

Бреславский С. Спецназ нуждается в реформе. // Независимое военное обозрение. 2005 год. 18 марта.

Цит. по: 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 57.

Дементьев А. Я командовал «мусульманским батальоном». // Братишка. 2007 год. Октябрь.

Марковский В., Мильяченко В. Афганистан. Война разведок. – М., 2001. С. 62.

586

Марковский В., Мильяченко В. Указ. соч. С. 47.

587

Там же. С. 54.

588

Там же. С. 47.

Марковский В., Мильяченко В. Указ. соч. С. 54.

Герасимов Д.М. 22-я бригада – гроза душманских караванов. // Спецназ. 2000. № 4-6.

Марковский В., Мильяченко В. Указ. соч. С. 68.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Указ. соч. С. 113.

Сухолесский А.В., Мусиенко А.В. Спецназ ГРУ в Афганистане, 1979-1989 гг. Иллюстрированный альбом. – М., 2006. С. 9.

594

Там же. С. 8.

15-я обр СпН. // http://www.спс-наз.орг/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=310; *Сухолесский А.В., Мусиенко А.В.* Указ. соч. С. 9.

Сухолесский А.В., Мусиенко А.В. Указ. соч. С. 9.

15-я обр СпН. // http://www.спс-наз.орг/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=310; *Сухолесский А.В., Мусиенко А.В.* Указ. соч. С. 8.

Сухолесский А.В., Мусиенко А.В. Указ. соч. С. 9.

599

Там же.

600

Сухолесский А.В., Мусиенко А.В. Указ. соч. С. 8.

601

Там же.

602

Там же.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. С. 122.

604

Арсенов Валерий Викторович. //

[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2492.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2492)

605

Горошко Ярослав Павлович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2552.

606

Исламов Юрий Верикович. //
http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2547.

Козлов С. Судьба офицера. //

<http://www.agentura.ru/library/spetsnaz50/kolesnik/>.

Бреславский С.В. Бой у кишлака Дури. // Ленинское знамя. 1988 год. 14 июля № 162.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. С. 30.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 43.

Шкурлатов Р. Боевые пловцы: не зная слова «невозможно». // Братишка. 2005 год. № 12.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., и др. – М., 2008. С. 61.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 38-39.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 40-41.

Там же. С. 34-35.

Четвертый этап. 1989-1994 (развал СССР и его последствия) // <http://www.agentura.ru/specnaz/gru/4etap/>.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост. Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 202; *Шкурлатов Р.* Боевые пловцы: не зная слова «невозможно». // Братишка. 2005 год. № 12; *Иванов В.* Метод Авинкина. // Братишка. 2001. № 8; 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского Флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 61.

ПЗРК «Стингер» – американский переносной зенитно-ракетный комплекс, предназначенный для поражения низколетящих воздушных целей (самолетов, вертолетов, беспилотных летательных аппаратов).

Козлов С. Первая гвардия Российской Федерации. // Братишка. 2006. № 7.

Шкурлатов Р. Боевые пловцы: не зная слова «невозможно». // Братишка. 2005. № 12.; 60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 22, 74–75.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 23, 92-93.

622

Третий этап. 1979-1989 (афганский). //

<http://www.agentura.ru/specnaz/gru/3etap/>.

Козлов С. Они ковали славу армейского спецназа. // Братишка. 2000 год. № 2.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 22, 86.

Кистень А. Маравары. // Братишка. 2001 год. № 8.

Козлов С. Заполярные разведчики штурмуют норвежские фьорды. // Братишка. 2006. № 6.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 86.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 128-129.

Козлов С. Заполярные разведчики штурмуют норвежские фьорды. // Братишка. 2006. № 6.

60-летие Российских воинских частей специального назначения Военно-морского флота Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В. и др. – М., 2008. С. 22, 46.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост. :Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 81.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост. :Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 149.

Гриднев Вадим Алексеевич. //
[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8734;](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8734)
Павлюткин В. «Вновь на задание уходит разведка...». //
Братишка. 2000. № 12.

Днепровский Андрей Владимирович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5088.;
Белдигов А. В школе навечно. // Красная Звезда. 2004
год. 19 августа.

Долонин Владислав Александрович. // [http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp? Hero_id=7198](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7198).; 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 152.

Ермаков Виталий Юрьевич. //
http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6611.; 55
лет соединениям и частям специального назначения
Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.:
Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С.
158.

Лушников А. Тайна школьной тетради. // Алтайская правда. 2005 год. 7 июля.

Прыганов С. Последний бой. // Труд. 2001. 21 декабря.

«Признание о взрывах домов в Москве и Дагестане я давал под пытками». // Новая газета. 2002 год. 2 декабря. № 89.

640

Калинин Александр Анатольевич. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7414.

Чеботарев А. Защита Кокинаева. // Солидарность. 2004 год. 28 апреля. № 15; 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 156.

Конопелькин Евгений Николаевич. // [http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp? Hero_id=8663.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8663); 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 148.

Ищенко С. Сбор, товарищи офицеры! // Труд. 2003 год. 22 февраля. № 34; 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 152.

Иванюк И. Тепло сердец – детям. // Красная Звезда. 2002 год. 11 января; 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 150.

Расщепкин К. И будут сниться эти горы...// Красная Звезда. 2002 год. 2 августа; *Бабченко А.* Шагнул в бессмертие... // Братишка. 2005 год. № 2; Лайс Александр Викторович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6331.

646

Будет улица Лелюха. // Вечерний Новосибирск. 2000 год. 13 сентября; Лелюх Игорь Викторович. // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7370.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 150.

648

Непяхин Андрей Анатольевич. //
http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp? Hero_id=8528;
Прокопенко С. Возвращение души. // Братишка. 2000 год.
№ 6.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 153.

Алленова О. «На войне кровной мести не бывает». // Власть. 2004 год. 17 мая. № 19.

Потапова Т. Благотворительность без посредников. С помощью ТНК в рязанской школе № 42 открыт музей героя России Алексея Родина. // Новая газета. Рязань. 2004 год. 8-15 марта. № 9; 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 154.

Расщепкин К. Пусть сбудутся ваши надежды! // Красная Звезда. 2006 год. 22 февраля; *Расщепкин К.* И за десант, и за спецназ! // Красная Звезда. 2006. 22 февраля; 55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 158.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 155.

654

Самойлов Сергей Вячеславович. //

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8567.

655

Сафин Дмитрий Анатольевич. //

[http://www.svu.ru/index.sema?a=articles&pid=6&id=663.](http://www.svu.ru/index.sema?a=articles&pid=6&id=663)

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 151.

657

Белоусов Ю. Две секунды на подвиг. // Красная Звезда. 2001 год. 17 февраля.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 151.

55 лет соединениям и частям специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Альбом. Сост.: Баленко С.В., Пронькин Н.Н., Устинов А.А. – М., 2005. С. 158.

Белоусов Ю. Обелиск. // Красная Звезда. 2000 год. 23 декабря; Белоусов Ю. Сержантский форум на Урале. // Красная звезда. 2007 год. 29 ноября.

661

Яценко Петр Карлович. //
[http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2180.](http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2180)

В данном разделе даны краткие сведения о бригадах спецназа современной России. Информация об МРП, а также фамилии командиров соединений спецназа – в предыдущем разделе.

Козлов С. Шестой этап. 1998 год – настоящее время. Дагестан и вторая чеченская кампания. // <http://www.agentura.ru/specnaz/gru/betap/>; *Козлов С.* Первая гвардия Российской Федерации. // Братишка. 2006, № 7.

664

Будет улица Лелюха. // Вечерний Новосибирск. 2000,
13 сентября.

665

В документе сохранены стиль, орфография и пунктуация.

666

Здесь и далее тактико-технические характеристики не публикуются.